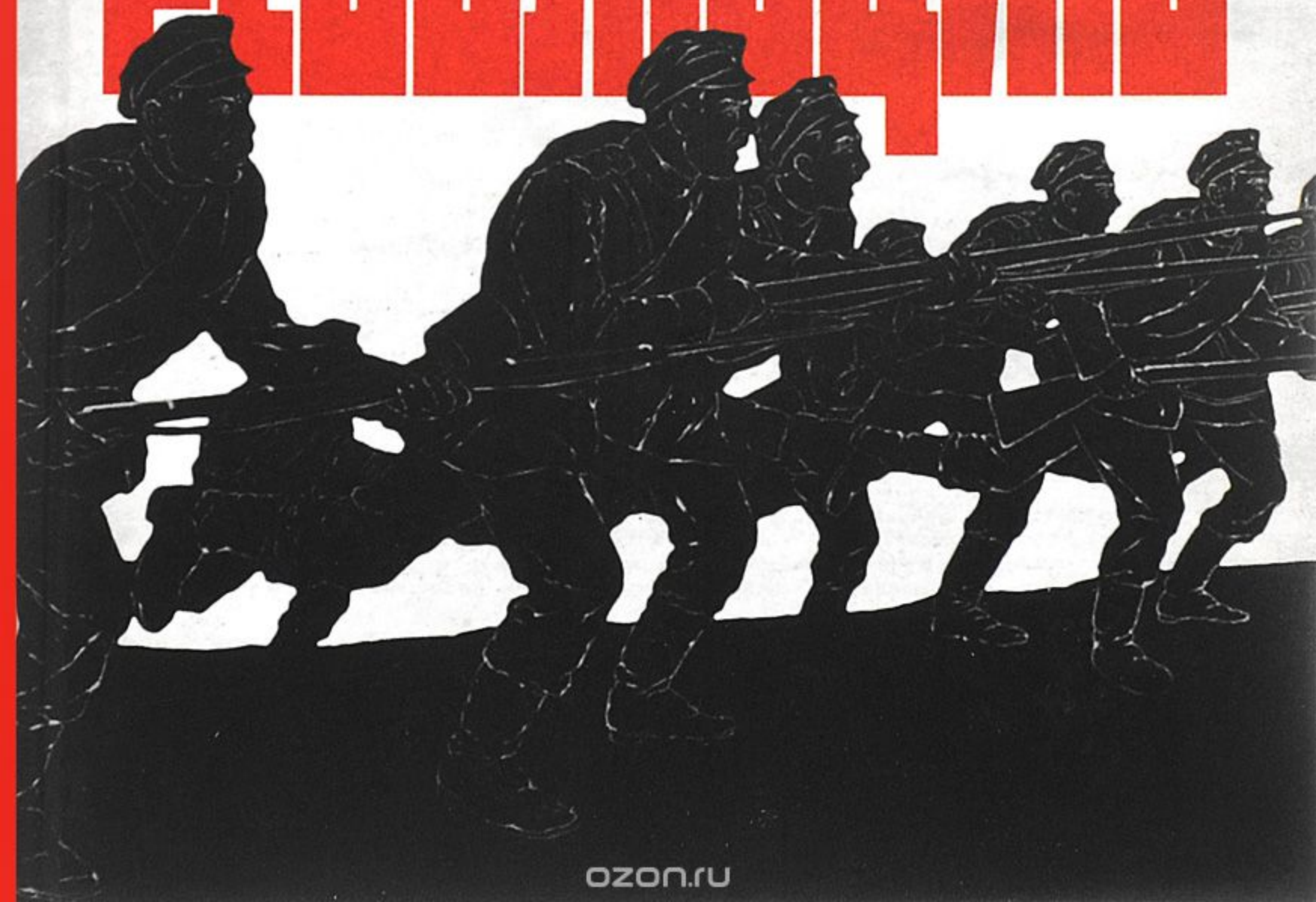

В. П. БУЛДАКОВ Т. Г. ЛЕОНТЬЕВА

ВОЙНА ПОРОДИВШАЯ

РЕВОЛЮЦИЮ

ЛЕОНТЬЕВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА,
 доктор исторических наук, профес-
 сор, декан исторического факуль-
 тета Тверского государственного
 университета, председатель Совета
 Тверского отделения Российского
 исторического общества, руково-
 дитель Научно-исследовательского
 центра церковной истории и право-
 славной культуры им. проф. В.В. Бо-
 лотова, главный редактор журнала
 «Вестник Тверского государственного
 университета. Серия «История».
 Специалист по истории российского
 православного духовенства. Автор
 более 200 научных трудов, в том чис-
 ле монографий: «Вера и прогресс:
 Православное сельское духовенство
 России во второй половине XIX —
 начале XX вв.» (М., Новый хроно-
 граф. 2002); «Священник Иоанн
 Белюстин: биография в документах»
 (М., Тверь, СФК-офис. 2012).

БУЛДАКОВ ВЛАДИМИР ПРОХОРОВИЧ,
 доктор исторических наук, главный
 научный сотрудник Института рос-
 сийской истории РАН, автор более
 400 научных и научно-публицисти-
 ческих работ.

Область научных интересов: кри-
 зисные ситуации в истории России,
 массовая психология и психопатоло-
 гия, этнические конфликты, массовая
 культура, Первая мировая война,
 революция 1917 г., постреволюцион-
 ная Россия, историография и методо-
 логия исторического исследования.
 Книги последних лет: Quo vadis?
 Кризисы в России: пути переосмыс-
 ления. М.: РОССПЭН, 2007; Красная
 смута. Природа и последствия рево-
 люционного насилия. Изд. 2-е, доп.
 М.: РОССПЭН, 2010; Хаос и этнос.
 Этнические конфликты в России,
 1917–1918 гг.: Условия возникнове-
 ния, хроника, комментарии, анализ.
 М.: Новый хронограф. 2010; Утопия,
 агрессия, власть. Психосоциаль-
 ная динамика постреволюционного
 времени. Россия, 1920–1930 гг. М.,
 РОССПЭН, 2012.

Тверской государственный университет

**В. П. БУЛДАКОВ
Т. Г. ЛЕОНТЬЕВА**

**ВОЙНА,
ПОРОДИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ
РОССИЯ, 1914–1917 гг.**

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Современные исследования

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Буддаков В.П.
д-р истор. наук

Вишневский А.Г.
д-р эконом. наук

Горшков М.К.
акад. РАН
председатель

Давыдов А.П.
д-р культурологии
зам. председателя

Иванов А.Е.
д-р ист. наук

Туманова А.С.
д-р ист. наук
д-р юрид. наук

Федотова В.Г.
д-р филос. наук

Яковенко И.Г.
д-р филос. наук

УДК 323.272(091)(47+57)1914»-05
ББК 63.3(2)534-28
Б90

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках ФЦП «Культура России»*

Рецензенты:

*В. В. Шелохаев, доктор исторических наук, профессор
К. А. Соловьев, доктор исторических наук, профессор*

Булдаков, В. П.

Война, породившая революцию / Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. –
М.: Новый хронограф, 2015. – 720 с. – (Серия «Российское общество.
Современные исследования»). – ISBN 978-5-94881-292-2
И. Леонтьева, Т. Г.

В отличие от победоносных союзников Россия не выдержала испытания Первой мировой войной. Авторы объясняют, в силу каких объективных и субъективных причин это произошло. В центре их внимания – наименее исследованная проблема: психология восприятия войны различными слоями российского общества. Помимо привычного круга источников к исследованию привлечена масса опубликованных и неопубликованных документов личного происхождения: воспоминаний, дневников, писем. На основании их анализа авторы последовательно вскрывают природу патриотического подъема начала войны, причины утасания веры в победу, истоки недовольства царской властью. Книга показывает, что революция выросла не столько из развала экономики и тягот быта, сколько из неоправданных ожиданий, связанных с обещанной победой. Церковь и духовенство не смогли противостоять деморализации общества. В таких условиях пришедшие к власти в 1917 г. либералы и социалисты не сумели убедить народ продолжать войну, открыв тем самым дорогу революционной утопии.

ISBN 978-5-94881-292-2

© Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г., 2015
© Издательство «Новый хронограф», 2015

Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках?
Рассказать обо всех мертвецах-подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?..

Горгий Иванов

От авторов

Люди хотят «лучшего» прошлого, чтобы комфортнее чувствовать себя в настоящем и без помех мечтать о «достойном» для себя будущем. Пугающие страхи, копошащиеся в исторической памяти, строго говоря, лишь мешают боязливому людскому воображению. Отсюда вечное стремление к «переписыванию» истории.

Вместе с тем бывают времена, когда готовность к историографическому самообману становится навязчивой. Сегодняшний россиянин убежден, что его в очередной раз «обделили», и потому надо найти и наказать «виновника» – хотя бы символически. Поэтому он легко соглашается, что во всем виноваты творцы революции, «укравшие» в 1917 г. победу у великой империи. И эта точка зрения становится все более распространенной.

Оказывается, что Россия была готова к Первой мировой войне и/или успела мобилизовать ресурсы для ее победоносного завершения. Утверждается также, что пошатнувшаяся экономическая ситуация стабилизировалась в ходе войны. Если так, то революцию подготовили «заговорщики» (количество которых стремится к бесконечности, подобно численности чертей на конце иглы). И хотя российская экономика непрерывно модернизировалась, а жизнь была терпимой, «наивный» народ оказался в плену у демагогов, чье искусство обольщения имело поистине inferнальное происхождение.

История издавна складывалась в антологию рассказов о гениях и злодеях, королях и бунтарях, преобразовавшихся со временем в состояние «объективных» данных и «досадных» случайностей. Места, отводимого в ней «истории людей», оставалось немного. Да и сегодняшняя «социальная» история в России порой предстает историей безликой массы, способной действовать лишь по указке «вождей». И подобные подходы устраивают людей в той мере, в какой они остаются несамостоятельными в мыслях и действиях.

Попытки выстраивания «понятного прошлого» обычно разворачиваются в дискурсе экономики и политики. Такой подход страдает близорукостью сегодняшнего дня. Экономическому «осмыслению» истории «помогают» соответствующие – якобы универсальные –

статистические данные. Политика давних лет подразумевает якобы извечное состязание «государственных мужей» и «заговорщиков». Правители в агиографических сочинениях предстают либо умными (скольких глупостей, по понятиям Клио, они бы ни натворили), либо «безумцами», которым можно предъявлять какой угодно счет за все, что угодно. Их противники выступают в роли то спасителей, то злодеев – здесь также срабатывает нарциссистское стремление к «нравственным» переоценкам прошлого. Отсюда и переписывание «своей» и «чужой» истории соответственно легкомысленным запросам сегодняшнего дня.

Обыденному сознанию недосуг погружаться в дела давно минувших дней. Еще труднее усвоить, что все источники лукавят, хотя каждый по-своему. Социологизирующие обществоведы тем более не без греха. Они с трудом допускают мысль, что всякий документ «врет» нашему современнику уже потому, что изъясняется на языке своей эпохи, не говоря уже о его жанровом своеобразии или ведомственном сленге.

На этом фоне задача историка элементарна: «разговорить» эпоху так, чтобы она высказалась на собственном языке, но так, чтобы он стал понятен сегодняшнему человеку. Главное – не допускать «спрямления» прошлого в угоду потребительским запросам настоящего.

Историю всегда хотели превратить в служанку политики. Попытаемся же объяснить, почему в величайшем мировом столкновении Россия оказалась потерпевшей стороной, а революция сделалась неизбежной, вопреки господствующему желанию получить из прошлого «вдохновляющее» известие. В общем, это попытка сделать то, чего так не любит официальная патриотика: рассказать о причинах и путях саморазложения и саморазрушения общества в критических обстоятельствах. В известном смысле это рассказ не о народных достоинствах – реальных и мнимых, – которыми привыкла манипулировать придворная пропаганда, а о силах внутренней деструкции – обычных для всякого общества, – которые патерналистская власть старается самоубийственно запрятать внутрь.

Не стоит недооценивать историографического значения человеческого легковерия. Историк, от которого и власть, и обыватель, как всегда, домогаются доступного их пониманию прошлого, тем более трудно противостоять соблазнам мифотворчества. «Тьмы низких истин мне дороже / нас возвышающий обман», – заметил в свое время поэт. Данная книга рассчитана на людей, которые не привыкли утешать себя «героическими» и «оптимистическими» выдумками из «патриотических» соображений. Цена подобной «памяти о прошлом» может быть слишком велика: человеку, «блуждающему в потемках», суждено постоянно спотыкаться и падать в неведомые провалы.

Эта книга о такой войне, какой она виделась ее современникам, по-своему попытавшимся понять и исправить ее последствия. Сегодня сквозь туман исторической памяти, историографических недоразумений и «историософских» фантазий ее образ кажется совсем иным. Чтобы по возможности исправить аберрацию исторического зрения (и социального воображения), упор делается на источники личного происхождения. Многие из них, особенно воспоминания, знакомы достаточно широкому кругу читателей. Менее известны материалы перлюстрированной переписки частных и даже официальных лиц, которых мнительная власть признавала «опасными» для своего существования. В том, что круг их оказался столь широк – от министров до сепаратистов, от митрополитов до революционеров, – уже кроется одна из «тайн» *такой* власти.

Иначе говоря, это попытка рассказа о человеческих иллюзиях и заблуждениях, столь похожих на страсти современности, о нераспознанных «дураках» и «подлецах», которые, несмотря ни на что, также заслуживают снисхождения. Ибо сказано – «не судите и не судимы будете». Мы не лучше тех, кого проклинаем.

Может возникнуть резонный вопрос: насколько объективно можно судить о происходящем на основании агрегированных эмоций ошалевших людей, попросту говоря, человеческой «дури»? Позволим себе «методологическое» пояснение: конечный результат (не путать с формальным итогом!) синергетических процессов (все-возможных войн и смут) определяет «тонкая материя» исторического бытия, переполненная «безумными» человеческими страстями. Все это легко – произвольно и/или непроизвольно – уловила великая русская литература задолго до описываемых событий. Ее профетические предчувствия и сегодня могут посрамить историков-позитивистов, упорно прячущихся от якобы излишнего исторического «шума» за частоколом «объективных» показателей.

По большому счету всякую внешнюю картину исторического бытия следует пропускать через фильтр того, что именуется природой человека. Обычно исследователи поступают с точностью до наоборот, забывая, что «характер – это судьба», причем судьба целых народов. Забвение этой истины – отголосок религиозной веры в тех самых «мировых дураков», о которых писал отчаявшийся поэт.

Предисловие

ОТ МИФОВ ВОЙНЫ К ЭМОЦИЯМ СОВРЕМЕННОСТИ

Первую мировую войну описывали по-разному, сходясь, однако, на том, что это великая война. В России много говорили и о «Новой Отечественной войне», и о столкновении культур, называли ее «Большой войной». Кажется, все соглашались, что война радикально изменила не только геополитический, но и культурный ландшафт человечества. Забывают только о том, что она начиналась как война великих, точнее – непомерных, причем всеобщих, надежд, неслучайно обернувшихся катастрофическими потерями.

В истории всем воздается по вере. И потому стоит задуматься, с какой верой, с какими суевериями, с какими иллюзиями и всевозможными – архаичными и новообретенными – предрассудками человечество вступило в войну. Иначе мы никогда не подойдем к пониманию мира, в котором живем – точно так же, как не понимали его столетие назад. Вопрос касается прошлой и нынешней дезориентированности людей в окружающем мире со всеми вытекающими из этого состояния последствиями.

В современной историографии нет единства мнений по вопросу о причинах, породивших Первую мировую войну. Одни авторы находят ее «случайной», другие, напротив, настаивают на «закономерности» произошедшей катастрофы. Вероятно, стоило бы исходить из того, что «случайность» – это «намеки Клио» на существование закономерностей, уловить которые мы пока не в состоянии. Но подобной логике обычно противостоит безвольный самообман, помноженный на «национальную гордыню».

К концу XX столетия в сознании историков закрепилось представление о том, что его ключевым событием стала именно *эта* Война – все последующие его коллизии можно отнести к числу ее видимых или скрытых последствий¹. Однако до недавнего времени

¹ См.: Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю. А. Писарева и В. Л. Малькова. М., 1994. С. 4; Facing Armageddon: The First World War Experienced / Ed. by H. Cecil and P. Liddle. L., 1996. P. XVI; Winter J., Bagget B. The Great War and the Shaping of the Twentieth Century. NY., 1996; The

воспоминания о войне в России оставались заслонены фантастическим обликом «перевернувшей мир» Октябрьской революции. Этому не стоит удивляться: если первая оставила в душах людей непреходящую горечь поражения, то со второй связывалась иллюзия его триумфального преодоления. Сегодня ситуация поменялась на противоположную. Но и этому не стоит удивляться.

Российские историки – как и общественное сознание в целом – имеют обыкновение кидаться из крайности в крайность. Тем временем западные исследователи, усомнившись в патриотическом «духе 1914 года», пришли к выводу, что сложившееся представление о нем даже в Германии относилось не столько к реалиям, сколько к области политической идеологии². Некоторые российские авторы тут же кинулись вдогонку, заключив, что в России патриотические умонастроения имели как общие, так и «сугубо российские черты, определяемые спецификой русского национального самосознания, менталитета и социального облика массовых слоев»³. Увы, подобную «емкую» характеристику можно подклеить к любому явлению российской истории.

Обществоведы давно научились прятать свои профессиональные слабости за дымовой завесой ученой риторики. «Патриотичным» историографам такие приемы кажутся излишними. «До сих пор в нашей стране преобладают представления, будто Россия в основном терпела поражения, ее экономика развалилась, людские резервы иссякли, свирепствовал голод, а недееспособное самодержавие вело страну путем измены. Но все обстояло далеко не так, – полагает В.А. Никонов. – К моменту Февральской революции Россия была готова к успешному продолжению военных действий...»⁴. Получается, что революцию подготовили безответственные «заговорщики» – начиная с членов великокняжеской семьи и заканчивая зловредными социалистами⁵. Согласно этой логике, сытый народ готов был воевать «за Веру, Царя и Отечество», но его неожиданно «бес попутал».

Не стоит думать, что конспирологические представления – неременный спутник одних лишь слабых и продажных умов. Они –

First World War as a Clash of Cultures / Ed. by F. Bridgham. Rochester; NY, 2006. P. 1; Black J. The Great War and the Making of the Modern World. L.; NY, 2011. P. 236; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М., 2014. С. 23.

² Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006. P. 1–12, 232, 134.

³ Поршнев О. С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 196.

⁴ Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конференции. Москва, 8 декабря 2010 г. М., 2011. С. 7.

⁵ Никонов В. А. Крушение России. 1917. М., 2011. С. 474–550.

неизбежное порождение патерналистской социальной среды, становящейся беспомощной перед вызовами времени в связи с утратой авторитарно-духовного начала. Приходится учитывать и то, что демагоги современности особенно охотно используют «готовые» на все времена иллюзии прошлого. Историографические наивности удивительно однообразны: на месте «дурака истории» непременно появится изощренный заговорщик.

Впрочем, к началу войны, казалось, «поглупела» вся Европа. Война начиналась как война непомерных надежд. И на то были свои «объективные» причины.

Европейский мир вступил в XX в. в условиях невиданного «демографического перегрева» с сопутствующим омоложением населения и маскулинным гендерным «перекосом», вызвавшими непредсказуемый скачок социальной агрессивности. Вместе с тем в результате промышленно-технологического прогресса и роста общественного богатства бывшие социальные страхи отступили перед иллюзией всемогущества человека. Информационная революция (пресса, телеграф, телефон, кинематограф) привела, в свою очередь, к расхождению между реальным и умозрительным в сознании людей – образ их мысли стал авантюристичным; иммунитет против пандемий разрушительных идей оказался утрачен. Мир «уплотнился», массы стали более внушаемыми. Этому способствовала резкая социализация науки – ученые словно специально спустились с университетских кафедр и вышли из «таинственных» лабораторий, чтобы поведать «профанам» нечто не подлежащее сомнению.

Однако не только правящие верхи, но и европейские элиты продолжали мыслить по старым – квазифеодальным – геополитическим шаблонам. Между тем всякая технологическая революция до такой степени усложняет информационное пространство, что люди, народы, страны, государства начинают вести себя непредсказуемо. В данном случае ситуация усугублялась тем, что призраки будущего незримо девальвировали ценность «маленькой» человеческой жизни.

Несколько десятилетий относительно спокойного, почти бесконфликтного развития европейских стран обернулись нарастанием смутного напряжения и в политических элитах, и в массах. Экономисты доказывали, что военные столкновения в Европе теперь исключены из-за необычайно тесных межгосударственных финансовых связей, а политики тем временем заключали явные и тайные союзы против соседних государств. Еще опаснее было то, что среди обывателей усиливалось нетерпеливое ожидание грядущего «чуда»: «маленькой победоносной войны» или «революционной бури». Неожиданно появилось ощущение, что все предшествующее было лишь преддверием «настоящей» жизни. В Германии заговорили об «омоложении», «очистительной ванне», «выведении шла-

ков из организма»; в России вошли в моду художественные произведения, воспевающие смерть и разрушение как эстетическую реальность, и даже в кличках скаковых лошадей (Бомба, Террор, Радикал, Заговорщик, Баррикада) звучало сладострастное ожидание грандиозных событий⁶.

Насилие – производное от страхов имманентной депрограммированности – заложено в природе человека. К сожалению, историки пока еще не умеют описать механизмы, заставляющие «цивилизованные» людские сообщества периодически «терять рассудок». Здесь не помогут кондратьевские «технологические циклы»: в их расплывчатых «стадиях» теряет смысл всякая конкретная информация. И, конечно, доводы о том, что люди сами – даже того не замечая – творят свою историю, уступают место всевозможным конспирологическим домыслам.

Как бы то ни было, к началу XX в. весь европейский мир подобно «Титанику» беспечно устремился по знакомому, казалось бы, курсу. Сама по себе перспектива утрат, а не привычного наращивания новых богатств, казалась нелепой. Еще сложнее было представить, что культурный универсализм Европы развалится под натиском оголтелых «провинциальных» национализмов. Хотя пророчества Маркса были широко известны, тогдашние социалисты в большинстве своем склонялись к тому, что классовые противоречия могут быть сглажены реформистским путем. Но были и те, кто навсегда уверовал, что всякое глобальное потрясение способно революционизировать массы ради прорыва в «светлое будущее». А тем временем прежние людские сообщества дробились, перемалывались, самопожирались, возрастала роль всевозможных маргиналов, собиравших вокруг себя новые, куда более агрессивные социумы. Этого не замечали.

Можно сказать, что мир сошел с ума. Но чтобы разобраться, почему это случилось, придется начать с предположения, что каждая страна сделала это по-своему. И в том, что война смогла состояться, Российская империя сыграла немалую роль самым фактом своего существования. То же самое можно сказать и о значении поражения России для судеб послевоенного мира.

С точки зрения внутренних особенностей переживаемого момента, а также таких факторов, как географическое пространство, ресурсы, социокультурное своеобразие, трудно вообразить что-либо более абсурдное, чем участие России в войне, способной перечеркнуть все ее усилия на протяжении последних пятидесяти лет. Зачем была «большая» война империи, столь дорого заплатившей за поражение в «малой» – русско-японской? Но случилось худшее – в 1917 г. гигантская держава предстала перед изумленным миром

⁶ *Могильнер М. Б.* Мифология «подпольного человека»: радикальный микроскоп в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999, С. 62.

едва ли не инициатором собственного краха. На то были свои причины, которые упорно не принимались во внимание современниками.

«Тот иностранец, который посетил бы С.-Петербург в 1914 году, перед самоубийством Европы, почувствовал бы непреодолимое желание остаться навсегда в блестящей столице российских Императоров, соединявшей в себе классическую красоту прямых перспектив с приятным, увлекающим укладом жизни, космополитическим по форме, но чисто русским по своей сущности», – вспоминал великий князь Александр Михайлович⁷. Вряд ли он сознавал многозначительность сказанного. Самый вид европеизированной столицы, словно смеющейся над российским прошлым, надежно законсервированным в сознании крестьянского большинства, уже таил в себе намек на возможную катастрофу. Для этого достаточно было того, чтобы вечное как мир противостояние старого и нового предстало гипертрофированным «классово антагонистичным» противоречием.

Между тем российская политическая культура тяготела не к прагматичному соглашению между людьми, а к достижению «высшего» единства между ними во имя неведомого идеала под эгидой упорно идеализируемой власти. И память о том, что «соборное» равновесие то и дело прерывалось смутами, была легкомысленно выброшена на барахолку истории.

Однако новый век не просто напомнил о былых превратностях исторического пути России. Ее прежние слабости и противоречия болезненно наложились на глобалистские реалии мировой истории. Сказался фактор «инфекции идей» – иные из них оказались особенно болезнетворными для российского культурного пространства. Россия особенно дорого заплатила за роковые решения 1914 г., хотя по-своему воздалось всем.

Нельзя сказать, чтобы об ужасах и последствиях грядущей войны не предупреждали – цепь предостережений, звучавших повсеместно, тянулась с конца XIX в. Правда, одни предрекали разгром Германии, другие – России, третьи писали о гибели европейской цивилизации вообще. Звучали и прогнозы о том, что через несколько десятилетий Россия – наиболее динамично развивающаяся страна Старого Света – станет гегемоном европейской цивилизации. Мир заплутал между примордиалистскими страхами и прогрессистскими иллюзиями.

Предсказывали разное. Кое-кто считал, что самая жестокая участь ожидает Россию, которой вряд ли суждено уцелеть в качестве целостного, самостоятельного государства. Пугали и тем, что, несмотря на обилие техники, применяемой на земле, на воде и в воздухе, война станет «окопной», а потому невероятно изнуритель-

⁷ Последние дни последнего царя. М., 1991. С. 85.

ной; что за ней непременно последуют всеобщее расстройство экономики и финансов, безработица, революции, погружение послевоенной Европы в нищету, а затем новая война, в которой Россия объединится с Германией против Англии. Но чего стоили эти глобалистские страшилки на фоне эгоистичного азарта одномоментного решения застарелых межгосударственных и внутрисполитических проблем? Да и соблазн более выгодного подключения национальных экономик к мировым ресурсам был непомерно велик.

Об опасностях вязывания России в войну многие говорили задолго до ее начала. Но зачем было вспоминать об этом, если рядом с ними звучали предсказания о грядущем возвышении славянской расы, которая не только «оседлает» Босфор и Дарданеллы, но и получит выход к Индийскому океану? Казалось, правители вели себя на манер азартных игроков. Многочисленные массы, надеявшиеся отщипнуть кое-что от соблазнительно вздувшегося мирового пирога, тем более не задумывались о человеческой «цене прогресса».

Спровоцировавшее войну сараевское убийство было скорее парадоксальным, нежели загадочным. В 1910–1914 гг. в Европе произошло около 40 покушений на государственных и военных деятелей. На их фоне данный случай можно отнести к разряду террористических нелепостей. Несовершеннолетний убийца Гаврило Принцип из организации «Молодая Босния» заявил на суде, что рассчитывал вызвать революцию в Австро-Венгрии, на фоне которой произошло бы долгожданное объединение югославянских народов – об иных последствиях он не задумывался. А заговорщики из «Черной руки», мечтавшие о создании «Великой Сербии» хотя бы ценой европейского конфликта, не имели к случившемуся непосредственного отношения. Первых тихо сгноили в тюрьме австрийцы, вторых поспешно расстреляли сами сербские власти.

Вопреки всему мировой войне суждено было начаться именно с сараевского убийства. Много позднее, в 1987 г., самый молодой из террористов В. Чубринович, ставший к тому времени академиком и побывавший министром у И. Б. Тито, заявил: «...Убийство – отражение тогдашней ситуации. Мир был невозможен»⁸. То ли «случайная трагедия», то ли «трагическая случайность» породила глобальный *casus belli*: проснулись имперские амбиции Австро-Венгрии, а Россия, отступив, одновременно и теряла влияние на Балканах, и роняла свой авторитет в глазах Антанты, отнюдь не обезопасив себя при этом от будущего столкновения с Германией. Любопытно при этом, что, словно осознавая нелепость повода, будущие противники до последнего момента не хотели верить, что война станет мировой.

Несомненно, великие державы не могли остаться в стороне от локального столкновения на Балканах, не «потеряв своего лица».

⁸ Цит. по: Сол Д. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М., 2007. С. 713–714.

Именно поэтому судьбу войны и мира решил Его Величество Случай.

Европа уже давно – едва ли не со времен франко-прусской войны – балансировала на грани военного конфликта. Нет сомнения, что наибольшую лепту в разжигание войны внесли престарелый Франц-Иосиф и «сумасбродный» кайзер. Уже в январе 1914 г. в России высказывалось мнение, что у Австро-Венгрии осталась одна возможность уйти от неразрешимых внутренних проблем – война. Но вопрос о мере неадекватности тех или иных правителей историческим реалиям и вызовам времени вовсе не выводит на глубинные причины войны. Негодный властитель – постоянно действующая величина истории. Нельзя не учитывать, что в Европе сложился качественно новый, скрытый от современников дисбаланс сил, который и определил поворот в ее судьбе независимо от усилий государственных – мудрых или глупых – мужей.

Можно ли сводить все к непримиримости геополитических интересов Германии и Великобритании, забывая, что их лидеры в большей или меньшей степени выступали от имени собственных «демократий»? Вероятно, следует учитывать и влияние факторов иного порядка. Так, посещавшие Россию незадолго до войны официальные представители Антанты и германские парламентарии говорили в унисон, что через десяток лет Россия станет самой мощной державой Европы – получается, что туманные картины «иного будущего» становились непосредственно провоцирующим фактором истории. Именно поэтому даже малые страны и народы, эгоистично мечтавшие о собственных выгодах от мирового конфликта, смогли сыграть в развязывании войны непропорционально большую роль. То же самое можно сказать и о социалистах, сначала пугавших «империалистов» ответной мировой революцией, но затем призвавших народы к защите своих отечеств. Следовательно, стоит задуматься о мере ответственности всех – от глав великих держав до националистов малых народов, от революционеров до доверчивых обывателей – за то, что война разразилась. Это был духовный надлом целой эпохи. И пострадали от этого все, включая тех, кто в наибольшей степени подталкивал войну.

Но даже эти факты не дают окончательного ответа на вопрос о подлинных виновниках европейской катастрофы. Оказывается, что «неизбежную» войну никто непосредственно не подталкивал. Правда, пушечный король Крупп, чье имя стало устрашающим символом массового убийства, поддержал выдвинутую адмиралом Тирпицем программу военно-морской экспансии, но другие германские промышленники войны не хотели. Так же были настроены все крупнейшие европейские предприниматели и финансисты: война обходилась куда дороже мало кого устраивавшего мира. А религиозные и политические верхи Европы лишь пассивно реаги-

ровали на неуклонное нагнетание ситуации. Боснийские террористы пробудили к жизни, казалось, неведомые силы. Однако современные исследователи подметили неожиданное: интеллектуальная продукция июля – августа 1914 г. обнаруживает почти маниакальную воинственность европейских интеллектуалов, писателей, артистов, ученых на критическом пике войны и мира⁹. Получается, что духовные элиты, призванные продолжать и поддерживать европейскую гуманистическую традицию, поступили прямо противоположным образом.

В начале XX в. масштабы и особенности конфликта определялись уже не правительствами. Человеческое сообщество кардинально изменилось. В силу омоложения уплотнившегося населения, усиления миграционных процессов, прогресса технологий и средств коммуникации, неравномерности присвоения общественного богатства и растущих вожделений не только «больших», но и «малых» национализмов, привычный мир стал тесен для непривычного разгула людских страстей. Человечество крайне агрессивно вступало в глобальный период своего существования; сказывалась также инерция имперского мышления, помноженная на национализм малых народов, надеявшихся обрести выгоды от столкновения великих держав. Что касается Балкан, то они представляли собой ту самую контактную зону межкультурного взаимодействия, которая при известных условиях почти автоматически превращается в конфликтную.

Вопрос о виктимности непосредственных жертв войны при всей своей кажущейся безнравственности закономерен. Конечно, не стоит валить с больной головы на здоровую, но нельзя не учитывать ситуации, когда поведение «человека толпы» становится решающим фактором истории. Некоторые зарубежные исследователи уже перенесли центр тяжести на понятие «войны наций», в которой на первый план вышли рядовые их участники¹⁰. Если так, то предстоит выяснить, какую цену заплатило человечество за привычное доверие к правителям и мыслителям, воплотившееся в невиданную смесь доктринерской ограниченности и эмоциональной неуравновешенности, неведения и нетерпения, мелочности и корысти.

Характерно, что сразу после начала войны – в первой декаде августа 1914 г. – правительства основных европейских держав спешно опубликовали сборники документов, свидетельствующих об их стремлении избежать конфликта. И германская «Белая книга», и британская «Синяя книга», и российская «Оранжевая книга» создавали представление, что войну развязали их противники. Сегодня очевидно, что доверять дипломатам старой школы нет смысла,

⁹ Hamilton R. F. On the Origins of the Catastrophe // The Origins of World War I / Ed. by R.F. Hamilton and H. Herwig. Cambridge, 2003. P. 502.

¹⁰ См.: Duroselle J.-D. La Grande Guerre des Français (1914–1918). P., 1994.

причем не только потому, что их язык по долгу профессии призван был озвучивать совсем не то, что задумали правители. Люди, занятые «переговорами о мире», мыслили понятиями, далекими от тех реалий, которые властно навязывал людским сообществам XX век.

Первая мировая война впервые стала не только войной машин против машин, но и войной механизированных империй против людей. Эта антигуманная развязка была спровоцирована самими людьми. Но будущие жертвы войны так и не осознали, что видовая суицидальность *homo sapiens*'а теперь обрела характер глобальной реальности. Между тем следовало бы усвоить, что имперский гегемонизм в условиях прогресса технологий и бессмысленного роста народонаселения делает мир не просто хрупким, но и ставит его на грань самоуничтожения. Однако люди до сих пор предпочитают «облегченный» – патриотический или интернационалистский, гегемонистский или глобалистский – взгляд на весь XX век. Историки остаются заложниками подобных представлений. И потому рано или поздно всем нам предстоит наверстывать упущенное.

В начале XX в. общеевропейские тенденции находили в России более чем специфичное преломление. Поскольку рост народонаселения совпал со стремительным увеличением железнодорожной сети России, то галопирующее аграрное перенаселение повлекло за собой интенсификацию миграционных процессов. Это создавало принципиально новую социокультурную ситуацию как в сельской местности, так и в городах, причем наименее благоприятным было положение в Центральной России – именно здесь наиболее интенсивно шло нагнетание внутренних стрессов в замкнутых прежде социумах. Поэтому уместно поставить вопрос о резонировании «языков отрицания» различных социальных слоев, прежде всего – интеллигенции и народа.

Несомненно, судьбу Европы определяло поведение Германии и Великобритании. Но не только они готовились к войне – торопливо, непродуманно, отдавая предпочтение военно-морским силам, а не сухопутным войскам. Российские стратеги уже с конца XIX в. считали главным противником Германию. Их французские коллеги в ходе неформальных контактов не только высказывали одобрение грандиозных российских маринистских проектов, но и давали советы о строительстве железных дорог в направлении западных границ. Франции вообще не оставалось ничего иного, как искать противовес Германии на другом конце Европы.

Но даже это вовсе не означало, что российская экспансия в западном направлении неизбежна. Лишь после поражения в войне с Японией России пришлось думать о «возвращении в Европу», имея в виду усиление на Балканах и проникновение в район Средиземноморья. Однако время было упущено, события стали развиваться по чужому сценарию. После вынужденного признания аннексии

Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины российской власти трудно было держаться в стороне, не потеряв лица. А поскольку перевооружение армии должно было завершиться лишь в 1917 г., то по дипломатической линии предпринимались немалые усилия для того, чтобы пресечь деятельность в Сербии любых террористов¹¹. Правда, в России были свои ура-патриоты, прежде всего во главе военного ведомства. И война разразилась, хотя Николай II до последних минут колебался относительно объявления мобилизации.

Царь упорно надеялся избежать войны. Но чего стоит демонстрация миролюбия, не подкрепленного военной силой и внутриполитической стабильностью? К тому же в российских верхах было сильно влияние германофильствующих правых, видевших в союзе с Антантой угрозу для самодержавия. Поэтому и подготовка к войне велась неуверенно: стратеги не знали, чего ждать от политиков. Последние, в свою очередь, стали заложниками людских эмоций — нельзя было не защитить «братьев-славян». Развитие информационных технологий произвело парадоксальный эффект: мир стал в наибольшей степени руководствоваться не наукой, а эмоциями, не разумом, а чувствами, не расчетом, а инстинктом. И в России «откат в прошлое» произошел с особой силой.

Итак, следует выделить два главных фактора, которые стали определять развитие европейского мира с середины XIX в.: невиданный рост народонаселения и колоссальное развитие технологий. Общее его омоложение привело к перенасыщению людских масс юношеской деструктивностью; правители вложили им в руки разрушительное оружие ради защиты по-своему понимаемых национальных интересов, социалисты — старые утопии в «научных» упаковках. Возросла и «иллюзорность» массового сознания. Россия особенно остро отреагировала на эти общие явления в силу колоссального разрыва между культурами верхов и низов. Было окончательно утрачено равновесие между государственностью и культурой; в конечном счете, появилось искушение с помощью новой идеологии и техники переиначить весь мир на «справедливых» началах.

О так называемых предпосылках русской революции написаны горы литературы. Уместно напомнить о наиболее известных из них.

В свое время советские историки изыскивали истоки случившегося, отталкиваясь от теории, согласно которой России как «слабейшему звену» империализма суждено было прорвать всю его порочную цепь, дабы проложить путь в будущее для всего человечества. Экстраординарная реакция России на мировой кризис действительно имела место, человечество вплотную подошло к мировой революции. Однако после Октябрьской революции страна продолжала жить в рамках прежней хозяйственно-управленческой структуры,

¹¹ См.: Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны: Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990.

не только не совершив прорыва в будущее, но и самодовольно погрузившись в болото автаркии. В свете событий конца XX в. получается, что Россия как бы пережила независимый цикл своей очередной Смуты. Символично, что 12 (25) июля 1914 г. В. И. Ленин приветствовал И. Ф. Арманд «в связи с приближающейся революцией в России», походя напоминая о возможности войны между Австрией и Сербией¹².

Если так, то уместно говорить о резонировании кризисных циклов российской и мировой истории – именно на это вольно или невольно сделали ставку Ленин и Троцкий. В первую очередь стоит обратить внимание на факторы, характеризующие разрушение социальной стабильности в России. Но и здесь не все просто, хотя данные об эскалации социального протеста к середине 1914 г. выглядят более чем убедительно. Уместно вспомнить о совпадении точек зрения В. И. Ленина и его «империалистического» оппонента П. Н. Милюкова, считавших, что, не случись войны, Россия могла бы обойтись без большевистской революции.

Как бы то ни было, в июле 1914 г. Россия оказалась в состоянии не только «большой», но и «глупой», по выражениям М. Горького, войны. В отличие от таковой, «малые» войны – обычное состояние империи, показатель либо ее избыточной агрессивности, либо неумения защитить себя от слишком многочисленных и беспокойных соседей. «Малые войны» – стимулятор самонастройки имперской системы, они не только не угрожают ее существованию, но и, напротив, помогают выработать иммунитет от всевозможных нападений. Напротив, «большая война» – это своеобразный экзамен на право исторического существования империи вообще. Для тогдашней стремительно меняющейся России «большая война» стала грандиозной проверкой курса и темпа ее движения в не менее быстро меняющемся мире.

Психологами подмечено, что империи «старого» типа в наибольшей степени подвержены опасности внутреннего разбалансирования. В принципе империя – это так называемая устойчиво неравновесная система, которая держится за счет микроконфликтной самоорганизации. Такие системы, будучи ориентированы на сохранение устойчивости, не выносят слишком жестко навязываемого «порядка». Поэтому войны и революции рождаются в них изнутри, будучи обусловлены не столько «материальными», сколько «духовными» обстоятельствами. Даже бескорыстная тяга людей к социальному самосовершенствованию и солидаризму, альтруизму и самоотречению в известных обстоятельствах приобретает само разрушающее качество.

Войны запрограммированы не только объективными обстоятельствами социального бытия, но и глубинными свойствами че-

¹² Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891 – 1922. М., 1999. С. 159.

ловека. Проблему революционного итога «большой войны» следовало бы перенести в психологическую плоскость. В принципе для патриархальных социумов, как и для патерналистской государственной системы в целом, любое нарушение внутреннего баланса и особенно резкое возрастание доли молодежи в населении страны может иметь далеко идущие дестабилизирующие последствия. По свидетельству В. И. Вернадского, авторитет старшего поколения «давно так низко не опускался в России, как в эти годы политического и нравственного кризиса»¹³. «Юность – это возмездие», – заметил в свое время А. Блок.

В значительной степени развал патерналистской иерархии стал возможен благодаря ситуационной консолидации *сообщества* антисистемных элементов – в данном случае речь идет не просто о личностях диссипативного склада (свободных радикалах), а о феномене интеллигенции. М. Хальбвакс отмечал, что именно «экспрессивные элементы» вызывают «глубокое убеждение, целостную иллюзию», а равно и эмоции, им сопутствующие¹⁴. Если слой образованных людей не находит естественного применения своим способностям к лидерству и управлению, то из него неизбежно сложится сообщество, руководствующееся постулатами, изначально противными существующей государственности. И, поскольку подобный слой изначально отрицает язык патерналистской власти, рано или поздно его доктринальные установки начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками. Не стоит, тем не менее, демонизировать интеллигенцию – она сыграла роль всего лишь взрывателя, но не бомбы.

Косвенным показателем роста социальной нестабильности принято считать преступность. В 1900–1913 гг. по уровню преступности Россия уступала Англии в 1,2 раза, Франции – в 1,9 раза, Германии – в 2,4 раза. Но не следует абсолютизировать «объективные» показатели. Стоит отметить, что среднегодовое число зарегистрированных преступлений в 1911–1913 гг. в России сравнительно с периодом 1891–1900 гг. выросло более чем вдвое. При этом наблюдался особенно резкий подъем в сфере религиозных преступлений и правонарушений на сексуальной почве, заметно также увеличение доли несовершеннолетних преступников. Преступность отражала растущее многообразие общественных девиаций. Наиболее криминогенной выглядела пролетарская среда: по уровню преступности рабочие многократно опережали крестьян. Российские города – прежде всего административные центры – были куда более взрывоопасными, чем европейские¹⁵.

¹³ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 268.

¹⁴ Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.; СПб., 2000. С. 175.

¹⁵ Булдаков В. П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 23.

Но даже с учетом перспективы внутренней дестабилизации активное подключение России к мировому конфликту нельзя безоговорочно считать роковым фактором, приведшим ее к пропасти. Все зависело от гибкости системы, ее способности сделать рывок в сторону модернизации, то есть сбалансировать динамику развития с учетом потребностей войны. Увы, войны (включая перманентный страх перед возможным противником) постоянно подгоняют технологический прогресс. Но имманентно недалеким «вершителям судеб народов» надо бы думать не о «прогессе», а его цене. Люди начала XX в. были поистине заворожены «прогрессом», точнее, его материальными плодами. Ни правители, ни культурные элиты тогдашней Европы не были готовы к осмыслению переходного характера эпохи. Технический прогресс в очередной раз опередил способность образованных людей к осмыслению его возможных последствий, а «человек толпы» попросту поглупел, получив в подарок неожиданную игрушку. Между тем эпоха Просвещения заканчивалась, породив шокирующий результат: овладевший Машиной человек оказался заложником своих собственных «непредсказуемых» страстей.

Кризисные ситуации – не водоворот обреченности, а вступление в полосу неопределенностей. Предпосылки войны и революции, равно как и их последствия, правильнее всего оценивать по состоянию вовлекаемой в них человеческой массы. И здесь вступают в действие факторы и закономерности, обычно не улавливаемые людьми, которые привыкли доверять логике одних лишь экономических и социальных показателей. Задача историка – не только рассказать о событиях, но и показать, что таилось под их видимой поверхностью. Он обязан разглядеть то, что невозможно было увидеть его «героям», а не тащиться в хвосте благоглупостей прошлого. И, тем более, не преумножать былые иллюзии, хотя скатиться на этот путь легче всего. Науку истории можно представить как своего рода судебный процесс, где слушается дело о человеческой глупости. Однако трудно надеяться, что судьи окажутся на высоте своего положения, ибо им предстоит намного превзойти «подсудимых» в умственном отношении. И потому получается, что судить некого, некому, да и незачем. Остается одно: научиться понимать историю «изнутри».

ЧАСТЬ I
ВОЙНА ИЛИ РОССИЯ?

Глава 1

ЭЙФОРИЯ 1914 ГОДА?

1.1.1. Европа сошла с ума?

В современной литературе любят так или иначе – чаще восторженно – напоминать о патриотическом «настроении 1914 года» охватившем в России, как и в Европе, все слои общества. Внешними аналогиями легко увлечь непрофессионалов, не говоря уже о доверчивом обывателе. Разумеется, патриотические настроения в России имели место, их не могло не быть. Но стоило бы взглядеться в их психоэмоциональное наполнение. Компаративистика призвана выявлять особенное, а не скрывать его, кивая на «универсальные» законы и явления. Некоторыми западными исследователями подмечено, что армия в России строилась на иных нравственных и психологических основах, нежели европейские армии¹. Впрочем, даже внутри Европы армейский патриотизм имел достаточно несхожие основания².

Тогдашнее состояние умов некоторые авторы связывают с феноменом «фобических сверхреакций»³. Но можно ли отнести к их числу заявление Макса Вебера о том, что «не имеет значения, каким может быть выход, война величественна и прекрасна сама по себе», или слова Эмиля Дюркгейма о том, что война возрождает чувство общности?⁴ Чего в этих словах больше: ненависти или надежды? В любом случае «нормы» того мирного времени оказались отброшены. Человек сегодняшнего дня вряд ли сможет до конца

¹ См.: *Wirschafter R. The Ideal of Paternalism in the Prereform Army // Imperial Russia, 1700–1917: State, Society, Opposition. Essays in Honor of Marc Raeff. Dekalb, 1988.*

² См.: *Watson A. Enduring the Great War. Combat, Morale and Collapse in the German and British Armies, 1914–1918. Cambridge (MA), 2008.*

³ *Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, III. Шахадад и М. Эли. М., 2010. С. 14.*

⁴ Цит. по: *Stromberg R. N. Redemption by War: The Intellectuals and 1914. Lawrence, 1982. P. 51, 53.*

это понять. Но куда более удивительно то, что некоторые современные историки свои суждения о войне строят на основе этических «стандартов» своего времени.

Как бы то ни было, важно знать, при каких условиях возникают столь противоестественные, казалось бы, представления о соотношении войны и мира, какие глубинные факторы обеспечивают их интенсивность и специфику в той или иной стране. Как понять, почему потаенный страх перерастает в агрессивный восторг? Ясно, что острота всякой реакции на неведомое определяется не столько характером угрозы – реальной или мнимой, – сколько особенностями ее ситуативного восприятия. Так чем же удивил в этом отношении XX век?

Всякие культурно-антропологические различия становятся особенно заметными в переломные и переходные эпохи. Но дано ли историку уловить их динамику во всем ее системном многообразии? Представляется, что наиболее эффективный, если не единственный, способ проникновения в эпоху – сопоставление «объективных» и «универсальных» данных с источниками личного происхождения. Только так можно уловить «тонкую материю» исторического бытия, которая не просто таится под поверхностью «всеобщих» процессов и явлений, но и незаметно переводит их в русло национальных историй с их «неожиданными» вторжениями в глобальные процессы.

Войны, как и всякие экстремальные ситуации, либо стимулируют обновление социальных организмов, либо приводят их к разрушению в силу исторической непригодности. То и другое – следствие человеческих реакций на неожиданные вызовы времени, в ходе которых происходит неизбежное смещение реального, воображаемого и символического со всеми вытекающими отсюда непредсказуемыми последствиями. Что же произошло в России в годы тотальной войны и почему? Эти вопросы имеют не только академическое значение.

В настоящее время термин «империализм» практически исчез со страниц исторических исследований. Вряд ли это оправданно – всякая мода не только декоративна, но и деспотична. Явления, стоявшие за «устаревшими» понятиями, стоило бы просто пересмотреть под новым углом зрения. Джон Гобсон в книге «Империализм», написанной в 1902 г., между прочим, заметил, что его исследование «определенно относится к области социальной патологии, и потому в нем не делается никаких попыток скрыть злокачественность недуга»⁵.

Представление о том, что война способствует оздоровлению экономики, сформировалось в Англии еще во времена войны с Наполеоном. Но международные хозяйственные связи и технологии

⁵ Цит. по: Гобсон Дж. Империализм. Изд. 2. М., (1927) 2009. С. 17.

прогрессировали быстрее, чем отношение к войнам, и это не оставалось незамеченным⁶. С начала XX в. европейские народы жили ощущением неустойчивости ситуации, что провоцировало необходимость рывка вперед – в том числе и через «освободительную» войну. Вудро Вильсон, будучи не только президентом, но и историком, в свое время заметил, что война началась не по какой-то одной причине, война началась по всем причинам сразу. Сегодня эти причины стали более различимыми (хотя и не для всех): если возросла общая «безрассудность» социальной среды, то технологический скачок в передаче информации довел ее контагиозность до взрывоопасного предела. «Одной из наиболее опасных черт современной мысли является неврастеническая импульсивность, которая делает ее жертвой меняющихся настроений и предположений», – писал в свое время известный историк П. Г. Виноградов, стараясь докопаться до причин войны и революции⁷.

Разумеется, приверженцы старых исследовательских методик, не говоря уже о легковесных «патриотах», не склонны замечать психопатологического наполнения социального бытия, то и дело резко меняющего течение большого исторического времени.

Современные историки то и дело возвращаются к представлению о том, что войну можно было предотвратить. Считается, что наибольшую ответственность за ее развязывание несет германская сторона, хотя многие авторы предпочитают не затрагивать эту тему⁸. Возрождается представление о том, что войны можно было избежать⁹. Это похоже на безвольный самообман – производное от «миротворческих» иллюзий наших дней.

Одним из мыслителей начала XX в., сумевших ближе всего подобраться к глубинным истокам войны, был Макс Шелер, выходец из протестантской немецко-еврейской семьи, перешедший в католичество. Он исходил из того, что человек – это «заболевшее своим духом животное»¹⁰, причем заболевшее не случайно. В основе его философии лежит представление о ресентименте (*Ressentiment* – злоба, злопамятство, фр.), заимствованное у Ницше. Шелер полагал, что «буржуазная мораль, которая, начиная с XIII века, все больше вытесняет христианскую..., уходит своими корнями в

⁶ См.: Энджель Н. Великое заблуждение. Этюды о взаимоотношениях военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу. М., 1912.

⁷ Виноградов П. Г. Избранные труды. М., 2010. С. 438.

⁸ Mombauer A. The Origins of the First World War: Controversies and Consensus. L., 2002. P. 202.

⁹ См.: Куган Дж. Первая мировая война. М., 2002. С. 11; Angelow J. Kalkül und Prestige: Der Zweibund am Vorabend des Ersten Weltkrieges. Köln; Weimar; Wien, 2000; Schmid V. Der "Eiserne Kanzler" und die Generäle: Deutsche Rustungspolitik in der Ära Bismarck (1871–1890). Paderborn u.a., 2003.

¹⁰ Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 93.

ресентимент»¹¹. Человек – это одновременно и существо верующее, разумное (*Homo sapiens*), и существо, определяемое влечениями, производящее в погоне за удовольствиями всевозможные суррогаты (*Homo faber*)¹². По его представлениям, несомненно, навеянным кризисом эпохи Просвещения, «человек – это страх», порожденный «вытеснением инстинктов и оmozговением». Этот страх «ведет к предельной воле к власти, сердцевине страха». Но Шелер не был простым эпигоном Ницше. Как верующий христианин он полагал, что уравновесить страх может только любовь, причем «не только любовь к известному, но и к неизвестному по своей сути»¹³. В общем, грубо говоря, получалось, что европейский человек начала XX в. рано или поздно должен был сорваться либо в войну, либо в революцию. И это могло произойти в силу того, что европейский пацифизм еще не укоренился в сознании европейских элит, тогда как призрак Французской революции продолжал господствовать над их умами.

И в этом не было ничего противоестественного. Спонтанный рост общественного богатства, нажитого, по представлениям традиционного общества, «нетрудовым» путем, неуловимость этого богатства – все это ввергало человека XX в. в непреходящее состояние ресентимента, латентной агрессивности. Такой человек превращался то ли в изгоя, то ли в «пролетария», нуждавшегося в идее, символе, знамени, за которыми можно было устремиться, ломая все на своем пути. Он мог в равной степени вдохновиться идеей нации и «интернационалистского» ее отрицания. Так или иначе, человек жил иррациональной жадой «освобождения», причем освобождения от того «врага», на которого ему наиболее убедительно укажут. При этом в его действиях могли сказаться как остатки социального «благоразумия», так и максимализм диссипативной личности.

Обычно люди плохо представляют, какой части их натуры суждено проявить себя, и, главное, на какой поворот истории и почему занесла их личная судьба. И они никогда не признаются, что их «осмысленные» действия были частью того, что могло им лишь присниться в страшном сне. Убеждать их в том, что они оказались не жертвой какого-то злого умысла, а заложниками коллективных «темных» страстей, бесполезно. А потому за историческим самообманом обычно следует историографический обман.

Строго говоря, историку нет смысла гадать, что сдвинуло камень, увлекший за собой всесокрушающую лавину – важнее помнить, что такой момент рано или поздно наступает. Войне суждено было начаться с сараевского убийства, хотя тогдашние террористы вовсе не думали о мировом конфликте. Между тем «мирная» Европа едва

¹¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 69.

¹² Шелер М. Человек и история. С. 86.

¹³ Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М., 2007. С. 89.

ли не со времен франко-прусской войны, то есть более 40 лет, балансировала на грани военного конфликта. Формально равновесие нарушил германский кайзер. За 20 дней до сараевского убийства он обещал Австро-Венгрии поддержку в случае ее нападения на Сербию. Но нельзя не учитывать и того, что в мае 1913 г. германский рейхстаг, где было предостаточно социалистов, принял новый военный закон, открывший путь к созданию самой мощной армии в Европе. Возник феномен «милитаризма снизу»¹⁴. Такое в истории случалось, хотя современному обществу трудно это понять.

Существует, впрочем, мнение о развязывании войны консервативными силами Германии, Австрии, России¹⁵. Действительно, российский военный министр В. А. Сухомлинов в опубликованной (не без подсказки императора, пожелавшего «достойно» ответить на развернувшуюся в Берлине антироссийскую кампанию) в феврале 1914 г. статье «Россия готова» утверждал, что Россия вполне подготовлена к войне и закончит ее на чужой территории единым мощным ударом¹⁶. Но вопрос о степени адекватности тех или иных правителей новым историческим реалиям вовсе не выводит на понимание подлинных причин войны. Недостаточная компетентность управления – постоянно действующая величина истории, и то, что порой она зашкаливает, чаще бывает вызвано объективными обстоятельствами. К началу XX в. в Европе возник качественно новый, скрытый от современников дисбаланс сил, который и определил поворот в ее судьбе независимо от государственных мужей. Увы, историк – а он всегда в большей или меньшей степени ограниченный позитивист – склонен забывать, какая дикая энергия таится под, казалось бы, прочным панцирем того, что принято именовать цивилизацией.

Бывают времена, когда старые страхи провоцируют волны новой агрессивности. К началу XX в. в результате промышленно-технологического прогресса, спонтанной урбанизации и роста общественного богатства былая социальная осмотрительность отступила перед иллюзией «всемогушества» человека. При этом омоложение населения преумножило остроту восприятия возросшего социального неравенства. Информационная революция усилила иллюзор-

¹⁴ См.: Förster S. Der doppelte Militarismus. Die Deutsche Heeresrüstungspolitik zwischen Status-quo-Sicherung und Aggression (1890–1913). Wiesbaden; Stuttgart, 1985.

¹⁵ The Origins of World War I. P. 504–505.

¹⁶ Биржевые ведомости. 1914. 27 февраля (вечерний выпуск). Германский посол Пурталес назвал это выступление «фанфоронадой». По мнению П. Н. Милюкова, «так смотрела и вся Россия, негодовавшая на министра за эту провокацию». Перед началом войны В. А. Сухомлинов «подкорректировал» свое заявление: «Мы готовы на шесть месяцев; война будет короткая». В декабре 1914 г. император заявил, что на Сухомлинова нападали напрасно, «у него все блестяще». См.: Милюков П. Н. Воспоминания. М., 2001. С. 473, 488.

ность массового сознания. Колониальный «перedel мира» вызывал растущие вожделения «опоздавших».

Мир качественно менялся. Между тем европейские элиты продолжали мыслить по старым – квазифеодальным – геополитическим шаблонам. «Ситуации непредсказуемости» постоянно подстерегают человечество. Однако бюрократы и политики в силу когнитивной ограниченности профессии не умеют этого замечать.

Экономисты доказывали, что военные столкновения в Европе исключены из-за необычайно тесных межгосударственных финансовых связей, а политики заключали явные и тайные союзы против соседних государств. Тем временем среди обывателей росло ожидание грядущего «чуда»: то ли «маленькой победоносной войны», то ли «революционной бури». Неожиданно появилось ощущение того, что все предшествующее было лишь преддверием «настоящей» жизни. В свое время О. Бисмарк предупреждал, что «германская война предоставляет России так же мало непосредственных выгод, как русская война Германии... Если рассматривать Германию и Россию изолировано, то трудно найти для какой-либо из этих стран непреложное или хотя бы только достаточно веское основание для войны»¹⁷. Однако теперь не было смысла соглашаться или не соглашаться с доводами «железного канцлера»: в действие вступила логика иного порядка.

Наиболее точное обоснование опасности для России столкновения с Германией дал накануне войны лидер правой группы Государственного совета германофил П. Н. Дурново. В феврале 1914 г. он представил императору специальную «Записку». Обозначив расстановку сил, он предупреждал, что в военном конфликте, который неминуемо разразится из-за соперничества Англии и Германии и перерастет в мировой, на Россию ляжет главная тяжесть войны, так как Англия к широкомасштабному участию в континентальной войне не способна, а Франция, бедная людским материалом, будет придерживаться оборонительной тактики. В силу этого «...роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны, достанется нам, а между тем, сколько факторов будет против нас и сколько на них нам придется потратить сил и внимания!». Приведя эти аргументы, Дурново задался риторическим вопросом: «Готовы ли мы к столь упорной борьбе, которой, несомненно, окажется будущая война европейских народов? На этот вопрос приходится, не обинуясь, ответить отрицательно». «Хотя это и звучит парадоксально, – писал он, – но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть

¹⁷ Бисмарк О. фон. Мысли и воспоминания. М., 2009. С. 195.

взаимного непонимания и недоверия». В конечном счете «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддастся даже предвидению»¹⁸. О нежелательности военного столкновения с Германией, с которой Россия не воевала со времен Елизаветы Петровны, предупреждали и другие сановники, а также правые политики¹⁹. Учитывая печальные для монархии последствия русско-японской войны, в основательность подобных предсказаний трудно было не поверить. Но эпоха уже не внимала голосу консервативных алармистов.

Теперь подобных предостережений в России словно не замечали. Куда громче звучали другие «прогнозы». Еще в 1912 г. в Петербурге была опубликована книга «Европа в огне» о предстоящем военном столкновении России с Германией. В одиночку Россия, избавившаяся от своего императора и передавшая высшую власть «главнокомандующему из народа», едва не проиграла, но за нее вступилась Франция, воздушный флот которой «сокрушал немецкие твердыни». Что касается вторгшейся в русские пределы Австрии, названной «евнухом Пруссии», то ей нанесли поражение Сербия, Болгария и Черногория²⁰. Получалось, что Россия не должна проиграть.

Тем временем в Германии предавались куда более грандиозным самообольщениям. Фельдмаршал Х. Мольтке-младший писал, что латинские народы уже прошли зенит своего развития, Британия преследует чисто материальные интересы, «одна лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении». Из ложной профетической посылки делался «практический» вывод: «Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий»²¹. В 1911 г. появилась книга Ф. фон Бернгарди «Германия и следующая война», сыгравшая поистине подстрекательскую роль в формировании представлений о «жизненной необходимости» войны. В критические моменты истории не бывает недостатка в вольных и невольных провокаторах. Буквально накануне войны увидела свет книга лейтенанта Г. Фробениуса «Роковой час Германской империи», в которой доказывалось, что «Франция охвачена ненавистью к Германии» и что «весной 1915 г. в Германию вторгнутся такие могучие армии, каких ни Европа, ни даже весь свет еще не видали»²². При этом автор полагал, что в ходе войны Россия распадется на «мелкие штаты».

¹⁸ Дурново П. Н. Записка / Публ. и вступ. ст. М. Павловича // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 187, 188, 196.

¹⁹ См.: Soroka M. Britain, Russia and the Road to the First World War. The Fateful Embassy of Count Aleksandr Benckendorff (1903–16). Farnham; Burlington, 2011. P. 241–142; Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 343.

²⁰ См.: Европа в огне. Война Германии с Россией. Европейская война. Образование Германской республики. Рассказ о близком будущем. Фантазия. СПб., 1912.

²¹ Цит. по: Уткин А. И. Первая мировая война. М., 2002. С. 165.

²² Фробениус Г. Роковой час Германской империи. М., 1915. С. 62, 79.

Но по части нагнетания ужасов войны всех превзошел французский автор П. Жиффар. Правда, действие его фантастического романа «Адская война» (1908 г.) было перенесено в столь отдаленное будущее, что описанные события можно рассматривать и как предупреждение об опасности, и как безобидную страшилку. Конечно, войну вызвала случайность: пожар во время «конференции мира в Гааге». К тому времени международные противоречия были весьма основательны: «несмотря на свои внутренние смуты и разлад государственного механизма, Северный Медведь еще имеет значение в Европе...». С другой стороны, Германии и Соединенным Штатам «не дает свободно дышать англо-японская конкуренция». Война сделалась неизбежной, она захватила все континенты и даже Северный полюс. Это была война новейшей техники и «азиатских» жестокостей: в небе носились всевозможные «аэрокары», по морям плавали чудовищные надводные и подводные корабли. Исход войны определило китайское нашествие на Россию, закончилась она изуверскими казнями европейцев в Москве, после чего автор, наконец, проснулся²³. В отличие от автора Европа не «проснулась» – не смогли «разбудить» ни социалисты, ни пацифисты. Впрочем, трудно сказать какой эффект – устрашающий или возбуждающий – оказывают пылкие макабрические фантазии на сытое общество в тот или иной момент истории.

Похоже, что в тогдашней мифотворческой атмосфере войну не просто перестали бояться, на нее *надеялись*. Даже через 20 лет после окончания войны германский историк Вильгельм Шюсслер с восторгом вспоминал о «великой немецкой революции, которая началась в 1914 г. и которая сделает нас окончательными победителями в мировой войне»²⁴. Не удивительно, что в процессе поиска «виновников» войны некоторые историки мечтают о самовосхвалении и самооправдании к самоунижению и покаянию. Так, большинство германских историков в очередной раз отказались от «удобной веры в то, что, по крайней мере, применительно к Первой мировой войне: все страны в равной степени виновны»²⁵.

Насилие свойственно природе человека. К сожалению, обществоведы все еще не умеют описывать механизмы, заставляющие «цивилизованные» людские сообщества периодически «терять рассудок». Как бы то ни было, в начале XX в. весь европейский мир, подобно «Титанику», беспечно устремился в неизведанное.

Объявление войны вызвало восторг в европейских странах. В первые недели войны в редакции германских газет ежедневно по-

²³ См.: Жиффар П. Адская война. Фантастический роман. С 180 иллюстрациями худ. А. Робида. СПб., 1913.

²⁴ Корнелисен К. Фронтовое поколение немецких историков и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007. С. 278.

²⁵ The First World War as a Clash of Cultures. P. 1.

ступало около 50 тысяч стихотворений на патриотические темы²⁶. В унисон с представлениями тогдашней прессы традиционная германская историография придерживалась мнения о том, что начало Первой мировой войны искреннее приветствовалось воинственным населением. Полные боевого энтузиазма толпы восторженными воплями выражали одобрение наступившей развязки, а затем более миллиона добровольцев влилось в военные казармы²⁷. Исследования германских историков 1980-х гг. развеяли такие представления²⁸. Реальность августа 1914 г. была сложнее. Германский исследователь М. Залевски отмечает, что «в высокотехнологичный, научно организованный мир модернизма просочились самые древние антропологические прототипы, даже невиданные до тех пор атавизмы: опубликованные суждения о начале войны изобиловали такими метафорами, в которых речь шла лишь о жизни или смерти, о смелости или трусости, о надежде или отчаянии; это можно выразить одной фразой – все или ничего». Становление внутренние милитаризованных «массовых обществ» изменило соотношение между «наставниками» и «воспитуемыми»: «офицеры, унтер-офицеры, учителя и священники были, однако, “авторитетными персонами” только тогда, когда они “смотрели в рот народу” и не выступали против мнения большинства тех, на кого хотели повлиять»²⁹. Тому, что позднее было названо «коммуникативным разумом» (Ю. Хабермас) предшествовали агрегированные эмоциональные состояния, с которыми трудно было совладать. Не случайно немецкий доброволец Ханс Ротфельдс в начале войны писал о «непосредственном лицемерии великого чуда – исчезновения индивидуальности»³⁰. Сложности социализации в «слишком быстро» меняющемся обществе приводили к тому, что люди имплицитно или эксплицитно отторгали «сложности» буржуазного индивидуализма ради более понятной «стадности».

В сознании «сытых» обществ копошатся свои особые страхи. В августе 1914 г. немецкими толпами двигал не энтузиазм, а своего рода любопытное беспокойство перед лицом неопределенности. Это, в свою очередь, рождало чувство общности судьбы. Мир мгновенно разделился на «мы» и «они», нахлынула волна жуткой шпиономании³¹. При этом было замечено, что катализаторами «па-

²⁶ Эспозито Ф. «Крылатые мечи». Герои и техника: от традиции к переменам // Наука, техника и общество России и Германии... С. 444.

²⁷ Erzberger M. Die Mobilmachung. Stuttgart, 1914. S. 14. На деле добровольцев было намного меньше – 185 тыс. См.: Verhey J. Op. cit. P. 97–98; Залевски М. Немецкое общество и начало Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 405.

²⁸ Watson A. Op. cit. P. 44.

²⁹ Залевски М. Указ. соч. С. 400, 401.

³⁰ Цит. по: Корнелисен К. Указ. соч. С. 256.

³¹ Verhey J. Op. cit. P. 73–75.

триотических» настроений выступали пресса и правительство. Так или иначе, того энтузиазма, который имел место в 1870 г., теперь не было. Свою долю истерии добавляли «буржуазные женщины», осыпавшие цветами солдат. Характерно, что представительницы того же социального слоя встречали цветами и первых военнопленных. Журналисты упрекали их в «извращенном желании эротических приключений». Все это создавало своего рода карнавальный эффект³². Между тем нервная эмоциональность той или иной эпохи – плохой советчик и для политиков, и для историков.

В настроении 1914 г. сказывался и классовый фактор. Энтузиазм охватил в основном буржуазные верхи, среди рабочих преобладали депрессивные эмоции. Особый страх перед будущим ощущали женщины-работницы, опасавшиеся безработицы. Датское меньшинство также не испытывало большого энтузиазма³³. Но, хотя в начале войны было много страха, паники, печали и депрессии, оппозиционные настроения встречались редко. В целом же можно было говорить скорее об энтузиазме патриотичных мифотворцев, нежели о естественном порыве масс³⁴.

Но в марте 1915 г. обнаружилось и другое: немецкие психиатры заметили, что молодые добровольцы «попросту не обладали нервной системой, способной выносить лишения и ужасы современной войны»³⁵. Данное наблюдение можно трактовать и как косвенное признание в том, что на войну устремились излишне эмоциональные молодые люди с неустойчивой психикой. Действительно, их поведение в начале войны вполне подтверждает это. Многие из воинственно настроенных юношей были склонны к истерии: к концу первого года войны через полевые и тыловые лазареты прошли более 100 тысяч солдат с различными ее симптомами³⁶. Романтическое восприятие войны не выдержало первой встречи со смертью³⁷.

Как бы то ни было, в Германии было предостаточно «заучившихся» молодых людей, которые обрели теперь некую жизненную цель, жаждали приключений и не желали возвращаться в опустыленную «буржуазную» действительность. Одни были охвачены потоком эмоций, другие шли на войну, побуждаемые чувством долга. Многим хотелось очистить Германию от буржуазного «материализма». Так или иначе, на смену страхам и печали приходили чувства солидарности, жертвенности, куража³⁸.

³² Verhey J. Op. cit. P. 76–83.

³³ Ibid. P. 89, 92–95.

³⁴ Ibid. P. 96–97.

³⁵ Кауфманн Д. «Оптимистические умы» и «соглашательские души». К истории культуры и науки в годы Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии... С. 349.

³⁶ Там же. С. 353.

³⁷ Verhey J. Op. cit. P. 105.

³⁸ Ibid. P. 99–101

Многие русские туристы встретили начало войны в Германии. Один из них вспоминал: «В первый день августа мы были удивлены большой активностью военных. Солдаты без перерыва пели “Deutschland über alles”, и назойливость германского гимна побудила мою сестру, тогда еще совсем юную, запеть, без всякого злого умысла, “Deutschland unter alles”... За этот подвиг она через два дня после объявления мобилизации попала в Кассельскую тюрьму. Я был препровожден туда вместе с ней как “подданный мужского пола враждебной державы”. Мне в то время было тринадцать лет, сестре – двенадцать»³⁹. 11 августа 1914 г. другой россиянин сообщал из Лейпцига: «Первые дни после объявления войны здесь было опасно: избивали на улицах, в ресторанах, на вокзалах. Доходило до того, что по подозрению избивали своих же офицеров – так мерещились всюду русские шпионы. Меня никто не тронул... хотя население в доме, где я живу, весьма ненавистно относится ко мне, и хозяйке советовали отказать от квартиры». К этому он добавлял, что немцы уверены в своей победе⁴⁰. Вероятно, правы были наблюдатели, отмечавшие, что событиями управлял глубоко спрятанный страх⁴¹. Характерно, что шовинистические настроения подогревались газетами, которые трубили о случаях насилия над немцами в России⁴². В это время едва ли не в каждом русском туристе в Германии видели шпиона. Такая подозрительность была связана с преувеличенными представлениями об эффективности русской военной разведки⁴³.

Российские путешественники, возвращавшиеся из Германии, писали, что все немецкие чиновники издевались над ними. Напротив, русская администрация относилась к немецким подданным, отъезжавшим на родину, вполне корректно⁴⁴. Согласно другим воспоминаниям, по всей Германии еще до объявления мобилизации двинулись воинские поезда, «на вагонах которых были нарисованы кости и черепа с надписям по-немецки “Нах Петербург”, “Нах Москва” и “Нах Париж”... Все стало неузнаваемо... Люди стали не те: грубость, зверство и резкие окрики. Война началась и люди сатанели»⁴⁵. Похоже, что людьми руководил не столько патриотический энтузиазм, сколько потребность заглушить испуг от неожиданности. Из нейтральной Швейцарии сообщали: «Воодушевление

³⁹ Мишагин-Скрьдлов А. Н. Россия белая, Россия красная. 1903 – 1927. М., 2007. С. 86.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 62 (письмо Е. И. Рышкевича от 11 августа 1914 г. к И. Н. Рышкевичу в Седлец).

⁴¹ Verhey J. Op. cit. P. 96.

⁴² Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 531.

⁴³ См.: Bywater H., Ferraby H. Strange Intelligence: Memoirs of Naval Secret Service. London, 1934.

⁴⁴ Соловьев С. К войне с Германией. М., 1914. С. 4.

⁴⁵ Никулин В. Записки театрального директора. Нью-Йорк, 1942. С. 316.

в Германии очень велико, социал-демократы идут добровольцами, ...их органы имеют чисто националистическую окраску»⁴⁶. И все же историки имеют все основания сомневаться во всеобщем военном энтузиазме⁴⁷. Многие авторы возражают против однозначной оценки общественных настроений начала войны, отмечая чувство подавленности и тревоги в самых различных слоях населения во всех странах⁴⁸. Увы, разобраться в эмоциях ушедшей – как «чужой», так и «своей» – эпохи бывает непросто.

«Военный восторг 1914 г., если таковой вообще имел место, а не был только инсценирован и стилизован..., являлся в первую очередь проблемой интеллектуальной и поколенческой, – пишет М. Залевски. – Ветераны войны 1871 г., напротив, в большинстве своем были настоящими пацифистами...». Однако «война оставалась для поколения, ее не пережившего, выбором – наполовину пугающим, наполовину страстно желаемым... Эти люди спутали военную игру с войной»⁴⁹. «Война, как дурман, опьяняла нас, – признал позднее Эрнст Юнгер. – Ведь война обещала нам все: величие, силу, торжество»⁵⁰. Отправляясь на фронт, молодые солдаты пели песни, в которых клялись, что не остановятся, пока не погибнут французы, русские, сербы⁵¹. И относительно немногие немецкие интеллектуалы, побывав на фронте, прониклись отвращением к «буржуазному» пафосу войны⁵².

В массах сложилось убеждение, что миролюбивая Германия окружена со всех сторон врагами. Казалось, что война – единственный путь к «вечному миру». Как бы то ни было, в ответ на манифест британских ученых появилось обращение «К культурному миру» (Манифест 93-х) виднейших немецких ученых и литераторов, состоявший из набора антитезисов: «Неправда...». В нем отрицалось даже нарушение нейтралитета Бельгии. В октябре появилось «Обращение преподавателей высших школ германского рейха», написанное видным филологом-античником Ульрихом фон Вилламовицем-Мёллендорфом и подписанный четырьмя тысячами профессоров и приват-доцентов. Затем последовала «Декларация

⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 15 (письмо бундовца Г. М. Эрлиха от 18 августа 1914 г. Л. П. Кочетковой). Вероятно, это впечатление было не совсем точным. Германская социал-демократическая пресса все же пыталась противостоять «буржуазной» истерии. См.: *Verhey J. Op. cit.* P. 85.

⁴⁷ *Verhey J. Op. cit.* P. 232.

⁴⁸ См.: *State, Society, and Mobilization in Europe during the First World War*. Cambridge, 1997. P. 225; *Ferguson N. The Pity of War*. L., 1998. P. 177; *Ziemann B. War Experiences in Rural Germany. 1914–1923*. Oxford, N.Y., 2007. P. 19–23.

⁴⁹ *Залевски М.* Указ. соч. С. 403, 404, 405.

⁵⁰ *Юнгер Э.* В стальных грозах. СПб., 2000. С. 35.

⁵¹ *Verhey J. Op. cit.* P. 103.

⁵² *Корнелисес К.* Указ. соч. С. 267.

немецких университетов»⁵³. В дальнейшем немецкие публицисты будут раз за разом повторять об «особом пути» (*Sonderweg*) Германии. Их оппоненты начнут ссылаться то на политическую культуру лютеранства, то на немецких «мандаринов»⁵⁴. Если русских ученые возмущала «германизация» науки, то их немецкие коллеги говорили об «англомании в немецких физических кругах»⁵⁵. А в целом в Германии искренний энтузиазм наблюдался только в академической среде⁵⁶. Таков был побочный эффект социализации научного знания – к этому времени «кабинетные» ученые впервые ощутили свою возросшую общественную значимость. Нарождающееся массовое общество обрело своих новых «магов».

С началом войны М. Шелер подал заявление о зачислении в действующую армию. В армию его призвали лишь в 1916 г., тут же признав негодным к службе по состоянию здоровья. Но в начале 1915 г. он разразился 400-страничной книгой «Гений войны и немецкий гений», обычно «забываемой» исследователями его творчества. Книга была посвящена «друзьям на поле боя». По мнению автора, война полезна как средство возвышения лучших наций и избавления от худших. Главной задачей Германии в войне он считал отгеснение России от Балтийского и Черного морей. «Священная война за европейское дело» должна была обратиться также против предателей – Англии и Франции. Писал он и о том, что «только метафизика войны способна ухватить ее сущность», что совершенно не доступно британскому уму, который «полностью увяз в эмпирических объяснениях и не способен отличать факты от сущностей». Между тем корни войны – в самой жизни⁵⁷. Именно поэтому война выступает высшим арбитром в споре о том, чье государственное устройство является наиболее совершенным, избавляет народы от самодовольства и эгоцентризма и тем самым служит лучшим средством укрепления национального единства⁵⁸. Исходя из этого, Германии, лишенной недостатков старых европейских наций, предстояло, согласно книге, стать гегемоном в «обновленной» Европе.

Строго говоря, конкретные предложения Шелера не представляли ничего нового на фоне лозунга «Срединной Европы». При этом он был отнюдь не одинок в апологетике пангерманизма. Вернер Зомбарт в том же году провозгласил, что «немецкое мышление и немецкое чувство заявляют о себе как решительное отрицание все-

⁵³ Дмитриев А. Н. Мобилизация интеллекта: международное научное сообщество и Первая мировая война // Интеллигенция в истории. М., 2001. С. 21.

⁵⁴ См.: Ringer F. The Decline of German Mandarins. The German Academic Community 1890–1933. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1969.

⁵⁵ Вольф Ш. Физики в «войне умов»: Возражения Вильгельма Вина против «англицизма» // Наука, техника и общество России и Германии... С. 82.

⁵⁶ Verhey J. Op. cit. P. 94.

⁵⁷ Scheler M. Der Genius des Krieges und deutsche Krieg. Leipzig, 1915. S. 43.

⁵⁸ Ibid. S. 57, 91, 97, 98.

го того, что хоть как-то напоминает английское или западноевропейское вообще мышление и чувство»⁵⁹. Удивительно другое: Зомбарт, назвавший свою книгу «Торгаши и герои» (первые олицетворяли собой противников Германии), был убежден, что «война 1914 года есть война Ницше». Между тем Ницше откровенно ненавидел немецкий образ мысли и утверждал, что немцы в лице Пруссии заведут Европу в тупик.

Образ врага (реанимация пещерных страхов перед «чужим») всегда и везде создается по сходному сценарию. Однако впервые в истории примордиалистские эмоции провоцировались научными сообществами.

Создавалось впечатление, что выдающиеся мыслители мира пребывали в состоянии ослепления. Томас Манн передавал суть «идей 1914 года» так: «После Испании, Франции, Англии пришла наша очередь отметить своей печатью и повести за собой мир... Мир должен обновиться под знаком немецкой эры»⁶⁰. При этом он разразился упреками в адрес мирового сообщества иллюминатов и франкмасонов – представителей «ложной» цивилизации, развязавшей войну против Германии⁶¹. Страх перед неизвестностью уравнивал интеллектуала и обывателя, мысли которых одинаково беспомощно начинали метаться в поисках духовного равновесия. Немецкие бюргеры не случайно рассчитывали на союзников в лице Англии и Японии. Когда же антигерманская позиция последних окончательно прояснилась, немцы, по наблюдениям русских туристов, «совсем обезумели»⁶².

Можно было бы назвать основными виновниками войны этих самых безумцев, однако в России находились свои апологеты русского гегемонизма. Так, 32-летний московский философ В. Ф. Эрн, уже поставивший в один ряд Канта и Круппа, в ноябре 1914 г. подчеркивал, что **«проблема Европы** ставится не перед отдельными передовыми умами, не перед враждующими группами образованных русских людей, а перед самой нацией русской, перед самим народом русским... **Проблема Европы** во всей своей безмерной культурной, политической и религиозной сложности превращается в **практический вопрос русской политики...**»⁶³. И таких людей, зазывающих «народ-богоносец» духовно «переделать Европу», было в России немало.

Тем временем, даже столкнувшись с тяготами войны, многие из немцев продолжали верить в «великое будущее» своего народа под

⁵⁹ Sombart W. Händler und Helden, Patriotische Besinnungen. München, Leipzig, 1915. S. 55.

⁶⁰ Цит. по: Руткевич А. М. Идея 1914 года. М., 2012. С. 43.

⁶¹ См.: Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. М., 2014. С. 251.

⁶² Никулин В. Указ. соч. С. 317.

⁶³ Эрн В. Голос событий // Новое звено. 1914. № 47. 15 ноября. С. 4.

«незримым руководством со стороны божественной воли»⁶⁴. Это был «идеализм долга» – явление скорее уникальное, нежели универсальное, связанное с предвоенной трансформацией «германского духа» в индустриальный прогресс. «Ура, наконец-то я получил назначение, – писал студент-юрист незадолго до своей гибели в сражении на Марне. – Мы победим! Да и не может быть иначе при столь могущественной воле к победе. Дорогие мои, гордитесь тем, что вы живете в такое время и являетесь представителями такого народа»⁶⁵. Во всех странах обнаружился целый слой молодых людей, словно намеренно рвущихся навстречу собственной гибели.

Для Австро-Венгрии война началась с Манифеста «К моим народам», в котором престарелый Франц-Иосиф заверил подданных: «Я все взвесил, я все обдумал». Вслед за тем «военный энтузиазм» охватил не только города с немецким населением, но также венгерские, польские и хорватские крупные населенные пункты. В Карловых Варах полиция вынуждена была охранять русских приезжих от националистически настроенных немецких демонстрантов»⁶⁶. М. Волошин писал о настроении, царившем в Будапеште: «Вокруг были лица с губами, разверстыми криком в форме омеги». Ему казалось, что он попал в неизвестную страну после завоевания ее монголами⁶⁷. Впрочем, восприятие больше зависело от силы воображения, отталкивавшегося от культурной памяти. Один служащий, вернувшись из Вены, рассказывал, что «настроение в Австрии очень печальное, – почти паника, цены на все ужасные и почти ничего нельзя достать»⁶⁸.

Казалось, стерлись межэтнические барьеры. Чешские руководители также демонстрировали показную лояльность: пражский градоначальник К. Грош обратился к населению с патриотическим заявлением. После сараевского убийства К. Крамарж заверял, что чехи «никогда не покинут империю». 5 августа 1914 г. 166 чешских уездных земств и общин передали наместнику графу Туну адрес императору, в котором выражалась верность династии и одобрялись военные планы монархии⁶⁹. Вечером 30 июля 1914 г. во Львове толпа местных русинов «двинулась к городской площади, распевая патриотические песни. Оркестр исполнял гимн австрийских народов и марш Радецкого; народ пел гимн с обнаженной головой». Вышедший на балкон наместник поблагодарил манифестантов за

⁶⁴ Корнелисен К. Указ. соч. С. 268–269.

⁶⁵ Цит. по: Руткевич А. М. Указ. соч. С. 19.

⁶⁶ Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С. Австро-Венгрия в период Первой мировой войны // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 430.

⁶⁷ Волошин М. Путник по вселенным. М., 1990, С. 130–131.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Д. 992. Л. 1109.

⁶⁹ Исламов Т. М., Хаванова О. В., Романенко С. А., Ненашева З. С. Указ. соч. С. 430–431.

лояльность, на что толпа ответила громогласным: «Да здравствует Австрия! Да здравствует наш император!»⁷⁰. Однако такой тонкий писатель как С. Цвейг отмечал связь «первого испуга» и «неожиданного энтузиазма» жителей Вены, породившего видимую атмосферу всеобщего единения. «Город в два миллиона, страна почти в пятьдесят миллионов считали в тот час, что переживают исторический момент, неповторимое мгновение, и что каждый призван вернуть свое крохотное “я” в эту воспламененную массу, чтобы очиститься от всякого себялюбия»⁷¹. Иначе ощущали себя состоятельные австрийские крестьяне, больше озабоченные судьбой будущего урожая, нежели судьбами нации. Возникла противоречивая картина милитаристских и антивоенных настроений, доносов и даже поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин⁷².

Искреннее и показное, лояльное и притворное, реальное и мнимое смешалось повсеместно. Британская пропаганда уверяла, что нынешняя война должна положить конец всем войнам⁷³. Началась кампания, призванная рассеять русофобские настроения в стране. (Впрочем, как сообщали эмигранты, «некоторые англичане выражали сожаление, что они вынуждены воевать вместе с Россией, где полиция может делать все, что хочет...»⁷⁴). В пропагандистской кампании и здесь активно участвовали университетские профессора. Впрочем, в первом манифесте английских ученых, опубликованном 1 августа 1914 г., содержался призыв к правительству отказаться от войны, если она прямо не затрагивает британские интересы. Однако после вторжения немцев в Бельгию появился другой манифест, подписанный десятками ученых и литераторов, в котором были обозначены главные тезисы Антанты: война идет не с Германией науки и искусства, а с милитаризмом и экспансионизмом правящей юнкерской верхушки.

Со своей стороны российская пресса ставила в пример военный энтузиазм англичан. Сообщали о наплыве в армию добровольцев, среди которых было 42 тысячи лондонцев, включая членов аристократических клубов⁷⁵. Публиковались фотографии патриотических манифестаций, впереди которых шли юные шотландские музы-

⁷⁰ Шевченко К. В. Карпатские русины накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война в истории Беларуси, России и мира. М., 2011. С. 187.

⁷¹ Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 547.

⁷² Миронов В. В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. С. 19–20, 65–66.

⁷³ Marquis A. G. Words as Weapons: Propaganda in Britain and Germany during the First World War // Journal of Contemporary History. 1978. Vol. 13. No. 3. P. 486.

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 22 (врач Е. Я. Столкин из Лондона от 3 октября 1914 г. – М. И. Блюер в Москву).

⁷⁵ Петроградские ведомости. 1914. 12 сентября.

канты⁷⁶. А. Н. Толстой писал, что «война всколыхнула застоявшуюся веками жизнь Лондона»: она демократизировалась настолько, что в дорогих ресторанах стали появляться люди в непривычных нарядах⁷⁷. Патриотический подъем затронул и рабочих. В течение августа и в начале сентября 1914 г. в армию записалось около 500 тысяч человек, а к концу 1914 г. более миллиона британцев стали добровольцами. К лету 1915 г. в армию вступило уже около 2 миллионов человек, после чего количество волонтеров стало сокращаться. Встал вопрос о всеобщей воинской повинности, которой не было со времен О. Кромвеля⁷⁸. Но она была введена лишь в следующем году.

Не менее патриотично были настроены даже в Канаде. 2 августа оттуда сообщали: «На здешнюю жизнь война страшно подействовала. Все работы приостановлены, безработных небывалое количество, массовые самоубийства. Творится что-то ужасное... Здесь большой подъем патриотического настроения, флаги, гонения на немцев...»⁷⁹.

Во Франции ситуация была сходной. Здесь войну также ждали. Еще до нее увидела свет книга «Вторжение англичан в Германию», в которой офицер французского Генерального штаба обосновывал задачи высадки британского десанта в Европе. (Разумеется, в 1912 г. книгу издали в Германии для обоснования англо-французской угрозы).

Все это сказалось на эмоциях августа 1914 г. Пехотный офицер, отправившийся на фронт с одного из парижских вокзалов, так описывал царившее там настроение: «В 6 часов утра... поезд медленно отошел от перрона. Неожиданно, словно пламя, вырвавшееся из дотоле тлевших углей, грянула “Марсельеза”, заглушив слова последних напутствий. Собравшаяся на перроне толпа хлынула за составом... Нас приветствовали на каждой станции, махали шляпами и платками из каждого придорожного домика... Неслись возгласы: “Да здравствует Франция! Да здравствует армия!” Мы кричали в ответ: “До свидания! До скорой встречи!”»⁸⁰. По словам Р. Роллана, одного из немногих писателей, не инфицированных шовинизмом, «один из наших молодых романистов, капитан», утверждал, что нынешние события – «возобновление революционной войны против феодализма... это – Воскресение Свободы»⁸¹.

⁷⁶ Война и герои. Пг., 1914. № 5. С. 13.

⁷⁷ XX век. Писатель и война. Архивные материалы Отдела рукописей ИМЛИ РАН. М., 2010. С. 20.

⁷⁸ Прокопов А. Ю. Война и вопросы социально-политического развития Великобритании // Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 267–269, 285.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 97 (письмо неустановленного автора от 2 августа 1914 г. А. А. Арбатской в Москву).

⁸⁰ Цит. по: Куган Дж. Указ. соч. С. 88.

⁸¹ Роллан Р. Виновники и жертвы войны. М., 1917. С. 4.

Энтузиазм был порожден не только жадой реванша. Во Франции в ходу было понятие регенерации, которое пришло от левых и издавна использовалось французскими революционерами по отношению к судьбе старого режима, который рассматривался как сверхкоррупционный. Революционные социалисты и синдикалисты использовали часть этого наследства. Социалистический мессионизм, представления о лучшем мире, в котором люди будут равными, лучше образованными и более терпимыми, одним словом, более счастливыми, к началу 1914 г. уже не имели контраргументов. Надо только сокрушить зло, сконцентрированное в Германии, считали консерваторы, и разрушить милитаризм, полагали социалисты⁸². В сущности, это была квазимессианская антиутопия, истоки которой крылись не только в антигерманизме, но и в имплицитном недовольстве «не оправдавшими себя» идеями Просвещения. В тогдашнем «духе 1914 года» повсеместно присутствовало то, что со временем в самой Европе назовут ее «закатом» и «упадком».

Конечно, публично произносилось совсем иное. В августе 1914 г. во Франции утвердилось «партийное перемирие»: социалисты и монархисты готовы были продемонстрировать «священное единение», хотя первые называли его навязанной формой классового сотрудничества. Возникло несколько патриотических лиг. Чаще всего ими использовался лозунг «Национальной обороны» – нарочито туманный по содержанию. Был в ходу и откровенно шовинистический лозунг «Война до победы» – он в значительной степени был ответом на пробуждение антивоенных настроений. Лозунги «белого мира», «мира по соглашению», «мира без аннексий и контрибуций» расценивались как пораженчество. Правительство поначалу воздерживалось от заявлений о целях войны, но негласно имелось в виду возвращение Эльзаса и Лотарингии. Считалось, что Германия должна будет отодвинуть свои границы на правый берег Рейна. В общем, почти все партии, кроме откровенных националистов, испытывали определенные колебания. Вместе с тем было заметно усиление симпатий к России. В июле 1914 г. простые люди заявляли: «Если мы бросим Россию в беде, то и она от нас отвернется, и тогда мы уж получим сполна от Германии»⁸³. М. Волошин в письмах из Франции утверждал, что в «поголовной мобилизации» приняли участие культурные элиты и все классы населения⁸⁴. Действительно, Р. Роллан выступил против Г. Гауптмана, заявившего, что «германские солдаты не имеют ничего общего с теми глупыми и

⁸² *Le Naour J.-Y. The Great War Between Degeneration and Regeneration // Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies / Ed. by J. MacLeod and P. Purseigle. Leiden; Boston, 2004. P. 181–182.*

⁸³ *Ревякин А. В. Французский национализм и Первая мировая война // Война и общество в XX веке. Кн. 1. С. 240–245.*

⁸⁴ *Волошин М. Франция и война // Автобиографическая проза. Дневники. М., 1991. С. 134, 182–185.*

отвратительными сказками, которые так усердно распространяет ваша французская лживая пресса»⁸⁵. Несомненно, постоянные напоминания со стороны выдающихся деятелей европейской культуры о «зверствах» противника сыграли свою роль в патриотической консолидации наций.

Сообщения из Франции подтверждали эти оценки. Социал-демократ В. П. Акимов-Махновец писал из Парижа: «2-го августа (нового стиля – Авт.) здесь началась мобилизация... Ушли все до 48 лет... С виду мужчины ушли бодро и будут драться злобно. Все считают выступление необходимостью. Многие рабочие говорят, что, если бы социалисты взяли инициативу отказа идти на войну, они бы их поддержали, хотя бы за это пришлось умереть. Понятно, богатым и знатным есть за что драться, но рабочим все равно, кто будет у власти. Эльзас и Лотарингия лучше и богаче живут, чем при Франции. Кроме интеллигентов, т.е. людей, диктующих свой авторитет красивыми словами, никто в Эльзасе не хотел войны, крови и разорения»⁸⁶. 31 июля 1914 г. в Москву сообщали: «Каждый француз идет защищать свою родину... Мобилизация проходит удивительно спокойно, ровно. Нигде никаких грубых выходок среди солдат». Напротив, кое-где обыватели принялись громить лавки, к ним присоединились мерзавцы из России, «именующие себя политическими эмигрантами, а по поведению – воры, сутенеры»⁸⁷.

Перед бешенством шовинизма – «заразной кровавой яростью», по словам Р. Роллана – «никто не устоял»⁸⁸. Некий русский студент из Монпелье 1 августа 1914 г. так писал И. К. Белоцерковскому в Кишинев о своих наблюдениях: «На вокзал привезли четырех немцев в качестве военнопленных... Не успели они еще выйти из вагона..., толпа, как дикие звери, набросилась на этих немцев, и жандармам с трудом удалось направить их обратно в вагон. И только когда толпе заявили, что немцев ведут расстреливать в ближайшую деревушку, она с радостью удалилась». По словам автора письма, в этой обстановке наиболее сдержанно вели себя рабочие⁸⁹. А в общем мэры ряда городов «вынуждены были выпустить воззвания к населению, призывая к порядку и дисциплине»⁹⁰.

Казалось, что война вдохновила представителей всех европейских элит. Л. Андреев писал: «Энтузиазм – вот то необыкновенное состояние, которым охвачены сейчас и армии, и целые народы. Где

⁸⁵ Цит. по: Анзимилов В. Отражения войны в литературах разных стран и народов. М., 1914. С. 11–12.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 100.

⁸⁷ Там же. Л. 68 (письмо Я. К. Данилову в Москву).

⁸⁸ Роллан Р. Указ. соч. С. 7.

⁸⁹ То же самое наблюдалось в Германии, где среди рабочих преобладали депрессивные состояния. См.: Verhey J. Op. cit. P. 94.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1122.

пресловутая холодность уравновешенных англичан? Где былая скаредная осторожность жизни французского мещанства? Где наша роковая нерешительность, где мнительность наша, подрывающая силы, колеблющая волю?»⁹¹ Казалось, в военной эйфории слились либералы и консерваторы, авангардисты и традиционалисты, социалисты и черносотенцы. В. В. Шульгин отмечал, что та самая русская интеллигенция, которая во время русско-японской войны «насквозь пропиталась лозунгом “Чем хуже, тем лучше” и только в поражении родины видела возможность осуществления своих снов “о свободе”, – вдруг словно переродилась»⁹². А. Н. Толстому казалось, что народ, которого считали не только униженным, но и «просто пропащим», «внезапно поднялся на такую нравственную высоту, что повел за собой города»⁹³. Казалось, что так и было.

«Безрассудность эпохи» обычно выступает в романтических одеждах из реквизита прошлого. Но понять это изнутри самой эпохи удастся немногим.

1.1.2. Военные «гарантии» победы?

В известные времена даже здравая предусмотрительность способна сыграть провоцирующую роль. Российские стратеги увидели неизбежность противоборства с Германией и Австро-Венгрией уже после франко-прусской войны. С 1890 г. начались неформальные контакты с французскими военными, в ходе которых обсуждались проблемы взаимной подготовки к конфликту. Французы считали слабостью Российской империи «сепаратизм» поляков, финнов, среднеазиатских народов, признавали возможность диверсий евреев на железных дорогах, отмечали медлительность мобилизации людских резервов⁹⁴ – ни один из этих факторов не проявил себя сколь-либо ощутимо.

Собственная разведка в России не была должным образом организована. В Академии Генерального штаба курс тайной разведки был введен только после печального опыта русско-японской войны. В 1910 г. разведывательное отделение было выделено в особое делопроизводство, подчиненное генерал-квартирмейстеру, и всего за год до войны его центральная структура заняла надлежащее место в системе Главного управления Генерального штаба. По основным

⁹¹ Андреев Л. Н. В сей грозный час. Статьи. Пг., 1914. С. 66.

⁹² Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 113.

⁹³ Великая война в образах и картинах. М., 1915. С. 7.

⁹⁴ См.: Зайончковский А. М. Планы войны. Подготовка России к империалистической войне. Очерки военной подготовки и первоначальных планов. По архивным документам. М., 1926; Luntinen P. French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki. 1984. P. 14, 177–184, 195–196.

стратегическим направлениям разведка осуществлялась соответствующими отделами штабов военных округов. По имеющимся данным, к началу войны Россия располагала 5 тысячами агентов в сопредельных странах, которые работали довольно успешно⁹⁵. Но бессистемность, отсутствие согласованности работы разведок округов, а равно и централизации обработки информации осложняло подготовку к войне⁹⁶. И все же задача ознакомления с планами развертывания армий противника и его оборонительными сооружениями в западной приграничной полосе частично была решена.

В общем, удалось угадать расчет германского командования на блиц-криг. Но перспективы боевых действий не связывались с межэтнической враждой на Балканах и в Турции, не принималось во внимание изменение политической конъюнктуры⁹⁷. В ряде случаев возможности противника преувеличивались. Так, считалось, что в Восточной Пруссии немцами будут развернуты 25 пехотных и 3 кавалерийские дивизии, а реальные цифры оказались вдвое меньше – соответственно 13 и 1⁹⁸. Напротив, австрийскую армию общественное мнение воспринимало как «пережиток какой-то старины», к офицерам которого «население и интеллигентное общество относятся с пренебрежением»⁹⁹ (что отнюдь не соответствовало действительности). Впрочем, заблуждались все и везде – иного в тогдашней обстановке ожидать было нельзя.

Самодержавие определенно не хотело крупномасштабного военного столкновения – многие сановники доказывали, что империя достигла своих оптимальных границ. Но развитие ситуации в Европе требовало активизации России, причем не только на европейском континенте. Так, еще до войны в Персии была создана «Персидская казачья бригада», руководили которой русские офицеры; немцы, в свою очередь, создали при помощи шведских инструкторов «Персидскую жандармерию»¹⁰⁰. Разумеется, судьба войны зависела от положения дел в Европе. И здесь положение складывалось не в пользу России – перевооружение армии рассчитывали закончить только в 1917 г., завершение военно-морской программы должно было произойти еще позднее.

⁹⁵ Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin, 1988. S. 127. Следует иметь в виду, что приводимые автором данные в значительной степени основываются на преувеличенных предположениях, исходящих от контрразведчиков, заинтересованных в увеличении ассигнований на собственное ведомство. См.: Ронге М. Война и индустрия шпионажа. М., 2000. С. 20–21.

⁹⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 2. М., 1997. С. 399.

⁹⁷ Зайнчковский А. М. Планы войны. С. 102–103.

⁹⁸ Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin, 1988. S. 127.

⁹⁹ Аргус. 1914. № 19. Сходное мнение высказывал и генерал Н. И. Иванов 23 августа 1914 г. См.: McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge (MA), London, 2011. P. 81.

¹⁰⁰ Емельянов А. Г. Персидский фронт (1915–1918). Берлин, 1923. С. 5.

Свои цели в войне и российские правители, и общественность определили достаточно поздно. Единого мнения на этот счет не было. Часть высших политиков и общественности вопреки реальным возможностям, вдохновляемая не столько экономическими соображениями, сколько славянофильскими иллюзиями, рассчитывала навсегда завладеть черноморскими проливами и вновь утвердить крест на Святой Софии¹⁰¹. Соблазняли и другие «призы» побед, казавшиеся естественными: присоединение всей Польши, Галиции, Буковины, Восточной Пруссии, Турецкой Армении. Все это называлось «усилением коренной России», «выпрямлением границ», «освобождением славян» и, соответственно, «раздроблением Германии»¹⁰². Случись такое, Россия выиграла бы от войны больше других держав. Более того, поговаривали, что, присоединив Турецкую Армению, неплохо было бы через Киликию выйти к Средиземному морю, навсегда «заперев» Турцию в Малой Азии. Издавна болезненный для России польский вопрос намеревались разрешить путем создания куцей автономии из трех объединенных силой оружия частей (австро-венгерской, германской и русской) этнической Польши. Из будущей «независимой» Чехословакии собирались сделать вассала русского царя.

Согласно воспоминаниям адмирала И. К. Григоровича, «агрессивное настроение», охватившее перед войной верхи русского общества, имело «своим лозунгом верховенство России на Балканах», достижимое путем расчленения Австро-Венгрии, что «привело бы к значительному расширению территории, а, следовательно, и к упрочению могущества и процветания России, что в известной степени затушевало бы тяжкие воспоминания японской войны и укрепило пошатнувшийся трон»¹⁰³. Создается впечатление, что российскую геополитику определяли утопии и романтизированная историческая память, но никак не здравый, особенно экономический, расчет.

Разумеется, не все российские сановники и стратеги пребывали в геополитических мечтаниях. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов противостоял в этом вопросе военному министру В. А. Сухолинову и начальнику Генерального штаба Н. Н. Янушкевичу, опираясь на будущего начальника штаба Верховного главнокомандо-

¹⁰¹ Некоторые западные авторы настаивают, что Россия вступила в войну вовсе не из-за Сербии, а исключительно для того, чтобы получить контроль над Константинополем и проливами (McMeekin S. Op cit. P. 239). Вряд ли эта точка зрения справедлива. «Идеалистические» и «прагматические» мотивы и соображения переплелись в российских верхах настолько прочно, что ограничиваться столь простым объяснением, скорее всего, не стоит.

¹⁰² Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 406.

¹⁰³ Цит. по: Лукин А. Накануне событий, 1912–1914 гг. // Последние новости (Паж). 1932. 13 августа.

вания М. В. Алексеева, генерал-квартирмейстера Ю. Н. Данилова, начальника мобилизационного отдела сухопутных сил С. К. Добровольского, морского министра И. К. Григоровича¹⁰⁴. Но парализовать крикливость всех ура-завоевателей, особенно среди либеральной интеллигенции, оказалось непросто.

Обычно при подготовке к длительной войне противники исходят из определенной симметрии вооружений и ресурсов. В России (как, впрочем, и в Германии) об этом стали забывать. В военном ведомстве откровенничали: «Войну мы предполагали вести в расчете только на заготовленные в мирное время запасы. Плана подготовки к систематическому пополнению расходов этих запасов во время самой войны не было»¹⁰⁵. Но и это было не самым опасным для России.

Российский Генеральный штаб разрабатывал мобилизационные расписания, исходя из вероятности войны против, по меньшей мере, двух своих соседей: Германии и Австро-Венгрии. Стратегическое развертывание русской армии, соответственно, имело два варианта: преимущественная концентрация войск против Австро-Венгрии; преобладание сил на русско-германском фронте. Трудность реализации того и другого вариантов заключалась в том, что мобилизация армии из-за размеров территории империи и малой густоты ее железнодорожной сети неизбежно отставала от развертывания ее противников. Поэтому успех начального периода войны во многом зависел от того, по кому Германия нанесет первый удар — по России или по Франции. Вариант германского наступления на Францию через Бельгию практически не учитывался.

Немецкий план ведения войны созрел задолго до ее начала: молниеносным ударом вывести из строя Францию, а затем расправиться с «медлительной» Россией. Это позволило провести мобилизацию и развертывание войск относительно планомерно.

На случай войны на Западе были намечены кандидатуры командующих: армию, выставленную против Германии, должен был возглавить великий князь Николай Николаевич; войсками, противостоящими Австро-Венгрии, должен был руководить А. Н. Куропаткин. Николай Николаевич и Куропаткин еще в бытность последнего военным министром не могли сойтись даже по вопросу о строительстве дополнительных железнодорожных путей. Куропаткин вообще своеобразно смотрел на решение транспортной проблемы: в прифронтовой полосе и на фронте предполагалось сделать ставку на конную тягу, лошадей следовало ввозить из Монголии¹⁰⁶. Впрочем, поскольку Куропаткин был непопулярен, его кандидатура

¹⁰⁴ См.: Писарев Ю. А. Тайны Первой мировой войны. С. 89–90.

¹⁰⁵ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М.; Л., 1957. С. 169.

¹⁰⁶ Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 436–437.

была отвергнута. Были поименно известны командующие не только фронтами, но и армиями. Памятью о печальном опыте русско-японской войны, постарались максимально сократить штаты полевых штабов, но при этом определенно перестарались¹⁰⁷.

В начале XX в. перспективы прогресса, в том числе и военного, связывались с масштабами научных исследований и разработок. Однако о том, что грядущая война, помимо всего, может стать непосредственным соревнованием научной мысли, мало кто задумывался. Хотя Россия располагала мощным потенциалом фундаментальной науки, химиков (членов крупных научных обществ) было в 15 раз меньше, чем в США, в 8 раз меньше, чем в Германии и Англии, в 2,5 раза меньше, чем во Франции. Еще худшее соотношение было у физиков¹⁰⁸. В годы войны этот недостаток мог сказаться – особенно если правительство заранее не задумалось о мобилизации инновационного потенциала страны. Однако подготовки к длительной, тем более тотальной войне не велось – впрочем, подобное наблюдалось во всех коалициях: победа связывалась с тем или иным сценарием блиц-крига, предполагавшим, в свою очередь, быструю мобилизацию. К тому же в российских верхах считалось, что в случае войны Германию ожидает скорая продовольственная катастрофа.

В целом, представления о собственных и чужих достоинствах и недостатках странным образом «перекосились». Поистине роковую роль сыграла российская привычка выдавать желаемое за действительное – особенно перед лицом высшей власти. Военный министр В. А. Сухомлинов еще в 1911 г. уверял: «В настоящее время идет деятельная работа по обеспечению армии новейшими орудиями крупных калибров, управляемыми аэростатами, аэропланами, автомобилями, прожекторами и прочими сложными техническими средствами»¹⁰⁹. На деле тяжелой артиллерии в предполагаемом объеме так и не появилось: на 1 мая 1914 г. ею были оснащены лишь 7 корпусов из 37. Вся русская армия имела 60 батарей тяжелой артиллерии, а германская – 381 батарею. В армии насчитывалось всего 250 автомобилей, преимущественно легковых, принадлежавших штабам. Один пулемет в июле 1914 г. приходился в среднем на тысячу солдат, что было ничтожно мало. Русская армия имела запас в 850 снарядов на каждое орудие, в то время как в западных армиях он составлял 2–3 тысячи¹¹⁰.

¹⁰⁷ Кондзеровский П. К., *ген.-лейт.* В Ставке Верховного. 1914–1917. Воспоминания Дежурного Генерала при Верховном Главнокомандующем. Париж, 1967. С. 8, 9.

¹⁰⁸ Волобуев П. В. Наука и техника в дореволюционной России (конец XIX – 1917 год) // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 116.

¹⁰⁹ Цит. по: Зайончковский П. А. Высшее военное управление. Император и царствующий дом // П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 86.

¹¹⁰ Маниковский А. А. Военное снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Т. 1. М., 1930. С. 153–155.

Артиллерии и особенно автоматическому оружию не уделялось должного внимания. Первым делом командование заподозрило в перерасходе снарядов нерадивых командиров¹¹¹. Русские генералы не предполагали, что до 70 % потерь в будущей войне будет приходиться на оружейный огонь. В то время как в состав русской дивизии входило шесть батарей легких орудий, в состав германской дивизии – 12 батарей (из них 3 батареи тяжелых орудий). По своей огневой мощи германская пехотная дивизия в полтора раза превосходила русскую¹¹².

Хуже всего обстояло дело с современными средствами связи. Формально на пехотный корпус приходилось 20 полевых телеграфов, 193 телефона и 330 верст кабеля. Накануне войны в войсках находилось 1353 полевых телеграфных парков, более 10 тысяч телефонов, 23 версты воздушных кабелей¹¹³. Но даже для столь малого количества средств связи катастрофически не хватало телеграфистов, особенно высокой квалификации, их оперативную подготовку так и не смогли наладить¹¹⁴. Очень скоро сказалось и это.

Правда, перед войной в России бурно развивалась авиация, самолет стал своего рода символом возможной модернизации России. Но соответствующие планы оказались перечеркнуты уже в начале войны в силу военно-технологического отставания страны¹¹⁵. Самолетов попросту не хватало.

С боевым духом войск дело также обстояло не лучшим образом. В конце 1913 г. военному министру сообщали о солдатских письмах «дурного настроения», особенно в связи с задержанием в армии запасных. Анонимный «русский нижний чин» писал: «Придя на военную службу, я встретил везде подлость, воровство, несправедливость... Из меня старались выбить все человеческие чувства, каждый начальник ругает, наказывает, не разбираясь с тем, прав я или виноват, а только потому, что имеет право». Этот человек считал, что всякий русский солдат привык «ненавидеть своего начальника как злейшего своего врага, которому он воздаст сторицею при всяком удобном случае». Более того, он предсказывал, что рано или поздно «русский мужик сметет, как пыль, всю сволочь, которая живет его потом и кровью», при этом «с удовольствием вонзит свой штык не только тому, кто прибавляет ему службы, но и тому,

¹¹¹ Кондзеровский П. К. Указ. соч. С. 43.

¹¹² Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русской фронте. Прага, 1925. С. 103.

¹¹³ Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986. С. 147.

¹¹⁴ Шапошников Г. Н. Связисты Урала в годы Великой войны // Россия в Великой войне 1914–1918 гг. Пермь, 2000. С. 25–26.

¹¹⁵ Vitarbo G. Aviation, Identity, and Imperatives of Modernization // The Military and Society in Russia, 1450–1917 / Ed. by E. Lohr and M. Poe. Lieden; Boston; Köln, 2002. P. 290–291.

кто пишет, что он на это не обижается»¹¹⁶. Было известно мнение германских специалистов: главной причиной поражений в войне с Японией «были факторы морального свойства»¹¹⁷. Не составляло секрета и то, что армия живет «сезонной жизнью», а воспитание в «барабанном» духе в кадетских корпусах совершенно оторвано от ее реальных нужд. В ходе военных реформ 1905–1912 гг. исходили из недостаточной численности армии, слабостей ее организации, неподготовленности кадров мирного времени, недостатков сложившейся системы дислокации войск, мобилизационных потребностей¹¹⁸. Были отправлены в отставку 341 генерал и 400 полковников. Рекрутирование войск стало осуществляться строго по территориальному принципу. Были уменьшены гарнизоны крепостей. Был ликвидирован старый порядок замещения полковничьих должностей, когда кандидаты упорно ждали выгодной для них вакансии – обычно для того, чтобы избежать переезда на новое место службы. Попытались также в строгой тайне свести к минимуму различия между офицерами армии и гвардии¹¹⁹. Но то, что для современной армии важны не только довольствие, но и моральный дух, дисциплина, спайка офицеров и солдат, признавалось только на словах¹²⁰.

Устранение недостатков требовало колоссальных средств. Формально к 1914 г. Россия тратила на армию даже больше, чем Германия, причем на это уходило до трети всех правительственных расходов¹²¹. Но значительная их часть шла на реорганизацию управления и систему пенсионного обеспечения офицеров. Кое-что, разумеется, выгадали и солдаты: им, к примеру, стали выдаваться одеяла, простыни и даже носовые платки. И, тем не менее, реформы были далеки от завершения. Строго говоря, для обновления армии требовался качественно иной общеобразовательный уровень личного состава – это было самое главное. А между тем вчерашний крестьянин так и не привык к мысли, что современная война требует серьезной профессиональной подготовки.

Крайне остро стояла проблема взаимоотношений командиров и нижних чинов. Безусловно, солдат мог любить офицеров, проявляя они «отеческую» заботу о нем. Но последние сами были в

¹¹⁶ Солдатские настроения накануне мировой войны // Красный архив. М.; Л., 1934. Т. 3 (64). С. 77–78.

¹¹⁷ *Теттрау Э.* Куропаткин и его помощники: Поучения и выводы из русско-японской войны. СПб., 1913. С. 6.

¹¹⁸ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные реформы в России 1905–1912 гг. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 160.

¹¹⁹ *Кондзеровский П. К.* Указ. соч. С. 15–16.

¹²⁰ См.: *Холманских А. Е.* Реформы в российской армии в период между русско-японской и Первой мировой войнами (по материалам военной периодики) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1999. № 2.

¹²¹ *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. L., 1978. P. 13–14.

полном смысле слова задавлены бытовыми проблемами. Конечно, кое-где элементы патерналистской спайки во взаимоотношениях офицеров и солдат имели место – по крайней мере, в артиллерии¹²². Но это становилось исключением. Отношения в армейской среде оставались более архаичными, чем в обществе в целом. К тому же контингент запасных был неоднороден: служившие после русско-японской войны вели себя «удобно для начальства»; напротив, участники войны «держались вызывающе, на офицеров глядели враждебно, фельдфебеля как “шкуру” презирали...»¹²³.

Существовал еще один фактор, способный в определенных условиях сказаться на моральном духе войск – обилие этнических немцев среди офицеров и генералов. В целом это были преданные монарху профессионалы, но их требовательность и педантичность шли вразрез с солдатским идеалом «своего» командира. В трудных условиях это могло сыграть роковую роль.

Командиров можно было бы любить за «отеческое» отношение к подчиненным и уважать за профессионализм и отвагу. Но солдаты замечали в них паническую боязнь высшего начальства, нерешительность, казнокрадство, пьянство, шкурничество и карьеризм¹²⁴. Офицеры гвардии, впрочем, склонны описывать отношения с солдатами в розовых тонах – с ними «в умеренных дозах» и лечебных целях делились даже спиртным¹²⁵. Вряд ли положение было столь благостным: даже кадровые офицеры, число которых в годы войны неумолимо таяло, могли прямо или косвенно негативно влиять на солдат¹²⁶.

Болезненный культурный разрыв между верхами и низами в воюющей армии мог сыграть поистине роковую роль. Унтер-офицеры российского образца не смогли сыграть роли связующего звена между нижними и высшими чинами. А между тем именно нехватка унтер-офицеров, причем в тыловых округах, с ходом войны ощущалась все острее¹²⁷. Что касается офицеров военного времени из числа интеллигентов (гимназисты досрочно заканчивали обу-

¹²² См.: Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 58; Драгуновский Я. Д. Моя жизнь // Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е годы. М., 1989. С. 331. Описан случай, когда материально обеспеченный молодой прапорщик-артиллерист попросту раздавал свое жалованье солдатам. См.: Веверн Б. 6-я батарея. 1914–1917 гг. Повесть о времени великого служения Родине. Т. 1. Париж, 1938. С. 81–82.

¹²³ Бонч-Бруевич Н. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. Ташкент, 1958. С. 17, 21.

¹²⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 57–58.

¹²⁵ Макаров Ю. В. Служба в старой гвардии // Военно-исторический журнал. 2002. № 6. С. 53–54.

¹²⁶ См.: Оськин Д. Записки солдата. М., 1929; Пирейко А. М. В тылу и на фронте империалистической войны. Воспоминания рядового. Л., 1926; Ершов С. Ф. Страницы прошлого. Воспоминания старого солдата. Л., 1962.

¹²⁷ См.: Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов. Воронеж, 1978. С. 26.

чение и затем направлялись в военные училища, откуда через 4–5 месяцев выходили прапорщиками), то через них в армейскую среду хлынули и вовсе вредные для нее повадки и настроения – об этом императору было доложено уже после первых выпусков¹²⁸. Дело доходило то того, что среди юнкеров оказывались социалисты¹²⁹, что, разумеется, раздражало монархически настроенных кадровиков¹³⁰.

Уже в первые месяцы войны были допущены просчеты, имевшие долговременные негативные последствия. Так, силы гвардии оказались разрознены, армейские начальники использовали гвардейцев на самых трудных участках фронта. Когда в некоторых гвардейских частях обнаруживался избыток унтер-офицеров, командование ставило их в строй рядовыми вместо использования в запасных частях¹³¹. Так, за четыре месяца боев 1914 г. лейб-гвардии Преображенский полк потерял 67 % офицерского состава, а потери нижних чинов составили 64 %¹³². В известной степени это было запрограммировано всеми военными традициями русской армии, как положительными, так и дурными. Вряд ли с потерями такого рода можно было победить в большой войне.

Россия основательно отставала от Германии и Австро-Венгрии в сосредоточении и развертывании войск; принятое в 1913 г. «Положение о подготовительном в войне периоде» далеко не решало всех насущных и потенциальных проблем. Но работа по их решению все же шла: строительство железных дорог из центра России к западным границам (в частности, дороги Ржев–Полоцк) существенно сокращало сроки начала активных наступательных действий на этом направлении. Удалось ускорить и мобилизационную подготовку. И тем не менее русского солдата при мобилизации приходилось перебрасывать в среднем на тысячу километров, то есть вчетверо дальше, чем немецкого.

Слабым местом российских вооруженных сил по-прежнему оставалась система управления. Император, по-своему любивший армию, более всего обожал смотры и парады, радовался «молодецкому» виду солдат. Эти критерии легли в основу оценки деятельности командиров. А между тем со времен русско-японской войны в литературе писали о том, что офицер должен стать «воспитателем

¹²⁸ Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе республике Советов. М., 1988. С. 12.

¹²⁹ Ощепков Л. Г. Офицер военного времени (по воспоминаниям Ошева А. Г.) // Россия в Великой войне 1914–1918 гг. Пермь, 2000. С. 19.

¹³⁰ См.: Оськин Д. П. Записки прапорщика. М., 1931. С. 54; Кислицын Н. Е. В огне войны и революции. Харбин, 1936. С. 63; Попов К. Воспоминания кавказского гренадера 1914–1920. Белград, 1925. С. 175–176.

¹³¹ Ходнев Д. Лейб-гвардии Финляндский полк в Великой и Гражданской войнах (1914–1920 гг.). Белград, 1932. С. 32; Зайцов А. Семеновцы в 1914 году. Гельсингфорс, 1936. С. 6.

¹³² Андоленко С. Л.-гв. Преображенский полк в Великой войну. Б.м., б.д. С. 5.

армии», которая во все большей степени становится «народной», а отношения внутри нее должны основываться на «военно-гражданских» началах¹³³. Ничего подобного добиться не смогли. Даже постоянного ритма учебного процесса достичь не удавалось: в зимние месяцы войска превращались в некую совокупность казарм. Предстояло также преодолеть отчуждение между разными родами войск, между военными училищами и армией и т.п. Положение усугублялось тем, что технические нововведения император игнорировал: в частности, он резко возражал против автоматической винтовки В. Г. Федорова, мотивируя это тем, что для такого оружия не напасешься патронов¹³⁴. И тем не менее в определенных кругах в феврале 1914 г. заявляли, что Россия, «поднявшая боевую мощь армии, не думает о войне, но готова ко всяким случайностям»¹³⁵. Это походило то ли на глупую безответственность, то ли откровенную провокацию.

В офицерской среде (а возможно, что и среди образованных людей вообще) было предостаточно людей, разделявших гегемонистские и геополитические планы самодержавия. Кавказские офицеры на Кавказском фронте рассуждали: «...Занятая нами турецкая территория, безусловно, останется за нами», на нее надо переселить казаков, которые составят новое войско и «окажут» годную к тому часть местного населения. Это воспринималось как своего рода военно-культуртрегерская миссия: кто еще сможет примирить враждующее местное население, если не «третья сила» в лице Российской империи?¹³⁶ Но были ли готовы к этому офицеры?

В апреле 1914 г. офицерский корпус включал в себя 40 590 офицеров и генералов, при этом общий некомплект составлял 8 %. Но если высших офицеров и генералов было в избытке, то младших офицеров не хватало – военная профессия становилась все менее популярной. Офицерство сохраняло черты корпоративной замкнутости: общественными вопросами не интересовалось, существующий порядок считало незыблемым, упорно, но не вполне успешно культивировало собственный кодекс чести. Последний включал в себя известные «рыцарские» достоинства и презрительное отношение к доносительству и подхалимажу. В свое время А. А. Брусилов публично поцеловал руку великому князю Николаю Николаевичу – этот поступок запомнили надолго¹³⁷, не исключено, что он

¹³³ Галкин М. Новый путь современного офицера. М., 1906. С. 21, 25.

¹³⁴ Зайончковский П. А. Высшее военное управление. С. 88–92.

¹³⁵ Биржевые ведомости, 1914. 27 февраля.

¹³⁶ Елисеев Ф. И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 76, 112.

¹³⁷ См.: Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. М., 1996. С. 413–414; Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны // П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. С. 35, 64.

негативно сказался во время «брусиловского прорыва». Символом офицерской чести считались погоны; в 1917 г. офицеры не случайно болезненно реагировали на вынужденную необходимость расстаться с ними.

К началу боевых действий в Восточной Пруссии число офицеров возросло почти в два с половиной раза – это было достигнуто за счет ускоренного выпуска из военных училищ, призыва отставников и запасников. Несомненно, что состав офицерского корпуса ухудшился. С началом боевых действий стала заметна склонность боевых офицеров к кутежам (в том числе и на казенные деньги) во время командировок в ближайшем тылу¹³⁸. Дело в том, что запрет на продажу спиртного вовсе не означал запрета на его употребление офицерами, тем более, что в офицерских собраниях имелись основательные его запасы¹³⁹. Конечно, солдаты знали об этом, добавок им казалось, что денежное содержание офицеров остается непомерно высоким.

Отношения офицерства и генералитета оставляли желать лучшего. Из общего числа генералов (1574 на апрель 1914 г.) высшее военное образование имели только 56,1 %. Это было связано с тем, что преимущества в продвижении по службе имели гвардейцы, что, разумеется, было анахронизмом. Особенностью российской армии в мирное время было то, что высшие военные должностные лица (командующие округов, корпусные командиры) подчинялись непосредственно императору, а потому иной раз игнорировали не только губернаторов, но и военного министра. Как результат, среди генералов процветало самодурство, бытовала привычка устраивать унижительные (считавшиеся «отеческими») «разносы» офицерам. Генералы были к тому же людьми весьма почтенного возраста. Материальное положение основной массы офицеров оставляло желать лучшего. Отсюда привычка «ловчить» с казенными деньгами, а равно и иные виды коррупции. Основательно злоупотребляли спиртным. Разумеется, все это многократно раздувалось либеральной прессой¹⁴⁰. «Офицеры бегут (из армии – *Авт.*), недавно была создана комиссия для борьбы с пьянством, растет число самоубийств, – свидетельствовал современник перед войной. – ... А если нет подъема духа в офицере, то что же может быть в солдатах?»¹⁴¹. Армейское духовенство вряд ли могло преодолеть отчужденность солдат и офицеров: офицеры имели обыкновение высмеивать «по-

¹³⁸ Кондзеровский П. К. Указ. соч. 52–53.

¹³⁹ Ясман З. Д. Вместе с Д. М. Карбышевым. (Воспоминания русского офицера В. М. Догадина) // Отечественные архивы. 2002. № 2. С. 68–69.

¹⁴⁰ Зайончковский П. А. Русский офицерский корпус накануне Первой мировой войны. С. 33–34, 38–45, 49–53.

¹⁴¹ Цит. по: Фирсов С. Л. Военное духовенство накануне и в годы Первой мировой войны // Новый часовой. 1995. № 3. С. 24.

пов», те осуждали их за «неверие»¹⁴². И это при том, что «дух» армии считался едва ли не главным критерием ее боевой эффективности.

Накануне войны некоторые специалисты отмечали, что существующая армейская иерархия порождает безответственность у высшего начальства, безынициативность у младших офицеров, чувство социальной ущемленности у «нижних чинов». В армии процветало бумаготворчество, погоня за наградами и должностями. Командиры были окружены целой «дворней» денщиков – без них офицер никак не мог обойтись уже потому, что снять уставные узкие сапоги без посторонней помощи было практически невозможно¹⁴³. Получили непомерное распространение коллективные возлияния по поводу «юбилеев», а также полковых и ротных праздников. Высшее начальство иной раз демонстрировало «отеческую» заботу о солдатах, но в целом о живом человеке забывали. «У нас ... в плоть и кровь всосался дурман начальнического самовластья... почин и инициатива парализуются в корне», – отмечали современники¹⁴⁴. Современные исследователи склонны подчеркивать, что именно это наиболее негативно сказалось в годы войны¹⁴⁵.

Тем не менее исследователи отмечают, что «русские военачальники, за исключением А. А. Брусилова, имели опыт современной войны». Действительно, опыт русско-японской войны не мог не сказаться. Этим «объясняются и более взвешенные, гибкие и продуманные решения, особенно на уровне командиров корпусов и начальников дивизий, а также командиров полков»¹⁴⁶. Но это преимущество было заметно лишь на начальном этапе войны.

Всякая новая война требует быстрого совершенствования военного искусства. Сомнительно, чтобы русская армия была к этому способна. Традиции и социальные иерархии выстраиваются веками, на их изменение тоже требуются немалые сроки.

Удивительно, до какой степени российские элиты не желали с этим считаться. Среди отставных военных (обычно тех, чья карьера не сложилась) возник целый слой людей, в полном смысле бредивших геополитикой. Перед самой войной российский отставной штаб-офицер А. Е. Едрихин (сторонник союза с Германией) уверял: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире...». Правда, к

¹⁴² Асташов А. Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 587–588.

¹⁴³ Ривовш Я. Н. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М., 1990. С. 269.

¹⁴⁴ См.: Грулев М. Злобы дня в жизни армии. Б.м., 1911. С. 143.

¹⁴⁵ См.: Graf D. M. Military Rule Behind the Russian Front, 1914–1917. The Political Ramification // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. IVF 22. 1974. S. 390–411.

¹⁴⁶ Нелипович С. Г. Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 632. Действительно, в первое время русские артиллеристы легко подавляли неопытных немецких. См. Веверн Б. Указ. соч. Т. 1. С. 50–51, 55–57, 59.

этому он добавлял, что, если источники «будут организованы соответственно своей массе, у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный – Германия – великолепно понимает, что если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии»¹⁴⁷. А убежденный теоретик последовательного панславизма и маринизма во внешней политике И. И. Дусинский считал, что война «должна одновременно носить характер национальный и племенной, русский и славянский, причем обе эти струи должны находиться в теснейшей между собой связи, выражающейся в твердом сознании, что вторая (славянская) вытекает из первой (русской) и вызывается не только чисто идейными соображениями, но и верно понимаемыми практическими национальными потребностями как русского, так и прочих славянских народов»¹⁴⁸. Считалось, что в основе грядущего европейского противоборства лежит не борьба империй, а противостояние «начал славянского и романо-германского», причем их конфликт «и есть сама европейская история». Все прочее признавалось «деталью и частностями»¹⁴⁹.

Не следует думать, что это были фантазии одиночек. «Мы выковываем себе такое положение в человечестве, равного которому нет и не было, – писал 26 октября 1914 г. М. Алфераки из столицы кн. Б. А. Куракину в Орел. – Победоносная, возвеличенная, трезвая Россия, непочатый край сил духовных, материальных, бесконечного богатства с 100.000.000-м чисто русским населением... Мы можем и должны диктовать нашу волю... Теперь сама судьба дает нам в руки все козыри до креста на Св. Софии включительно. Неужели мы и теперь не соединим Петрограда с Царьградом, стоя, как новый колосс Родосский, одной ногой на Финском заливе, а другой на Босфоре?»¹⁵⁰. Анализ настроений российских творческих элит также подтверждает, что подавляющее большинство общества встретило войну с оптимистическими надеждами. В обывательской среде сложилось единое мнение, что «сокрушение Германии – главное условие перехода к новой счастливой жизни»¹⁵¹.

Тот противоестественный оптимизм, с которым образованные классы Европы взирали на перспективы грядущего катаклизма, кажется удивительным лишь на первый взгляд. Ужасы затяжной «войны машин против людей» еще не успели войти в сознание людей. Сама по себе перспектива длительной тотальной войны каза-

¹⁴⁷ Вандам А. Е. [Едрихин А. Е.] Геополитика и геостратегия. М., 2002. С. 185.

¹⁴⁸ Арктур [Дусинский И. И.]. Основные вопросы внешней политики России в связи с программой нашей военно-морской политики. Одесса, 1910. С. 56.

¹⁴⁹ Едрихин А. Е., Петров А. Б. Геополитический вызов «Запада» российской молодежи – главная угроза безопасности России. М., 2011. С. 113.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1709.

¹⁵¹ Епанчин Ю. Л. «Война – во спасение». Общественно-политическая позиция русских писателей в годы Первой мировой войны. Саратов, 2010. С. 6.

лась абсурдом в силу ее очевидной взаимной убыточности. К тому же кое-где, особенно в России, привыкли считать, что славу Отечеству добывают «другие» – доблестные рыцари и «серая скотинка».

Самодержавие ощутило, что необходимо создать хотя бы видимость единения с обществом, а заодно позволить оппозиции «проявить себя». В принципе это соответствовало задачам тотальной войны. 30 июля 1914 г. был созван съезд представителей земств, избравший председателем главного комитета (главноуполномоченным) Всероссийского земского союза помощи раненым (ВЗС) кн. Г. Е. Львова, имевшего опыт подобной работы в годы русско-японской войны. Буквально на следующий день был образован думский комитет помощи раненым, который возглавил М. В. Родзянко. Хотя земцы определенно рассчитывали, что именно они станут объединяющим общественным центром, городские самоуправления провели 8–9 августа учредительный съезд Всероссийского союза городов (ВСГ). Важнейшей стороной деятельности всех трех организаций являлось создание санитарных поездов и госпиталей, а позднее – помощь беженцам и борьба с эпидемиями. Кроме того, ВСГ создал специальный комитет «Война и культура», призванный обеспечить пропагандистское обеспечение «целей войны». Но с самого начала либеральные политики решили использовать созданные организации для укрепления своих собственных позиций в предстоящих торгах с правительством. Война для России, помимо всего, стала ареной сведения внутренних счетов. Рано или поздно это должно было сказаться на армии.

Впрочем, до 1915 г. сугубо гражданский человек, оказавшись на фронте, мог оптимистично взирать на происходящее: русские офицеры и солдаты храбры и изобретательны, питание и снабжение войск налажено хорошо; немцы и венгры – хорошие стрелки, но при этом злы и коварны и т.п.¹⁵² Тем сильнее могло оказаться последующее разочарование, связанное с чувством недостижимости обещанной победы.

«Единение с народом» во имя победы относилось скорее к области воображаемого, нежели реального. Гарантии ожидаемой победы на деле оказались сомнительными.

1.1.3. В ожидании большой войны

Задолго до того, как прогремели первые залпы, в России обнаружилось более чем легкомысленное отношение к экономическим перспективам грядущей войны. Появились даже адвокаты российской отсталости. Дело в том, что российская финансово-экономиче-

¹⁵² Юдин С. С. Воспоминания. М., 2012. С. 21–22.

ская система базировалась на простейших и, как казалось, надежных принципах: бездефицитный бюджет, достигаемый с помощью косвенного налогообложения, и жесткий «золотой стандарт» обеспечивали приток иностранных капиталов. С другой стороны, преобладание экспорта (главным образом сельскохозяйственного) над импортом создавало положительное внешнеторговое сальдо. Таким нехитрым способом создавался «золотой мост», по которому шли средства для ускоренной индустриализации. В таких условиях недостатка в «оптимистах» не было. Подполковник Генерального штаба А. Гулевич еще в 1893 г. утверждал, что хозяйственный организм России выдержит бедствия будущей войны, как бы надолго она не затянулась. Более того, предполагалось, что от затяжной войны Россия только выиграет. Правда, он сознавал, что «будущие столкновения народов обещают быть весьма кровавыми»¹⁵³. Этот «оптимист» был не одинок. Известный финансист И. С. Блюх, исходя из представления, что война нарушит международный товарообмен, полагал, что наибольшие потери от нее понесут самые развитые страны. В отличие от них Россия способна обойтись собственными ресурсами. И поскольку в связи с войной экспорт российских хлебов прекратится, это приведет к падению цен на внутреннем рынке, и страна будет купаться в продовольственном изобилии, тяготы войны ей не страшны¹⁵⁴. Удивительно, но опыт русско-японской войны ничуть не поколебал подобных суждений.

Были и более восторженные суждения. В сентябре 1914 г. С. А. Котляревский писал из Парижа Е. Н. Котляревской в Саратовскую губернию: «...Начинается какая-то совсем новая глава в истории России и... сила вещей двинет ее на новую дорогу»¹⁵⁵. А некий присяжный поверенный Н. П. Розанов из Подольска в октябре 1914 г. утверждал, что «настоящая война – это борьба не государств, а национальностей и культур; ...это не война, а революционное восстание народов против произвола бронированного кулака тевтона, посягающего на все культурные блага мира...»¹⁵⁶. В общем, он воспроизвел одно из стандартных клише своего времени. Преобладание безответственных и неумных «оптимистов» (которых до сих пор некоторые авторы воспринимают всерьез) сыграло поистине роковую роль в развитии событий.

В результате не только обыватели, но и общественные деятели и экономисты пребывали в иллюзиях относительно влияния войны на русскую экономику и, соответственно, социальное развитие. Разумеется, были перед войной и люди, настроенные не столь опти-

¹⁵³ Гулевич А. Война и народное хозяйство. СПб., 1898. С. 179.

¹⁵⁴ См.: Блюх И. С. Будущая война, ее экономические причины и последствия. СПб., 1893. С. 8.

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 933.

¹⁵⁶ Розанов Н. П., прис. повер. Освободительная война. Подольск, 1914. С. 8.

мистично. П. Б. Струве, к примеру, утверждал, что грядущая война не будет безболезненной в продовольственном отношении ни для одной из воюющих держав. Но из этого он делал вывод, что продолжительная война невозможна¹⁵⁷. Были и другие, не менее осторожные авторы. Но не похоже, чтобы в сознании образованного общества они составляли большинство. Да и сам Струве в полном смысле бредил «величием России».

Удивительно, но едва ли не главный шанс на возрождение России виделся в освобождении от немецкого «засилья» внутри страны. Трудно сказать, что разные авторы при этом конкретно имели в виду. Еще в 1907 г. некоторые правые публицисты писали о том, что «Россия должна очистить Авгиевы конюшни бюрократизма», избавиться от взяточничества и административной волокиты¹⁵⁸. Сходным образом известный экономист, член Государственного совета И. Х. Озеров 9 июня 1914 г. в ходе обсуждения бюджета заявил: «...Наша промышленность... обставлена массами пут. У нас под влиянием этих пут совершается нередко промышленный маскарад. ...Русские предприятия конструируются не на русской территории... где-то в Берлине, во Франции или в Англии». Некоторые его заявления звучали поразительно современно: чтобы открыть предприятие в России, требуется от 6 месяцев до года, в результате «мы имеем массу русских предприятий, которые регистрируются за границей». Именно это угнетает промышленность страны и ее производительные силы, заключал он. Из-за засилья бюрократии иностранцы отказывались вести дела в России, опасаясь, что «сегодня одни ограничения, а завтра, быть может, будут другие». При таких условиях, считал он, «развивать производительные силы страны просто невозможно», и «если мы не дадим свободы творчества русскому населению, то мы производительных сил у нас не разовьем»¹⁵⁹. Действительно, накануне войны в восстановлении своих военно-морских сил Россия в значительной степени полагалась на Германию¹⁶⁰. С другой стороны, страдавшая от конкуренции московская буржуазия надеялась избавиться от германского засилья в машиностроении и вообще намеревалась бороться за эмансипацию русской промышленности¹⁶¹. В общем, сложившаяся ситуация многим казалась невыносимой.

¹⁵⁷ Струве П. Б. Экономическая проблема Великой России. Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия. Т. 2. СПб., 1912. С. 146–147, 152.

¹⁵⁸ Карцов Ю. Революция сверху. СПб., 1907. С. 3.

¹⁵⁹ Озеров И. Х. На новый путь! К экономическому освобождению России. М., 1915. С. 287, 290, 291.

¹⁶⁰ См.: Цветков И. Ф. Русско-германские военно-технические связи в области кораблестроения накануне Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии... С. 491–497.

¹⁶¹ См.: Утро России. 1914. 15 октября, 4 ноября.

Правда, были люди, которые, подобно генералу А. Кованько, апологету авиастроения, считали, что слабость России носит не материальный, а психологический характер: отсутствие веры в собственные таланты и гений народа¹⁶². Это было справедливо: патерналистская власть с помощью бюрократии вольно или невольно парализовала творческие интенции народа.

В конечном счете, как ни парадоксально, надежды возлагались не на прогресс, а на отсталость. Некоторые суждения Блюха относительно перспектив будущей войны заслуживают того, чтобы их процитировать. «Во Франции и в Германии в случае войны возникнут протесты и возмущения», полагал он, сомневаясь, что у правительств этих держав хватит сил для их подавления. Напротив, поскольку «в России огромное большинство населения ограничивается удовлетворением лишь самых насущных потребностей», то и невзгоды военных лет не отразятся столь болезненно на ее хозяйстве. Более того, «Россия, в противоположность положению Германии и Франции, не имеет повода опасаться социалистического движения... Нет повода опасаться излишней впечатлительности масс...»¹⁶³. Возникает вопрос, откуда мог взяться оптимизм, выглядящий столь нелепо на фоне будущих событий? Напомним, что Блюх как экономист и успешный финансист мыслил «рационально» – в соответствии с логическими канонами позднего Просвещения, парадоксально трансформировавшимися в «дух империализма». Так рассуждал не он один, грядущего «восстания масс» не видели образованные верхи всей Европы. В России для этого были особые основания, по-своему усыплявшие бдительность правящих классов.

От недостатка и застойного существования люди «тупеют». В особой степени это касается бюрократов. Среднегодовой сбор хлебов в России в 1910–1913 гг. составлял 4,5 млрд пудов, потребности населения и армии составляли 3 млрд. До войны из страны ежегодно вывозилось до 680 млн. пудов, то есть 15 % общего сбора. В 1915 г. вывезли всего 31 млн пудов. Откуда же могла взяться продовольственная проблема? Причина кроется в системном поражении общественного организма, а не в его локальных заболеваниях. Феномен тотальной войны не был ранее известен. Поэтому в России не было выработано общего детально проработанного плана снабжения армии; запас жиров был беззаботно израсходован в первые месяцы войны, а при эвакуации из западных губерний часть скота погибла, часть попала в руки неприятеля¹⁶⁴. Виной тому было управленческое безволие. Более того, весь управленческий персонал «застой-

¹⁶² Vitarbo G. Op. cit. P. 289.

¹⁶³ Блюх И. С. Экономические затруднения в среднеевропейских государствах в случае войны. СПб., 1894. С. 311, 314, 315.

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 26, 43, 56, 76 (воспоминания Н. И. Богатко).

ной» империи сверху донизу не умел действовать в экстремальных обстоятельствах. «...Наблюдая многих губернаторов, я отметил одну общую... черту: страх что-то упустить, страх выпустить малейшее из-под непосредственного своего наблюдения и влияния, страх упустить власть, – вспоминал один из немногих энергичных губернаторов. – ...Большинство губернаторов... буквально утопали в мелочах, заваливали себя горами совершенно ничтожных дел и бумаг, просмотр и подпись которых отнимали у них бездну времени...»¹⁶⁵. Страх за свое «место» парализовал способность к государственному мышлению. Практическим следствием этого явилось то, что уполномоченные по закупке хлеба для армии вынуждены были конкурировать не только друг с другом, но и с представителями армии, сельской продовольственной части МВД, агентами земств и городов из потребляющих губерний¹⁶⁶. Однако главная причина управленческого коллапса заключалась в отсутствии понимания между властью и основной массой хлебопроизводителей – крестьянами.

Финансовая стабильность базировалась на чисто бюрократической арифметике мирного времени: государственный бюджет подразделялся на «обыкновенный» и «чрезвычайный» – к последнему относились экстраординарные расходы на войны и ликвидацию стихийных бедствий или общественных неурядиц. В то время как «обыкновенный» бюджет неизменно сводился с положительным сальдо, расходы «чрезвычайного» бюджета вплоть до начала мировой войны неуклонно создавали суммарный бюджетный дефицит. Поскольку империя была ориентирована на внутреннюю стабильность, в экстремальных условиях она подобно насосу начинала втягивать в себя внешние инвестиции, тем более, что они всегда использовались для «латания дыр» в народном хозяйстве. Масштабная война в таких условиях почти автоматически подрывала государственные финансы, что в конечном счете болезненно сказывалось на казенной экономике.

В целом российские элиты не привыкли концентрироваться на «грубой материи» сегодняшнего дня. Волновали перспективы более «высокого» порядка. «Война должна освободить нас, русских, от рабского и подчиненного отношения к Германии...», – восклицал Н. А. Бердяев, имея в виду, правда, «духовную зависимость»¹⁶⁷. Война в полном смысле слова сфокусировала внутренние проблемы империи на образе врага.

Озеров, как и либералы, был весьма «самокритичен», а не просто «патриотичен» на манер консерваторов. «Наша апатия и апатия представителей нашей промышленности привела нас к этой эконо-

¹⁶⁵ Друцкой-Соколинский В. А., кн. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914–1918. М., 2010. С. 89.

¹⁶⁶ Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001. С. 153, 178.

¹⁶⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 25.

мической кабале Германии». Он полагал, что до сих пор «никакой мы политики не проводили: мы одно знали – выжимать деньги из населения, выжимать всеми средствами». В результате сложилась ситуация, когда «население боялось всяких новшеств» и «слепило землю по старинке»¹⁶⁸. На этом фоне либералы выдвигали задачу создания нации как «духовно-экономического целого» через «очищение» войной¹⁶⁹. Парадоксальности подобных заявлений не замечали: получалось, что война виделась едва ли не единственным средством избавления от застоя.

Следует заметить, что идеи «очищения» и «обновления» войной – своего рода секуляризованный парафраз апокалиптических настроений, формирующих «политическую теологию», – имели широкое хождение во всех воюющих странах. Но во Франции мечта об обновлении начала меркнуть в 1915 г. и полностью исчезла в 1917–1918 гг. Здесь мысль об обновлении войной оказалась деструктивной и деморализующей¹⁷⁰. Нечто подобное случилось и в России.

В России идея «войны во спасение» приобретала подчас прикладной характер преодоления экономической отсталости. «Я всегда отмечал как национальную опасность для России, – отмечал Озеров, – тот факт, что мы... все отстаем и отстаем от других стран, и тем самым все больше и больше затягиваем веревку на своей шее». Чтобы преодолеть зависимость от зарубежных стран, следовало бы акклиматизировать у себя многие производства (машиностроение, производство химических продуктов, красок и т.д.). Но дело не только в заимствовании технологий. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, – считал он. – Нам должно быть стыдно перед Богом и людьми, что мы, обладая такими естественными ресурсами, остаемся в кабале у других стран»¹⁷¹. Вскоре эта тема стала тиражироваться в прессе. «Уроки нашей экономической связи с Германией не могут для нас пройти даром, – писали «Русские ведомости». – Мы должны идти на экономическое сближение с Англией, но на началах, резко отличных от тех, которыми были проникнуты наши торговые отношения с Германией. Вместо начал экономического подчинения должны быть выдвинуты начала искренней взаимности»¹⁷².

Но наряду со сторонниками «тактического» сближения с Великобританией существовали люди, одержимые настоящими геополитическими грезами. 4 сентября 1914 г. некий Игорь из Петрограда писал В. А. Жебровскому в Москву, что «в результате войны

¹⁶⁸ Озеров И. Х. Указ. соч. С. 311–312, 322.

¹⁶⁹ Гессен С. И. Идея нации // Вопросы мировой войны. Пг., 1915. С. 589.

¹⁷⁰ Le Naour J.-Y. Op. cit. P. 176.

¹⁷¹ Озеров И. Х. Указ. соч. С. 326.

¹⁷² Русские ведомости. 1914. 7 октября.

Германия перестанет существовать». Он вообще не верил в то, что идет пресловутая «борьба славянства с германизмом». В происходящем он видел «борьбу англиканизма с германизмом», за которой последует передел мира и военное столкновение между Америкой и Англией, Америкой и Японией. Исходя из этих перспектив, автор желал, чтобы «побольше немцы потопили английских кораблей»¹⁷³. Как видно, игры с химерами геополитического воображения становились обычным интеллектуальным занятием того времени.

Не удивительно, что некоторые доморощенные мыслители надеялись на российский «прогресс» с «пораженческих» позиций. «Я ни минуты не сомневаюсь, что несимпатичные мне немцы вас победят, — писал некий Фреди (причем на немецком языке) из Цюриха 17 августа 1914 г. Л. П. Кочетковой (судя по корреспонденции, близкой к социал-демократам) в Москву. — Выгоды достанутся в конце концов Англии и Германии как промышленным странам... После войны и Россия сильно разовьется в промышленном отношении. Начнется промышленно-либеральная эра с коммерческим духом»¹⁷⁴.

Но было ли возможно столь быстрое обновление России при любом будущем геополитическом раскладе?

Системная причина «застоя» состояла в том, что вездесущая российская бюрократия ориентировалась на текущую конъюнктуру, а не на будущее. Она исходила из психологии *стабильности*, а не прогресса. Экономическая политика была пассивно-охранительной. Соответственно, промышленность не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Внутренние резервы не использовались. Позднее, в 1916 г., В. И. Вернадский напоминал, что из 61 полезного химического элемента в России добывался только 31 — даже алюминий приходилось ввозить из-за границы, поскольку запасы бокситов не были исследованы¹⁷⁵. Хозяйственная беспечность и административное самодовольство могут дорого обойтись в критических обстоятельствах. А они непременно наступят. Вернадский по-своему пытался заглянуть в будущее. Он заявлял, что война способна создать новую ситуацию: решающее значение приобретет соперничество между нациями не в сфере академических исследований, а в области изучения и использования собственных природных богатств и производительных сил. По его мнению, предвоенная экономическая зависимость России от Германии нетерпима, поскольку превращается в форму эксплуатации¹⁷⁶. В 1915 г. в статье с характерным названием «Война и прогресс науки» Вернадский выразил надежду, что «величайшее в истории потрясение» челове-

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1410.

¹⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1295.

¹⁷⁵ Вернадский В. И. Очерки и речи. Т. 1. Пг., 1922. С. 65.

¹⁷⁶ Там же. С. 131–132.

чества, несмотря на ужасы кровопролития, на нехватку средств для научной работы, на трудности обмена открытиями, возбудит умы и окажет стимулирующее воздействие на творческую мысль¹⁷⁷. Но как это могло сказаться на модернизации экономики, если, по мнению академика А. С. Фаминцына, академическая наука «не задается вопросами, непосредственно касающимися военных потребителей»¹⁷⁸. Неслучайно подобным заявлениям противостояла точка зрения кристаллографа академика Е. С. Федорова, полагавшего, что в военное время «нужно думать не о затратах для науки, а напрягать все силы, чтобы помочь армии и бедствующей части населения»¹⁷⁹. За этими противоречивыми заявлениями таилось странноватое в условиях тотальной войны недоумение: чем заняться людям творческих профессий? Увы, российская наука не достигла уровня социализации, характерного для тогдашнего Запада. Российские люди науки *in corpore* оставались не столько необходимыми для войны профессионалами, сколько достаточно бесполезными на сей счет интеллигентами.

Патерналистская система отнюдь не способствовала инновационной самостоятельности общества. Впрочем, и общество, похоже, не верило в собственные силы. В конце 1914 г. вышла книга В. В. Розанова «Война 1914 года и русское возрождение». Н. А. Бердяев откликнулся на нее в «Биржевых ведомостях» статьей с примечательным названием «О “вечно бабьем” в русской душе». В конце книги Розанов описал ощущение собственного ничтожества при созерцании «нескончаемо идущей вереницы тяжелых всадников», отправляющихся на войну. Похоже, он испытал при этом что-то вроде женского оргазма. «В силе лежит тайна мира... Суть армии, что она всех нас превращает в женщин, слабых, трепещущих, обнимающих воздух...»¹⁸⁰. По мнению Бердяева, в Розанове заговорило «вечно бабье в русском характере». Патерналистская система порождает именно такие эмоциональные реакции на страшные неопределенностью своих последствий события. Бердяева поразила «небывалая апология самодовлеющей силы государственной власти, переходящей в настоящее идолопоклонство»¹⁸¹. Возникало впечатление, что Бердяев – это тот же Розанов, но только устыдившийся самого себя, своих слабостей.

Как известно, «общественное мнение» в России было представлено образованными классами. Они, в свою очередь, по-своему интерпретировали импульсы, исходящие от «соседей», приписывая

¹⁷⁷ Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 273, 280–282.

¹⁷⁸ Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб., 1999. С. 20.

¹⁷⁹ Колчинский Э. И. Академия наук и Первая мировая война // Наука, техника и общество России и Германии... С. 197.

¹⁸⁰ Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. М., 1914. С. 233–234.

¹⁸¹ Бердяев Н. Судьба России. М., 1990. С. 38–39.

как верхам, так и низам понятный и удобный для них самих образ мысли. «Свой» собственный патриотизм, как и прочие социальные настроения и эмоции, казался эталонным. В какой степени в данном случае следует корректировать оценки, исходящие из этой среды?

Характерно, что в ответ на воззвание немецких ученых «К культурному миру» в России с некоторым запозданием появилось, по меньшей мере, семь встречных деклараций. Впрочем, первый ответ ученых инициировал, судя по всему, бывший помощник министра народного просвещения член Государственного совета Н. А. Зверев, популярный среди правой профессуры. Поэтому либеральные профессора опубликовали свой собственный манифест¹⁸². Началось «соревнование патриотизмов», в основе которых лежали метания перепуганных людских умов и женская истеричность.

Военно-патриотический порыв был внутренне амбивалентен. Это было связано также с тем, что опасность войны для народного хозяйства улавливалась многими. И не только эмоционально. Незадолго до ее начала министр А. В. Кривошеин в специальной записке для руководимого им Министерства земледелия писал, что предыдущее развитие России в начале XX в. «едва не завершилось общим экономическим кризисом». «Если все останется в прежнем положении, – предупреждал он, – ...то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем»¹⁸³. Министр связывал грозящую опасность с маргинализацией производительных сил империи. Но в большинстве своем сановники «вспоминали» о подобных угрозах лишь задним числом. Так, близкие к верхам люди считали, что «в последние пятьдесят лет перед войной Россия была тяжким хроником, хотя казалась здоровой и сильной»¹⁸⁴, а армия не была готова к войне по причине «громадности и тяжеловесности бюрократической машины...»¹⁸⁵. Другие отмечали, что накануне войны железнодорожное хозяйство развивалось слабо, дороги работали с крайним напряжением, а с первых месяцев войны возникла «угроза в виде острого недостатка в топливе»¹⁸⁶. Некоторые сомнения носили более глубокий характер. 19 июля 1914 г. будущий академик-физиолог А. А. Ухтомский писал: «Здесь у нас мобилизация... Плоха стала Россия, боюсь я за нее. Помогите Господи хоть за то, что меч вынимается теперь не за свой эгоизм, вроде корейских концессий, а по-

¹⁸² *Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев. Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии... С. 61–62.

¹⁸³ Цит. по: *Островский А. В.* Зерновое производство Европейской России в конце XIX – начале XX в. СПб., 2013. С. 349.

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 91 (воспоминания адмирала Д. В. Ненюкова).

¹⁸⁵ Там же. Л. 95–96.

¹⁸⁶ *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в. М., 1994. С. 173, 175.

старинному – за братьев своих. Неужели придется пережить унижение России?»¹⁸⁷.

Но все же преобладали неоправданные надежды, при этом «оптимизм» словно возрастал соответственно уровню умозрительности интеллектуальных занятий. «Я глубоко благодарен судьбе, что живу в теперешнее время, которое сулит нам стать зарею новой исторической эпохи Руси – Петроградской, а, может быть, и Царегородской»¹⁸⁸, – писал неустановленный автор в декабре 1914 г. из Саратова. Философ И. А. Ильин уверял, что война вызовет в русском народе расцвет духовных сил, ибо решается вопрос о его жизни и смерти, о том, «...будет ли он и впредь существовать как духовно живой и духовно творящий... или же перед ним начало разложения, пассивности и гибели»¹⁸⁹. Вряд ли «человеку из народа» были бы понятны подобные заклинания. Народ смотрел на войну совершенно иначе.

Всякие «инновационные» и даже «революционные» (имея в виду «революцию сверху») надежды базировались на искусственно вызванном народном согласии и даже энтузиазме. Этот феномен, в свою очередь, имел реликтовое хозяйственное обоснование. Власть вполне по-барски руководила по принципу: «Чтобы к утру было готово!». Подданные, как это ни покажется сегодня странным, довольно охотно соглашались. Но только поначалу.

Дело вовсе не только и не столько в застарелом самодурстве власти. От массы подданных, живущих по природному производственно-потребительскому принципу, национально значимых подвижек сознания ожидать не приходилось.

На эту особенность взаимоотношений власти и народа, столь ощутимо напомнившую о себе в связи с войной, повлиял ряд факторов. Можно упомянуть и природно-климатический фактор – хозяйство русского крестьянина базировалось на «сжатом цикле полевых работ». Можно сослаться даже на «мигрирующее земледелие» и привычку «менять хозяина» – эти факторы, в конечном счете, привели к устойчивости крепостничества. В тот же ряд можно поставить также крайнюю неритмичность урожайности (в отличие от Европы, где в удачный год хлебные сборы не более чем вдвое превосходили «недород», в России это могла быть разница в 5–7 раз).

Россиянину трудно было выработать внутренние гарантии своего биопроизводственного существования. Он обрел их подобие в институте крепостничества, опирающегося на архаичный институт общины. Крепостная зависимость, с одной стороны, не позволяла «служилому» человеку (тоже зависимому от государства) являться

¹⁸⁷ Кузьмичев И. С. А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. Эпистолярная хроника. СПб., 2000. С. 54.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2076.

¹⁸⁹ Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 78.

по зову высшей власти «людно и оружно», с другой – выработала у крестьянина устойчивую привычку противопоставлять лихоletью надежду на помещика, государство, власть.

Неповоротливому государству община была, однако, удобна как инструмент закрепощения и сбора податей. И хотя она постепенно превращалась в тюрьму для всякого успешного хозяина, неприкаянному «вечному студенту» пореформенного времени ее нравы могли показаться идиллическими. На поздней стадии своего существования община стала практически невосприимчивой к инновациям. Более того, рост внутриобщинного напряжения (возникающий, к примеру, в условиях, когда демографический взрыв ломает сложившийся производительно-потребительский баланс) оказался чреват разгулом крестьянских войн, о которых уже давно успела позабыть старушка-Европа. Последняя вообще была намного благополучнее России в социальном отношении, хотя в сегодняшней России кое-кому нравится считать иначе.

Как бы то ни было, жизнь продолжалась, но психология власти-подчинения в России менялась медленно. Отсюда готовность (или имитация таковой) народа действовать по команде власти. Разумеется, небескорыстно. Подобно тому как барин мог спасти крестьянина от последствий неурожая, от государства можно было ждать награды «за усердие».

Конечно, об эффективности приказного управления говорить не приходится. Оно строилось на верноподданнических эмоциях, которые, как убеждает история, в России всегда были довольно эфемерны. К тому же в массах сложилось представление, что ресурсы государства безграничны. Это миропредставление пытались закрепить в известной формуле: «православие, самодержавие, народность».

Представление о сакральности власти составляло устойчивый компонент русской истории. Заключение полюбит свою тюрьму, если не готов к жизни на воле. Но в экстремальных условиях он непременно разрушит ее ради свободы от безнадежности. Однако до поры до времени такой перспективы не замечают ни тюремщики, ни арестанты.

Несомненно, «патерналистский деспотизм» за относительной слабостью «дисциплинирующих» природно-стрессовых факторов жизнедеятельности (голод, эпидемии) мог сыграть в России поистине выдающуюся роль. Он не мог не сказаться на отношении к войне. Поскольку ее причины оставались за пределами традиционалистского воображения, она могла восприниматься только как некое природное бедствие. Но готовность народа по зову власти противостоять ему воспринималась в образованных верхах не иначе как «патриотизм».

Разумеется, были и исключения. Некий И. Лаврентьев писал 4 сентября 1914 г. из Буинска И. В. Жилкину в Петроград: «...Увы, деревня имеет очень малую долю патриотизма, и ничем ее патриотически не настроишь. И мне кажется, только горожане исправили грехи правительства, побудив деревенских людей идти так смело и решительно в бой с немцами...»¹⁹⁰. Патриотизм неотделим от гражданственности в современном ее понимании. Ее же в общинной деревне не было и не могло быть. Но этого ни правительственные чиновники, ни либеральная общественность, привыкшая выдавать свои устремления за народные, не замечали.

Именно расчет на готовность гигантской массы населения «спасти» власть и отечество питал официальный оптимизм. Он, соответственно, сказался и на работе пропагандистской машины. Основной порок последней состоял в том, что и она не умела считаться с реалиями. Подобно тому как священники не столько проповедовали веру в Бога, сколько учили бояться чертей (В. О. Ключевский), официальная пропаганда строилась на путающем образе того или иного врага. Впрочем, власть объективно не могла выдвинуть внятных целей, одинаково притягивающих и личности, и социумы, ибо единственной «целью» была она сама, ее собственное самосохранение. Пропаганда базировалась на вере во власть, а эта вера требовала постоянной эмоциональной подпитки.

Тотальная война требовала особой внутренней мотивации подданных империи. Казалось бы, мобилизационные возможности государственного патернализма весьма велики. На деле это не всегда так, поскольку сами его социокультурные основания могут быть неодинаковыми. Российский патернализм, согласно все тому же В. О. Ключевскому, можно отнести к «вотчинному», то есть социально пассивному. Напротив, в основе японского патернализма лежало жесткое военно-дисциплинирующее начало, стимулируемое сначала снизу, а затем и сверху. В. И. Ленин, относя как российский, так и японский империализм к единому «военно-феодальному» типу, был неправ – последний, в отличие от российского, был *внутренне* отмобилизован. Как результат, начиная с XVII в. в Японии неуклонно нарастали государственно-консолидационные процессы, подкрепляемые «самурайским» этосом единства военного и духовного, тогда как в России разлагающаяся «барско-холопская» психология никак не могла перерасти в «гражданскую».

Тем временем уже в самом начале войны встал вопрос об организационно-управленческих способностях российской власти. Поражения в Восточной Пруссии обычно списывали на недостатки координации действий армий Самсонова и Ренненкамппа. Чаше всего винили начальника Генерального штаба генерала Я. Г. Жилинского. Он, будучи «кабинетным ученым», действительно не имел опы-

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1407.

та «ни в непосредственном управлении подчиненными войсками в качестве их начальника, ни в разработке оперативных планов проводимых операций». Все эти типичные недостатки проявили себя еще в русско-японской войне. Примечательно, что ее «герой» А. Н. Куропаткин обладал великолепными административными способностями, но при этом демонстрировал «абсолютное отсутствие полководческих навыков и умений»¹⁹¹. И это было не случайно.

Генерал П. П. Петров, человек проницательный, однако не сделавший военной карьеры, считал, что о будущих военных действиях в России рассуждали «несколько легкомысленно», «по-книжному». Офицеры и генералы не были готовы к столкновению с хаосом, «не обращали внимания на фактическое состояние своих частей..., не обращали внимания на способности исполнителей – командиров». Многие высокообразованные, энергичные начальники пассивно ожидали приказаний и нуждались в постоянном одобрении своих действий. Естественное для авторитарной системы подавление «чрезмерной» личной инициативы на враждебной территории оборачивалось тем, что везде начинали «мерещиться немцы, шпионы, засады»¹⁹².

Петров приводил конкретные примеры: один из лучших генералов начал горячиться, оставив без управления весь корпус, другой – «герой русско-японской войны, типичный артиллерист» – «совершенно не имел представления об управлении войсками». А генерал с немецкой фамилией «был совсем слабый и притом загипнотизированный немецким военным искусством, техникой», впадавший «не только в уныние, но и в панику». Такие случаи были распространены¹⁹³. Действовал еще один деструктивный фактор: «страшная рознь среди генералов – желание отличиться самому и потопить соседа»¹⁹⁴. Пассивно-патерналистская психология в условиях тотальной войны постоянно порождала катастрофические сбои управления. Причем в условиях доминирования такой психологии невозможно было докопаться до реальных причин собственных неудач.

Российская система не случайно и по сей день порождает специфическое «недоумение» перед собственной историей. Попытки по-интеллигентски приложить к ней готовые европейские лекала порождает известную реакцию: «Умом Россию не понять...». Одна-

¹⁹¹ См.: Порошин А. А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов, 2010. С. 202, 284, 285. При этом Куропаткин проявлял «удивительное внимание и заботливость к нуждам солдат». См.: Веве́рн Б. Указ. соч. Т. 2. С. 127.

¹⁹² Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы. М., 2011. С. 58.

¹⁹³ Там же. С. 59, 62–64, 66.

¹⁹⁴ Болотов А. В. Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924. С. 295.

ко недостаток интеллигентского «ума» нельзя восполнить нерассуждающей «верой». Одно лишь поэтическое воображение не может лечь в основу гражданского патриотизма.

1.1.4. Мобилизация общества?

В принципе можно выделить два основных исторически известных типа социальной мобилизации: имперский, базирующийся на безусловной верности сакральной фигуре вождя, и гражданский, подразумевающий общественную спайку на «естественной» основе «коммуникативного разума». Причем, как показывает опыт, развитие патриотизма второго типа в критических обстоятельствах незримо подкрепляется реликтовым племенным инстинктом. Но что происходит, если патерналистская солидарность рушится, а гражданское общество не сложилось? На какой тип общественной мобилизации можно рассчитывать?

В начале ноября 1914 г. Н. А. Бердяев писал: «Великая... миссия России – быть защитницей угнетенных национальностей, освободительницей народов. И в эту мировую войну эта миссия должна раскрыться. Буржуазный империализм с его духом своекорыстия чужд России и русскому народу. Все насильническое в России было наносным, не подлинно русским... В священном империализме была заложена идея всемирного братства»¹⁹⁵. Наряду с этим война оценивалась с точки зрения столкновения культур. «Наступили великие дни, когда на весах вечности взвешивается удельный вес уже окрепшей немецкой культуры и еще грядущей, но уже с каждым годом крепнущей славянской», – писал И. Х. Озеров¹⁹⁶.

С самого начала цели войны формулировались двояко: помимо осуждения агрессора консерваторы подчеркивали идею противостояния славянства германизму, либералы противопоставляли право насилию. Одни кивали на силу возбуждающего, как казалось, враждебного символа, другие – на мнимое всеисие гуманистического правосознания. Тем временем популярные издания предпочитали концентрироваться на более доходчивом образе врага. Это было проще. Встречались такие, например, тексты: «Среди европейских народов завелся беспокойный, кичливый и задорный сосед, [который]... всем грозил и показывал кулак... Европейские народы принуждены были взять меч... Они должны побороть Германию, потому что Германия в противном случае проглотит их и пре-

¹⁹⁵ Бердяев Н.А. Империализм священный и империализм буржуазный // Биржевые ведомости. 1914. 5 ноября.

¹⁹⁶ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 302.

вратит в своих рабов»¹⁹⁷. Подчеркивалось, что Россия не одинока. «Три сильные державы – Франция, Россия и Англия – силою вещей сблизилась с тем, чтобы положить конец угрозе мира. В начале 20 века повторилось то же положение, что имело место сто лет тому назад, – говорилось в «Альбоме героев войны». – Тогда Европа объединилась против Наполеона, теперь она соединилась против Вильгельма...»¹⁹⁸. Школьникам предлагалась такая интерпретация происходящего: Франция и Англия подняли оружие в защиту прав человека, гражданина и народов, попранных Германией, они обнажили меч за самую культуру, над которой надругалась и которую принесла в жертву животному национализму Германии¹⁹⁹. В другом издании подчеркивалось, что Россия вместе с Францией, Англией, маленькой, но героической Бельгией и единоверной Сербией борется против необузданной алчности Германии и Австрии, стремящихся к порабощению всего мира, к угнетению всего остального человечества, не принадлежащего к немецким племенам²⁰⁰. Пропаганда строилась по старой как мир бинарной оппозиции: Добро – Зло. Утверждение «Россия борется за правду» дополнялось многочисленными лубковыми вариациями «змееборческого» мифа.

Реальные цели войны с российской стороны озвучил 14 сентября 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов в беседе с британским послом Д. Бьюкененом. Предполагалось покончить с доминированием Германии на континенте и обеспечить государственное размежевание народов по принципу национальности. Россия аннексировала низовья Немана, Галицию и Силезию; Франция получила Эльзас-Лотарингию; германские колонии в Азии предполагалось поделить между Англией, Францией и Японией; Сербия получила Боснию-Герцеговину, Далмацию и северную Албанию; Македония переходила к Болгарии. Турецкая Армения становилась автономной, Константинополь – вольным городом. В начале ноября Сазонов уже заговорил о том, что Россия просто обязана наказать Турцию за ее вероломство, захватив Константинополь и очистив его от турок²⁰¹. Страсти разгорались, аппетиты росли.

Тем временем о внезапно вспыхнувшем «чувстве национально-го единения» громче других заговорили «Биржевые ведомости»²⁰². «Война – начало новой эпохи в жизни Европы, новой страницы истории, на карту поставлена судьба великих народов Европы...», – писали «Московские ведомости». На следующий день газета уве-

¹⁹⁷ Инсаров Н. Почему началась война // Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. Октябрь – ноябрь. С. 242, 256.

¹⁹⁸ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

¹⁹⁹ Великая война России за свободу и объединение славян. Сборник статей для школьных и народных библиотек / Под ред. Д. И. Тихомирова. М., 1914. С. 133.

²⁰⁰ Россия борется за правду. М., 1914. С. 4.

²⁰¹ Bobrov R. P. Late Imperial Russia and the Turkish Straits. L., NY, 2006. P. 118.

²⁰² Биржевые ведомости. 1914. 18 июля.

ряла, что даже старики не видели такого воодушевления в народе «с турецкой войны» и сравнивали ситуацию с 1812 годом²⁰³. На этом фоне несколько неожиданными кажутся свидетельства о том, что «настоящего ощущения войны, всех ее ужасов у нас не было». Люди, уловившие это явление, пытались объяснить его «необъятностью просторов», «неисчислимостью населения», плохой постановкой военной пропаганды и, наконец, тем, что «власти не желали ни помощи, ни критики со стороны общества»²⁰⁴. Но начальству сомневаться не к лицу, причем в этом от столиц старалась не отстать и провинция. 25 декабря 1914 г. по случаю Рождества «и в воспоминание об избавлении Церкви и Державы Российской от нашествия галлов и с ними двенадцати языков» согласно приказу по Сахалинской области и Николаевскому-на-Амуре району надлежало в парадной форме отслужить благодарственный молебен. За губернатора приказ подписал Фон-Бунге²⁰⁵. Патерналистски обессиленное российское догражданское «общество» склонно было доверять власти. Но кредит всякого доверия не бесконечен: отсюда и острота реакции на ее промахи и провалы администрации.

С началом войны заметно оживилась «патриотическая» самодеятельность. Еще с XIX в. в России существовало немало различных салонов, клубов, обществ. Поначалу они строились по сословному принципу, затем к этому добавились различного рода светские благотворительные общества, а также корпоративные и профессиональные сообщества образованных людей. Со временем спектр общественной жизни стал пополняться разнообразными самодеятельными организациями – вспомоществования, кредитования, страхования и т.д., и т.п. Объединялись в своеобразные кооперативы дачники, появились общества и кружки всевозможных «любителей». В общем, это была «дозволенная самодеятельность». Теперь власть вроде бы разрешила всем организованным обывателям почувствовать себя «патриотами».

Внешне общественная мобилизация в России, вроде бы, не отличалась от союзнической. Но существовали и некоторые нюансы. Так, во Франции возникли Антигерманская лига, Национальная антиавстрогерманская лига, Французская лига, Патриотическая лига. Чаше других звучал лозунг «Национальной обороны» – нарочито туманный по содержанию. Но был в ходу и лозунг «Войны до победы», который носил откровенно шовинистический характер²⁰⁶. В России намного сильнее ощущалась потребность в деловой и при этом независимой от начальства общественной спайке.

²⁰³ Московские ведомости. 1914. 23, 25 июля.

²⁰⁴ Каменский С. Век минувший. (Воспоминания). Париж, 1958. С. 176–177.

²⁰⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 814. Л. 328.

²⁰⁶ Ревякин А. В. Указ. соч. С. 240–241.

5 декабря 1914 г. правительство утвердило устав «Общества 1914 года». В его состав входили представители различных слоев, включая рабочих. Общество было призвано «содействовать самостоятельному развитию производительных сил России, ее познанию и просвещению и освобождению русской духовной и общественной жизни, промышленности и торговли от немецкого засилья» и «безответственных германских влияний»²⁰⁷. Примечательно, что летом 1916 г. в этой организации развернули свою пропаганду социал-демократы и эсеры²⁰⁸. Между прочим, это общество обратилось к С. Д. Сазонову с «письмом неприличного тона», предлагающим тотальную очистку правительственных учреждений от лиц «немецкого происхождения». По мнению министра, в этом случае пришлось бы «1/2 служилой России устранить» как «предателей». Подобных крикунов Сазонов самих считал «предателями», а также «гадостью и дрянью»²⁰⁹. К началу 1916 г. «Общество 1914 года» насчитывало около 6500 членов, в числе его активистов были заметные имена: М. А. Караулов, С. П. Мансырев, издатель «Былого» В. Л. Бурцев, народоволец Г. А. Лопатин. В Обществе функционировало 17 отделов (торгово-промышленный, сельскохозяйственный, учебный, пропаганды, юридический и т. д.)²¹⁰.

В столице возник целый ряд других не менее «патриотичных» организаций. Некоторые из них находились под ближайшим присмотром правительства. Так, общество с литературно звучащим названием «Война и мир» находилось в ведении МВД. В Федоровском городке в Царском Селе размещалось Общество возрождения художественной Руси, претендующее на то, чтобы стать «островком русской культуры». Одним из его руководителей стал крайне правый деятель кн. А. А. Ширинский-Шихматов, вполне в духе кампании по борьбе с «немецким засильем» доказывавший, что Петербург был и остается «нерусским» городом, а потому нужно бороться за «родную старину» путем распространения в народе знаний о русской истории и русском искусстве²¹¹. Членами состояли великие князья Константин Константинович, Игорь Константинович и Гавриил Константинович, сахарозаводчик, археолог и филантроп граф А. А. Бобринский, министр А. В. Кривошеин, представители аристократии. Члены общества намеревались составлять каталоги, организовывать хранилища, заниматься собиранием памятников русского прикладного искусства, объявлять всевозможные конкур-

²⁰⁷ Цит. по: *Поршнева О. С.* «Настроение 1914 года».... С. 193–194.

²⁰⁸ *Мансырев С. П.* Мои воспоминания о Государственной думе // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции. М., 1991. С. 98–100.

²⁰⁹ Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 344.

²¹⁰ *Борщук Е. Д.* Эволюция патриотических настроений в России в годы Первой мировой войны (на материалах Петрограда). СПб., 2013. С. 20.

²¹¹ РГИА. Ф. 793. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 10, 217, 240, 249–253.

сы, в частности, на мебель в русском стиле для общественных учреждений²¹². Здесь же, в Федоровском городке, расположился персонал Санитарного поезда им. Александры Федоровны и лазарет им. великих княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. По-видимому, Федоровский городок должен был стать чем-то вроде «русского» культурного центра, противостоящего «чужеродной» столице. Позднее к этому начинанию присоединились Н. А. Макалов, В. Н. Поливанов, В. К. Саблер. Были вовлечены такие деятели искусства и литературы, как В. М. и А. М. Васнецовы, М. В. Нестеров, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, А. В. Щусев, С. С. Кричинский, А. М. Ремизов, а также королева эллинов Ольга Константиновна. По предложению Ширина-Шихматова предполагалось принять на службу К. Петрова-Водкина. По ходатайству С. Городецкого и Н. Клюева в санитарный поезд поступил С. Есенин. В ряды санитаров набирались певчие Федоровского собора. По просьбе императрицы в распоряжение руководства обществом был вызван сын Распутина Дмитрий²¹³. Тем временем некоторые старые «общественные» организации исчезали. Так, уже в октябре 1914 г. встал вопрос об окончательной ликвидации Всероссийского общества книгопродавцев и издателей. Тогда же было инициировано создание Общества женщин-санитарок, разведчиков и почтальонов²¹⁴.

В 1915 г. возник Отечественный патриотический союз. Среди 25 его учредителей преобладали чиновники, почетные граждане, но было также 5 крестьян и 3 мещанина. Впрочем, обилие деятелей по железнодорожному ведомству не оставляет сомнений в том, что союз затеял министр путей сообщения С. В. Рухлов. Союз был призван «содействовать объединению русских людей всех сословий и состояний для мирной работы на благо Отечества на нераздельных исконных русских началах: Православия, Неограниченного Царского Самодержавия и Русской народности». Естественно, ставилась задача предотвращения «революционной смуты в России, содействие устройству церковно-приходской жизни на канонических основаниях, устройство крестных ходов, патриотических манифестаций, издание пропагандистской литературы, мелкий кредит, потребительские союзы, социальное страхование рабочих». Немцы в союз не допускались, прочие инородцы могли стать «патриотами» по особой рекомендации²¹⁵. В общем, некоторым сановникам война дала лишний шанс поупражняться в подобострастии.

²¹² РГИА. Ф. 793. Оп. 1. Л. 214; Д. 16. Л. 1–18.

²¹³ Попов А. А. Идеологические и культурные особенности деятельности Царского сельского лазарета № 17 и военно-санитарного поезда № 143 // Первая мировая война: история и психология. СПб., 1999. С. 119–120.

²¹⁴ Антонов Б. И. Петербург – 1914 – Петроград. Хронологическая мозаика столичной жизни. М., 2014. С. 411–412.

²¹⁵ Устав общества под названием «Отечественный Патриотический Союз». М., 1915. С. 4–9, 13.

Помимо этих организаций получили известность общества «За Россию» и «Национальное кольцо». Некоторые общества были призваны решать сугубо практические задачи. Так, Общество памяти воинов Русской Армии, павших в войну с Германией, Австрией и Турцией, осуществляло надзор за состоянием кладбищ. Сразу же возникло множество «славянских» обществ, были также созданы общества единения с союзниками: Союз Чешских обществ в России, Общество Английского флага, Общество сближения с Англией и т. п. Надежды на «вдохновляющую» роль войны были столь сильны, что возникло даже Общество обновления русской семьи, которое ставило своей целью восстановление и укрепление распавшейся русской семьи на религиозно-нравственных и хозяйственных началах²¹⁶. Некоторые ранее существовавшие общества поменяли профиль своей деятельности. Так, Общество им. А. И. Чупрова занялось изучением проблемы дороговизны и сбором сведений о влиянии войны на крестьянское хозяйство²¹⁷. Увы, со временем о дороговизне не заговорил только ленивый, однако реальных рецептов противодействия ей так и не было выработано.

И разумеется, активизировались всевозможные радетели народной трезвости. Московское общество борьбы с алкоголизмом при содействии министерств путей сообщения, внутренних дел и финансов организовало серию специальных передвижных выставок «по реке Волге и центральным губерниям». Существовала масса обществ трезвости, кружков, а также музеев по борьбе со школьным алкоголизмом²¹⁸. Губернатор Сахалинской области Д. Григорьев в преддверии нового 1915 г. отметил в приказе, что лично заметил на улицах Николаевска-на-Амуре несколько пьяных. Заодно он указал, что «не подметено», а одного городского не оказалось на посту. По этому случаю полицмейстеру Тауту было объявлено замечание²¹⁹.

Казалось, полицейский надзор над общественностью заметно ослаб. Со временем появились такие невозможные ранее общества, как инициированное М. Горьким, Л. Н. Андреевым и Ф. К. Сологубом Русское общество для изучения еврейской жизни (апрель 1915 г.)²²⁰. Следом возникло Еврейское общество поощрения художеств (22 сентября 1915 г.)²²¹. Но независимо от конкретных своих

²¹⁶ Совет министров... С. 344; *Борищукова Е. Д.* Указ. соч. С. 34.

²¹⁷ *Тропов И. А.* К вопросу о восприятии власти российской интеллигенцией накануне и в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: история и психология.* С. 87.

²¹⁸ См.: *Каталог передвижных противоалкогольных выставок Общества борьбы с алкоголизмом (Москва).* М., 1914. С. 11–12.

²¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 814. Л. 385.

²²⁰ *Никитина М. А.* М. Горький и Ф. Сологуб // *Горький и его эпоха.* М., 1989. Вып. 1. С. 193.

²²¹ *Орлова А. К.* истории Еврейского общества поощрения художеств: Петроград, 1915–1919 гг. // *Еврейский музей.* Сб. статей. СПб., 2004. С. 186–187.

устремлений все эти организации обеспечивали дополнительную – помимо усиления гласной и негласной цензуры – «поднадзорность» социального пространства.

В спортивных союзах, лигах, сокольских и скаутских организациях занялись «мобилизацией спорта». Некоторые старые общества меняли направленность своей деятельности. В августе 1914 г. при самарском комитете Земского союза по инициативе начальника Самарского жандармского управления полковника М. И. Познанского был организован велосипедно-санитарный отряд для перевозки раненых. Записались около 100 велосипедистов, в основном из числа учащихся²²². Повсеместно создавались новые военно-спортивные клубы, подчинявшиеся военно-спортивным комитетам. К июню 1916 г. в России действовало 23 военно-спортивных комитета. Кроме того, комитеты начали сбор средств для семей раненых и погибших на фронте солдат и офицеров – членов спортивных клубов. В некоторых городах создавались специальные «спортивные дружины», призванные оказывать помощь эвакуационным лазаретам и раненым, а также осуществлять прием и эвакуацию больных. Разумеется, в спортивных кругах возбудили вопрос о замене немецких спортивных терминов русскими. Спортивные общества вычеркивали из своих списков немецких и австрийских подданных. Из Крестовского лаун-теннис-клуба, большинство членов которого составляли англичане и немцы, решили исключить немецких и австрийских подданных. Прекратилось издание «Лаун-тенниса», его последний номер вышел 5 августа 1914 г. Из Санкт-Петербургской футбольной лиги были изгнаны германские и австрийские подданные (однако этнических славян оставили), за ними последовали венгры и турки. От этого серьезно пострадали лучшие из клубов – «Коломяги» и «Унион».

Собственно спортивная жизнь не прекращалась. Огромным событием стал приезд в Россию из Швеции тренера по легкой атлетике Х. Андерсена. Его пригласила канцелярия главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи В. Н. Воейкова совместно с Российским олимпийским комитетом. В 1916 г. прошли первенства России по фигурному катанию, легкой и тяжелой атлетике²²³.

Но эти инициативы не шли ни в какое сравнение с потоками словесного патриотизма. В 1915 г., словно по команде, в разных частях империи появились поэтические сборники со стандартным названием – «Отзвуки войны». В них воспевался то верховный главноко-

²²² Семенова Е. Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 – нач. 1918 гг.). Самара, 2004. С. 56.

²²³ Глезеров С. Е. Модные увлечения блистательного Петербурга. Кумиры. Рекорды. Курьезы. М.; СПб., 2009. С. 611–613.

мандующий «вождь-исполин» Николай Николаевич²²⁴, то сменивший его на этом посту «царь-бабушка», который вместе с народом возносит «святые молитвы»²²⁵. Но в целом патриотические ноты тонули в стенаниях о всевозможных бедствиях войны.

В литературе принято считать, что начало войны восстановило единение царя с народом. На деле в «единении» обозначились некоторые трещины. Вероятно, в народе считали, что царь должен стать во главе армии. Этого не случилось: в первую поездку на фронт император отправился лишь 19 сентября 1914 г. В тот же день некий 34-летний мещанин из Стародуба заявил: «Вот Вильгельм победит, потому что у него сыновья в армии, и он сам в армии со своими солдатами, а где нашему дураку ЦАРЮ победить... Он сидит в Царском Селе и переделывает немецкие города на русские». Ветеран русско-турецкой войны, 62-летний неграмотный крестьянин Курской губернии высказался так: «Как мы воевали, то с нами на позициях был сам ГОСУДАРЬ с Князьями, мы тогда брали и побеждали, а этот ГОСУДАРЬ не бывает никогда, только гуляет в саду с немцами...». Киевский купец Бродский полагал, что «государь император должен был из Петрограда в Варшаву, а поехал кругом, вот сукин сын»²²⁶. Очевидно, массовое сознание требовало визуального подтверждения близости к царю, который бы лично вел к победе, а не ограничивался ритуальными смотрами и раздачами наград. Не случаен в связи с этим культ (объективно незаслуженный) Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича – благодаря прессе тот постоянно был на виду. Довольно слабое впечатление о себе Николай II оставил во время посещения Тифлиса, хотя официальные лица восторженно описывали его визит²²⁷. Было замечено, что он «почувствовал себя скованно из-за “почетного караула” из грузинских красавиц», а одет был в «безобразную черкеску»²²⁸. Одна грузинка на рауте спросила государя, когда будет в Тифлисе открыт политехникум, и получила ответит: «Когда это дело пройдет через законодательные учреждения». Разочарованная дама по наивности произнесла: «Какие там законодательные учреждения – прикажет государь и будет». Николай II смутился. В нем хотели видеть волевое начало, но его не было заметно. Представитель общества «Кахетия» стал доказывать царю, что «сухой закон» разоряет Кахетию и даже вступил в безуспешные пререкания с ним, а затем, отойдя в сторону, сказал: «Дело не выгорело, я убедился, что государь царствует, но не управляет»²²⁹.

²²⁴ Матвеев А. Отзвуки войны. Пг., 1915. С. 3.

²²⁵ Будрик В. Отзвуки войны. Вып. 2. Пятигорск, 1915. С. 13, 18.

²²⁶ Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 103–104.

²²⁷ См.: Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 457–461.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 247. Л. 71–72 (воспоминания Н. А. Бигаева).

²²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 42 об.

Оптимистические ноты, тем не менее, в начальный период войны доминировали. Некоторые журналисты даже заявляли, что «мировая война... стерла все грани между сословиями, уничтожила всякое различие между... национальностями... Это уже Новая Россия, единая, сильная, почуявшая свою культурную мощь и всеми силами отстаивающая ее от немецкого засилья...»²³⁰. Великая война продолжала оставаться великим самообманом.

Обнаружилось стремление к созданию музеев современной войны. 18 ноября 1914 г. с такой инициативой обратился в местную Архивную комиссию пензенский губернатор с «патриотично» звучащей фамилией – А. П. Лилиенфельд фон Тоаль. В Самаре и Саратове сходный план предложили сами архивисты²³¹. Налицо была тенденция к культурному единению власти и общественности. Но сомнительно, чтобы она получила развитие.

Либералы, тем не менее, были настроены весьма воинственно. Некоторым из них казалось, что «мировая война создает условия, в которых Россия будет способна встать во главе общеевропейской культурной организации»²³². Параллельно глобалистским «культуртрегерским» вождениям интеллигенции российский патриотизм подкреплял себя и квазипрофетическими откровениями. Разумеется, тема антихриста эксплуатировалась особенно активно. Так, «элитный» журнал опубликовал «предсказание Иоанна Така-сконского» (1900 г.), согласно которому в роли антихриста предстоит выступить одному из европейских монархов. У него будет только одна рука, его шпионы наводнят весь мир, он начнет истреблять священников, монахов, женщин, детей, стариков. В обличье «Черного орла из страны Лютера» антихрист накинется на «петуха», но тут с севера явится Белый орел и спасет его. В конечном счете антихрист потеряет свою корону, его царство разделится на 22 штата, а Белый орел «изгонит полумесяц из Европы и займет Константинополь». Войн больше не будет²³³. Пропаганда была «многослойной», но в целом оказывалась ориентированной на наивного человека, ожидавшего «чуда».

Получали развитие историко-патриотические начинания, активно поддерживаемые правыми политиками. Актеры особенно охотно изображали Суворова и Кутузова, патриотические пантомимы разыгрывались даже на цирковых аренах²³⁴. 14 декабря 1914 г.

²³⁰ Оздоровление России. Журнал, посвященный вопросам общественной гигиены и санитарии. 1915. № 1. С. 1.

²³¹ Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). По материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007. С. 73.

²³² Вопросы мировой войны. С. 19.

²³³ Аргус. 1914. № 21. С. 76–79.

²³⁴ Stites R. Russian Popular Culture. Entertainment and Society since 1900. Cambridge (MA): Cambridge University Press. 1992. P. 34–35.

в г. Ржеве на концерте, организованном учащимися епархиального женского училища, а также мужской и женской гимназий, прозвучали сочинения духовных композиторов русской и итальянской школ²³⁵. Общественная самодеятельность на местах старалась охватить крестьянство всевозможными народными чтениями²³⁶.

«Слабостью» врага противопоставлялись «сила и сплоченность» русского народа. Популярный журнал не ко времени опубликовал рисунок В. В. Полякова: генерал А. В. Самсонов самолично перевязывает ногу раненому солдату, а затем угощает его папиросой²³⁷. На обложке популярного журнала солдат в стоптанных сапогах бодро пояснял генералу, что новые сапоги, висающие у него за спиной, он скоро наденет в Берлине²³⁸. Между прочим, из-за нестыковки государственного и частного секторов экономики заготовка обуви скоро сделалась «хлопотливой и трудно поддающейся регулировке» проблемой²³⁹. Пропаганда не замечала собственных нелепостей.

Конечно, оказались востребованы яркие героические образы. Появился специальный журнал «Война и герои». В нем воспевались многочисленные безымянные воины, «безропотно идущие на верную мучительную боевую смерть»²⁴⁰. В октябре 1914 г. режиссер В. Гардин за один день снял фильм «Подвиг казака Кузьмы Крючкова» («Донской казак Крючков, или Не перевелись богатыри на Святой Руси»), имевший ошеломляющий успех. Считалось, что казак хутора Нижне-Калмыков в бою 1 августа 1914 г. поразил насмерть 11 уланов и сам получил 16 ранений пикой²⁴¹. Появилась масса соответствующих плакатов, авторы которых более чем произвольно воспроизвели победоносную боевую стычку и даже внешний облик героя. Подвиг Крючкова был растиражирован как минимум в 20 брошюрах (в том числе и на эстонском языке). Поэт Дэг (псевдоним) посвятил ему целую поэму. В цирках ставились конные представления «Подвиг Козьмы Крючкова», продавались патефонные пластинки с «Вальсом Козьмы Крючкова»²⁴². Со временем изображение К. Крючкова появилось на папиросах, выпускаемых

²³⁵ Тверские епархиальные ведомости. 1915. 19 января. № 3. С. 58–59.

²³⁶ Тимофеева Ю. В. Народные чтения в сельской местности Западной Сибири в годы Первой мировой войны // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока... С. 106.

²³⁷ Огонек. 1914. № 39. 28 сентября (11 ноября). С. 3.

²³⁸ Война. Петроград. 1914. № 5. С. 1.

²³⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 92.

²⁴⁰ Война и герои. 1914. № 3. С. 16.

²⁴¹ Гращенкова И. Н. Кино Серебряного века. Русский кинематограф 10-х годов и кинематограф Русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов. М., 2005. С. 119. Некоторые историки сомневаются в количестве немцев, лично убитых К. Крючковым. См.: Венков А. В. Подвиг Козьмы Крючкова: пропаганда и факты // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. М., 2014. С. 177–181.

²⁴² Бондаренко В. В. Герои Первой мировой. М., 2014. С. 268.

в Ростове-на-Дону. На коробке имелась стихотворная реклама: накурившись папирос, «бойче станешь немца бить!». «Ровно сено, аль солому / Топчет немцев-басурман», – так виделись боевые действия Крючкова поэту А. Матвееву²⁴³. Впрочем, некоторые воспринимали подвиги героя-казака с иронией: то ли сразу всех немцев заколол, то ли поодиночке²⁴⁴. Но «пропагандисты» словно соревновались в утрате чувства меры. Изображения Крючкова были даже на конфетах²⁴⁵.

Русские военные плакаты не отличались разнообразием: преобладали победоносные атаки и взятия городов, казаки рубили немцев, австрийцев и турок, рядовые самоотверженно спасали раненых офицеров. «Шапкозакидательство» – неперенный спутник авторитарно-бюрократических систем, спекулирующих на патриотизме. Рано или поздно этот феномен оборачивается против общественной нравственности. Эту опасность замечали, но, похоже, с потоком безответственной бравады поделаться ничего уже не могли.

В октябре 1914 г. было опубликовано «Открытое письмо некоторым гг. деятелям кинематографии» полковника А. Прозорова. Автор писал: «...Вы смеетесь над героями, над нашими чудо-богатырями. Ведь если бы Крючков, простой казак, увидел бы свой “подвиг”, то он только бы удивился, как все его “дело” просто и глупо...». Ему казалось, что репертуар пропагандистского кино составляет «сплошная ходульность, бедность, насмешка над светлым подвигом людей, кладущих за ваше благополучие свою жизнь!»²⁴⁶. Кое-кто смотрел на рост популярности кинопродукции под другим углом зрения. Журнал «Эксельсиор» писал: «Киноленты стали своеобразным наркотиком, противодействующим настроениям страха и беспokoйства»²⁴⁷.

Встречались и другие упреки в адрес российской пропаганды. «Неужели эта “военная” литература и “военные” рисунки с кровавым кайзером и Францем-Иосифом в продранных брюках нужны для поднятия бодрости страны?.. Обидно читать газеты и встречать в них пустые слова о “разложении Турции”, о “шатающейся короне Гогенцоллернов”, о “лицемерии неблагодарной Болгарии” и “о значении последнего передвижения наших войск в Пруссии”», – писал казачий офицер²⁴⁸.

Тем не менее большинству образованных людей казалось, что нынешняя война «родит не только героев, но и общественность,

²⁴³ Матвеев А. Отзвуки войны. Пг., 1915. С. 15.

²⁴⁴ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 241.

²⁴⁵ Серебренников И. И. Претерпев судьбы удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. С. 98.

²⁴⁶ Вестник кинематографии. 1914. № 100. 15 октября. С. 10.

²⁴⁷ Цит. по: Теплиц Е. История киноискусства. 1895–1927. М., 1968. С. 127.

²⁴⁸ Саянский Л. В. Три месяца в бою. Дневник казачьего офицера // Великая война. 1914 г. М., 2014. С. 87.

которая занимается организацией тыла»²⁴⁹. Такие представления относились к обычным самообольщениям того времени. Либералы считали, что с началом войны в деревне произошла своего рода социокультурная революция. Особые надежды связывались с ее «отрезвлением»: приводились данные о снижении хулиганства и преступности в связи с «сухим законом»²⁵⁰. Действительно, из деревни сообщали, что «бабы благословляют трезвость», но отмечали также и разговоры о том, что «небось господа-то пьют». При этом подчеркивалось, что «газетам стали мало верить», а сельская интеллигенция и духовенство мало работают над поднятием духовного уровня народа. В результате сообщения с фронта «переплетаются с самыми причудливыми вымыслами, фантастическими легендами и сказками»²⁵¹. Характерно, что столичные газеты беззаботно пересказывали их. Так, среди солдат получила распространение легенда о «Белом генерале»: увидеть его – значит стать неуязвимым²⁵². Рассказывали и о чуде уцелевшей иконе с погибшего крейсера «Паллада»²⁵³. Вспоминали о дурной примете для Германии: три года тому назад в саксонском городе Артерне у стоявшей в ратуше статуи Бисмарка отвалился меч, а затем и рука²⁵⁴.

Между тем в сознании масс доминировал «мотив правого дела», согласно которому «все российские граждане должны нести одинаковое бремя», а «царь и правительство должны делать все для армии»²⁵⁵. Сомнительно, что власть могла удержаться на высоте таких представлений. Уже 19 июля петроградский градоначальник сомневался: «Солдаты наши не хуже немецких... но командный состав... очень плох». Отмечал он также «недобросовестность и прямую нечестность всяких поставщиков и административных лиц»²⁵⁶.

Подчас пропаганда «русскости» принимала вульгарный характер. Сообщалось, что столичный городской голова И. И. Толстой «пьет квас» в пользу раненых, артистка Императорских театров г-жа Ростова отметилась в роли «базарной торговки», а один из артистов Императорского балета с группой балерин выступил в шоу под названием «Восемь девок – один Я»²⁵⁷. В провинции пропаганда велась более сдержанно, но крайне однообразно. Народные чте-

²⁴⁹ В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 1. 3 июля. С. 1.

²⁵⁰ Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. Октябрь – ноябрь. С. 262–263.

²⁵¹ В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 23–24. 4 и 11 декабря. С. 2–6.

²⁵² Биржевые ведомости. 1914. 30 октября.

²⁵³ Голос Москвы. 1914. 16 октября.

²⁵⁴ Петроградская газета. 1914. 5 октября.

²⁵⁵ Санборн Д. Беспорядки среди призванных в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 212.

²⁵⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 524.

²⁵⁷ Аргус. 1914. № 21. С. 107.

ния наряду с антиалкогольной, агротехнической и гигиенической тематикой включали лекции с такими названиями: «Как возникла Вторая Отечественная война», «Кто первым поднял меч», «Великая Русь в борьбе с немцами», «Помогите армии разбить врага», «Как русский народ и немцы жили среди соседей», «Мы должны победить»²⁵⁸. Вряд ли это особенно убеждало.

Война оставалась далекой и «чужой» и для образованного общества. «...Кого бы ни спросил из нынешних крестоносцев, не получу исчерпывающего ответа о целях настоящей войны, – писал Л. Андреев. – “Возрождение Польши, война против войны, борьба с империализмом и милитаризмом, воссоединение национальных единств, борьба христианства с язычеством, культуры материальной и механической с культурой живой и духовной”... Да, все это входит в мечту, но не исчерпывает ее. Она шире всех формул и либо нынче весь мир безумен, либо близок свет, который должен воссиять»²⁵⁹. Между тем Дж. Гобсон считал империализм извращением «естественной национальной жизни», результатом «корыстных интересов» и предупреждал, что он обернется «отказом от развития высших духовных качеств, которые как у народа, так и у отдельного индивида подчиняют власти разума грубые инстинкты». Расплата за этот исторический грех будет «так же неизбежна, как закон природы»²⁶⁰.

Чем более неожиданным, непонятным и невероятным кажется то или иное историческое событие, тем более фантастические ожидания и надежды в него вкладываются. Но финал, как правило, оказывается далеким от желаемого. Люди привыкли жить инерцией прошлого, а их непосредственные эмоции делают завесу будущего еще более непроницаемой.

Патриотические образы легче всего осваивались писателями. «Писатели пописывают о войне; на моих “воскресеньях” молодых поэтов все почти тоже записали о войне, надрываясь в патриотизме, – комментировала происходящее З. Гиппиус. – И старые туда же: Сологуб сразу объявил: “Громки будут великие дела!”. Куприн решил, что немцы – “гидра”, которую нужно “доканать”. Во всяких обществах доклады тоже все о войне... О Карташеве говорить нечего: сразу влип в войну и завился патриотом. Мне пришлось делать доклад в нашем Р.[елигиозно]-ф.[илософском] обществе, где я доказывала, что всякая война – снижение общечеловеческого уровня. Мне два вечера возражали..., а Карташев прямо объявил, что войну надо принимать религиозно... по казенному, словом, трафарету»²⁶¹.

²⁵⁸ Тимофеева Ю. В. Указ. соч. С. 108.

²⁵⁹ Андреев Л. Н. В сей грозный час. С. 69.

²⁶⁰ Гобсон Дж. Указ соч. С. 286.

²⁶¹ Гиппиус З. Указ. соч. С. 294.

Впрочем, позиция Гиппиус отражала лишь одну особенность интеллигентской психологии – упрямое отторжение от «мещанской» точки зрения.

Как и следовало ожидать, ощущение опасности породило в части интеллигенции истерический поворот вправо. В патерналистской системе иного не могло быть. «Гершензон и Эрн прямо близятся к черносотенству, – комментировал происходящее И. А. Ильин. – Булгаков в одной из своих первых статей уже оплевал петербургских рабочих, западников, защитников Бейлиса, Белинского и политических либералов...»²⁶². Старые интеллигентские распри не утихали.

Между тем война требовала своего рода патриотической унификации культурного пространства. Частично эта тенденция нашла свое отражение в культуре лубка. Соответственно, в культурной жизни стала заметна славянофильская струя. В связи с военными успехами в Галиции писали, что «смелым ударом русского меча разбито на мелкие куски ярмо, почти шесть веков сжимавшее шею прикарпатского раба», и теперь «явилась Русь единая и великая»²⁶³. С восторгом сообщалось, что столичные чехи переходят в православие²⁶⁴. Известные куплетисты заявляли: «Теперь не до шуток»²⁶⁵. «Новое время» рисовало такие перспективы: «Освобождая галичан от австрийской власти, мы должны освободить их не только от внешних признаков ее проявления, но и тех пут, которые были наложены австрийцами на свободное развитие русского племени под скипетром Габсбургов (уния, гонения на русский язык, земельный строй, который превращает русских в рабов)»²⁶⁶.

Увы, благие намерения плохо стыковались с действительностью. Сказывалась не столько разнородность культур, сколько изъяны российских культурных практик. Поначалу в Галиции встречали русские войска приветливо, но тем временем со стороны солдат обнаружились попытки разграбления еврейских лавок²⁶⁷. Похоже, что российское воинство считало грабеж такого «противника» делом естественным. Уже в декабре 1914 г. высокие воинские чины говорили, что Галиция «разграблена начисто, и притом... даже не столько австрийцами, сколько русскими войсками», что здесь прак-

²⁶² Ильин И. А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 84.

²⁶³ Кораблев В. Червоная Русь // Славянские известия. 1914. № 13. С. 196.

²⁶⁴ Огонек. 1914. № 32. 10 (23) августа. С. 14.

²⁶⁵ McReinolds L. Russia at Play: Leisure Activities at the End of the Tsarist Era. Ithaca; London, 2003. P. 251.

²⁶⁶ Новое время. 1914. 14 сентября.

²⁶⁷ Из нашего прошлого. Воспоминания членов союза б. юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Гельсингфорсе. Тетрадь первая. Гельсингфорс, 1943. С. 38–39.

тикуется «огульное преследование евреев, обвиняемых в сплошном шпионстве, угнетение поляков и “мазепинцев”», в результате чего местная интеллигенция разочаровалась в своих «братьях»²⁶⁸. Известный куплетист Сергей Сокольский декламировал с эстрады, как захваченный в плен «русский еврей Хаим Шиндельман добровольно пошел в разведку», «попал в плен к немцам», но не стал предателем и гордо умер «за Русь родную, за Царя!»²⁶⁹. А 27 сентября во Львове казаки и солдаты устроили еврейский погром, будучи убеждены, что им стреляли в спину²⁷⁰.

Все слои общества старались демонстрировать патриотизм. «Все очень увлечены лазаретами», – писал В. Л. Мчедлов М. Ф. Андреевой в конце 1914 г.²⁷¹. В столице Международный банк открыл лазарет на 30 раненых – «роскошный» настолько, что солдатам «немного скучно в этих палатах»²⁷². По всей стране кинотеатры осуществляли отчисления сборов на нужды больных и раненых воинов²⁷³. Между тем было известно, что в сентябре 1914 г. в Москве находилось свыше 35 тысяч раненых, мест в больницах не хватало, и многие из них вынуждены были pobираться на улицах. В этом винили военное командование, которое организовало эвакуацию раненых «из рук вон плохо»²⁷⁴.

Современники, за исключением ура-патриотов, были единодушны: ни причин, ни целей войны основная масса населения не понимала. В то время как официальная пропаганда связывала ее со стремлением Германии к гегемонии над миром²⁷⁵, в низах объяснение причин войны выстраивалось либо по сказочно-династическому сценарию (Николай II не смог простить Францу-Иосифу мариажного обмана), либо прагматично: спор из-за земли²⁷⁶. Доводы об освобождении «братьев-славян» до солдат не доходили. В феврале 1916 г. некоторые солдаты довольствовались такими доводами в пользу активизации военных действий: «Наш ротный нам объявил вот какие новости: что если война кончится, то после войны кто будет жив, то будет на каждого солдата препоручено по три девки, потому что заседание Думы признало, если война не кончится до мая месяца, то чтобы весь женский пол приделить по мужчинам»²⁷⁷.

²⁶⁸ Толстой И. И. Указ. соч. С. 580, 608.

²⁶⁹ Сокольский С. Пляшущая лирика. Стихотворения и песни. Пг., 1916. С. 28.

²⁷⁰ Prusin A. V. The Russian Military and Jews in Galicia, 1914–15 // The Military and Society in Russia. P. 529.

²⁷¹ Дадамян Г. Г. Театр в культурной жизни России (1914–1917 гг.). М., 2000. С. 45.

²⁷² Толстой И. И. Указ. соч. С. 556.

²⁷³ Вестник кинематографии. 1914. № 100 (20). 15 октября.

²⁷⁴ Толстой И. И. Указ. соч. С. 546.

²⁷⁵ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

²⁷⁶ Аксенов В. Б. Война и власть в массовом сознании крестьян в 1914–1917 годах: Архетипы, слухи, интерпретации // Российская история. 2012. № 4. С. 138–139.

²⁷⁷ Астахов А. Б. Русский фронт... С. 627.

Удивляться не приходится: командование не удосужилось обеспечить армию походными библиотеками²⁷⁸. От командиров убедительных разъяснений о «смысле войны» ждать не приходилось.

Тем не менее в сознании интеллигенции собственно российские цели войны соединились с такими заимствованными на Западе формулами, как «война против войны», «последняя война», «война без победителей и побежденных», «война за освобождение поработенных малых народностей», наконец, «война без аннексий и контрибуций»²⁷⁹. И мало кому в голову приходило, что эта странная амальгама может обернуться коминтерновскими утопиями. Русская интеллигенция, будучи наследницей умозрительной «барской» культуры, упорно навязывала народу свои собственные вождения.

Исторический самообман обходится дорого. «Оптимистическая эсхатология» легко приобретает революционную перверсию.

1.1.5. Насилие и культура: метания людей творчества

Для некоторых людей «высокой культуры» само сочетание цифр – 1914 – еще до войны приобрело мистический оттенок. Впрочем, чаще считали, что этот год чреват революцией, а вовсе не войной²⁸⁰. Одни люди творчества страшились грядущей трагедии, другие предавались геополитическим и культурно-гегемонистским грезам. Соответственной была и их реакция на события июля 1914 г. Впрочем, жарким летом войны, в отличие от прошлого года, не ждали. А. Блок только через месяц после сараевского убийства заметил распространение «духа войны»²⁸¹. Но затем всех поразили ужас перед неизвестным.

«В интеллигентной среде большая разногласица..., – сообщали из Петрограда в Москву. – Просто смута какая-то. И нет настроения, хотя некоторые пытаются щеголять пафосом или возбуждать его в других, не чувствуя в себе»²⁸². Сориентироваться в ситуации было непросто.

«XX век начался вместе с войной, так же как XIX начался Венским конгрессом», – записала А. Ахматова в дневнике. Ей казалось,

²⁷⁸ Панченко А. М. Распространение произведений печати среди офицеров и солдат Русской армии в Первую мировую войну // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. Новосибирск, 2013. С. 81, 101.

²⁷⁹ Милуков П. Н. Воспоминания. С. 484.

²⁸⁰ Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 185.

²⁸¹ Блок А. Записные книжки. 1901–1920. М., 1965. С. 234.

²⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 80 (письмо неустановленного автора из Петрограда от 23 сентября 1914 г. А. А. Титову в Москву).

что война несет России катастрофу, а не просто поражение. В отличие от ученых, иссушивших свои мозги позитивистской «наукой», некоторые поэты словно сохранили инстинктивный дар предвидения. «...Закрыв лицо, я умоляла Бога / До первой битвы умертвить меня», – так вспоминала она 19 июля 1914 г. Впрочем, так думали далеко не все. По иронии судьбы Н. С. Гумилев в день объявления войны написал стихотворение «Новорожденному», в котором звучала тема обновления мира. «Мужская» поэзия, в отличие от «женской», будто следовала пропагандистской логике эпохи. В. Брюсов в поэме «Последняя война», вспомнив о «призыве племен порабощенных», провозгласил: «Началом мира и свободы / да будет страшный год войны!». Ф. Сологуб в стихотворении «На начинающего Бог» осыпал проклятиями зачинщиков войны.

Старый интеллигентский вопрос «Кто виноват?» словно получил глобальное звучание. Любимец российских почитателей поэзии К. Бальмонт объявление войны встретил в Париже. «Войну с Германией я приветствую ликующе, – писал он. – Все последние годы были чудовищной подготовкой бедствия. Если человек готовится к убийству и заранее предвкушает его – ... это хуже самого убийства. Под этим впечатлением изменилось мое личное отношение к немцам и немецкому». Из ощущения коварства внешнего мира рождалась жажда реванша – в данном случае культурного. В результате войны, полагал Бальмонт, славяне «должны выдвинуться на первое место в Европе»²⁸³.

Увы, подобным фантазиям предавались не только люди поэтического воображения. Академик А. И. Соболевский, член Государственного совета, считал, что настало время создать «Славянский союз», в который заодно включить также румын, венгров и греков – все балканские народы²⁸⁴. Сходные идеи высказывал и харьковский профессор А. Л. Погодин в книге «Славянский мир»²⁸⁵, причем в письме к академику А. И. Соболевскому в ноябре 1914 г. он не скрывал, что в ней «жидам и украинцам влетает». При этом он ожидал нападок со стороны прогрессистов, однако надеялся свергнуть «миллюковское иго»²⁸⁶. Итак, инерция интеллигентской умозрительности и непременно сопровождавших ее склок сказала на геополитических «гипотезах».

Трудно сказать, что более всего провоцировало российский «восторг войны»: то ли поэтическое воображение, то ли «убедительные» научные прогнозы, то ли их противоположенная и потому особенно взрывоопасная смесь. Похоже, однако, что «передовая»

²⁸³ Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания. М., 1996. С. 390

²⁸⁴ Дякин В. С. Национальный вопрос... С. 428.

²⁸⁵ См.: Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915.

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1900.

интеллигентская мысль попросту не преодолела примордиалистский синкретизм традиционного сознания.

Некоторым представителям культуры казалось, что война подобно удару меча разрушает гордиев узел накопившихся проблем: «Творится что-то новое, непонятное и огромное, – сообщали из Петрограда в Москву. – В душе воцарилась какая-то необычайная ясность и простота. ...Вдруг стало ясно, что... в жизнь ворвался революционный вихрь, который очистит загаженные души. С первым выстрелом... лопнула знаменитая формула “пролетарии всех стран, соединяйтесь!”»²⁸⁷. «Мир, в сущности, является лишь прологом к новой борьбе», – такие заявления можно было встретить в элитарных журналах²⁸⁸. Некоторым представителям Серебряного века также казалось, что война оздоровила общественную атмосферу. В. Ходасевич писал 20 декабря 1914 г. Г. Чулкову в Швейцарию: «В России сейчас... все стало серьезнее и спокойнее. Политических сплетен мало, верят им совсем плохо. Москва покрыта лазаретами. Лечат раненых и жертвуют денег, белья и всяких припасов много; делают это охотно и без вычур. Удивительнее всего, что жертвы эти доходят до тех, кому предназначены. Поэтому дышится в известном смысле приятней и легче, чем это было до войны»²⁸⁹. Н. Гумилев в «Оде д'Аннунцио», опубликованной в «Биржевых ведомостях», прославлял «вдохновение войны»²⁹⁰ даже тогда, когда русские войска терпели поражения.

В 1914 г. итальянские футуристы призывали к вступлению Италии в войну, сами рвались в армию, а затем гибли и получали ранения. Левых представителей поэтического цеха в России больше волновали последствия войны. Маяковский в поэме «Облако в штанах» (издана с цензурными купюрами в 1915 г.) предсказывал: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год». Другого футуриста, Велимира Хлебникова, еще в 1913 г. почему-то притягивала к себе иная дата – 1917. С ней он связывал «падение государства»²⁹¹. Как знать, может быть, именно полусумасшедшие гении лучше других улавливали безумный надрыв целой эпохи?

В известном смысле интеллигентское сознание застряло между толстовством и нищенством. Добродушие русского солдата воспевалось даже в элитарных изданиях²⁹². И. Эренбург 1 сентября 1915 г. так комментировал стилистику русских газет: «Смирненность Руси не кажется ли минутами каким-то сладким половым извраще-

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 86 (Б. Н. Звонарев из Петрограда 24 сентября 1914 г. – В. А. Анзиминову в акционерное общество «Культура земли», (Москва).

²⁸⁸ Аргус. 1914. № 21. С.19.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2107.

²⁹⁰ Биржевые ведомости. 1915. 12 мая.

²⁹¹ Дуганов Р. В. Велимир Хлебников: Природа творчества. М., 1990. С. 28.

²⁹² Аргус. 1914. № 20. С. 45.

нием, чем-то вроде мазохизма?»²⁹³. Напротив, Н. Гумилев даже в 1915 г. воспевал войну, как «мистерию духа», хотя бравурность этих стихов стала вытесняться темой смерти²⁹⁴. Поскольку патерналистские эмоции блокировали возможность консолидации на почве демократической гражданственности, общественность оставалась расколотой. Ничего хорошего такое расщепление массового сознания не сулило.

Основная масса деятелей культуры и искусства, разумеется, торопливо осваивала патриотическую тему. В сентябре 1914 г. на заседании Литературно-художественного кружка И. А. Бунин «в выпренном стиле» написал проект воззвания русских писателей по поводу немецких зверств. Его подписали такие писатели, как М. Горький, А. С. Серафимович, С. Г. Скиталец и другие; с ними соседствовали такие разнородные публицисты, как П. Б. Струве, Н. Г. Михайловский, Л. А. Тихомиров; поставили свои подписи художники А. М. Васнецов, В. М. Васнецов, К. А. Коровин, скульптор С. Д. Меркуров, певец Ф. И. Шаляпин²⁹⁵. 10 октября состоялось собрание кружка, где решался вопрос об изгнании из его среды этнических немцев. Тех, кто не соглашался участвовать в такой «патриотической» кампании, в прессе начинали клеймить как «изменников»²⁹⁶. Казалось, забылись споры символистов и футуристов, все поэты ударились в военную тематику и, по выражению В. Я. Брюсова, даже стали в этом смысле «на одно лицо»²⁹⁷.

Вероятно, сказалось то, что воспеваемая футуристами техника превратилась в основное орудие убийства. Тот же Брюсов не раз обращался к образу самолета, несущего анонимную смерть женщинам, старикам и детям. Близкий к футуристам поэт и художник П. Филонов выпустил поэтические книги «Проповень о проросли мировой», где представил апокалипсическую картину военных ужасов, позднее дополненную соответствующим живописным рядом, навеянным собственным военным опытом.

В целом в живописи появилось нечто новое: с осени 1914 г. начали открываться выставки в пользу воинов и их семей, в произведениях художников также зазвучали военно-патриотические мотивы. В начале 1915 г. на 43-й выставке передвижников была выставлена картина Юрия Репина «Бой под Тюренченом», впечатлившая самого М. В. Нестерова. «Все так естественно, трагично», — комментировал тот²⁹⁸. Люди консервативного склада оценивали живописное многообразие тех дней скептически. «Был на выставке в пользу

²⁹³ Цит. по: Епанчин Ю. Л. Указ. соч. С. 118.

²⁹⁴ Там же. С. 100–102.

²⁹⁵ Русское слово. 1914. 27 сентября.

²⁹⁶ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники, Вып. 1. Париж, 1964. С. 186–187.

²⁹⁷ Брюсов В. Среди стихов. 1894 – 1924. Манифесты, статьи, рецензии. М., 1990.

С. 577.

²⁹⁸ Нестеров М. В. Письма. Избранное. Л., 1988. С. 280.

бельгийцев: превосходны портреты Сомова; ужасны: Н. Гончарова, Калмаков, Кузнецов etc.; этим художникам быть в доме сумасшедших, а не на выставке»²⁹⁹, – отмечал в феврале 1915 г. историк А. В. Орешников. К этому времени Гончарова отметилась воинственной картиной летящего «Архангела Михаила». Н. Калмаков, имевший репутацию «декадента из декадентов», написал «Георгия Победоносца» и «Пушку» – гигантское монстроподобное орудие на мохнатых лапах. Судя по всему, живописный авангард в ситуации «спроса на патриотизм» поначалу ощущал себя неудобно. Но скоро Калмаков представил целую серию летящих «ангелов» («карающих» и «возвещающих») и «серафимов». Этот денди чутко улавливал эстетическую конъюнктуру. Характерно, что со временем появлялись картины совсем иного звучания: «Мартовское солнце» К. Юона (1915 г.) было пронизано миром, надеждой и покоем. А авангардисты кинулись осваивать лубок. Это было частью общеевропейской тенденции: риторика враждебности формировалась с помощью активного, порой гротескного использования визуальной и вербальной лексики.

В дни мировых потрясений природная амбивалентность человеческого существа словно разрывается на крайности. Но в Европе накал патриотических страстей, кажется, был еще выше. Конечно, поначалу войну воспринимали неадекватно. Немецкий историк Л. Дейо в ноябре 1914 г., находясь в Бельгии, пребывал «в настроении веселом, а то и разудалом»³⁰⁰. Но скоро его настроение изменилось. Иные поэты, казалось, впадали в своего рода патриотическую суицидальность. «Блажен, кто пал за сторону родную, / Как полагается, к врагу лицом», – писал Шарль Пегги, убитый 3 сентября 1914 г. в атаке на немецкие позиции близ города Вилькруа. Для эльзасца Эрнста Штадлера, погибшего под Ипром 30 октября 1914 г., «славной музыкой земли» звучал «ливень свинцовый». Англо-валлийский поэт Эдвард Томас, вступивший в армию лишь июле 1915 г. (надо было содержать семью), нашел свою смерть при Аррасе 9 апреля 1917 г. Война вызвала у него образ пахаря: никто не знает, где он «почивает вечным сном»³⁰¹. В России некоторые публицисты, похоже, были готовы инициировать «патриотическую суицидальность». В. Розанов с восхищением приводил слова молодого артиллериста: «Сражаться без одушевления – невозможно... Умру и хорошо»³⁰².

Примечательно, что из всех известных поэтов только В. Брюсов пожелал познакомиться с войной поближе. Получив известие о на-

²⁹⁹ Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915 – 1933. Кн. 1. М., 2010. С. 26.

³⁰⁰ Корнелисен К. Указ. соч. С. 264–265.

³⁰¹ Цит. по: Поэты Первой мировой войны. Предисловие и перевод Е. Лукина // Нева. 1914. № 3. С. 135, 136, 139.

³⁰² Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 20.

чале войны, он тут же покинул дачу и отправился в Москву. Вскоре он стал корреспондентом «Московских ведомостей», но военные власти отказали ему в аккредитации на театр военных действий в силу отсутствия поручительства о благонадежности от городских властей. Он так и не получил официального статуса военного корреспондента, не стал даже сотрудником Земгора, но искренне старался объективно освещать настроения в ближайшем к фронту тылу. Последнее, разумеется, не всегда удавалось³⁰³. 14 мая 1916 г. в Петербурге Брюсову устроили чествование столичные армяне по поводу выхода в свет большого сборника его переводов стихов армянских поэтов³⁰⁴. Для раздачи подарков раненым отправилась на фронт балерина М. Кшесинская; ее поездка, впрочем, была больше похожа на экскурсию знаменитой особы – в ее честь офицеры устроили «роскошный ужин»³⁰⁵.

Разумеется, на ниве искусства получила новый импульс благотворительность. Разрыв культур верхов и низов подчас оборачивался тем, что она приобретала слащаво-ханжеский характер. Так, в Москве в 1915 г. к Вербному воскресенью была открыта выставка пасхальных яиц, сбор от которой предназначался Всероссийскому союзу городов. Яйца своей работы подарили художники В. И. Суриков, М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, Н. П. Крымов, скульптор А. Голубкина, композитор А. Т. Гречанинов, певица А. В. Нежданова, архитектор А. В. Щусев, писатель А. Н. Толстой. В тот же день Московский комитет Российского общества Красного креста устроил в Большом зале консерватории благотворительный концерт «Солдату на табак к празднику святой Пасхи», на котором выступили М. Н. Ермолова, А. Б. Гольденвейзер, М. Е. Максакова³⁰⁶. В кампаниях такого рода, конечно, не обошлось без фальшивых нот – такова обычная дань культурного общества «опекаемым» народным массам. В Москве княгиня О. П. Волконская устроила благотворительный спектакль и выручила 12 тысяч рублей для своего превосходно оборудованного госпиталя. «Злые языки», разумеется, заговорили о том, что далеко не все деньги пошли на раненых. Графиня Витте также устроила спектакль, причем за ложу брала до 300 рублей, выручив в общей сложности около 30 тысяч³⁰⁷. «Каждый день в Красном Кресте слышишь про происки и интриги разных бездельниц, стремящихся во что бы то ни стало заняться благотворением», – от-

³⁰³ *Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution (1914–1918).* Helsinki, 1995. P. 41–42.

³⁰⁴ *Берберова Н. Н. Курсив мой. Автобиография.* Т.1. Нью-Йорк, 1983. С. 86–86.

³⁰⁵ *Кшесинская М. Воспоминания.* М., 2004. С. 245–247.

³⁰⁶ *Казакевич А. Н. Москва в пасхальные дни 1915 г. // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 493, 495.*

³⁰⁷ «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 4. С. 75.

мечал 2 сентября барон Н. Н. Врангель. Дело доходило до того, что «дамы в автомобиле» налетали на санитарный поезд и похищали раненых солдат³⁰⁸.

Внутреннюю фальшь демонстративного милосердия, конечно, замечали. «...Все эти сборы и подачки не то..., что следовало бы делать. Понятно, что в иную пору и филантропия – фактор благотельного порядка, но до боли стыдно слушать все эти умиления и нарочитую нежность по отношению к “солдатикам”...», – писал А. Мельников из Одессы 25 ноября 1914 г. Н. В. Скуридиной в Петроград³⁰⁹. «Высокую» культуру эта тенденция затронула незначительно, но и здесь проявило себя показное народолюбие.

В годы войны начался невиданный взлет искусства плаката, преимущественно в лубочных формах. Больших художественных достижений здесь не наблюдалось – современники отмечали, что карикатуры на немцев и Вильгельма «дешево остроумны и нисколько не смешны»³¹⁰. Авторами плакатов были А. Лентулов, К. Малевич, И. Машков, Д. Моор и др. Тексты особенно активно сочинял В. Маяковский. Среди них были и такие: «Сдал австриец русским Львов, где им, зайцам, против львов! Да за дали, да за Краков пятить будут стадо раков!»; «...Враг изрублен, а затем он пущен плавать в синий Неман»; «Глядь, поглядь, уж близко Вислы немцев пучит, значит кисло!»; «Немец рыжий и шершавый разлетался над Варшавой, да казак Данило Дикий продырявил его пикой. И ему жена Полина шьет штаны из целеллина». Общий дух и стилистика этой «поэзии» был таков: «...Пруссаков у нас и бабы истреблять куда не слабы!»³¹¹. Политическая изопропаганда в сочетании с бодряческим рифмоплетством сохраняла свое значение и после революции – до конца Гражданской войны. В конечном счете выделились две ее основные стилевые разновидности: лубок и книжная иллюстрация. Вообще многие художники смотрели на этот вид творческой деятельности как на возможность заработать.

Воинственная графика порождала скорее недоумение, нежели патриотические чувства. Образованного человека она скорее всего отталкивала своей искусственной легковесностью, а простой человек ни трагедии происходящего, ни опасности поражения не ощущал – мобилизационный эффект лубка вряд ли мог быть высок. Стоит заметить, что «жесткие» реалистичные патриотические плакаты союзников (как и немцев) выглядели убедительнее еще и потому, что адресовались не наивному крестьянину, а «усреднен-

³⁰⁸ Врангель Н. Н., бар. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб., 2001. С. 55.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1936.

³¹⁰ Иорданская Е. Детские журналы и война // Дошкольное воспитание. 1914. № 9. Стб. 663.

³¹¹ См.: Русский военный лубок. Ч. 1. Первая мировая война. М., 1955. С. 53, 78, 85, 93.

ному» сознательному гражданину. К этому уместно добавить, что большевистские плакаты времен Гражданской войны также смотрелись куда более экспрессивно и убедительно.

Лубковое поветрие частично захватило и культурные верхи. Далеко не всем это нравилось. Поэт и историк литературы П. С. Сухотин в письме от 16 октября 1914 г. признавался: «Читать газеты не могу, ибо все в них отвратительно.... Патриотизм, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учим толпу и каких еще от этого надо ждать позорищ»³¹². Ученые смотрели на это под иным углом зрения. В 1914 г. в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук был создан «Архив войны», в котором наряду с письмами собирались открытки, карикатуры, лубочные картинки. Как отметил в декабре 1915 г. академик С. Ф. Ольденбург, набралось «много ценных и любопытных документов».

Тем временем деятели театра, похоже, пребывали в некотором недоумении перед лицом трагедии, затмившей всю знакомую драматургию. Общее собрание Московского художественного театра единогласно постановило «выработать форму, в какой театр примет участие в трудах по вспомоществованию жертвам войны», не останавливая при этом художественной работы театра». Для начала решили временно изъять из репертуара «Коварство и любовь» Ф. Шиллера³¹³. Вслед за тем в середине сентября 1914 г. было заявлено, что «репертуар достаточно подготовлен» и принято особое постановление. В нем говорилось: «Если искусство как таковое не может давать непосредственных откликов на текущие громадные мировые события, то оно не может оставаться и без воздействия на него со стороны того подъема высшей правды, который одушевляет современную жизнь». В сущности, театр отстаивал привычный порядок деятельности, обещая лишь «стать еще строже по отношению к своим художественным задачам». Конечно, говорилось о том, что «старый репертуар должен быть пересмотрен», а «стремление к правде на сцене должно быть усугублено и согрето тем подъемом, который охватывает артистов как граждан своего отечества», и театр «мог бы ответить на вопрос, что он делал, пока велась мировая освободительная война». Тут же упоминались грядущие «большие материальные затруднения». Уже 2 сентября 1914 г. был отслужен молебен по случаю открытия лазарета на 20 кроватей. Кроме того, В. И. Немирович-Данченко предложил предоставить часть мест бесплатно выздоравливающим раненым, причем выздоравливающим офицерам уступили директорскую ложу³¹⁴. В общем, война воспринималась достаточно отчужденно, в рамках общего благотворительного ритуала.

³¹² Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII – XX вв. Вып. IX. М., 1999. С. 512.

³¹³ ММХАТ. Оп. 1914–1915. Д. 9. Л. 1–2.

³¹⁴ ММХАТ. Оп. 1914–1915. Д. 12. Л. 1; Д. 16. Л. 1; Д. 17 а. Л. 1.

Впрочем, некоторые актеры вели себя достаточно активно. Так, в столице М. В. Дальский выступил в драме собственного сочинения «Позор Германии» («Культурные звери») ³¹⁵. Правда, трудно сказать, насколько пьеса с весьма избитым к тому времени названием оказалась привлекательной для публики.

Напротив, кинематограф, впитавший в себя традиции городского «легкого жанра» (оперетта, фарс, варьете, буффонада, куплеты, шансонетки), завоевавшего своего массового зрителя и породившего целую индустрию «звезд», оказался на подъеме. В 1912 г. известный журналист А. В. Амфитеатров писал, что если «Отечество наше усвоит иноземную пошлость, то всю Вселенную в ней на первом же шагу и переплюнет» ³¹⁶. Кинематограф перехватил эстафету коммерциализации искусства. В 1916 г. в России существовало 164 прокатных и производственных кинопредприятия. Около 30 фирм занимались производством хроникальных, научных и художественных фильмов. Наибольшей известностью в Петрограде пользовался электрический театр Пикадилли, который за день посещало около 915 человек ³¹⁷.

В общем, кинематограф наиболее успешно поставлял неприязнительной публике зрелищный материал, соответствующий, как говорили, «разврату вкуса и разврату сердца». Вместе с тем появились отрадные исключения. Самый известный и талантливый российский дореволюционный режиссер Е. Бауэр выпустил в годы войны ленты «Дитя большого города» (1914 г.) и «Дитя века» (1915 г.). Помимо Веры Холодной, число поклонников которой еще более возросло, в его фильме «Жизнь за жизнь» (1916 г.) снялась актриса Московского художественного театра Лидия Коренева, а также Ольга Рахманова и Витольд Полонский. Появление этого мелодраматического фильма означало, что российское кино может конкурировать с западными лентами, которые ранее безраздельно господствовали в кинопрокате. Поскольку излюбленные сюжеты всегда были связаны с адюльтером и деньгами, кинематограф наряду с литературными произведениями А. Вербицкой и Л. Чарской вольно или невольно внес свою лепту в размывание традиционных представлений о браке и развитие феминистского движения.

В целом деятели культуры не знали, как адекватно реагировать на войну. Некоторые из них – чаще под влиянием минутного порыва – ушли в ополчение (первоначально предусматривалось, что ополченцы будут использоваться преимущественно в тылу ³¹⁸). Их

³¹⁵ Антонов Б. И. Указ. соч. С. 416.

³¹⁶ Цит. по: Уварова Е. Д. Легкие жанры в России конца XIX – начала XX вв. // Цветы необычайные. Народная художественная культура России рубежа веков. Культуроведческая перспектива. М., 2002. С. 383.

³¹⁷ Ведомости петроградского градоначальства. 1917. 25 февраля.

³¹⁸ Оськин М. В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 1913. № 6. С. 142–143.

положение в армии оказывалось подчас не менее своеобразным, чем в гражданской жизни. Так, один из них, Е. В. Аничков, вынужден был служить в военной цензуре и лишь в январе 1915 г. оказался в уланском полку. 2 марта 1915 г. поэт В. Пяст писал ему: «Мне почему-то кажется, что неплохо, что тоска Вашей однообразной жизни скоро сменится военными волнениями, и, может быть, они будут продуктивными – для всех нас и лично для Вас, обогатив Ваш опыт теми переживаниями, которые оставят творческий след»³¹⁹.

Уже осенью 1914 г. многие молодые деятели культуры оказались призваны на фронт. Среди них был и 24-летний поэт В. Гнедов, удостоенный георгиевской медали «За храбрость» и в 1916 г. вернувшийся к мирной жизни из-за контузии³²⁰. Военная карьера «поэтического неудачника» В. Пяста оказалась совсем иной. Его провожал на фронт в знаменитом артистическом кабаре «Бродячая собака» сам А. Блок со товарищи. Месяц Пяст провел в дружине ополчения в Свеаборге, затем был доставлен в госпиталь в Петроград, а весной признан негодным к военной службе. Все его воспоминания о войне свелись к стихотворным осуждениям «чудовищного удушья» казарменной жизни³²¹. В. Маяковский, считавшийся социал-демократом и даже большевиком, реагировал иначе: «Забрили. Теперь идти на фронт не хочу. Притворился чертежником... С печатанием еще хуже. Солдатам запрещают... В голове разворачивается “Война и мир”, в сердце – “Человек”». Ту и другую поэму Маяковский опубликовал в 1916 г. «На военщину нагло не показываюсь», – комментировал он ход своей службы³²². Тем не менее публикация таких книг Маяковского, как «Флейта-позвоночник» и «Простое как мычание», сделали ему имя. «Я считаю несомненно талантливым хулигана Маяковского, и его “Облако в штанах”, по-моему, сильная вещь, особенно после холодной эротики последних лет Брюсова и старческого слюнотечения Сологуба...», – писал 10 марта 1915 г. некий Иванов из Петрограда в Москву³²³. Похоже, люди нуждались в духовной подпитке поэтической агрессивностью.

Постепенно «приобщились» к армейской жизни и войне едва ли не все представители творческой интеллигенции. Так, В. Шкловский, автор известных воспоминаний, служил в автомобильной роте, и ему доводилось совершать лишь своего рода экскурсии на фронт. Д. Д. Бурлюк с семьей перебрался в Башкирию, где, по его словам, «много писал красками – более 200 картин», а также поставлял сено в армию³²⁴. Возможно, Бурлюк намеренно избегал

³¹⁹ Пяст В. Указ. соч. С. 391.

³²⁰ Бирюков С. Поэзия русского авангарда. М., 2001. С. 72.

³²¹ Пяст В. Указ. соч. С. 386–387.

³²² Маяковский В. В. Соч. в 2 т. М., 1987. С. 36.

³²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 71.

³²⁴ Бурлюк Д. Д. Лестница лет моих (автобиографический конспект Отца Российского футуризма Давида Бурлюка) // Бурлюк Д. Стихи. 1898–1923. Нью-Йорк, 1924. С. 45.

призыва в армию. Но есть и другая версия. «...Бурлюк рассчитал, что война не благоприятствует искусству. На военном фоне шумные выступления футуристов выглядели бы неуместно. Проповедь империалистической войны для русских футуристов, в отличие от западного их собрата Маринетти, была совершенно неприемлемой... Бурлюк почел за благо переждать», – вспоминал поэт и литературный критик из числа «левых» футуристов С. Д. Спасский³²⁵. Не повезло В. Хлебникову: в 1916 г. он оказался в Царицыне в запасном полку, затем в «лазарете “чесоточной команды”», в котором «можно заразиться всем до проказыinkl[ючительно]». Свое военное бытие он называл «адам перевоплощения поэта в лишенное разума животное, с которым говорят языком конюхов». Впрочем, прослужил он всего несколько месяцев³²⁶. Вот такие настроения и привели к тому, что «окопной» прозы и поэзии Россия почти не узнала – исключение составил разве что Н. Гумилев³²⁷. Но последний, будучи прапорщиком 5-го гусарского Александринского полка, воспринимал войну своеобразно – для него и храбрость в боях, и сидение в холодных окопах были средством личного самоутверждения. К тому же война воспринималась им несколько отвлеченно, на фоне романа со знаменитой Л. Рейснер. Показательно, что их взаимное охлаждение оказалось связано с политикой – петроградская муза поэта вздумала испытать себя на безразличном для Гумилева революционном поприще³²⁸.

Увы, в России люди творческие в большинстве своем воспринимали войну отвлеченно – они словно не знали, как и быть и что делать. А. Крученых в 1916 г. выпустил «Заумную книгу», а также книгу-альбом «Война» с иллюстрациями, названными «резьбой». Исследователи называют эту работу прообразом «Окон Роста» Маяковского³²⁹. «Есть что-то неприятное и мучительное в слишком легком, благодушном, литературно-идеологическом отношении к войне», – полагал Н. А. Бердяев³³⁰. Впрочем, «серьезность» идеологического отношения к войне со стороны последнего выливалась в какие-то фантастичные духовно-геополитические грезы. Ясно, что со временем подобные страсти литературно-философского воображения могли перерасти в непредсказуемые и непоправимые коллизии граждански неразвитого общественного сознания. А пока Бальмонт, находясь во Франции, мечтал устроиться хотя бы братом милосердия во французскую армию и завидовал своим русским

³²⁵ Спасский С. Маяковский и его спутники. Воспоминания. Л., 1940. С. 82.

³²⁶ Хлебников В. В. Собрание сочинений. Т. 1. Мюнхен. 1968. С. 11–13.

³²⁷ Hellman B. Op. cit. P. 50–51.

³²⁸ Алексеева А. «Я часто скачу по полям, крича навстречу ветру ваше имя». О переписке Н. С. Гумилева и Л. М. Рейснер // Хронограф. Ежегодник 89. М., 1989. С. 282–295.

³²⁹ Бирюков С. Указ. соч. С. 116.

³³⁰ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 44.

знакомым, призванным в армию³³¹. Не следует думать, что это было неискренне.

В культурной жизни стало заметнее поветрие околонуточных прогнозов. Эстеты ударились в нумерологию, составляя пророчества о гибели Гогенцоллернов³³². Так, В. Хлебников погрузился в изучение «законов времени». В книгах «Битвы 1915–1917 гг. Новое учение о войне» (1915 г.) и «Время мера мира» (1916 г.) он предпринял попытку изучения прошлых войн для того, чтобы предсказать ход текущей войны и тем самым публично обесмыслить ее. Хлебников сопоставлял 1917 год с 1905 годом, с эпохой Степана Разина, с покорением Казанского ханства Иваном Грозным, и с гибелью царства вандалов в 534 г., и даже с попыткой религиозного переворота Эхнатона в 1978 г. до новой эры³³³. В 1915 г. он решил основать организацию «Государство Времени», состоящую, подобно платоновскому государству ученых, из лучших людей эпохи – революционеров, поэтов, ученых – «председателей земного шара» числом 317 человек³³⁴. Цифра была производной от выведенной им исторической цикличности. Наряду с этим он продолжал развивать идеи о «мыслезёме», в целом близкие идеям В. И. Вернадского о ноосфере, П. А. Флоренского о пневмосфере и А. Л. Чижевского о психосфере. И даже сегодня трудно сказать, где кончались фантазмы интеллигентского воображения и где начинались научные прозрения.

Футуристический соратник В. Хлебникова В. Маяковский уверял, что с началом войны интерес к искусству пропал. Некоторые театральные деятели со своей стороны заявляли, что «единственный театр теперь – это театр военных действий»³³⁵. Патриотическая вульгаризация культурной жизни порой приобретала вопиющие формы: в 1914 г. Большой зал Московской консерватории был арендован Городским управлением под военный госпиталь³³⁶.

Но некоторые деятели культуры словно потеряли свое место в общественной жизни. Журнал «Старые годы», занятый, с одной стороны, экскурсам в культуру русской дворянской усадьбы, с другой – пропагандой западноевропейского искусства, в сентябре 1914 г. заявил о приостановке своей деятельности. Смысл пространного редакционного заявления можно свести к известной формуле: когда пушки стреляют, музы молчат. При этом редакция упирала на то, что «жизнь в области искусства замерла», интерес к нему упал. Все это осталось бы незамеченным, но в кадетской газете «Речь» с гневной отповедью этому заявлению выступил основатель «Мира

³³¹ Андреева-Бальмонт Е. А. Указ. соч. С. 390.

³³² Аргус. 1914. № 21. С. 59.

³³³ Дуганов Р. В. Указ. соч. С. 29, 54.

³³⁴ Хлебников В. В. Собрание сочинений. Т. 1. Мюнхен. 1968. С. 11.

³³⁵ Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 69.

³³⁶ Леонова М. Ф. К истории Московской консерватории и ее Большого зала // Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 596.

искусства» А. Бенуа. По его мнению, «самую войну нужно рассматривать как нечто такое, что должно служить делу искусства, как части всей духовной культуры». Он полагал, что именно искусству старых годов угрожает «безумие Вильгельма», а потому редакции нельзя «уходить теперь за кулисы»³³⁷.

Интерес к искусству, конечно, не пропал, а просто принял качественно иной характер. Вернувшийся в Россию К. Бальмонт начал в конце сентября 1915 г. многомесячную поездку по России с лекциями «Поэзия как волшебство» и «Океания». На Кавказе чтение переводов поэмы Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре» обернулось настоящим триумфом, в Поволжье, на Урале и в Сибири он также имел немалый успех. В конце февраля 1916 г. поэт отправился во вторую поездку с лекциями «Любовь и смерть» и «Женщина в великих религиях», которые также нашли своих благодарных слушателей. Покружив по Сибири и совершив короткое турне по Японии, он вернулся в Россию³³⁸.

Художественная жизнь шла своим чередом. Журнал «Старые годы» так и не прекратил своей деятельности, занявшись обличением «тевтонского варварства», жертвами которого стали Реймский собор и Лувен. Однако его фактический издатель барон Н. Н. Врангель (младший брат генерала П. Н. Врангеля), в прошлом сотрудник Эрмитажа, организатор многочисленных художественных выставок, назвав А. Бенуа «талантливым неврастеником, по недоразумению разразившимся дождем возмущенных фраз», в октябре 1914 г. после работы в столичном Красном Кресте отправился на фронт в качестве уполномоченного на санитарном поезде имени великой княжны Ольги Николаевны. Биографы уверяют, что он «метался по прифронтовым лазаретам, госпиталям, что-то доставал, организовывал, чего-то добивался»³³⁹. Вряд ли, однако, он преуспел в хозяйственной деятельности. Его сохранившийся дневник пронизан негодованием по поводу бюрократических порядков в Красном Кресте. Но когда в апреле 1915 г. Н. Н. Врангелю было предложено написать книгу о деятельности Северного района Красного Креста, он почему-то согласился. Этим планам не суждено было сбыться: в июне 1915 г. Врангель умер в Варшаве от желтухи.

Последние месяцы его жизни пронизаны трагическим ощущением всеобщего абсурда, ведущего к страшной развязке. 22 мая 1915 г. в кадетской «Речи» была опубликована заметка об организации режиссером П. П. Сазоновым и Ю. Л. Слонимской товарищества для устройства театра марионеток – об этом объявили на следующий день после падения Перемышля. В «Варшавской мысли» в тот же

³³⁷ Бенуа А. Искусство и война // Речь. 1914. 18 сентября.

³³⁸ Андреева-Бальмонт Е. А. Указ. соч. С. 396–397, 399–401.

³³⁹ Лурье Ф. Дилетант // Врангель Н. Н. бар. Старые усадьбы. Очерки истории дворянской культуры. СПб., 2000. С. 19.

день он прочитал сообщение о том, что «наши успехи в Галиции вызывают ликование в Копенгагене»³⁴⁰. На Врангеля, находившегося среди людей, «ожидающих не сегодня – завтра смерти», подобные публикации о поведении российских «патриотов» производили гнетущее впечатление.

На смерть известного искусствоведа откликнулась вся культурная общественность. Но наиболее примечательной была реакция все того же А. Бенуа. Он отметил, что Врангеля не следует смешивать с теми молодыми людьми, для которых «изучение старого и нового искусства» стало своеобразной модой – «это был герой и рыцарь искусства». Безусловно, Врангель, несмотря на изысканность манер, вовсе не относился к числу тех «средних» представителей Серебряного века, которые, не будучи одержимыми духом подлинного творчества, скорее стремились собственную жизнь сделать предметом искусства. Бенуа верно подметил в нем настоящее горение и неподдельную страсть³⁴¹. Увы, подобная страсть порождала теперь острую критику армейских порядков.

Покойный был не вполне обычной фигурой русского «Серебряного века», отмеченного, помимо прочего, ностальгической нотой по стремительно уходящим «старым годам». Н. Н. Врангель полагал, что культурное развитие России – сплошная цепь влияний и заимствований извне, единственный подлинно органичный его этап связан с помещичьей усадьбой; в пореформенное время этот культурный слой стал безвозвратно уходить³⁴². Его смерть по-своему символична: войну он считал результатом «психической эпидемии», вроде тех, что вызвали к жизни крестовые походы и средневековые религиозные безумства; сам он незаметно ушел из жизни, не достигнув 35-летнего возраста, как нечто совершенно неуместное в мире, где через два года начнется окончательное уничтожение того единственно «органичного» компонента русской культуры, который он столь ценил. А. Н. Бенуа позднее отметил, что Врангель словно постоянно торопился, «чтобы успеть все сделать, что он себе наметил», ибо жил «ощущением близости конца всей той культуры, продуктом которой мы были сами...»³⁴³.

Смерть Н. Н. Врангеля была не единственной и не самой тяжелой потерей для русского искусства. В это же время ушли из жизни Скрябин и Танеев.

Начало войны основательно, но не однозначно повлияло на ход художественной жизни. Так, С. Маковский вынужден был заявить о прекращении издания журнала «Русская икона» (с января по август 1914 г. вышло всего 3 номера). Но скоро искусствоведы, коллекционеры и художники нашли новое применение своим силам.

³⁴⁰ РГИА. Ф. 653. Оп. 1. Д. 4. Л. 52а, 57.

³⁴¹ Речь. 1915. 2 июля.

³⁴² См.: Врангель Н. Н. Венок мертвым. СПб., 1913.

³⁴³ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. Кн. IV–V. М., 1990. С. 337.

Дело в том, что с началом войны и усилением инфляции цены на произведения искусства стали расти. Появилась возможность соединить патриотизм, творчество и материальный интерес – обычно подобное сочетание дает неожиданный эффект. Уже в 1914 г. в залах Общества поощрения художеств усилиями Общины св. Евгений была проведена выставка «Искусство союзных народов», где были представлены работы английской, бельгийской и польской художественных школ. Затем стали устраиваться специальные аукционы, доход от которых шел в пользу пострадавших на войне, а позже – в помощь политкаторжанам.

Понятно, что дело не ограничивалось чистой благотворительностью. Всего в магазинах Общины в Москве и Петрограде состоялось шесть аукционов (19 декабря 1914 г., 5 апреля 1915 г., 4 декабря 1916 г., 3 декабря 1916 г., 3 декабря 1916 г., 7 января 1918 г.). В свою очередь, среди английских искусствоведов и коллекционеров усилился интерес к современной русской живописи «национального» характера – особый восторг вызывали кустодиевские купчихи³⁴⁴. 4–16 сентября 1916 г. в Москве в галерее Лемерсье проходила выставка-продажа картин частных коллекций, доход от которой также пошел в пользу пострадавшим от войны. В период с 25 сентября по 16 октября 1916 г. там же проходила VII выставка графических искусств, где были представлены работы не только российских, но и зарубежных художников. С 28 декабря 1916 г. по 2 февраля 1917 г. в Москве проходила выставка «Мир искусства». Примерно в это же время состоялась выставка «Бубнового валета». Параллельно, с 27 ноября 1916 г. по 1 января 1917 г. в Петрограде проходила «Выставка современной русской живописи». Участвовало 36 художников, среди них Н. Альтман, Ю. Анненков, Д. Бурлюк, В. Кандинский, А. Лентулов, Р. Фальк, М. Шагал. Увы, за всем этим стоял растущий коммерческий интерес к недевальвирующим ценностям со стороны людей, разбогатевших на войне.

Театральные артисты вынуждены были отдавать дань уважения «легким» жанрам. Так, в начале 1917 г. отметивший двухлетие своего существования Союз артистов Москвы сообщил о своих сборах в рамках программы «Русской Армии и жертвам войны». Оказалось, что наибольшие поступления принесли: вечер «Кто во что горазд» (30154 р.), вечер «Пэль-Мэль» в цирке Саламонского (8872 р.), концерт-кабаре в театре Корша (1129 р.). «Не будем закрывать глаза на то, что в обществе притупилась отзывчивость ко всевозможным сборам, но не будет самовосхвалением... если скажем, что выступления нашего Союза всегда находили живейший отклик в публике», – констатировали руководители союза. В общей сложности поступило 213 777 р. 20 к. Это было относительно немного. Примечательно,

³⁴⁴ Эттингер П. Д. Статьи. Из переписки. Воспоминания современников. М., 1989. С. 140.

что актеры отдали однодневное жалованье в пользу политических заключенных по ведомости за вторую половину февраля 1917 г.³⁴⁵

«Светская» культура по-своему реагировала на войну. 20 июля 1914 г., в день объявления войны, опустели всегда битком забытые трибуны ипподрома. «Не до скачек!!!» – писала «Петербургская газета». Ипподром выглядел уныло и пустынно, не оказалось на трибунах постоянного игрока в тотализатор – владельца увеселительного сада Адолия Родэ. Его призвали на действительную военную службу. Коннозаводчики и спортсмены опасались «конской мобилизации».

Необходимость перестройки культурного пространства на национальных и гражданских основаниях ощущалась во всех общественных слоях. Однако «высокая» культура не находила достойного общегражданского тона. Люди консервативного склада в связи с этим предлагали очистить русскую культуру от «чужеродных» наслоений. «...Ни наши псевдолибералы, ни наши консерваторы полустолетия не печалились о своем разъединении с народом, с Церковью, с нашими предками до последнего года, – заявлял митрополит Антоний (Храповицкий). – Но вот открылась война... явилась страшно сильная потребность в опознании своей русской культуры... ее глубокой противоположности жизни европейской, основанной на римском праве, то есть на язычестве...»³⁴⁶. Подобные мысли высказывали и некоторые либеральные издания: «Теперь, наученные горьким опытом, не будем искать счастья у иноземцев, когда оно внутри нас и изобильно изливается нам Матерью нашей Православной церковью: в стенах ее наше спасение, наше утешение и отрада»³⁴⁷. Однако популяризация «народных» начал понималась по-разному. Некоторые провинциальные либералы писали: «Народ не искал и не делал попыток отыскать новые пути для своего творчества... Для встряски, для воскресения народного творчества необходима была новая, яркая эпоха, которую и составила современная великая мировая война с “немцем”»³⁴⁸.

«Народный» товар – лубок – «пошел бойко», стали плодиться многочисленные специализированные издательства. «На рынок были выброшены сотни тысяч, если не миллионы военных лубков, – сообщала столичная газета. – В качестве художников рядом с представителями «старой школы» выступили и новаторы, до футуристов и кубистов включительно...»³⁴⁹. Впрочем, некоторые пола-

³⁴⁵ ММХАТ. Оп. 1916–1917. Д. 55. Л. 1; Д. 56. Л. 1; Д. 58. Л. 1–6.

³⁴⁶ Никон [Рклицкий], арх. Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время. 1863–1936. Кн. 2. Нижний Новгород, 2004. С. 410–411.

³⁴⁷ Друг пахаря. Двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустройству. Саратов. 1915. № 1. 15 января. С. 4.

³⁴⁸ Фомин Г. Война и народное творчество // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 1. 3 июля. С. 28.

³⁴⁹ Цит. по: Крусанов А. В. Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. В 3 т. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010. С. 487.

гали, что «футуристический лубок» – нелепость. В этом была доля истины.

Либеральная печать уверяла, что среди крестьян широкое распространение получили такие лубочные картины, как «Бой на реке Висле», «Захват русскими немецкого военного поезда», «Битва у реки Немана», «Геройский подвиг Козьмы Крючкова», «Бегство австро-венгерских войск от Равы Русской» и др.³⁵⁰ Сомнительно, однако, чтобы они были способны поднять подлинный патриотический дух.

Упоминавшийся полковник А. Прозоров увещевал деятелей кино: «...Постыдитесь... Ведь вы сознательно хотите погубить прекрасное, едва распускающееся дело отечественной кинематографии... Он думает дополнить газетные сообщения экраном, а вы преподносите ему ужасную, безграмотную, мерзкую стряпню... вы смеетесь над героями, над нашими чудо-богатырями... Будет вам, г.г., спекулировать на наших врагах, оставьте его зверства и низость и не глумитесь над русскими душами...». По его наблюдениям, подобная кинопродукция развращала молодежь, отправлявшуюся на фронт³⁵¹. Как бы то ни было, по отзывам прессы, к весне 1916 г. лубок, отмеченный порой сочетанием «тошнотворного лирического сиропа и победоносного пафоса», стал увядать³⁵².

Как бы то ни было, бодряческое рифмоплетство в сочетании с лубковой изопропагандой сохраняло свое значение до конца Гражданской войны – особенно у красных. За первые полгода войны было выпущено почти 600 различных печатных изданий общим тиражом 11 млн экземпляров³⁵³. Основная их часть относилась к жанру массовой культуры³⁵⁴. «Огонек» с удовольствием сообщал, что «первая народная лубочная картина» о войне «Первая схватка казаков с прусскими драгунами» продавалась на улицах Петербурга и Москвы уже в начале августа³⁵⁵.

В изопропаганде воцарилась безвкусица. Так, на одной из открыток можно было увидеть русского, француза, англичанина, пожидающих друг друга руки. Русский солдат выглядел достаточно реалистично, французский солдат был изображен в красных штанах образца 1880-х гг., а англичанин словно вырядился для воскресной речной прогулки. Текст, однако, уверял: «Клянемся, наши сердца

³⁵⁰ Фомин Г. Народные развлечения // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 2. 10 июля. С. 37.

³⁵¹ Вестник кинематографии. 1914. № 100. 15 октября. С. 10.

³⁵² Тихвинская Л. И. Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917. М., 2005. С. 374.

³⁵³ Владиславлев И. В. Русская литература о войне 1914 г. (Библиографический указатель). М., 1915. С. 5.

³⁵⁴ См.: Jahn H. F. Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca; London, 1995.

³⁵⁵ Огонек. 1914. № 32. 10 (23) августа. С. 13.

охвачены пламенем! За правых – Бог! Он будет нам защитой». На других открытках можно было увидеть Вильгельма, прикованного цепями в дурдоме или Франца-Иосифа, отплывающего в бочке к острову Св. Елены³⁵⁶. Извечное российское отсутствие чувства меры порой выливалось в вакханалию «балаганной» культуры.

В сочинение лубково-патриотических произведений включились самодеятельные авторы. Наиболее плодовитым оказался московский «поэт-рабочий» (на деле частник-краснодеревщик) П. А. Травин. Отбросив сочинение графоманских повестей о жизни пылких итальянцев и испанцев, он выдал целую серию «патриотических» брошюр, названия которых говорили сами за себя: «Свинья-красавица, или Одураченные немцы», «К чему Вильгельма во сне увидеть?», «Султан Магомет продает свой гарем», «Как русский сапог напугал целый немецкий полк?», «Жареный Вильгельм», «Слезы чудовищ. Германский крокодил», «Катастрофа. Гибель трех империй». Эти опусы поражают жанровым смешением: между реалистическим и фантастическим грани почти не заметно. Публиковал Травин и военные песни собственного сочинения, и описания подвигов героев войны³⁵⁷. Проявили себя и другие самодеятельные сочинители-пропагандисты, предлагавшие своего рода пародии на народные сказки³⁵⁸. То же самое наблюдалось в провинции. Газета «Саратовская почта» предлагала следующие карикатуры: «Толстый и худощавый: Германец до и после войны»; «Кайзер старательно сеет среди своих войск железные кресты, но из этих семян вырастают лишь кресты деревянные»³⁵⁹. Упорно внушалось, что немцы страдают от нехватки продовольствия и отсутствия ресурсов. Гинденбургу якобы телеграфировали: «Чин фельдмаршала променяю на пару теплых сапог»³⁶⁰. Увы, на деле сапог не хватало в русской армии.

То, что можно условно отнести к массовой культуре, было явлением многослойным: «народу» предлагался стиль лубка, «буржуазную» публику обслуживали многочисленные кабаре и театры миниатюр. «Развлекательная жизнь Москвы, затухшая было накануне 1914-го, в годы мировой бойни расцвела с невиданной прежде силой» – в нее органично вписалась продукция «веселого

³⁵⁶ Старцев В. И. Почтовая открытка как средство идеологической обработки населения в начале Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. С. 98–99.

³⁵⁷ См.: Травин П. А. Русские военные песни 1914 г. М., 1914; [Травин П. А.] Герон из народа. Рядовые чудо богатыри. Военные рассказы. Стихи и карикатуры. М., 1914; и др.

³⁵⁸ См.: Прохорович А. В. Новые песни о Вильгельме. М., [1914]; Петров А. Кровавый призрак, или Как Вильгельм делал смотр чертям. М., 1914; Шухмин Х. Как Вильгельм приснился коробочнику Никите. М., 1914; Ратомский Н. А. Как Вильгельм брал Варшаву. Пг., 1915.

³⁵⁹ Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны. С. 93.

³⁶⁰ Великая война. Военный юмористический альманах. М., 1915. С. 1.

ассортимента»³⁶¹. «Визуализация» культурной жизни нашла свое отражение в сатирических изданиях бульварного пошиба. Карикатуры на кайзера стали их непременным атрибутом. Однако вряд ли они смотрелись убедительно: германский император изображался то со сбитым шлемом, то в образе Дон-Кихота³⁶². И все же культурное пространство несколько унифицировалось за счет городской развлекательной культуры. К 1916 г. «патриотический» пафос такого рода утих.

Элитарность Серебряного века отнюдь не ушла в прошлое. Но и она была затронута шовинистической вульгаризацией. Известный поэт К. Бальмонт странствовал по стране с лекциями «Любовь и смерть», «Женщина в великих религиях», которые находили своих благодарных слушателей³⁶³. В отличие от него кое-кто ощущал неловкость от неадекватности «высокой» культуры военной прозе жизни. Так, знаменитый художник И. Репин стыдился своей «патриотической» картины «Сестра, ведущая солдат в атаку»³⁶⁴. В августе 1914 г. З. Гиппиус советовала поэтам помолчать в «часы неоправданного страдания», а в декабре риторически вопрошала: «Где чужие? Где свои?». В 1915 г. она уже констатировала, что «военный жар исчез»³⁶⁵. Даже искренние выражения патриотизма казались выхолощенными от невольного слияния с акциями казенного патриотизма. Так, правительство постановило изъять из оборота все кинокартины германского производства. Тогда немецкие ленты стали выпускаться на экран под видом американских и голландских³⁶⁶. Все это вызывало раздражение.

Вопреки благим начинаниям настоящих и «квасных» патриотов война обнаруживала гетерогенность российских культур. При этом собственно народная культура вульгаризировалась. «На смену прежним ярким, красочным произведениям народного творчества явилась монотонная и часто глуповатая по содержанию частушка»³⁶⁷, — писали в либеральных журналах. Действительно, народное творчество неуклонно опошлялось³⁶⁸. Городские низы, судя по репертуарам кинотеатров, упивались сентиментальными сюжетами, словно разрываясь от жалости к самим себе. Образованная публика, со своей стороны, воротила нос от «вульгарности» кинематографа.

³⁶¹ Тихвинская Л. И. Указ. соч. С. 423.

³⁶² Театр в карикатурах. 1914. № 16. 21 сентября. С. 1; № 17. 9 октября. С. 3.

³⁶³ Андреева-Бальмонт Е. А. Указ. соч. С. 396–397, 399–401.

³⁶⁴ Чуковский К. Дневник. 1901 – 1929. М., 1991. С. 75.

³⁶⁵ Гиппиус З. Опыт свободы. М., 1996. С. 70, 72, 77.

³⁶⁶ Ханжонков А. А. Первые годы русской кинематографии. Воспоминания. М.; Л., 1937. С. 90.

³⁶⁷ Фомин Г. Война и народное творчество. С. 27.

³⁶⁸ См.: Симаков В. И. Частушки про войну, немцев, австрийцев, Вильгельма, казачков, монополию, рекрутчину, любовные. Пг., 1915.

Скоро война стала обыденностью, и люди творчества так или иначе нашли в ней свою духовную нишу. Одни, как А. Ахматова, молились о том, «...чтобы туча над темной Россией // Стала облаком в славе лучей», другие, на манер В. Маяковского, плакались по поводу жестокостей войны. Художественная жизнь шла своим чередом – проявляли себя рецидивы старых внутрицеховых коллизий. 25 февраля 1915 г. М. Горький в столичном артистическом кафе «Бродячая собака» произнес горячую речь в защиту футуристов, заявив, что «самыми талантливыми в молодой русской литературе, несомненно, являются Маяковский, Каменский, Северянин и Бурлюк». Из хвалимых отсутствовал только И. Северянин³⁶⁹. «Бродячая собака», существовавшая под эгидой Художественного общества интимного театра, просуществовала, впрочем, только до марта 1915 г. Тем временем в столице обычными стали вечера «Поэты – воинам» или «Артист – солдату»³⁷⁰.

На культурно-обыденном уровне происходили иные процессы. 5 февраля 1916 г. в Художественном театре ставили пьесу «Будет радость» Д. Мережковского. «Несценнично и неинтересно, – комментировал известный историк С. Б. Веселовский. – Радости не видно ни в самой пьесе, ни в тех выводах, которые можно сделать». По его мнению, на всем обществе лежала печать внутреннего оскудения – «ни интересных людей, ни живого горя»³⁷¹. Очень многие ощущали неадекватность «высокой» культуры военной прозе жизни.

В целом культурная жизнь воюющей страны разворачивалась словно в ином измерении – во всяком случае, войну явно не хотели замечать. К примеру, 12 декабря 1915 г. в известном столичном ресторане «Медведь» праздновали 10-летие своей деятельности члены Кружка любителей русских изящных изданий – по преимуществу представители аристократии и высшего чиновничества. «Страна дрожала как от озноба, сжигаемая внутренним огнем, – вспоминал А. Вертинский. – Россию лихорадило. Но богемы это пока не касалось. Все продолжали жить своими интересами: издавали сборники стихов, грызлись между собой, эпатировали буржуа, писали заумные стихи, выставляли на выставках явно издевательские полотна и притворялись гениями»³⁷². Разумеется, эти не лишённые политической ангажированности воспоминания образ военного времени передают в гротескном виде, но на основной культурный конфликт эпохи они указывают совершенно точно.

Россию лихорадило, и культурная элита реагировала на это своеобразно – в духе «пира во время чумы». «Все шло как будто своим

³⁶⁹ Воспоминания Д. Д. Бурлюка об А. М. Горьком // Горький и художники. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1964. С. 52.

³⁷⁰ Берберова Н. Н. Указ. соч. С. 85–86.

³⁷¹ Веселовский С. В. Дневники 1915–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 103, 104.

³⁷² Вертинский А. Дорогой длинною... М., 1991. С. 91.

чередом, – вспоминал Ф. Шаляпин об обстановке в столице в первые месяцы войны. – Магазины торговали, кареты разъезжали, дуговые фонари освещали Морскую. Театры работали весело и были переполнены»³⁷³. «...Все вокруг кажется сумасшедшим домом, а то, что делается беспечно, как будто этого “несчастья” нет, – фатой морганой...»³⁷⁴. В армии ходили слухи, что в 1915 г. «Коко» (Николай Павлович) Рябушинский, младший из четырех братьев, «известный прожигатель жизни, пил шампанское за прекрасных дам на ковре с розой в руке»³⁷⁵.

В 1916 г. в знаменитом московском издательстве «Мусагет» было выпущено второе издание произведений А. Блока. В марте 1916 г. в Москве в Художественном театре началась подготовка к постановке его драмы «Роза и крест», репетиции с перерывами длились до 1918 г., но пьеса так и не была поставлена. Стали особенно заметны футуристы, точнее, их вызывающее поведение. Тогда же достигла зенита звезда И. Северянина, удостоившегося негласно титула «короля поэзии». Но если в творчестве футуриста В. Маяковского антивоенная тема звучала искренне, то в общественной реакции на «патриотические» поэмы И. Северянина проскальзывало нечто противоестественное. По словам А. Вертинского, бешеным успехом у публики пользовались следующие строки: «Тогда ваш нежный, ваш единственный, я поведу вас на Берлин!»³⁷⁶. Это уже напоминало апофеоз абсурда.

В 1916 г. в Великобританию отправилась делегация российских писателей и деятелей культуры, в которую среди прочих входили А. Н. Толстой, В. И. Немирович-Данченко, К. И. Чуковский. Возглавлял делегацию видный англоман В. Д. Набоков. Гости встретились с королем Георгом V, военным министром Г. Китченером, писателем Г. Уэллсом. Затем они побывали на фронте в Северной Франции³⁷⁷. Результаты поездки освещались Набоковым на страницах кадетской «Речи».

Многих происходящее раздражало своей стилистической противоестественностью, связанной с тем, что «протестная» культура предвоенного времени не находила себе места в новой жизни. По поводу «Опавших листьев» В. В. Розанова известный историк С. Б. Веселовский, человек довольно желчный, заметил: «...В общем, удивительная ерунда, яркое проявление того хамства в литературе, которое сейчас в моде». По его мнению, вся эта «хамская развязность» была подготовлена в свое время писателями иного

³⁷³ Шаляпин Ф. И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах. М., 1990. С. 149.

³⁷⁴ Гиппиус З. Указ. соч. С. 294

³⁷⁵ Юдин С. С. Указ. соч. С. 139.

³⁷⁶ Вертинский А. Дорогой длиною... С. 92.

³⁷⁷ Коваленко Н. А. Владимир Дмитриевич Набоков. Человек и политик. М. 2002. С. 115.

направления – Горьким, Скитальцем, Бальмонтом³⁷⁸. Патриотизм творческой интеллигенции постепенно приобретал характер неловких подачек по отношению к тем, кто действительно страдал от тягот войны. Характерный тому пример – выход в Петрограде в 1916 г. поэтического сборника, названного «Пряник осиротевшим детям» и изданного в пользу убежища «Детская помощь».

Рано или поздно в литературе и искусстве должна была прозвучать антивоенная тема. В Петрограде в Психоневрологическом институте, который возглавлял В. М. Бехтерев, стала собираться богема левой окраски. Сам Бехтерев, человек громадного общественного темперамента, ставил перед студентами задачу: «...Познать человека... увлечь на подвиги там, где была одна пассивность и равнодушие... направить любовь на все человечество»³⁷⁹. Но пока подобное высказывалось не очень часто.

Сквозь все это пробивались пророческие мотивы. Незадолго до Февраля на выставке «Бубнового валета» в Москве побывал М. Горький. Его впечатлила картина Д. Бурлюка «Татары 1224 года – пир победителей на трупах побежденных (Батый)». «Страшную картину Вы, Давид Давидович, написали», – заявил он автору³⁸⁰.

Звучали и другие пророчества. «И тогда, как в эти дни, война / захлебнется в пламени и в лаве, / будет спор о власти и о праве, / будут умирать за знамена...», – предупреждал М. Волошин уже в 1915 г. А пока проводились многочисленные выставки, фантастически росли цены на произведения искусства. «Новый меценат пошел – это “герой тыла”», констатировал М. В. Нестеров за несколько дней до победы Февраля³⁸¹. При всем своем аполитизме деятели культуры не только предчувствовали приближение кризиса, но и по-своему – через особую форму недовольства – приближали его. 21 февраля 1917 г. во время спектакля Мариинского театра «Майская ночь» хор Императорской русской оперы отказался петь из-за недовольства своими мизерными окладами³⁸². 23 февраля в связи с началом беспорядков и перебоями в работе транспорта публика забеспокоилась: состоятся ли объявленные спектакли? Спектакли не были отменены. 25 февраля в Александринском театре при битком набитом зале состоялся юбилейный спектакль-премьера Ю. М. Юрьева «Маскарад», в Мариинском – последний концерт А. Зилоти, в Народном доме императора Николая II – «Травиата» и бал «Волшебный принц», в театре Незлобина – «Шарманка сатаны», в Музыкальной драме – «Quo vadis». Но в пятницу 25 февраля сборы упали³⁸³. 27 февраля спектакли прекратились.

³⁷⁸ Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 104.

³⁷⁹ Цит. по: Алексеева А. Указ. соч. С. 283.

³⁸⁰ Воспоминания Д. Д. Бурлюка о А. М. Горьком. С. 53.

³⁸¹ Нестеров М. В. Указ. соч. С. 272.

³⁸² Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 года. Л., 1927. С. 9–12.

³⁸³ Петроградские ведомости. 1917. 25 февраля; Театр и искусство. 1917. 12 марта.

«...В литературно-философских кругах... велись нескончаемые беседы о глубинном смысле войны, о протестантской сущности немецкого милитаризма, о роковой для судеб Европы эволюции Германии от Канта к Круппу, о непонимании Толстым таинственного единства креста и меча, об умалении желтой опасности в связи с выступлением Японии на стороне держав Согласия, о предопределенности России к республиканскому строю в связи с неприемлемостью догмата папской непогрешимости для православия, о бездарности правительства, о Распутине, о шансах Гучкова в военной комиссии, о подготовке государыней и Штюрмером сепаратного мира и многом другом... [Эти разговоры казались] мозговой игрою, конструктивной фантазией, кипением небытия»³⁸⁴. Так виделось происходящее Ф. Степуну, выдающемуся философу, оказавшемуся в шинели «прапорщика-артиллериста».

Табуирование общественной агрессивности (даже в символической форме) способно дать обратный – «прорывной» – эффект. Навязчивые попытки спрятаться за «христианскую незлобивость» и при этом распространять ненависть к «историческому врагу» были чреваты либо выработкой негативистских установок (весьма обычных для патерналистской культуры), либо подрывом устоев «официальной» веры.

К концу 1916 г. в интеллигентской среде стала зреть мысль о необходимости окончания войны. Художник Н. Калмаков отреагировал на нее картиной «Ужас войны», совершенно непохожей на такие его недавние работы, как «Ангел бездны», «Леда и лебедь», «Обнаженная с обезьяной». Ужас войны символизировала гигантская черная пушка на кроваво-красном фоне. Разумеется, оставались и патриоты. Разговор с одним из них А. Бенуа прокомментировал так: «Какая чудовищная бестолочь! Именно этому “патриотизму всмятку” нашей интеллигенции и суждено погубить Россию. “Нельзя кончать войну!” Точно их спрашивают! Между тем из этого нелепого “общественного мнения” слагаются... препятствия к решительным мероприятиям...»³⁸⁵

Общая угроза вроде бы должна объединять людей. Первая мировая война обнаружила в России их устрашающую социокультурную разобщенность. Кому-то удалось ее так или иначе преодолеть, для кого-то (как для России) она обернулась невиданным культурным (а не просто «классовым») расколом, вылившимся в Гражданскую войну. Что стояло за произошедшим на культурно-цивилизационном и нравственно-эмоциональном уровне? Какие все еще неосознанные силы погубили «великие надежды»? Вопрос вовсе не о «виновниках» случившегося. Винаваты были «все» – одни выхватить их по самонадеянности и безрассудству, другие по гражданскому

³⁸⁴ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 297.

³⁸⁵ Бенуа А. Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М., 2003. С. 21.

безволию и мелкому шкурничеству. Но главная причина развертывавшейся трагедии заключалась в непонимании ни своей истории, ни угроз современности. В патерналистских системах подавлен инстинкт здравого смысла – коммуникативный разум практически перестает работать. Оказывается, что обывателем «жить проще», а дураком «быть надежнее». Но когда система лишается царственной «головы», коммуникативная дурь уже не встречает преград, а люди остаются наедине со своими страхами и предрассудками. Отсюда водовороты общественных психозов, вину на которых так хочется в очередной раз переложить на «темные силы».

Казалось бы, массовые заблуждения способствуют появлению одиночных прозрений. Увы, последние сделались неразличимыми. И даже попытки выхватить их из забвения через столетие не приносят ожидаемого результата. Для понимания смысла трагедий прошлого необходимо осознание их подлинных причин. Но как быть, если мы суеверно опасаемся этого, боимся этого, ибо «погребенные ужасы веков» (Ф. Ницше) на самом деле продолжают жить рядом с нами?

Человек верит только в то, во что ему хочется верить, что доступно его нынешнему рассудку и предрассудку. И когда возобладает последний, он непременно насчитает на кончике иглы ровно столько чертей, сколько сочтет «достаточным». И вот на подобной «эпистемологии» до сих пор базируется все наше понимание переломных событий истории. Человеческий разум склонен к самообману. Чтобы минимизировать эту слабость, его мысль должна сблизиться с *реальной* плотью исторического бытия. Память о прошлом должна стать осмысленной. Иначе она вновь превратится в игрушку сиюминутных страстей.

Как бы то ни было, в августе 1914 г. европейскому человеку предстояло осознать происходящее, понять за что и против кого он воюет. В общем, требовалась основательная переориентация в неожиданно изменившемся мире. Труднее всего это удавалось в России.

Глава 2

ВРАГИ И ДРУЗЬЯ

1.2.1. Германия и «немцы»: образ главного врага

Образ врага должен по возможности стать максимально убедительным для всех слоев населения. На деле российская интеллигенция невольно создавала не столько устрашающий, сколько отталкивающий портрет, исходя из своих собственных моральных и эстетических установок. Возникала опасность того, что внешний враг уподобится своему внутреннему двойнику в лице самодержавной власти, или, напротив, чужая маска «прилипнет» к знакомому лицу. Нечто подобное и происходило.

6 октября 1914 г. молодой философ В. Ф. Эрн прочитал лекцию «Кризис современной Германии» с подзаголовком: «От Канта к Круппу». Первоначально он назвал лекцию «Бронированный свищ», однако устроители на такое – слишком эпатазирующее? – название не согласились¹. Эрн критиковали многие. Тем не менее образ Круппа – якобы законного наследника немецких философов – в интеллигентской среде привился. «Под железную пятой крупповщины умерла Германия мыслителей», – писал Л. Андреев. Правда, он признавал, что у Эрна, который «провел прямую линию от Канта к Круппу» присутствует «излишняя поспешность и резкость в выводах»².

Сомнительно, чтобы выдающийся писатель догадался, что за подобного рода патриотическим философствованием прорывается амбивалентное отношение к своей собственной власти. Со времен славянофилов русская интеллигенция под видом критики Запада

¹ Ильин И. А. Собрание сочинений. С. 84. Лекция В. Эрн прозвучала то ли на «религиозно-военном» митинге в здании Московской консерватории, то ли на публичном заседании Соловьевского религиозно-философского общества в Политехническом музее. Ему оппонировал председатель общества Г. А. Рачинский, считавший, что «немецкие зверства» нисколько не затрагивают подлинной германской культуры (Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1296). В декабре 1914 г. эти доклады были опубликованы в «Русской мысли».

² Андреев Л. Н. В сей грозный час. С. 9, 108.

подсознательно выражала свое негативное отношение к бюрократической этатизации российской общественной жизни. В сущности, российская власть всегда была готова превратить в свою собственную подпорку самые дурацкие выпады против всего «чужого».

К критике западной философской мысли В. Эрн подбирался давно, заявляя, что «недавний “научный” экстаз позитивизма» напоминает ему сказку о золотой рыбке, в финале которой зазнававшая старуха оказывается у разбитого корыта³. Еще до войны в Москве то и дело «вспыхивали столкновения между христианами и неокантианцами», при этом, как признавал С. Н. Булгаков, он был «нарасхват»⁴. Так или иначе, идеи нетерпеливого Эрна стали притчей во языцех. Он выстроил незатейливую логическую цепочку: немецкая культура непрерывна, только до сих пор в России обращали внимание лишь на ее внешнюю, привлекательную сторону. Но вот пришла война, и «под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти». Россияне не замечали, что «в атмосфере протестантизма с его безусловным приматом “разумности” кантовская фиксация сил и способностей разума была событием чрезвычайной церковной важности». Кант недаром чувствовал законодательный характер «Критики чистого разума». Он провоцировал богоубийство. Согласно Эрну, немецкий разум начал разведку всех мировых и духовных условий для грядущего торжества немецкого духа. Были сняты онтологические запреты и высшие предназначения ради торжества «разума». Поэтому орудия Круппа, полагал он, в силу своего «совершенства» стали внуками философии Канта – в них была заложена громадная человеческая энергия, результат самоопределения немецкого духа. И эта крупповская материализованная сила не нуждалась в самооправдании, ибо она осуществляла «законодательство чистого разума в больших масштабах всемирной гегемонии». Из цепи этих сомнительных рассуждений следовало, что разразившаяся война есть столкновение *всемирно-исторических начал*. И в этой войне немцы непременно погибнут, и это будет подобно античной трагедии, в которой конечная гибель обусловлена некоей скрытой, часто неведомой виной (своего рода генетическим изъяном). При этом путь германского народа составит достояние и внутренний опыт всего человечества. В целом Эрн утверждал, что «люцефериянские» энергии человечества «сгрудились в немецком народе»⁵.

³ Эрн В. Природа научной мысли. Сергиев Посад, 1914. С. 3–4.

⁴ Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках А. С. Аскольдова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Е. Н. Трубецкого, В. Ф. Эрна и др. М., 1997. С. 347, 573.

⁵ Эрн В. От Канта к Круппу // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 309–311, 313–315, 317.

В. Эрн был прав только в том, что человеческий разум деспотичен, он тяготеет к тому, чтобы так или иначе избавиться от всего, что не вписывается в его законы. Поэтому «монополия на разумное» – мечта всякого деспота. И не только немецкого, на что ему указывали оппоненты, хотя в Германии по условиям Новейшего времени она могла проявиться с особой силой.

Конечно, против прямолинейности рассуждений Эрна возражали. С. Л. Франк назвал основной тезис В. Ф. Эрна «в высшей степени спорным»⁶. Тем не менее в дискуссиях вокруг его заявлений, по мнению Н. А. Бердяева, «чувствовалась обычная склонность к схематизму и упрощению и недостаточное внимание к индивидуальности духовной действительности»⁷. Мыслители, играющие отвлеченными понятиями, всегда остаются недовольны друг другом. При этом они не задумываются о том, каким злым «эхом» может откликнуться на их слова морально опустошенное социальное пространство.

29 января 1915 г. В. Ф. Эрн вновь вернулся к Канту в связи с «новой теорией познания». По словам И. А. Ильина, логика его рассуждений была такова: субъект – это мужчина, объект – женщина, знание есть соитие между мужчиной и женщиной. Это соитие может совершаться различными способами: нормальными и извращенными. Он представил теорию познания как «половую онтологию»; получалось, что «Кант был евнух и вел флирт с Богом». Разумеется, Эрн был не столь вульгарен. Так или иначе, сам Ильин в полуторачасовом докладе «разоблачил» Эрна, как «еще никого не разоблачал, ... перервал ему глотку»⁸. Напротив, Эрн считал, что Ильин говорил тоном «невероятной внутренней грубости»... «кругом говорили, что Ильин совершенно побит и, главное, морально провален»⁹.

Независимо от позиции Ильина (более чем беспристрастной), у Эрна нашлось немало почитателей. Были и противники, причем даже из религиозно-славянофильской среды, заявлявшие, что доклад Эрна – не более чем «остроумный парадокс», хотя и философия Канта не вполне безобидна, в ней «скрываются некоторые весьма разрушительные элементы»¹⁰. «Люди поглупели от теперешних событий..., – писал неизвестный автор из Москвы. – У нас находятся умники, которые считают Канта предшественником Круппа, читают лекции о какой-то религиозной миссии России и т.п. чепухе»¹¹. А некий Арсярилов, также из Москвы, сообщал 8 ок-

⁶ Франк С. Л. Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 104.

⁷ Бердяев Н. А. Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны. М., 2004. С. 73.

⁸ Ильин И. А. Собрание сочинений. С. 88.

⁹ Взыскующие града. С. 613.

¹⁰ Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1296.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1722 (письмо от 28 октября 1914 г. А. А. Никитскому в Петроград).

тября 1914 г. профессору А. А. Кауфману в Петроград: «Теперь, когда все заражены... манией варваризации немца, я с еще большим темпераментом готов отстаивать “Канта”, самым решительным образом отграничивать его от “Круппа”»¹². Неустановленный автор из Тулы 18 октября 1914 г. сообщал в Москву: «Оплевывать Лютера, Канта, как делал Эрн, значит плевать на своих духовных предков. Если бы Соловьев был жив, он бы жестоко отделал Эрна. Антигерманизм, антисемитизм, антиукраинство – это все ягоды одного поля... Чем полнее расцвет антигерманизма, тем ярче распустится юдофобство...»¹³. В сущности, именно эта этнофобская тенденция стала нарастать.

По большому счету к эмоциональным перегибам тогдашних философов и писателей не следовало бы относиться всерьез – в них действительно присутствовало нечто «вечно бабье», пусть в феминистской перверсии. «Так важно и радостно, что авторитет современного германизма рухнул! – с удивительной непосредственностью писала, к примеру, руководительница издательства «Путь» М. Морозова 2 сентября 1914 г. – Меня страшно захватывает и воодушевляет сознание, что на этих развалинах так возможно и благоприятно водрузить знамя настоящей, истинной, религиозной русской культуры»¹⁴. Когнитивная составляющая русской «национально-либеральной философии войны» более чем сомнительна, более уместно оценивать эту философию, как женственный пароксизм «русской идеи». Во всяком случае, побеждать в войне, вооружившись пугливым восхищением перед орудиями Круппа, затруднительно.

Интеллигентные обыватели довольствовались более простым объяснением культурного грехопадения немцев: «золотое время расцвета духовной жизни Германии ушло и вряд ли вернется... Безжизненный порядок, образцово заведенный у немцев, и погубил всю их культуру духа»¹⁵. Молодой религиозный философ Д. Болдырев доказывал, что Германия Вильгельма II духовно выродилась. Сходным образом объяснял ситуацию П. Б. Струве: «буржуазная» Германия Вильгельма II пожрала Германию Бисмарка, отмеченную не только прусской военной дисциплиной, но и духовным идеализмом немецкой философии. При этом он заявлял: «Я не испытываю ни малейшей ненависти к немцам и именно в этом ощущаю свою патриотическую силу»¹⁶.

В поисках истоков германских жестокостей представители русской интеллигенции не могли не обратиться к литературе. Извест-

¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1559.

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1652 (письмо от 18 октября 1914 г. Е. В. Шику в Москву).

¹⁴ Взыскующие града. С. 592.

¹⁵ *Сергиевский Н. Н.* Записки пленника. Два с половиной месяца в плену у немцев. Пг., 1915. С. 3.

¹⁶ *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 105.

ный левый публицист В. А. Анзимиров утверждал, что даже в немецкой беллетристике последних лет встречаются попытки показать растлевающее влияние «юнкерства» и «гарнизонного воспитания» на формирование психологии «Германия выше всех». Но над всем этим витал дух «казенного и оплаченного патриотизма». Анзимиров упомянул и об открытом письме А. И. Куприна популярному в России австрийскому писателю Артуру Шницлеру (якобы негативно высказавшемуся о России), в котором утверждалось, что война вызвана природной немецкой самонадеянностью, самовлюбленностью и жестокостью ради жестокости. По мнению Анзиминова, как и Куприна, жестокости германского милитаризма обусловлены тем, что культ грубого материализма даже из литературы новейшей Германии вытравил любовь не только к ближним, но и дальним¹⁷.

Главным виновником войны была объявлена Германия, причем не только в лице «безумного» кайзера. «За последние годы гегемония Германии легла тяжелым бременем на всю историю европейских народов, — писал патриотический журнал. — Быстрый непомерный рост этой страны представляет серьезную опасность для всех окружающих государств... Созданная железом и кровью Германская империя представляла из себя вооруженный лагерь... Не довольствуясь господством на суше, она мечтала и о господстве на море. Соорудивши десятки цеппелинов, она мечтала и о господстве в воздушной стихии. Германия слишком далеко зашла вперед в своем стремлении к гегемонии над миром»¹⁸. Такое пропагандистское клише воспроизводилось повсеместно.

Объектом всеобщего поношения, естественно, стала личность самого кайзера. От обилия инвектив его образ получался расплывчатым: он и артист, и режиссер, и «узкий немецкий прапорщик», и «великий трус», верящий «исключительно в силу тевтонского меча». Именно его трусость и породила то отчаяние, с которым дерутся немцы¹⁹. В апреле 1915 г. появился фильм режиссера Э. Пухальского «Антихрист (Кровавый безумец и современная война», по иронии судьбы созданный на киностудии «Люцифер»²⁰.

Тема немецких зверств стала ведущей в пропагандистской литературе с самого начала войны. Поначалу использовались впечатления российских туристов, застигнутых войной в Германии. Сообща-

¹⁷ Анзимиров В. Указ. соч. С. 8, 14–15. Острая реакция А. И. Куприна (текст его открытого письма был опубликован в газете «Русское слово» 23 сентября 1914 г.) на слова «импрессиониста» А. Шницлера была связана с недоразумением. Возможно, Куприн счел своим долгом ответить Шницлеру в связи с тем, что их творчество тематически пересекалось: австрийский писатель критически отзывался о нравах австрийских офицеров.

¹⁸ Альбом героев войны. 1914. № 1. С. 5.

¹⁹ Аргус. 1914. № 20. С. 73–79.

²⁰ Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России (Фильмографическое описание). М.: Госкиноиздат, 1945. С. 52.

ли, что в Бреславле жандармы избивали их и отправляли в тюрьму, где три дня держали без пищи свыше 500 женщин и детей. Некий купец А. А. Киппер рассказывал, что одна дама, спешившая на поезд с 10-месячным ребенком на руках, нечаянно толкнула немецкого жандарма. Тот вырвал у нее ребенка и бросил его в толпу. Толпа насмерть затоптала ребенка, мать помешалась, в Копенгагене ее поместили в психбольницу. Широко эксплуатировалась тема издевательств и насилий над женщинами. Писали, что русских женщин постоянно обыскивали немецкие офицеры, заставляя раздеваться догола. Рассказывали о случаях изнасилования русских девушек, даже малолетних, немецкими офицерами. Приводился рассказ о том, как австрийские офицеры совершили гнусное насилие над 16-летней русской девушкой в туалете поезда, после чего она сошла с ума. Приводились конкретные имена пострадавших. Среди них называли гр. Воронцову-Дашкову с дочерьми, графинь Шереметеву и Демидову, г-жу Победоносцеву, гр. Орлова-Давыдова. Среди пострадавших оказывались и лица с нерусскими фамилиями – шталмейстеры барон Вольф и барон Кнорринг²¹. Столичный городской голова сообщал о «тысячах состоятельных людей», которые возвращаются на родину «нищими и даже полуголыми»²². Сомнительно, однако, чтобы страдания богатых путешественников, да еще с немецкими фамилиями, непонятно зачем отправившихся во «враждебную» Германию, особенно впечатляли низы.

Особенно муссировались рассказы о зверствах в польском городе Калише, куда немцы вошли без стрельбы. У многих солдат, по большей части этнических поляков, завязались дружеские отношения с местным населением: их угощали пивом, с ними вели беседы по-польски. Затем солдат-поляков заменили саксонцами. По ошибке один немецкий отряд обстрелял другой. Майор Пройстер обвинил в обстреле местное население, на которое была наложена контрибуция в 50 тысяч рублей. Затем по указке шпионов были публично расстреляны курьеры магистрата, акцизный чиновник, казначей Е. Н. Соколов. Более того, была предпринята бомбардировка города из пушек, а солдаты стреляли в окна домов. Кроме мирных жителей, было убито (предположительно «польскими дружинниками») 8 прусских солдат, еще 43 солдата были ранены. В ответ немцы арестовали то ли 850, то ли 3000 человек, которых 40 часов продержали без воды. Им угрожали расстрелом, затем «помиловали» и заставляли кричать: «Hoch Kaiser!», «Deutschland über alles!» Разнеслась весть, что немцы убили еврейского раввина и его старшего сына, сообщали также об аресте протоиерея Семеновского и католического ксендза – глубокого старца. В стенах Ченстоховского Ясногорского монастыря немцы устроили безобразную оргию²³.

²¹ Журнал «Война». Пг., 1914. № 1. С. 4–7.

²² Толстой И. И. Указ. соч. С. 530.

²³ Журнал «Война». Пг., 1914. № 1. С. 10–13.

О немецких зверствах говорили все. Писали о казаке, у которого на шее осталась «полоска от ножа, которым немецкая сестра милосердия хотела отрезать ему голову, чтобы преподнести как трофей»²⁴. Верили в подобные ужасы (они стали обычными для пропаганды всех воюющих стран) отнюдь не все; некоторые отказывались брать в руки газеты, увидев оглавление «зверства немцев». Говорили, что «омерзели все газеты за их ложь и иезуитское фарисейство»²⁵. Впрочем, были и такие, кто призывал «сдаваться немцам, потому что они культурны»²⁶.

Рупором германофобии стали столичные «Новое время» и «Вечернее время», непосредственно связанные со Ставкой. У либералов (не столько партийных, сколько либералов по убеждению) их установки вызвали отвращение. «Эти два, с позволения сказать, органа печати... заняты провокацией по отношению ко всему немецкому», однако власть готова считать их за «выразителей общественного мнения» «лучшей» его (понимай: охранительной) части общества». Они вспоминали, как те же газетчики «ползали на животе перед Вильгельмом и немцами, глубокомысленно предостерегая от увлечения “насквозь прогнившей и ожидавшей Францией” и “коварной” Англией». Тогда для них Германия казалась «самой передовой и разумной нацией», Вильгельм «был для них на манер гения»²⁷.

Традиционный образ немца был «перевернут». Из среды ученых, ранее восхищавшихся немецкой наукой, звучали заявления о том, что «немецкой культуры нет и не было». Либеральные ученые подчеркивали при этом подчиненность личности и абсолютизацию государства в Германии. Писали также о милитаризации там школ и университетов. Отмечалось «перерождение» классической германской культуры, а «варвары XX века» представляли дикарями, вооруженными современной техникой и обладавшими «утонченно-садической психологией»²⁸. Между прочим писали, что германская армия на 1/3 состоит из социал-демократов – все они «винтики бездушной машины»²⁹. Бульварная печать изображала немецкого ученого с ослиной мордой и очками на носу, тупо пожирающего сосиски с картошкой³⁰. Обыватели вдруг вспомнили, что половину видных должностей в России занимают немцы³¹. В известной сте-

²⁴ Аргус. 1914. № 20. С. 11.

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 26 (письмо неустановленного автора из Киева от 29 августа 1914 г. барону Е. Е. Тизенгаузену в Петроград).

²⁶ Такие слухи в сентябре 1914 г. распускал некий Захария (Шакро) Леванович Хибирбеков, бывший студент. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 20.

²⁷ Толстой И. И. Указ. соч. С. 560–561.

²⁸ См.: Маурер Т. Указ. соч. С. 63–66.

²⁹ Аргус. 1914. № 20. С. 38.

³⁰ Немец-перец-колбаса. М., 1914. Вып. 1. С. 5.

³¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 25.

пени на внешнего и внутреннего «немца» экстраполировались все имманентные пороки и недуги российского общества.

Вторжение новейших технологий в повседневную жизнь действительно меняет психику человека. Не случайно Эрнст Юнгер с восторгом писал об обитателях «задымленных кварталов», которые «глубже постигли наш новый мир» и потому «самолет им послушен, как бумеранг австралийцу». Вольно или невольно немецкий милитарист признал, что техника порождает «новых дикарей», словно поклоняющихся анонимной машине смерти³². И этот психотип личности, воспринимавшей войну как разновидность состязания тренированных «машинистов», пугал «народолюбивых» деятелей российской культуры.

Тем временем воззвания против немецких зверств подписали писатели М. Горький, А. Серафимович, Г. Скиталец, художники А. Васнецов, В. Васнецов, К. Коровин, скульптор С. Меркуров, певец Ф. Шаляпин. Известный географ А. Семенов-Тянь-Шанский поддерживал инициативу «Нового времени» об издании «Черной книги» о немецких зверствах³³. З. Гиппиус писала 28 мая 1915 г.: «Как противна наша присяжная литература. Завопила, как зарезанная, о войне с первого момента. И как бездарно, один стыд сплошной... Все по нисходящей линии. Не хватило их на молчание. И наказаны печатью бездарности»³⁴. Патриотические воззвания действительно вдохновляли далеко не всех. «Когда теперь самый последний, самый ничтожный газетный писака говорит пышные слова о “настоящем виде немецкой культуры”, неизменно сопровождая слово “немец” эпитетом “варвар”, “зверь”, “чудовище”, меня это и смешит, и бесит. Неужели только одни немцы делают зверства... грабят, мародерствуют, насильничают, убивают мирных жителей», – писал 15-летний Д. В. Фибих, подозревавший, что русские солдаты делают то же самое. Он считал, что в России военные преступления скрываются из «идиотского ложного чувства патриотизма», и полагал, что глупо и несправедливо обвинять в этом другого «потому только, что этот другой немец и враг»³⁵.

В связи с войной завязались дискуссии о пересмотре отношения к немецкой культуре в целом. Понятно, что здесь не обошлось без политики. Даже П. А. Кропоткин после вторжения «тевтонов» в Бельгию писал: «Теперь мы узнали, чего может Европа ожидать от немцев...»³⁶. Эстеты Серебряного века словно прощались с иллюзи-

³² Эспозито Ф. Указ. соч. С. 450, 455.

³³ Новое Звено. Орган Объединенного Славянства и независимой либеральной мысли, издаваемый А. Н. Брянчаниновым. СПб., 1914. № 34. 16 августа. С. 22.

³⁴ Гиппиус З. Петербургские дневники. М., 1982. С. 114.

³⁵ XX век. Писатель и война. С. 108.

³⁶ Биржевые ведомости. 1914. 14 сентября. Статья П. А. Кропоткина на некоторых бывших революционеров произвела сильнейшее впечатление. См.: Серебренников И. И. Указ. соч. С. 46.

ями о многообразном единстве европейской культуры. М. Кузмин сочинил сентиментальный рассказ о бельгийской певичке, приютившей раненого немецкого офицера, своего бывшего поклонника, но театрально погибшей от шальных немецких пуль³⁷. В спорах о противоречивости культурной миссии германизма в Европе приняли участие художники А. Маковский и Н. Рерих, целый ряд представителей музыкальной культуры. Газеты публиковали статьи о том, что Чехов, Достоевский, Толстой всегда негативно относились к немецкой культуре. С другой стороны, Л. Андреев и Д. Мережковский заговорили о недопустимости шовинистической истерии. Тем не менее последовали запреты исполнения Вагнера, о случаях исполнения оперных партий на немецком языке даже в частных концертах доносили³⁸. Композиторы и музыканты по-своему реагировали на события войны. Со взятием Перемышля в Москве совпало первое исполнение «Всенощного бдения» С. В. Рахманинова³⁹. Хотя, к слову сказать, из всех людей творчества композиторы оказались наименее далеки от злобы дня. По-настоящему востребованным публикой оказался марш «Прощание славянки», написанный еще по случаю Балканских войн, почитавшийся за своего рода гимн – российский и союзных держав.

Появились серии плакатов, иллюстрирующих победы русских «чудо-богатырей»: к примеру, в Восточной Пруссии казаки обратили в бегство «гусар смерти – любимую кавалерию императора Вильгельма, носящую “мертвые головы” на фуражках». В лубочных изданиях донской казак Козьма Крючков (получил 16 ран) прямо-таки косил немецких пехотинцев, а верховный главнокомандующий Николай Николаевич дубасил кайзера сковородкой по голове. В самом начале войны муссировались слухи о том, что Вильгельм II сошел с ума и даже застрелился⁴⁰. Кайзер изображался то в виде антихриста, то таракана (пруссак), то свиньи, то черного пса; иной раз его физиономия «тупого колбасника» представляла в обрамлении кукишей⁴¹. Светский журнал воспроизводил фотографию парижского уличного торговца, продающего маленьких свинок из папье-маше, увенчанных островерхой немецкой каской⁴². Цирк и кинематограф также по-своему старались представить inferнальность кайзера⁴³.

На фоне рассказа о немецких жертвах – выдуманных и реальных – постоянно подчеркивалось великодушие русского солдата,

³⁷ См.: Кузмин М. Серенада Гретри // Аргус. 1914. № 20. С. 65–71.

³⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. С. 193.

³⁹ Казакевич А. Н. Указ. соч. С. 491–492.

⁴⁰ Толстой И. И. Указ. соч. С. 527.

⁴¹ См.: Русский военный лубок. Ч. 1. Первая мировая война. М., 1995.

⁴² Аргус. 1914. № 21. С. 100.

⁴³ Гинсбург С. С. Кинематография дореволюционной России. М., 1963. С. 199.

воспевалось русское милосердие, противостоящее «готтентотам»⁴⁴. В популярных журналах публиковались рисунки, на которых «великодушный серый герой утоляет смертельную жажду раненого немца»⁴⁵. В изданиях пропагандистского Скобелевского комитета подчеркивались «мужество, патриотизм, самоотвержение и, как лейтмотив, незлобивое, христиански-великодушное отношение к врагу», характерное для русского солдата⁴⁶. Создается впечатление, что над «пропагандистами» того времени имплицитно довлел образ Платона Каратаева из «Войны и мира».

В интеллигентском воображении образ войны и ее действующих лиц словно существовал сам по себе, независимо от реалий. И. А. Ильин даже писал, что война «создает возможность взаимного понимания и доверия, вызвала нас на щедрость и пробудила в нас доброту»⁴⁷. Популярный журнал опубликовал рисунок, где солдаты в вагоне окружили пленного немца, трогают его, удивляются хорошему качеству обмундирования, затем начинают угощать. Эту сцену комментировали так: «Какая разница между этим человеческим отношением и варварским обращением будто бы культурных немцев к русским!»⁴⁸ В описанную идиллию поверить трудно: русские солдаты действительно охотно угощали пленных, но над их амуницией откровенно потешались⁴⁹.

Парадоксально, но, по мнению А. Аверченко, это не исключало органической неприязни русского человека к «немцу». «И чего это, скажи мне, барин, на милость, русский человек так немцев не любит? Японец ничего себе, турок даже, скажем, на что бедовая голова – пусть себе дышит... А как немцев бить... как все ухватились!...»⁵⁰ Аналогичным образом характеризовал солдатские впечатления от «немца» Е. Н. Трубецкой: «Иш глаза недобрые, азиатом смотрит, да уж какие жестокие»⁵¹. Аверченко и Трубецкой вроде бы «писали с натуры». Похоже, их «наблюдения» были бытовой частью общего дискурса столкновения славянства с германизмом.

Конечно, образы незлобивого русского солдата смотрелись сомнительно: люди творчества просто запутались в своих эмоциях, блуждающих между этосом мирного времени и «жаждой героического». Ф. Кафка записал в дневнике рассказ своего родственника: казаки захватили в плен командира – капитана, а на следующий день его «нашли в лесу голым, проткнутым штыками». Предполагали, что его хотели обыскать и ограбить, но он – офицер ведь! –

⁴⁴ Аргус. 1914. № 20. С. 11.

⁴⁵ Огонек. 1914. № 35. 31 августа (13 сентября). С. 1.

⁴⁶ А. К. Отзвуки войны. Сборник стихов. Пг., 1915. С. 6.

⁴⁷ Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 69.

⁴⁸ Огонек. 1914. № 33. 17 (30) августа. С. 7.

⁴⁹ Веврен Б. Указ. соч. Т. 1. С. 27–28.

⁵⁰ Аверченко А. Счастье солдата Михеева // Аргус. 1914. № 20. С. 31.

⁵¹ Взыскующие града. С. 589.

воспротивился⁵². Рассказ выглядит правдоподобно: за казаками числились и не такие деяния, причем против мирного населения⁵³. Иные солдаты-пехотинцы также походя «прикалывали» пленных: им было «некогда возжаться с этой дрянью»⁵⁴. Но в пропагандистских изданиях даже казаки выглядели миролюбиво: на рисунке С. В. Житловского был, к примеру, изображен казак, играющий с немецкой девочкой. Тем временем немецкий мальчик в его фуражке красовался на коне, а из дома за этой сценой с изумлением наблюдали немецкие женщины⁵⁵. Был опубликован рассказ «Казак и немец»: пленный немец панически боится, что казаки его казнят, а казаки добродушно посмеиваются над «трусом»⁵⁶.

Другая составляющая образа врага-немца – пьянство. Ситуацию в Берлине после войны описывали так: «Волны взбудораженного народного моря заливали улицы... Царил пьяный разгул. Мелькали автомобили с пьяными офицерами, очевидно, возвращавшимися с кутежей, наряженными в женские шляпки, и хмельными кокотками в офицерских касках, пронзительно оравшими: “Deutschland, Deutschland über alles” и махавшими флагами...»⁵⁷ Позднее стали писать, что трезвыми в атаку немцы не шли. Кроме того, широкое распространение получили слухи о том, что немцы сознательно спаивали русских солдат. Они имели под собой некоторое основание. В воспоминаниях встречаются указания на то, что в 1914 г. в Восточной Пруссии в некоторых городках все «магазины кроме питейных закрыты», а жители «предлагали солдатам спирт», причем некоторые солдаты напивались⁵⁸. Сомнительно, однако, чтобы немецкие мирные жители предпочитали иметь дело с пьяным русским «варваром».

Война породила невиданный феномен шпиономании во всех воюющих странах⁵⁹. Разумеется, среди «русских немцев» шпионы были. Так, если верить воспоминаниям одного контрразведчика, в Финляндии германским шпионом оказался представитель фирмы «Зингер»⁶⁰. На деле значительная часть «худших элементов населения» воспользовалась войной для сведения личных счетов. Доносили все на всех. В Прибалтике особенно отличились «патриотич-

⁵² *Кафка Ф. Дневники. Письма к Фелиции. М., 2009. С. 308.*

⁵³ См.: *Булдаков В. П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010. С. 100, 102–104, 112.*

⁵⁴ *Веверн Б. Указ. соч. Т. 2. С. 43.*

⁵⁵ *Огонек. 1914. № 37. 14 (27) сентября. С. 5.*

⁵⁶ *Журнал «Война». Пг., 1914. № 15. С. 10.*

⁵⁷ *Сергиевский Н. Н. Указ. соч. С. 14.*

⁵⁸ *ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 428. Л. 11 (воспоминания полковника А. Кузнецова).*

⁵⁹ В Германии особо рьяно занялись поисками шпионов на железных дорогах. За шпионку едва не приняли кинозвезду Асту Нильсен. См.: *Verhey J. Op. cit. P. 83–84.*

⁶⁰ *ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 377. Л. 347 (воспоминания Д. Казанцева).*

ные» эстонцы и латыши, активно доносившие на немцев⁶¹. В Вятке «монархист Порфирий Лаптев» сообщил властям о «подозрительных немцах», разговаривавших о неких «алеопланах»⁶².

Над шпиономанией иронизировали фельетонисты: то «шпионом» объявляли рыжего господина, исходя из того, что и Иуда был рыжим, то подозрительно реагировали на любые солнечные зайчики («зеркальная сигнализация»), то намекали на то, что немцы (потенциальные шпионы) прикидываются евреями⁶³. Вообще в обывательском воображении немец и еврей словно поменялись ролями. Позднее в воспоминаниях описывались «трогательные» случаи: российский солдат-еврей, работавший в армейской кузнице, отказался от свидания с отцом ради выполнения своего долга⁶⁴. Некоторые евреи якобы прекрасно проявили себя в войсках, приняв православие⁶⁵. В такие случаи, возможно, верили как в исключение, чтобы убедиться в общем «правиле»: еврей по натуре предатель. Масла в огонь юдофобии порой подливали российские немцы. «Положение русских подданных, говорящих по-немецки, со дня на день становится все опаснее..., – писал 31 июля 1914 г. пастор Мейер из Варваровки Херсонской губернии пастору Виллигероде в Одессе. – Ко всякому паршивому жиду с его лицемерным патриотизмом относятся с доверием, а к русским немцам – с подозрением...». Он был убежден, что газетной травлей «русских немцев» занимаются преимущественно евреи⁶⁶.

Со столь коварным врагом и его приспешниками предлагалось поступить соответственно. Некоторые полагали, что Германии надо устроить экономическое «кровопускание». Считалось, что Кельнского собора все же «трогать не нужно», но «уничтожить Круппа» будет полезно. А в целом «европейское человечество еще не настолько изжило себя, чтобы уступить вековое наследие такому историческому выскочке, как современная Германия». Так излагал в самом конце 1914 г. свои соображения человек с «чисто русской» фамилией Шитц из Москвы в письме, отправленном в Лозанну⁶⁷.

На деле российские немцы вели себя патриотично. Среди спортсменов, мобилизованных и ушедших на войну добровольцами, их было немало. Вскоре с полей сражений стали приходить печальные

⁶¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 400.

⁶² Гурьянова С. И. Отношение населения Вятской губернии в военнообязанным иностранным подданным в 1914–1916 гг. // Первая мировая война и национальный вопрос. Пермь, 2014. С. 127.

⁶³ Белогурова Т. А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914–1917). Смоленск, 2006. С. 84–85.

⁶⁴ Веверн Б. В. Указ. соч. Т. 1. С. 19.

⁶⁵ Беляев И. Т. Записки русского изгнанника. СПб., 2009. С. 154.

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1113.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2177 (И. И. Шитц 29 декабря 1914 г. – Гастону Кану).

известия. В самом начале войны погибли секретарь Озерковского лаун-теннис-клуба прапорщик Павел Газе, члены Парголовского общества любителей лаун-тенниса подпоручик Рихард Гимм и прапорщик Николай Кистер. При переправе через реку Сан погиб неоднократный чемпион России по фигурному катанию К. А. Олло⁶⁸.

Борьба с «немецким засильем» приобрела истеричный характер. В начале 1915 г. столичная пресса инициировала разоблачение «шпионской» фирмы... во Владивостоке. Писали о том, что «белокурые служащие» «Кунст и Альберс» всем своим видом напоминают бравых лейтенантов, дефилирующих по берлинской «Под липами»»; заодно осуждались русские служащие, якобы защищавшие псевдорусскую фирму⁶⁹. Расследование, однако, показало, что среди 57 служащих дальневосточной «гамбургской» фирмы русских подданных было 38 (из них этнических русских – 26, поляков – 2, латышей – 3, эстонцев – 3, немцев – 1, евреев – 3), иностранных – 19 (японцев – 1, китайцев – 18). В Николаевске-на-Амуре среди российских подданных отделения фирмы были поляки, эстонцы, латыши, евреи, немцы, чехи, итальянцы, китайцы и даже русские сектанты⁷⁰. В общем, служащих набирали по деловому, а не по этническому принципу.

Торговый дом имел безупречную деловую репутацию, в 28 его филиалах, отделениях, конторах и агентствах (в Харбине, Петрограде, Москве, Одессе, Варшаве, Гамбурге, Риге, Иркутске, Нагасаки) трудилось около 1000 русских подданных⁷¹. Тем не менее возглавлявший фирму почетный попечитель Владивостокского Восточного института действительный статский советник Адольф Васильевич Даттан, принявший русское подданство около 30 лет назад, был выслан в Нарымский край за «деятельность в пользу Германии». При обыске у него обнаружили «фотоаппараты, полевые бинокли, винтовки, револьверы, патроны, фотографии Владивостока, шагомеры, компасы, подробное описание крейсера “Жемчуг”». Инкриминировалась и переписка жены с сыновьями, служившими в германской армии. На основании более чем сомнительных данных торговый дом «Кунст и Альберс» был признан «разведывательным отделением Германского генерального штаба». Большинство служащих отправили в Якутскую область⁷². Характерно, что Хабаровское биржевое общество отказалось исключить этот торговый дом из своих членов, а в декабре 1916 г. указало на негативные последствия возможной ликвидации этой фирмы для экономической жизни края

⁶⁸ Глезеров С. Е. Указ. соч. С. 612–613.

⁶⁹ Вечернее время. 1915. 17 (30) января; 20 января (2 февраля).

⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 103, 69, 73–73 об.

⁷¹ См.: Deeg L. Kunst & Albers, Wladivostok. Die Geschichte eines deutschen Handelshauses im russischen Fernen Osten 1864–1924. Essen, 1996.

⁷² См.: РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 21–30 об.

и снабжения населения⁷³. За Даттана хлопотал известный адвокат А. С. Зарудный, который затребовал список пожертвований обвиняемого на государственные и просветительские цели. Оказалось, что на нужды просвещения им было выделено около 200 000 руб.⁷⁴ Это не помогло.

Война раскалывала семьи. Два сына Даттана служили в русской армии, а младший, 19-летний Адольф, поступил добровольцем в немецкую армию. От лица дальневосточной администрации было заявлено, что немцы, проживающие в пределах Приамурского военного округа, «настолько искусно ведут шпионскую деятельность, что установить это невозможно». «Искусно замаскировав свою деятельность», старший Даттан якобы вел «двойную игру», намеренно допустив, что его дети оказались по разную сторону границы⁷⁵. Принцип гражданской лояльности не спасал от преследований.

М. Горький писал М. Ф. Андреевой: «...Эта война на целое столетие облечет мир броней железной злобы, ненависти всех ко всем, она вызовет жажду мести у побежденных, презрение победителей, она уже теперь у многих вызывает мысль о необходимости уничтожения целой нации»⁷⁶. Так и случилось. Примордиалистская основа массовой психологии вырвалась наружу.

1.2.2. Антанта: дружественные демократии?

По-своему символично, что сараевское убийство совпало с успехом третьих «русских сезонов» в Лондоне. Однако, несмотря на очевидный *casus belli*, англичане не спешили определить свою позицию. Война была «далеко», выгоды от нейтралитета были очевидны.

Между тем надежда на союзников уже стала неременной спутницей массового сознания в России. Конечно, чувство было небескорыстным. Кто-то надеялся, что экономически развитые страны подтолкнут российский прогресс, кто-то рассчитывал, что от общения с ними российская власть «поумнеет», кто-то мечтал, что союзники «протащат» Россию в демократию⁷⁷. Известный писатель Л. Андреев 4 октября 1914 г. в письме И. С. Шмелеву заявлял: «Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен

⁷³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 138; Дорожкин А. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны в освещении германского журнала «Weltwirtschaftliches archiv» (1917 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 375.

⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Ф. 702. Оп. 2. Д. 506. Л. 34, 38 об.

⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Ф. 1. Оп. 12. Д. 554. Л. 6–7.

⁷⁶ Цит. по: Епанчин Ю. Л. Указ. соч. С. 21.

⁷⁷ Soroka M. Op. cit. P. 286.

свыше всякой меры: это борьба демократии всего мира с царизмом и деспотией, представительницей каковых является Германия. Если бы у нас наверху были умнее, они дрались бы с Вильгельмом против Франции и Англии»⁷⁸. Для некоторых война давала шанс поквитаться с российскими правыми. В этой связи писали, что «вражда к Англии и низкопоклонство перед Германией в течение десятилетий были лозунгом всех наших черносотенцев...»⁷⁹.

Война пробуждала также надежды на возрождение социально-освободительной энергетики. «Бог побед благословил наше оружие и испытал закал оружия наших дорогих союзников...»⁸⁰, – писала неославянофильская газета. «Мы уверены, что доблестное воинство наше и наших союзников сумеет побороть преступника, оставаясь в ореоле благородства, чести и неомраченной славы»⁸¹, – уверяла церковная пресса, присоединяясь к антинемецким протестам русских ученых. Кроме того, подчеркивалась духовная способность союзников к самопожертвованию: «И француз, и англичанин, и русский одинаково жертвуют жизнью, одинаково пренебрегают “земным”»⁸². В журнале, претендующем на элитарность, появился рассказ о доблестной французской летчице, протаранившей цепелин⁸³.

Популярная пресса взалхлеб расхваливала союзников. В сентябре 1914 г. сообщали о том, как «французские солдаты гонят немцев», подчеркивая, что известия о «блестящих победах» союзников заставляют сердца «биться в унисон»⁸⁴. На обложках красовались портреты руководителей союзников, изображались их успехи в боях, включая «ночные атаки зуавов», действия сенегальских стрелков и «английских гукасов». В частной переписке русские эмигранты с восторгом писали о том, что «во Франции в ряды действующей армии записываются почти все взрослые французы без различия общественного положения. Один министр, богатый человек преклонного возраста, подал в отставку и просил немедленно зачислить его в первые ряды бьющейся армии в качестве простого унтер-офицера. Всех немцев и австрийцев выслали в 24 часа. К нам, русским, отношение хорошее»⁸⁵.

Все это было призвано стимулировать отечественный патриотизм. Приводились слова датского писателя Георга Брандеса:

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1115 (С. А. Бутурлин из Везенберга Эстляндской губернии 31 июля 1914 г. – А. А. Ильину в Петербург).

⁸⁰ Новое Звено. 1914. № 34. 16 августа. С. 3.

⁸¹ Церковный вестник. 1914. № 48. 27 ноября. Стб. 1455.

⁸² Там же. № 51. 18 декабря. Стб. 1551.

⁸³ Воинов В. Сильнее любви // Аргус. 1914. № 20. С. 81–93.

⁸⁴ Война и герои. Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал. Пг., 1914. № 1. С. 1–2.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. 992. Л. 1165 (А. Нагорнова из Парижа 5 августа 1914 г. – Т. С. Нагорновой).

«Тень Жанны д'Арк витает над войсками Франции». Публиковался рисунок английского военного корреспондента, изображавший казаков, а также рисунок «Казак» из французского журнала⁸⁶. «Все мы учитываем неизбежность победы союзных войск»⁸⁷, – таков был бодряческий рефрен этих публикаций. Со временем прозвучала еще одна тема: «Мы должны быть достойны наших доблестных и высококультурных союзников»⁸⁸. Ориентация на союзников в либеральных кругах заключала в себе не только «патриотическую», но и политическую составляющую. Антантовский патриотизм в России приобретал характер неявных посланий к своей власти.

Образ войны имплицитно соединился с интеллигентскими желаниями о достижении неких общеевропейских демократических стандартов в процессе противостояния общему врагу. Валерий Брюсов ответил на вопрос: «Кто мы в этой старой Европе?» такими строками: «И что же! Священный союз / Ты видишь, надменный германец? / Не с нами ль свободный француз, / Не с нами ль свободный британец?»⁸⁹

Многие российские эмигранты старались мыслить в унисон с «западными демократиями». Интересное послание отправил Б. В. Савинков из Парижа 4 ноября 1914 г. З. Н. Мережковской (Гиппиус). В нем говорилось: «Я весь душою русский, всей душой я желаю победы России, значит, победы Франции. Но для меня война не исчерпывается вопросом – кто победит. Это вопрос огромный, и за Россию стоит, конечно, отдать свою жизнь, но есть вопрос больший, более глубокий, я бы сказал, евангелический. О нем не пишут, не говорят, многие даже не догадываются, что он существует». Знаменитому террористу казалось, что «те люди, которые говорят и высказываются – какая польза будет Европе, если союзники победят, кажутся... смешными». Тех же, «которые занимают позицию «моя хата с краю», он именовал «слепорожденными», а тех, «которые как ни в чем не бывало, едят, пьют, спят, ссорятся – ... гниющими мертвецами». «Если люди сейчас не поймут своей немощи, своей малости, своей зависимости от чьей-то верховной воли, то они не поймут никогда, – заключал он, – они до конца дней своих будут пробавляться сором «логических рассуждений»⁹⁰. А из Генуи неустановленный автор (похоже, народник) писал 12 ноября 1914 г. М. В. Сабашникову в Москву: «Настоящая война не может закончиться только военным разгромом Германии. Она приведет к концу и духовной гегемонии ее, и прежде всего – к концу гегемонии гер-

⁸⁶ Журнал «Война». Пг., 1914. № 12. С. 1, 3, 8, 11; № 15. С. 4–7.

⁸⁷ Война и герои. Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал. Пг., 1914. № 6. С. 2.

⁸⁸ Война и евреи [1915]. № 4. С. 5.

⁸⁹ Современная война в русской поэзии. Вып. 1. Пг., 1915. С. 90.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 24.

манского социализма и марксизма... Для России это значит – конец ее идейного ученичества и начало собственного идейного творчества, начало жизни собственной органической жизнью... А при таком повороте к подлинной, своей народной жизни, где же искать теперь ближе всего ее смысл и разгадку, как не в бытовой крестьянской ячейке общины и вообще “мира”»⁹¹. От войны люди творческие ждали очень многого, но очень разного.

Российская пресса не случайно бездумно и неумеренно восхваляла союзников России – было востребовано ощущение не только собственной силы, но и «всеобщей» поддержки. Страницы популярных изданий публиковали множество снимков и рисунков на тему «союзники в бою», призванные убедить в их военной мощи⁹². Так, в московском театре Ф. А. Корша сезон 1914 г. открылся спектаклем «Генеральша Матрена». Перед его началом по сцене под музыку соответствующих гимнов пронесли свои национальные флаги русский, французский, английский, сербский и черногорский солдаты⁹³. Со временем исполнение союзных гимнов вошло в традицию. В конце 1914 г. была выпущена серия из 12 марок «Деятели великой войны 1914 года». На марках были представлены главнокомандующие союзными армиями – генерал Д. Френч, генералиссимус Жоффри, король Сербии Петр I, король Черногории Никола. Подборка русских деятелей оказалась не столь удачна. Помимо великого князя Николая Николаевича, генералов В. Н. Никитина, А. А. Брусилова, был представлен и генерал-адъютант П. Ренненкампф, которого со временем людская молва обвинила едва ли не в предательстве.

Кое-кто с самого начала сомневался в российских союзниках. «В области внутренней политики мы полностью расходимся с союзниками, – писал А. И. Мельников из Одессы 16 сентября 1914 г. – Союз непрочен»⁹⁴. 10 октября 1914 г. неуставленный автор писал из Лондона в Петроград: «В России... чествуют англичан, устраивают послу одачи. Очень жаль, что так заблуждаются русские. Ничего подобного нам в Англии не устраивают... Англичанин остался тем же хвастуном, каким был и раньше»⁹⁵. На деле в это время англичане надеялись на русские армии. Английские газеты писали «о новой эре для России, об эре свободы, [о том], что свободная Россия легко одолеет Германию и Австрию»⁹⁶. В России же в «непредус-

⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 59.

⁹² Журнал «Война». Пг., 1914. № 12. С. 1; Война и герон. Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал. Пг., 1914. № 1. С. 1, 2; № 6. С. 1–2; № 7. С. 5, 11; Синий журнал. 1914. № 39. 30 октября. С. 3.

⁹³ Дадамян Г. Г. Указ. соч. С. 12.

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 63.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1582 (письмо адресовано Н. Н. Беклемишеву).

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 13 (об этом 21 июня 1915 г. сообщал доктор Е. Я. Столkind из Лондона А. Г. Горячеву в Москву).

мотористость» англичан мало кто мог поверить. Поэтому других российских современников поражала та «беззаботность», с которой англичане вступили в войну. Людям, призванным решать вопросы о военном сотрудничестве, в ноябре 1914 г. казалось, что у них «отсталая техника», а «самоуверенность в дурное время – это самое ужасное несчастье для нации». Удивляло, что на заводах «сохраняется викенд», казалось, что «заводы и адмиралтейства не действуют» вообще. Получалось, что «англичане премилый, деликатный и благородный народ», однако они «не созданы для войны»⁹⁷. В общем, людям, полагающим, что военная экономика должна работать в мобилизационном режиме, народнохозяйственное поведение англичан казалось абсурдным.

Как ни странно, «шапкозакидательское» настроение повлияло и на отношение к союзникам. «Вялость западных союзников тоже нам на руку, – прикидывал неизвестный автор из Саратова в декабре 1914 г.... – Не хватает пока того, чтобы немцы сбили спесь с сынов туманного Альбиона, которые... много нам напакостят на будущем конгрессе мира...»⁹⁸. Увы, союзники также оказывались недовольны русскими. Англичане не раз высказывали недовольство уровнем компетентности тех русских представителей, с которыми им приходилось иметь дело. «Ни разу ни на одной конференции по военным вопросам мы не слышали осведомленного, вполне авторитетного слова от русского генерала», – говорил британский премьер-министр⁹⁹. Некоторые русские «англофилы» в связи с этим «оправдывали» своих соотечественников: «Я хотел бы покорно просить вас не обижаться на ту маленькую кучку *идиотов*, которые говорят об Англии плохо, – писал 19 декабря 1914 г. Н. Португалов из Москвы английскому послу Дж. Бьюкенену. – Эти люди – уроды, и они есть в каждой стране... Вся здравомыслящая Россия высоко ценит Англию и верит ей, как себе»¹⁰⁰.

Вопреки сомнениям и подозрениям, надежда на «спасительную» помощь со стороны преобладала. Не случайно Б. В. Савинков даже утверждал, что в течение года в российском сознании «легкомысленные» французы превратились в «закаленных бойцов»¹⁰¹. А летом 1915 г. прокатился слух, что в Россию перебрасывают японскую армию. Многие обыватели даже «видели» японцев в тылу¹⁰².

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1876 (письмо Зифафмана из Глазго 15 ноября 1914 г. – подпоручику Литвиненко в Петроград).

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2076 (письмо Б. П. Силину в Москву).

⁹⁹ Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 122.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2102.

¹⁰¹ Ропшин В. Во Франции во время войны. М., 1918. Ч. 2. С. 5–6.

¹⁰² Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2 т. Париж, 1929. Т. 2. С. 142. Вероятно, слухи были связаны с проездом через Сибирь японского отряда Красного Креста.

В Иркутске на патриотической демонстрации студентов раздавались крики «банзай»¹⁰³.

Конечно, пропаганда захватывала далеко не всех. Скоро стали раздражать частые сборы пожертвований на улицах, так как возникли подозрения, что здесь не обходится без злоупотреблений и хищений¹⁰⁴. «Особенно противно делается, когда пишут о радости населения по поводу занятия русскими Галиции, — писал житель Пензы В. И. Беликов 3 октября 1915 г. — Ни один черт, прости меня за выражение, не радуется этому великому событию! В лучшем случае относятся совершенно безразлично, в худшем — просто крайне недовольны, заявляя, что им великолепно жилось при австрийском правительстве, а своего “цезаря Франца Иосифа” даже очень любят»¹⁰⁵. Патриотические слои истончались. В начале февраля 1916 г. в Малом театре известный актер А. И. Южин со сцены возвестил: «Эрзерум взят!» Публика разразилась аплодисментами и криками «ура!»¹⁰⁶. Но таких явлений становилось все меньше и меньше.

Однако в сознании российского образованного общества поселившееся с самого начала войны представление об эгоистичности политики союзников постоянно напоминало о себе. Писали о том, что Англия «заставляет других таскать каштаны из огня»¹⁰⁷. После поражения в Восточной Пруссии сложилось представление о жертве, принесенной Россией ради спасения Франции¹⁰⁸. «Теперь к неудовольствиям по поводу финансовых займов присоединяют глупое обвинение: это Франция вовлекла Россию в войну, чтобы заставить вернуть себе Эльзас и Лотарингию ценою русской крови», — писал французский посол¹⁰⁹. В церковной прессе зазвучала тема «инаковости» русской культуры: «Психометрические приборы, наблюдения, тесты и анкеты могут с убедительностью показать в цифрах, что духовная жизнь ребенка славянской нации отличается от жизни немецкого или французского дитяти...»¹¹⁰. Ускорение идентификационных процессов, неизбежное во время войны, приобрело в России болезненный характер.

Скоро в адрес союзников последовали претензии «морального» свойства. «Я против немцев, но, отбросивши все условные истины

¹⁰³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 59.

¹⁰⁴ Редигер А. Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. М., 1999. С. 375.

¹⁰⁵ «Вот что наделал кайзер проклятый...». Из семейной переписки Беликовых. 1914–1917 гг. // Земство. Архив провинциальной России. 1994. № 4. С. 193.

¹⁰⁶ Богословский М. М. Указ. соч. С. 141.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 32 (граф А. Коновницын из Петрограда 4 января 1915 г. — К. А. Дуранте в Одессу).

¹⁰⁸ McMeekin S. Op. cit. P. 78, 264.

¹⁰⁹ Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 138.

¹¹⁰ Сосунцов Е. О национализации воспитания // Церковный вестник. 1915. № 15. 15 апреля. Стб. 441.

настоящего года, не вижу, чем морально французы выше немцев... А Англия, которая бережет 2 миллиона своих войск ко времени мирного конгресса!»¹¹¹, – писал М. Волошин 1 августа 1915 г. из Биаррица в Феодосию Е. О. Володиной.

Уже в октябре 1914 г. в частной переписке высказывалось недовольство по поводу того, что «сильный английский флот бездействует». Складывалось мнение, что «если бы не Россия, то от наших хвастливых союзников осталось бы только одно воспоминание – удивительные прохвосты...»¹¹². «Почти у всех нас создалось впечатление, что воюем мы одни, союзники бездействуют», – писал в дневнике казачий офицер 18 октября 1914 г.¹¹³ С осени 1915 г. «прежняя жертвенная готовность по отношению к союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования»¹¹⁴. 9 декабря 1914 г. неизвестный жаловался фельетонисту Баяну (И. И. Колышко) в редакцию «Русского слова», что практичные англичане «нашими руками жар загребают», и мы «после всех наших подвигов и высоких стремлений окажемся в их глазах дураками». Из подозрительности вырасталась антивоенная позиция: «Всякий, кто теперь за войну, берет великий грех на душу перед своим народом...»¹¹⁵.

Растущее недовольство союзниками использовала Германия, перебрасывающая в расположение русских войск с помощью «пропагандистских» мин, воздушных шаров и аэропланов листовки, в которых дискредитировалась Англия, якобы втянувшая Россию в войну исходя из своих эгоистических интересов¹¹⁶. Действительно, германская военная пропаганда в листовках не устала твердить, что русским солдатам приходится воевать «за интересы Англии», которая готова сражаться «до последнего русского солдата»¹¹⁷. Буквально то же самое можно найти в письмах российских граждан¹¹⁸.

Естественно, недовольство союзниками росло по мере военных неудач. Л. А. Тихомиров в феврале 1915 г. считал, что российские дипломаты во главе с С. Д. Сазоновым отличаются «незнанием потребностей православия при соглашениях с нашими дрянными со-

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 91.

¹¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1608 (И. Вуич 13 октября 1914 г. – Э. И. Вуичу в Петроград).

¹¹³ Саянский Л. В. Указ. соч. С. 112.

¹¹⁴ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. С. 159.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2022.

¹¹⁶ Колоницкий Б. И. Политические функции англофобии в годы Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война. С. 273.

¹¹⁷ Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 104, 107, 108, 110, 111, 121, 132–137, 139.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1494 (так писал некий В. Васильев от лица граждан Рыбинска и Рыбинского уезда 5 декабря 1916 г. М. В. Родзянко).

юзниками». А в июне он сетовал, что «единства среди союзников нет», в результате «наши войска все отступают», а «союзники абсолютно ничего не делают»¹¹⁹.

Известную часть публики раздражало вмешательство, как казалось, союзников во внутренние дела России. Позднее в связи с этим известный поэт-сатирик В. П. Мятлев комментировал это так: «Бес нас водит и морочит. / Кто они? Друзья? Враги?..»¹²⁰. «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»¹²¹, — заявлял видный представитель правых А. А. Римский-Корсаков. В мае 1916 г. некоторые правые пугали тем, что в будущем «вместо немца будем иметь своим врагом американца или англичанина»¹²².

Недовольство союзниками укрепляло уверенность в недееспособности собственного правительства. Правые члены особого совещания по обороне Стахович, Крупенский, Марков и др. 4 июня 1916 г. по поводу взаимоотношений с союзниками писали: «Главная ошибка нашего правительства состоит в том, что оно ведет свои переговоры с союзниками... на почве нужды и недостатков, игнорируя при этом главные преимущества России, согласно которым она имеет нравственное и фактическое право... требовать... а не хлопотать и не выпрашивать случайные уступки или дорого оплачиваемые ссуды»¹²³. Но к тому времени требовать уже было поздно.

Наиболее отчетливо антианглийские ноты зазвучали у правых осенью 1916 г. в связи с обострением политической ситуации. Особенно недовольство вызывал посол Бьюкенен. Почему-то «после 19 ноября» ждали «перемен», в которых «огромную роль» сыграет английский посол, «у которого шпионство над всеми до такой степени развито, что ему положительно все известно». Вероятно, особенно возмущало то, что придворная камарилья потребовала его удаления, но сверху последовал ответ, «что другого подходящего лица нет». После этого Бьюкенен якобы стал еще более нахально совать свой нос куда следует и не следует. Отсюда делался неутешительный вывод: «Значит, начало английского засилья вместо немецкого...»¹²⁴.

¹¹⁹ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. / Сост. А. В. Репников. М., 2008. С. 44, 72, 78.

¹²⁰ Мятлев В. П. После мятежа. Политические памфлеты и стихотворения. 1917–1922. Мюнхен. Б.г. С. 27.

¹²¹ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией / Публ. И. Тоболкин // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

¹²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 152 (письмо некоего Николая из Киева от 23 мая 1916 г. князю С. В. Жевахову в Черкассы Киевской губ.).

¹²³ Цит. по: Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003. С. 164.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1010 (Тарасов из Петрограда 15 ноября 1916 г. — И. Т. Тарасову в Москву).

Напротив, других беспокоил имидж России в глазах союзников, который к 1917 г. оставлял желать лучшего. В январе 1917 г. из французской столицы сообщали: «Теперь русские в Париже после Штюрмера, Распутина, Протопопова, „притча во языцех“. Русские внутренние дела кажутся чем-то фантастическим, непонятным и безобразным. Никогда еще, кажется, французы и англичане не ненавидели русскую власть больше, чем теперь... После войны русское освободительное движение будет иметь верных союзников в лице Франции и Англии»¹²⁵.

Крайне противоречивое отношение к союзникам просочилось и в 1917 г. Герой «московского Февраля» полковник А. Е. Грузинов публично заявлял, что в «тяжелом 1915 году» Россия «была по существу брошена союзниками». Чувство «оставленности», если не предательства, вероятно, постепенно внедрилось в психику различных слоев русского общества. Не случайно тогда же, на августовском совещании «общественных деятелей» в Москве, Н. А. Бердяев опасался, что «мы будем совершенно обособлены от союзных с нами государств, мы будем банкротами, будем обособлены от союзников политически и экономически»¹²⁶.

Столь противоречивые представления о «друзьях-врагах» обычно характерны для безынициативной общественной среды. Вовсе не случайно тезис о «предательстве союзниками» победоносной русской армии по-прежнему сохраняется в российской историографии. Порой Россию характеризовали как «младшего партнера» или даже «прислужницы» своих союзников¹²⁷. Подобная склонность к самовосхвалению, как и самоуничижению, ведет свое начало от интеллигентских эмоций военных лет.

Экстремальные ситуации оставляют после себя крайне «зыбкий» документальный материал. Готовность буквально воспроизвести его перед современным читателем отражает либо склонность к заведомому «пропагандистскому» подлогу, либо историографическую немощь нового поколения историков. Увы, сегодня и то, и другое слишком заметно.

1.2.3. «Время славянофильствует»?

Идея объединения славян под эгидой России, вероятно, ведет свое начало со времен Юрия Крижанича. В XX в. она не могла не приобрести империалистическое звучание. С началом войны эту

¹²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 2.

¹²⁶ Отчет о Московском совещании общественных деятелей 8–10 августа 1917 года. М., 1917. С. 39, 77–78.

¹²⁷ Соловьев О. Ф. Обреченный альянс. М., 1986. С. 13–14.

тему подхватил все тот же В. Ф. Эрн, заявивший, что «время славянофильствует». Тема была не новой, хотя коннотация менялась. «Целью нашей славянской политики должно стать создание всеславянского союзного государства, состоящего из ряда автономных уделов», – писал за несколько лет до начала войны известный и поныне «геополитик» И. И. Дусинский. При этом он полагал, что в ходе реализации данного проекта «основная народность» (то есть русские) будет стремиться ассимилировать прочих славян¹²⁸.

Неославистские амбиции давали о себе знать и на ином уровне. В 1913 г. появилась книга «Война “кольца” с “союзом”», автор которой прикрылся псевдонимом «Петр Р-цкий». Он утверждал, что «всеславянская идея, чуждая шовинизма и объединяющая славян лишь на почве самозащиты», «всколыхнула мгновенно» вековых врагов славянства. В результате войны «союза» (Германия, Австрия, Италия и даже Швейцария) и окружавшего его «кольца» Франция возвратила себе Эльзас-Лотарингию и французскую часть Швейцарии, а Россия округлила свои пределы за счет Восточной Пруссии и польских земель. Характерно, что в данном случае типичное «шапкозакидательство» приняло «высокотехнологичные» формы: немецкие дирижабли были разбиты русскими «истребителями-таранами»¹²⁹. Похоже, подобные представления в России намертво закрепились в сознании как бюрократов, так и интеллигентов.

Впервые мысль о том, что нынешняя война «есть защита славянства от германизма» была высказана на официальном уровне 5 августа 1914 г. исполняющим обязанности московского городского головы В. Д. Брянским во время торжественной встречи Николая II в Москве¹³⁰. Тема стала тут же тиражироваться.

Поначалу идея «славянского единения» связывалась с «маленькой, но гордой» Сербией. «Русского солдата, рыцаря Божьей правды, Господь наградит победой», – обещал со страниц журнала, претендующего на элитарность, сербский посланник М. И. Спойлакович. Со своей стороны, русский посланник в Сербии Г. Н. Трубецкой обещал: «Великая любовь и великий гнев дадут России победу»¹³¹. Предполагалось, что против «тевтонов» поднимутся все славяне.

Европейская война вызвала к жизни редкостные химеры воображения. В. Эрн писал: «Нет, Германия не Европа! Европа анафематствует силу, идущую против права, анафематствует культурное озверение, анафематствует забвение чести и совести... Распадение Европы, внешнее и внутреннее, на два враждующих стана... совершенно гармонирует с двойственной славянофильскою оценкою Ев-

¹²⁸ Дусинский И. И. Геополитика России. М., 2003. С. 85, 88.

¹²⁹ Р-цкий П. Война «кольца» с «союзом» (Англия, Франция, Россия, Германия, Австрия, Италия). Повесть грядущих событий. СПб., 1913. С. 3, 71–72, 115.

¹³⁰ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 387.

¹³¹ Аргус. 1914. № 19. С. 11, 14.

ропы как “гниющего Запада” и как “страны святых чудес”, и оно может быть понято только с этой славянофильской точки зрения»¹³². Ему казалось, что «время славянофильствует». Так же считал и Н. А. Бердяев, полагая, что об этом свидетельствует книга В. В. Розанова. Однако он опасался, что «вечно бабьему в русской душе» не будет противопоставлен «мужественный, светоносный и твердый дух»¹³³. Разумеется, были и противники новоиспеченных славянофилов. «Я – старый воробей-западник, и меня на славянофильской мякине не проведешь», – заявлял П. Б. Струве¹³⁴. Увы, со временем и ему пришлось заговорить о «Святой Руси» в контексте реанимации столыпинских надежд на ее величие¹³⁵.

Гипертрофированное представление о роли России в войне ощущалось и в церковных кругах. «В настоящее время мы имеем дело с замечательным фактом “славянофильства” почти всего нашего общества..., писал доцент В. Беляев, – в самых ортодоксальных, самых доктринерских органах западничества». Правда, затем последовала оговорка, что из «фактического торжества национализма нельзя сделать каких-либо теоретических выводов в его пользу»¹³⁶.

Тема германо-славянского противостояния не была новой. Весной 1913 г. германский канцлер Т. фон Бетман-Гольвег публично высказывался о возможности «европейского пожара, который бы поставил друг против друга славян и германцев»¹³⁷. Похоже, что российские публицисты давно были готовы подхватить подобную подсказку. Поразительно, с какой готовностью в новом XX в. возрождались старые славянофильские вождения.

Власть по-своему подхватила их. 1 августа 1914 г. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич обратился с воззванием «К полякам». В нем напоминалось, что «не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде», и содержалось обещание воссоединить Польшу «под скипетром русского царя». Против публикации этого документа возражали некоторые министры, однако ряд либеральных деятелей был от него в восторге¹³⁸. «Объединение и освобождение Польши для нас есть символ нашего морального превосходства над врагом и духовной нашей связи с друзьями»¹³⁹, –

¹³² Эрн В. Ф. Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия // Эрн В. Ф. Соч., М., 1991. С. 373, 397.

¹³³ Бердяев Н. Судьба России. С. 40, 41.

¹³⁴ Цит. по: Франк С. Л. Указ. соч. С. 69.

¹³⁵ См.: Струве П. Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176–180.

¹³⁶ Беляев В. А. Национализм, война и христианство // Христианское чтение. Ежемесячный журнал, издаваемый при Императорской Петроградской духовной академии. 1915. Июль – август. С. 888.

¹³⁷ Цит. по: Сазонов С. Д. Воспоминания. С. 185.

¹³⁸ Толстой И. И. Указ. соч. С. 532, 533–534.

¹³⁹ Речь. 1915. 28 января.

так позднее прокомментировал значение воззвания П. Н. Милюков. «...Давайте скажем ей (Польше. – Авт.) сердечно: /... Теперь с тобою нас навечно / Сковала лютая пора...», – заклинал с эстрады С. Сокольский¹⁴⁰.

Многих поляков воззвание по-настоящему вдохновило. «Воззвание к полякам... может вызвать у нас колоссальный переворот..., – писали из Скерневиц «Ее Превосходительству Е. К. Рыздзевской». – Уже теперь... каждый способный носить оружие поступает в армию добровольцем. Случается, что все сыновья в одной семье отправляются на войну добровольцами только потому, что это война рас... Может быть, мы доживем до того, что Великая Польша соединится с Великой Россией»¹⁴¹. Но столь пылкие заявления со стороны поляков были редкостью. Чаще реакция на воззвание носила ритуально-показной характер. 6 августа в Иркутске по инициативе польско-литовского общества «Огниво» в местном костеле состоялось «торжественное богослужение о ниспослании победы сружью народов России и всего славянства, борющихся против общего врага, и о призвании благословения на дело возрождения единой неделимой Польши»¹⁴².

Были, однако, и скептики. «Все обещают, но и все хотят обмануть», – писал некий Тадеуш (вероятно, ссыльный) из Иркутской губернии. – Я не понимаю, откуда взялась в народе такая вера в Россию... По временам думаешь, что уж лучше пойти с самим дьяволом, только бы не с Россией. Какие гарантии дает воззвание?...»¹⁴³. В декабре 1914 г. другой поляк писал из Варшавы, что «эту бумажонку» (воззвание) «ни один здравомыслящий поляк не примет всерьез»¹⁴⁴. «В каких пределах возродится Польша – от моря до моря?», – не без ехидства спрашивал профессор Ю. А. Кулаковский¹⁴⁵. Но некоторые публицисты рассчитывали умаслить поляков. «Благородная польская нация с достоинством переносит тяжелый жребий... И это лояльное поведение поляков... найдет надлежащее признание после войны», – писал либеральный публицист¹⁴⁶.

В любом случае, вряд ли стоило с помощью туманных обещаний пробуждать непомерные надежды: многие поляки воображали свою страну «от моря до моря». К тому же, 5 августа 1914 г. по-

¹⁴⁰ Сокольский С. Указ. соч. С. 19.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1149.

¹⁴² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 23.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 21 (письмо на польском языке некоего Тадеуша (вероятно, ссыльного) из Манзурки Иркутской губернии от 31 октября 1914 г. А. Марковской в Варшаву).

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 46 (письмо от 21 декабря 1914 г. Ф. И. Бартницкому в Малашево Московской губернии).

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1191.

¹⁴⁶ Михайловский В. Единение в борьбе // Русское слово. 1914. 31 июля.

явился еще один документ – обращение к так называемым русинам Австро-Венгрии, названным «подъяремной Русью». Авторы взывали к памяти «собирателей земли Русской» – Владимира Святого, Ярослава, Ивана Калиты, Дмитрия Донского и даже Осмомысла. Его содержание видный кадет И. И. Петрункевич прокомментировал так: «Прокламация написана в застольной беседе петербургского славянского общества и подсунута главнокомандующему в качестве голоса русского народа. Ведь весь смысл русской народной оборонительной борьбы подменяется намерением захвата земель наших врагов, ведь это оправдание лжи Вильгельма о нападении на него России... Ведь это, наконец, уничтожение всего смысла прокламации к полякам... Над этой злополучной прокламацией к подъяремной славянщине будут смеяться»¹⁴⁷.

Мнения по поводу воззвания в русском обществе разделились. Некоторые полагали, что оно «открывает собой новую эру и тут не может быть места скептицизму»¹⁴⁸. Но скептиков было более чем достаточно. Все правые деятели во главе с П. Н. Дурново сочли, что обещанное объединение Польши для России невыгодно¹⁴⁹. «Хороши воззвания Верховного главнокомандующего, – рассуждали другие. – Но в будущем нашему правительству придется поминуть, что высказанные в воззваниях слова надо и исполнять»¹⁵⁰. Некоторые не без оснований считали, что воззвание свидетельствует о нервозности власти¹⁵¹. Тем временем Распутин распускал слухи о том, что Николай Николаевич намерен «объединить Царство Польское, надеть на себя корону, а там и до русского престола добраться»¹⁵². Кое-кто предлагал оставить Польшу в ее этнографических пределах «ее собственной участи» – «пусть поляки варятся в собственном соку»¹⁵³. Задним числом мемуаристы ехидничали: «Обрела всеобщее благоволение Польша... с наплывом в Петербург беженцев с запада появились афиши на польском языке, а оперный Иван Сусанин «умирал на сцене не от польских сабель, а кажется, от мороза»¹⁵⁴.

В любом случае, воззвание воспринимали неадекватно – как символ чего-то предрешенного. Говорили даже, что «автономия

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1174.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1218 (письмо неустановленного автора из Москвы от 10 августа 1914 г. подполковнику Ф. В. Шепелеву в действующую армию).

¹⁴⁹ Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 377–378.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1187 (Н. Высотский из Москвы 8 августа 1914 г. – А. Н. Алфераки в Сестрорецк Петербургской губ.).

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1161 (академик А. И. Соболевский из Москвы 5 августа 1914 г. – Ю. А. Кулаковскому в Киев).

¹⁵² Антонов Б. И. Указ. соч. 403.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1430 (письмо из Петрограда неустановленного автора от 9 сентября 1914 г. Д. Н. Давыдову в Ялту).

¹⁵⁴ Лосский Б. Н. Наша семья в пору лихолетья // Минувшее. Вып. 11. М., 1991. С. 136.

Польша и равноправие евреев было предсказано московской биржей задолго до воззвания Главнокомандующего»¹⁵⁵. Это не удивительно: пришло время, когда желаемое легче всего выдавалось за действительное.

Некоторые поляки (преимущественно обрусевшие) восхищались воззванием. Некий Э. Кудрявский писал из Кейдан Ковенской губернии члену Государственной думы Н. Н. Покровскому: «Воспитанный в России, я всегда любил ее... В Царстве Польском происходят трогательные сцены братания русских с поляками... мобилизация прошла превосходно... Является много добровольцев»¹⁵⁶. Полковник Яндровский из Цеханова сообщал А. И. Яндровской в Москву о том, что «страшное волнение в патриотическом... смысле произвело воззвание Верховного главнокомандующего к польскому народу»¹⁵⁷. Антиавстрийские настроения в Царстве Польском вынужден был учитывать Ю. Пилсудский при организации польских легионов в составе австро-венгерской армии¹⁵⁸.

Другие поляки из Царства Польского, напротив, иронизировали: великий князь был уверен в том, что своим воззванием он «отвлечет галицийских стрелков... от привязанности... к Габсбургам». Между тем в Кракове в момент объявления войны был «небывалый подъем духа» среди поляков, все считали, что «наступил, наконец, момент возрождения Польши» – под эгидой Австро-Венгрии¹⁵⁹. В другом письме на польском языке тому же Ф. И. Бартицкому в конце декабря 1914 г. так характеризовались «благодетели, вытекающие из воззвания»: теперь Россия будет создавать польские легионы, чтобы «направить всю охочую к бою молодежь против своего противника». А легионеры «вместо наших мазурок и краковяков могут себе петь "Ой, поповна, поповна" или "Мать моя барышня, отец капитан, сестры все бляди, а я шарлатан"»¹⁶⁰.

Российская общественность реагировала на воззвание по-разному. Сообщали, что русское население Вильно встретило его с недоумением (кроме крайне правых, привыкших «держат нос по ветру»), а литовцы «приняли вид обиженных»¹⁶¹. Некоторые считали, что в результате воссоздания Польши «будет вторая Болга-

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1193 (письмо из Шуи Владимирской губернии от 8 августа 1914 г. В. Х. Даватцу в Харьков).

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1235.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1144.

¹⁵⁸ Булахтин М. А. Роль партии «Краковских консерваторов» в организации и функционировании польского легиона австрийской армии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и национальный вопрос. С. 8.

¹⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 46 (письмо отправлено из Варшавы 21 декабря 1914 г.).

¹⁶⁰ Там же. Л. 57 об.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1217 (письмо не установленного автора из Вильны от 10 августа 1914 г. П. Г. Бывалькевичу в Петербург).

рия, только маркой выше»¹⁶². Как видно, подобная мысль беспокоила многих. «Не нравится мне воззвание к полякам, в котором говорится об осуществлении их мечты, – писал Н. Тальберг из Петрограда. – Вообще же я против заигрываний...»¹⁶³. Заигрывания, однако, продолжались. После занятия Львова Верховный главнокомандующий обратился к народам Австро-Венгрии с воззванием, опубликованным на 9 языках, в котором было обещано уважать их язык, веру и самобытность. В июне 1915 г. польские представители заявляли, что поначалу воззвание было встречено их соотечественниками с «неподдельным энтузиазмом», однако им «вскоре пришлось горько разочароваться»: в то время как немцы и австрийцы на оккупированных территориях вводили местное самоуправление и открывали польские школы, российские власти продолжали преследовать все польское¹⁶⁴. Некоторых поляков возмущало неумное славянофильство русского общества. «Нам приходится выслушивать уроки славянского патриотизма от общества славянской взаимности, завтра же, пожалуй, станут преподавать явно нам враждебные славянские общества, в которых распоряжаются вчерашние союзники немцев...», – писал в редакцию славянофильского журнала Мариан Здзеховский¹⁶⁵.

По сведениям департамента полиции, к апрелю 1916 г. под влиянием германо-австрийской агитации поляки русофильского направления оказались разобщены. Более того, многие из них стали склоняться к идее возрождения независимой Польши под скипетром Габсбургов. Даже среди польских ксендзов «антантовской ориентации» к этому времени «считалось позором носить русские ордена»¹⁶⁶.

В ноябре 1916 г. Германия объявила о создании независимого польского государства с монархически-наследственным правлением и конституционным политическим строем. Параллельно австро-венгерский император издал рескрипт о предстоящем расширении автономии Галиции. И хотя военно-политическая подоплека этих шагов была более чем очевидна, российские политики поспешно засуетились. Польское коло Государственной думы заявило, что Германия не вправе решать «польский вопрос», но при этом добавило, что российское правительство не сделало ничего для того, чтобы укрепить веру поляков в непоколебимость принципов, из-

¹⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1499. По-видимому, такие сравнения были распространены, так как их повторяли и позднее. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 168 (А. М. Первущин из Семипалатинска 23 января 1917 г. – И. Г. Щегловитову в Петроград).

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1164.

¹⁶⁴ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 604.

¹⁶⁵ Новое Звено. № 39. 1914. 20 сентября. С. 15.

¹⁶⁶ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 45.

ложенных в воззвании великого князя Николая Николаевича. От имени правительства министр внутренних дел А. Д. Протопопов тут же подтвердил в Думе неизменность правительственного курса на автономию Польши. Вслед за тем появилось правительственное сообщение о том, что Россия намерена создать из разрозненных польских земель «целокупную Польшу»; по окончании войны ей будет предоставлено право «свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»¹⁶⁷. В Государственном совете было оглашено заявление представителя Царства Польского о том, что «польский народ, кровью запечатлевший верность свою славянскому делу, не поддается на явный обман». От имени правых представителей Госсовета было оглашено заявление о бесполезности вмешательства Германии в «домашний старый спор» русских и поляков в Российской империи¹⁶⁸. Однако поспешность реакции российской стороны свидетельствовала, что польский вопрос приобрел еще большую остроту.

Славянофилы испытали еще одно разочарование в связи с Болгарией, которая, будучи некогда «обижена» Сербией, не думала вступать в войну на стороне России. Между тем на Болгарию давно пытались оказывать давление. Еще 30 июля 1914 г. (нового стиля) российский военный агент (атташе) в Константинополе генерал-майор М. Н. Леонтьев убеждал болгарских представителей, что России жизненно необходим Царьград, но, чтобы защищать его, нужно завладеть Балканами и Дунаем. Русский военный десант в проливах невозможно будет осуществить без помощи Болгарии. Доказывалось, что болгары также должны быть заинтересованы в захвате проливов¹⁶⁹. Известный славянофильский деятель А. Н. Брянчанинов в августе 1914 г. так высказывался о перспективах войны: «...Босфорский пролив с прилегающей территорией отошли бы непосредственно к России, причем если Болгария останется нейтральной, то русская территория охватывала бы все остатки турецких владений в Европе; если же Болгария, отказавшись от идеи компенсации за счет Сербии, активно помогала бы ей и России против турок и австрийцев, то ей причиталась бы вся линия до Родосто на Мраморном море, но без каких бы то ни было исправлений границ в сторону Сербии и Греции...»¹⁷⁰.

Российская общественность хотела бы занять третейскую позицию по отношению к судьбе Болгарии. «Настал единственный в истории момент, дающий исправить все семейные славянские не-

¹⁶⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 136–137.

¹⁶⁸ Речь. 1916. 2 ноября.

¹⁶⁹ ДВИАБ. Ф. 23. Оп. II. Д. 298. Л. 1–2, 14–15 об.

¹⁷⁰ Новое Звено. № 34. 16 августа. С. 7.

справедливости и взаимные обиды и воссоздать несколько мощных славянских национальных единиц, которые навсегда будут преградой для германской хищности», – писал неустановленный автор из Подольска 3 сентября 1914 г. прокурору Одесской судебной палаты Р. Г. Моллову. Он полагал, что «никто из славян не должен быть обижен, даже Болгария: Сербия должна возвратить ей Македонию»¹⁷¹. Увы, такие пожелания не вписывались в сербофильские настроения российских верхов.

Под давлением славянофилов даже кадетская «Речь» устами П. Н. Милюкова допускала намеки, что отказ от нейтралитета (в пользу России) может принести Болгарии некоторые выгоды¹⁷². Но «болгарофилы» были в меньшинстве. Едва ли не наибольшую несдержанность обнаружила церковная пресса. «...Где дети тех, кто ценою русской крови познал свободу?.. Опомнитесь же, Болгары!.. Да спадет пелена с ваших глаз! Сверните, пока не поздно, с того ложного пути, по которому влекут вас ваши враги»¹⁷³. Общественность вновь захватывали эмоции, далекие от осознания реальности.

Нейтралитет Болгарии раздражал. «...Пусть знают в Болгарии: нашему долготерпению настал конец, безгранична любовь родителей к своим детям, но страшно отцовское и материнское проклятье...», – пугала славянофильская пресса¹⁷⁴. Подобные аргументы никак не действовали. Когда осенью 1915 г. в одном блоке с протестантской Германией и мусульманской Турцией оказалась православная Болгария, пришлось искать особую причину «измены». «Предательство» стали связывать с особенностями этногенеза болгарского народа, его менталитета, социально-психологического облика, в котором татаро-монгольские черты якобы подавили славянское начало и превратили Болгарию «в форпост азиатского варварства в цивилизованной Европе»¹⁷⁵. Некоторые славянофильские публицисты злорадствовали: «болгаро-милюковские козни провалились»¹⁷⁶. Некоторые представители общественности требовали занять более решительную позицию. 9 ноября 1914 г. князь Горчаков писал из Петрограда А. Горчакову в Киев: «Я не понимаю, как можно еще ратовать за славян после подлости Болгарии; помогать Сербии необходимо, но не жертвуя своими русскими интересами... Сила России не в приобретении проливов, а во внутреннем

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1403.

¹⁷² См.: Речь. 1914. 18, 19, 21 октября.

¹⁷³ Церковный вестник. 1914. № 32–33. 14 августа. Стб. 953.

¹⁷⁴ Новое Звено. № 34. 16 августа. С. 12.

¹⁷⁵ Шкундин Г. Д. Русские и болгары в годы Первой мировой войны: проблемы взаимовосприятия // Мировые войны XX века (Материалы круглого стола, состоявшегося в Государственном центральном музее современной истории России совместно с ассоциациями историков Первой и Второй мировых войн 17 сентября 2009 г.). М., 2011. С. 55.

¹⁷⁶ Новое Звено. 1914. № 47. 15 ноября. С. 3.

устройстве страны. И я надеюсь, что за это дело серьезно возьмутся после войны»¹⁷⁷.

На Болгарию обрушился поток обвинений и угроз со всех сторон. «Церковный вестник» воспроизвел статью Л. Андреева, весьма далекую от христианского смирения и всепрощения. «Болгария предана и предала. В правой руке зажимая немецкие деньги, левой она торопливо всаживает нож в братскую спину...», — уверял известный писатель¹⁷⁸. «...Болгария, развращенная правлением немецкого ставленника Фердинанда Кобургского и его шайки и проданная ими за деньги Германии, забыв исторические заветы и долг благодарности по отношению к своей освободительнице, оказалась изменницей, вступив в союз с недавними своими вековыми поработителями — турками — и с немцами — врагами всего славянства и России...», — анафематствовал архиепископ Новгородский Арсений 11 октября 1915 г. в Софийском соборе в связи с оглашением Манифеста об объявлении войны Болгарии¹⁷⁹.

Некоторые славянофильствующие геополитики пытались сохранять хорошую мину при плохой игре. И. И. Дусинский, который в прошлом вовсе не собирался освобождать поляков, заявил, что передает всю прибыль от своей брошюры в пользу Польского комитета. Он в очередной раз призвал славян «стать властителями полумира, царственным державным племенем», а поляков утоваривал «искупить свою историческую вину» перед славянством. Теперь полякам при поддержке России предстояло нести дух славянской культуры на Запад¹⁸⁰.

Масла в огонь подливало Русское славянское общество им. Крижанича, требующее «объединения славян всего мира» с «Главной палатой» в Москве. В своем третьем «послании славянам всего мира» деятели общества утверждали, что внешнюю опасность для славянства составляют «немцы, австрийцы, мадьяры и даже болгары». Внутренняя опасность связывалась с «разладом и разрухой в наших верованиях и убеждениях»¹⁸¹.

Идея славянского единства перед лицом германизма выявила свою иллюзорность к концу 1914 г. Профессор И. А. Линниченко писал из Одессы известному славянофильскому деятелю А. Н. Брянчанинову: «Из славянской системы нужно выбросить за борт несколько крупнейших славянских племен — поляков и чехов. Поляки во век не забудут нам, что под ними было огромное число русских земель... Чехи слишком далеки от нас политически.

¹⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1814 (письмо из Петрограда от 9 ноября 1914 г. кн. А. Горчакову в Киев).

¹⁷⁸ Церковный вестник. 1915. № 39. 1 октября. Стб. 1192.

¹⁷⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. № 43. 1915. 24 октября. С. 2230.

¹⁸⁰ Черномор [Дусинский И. И.]. Славянам. Одесса, 1915. С. 8, 10.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1578. Л. 1, 4.

Идее панславизма нанес крупный удар раздор сербов с болгарами. Болгары нас глубоко ненавидят как бедные родственники... Объединенное славянство – миф. Ни мы, ни наши потомки объединенного славянства не увидят. Солидарная федерация не подходит к характеру славян, политическое же объединение славян под гегемонией России могло бы быть для нас даже очень опасным по многим причинам»¹⁸².

Действительно, славянская тема поднимала в России массу болезненных внутривнутриполитических вопросов. Казалось, большинство известных украинских деятелей без колебаний приняло пророссийскую ориентацию. Самостийников не было заметно. Основная масса украинских политиков в России призывала выполнить «гражданский долг» (соответствующая платформа была опубликована в журнале «Украинская жизнь», издаваемом С. Петлюрой), т. е. защищать Россию¹⁸³.

Сходную позицию занял лидер умеренных националистов профессор М. С. Грушевский. В начале войны он покинул кафедру восточноевропейской истории в Галиции и вернулся в Россию. Вероятно, он хотел этим дать понять, что украинскому движению следует занять пророссийскую позицию. Но эти шаги российские жандармские чины оценили по-своему – как стремление перенести агитацию «в пользу Германии» на российскую территорию. Грушевский был арестован 28 ноября 1914 г., вскоре после прибытия в Киев. В конце 1915 г. за Грушевского заступился ряд видных ученых и общественных деятелей, включая членов Государственного совета. Это не помогло, Грушевский вернулся из ссылки только после Февральской революции¹⁸⁴.

Ситуация была достойна изумления. Профессор В. Перетц писал из Киева 25 декабря 1914 г. Э. Л. Радлову в Петроград, что Грушевский «едва унес свою голову от австрийской петли», так как в Галиции его считали «русофилом и чуть ли не эмиссаром русского правительства», но в России его приняли за агента Австро-Венгрии. Ходили слухи, что в аресте Грушевского главную роль сыграла киевская профессура¹⁸⁵. Сам Грушевский в письме В. И. Вернадскому 23 декабря 1915 г. недоумевал о причинах своего заточения: «...Была ли это со стороны киевской администрации уступка ненависти, которую питали ко мне киевские националисты, или инициатива вышла от галицийского генерал-губернатора, действовавшего под влиянием львовских москвофилов, или даже галицийских поляков, тоже старавшихся использовать нынешнюю войну, чтобы подорвать украинское движение в Галиции?» Вокруг украинского вопроса сплелся

¹⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2149.

¹⁸³ Бұлдаков В. П. Хаос и этнос. С. 32.

¹⁸⁴ Там же. С. 33–35.

¹⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2142.

настоящий клубок дурных страстей. Грушевский напоминал, что его «систематически выживали из Галиции» как «наиболее влиятельного противника австрофильского курса». А в Россию он вернулся для того, чтобы «послужить... национальному примирению», которое казалось ему «стоящим на ближайшей очереди»¹⁸⁶. Трудно сказать, насколько искренним был Грушевский: политики того времени обычно имели наготове наиболее пристойные версии своего тактического поведения. Увы, сегодня поведение Грушевского оценивают в России почти так же однозначно, как это делали царские охранители.

Как бы то ни было, иллюзии «славянского единения» шаг за шагом рушились под давлением взаимной подозрительности¹⁸⁷.

Тем временем оживились украинские националисты всех разновидностей. Одни были склонны вместе с Россией освобождать Галицию, другие, напротив, пытались привлечь к украинскому вопросу внимание мирового сообщества. Различные течения украинства враждовали между собой, порой обращаясь за третьей стороной к П. Н. Милюкову, который, разумеется, предпочитал отчужденную позицию¹⁸⁸. Это также вызывало недовольство. С. В. Петлюра в июле 1915 г. заявлял ему, что кадетская партия уклоняется от обязанности защищать права украинского народа¹⁸⁹. Группа умеренных столичных украинцев в декабре 1916 г. была недовольна тем, что Милюков отказался от рассмотрения украинского вопроса в контексте определения целей войны. Они не без оснований опасались, что либералы договорятся с поляками за их счет¹⁹⁰. Увы, даже российские славяне подозрительно относились друг к другу.

Разумеется, за всем этим стояло чувство общего недовольства, градус которого отнюдь не снижался. 9 сентября 1914 г. из Полтавы писали (на украинском языке) Т. М. Дробышу в Одессу о необходимости доказать всему миру, что нельзя «обнищить 30-миллионный [украинский] народ, его культуру, язык и веру», нельзя «залазить грязными кацапскими руками в самую душу народа, топтать его сердце и его мысли заколачивать дураками: Евлогиями, Бобринскими и тому подобными...»¹⁹¹. Но такая риторика была редкой. Даже деятели Союза вызволения Украины, работавшие в Вене на австрийские деньги, предпочитали использовать язык культуртрегерства. Впрочем, вопреки представлениям российских национали-

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 90.

¹⁸⁷ Цензоры в перлюстрируемых текстах иной раз не удерживались и напротив фамилии Грушевского приписывали: «ярый мазепинец». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 99.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1886. Л. 1.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1891. Л. 1 об.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1912. Л. 1–1 об.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 40.

стов, даже среди украинцев в лагерях военнопленных их влияние было незначительным¹⁹².

Несмотря на официальную риторику, российская украинофобия отнюдь не исчезла, продолжая воевать с призраками собственного воображения. Вновь отличился на этом поприще «непредсказуемый» П. Б. Струве, призвавший в «Биржевых ведомостях» «глубокое и широкое обрусение Галиции»¹⁹³. Это вызвало бешеную ответную реакцию. Автор, подписавшийся от лица явно несуществующего коллектива – «мазепинцы», обвинял его даже в том, что его ходатайства у В. Ф. Джунковского якобы «увенчались также и арестом проф. Грушевского, о котором с таким злорадством повествует “Новое время”». Далее последовала бешеная шовинистическая филиппика: «Ослабленное и глубоко деморализованное сифилитическое великорусское племя никогда не проникнется вашими идеями, для проведения в жизнь которых нужна сила, свежесть и энтузиазм возрождающейся народности». Под последней, разумеется, имелись в виду украинцы, к которым после создания государственности должна перейти «гегемония в Восточной Европе». При этом «национально-политическая гегемония в Западной Европе будет у пруссаков», а «вне Европы – у англичан», ибо «три великих племена призваны историей совершить великое дело обновления человечества...». При этом автор апеллировал к «традиции», согласно которой украинцы «владели всей Восточной Европой» и «перед ними дрожала Византия»¹⁹⁴. Конечно, в данном случае оппонентом Струве явился не столько «мазепинец», сколько взвинченный маргинал. И подобных людей, сжигаемых изнутри неотреагированной агрессивностью, было предостаточно.

Австро-венгерскому правительству удалось сформировать из галицийских украинцев особый добровольческий легион – *Freiwillige Ukrainische Schützen*. Легионеры успели повоевать против русских, однако этот факт не произвел на русских солдат особого впечатления¹⁹⁵. Тем временем люди образованные пребывали во власти сепаратистских страхов и неославистских грез.

Разумеется, время отнюдь не собиралось «славянофильствовать», и последующие события это подтвердили. Образ «сплочен-

¹⁹² См.: *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 31–35, 59, 118, 139, 141, 142, 156, 244, 353.

¹⁹³ *Струве П. Б.* Письма из Галиции // Биржевые ведомости. 1915. 12 января. Кадеты поспешили отмежеваться от его «частного» мнения (ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 7. Л. 3 об.). Струве пытались также одернуть неослависты, заявляя, что он смешивает вопрос о культуре с вопросом о государстве. Между тем «государственного сепаратизма в русской Малороссии совершенно нет», зато культурническое движением весьма сильно. См.: *Новое Звено*. 1914. № 42. 11 октября. С. 14.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 32–33.

¹⁹⁵ См.: *Кашарин В. Б.* Взятие горы Маковка русскими войсками: неизвестный эпизод боевых действий в Карпатах весной 1915 года // *Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века*. Отв. ред. Е. П. Серапионова. СПб., 2011. С. 75–76, 86.

ного славянства», призванного одержать верх над «злокозненным германизмом», был порождением российской умозрительности. А за попытки руководствоваться в реальной жизни химерами воспаленного воображения всегда приходится платить слишком высокую цену. Идеологические «устой» патриотизма, созданные интеллигентским воображением, рано или поздно должны были рухнуть, уступив место эмоциональному хаосу.

1.2.4. Патриотизм по-русски

Еще до войны 25-летний В. Ф. Эрн, один из основателей «Христианского братства борьбы», по-своему обосновал православный взгляд на революцию. Он заметно отличался от представлений, навешенных Французской революцией. Поскольку христианское мировидение эсхатологично, то будущее – «не мирный культурный процесс постепенного нарастания всяких ценностей, а катастрофическая картина взрывов, наконец, последний взрыв, последнее напряжение – и тогда конец этому миру, начало Нового, Вечного, Абсолютного Царствия Божия»¹⁹⁶. Эрн, однако, благоразумно отказался от рассуждений о последствиях такого понимания истории. Тем не менее создавалось впечатление, что в умах подданных православной империи в годы войны вызрело своего рода революционно-прикладное понимание «христианского» прогресса.

Впрочем, иные московские неославянофилы на начало войны возлагали совсем иные надежды. С. Н. Булгаков писал 3 августа 1914 г.: «Живу, как все, ...потрясенный, умиленный, смущенный, возрадованный. Никогда Родина не переживала такого брачного часа, никогда еще народ не познавал так своего Царя... Какая молитвенность загорелась, как воссияла Мать Наша Православная Церковь!»¹⁹⁷ Философ представлял лишь одну из многих ипостасей порожденного (точнее – усиленного) войной интеллигентского самообождения. О его позиции Е. Н. Трубецкой писал: «...Булгаков говорит о гниении Запада и о народе-богоносце в стиле “Руссланд, Руссланд юбер аллес”». Он находил, что это «плохой и вредный перевод с немецкого»¹⁹⁸.

В свое время В. И. Ленин много писал о «революционном шовинизме», охватившем европейский пролетариат. Однако в России дело было не только и не столько в антиправительственных настроениях рабочих масс. В действительности ненависть к неприятелю очень скоро стала соединяться с недовольством собственным пра-

¹⁹⁶ Эрн В. Ф. Идея катастрофического прогресса // Эрн В. Ф. Соч. С. 218.

¹⁹⁷ Взыскующие града. С. 585.

¹⁹⁸ Там же. С. 594.

вительством, причем не только в низах. Судя по всему, в правительственных кругах учитывали это, но поделать ничего не могли. Постепенно недовольство пробиралось «наверх». В российских верхах встречались люди, которые «ругательски ругали администрацию и правительство», но при этом были охвачены «великим шовинизмом». Уже в апреле 1915 г. они были уверены, что после войны начнется «общая разруха», так как после посещения лазаретов им стало ясно, что «войска настроены крайне враждебно к власти»¹⁹⁹. Одним из наиболее ярких проявлений патриотизма считают события на Дворцовой площади. 20 июля, в воскресенье, в день объявления манифеста о войне перед Зимним дворцом собралась огромная толпа. «...Мы вышли на балкон на Александровскую площадь и кланялись огромной массе народа», – записывал в своем дневнике Николай II²⁰⁰. Энтузиазм был неподдельным, что поразило даже высших чинов полиции²⁰¹. Заметны были плакаты с надписями: «Да здравствует Россия и славянство!». Когда император с императрицей появились на балконе, «крик и порыв толпы был необычен, этот гул площади страшен и безумен, часть толпы опустилась на колени, другие махали зонтиками и шапками и кричали»²⁰². «Народ настроен серьезно и религиозно», – записал в дневнике поэт Владимир Комаровский, участвовавший в патриотическом митинге на Дворцовой площади, где собралось более 50 тысяч человек. Кинохроника зафиксировала подобные манифестации в Ростове-на-Дону, Красноярске, Екатеринодаре²⁰³. Конечно, патерналистско-патриотический восторг испытывали далеко не все. 20 октября 1914 г. Г. К. Ульянову во Францию неуставленный адресат сообщал из Петрограда: «...Я себя тут чувствую самым мерзостным образом, вся Россия представляется такой дрянью, что и думать страшно... Наше так называемое общество (либеральное), затем «барометр общественного настроения» – студенты – это прямо черт знает что такое. Все общество охвачено каким-то гипнозом. Патриотическая манифестация студентов с коленопреклонением на площади Зимнего дворца, на той самой площади, где было 9-е января... От этих фактов прямо руки опускаются»²⁰⁴. Впрочем, «Приглашение студентов в добровольные офицеры истерично, ибо подсказано шалой и растерянной эмоцией»²⁰⁵.

П. Б. Струве позднее говорил, что восторженные манифестации при лицезрении императора были всего лишь «вспышкой

¹⁹⁹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 543–544, 545, 629.

²⁰⁰ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 477.

²⁰¹ Глобачева С. Н. Прелюдия происходящих в мире событий // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 104.

²⁰² Пунин Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма. М., 2000. С. 61.

²⁰³ Граценкова И. Н. Указ. соч. С. 115.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 43.

²⁰⁵ Ильин И. А. Собрание сочинений. С. 82.

соломы»²⁰⁶. Но людям хотелось верить, что Россия «патриотически» переродилась. При этом о собственном внутреннем перерождении они не задумывались.

Кое-кто из эмигрантов смотрел на происходящее в России отстраненно. «...В России появился национализм, настоящий подлинный национализм, такого же почти рода, как во Франции сто лет тому назад, — писал некий «Ваня» из Парижа 1 ноября 1914 г. П. К. Божичу в Петроград. — Это занятно»²⁰⁷. В телеграмме уфимского губернатора от 2 августа 1914 г. отмечалось: «Эта война намного популярнее войны с Японией, вызвала патриотический подъем, в котором растворились и исчезли не только революционные идеи, но даже партийные настроения»²⁰⁸.

Увы, кое-кто «радовался» другому. Известный писатель Е. Н. Чириков вспоминал, что М. Горький «потирал от удовольствия руки и выбрасывал пораженческие лозунги»²⁰⁹. Примечательно, что А. В. Амфитеатров писал ему 14 августа 1914 г.: «Надо драться с чертовыми немцами! Ах, неужели русские левые круги упустят этот могучий момент вооруженного единения с народом и армией в общем национальном движении, неужели опять отдадут монополию на патриотизм тем слоям, которые превратили его в ругательное и постыдное слово?.. С того времени как революция найдет слово «отечество», найдет она и силу, и успех»²¹⁰. Как видно, инерция лозунгов прошлого наполнилась новым оптимизмом. Впрочем, «излишне эмоциональная» писательская среда всегда была слишком неустойчива в своих надеждах.

Но спокойных и равнодушных не было ни по одну, ни по другую сторону границы. В обоих случаях тон задавала молодежь. «На Балтике военные моряки, ожидавшие войны с Германией, телеграмму о приготовлении к военным действиям приняли за объявление войны и потому встретили ее криками “Ура!”». Позднее молодые офицеры не хотели ехать с Балтики на Черное море, так как были убеждены, что там войны не будет²¹¹. В воспоминаниях сестры милосердия упоминается молодой драгунский офицер, который рвался на войну, опасаясь, что она кончится без него. Он был убит в первых же боях под Варшавой²¹².

Рабочие, участвовавшие в столичной манифестации, заявляли, что приложат все силы для победы, прежние разногласия с властью

²⁰⁶ Франк С. Л. Указ. соч. С. 103.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 15.

²⁰⁸ Цит. по: Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 42.

²⁰⁹ Чириков Е. Н. О путях жизни и творчества // Лица. Библиографический альманах 1. М., 1992. С. 375.

²¹⁰ Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 455.

²¹¹ Монастырев Н. А. Записки морского офицера // Честь офицеров. Записки и дневник участников Белого движения. М., 2010. С. 63.

²¹² Семина Х. Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью-Мексико, 1963. С. 12.

объясняли «семейным делом», отошедшим на задний план при угрозе извне. Так было повсеместно. В Ялте патриотичная толпа также кричала «ура», – свидетельствовал великий князь Александр Михайлович²¹³. Патриотизм, как свидетельствовали современники, действительно не отделяли от верноподданничества²¹⁴.

Некоторые интеллигенты все же воспринимали патриотическое настроение скептически. «...В Петербурге, конечно, небывалое оживление, и как-то иронически улыбаешься, думая о том, что все это, вероятно, демонстрация, – писал Н. Пунин 17 июля 1914 г. Через два дня он сообщал: «...По Невскому все время ходят манифестации, извозчики и автомобили снуют с призванными офицерами в походной форме. ...Папа говорит, что мобилизация проходит необычайно стройно и культурно, никакого угнетения, никакой вражды; все словно идет по собственному желанию и с сознанием...»²¹⁵. Имеются и другие свидетельства о том, что 30 июля запасные в столице вели себя «образцово», была масса добровольцев, публика дарила им «папиросы, яблоки и пр.»²¹⁶. Эмигранты, однако, писали, что в России не может быть такого воодушевления войной, как в Англии: «Разве Россия не могла бы дать 2 миллиона добровольцев? Но народ, очевидно, рассуждает: начальство все знает; позовут, прикажут, пойду воевать...»²¹⁷. В России воевать добровольцами шли нервные интеллигентные идеалисты вроде младшего сына П. Н. Милюкова, вскоре погибшего²¹⁸.

Действительно, отличительной чертой «догражданского» патриотизма в России была готовность идти в указанном высшей властью направлении. При этом предполагалось, что только власть знает, что делать во имя общего блага. Последнему же мешал «враг», на которого и следовало указать. Если же на этот счет зарождались сомнения, виноватой оказывалась сама власть.

Наблюдатели сообщали, что вблизи «патриотичная» масса смотрелась не столь привлекательно. В столице наблюдали следующую картину: «...Надвигается со стороны Лавры большая толпа... Рабочие, запасные и провожающие их поют «Марсельезу» со словами: «Царь-вампир пьет народную кровь...». Наблюдатель сообщал, что «пели также “Варшавянку” и похоронный марш» («Вы жертвою пали...»). Впрочем, по-видимому, очевидец не обошелся без революционного бахвальства: «При пении похоронного марша офицеры и городские снимали фуражки... Выбежал на улицу и присоединился к густой толпе... Настроение толпы на меня повлияло как

²¹³ Последние дни последнего царя. С. 91.

²¹⁴ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. С. 183.

²¹⁵ Пунин Н. Указ. соч. С. 60.

²¹⁶ Антонов Б. И. Указ. соч. С. 327.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 22 об. (Е. Я. Столкин из Лондона 3 октября 1914 г. – М. И. Блюер в Москву).

²¹⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 491.

индуктирующий ток... Все офицеры, ожидая «Боже, Царя храни» и слыша революционные песни и крики, смущались, но отдавали честь или снимали фуражки. У Аничкова моста один чиновник за- протестовал: «Как это, долой войну?.. Это деморализует армию!.. Тут я выступил с речью и у меня с чиновником завязался спор. Я ему доказывал, что война – это зло и что рабочие имеют право выражать свое отношение к ней, что воевать должны эти рабочие, которым нечего есть, у которых семьи голодают, а не только мальчишки, которые пели гимн, получая от правительства за это деньги; что рабочих надо уважать, как наиболее обездоленных, что рабочие не хотят войны, потому что девиз рабочих «пролетарии всех стран, соединитесь», и русский рабочий, желая объединиться с немецким, не может же желать войны против него. Рабочие и сочувствующая публика смотрели на меня с явным уважением и почтением, а буржуи, накапливающие все больше и больше, с враждой»²¹⁹.

Трудно сказать, до какой степени очевидец сгустил краски. Но подобных впечатлений нельзя не учитывать. «Представь себе толпу без конца из подростков и хулиганов и полицейских. Лица неинтеллигентные, красные носы, нахальные глаза, – писали из Москвы 22 июля 1914 г., – кричат, а сами смотрят, кому бы в зубы дать». Из Твери сообщали, что 3–4 шалопаи поднимают на ноги порядочное количество публики». В результате возникал настоящий бедлам: «Вечером окон нельзя открыть – ...уж больно орут испуганными голосами... Рабья психология покорности и готовности. Этот слюноточивый патриотизм и раздул страсти. Что в России, что у немцев...»²²⁰. Некоторым события в столице виделись иначе: «Десятки тысяч рабочих и сотни тысяч горожан... были совершенно выбиты из колеи и покорно шли на призывные пункты... Настроение создалось угрюмо сдержанное и подавленное, и только на Невском бесновались “патриоты”... Учащаяся молодежь в своем подавляющем большинстве ударилась в шовинизм и патриотизм»²²¹. В популярных изданиях можно было встретить нечто иное: «В Екатеринославе запасные так спешили на сборный пункт, что трамвай, облепленный ими, едва не перевернулся». Публиковалось соответствующее фото²²².

Менее чем через два месяца на столичный патриотизм стали смотреть более критично. «Петроградским патриотизмом я мало доволен, какой-то скучный, официальный, – писал С. В. Каминский 15 сентября 1914 г. в Москву. – Война как-то мало чувствуется. Даже

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 23 (М. С. Шестопал из Петербурга 19 июля 1914 г. – О. С. Шестопалу в Одессу).

²²⁰ Там же. Л. 14, 15 (письмо от 27 июля 1914 г., неустановленного автора из Твери Н. С. Цвелеву в Москву).

²²¹ Арский В. В Петрограде во время войны (Из воспоминаний) // Красная летопись. 1923. № 7. С. 75–76.

²²² Огонек. 1914. № 34. 24 августа (6 сентября). С. 17.

газеты так жестоко сокращены, что мало из них поймешь, а еще меньше почувствуешь...»²²³.

В российском патриотизме был слишком силен эмоциональный компонент, что придавало ему эфемерный характер. Наиболее отчетливо это проявилось в поведении молодежи. 17 сентября 1914 г. были отменены отсрочки от военной службы для студентов. «Сегодня студенчество петроградского университета манифестировало на Невском... — сообщал 9 октября один студент. — Патриотические вспышки сердца в той части студенчества, которое раньше числилось в оппозиции... Призыв студентов в войска вызвал в известной части студенчества такой восторг, что этот восторг выразился в манифестации». Правда, вскоре он написал, что на очередной сходке «говорилось много на тему “мы умрем”, но когда кто-нибудь произносил слово “государь” — раздавались свистки и громкие голоса протеста...». Один студент произнес речь, в которой сказал, что «мы идем на войну, повинаясь силе, но будем умирать не за настоящую Россию, а за Россию будущую». Вскоре в университете появились прокламации, призывавшие не отвлекаться в сторону войны, а обратиться к внутренней жизни. «Социалистически мыслящее студенчество остается верным себе... твердо помнит заветы своих предшественников», — заключал он²²⁴. По-видимому, такие настроения были достаточно распространены. Но «патриоты» пока преобладали. 10 октября 1914 г. в Томске студенты и гимназисты приняли участие в манифестации в связи с призывом в армию и действиями русской армии под Варшавой. Однако через год «Группа объединенного левого студенчества г. Томска» приняла на сходке резолюцию с требованием политической амнистии, ответственного министерства, отмены национальных и вероисповедных ограничений²²⁵.

Будущий писатель Г. В. Алексеев, в студенческие годы сотрудничавший с патриотическим «Русским словом», писал: «Дважды раненый и опустошенный я понял, что своя кровь легче крови других, и это заставило меня вновь уйти на фронт, в авиационный отряд, летать на дрянненьких, дрожавших от дряхлости «моранах», которые посылали нам за негодностью французы»²²⁶. 30 сентября 1914 г. один студент писал, что готов вступить в бельгийскую и французскую армию, но в ряды русской армии вступать «считает невозможным, так как русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже аресто-

²²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 44.

²²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 13, 15, 37 (В. Я. Пчелкин из Петрограда 15 октября 1914 г. — А. М. Бондаренко в Москву).

²²⁵ Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. В 3 т. Т. 1. 1880 — февраль 1917 г. Томск, 2013. С. 356, 370.

²²⁶ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под ред. В. Л. Лидина. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1928. С. 15–16.

ет... готовых сражаться за родину»²²⁷. (Из публикуемых в газетах списков добровольцев из числа российских подданных в Бельгии было заметно преобладание еврейских фамилий²²⁸). Анонимный автор писал из Милана 11 сентября 1914 г. А. Н. Фатееву в Москву, что амнистии из России не дождался, и потому хотел поступить во французскую армию. Ему было «грустно рассматривать развалины Интернационала» и ощущать «нестерпимый запах от воинствующего марксизма»²²⁹. Возможно, многие русские эмигранты старались поступить в союзнические армии не столько из патриотического порыва, как для того, чтобы не умереть с голоду.

Многие эмигранты все же ухитрились возвращаться на родину²³⁰. Возвратился эсер В. Л. Бурцев, с августа рвавшийся в Россию, рассчитывая, несмотря на предостережения, на амнистию за свой патриотизм²³¹, но тут же был арестован и в январе 1915 г. отправлен в ссылку²³². Тем временем столичные левые студенты в специальном обращении заявили, что «правительство, не решившееся на амнистию, которую ожидали с началом войны, тем самым показало, как оно неискреннее говорит о единении с народом». По случаю «Толстовского дня» в университете «начался сбор и продажа карточек с портретом «бабушки русской революции» и ленского расстрела... Пели «Вечную память» и перешли на «Марсельезу» и «Варшавянку». В университете появилась полиция. Поддерживали власть только «академисты», левое студенчество считало, что «правительство продолжает делать свое темное дело»²³³. Газеты – как в столицах, так и в провинции – отмечали, однако, только патриотизм студенчества²³⁴.

Возможно, германофобию русского студенчества подогревала пресса. Так, сообщалось, что в Германии в берлинском университете русского студента бывшие друзья-немцы встретили «страшными ругательствами, плевками в лицо и криками: “Шпион, русский шпион!...”». Затем «подбежал немецкий щуцман и нанес несколько ран по голове», а в целом, выбираясь из Германии, он «получил 14 ран от германских патриотов» и стал свидетелем того, как в Кениг-

²²⁷ Иванов А. Студенты в окопах // Родина. 1993. № 8–9. С. 191.

²²⁸ Война и евреи. 1915. № 1. С. 2.

²²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 17.

²³⁰ Будущий писатель А. Соболев в начале войны пробовал записаться волонтером во французскую армию, но не был зачислен по болезни; после этого в начале 1915 г. нелегально вернулся в Россию и под чужой фамилией в 1916 г. попал на Кавказский фронт. См.: Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. С. 317.

²³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 79; Д. 977. Л. 7.

²³² Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 487–491.

²³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 48; Д. 979. Л. 16, 32, 42.

²³⁴ Терешина Е. П. Отношение населения Поволжья к Первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.). Набережные Челны, 2009. С. 17.

сберге «избивали русских студентов-медиков»²³⁵. По-видимому, случай был типичным: российский студент-еврей рассказывал, как немецкие женщины ругали русских и даже плевали им в лицо²³⁶. Всякая экстремальная ситуация обостряет «чувство врага». «Мы вправе презирать пруссаков за все совершенное ими», – заявлял В. Брюсов²³⁷.

Вместе с тем возникла идея наряду с внешним врагом одолеть застарелые внутренние недуги. «...Тогда на родной земле будет хорошо жить, когда немец и водка будут уничтожены», – вещал с церковного амвона епископ Енисейский и Красноярский Никон²³⁸. Архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий) лично благословлял войска, идущие на фронт, посещал госпитали, утешая раненых. Не дождавшись особого обращения от лица РПЦ, 14 октября 1914 г. он выступил с особым посланием к «Христоробивому воину», в котором напоминал, что «царь послал тебя идти на защиту земли русской и на освобождение православных племен, угнетаемых немцами». Под последними имелись в виду «полоненные Австрией» православные сербы и «русские братья, составляющие прежде одно с нами государство и одну Православную церковь», а ныне вовлеченные в «еретическую униатскую церковь»²³⁹.

Однако военно-монархический гегемонизм был скорее ситуационным явлением, связанным с колебаниями народной психики. С. Е. Трубецкой полагал, что монархический дух в народе «начал хиреть» с 1905 г., а потому в начале войны 1914 г. ни он, ни другие монархисты не ощутили в себе «живого монархического чувства при торжественном выходе Государя в Москве»²⁴⁰. «Большая война» вызвала ощущение смертельной угрозы сродни первобытным страхам. Соответственно, возникла потребность в «высшей» защите – в России именно такова идея власти. Не все политики это понимали, отождествляя собственные вожеления с массовыми настроениями. Немногие, вроде П. Н. Милюкова, признавали: в столицах «гремят витии», а в глубине России царит «вековая тишина». При этом Милюков отмечал, что «интеллигентская идеология войны подверглась в... сильной степени иностранным влияниям, пацифистским и социалистическим»²⁴¹. Про толстовство известный историк словно забыл.

Впрочем, патриотизм российских либералов приветствовался далеко не всеми образованными людьми. Московскому городскому

²³⁵ Журнал «Война». Пг., 1914. № 1. С. 10.

²³⁶ Веверн Б. Указ. соч. Т. 2. С. 135.

²³⁷ Русские ведомости. 1914 г. 12 октября.

²³⁸ Енисейские епархиальные ведомости. 1914. 1 октября.

²³⁹ Цит. по: Митрополит Антоний [Храповицкий] и его время. 1863–1936. Кн. 2. Нижний Новгород, 2004. С. 386–387.

²⁴⁰ Трубецкой С. Е. Минувшее. М., 1991. С. 10.

²⁴¹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 481, 482.

голове Челнокову 31 июля 1914 г. было направлено письмо за подписью «Русская женщина» с выражением недовольства по поводу верноподданнических нот в его речи. В нем говорилось о том, что Николай II «с высшими офицерами, Распутиным и К^о» – главная причина «нашего внутреннего ужаса, нашей каторжной жизни», в которой всякий «мало-мальски свободомыслящий и свободноговорящий человек ссылается к черту на кулички». По ее мнению, ни о каком «единении царя с народом» говорить не имело смысла. Представители нерусского населения выражались еще резче: «...Лично бы мне хотелось, чтобы Россия получила нахлобучку. Она того стоит: и за погромы, и за процесс Бейлиса, за черту оседлости, за гнет и гонения, за еврейские муки и за наши слезы... Но мне кажется, этого не будет: слишком сильной она стала, имея таких союзников, как Англия и Франция... Еще много испытаний придется перенести нам. Ну а пока Пуришкевич целуется с евреями: какое это знамение времени, какой удивительный парадокс... Смешно и вместе с тем трагично»²⁴². Из Иркутской губернии сообщали: «Воодушевления я не видел здесь, а о манифестациях и помина нет. Война здесь оценивается прежде всего с точки зрения ухода родных, повышения цен, будущих налогов и увеличения разных повинностей. На войну народ идет только с покорностью, творя чужую волю. Нигде тут я не слышал, что нужно заступиться за сербов. Я, со своей стороны, очень рад, что не должен идти на войну, потому что немцы мне никакого вреда не сделали, и у меня нет никакой охоты колотить их. Ведь совершенно с таким же правом можно сказать, что войну затеяла Россия... Идет борьба вовсе не за сербов, а за гегемонию, за господство в Европе и во всем мире... Я никогда не поверю, чтобы тот, кто расстреливал русских рабочих на улицах Петербурга, прошелся огнем и мечом по Москве, смог искренне жалеть сербов. Тут сербы только предлог... Тот, кто лишил свободы и независимого существования поляков, кто давит украинцев, как может он поднимать свой голос в защиту славянства?»²⁴³.

В другом письме (вероятно, также еврея-ссыльного) из Иркутской губернии говорилось следующее: «Я никак не могу понять, что двигало теми толпами евреев, которые манифестировали с портретами царя, падали на колени перед Зимним дворцом по объявлении мобилизации... 9 лет назад убивали и грабили во всей России евреев. Как можно вообще это забыть и так скоро! Что можно говорить о патриотическом тоне русских прогрессивно-кадетских газет и передовиц, когда Керенский, Бурцев и сотни эмигрантов-политиков тоже заразились военным психозом... Настроение сибирского крестьянства... слишком далеко от изъявления патриотических

²⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 41, 40.

²⁴³ Там же. Л. 88 (письмо неизвестного (по-видимому, ссыльного) от 8 августа 1914 г. А. А. Добровольскому в Москву).

чувств, а наоборот... Противно читать все эти кадетские газеты, но еще противнее, что пишет «Новый Восток». Давно ли был процесс Бейлиса? Давно ли они громили русское правительство и защищали честь и достоинство русского народа? А теперь зовут спасать честь и достоинство русского оружия! Евреи эту заботу должны предоставить Керенскому в Государственной думе, а Бурцеву – в Париже, потому что их социалистические души все же пеклись на славянской закваске. Пусть уж они зовут под русские знамена. Если бы даже все эти молитвы о даровании победы и манифестации в честь русского правительства совершались с корыстной целью – получить потом (не права, а подачки) воздаяние, то еще гаже, ибо гаже лицемерия и лжи ничего нет. Не может угнетаемый любить угнетателя, не может раб добровольно кричать о своем верноподданстве»²⁴⁴.

Увы, последнее возражение не выдерживает критики. По мере бюрократизации взаимоотношений правителя и подданных естественная патерналистская амбивалентность восприятия власти приобретает «садомазохистский» оттенок. Угнетаемые начинают «уважать» своего господина за «непреклонность» в действиях. Возможно, в этом состоит основная особенность российского «патриотизма».

Как известно, в верхах решили, что мобилизация прошла «блестяще», поскольку недобора призывников не было. Газеты писали о «решимости», с которой призывники отправлялись в армию. Очевидцы видели ситуацию иначе. «Начну с настроения... мобилизованных рабочих и крестьян, – писали из Екатеринослава. – Об энтузиазме речи быть, конечно, не может, даже приткные корреспонденты и сотрудники “Русского слова” черпают свой энтузиазм скорее в редакционных комитетах, чем от общения с всплывавшей патриотическим гневом толпой...»²⁴⁵. В письмах из провинции встречались такие наблюдения: «Сначала здесь мужики с большим неудовольствием шли на призыв, даже бранили Государя, говоря, что вот, они идут на войну, а их семьи остаются без работников, голодные и “сырые”». Но когда им был прочитан Манифест, дух призывников вроде бы поднялся»²⁴⁶. Но мог ли он долго держаться на высоком уровне?

Даже офицеры запаса вовсе не горели желанием сразиться с врагом. «Мобилизация отнюдь не проходила “образцово”, военнo-обязанные из запаса вынуждены были стоять в очереди несколько дней; мечтали при этом “устроиться”», – писал 40-летний прапор-

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 28–28 об. (письмо от 26 августа 1914 г. А. М. Абезгус в Одессу).

²⁴⁵ Там же. Л. 48 (письмо из Екатеринослава от 5 августа 1914 г. Л. Н. Дилевской в Москву).

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1104 (письмо неустановленной женщины из Нижнего Рыбинска от 30 июля 1914 г. В. В. Котлярову в Одессу).

щик-артиллерист запаса 1902 г., добавляя, что все понимали: в случае гибели на фронте семья обречена на нищету. Он признавался в своем «полном отсутствии патриотизма, который десятками лет искоренялся из русской души...». В конечном счете ему пришлось работать в военной цензуре, которая была «поставлена из рук вон плохо» – штаты были невероятно раздуты, но необходимых инструкций не было, инициатива не приветствовалась, а слишком активных цензоров отправляли на фронт²⁴⁷. Трудно судить, насколько объективны такие мемуарные свидетельства. Определенно можно сказать, что они отражают перманентное недовольство нераспорядительностью бюрократизированной патерналистской власти. Историк остается лишь указать на пики обострения этой хронической русской болезни.

Поэт, переводчик и историк литературы П. С. Сухотин в письме от 16 октября 1914 г. отмечал: «Читать газеты не могу, ибо все в них отвратительно. Дружба союзных народов – не что иное, как «обмен тщеславия» или «покровительства позор»; патриотизм же, царствующий над каждой газетной буквой, заставляет ужаснуться, чему мы учим толпу и каких еще от этого надо ждать позорищ»²⁴⁸. Из Армавира сообщали: «Наши либеральные газеты видят какой-то подъем духа в народных массах... Народного подъема не было, – ходили с портретами и иконами небольшие кучки истинно-русских людей и только. Ожидать народу и рабочим улучшения своего положения – несбыточная мечта...»²⁴⁹. Кое-где были отмечены характерные эксцессы. В Свияжске Казанской губернии прозвучали такие заявления: «Напрасно Россия ведет настоящую войну, от которой пользы никакой быть не может», «Россия эту войну проигрывает». Крестьянин из села Бездна А. А. Пугачев выкрикивал во время призыва: «Долой Романовых! Да здравствует республика!» В Царицыне после патриотической манифестации 20 июля 1914 г. появилась прокламация с призывом: «Долой войну! Да здравствует мир! Долой монархию!»²⁵⁰ Из Воронежа некая Абрамова писала в Москву в редакцию «Русской мысли»: «Я до сих пор не могу забыть первых дней мобилизации. Громадный Митрофановский монастырь был полон солдатами и их женами. Читали манифест. Бабы плакали. Солдаты истово крестились и стучали лбами об пол. Так было утром, а вечером в местах расквартирования «воинства» слышались смех, крик, точнее – грязная ругань... Все было грубо, цинично и непонятно...»²⁵¹. На фронте настроение солдат во мно-

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 3–5, 10–11 (воспоминания прапорщика К.).

²⁴⁸ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. Вып. IX. С. 512.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 6 (письмо неустановленного автора от 23 августа 1914 г. М. П. Сквери в Одессу).

²⁵⁰ Терешина Е. П. Указ. соч. С. 24.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 36.

гом зависело от военных успехов. В конце июля – начале сентября в Австро-Венгрии среди солдат «началась какая-то охота за трофеями». Солдаты, состоявшие при штабе, едва ли не поголовно обзавелись австрийскими лошадьми, винтовками, одеялами, питались австрийскими консервами, галетами и даже шоколадом. Впрочем, в ходе наступления начались перебои с хлебом: «интенданты не успевали»²⁵².

К концу года наметилось отрезвление от «патриотического утра». «Не думаю, чтобы... интересы монархии и бюрократии вполне гармонировали с интересами народа, но по всему видно, что гармония полная, дело дойдет скоро до лобызания Того, Кого не так давно ненавидели всеми силами души..., – писал 24 ноября 1914 г. А. А. Шутов из Томска Д. А. Шутову в киевский коммерческий институт. – Мы, вставшие на защиту слабых братьев-славян, помогли им... но какой цены стоит эта помощь и им и нам? Моря крови, миллионы жизней... Если бы эти вампиры и Каины были на самом деле люди, то могли же ведь они устранить и без таких жертв все...». Конечно, «патриотические» эмоции еще не выветрились²⁵³. Над записными «патриотами» стали посмеиваться. В декабре на фронт прибыл некий «представитель общечеловечности» с подарками. Он рассказывал о том, что все общество требует войны до победы, но после того, как попал под обстрел, заговорил: «Когда это кончится!»²⁵⁴. «...Ты поддался настроению толпы, руководимой... кучкой деспотов... Газеты не отражают... действительного настроения общества...», – так писали в декабре 1914 г. из Харькова в Томскую губернию²⁵⁵.

С началом войны представился случай разобраться с русскими немцами. И здесь снова в ход пошли тенденциозные интерпретации тех или иных бытовых неурядиц. Так, рассказывали о том, как обошлись в ресторане на Гороховой «с артистом Малого театра И-м»: распорядитель кабачка, австрийский подданный, якобы выпроводил его за дверь... за русскую рубашку. Аналогичный случай произошел с «художником М-м в ресторане того же С-ва», которому швейцар заявил: «Надо носить немецкие рубашки». Писали, что все петроградские кабаки гостеприимно открывают двери гостям в любом национальном костюме, кроме *русского*²⁵⁶. Подобные случаи в обстановке, когда в Москве рестораторы срочно переименовали «филе по-гамбургски» и «шницель по-венски»

²⁵² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 733 (воспоминания А. Черныша, Генерального штаба полковника, начальника связи XVII армейского корпуса 5-й армии).

²⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 15.

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 428. Л. 37–39 (воспоминания полковника А. Кузнецова).

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 6 (М. Белоусов из Харькова 10 декабря 1914 г. – Н. И. Белоусову).

²⁵⁶ Война и герои. Доблестному воинству русскому и союзному посвящается этот журнал. Пг., 1914. № 1. С. 14–15.

в «филе славянское» и «шницель по-сербски»²⁵⁷, а сатирический журнал высмеивал «патриотичного» мужа, пенявшего жене за гуляш по-венгерски²⁵⁸, выглядят более чем сомнительно. Впрочем, обыватели вспоминали, что, подобно тому как в русско-японскую войну обыватели отказывались слушать оперетту «Гейша», теперь «из репертуаров исключалась опера “Фауст”»²⁵⁹.

Тем временем столица империи была переименована в Петроград. Это событие «не произвело вообще того впечатления, на которое рассчитывали...», В. Ф. Джунковскому оно показалось «мелочным и ненужным»²⁶⁰. И. И. Толстой записал в дневнике, что «такого рода шовинизм ему совсем не нравится»²⁶¹. За этим последовала волна провинциальных переименований, докатившаяся до Закавказья: здесь Траубенберг превратился в Виноградовку²⁶². Нечто подобное происходило и в Германии, где спешно избавлялись от французских и английских названий кафе²⁶³. А в России «патриотичные» обладатели «немецких фамилий» спешно меняли их на русские: бывший московский градоначальник А. А. Рейнбот превратился в Резвого²⁶⁴. Между тем его фамилия уже превратилась в имя нарицательное. Теперь же говорили, что в Красном Кресте, где он «хозяйничает», кражи «процветают как никогда раньше»²⁶⁵. О коррупции и бюрократизме в Красном Кресте вообще говорили очень многие²⁶⁶.

Если до войны образ внутреннего врага ассоциировался с либералами и революционерами, студентами и евреями, то теперь он еще более «этнизировался», но по-другому. Вдруг показалось, что «русские немцы» охотно сдаются в плен. Журналы приводили длинные списки «русских пленных в Берлине», пестревшие немецкими фамилиями²⁶⁷. Публиковались их «письма» из Берлина: «О, теперь весьма мне стыдно, что я немцев не любил, говорил о них обидно, в плен охотно не ходил»²⁶⁸. Зло высмеивали не только немцев. Вступление в войну Турции расширило пределы шовинистической глумливости: один самодеятельный автор поместил карикатуру, на которой турок в феске тащил на себе свинью с надписью

²⁵⁷ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 117.

²⁵⁸ Война и герои. 1914. № 8. С. 6.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 737. Л. 3 об. — 4 (воспоминания В. Ф. Чистовского).

²⁶⁰ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 495.

²⁶¹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 539.

²⁶² Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 73.

²⁶³ Verhey J. Op. cit. P. 87.

²⁶⁴ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 550.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 45 (письмо не установленного автора из Москвы от 21 ноября 1914 г. в Женеву).

²⁶⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 552, 554, 585.

²⁶⁷ Война и герои. 1914. № 3. С. 2.

²⁶⁸ Джигит (Баку). 1916. № 4. 31 января. С. 3.

«Германия» на боку²⁶⁹. В провинции обнаружилась своя специфика: бакинский юмористический журнал нещадно издевался над союзником кайзера – «турком», представленным «ядовитым и зловерным экземпляром», который мечтал попасть в русский плен, где «кормят шашлыками»²⁷⁰. Впрочем, ни исламофобия, ни ориентофобия так и не достигли такого накала, как германофобия²⁷¹.

Впрочем, особенностью массовой психологии лета 1914 г. было то, что заурядные внутренние события резонировали с глобальными страхами. «В Бирючевке... ни с того ни с сего татары сняли рабочих с молотилки, побили всех русских и недвусмысленно говорили, что “надо всех русских кончать”, – писали из Бутульминского уезда Самарской губернии. – ...28 человек посадили. Даже в Павловке татары держат себя вызывающе. В случае столкновения с Турцией могут быть эксцессы»²⁷².

В то время как официальная пропаганда стремилась снять с повестки дня еврейский вопрос, привычные страхи, усиленные войной, придали ему новое звучание. В 1915 г. известный военный историк С. А. Панчулидзе утверждал, что «евреям органически присущи антигосударственные свойства», что непременно скажется в связи с войной. Отсюда следовало, что евреев и выкрестов не следует допускать ни в армию, ни на государственную службу, ни в самоуправление, ни в судебное ведомство²⁷³. Эта логика, за которой, несомненно, стояло известное общественное настроение, шла вразрез с попытками власти сколотить хотя бы видимость «общенародного единства».

Этатизированный патриотизм, основанный на этнической подозрительности и неверии в общественные силы, способен оказать власти поистине медвежью услугу. Особенно в условиях тотальной войны.

1.2.5. Истоки деморализации общества

В умах многих российских интеллигентов образ нагрянувшей войны слился с воспоминаниями о минувшей революции. Это порождало невиданное смятение духа. Особенно заметно оно было в поведении людей творчества.

²⁶⁹ Ратомский Н. А. Как Вильгельм брал Варшаву. Пг., 1915. С. 1 (обложка).

²⁷⁰ Джигит (Баку). 1916. № 2. 17 января. С. 5; № 10. 13 марта. С. 8.

²⁷¹ См.: Булдаков В. П. Война и исламофобия в России, 1914–1916 // Первая мировая война в «восточном измерении». М., 2014. С. 29–54; Его же. Первая мировая война и российская ориентофобия // Труды Института истории НАН Азербайджана. № 48, 49, 50. Баку. 2014. С. 187–203.

²⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 61 (письмо из Самарской губернии от 16 сентября 1914 г. Е. А. Елачичу в Петроград).

²⁷³ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 535. Л. 1 об., 4–5 об.

«Я как прапорщик запаса решил тотчас же ехать в Россию, чтобы занять место в армии, – писал художник М. Ф. Ларионов из Франции. – Паника по всей Европе стояла неописуемая... Все русские рвутся в Россию и не знают, как туда проехать»²⁷⁴. Некая Леля общала 15 июля 1914 г. (нового стиля) из Гренобля Н. А. Фон-Глен в ее имение в Казанской губернии, что «все русские покидают Францию», так как «в России готовятся к революции»²⁷⁵. По-своему ожидали прихода русской революции и в Германии. Е. И. Рышкевич из Лейпцига писал 11 августа 1914 г. И. Н. Рышкевичу в Седлец, что «здешние газеты распространяют разные небылицы про Россию – будто Малороссия, Финляндия, Польша и т.д. собираются встать и объявить себя самостоятельными». Адресат надеялся, что после войны разразится революция, которая будет «солиднее, чем в прошлый раз»²⁷⁶.

Разумеется, были и другие мнения. «Германцы... ошиблись, – писали из Лондона 3 октября 1914 г. в Москву. – Например, они были уверены, что в России начнется революция, как только будет объявлена война»²⁷⁷. Порой образы войны и революции сливались в психологически странноватую амальгаму. «Поеду только на передовые позиции, хочется судьбу попытать..., – писал один студент. – Настает великое время и великое дело, перед которым вся грандиозная война померкнет. Подготавливается государственный переворот, готовый все переменить и наладить по-новому. Зарождается новая жизнь и новое счастье... Последний день войны будет первым днем русской революции... Не надо больше войны, не надо крови»²⁷⁸.

Похоже, что понятия войны и революции смешивались в эсхатологических предчувствиях. Даже А. И. Гучков позволял себе рассуждать о «невозможности выйти из положения обычными средствами». «Только перевернув все вверх ногами, можно создать условия, при которых Россия может отстоять свою независимость и право на самостоятельное существование», – заявлял он, предпочитая, однако, ответственное перед Думой правительство и Алексеева или Брусилова во главе армии. Впрочем, шансов на мирный исход он как будто не находил: «Император упорен и хитер»²⁷⁹. (Впрочем, было известно, что Гучков «любит сгущать краски и критиковать все, в чем он лично не участвует»²⁸⁰).

Некоторые русские эмигранты в революционной перспективе уже сомневались. Из Канады 2 августа 1914 г. писали в Москву,

²⁷⁴ Цит. по: Крусанов А. В. Указ. соч. С. 482.

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 10.

²⁷⁶ Там же. Л. 62 об.

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 22 (Е. Я. Столкин – М. И. Блюер).

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 94 а (письмо не установленного автора из Москвы от 24 сентября 1914 г. А. А. Милорадовой в Петроград).

²⁷⁹ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 59–60.

²⁸⁰ Толстой И. И. Указ. соч. С. 583.

что даже после победоносной войны «революция найдет почву в разбитых жизнях, разрушенных хозяйствах, кризисе, безработице», причем это случится «не только в России... но и в Германии и Австрии»²⁸¹. Писатель Леонид Андреев 4 октября 1914 г. писал из Петрограда в Москву И. С. Шмелеву: «...Наша реакционная пресса, обычно настроенная шовинистически и по всякому поводу готовая к войне – в этот раз уже начинает бить отбой, намекать о мире и прославлять Вильгельма. Они животом чувствуют, что разгром Германии будет разгромом и всеевропейской реакции и началом целого цикла европейских революций...»²⁸². Сам он думал иначе: «Пишется война, а читается революция»²⁸³.

Люди творческие, как обычно, склонны драматизировать события и предвосхищать ситуацию. 3 апреля 1915 г. в комитете по организации вечера в пользу пострадавших от войны евреев М. Горький говорил об опасности возникновения после войны крупных беспорядков, спровоцированных МВД для того, чтобы подавить их вооруженной силой. Он считал, что движение скорее всего примет анархический антиобщественный характер. Писатель полагал, что для предотвращения подобной перспективы следует позаботиться об организации партии, которая привлекла бы прогрессивно мыслящих людей, способных к взаимному компромиссу. Эта партия должна «стремиться к осуществлению порядков, существующих в Западной Европе, и откровенно отвернуться от Востока, глубоко засевшего в русском человеке». Горький считает опасной для будущего России зародившуюся «национал-либеральную» партию, представителем которой является Е. Трубецкой: «она нас заведет назад, на Восток»²⁸⁴.

В конце года можно было услышать и такие суждения. Из Кавказской армии 2 декабря 1914 г. писали в Москву: «Война... увлекла массы... Она увлекла и социалистов, поставила иных даже в позорное положение, с другой стороны, заставила капиталистов заняться социализацией хозяйства..., обезоружила интеллигентские угрызания совести по насилию, убийству..., обнаружила, что никакая кровавая революция не может быть ни так кровава, ни так бедственна, ни так бессмысленна, как эта бойня... Все-таки мы сразу становимся ближе к социальному перевороту...»²⁸⁵. Похоже, такие мнения были довольно распространены. Некая Нелли 14 декабря 1914 г. писала хорунжему лейб-гвардейского полка Д. А. Сердюкову в Варшаву: «Ты пишешь, что немцы звери. Здесь тоже распространяют этот

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 97 (письмо адресовано А. А. Арбатской).

²⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23.

²⁸³ Цит. по: *Купцова И. В.* Художественная интеллигенция России (Размежевание и исход). СПб., 1996. С. 26.

²⁸⁴ *Толстой И. И.* Указ. соч. С. 622–623.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 9 (Г. Н. Корганов – А. М. Бекутову).

слух, но наши солдаты... жалеют, что они не немецко-подданные, говорят, что вполне убедились, как правительство заботится о своих и какая разница между немецким и русским солдатом. Пожалуйста, об этом никому не говори. Будет революция, и как ей не быть»²⁸⁶. Теперь к грядущей революции по-своему начали готовиться и обыватели. Конторщик Ф. Штаубе из Ярославля писал 19 декабря 1914 г.: «...Должен тебе сообщить новость... Когда кончится война, в России непременно будет большая революция. Дядя не хочет дожидаться ее и думает уехать сейчас же по окончании войны. Я, конечно, поеду с ним». Причину будущей революции он видел в том, что «правительство слишком долго угнетало и обманывало народ»²⁸⁷.

Впрочем, со временем ситуация менялась. 9 июня 1915 г. один из видных кадетов А. И. Шингарев писал жене, что сейчас о революции мечтают только «сумасброды, редкие теперь даже среди левых»²⁸⁸. Изменение ситуации была связано с тем, что в победу в войне перестали верить. П. Н. Милюкову приписывались слова: «Лучше поражение, чем революция». 3 марта 1916 г. он так высказался в Думе: «...Не знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет наш враг»²⁸⁹. Позднее Ю. Н. Данилов признал, что народ к войне «оказался психологически не подготовленным», поскольку «главная масса его – крестьянство – едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну»²⁹⁰.

Всякая неизвестность порождает надежду на счастливый «авось». Вторжение войны в мирную жизнь сопровождается своего рода психозом победы. Именно таким способом социальная среда отгоняет подступившие страхи. Долго поддерживать надежду на несбыточное невозможно, но патерналистская власть обязана не допустить ее болезненной перверсии.

Деморализацию тех или иных социумов – неизбежную во всякой войне – подтолкнула сама власть своей неуклюжей пропагандой. Жестко навязанная обществу установка на безграничную веру в «православие и самодержавие» рано или поздно должна была столкнуться с фактами отнюдь не благостного поведения администрации. Прежде всего стала недодавать необходимой пищи идеологическая кухня войны.

Исходя из представлений о скоротечности военной кампании, официальная пропаганда (по аналогии с победоносной русско-турецкой войной) предложила народам России защитить «бра-

²⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 25.

²⁸⁷ Там же. Л. 35 (письмо адресовано Н. Леуценгеру в Швейцарию).

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1013. Л. 64.

²⁸⁹ Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. Париж. 1979. С. 76.

²⁹⁰ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. Берлин, 1924. С. 112.

твев-славян», а заодно выполнить освободительную миссию по отношению к прочим «угнетенным» народам. Речь шла именно о славянах, а не единоверцах-православных. Идея была ущербной с самого начала: православная Болгария, «обиженная» результатами балканских войн, была ориентирована на Германию и со временем выступила на ее стороне; примирение с католической Польшей выглядело проблематично. Этого пропагандисты словно не замечали.

Характерно, что официальная пропаганда отбрасывала либеральные представления о «борьбе права с произволом» (право представляла Антанта, произвол – «тевтоны»). Правительство и общественность с самого начала заговорили о патриотизме на разных «языках». Вдобавок власти сделали упор на расовый (то есть противный христианству) компонент мирового столкновения. При этом церковная пресса заговорила о том, что война ведется против протестантизма, католицизма, мусульманства, баптизма и прочих ересей, победа над которыми сулила «мирное царство Божие»²⁹¹. Писали также о застарелом конфликте культур Запада и Востока. В епархиальной прессе постоянно муссировалась тема «ратного подвига» как искупления греха (не вполне ясного рядовому прихожанину)²⁹².

Эта особенность официальной пропаганды вынуждала усомниться в справедливости войны за «общее отечество» не только российских лютеран, но и христианских неславян (грузин, армян, не говоря уже о малых народах) России. В ряде случаев церковная пропаганда принимала излишне «секуляризованный» характер. «Ваши деньги превратятся в патроны и снаряды», – взывал в апреле 1916 г. один из многочисленных «Приходских листков»²⁹³.

Впрочем, сомнительно, чтобы основная масса народа обратила внимание на подобные неувязки. Теоретически основная масса россиян, представленная крестьянством, могла защищать лишь ценности своего материально улучшенного морально-бытового уклада. Для всякого традиционного общества первостепенное значение имеет фактор непосредственной угрозы извне. А он в официальной пропагандистской кампании практически не был задействован: вместо этого воздвигались туманные православно-славянофильские абстракции.

Стоит заметить, что либерально-интеллигентские патриотические доктрины существовали независимо как от официоза, так и от народных представлений о смысле войны. Для национального

²⁹¹ Церковный вестник. 1914. № 52. 25 декабря. Стб. 1573.

²⁹² См.: Букалова С. В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 345–348.

²⁹³ Цит. по: Кандидов Б. Империалистическая война 1914–18 гг. и религия. (Пояснительный текст к серии диапозитивов на стекле). М., Б/и. 1936. С. 9.

патриотизма европейского типа Россия еще не созрела. Со временем интеллигентские представления о войне могли стать антитезой официальной пропаганде. Но они же оставались чуждыми народу, который могли возбудить только утопии, созвучные его исторической памяти.

Известно, что риторика победы оказалась более чем уязвимой во всех странах. «Никогда еще патриотизм не был таким безумным, – писали в августе 1914 г. в Россию из нейтральной Швейцарии. – Все воображающие, что они борются за патриотическую идею, ошибаются»²⁹⁴. Из Франции в октябре 1914 г. сообщали, что этот «кричащий патриотизм ужасно действует на нервы и делает жизнь невыносимой»²⁹⁵. Впрочем, таковы были отзывы отдельных эмигрантов, не затронутых патриотической лихорадкой. А из Минусинска сообщали, что «даже здесь люди под влиянием газетного воя начинают звереть», а среди ссыльных «растут разногласия»²⁹⁶.

Как бы то ни было, со временем во всех воюющих странах запас сомнительного патриотизма стал иссякать. В России война, начавшаяся для многих под знаком отчаянного самопожертвования немногих, медленно, но неуклонно стала оборачиваться вакханалией nepотизма, коррупции, спекуляции. Но что подталкивало этот процесс? Откуда шло разложение – сверху или снизу?

За выплеском патриотических эмоций, скорее всего, скрывался обострившийся инстинкт «общинного самосохранения»²⁹⁷. Судя по многочисленным демонстрациям в городах, он составлял весьма устойчивый элемент народной психики. При этом его монархизм носил преимущественно символически-ритуальный характер. Интенсивность подобного патриотизма не исключала впадения в иные «крайности».

Патриотизм интеллигенции носил своеобразный – по большей части умозрительно-доктринальный – характер. Л. Н. Андреев писал 4 октября 1914 г. пока малоизвестному писателю И. С. Шмелеву: «Для меня смысл настоящей войны необыкновенно велик и значителен свыше всякой меры: это борьба демократии всего мира с царизмом и деспотией, представительницей каковых является Германия». При этом его не смущало, что русское правительство «под шумок уже загибает салазки, арестует и сажает... и цензура жестоко ре-

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 15 (письмо бундовца Г. М. Эрлиха Л. П. Кочетковой).

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1616 (письмо неустановленного автора из Москвы M-lle Salome Mandel).

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 33 (письмо неустановленного автора адресовано Татьяне Владимировне Поссе в Петроград).

²⁹⁷ Джеффри Верхи, проанализировав настроения толп в германской столице, пришел к выводу, что «энтузиазма» было немного, зато преобладало чувство «общности судьбы». См.: Verhey J. Op. cit. P. 74.

жет²⁹⁸». По-своему взирал на происходящее философ И. А. Ильин. Он писал 19 сентября 1914 г. в связи с перспективой быть призванной армией: «Возможность, что придется служить войне самыми низшими и элементарными сторонами тела и души, угнетала». Но узнав, что освобожден от призыва, он почувствовал себя «как бы воскресшим» и начал обдумывать «публичную лекцию об “истинном патриотизме”» и сочинять «вступительную лекцию “война как духовное делание”»²⁹⁹. Ильин невольно обнажил особенность интеллигентского подхода к войне: народ обязан проливать кровь за неведомые ему ценности. Причем для того, чтобы не «оторваться» от реалий войны, Ильин стремился к «личному общению с ранеными». Для других тогдашних «властителей дум» война оставалась поводом для размышлений о ее метафизическом смысле. Бестактности своей позиции они, как правило, не замечали.

«Прозрение» интеллигенции наступало медленно. «Не раз попадали мне там рассказы о боевых впечатлениях наших писателей: Пришвина, Окунева, Кундурушкина, Ропшина и других, – писал 13 декабря 1914 г. некий Юзя (скорее всего, работник госпиталя) К. И. Зеленеvскому в Одессу. – Странно, неприятно их читать – никогда почти нет в них суровой и страшной правды о подлинной действительности войны, той правды, которую немногие теперь ощущают, которой не решается служить почти никто...»³⁰⁰. Увы, «лечение правдой» вряд ли подходило для тогдашней России.

Из действующей армии доносилась шокирующая информация об отношении некоторых командиров к солдатам. Д. Д. Рихтер (судя по всему, обрусевший немец) сообщал 23 октября 1914 г. Д. И. Рихтеру в Царское Село о чудесах выносливости русского солдата. Однако случалось, что после перехода в 30 верст «усталый» командир полка пьет в доме чай, закусывает, а 4000 солдат... стоят на ветру, простужаются, получают воспаление легких», причем «такое хамское отношение встречается сплошь да рядом». Солдатское белье «кишит вшами», на марше «плохо поставлено питание», по три дня «не подвозят горячей пищи, не дают хлеба по целым неделям», а сухари «иногда покрыты толстым слоем плесени». Солдатам приходится довольствоваться «в лучшем случае картофелем, а обычно – сырыми овощами». Автор письма поражался, что «среди таких лишений наши солдаты идут в окопы, в бой неунывающие, без всякой злобы к этой сволочи, их ведущей, без ясного сознания, куда и зачем их ведут»³⁰¹. Совершенно аналогично высказывался и другой корреспондент: «Харчи у нас очень скудные. Хлеб и чай-сахар дают, но зато говядины начали давать по 1/2 фунта. Невольно

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23.

²⁹⁹ Ильин И. А. Собрание сочинений. С. 80.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 39 об.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 29.

напрашивается вопрос – что же дальше? Остается одна немецкая картошка. Да, поистине спасительница. Если бы не картошка – эта война была бы немыслима...». Его поражало, что в таких условиях солдаты, жаждущие мира любой ценой, продолжают драться, «создавать победы, попадать в герои – георгиевские кавалеры»³⁰².

Что сдерживало недовольство солдат? Упомянутый Юзя писал о неравенстве «грозной и могучей власти дисциплины», которое «нигде не принимает таких чудовищных размеров, как именно на войне». «Фронтového братства», о котором трубила патриотическая пропаганда, он не замечал, отмечая, напротив, «глубокое противоречие между кучкой привилегированных и серыми массами, между начальниками и подначальниками»³⁰³. Но все это пока замечалось главным образом интеллигентами, а не простыми солдатами.

К тому же солдаты вели себя вовсе не так благостно, как описывала патриотическая печать. Действовал известный стереотип поведения: униженный унижает, угнетаемый ищет свой объект угнетения. Неизвестный поляк 21 декабря 1914 г. сообщал из Варшавы своему соплеменнику о поведении «старшего брата»: «Солдаты, грабя жителей, оправдывают это тем, что мы, мол, за вас бьемся, а вы даже не позволяете солдатишкам погулять»³⁰⁴. Другой поляк примерно в это же время по тому же адресу писал: «Не верь в то, что пишут русские и наши газеты... об уничтожении всего швабами в пути. Если даже они и уничтожают, то наши доблестные войска проделывают это в три раза добросовестнее... Первенство имеет армия Ренненкампа, которая прибыла под Сохачев из Восточной Пруссии...»³⁰⁵. Между прочим, по другим сведениям, все тот же генерал-адъютант П. К. Ренненкампф, «обладатель крутого и взбалмошного нрава» имел обыкновение жестко крать паникеров, пьяниц и погромщиков³⁰⁶.

О настроениях раненых перед Рождеством 1914 г. так писал заведующий госпиталем при Вегетарианском обществе в Москве: «Война у нас всем надоела и мучает душевно. Никто не понимает – зачем она. Раненые и выздоровевшие солдаты крайне неохотно возвращаются на места действия. Пребывание их в частных лазаретах дает им возможность... открыть глаза на действительность. Были протесты против войны, есть арестованные и ведутся следствия. Отказы от службы по религиозным причинам систематически продолжаются»³⁰⁷.

³⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 51 (письмо неизвестного из действующей армии от 12 декабря 1914 г. А. Г. Бернашевскому в Москву).

³⁰³ Там же. Л. 39 об.

³⁰⁴ Там же. Л. 46 (письмо Ф. И. Бартницкому в имение кн. Горчакова Михалево).

³⁰⁵ Там же. Л. 58 об.

³⁰⁶ См.: *Ицеев П. П. кн. Осколки прошлого. Воспоминания 1889–1959.* Нью-Йорк, [Б.г.]. С. 90–91, 98.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 36 (Е. И. Попов из Москвы – Д. Ф. Кацарову в Софию).

Вряд ли последующие события могли добавить оптимизма.

Со временем в интеллигентской среде стали появляться более осмысленные суждения о происходящем. «Я совсем не верю в освободительный смысл войны... – писал 1 августа 1915 г. М. А. Волошин из Биаррица Е. О. Волошиной в Феодосию. – Это война не национальная, не освободительная... Просто несколько осьминогов промышленности силятся пожрать друг друга, а заманивают благородной ложью»³⁰⁸. Из Иркутской области писали в Москву: «Крайне глупо ожидать со стороны кого бы то ни было совершенно бескорыстного патриотизма...». Журналисты не случайно ударились в «ура-патриотизм»: «В наш век купли-продажи, где решительно все подвергнуто спросу и предложению, всякое дело является либо ремеслом, либо коммерцией...»³⁰⁹.

Поразивший Европу военный психоз некоторым русским эмигрантам казался противоестественным. Из нейтральной Швейцарии 17 августа 1914 г. с изумлением писали, что русские внезапно стали патриотами царя, а немцы и французы – патриотами собственных финансистов³¹⁰. 6 октября 1914 г. В. А. Дилевская сообщала из Лондона Л. Н. Дилевской (дворянка, 57 лет) в Москву: «...Хорошее воспитание получает современная молодежь, громящая немецкие магазины. Ведь это разврат, переходящий всякие границы... Это невероятный психоз». Трудно сказать, какая страна имела в виду: Англия или Франция. В письме упоминалась «каторжная жизнь» русских, вступивших добровольцами во французскую армию, где «мародерство идет во всю». Но больше всего поражает признание: «Русские откровенно заявляют, что пошли в волонтеры потому, что скучно стало жить, захотелось побезобразить»³¹¹. Вероятно, к этому имплицитно добавлялась жажда «добычи» в ее самом первобытном смысле. Люди подсознательно стремились урвать то, что оставалось желанным, но не достижимым в мирной жизни.

Настоящего патриотизма в «духе 1914 года» было не много и в самой Германии³¹². Из Лондона русские эмигранты скептически отзывались также о британском патриотизме: «...Железные дороги, фабрики и большие торговые предприятия заявили своим служащим, что, если они не пойдут в армию, им откажут от места – и пришлось выбрать армию (британская армия строилась на добровольческих основах. – *Авт.*). Это английский патриотизм... Сколько пьянства. Когда заговорили о закрытии кабаков в 10 часов, поднялся гвалт,

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 91.

³⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 27 (письмо неизвестного (вероятно, ссыльного) зубному врачу Х. Б. Шварцману).

³¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1295 (письмо Л. П. Кочетковой из Цюриха (на немецком языке), подписанное «твоей Фреды»).

³¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 78.

³¹² Verhey J. Op. cit. P. 232.

кабатчики кричали – мы разоримся и откажем служащим»³¹³. Некое патриотическое ханжество по-своему поразило все воюющие страны. «Мне кажется, что у нас в обществе начинают теряться понятия об общечеловеческой культуре, и я с ужасом смотрю на то, что будет в Европе после войны»³¹⁴, – писал в сентябре 1914 г. С. П. Мельгунов кн. П. А. Кропоткину в Лондон. В России заговорили о патриотической «моде», причем «под патриотический шум обделывали свои делишки» даже земские деятели³¹⁵. Последнее не должно удивлять: патерналистско-бюрократическая власть порождает устойчивое «детское» желание «схитрить».

В сентябре 1914 г. в интеллигентской переписке высказывались суждения о том, что патриотизм, насаждаемый «попами и полицией» и апеллирующий к «исконным историческим началам» и пресловутым «трем китам», не привьется, поскольку правительство по-прежнему не дает никаких уступок «затаенным, заветным желаниям общества»³¹⁶. В октябре заговорили о том, что «приходится идти на сделку со своей совестью», и не случайно «многие изобличают друг друга в двурушничестве». Спектр патриотического ханжества был весьма широк: сообщали, что некоторые по заказу возвеличивают «русский дух», а люди, не терпящие евреев, «нередко громче других кричат о еврейских притеснениях, о еврейском бесправии». Даже работать в лазарет некоторые шли лишь потому, что «положение обязывало»³¹⁷. Интеллигентская рефлексия усиливалась. В ноябре 1914 г. писали о безнравственности войны с «точки зрения истинного христианства»³¹⁸. В марте 1915 г. современники отмечали преобладание в обществе «скептицизма, который, как и всегда у нас, так скоро сменил первое увлечение и подъем духа»³¹⁹. Однако открытое недовольство редко проявляло себя. «Жизнь невесела, кругом слезы сирот и вдов... – писал 14 ноября 1914 г. Г. И. Иванов из Харькова. – Чувствуется всюду раздражение, глубокое недовольство... Отмечается вся лживость поведения и омерзительное пресмыкание существующей прессы, но все это таится в недрах»³²⁰. Из Красного Яра Астраханской губернии в Харьков сообщали: «То общее подавленное настроение, которое охватило нас всех при пер-

³¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1582 (письмо неустановленного автора от 10 октября 1914 г. Н. Н. Беклемишеву).

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 96.

³¹⁵ Там же. Л. 55 (письмо неустановленного автора из Киева от 16 сентября 1914 г. врачу Е. А. Кипен в Харьков).

³¹⁶ Там же. Л. 63 (А. И. Мельников из Одессы 16 сентября 1914 г. – Н. В. Скуридиной).

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 27 (письмо неустановленного автора из Иркутской области от 2 октября 1914 г. зубному врачу Х. Б. Шварцману).

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 36 (письмо Абрамовой из Воронежа 16 ноября 1914 г. в редакцию «Русского слова»).

³¹⁹ Врангель Н. Н., бар. Указ. соч. С. 111.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 41.

вых раскатах военной грозы, упорно не проходит... Неверие, недоверие, сомнение..., разочарование, тоска... Кажется мне, что пропали к черту все науки, искусство, поэзия, вышло же на свет то, что и есть единственное прочное в человеке: звериное родство»³²¹. Писали из действующей армии и такое: «...Мы, особенно пехота, замучены... долгой стоянкой на позиции. Места здесь болотные, работаем в воде. Многие наши окопы... залиты наполовину водой. Сапоги у большинства худые... А народ все пожилой, так или иначе ущемлен жизнью. Приходится слышать отчаянные разговоры: на все им наплевать – и на Польшу вместе с Варшавой, и на самое Москву. Все равно дома голодать придется». Хуже того, солдаты стали сравнивать жизнь «под Вильгельмом» и на родине. «Посмотри, они ведь как помещики, так у них все устроено, – говорили они, – поэтому не беда, если немец все завоюет: тогда войны больше не будет (не с кем будет), а житья будет не хуже, а скорее – лучше». Автор письма утверждал, что «такие разговоры не единичны и являются отражением настроения наших солдат-запасников»³²².

Понятно, что о мире рано или поздно начинают задумываться все комбатанты. Но в связи с чем и в каком контексте – победы или замирения? Если верить наблюдениям цензоров, в этом смысле русский солдат скорее был привычно покорен судьбе, нежели нетерпелив. Вместе с тем желание мира любой ценой нарастало и достигло своего пика в декабре 1916 г.³²³

Но мечты о мире не всегда сопровождаются ростом миролюбивых настроений. Война обострила типичную для российской культуры привычку к поиску «виновных». Военные бунты – довольно обычное явление среди всех воюющих стран. Но в России за всяким бунтом таилось недовольство начальством, которое могло со временем перерасти в неприятие не оправдавшей людских надежд системы.

Конечно, порой высказывались более взвешенные суждения. «Год кончился для нас печально! – писал 22 июля 1915 г. московский историк М. Богословский, имея в виду годовщину с начала войны. – ...Не понимаю тех, кто складывает всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но только потому, что вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления... Мы еще не поняли цены труда в свободном состоянии, как иностранцы, прелести труда самого по себе... Что же удивительного, что и управление у нас такое же, как мы сами!»³²⁴ Действительно, внутрисоциальная солидарность в России была слаба, а всякие искусственные попыт-

³²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 50 (Н. В. Старикова 17 ноября 1914 г. – Е. С. Глиненко).

³²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 51 (письмо от 12 декабря 1914 г. А. Г. Бернашевскому в Москву).

³²³ См.: Астахов А. Б. Русский фронт... С. 663–670.

³²⁴ Богословский М. М. Указ. соч. С. 60–61.

ки насадить нужный для государства тип «гражданственности» вызывали сомнение образованных классов.

Рано или поздно сомнения такого рода должны были затронуть все слои общества. Не могли они не коснуться и армии, которая изначально строилась в России на иных нравственных и психологических основах, нежели в Европе. Позднее люди, посылавшие народ на гибель, писали о том, что он к войне «оказался психологически не подготовленным», поскольку «главная масса его – крестьянство – едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну»³²⁵. На краю физической гибели необходимо во что-то и кому-то верить. Патерналистское упование на власть и командиров должно было постоянно подтверждаться. Но происходило нечто иное. Русские солдаты – люди по-своему прагматичные и в целом покладистые – страдали от мелких дисциплинарных придирок и издевательств, казавшихся совершенно неуместными перед лицом смерти³²⁶.

Война показала, что существующая власть органически неспособна совместить собственные устремления с настроениями общест-венности. Пресловутый «сухой закон», первоначально введен-ный лишь на период мобилизации, поначалу вызвал массу едва ли не всеобщих восторгов. Но уже 16 августа была допущена продажа легких виноградных вин. Общественность насторожилась. «Про-дажа водки и вообще спиртных напитков должна быть обставле-на так же, как продажа ядовитых веществ», – доказывал дамский журнал³²⁷. Святейший Синод взывал: «Избавимся от рабства поро-кам – пьянства, сквернословия, буйства, бунтов против власти, гра-бежей, самоубийств»³²⁸. Последовал окончательный запрет прода-жи спиртного, на который восторженно отреагировала пропаганда. Церковная пресса восторгалась тем, что П. Б. Струве в «Биржевой газете» назвал введение «сухого закона» героической реформой³²⁹. «Лишь пронеслось в воздухе слово «война», война небывалая, война всенародная, как все крутом переродилось: наш вековой не-дуг – пьянство... сразу отошел в область печальных преданий», – уверял саратовский журнал³³⁰. Общественность вела себя как че-ловек, покаянно очнувшийся после долгого запоя. Кинофирма И. Н. Ермольева спешно запустила ленту «Безумие пьянства (Злая отравка)»³³¹. Фронтовые священники проповедовали: «Господь возложил на Россию тяжелый крест – водка; затем наложил еще

³²⁵ Данилов Ю. Н. Указ. соч. С. 112.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 39 об. (письмо, подписанное «Юзя», от 13 де-кабря 1914 г. К. И. Зеленеvскому в Одессу).

³²⁷ Женское дело. 1914. № 17. 1 сентября. С. 1.

³²⁸ Цит. по: Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. Октябрь – ноябрь. С. 228.

³²⁹ Церковный вестник. 1914. № 42. 16 октября. Стб. 1266.

³³⁰ Друг пахаря. Двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустрой-ству. Саратов. 1915. № 1. 15 января. С. 5.

³³¹ Вишнеvский В. Указ. соч. С. 35.

один крест – война, первый крест снят, будет снят и второй»³³². Известный сатирик С. Сокольский опубликовал «Слово про Россию»: «Давно про русских ходят слухи, / Что русский кроме, мол, “сивухи” / Да слов родных: “авось”, “небось”... / Не может чувствовать ино-го...». А теперь, уверял он, «надменная Европа» может убедиться, что, «сбросив спячку вековую, / Проснулся русский мужичок...». В общем, «проснулась Русь, кипит работа, / Забыто у бутылки дно». Увы, со временем Сокольскому пришлось рассказывать с эстрады о «званных вечерах с политуры», на которых спорили: «Политура ли полезней, иль ханжа?»³³³.

Провинциальная «народная» пресса по-своему объясняла смысл войны: «Так вот в чем тайна креста, который Господь возложил на всех, пославши нам ужасы войны. Он жаждет нашей нравственной чистоты, Он ищет нашего нравственного спасения... Мы должны быть готовы пожертвовать всем, претерпеть всякие лишения! Вот в чем благодать ига войны, вот в чем легкость этого ниспосланного нам от Бога бремени – война ведет нас на небо, открывает широкий путь к царству небесному»³³⁴. Обычно подобные призывы действуют только на религиозных неопитов или людей, фанатично отторгающих секуляризацию общества. В России таковых не было заметно, однако пропаганда в духе «бытовой эсхатологии» продолжилась.

Перед войной В. В. Розанов писал Д. С. Мережковскому, что «России надо выйти из КАБАКА. Сие есть кабак: отрицание России, Царя, Церкви»³³⁵. Розанову словно казалось, что предстоит совершить последнее усилие с народным язычеством, после которого Россия должна воспрянуть. Издатель неославянофильского журнала А. Н. Брянчанинов по поводу «отрезвления народа» вдохновлялся по-своему: «Россия страна неограниченных возможностей. При- том не только в дурном, но и хорошем...»³³⁶. Писатель Л. Андреев также был настроен оптимистично. «Отрезвить пьяную Русь – это как бы сызнова сотворить ее, это вдохнуть в ее огромное и безалаберное тело такую необъятную мощь, такую светлую, животворную и необъятную силу..., – утверждал он. Правда, тут же добавлял, что у «великого Бога земли Русской велик и его антипод – Дьявол земли Русской»³³⁷. Действительно, словно в ответ, призывная кампания обернулась чередой диких погромов: рекруты требовали водки³³⁸.

³³² Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 9. 1 мая. С. 279.

³³³ Сокольский С. Указ. соч. С. 37–41.

³³⁴ Друг пахаря. Двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустройству. Саратов. 1915. № 1. 15 января. С. 5–6.

³³⁵ Взыскующие града. С. 581.

³³⁶ Новое Звено. 1914. № 40–41. 4 октября. С. 2.

³³⁷ Андреев Л. Н. В сей грозный час. С. 85.

³³⁸ См.: Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 19–21, 37–38.

Довольно скоро появились признаки того, что «дьявол» перевешивает и в среде образованных людей. «В Вильно царит небывалое... оживление: улицы и рестораны полны военными и размалеванными девицами...», – отмечал искусствовед барон Н. Н. Врангель в апреле 1915 г.³³⁹ «В первые месяцы войны в Калуте сильно было развито пьянство, – свидетельствовал другой современник событий. – В магазинах вином не торговали, зато его продавали в ресторанах, и там пьянка шла жуткая»³⁴⁰. Еще большее возмущение вызывало поведение начальства в Варшаве. Так, подполковник Сумароков 5 августа 1914 г. писал о том, как «возмутительно ведут себя администрация и полиция»: помощник обер-полицмейстера Балк «получил автомобиль и не слезает с него ни на минуту, сидит то в ресторанах, то в кофейнях», публично нарушая «сухой закон». Полиция «куда-то спряталась и ровно ничего не делает», зато грабители чувствуют себя «вольготно». Всякая информация такого рода обычно подкреплялась антинемецкими аргументами. Так, Сумароков указывал, что «в то время как в вагонах русские стоят с детьми в проходах, немцам даются целые купе»³⁴¹. Виноватым оказывалось нерадивое начальство.

«Сухой закон» с самого начала обнаружил своего рода социальные «прорехи». «Интеллигенция свободно пьет в ресторанах первого разряда, обижая тем простой народ», – утверждали «народолюбивые» публицисты³⁴². «Население Петрограда... было обложено данью в пользу ресторанов 1-го разряда: у себя дома нельзя было выпить ни одной рюмки вина, для этого надо было непременно идти в ресторан, и там – пьянствуй сколько хочешь, – отмечалось в статье с характерным названием «Жалует царь, да не жалуется псарь». – ...Были выработаны чрезвычайно глубокомысленные правила о том, в каких ресторанах водку можно пить стоя, в каких только сидя за столиками и т.д. ...Выпить за 2 руб. бутылку мадеры нельзя, а за те же деньги выпить три бутылки дешевого красного вина – можно...»³⁴³. В декабре 1914 г. пресса отмечала, что на улицах вновь стали появляться пьяные³⁴⁴. «Деньги у народа теперь есть, а потому крестьяне покупают виноградное вино и им напиваются, – сообщали 8 сентября 1914 г. из Казани А. А. Нератову в столицу. – Конечно, это не в глухих деревнях, а поближе к городам...»³⁴⁵.

В 1916 г. насторожились даже публицисты, убежденные в искоренении пьянства. «Как по мановению волшебного жезла Россия отрезвела, – писал воронежский публицист, признавая, однако, что

³³⁹ Врангель Н. Н., бар. Указ. соч. С. 118.

³⁴⁰ Альперов Д. С. На арене старого цирка. Записки клоуна. М., 1936. С. 356.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 46.

³⁴² Трезвая жизнь. 1914. № 12. Декабрь. С. 474.

³⁴³ Новое Звено. 1914. № 40–41. 4 октября. С. 10.

³⁴⁴ Трезвая жизнь. 1914. № 12. Декабрь. С. 476.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. 1422–1422 об.

нужна организация разумных развлечений, поскольку «с искоренением пьянства... нарушено равновесие в быте деревни». По его мнению, деревня уже «изобретает новые дурманные напитки», но «пока эти искания еще не вылились в определенную форму»³⁴⁶. На деле процесс поиска «нового дурмана» уже зашел весьма далеко. На Рождество 1916 г. в Златоусте рабочие сварили бражку из «скудной выдачи сахара» (праздничный подарок заводоуправления – 3/4 фунта на человека). После этого город огласился «душераздирающими криками – то ли дикая несвязная пьяная песня, то ли неистовый нечеловеческий крик дерущихся». Уфимская газета сетовала: «нет сахара – беда, появился сахар – еще более»³⁴⁷.

Известный правый деятель священник И. Восторгов жаловался епископу Серафиму в Челябинск на то, что потерял способность чему-либо удивляться. «Все иррационально, т.е. совсем не поддается учету здравого смысла... – казалось ему. – Мы в царстве пьяных, невменяемых людей... Над всем... – шкурный, карьерный интерес...»³⁴⁸. «Русская бессмыслица гнетет», – считали в Сибири в ноябре 1916 г.³⁴⁹. Увы, в патерналистских системах общественная среда способна взбеситься от ощущения ненормальности действий власти.

Правительство внесло свою лепту в деморализацию деревни: размер вспомоществования так называемым солдаткам (весьма немалый по крестьянским представлениям) кое-где позволял им забрасывать хозяйство³⁵⁰. Пособие получали и городские «жены» крестьян-отходников. В связи с этим возникали абсурдные ситуации. «Законные жены в деревне не получают пособия, а городские содержанки имеют паек, – писал 14 сентября 1914 г. некий А. Приселков из Петрограда архиепископу Назарию в Одессу. – Эти развратные дамы бросают работу, довольствуются пайком и другим заработком»³⁵¹. «Помощь солдаткам настолько щедрая, что некоторые женщины мечтают, чтобы поскорее мужа на войну забрали», – сообщала пресса³⁵². Тема супружеской не/верности становилась болезненной.

Некоторым казалось, что боевой дух армии высок, дурные настроения характерны лишь для тыла. Однако действительность с самого начала заставляла усомниться в этом. 4 сентября 1914 г. из Варшавы генералу Я. Г. Жилинскому было направлено «очень важ-

³⁴⁶ Фомин Г. Народные развлечения // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 2. 10 июля. С. 30–31.

³⁴⁷ Цит. по: Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 169–170.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1674.

³⁴⁹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 280.

³⁵⁰ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (Первая четверть XX века). Архангельск, 2011. С. 203.

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1457.

³⁵² Новое Звено. № 39. 1914. 20 сентября. С. 31.

ное» письмо от раненого офицера, пожелавшего остаться неизвестным. Он сообщал, что в военном госпитале «творится невозможное, средневековое в отношении ухода и лечения раненых», в перевязках которых «заводятся черви» и которые «умирают от заражения крови и от столбняка». Офицер обвинял в этих безобразиях доктора Завадского, «у которого самомнение заглушило все свойственное человеку доброе, а оставило лишь ложь, эгоизм и тщеславие». Этот самодур, редко появляющийся в палатах, вместе с тем публично поносил Жилинского и Самсонова, заявляя, что «эти генералы только нагайки заслуживают»³⁵³.

Трудно сказать, насколько справедливы были обвинения в адрес человека, призванного врачевать «героев». Однако подобные свидетельства не были единичными. Красный Крест оказывался не на высоте. 25 августа 1914 г. В. В. Шульгин под большим секретом сообщал председателю Думы М. В. Родзянко о том, что условия эвакуации раненых «ужасные»: «Несчастных, искалеченных людей накладывают в товарные вагоны, где они остаются без всякой помощи, без всякого ухода». Как результат, «несмотря на великое терпение солдат, между этими несчастными идет уже ропот»³⁵⁴. Тем временем в глубоком тылу становилось известно, что «на передовой большой недостаток в передвижных питательных пунктах», белье и перевязочных средствах, а по вине военного ведомства вообще «творятся ужасы»³⁵⁵. В октябре 1916 г. говорили об «ужасных неурядицах в санитарных поездках»³⁵⁶. Действительно, отовсюду сообщали, что раненые больше всего страдают во время перевозок.

Особенно впечатляла подчиненных трусость командиров. Один офицер с Кавказского фронта рассказывал о подробностях «бегства ген. Берхмана с Кеприкейской позиции: впереди неся полковник со знаменем какого-то полка, а за ним окруженный казаками штаб армии с Берхманом, неслись карьером, давя по дороге войска и раненых». К этому он добавлял, что у них «не генералы, а государственные преступники – разведка не организована и тыл тоже. Есть целые партии воинов с отмороженными конечностями»³⁵⁷. Надо заметить, что этот фронт считался наиболее благополучным.

С Кавказа медсестра сообщала, что заведовать хозяйственной частью сразу же пристроились какие-то махинаторы, которые быстро споили ее мужа-офицера, «добывая для него ящиками запрещенные на фронте напитки... и грабили все, что только попадалось под

³⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 30.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. С. 95.

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 38 (письмо неустановленного автора из Петрограда от 10 сентября 1914 г. М.М. Невядомскому в Москву).

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 1 (письмо Л. Н. Дилевской из Москвы в Лондон).

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 42 (Б. Лукомский из Тифлиса 13 декабря 1914 г. – сенатору Н. Н. Лагоде в Одессу).

руку»³⁵⁸. Из прифронтовой полосы Кавказского фронта доносили то же самое: «Как шакалы на труп собрались со всех концов края хищники войны, грабящие и солдат, и мирное население, и даже друг друга... За горами люди умирают, а за их спинами происходят страшные оргии». Автору письма казалось, что здесь можно «видеть все мерзости и весь героизм, на который способны люди»³⁵⁹.

В верхах о тяготах войны вспоминали вскользь. Товарищ председателя Государственного совета И. Я. Голубев, человек умеренных взглядов, 7 октября 1914 г. писал А. А. Грейму в штаб 8-й армии о том, что «высшую оценку наши войска стяжали в Галиции». О «больших жертвах» он упоминал вскользь, добавляя дежурную фразу о том, что «вся Россия оплакивает павших героев и принимает деятельное участие в посильной помощи раненым»³⁶⁰. Из действующей армии сообщали другое. Неизвестный офицер или врач 24 декабря 1914 г. писал в Новочеркасск о нежелании возвращаться из Варшавы «в окопы, где теснота, грязь, блохи». Он поражался, что «находятся люди, которые лезут в этот край, в эту гнилую обстановку». Ему во всем виделся самообман: «Нацепят на себя красные кресты на рукава – и воображают, что они тоже какую-то “лепту” свою внесли в “великое” дело». В действительности, считал он, «одна банда разбойников затеяла войну, другая банда разбойников не сумела вовремя, благодаря собственному ротозейству, предотвратить ее и заставила миллион других, ни в чем не повинных, расхлебывать их ротозейство». И вот теперь «эти миллионы мирных ослов послушно и даже с “подъемом” полезли колоть, рубить и стрелять друг друга»³⁶¹.

Подобные «прозрения» звучали все чаще. Удивляться не приходится. В предвоенные годы русская интеллигенция была наслышана о социалистическом пацифизме. Теперь ей приходилось переливать свои эмоции на бумагу – больше ничего она сделать не могла.

В отличие от людей образованных простой солдат был вынужден блуждать в тумане непонятной информации и в лабиринте собственных эмоций. В связи с этим некоторые интеллигенты пытались осуществить очередное «хождение в народ». В ночь перед Рождеством 1914 г. неизвестный армейский интеллигент сокрушался о моральном состоянии солдат, ощутивших на себе весь груз «мелких и крупных издевательств, этих несправедливостей и обид» от начальства. «...Как больно они отзываются в душах людей, помимо своей воли брошенных в кровавый водоворот войны, обреченных долгие месяцы переносить невероятные муки, физические

³⁵⁸ Семина Х. Д. Указ. соч. С. 20–21.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 97 (письмо от 15 июня 1915 г. адресовано Н. Н. Шигаеву в Тифлис).

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 32.

³⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 59 (письмо адресовано Е. Ф. Лагуновой).

и нравственные! – писал он. – Я видел слезы на глазах... взрослых, пожилых людей..., призывавших всеотомщающую и всеразрешающую грозу, новую грозу 1905 года. И не знаменательно ли это воспоминание о 1905 годе именно теперь, среди грома побед и успехов русского оружия? И не дает ли это право надеяться, что никакие головокружительные военно-политические успехи российской державы не отвлекут внимания и мысли народных масс от их действительных нужд, их подлинных интересов?»³⁶². Как всегда, система то и дело порождала вполне бесполезные «прозрения».

Ранней весной 1916 г. «безусым младшим офицером» попал на фронт будущий генерал А. И. Черепанов. Среда, в которую он попал, «напоминала стоячее болото», многие офицеры поразили его «своим равнодушием, безразличным отношением к службе». Кадровые офицеры отправлялись на фронт за очередным званием. Командир роты избегал появляться на передовой, считая, что этим должны заниматься молодые офицеры³⁶³.

Несомненно, приведенный пассаж, как и многие другие свидетельства о солдатском «жизне-бытие», отмечен влиянием политизированной «литературщины» – самовозбуждающими эмоциями, искусственными страхами и потаенными желаниями, столь обычными для русской интеллигенции. Но подобный дискурс был частью той эпохи, возможно, ее психоэмоциональным – пусть «сюрреалистическим» – портретом, способным «материализоваться» в самый неожиданный для «просвещенного» сознания момент.

В современной литературе принято говорить о благотворительности исключительно в благожелательных тонах³⁶⁴. Однако обнаруживается, что даже деятельность августейших особ на этом поприще оценивалась обществом далеко не однозначно³⁶⁵. В прессе писали о том, что «небывалый подъем охватил артистов», Шаляпин и Собинов открыли собственные лазареты. Общественность, похоже, не замечала, насколько выпяченно звучит «богемный» патриотизм. Так, известные актрисы утверждали, что «обычный» театр теперь невозможен, он «прямо оскорбителен для патриотического чувства» и потому «должен возникнуть театр патриотический, говорящий душе и сердцу русского человека». Требовали подбора пьес, которые непременно были бы «историческими и патриотическими», устройства благотворительных спектаклей³⁶⁶. Позднее было

³⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 39 об.–40 (письмо, подписанное «Юзя» от 13 декабря 1914 г. К. И. Зеленовскому в Одессу).

³⁶³ Черепанов А. И. Мос ратное поле. М., 1984. С. 3–4.

³⁶⁴ См.: Погунова О. Г. Государственная власть и частная благотворительность в России на рубеже XIX–XX веков // *Оппозиция и власть*. СПб., 1998; Семенова Е. Ю. Благотворительные учреждения Самарской и Симбирской губерний...

³⁶⁵ См.: Матвеева Н. Л. Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 47–52.

³⁶⁶ Синий журнал. 1914. № 35. 20 сентября. С. 11.

подмечено, что праздным женщинам из высших классов война дала шанс на обретение «смысла жизни». Если ранее некоторые из них жаловались, что «докатились до “Синего журнала” и “танго”», то теперь появилась возможность посвятить себя «благородному делу» – благотворительности³⁶⁷. Увы, современные авторы – то ли по неведению, то ли по ограниченности – не склонны замечать былого «патриотического» ханжества.

Оказалось, что, жертвуя на благое дело, можно материально преуспеть. Довольно скоро стали говорить, как писал 10 ноября 1914 г. председатель Каширской земской управы А. А. Литвинову в Петроград, что «благотворительные деньги доходят до своего назначения только те, которые передаешь из рук в руки»³⁶⁸. Возмущались «целыми организациями подлецов», которые, «набивши карманы... выступают в роли благотворителей»³⁶⁹. В печати сообщалось, что «купеческая Москва пожертвовала на нужды больных и раненых 9 миллионов золотом»³⁷⁰. На деле для некоторых участие в благотворительности стало способом приумножения капитала. Если верить некоторым свидетельствам, в Москве эта практика переросла в систему. Газетные сообщения об искренности пожертвований называли «враками»: благотворительность превратилась в ритуал, ритуал – в обязанность. Писали, что поначалу граждане «действительно жертвовали, а теперь уж и надоело: сборы каждый день». Искренне жертвовала только беднота, а интеллигенция отделилась тем, что «комитеты открывала». А купцы расщедрились, «чтобы в комитеты попасть», после чего «пожертвования с лихвой возвращали», монополизировав те или иные поставки. Некоторым казалось, что такая «московская благотворительность отражает всю русскую наглость»³⁷¹. Что касается благотворительной деятельности мелких нуворишей, то она походила высмеивалась даже в лубочных изданиях³⁷².

Когда-то известный публицист А. Суворин приводил слова немецкого инженера о России: «У вас все протекция, взятки, подкуп...»³⁷³. Это подтвердилось в самый неподходящий для империи момент. «Интенданты страшно воруют... – писала 10 ноября 1914 г. Ю. Ратькова-Кирпатенко из Владимирской губернии А. А. Куломзину в Петроград. – Взятки берут втрое... Я бы повесила парочку интендантов...»³⁷⁴. Коррупция совершенствовалась и об-

³⁶⁷ Брусянин В. В. Война, женщины и дети. Пг; М., 1917. С. 53.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1828.

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1924 (письмо неустановленного автора из Киева от 23 ноября 1914 г. Л. А. Щербине в Москву).

³⁷⁰ Война и московское купечество. М., 1914. С. 11.

³⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2007.

³⁷² Шухмин Х. Как Вильгельм приснился коробочнику Никите. М., 1914. С. VI.

³⁷³ Суворин А. С. Россия превыше всего. М., 2012. С. 250.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1827.

новлялась в соответствии с «запросами времени». «Просвещенные врачи» за известную мзду охотно освобождали от армии; говорили, что в Москве этим занимается целая «шайка врачей»³⁷⁵. Становилось известно, что в госпиталях «за взятки в 1500 р. освобождают от армии здоровых»³⁷⁶. Коррупция была многообразной: особые «толкачи» проводили товары на железных дорогах; полиция закрывала глаза на торговлю спиртом с нелегальных заводов³⁷⁷. «Всюду взятки, лень, хамство, произвол»³⁷⁸, — жаловались современники. Из Витебской губернии 9 августа 1914 г. писали о недовольстве губернским начальством, симпатии которого на стороне Двинского уездного предводителя дворянства барона Мирбаха — «отъявленного немца, не умеющего даже довольно сносно говорить по-русски»³⁷⁹.

Пышным цветом расцвел nepотизм. Протоиерей И. И. Восторгов 11 октября 1914 г. упрасивал В. М. Пуришкевича, надеясь на его «связи в министерстве», помочь священнику, растратившему общественные деньги³⁸⁰. В военное время обычное противостояние формального закона и «человеческих» связей становится особенно опасным. Некоторые это ощущали.

«Психология власти и подчинения — это почти совсем еще не исследованная область социальной психологии»³⁸¹, — писал из армии некий типичный интеллигент. Можно согласиться, что эта область до сих пор *terra incognita* — особенно в России, где привычка к насилию притупила способность к анализу его проявлений. Но патерналистская власть обязана была инстинктивно распознавать опасные для себя латентные состояния психики своих подданных. В противном случае она переставала быть той властью, в которую можно верить.

В сентябре 1914 г. Федор Степун писал из армии: «Грандиознейшие мифы упорнейшей лжи возвышаются ныне в головах всех и каждого. Все самое злое, грешное и смрадное, запрещаемое элементарной совестью в отношении одного человека к другому, является ныне правдою и геройством в отношении одного народа к другому»³⁸². События, деформирующие нравственность целых по-

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 92 (В. Родзевича из Тифлиса 18 июня 1915 г. — Г. В. Родзевичу в Калужскую губ.).

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 165.

³⁷⁷ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 92, 102.

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 175 (письмо из Петрограда мобилизованного в армию техника (без подписи) от 28 мая 1916 г. ссыльному В. И. Лукину в Кузнецк Томской губ.).

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 61 (письмо на бланке «Дриссенский уездный предводитель дворянства» из Дриссы Витебской губернии от 9 августа 1914 г. В. А. Толмачевой в СПб.).

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 38.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 39 об. (письмо, подписанное «Юзя», от 13 декабря 1914 г. К. И. Зеленеvскому в Одессу).

³⁸² Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста. Томск, 2000. С. 172.

колений, не проходят бесследно для историков. Они упорно, хотя и полубессознательно и, конечно, из лучших побуждений, пытаются придать «своему» прошлому наиболее благопристойный и вдохновляющий вид. И трудно бывает понять, то ли большая ложь грандиозных событий провоцирует мелкое вранье историографов, то ли, напротив, вырабатываемая последними дурная привычка подталкивает людей к новому грандиозному самоотравлению.

На протяжении всех военных лет правительство мучилось вопросом: что делать с запасами спиртного? Начальники всех рангов словно не подозревали, насколько провоцирующими являются их колебания. Периодически во избежание пьяных погромов местные власти все же решались на избавление от складированного спиртного. Накануне революции, 22 февраля 1917 г., из Вятки сообщали: «13-го и 14 февраля мы уничтожили запасы пива в присутствии полиции... Пиво... сливали в речку Хлыновку... Городовые и солдаты с ружьями не пропустили народ... [Но] возчики пили из бочек, несмотря на все строгости полиции. Даже у городовых и солдат были приготовлены за пазухой чашки или стаканчики, и в удобный момент они пользовались случаем... Рабочие, которые переворачивали бочки, тоже все были пьяны»³⁸³.

Вятские авторы переписки ничуть не задумывались о революции. Между тем ее зыбкий образ уже стоял перед их глазами

Что же определяло спектр противоречивых «настроений 1914 года» в России, повлекших за собой тотальный ресентимент? Соединение неуверенности и страхов за собственные судьбы, вылившееся в агрегированное состояние ужаса неизвестности и обернувшееся поиском «точки опоры» в лице ближайшего источника силы. Пробудилось глубоко архаичное начало, скрашенное выжидательным эсхатологизмом. В принципе все это могло бы обернуться ростом чувства гражданственности на националистической основе. Однако в расколотом социальном пространстве подобная возможность скорее могла вылиться в свою противоположность – страстью к разрушению всего того, что не оправдало доверия и обернулось крахом надежд.

Перманентная «дурь самодержавья» (М. Волошин) в годы войны особенно успешно провоцировала «дурной» народный бунт.

³⁸³ Письма вятского обывателя / [автор-составитель Р. Я. Лаптева]. Вятка (Киров), 2009. С. 202–203.

Глава 3

ВОЗМОЖНОСТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

1.3.1. Народное хозяйство в свете тотальной войны

Объективные условия ведения войны требовали, чтобы российская экономика не просто «выдержала», но и перешла в новое, более эффективное качество. Могла ли она в принципе «обновиться», модернизироваться в годы войны? Могла ли организация народного хозяйства спасти воюющий народ от чрезмерных разочарований?

Незадолго до начала войны министр А. В. Кривошеин связывал грозящую России опасность с маргинализацией производительных сил империи. Тогда ее не замечали, как не замечали и других недугов российской экономики. Впрочем, не замечают их и сегодня.

Что касается армии, то она не была готова к войне по причине «громоздкости и тяжеловесности бюрократической машины...»¹. Другие авторы отмечали, что накануне войны железнодорожное хозяйство развивалось слабо, дороги работали с крайним напряжением, а с началом войны возникла «угроза в виде острого недостатка в топливе»². Оппозиционеры высказывались еще резче. Октябрист А. И. Гучков 28 августа 1914 г. уверял А. В. Кривошеина, что «основные наши недочеты – бездарность многих вождей, техническая отсталость (главным образом – в артиллерийском отношении) и, наконец, отсутствие стройной и правильной организации»³.

Сложность ситуации не могла не осознаваться. Академик А. С. Фаминцын в октябре 1915 г. писал о необходимости «устранения нашей вопиющей экономической отсталости». Но ему, как и многим русским ученым, казалось, что пока их задача – изучение природных богатств России с тем, чтобы после изгнания неприятеля «приступить к их разработке»⁴. Такое «запоздалое» мнение могло появиться-

¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 91, 95–96.

² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 173, 175.

³ Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 5. СПб., 1994. С. 45.

⁴ Цит. по: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 16.

ся лишь в социально-пассивной среде, не мыслящей соединения науки и производства независимым от государства путем.

Экстремальные ситуации либо стимулируют силы обновления хозяйственного организма, либо приводят к его развалу. Что же произошло в России в годы тотальной войны и почему? Эти вопросы имеют не просто академическое значение.

Оборонная экономика государства всегда отражает особенности хозяйственной политики в целом. «Самой яркой особенностью военной промышленности [России] являлось то, что она устарела на десятки, а в иных случаях на сотни лет и действовала не на капиталистическом, а на полуфеодалных и феодальных основаниях», — отмечали в свое время исследователи⁵. В начале войны от подобных представлений некоторые ведомства отмахивались. «Открытие... военных действий сопровождалось в области хозяйственной жизни самыми тревожными ожиданиями, связанными с прекращением внешних торговых сношений и расстройством путей сообщения», — отмечали чиновники. Эти опасения, уверяли они, оказались преувеличенными, и большинство из них не оправдалось⁶. Люди независимые считали иначе.

Озеров также готов был поверить, что война приобретет экономически *освободительный* характер. Его настроение соответствовало всеобщим лозунгам войны как войны *за свободу*. Однако, по мнению Озерова, дело было не только в бюрократии и немцах. «Мы увлекались общими теориями, общими схемами, — полагал он, — но не подходили к задачам времени конкретно, деловито». В результате «между фактами действительности и должными деяниями у нас стояла теория, абстракция, и эта последняя закрывала собой действительность». Все это привело к печальному результату⁷.

Теперь многим казалось, что можно одним махом обновить Россию. Писали, в частности, что война стала освободительной от «главных зол нашей жизни: алкоголизма и иноземщины...»⁸. Недуги России ощущали едва ли не все. Но, поскольку внутренних побуждений для «лечения», как всегда, не находилось, приходилось надеяться на «сигнал» извне.

Между прочим, представление о том, что война способствует оздоровлению экономики, было достаточно распространенным. Российская политико-психологическая ситуация не была необычной

⁵ Шацлло К. Ф. Государство и монополии в военной промышленности России. Конец XIX в. — 1914 г. М., 1992. С. 28.

⁶ Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны (июль 1914 года — апрель 1915 года). По сведениям, доставленным учреждениями Государственного банка, Государственного Дворянского Земельного и Крестьянского Поземельного Банков и Инспекцией мелкого кредита. Пг., 1916. С. III, IV.

⁷ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 311—312, 322.

⁸ Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 28.

для того времени. Европейские народы жили ощущением необходимости рывка вперед – в том числе и через «освободительную» войну. Сегодня причины этого стали различимы: демографический бум привел к омоложению европейского населения; прогресс технологий убеждал во «всесилии» человека; соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и «безрассудность» социальной среды, не говоря уже об авантюристичности некоторых правителей. К этому добавлялся фактор социализации науки: ученые своим авторитетом не только поддерживали заблуждения былых времен, но и придавали общественной психопатологии некий «исторически прогрессивный» смысл.

Разумеется, общественные выступления людей науки отражали насущные нужды страны. «Надо сплотиться русскому обществу в целях экономического освобождения России, – считал Озеров. – Нам должно быть стыдно перед Богом и людьми, что мы, обладая такими естественными ресурсами, остаемся в кабале у других стран». Позднее он писал: «Если бы поднялся Петр Великий в настоящее время, как горько было бы ему видеть... наш застой»⁹. О том, что хозяйственно пассивная система плодит не только бездумных приспособленцев, но и начальственных самодуров, Озеров по понятным причинам умалчивал. В отличие от него, об этом позднее высказался П. Н. Милюков: «...Организовать Россию для войны правительство было решительно не в состоянии. У него были деньги, но не было людей. Оно могло послать в провинцию чиновников, но это были чужие стране люди, бюрократы, знавшие канцелярию с ее волокитой, но не привыкшие к живому делу, которое они неизменно портили и тормозили»¹⁰. Но можно ли было в принципе изменить систему, опираясь на искусственно подогреваемые эмоции? Если ситуация оказывалась «тупиковой», это вольно или невольно подхлестывало развал системы.

Ситуацию считал заведомо безнадежной не один Милюков. «...Всюду теперь поют о немецком засилье и требуют развития русской предприимчивости. Идиоты!» – возмущался П. Дюшен из Москвы в письме от 2 ноября 1914 г. «Его превосходительству С. П. Дюшену» в Петроград. «Какая же предприимчивость может у нас развиваться при таком правительственном насилии и такой политике?» – недоумевал он, напоминая, что бывшие образцы предприимчивости были «задушены»¹¹. Со своей стороны, П. Б. Струве заявлял, что «в многоголовных совещательных органах имеется вообще известная двойственность: их мнения и заключения для той высшей исполнительной власти, при которой состоят эти органы, отнюдь не обязательны...»¹². Попросту говоря, «ученые» мнения

⁹ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 326, 5.

¹⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 493.

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1768.

¹² Струве П. Б. Доклад представителя Всероссийского Земского Союза в Особом Совещании по продовольственному делу. Пг., 1916. С. 1.

были для бюрократии «не указ». А значит, они превращались в дополнительный стимулятор общественного недовольства.

Конечно, вряд ли стоило ограничиваться противопоставлением «беспомощной» бюрократии «опытным» земцам, как это делали либералы. Системная причина «застоя» была в том, что вездесущая российская бюрократия ориентировалась на текущую конъюнктуру, а не на будущее. Она исходила *sui generis* из психологии стабильности, а не прогресса. Экономическая политика была пассивно-охранительной. Соответственно, промышленность не была приспособлена к работе в экстремальных обстоятельствах. Озеров приводил вопиющие примеры хозяйственных нелепостей. Более половины российского импорта в 1913 г. приходилось на Германию, в результате чего «мы своими деньгами питали германскую промышленность, а, питая эту промышленность, мы тем самым давали деньги на вооружение Германии»¹³. И это несмотря на то, что Россия давно была в союзе с Антантой. Внутренние резервы не использовались, что было известно всем.

В своих алармистских настроениях Озеров и Вернадский были не одиноки. Инженер-электрик Э. О. Бухгейм в книге «К экономическому освобождению России» отмечал, что в России царит «вакханалия импорта»¹⁴. Так, «Урал на мировой рынок выбрасывает около 95 % всей платины, которая целиком в сыром виде вывозится за границу, откуда нам и диктуют цены на очищенную уже платину – мы же в России обрабатываем едва 0,5 % получаемой у нас платины», – отмечал он. Он приводил свидетельства специалистов, видевших в Германии «роскошно оборудованные фармако-химические заводы-дворцы, построенные, по заявлению самих немцев, наполовину на русские деньги»¹⁵. Начальник ГАУ (Главного артиллерийского управления) генерал А. А. Маниковский утверждал, что, поскольку длительное время Германия обеспечивала Россию вооружениями, то становление немецкой военной промышленности в значительной степени осуществлялось на русские деньги¹⁶. Современные западные исследователи также отмечают, что иностранные предприниматели сыграли непропорционально большую роль в российской экономике¹⁷. Строго говоря, расчеты на модернизационный рывок на автохтонной социокультурной базе выглядели сомнительно.

¹³ Озеров И. Х. На Новый путь! С. 329, 332.

¹⁴ Бухгейм Э. О. К экономическому освобождению России путем электрификации ее территории. М., 1915. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 26, 27. К активному обсуждению вопроса о платине обратились лишь в мае 1916 г. Было решено приложить все усилия, чтобы сырая платина не вывозилась за границу. См.: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 33.

¹⁶ Маниковский А. А. Военное снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. Ч. 1. М., 1920. С. 237.

¹⁷ См.: Amburger E. Fremde und Einheimische im Wirtschaft und Kulturleben der neuzeitlichen Russland. Wiesbaden, 1982.

У Бухгейма был и свой рецепт освобождения от экономической зависимости. «Без большой натяжки можно сказать, что освобождение России от экономического ее порабощения иностранной промышленностью должно... пройти через электрификацию страны и широко организованную кооперацию»¹⁸. Как известно, первым из этих предложений поспешили воспользоваться большевики с их планом ГОЭЛРО. Попутно заметим, что российские компании, связанные с электричеством, имели отнюдь не русское происхождение.

Как бы то ни было, в начале войны в экономическое прожекторство впали очень многие. «Уроки нашей экономической связи с Германией не могут для нас пройти даром, – писала либеральная газета. – Мы должны идти на экономическое сближение с Англией, но на началах, резко отличных от тех, которыми были проникнуты наши торговые отношения с Германией. Вместо начал экономического подчинения должны быть выдвинуты начала искренней взаимности»¹⁹. В неославянофильской газете был свой рецепт экономического спасения. Утверждалось, что «данные для достижения экономической независимости у нас были всегда», имелось «сырье всех видов». Следовательно, надо «перестать вывозить хлеб» и «наладить экспорт муки». Предлагалось также срочно создать организацию, которая стала бы «связующим звеном между английскими фабрикантами и русскими торговцами». Поскольку трудно было рассчитывать на одно правительство, то было предложено создать «Лигу экономической независимости России»²⁰.

В порядке «борьбы с немецким засильем» в 1915 г. было закрыто или продано владельцами 1 361 германское торговое предприятие в России. Согласно российским источникам, подданным Центральных держав принадлежало 3 504 торговых предприятий, причем владельцами 1 665 из них были лица славянского, французского и итальянского происхождения, а также турецкие подданные христианского происхождения. Помимо этого капитал Центральных держав участвовал в финансировании 1 102 промышленных предприятий с годовым оборотом в 106 334 880 руб. и численностью рабочих 32 308 человек²¹. Сомнительно, чтобы достигнутая за-

¹⁸ Бухгейм Э. О. Указ. соч. С. 32.

¹⁹ Русские ведомости. 1914. 7 октября.

²⁰ Девонисский Э. М. Экономические задачи России, вызванные настоящей войной // Новое Звено. 1914. № 43. 18 октября. С. 5–6.

²¹ По другим подсчетам, германцы и австрийцы участвовали в финансировании примерно половины из 2 тысяч акционерных обществ, действовавших в России. В Германии полагали, что в 1904–1914 гг. немецкие вложения в русскую промышленность составили 146,8 млн марок в акционерной и 46,9 млн марок в облигационной форме. Кроме того, 344, 1 млн марок было инвестировано в капитал русских банков и 410, 2 млн марок в русские железнодорожные облигации. Эта цифры гораздо меньше контрибуции в 6 млрд марок по так называемому «русско-германскому финансовому соглашению» от 27 августа 1918 г. См.: Доружкин А. Г. Указ. соч. С. 374.

претительными мерами «экономическая независимость» России способствовала более эффективной работе на войну. Но в «спасительную» магию властных решений люди склонны верить вопреки здравому смыслу.

Всякие произвольные запреты нарушают естественный социокультурный баланс. «Немецкий порядок», безусловно, дисциплинировал определенные секторы российского народного хозяйства. В связи с этим в обществе муссировались суждения подчас самокритичные и даже самоуничижительные. Историк М. М. Богословский писал о «наследии у одних бездельного барства, у других принудительного тягла и крепостной неволи»²². В 1915 г. искусствовед Н. Н. Пунин пребывал в убеждении, что «...мы не можем выиграть этой войны, мы совершенно не способны... к ровному, энергичному, ответственному труду»²³. Исследователи отмечают заметный контраст в хозяйственном поведении в России предпринимателей европейского и русского происхождения²⁴. В годы войны при известной рода этнополитике все это не могло не сказаться.

Весной 1915 г. по инициативе В. И. Вернадского Императорской академией наук была создана Комиссия для исследования естественных производительных сил России (КЕПС). Выдающийся ученый полагал, что «...враг может быть сломлен лишь тем, что наша экономическая жизнь и в это грозное время будет полна живыми ростками нового экономического творчества, которые будут пробиваться, несмотря ни на какие тяжелые условия настоящего...»²⁵. В совместном отчете о деятельности физико-математического и историко-филологического отделений Академии наук говорилось, что ее жизнь, как и жизнь всей страны, «проходила под знаменем войны»²⁶. Впрочем, оставалось не вполне ясным – то ли Академия уже включилась в работу на войну, то ли жаловалась на трудности, возникшие в связи с этим.

Промышленники вели себя как будто более решительно. В мае 1915 г. на съезде представителей торговли и промышленности М. М. Федоров, П. П. Рябушинский, В. В. Жуковский высказались за «объединение, по примеру наших союзников, всех промышленных и торговых сил страны для того, чтобы дать армии все необходимое и вовремя». При этом было признано недостаточным создание одних особых комитетов по продовольствию и снабжению армии.

²² Богословский М. М. Указ. соч. С. 60–61.

²³ Пунин Н. Указ. соч. С. 102.

²⁴ Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1861–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991; Боханов А. Н. Деловая элита России. 1914 г. М., 1994.

²⁵ Вернадский В. И. О ближайших задачах по изучению производительных сил России. Пг., 1915. С. 5.

²⁶ Цит. по: Кольцов А. В. Указ. соч. С. 10.

Ожидалось, что правительство будет всячески содействовать привлечению к своей работе представителей земского и городского союзов, промышленных и торговых организаций, а также научных сил. Кроме того, съезд настаивал на скорейшем возобновлении работы Государственной думы. В этом же ключе 29 мая высказалась Московская, а вскоре и Петроградская городские думы. Схожую позицию поддержали и некоторые другие городские самоуправления. Объединенное заседание Главных комитетов Земского и Городского союзов 30 мая приняло решение о своем «немедленном и непосредственном участии в деле снабжения армии»²⁷. Для власти, привыкшей считать себя «единой и неделимой», такие – явно согласованные – инициативы казались угрожающими.

Впрочем, дальше призывов дело не пошло. Тем временем не только ученые адвокаты российской отсталости, но и архаичная вера в сильную власть провоцировали беспечное отношение к войне. В результате не только обыватели, но и общественные деятели и экономисты сохраняли иллюзии относительно незначительного влияния войны на русскую экономику и, соответственно, социальное развитие. Перелом в общественном сознании произошел не ранее середины 1915 г. под влиянием военных неудач. И, тем не менее, в России так и не выдвинулись люди, подобные германскому специалисту по физической химии Ф. Хаберу, который активно включился в создание средств массового уничтожения. Именно благодаря его усилиям Германия в сентябре 1914 г. преодолела кризисную ситуацию с обеспечением армии боеприпасами и вообще смогла столь долго продержаться в тотальной войне²⁸. Война могла способствовать скорейшему внедрению инноваций только в тех странах, которые были подготовлены к этому предшествующим само/модернизационным развитием.

Итак, не только причины, но и пагубность отставания России стали очевидны. Но можно ли было их преодолеть административно-управленческими методами? В августе 1915 г. В. И. Вернадский полагал, что «выйти из войны без крушения можно лишь подъемом доступных производительных сил и усилением творческой и производительной работы населения»²⁹. Но к тому времени подобная перспектива уже казалась призрачной.

²⁷ Милюков П. Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 259–260.

²⁸ Шелези-Янце М. Консультант, агент, бизнесмен? Фриц Хабер, фирма BASF и государственная политика Германии в области производства нитросоединений в ходе Первой мировой войны // Наука, техника и общество России и Германии... С. 391–392.

²⁹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 275.

1.3.2. Госсектор, частное производство и нужды фронта

Что же мешало обновлению российской экономики? Только ли мифическая «русская лень», пресловутая бесхозяйственность и разгильдяйство? Между прочим, о промышленности в России и ранее вспоминали прежде всего под влиянием внешней угрозы. Внутренние импульсы саморазвития экономики были слабы.

Из всех воюющих держав экономика России выглядела наиболее милитаризованной: 70,5 % фабрично-заводских предприятий были заняты выполнением военных заказов (в Германии 61,1 %, Франции – 57, Австро-Венгрии – 50, Великобритании – 46 %) ³⁰. В прес-се можно было встретить горделивые заявления о том, что такого военного бюджета, как российский, не имеет ни одно другое государство в мире, следовательно, Россия готова к войне ³¹. Между тем милитаризация экономики оборачивалась крайне неэффективным использованием рабочей силы. И это происходило несмотря на то, что в октябре 1915 г. Особое совещание по обороне утвердило правила, согласно которым для работы на военных заводах в принудительном порядке могло привлекаться все население близлежащих местностей. Виновные в неисполнении этих правил подвергались трехмесячному аресту или денежному штрафу до 3 тысяч рублей. Общественность протестовала против возвращения к крепостничеству, но это не помогало. К 1916 г. уже по всей стране внедрялись принудительные формы вербовки работников, закрепление рабочих за конкретными предприятиями, использование ночных и сверхурочных работ. Однако преодолеть нехватку рабочей силы не удалось ³². Эффект от внеэкономического принуждения оказался слабым. При этом военно-промышленный сектор не обладал ни достаточными производственными мощностями, ни органичной связью с мирными производствами, ни технологической гибкостью. Успех «насаждения прогресса» зависел от технологической, не говоря уже о социокультурной, подготовленности к этому производственной среды.

Основу военной промышленности России составляли крупные казенные заводы (принадлежащие, между прочим, различным ведомствам). Считалось, что продукция их обходилась дешевле частных ³³. Но современные исследователи напоминают, что в себе-

³⁰ Степанов А. И. Россия в Первой мировой войне: Геополитический статус и революционная смена власти. М., 2000. С. 120.

³¹ Утро России. 1914. 16 января.

³² Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 20.

³³ Так, если на государственном заводе 76-мм снаряд обходился казне в 10 руб., то частный завод получал за него 15 руб.; 122-мм снаряд стоил соответственно 15 и 35 руб., а 152-мм – 42 и 70 руб. См.: Марков О. Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб., 2001. С. 246.

стоимость этой продукции следует включать и общие расходы на поддержание жизнедеятельности таких заводов³⁴. К тому же на их инновационную активность вряд ли можно было всерьез рассчитывать. Так, за первый год войны внутри страны было заказано 8 647 орудий, а произведено лишь 88, то есть 1 % от требуемого. Отчасти это было связано с медленной перестройкой производства³⁵, отчасти – с потерей квалифицированной рабочей силы³⁶. В конечном счете обнаружилось, что по производству вооружения, в частности, по выпуску снарядов, казенные военные заводы уступали частной промышленности в 7–8 раз³⁷. Как бы то ни было, в верхах разгорелся спор о том, каким должен стать новый оружейный завод – казенным или частным. Естественно, частные предприниматели всячески отстаивали свои интересы³⁸. В результате согласованный план строительства новых заводов так и не был реализован³⁹, хотя интересы тотальной войны настоятельно этого требовали.

Для сравнения следует отметить, что в Великобритании, где милитаризация экономики велась чрезвычайно интенсивно, министры отнюдь не спешили вторгаться в рыночные отношения и частного производство, несмотря на критику со стороны общественности⁴⁰. Правда, уровень управленческой эффективности здесь был качественно иным, нежели в России.

В сложившихся условиях органические слабости российской экономики все чаще связывались со «злокозненностью» немцев. «Сколько русских открытий и изобретений ушло в Германию и вернулось к нам с немецкими патентами... – писали в одном из провинциальных журналов. – Это была настоящая паучья сеть, в которую русские мухи летели... стаями»⁴¹. Даже в Совете министров «немецкое засилье» воспринимали как тотальную напасть⁴². На деле ситуация была проще: российские ученые привыкли публиковаться в Германии, а иностранные предприниматели (не только

³⁴ Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 305.

³⁵ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1973. С. 30–31.

³⁶ Выполняя тот или иной заказ, предприятия попросту свертывали производство. См.: Кюнг П. А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 36–38.

³⁷ Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914–1918 гг.). М., 1956. С. 167, 166.

³⁸ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 176.

³⁹ Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 296, 297, 299.

⁴⁰ Broadberry S., Howlett P. The United Kingdom during World War I: Business as Usual? // The Economics of World War / Ed. by S. Broadberry and M. Harrison. Cambridge, NY, Melbourne, 2005. P. 222–226.

⁴¹ Друг пахаря. Двухнедельный журнал по сельскому хозяйству и землеустройству. Саратов. 1915. № 1. С. 4.

⁴² Совет министров... С. 280.

немецкие) в соответствии с законами рынка пользовались чужими открытиями, но при этом отнюдь не спешили раскрывать секреты своих технологий.

Всякие экстремальные ситуации порождают людское недоумение, именуемое когнитивным диссонансом. Создается впечатление, что в России он в наибольшей степени поразил управленческие и культурные верхи. Это усиливало «империалистический» ажиотаж. «Обладание проливами – это вопрос обо всем экономическом будущем России», – писала провинциальная газета, добавляя, что «русские знают, за что сражаются, русская активность... пытается сбросить немецкое экономическое иго»⁴³. При этом возрождение России связывалось не с модернизационными и мобилизационными решениями, а с поисками «врага». Обратной стороной этого явления стало то, что рабочие принялись выявлять «вредителей» на производстве⁴⁴. Вряд ли это способствовало повышению эффективности экономики.

Этатизация народного хозяйства всегда чревата появлением в ней паразитарных элементов. Перед войной, по свидетельству человека, приближенного к верхам, «солидные фирмы отказывались от поставок в армию из-за сложности правил». В результате сложился устойчивый слой посредников, которые, сговариваясь между собой, взвинчивали цены и «прибегали зачастую к неблагоприятным приемам»⁴⁵. Теперь оказывалось, что, как писал Гучков Кривошеину в конце августа 1914 г., «кричаще плох тыл и связанное с ним снабжение, всякое снабжение – снарядами, продовольствием, медицинским оборудованием, всякое снабжение». А в ноябре он сокрушался, что интендантское снабжение «отвратительное: войска плохо кормлены, плохо одеты, завшивели вконец...»⁴⁶. В тылу ситуация была не лучше.

Положение усугублялось тем, что правительство продолжало рассчитывать на импорт, причем делало это крайне непродуманно. Так, в начале войны французы предложили закупить стальные каски по цене 11 франков за штуку. Мнения российских военных верхов насчет эффективности их применения разошлись. В конечном счете каски все же закупили, но уже по цене 25 франков за штуку⁴⁷.

⁴³ Заря Поволжья. 1914. 23 октября, 27 декабря.

⁴⁴ См.: Дёнингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 397–398.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 11.

⁴⁶ Русское прошлое. Кн. 5. С. 44, 46.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 52 (воспоминания прапорщика К.). Прежде чем наладить собственное производство, практически все союзники воспользовались французским предложением. К концу 1916 г. французы смогли поставить в Россию только 340 тыс. касок модели Адриана. См.: Haselgrove M., Radovic B. The History of the Steel Helmet in the First World War. Vol. 2. Atglen (PA), 2006. P. 622.

Уже к осени 1914 г. обнаружилась острая нехватка винтовок⁴⁸. А между тем «патриотичные» публицисты даже в 1915 г. предпочитали обращать внимание «на благоприятные обстоятельства, обуславливаемые в русской жизни нынешней войной», уверяя, что «у нас обширные запасы оружия и снарядов». Из этого делался «оптимистичный» вывод, что жертвы войны «уравновешиваются» освобождением от немецкого влияния и «достижением той свободы, которая составляет необходимое условие хозяйственного благоустройства и преуспевания». Получалось, что «война открывает перспективы будущих успехов, будущего подъема народного хозяйства»⁴⁹. Самообольщения военных лет особенно опасны для системы, если они предстают публичным враньем. На деле армия не имела самого необходимого. Но главная ее слабость – нехватка тяжелой артиллерии. Если в армиях союзников (как и противников) количество использованных тяжелых снарядов составляло 25–50% от их общего количества, то в России – всего 3%⁵⁰.

Нельзя сказать, что опасность зависимости от импорта не осознавалась. Так, известный предприниматель А. Коншин указывал, что для прогрессирующего увеличения производства вооружения нужно в первую очередь расширить производство станков, изготавливающих оружие, ибо «расчеты на получение станков у союзников в настоящее время немыслимы, так как они едва успевают их делать для себя»⁵¹. Но правительство подозрительно относилось к инициативам, исходившим от частных промышленников. И на то были свои основания.

Военный министр в 1915 г. так описывал происходящее на фронте: «...Неприятель почти не несет потерь, тогда как у нас люди гибнут тысячами... Где ждать остановки отступления – Богу ведомо... Войска утомлены бесконечными поражениями и отступлениями. Вера в конечный успех и вождей подорвана... Да и трудно ждать порыва и самоотвержения от людей, вливаемых в боевую линию безоружными, с приказом подбирать винтовки убитых товарищей»⁵². В отличие от своего предшественника «оптимиста» В. А. Сухомлинова, министр А. А. Поливанов – может быть, непроизвольно – сгущал краски.

Вместо «исцеления» экстремальными обстоятельствами войны в производственной сфере возникали все новые и новые пробле-

⁴⁸ Емец В. А. Очерки внешней политики России в период Первой мировой войны. М., 1977. С. 98.

⁴⁹ Воронов Л. Н. Война и народное хозяйство. М., 1915. С. 44, 45.

⁵⁰ Мировая война в цифрах. Статистические материалы по войне 1914–1918 гг. Вып. 1. М., 1931. С. 101, 109, 111; Сулейман Н. Тыл и снабжение действующей армии. Ч. II. Фронт и армия. М.; Л., 1927. С. 479.

⁵¹ Промышленность и торговля. 1915. № 20. С. 237.

⁵² Цит. по: Головин Н. Военные усилия России в мировой войне // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 104–105.

мы. Так, были быстро использованы довоенные запасы колючей проволоки, а между тем позиционная война создавала в ней громадные потребности. Были проблемы даже с мешками для земли⁵³. Некоторые командиры дивизий вынуждены были снабжать своих офицеров и солдат биноклями, приобретенными их женами в столице⁵⁴. Закупленные в начале 1915 г. в Америке 3,1 млн пудов хлопка долгие месяцы лежали во владивостокском порту, так как не могли быть доставлены потребителю из-за отсутствия вагонов⁵⁵. Исследователи приводят еще более курьезные примеры зависимости России от импорта. Так, до войны коксующийся уголь поступал в Россию из-за границы через балтийские порты. Теперь пришлось ввозить его через Архангельск, порт которого не был подготовлен к такой товарной нагрузке⁵⁶. О том, что во избежание серьезных проблем следует принять срочные меры к развитию отечественной угледобычи, некоторые инженеры предупреждали верхи еще в начале августа 1914 г.⁵⁷ Соответствующие действия так и не были предприняты. Ощущалась нехватка даже того, что, казалось бы, имелось в стране в изобилии – серного колчедана, без которого был невозможен выпуск взрывчатых веществ. Перед войной колчедан ввозили из Греции, Турции и Скандинавских стран, а селитру – даже из Чили⁵⁸.

Российские официальные круги уже к концу 1914 г. дали понять британским руководителям, что русские армии рискуют остаться без вооружения. Именно тогда были заключены соглашения, по которым Англия должна была в течение двух лет продать России тысячу самолетов и авиационных двигателей, 250 тяжелых орудий,

⁵³ *Захаров М.* Некоторые данные о военно-техническом снабжении в мировую войну // *Война и революция.* 1931. Кн. 1. С. 52, 54.

⁵⁴ *Снесарев А. Е.* Письма с фронта. 1914–1917. М., 2012. С. 90, 95, 106.

⁵⁵ *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 115. В связи с дефицитом вагонов в Особом совещании по обороне в июне 1915 г. нельзя ли использовать для их производства «железнодорожные мастерские в Киеве и Ростове-на-Дону, занятые, по слухам, изготовлением вагонов-ресторанов». См.: *Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. (Особое совещание по обороне государства).* 1915–1918. Т. 3. М., 2013. С. 61.

⁵⁶ *Трошина Т. И.* Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 16, 18.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1200 (горный инженер С. В. Мухин (Сучанский рудник Приморской обл.) 8 августа 1914 г. – Г. Ф. Веберу в Петроград).

⁵⁸ *Трофимова Е. В.* Производство взрывчатых веществ в годы Первой мировой войны // *Отечественная история.* 2002. № 2. С. 148, 151. Стоит заметить, что, хотя способ получения искусственной селитры стал известен накануне войны, завод по ее производству в России из-за ведомственных проволочек и технологической отсталости в годы войны так и не удалось достроить. Строительство его возобновилось лишь в 1920-е гг. См.: *Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.* Т. 1. С. 61; *Поликарпов В. В.* Воздух как стратегическое сырье России начала XX в. // *Вопросы истории.* 2013. № 9. С. 70–73.

27 тысяч пулеметов, миллион винтовок, восемь миллионов гранат, 200 тысяч тонн взрывчатых веществ⁵⁹. Для сравнения, крупнейший отечественный Ижевский завод выпустил в 1914 – 1916 гг. менее 900 тысяч винтовок⁶⁰. И это при том, что союзники, естественно, в первую очередь думали о снабжении собственных войск. Тем временем в Германии среднемесячный выпуск винтовок составлял 100 тысяч в 1915 г., 250 – в 1916 г., 210 тысяч – в 1917 г.⁶¹

Еще в начале ноября 1914 г. Гучков сообщал Кривошеину, что «людским мясом мы богаты», снабжение армии винтовками поставлено «отвратительно»⁶². В июле 1915 г. правительство сделало Японии – своему недавнему военному противнику, отстоящему на многие тысячи километров, – неслыханно выгодное предложение по закупке сырья и вооружений для армии. При этом за будущие поставки пришлось платить наличными⁶³. Все финансово-мобилизационные усилия власти приводили к тому, что российская промышленность двигалась в направлении, противоположном модернизационному.

Настоящей притчей во языцех стала управленческая несостоятельность. Понятно, что во всех странах война не могла не породить трений между военной и политической властью⁶⁴. Однако в России эта проблема усугублялась самим самодержцем, метавшимся между Ставкой и столицей, не говоря уже о механическом разделении страны на военное и светское управления. Управленческие нестыковки, как обычно, стали валить на злокозненность «немцев». В Туле тот факт, что «при трех сменах на заводе и 13 000 рабочих, ружей... выделывают до 700–800 в день», связывали с деятельностью «начальника Тульского Петра I оружейного завода ген. Куна»⁶⁵. Получалось, что общественная паранойя становилась непосредственным виновником деградации производства.

Как ни парадоксально, в стране с мощнейшими авторитарными традициями никак не удавалось достичь оптимального уровня централизации управления. Председатель Особой распорядительной комиссии по артиллерийской части генерал-майор С. Н. Ванков в 1915 г. столкнулся с нежеланием некоторых предпринимателей вы-

⁵⁹ Gilbert M. The First World War. New York, 1994. P. 108.

⁶⁰ Шумилов Е. Ф. Два века Ижмаша. Т. 1. Город оружейников. Ижевск, 2001. С. 460.

⁶¹ Бокарев Ю. П. Мобилизационная экономика России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Челябинск, 2009. С. 11.

⁶² Русское прошлое. Кн. 5. С. 47.

⁶³ Saveliev I. R., Pestushko Y. S. Dangerous Reapprochement Russia and Japan in the First World War, 1914–1916 // Acta Slavica Iaponica. Tomus XVIII. 2001. P. 25–27.

⁶⁴ Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи. 1923–1933. М., 2008. С. 240.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1005. Л. 97 (письмо от 6 мая 1915 г., адресованное А. И. Дубровину в Петроград).

полнять его требования о расширении производства снарядов. Ванков потребовал расширения своих полномочий, в результате в октябре 1915 г. он реквизирует у предприятий Московского региона сотни станков и распределял их между более покладистыми предпринимателями. Надо заметить, что общественность подобные действия одобряла⁶⁶. Характерно, что деятельность Ванкова положительно оценивается германскими историками, отмечающими, что ему удалось добиться снижения стоимости заказов и ограничить прибыли предпринимателей⁶⁷. Похоже, налицо было исключение из общего правила.

Порой рациональные действия сверху парализовались расхлябанностью на местах. «В Перми... положительно нужен военный губернатор, ибо что мы видим? – возмущался местный священник в июле 1915 г. – Многочисленные заводы губернии еле-еле раскачиваются. Поинтересуйся хотя бы Мотовилихинским, где недавно спалили-таки целый цех и где только в последние дни началась чистка от немцев. Целый год правил этим оружейным заводом немец Гертрум и производительность его довел до смехотворных размеров... На Ижевском оружейном заводе, говорят, производительность дошла до 800 [винтовок] в неделю, а прежде вырабатывали 2000: винят немцев, которых здесь еще очень много...». Священник отнюдь не принадлежал к либералам. Однако он признавал, что «лучше Шингарев (известный кадет. – *Авт.*), чем победа Германии». Теперь он сочувствовал прогрессистам и кадетам – всем, «требующим ответственности министров»⁶⁸. Проблема эффективного управления экономикой превращалась в вопрос политический. Разумеется, положение экономики лучше от этого не становилось.

В конечном счете сложилась следующая картина. В 1914–1917 гг. русскими заводами было изготовлено и отремонтировано 3 576 тысяч винтовок, а из-за границы за это же время получено 3 713 тысяч винтовок – французских, японских, американских и даже итальянских. На вооружении русской армии оказались винтовки 10 различных систем, включая устаревшие однозарядные, поставляемые союзниками⁶⁹. При этом недостаток винтовок сохранялся⁷⁰. Справедливости ради следует сказать, что нехватку стрелкового оружия ощутили и немцы. Но уже в 1915 г. производительность германской промышленности путем разделения производства отдельных ча-

⁶⁶ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 14.

⁶⁷ Haumann H. Kapitalismus im zaristischen Staat. Organisationsformen, Machtverhältnisse und Leistungsbilanz im Industrialisierungsprozess. Königstein, 1980. S. 106–107, 120.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 61 – 61 об.

⁶⁹ Иностранным и устаревшим оружием старались снабжать ополченцев, однако их также приходилось использовать в боях. См.: Оськин М. В. Государственное ополчение... С. 147.

⁷⁰ Марков О. Д. Указ. соч. С. 247.

стей ружья между 150 частными заводами удалось довести до 200 тысяч винтовок в месяц⁷¹. В России такое было невозможно – подобные заказы попросту негде было размещать. Доходило до парадоксов: патроны к японским винтовкам Арисака производили и поставляли англичане⁷². С пулеметами Максима были свои сложности: их производить мог только Тульский завод. Тем временем Германия производила 200 пулеметов в месяц в 1914 г., 800 – к концу 1915 г., 2 300 пулеметов в августе 1916 г.⁷³

Впрочем, внешне ситуация выглядела достаточно оптимистичной: в 1916 г. артиллерийское производство выросло более чем в 4 раза, производство снарядов и пулеметов – приблизительно в 2,5 раза⁷⁴. Но это не решало проблемы вооружений. Война требовала большего.

Неповоротливость казенной промышленности и слабость технологического оснащения частных заводов делали Россию все более зависимой в военно-экономическом отношении. А это порождало настоящую панику в министерстских верхах. «Окончательно отдаемся в руки добрых союзников, – сокрушались в Совете министров в марте 1916 г., – переходим из огня в полымя, из немецкого засилья экономического в английское»⁷⁵. Тем временем английское правительство упорно ставило под свой контроль частное производство. К августу 1915 г. под контролем министерства военных снабжений было 345 промышленных предприятий, в марте 1916 г. под контролем правительства находилось уже 3 052 фабрики. При этом прибыль предпринимателей допускалась не выше 20% средней довоенной⁷⁶. Ничего подобного российскому правительству добиться не удалось, хотя предложения установить «военную повинность» были. Не удивительно, что предприниматели использовали слабости, точнее, отсутствие государственного планирования в своих интересах. Как обычно, завышались цены на произведенную продукцию, имели место сговоры производителей. Ряд частных предприятий переключился с выработки высокотехнологичных изделий на более выгодное производство снарядов. Так, Коломенский завод в начале 1916 г. прекратил успешно начатое производство дизелей для подводных лодок (ранее их получали из Германии), Сор-

⁷¹ Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. М., 2009. С. 77.

⁷² Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: Работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 98–99.

⁷³ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 11.

⁷⁴ См.: Gatrell P. Poor Russia, Poor show: Mobilising a Backward Economy for War, 1914–1917 // The Economics of World War / Ed. by S. Broadberry and M. Harrison. Cambridge, NY, Melbourne, 2005. P. 242.

⁷⁵ Совет министров... С. 325.

⁷⁶ Павлович М. П. Мировая война 1914–1918 гг. и грядущие войны. М., 2012. С. 51–52, 55.

мовский завод также увеличил выпуск снарядов за счет производства паровозов и вагонов, аналогичным образом поступило руководство Невского судостроительного завода. В этом не было ничего удивительного. Неразвитое частное производство, развращенное казенными заказами, продолжало жить по законам спекулятивной экономики. В таких условиях попытка преодолеть зависимость от импорта приносила дурные плоды.

Тем не менее вряд ли стоило размещать заказы за рубежом ради «наказания» российских монополистов. Большинство членов Особого совещания по обороне 12 июля 1915 г. высказалось против размещения военных заказов за границей. На 2-м съезде военно-промышленных комитетов в феврале 1916 г. звучали аналогичные суждения⁷⁷. Но бюрократия всегда стремится идти по «простому» пути.

Не следует думать, что импортировалось только то, что в России не успевали или не могли произвести. В августе 1914 г. предпринимателей охватила паника: выяснилось, что зависимость России от промышленно-технологического импорта настолько велика, что некоторые тут же усмотрели за этим предвоенные «германские происки»⁷⁸. Тотальная «чистка» всех немецких фирм, предпринятая по настоянию российских контрразведчиков⁷⁹ и к радости московской буржуазии, заинтересованной в избавлении от конкурентов⁸⁰, усугубила трудности военной экономики. Разрабатывалась целая система мер против германской собственности в России⁸¹. Но это не спасало положения. «Всем и раньше было известно, что промышленность наша тесно связана с заграницей и главным образом с Германией; но чтобы это было до такой степени, до таких мелочей – этого я никогда не предполагал, – писал один из московских предпринимателей в январе 1915 г. – Вот теперь и приходится вертеться как белка в колесе»⁸².

Столкнувшись с острым дефицитом снарядов, Главное артиллерийское управление (ГАУ) создало особую комиссию по поставкам снаряжения, которая попыталась осуществить закупки толуола и неочищенного бензола за рубежом, прежде всего в США, поскольку

⁷⁷ См.: *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 51, 53, 94, 97.

⁷⁸ *Новорусский М. В.* Война и новые отрасли русской промышленности // Вопросы мировой войны. С. 466–468.

⁷⁹ *Звонарев К. К.* Агентурная разведка. Германская агентурная разведка до и во время войны 1914–1918 гг. Кн. 2. М., 2003. С. 51. Следует, однако, учитывать, что российские контрразведчики изначально были склонны путать чисто коммерческий интерес с продуманной антирусской военно-экономической политикой.

⁸⁰ См.: Доклад комиссии по выяснению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. М., 1915.

⁸¹ *Fleischhauer I.* Die Deutschen im Zarenreich. Zwei Jahrhunderte deutsch-russischer Kulturgemeinschaft. Stuttgart, 1986. S. 479–521.

⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 146 (письмо неустановленного автора К. И. Шавердову в Вильну).

ранее он поставлялся Германией. Это было не только невыгодно, но и неэффективно. А тем временем бензол продолжал сжигаться в Донбассе как побочный продукт коксования. Лишь в феврале 1915 г. при ГАУ была образована очередная комиссия, на сей раз по заготовке взрывчатых веществ, которая первым делом приступила к реквизиции имеющихся запасов колчеданов⁸³. Только в 1915 г. комиссия распорядилось о строительстве первого государственного завода по производству бензола в Донбассе. Уже в сентябре 1915 г. завод начал давать продукцию. За этим последовало создание более двух десятков аналогичных государственных и частных предприятий⁸⁴. Контроль за расходом химических веществ и ценами также был возложен на комиссию⁸⁵. Об эффективности этой системы можно судить по распространившемуся среди офицеров и генералов убеждению, что ГАУ является «оплотом и рассадником самой закоренелой рутины и староверческого технического мракобесия»⁸⁶.

Инновационные успехи, как правило, были связаны с подвижной деятельностью отдельных энтузиастов. Так, благодаря В. Н. Ипатьеву, организовавшему в апреле 1916 г. при ГАУ Химический комитет, в который вошли видные ученые В. Е. Тищенко, А. Е. Фаворский, А. Е. Чичибабин и другие, на вооружение русской армии поступили отечественные противогазы. Помимо организации производства взрывчатых веществ Комитет занялся также производством фармацевтических препаратов. Чичибабин создал Московский комитет содействия развитию фармацевтической промышленности⁸⁷.

Попытки частных предпринимателей наладить химическое производство (в частности, в Киеве) также имели место. Однако мало кто верил в успех подобных начинаний. «Устройство русских предприятий – дело в высшей степени трудное, и сколько благих начинаний кончалось ничем, – такими мнениями обменивались специалисты. – У немцев, французов, англичан, бельгийцев, шведов, евреев все это устраивается гораздо легче, чем у нас. Очень уж много в нашем отечестве вороватых, глупых людей, которые все портят...»⁸⁸. Несмотря на несомненные успехи русской химической

⁸³ Трофимова Е. В. Указ. соч. С. 148.

⁸⁴ См.: Ipatjef V. N. The Life of Chemist. Stanford, 1946. P. 197–214.

⁸⁵ Трофимова Е. В. Указ. соч. С. 148–149.

⁸⁶ Будберг А. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. Минск; М., 2001. С. 100.

⁸⁷ Кузнецов В. И., Максименко А. М. В. Н. Ипатьев. 1867–1962. М., 1992. С. 47–48; Волков В. А. А. Е. Чичибабин и В. Н. Ипатьев – трагические судьбы // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М., 1993. С. 43.

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2218; Д. 1010. Л. 2 (Н. Любавин из Москвы 1 января 1915 г. – проф. И. В. Егорову в Киев).

промышленности⁸⁹, снабжение армии взрывчатыми веществами все еще находилось в большой зависимости от иностранцев. Ежемесячная потребность русской армии во взрывчатых веществах с июня 1915 г. по май 1916 г. составляла 165 000 пудов, в то время как отечественные заводы производили только 61 000 пудов⁹⁰.

Трудности обеспечения армии оказались связаны не только с передовыми технологиями. Начиная с весны 1915 г. в США и Канаде были заказаны топоры, кирко-мотыги общим количеством 1 млн штук на сумму почти в миллион долларов, 50 тысяч кавалерийских седел, 5 900 тысяч касок, 21 млн пар кожаной обуви, около 1 млн кожаных подошв, 10 млн земельных мешков⁹¹. Итоговый список предметов для военного ведомства, подлежащего заказу за границей до 1 января 1917 г., включал такие продукты, как хлопковый материал, колючая проволока, ружейные ножницы, шинельное сукно, сапоги и башмаки, седла, медицинские материалы, в том числе шприцы, запасные иглы и 30 тысяч термометров⁹². Между тем в ноябре 1915 г. сообщалось об отечественном инновационном «достижении»: при Николаевской Главной физической обсерватории создана стеклодувная мастерская, в которой можно наладить изготовление термометров⁹³.

Через год после начала войны А. А. Маниковский пришел к выводу, что деньги, израсходованные на импорт, эффективнее было потратить на развитие отечественных производств. Так, в армии ощущалась острая нехватка автомобилей (использовались в основном штабами армий, корпусов и дивизий)⁹⁴. В результате после того, как уже было истрачено более 300 млн рублей на иностранные автомобили, в ноябре 1915 г. было решено развивать отечественное производство⁹⁵. Нечто подобное в ноябре 1916 г. заявляли и правые, полагая, что настало время «немедленно приступить к спешному сооружению заводов, которые ко времени мирных переговоров вполне бы обеспечили русскую армию орудиями, снарядами, автомобилями... и поставили бы ее в полную независимость

⁸⁹ В частности германские историки положительно оценивают деятельность В. Н. Ипатьева, возглавившего в апреле 1916 г. химическую комиссию при ГАУ. Отмечается, что ему удалось наладить взаимодействие не только казенных и частных предприятий, но и привлечь к работе ученых-химиков. См.: *Haumann H.* Op. cit. S. 107.

⁹⁰ Айрапетов А. Р. Указ. соч. С. 118.

⁹¹ Маевский И. В. Указ. соч. С. 55.

⁹² Павлов А. Ю. Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб., 2008. С. 180–183.

⁹³ Кольцов А. В. Указ. соч. С. 24.

⁹⁴ Козлов Н. Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. Ч. 1. От начала войны до половины 1916 года. М., 1926. С. 13.

⁹⁵ Маниковский А. А. Указ. соч. С. 248.

от союзников и от нейтральных держав»⁹⁶. Разумеется, о реальных возможностях осуществления своей «патриотической» мечты они не задумывались.

Конечно, многие это понимали. Особенно активно проявили себя промышленники, предложившие идею превращения военно-промышленных комитетов (ВПК) в общеимперскую организацию по координированию работы промышленности без всякого вмешательства органов государственной власти. В соответствующем докладе, подготовленном для 1-го съезда ВПК, говорилось: «Мобилизация промышленности должна быть организована самими промышленниками»⁹⁷. Разумеется, правительство решительно воспротивилось подобным инициативам. В результате, лишив предпринимателей и общественные организации права приобретать металлы за границей, правительство так и не смогло само наладить эти закупки. М. В. Алексеев сообщал 22 февраля 1916 г., что, если изготовление металлов заграничного происхождения останется в руках правительственного комитета, армия может в скором времени оказаться «в критическом положении». Аналогичного мнения придерживался и уполномоченный по снабжению заводов металлами заграничного производства генерал А. З. Мышлаевский⁹⁸. Вопреки марксистским представлениям, российская бюрократия не была связана с предпринимательством, не понимала его законов, а потому в значительной степени действовала вслепую.

В любом случае время для модернизации экономики было упущено. Многие контрразведчики считали, что «война уже безнадежно проиграна»⁹⁹. На деле пока что дали о себе знать слабости, а не преимущества российских мобилизационных усилий. Деятели ВПК сетовали, что правительство упорно игнорирует предложения промышленников и ориентируется только на казенные заводы и заграничные заказы¹⁰⁰. Между тем деятельность ВПК постоянно сопровождалась срывом поставок¹⁰¹. Не удивительно, что правительство все более подозрительно смотрело на деятельность любых общественных организаций. К этому подталкивали и «бдительные» граждане. «Я обвиняю не правительство, а общественные организации в возрастающей дороговизне жизни и в бессовестном растрачивании государственных средств...», – писал один из них из Киева в столицу. По его мнению, ВПК, «получив в бесконтрольное распоряжение колоссальные средства..., занялись частью хищением этих средств,

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 976 б. (Н. Н. Тиханович-Савицкий из Астрахани 8 ноября 1916 г. – П. Ф. Булацелю в Петроград).

⁹⁷ Организация военно-промышленных комитетов. Пг., 1915. С. 5–6.

⁹⁸ Маевский И. В. Указ. соч. С. 158–159.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 20.

¹⁰⁰ Труды Второго Всероссийского съезда военно-промышленных комитетов 26–29 февраля 1916 г. Вып. II. С. 445.

¹⁰¹ Айрапетов А. Р. Указ. соч. С. 126.

а частью покровительством частным торгово-промышленным интересам в прежней черте оседлости, преимущественно еврейским». Поскольку ВПК платят высокие цены за счет казны, то «от этого непомерно растут цены на рынках». Со своей стороны, городские управления, получив денежную помощь от правительства, также «ничего не делают для удешевления жизни и для снабжения населения предметами первой необходимости»¹⁰². В этом была доля истины: правительство, не сумев сбалансировать взаимоотношения между государственным и частным секторами экономики, вынуждало общественные организации пускаться во все тяжкие, чем, естественно, не преминули воспользоваться всякого рода сомнительные элементы. А количество таковых, похоже, неуклонно росло.

Положение усугублялось состоянием инфраструктуры: «Мы здесь видим, что творится на железных дорогах, как покупаются и перепродаются вагоны; мы знаем, как под видом военных грузов мародерами переправляется награбленное в Галиции добро», – писали из Винницы 7 ноября 1916 г.¹⁰³ Ничто так не провоцирует злоупотребления, как «бесхозяйственность». А она была прямо связана с бюрократизацией управления. «Неразбериха в тылу растет», – писал сибирский журналист. У Сибирских каменноугольных копей, которым теперь пришлось снабжать не только Сибирь, но и Урал, насчитывали «семь няnek» – от Министерства торговли и промышленности до всевозможных особых совещаний и комитетов. Одно время копи страдали от недостатка рабочей силы, а теперь не знали, где ее размещать¹⁰⁴.

Интересы государства, общественности и частного капитала все более расходились. И дело было не только в слабостях государственной политики. «Прогрессивная» общественность преследовала свои собственные интересы. Организационной сноровкой она также не отличалась. Было известно, что в лазаретах Земского союза – переизбыток персонала, главным образом женщин¹⁰⁵. Что касается военно-промышленных комитетов, то они создавались даже там, где были совершенно не нужны – на Северном Кавказе, в Средней Азии. Иной раз приглашенные в них рабочие откровенно зевали на заседаниях, не понимая, о чем идет речь¹⁰⁶. К тому же общественность оказывалась недостаточно расторопной. Из всех заказов, полученных Земгором от военного ведомства (на сумму 193 млн рублей), им было выполнено всего лишь 34,5 %. Некоторые предприниматели откровенно использовали военную конъюнктуру

¹⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 90 (письмо неустановленного автора от 3 ноября 1915 г. Г. Ю. Маку в Петроград).

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 944 (письмо, подписанное «провинциалы А. А., Н. М., М. К.», было направлено члену Государственной думы В. А. Маклакову).

¹⁰⁴ Серебреников И. И. Указ. соч. С. 272.

¹⁰⁵ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 493.

¹⁰⁶ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 306.

в своих далеко идущих интересах. Так, они капитализировали часть своей прибавочной стоимости на организацию таких производств, послевоенная перестройка которых на выпуск мирной продукции не потребовала бы каких-либо дополнительных затрат (химия, машиностроение, металлургия). Те же военные производства, конверсия которых не могла обойтись без дополнительных капиталовложений, строились, как правило, за счет казны или на государственные кредиты¹⁰⁷. В принципе ничего иного нельзя было ожидать в условиях, когда государство постоянно пресекало всякую «излишнюю» инициативу своих подданных, невольно поощряя тем самым развитие паразитической психологии. Последняя стимулировалась тем, что деньги обесценивались.

В январе 1917 г. некоторых предпринимателей охватила паника. «...Заводы литейные останавливаются, владельцы разоряются, — писали из Екатеринослава в Киев. — Крутишься, вертишься, как жид-маклер... Агония заводов продолжается, и в феврале многие из них погибнут...»¹⁰⁸. Из Иркутска сообщали, что вагоны и паровозы почти не ремонтируются, при этом великолепно оборудованные американские вагоны «становятся жертвами вандализма — гайки крадут». А в целом «расстройство транспорта усиливается»¹⁰⁹.

Как повлияло все это на армию? Косвенным критерием может служить соотношение родов войск: война требовала технической модернизации армии, которую должна была обеспечить промышленность. До войны (на 1912 г.) в России на пехоту приходилось 68,5 % военнослужащих, на артиллерию — 15,8%, на инженерные части — 4,2%¹¹⁰. За время войны соотношение родов войск практически не изменилось. Между тем в Германии число пехотинцев уменьшилось с 60,6% в 1914 г. до 39,3% в 1918 г. При этом, соответственно, возросла численность технических родов войск. Сходные изменения произошли во французской армии¹¹¹. Российская пропаганда прославляла героизм летчиков (что соответствовало действительности¹¹²), а между тем за время войны количество боевых самолетов возросло во Франции с 569 до 7000, в Германии с 300 до 4000, а в России со 150 до 1000¹¹³.

¹⁰⁷ См.: *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 71–72, 81, 126.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 182 (письмо от 26 января 1917 г. В. Я. Попову).

¹⁰⁹ Там же. Л. 181 об. (И. М. Иванова 26 января 1917 г. — П. Н. Милюкову).

¹¹⁰ Россия, 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 286–287.

¹¹¹ *Мировая война в цифрах*. Вып. 1. М., 1931. С. 45.

¹¹² См.: *Авиаторы — кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 годов: Биографический справочник*. М., 2006.

¹¹³ *Мировая война в цифрах*. М.; Л., 1934. С. 31. По другим сведениям, к началу войны в России было в наличии 202 летательных аппарата; из заказанных в России 1542 аппаратов к 1 июля 1915 г. было готово 530 аэропланов, а из заказанных в Англии и Франции 587 самолетов до 1 сентября 1915 г. было изготовлено 262. См.: *Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства*. Т. 1. С. 285.

Налицо было растущее несоответствие русской армии задачам современной войны. Плоды российской «модернизации» до солдат не доходили и не могли дойти. Нерасторопность собственного начальства особенно раздражала на фоне непосредственно осязаемого технологического переоснащения противника.

1.3.3. Финансы, военные расходы и частные доходы

Некогда считалось, что война «сама себя кормит», позднее вовели за счет запасов мирного времени. Легкомысленные экскурсы в историю приводят к дорогостоящим самообольщениям.

Тотальная война оказалась суровым испытанием для финансов воюющих держав. Общая сумма расходов России была сравнительно невелика – 26,4 млрд рублей (при этом Франция истратила 27,3, Великобритания – 40,4, Германия – 43,3, Австро-Венгрия – 10,5 млрд). Но для оценки последствий военных расходов первостепенное значение имеют источники финансирования. В то время как для большинства великих держав основным источником финансирования были внутренние займы (Франция – 55,6% расходов, Великобритания – 66,8, Германия – 55,4, Австро-Венгрия – 40,1%), Россия могла обеспечить войну за счет них лишь на 32,1%. Данная цифра отражала как незначительный объем накоплений народа, так и отсутствие большого желания финансировать войну. Но зато Россия превзошла других по части финансирования за счет эмиссии и внешних займов – соответственно 33,7% и 16,6%. У Франции эти показатели были соответственно 15,3 и 13,5, у Великобритании – 7,4 и 15,6, у Германии – 17,3 и 12,7, у Австро-Венгрии – 27,6% и 14,2%¹¹⁴. Это означало, что правительство России более других оказалось в невидимых и видимых долгах. «Невидимые» долги в действительности в полной мере ощущались народом в виде растущей дороговизны, за другие финансовые долги ему же предстояло расплачиваться в будущем.

С чем были связаны финансовые трудности России помимо слабостей народного хозяйства? К началу войны расходная часть государственного бюджета России в свете предстоящих испытаний была расписана не столь безнадежно. Хотя привычная слабость бюджета (высокий удельный вес непроизводительных расходов) сохранялась, к 1914 г. удалось несколько снизить расходы на обслуживание государственного долга (13,6 % в 1913 г.) и на ведомства общего управления (17,4 %) и повысить расходы на оборону (27 %)¹¹⁵. Но, поскольку расходы на госпредприятия на протяжении десятилетия неуклонно

¹¹⁴ Степаков А. И. Указ. соч. С. 121.

¹¹⁵ См.: Боголепов М. И. Указ. соч. С. 10–11, 19.

снижались (31,2 % в 1903 г. и 26,5 в 1913 г.), это создавало определенные трудности для оперативной перестройки управления ими с целью ускоренного выпуска вооружений. Все дело в том, что доходная часть госбюджета на четвертую часть (26,3 % в 1913 г.) пополнялась поступлениями от винной монополии (не считая питейных акцизов и сборов)¹¹⁶, а финансовое равновесие в целом в значительной степени поддерживалось притоком иностранных капиталов.

Если и в обычных условиях финансовое равновесие удавалось поддерживать не без труда, то введение «сухого закона» породило новые сложности. Не случайно в Совете министров поначалу существовало убеждение, что ограничение продажи спиртного уместно только на период мобилизации. Но скоро возобладало противоположное мнение, причем по иронии судьбы его придерживались люди с дурной репутацией: министр внутренних дел Н. А. Маклаков, обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер и военный министр В. А. Сухомлинов. Напротив, сановники с либеральной репутацией, в частности, государственный контролер П. А. Харитонов и А. В. Кривошеин говорили, что «подневольная трезвость» до добра не доведет, и что «нельзя насилловать вековую привычку»¹¹⁷. Действительно, когда в Арзамасе 1 ноября 1914 г. вновь открыли ренсковые погреба, то, как сообщали, народ «в три дня спился окончательно и снова начались буйства, грабежи, хулиганство»¹¹⁸. «Сухой закон» ударял, с одной стороны, по психике людей, с другой – по государственным финансам. И. Л. Горемыкин отмахивался: «Ну что за беда, что у нас выбыло из кассы 800 миллионов дохода. Мы напечатаем лишних 800 миллионов бумажек... мы должны вести войну на бумажки... так как их охотно берет народ...». Нечто подобное высказывал и «железнодорожник» Рухлов¹¹⁹. Между тем война, помимо всего, вызвала сокращение доходов от казенных железных дорог, таможенного и гербовых сборов.

В результате покупательная способность рубля для внешнеторговых операций упала до 55 копеек, а на внутреннем рынке она составляла всего 27 копеек¹²⁰. Характер внешнеэкономических связей России с Западом, особенно в части кредитования народного хозяйства, перед войной был таков, что с началом военных действий именно самодержавное правительство оказалось в наименее выгодном положении.

Союзники сознавали причины трудного финансового положения России сравнительно с собственным. В 1915 г. ставший позднее

¹¹⁶ Производство и распространение спиртного приносило третью часть бюджетных доходов. См.: Россия, 1913 год. С. 154.

¹¹⁷ См.: Совет министров... С. 27, 28, 31, 41, 76–77, 370.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1877.

¹¹⁹ Кокцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1911–1919. М., 1991. С. 452.

¹²⁰ Погребинский А. П. Очерки по истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 243.

британским премьером Д. Ллойд Джордж высказался на этот счет совершенно определенно: «За счет одних только своих капиталовложений за границей Франция могла бы финансировать войну два-три года, а Великобритания – целых пять. Сейчас для нужд войны они используют лишь треть своих средств, и задача заключается в том, чтобы мобилизовать остальные две трети. Россия же чрезвычайно богата своими естественными ресурсами, но она не обладает достаточным капиталом для того, чтобы их развивать»¹²¹. России поневоле приходилось прибегать к внешним займам. Но даже «понимающие» кредиторы не готовы были терпеть это до бесконечности.

Для размещения крупных заказов за рубежом России требовались все более значительные суммы. Однако уже в первые месяцы войны вся свободная золотая наличность в размере полумиллиарда рублей была израсходована, а к концу 1914 г. общие финансовые затраты на ведение войны составили 2,7 млрд рублей¹²². По сути дела, к началу 1915 г. российское правительство оказалось перед угрозой финансового краха, о чем заявил в сентябре 1914 г. проницательный Кривошеин¹²³. Поразительно, но представители министерства финансов даже весной 1915 г. утешали себя тем, что «кредитная система в общем вышла из тяжелого испытания непоколебленной»¹²⁴. Министр финансов П. Л. Барк 18 июня 1915 г. признал: «Надо ждать крушения финансовой системы». Кривошеин с ним соглашался¹²⁵. Министры чувствовали себя беспомощными, снабженцы полагали, что административный аппарат военного ведомства вообще не отвечал нуждам войны¹²⁶.

Даже чинам Ставки казалось, что все «катится в пропасть» и остается только надеяться на чудо¹²⁷. В октябре 1915 г. последовала отставка А. В. Кривошеина и С. В. Рухлова. Первого считали карьеристом и «ретроградом» и даже подозревали в «еврейском происхождении», второго – «черносотенцем», окончательно расстроившим железнодорожное хозяйство¹²⁸. Впрочем, имелись и прямо противоположные точки зрения. «Доколе путями сообщения заве-

¹²¹ Цит. по: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы Первой мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 523.

¹²² Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 239.

¹²³ Совет министров... С. 66.

¹²⁴ Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны. С. IV.

¹²⁵ Совет министров... С. 186.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 117.

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 532. Л. 86.

¹²⁸ См.: Толстой И. И. Указ. соч. С. 550, 680; Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 126. На отставку С. В. Рухлова, возможно, повлияло и то, что он уклонялся от сотрудничества с Особым совещанием по обороне и не мог обеспечить ускорение перевозок из Архангельска. См.: Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 1. С. 40, 41, 53.

дует Рухлов и окружающие его немцы и жидаы, до тех пор русские нужды и интересы будут в загоне и жидовские гешефты будут процветать...»¹²⁹, — писал 19 сентября 1915 г. некий Ф. Цехановский из Царского Села В. К. Фельдту в Киев. Все бывшие политические пристрастия и личные симпатии стали перекрываться поисками «виновника» и «врага». В принципиальную негодность государственного устройства не хотелось верить.

Между тем финансовая стабильность империи основывалась на чисто бюрократической калькуляции: государственный бюджет подразделялся на «обыкновенный» и «чрезвычайный» — к последнему относились экстраординарные расходы на войны и ликвидацию стихийных бедствий или общественных неурядиц. В то время как «обыкновенный» бюджет неизменно сводился с положительным сальдо, расходы «чрезвычайного» бюджета вплоть до начала мировой войны неуклонно создавали суммарный бюджетный дефицит. Поскольку империя была ориентирована на внутреннюю стабильность, в экстремальных условиях она подобно насосу начинала втягивать в себя внешние инвестиции — тем более, что они всегда использовались для «латания дыр» в народном хозяйстве. Масштабная война в таких условиях почти автоматически подрывала государственные финансы, что в конечном счете болезненно сказывалось на казенной экономике.

Таким образом, «золотой мост» мог действовать только в мирных условиях, желательно при водочной монополии. «Сухой закон», безусловно, имел колоссальные деструктивные последствия. Даже ограничение продажи спиртного в связи с опасениями беспорядков среди призывников¹³⁰ дало едва ли не противоположный эффект: кое-где рекруты взбунтовались, дело дошло до пьяных погромов, их пришлось подавлять силой¹³¹. Тем не менее в правительстве настаивали (В. А. Сухомлинов) на продлении запрета до конца войны¹³².

Империя была ориентирована на внутреннюю стабильность, а в экстремальных условиях втягивала в себя внешние инвестиции. Отсюда нарушение финансового равновесия. Ситуацию усугубило введение «сухого закона», вызвавшее резкое снижение акцизных поступлений в казну. Антиалкогольное прекраснотушение в конечном счете активно заработало против насильственно трезвеющих граждан.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1465. По иронии судьбы С. В. Рухлов был в свое время председателем Всероссийского национального союза, а в 1915 г. вдохновителем создания Отечественного патриотического союза. См.: Кирьянов Ю. И. Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915–1917) // Консерватизм в России и в мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001.

¹³⁰ В Совете министров в конце июля 1914 г. констатировали, что «шинкарство... сводит на нет усилия власти». См.: Совет министров... С. 27.

¹³¹ См.: Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 16, 19–21, 37–38, 40–41.

¹³² Совет министров... С. 28.

Перед войной по абсолютным размерам государственного долга Россия несколько уступала Франции, но зато превосходила всех союзников по размерам платежей, связанных с займами, составлявших почти 20 % расходной части бюджета. Это означало, что в отношениях между союзниками зависимой окажется страна с наиболее ослабленной доходной частью бюджета и наименее динамичной экономикой¹³³. С началом войны российские дебиторы лишились возможности вернуть зарубежные долги по краткосрочным операциям. В январе 1915 г. на конференции министров финансов союзных держав российской стороной было заявлено о необходимости в течение года получить около миллиарда рублей, из которых 300 млн пойдет на обслуживание долга, а 700 – на закупки и заказы. Английской стороне авансирование в таких масштабах показалось рискованным. Поэтому была достигнута договоренность, что Банк Англии вправе потребовать от госбанков России и Франции предоставления аванса в размере определенного количества золота. В дальнейшем британское правительство, будучи в неплохом финансовом положении сравнительно с французским, предприняло основательные усилия для облегчения России урегулирования заказов с различными странами, особенно с США¹³⁴. Разумеется, не без выгоды для себя. В России это восприняли болезненно. Казалось, что союзники ощущают себя всевластными кредиторами перед русскими должниками и просителями¹³⁵.

Правительство Франции согласилось на предоставление России по последовательным заявкам суммы в размере 625 млн франков. При этом русское правительство обязалось облегчить экспорт зерновых, не уменьшая при этом кредита по займу в установленном размере. Кроме того, русское правительство обязалось представить проект закона, защищающего интересы держателей русских ценных бумаг, украденных, потерянных или уничтоженных в результате событий, связанных с войной. Между тем на конференции союзников в июне 1916 г. российские представители заявили, что им необходимо получить во Франции сумму уже в 1 800 млн франков с целью выплаты по купонам государственного долга, облигациям железных дорог, муниципальных займов, российских промышленных предприятий и банков, по военным заказам, по коммерческим закупкам. Стало ясно, что трудности России не в отсутствии кредитов, а в отсутствии материальных средств для оперативной перестройки производства. Сложился заколдованный круг: внутренних средств

¹³³ См.: Ежегодник Министерства финансов. Вып. 1915 г. Пг., 1915. С. 38, 77–81; Мигулин Л. П. Русский государственный кредит (1769–1906). Т. III. Харьков, 1907. С. 1192.

¹³⁴ Рафалович А. Кредитные операции во время войны // Россия XXI. 1998. № 1–2. С. 173–176.

¹³⁵ Набоков К. Д. Указ. соч. С. 52.

для быстрой перестройки производства в России не хватало; внешние заимствования становились все менее эффективными. В итоге в 1917 г. Россия оказалась связана долговыми обязательствами с Францией на сумму в 3 500 млн франков¹³⁶.

Кредитные операции с британским правительством и Банком Англии оказались еще более масштабными. И здесь остро встала проблема золота, концентрация которого была необходима для поддержания золотого стандарта во взаимных расчетах. В феврале 1915 г. был заключен контракт с английским банкирским домом Беринга на эмиссию при участии Банка Англии 10 млн фунтов стерлингов в ценных бумагах российского казначейства сроком на год с гарантией точного взятия тех ценных бумаг, которые не нашли бы своих подписчиков на открытом рынке. К августу 1915 г. Банком Англии было продисконтировано под гарантию британского правительства ценных бумаг уже на 102 млн фунтов стерлингов, причем ставки учета были постепенно повышены с 4 до 7%. В сентябре 1915 г. в Лондоне состоялось новое совещание министров финансов Англии и России с целью модификации и расширения соглашений, достигнутых ранее. В это же время Банк Франции и Банк Англии договорились отправить по миллиарду франков (40 млн фунтов стерлингов) в Нью-Йорк для обеспечения деятельности на американском финансовом рынке, а также облегчения эмиссии англо-французского пятипроцентного займа, рассчитанного на 1915–1920 гг., в размере 100 млн фунтов стерлингов. Было решено, что России будет предложено присоединиться к этой акции путем отправки соответствующей суммы в золоте. В конечном счете Россию уговорили сделать и этот шаг, скорее гарантирующий финансовую стабильность Запада, нежели сулящий какие-либо непосредственные выгоды ей¹³⁷.

В июле 1915 г. в Лондоне состоялась очередная финансовая встреча союзников. С российской стороны было заявлено, что в течение первого года войны Россия покрыла свои расходы за счет внутренних накоплений в размере примерно 7 млрд рублей (эти национальные средства находились за границей), исчерпав, таким образом, фонды, накопленные на корреспондентских счетах русского Казначейства. Затем Россия использовала 1 млрд 280 млн рублей кредита, открытого союзниками. Ситуация складывалась так, что теперь она была вынуждена просить 300 млн фунтов стерлингов, чтобы иметь возможность осуществить выплаты по суммам, параметры которых были определены в Италии, Японии, Скандинавии. Несмотря на то, что союзники были определенно напуганы тяжестью финансового положения России, российским представителям удалось добиться договоренности о новых выпла-

¹³⁶ Рафалович А. Указ. соч. С. 176–179.

¹³⁷ Там же. С. 181–183.

тах. В результате общее количество русских казначейских билетов, подвергшихся учету, составило в конечном счете 562 млн фунтов стерлингов¹³⁸.

Для обеспечения займов правительству пришлось срочно вывозить золото из страны. Первоначально оно доставлялось в Архангельск, где перегружалось на английские военно-транспортные суда¹³⁹. Позднее в целях безопасности было решено вывозить его через Владивосток – тем более, что по долгам приходилось платить и Японии¹⁴⁰.

Но даже займы не спасали положение. Финансовая ситуация усугублялась недальновидной, а чаще эгоистичной политикой предпринимателей. Известно, что многие промышленники жертвовали громадные суммы на нужды армии. Но обычно это было всего лишь частью верноподданнического ритуала и не исключало азарта наживы. «Среди “отцов города” (Москвы. – *Авт.*) немало таких, которые, благородно негодуя и подписываясь под политическими резолюциями, той же рукою... “придерживают” разные товары, чтобы повысить цены, скупают их, укрывают запасы в качестве членов правлений и советов разных банков и вообще под шумок ловко обделяют свои темные и корыстные делишки...», – писал известный московский историк в сентябре 1915 г. – ...Летом 1914 г., почуяв неминуемое приближение войны, ...Бахрушины (известные предприниматели и меценаты. – *Авт.*) “скупил” всю кожу и “придержали” ее до высоких цен. И это говорится без всякого стыда! Вот и цена этим либеральствующим гражданам»¹⁴¹. Между прочим, из-за нестыковки государственного и частного секторов экономики скоро оказалась «хлопотливой и трудно поддающейся регулировке» проблема заготовка обуви¹⁴². Уже в августе власти стали покупать сапоги у населения. Но скоро обнаружилось, что рассчитаться за них даже по заниженной цене местные власти не могут. Это вызывало страшное недовольство¹⁴³. На фронте нехватку обуви ощутили в ноябре¹⁴⁴ (интендантство стало использовать бракованные сапоги¹⁴⁵), но на-

¹³⁸ Рафалович А. Указ. соч. С. 181–185.

¹³⁹ См.: Совет министров... С. 75–76, 79, 378.

¹⁴⁰ Saveliev I. R., Pestushko Y. S. Op. cit. P. 27–28.

¹⁴¹ Богословский М. М. Указ. соч. С. 86–87.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 92.

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 92 (письмо неустановленного автора из Одессы от 21 августа 1914 г. З.Н. Шабадашу в Кременчуг).

¹⁴⁴ Полковник А.Г. Шумилин, донской казак, вспоминал, что к концу ноября 1914 г. «Снабжение армии уже было очень плохим, солдаты были разуты...» (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 755. Л. 15 об.). Сообщали также о солдатах, которые совершали передвижение «с одной ногой, обутой в дырявый сапог, а с другой совершенно босой». См.: Толстой И.И. Указ. соч. С. 582.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 47 (письмо В. Гусева из действующей армии от 12 ноября 1914 г., направленное генерал-губернатору и командованию Одесского военного округа).

стоящий «сапожный кризис» разразился в декабре 1914 г.¹⁴⁶ В это же время его ощутили в Москве: 25 % раненых и больных солдат прибывало с фронта в негодных сапогах. Вскоре ситуация обострилась в связи с запретом некоторыми губернаторами вывоза кожи из губерний¹⁴⁷. «В армии нет сапог», – говорили в Совете министров 12 декабря 1914 г.¹⁴⁸ Наладить ремонт обуви оказалось непросто. Известен почти анекдотический случай: 11 вагонов с кожей, отправленных из Витебска в Москву, по дороге потерялись, а затем были найдены в Казани, Харькове, Таганроге и других городах. Целых 4 вагона нашли в Тифлисе¹⁴⁹. А тем временем «патриотическая» пресса опубликовала карикатуру: солдат стоит перед генералом в стоптанных сапогах, за спиной новые. Гордо отвечает: «Новые сапоги надены в Берлине»¹⁵⁰. Положение усугублялось тем, что сметливые солдаты из крестьян занялись распродажей выданных сапог, меняя их на поношенные, в расчете на получение очередной «дармовой» пары. С другой стороны, спекуляция кожами не прекращалась¹⁵¹.

Как водится, решать «сапожную проблему» взялись сразу все. М. В. Родзянко попытался созвать съезд представителей губернских управ, чтобы по просьбе Ставки наладить снабжение армии сапогами. Из МВД последовал отказ с мотивировкой, что скоро вместо сапог земцы могут потребовать конституции¹⁵². «Сапожная проблема» стала решаться общественностью (как обычно, на казенные деньги): в 1916 г. в Московском Военно-промышленном комитете ею занимались два подразделения (из 24) – Комиссия по заготовке сапог для действующей армии и Сапожно-амуничный отдел, которые возглавлял П. П. Рябушинский¹⁵³. «Сапожный кризис» так и не был ликвидирован и к началу 1917 г.¹⁵⁴ Кое-где солдатам приходилось надевать лапти¹⁵⁵. Тем временем власти решили монополизировать «кожно-сапожную» проблему, против чего восстали

¹⁴⁶ См.: *Снесарев А.Е.* Письма с фронта. С. 74, 79; *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 577, 582.

¹⁴⁷ Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. Июль 1915 – июль 1916 г. М., 1917. С. 19, 40.

¹⁴⁸ Совет министров... С. 108.

¹⁴⁹ Очерк деятельности Отдела снабжения армии за первый год. С. 40–41.

¹⁵⁰ Военные анекдоты. (Журнал «Война», Петроград). 1914. № 5. С. 1.

¹⁵¹ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2. С. 641.

¹⁵² *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 101–102.

¹⁵³ *Кюнг П.А.* Указ. соч. С. 204, 206.

¹⁵⁴ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 39. Уже к ноябрю стало ясно, что решить проблему своими силами не удастся ввиду уменьшения поголовья скота. См.: Там же. Т. 2. С. 612.

¹⁵⁵ Из дневников офицера русской армии Бакулина // *Голоса истории. Материалы по истории Первой мировой войны. Сб. науч. трудов. Вып. 24. Кн. 3. М., 1999.* С. 56–57, 61, 76, 95–96.

биржевики и военно-промышленные комитеты¹⁵⁶. Писали, что «все силы земные, а главное, полицейские были подняты... на помощь Кожсоюз, дабы вывезти сырье из Сибири...» А между тем там как будто были построены «дивные заводы»¹⁵⁷. Независимо от уровня объективности последней характеристики, очевидно, что в данном случае инновационный потенциал оставался невостребованным во имя госмонополизма.

В правительственных верхах происходящее вызывало подобие управленческой паранойи. Власть не доверяла предпринимателям, не без оснований подозревая их в своекорыстии. П. А. Харитонов в Совете министров заявил: «Наши заводчики – шайка, с которой надо действовать решительно»¹⁵⁸. Столичный городской голова 14 апреля 1915 г. отмечал, что «мяса в городе почти совсем нет», 23 мая констатировал, что «исчез и сахар», а в сентябре писал, что «снабжение Петрограда пшеничной мукой почти безнадежно»¹⁵⁹. В Совете министров 12 июня 1915 г. говорили о том, что «владельцы копеей инертны», не желают брать на работу «беженцев, пленных, финляндцев, а болтают о китайцах и японцах». Это было названо «бюрократическими уловками для ничегонеделания»¹⁶⁰. Вспоминали в верхах и «грабителей-спекулянтов русского и нерусского происхождения»¹⁶¹. А тем временем в столице исчезло из обращения разменное серебро, и, словно в насмешку, его заменили почтовыми марками в 20, 15 и 10 копеек, выпущенными к 300-летию Романовых с портретами Александра I, Николая I и Николая II¹⁶².

Однако сами министры были отнюдь не на высоте. В начале марта 1915 г. нижегородский городской голова готов был поставить в столицу 30–40 млн пудов угля, но был уверен, что тогдашний министр путей сообщения С. В. Рухлов «с этим делом ни за что не справится». Так и случилось, причем не без «помощи» верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича¹⁶³. Создавалось впечатление о складывании порочного круга начальственного головотяпства.

В обществе много говорилось о разгильдяйстве. О том же, со своей стороны, твердили министры. В Совете министров в связи с пожаром на Златоустовском заводе В. Н. Шаховской заявил, что «вокруг пьянство при попустительстве полиции»¹⁶⁴. А тем временем

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1051 (А. Скороходов из Омска 12 ноября 1916 г. – депутату Думы Н.В. Некрасову).

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1199 (письмо неустановленного автора из Петрограда от 21 ноября 1916 г. проф. С. П. Ланговому в Москву).

¹⁵⁸ Совет министров... С. 119.

¹⁵⁹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 628, 638, 673.

¹⁶⁰ Совет министров... С. 181.

¹⁶¹ Русское прошлое. Кн. 5. С. 48.

¹⁶² Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 401.

¹⁶³ Толстой И. И. Указ. соч. С. 614, 617, 624–625.

¹⁶⁴ Совет министров... С. 322.

правительство распустило безобиднейшее экономическое совещание членов Государственного совета из-за того, что там вздумали обсуждать вопрос о положении рабочих в Донбассе¹⁶⁵. Разумеется, указания предпринимателей на пагубность насаждения казенных заводов игнорировались¹⁶⁶. С другой стороны, власть упорно ориентировалась на заграничные заказы¹⁶⁷. Идея милитаризации промышленности обществом отторгалась. Отставку военного министра Поливанова либералы связывали с происками акционеров Путиловского завода, который был секвестрирован¹⁶⁸. Правые считали его «революционером», как и других министров¹⁶⁹. Консервативные силы словно заигрывали с призраком революции. Все это с трудом укладывалось в мозги лояльных и уравновешанных людей. «Военный министр Поливанов уволен от должности, – записывал в дневнике историк Орешников. – Черт знает, что делает правительство!»¹⁷⁰

Самодержавие издавна было заинтересовано лишь в тех отраслях, которые непосредственно обслуживали его военно-стратегические цели, а все остальное готово было отдать на откуп. В результате и частное предпринимательство, поощряемое внешними займами, было склонно паразитировать на госзаказах, лишая все народное хозяйство необходимой гибкости.

Разумеется, начались разговоры об экономии: один священник предлагал даже «не требовать от учащихся являться в форменной одежде», так как «гимназическое сукно и материи поднялись на 100 %»¹⁷¹. Дух скарденности у одних – естественный спутник бездумного мотовства у других.

Смог ли кто-либо из промышленников основательно нажиться во время войны? Да, некоторым русским предпринимателям удалось сделать на ней состояние. Одним из них был К. И. Ярошинский, получивший в годы войны 400-миллионный кредит в Государственном банке на организацию военной промышленности. Особых результатов по военной части не было, но зато в это время Ярошинский ухитрился поставить под свой контроль почти все банки на Украине, скупил или частично завладел 53 сахарными заводами. К 1917 г. он встал во главе крупного концерна, куда входили металлургические предприятия и рудники, банки и страховые общества, железнодорожные компании, охотничьи общества и даже

¹⁶⁵ Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 71.

¹⁶⁶ Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 301.

¹⁶⁷ Шигалин Г. И. Указ. соч. С. 169.

¹⁶⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 164.

¹⁶⁹ Толстой И. И. С. 696.

¹⁷⁰ Алексей Васильевич Орешников. Указ. соч. С. 62.

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 61 (протоиерей Н. Р. Диковский из Перми 25 июля 1915 г. – депутату Государственной думы протоиерею И. И. Гришковскому).

гостиницы¹⁷². Человек, именовавший себя «русским Вандербилтом», попросту скупал все, что можно было купить. Во Франции за время войны отличился А. Ситроен, про которого говорили, что однажды он ухитрился проиграть в казино миллион франков. Но прежде этот человек продемонстрировал настоящие чудеса в области организации военного производства¹⁷³. В России промышленных кудесников то ли не находилось, то ли их просто не хотели замечать. Замечали другое. В 1915 г. обыватели обсуждали известие о том, что С. П. Тимашев, владелец фабрики, в один день проиграл в бильярде в ресторане «Эрмитаж» 200 тыс. руб. Правда, он «спас лицо», зстрелившись¹⁷⁴.

Осенью 1916 г. екатеринославский губернатор арестовал на 2 недели директора общества «Провиданс» за невыполнение постановления о санитарном благоустройстве каменноугольных предприятий. Оказалось, что не на всех шахтах имеются бани, а рабочие не видят мыла, которое им полагалось выдавать бесплатно. Однако в Особом совещании по обороне заговорили о том, что «усугубление санитарных требований во время войны представляется нецелесообразным», «рабочие одного рудника могут пользоваться банями соседнего рудника», а обеспечивать их мылом затруднительно. Характерно, что даже кадет А. И. Шингарев счел «карательные меры», примененные губернатором, недопустимыми, а введенные им санитарные нормы незаконными¹⁷⁵. Начальственное усердие и либеральное прекраснодушие, словно подыгрывая друг другу, всякий раз блокировали принятие оптимальных решений.

Некоторые авторы считают, что в годы войны возросло влияние крупной буржуазии на правительство, но неустойчивое равновесие их интересов сохранялось¹⁷⁶. Думается, что этот «оптимистичный» взгляд связан с игнорированием психологии взаимодействующих сторон. В экстремальной ситуации при слабости власти всякая патерналистская система становится внутренне агрессивной, склонность к взаимному сотрудничеству падает. Так было и на сей раз.

В свое время И. Х. Озеров писал, что «русская жизнь была полна злоупотреблений», которые с формальной стороны таковыми не казались, поскольку «были выработаны особые тонкие формы, которые придавали этим злоупотреблениям... характер вполне дозволенных деяний». Министры, совершая нарушения, попросту «ограждали себя испрашиваемыми ими сепаратными Высочайшими повелениями». В результате экономическая жизнь «про-

¹⁷² Фурсенко А. А. Конец «русского Вандербильта» // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999. С. 333.

¹⁷³ Игнатъев А. А. Роковые дни. 50 лет в строю. М., 2013. С. 354–358.

¹⁷⁴ Юдин С. С. Указ. соч. С. 137.

¹⁷⁵ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2. 625–627.

¹⁷⁶ См.: Naumann H. Op. cit. S. 52, 109, 113, 121, 125–127, 140, 146, 148.

питалась насквозь неправдой»: помимо официального бюджета, «образовались бюджеты негласные, специальные бюджеты отдельных ведомств, которыми эти бюджеты распоряжались по своему усмотрению»¹⁷⁷. В таких условиях рассчитывать на модернизацию российской экономики в экстремальных условиях, чреватых еще большими злоупотреблениями, вряд ли стоило.

Дороговизна в тылу оказала поистине революционизирующее воздействие на солдат на фронте. Согласно их представлениям, они оплачивали кровью благосостояние своих семей. И если этого не происходило, то виновными оказывались «немцы, торговцы и прочие проходимцы», «спекулянты вместе с жидами», «прохвосты-купцы», «сволочь купеческая», «двуногие акулы», «шайки мароде-ров и кулаков», «инженеры», «банковские деятели», «капиталисты». Но больше всего были виноваты те, кто якобы прятал сахар, муку, дрова, чтобы нажиться на их вздорожании¹⁷⁸. Теперь для них уже не имело значения, кто в действительности был виновником бедствий их семей. Система, допускающая такое положение, утрачивала в глазах солдат свою легитимность.

Разумеется, предложений исправить ситуацию хватало. С самого начала войны широко обсуждались проекты введения подоходного налога. Писали, что министр финансов П. Барк «проектирует систему подоходного налога, весьма высокого по своим ставкам», опасаясь, что «прочие налоги – поземельный, квартирный и т.п. не только не будут отменены или поглощены подоходным налогом, но будут увеличены». При этом подсчитывали, что проектируемое нововведение «едва покроет четвертую часть пьяного дефицита, вызывает уже большие толки в обществе и в помещичьей среде»¹⁷⁹. 6 апреля 1916 г. закон о подоходном налоге был утвержден. Эффект от его введения на думских представителей оценивался так: «...С левой стороны законопроект приветствовали с глубоким поклоном как спасительницу нашего бюджета, а с другой стороны – отстраняясь, как от чумы, и всячески поносили»¹⁸⁰. Люди состоятельные и консервативные, естественно, относились к подоходному обложению опасливо. Известный правый деятель К. Н. Пасхалов ехидно утверждал, что «трудно представить себе что-нибудь более бестолковое, юридически безграмотное, неделикатное, даже наглое по отношению к плательщику... как новый закон о подоходном налоге»,

¹⁷⁷ Озеров И. Х. Как расходуются в России народные деньги. Критика расходного бюджета и государственный контроль (по неизданным документам). М., 2005. С. 193–194.

¹⁷⁸ См.: Асташов А. Б. Русский фронт... С. 640–641, 643.

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1740 (Г. Немирович-Данченко из Петрограда 30 октября 1914 г. – М. К. Якимову в Управление главноуполномоченного Красного Креста Северо-западного фронта).

¹⁸⁰ Кравцова Е. С. Налоговые преобразования российского правительства в период Первой мировой войны // Мобилизационная модель экономики. С. 89.

полагая, что это сочинение «финансовых мудрецов», сделанное под влиянием проворовавшихся дельцов, способно лишь скомпрометировать власть¹⁸¹.

Некоторые видели в прогрессивном налогообложении способ упорядочения финансов. «Требуйте подоходного налога, требуйте земского налога, пусть платят все: монастыри, церкви, удельное ведомство, дворцовое ведомство», – писали либеральным членам Государственной думы¹⁸². Для некоторых людей из низов подоходный налог казался едва ли не синонимом справедливости. Из действующей армии один нижний чин писал в лазарет своему земляку: «Нужно... косвенный налог уничтожить, чтобы существовал правильный, прямой, подоходный, прогрессивный налог, который для каждого будет хорош и справедлив». Но при этом у него возникали характерные иллюзии: «надо будет сделать социализацию земли, то есть отобрать все земли в одни руки, чтобы ни у кого не было собственности, и давать ее только тем..., кто ею занимается, и в таком количестве, сколько он сможет обработать своими силами, без найма других; тогда у нас не будет богатых и бедных, а все будут равны»¹⁸³. Разумеется, в обстановке усиливающегося утопического разброда принимать рациональные и при этом социально консолидирующие решения становилось практически невозможно. Наступило время, когда любые активные предложения и действия правительства вели к дальнейшему разобщению общества. Между тем для финансовой стабилизации требовалось 12 млрд рублей в год, а подоходный налог мог дать не более 70 млн рублей¹⁸⁴. Дело в том, что предметом обложения был доход в течение года, предшествовавшего окладному, в какой бы форме и из каких источников он бы ни получался. Минимальная ставка взималась с дохода в 850 рублей, налог был прогрессивным, но в 1916 г. его потолок был установлен в 12,5 %. При этом взимание налога должно было начаться с 1917 г.¹⁸⁵ Было очевидно, что текущие доходы состоятельных классов будут затронуты крайне незначительно.

Что касается враждебной Германии, то здесь народ страдал не от финансовых неурядиц, оборачивающихся растущей дороговизной, а от нехватки продуктов¹⁸⁶. У главного противника недоставало производимого, тогда как в России не была налажена система рас-

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 51.

¹⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 38 (письмо неустановленного автора из Москвы от 22 июля 1915 г. члену Государственной думы И. Т. Евсееву).

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 25 (письмо неустановленного автора (май 1915 г.) С. В. Косякову).

¹⁸⁴ *Имшенецкий Б.* Несостоятельность дореволюционной налоговой системы. Одна из причин угнетенного состояния трудящихся классов. Киев, 1917. С. 23–24.

¹⁸⁵ *Кравцова Е. С.* Указ. соч. С. 90.

¹⁸⁶ *Ritschi A.* The pity of peace: Germany's economy at war, 1914–1918 and beyond // *The Economics of World War I*. P. 62–63.

пределения. Некоторые современные авторы готовы интерпретировать эту абсурдную ситуацию как доказательство «силы России». Если так, то чем измерить масштабы начальственного головотяпства, не сумевшего воспользоваться столь важными «преимуществами» империи перед своими противниками?

1.3.4. Парадоксы продовольственной проблемы

Даже продовольственная проблема была не столь проста. В конце XIX в. многие считали, что в связи с войной экспорт российских хлебов прекратится и это приведет к падению цен на внутреннем рынке. В общем, страна будет купаться в продовольственном изобилии, тяготы войны ей не страшны¹⁸⁷. В начале войны подобный оптимизм разделялся многими. «Стоимость пищевых продуктов, которые Россия вывозит, не грозит повышением, а наоборот, – уверял издатель славянофильского журнала, полагававший, что, если война затянется, производители «могут проиграть в своих барышах», зато выиграет потребитель¹⁸⁸. Ничего подобного не произошло: военные закупки не позволили снизиться ценам, а ажиотажный спрос и трудности доставки хлеба породили народнохозяйственную проблему, наиболее непосредственно связанную с социальным положением низов.

До войны Россия вынуждена была торговать хлебом на условиях, продиктованных европейским капиталом. Она поставляла на внешний рынок преимущественно низкосортное зерно (основные производители – крестьяне – попросту не знали различия сортов ни пшеницы, ни ржи), а не муку, что стимулировало европейскую мукомольную промышленность, не позволяло развернуться отечественной, и в конечном счете давало возможность протекционистски настроенным западным правительствам без помех заниматься реэкспортом хлеба в колонии и менее обеспеченные страны. Закупками хлеба для экспорта в России издавна занимались иностранные предприниматели, а потому поставки на внешний рынок производились как бы изолированно от внутреннего хлебного рынка.

Из этого следовало, что в экспорте хлеба из России больше нуждалась она сама, чем западные страны. Но и этим не исчерпывалась сложность проблемы. И дело не только в том, что «золотой мост», зависящий от «хлебного моста», становился более чем уязвимым вследствие роста внутреннего потребления хлебов стремительно

¹⁸⁷ Блюх И. С. Будущая война, ее экономические причины и последствия. СПб., 1893.

¹⁸⁸ Новое Звено. 1914. № 40–41. 4 октября. С. 2.

растущим и активно мигрирующим населением. В условиях войны неизбежно менялось направление грузопотоков, что ставило в напряженные условия всю сложившуюся транспортную инфраструктуру. Попросту говоря, если ранее значительная часть хлебных потоков шла по железнодорожным дорогам на юг России (внешний рынок) и речным путем по Волге (внутренний рынок), испытывая при этом привычные сезонные колебания, то теперь предстояло наладить ритмичные поставки к линии фронта. Более того, поскольку союзники настаивали на продолжении экспорта русского хлеба, приходилось думать о вывозе его через северные порты. Между тем соответствующих транспортных путей не хватало, вагонный парк был недостаточен, что было чревато срывами продовольственного снабжения даже при достаточной урожайности.

В письмах с мест описывались вопиющие примеры бесхозяйственности. «У нас от Тихорецкой до Царицына лежат тысячи вагонов хлебных грузов еще с сентября 1914 г. под открытым небом, – писал в октябре 1915 г. из Астраханской губернии мукомол И. А. Камянных в Государственную думу. – Хлеб пророс и преет в мешках и во время теплой погоды к станции нельзя подойти от зловония...». Начальство, как водится, ссылалось на отсутствие порожних вагонов, а между тем каждый день через Царицын проходила масса порожняка¹⁸⁹. Все это создавало питательную среду для спекуляции. В мае 1915 г. из Екатеринославской губернии писали, что «пока правительство думало», еврейская организация «скупала огромные партии хлеба и перепродавала с огромным барышом»¹⁹⁰. Нечто подобное отмечалось в других местах. В июле 1915 г. сообщали, что управление Закавказской железной дороги «ведет настоящую торговлю поездами»¹⁹¹. Впрочем, все это было известно наверху. Подобные явления становились неизбежными. «Восток, запад, юг России – все охвачено спекулятивным ростом цен на хлебные продукты». Причина – «массовые закупки муки общественными учреждениями крупных центров по чрезмерно высоким ценам». Этому способствовал также «транспортный хаос», обусловленный «разобщением фронта и тыла в заведывании железнодорожными путями»¹⁹². В результате возникла даже особая профессия «толкачей», которые брались за известное вознаграждение доставить груз в сохранности до станции назначения. Причем к услугам «толкачей» стали прибегать не только отдельные лица, но и государственные учреждения. Злоупотребления допускали и сами чиновники

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 89.

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 12 (письмо не установленного автора М. В. Родзянко).

¹⁹¹ Там же. Л. 22 (Алиханов из Тифлиса 2 июля 1915 г. – З. А. Машляковскому в Вологду).

¹⁹² Струве П. Б. Доклад представителя Всероссийского Земского Союза... С. 4–6.

МПС. Летом 1916 г. на 43 железных дорогах страны было предано суду за различные преступления 547 железнодорожников¹⁹³.

Как ни парадоксально, такую ситуацию предвидели. «Я не согласен, что у вас (на юге России. – Авт.) будет голод... – писал неустановленный автор 23 сентября 1915 г. из Петрограда в Харьков. – Вот здесь, в Москве, и вообще в северной части России голод наверно будет, если и дальше во главе путей сообщения будет стоять такой тип, как Рухлов...». Автор письма был убежден, что Рухлов и компания – «предатели, взяточники и убежденные сторонники Вильгельма...», а в Петроградской городской думе – «сплошь купец, торговец, которому хочется набить карман, пользуясь смутой и сокращением числа ж.д., связывающих Питер со страной». В патриотизм таких министров и предпринимателей этот человек не верил¹⁹⁴.

Примечательно, что транспортные неурядицы вели к нарастанию не только социальной, но и этнической напряженности. «На ст. Николаевск Рязанско-Уральской ж.д. образовалась шайка спекулянтов-жидов... во главе с самим начальником этой станции, – сообщали из Козлова в ноябре 1915 г. в Думу. – Начали спекулировать хлебами и отправлять эти хлеба вне всякой очереди туда, где было на них большое требование, а хлеба, закупленные уполномоченными для армии, лежали и гнили на этой станции; для первых были вагоны, а для вторых – не было, и в результате эти мерзавцы нажили десятки тысяч рублей...»¹⁹⁵. Независимо от реальной этнической составляющей подобных махинаций в атмосфере растущего антисемитизма виновниками происходящего в любом случае оказывались евреи.

Положение усугублялось тем, что уже в самом начале военных действий примерно треть территории Европейской России была объявлена прифронтовой и, соответственно, изъята из ведения гражданской администрации. Те регионы, которые находились в ведении Ставки верховного главнокомандования, были довольно развитыми в экономическом отношении и имели весьма тесные хозяйственные связи с близлежащими странами. Теперь на этих территориях материальные и людские ресурсы подлежали мобилизации в принудительном порядке. К началу 1915 г., то есть до отступления из Галиции, собственные продовольственные ресурсы на этой территории уже истощились. Но это только одна сторона дела. Та часть территории, которая находилась под гражданским управлением, оказалась в условиях хозяйственной автаркии. Российское народное хозяйство тем самым оказывалось отброшенным назад в

¹⁹³ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России в эпоху войн и революций (1914–1922 гг.). М., 2009. С. 161–162.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1490.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 3 (письмо от 9 ноября 1915 г. члену Государственной думы И. И. Дмитрюкову).

смысле технологии и инфраструктурного обеспечения, выбора альтернативных хозяйственных связей. Это усугубляло его негативные черты.

«Правительство наделало столько зла, сколько бы не сделал и умный неприятель... – записывал в дневнике известный правый деятель Л. А. Тихомиров 19 марта 1915 г. – Если бы Правительство не совало своего носа, не регулировало – все было бы сыто: и армия, и народ, и на вывоз хлеба хватило бы... Бестолковая власть, губернаторы воспрепятствуют вывозу и провозу. Никто ничего не может продать, никто ничего не может купить, нечем кормить людей, нечем кормить лошадей, а сено, овес, хлеб – гниют и пожираются крысами. Это какие-то неисправимые глупцы, не способные понять – где нужна власть, и что она не должна мешаться»¹⁹⁶. Действительно, дело дошло до того, что командующий войсками Московского военного округа ген. И. И. Мрозовский, ни с кем не советуясь, запретил вывозить продукты из Московской губернии¹⁹⁷. В результате в Комитете снабжения Петрограда продовольствием в апреле 1915 г. негодовали: «Распоряжения министра торговли и промышленности противоречат распоряжениям министра путей сообщения, распоряжения их обоих – распоряжениям военного министра»¹⁹⁸. В середине 1915 г. либеральные деятели Союза городов признали запрещение вывоза продуктов из отдельных губерний «несоответствующими интересам государства». Такая реакция была естественной: к тому времени было известно, что через Финляндию в нейтральную Швецию для пересылки в Германию даже в 1915 г. вывозилось немалое количество продовольствия¹⁹⁹.

Тем временем в начале 1916 г. П. Б. Струве предлагал восполнить недостаток мяса крупного рогатого скота свининой. Он полагал, что условия для этого самые благоприятные: пьянство прекратилось, сократился вывоз из страны кормовых средств²⁰⁰. Когда «властители дум» периодически спускаются на землю, они невольно подсовывают народу какую-нибудь «свинью» – то слева, то справа. А людям безразлично, за чьи «наивности» они расплачиваются.

К концу 1916 г. положение с продовольствием ухудшилось. «Зерна сколько угодно, но никто не везет на рынок из-за твердых цен, – сообщали из Самары в ноябре 1916 г. – Открыто говорят: набавьте 15 коп. и будет зерна, сколько угодно...»²⁰¹. В менее плодородной Тульской губернии положение было серьезнее. Крестьянин М. Но-

¹⁹⁶ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 47–48.

¹⁹⁷ Шлиппе Ф. В. Автобиографические записки // Российский архив. М., 2008. Вып. 17. С. 140.

¹⁹⁸ Толстой И. И. Указ. соч. С. 629.

¹⁹⁹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 605, 486.

²⁰⁰ Струве П. Б. Доклад представителя Всероссийского Земского Союза... С. 12.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 905 (письмо адресовано М. Ф. Люце в Петроград).

виков в письме депутату Думы кадету В. А. Маклакову описывал ситуацию так: «Наш старшина, собрав старост... рекомендовал им... купить хлеба на базаре по 2 р. 50 к. и все же выставить для казны по 1 р. 58 к., а местный земский начальник Пробенко советовал покупать у него рожь по 2 р., а в случае неимения денег брать под работу, и все же выставить. Такое распоряжение начальства вызвало среди крестьян сильное озлобление и уныние. Ведь дома остались старики и женщины, и доброй половины требуемого не имеется, и... весной трудно будет достать для себя хлеба вместо отобранного». Он предлагал отнимать хлеб только «у тех, кто имеет излишки». Заодно он упрекал кадетов в том, что они поддерживают «истребительные лозунги для продолжения никому не нужного безумия войны»²⁰².

В Германии к 1917 г. продовольственная проблема встала еще более остро. Но это было связано не с распределением продуктов, а с продовольственной блокадой страны²⁰³. В России, попросту говоря, не могли наладить снабжение продуктами сельского хозяйства. Между тем их было вполне достаточно, чтобы избежать голода.

В создавшемся положении все чаще винили правительство. Известный монархист К. Н. Пасхалов, описывая ситуацию с твердыми ценами, отмечал, что «хлеба в России достаточно, но он спрятался от твердых цен...». Хлеб придется отнимать силой, «последствиями же насилия непременно будет бунт», заключал он²⁰⁴. Удивительно, но нелепость бюрократических новаций видели все. «Я думаю, что Россия была бы сыта и обеспечена всем необходимым..., если бы только правительство проявило больше скромности и уважения к экономическим законам, – писали из Тульской губернии князю Д. Н. Святополк-Мирскому. – Вместо этого оно бросилось хозяйничать, запрещать и приказывать, и создало в короткое время тот голод среди изобилия, которым всегда кончались подобного рода попытки. Конечно, не одно правительство виновато, общественное мнение ужасно любит реквизиции, конфискации и вообще всю эту область»²⁰⁵. В отличие от людей образованных, мужики называли все это иначе – грабежом. Наблюдая за их настроением, некоторые интеллигенты предавались «юмору висельника»: «Возможно всех нас, «представителей и деятелей капитала», перевешают на уличных фонарях. То-то будет весело!»²⁰⁶ Священник В. Власенко из Екатеринославской губернии 29 декабря 1916 г. сообщал Н. М. Богдацкому в Одессу, что, согласно реквизиционным планам, для кре-

²⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1134.

²⁰³ Ritschi A. Op. cit. P. 58.

²⁰⁴ Цит. по: Измозик В. С. К вопросу о политических настроениях российского общества в канун 1917 г. (по материалам перлюстрации) // Россия и Первая мировая война. С. 162.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1104.

²⁰⁶ Жукова Е. Д. Указ. соч. С. 97.

стьян на волю была сделана развертка «на посев» в 140 000 пудов. Он был уверен, что «едва ли половина такого количества будет у крестьян, а ведь надо же оставить на харчи...»²⁰⁷.

В это время обозначилось явление, напоминающее «мешочничество» времен Гражданской войны. «Распоряжением градоначальника в Москву не пускают крестьянок, везущих в город картофель и дрова гужем, и поворачивают их обратно, – писал один москвич в Саратов. – У одной дамы отобрали корзину с мясом и другими сельскими продуктами, которые она везла для семьи в девять человек, и отправили обратно». Вывод делался неожиданный: «Одним словом – ложись умирай или жди немцев в Москву»²⁰⁸. Член Государственного совета и философ князь Е. Н. Трубецкой, позабыв свой оптимизм начала войны, 5 февраля 1917 г. писал из Москвы министру А. А. Риттиху: «Вследствие продолжительной недовозки хлебных грузов (дефицит измеряется многими сотнями вагонов) положение Калужской губ. отчаянное: голодные самоубийства, тифы и настроение до того опасное, что после многолетий в церквях у священников бывают весьма тяжелые объяснения с крестьянской паствой, недоумевающей: “за что же молиться, когда народ довели до такого положения?”». Он считал, что «мы присутствуем... при начале разгорающегося пожара». Спасение Калужской губернии, которую он представлял, Трубецкой видел в том, чтобы возить хлеб «гужем из Орловской и Тульской губерний»²⁰⁹.

Дело дошло до того, что местная администрация сама начала нарушать распоряжения центра. К февралю 1917 г. из Тульской губернии кн. Д. П. Голицыну-Муравлину писали: «Каждая губерния ныне представляет из себя самостоятельное удельное княжество, состоящее в войне с соседней губернией. Организация удивительная и голод со всеми последствиями несомненен. Недавно губернатор пресил у нашего исправника купить ему муки для Тулы по вольной цене. Губернатор, издающий обязательные постановления с угрозами всяких кар, сам нарушает их»²¹⁰. Между тем П. Б. Струве еще год назад предупреждал о ненормальности порядка, при котором твердые цены устанавливаются лишь в отношении правительственных заготовок. По его мнению, это привело к образованию в стране «с и с т е м ы д в у х р ы н к о в»²¹¹. В действительности положение было хуже: нерыночная госмонополия пыталась упорядочить (то есть удушить) недоразвитый рынок, а рынок, со своей стороны, разлагал неуверенно вводимую «военно-социалистическую» (А. А. Богданов) систему распределения.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1828.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 948 (Н. Сумароков из Москвы 7 ноября 1916 г. – С. Э. Шишко в Царицын).

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 26.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 20.

²¹¹ Струве П. Б. Доклад представителя Всероссийского Земского Союза... С. 5.

В организации использования ресурсов и потребления российское правительство негласно последовало по пути своего основного противника – Германии. Здесь под руководством Вальтера Ратенау, возглавлявшего Всеобщую Компанию Электричества, был создан военно-сырьевой отдел, сразу же взявший под контроль всю сырьевую промышленность империи. Правительство поддержало учреждение сырьевых комитетов для определения и удовлетворения соответствующих потребностей армии и промышленности, соответственно осуществлялось распределение сырья между производителями. Более того, была осуществлена реквизиция кожи, металлов, резины; практиковалось государственное поощрение изобретательской деятельности; с государственной помощью строились новые заводы при условии принятия на себя их владельцами определенных производственных обязательств; произошла своего рода революция на транспорте. По сути дела, государство выступило в роли основного потребителя, предписывая производителю условия труда, выбор сырья, цены на сырье и готовые изделия, но не затрагивая при этом прибыль. В результате в то время как дивиденды по всей промышленности упали, по военно-стратегическим областям они возросли. Так, объем капиталовложений в машиностроительную промышленность увеличился с 13,9 % в 1914 г. до 24,6 % в 1916 г., а в химическую промышленность соответственно с 5,8 до 17,5 %²¹².

Строго говоря, в России элементы такого типа народного хозяйства существовали еще до войны. Разница была лишь в том, что российская экономика строилась на патерналистских, а не на рационально-организационных основаниях, требовавших совершенно иного типа общественной солидарности. Россия была настолько расколота в культурном, сословно-социальном, хозяйственном отношении, что в экстремальной ситуации это приводило к окончательному разрыву коммуникативных связей. Будущее России все понимали по-своему, общественный диалог отсутствовал.

В верхах в искренность и устойчивость патриотических чувств народа не особенно верили. Так, премьер А. Д. Протопопов жаловался А. В. Кривошеину в июле 1915 г., что в рабочей среде уже ведется антиправительственная пропаганда «на основе “патриотизма”», понимая под последним благосостояние одних только рабочих²¹³. Начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич в июле 1915 г. признавал: «Сказочные герои и альтруисты – единицы: 1 %... Драться за Россию – красиво, но масса не понимает». Он предлагал «купить героев» из крестьян, пообещав им прирезать земли после войны²¹⁴.

²¹² Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 11.

²¹³ Русское прошлое. Кн. 5. С. 49.

²¹⁴ Совет министров... С. 203. Однако Янушкевича, которого министры не любили, обвинили в «недостатке патриотизма». См.: Stockdale M. United in Gratitude: Honoring Soldiers and Defining the Nation in Russia's Great War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 2006. No. 3. P. 472–473.

Тотальная война легко превращается в войну на истощение. Как ни парадоксально, здесь Россия проиграла. Причем вовсе не из-за недостатка продовольствия. «...Дело снабжения находится в довольно хаотическом состоянии, а главное, что в одном деле – сотни распорядителей и безотчетных начальников»²¹⁵, – такие впечатления вынес петроградский городской голова с заседания Верховного комитета по снабжению страны продовольствием. Впрочем, существовали и объективные причины, сказывающиеся на снабжении как войск, так и гражданского населения. Дело в том, что Россия уступала своим противникам по густоте железнодорожных линий почти в 10 раз²¹⁶.

Полная или частичная военная блокада любой страны обнажает слабые места ее народного хозяйства: зависимость от внешнего мира, управленческие изъяны, отраслевые диспропорции, технологические упущения, реальные возможности инфраструктуры – все это становится очевидным. Но главное, становятся ясны пути преодоления недостатков системы с помощью скрытых внутренних резервов. В годы войны выяснилось, что российская власть предстает беспомощной, когда речь заходит об отыскании хозяйственных стимуляторов внутри страны, но она же оказывается склонной безрассудно ориентироваться на заграничные ресурсы. Очевидно, налицо врожденный порок патерналистски-полицейской системы, слабости той самой производственно-распределительной политики, которую проводило само государство. Один из контрразведчиков в мемуарах отмечал, что даже талантливых людей губила система. Так, людей образованных и талантливых в Генштабе хватало, но существующие порядки превращали их в «поденщиков власти», ибо необходимость «делать карьеру путем безграничной угодливости и приспособляемости, доведенной до степени паразитизма», парализовала усилия лучших умов России²¹⁷.

Особенно заметно управленческая немощь государства сказалась на продовольственных поставках. Среднегодовой сбор хлебов в России в 1910–1913 гг. составлял 4,5 млрд пудов, потребность населения и армии составляла 3 млрд. До войны из страны ежегодно вывозилось до 680 млн пудов, то есть 15% общего сбора. В 1915 г. вывезли всего 31 млн пудов. Откуда же взялась продовольственная проблема? Причина носила системный характер. Так, не было выработано общего, детально проработанного плана снабжения армии; запас жиров был израсходован в первые месяцы войны, а при эвакуации из западных губерний часть скота погибла, часть попала в руки неприятеля²¹⁸. Виной тому было управленческое

²¹⁵ Толстой И. И. Указ. соч. С. 635.

²¹⁶ Сулейман Н. Указ. соч. С. 16.

²¹⁷ ГА РФ, Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 90–91.

²¹⁸ ГА РФ, Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 26, 43, 56, 76.

безволие и коррупция²¹⁹. «...Наблюдая многих губернаторов, я отметил одну общую... черту: страх что-то упустить, страх выпустить малейшее из-под непосредственного своего наблюдения и влияния, страх упустить власть, – вспоминал один из немногих энергичных губернаторов. – ...Большинство губернаторов... буквально утопали в мелочах, заваливали себя горами совершенно ничтожных дел и бумаг, просмотр и подпись которых отнимали у них бездну времени...»²²⁰. Уполномоченные по закупке хлеба для армии вынуждены были конкурировать не только друг с другом, но и с представителями армии, сельской продовольственной части МВД, агентами земств и городов из потребляющих губерний²²¹. Но главная причина управленческого коллапса заключалась в отсутствии понимания между властью и основной массой хлебопроизводителей – крестьянами.

Итог известен. При этом критическая ситуация сложилась не только применительно к проблеме снабжения столиц. Во второй половине ноября 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом А. А. Брусилов в телеграмме министру земледелия А. А. Риттиху писал: «За недозовозом продуктов люди не получают ни сала, ни масла, ни каши при малом поступлении овощей. Почти единственной пищей служит жидкий картофельный суп; недостаточность, крайнее однообразие пищи действует угнетающе на людей...»²²². В это же время ставший широко известным философ В. Ф. Эрн договорился до того, что «расстройство продовольствия в тыле устраивается по преднамеренному определенному плану нашими (российскими. – Авт.) германофилами»²²³. «Патриотическая» философия на глазах изумленной публики вырождалась в этнофобскую паранойю.

В правительственных верхах паника по разным вопросам возникла много ранее. «Входим в сумасшедший дом», – заявлял А. В. Кривошеин 13 сентября 1915 г. – «Трагизм разновластья. Бедлам». «Анархия в экономической и правовой жизни страны», – вторил ему Н. Б. Щербатов. Через 10 дней он же отмечал «хаос на железных дорогах» и повсеместную опасность голодных бунтов, отмечая, что «бедствует не только столица, но и легион уездных городов, кризис экономический». 2 декабря 1915 г. Кривошеин повторился: «Сплошное безумие, бедлам»²²⁴. К слову сказать, сам Щербатов отнюдь не отличался патриотической рачительностью. В мае 1916 г. на него, уже бывшего министра, жаловались крестьяне Полтавской губернии в письме к члену Государственной думы А. Н. Русанову.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 532. Л. 56.

²²⁰ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 89.

²²¹ Земский феномен. Политологический подход. Саппоро, 2001, С. 153, 178.

²²² Цит. по: Сербин А. И. Первая мировая война. Россия накануне и в годы войны (1914–1918 гг.). Омск, 2009. С. 31.

²²³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 250.

²²⁴ Совет министров... С. 271–272, 277, 284.

Оказывается, принадлежавшая ему, но никому не нужная водяная мельница «запрудила луга, которые гниют, превращаются в болото». Крестьяне пытались протестовать, но по постановлению губернатора 22 «зачинщика» были посажены на 2 месяца в арестный дом²²⁵. Российские «радетели о благе народа» всегда четко блюли ближайший частный интерес.

Разумеется, все это ощущалось образованным обществом, включая его наиболее консервативную часть. Известный правый публицист Л. А. Тихомиров записывал в дневнике 6 марта 1915 г.: «Губернаторы наиболее хлебных губерний воспретили вывоз. Если это продержится – Москве грозит голод. Я бы сказал, что они сошли с ума. Не берегут ли хлеб для заграницы?»²²⁶ Если такие мысли посещали преданных сторонников режима, то как могли повести себя низы? Всякие ограничения в снабжении тут же вызывали волну спекуляции, и не только хлебом. Так, в июле 1915 г. А. Д. Протопопов сообщал А. В. Кривошеину, что «предметом отчаянной спекуляции» стала... отечественная овечья шерсть, необходимая для обмундирования армии²²⁷. Генерал С. А. Ронжин, ведавший снабжением армии, полагал, что на железнодорожных перевозках крайне негативно сказывалось стремление правящих кругов всякий раз оказать помощь союзникам, не задумываясь о ее последствиях для России²²⁸. Впрочем, о «неблагодарных» союзниках говорили по любому случаю. Причина лежала глубже. Член Государственной думы Н. Д. Крупенский, человек отнюдь не левых взглядов, позднее утверждал, что железнодорожное ведомство своего долга перед отечеством не выполнило «как по неведению, так и из-за колоссальных злоупотреблений, хищений и простых краж». Все это болезненно сказывалось на духе армии. Между прочим, Крупенский считал, что «хребет железных дорог был польско-немецкий, и когда его... пытались расчистить от иностранного элемента..., пошел общий развал»²²⁹. В начале октября 1915 г. в верхах открыто признавали, что «каждое ведомство работает только для себя»²³⁰. Член левой группы Государственного совета С. Ф. Ольденбург считал, что перебои с продовольствием в столице связаны с нежеланием власти передать продовольственный вопрос в руки местного самоуправления²³¹.

В свое время некоторые российские военные теоретики считали, что в будущей войне время станет «лучшим союзником наших вооруженных сил», «стратегия утомления и изнурения» в войне

²²⁵ ГА РФ. Ф. 102. ОП. 265. Д. 1055. Л. 121.

²²⁶ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 46.

²²⁷ Русское прошлое. Кн. 5. С. 47.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 160. Л. 46 об.

²²⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 427. Л. 14 (воспоминания Н. Д. Крупенского).

²³⁰ Толстой И. И. Указ. соч. С. 678.

²³¹ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете в годы Первой мировой войны. СПб., С. 289.

на Западе будет вполне оправдана²³². В сущности, именно из таких установок исходил в свое время Куропаткин в русско-японской войне. Увы, на деле ситуация с продовольствием не улучшалась. «На железнодорожных станциях лежит масса хлеба, а дороги загромождены, и движения хлеб не имеет. Мыши грызут мешки...», – писали из Херсонской губернии. – ...Точно враги наши устраивают такие штуки, чтобы вызывать недовольство населения»²³³. Депутат Думы Г. Гутоп 5 декабря 1916 г. писал на родину в Уфу: «...Дела идут все к худшему и теперь продовольственный вопрос стоит так, что во всякую минуту можно ждать при наличности в стране массы хлеба настоящего голода, и притом не только в городах, но и на фронте, и в огромных сельских районах промышленной России, живших всегда привозным хлебом. Что из сего может впоследствии – судите сами»²³⁴. Между прочим, Уфимская губерния всегда вывозила хлеб. Не удивительно, что к северо-востоку от нее зимой 1916–1917 гг. начались перебои с подвозом резко подорожавшего хлеба²³⁵.

Из Харькова в январе 1917 г. сообщали: «Из соседних губерний ввозить хлеб в Харьков нельзя, а вывозить хлеб из Харькова можно. Его и вывозят, Харьков останется без хлеба». К тому же «зерно гнило в непригодных помещениях»²³⁶. В том же месяце из Иркутска обращались за помощью в Думу к П. Н. Милюкову: «В Сибири закуплено 16 млн пудов мяса и несколько тыс. пудов рыбы, его надо вывезти не позже февраля, иначе все сгниет»²³⁷. Мясо, которое вывозилось не только из Сибири, но и из Монголии, гнило не только из-за нехватки холодильников²³⁸, но и из-за сложности железнодорожных перевозок. Тем временем общее собрание КЕПС настаивало на принятии срочных мер для охраны рыбных богатств: промышленники не хотели считаться с установленными сроками рыболовства²³⁹.

Было очевидно, что правительство с продовольственным вопросом не справляется. Поэтому член Государственного совета С. Ф. Ольденбург (будущий советский академик) планировал выступить от лица левой группы с предложением о передаче продовольственного дела общественным организациям²⁴⁰. Увы, было поздно. Да и вряд ли это могло спасти ситуацию.

²³² Гулевич А. Указ. соч. С. 179.

²³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 999 (Л. Курис (с. Майорское Херсонской губ.) 9 ноября 1916 г. – Е. В. Курис в Одессу).

²³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1489.

²³⁵ См.: Нарский И. В. Указ. соч. С. 170–175.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 157 (С. Раевский из Харькова 22 января 1917 г. – А. С. Раевскому в Петроград).

²³⁷ Там же. Л. 181 об.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 73, 77.

²³⁹ Кольцов А. В. Указ. соч. С. 100.

²⁴⁰ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете... С. 289.

Чаша терпения – теперь уже не общественности, а масс – переполнилась. Однако, согласно «объективным» данным, хозяйственная ситуация все же выравнивалась. В сущности, она и должна была стабилизироваться – сказывались и общественная инициатива, и экстремальные управленческие усилия. Но вряд ли можно было говорить о модернизации народного хозяйства в целом.

Те немногие инновации, которые удавалось претворить в жизнь, все же носили догоняющий характер, осуществлялись несогласованно, а результаты внедрения новых производств могли сказаться очень нескоро. Мобилизационный эффект также был недостаточен в силу слабости организационных импульсов, исходящих от власти. В любом случае, основная масса населения ощутила скорее тяготы, чем выгоды от полустихийной интенсификации хозяйственной жизни. Естественно, это отрицательно сказалось на социальной ситуации, которую в конечном счете взорвал продовольственный вопрос.

Экономика России оставалась многоукладной, но причина хозяйственных неурядиц не в этом. Строго говоря, всякая хозяйственная жизнь многоукладна, другое дело – интенсивность связей между укладами. Если они блокируются бюрократией, замыкающей естественный продуктообмен на себя, если они сдерживаются хозяйственной замкнутостью наиболее архаичных укладов, если, наконец, в низах нет гражданского понимания общего хозяйственного блага, многоукладность в экстремальных обстоятельствах может обернуться «многоконфликтностью» – войной всех против всех, в основе которой лежит управленческая разорванность и сословная замкнутость хозяйственного бытия. Именно это и случилось в 1917 г. и в последующие годы.

Возможно, все проблемы российских кризисов можно свести к одному единственному вопросу – способна ли патерналистская власть накормить народ или хотя бы внушить ему, что для этого делается все возможное. В сущности, острота всех российских смут, так или иначе, связана именно с этим «кормящим» принципом. Теперь же сложилась ситуация, когда сама архаичная хозяйственная система словно взбунтовалась против распределительных интенций власти. Создалось представление о ее полной хозяйственной недееспособности. Опровергнуть его правительство было не в состоянии.

Глава 4

ВОЙНА И КОЛЛИЗИИ ВЕРЫ

1.4.1. Вера и война

Вступление России в войну подтвердило справедливость старой истины: серьезные потрясения либо сплачивают общество на почве веры и традиции, либо, напротив, ускоряют его развал. В 1914–1916 гг. православная вера не смогла стать щитом для империи, упорно претендовавшей на звание Третьего Рима. Какова степень ответственности российских конфессий за безверие, захлестнувшее народ, почитаемый экзальтированными писателями и публицистами «богоносцем»?

К 1914 г. в России насчитывалось 117 млн православных и от 95 до 100 тыс. монашествующих¹. Но между верой и паствой стояла церковь – жестко иерархизированная и бюрократизированная структура. Отсюда – более чем сдержанное отношение интеллигенции к «казенному» православию. «Неверие растет, – констатировал перед войной будущий обновленец А. Введенский. – ...Сомнения в Божестве Христа все растут и растут...»². А один из думских депутатов даже в 1914 г. заявил, что 90 % православных – еретики или отпавшие от веры и церкви³. «Обрядово-культовый» характер официального православия вынужден был признать и обер-прокурор Св. Синода⁴.

К началу войны социальный статус православного духовенства оставался невысоким. Действовал известный фактор. «Еще не сгладилась дворянская традиция отношения к священнику как к холопу... – цитировала церковная газета мнение «Нового времени». – В последние 60 лет духовенство продолжает оставаться в бесправном

¹ См.: Поспеловский Д. В. Русская православная церковь: испытания начала XX века // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 48.

² Введенский А. Религиозные сомнения наших дней. Т. 1. Одесса, 1914. С. 3, 65.

³ Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 270.

⁴ Подробнее см.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1911–1912 гг. СПб., 1913.

положении»⁵. Бедность массы рядовых священников, усилившаяся в военные годы, внутрипричтовые склоки, аграрные споры священников с крестьянами отнюдь не способствовали единению паствы и пастырей⁶.

Уже в годы войны в церковной прессе писали о судебном духовном процессе, связанном с доносом 70-летнего протоиерея на другого 70-летнего священника, в результате которого в уездном городе, к радости сектантов, «всплыла масса грязи»⁷. Из действующей армии в начале войны порой сообщали о священниках, склонных к мародерству⁸. Активная социально-карикативная деятельность и высокие нравственные качества отдельных представителей сословия не меняли общих представлений о «попах»⁹.

Лишь отдельные архиереи обладали запасом харизматичности. Так, непререкаемый авторитет имел епископ Херсонский Иннокентий: накануне войны его усилиями из парижского собора Нотр-Дам был возвращен плененный во время Крымской войны 150-пудовый колокол¹⁰. Тверской владыка Серафим (Чичагов) обладал редким литературным даром; его сочинение о Серафиме Саровском оказало решающее влияние на его канонизацию. При этом Серафим отличался независимым характером, из-за чего у него сложились весьма напряженные отношения с губернатором Н. Г. фон Бюнтингом, отличавшимся «нетерпимостью»¹¹. Но настоящих подвижников было мало. В духовной среде больше ценились иереи «покладистые, спокойные..., безынициативные..., беспринципные» – таковых обычно назначали петербургскими митрополитами – первенствующими в Св. Синоде и близкими к обер-прокурору¹². Некоторые из них руководствовались в быту отнюдь не христианскими заповедями. Были и такие, которые контактировали с Распутиным.

Снижение уровня религиозности и приходской активности не исключало наличия «истинно благочестивых» православных анклавов. Практически в каждой епархии находились усердные христиане, которые регулярно причащались и исповедовались, жерт-

⁵ Церковный вестник. 1914. № 31. 31 июля. Стб. 929.

⁶ См.: Леонтьева Т. Г. Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX – начале XX вв. М., 2002.

⁷ Церковный вестник. 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1391–1392.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 30 (письмо Д. Д. Рихтера из действующей армии (дер. Росса Петраковской губ.) от 23 октября 1914 г. Д. И. Рихтеру в Царское Село).

⁹ Подробнее см.: Леонтьева Т. Г. Духовенство и сельский мир. 1905–1922 // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 279–299.

¹⁰ Епископ Иннокентий Херсонский // Митрополит Вениамин (Федченков). Божьи люди. Мои духовные встречи. М., 1998. С. 253–254.

¹¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 548.

¹² Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 136–137.

вовали на храмы и попечительские нужды, нарушая заповеди лишь «по отпущению»¹³. Особую проблему составляли приграничные епархии. Согласно отчетам обер-прокуроров Св. Синода, они были достаточно благополучны. Однако митрополит Евлогий (в 1912–1914 гг. архиепископ Холмский) отмечал, что там встречались бедные сельские приходы, возглавляемые морально подавленными и пьяными священниками. В «образцовой» Почаевской лавре одни из насельников почитали себя аристократами, других же считали «мужичьем и дармоедами»¹⁴.

Между тем на западных окраинах империи сохранялись трения между католиками, униатами и православными, не говоря уже о распространении антисемитизма¹⁵. Один из почаевских архиереев, не стесняясь, заявлял: «Мы все черносотенцы»¹⁶. В связи с наступлением неприятеля многие православные священники бежали, а крестьяне между тем «не хотели хоронить покойников без отпевания», а когда к ним приходили ксендзы, от их услуг отказывались, считая, что погребение по католическому обряду будет «не во спасение»¹⁷. Словом, «братское единение и христианское смирение» оставалось скорее официальной декларацией.

Власть не забывала законопослушных мусульман, финансируя журнал «Мир Ислама»¹⁸. Однако уверенности в их лояльности не было, призрак панисламизма беспокоил светские и церковные власти.

Не могла совладать церковь и с размножением сект, и с расползанием «зловредных проповедей». Настоятели православных приходов докладывали, что «раскольников и сектантов нет, а равно не заметно и сектантского движения»¹⁹, однако было известно об «устойчивом росте сектантского, старообрядческого и атеистического движений»²⁰. В 1912 г. от православия отпало 11 629 человек, из них 4 249 присо-

¹³ Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 41. С. 1343–1344.

¹⁴ Евлогий, митр. (Георгиевский). *Путь моей жизни*. М., 1994. С. 214–217, 225, 228, 227.

¹⁵ Амвросия (Оберучева), монахиня. *История одной старушки*. М., 2008. С. 195, 201, 210–211.

¹⁶ Евлогий, митр. Указ. соч. С. 226.

¹⁷ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 176. Правда, в другом случае автор отмечает, что, когда нужно было окрестить детей, «крестьяне часто обращались со своими требованиями к католическому духовенству». См.: Там же. С. 91.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 816. Л. 26.

¹⁹ Новгородские епархиальные ведомости. 1915. № 41. С. 1343–1344 (Обозрение высокопреосвященным архиепископом Арсением церквей и монастырей в 1914 году).

²⁰ См.: Журналы съездов окружных миссионеров Курской епархии // Курские епархиальные ведомости. 1913. № 1–2. С. 12; Бунин А. Ю. Миссионерская деятельность курского православного духовенства в 1915–1916 гг. // Церковь и общество: проблема взаимодействия религиозного и научного знания. Т. 2. Курск, 2007.

единилось к старообрядцам, 4 915 ушло к сектантам (по преимуществу в Харьковской, Владимирской и Курской губерниях)²¹. Активизировались перед войной некоторые мусульманские секты (например, староверов-ваисовцев)²². Историк М. Богословский считал, что причина распространения сект – «неудовлетворенность» официальной церковью прихожан, «не находящих удовлетворения в черством и сухом формализме нашей иерархии и нашего духовенства». Он считал, что «на помощь ищущей и страдающей душе христианской должен прийти кроткий, вдумчивый и отзывчивый пастырь церковный, а не чиновник православного исповедания в официальном вицмундире»²³. Как видно, таких пастырей не хватало.

Сектантство действительно было своего рода индикатором настроений в официальной церкви, но вовсе не врагом государства. Что касается верноподданнически настроенных скопцов, то они упорно стремились донести до «доброго царя» пророчества о грядущей войне, тяжелых испытаниях, ожидающих Россию за грехи ее, пришествии «Второго Икупителя»²⁴. Ранее адептов этой «варварской секты» регулярно ссылали в Сибирь, но после указа о веротерпимости 1905 г. их общины начали возрождаться.

Противостоять сектантскому движению становилось все труднее – одни только общины евангельских христиан-баптистов выросли в разы. Так, за пять лет в Петербурге от православия отпало более 400 человек²⁵. Однако и антисектантская деятельность усиливалась. В 1913 г. Св. Синод создал орган, координирующий деятельность всех миссионерских сообществ, – Миссионерский совет²⁶. Активизировались также церковные братства. Напряжение в духовной жизни нарастало. В годы тотальной войны это могло сказаться особенно остро.

В ходе русско-японской войны беспомощность полковых батюшек стала настолько очевидной, что одни иереи заговорили о бесполезности института военных священников как такового, другие – о необходимости реформ. За них активно взялся назначенный в 1911 г. на должность протопресвитера²⁷ Георгий Шавельский, зарекомендовавший себя опытным полковым священником. Программу своей деятельности он сформулировал в двух тезисах: мак-

²¹ Миссионерское обозрение. 1914. № 1. С. 155–156.

²² Усманова Д. Мусульманское «сектантство» в Российской империи. Казань, 2009. С. 116–123.

²³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 139–140.

²⁴ См.: Engelstein L. Castration and the Heavenly Kingdom. A Russian Folktale. Ithaca and London, 1999. P. 190–190.

²⁵ История евангельских христиан баптистов России / Сост. М. В. Иванов, А. В. Синичкин. М., 2007. С. 86.

²⁶ Православный благовестник. 1913. № 10. С. 293–295.

²⁷ В соответствии с Табелью о рангах титул приравнялся к званию генерал-майора в военном ведомстве, в церковном – архиепископа.

симально облегчить работу военного и морского духовенства и привлечь в его ряды лучшие духовные силы. В 1912 г. он изложил эти мысли в книге «Служение священника на войне»²⁸.

Приходские служители считали своих военных «собратьев» своего рода «белой костью». Однако при ближайшем рассмотрении оказывалось, что престиж армейских и судовых батюшек также был невысок. Военное командование, сознавая их значение для «окормления» личного состава, стремилось поддержать престиж священников, но офицерское сообщество их упорно не принимало. Обычно офицеры позволяли себе вульгарно-снисходительное, реже – корректно-холодное отношение к священникам²⁹.

Протопресвитер позволил вынести проблемы военного духовенства на всеобщее обсуждение. В журнале «Вестник военного и морского духовенства» развернулась соответствующая полемика. Выяснилось, что армейским батюшкам, увы, не чужды «солдатские» пороки. Отмечалось, что на фоне офицерской распущенности и неуважения к священникам в войсках имеют место случаи святотатства. Опираясь на опыт русско-японской войны, Шавельский отмечал, что военные священники в экстремальных условиях ведут себя порой «неразумно и дико», а потому необходимо специально готовить их для работы на поле брани³⁰.

По инициативе протопресвитера 1–11 июля 1914 г. в Петербурге состоялся Всероссийский съезд военного и морского духовенства – первый за сто лет существования ведомства. 49 священников-делегатов от всех 12 военных округов России разработали подробную инструкцию (памятку). Военным священникам помимо исполнения привычной работы (требы, проповеди, распространение духовной литературы, борьба с сектантами и пьяницами) предписывалось помогать в перевязке ран и выносе с поля боя убитых и раненых, извещать родных о смерти солдат, создавать общества помощи семьям убитых и увечных воинов, заботиться об уходе за воинскими могилами и кладбищами, устраивать походные библиотеки³¹.

Военные священники должны были наблюдать за политическими настроениями «окопников». Гражданскому духовенству рекомендовалось вести пропаганду среди отпускников и запасников для поддержания верноподданнических чувств. 20 июня появилось определение Св. Синода о совершении 8 июля, в день празднования явления Казанской иконы Божьей Матери, крестных ходов и молений о даровании российскому воинству победы над врагом³².

²⁸ Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 436, 442.

²⁹ Вениамин (Федченко), митр. На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 320.

³⁰ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 1. С. 79.

³¹ Подробнее см.: Вестник военного и морского духовенства. 1914. № 17.

³² Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде. Пг., 1915. № 26. 27 июня. С. 329.

2 августа Синод призвал монастыри, церкви и паству мобилизовать все силы для помощи больным и раненым воинам³³.

Еще до войны духовному правлению при протопресвитере было поручено разработать правила организации обществ трезвости, а полковым священникам – основательно подготовиться к антиалкогольной пропаганде³⁴. Новые начинания были встречены обществом несколько иронично. Но, как оказалось, решения съезда пришлось очень кстати – не успели делегаты разъехаться по домам, как была объявлена мобилизация.

Считается, что трезвеннические начинания были положительно восприняты в народе. Пресса сообщала, что 24 августа 1914 г. по инициативе трезвенников Путиловского завода состоялся грандиозный крестный ход из местной церкви к домику Петра Великого, в котором приняло участие несколько десятков тысяч человек³⁵. В октябрьском послании Св. Синода прозвучал призыв избавиться от рабства порокам – от пьянства, сквернословия, буйства, бунтов против власти, грабежей, самоубийств³⁶. В ноябре в Петрограде на собрании трезвенников братства св. Александра Невского молебен служил митрополит Владимир, присутствовало несколько архиереев³⁷.

Организаторы антиалкогольной кампании поначалу полагали, что обет, данный перед иконой 29 августа (день, обозначенный как «Праздник трезвости»), распространение антиалкогольной литературы и иконок поможет армии избавиться от порока. Позднее в приказе «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» наряду с просветительскими мероприятиями предусматривалась система мер дисциплинарно-административного характера в отношении офицеров, военных врачей и священников, отклоняющихся от трезвого образа жизни³⁸. По «горячим следам» вышел первый номер армейской газеты «Трезвость». По свидетельству протопресвитера Г. Шавельского, «явились особые типы пастырей-общественных деятелей в борьбе с пьянством, босячеством, с детской распущенностью». Однако эти светлые явления были результатом инициативы лишь отдельных подвижников из среды белого духовенства³⁹.

³³ Борщукова Е. Д. Указ. соч. С. 44.

³⁴ Подробнее см.: Приказы по военному ведомству. СПб., 1914.

³⁵ Новое время. 1914. 25 августа. По другим сведениям, крестный ход был организован путиловскими хоругвеносцами во главе со священником Павским. См.: Антонов Б. И. Указ. соч. С. 364–365.

³⁶ Трезвая жизнь. 1914. № 10–11. Октябрь – ноябрь. С. 228.

³⁷ Толстой Н. И. Указ. соч. С. 571.

³⁸ Приказ № 309 «О мерах против потребления спиртных напитков в армии» // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://orenkazak.ru/altepapiere-ustavtrezv.html>

³⁹ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 156–157.

Война поставила под сомнение фундаментальные ценности, на которых базировалась европейская цивилизация. 16 августа 1914 г. духовный глава французских католиков кардинал А. Бодрийар, человек крайне консервативных взглядов, так высказался о войне: «Этих событий... я с надеждой ждал 40 лет. Франция возрождается, и она не может возродиться иначе, как через очистительную войну»⁴⁰.

В российском духовном ведомстве войну ожидали по-своему. Митрополит Евлогий вспоминал, что через несколько дней после трагических событий в Сараево он получил телеграмму от обер-прокурора В. К. Саблера: «Берегите святую икону». Речь шла о чудотворной иконе Почаевской Божьей Матери – достоянии Почаевской лавры, расположенной в семи верстах от границы. Евлогий отмечал, что здесь в это время настроение было тягостное, в каждом природном явлении усматривали дурной знак, а икону, которую под благовидным предлогом перевезли в Житомир, люди провожали с заунывными настроениями⁴¹. Когда же в день почитания Ильи пророка (20 июля по старому стилю) пришло известие о начале войны, оно «всколыхнуло всех». В православных церквях всю ночь шли службы с крестными ходами, «народ молился и плакал»⁴².

С началом войны ведомству протоиерея Шавельского, Св. Синоду и тыловому духовенству пришлось решать непростую задачу: вдохновлять беспокойное население поликонфессиональной империи на служение верой и правдой царю и Отечеству. Между тем «в самой структуре Св. Синода было нечто, обрекавшее его на слабость и в известном отношении бездеятельность», связанную с традицией назначения первоприсутствующим одного из наиболее покладистых архиереев. К тому же собственно Синод и обер-прокурор представляли собой две силы, «фактически мешавшие друг другу»⁴³. Ситуация усугублялась разномыслием внутри «господствующей и первенствующей церкви». Синод оказался в центре скандалов, связанных с Г. Распутиным. Характерно, что епархиальные архиереи старались уклоняться от контактов с неуважаемым высоким начальством⁴⁴. Между тем от их слаженного взаимодействия во многом зависел боевой дух армии.

В первый день войны после молебна о даровании победы русскому воинству в Казанском соборе состоялось экстренное заседание Св. Синода, посвященное координации деятельности церковных структур⁴⁵. После повеления императора особо праздновать каж-

⁴⁰ Цит. по: Becker J.-J. Les Français dans la Grande Guerre. Paris, 1980. P. 10.

⁴¹ Евлогий, митр. Указ. соч. С. 228–229.

⁴² Там же. С. 230.

⁴³ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 136–137.

⁴⁴ Никон [Рклицкий], арх. Указ. соч. С. 401–402.

⁴⁵ Рункевич С. Г. Великая отечественная война и церковная жизнь. Кн. 1. Распоясания и действия Святейшего Синода в 1914–1915 гг. Пг., 1916. С. 9.

дую победу, 19 сентября – 14 октября 1914 г. Синод принял определение о совершении служб с колокольным звоном во всех церквях империи. Предписывалось также формировать контингент армейского духовенства с привлечением служителей культа тех епархий, где формировались или квартировали воинские части.

Активизировалась церковная пресса. Ей приходилось решать непростую с точки зрения христианского этоса задачу – обосновывать необходимость и даже «полезность» войны, разоблачать враждебные замыслы государств-противников и «внутренних врагов». Многие иереи предпочли активизироваться в привычных направлениях деятельности. Так, кишиневский миссионер в полемике с баптистами доказывал, что «война за правое дело есть дело Божие, есть дело священное..., наивысший долг любви, заповеданной Спасителем..., и всякий, говорящий иное, есть изменник Богу, царю, вере, родине и всей нашей русской христианской жизни, и самый коварный враг и предатель дорогой родины»⁴⁶.

Пропагандистская кампания началась с попытки обоснования вступления России в войну. «Да будут и Великая, и Малая, и Белая, и Червонная Русь – единою Святою Русью, – заявлял член правой группы Государственного совета архиепископ Никон (Рождественский). – Довольно иноплеменному царю владеть достоянием древних русских князей, пора вступить в права Державному Наследнику их – Царю Белому, Православному! Пора воскреснуть Червонной Руси, пора русской душе ее отдохнуть на груди матушки родимой, под ласковым взором Царя-Батюшки!»⁴⁷. Идеологи церкви с самого начала поддерживали идею «решающей схватки» славянства с германизмом, хотя славянство, как известно, не было едино (поляки вынуждены были сражаться в армиях России, Германии и Австро-Венгрии; Болгария занимала колеблющуюся позицию). При этом решительно отбрасывалась либеральная идея о «борьбе права с произволом» (право представляла Антанта, произвол – «тевтоны»), упор делался на расовый (в сущности, противный христианству) компонент мирового столкновения. С другой стороны, война якобы велась во имя торжества православия над протестантизмом (но православная Болгария, как и неславянская Румыния, еще не определилась со своей ориентацией). В любом случае, туманность официальных пропагандистских установок заставляла усомниться в целях войны неправославное население империи.

Непросто было православной церкви определить свои позиции по отношению к исламу. Со страниц академического издания «Церковный вестник», известного своей «левизной» (он резко «попра-

⁴⁶ Сквозников А. Война и заповедь – «Не убий» // Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 11. С. 236.

⁴⁷ Никон (Рождественский), архиеп. Мои дневники. Вып. 5. 1914. Сергиев Посад, 1915. С. 125.

вел» лишь в 1916 г.), обывателю внушалась довольно экзотическая мысль: «два “ислама”, протестантский и мусульманский, в лице Германии и Турции, фанатично ненавидящих восточное христианство», «заставляют Россию взять в руки меч Олега и Игоря»⁴⁸. «Истинно христианской» России противопоставлялся образ жестокого врага-нехристя⁴⁹ с «дикой, варварской, хищной и кровожадной» душой⁵⁰. Только победа над ним сулила «мирное царство Божие»⁵¹. Разумеется, писали о застарелом конфликте культур Запада и Востока, кризисе «веры во всесторонний и неукоснительный прогресс человечества», которая якобы стала «подлинной религией значительной части... образованного общества»⁵². Читателю попроще внушалась идея войны как не только «ратного подвига», но и искупления греха. Особенно часто этот сюжет мелькал в епархиальной прессе⁵³.

Было заметно, что консервативная часть РПЦ, пользуясь войной, намерена была упрочить свое влияние и на самодержавие, и на общество. Протоиерей И. Восторгов 9 августа 1914 г. писал из Москвы епископу Макарию в Нижний Новгород: «Какой момент мы переживаем! Это единение всех в России, грядущие победы... новая конъюнктура условий церковно-политической жизни, новое положение России и православия по отношению к Востоку и славянству, отсутствие необходимости давать уступки и реформы». Вместе с тем некоторые грядущие события – «автономия Польши», «эмансипация еврейства», «умаление прав православной церкви и прав коренного населения» – основательно его беспокоили. Сам он собирался оставаться «на позиции служения и защиты церкви» и считал, что пора «махнуть рукой на дворян и капиталистов» во имя «церковно-народного» идеала⁵⁴.

В это же время с поистине неистощимым пафосом журналисты «Церковного вестника» рассылали сомнительные обещания: «Нас ожидает великий духовный переворот», «От настоящих событий мы ждем... духовного перерождения и обновления. Только этим объясняется тот... религиозный энтузиазм, который охватил русское общество и народ в настоящее время...», «Мы верим, что гряд-

⁴⁸ Церковный вестник. 1914. № 44. 30 октября. Стб. 1324; № 47. 20 ноября. Стб. 1426–1427.

⁴⁹ Церковный вестник. 1914. № 40. 2 октября. Стб. 1190; 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1395.

⁵⁰ Филевский И., свящ. Германизм и христианство // Церковный вестник. 1914. № 48. 27 ноября. Стб. 1448.

⁵¹ Церковный вестник. 1914. № 52. 25 декабря. Стб. 1573.

⁵² Там же. № 39. 25 сентября. Стб. 1162.

⁵³ Подробнее см.: Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 31; Орловские епархиальные ведомости. 1914. № 43; и др. Также см.: Букалова С. В. Православная печать о причинах Первой мировой войны. С. 345–348; Церковный вестник. 1914. № 45. 6 ноября. Стб. 1346.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1209.

дущее духовное возрождение принесет с собой полное внутреннее единение всех под высшим водительством Церкви»⁵⁵. Некоторые священники в специальных брошюрах сообщали, что «русская рабочая семья слилась в одном чувстве любви и преданности Государю и родине со всей Россией, и она грозна своим единодушием и сплоченностью...»⁵⁶. Необычайно большое место на страницах православной печати заняла проблема школы. В церковной прессе писали, что «нужна строгая и планомерная христианизация самой общественной жизни, – семьи, общества, государства», что, естественно, следовало начать с «христианизации и национализации школы»⁵⁷. Это соответствовало светским мнениям о том, что «наша школа – создание рук немецкой партии»⁵⁸. Поэтому церковная пресса настойчиво внушала, что «русский народ как представитель великого славянского племени имеет право на развитие собственных национальных особенностей...»⁵⁹.

Некоторые священники видели в войне шанс на «спасение» самой церкви. Так, протоиерей М. Челмезов писал 20 октября 1914 г. в Харьков Антонию (Храповицкому): «Я ни на минуту не переставал чтить в вашем лице искреннего и горячего поборника идеи свободной от светского гнета, независимой, живой и деятельной церкви. Только такая церковь есть наша русская мать». Он полагал, что «сейчас мы живем... в подавленности церковной», ибо над духовенством стоит «папа и патриарх» В. К. Саблер. А потому «за войну приходится приносить Господу благодарение, ибо она... всколыхнула нашу русскую религиозность»⁶⁰. Похоже, христианская эсхатология получала вульгарно-прикладное выражение.

С другой стороны, надежды на религиозное возрождение разбились о позицию церковной бюрократии. Архиепископ Серафим (Чичагов) писал 21 декабря 1914 г. известному правому деятелю, члену Государственного совета кн. А. А. Ширинскому-Шихматову о своих разногласиях с петроградскими церковными инстанциями, которые «не интересуются положением епархии» и лишают его возможности «прекратить беззакония»⁶¹. Похоже, что война подхлестнула старые раздоры в церковных верхах.

Как бы то ни было, война вызвала подъем религиозных чувств – как искренних, так и фарисейских. Так, в Харькове студенчество взволновала речь архиепископа Антония (Храповицкого), заявившего, что оно «образумилось и стало на истинный путь» и поже-

⁵⁵ Церковный вестник. 1914. № 44. 30 октября. Стб. 1313; № 48. 27 ноября.

⁵⁶ Брояковский С., свящ. Война четырнадцатого года (По рассказам участников и очевидцев). Вып. 1. Киев, 1915. С. 30.

⁵⁷ Церковный вестник. 1914. № 38. 18 сентября. Стб. 1122–1123.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1943.

⁵⁹ Церковный вестник. 1915. № 15. 15 апреля. Стб. 446.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1660.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2113.

лавшего, чтобы учащаяся молодежь «всегда шла рука об руку с правительством»⁶². Ранее подобное заявление, скорее всего, вызвало бы протест. «Посмотрите, сколько нового церковного дела нарастает на Руси. Как ширятся теперь духовные запросы народных масс..., – писал 1 ноября 1914 Н. Чупурин (вероятно, священник) из Петрограда Иоанну Восторгову и тут же сокрушался, что «мы стоим на мертвой точке, мы как бы в параличе»⁶³. Действительно, к началу войны из одного обследования выяснилось, что из 250 школьников лишь 38 безусловно верны своей религии, остальных от религии отталкивает ее внешняя сторона: «обрядность, церковность, фанатизм, страх и повиновение (77 упоминаний)»⁶⁴. Казалось, теперь все должно измениться.

Даже секуляризированная столичная интеллигенция склонялась к мнению, что «войну надо принимать религиозно», хотя такая позиция явно походила на презируемый интеллектуалами казенный патриотизм⁶⁵. Поэт Сергей Городецкий в стихотворении «Подвиг войны» взывал: «Война! Война! Так вот какие / Отверзлись двери пред тобой, / Любвеобильная Россия, / Страна с Христовою судьбой!»⁶⁶. Члены петербургского Религиозно-философского общества как будто договорились: «Ошибочно оценивать войну как дело жестокости и бойни; ее надо оценивать по преимуществу как дело подвига и жертвы. Тогда едва ли можно будет сказать, что война есть шаг назад в истории человечества»⁶⁷. Такие заявления перекликались с представлениями консерваторов. «Вспомнили Бога, всюду на устах была крепкая вера в Его милость, любовь к Батюшке-Царю, горячее желание постоять за Святую Родину... Россия переродилась – храмы переполнились молящимися. Началось как бы покаяние за разгульную, безбожную жизнь. Многие войну объяснили гневом Божиим на народ, начинавший отпадать от веры православной», – отмечал член правой группы Государственного совета А. И. Мосолов⁶⁸.

Среди церковной братии в поддержку мистически-мессианского смысла войны особенно усердствовали те, кто оставался вдали от фронта. Так, епископ Анастасий, ректор Петроградской духовной академии, осенью 1914 г. при погребении офицеров Павловского

⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 35.

⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1756.

⁶⁴ Церковный вестник. 1914. № 32–33. 14 августа. Стб. 958. Церковная газета, опубликовавшая эти данные, не преминула заметить, что анкета, по которой проводилось обследование, никуда не годится.

⁶⁵ Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси. 1991. С. 294.

⁶⁶ Цит. по: Отзвуки войны. Литературно-художественный альманах. Под ред. Юрия Zubовского. Кн. 1. Киев, 1914. С. 117.

⁶⁷ Церковный вестник. 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1387.

⁶⁸ Доклад Постоянному совету Объединенных дворянских обществ товарища председателя А. И. Мосолова [Пг., 1915]. С. 3.

полка призывал: «Радуйся, русский народ, что твоею кровию и кровию народов, в союзе с нами сущих, побеждается гордыня милитаризма... Радуйся и веселись, русский народ: на крови твоих мучеников создается спокойствие и мирное благополучие России и всего православного славянства!... Радуйся, молись и смиренно благодари Бога, Русь православная, за его великую милость к тебе!»⁶⁹.

Хотя причины и цели войны остались малопонятными русскому воинству, в городах Центральной России проходили массовые патриотические манифестации. Непременными их участниками становились семинаристы и воспитанники епархиальных училищ. Практически в каждой духовной семинарии и академии обнаружались добровольцы⁷⁰. Получив «Молитвенную памятку воину, идущему на поле брани», они уходили на фронт с надеждой, что война закончится взятием Берлина к Рождеству.

Объективно пропагандистские возможности православного духовенства были не столь велики. Отношения между ним и светской властью были отнюдь не идиллическими и по причине отказа в созыве Поместного собора, и в связи с распутищиной. «Как жаль, что у нас духовенство стало слишком далеко от царя, — жаловался 23 ноября 1914 г. священник Аркадий из Орла протоиерею М. В. Серебрянскому в Москву. — Над ним глумились, его гнали и поносили, но оно хранило и сохранило лучшие черты славянской породы»⁷¹.

Однако по мере того как война принимала затяжной характер, вырос авторитет протопресвитера Шавельского. Он вошел в число присутствующих на Военном совете и в Ставке Верховного главнокомандующего, получил право личного доклада императору (чего не удаивались его предшественники), стал присутствующим членом Св. Синода⁷². Побывав на фронте, о. Георгий лишний раз убедился в несовершенстве системы взаимоотношений и взаимосвязей в среде армейского духовенства. Обнаружились также изъяны поспешной «церковной мобилизации»: епархиальные архиереи, пользуясь случаем, избавлялись от неугодных подчиненных; на фронт отправлялись престарелые, скандальные, а порой и запрещенные в служении священники и дьяконы. Случалось, что они за определенную мзду «заменяли» священников, не желавших покидать насиженный приход. Протопресвитеру приходилось разъяснять, что «действующая армия не приют для престарелых и не духовный дисциплинарный батальон». На этом фоне положительное исключение составили кишиневские священники «первого

⁶⁹ Церковный вестник. 1914. № 40. 2 октября. Стб. 1187–1188.

⁷⁰ См.: Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. С. 170–171; Ярославские епархиальные ведомости. 1914. № 46; Церковный вестник. 1914. № 32–33. Стб. 977–978.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1922.

⁷² Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. С. 14; Его же. Воспоминания... Т. 1. С. 100.

набора» – 29 человек – молодые, образованные, энергичные, самоотверженные, прошедшие специальные медицинские курсы⁷³.

Были и другие энтузиасты. В один из полков, стоявших под Гродно, прибыл пресвитер с университетским дипломом А. Введенский, будущий лидер обновленцев⁷⁴. В составе санитарно-питательного отряда отправился на войну молодой монах (в будущем известный митрополит) Николай (Ярушевич)⁷⁵. Однако в большинстве своем мобилизованные священники сами нуждались в «надзоре и руководстве». «Сердце жестоко болит о положении Синода и Русской православной церкви, – писал архиепископ Серафим (Чичагов) и задавался неожиданным вопросом: – Неужели только один русский народ возродился чудодейственно к новой жизни, освятился и окреп 19 июля 1914 г., а духовенство, иерархия и общество в прежнем духе и разложении?»⁷⁶.

Протопресвитер, подчиненный военному министру, назначал главных священников фронтов (утверждались Св. Синодом), которым подчинялись штабные священники (в статусе благочинных), им в свою очередь – госпитальные и добровольцы⁷⁷. Согласно статистике, в рядах «духовного воинства» к 1914 г. насчитывалось около 730 священников, 150 дьяконов и псаломщиков, а в разгар войны – до 5 тысяч человек⁷⁸. Но и последнюю цифру нельзя признать значительной: в рядах не столь многочисленной французской армии насчитывалось 16–20 тысяч католических священников, были среди них и добровольцы, отправившиеся в армию капелланами за свой счет⁷⁹. В русской армии духовных пастырей не хватало, хотя в некоторых подразделениях вводились должности римско-католических капелланов, евангелическо-лютеранских проповедников, мулл, армяно-григорианских священников, ламаистского духовенства и раввинов. Впервые учреждались должности старообрядческих священнослужителей. В среднем на одного священника приходилось более 2 500 человек, а к 1917 г. – 3200⁸⁰. Священники определенно не рвались на фронт. Немногие добровольцы не решали проблему

⁷³ Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. С. 445–446.

⁷⁴ Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996. С. 23.

⁷⁵ Колокол. 1914. № 43. Ст. 1303.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 93.

⁷⁷ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 1. С. 100; *Его же*. Русская церковь перед революцией. М., 2005. С. 419, 420, 422, 444.

⁷⁸ Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. С. 14. Сенин А. С. Армейское духовенство России в Первую мировую войну // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 161; Капков К. Г. Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX веков. Справочные материалы. М., 2008. С. 38.

⁷⁹ Сообщалось, что государство ограничило число капелланов-добровольцев – не более 250. Отмечали также рост авторитета духовенства и культа Жанны д'Арк. См.: Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1310.

⁸⁰ Капков К. Г. Указ. соч. С. 40, 46–47, 39.

дефицита кадров⁸¹. Тем не менее популярные издания публиковали сообщения (в сопровождении соответствующих иллюстраций) о том, как один армейский священник, случайно забредший в расположение австрийский войск около Львова, смог убедить 26 солдат-славян перейти на сторону русских⁸².

Однако уже первые соприкосновения с военной действительностью показали, что империя, позиционирующая себя «мировым ктиторм и защитником православия», недостаточно заботливо относилась к нуждам своей церкви и духовенства. Не удивительно, что война стала рассматриваться ее служителями как наиболее благоприятный момент, чтобы поднять свой авторитет⁸³. Многие священники надеялись, что положение удастся исправить, избавившись от надоевшего обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблера⁸⁴ (поменявшего фамилию и ставшего Десятовским). Позднее пришлось добиваться отставки сменившего Саблера Н. П. Раева, «не отличавшегося ни умом, ни административными способностями»⁸⁵. Сместить его не удавалось, светские верхи поддерживали нового обер-прокурора не менее упорно, чем прежнего. «Все пружины нажаты, чтобы Раева удержать, – комментировал происходящее неугомонный протоиерей Восторгов в феврале 1917 г., не терявший, однако, надежды. – Думаю, однако, что это едва ли удастся... Думаю, что царство Раева кончится, и трагедия маленьких людей, попавших в великие, подходит к заключительному акту»⁸⁶. Вряд ли Восторгов осознал, что, критикуя духовную иерархию, он подрывает сакральные основы монархии. Но сам он, как и большинство рядовых священников, продолжал надеяться, что его усилия не останутся тщетными.

1.4.2. Патриотическая деятельность духовенства

С началом войны армейскому духовенству всех вероисповеданий предстояло выполнять свой служебный долг перед Отечеством. Служители культа стремились поддерживать бодрое настроение в

⁸¹ Капков К. Г. Указ. соч. С. 40; Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 1. С. 201–202.

⁸² Огонек. 1914. № 37. 14 (27) сентября. С. 1.

⁸³ Левитов П. В. Война и духовенство // Церковный вестник. 1914. № 47. 20 ноября. Стб. 1423.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1660, 1604; Д. 998. Л. 1763.

⁸⁵ К этой характеристике протопресвитер добавлял поразившую его внешность: «в парике ярко-черного цвета, с выкрашенными в такой же цвет французской бородкой и усами, с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках, – он производил впечатление молодившегося старика довольно неприличного тона». На богослужении в Ставке Н. П. Раев предстал в военном мундире с шашкой – присутствующие пребывали в изумлении. См.: Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 67, 85–86.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 37.

войсках: стирать болезненную остроту разрыва с семьей, отвлекать от мрачных предчувствий, помогать преодолевать страх. Основная роль в деле «духовной мобилизации» военного и гражданского населения империи отводилась православной церкви. Ее задачи осложнялись тем, что на «христианском пространстве» России сохранялись многочисленные анклавы верующих-сектантов (духоборов, меннонитов, баптистов, евангельских христиан и т.д.), мировоззрению которых чужда была сама идея войны. Проповедникам слова Божьего предстояло не просто наставлять «христолюбивое воинство», но и способствовать формированию особой надконфессиональной идентичности и единой воли к победе. Прочие конфессии эту цель активно поддержали.

Часть поляков считала, что нужно привлечь католических священников в связи с воззванием Верховного главнокомандующего к полякам, ксендзы «должны воспламенять поляков» на борьбу с немцами⁸⁷. 4 августа 1914 г. из Одессы сообщали, что «29 июля местная польская колония горячо молилась в костеле о ниспослании нашему Государю победы над неприятелем и всякими врагами... чтобы Бог милосердный благословил наше русское воинство к победе и к уничтожению наших заклятых врагов немцев, попирающих правду...»⁸⁸.

Из Поволжья приветствия посылали мусульмане, иудеи, старообрядцы. Манифестация мусульманского духовенства Казани была проведена при поддержке многочисленного татарского населения города. Сообщали, что мусульманство города «во всех своих мечетях возносило молитвы о даровании победы русскому воинству над врагом»⁸⁹. Нечто подобное происходило повсеместно. В Баку толпы верующих собрались в мечетях, православном соборе и церквях, лютеранской кирхе, синагоге. Закавказское шиитское духовное правление выпустило воззвание, призывавшее мусульман встать на защиту России и выполнить долг перед Отечеством, «предписываемый религией»⁹⁰. Главный московский раввин Яков Мазе докладывал императору о готовности евреев к защите Отечества, муфтии России объявили «священным долгом» мусульман-воинов сражаться за «царя и Отечество», буддийские монахи заявляли: «Немцы – наши враги»⁹¹. С восторгом сообщалось, что мусульманский комитет организовал женщин, которые усердно

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1143 (письмо не установленного автора на польском языке из Лодзи от 3 августа 1914 г. ксендзу прелату Зигмунду Хелмицкому в Варшаву).

⁸⁸ Там же. Л. 1151 (письмо на польском языке, подписанное «Теофила и Бронек», М. И. Комарницкому в Каменец-Подольск).

⁸⁹ Терешина Е. П. Указ. соч. С. 19.

⁹⁰ Дулаева З., Мамедов М. Баку в годы Первой мировой войны // Азербайджан в период Первой мировой войны. Баку, 2014. С. 35.

⁹¹ Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 235.

занились шитьем белья для воинов⁹². Крымские мусульмане, вызывавшие особые подозрения, ходатайствовали об открытии лазарета на вакуфные средства мечетей и медресе, ими был создан комитет по сбору пожертвований теплыми вещами. Ставропольские мусульмане содержали на свои средства подвижной госпиталь на передовых позициях⁹³.

Правда, мусульманские печатные издания публиковали списки жертвователей в пользу раненых не только российских, но и турецких солдат⁹⁴. Это вызывало известного рода подозрения.

Ситуация с исламом оставалась непростой. Российские мусульмане не были едины, здесь были свои реформаторы и консерваторы. Полицейские источники сообщали, что в «мусульманских прогрессивных кругах» большую тревогу вызвал слух об учреждении Всероссийского мусульманского народного союза Сыратуль-мустаким (Правильный [правый] путь). После смерти в июне 1915 г. муфтия духовного собрания мусульман средней России Мухаммеда Яра Султанова началась борьба за избрание его преемника. Появление на этом посту Мухаммеда Сафа Баязитова, по информации МВД, «произвело ошеломляющее впечатление на прогрессивных мусульман»⁹⁵.

20 октября 1914 г. Россия объявила войну Турции, которая попыталась по-своему воздействовать на внешний мир. В ноябре 1914 г. стамбульский шейх-уль-ислам издал фетву, в которой указывалось, что, поскольку «Россия, Англия и Франция враждебны исламскому халифату», их подданные-мусульмане обязаны объявить им «священную войну». По данным охраны, для соответствующей пропаганды на Кавказ отправилось 60 турецких офицеров⁹⁶. В ответ оренбургский муфтий М. Султанов призвал мусульман защитить «свое российское отечество» и выступить против Турции, правители которой под влиянием Германии совершили необдуманный шаг⁹⁷. Российская пресса в связи с этим выражала восторг. «Расчет турок на восстание русских мусульман оказался неверен», – писала провинциальная газета⁹⁸. В ходе визита на Кавказ в ноябре 1914 г. Николай II посетил в Тифлисе суннитскую

⁹² Огонек. 1914. № 32. 10 (23) августа. С. 3.

⁹³ Арапова Д. Ю. «Можно отметить ряд высоких подвигов воинской доблести, проявленных мусульманами». Российские мусульмане героически сражались в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 42.

⁹⁴ Котюкова Т. В. Указ. соч. С. 204.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 72. Л. 87–89.

⁹⁶ По информации охраны, бакинские промышленники передали турецкому консулу большую сумму денег. По мнению исследователя, опасения российских властей относительно возможной нелояльности мусульман приобрели «параноидальный характер». См.: Баберовски Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. М., 2010. С. 85.

⁹⁷ Инородческое обозрение. 1914. Кн. 9. С. 606–610.

⁹⁸ Наше утро (Гродно). 1914. 31 октября. Цит. по: Будаков В. П. Хаос и этнос. С. 55.

и шиитскую мечети, получив от их первосвященников заверения в преданности короне⁹⁹. Этот шаг не остался без внимания: бакинская газета приводила массу примеров пожертвований со стороны мусульман¹⁰⁰.

Однако подозрительное отношение к закавказским мусульманам сохранялось. Некий «русский» писал из Баку 7 августа 1914 г. известному правому деятелю из «Нового времени» М. О. Меншикову, что среди мусульман «брожение» и заметно «влечение к Турции». Все обещания помощи армии – «формальны». В целом местный «народ не только не признателен пригревшей его России, но прямо становится во враждебное положение, и пожертвований... не будет. Таковы правдивость и искренность, удостоверенные *urbi et orbi* нашим генерал-губернатором Ключфелем»¹⁰¹. Стало известно, что немецкие летчики разбрасывают листовки с сообщением о том, что все магометанские государства уже начали священную войну против России¹⁰².

В обстановке усиливающегося антисемитизма в конце ноября в столичной хоральной синагоге состоялось торжественное богослужение, на которое были приглашены раненые солдаты-евреи. Было роздано 400 подарков, раввин произнес патриотическую речь, в которой призывал «братьев-воинов» верой и правдой служить царю и Отечеству и «поддерживать честь Израиля, помня доблесть Маккавеев». Синагога была заполнена тысячной толпой¹⁰³. В Риге главная синагога не смогла вместить всех желающих помолиться за победу русского оружия¹⁰⁴.

В благотворительную деятельность включились все конфессии. В августе 1914 г. в Киеве под руководством пастора при церкви Святой Марии был создан «Комитет для оказания помощи лицам, пострадавшим во время войны», открыты два отделения лазарета для раненых без различия вероисповедания¹⁰⁵. Сектанты избегали прямой проповеди пацифизма. Так, издаваемый И. С. Прохановым журнал евангельских христиан ограничился описанием случаев «нехристианского» поведения врага¹⁰⁶. Православным миссионерам казалось, что «вторая половина 1914 и первая половина 1915 г... ознаменовалась упадком открытой баптистской, а отчасти и ад-

⁹⁹ Воейков В. Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 143–144; Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 458.

¹⁰⁰ Каспий. 1914. 22 ноября.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1181.

¹⁰² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 95.

¹⁰³ Толстой И. И. Указ. соч. С. 573.

¹⁰⁴ Пухляк О. Н. Прибалтийские губернии летом – осенью 1914 г. в описании газеты «Рижский вестник» // Россия и Великая война. С. 160.

¹⁰⁵ Зёрнов В. Д. Записки русского интеллигента. М., 2005. С. 331.

¹⁰⁶ Христианин. 1914. Ноябрь. С. 1–2.

вентистской пропаганды»¹⁰⁷. Жандармы из провинции сообщали о крайне редких антивоенных высказываниях баптистов даже в октябре 1915 г.¹⁰⁸

Возможно, среди деятелей церкви не обходилось без показного верноподданничества. Священник Н. Пяйт (очевидно, этнический эстонец) из Раппина Лифляндской губернии 30 июля 1914 г. писал М. О. Меньшикову, что прибалтийские немцы, хвалясь своей лояльностью и используя связи в Петербурге, «замышляют что-то недоброе, а может быть и явно гибельное для нашей России». Он считал, что они готовятся к диверсионным действиям, и утверждал, что «помещик фон Сиверс вместе со своим сыном содержат 70–80 душ немецких колонистов, которые вслух при других рабочих имения высказывались, что они готовы с радостью встретить своих соотечественников-немцев». Подобных фактов «можно набрать массу», считал он. А потому не надо верить «казовой лояльности прибалтийских немцев». «Пишите кровью сердца, чтобы будить нашу спящую администрацию, чтобы она усиленно следила за немцами», – заклинал он¹⁰⁹. Впрочем, некоторые местные власти демонстрировали «патриотическое» рвение и без подобных подсказок. В ноябре 1914 г. в Царевококшайске оказалось около 300 высланных из Риги немцев, среди них 120 женщин. «В Казани живет пастор, который помогал здешним женщинам, но губернатор запретил ему помогать... Ну и порядки здесь!», – удивлялся один из немцев¹¹⁰.

Обычно православные иереи подчеркивали русский характер императорской власти. Так, 31 января 1915 г. епископ Агапит в Екатеринбургском соборе приветствовал Николая II: «Это Ваш подвиг, Ваше Императорское Величество. Вы трудитесь, наблюдая русскую жизнь и душу православного человека в наши скорбные, но святые дни. Вы лично видите, как Святая Русь вместе со своим Царем ничего не жалеет для блага родины»¹¹¹.

Было ли российское военное духовенство готово к работе в военных условиях? Применение новейшей техники – аэропланов, цеппелинов, отравляющих газов, тяжелой артиллерии – требовало особой психологической адаптации: преодолевать страх приходилось не только солдатам, но и самим священникам. Формально священник и солдат находились рядом на протяжении всей войны. Приходской батюшка провожал новобранцев, внушая, что «война

¹⁰⁷ Церковный вестник. 1916. № 25–27. 10–24 июля. Стб. 551.

¹⁰⁸ Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан Поволжья в Первую мировую войну (1914 – начало 1918 гг.): Сб. документов и материалов. Самара, 2011. С. 41.

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 5–5 об.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1930 об. (Ганс Бедекер из Царевококшайска в Стокгольм в «Немецкое вспомогательное общество»).

¹¹¹ Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии (январь – июнь. 1915 г.). Пг., 1915. С. 51.

окончится победой Православия, что Святой Крест, наконец, во-друзится над св. Софией»¹¹² благодаря простому русскому воину. Соответственно выстраивался сценарий проводов. Так, в Твери многочисленные объявления извещали об архиерейском служе-нии, напутственных молебнах по случаю выступления в поход гре-надерского полка 25 июля. Предпринимателям рекомендовалось закрыть свои заведения на время молебствия¹¹³. Уходящих на фронт щедро одаривали назидательными книжками, иконками, крести-ками – синодальное руководство предписывало не скупиться на военные нужды. Флотский священник И. Виноградов из Гельсинг-форса сообщал 4 августа 1914 г. И. Ф. Иванову в Москву, что «все рвутся в бой, несмотря на численное превосходство противника», при этом экипажи демонстрируют прекрасные результаты стрельб, а после того, как Англия объявила войну Германии, «наш жалкий флот воспрял духом»¹¹⁴. Основная масса духовенства была настроена на войну до победы. На фронте священники объясняли солдатам преступный характер сдачи в плен¹¹⁵. В этом им помогали специ-альные брошюры – пособия для бесед с солдатами¹¹⁶. Священник О. М. Никольский 9 октября 1914 г. писал из Москвы в Петроград: «У нас носят упорные слухи, что наши хотят заключить с Герма-нией сепаратный мир, что в высших сферах сильно немецкое тече-ние. Избави нас Бог от такой глупости»¹¹⁷.

По известной привычке патристические «идеологи» жалова-лись на трудности работы. Некий Н. Варжанский из Москвы писал 5 октября 1914 г. архиепископу Финляндскому Сергию: «Поднялась вера в сердцах, умножились молитвы... Но вполне пропорциональ-но патриотизму идет стройное приготовление к подрыву Церкви... к торжеству иноверия и сект... Бойкотируют немецкое платье, кон-феты, но совершенно не бойкотируют души немецкой – их религии, особенно погубляющей нас...» К тому же можно легко «смять бап-тистов и [их] компанию», но тогда общественность поднимет шум, и священников могут обвинить в том, что они натравливают веру-ющих друг на друга¹¹⁸. Из Благовещенска в ноябре 1914 г. писали, что город населен «сектантами – молоканами, духоборами и бапти-стами», которые «с презрением относятся к православию»¹¹⁹. В ду-ховной сфере наблюдались те же коллизии, что и в светской жизни.

¹¹² *Амеросия (Оберучева), монахиня.* Указ. соч. С. 239; Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. М., 1992. С. 84–85.

¹¹³ Тверская губерния в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. Сборник доку-ментов / Науч. ред. В. П. Булдаков. Тверь, 2009. С. 46.

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1155.

¹¹⁵ *Асташов А. Б.* Русский фронт... С. 441.

¹¹⁶ *Асташов А. Б.* Пропаганда на Русском фронте... С. 83.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1573.

¹¹⁸ Там же. Л. 1538.

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1910 (письмо неустановленного автора К. Г. Лосеву в Киев).

Но священникам нужно было готовиться не только к «поднятию духа». На фронте полковой наставник встречал новобранцев молебном и пением наиболее «востребованной» молитвы: «Спаси, Господи, люди твоя». И он же провожал их в последний путь.

Но жить по этой схеме в военных условиях, даже опираясь на грамотно составленную инструкцию, священникам было непросто. Эйфория первых дней быстро развеялась. Слова о «силе духа» русского солдата вряд ли доходили до бывших крестьян, оказавшихся под огнем тяжелых орудий. Священникам предстояло сформировать «религиозное отношение к войне»: смотреть на нее как на «попущение Божие, необходимое для благих конечных целей Промысла»¹²⁰. Многие из них были настроены оптимистично. Священник К. Волков в августе 1914 г. писал члену Государственной думы А. Трегубову, что крестьянство войну оправдывает, «сознает необходимость жертвы и безропотно готово принести ее». Ему, как и многим, казалось, что «такая война не может не закончиться успешно»¹²¹.

Как бы то ни было, потребность в привычном ритуале в начале войны была особенно велика. Высшее военное начальство, офицеры, солдаты рядом стояли на молебнах, регулярно причащались, хотя иным подобное поведение казалось чудачеством¹²². Отдельные командиры все же сознавали необходимость духовного окормления подчиненных. Генерал-майор Новицкий в приказе по 73-й пехотной дивизии от 17 декабря 1915 г. требовал: «В связи с упадком духа, утомлением боевой службой необходимо удовлетворение религиозных нужд офицеров и нижних чинов. Полковой благочинный должен проследить, чтобы полковые священники возможно более часто посещали людей в окопах, чтобы на Рождество для всех людей, находящихся на позициях, были совершены богослужения и беседы священников»¹²³. Такие инициативы находили отклик. Солдаты помогали полковым священникам устраивать походные часовни, организовывать хор на общей молитве или панихиде. Военврач Оберучева вспоминала, что однажды за ночь они построили церковь из оконных рам и молодых деревьев, раздобыли облачения, местнотимые иконы и сосуды для службы¹²⁴. Раненых прямо на

¹²⁰ Церковный вестник. 1914. № 39. 25 сентября. Стб. 1165.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1290.

¹²² См.: *Евлогий, митр.* Указ. соч. С. 231; *Амвросия (Оберучева), монахиня.* Указ. соч. С. 185; *Вениамин (Федченков), митр.* Божьи люди. С. 275.

¹²³ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 96. Л. 3.

¹²⁴ Первая плавучая церковь (переоборудованная из бывшей императорской яхты «Марево») появилась в конце сентября 1914 г. (*Антонов Б. И.* Указ. соч. 410). В 1916 г. был создан Комитет по сооружению подвижных храмов, налажен выпуск военно-походных и плавучих церквей // *Сенин А. С.* Армейское духовенство России... С. 163. Их производство организовал фабрикант С. С. Мешков. См.: *Поляков Г., протоиерей.* Военное духовенство России. М., 2002. С. 300.

кроватях и носилках выносили к алтарю для участия в богослужении. Отзываясь на просьбы солдат на передовой, священники проводили службы прямо в окопах, куда приходилось пробираться по ночам с риском для жизни¹²⁵. Военный корреспондент А. Ксюнин так описывал службу на фронте: «Походная церковь. Двери убраны ельником, прибиты зеленые кресты. В небольшой с низким потолком комнате шла Вечерня. Молились одни солдаты. Впереди несколько офицеров. Церковь устроена по-военному, но с любовью... С молитвою начинал русский воин всякое дело и ею завершал каждый прожитый день...»¹²⁶.

Светская пропаганда также всячески подчеркивала набожность русского солдата. В популярных журналах можно было встретить рисунок «Молитва казаков перед боем»¹²⁷. Командующие войсками, обращаясь в приказах к «христолюбивым воинам», обычно ссылались на «волю Божью» и «Святую Русь», предлагали тексты молитв¹²⁸. Славянофильствующие издания призывали к коллективной «одновременной молитве в тысячах церквей», которая создаст «психические токи», способные оказать «громадную помощь нашим героям в решающие минуты их подвигов на благо человечества»¹²⁹. В унисон с ними в церковной прессе писали, что «...День и ночь молится Русь... Она вся сейчас – страдание и молитва...»¹³⁰. На деле все было сложнее. Возникали сомнения. Иван Аксеновский, ратник 15-й пешей Архангельской дружины 1 ноября 1914 г. писал: «Наши пастыри крестом благословляют нас, темных людей, на такое злое дело как война и присяга». Священник утверждал, что «настоящая война – промысел Божий, значит, мы должны идти без ропота на убийство»¹³¹. Трудно сказать, сколько воинов задавалось подобным вопросом.

Но в действительности молитва составляла незначительную часть фронтового быта. Тяжелым испытанием для священников стала служба в госпиталях: приходилось самим искать место для проведения служб и исполнения треб умирающих. Случалось и такое: «...Батюшка очень спешил, так как раненные умирали; он весь дрожал от утомления и сильных переживаний. Картина была ужасная: на полу, сплошь залитом кровью, лежали раненные, у многих

¹²⁵ Амеросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 203, 225; Церковный вестник. 1914. № 44. 6 ноября. Стб. 1334.

¹²⁶ Ксюнин А. И. Народ на войне. Пг., 1916. С. 151. Согласно воспоминаниям протопресвитера Шавельского, некоторые военные церкви помещались в громадных декорированных ельником и искусственными цветами землянках, способных вместить целый полк. См.: Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 273.

¹²⁷ Журнал «Война». Пг., 1914. № 15. С. 3.

¹²⁸ См.: Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте... С. 349–350, 353–355.

¹²⁹ Новое Звено. 1914. № 43. 18 октября. С. 1.

¹³⁰ Церковный вестник. 1914. № 40. 2 октября. Стб. 1204.

¹³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 93.

сильно поврежден череп, виден был мозг, липкая кровь обливала лицо, прилипали надоедливые мухи»¹³².

Особое место в деятельности армейского клира занимали похороны погибших. Сохранились свидетельства о трепетном отношении к похоронной процедуре всех ее участников – ее воспринимали как проводы на вечный покой¹³³. Когда удавалось, на месте погребения специально сооружали часовни, их убирали белым коленкором, рисованными иконами, еловыми ветками. Раненые и верующие из персонала настаивали, чтобы священники сопровождали погибших воинов до кладбища¹³⁴. Но чаще приходилось хоронить в братских могилах, причем даже в таких случаях офицеров и нижних чинов хоронили отдельно¹³⁵. Порой отпевали вместе православных и солдат противника. Описывали это так: на носилках семь русских солдат и один немец в синей шинели. Немца похоронили рядом, поставили над ним особый крест¹³⁶. Мало-помалу откровенно простодушный цинизм войны брал свое, люди взирали на панихидный ритуал как на обычную «работу»¹³⁷.

Иные военные священники сближались с нижними чинами и на бытовой основе. Мало кому из них удавалось устроиться с комфортом. Размещаться приходилось где придется, чаще всего под одной крышей с военными врачами. Последние порой задавали «неловкий» вопрос: война есть нарушение Божьих заповедей, зачем священникам отправляться на войну¹³⁸? Один из полковых батюшек сокрушался, что, отлучаясь к раненым, он вынужден был передавать на хранение случайным людям Святые дары и богослужебную утварь, так как врачи порой демонстративно раздевались рядом со святынями, бросали на них свою одежду. К тому же они «неподобающе вели себя с сестрами». Увы, такой образ жизни медицинского персонала не могли пресечь даже священники¹³⁹. Впрочем, некоторые из них «опростились» настолько, что расставались с рясой, переодевались в солдатское обмундирование и никогда не покидали боевых позиций¹⁴⁰.

Военная повседневность скрашивалась праздниками. Медсестра Т. Варнек вспоминала, как в госпиталях на Юго-Западном фронте на первую военную Пасху побывали члены царской семьи. По ее

¹³² Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 174.

¹³³ Там же. С. 240–245.

¹³⁴ Варнек Т. Воспоминания сестры милосердия // Добровольцы. Сборник воспоминаний. М., 2001. С. 21.

¹³⁵ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 5. 1 марта. С. 136.

¹³⁶ Ксюнин А. И. Указ. соч. С. 120.

¹³⁷ Письма прапорщика Е. Г. Герасимова с фронта Первой мировой войны // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vladregion.info/articles/pisma...>

¹³⁸ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 6. 15 марта. С. 163.

¹³⁹ Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 179–180.

¹⁴⁰ Веверн Б. Указ. соч. Т. 2. С. 65.

словам, после августейшего визита несколько дней все пребывали в состоянии зачарованности и страстно молились за императора¹⁴¹. Ностальгия по домашнему празднику вытесняла настороженное отношение к инославному окружению. В Польше в одном храме в пасхальные дни оказались православные медсестры и женщины-католички¹⁴². Пресса публиковала трогательные рассказы о совместных молениях солдат с галичанами «в бедной униатской церкви»¹⁴³. Генерал А. Е. Снесарев, поприбывав на совместных рождественских службах в Галиции, пришел к выводу, что «если наши духовные вожди не будут слишком формальными, возврат униатов в лоно Православной Церкви совершится скоро и сам собою»¹⁴⁴. Действительно, некоторые униатские священники считали русских «родными, близкими по крови»¹⁴⁵. Формальная обрядность уступала место естественной вере, обостренной близостью смерти. Враждующие комбатанты уже в 1915 г. на Пасху выходили друг к другу, христосовались, обменивались угощениями¹⁴⁶.

Как обычно, в канун праздников возрастало число исповедующихся. Один из священников сообщал: «Более высокого и чистого состояния на исповеди, чем со своими солдатами, я никогда не переживал... Душа открытая, раскаяние легкое... замечательные лица... Таково христолюбивое воинство...»¹⁴⁷. Первое время все священники подчеркивали «истинно христианскую» незлобивость русских солдат. Известный проповедник В. Востоков в светской газете приводил якобы типичный случай: русский солдат просил в госпитале: перевяжите сначала друга-немца, мы нанесли раны друг другу, но он страдает сильнее¹⁴⁸.

Архиепископ Никон (Рождественский), охарактеризовав войну как «свершившийся суд Божий над народами земли», указывал на грехи как немецкого, так и русского народа. «Немцы согрешили гордынею – грехом сатаны. Много согрешили и мы перед Богом, – писал он. – Бога забыли, от Церкви отвращаются, заветы предков осмеивают. А в верхних слоях господствует практическое язычество». Правда, отмечал архиерей, если немцы были, по его словам, виноваты в том, что «в гордыни своей вознеслись превыше облак

¹⁴¹ Варнек Т. Указ. соч. С. 21, 23.

¹⁴² Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 194–195.

¹⁴³ Яхонтов Н., воен. свящ. Рождество на позициях // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 4. 15 февраля. С. 105.

¹⁴⁴ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 76.

¹⁴⁵ Веверн Б. Указ. соч. Т. 2. С. 59–60.

¹⁴⁶ Локтева Н. А. Фронтовые письма как источник для изучения морального и патристического духа солдата // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://august-1914.ru/lokteva.html>

¹⁴⁷ Церковный вестник. 1914. № 50. 11 декабря. Стб. 1519, 1520.

¹⁴⁸ Востоков В., свящ. У ног Христовых // Друг пахаря. 1915. № 3. 15 февраля. С. 4–5.

небесных», то «русскому народу чужда национальная гордыня». Он придерживался официальной доктрины: «Для русского человека и немец, и француз, и всякий другой инородец, даже и некрещеный еврей, татарин и даже язычник – все люди, все по образу Божию созданы, и обижать их без крайней нужды не следует – грешно, не по-Божьи». Теперь русскому народу следует смириться, покаяться в грехах, и тогда он одолеет немцев. Прозвучала и панславистская тема: «Бог посылает народу великий крестоносный подвиг – полагать душу свою за страждущих братьев по вере и по крови... Дал бы Бог, чтобы поняли наши передовые люди великий смысл грядущего подвига!»¹⁴⁹

Но скоро благодные настроения масс сошли на нет. Письма с фронта отразили перемены в религиозных переживаниях солдат: упование на Бога, вера в силу молитвы и охранительную мощь креста сохранялись у них только в начале войны. Боевые неудачи, голод, вши, плохое обмундирование, инфекционные болезни¹⁵⁰, а равно и слухи об «измене» царя и царицы, похождения Распутина резко снизили уровень «окопной религиозности». Все чаще у солдат и матросов обнаруживались антицерковные настроения, религиозная благодь вытеснялась циничным взглядом на веру, а «потеря души» оборачивалась пьянством, депрессией и откровенным богохульством. Известны случаи, когда солдаты сжигали кресты на братских могилах¹⁵¹. Религиозно-протестные настроения фронтовиков обострялись: если в 1915 г. священников и церковь порой лишь обвиняли в отступлении от заповедей Христовых¹⁵², то в 1916 г. случались массовые уклонения от исполнения обрядов, переходящие в отрицание Бога¹⁵³. Образ героя-священника, крестом поднимающего на подвиг, в сознании солдат сменился образом попа, к «традиционным» порокам которого добавились новые прегрешения. К примеру, в солдатском фольклоре появляется фигура попа-волокиты за сестрами милосердия¹⁵⁴. Такое случалось. В октябре 1914 г. в одном из писем из госпиталя описано поведение немолодого «приглашенного батюшки – человека довольно несимпатичного», который помимо субботней и воскресной служб «решительно ничего не делает,

¹⁴⁹ Никон (Рождественский), архиеп. Указ. соч. С. 123, 122, 119.

¹⁵⁰ См.: Локпева Н. А. Указ. соч.

¹⁵¹ См.: Федорченко С. З. Народ на войне. Фронтовые записки. Киев, 1917; Войтоловский Л. Н. По следам войны. Походные записки. М.; Л., 1928. С. 135; Астахов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 412.

¹⁵² Поршнева О. С. Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 394.

¹⁵³ Федорченко С. З. Указ. соч. С. 100, 111, 120.

¹⁵⁴ Колоницкий Б. Н. «Трагическая эротика». С. 336–337.

все время ищет приключений». Возможно, автора письма раздражало то, что он, будучи старшим врачом, получает лишь 240 рублей в месяц, тогда как священник – 289 рублей¹⁵⁵. Как бы то ни было, часть представителей духовного сословия в военные годы так и не избавилась от пагубных привычек мирного времени.

Верили ли военным священникам? Ф. Степун вспоминал: «Батюшка служил с искреннею верою и, не смущаясь войной, убежденно возглашал “яко благ и человеколюбец Бог еси”... Бог представлялся мне скорее гениальным автором глубокомысленной мировой трагедии, чем благим Творцом; Христос – скорее протагонистом хора страждущей твари, чем однородным Сыном Божиим и моим Спасителем...”»¹⁵⁶. Даже на войне вера интеллигента, конечно, не походила на веру человека традиционной культуры. И не всякий священник мог преодолеть подобное «разноверие» своей молитвой.

Разумеется, потребность в вере не исчезала. Сохранилось «коллективное завещание» офицеров и воинов 464-го пехотного Селигерского полка, подписанное полковым священником о. Василием (Беляевым). Солдаты и офицеры, ожидавшие отправки на фронт, просили губернатора Н. Г. фон Бюнтинга установить постоянную молитву в храмах и обителях о здравии воинов, а после их гибели – непрестанное поминовение. Предлагалось также установить «молитвенное единение... с населением местности», где дислоцировался полк. Такое предложение, вероятно, было связано с тем, что бытовые скандалы с участием военных, увы, становились заурадным явлением. Инициатива священника получила широкую известность, и вскоре командование полка прислало с фронта благодарности тверичанам, деликатно намекая при этом на переизбыток подарков – икон, крестиков и предметов обихода¹⁵⁷.

По мнению Шавельского, многие священники достойно выполнили свой долг, хотя были и досадные исключения¹⁵⁸. По отзывам тех, кто был с ними в окопах и госпиталях, их деятельность возрождала «христианскую любовь первых веков»¹⁵⁹. Масштабы каритативной деятельности православного духовенства действительно впечатляют¹⁶⁰. Но нельзя забывать и о других мнениях. «Духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск,... вера

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1710 (письмо неустановленного автора из Люблина Л. А. Беликовичу в Аккерман).

¹⁵⁶ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 276.

¹⁵⁷ Тверская губерния в годы Первой мировой войны... С. 140–142, 145–146. Правда, в мае 1916 г. один из солдат полка жаловался своему земляку на плохое питание и отсутствие в рационе мяса (См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1175. Л. 266). Трудно сказать, насколько крепка оказалась его вера в отсутствие ожидаемой «отеческой» заботы от командиров.

¹⁵⁸ См.: Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 91–108.

¹⁵⁹ Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 171, 174.

¹⁶⁰ См.: Борищукова Е. Д. Указ. соч. С. 44–47.

не стала началом, возбуждающим на подвиг или сдерживающим от развития... звериных инстинктов», – констатировал А. И. Деникин¹⁶¹. Возможно, генерал преувеличивал степень ответственности «титულიной» церкви и ее пастырей за просчеты военного командования и самодержавия. «Если не будут победы, нас ждут ужасы новой революции..., – писал 9 октября 1914 г. И. Восторгов архиепископу Антонию (Храповицкому). – Если будет победа, возникнут новые течения, которые сметут и блок придворного духовенства с хлыстовщиной, и вообще рабство церковное...»¹⁶². Духовенство ощущало себя зажатым между негодной властью и угрозой революции.

Оценивая нравственно-мобилизационные возможности православных священников в армии, нельзя забывать о духовной разобщенности отдельных сословий в России. Пренебрежительное отношение к «божьему воинству» со стороны офицерства легко оборачивалось готовностью «валить все на попа» со стороны людей неуравновешенных. «Крики раненых не проникают за толстые стены богатых монастырей», – уверял поручик И. Яцимирский в письме из действующей армии, направленном 28 октября 1914 г. известному писателю Е. Чирикову в редакцию «Биржевых ведомостей». Он был убежден, что монашеская братия осталась равнодушной к жертвам войны. «Насколько велико наше преклонение пред общим желанием помочь нам, настолько возмутительным является поведение этой позорной касты»¹⁶³, – так оценивал он деятельность монашеского сословия. И он был не одинок: люди все меньше доверяли друг другу. На деле монастыри не только жертвовали деньги, но брали на воспитание детей¹⁶⁴.

Позднее выяснилось, что взаимодействия РПЦ с различными общественными организациями так и не сложилось. И хотя в одной из наиболее крупных организаций – «Обществе 1914 г.» – имелся особый церковный отдел, плодов его патриотической деятельности не было заметно. «...Религиозно-церковный отдел Общества оказался в выморочном состоянии...», – констатировала церковная пресса, полагая, что, «обопрись Общество 1914 г. в своей борьбе с немецким засильем и на религиозные недра православной народной России, оно несомненно имело бы гораздо больше шансов и на свою распространенность в населении Империи, и на прочный успех своего дела и в настоящем, и в будущем»¹⁶⁵.

¹⁶¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль – сентябрь 1917. М., 1991. С. 79–80.

¹⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1575.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1720.

¹⁶⁴ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 206–207.

¹⁶⁵ Гринякин Н. К «занятиям» «Религиозно-церковного отдела» «Общества 1914 г. – борьбы с немецким засильем» // Церковный вестник. 1916. № 40–42. 23–30 октября. Стб. 750.

1.4.3. Межконфессиональные взаимопредставления

Вопреки официальной установке на преодоление конфессиональных противоречий и этнических конфликтов, с началом военных действий временное «религиозное перемирие», связанное с принятым в 1905 г. законом о веротерпимости, так или иначе подошло к концу. Правительство, а вслед за ним и официальная церковь все более подозрительно относились к представителям неправославных конфессий и всякого рода сектантам. Образ иноверца как внутреннего врага вольно или невольно усиливался в результате миссионерской деятельности, как правило, весьма агрессивной.

Неправославные конфессии пытались по-своему приспособиться к ситуации. 15 октября петроградские немцы-католики, казалось бы, добровольно отказались от своего католического храма Св. Бонифация, который содержался при поддержке германского и австрийского правительств. Храм, естественно, был передан польской общине¹⁶⁶. В популярных изданиях публиковалась информация о том, как пруссаки пытались выпытать у ксендзов, куда ушли русские войска. Одного из патриотичных ксендзов тут же убили, другого бросили в тюрьму¹⁶⁷.

В условиях войны все граждане стараются выглядеть верноподанными – хотя бы из потребностей самосохранения. Между тем в Почаевской лавре еще накануне войны монахи-миссионеры яростно «накаливали» народ против «жидов»¹⁶⁸. С началом войны потепление отношения к евреям было заметно лишь на уровне официальных деклараций и журналистских публикаций. В мусульманских анклавах империи нарастала напряженность в связи с поветрием пантюркизма и панисламизма, которые якобы подогревались мусульманским духовенством¹⁶⁹. Русские протестанты как последователи «немецкой веры» все откровеннее рассматривались как потенциальные и явные немецкие агенты¹⁷⁰. Пропаганда подкреплялась соответствующей изопродукцией для простонародья.

Отголоски традиционной взаимной конфессиональной подозрительности дали о себе знать уже в первые месяцы войны. Архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), человек правых убеждений и крутого нрава, возмущался: «Чем дальше в лес, тем больше хлыстовщины. Секта Стефана Подгорного имеет десятки тысяч последователей в Харьковской епархии; и все это по причине

¹⁶⁶ Новое Звено. 1914. № 43. 18 октября. С. 25.

¹⁶⁷ Огонек. 1914. № 37. 14 (27) сентября. С. 7.

¹⁶⁸ Евлогий, митр. Указ. соч. С. 227.

¹⁶⁹ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб., 2007. С. 259–260.

¹⁷⁰ Никольская Т. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб., 2009. С. 43.

бесцерковности наших пастырей»¹⁷¹. Увы, народные религиозные представления по-прежнему имели мало общего с официальными духовными установками.

Военврач А. Оберучева отмечала, что успешная работа русских госпиталей и питательных пунктов в юго-западной прифронтовой полосе во многом зависела от отношения к их сотрудникам местного католического духовенства. Подчас взаимопонимание достигалось с трудом. Так, в монастыре Яна Собесского, который покинули почти все монахи и настоятель, расположился питательный пункт и его персонал, состоявший по преимуществу из молодых людей. Не испытывая уважения к чужим святыням, они развлекались, запуская из окон ракеты, устраивая шумные игрища, а на статуях святых демонстративно или по невежеству развешивали одежду и оружие. Набожная Оберучева отмечала, что она скорее находила общий язык с местными ксендзами, чем с такими «православными»¹⁷². Особые межконфессиональные коллизии возникали в среде беженцев. Так, протоиерей А. Любарский 12 мая 1916 г. жаловался депутату Государственной думы протоиерею А. Будиловичу, что разделение благотворительных организаций по этническому принципу приводит к тому, что «о поляках и евреях заботятся чрезвычайно, а о русских совершенно не заботятся...». Действительно, нерусские общественные организации, не привыкшие полагаться на власть, обнаруживали куда большую расторопность, нежели русские. В результате православные и католики, поселившиеся около Рославля Смоленской губернии, оказались в неравном положении. По словам Любарского, «католики получают все: деньги, муку, крупу, сало, овес, сено и пр., православные же получают крохи». В результате его прихожане «заявили себя поляками, и к ним стал заезжать ксендз». Священника возмущало, что «в России идут пропаганда и превращение православно-русского народа в католиков, поляков», и дело доходит до того, что поляки издеваются над православными, заявляя: «Нам в Польше было хорошо, и в России хорошо, а вам везде плохо»¹⁷³.

Однако война не только разъединяла, но и духовно сближала людей. Сообщалось, что 42 чеха из Петербурга 3 августа в Казанском соборе смогли осуществить свою давнюю мечту – перейти в православие¹⁷⁴. В ряде случаев военнопленные славяне, особенно униаты, обнаруживали желание перейти в православие или просто посещали православную службу¹⁷⁵. В порядке привлечения симпа-

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 124 (письмо от 18 января 1917 г. члену Государственного совета Ф. Ф. Трепову, возглавлявшему Особый комитет по борьбе с немецким засильем, в Черновцы).

¹⁷² *Амеросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 192–193, 204–205.*

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 119.

¹⁷⁴ Огонек. 1914. № 32. 10 (23) августа. С. 14.

¹⁷⁵ *Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 190–191.*

тий чехов православная пресса даже попыталась подправить образ Яна Гуса – получалось, что он был «по преимуществу христианским моралистом»¹⁷⁶.

В силу официальной установки на «единство славянства» в начальный период войны в церковных кругах возник соблазн решить так называемый униатский вопрос. Некоторые архиереи, такие как Антоний (Храповицкий), заранее сомневались в необходимости такого подхода¹⁷⁷. Но тот же Антоний уверял, что «плачутся галичане, что их одолевают в Галиции поляки и мазепинцы», утверждая, что в галицийских учебниках «поносятся Россия и православие и восхваляются Франц-Иосиф и Иван Мазепа»¹⁷⁸. Однако руководители униатов во главе с митрополитом А. Шептицким слышать не хотели о переходе под омофор православной церкви. Тем не менее Евлогий по личному распоряжению императора и повелению Синода занялся «воссоединительным делом» в Восточной Галиции. Позднее он объяснял свое рвение тем, что накануне мировой войны в Карпатской Руси и Галиции «стало пробуждаться стремление вернуться к вере своих отцов», но русское общество и правительство равнодушно отнеслись к этому вопросу¹⁷⁹. Евлогий был не единственным претендентом на роль «спасителей» униатов. Епископ Харьковский Антоний сожалел, что не смог отправиться в Галицию из-за противодействия придворных распутинцев. Он писал, что польский дух ему «опротивел» и выражал надежду, что его ученик Евлогий «поведет хорошо дело, то есть лучше других архиереев»¹⁸⁰.

Официальная вероисповедная политика в Галиции, принципы которой были изложены в местной прессе, выглядела достаточно противоречиво. С одной стороны, провозглашались «полная веротерпимость», отказ от насильственных обращений в православие. Вместе с тем было решено не допускать возвращения скрывшихся униатских и католических священников на прежние места службы как «недостойных иереев, бросивших паству»¹⁸¹. Местному населению приходилось выбирать между перспективой остаться без пастырей и согласием на православного священника. Казалось, сложность ситуации учитывалась. В частной переписке осведом-

¹⁷⁶ И. П. Истинный смысл Гусова учения и деятельности // Церковный вестник. 1915. № 26. 2 июля. Стб. 792.

¹⁷⁷ При этом он писал (архиепископу Никону (Рождественскому) в Сергиев Посад), что много от Синода – «плода кощунника Петра и его сподвижников – нигилистов в архиерейской мантии вроде Феофана Прокоповича» – ждать не приходится. Они «убили общероссийскую церковную жизнь, которая сохранилась только в епархиях, приходах и монастырях». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1494.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 124.

¹⁷⁹ Евлогий, митр. Указ. соч. С. 235.

¹⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1361.

¹⁸¹ См.: Львовское военное слово. 1914. 26 сентября; Прикарпатская Русь. 1914. 26 сентября.

ленных людей высказывались и такие мнения: «Архиепископ Антоний – Харьковский – которого прочили в Львовские митрополиты... действует слишком прямо и решительно; это закоренелый консерватор, не мирящийся ни с какими компромиссами. Другое дело Евлогий. В нем есть что-то от «иезутизма». Предполагалось, что «свои прекрасные дипломатические способности» Евлогий отдаст «на службу русскому национализму». Правда, при этом выражалось опасение, что Евлогий «больше всего послужит на пользу не православной церкви, а опекающей ее партии»¹⁸². Так и случилось.

Евлогий, по мнению Шавельского, сформировал «целый полк сподвижников, огромный процент которых составляли иеромонахи Почаевской лавры, полуграмотные, невоспитанные, невежественные». Им предстояло заменить прежних священников, которые «почти все имели университетский диплом и блестящую практическую выучку». Генерал-губернатор Галиции гр. А. А. Бобринский «считал работу Евлогия вредной для русского дела, опасной для местного населения». Его пришлось удалить из Галиции, но он все же получил за свои воссоединительные деяния высокую (особенно для его возраста и стажа работы) награду – бриллиантовый крест на клобук¹⁸³.

Деятельность униатов продолжала беспокоить церковные верхи. В одной из листовок (по-видимому, исходившей из синодальных кругов) утверждалось, что «немцы сумели вбить клин в тело славянства» с помощью католиков и униатов. Заканчивалась листовка призывом: «Да поднимется православный всеславянский царь на благо Святой Руси, на благо славянства, на благо всего мира!»¹⁸⁴. А в столице упорно напоминали о разрыве с униатством 17 галичан (это были дети-сироты) как о «торжестве православия»¹⁸⁵. Цитировалась речь протоиерея Мануила Немечека по случаю присоединения московских чехов к православию в храме Христа Спасителя: «...Главнейшим источником величия, мощи и благоденствия русского государства была именно вера православная»¹⁸⁶. В Одессе к концу 1916 г. присоединилось к православию 767 униатов и до 10 католиков из числа беженцев¹⁸⁷.

Все чаще публиковались «пастырские беседы» особого рода. Получалось, что у России три врага – лютеранство, католицизм, мусульманство. Первого духовного противника представляют кичливые, ставящие себя выше других народов немцы, католиков, которые стремятся навязать свою веру всему миру, представляет Ав-

¹⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1522 (письмо неустановленного автора от 30 сентября 1914 г. В.Е. Туркину в Москву).

¹⁸³ Шавельский Г.И. Воспоминания... Т. 1. С. 169, 181.

¹⁸⁴ Булдаков В.П. Хаос и этнос. С. 28.

¹⁸⁵ Церковный вестник. 1914. № 51. 18 декабря. Стб. 1543.

¹⁸⁶ Прибавления к Церковным ведомостям. № 41. 1915. 10 октября. С. 2176–2177.

¹⁸⁷ Церковный вестник. 1916. № 49–50. 4 – 11 декабря. Стб. 842.

стро-Венгрия, а ислам, «насажденный в странах востока арабским лжепророком Магометом», исповедуют турки. Союзнические проповедники готовы были распространять христианскую литературу среди солдат, но протестантам это было запрещено»¹⁸⁸. Зато на Кавказском фронте с мечетями не считались – сбросив полумесяц, водрузив крест и наскоро освятив, устраивали в них моления, к которым, между прочим, присоединялись старообрядцы-беспоповцы¹⁸⁹.

Между тем осенью 1915 г. иллюзиям православного единения был нанесен ощутимый удар: Болгария выступила на стороне противников Антанты. «При первом известии о союзе болгар с Турцией дрогнуло русское сердце, почуяло оно грех и затрепетало, – писал священник Н. Сосунцов. – Онемеченное болгарское правительство толкает народ на ужасное преступление, и коварное стадо бессмысленно марширует прямо в геенну огненную...»¹⁹⁰. В этих словах звучало чувство, близкое к отчаянию. Логика войны все основательнее расходилась с панславистскими и православно-мессианскими иллюзиями.

По отношению к мусульманам правительственные чиновники совершили очередную неловкость: в июле 1915 г. на пост нового оренбургского муфтия (после смерти прежнего – М. Султанова) был назначен человек совершенно непопулярный – имам Петрограда М.-С. Баязитов, крайний консерватор. В это время так называемые прогрессивные мусульмане пытались решить на государственном уровне проблему праздничного отдыха. Кроме того, они предлагали пересмотреть законы, касающиеся управления Туркестаном, принять меры по прикреплению киргизов к земле и пресечению незаконных поборов с мусульманского населения¹⁹¹. Между тем правительственные круги почему-то решили, что за созданным в декабре 1914 г. «Временным мусульманским комитетом по оказанию помощи воинам и их семьям» (организацией сугубо светской) должен надзирать Департамент духовных дел. Это вызвало раздражение мусульманских депутатов Думы¹⁹².

К числу наиболее острых вопросов конфессиональной политики относился еврейский вопрос. Повсеместные заверения еврейских общин в лояльности императору и всему царствующему дому¹⁹³ не убеждали антисемитов. В обывательской среде бытовало мнение,

¹⁸⁸ Морев И., протоиерей. Под военной грозой. Пастырские беседы по поводу современной войны // Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 13–14. 1–15 июля. С. 404–405.

¹⁸⁹ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 20. 15 октября. С. 634.

¹⁹⁰ Церковный вестник. 1915. № 40–52. 24 декабря. Стб. 1219.

¹⁹¹ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 56–57.

¹⁹² Мусульманские депутаты Государственной думы России 1905–1917 гг. Уфа, 1998. С. 269–270.

¹⁹³ ГА ТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 13691. Л. 126.

что «евреи, особенно в Галиции, больше сочувствовали австро-германской армии, нежели русской». Более того, из Ставки сообщали, что «среди еврейского населения имелось наибольшее количество неприятельских шпионов, ...доставлявших сведения через фронт путем сигналов либо поджидавших прихода неприятеля с готовыми данными о численности и вооружении русских войск»¹⁹⁴. Бытовой антисемитизм усугублялся тем, что верующие евреи неукоснительно исполняли обряды. Персонал русских госпиталей тщетно обращался к раввинам с просьбой убедить санитарок-евреек (а их было немало) выходить на работу по субботам. Для решения проблемы Красный Крест вынужден был заменять персонал. Польское население, поддерживаемое ксендзами, отказывалось контактировать с ранеными солдатами-евреями¹⁹⁵. А тем временем православный миссионерский журнал призывал евреев «проливать свою кровь, отдавать свою жизнь за человечность – во имя настоящей христианской культуры»¹⁹⁶.

В Центральной России под особым подозрением оказались евангельские христиане-баптисты. Им запрещалась проповедь, один за другим закрывались их молитвенные дома, последовали аресты и ссылки их активистов как «пособников Германии» и «врагов русского царя»¹⁹⁷. 8 августа 1914 г. архиепископу Харьковскому Антонию (Храповицкому) сообщали из Москвы: «Во всех кругах заметно недовольство за правительственную поблажку немцам в России, пора бы гнать этих развратителей благочестия и крепостников. Военный экстаз не ослабеваает ни на йоту, церкви полны, но духовенство не пользуется моментом... И по мере безыдейности и малоспособности духовенства все большую силу захватывают гадалщики, цыганки и ворожеи, буквально заплонившие Москву... Сектанты московские немного смутились московской бедой, теперь устраивают экзальтированные сборища, призывают друг друга каяться (безгрешные-то!) и ждут второго пришествия. В собраниях у них нечто кошмарное»¹⁹⁸. Антисектантские проповедники (в их ряды встали даже преподаватели духовных учебных заведений) также отмечали усиление пропаганды сектантства, в особенности баптизма и штунды, в армии и госпиталях¹⁹⁹. Писали, что в Севастополе собрания сектантов посещают «солдаты и матросы в большом количестве»²⁰⁰. В августе 1916 г. в Киеве на съезде военного духовен-

¹⁹⁴ *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991. С. 554.

¹⁹⁵ *Амвросия (Оберучева), монахиня.* Указ. соч. С. 191–193.

¹⁹⁶ *Бродский С.* Еврейский вопрос // Церковный вестник. 1916. № 25–27. 10–24 июля. Стб. 544.

¹⁹⁷ История евангельских христиан-баптистов России. С. 89.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1186.

¹⁹⁹ Церковный вестник. 1914. № 51. 18 декабря. Стб. 1554.

²⁰⁰ На это обратил внимание местный отдел Союза русского народа. В Одессе подобные собрания были запрещены. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2181.

ства Юго-Западного фронта говорилось о «разлагающем влиянии киевских и других сектантов»²⁰¹. Впрочем, создается впечатление, что иной раз к сектантским проповедникам «бдительные» миссионеры относили просто людей, которые «мутят людей, неся всякую небылицу»²⁰². Как бы то ни было, с начала войны до 1917 г. военными судами было осуждено 837 человек за отказ от военной службы по религиозным убеждениям²⁰³.

В церковной прессе указывалось, что «кивания на европейскую культуру, особенно когда затрагивается вопрос о свободе совести», также связаны с баптистами; отмечалось при этом, что с думской трибуны их защищает П. Н. Милуков. Здесь же приводился отзыв английского корреспондента о России, опубликованный баптистским журналом: «Там камни к земле привязаны. Зато бешеные собаки на свободе гуляют!»²⁰⁴. По отношению к союзникам это звучало не вполне корректно. «Русские воины-баптисты» в письме-жалобе к председателю Думы М. В. Родзянко пытались возражать: «19 месяцев мы отстаиваем грудью родную нам землю от нашествия противника и с радостью ждем победного конца этой войны, которая должна сокрушить наглого богохульника Вильгельма... Но нас несказанно огорчают вести из дому, что нас многие священники, миссионеры и полиция клеймят предателями и шпионами немцев и что мы будто бы получаем деньги из Германии. И все это потому, что в Германии есть баптисты. А разве в Англии их нет?»²⁰⁵

Английские баптисты надеялись на сотрудничество с российскими единоверцами. 17 сентября 1914 г. пастор Шекспир писал из Лондона в Москву, что надеется на укрепление дружбы между английскими и русскими баптистами. «Мы возносим свои молитвы, чтобы Бог руководил и даровал успех Его Величеству Царю, Его правительству и советникам и Его храброй армии», – заявлял он²⁰⁶. 10 ноября в конгрегационалистской церкви в Лондоне проходила конференция свободных церквей. Была принята резолюция, призывающая членов свободных церквей «мужественно и твердо переносить труды и жертвы, необходимые для прочного и справедливостного мира»²⁰⁷.

Вряд ли это убеждало православных миссионеров, по мере приближения кризиса становившихся все более непримиримыми.

²⁰¹ Шавельский Г. И. Воспоминания... С. 270.

²⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 88 (письмо уездного миссионера Херсонской епархии священника Е. Белова из Елизаветграда от 31 января 1915 г. епархиальному миссионеру Херсонской епархии М. А. Кальневу в Одессу).

²⁰³ Кандидов Б. Церковный фронт в годы мировой войны. М., 1929. С. 151.

²⁰⁴ Федоров А. Баптисты и «культурная Европа» // Прибавления к Церковным ведомостям. № 44. 1915. 31 октября. С. 2263.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 109.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 92.

²⁰⁷ Церковный вестник. 1914. № 47. 20 ноября. Стб. 1435.

Повторяющиеся рассказы о зверствах немцев на оккупированных территориях, разрушениях и осквернениях православных храмов, надругательствах над православными священниками призваны были внушить обывателю, что этнические немцы – прирожденные враги русского народа²⁰⁸. Штундо-баптизм объявлялся «порождением воинствующего германизма, сектой социально-религиозной, сулившей «даровое спасение, святость, возможность прийти к Христу и во всей своей грязи»²⁰⁹.

Борьба «с немецким засильем» развернулась и на конфессиональной почве. Так, от антинемецких настроений пострадали 84 лютеранских пастора (30 из них были сосланы в Сибирь, остальные принудительно выселены)²¹⁰. Не удивительно, что после этого обыватели готовы были увидеть в каждом лютеранском пасторе шпиона²¹¹. Страсти разгорелись настолько, что 17 ноября 1914 г. в «Одесских новостях» появилась публикация в защиту немецких колонистов. Автором был епископ Таврический Дмитрий. История ее написания, по словам епископа, такова. 18 августа 1914 г. он по официальной просьбе тогдашнего губернатора Н. Н. Лавриновского, опасавшегося немецких погромов, составил воззвание в форме проповеди, которое, не желая огласки, разослал всем священникам. Но неожиданно воззвание появилось на страницах газеты: «выдал» кто-то из священников «с целью напакоstitь». «Мне противны выступления в защиту немцев, – божился епископ в частном письме. Тем не менее, по его словам, «клеветник Борис Суворин» уверяет, что он составил это воззвание «из угодливости перед В. К. Саблером»²¹². Волей-неволей епископа стали поносить германофобы и горячо благодарить меннониты и либералы²¹³. Некоторые правые считали, что «этого проходимца, торгующего пастьерским словом», следует «выгнать бы в три шеи вместе с теми предателями, которых он защищает»²¹⁴. Встречались среди православных священников и крайние германофобы. Так, священник А. Г. Альбицкий, примыкавший в Думе к прогрессивным национа-

²⁰⁸ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 7-8. 1–15 апреля. С. 199; Письма прапорщика Е. Г. Герасимова с фронта Первой мировой войны // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://vladregion.info/articles/pisma...>

²⁰⁹ Миссионерское обозрение. Журнал внутренней миссии. 1914. № 12. С. 394, 409. *Никольская Т.* Указ. соч. С. 43.

²¹¹ Так было в Новороссийске летом 1916 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1046. Л. 5) и в Казанской губернии. См.: *Машковцев А. А.* Конфессиональная политика региональных властей в отношении лютеран Казанской и Вятской губерний в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и национальный вопрос. С. 55–56). Впрочем, в последнем случае пастор Э. Гахайзель не пострадал.

²¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1932; Д. 1001. Л. 2050.

²¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1904, 1932.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2134 (письмо, подписанное «твой брат», из Петрограда от 24 декабря 1914 г. И. В. Иванову в Москву).

листам, заявлял, что в воске, поставлявшемся из Германии, попадались камни, а однажды «был найден даже труп негра»²¹⁵.

Осенью 1915 г. в церковной прессе отмечали, что заволновались баптисты: прошел слух, что вслед за немцами их вышлют в Сибирь. В связи с этим баптистские проповедники активизировались в Тифлисской и Елизаветпольской губерниях, в Тифлисе они даже выступали перед солдатами²¹⁶. Добровольные пожертвования, благотворительные акции баптистов не меняли отношения к ним. Их лидеров стали выдворять за границу. В результате почти безграничное поле для прозелитизма сектанты нашли в лагерях для русских военнопленных: после окончания войны в Россию вернулось более двух тысяч новообращенных свидетелей Христа²¹⁷.

Время от времени сектанты давали поводы для нападков. Так, в Сибири секта вайсовцев саботировала сбор пожертвований в пользу Красного Креста, осуждаемого как христианскую организацию²¹⁸. Наибольшие подозрения вызывали религиозные пацифисты. Был составлен список антимилитаристов 18 исповеданий (духоборов, толстовцев, молокан, квакеров, адвентистов седьмого дня, баптистов, евангельских христиан и др.), который содержал несколько сот фамилий. Оказавшись в армии, они могли разлагающе действовать на окружение, в частности, склонять к дезертирству.

28 сентября 1914 г. руководителем толстовцев В. Ф. Булгаковым было написано воззвание «Опомнитесь, люди-братья!» с призывом о недопустимости братоубийственной войны. 24 октября Булгаков и несколько его сторонников были арестованы. 17 июня Булгаков пытался объяснить губернатору А. Н. Тройницкому, что среди его последователей «нет ни одного человека... политического образа мыслей», а текст воззвания – это результат «душевного состояния, представления о страшных жертвах, приносимых человечеством на алтарь войны». Булгаков доказывал, что толстовцы «любят Россию так же, как и всякий другой любит свое отечество...» Тем не менее 18 июля 1915 г. дело было передано в Московский окружной суд с пожеланием, чтобы толстовцев судили «по законам военного времени, при закрытых дверях и с особыми сверх того ограничениями»²¹⁹. Между прочим, за толстовцев усердно хлопотали. Так, кн. Д. Оболенский, человек отнюдь не либеральных взглядов, просил министра внутренних дел «сделать возможное, чтобы в Туле освободили, наконец, Маковецкого и Булгакова», называя их «безвредными

²¹⁵ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Отношение русских националистов к российским немцам и его эволюция в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: история и психология. С. 57.

²¹⁶ Церковный вестник. 1916. № 25–27. 10–24 июля. С. 551.

²¹⁷ Там же. № 46–48. 20 – 27 ноября. Стб. 807; История евангельских христиан-баптистов России. С. 90, 92.

²¹⁸ Усманова Д. Указ. соч. С. 149.

²¹⁹ Цит. по: Тульские губернаторы. Тула, 2013. С. 311–312.

людьми», из которых делают мучеников²²⁰. Суд закончился оправданием толстовцев, но гонения на них не прекратились. Возможно, это было связано с тем, что студенты имели привычку отмечать «Толстовский день», причем сходки по этому случаю легко превращались в кампании по сбору средств в помощь политзаключенным и социалистические митинги²²¹.

Поведение «христианского» императора Вильгельма наводило молодежь на «грустные размышления» о том, как далека современная цивилизация от «христианства подлинного». А. А. Евсевский из Киева 31 июля 1914 г. писал барону П. Н. Николаи в Петроград: «Я все время, читая о войне, думаю о христианском студенческом движении». Он считал, что в сложившихся условиях «надо содействовать развитию студенческого христианского движения во всех странах»²²². К барону Николаи обращались и из Москвы с просьбой рассказать о деятельности столичного студенческого христианского кружка. Сообщалось, что в Москве «заметно возрос интерес к религии среди студенчества, и воскресные собрания привлекают гораздо большее число посетителей». Вряд ли РПЦ приветствовала подобные явления.

Всевозможные «сращения» православных не прекращались. Разумеется, говорить о массовом исходе православных в чуждые исповедания не приходится. Однако сведения о случаях «отпадения от православия» показывают устойчивость этого процесса²²³. Местные иереи вели себя пассивно. Так, казанская епархиальная власть довольно либерально отнеслась к массовым молениям черемисов (марийцев)²²⁴. В Тверской губернии ограничились слежкой за выходящей сектантской и баптистской литературой²²⁵. Некоторых «ревнителей православия» архиереи вынуждены были одергивать, заявляя, что иной «миссионер в скюртуке ничем не отличается от сектантского безблагодатного наставника»²²⁶. Действительно, подчас миссионеры вели себя так, словно единственная цель войны – избавление от всевозможных «еретиков» внутри страны.

Миссионерская пресса возмущалась: дела о сектантах, даже скопцах, рассматриваются в судах слишком «либерально». Между тем возникла «целая народная литература... о близкой кончине мира и пришествии на землю антихриста в лице кровавого Вильгельма». В Бессарабской губернии иннокентьевцы утверждали, что война «послана Богом России, как наказание за непризнание иеромона-

²²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1429 об.

²²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 16. Также см.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 58.

²²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 45.

²²³ См.: Никольская Т. Указ. соч. С. 47–49.

²²⁴ Церковный вестник. 1916. № 32–34. 4–18 сентября. Стб. 655–656.

²²⁵ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 77. Л. 3.

²²⁶ Церковный вестник. 1916. № 43–45. 6–13 ноября. Стб. 778.

ха Иннокентия Святым духом, Спасителем мира». Дело дошло до того, что они принялись молиться «о скорейшем даровании туркам победы над русскими, чтобы скорее водвориться в новом царстве Иннокентия»²²⁷.

Информация о деятельности представителей неправославных конфессий и особенно сектантов крайне противоречива: епархиальное начальство и отчасти полиция, как всегда, предпочитали докладывать, что у них «все спокойно», православные миссионеры, напротив, по всякому случаю неоправданно били тревогу. В 1915 г. в донесениях губернских жандармских управлений обычно отмечалось, что «сектантства... не наблюдается, штунды, баптизма и адвентизма ...не заметно»²²⁸. Для людей подозрительных это могло означать, что «вредоносные иноверцы» надели фарисейскую личину или ушли в подполье. Учитывался и фактор политической мимикрии. Порой демонстрации лояльности принимали весьма причудливые формы. Когда в мае 1915 г. в Москве начались немецкие погромы, некоторые немцы и евреи выставляли в окна квартир и лавочек портреты царя, российские национальные флаги²²⁹.

По мере военных неудач православно-политическая общественность становилась все более агрессивной. Съезд монархических организаций и правых партий в ноябре 1915 г. в присутствии известных православных епископов постановил «для спасения государства» объявить «жидовство» изуверской религией и всех евреев изгнать из России. Протестантов предлагалось изгнать с государственной службы как еретиков и конфисковать их земли²³⁰. К счастью, у Синода хватило благоразумия не заметить этих подсказок. И вряд ли одобрили бы епископы нескрываемое злорадование профессора Бронзова по поводу смерти подобранного на улице истерзанного старообрядческого епископа Михаила Семенова. Этот «еврей по происхождению», в прошлом марксист, «был какой-то неуравновешенный», сообщал профессор. «Вероятно, еще долго бы глумился над православною Церковью этот «епископ старообрядческий» и социалист тож..., — с явным удовлетворением заключал Бронзов. — Но долготерпению Божию наступил конец»²³¹.

Растущую нетерпимость демонстрировал архиепископ Никон (Рождественский). Немец, писал он в 1915 г., «это — настоящий потомок древних гуннов, бессердечный, бесчеловечный эгоист, пропитанный гордостью и самоценом до мозга костей... Немец пьян своею гордынею, буен и шумен от нее как от крепкого вина. Если

²²⁷ Церковный вестник. 1916. № 30–31. 25 августа – 3 сентября. Стб. 605–606; № 32–34. 4–18 сентября. Стб. 651–653.

²²⁸ Тверская губерния в годы Первой мировой войны... С. 330.

²²⁹ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge (Mass.), L., 2003. P. 36–37, 39.

²³⁰ Никольский Н. М. История русской церкви. М., 1988. С. 434.

²³¹ Церковный вестник. 1916. № 43–45. 6–13 ноября. Стб. 782–784.

еще есть надежда на его отрезвление, то именно война и должна отрезвить его, смирить, вразумить...»²³². Некоторые провинциальные священники осуждали «благородных дам и гимназисток», которые «раздавали деньги пленным немцам»²³³. Сатирические журналы смеялись над тем, как в связи с вступлением в войну Турции «Фон-дер-Шмид, налитый пивом, / Стал ревнителем Корана...»²³⁴. Церковь перешла на язык мирской ненависти. Но среди людей, по-настоящему верующих, возникали ассоциации иного рода. Им казалось, что, в отличие от православных епископов, католические священники никогда не стали бы продвигать наверх Распутина. «Наши епископы..., в сущности, чиновники, подписывающие бумаги и чуждые горячего религиозного порыва», – записывал в дневнике историк М. Богословский²³⁵.

Епископы, со своей стороны, были недовольны политической обстановкой. Архиепископ Анастасий (Грибановский) 28 августа 1915 г. писал графу С. Д. Шереметеву: «К затруднениям на поле брани присоединяются внутренние осложнения, которые, конечно, опаснее первых... Русское общество превращается в “интеллигентную толпу” и бессознательно повторяет затверженные фразы и формулы, внушаемые ему людьми не всегда умными, но всегда самоуверенными и смелыми, говорящими “надутое пустословие”. Они сумели замутить общественную мысль и в настоящую пору создали такое положение, что не знаешь, о чем теперь следует более молиться – “об избавлении ли от нашествия иноплемеников или от междоусобной брани”. Поистине, нашему Страдальцу-Государю надо иметь ныне мудрость Соломонову. Да наставит и вразумит его Господь...»²³⁶. Церковь и образованное общество все меньше понимали друг друга.

В интеллигентской среде проблема веры всегда носила болезненный характер. Теперь ситуация обострилась. 2 октября 1916 г. искусствовед Н. Пунин записывал в дневнике: «Сегодня говорил с Л. Бруни о... возрождении религиозности... Его привязывает к Богу доподлинное, как он говорит, знание, что Бог существует... Затем он находит через православие путь к России; его подлинное смирение вызвано глубоким сознанием сложности жизни и слабости индивидуального разума. Бруни, по-видимому, выше ценит вековой православный жизненный опыт, который, по его словам, лежит в нас и дает нам плотность и мужество. Я не верю... Жизнь есть Бог, и Бог слепой, неразумный и бесстрастный»²³⁷. В стране официаль-

²³² Никон (Рождественский), архиеп. Указ. соч. С. 148.

²³³ Терешина Е. П. Указ. соч. С. 37.

²³⁴ Иркутская незабудка. Юмористический журнал. 1914. № 2. 21 декабря. С. 14.

²³⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 281–282.

²³⁶ ...И даны будут Жене два крыла. Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 627–628.

²³⁷ Пунин Н. Указ. соч. С. 101–102.

ной веры всякий образованный человек вынужден был изобретать «свою» искусственную веру либо пребывать в социально опасном безверии.

1.4.4. Религиозные настроения на фронте и в тылу

Перед войной и в ходе войны в церковной прессе не раз подчеркивалось, что для победы необходимы не столько пушки и снаряды, сколько высокий моральный дух. Между тем некоторые авторы приходят к заключению, что на фронте шло неуклонное выветривание религиозных чувств в солдатских массах²³⁸. Конечно, в узко конфессиональном смысле так и происходило, и не могло не происходить: в частности, был подвергнут сомнению принцип «не убий». Однако война как эманация внутреннего насилия, накопившегося в душах людей, не могла не вызвать потребности в духовном единении на более архаичной основе – «братстве, скрепленном кровью».

Возникает вопрос: была ли дидактически готова РПЦ к такому – очевидному для всех – повороту в сознании «христианских» комбатантов? Учитывался ли этот момент – хотя бы имплицитно – в пастырской деятельности?

То, что слишком многие фронтовые священники не отвечали пропагандистским задачам, было широко известно: они служили скорее в традиции «самопожертвования» и «утешения», а не в духе «убий нехристья». Иначе и быть не могло. К тому же над их деятельностью довели чисто ритуальные обязанности²³⁹. Естественно, отдельные священники могли воздействовать на паству собственным примером, но сомнительно, чтобы таких «батюшек» оказывалось достаточно.

В таких условиях не могла не проявить себя тенденция к перверсии христианской веры. В декабре 1916 г. один солдат выразил это следующими словами: «Я собираюсь в эту зиму геройски сдохнуть и переселиться в обетованный рай, который там устроили наши попы от создания мира для положившего жизнь за друзей. Попы эти непрестанно нам сулят в облаках Орла, а в руки дают бомбы и винтовки – идти смело и геройски погибнуть за Веру, царя и дорогое и обильное наше отечество». Священникам верили все меньше, а к началу 1917 г., казалось, к ним растеряли последние остатки уважения. «Поп хотя есть в полку, но лентяй, и сидит при обозе, и никакие силы небесные не заставят его поехать в штаб полка на позицию, – сообщал солдат 8-го Сибирского стрелкового полка до-

²³⁸ Поршнева О. С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 184–185.

²³⁹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 583, 586.

мой. – И на что они здесь, ничего не делают, никогда не служат, а норовят все дальше от позиций». Порой доходило до обвинений «попов» в том, что они «стараятся спасти германский народ». Солдаты недоумевали: Бог не карает священников, которые «забыли свои заповеди»²⁴⁰.

Война с ее повседневным приближением к смерти требовала особо интенсивной веры. Далеко не все священники могли ее обеспечить. Отсюда распространение демонстративных циничных действий вроде сжигания крестов на братских могилах, сопровождаемых вызывающими высказываниями: «На войне души беречь не велено!»; «Тот не солдат, который на войне душу сберег». В ходу были и вульгарные перверсии христианской веры: «Какие тебе заповеди на войне: затрещал пулемет – слова евангельские, загрели пушки – трубы архангельские»²⁴¹. Отсюда претензии к священникам: «Вот все отец говорил: “Бог да Бог”, а пушки свое дело делают и Бога не спрашивают. Вот тут и верь чему – не знаешь»²⁴². Бытовой патернализм предполагал своего рода воздаяние за веру и верность. Православные батюшки не в состоянии были объяснить, что вера на войне выстраивается по совершенно иным параметрам.

В тылу положение с верой также не улучшалось. Приоритеты служения всех конфессий Российской империи определялись общим принципом: влить в горькую чашу народной скорби бальзам утешения и упования на милость Божию. Православные приходские батюшки и епархиальные архиереи, равнины и муллы, пасторы и ксендзы на протяжении всей войны лично благословляли уходящих на фронт, произносили вдохновенные проповеди, объезжали госпитали или пристанища беженцев, поминали погибших, неустанно увещевали тыловое население²⁴³. Как сказывалось это на религиозных настроениях?

Факты, характеризующие тыловую религиозность, противоречивы. Через год после начала войны церковная пресса отмечала, что «примирить и объединить церковные элементы, сблизить их, сплотить хотя бы во имя патриотической цели» все еще не удалось²⁴⁴. Разумеется, не обошлось при этом без ханжества, инициированного официальными лицами. Так, благотворительными сборами по церквям занялась А. И. Горемыкина, супруга премьера, а жена скандально прославившегося военного министра Е. В. Сухоминона требовала содействия церкви в проведении уличных сборов²⁴⁵. Супруги этих дам не пользовались, мягко говоря, общественным доверием.

²⁴⁰ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 585–586.

²⁴¹ Войтоловский Л. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 71, 118, 128.

²⁴² Асташов А. Б. Русский фронт... С. 586.

²⁴³ Никон [Рклицкий], арх. Указ. соч. С. 385.

²⁴⁴ Церковный вестник. 1915. № 31. 6 августа. Стб. 923.

²⁴⁵ Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 58.

Несомненно, православное духовенство увидело в войне возможность укрепить свои позиции: как отмечали сами служители культа, «народ духовно воскрес». В ужасах войны (мобилизация, реквизиции, наплыв беженцев и военнопленных, первые потери и призрак голода) людям виделась кара Божья, а редкие удачи на фронте вселяли надежду на прощение. Повсеместно отмечался наплыв народа в храмы, участились обращения к исповеди и покаянию, а «в окнах деревенских изб светились лампадки, ...перед которыми россиянки молились по ночам». Приходские настоятели наблюдали рост «показателей обрядности»: росли продажи просфор, чаще заказывались молебны с акафистами²⁴⁶, а «частичные проявления безверия, распущенности и хулиганства», по их мнению, «гасли в общем массовом благочестии»²⁴⁷. Были отмечены массовые венчания перед отправкой на фронт, «дабы встретиться хотя бы на небесах»²⁴⁸. На деле подобные явления относились скорее к области магического, нежели религиозного. Было заметно распространение всякого рода суеверий: женщины обращались к прорицателям и гадалкам, верили в скорый конец света²⁴⁹. Таков был непреременный спутник ослабления канонической веры. «Старые бабы пророчествуют пришествие антихриста и анчутки беспятого (по народным поверьям, чёрт не имел пяток. – *Авт.*), свержение царств и бедствия народные», – записывала в своем дневнике одна медсестра²⁵⁰. В армии распространялись слухи об избавлении от смерти с помощью молитв, солдат посещали небесные видения²⁵¹.

Общественности, как светской, так и церковной, казалось, что большую роль сыграло «благодетельное отрезвление народа по Царскому слову» – прекращение торговли вином. Такую иллюзию вызвали первые итоги мобилизации. «Отовсюду идут сообщения, что за один месяц русский народ духовно совсем переродился», осознав, «каким великим благом может быть... трезвость», – с восторгом заключал корреспондент «Вестника военного и морского

²⁴⁶ Шербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX века. М., 2004. С. 252–253.

²⁴⁷ ГА ТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 34378. Л. 32.

²⁴⁸ Так, в селе Адашево в 1914 г. венчались 19 пар. См.: Приход Троицкой церкви с. Адашево Кадошкинского района Республика Мордовия // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://troickaya.adashevo.ru/istoriay/page5.htm>. Подобные случаи известны также в Тамбовской губернии и других регионах России // Шербинин П. П. Указ. соч. С. 244.

²⁴⁹ Шербинин П. П. Указ. соч. С. 251.

²⁵⁰ Тверской край в XX веке. Документы и материалы. Вып. 2. С. 117. Слух об «анчутке», по-видимому, имел весьма широкое хождение. В Воронежской губернии говорили, что он прикладывает особую печать ко лбу сельских школьников – женщины тут же стали забирать детей из школ. См.: Поршнев О. С. Социальное поведение российского крестьянства.... С. 78.

²⁵¹ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 13–14. 1–15 июля. С. 407, 443.

духовенства»²⁵². Публиковались сообщения об успехах руководимых священниками на местах обществ трезвости²⁵³. В деревне как будто исчезли такие обычные прежде явления, как ссоры и кражи; сельские и волостные сходы стали проходить спокойнее²⁵⁴. На время простые люди словно забыли житейскую мудрость: «До Бога высоко, до царя далеко», перестали уповать на собственные силы и потянулись к церкви (символу Бога), к священнику (символу власти). На начальном этапе войны даже сократилась численность нищих и бродяг. Полицейские сводки рисовали трогательную картину осознания народом необходимости «войны на благо Родины»²⁵⁵. Вероятно, такие сообщения впечатляли даже видных деятелей церкви. Архиепископ Серафим (Чичагов) писал: «Сейчас народ вполне возродился, освятился, а общество с частью духовенства осталось при своем гнилом разложении...»²⁵⁶.

Первые церковные праздники в августе 1914 г. прошли скромно и даже уныло. В день Успения Божьей Матери собиравшиеся в храмах богомольцы, особенно женщины, поговаривали, что война — наказание за грехи, особенно за разлады в семейной жизни. Священники также чувствовали себя неуверенно. Справиться со страхом непредсказуемости помогало «деятельное» отношение к войне. Прежде других осознали это священнослужители прифронтовых областей, они же преподносили образцы христианского бескорыстия. Так, при больнице Почаевской лавры открылся перевязочный пункт, монахи поголовно стали братьями милосердия, приобретая при этом на свои средства перевязочные материалы, необходимый инвентарь, продукты питания. В Житомире был спешно создан церковно-общественный комитет во главе с Евлогием для координации деятельности госпиталей, размещенных в зданиях духовного ведомства. Врачи и священники, городские «дамы высокой души» зачастую обслуживали раненых прямо на вокзалах при транспортировке их по месту жительства. Скоро появились раненые и в центральных губерниях. Первых из них население встречало цветами, восторженными приветствиями, вкусной едой. Однако, когда по дорогам потянулись перегруженные подводы с изуродованными телами солдат (железнодорожного транспорта не хватало), которых по прибытии на место попросту сваливали на землю, стало ясно,

²⁵² Цит. по: *Сенин А. С.* Армейское духовенство России... С. 162; *Церковный вестник*. 1914. № 44. 30 октября. Стб. 1313.

²⁵³ *Семенова Е. Ю.* Культура Поволжья в годы Первой мировой войны. С. 46.

²⁵⁴ См.: *Карпачев М. Д.* Воронежское крестьянство в годы Первой мировой войны // *Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII–XX вв.* Тамбов, 2002; *Никон [Рклицкий], арх.* Указ. соч. С. 403–404; ГА ТО. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 3034. Л. 1–1 об.

²⁵⁵ ГА ТО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 1892. Л. 241–242.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 27 (письмо от 3 января 1915 г. В. Т. Георгиевскому в Петроград).

что требуется серьезная организация помощи страждущим на всем пути их следования²⁵⁷.

Между тем организация лечения больных и раненых находилась в беспорядочном состоянии²⁵⁸. Сказывалась неподготовленность ответственных служб и хаотичность общественной благотворительности. Несколько демонстративных акций – учреждение 11 августа 1914 г. Верховного совета по призрению семей мобилизованных, раненых и павших воинов, Комитета по оказанию временной помощи пострадавшим от военных действий под патронатом особ императорского дома, открытие «августейшей сестрой милосердия» эвакуационного пункта в Царском Селе, обслуживавшего 85 лазаретов из окрестных поселений²⁵⁹ – принципиально не изменили ситуации.

Со страниц церковной прессы раздались призывы к милосердию и оказанию общественной помощи пострадавшим²⁶⁰. К делу призрения раненых, беженцев, членов семей мобилизованных присоединились практически все епархии²⁶¹. В Твери на августовском съезде монастырей было решено открыть лазарет при архиерейском загородном доме и выделить на его содержание 40 000 рублей из монастырских капиталов. Под помещения лазаретов отвели здания Тверской духовной семинарии (на 500 кроватей), двух духовных училищ – в Торжке и Красном Холме, а также помещения нескольких монастырей²⁶². Нечто подобное происходило повсеместно. Студенты Петроградской духовной академии на собственные средства организовали лазарет на десять коек²⁶³. Московские монастыри постановили ежемесячно отпускать 12 000 рублей на содержание раненых, а в Сергиевой лавре устроили лазарет на 200 кроватей²⁶⁴. В Московской губернии практически все духовные школы разместили в своих классах раненых и больных инфекционными болезнями²⁶⁵. Уже в августе лазареты, открытые на епархиальные средства, появились в Перми, Томске, Барнауле, Пензе²⁶⁶.

²⁵⁷ Евлогий, митр. Указ. соч. С. 231–234; Варнек Т. Указ. соч. С. 23–25.

²⁵⁸ Валдрон П. Образ раненого солдата в официальной пропаганде и народном восприятии во время Первой мировой войны // Маленький человек и большая война в истории России. Середина XIX – середина XX века. Научные доклады. СПб., 2013. С. 84.

²⁵⁹ Фрейлина Е. Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1991. С. 148.

²⁶⁰ Церковный вестник. 1914. № 48. 27 ноября. Стб. 1453–1454.

²⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2787. Л. 10 об.

²⁶² Церковный вестник. 1914. № 43. 23 октября. Стб. 1301; ГА ТО. Ф. 128. Оп. 1. Д. 17. Л. 22–22 об.

²⁶³ Церковный вестник. 1914. № 44. 30 октября. Стб. 1337.

²⁶⁴ Там же. № 41. 9 октября. Стб. 1238.

²⁶⁵ Журналы епархиального съезда депутатов духовенства Московской епархии 1916 года // Московские церковные ведомости. [1917] № 3–4 (21 января). С. 55.

²⁶⁶ См.: Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. 1 декабря. С. 981; Пермские епархиальные ведомости. 1915, сентябрь.

В Тамбове санитарные поезда на вокзале встречал сам архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл (Смирнов). Эти начинания находили отклик. Светский журнал опубликовал очерк о работе лазарета на 100 человек, открытом в Новодевичьем монастыре в Петрограде²⁶⁷.

В сентябре 1914 г. в Томске под руководством одного из протоиереев был открыт «Благотворительный в пользу раненых воинов кружок дам духовного звания», а вслед за ним подобные организации появились в Барнауле и Новониколаевске. В лазареты и в действующую армию направлялись вещевые посылки, в тылу открывались приходские школы для детей беженцев. Аналогичная деятельность развернулась в Пермской епархии²⁶⁸. Духовенство Пензенской епархии, возглавляемое архиепископом Митрофаном, уже в начале сентября собрало 2 400 рублей на нужды военного времени и врачевание пострадавших²⁶⁹. В Калужской губернии в октябре 1914 г. духовенство собрало более 8 тысяч рублей на нужды войны²⁷⁰. Отдельные причты, епархиальные архиереи, жены священников жертвовали деньги и вещи – соответствующими сообщениями пестрели страницы епархиальной прессы²⁷¹. Только в 1915 г. силами православного духовенства на нужды фронта было собрано 6,1 млн рублей²⁷².

Активно включились в попечительскую деятельность евангельские христиане-баптисты. Они открыли несколько лазаретов в Петрограде, Москве, Балашове, Астрахани; на нужды Красного Креста регулярно жертвовали общины Тифлиса, Житомира, Риги; латышские евангелисты открыли мастерскую по пошиву одежды для солдат, а двух своих «братьев» направили санитарями на фронт²⁷³. В Калуге жертвователями выступали и местный евангелическо-лютеранский совет, и старообрядческая община²⁷⁴.

В госпитальном движении активно участвовала православная молодежь. В 1914 г. в составе санитарных семинарских дружин добровольцами на фронт направились воспитанники духовных семинарий и училищ. Даже в 1916 г., когда военно-патриотическая эйфория угасла, семинаристы продолжали рваться в действующую

²⁶⁷ Аргус. 1914. № 20. С. 57–63.

²⁶⁸ Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

²⁶⁹ Пензенские епархиальные ведомости. 1914. № 23. 1 декабря. С. 981.

²⁷⁰ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. С. 205.

²⁷¹ Смоленские епархиальные ведомости. 1914. № 23, С. 719; № 24. С. 751–753; Кужаева Т. А. Социально-карикативная деятельность православных учреждений Томской епархии в годы Первой мировой войны. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod5/got/70.html>; Никон [Рклицкий], арх. Указ. соч. С. 403.

²⁷² См.: Церковно-общественный вестник. 1915. № 2.

²⁷³ История евангельских христиан баптистов России. С. 88–89.

²⁷⁴ Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. С. 211.

армию²⁷⁵. В феврале 1916 г. появилась отпечатанная в типографии Троице-Сергиевой лавры листовка «Дело любви к семьям защитников Родины», которая представляла собой поучение церкви перед сбором пожертвований²⁷⁶.

Искренний энтузиазм не мог остаться незамеченным. Не случайно в официальной пропаганде постоянно использовалась православная символика: на плакатах, открытках и фотографиях раненый солдат непременно помещался на фоне церкви²⁷⁷. Между тем реальная картина бедствий войны становилась все более неприглядной. В госпиталях уже осенью 1914 г. свирепствовали сыпной тиф, дизентерия, холера²⁷⁸. Число умиравших от ран и болезней росло.

Недостаток должного ухода за ранеными побудил прессу поднимать вопрос о восстановлении древнего института диаконис, которые могли бы стать квалифицированными наставницами сестер милосердия²⁷⁹. Церковное руководство готово было откликнуться на это предложение. Но развитие событий как в тылу, так и на фронте очень скоро стали определять иные факторы. Большевицкая пропаганда призывала народ не давать обманывать себя «попам-паразитам», которые вместе с «помазанником божьим» ведут народ на бойню и благословляют «кровавые нивы»²⁸⁰.

Конечно, многие священники ощущали противоестественность своего положения. Член Государственной думы священник-октябрист С. И. Остроумов 27 ноября 1916 г. писал в Скопин Рязанской губернии: «Относительно войны и будущего большинство Думы настроено оптимистически, но я этого оптимизма не разделяю. Конечно, я не за *сепаратный* мир, но союзникам пора бы подумать и поговорить о прекращении кровопролития. Только по малодушию я не заявляю этого публично в Думе. Подобное заявление от Чехидзе еще допустимо, но от октябриста-священника вызовет бурю негодования. Тем сильнее будет это негодование, что многие из негодующих будут чувствовать справедливость заявления»²⁸¹. Само духовенство уже не могло служить одновременно войне и миру.

Через несколько дней уже в новом году сибирская газета писала, что «вековая приниженность сельского духовенства вытравила из него всякие признаки гражданского самосознания, не оставив места даже хотя бы самому примитивному корпоративному

²⁷⁵ ГА ТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1550. Л. 83.

²⁷⁶ Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны. С. 103.

²⁷⁷ Валдрон П. Указ. соч. С. 89–90.

²⁷⁸ Амвросия (Оберучева), монахиня. Указ. соч. С. 181, 229.

²⁷⁹ Церковный вестник. 1914. № 41. 9 октября. Стб. 1236.

²⁸⁰ Грекулов Е. Ф. Усиление русского клерикализма // Церковь в истории России (IX в. – 1917 г.). М., 1967. С. 273, 275.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1331.

чувству»²⁸². Такое духовенство в качестве проповедников войны до победы было безнадежно. Рассчитывать можно было лишь на отдельных его представителей.

1.4.5. Упадок веры?

Неуклонное разобщение РПЦ и российского образованного общества имеет длительную историю, при желании его можно отнести к утверждению в последнем идей Просвещения. Но решающую роль в отпадении интеллигенции от церкви сыграла русская литература. Вряд ли стоит при этом кивать на авторитет Льва Толстого. Роль троянского коня сыграли всевозможные богоискательские начинания. И можно согласиться с заявлением о том, что Д. С. Мережковский и В. В. Розанов стали «двумя пастырями стада, мечтавшего о земном рае и попавшего в лапы Ленина»²⁸³. Духовная природа не терпит «пустот»: одна сомнительная вера тут же начинает замещаться другой.

Европейская война имплицитно поставила вопрос об аксиологической состоятельности христианской культуры. В результате религиозный аффект первых месяцев войны скоро стал сменяться растерянностью, перерастающей в отчаяние. Солдаты говорили: «Христос в небесах, а солдат в окопе на голой ж...»²⁸⁴. В тылу ежедневные заботы вытеснили страх Божий, здесь также нарастал накал страстей отнюдь не христианского свойства. «Вера православная расшатывается, приход разлагается, влияние духовенства падает, сектантство растет, усиливается», – такое заявление приходского священника Тихомолова в ноябре 1914 г. на фоне ура-патриотических публикаций смотрелось необычно²⁸⁵. В начале 1915 г. настоятели приходов отмечали снижение уровня даже внешнего благочестия: торжища по воскресеньям, уклонение от храмовых служб и исполнения треб, непочтительность к церковной братии²⁸⁶. Протоиерей И. Восторгов отмечал: «Все сознают, что современная война во многом нас разочаровала, много верований и воззрений поколебала»²⁸⁷. Священнослужители-депутаты Государственной думы в записке обер-прокурору Св. Синода В. К. Саблеру констатировали «оскудение в церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества»²⁸⁸.

²⁸² Сибирская жизнь. 1917. 6 января.

²⁸³ Кольшико И. И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 244.

²⁸⁴ Войтоловский Л. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 71.

²⁸⁵ Церковный вестник. 1914. № 41. 9 октября. Стб. 1236; № 46. 13 ноября. Стб. 1390.

²⁸⁶ ГА ТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 11169. Л. 150–163.

²⁸⁷ Прибавления к Церковным ведомостям. 1915. № 51. 19 декабря. С. 2495.

²⁸⁸ Христианская мысль. 1916. № 6. С. 141–142.

Подобные настроения отмечали епископы Вятской, Московской, Нижегородской, Вологодской, Рижской и Харьковской епархий²⁸⁹. В адрес самого обер-прокурора иной раз звучали отчаянные потоки ругательств. «...Избавьте Россию от продажного Карлыча..., ведь он взяточник, ни во что не верующий немчура, все места у него на откуп, потому недостойные архиереи и вообще духовенство заполонили всю Россию», – требовал неизвестный автор из Москвы в письме от 12 октября 1914 г. М. В. Родзянко в Петроград²⁹⁰. На местах были свои непопулярные архиереи. Некий аноним сообщал митрополиту Петроградскому Питириму (Окнову): «Епископ Филарет убийца, зверь-садист и грабитель астраханских храмов, будет убит на посрамление Синоду, не желающему освободить Астрахань от такого изверга»²⁹¹.

Но разладом между высшей «церковно-светской» властью и православным епископатом дело не ограничивалось. Ситуация была сложнее. Митрополит Антоний (Храповицкий) писал: «...Православной гражданственности, то есть формы общественной и школьной жизни, согласованных с неповрежденным пониманием христианства, у нас нет в русском обществе и почти нет в русских академиях»²⁹². В результате всевозможные ереси получали питательную среду.

В прошлом в Европе «иссушение» официальной веры оборачивалось жесточайшими религиозными войнами. В XX в. российский «протестантизм» невольно двигался рука об руку со «светским» революционаризмом. Разорвать эту трудноразличимую и оттого еще более опасную связку по-своему пытались церковные «либералы» и «реформаторы». Отличие их от своих светских собратьев состояло в том, что им приходилось действовать в каноническом поле православной веры.

Обычно надежды на возрождение духовной жизни получали административно-бюрократическое переложение. Однако некоторые епархиальные архиереи предлагали все же вероучительские меры противодействия духовным нестроениям. Так, Тверской архиепископ Серафим (Чичагов), предвидя негативные последствия возвращения фронтовиков, озлобленных войной и казармой, призывал приходское духовенство вести работу в семьях мобилизованных, чтобы «сдерживать размахавшихся в штыковых боях» солдат²⁹³.

Но опасность безверия была связана с другим фактором. Курский архиерей констатировал: «Хулиганство и легкомысленное отношение к вере встречаются по преимуществу среди той части

²⁸⁹ Емелья Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 46–48.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1604.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 76.

²⁹² Никон [Рклицкий], арх. Указ. соч. С. 410–411.

²⁹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 5.

молодежи, которая занимается отхожими промыслами». «Почти все молодые люди обоего пола из нашего края уходят на заработки, ...забывают храм Божий, и многие совершенно нравственно падают», – вторил ему нижегородский епископ²⁹⁴. Отмечалось, что молодежь стремительно проникается чувством вседозволенности и безнаказанности. В связи с этим поступали даже необычные для священников предложения соединить усилия церкви и земства, актуализировать тематику проповедническо-назидательных собраний с молодежью²⁹⁵. В Харьковской губернии также отмечалась распущенность «пролетарской» молодежи, непочтительной «к родителям и вообще к старшим»²⁹⁶.

Некоторые иереи ополчились на редакции газет, которые, по их мнению, «захвачены в плен в огромном большинстве неверами, чаще – врагами Церкви, явными и тайными...»²⁹⁷. Другие заявляли, что «распространение в народе неверия – результат работы деревенских просветителей». Деревня читает все, что попадет под руку, книжный рынок наполнен брошюрами и листками сомнительного содержания, и этим пользуются те, «кому хочется оторвать народ от церкви»²⁹⁸. Считалось, что горожане развращаются чтением газет либерального содержания, кинематографом; в итоге иные из них даже отказываются держать в домах иконы. Но были и другие мнения. Л. А. Тихомиров отмечал в дневнике, что ставленник Распутина, епископ Тобольский и Сибирский Варнава (Накропин) «выделяет в Сибири невероятные штуки». Перед отправляющимися на войну новобранцами, по слухам, он произнес речь, в которой заявил, «что вряд ли из них кто-нибудь возвратится живой, а здесь о них никто не вспомнит, будут ходить кинематографы смотреть». При этом он якобы «принимает в псаломщики для освобождения от военной службы», а также «грубо обращается со священниками, ругает семинаристов “ослами”». Когда же Синод назначил ревизию, то «Распутин воспротивился», а император «посоветовал уладить дело»²⁹⁹. Рост церковных нестроений был связан не только с «распутинцами». Сарапульского епископа Амвросия – ярого трезвенника – именовали «хулиганом в рясе»³⁰⁰. Будущий обновленец епископ Антонин (Грановский), «умнейший, но и распутнейший (куда распутнее Распутина) монах, светило Александро-Невской лавры» и участник Религиозно-философского общества доказывал,

²⁹⁴ Цит. по: Емелях Л. И. Указ. соч. С. 45–47.

²⁹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2752. Л. 14 об.

²⁹⁶ Церковный вестник. 1916. № 25–27. 10–24 июля. Стб. 544.

²⁹⁷ Никон, архиепископ. Один из способов отравления ядом сектантства // Прибавления к Церковным ведомостям. № 26. 1915. 27 июня. С. 729.

²⁹⁸ Церковный вестник. 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1398.

²⁹⁹ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 71.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 113 (И. Я. Мухачев из Елабуги 17 января 1917 г. – Ф. И. Родичеву).

что «Христос – миф», а потому верить стоит разве что в переселение душ³⁰¹.

Наиболее решительные служители культа считали, что причину духовного оскудения «надо искать в самом духовенстве»³⁰², намекая на внутрипричтовые раздоры довоенного времени. Действительно, иные из числа «духовных» давали повод усомниться в праве проповедовать слово Божье. В Черниговской епархии архиепископ Василий за взятки продавал места священников, освобождал от наказания скомпрометировавших себя священнослужителей. В Киевской губернии случались склоки из-за денег при строительстве храма³⁰³. Архиепископу Антонию (Храповицкому) писали в Харьков о «православных епископах, а если это неудобно, о священниках, которые погрязли в житейской тине материальных интересов, мало интересуются паствой»³⁰⁴.

Дурной репутацией пользовались некоторые монахи. Наиболее одиозный их представитель – иеромонах Илиодор (Труфанов) приобрел репутацию не только праворадикального политика, некоторое время близкого к Распутину, но и интригана, распускавшего антидинастические слухи³⁰⁵. В среде духовенства отмечались распри по мотивам, далеким от вопросов веры. «Лично я очень не люблю наше духовное сословие, духовную касту, немного забитую и оттертую, а потому, может быть, очень себе на уме», – заявлял минский губернатор³⁰⁶. Некоторые священники на местах активно включались в политические распри³⁰⁷. «В “Русских ведомостях” напечатана прекрасная обличительная статья священника Вл. Востокова против священника Восторгова (крайнего черносотенника и про-

³⁰¹ Кольшко И. И. Указ. соч. С. 330.

³⁰² Церковный вестник. 1914. № 46. 13 ноября. Стб. 1390.

³⁰³ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 149–150; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 82, 83.

³⁰⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1309.

³⁰⁵ Колоницкий Б. Н. «Трагическая эротика». С. 538–539. В прессе Труфанова иной раз именовали «гугнивым старцем», «духовным Пуришкевичем», уверяя, что в связи с войной он «сшил себе бабий капот вроде японского кимоно» и сделал «высокую прическу» и намеревается выступать в кафе-шантане (Синий журнал. 1914. № 29. 24 июля. С. 15). После того как С. Труфанов эмигрировал, его последователи в Царицыне обрели похожего на него «нового Илиодора» – поначалу поклонницы приходили слушать его по ночам, но потом разочаровались и называли «жуликом-бродягой» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 21; Д. 1005. Л. 11). Некоторые российские поклонники Труфанова убеждали его стать «непротивленцем», уверяя, что его имя встанет в один ряд с «Христом, Буддой и Толстым» (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 10); сам он намеревался изучать в Америке жизнь духоборов. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 46.

³⁰⁶ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 208.

³⁰⁷ В Херсонской губернии в статье «Скорбь русского священника» рассказывалось о «возмутительных противозаконных действиях немцев при выборах старшины». Естественно, публикация всполошила местную немецкую общину. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 63.

хвоста), которого прочат в московские архиереи»³⁰⁸, — записывал в дневнике историк М. Богословский 6 мая 1916 г.

Грехи приходских настоятелей обычно бывали попроще. Иные из них неоправданно завышали стоимость треб — и это при том, что панихид становилось все больше и больше³⁰⁹. В обращении к пастве пермский владыка скорбно признавал: «Братья-воины, на короткое время появляющиеся среди нас с поля брани, почти с омерзением наблюдают преступное легкомысленное и развеселое житие одних и унылое нитье от пустой праздности других». Епископ Андроник вынужден был признать, что в глубоком тылу наблюдались и «подлое хищничество, взяточничество» и стремление «нажиться на чужой беде»³¹⁰. Попытки архиепископа Серафима (Чичагова) поднять в Св. Синоде вопрос о реформе прихода наталкивались на стену непонимания³¹¹. Вся церковная иерархия словно воспроизводила бюрократические пороки неуклонно десакрализирующейся светской государственности.

По мере неудач на фронте и беспорядка в тылу некоторые священники начинали нещадно бранить светскую власть. Протоиерей Н. Р. Диковский из Перми 25 июля 1915 г. в письме члену Государственной думы протоиерею И. И. Гришковскому писал: «...Низко поклонилась бы вам Русь за честное расследование наших неудач при сказочной доблести нашей армии. Не должно быть никакой церемонии и пощады к “безответственным” виновникам.... Скорее гоните с мест неспособных, глупых и продажных правителей, срывайте с них маски... Слышно, что 10 губернаторов назначены к высылке. Поищите еще, не найдете ли других 10...»³¹².

Так или иначе, привычный образ «своего» батюшки в сознании прихожан заметно потускнел. Обнаружилось, что даже женщины, усердно посещавшие церковь, подчас проникались едва ли не ненавистью к ее служителям³¹³. Это не удивительно. Непопулярная война все больше ассоциировалась не только с продажным правительством и бездарным командованием, но и с беспринципным духовенством. «Антипоповские» настроения захватывали в первую очередь солдаток. Одни из них, отчаявшись, уже не находили в вере утешения. Другие, получая немалое пособие за мобилизованных мужей, забрасывали хозяйство и предавались сомнительным развлечениям с расквартированными в городах военными³¹⁴.

³⁰⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 67.

³⁰⁹ Щербинин Г. П. Указ. соч. С. 255.

³¹⁰ Святомученик Андроник, архиепископ Пермский и Кунгурский // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

³¹¹ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 153.

³¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 61.

³¹³ См.: Емелья Л. И. Указ. соч. С. 52; ГА ТО. Ф. Р-478. Оп. 1. Д. 70.

³¹⁴ Щербинин Г. П. Указ. соч. С. 254–255.

10 августа 1915 г. члену Государственной думы И. Т. Евсееву было направлено письмо от «раненых солдат всей России». Его можно было бы считать чисто провокационным, если бы не репутация Евсеева – крестьянина, сельского учителя, земского деятеля, председателя волостного суда, борца за трезвость, начальника передового перевязочно-питательного пункта. Его формальная политическая принадлежность – прогрессист, перешедший в кадетскую фракцию – в данном случае не имела значения: сама его личность явно притягивала недовольных. Для начала авторы письма, названного «Голос из армии», заявили, что «не хотят сражаться без ружей, пулеметов, пушек...», а затем разразились проклятиями в адрес «жандармской и полицейской сволочи» и, конечно, против немцев. Но главное недовольство вызвала «отсталая от культуры Православная Церковь во главе с грубыми, некультурными, грязными, растрепанными, жестокими, алчными, честолюбивыми эгоистами-попами и архиереями». Авторы письма возмущались «мерзейшими попами», которые «вмешиваются в политику, уклоняясь от христианских обязанностей и порождая религиозные распри и вражду», приводя в качестве «позорного примера Евлогия и его опричников». Утверждалось, что даже русские женщины готовы славить истинно христианского Бога в инославных храмах в ожидании «чистой, обновленной христианской церкви». Заканчивалось послание ультимативным требованием «полного обновления немецкого правительства на истинно русское»³¹⁵. Кто бы ни стоял за авторами этого длинного письма, но оно действительно отражало духовное отчаяние заметной части православных русских людей.

Постепенно духовенство не только политизировалось, но и левело. В январе 1915 г. некоторые рядовые священники сомневались в том, что созыв Думы «будет полезен для России», поскольку «на сцену выплывет социалист Керенский, а затем, конечно, не заставит себя ждать и Милюков», а там и «время смут недалеко»³¹⁶. А 4 ноября 1916 г. анонимный священник из Литинского уезда Подольской губернии просил своего земляка, члена Государственной думы священника К. Н. Рудича (умеренно-правого) поднять целый ряд вопросов. В числе прочего он предлагал призвать на военную службу преступников-рецидивистов и молодых людей, которые укрываются от фронта в многочисленных тыловых организациях³¹⁷. Сам Рудич отговорил своих ближайших коллег выступать в защиту Протопопова, против которого ополчилась едва ли не вся Дума³¹⁸. Растущее общественное недовольство проникало в среду духовен-

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 77–78 об.

³¹⁶ Автором письма был священник М. Дернов из Казани, который адресовался депутату Думы Н. В. Жилину. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 140.

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 912.

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1186.

ства, и этот процесс казался необратимым. В ноябре-декабре 1916 г. фракцию правых в Государственной думе покинули депутаты-священники А. Г. Бельский, П. М. Зверев, И. К. Карпинский, В. И. Ленцовский, К. М. Околович, В. А. Спасский, А. М. Станиславский, В. А. Якубович³¹⁹.

Люди нуждались в обновленной церкви, способной воскресить веру. В конце 1915 г. архиепископ Никон уверял, что воевавшие солдаты горят желанием «избавиться от беспутства, очиститься от скверны»³²⁰. Но сама церковь, похоже, сделать этого в существующих условиях уже не могла. В 1916 г. многие архиереи сетовали на то, что их прихожан «смущают» не только отходники и партийные пропагандисты, но и фронтовики³²¹. Действительно, церковь не могла противостоять стихийным носителям антиклерикальных настроений.

Повидавшие виды односельчане всегда впечатляли деревню. Но теперь рассказы бывалых людей обретали социально деструктивное качество. Со слов вятского преосвященного Феофана, проявления массовой деморализации обнаруживались постоянно: солдаты – раненые, отпускные – «проповедуют гнусные идеи, прикидываются неверующими атеистами; доходят до богохульства и святотатства». Еще большее зло он усматривал в быстро распространявшейся привычке впрыскивать морфий, которая захватила и часть священников. «Я предвижу великие несчастья для нашей святой церкви», – пророчествовал Феофан. В тех же выражениях высказывались архиепископы Пензенский Владимир (Путята) и Уфимский Андрей (Ухтомский)³²². Неудивительно, что в будущем они отошли от официальной церкви.

Ситуация выходила из-под контроля не только светской, но и духовной власти. Потерявшие страх Божий ратники, оказавшись на время в тылу, бесстыдно воровали, позволяли «себе безобразные выходы, брань», угрозы и даже насилие». Так, нижние чины запасного батальона в Зубцове Тверской губернии «превратили кладбище в место общественных гуляний» и разгромили его так, что «стали видны кости покойников»³²³. Духовенство уже не могло противостоять всему этому. Практикующие священники признавали, что даже в праздники не наблюдалось былого благочестия, верующие демонстративно игнорировали посты, отказывались охранять храмы по ночам³²⁴.

Вызывало беспокойство церковного сообщества «размывание» духовного сословия. Писали даже о «полном подавлении и по-

³¹⁹ Иванов А. А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М., 2013. С. 363.

³²⁰ Церковные ведомости. 1915. № 51. 19 декабря. С. 2490.

³²¹ Емелья Л. И. Указ. соч. С. 47–49, 51–52, 55–56.

³²² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991. С. 332–334.

³²³ Тверская губерния в годы Первой мировой войны... С. 374–375, 380–389.

³²⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2793. Л. 9 об.

рабощении православно-русской богословской мысли чуждою немецко-протестантскою»³²⁵. На епархиальном съезде московского духовенства в 1916 г. владыка признал, что воспитанники духовных школ «уходят и для дальнейшего образования, и для практической служебной деятельности из-под крыла их Матери-Церкви»³²⁶. Действительно, проблема кадрового дефицита обострилась. Пытаясь решить ее, Св. Синод разрешил в 1916 г. епархиальным владыкам допускать женщин к исполнению обязанностей псаломщиков (естественно, с каноническими ограничениями) и поручать им церковное делопроизводство. Первыми псаломщицами становились, как правило, жены священников³²⁷.

Беспокойство проникло и в среду законопослушных мусульман. В конце ноября 1916 г. оренбургского муфтия С. Баязитова встревожила информация о том, что по распоряжению из Казанского военного округа местных солдат «заставляют учить молитву перед боем и др., где имеются выражения, противоречащие учению мусульманской веры». Конечно, писал муфтий, «это может быть и недоразумение, но на психику мусульман действует весьма тяжело, а гг. левым это на руку»³²⁸. Состояние общей дезориентированности становилось поистине всеобъемлющим.

В 1916 г. в специальном послании московской пастве митрополит Московский и Коломенский Макарий, поддержанный депутатами съезда благочинных, взывал уже не к патриотическим чувствам и христианской любви, а к здравому смыслу, откровенно признавая, что общественное недовольство войной и дороговизной «подрывают силы всего Царства». Иереи умоляли состоятельных москвичей, торговцев, благотворителей больше жертвовать на нужды ослабевших телом и духом сограждан, страшая при этом пагубными последствиями «всеобщего озлобления»³²⁹. Пермский священник Н. Диковский писал: «Св. Синод и преосвященные архиереи не ограничиваются лишь воззваниями и посланиями, а принесут на алтарь войны те капиталы и деньги, которые поступают к ним и излишни для удовлетворения неотложных текущих нужд. Пусть монастыри, все без изъятия, обратятся в богадельни, приюты, больницы; вон из монастырей всех туенядцев-послушников... Мобилизовать и временно отдать в распоряжение государства все капиталы, отобрать лишнее золото, серебро, не имеющее археологической, исторической и художественной ценности и отдать в распоряжение государства по оценке с обязательством возврата после победонос-

³²⁵ Светлов П., проф. прот. Вопрос о неметчине в русском богословии // Церковный вестник. 1915. № 2. 15 января. Стб. 47.

³²⁶ Журналы епархиального съезда ... Московской епархии 1916 года. С. 61.

³²⁷ Щербинин П. П. Указ. соч. С. 230.

³²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1402.

³²⁹ Журналы епархиального съезда ... Московской епархии 1916 года. С. 71–76.

ного окончания войны»³³⁰. Со временем подобными «подсказками» по-своему воспользовались большевики.

Некоторых священников все больше огорчали мирские «неурядицы». Так, протоиерей Н. Сиротин 11 февраля 1917 г. писал «Его Пр. Н. Г. Высотскому» в Бежецк о том, что «уполномоченные по продовольствию задерживают продукты в кладовых», которые «битком набиты, а население сильно нуждается». «Как будто нарочно доводят народ до возбуждения, – сетовал он. – Ты указываешь на мародеров-торговцев, а чем лучше уполномоченные против последних». А крестьяне, в свою очередь, «берут пример со своего начальства и дерут, что хотят»³³¹.

Все чаще со стороны духовенства звучали мрачные пророчества. Пермский владыка Андроник в середине 1916 г. в своих «Размышлениях епископа после путешествия по епархии» с горечью предрекал: «...Сама Церковь от нас – русских – может уйти... и даже весьма скоро»³³². Недовольство положением дел внутри православной церкви отмечали и религиозно настроенные образованные миряне. Историк М. Богословский в июне 1916 г. записывал в дневнике: «в Москве суд над живым и талантливым священником Востоковым – судьями... состоят его злейшие враги». Имелись в виду распутинцы³³³. Некоторые церковные иерархи все основательнее втягивались в политическую деятельность. На съезд монархистов в Нижнем Новгороде в ноябре 1916 г. приглашались епископ Дмитрий Таврический, Дмитрий Рязанский, митрополит Астраханский, архимандрит Виталий (Копылов) из Новониколаевска³³⁴.

Однако вряд ли можно говорить о нравственной деградации основной массы священников – церковная, как и интеллигентская среда, была полна эмоциональных преувеличений. А тем временем, как всегда в России, «рыба гнила с головы». Некий «пастырь Николай» из Тюмени направил 4 февраля 1917 г. гневное письмо митрополиту Питириму в Петроград. «Владыко, оглянись вокруг своей пасты и посмотри, сколько червей подтачивают ее..., – восклицал он. – О стыд, о позор. На твоих глазах происходят ужасные гнусности в лице убитого каторжника, конокрада и казнокрада Распутина и других... Ты знал Распутина лично, бывал у него в его позорном салоне. Ты знал его ересь и беззаконие и всякого рода блудства и, по видимому, поощрял и благословлял. Эта зараза свила себе прочное

³³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 61 об. (письмо от 25 июля 1915 г., адресованное члену Государственной думы протоиерею И. И. Гришковскому, представителю Гродненской губ.).

³³¹ Там же. Д. 1071. Л. 39.

³³² Святомученик Андроник, архиепископ Пермский и Кунгурский // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.rodion.perm.ru/articles.php?lng...>

³³³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 206, 520–531.

³³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 976 а.

гнездо, и лучшие люди опозорены, и шли охотно к этому негодяю, который творил, что хотел... Благодаря твоей халатности, допустившей в столице эту неслыханную позорную вакханалию, поднялась на ноги вся Россия, заговорила вся Европа...»³³⁵. Впрочем, нельзя забывать и российской склонности списывать все в критических обстоятельствах на «верхи».

Протоиерей Восторгов, имевший репутацию черносотенца, писал митрополиту Московскому Макарию: «...Злой развратник, хлыст – Распутин докапывает России могилу. Соблазн от его мерзостей вырос до невероятных размеров». Восторгов полагал, что Распутин «подкапывается под священный престиж русского царя», но монархисты его покрывают. Более того, он «всячески играет на руку немцев». Как ни странно, Восторгов ссыался на авторитет епископа Уфимского Андрея (Ухтомского), считавшегося церковным реформатором, который еще два года назад назвал Распутина «предателем Отечества»³³⁶. Дело дошло до того, что в церковных кругах стали подозревать, что в МВД «потакают хлыстовству», а Синод не в силах этому противодействовать³³⁷. Взаимная подозрительность в полном смысле слова раздирала высшие слои духовенства.

Приняв на себя моральную ответственность за бремя войны, русская православная церковь разделила печальную судьбу монархии. Героизм многих священников не спасал ситуации. В массе своей лица духовного звания оставались с народом, разделяя с ним тяготы невиданной войны. Доходы приходского духовенства упали более значительно, чем других слоев населения³³⁸. В 1914–1918 гг. военное духовенство понесло немалые людские потери: около 40 священников погибло, около 400 было ранено или контужено, более 200 оказалось в плену³³⁹. Погибали священники не только на поле боя, но и на оккупированных территориях³⁴⁰.

Подвиги духовенства были отмечены наградами. Они получили 227 золотых наперстных крестов на георгиевской ленте, 14 орденов святого великомученика Георгия, 85 орденов св. Владимира 3 степени с мечами, 203 ордена св. Владимира 4 степени с мечами, 304 ордена св. Анны 2 степени с мечами, 239 орденов св. Анны 3 степени с мечами. Сам протопресвитер был награжден орденами

³³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 22.

³³⁶ Цит. по: Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 631–632.

³³⁷ Об этом писал 17 ноября 1914 г. проф. А. Алмазов архиепископу Херсонскому Назарию. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 999. Л. 1887.

³³⁸ Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 338.

³³⁹ Шавельский Г. И. Русская церковь перед революцией. С. 453. По другим данным, в годы войны погибло 26 военных священников, умерло от ран и болезней – 54, ранено – 48, контужено – 47, отравлено газами – 5, попало в плен – более 100. См.: Бондаренко В. В. Указ. соч. С. 335.

³⁴⁰ Церковный вестник. 1914. № 50. 11 декабря. Стб. 1531–1532; № 39. 25 сентября. Стб. 1167.

Александра Невского и св. Владимира 2 степени³⁴¹. Но их духовные чада, с которыми они вместе оказывались под пулями, видели в них теперь своих врагов. Этому способствовала и светская пресса, «требовавшая от церквей продать на нужды войны драгоценные священные чаши и ризы с икон»³⁴².

Тем временем в церковных верхах царил разброд. 9 февраля 1917 г. протоиерей И. Восторгов жаловался из Москвы в Читгу епископу Ефрему: «Воцарившиеся распутинцы клюют меня. Лишили звания от Синода, собираются лишить и званий моих... Творят беззакония, а управы на них нет. Поневоле толкаешься в оппозицию... Катимся вниз с неудержимой быстротой...». На следующий день он сообщал архиепископу Анастасию в Кишинев: «После Святков побывал в Петрограде. Везде положение смутное, но в наших церковных делах полный хаос... Распутинцы, маленькие люди во всех смыслах, попали в люди большие...»³⁴³. Архиепископ Тверской Серафим (Чичагов) 12 февраля 1917 г. писал Ф. А. Кребсу в Екатеринодар: «То работаю в Твери, то в Петрограде – в Государственном совете – и варюсь как рак в этом государственном котле, краснея от полной нравственной разнузданности современных деятелей и распорядителей жизнью народа нашего. Сколько оказалось в России мошеников и развратителей»³⁴⁴.

Некоторым положение казалось безнадежным. Графиня Уварова 18 января 1917 г. жаловалась из Москвы архиепископу Анастасию в Кишинев: «Очень больно... сознавать, что Россия идет не вперед, а назад, и что правительственные учреждения (как законодательные, так и учебные) только искажают народный ум и ведут ее к верной гибели. Одна надежда, как вы говорите, на Бога и Его великое милосердие... Да поможет он... выбраться России снова на торный путь и, не увлекаясь мишурным блеском Запада, зажечь снова своим умом»³⁴⁵. Задним числом протопресвитер Г. Шавельский выразился еще резче: «И какие грязные субъекты попадали чуть ли не в кормчие Российского церковного корабля!»³⁴⁶

Нельзя сказать, чтобы общественность не обращала внимания на положение церкви и духовенства. «Судя по роли митрополита Питирима (Петроградского. – Авт.) и Гр. Распутина, церковный вопрос в России имеет первостепенное значение в нашей внутренней политике, и потому следовало бы его ликвидировать как можно скорее..., – писал 16 ноября 1916 г. профессор П. Верховский из

³⁴¹ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 1. С. 186. Получили также награды мусульманские муллы, бакша-лама М. Барманжинов (калмык) и старообрядческий священник А. Журавлев. См.: Бондаренко В. В. Указ. соч. С. 334–335.

³⁴² Рункевич С. Г. Указ. соч. С. 332.

³⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Д. 1071. Л. 30.

³⁴⁴ Там же. Л. 30, 37, 42.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 122.

³⁴⁶ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 72.

Ростова-на-Дону П. Н. Милюкову. — Надо бы коренным образом преобразовать положение церкви в России... учредив Министерство Исповеданий; надо лишить духовенство всего его реакционно-политического значения, для чего превратить Церковь из государственного ведомства в частный институт...»³⁴⁷. Однако РПЦ попросту не могла материально выжить без государственной поддержки. Н. А. Бердяев считал, что вопрос о реформе церкви зашел в тупик: не удавалось «найти рычага, которым можно было бы сдвинуть с места инертную материю внешней церковности»³⁴⁸. В этом была виновата скорее самодержавная традиция, нежели православие.

Некоторые священники продолжали винить во всем либералов. Священник М. Митроцкий писал 13 декабря 1916 г. из столицы протоиерею Г. Прозорову: «Здесь такая неразбериха, что трудно сказать, кто прав, кто виноват... Милюков и К^о царствуют безраздельно. Правительство открыто поносит на улицах... Речи в Государственной думе продолжают носить революционный характер... Правительство, бездарное и трусливое, лишь работает на руку революционным элементам. Если не случится чуда, то неизбежны внутренние беспорядки, которые приведут нас к позорному миру...». Доставалось и власти. «Перестаю верить в победу..., — продолжал священник. — А высшие круги? Там, говорят, семейный раздор... Что готовит нам грядущий день — покрыто густым туманом. Но хуже всего то, что у русских людей, а особенно у стоящих у власти, туман в голове. Скверно и тяжело!»³⁴⁹ Депутат Думы протоиерей Г. Алферов в письме от 13 декабря 1916 г. О. В. Прутенко в Царское Село утверждал, что «Дума за полтора месяца только растравила страну, не дав ей ничего положительного, что крайне прискорбно»³⁵⁰. Член Государственного совета архиепископ Серафим 30 декабря 1916 г. в письме С. И. Палтову в Петроград рисовал такую перспективу: «Шествуя назад, власти приближаются не к прогрессу, не к рассвету, а к холодной ночи, и надо молиться Богу, чтобы они скорее легли спать и забылись. До больших чудес мы с вами дожили... Вспомнили, что в 1905 г. забыли подтянуть Россию, и давай пробовать, нельзя ли забытое исполнить теперь, в 1917 г., а то не будет оправдания»³⁵¹.

Государственная идеология, опиравшаяся на этатизированные ценности, не смогла в полной мере вдохновить фронт и тыл на победу. Требовалась «новая вера». В этих условиях часть священников втянулась в политику. Член Государственной думы священник

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1119.

³⁴⁸ Бердяев Н. А. Церковный вопрос в России // Бердяев Н. А. Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны. М., 2004. С. 261.

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1655.

³⁵⁰ Там же. Л. 1657.

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1839.

В. Немерцалов 25 января 1917 г. писал на родину в Самарскую губернию, что после его выступления в ноябре прошлого года с думской трибуны митрополит Петроградский Питирим порвал с ним отношения. Он, в свою очередь, не хотел больше поддержки из «сомнительной чистоты рук» митрополита и мечтал «улететь в родные края и посмотреть на подлинную русскую жизнь»³⁵². Другой священник, М. Митрофанов, 14 января 1917 г. сообщал в Киев о необходимости подачи императору особой записки «по поводу современных событий во внутренней жизни». «Спешите и шумите, надо показать, что правые и националисты не умерли», – писал он, надеясь на правительственные субсидии³⁵³. Он и его сторонники безнадежно опоздали.

На развитии ситуации сказывалось и сохранившееся с довоенных времен разномыслие – в православной среде за формальным благочестием таилось двоеверие и отголоски язычества. Дали о себе знать и лежащие под спудом межконфессиональные нестыковки. Солдаты-мусульмане, не понимавшие официальных целей войны, воспринимали ее «как могилу, как приключившееся с ними несчастье, которого невозможно было избежать»³⁵⁴. Непродуманная конфессиональная политика, социальная и политическая напряженность, кризис верхов шаг за шагом вытесняли «казенную» веру.

Накануне революции произошел почти символический случай. Летом 1916 г. инженеры путей сообщения с одобрения императора заказали у В. М. Васнецова икону в честь своей службы на фронтах войны. Работа художника затянулась: не удавался лик Спасителя. Когда же за несколько дней до революции икона предстала перед зрителями в Ставке, все были поражены: «лик Спасителя отражал какую-то невообразимую скорбь». Васнецов пояснил заказчикам, что по-другому так и не получилось. Протопресвитер Г. Шавельский объяснял случившееся тем, что в Васнецове было нечто, «приближающее его к пророкам». Позднее художник пытался изобразить обессилевшего богатыря, сражающегося с «гидрой революции»³⁵⁵. Ядро российской «духовности» словно продолжало перемещаться из церковного в светское квазирелигиозное пространство.

³⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 176. 6 декабря 1916 г. митрополит Петроградский Питирим (Окнов), «распутинец», которого протопресвитер Шавельский аттестовал Николаю II как «лжеца и вообще негодного человека», удостоился исключительной награды царя: предношением креста при богослужении (ранее такое было возможно лишь после награждения орденом Андрея Первозванного). См. *Шавельский Г. И. Воспоминания...* Т. 2. С. 245.

³⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Там же. Л. 102.

³⁵⁴ *Росс Д.* Гог, Магог и аэроплан: татарская народная литература как ответ на войну (1914–1917) // *Маленький человек и большая война в истории России.* С. 56.

³⁵⁵ *Шавельский Г. И. Воспоминания...* Т. 2. С. 115–116.

Война, помимо всего прочего, обернулась крушением многовекового союза государства и православной церкви. Неслучайно после революции «духовенство в массе своей... легко поддалось революционному психозу»³⁵⁶. «Иссушение веры» ускорило, вместе с тем, моральное «выгорание» всего социального пространства. И даже обретение церковью долгожданной самостоятельности не привело к ее возрождению и, как результат, не спасло от «апокалиптических гонений» со стороны большевистской власти.

В сущности, «казенная» церковь в любом случае разделила бы судьбу своего светского начальства. Веру нельзя навязывать, ее устойчивость связана со свободой совести. Люди жаждут «своей» веры. Церковь, служащая опорой «бездуховной» государственности, лишь провоцирует суеверия, — этих извечных «бесов революции», которые будут упорно ждать своего часа.

В сущности, рядовым служителям веры в России не хватало главного — твердости в Вере. Последнему мешала сама система управления церковью. Результат не замедлил сказаться.

В известном смысле русская революция оказалась подобием ересей Средневековья. И этому не приходится удивляться: иссушенная церковной бюрократией государственная вера слишком разошлась с традиционными миропредставлениями народа. Консервативные утопии масс, не получая необходимой духовной коррекции со стороны казенных пастырей, вырождались в массовые предрассудки. И как только человек оказывался на грани бытийственного отчаяния, эти предрассудки наполнялись злой энергией «безбожной» революционной веры.

³⁵⁶ Священный собор православной российской церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний. Первая сессия. М., 2002. С. 425–429.

Глава 5

ДИНАМИКА И ОЧАГИ СОЦИАЛЬНОГО БУНТА

1.5.1. В поисках виновника

1905 год приучил власть опасаться забастовочного движения рабочих и «аграрных беспорядков». Однако с началом войны обнаружилось новые, неожиданные формы массового протеста как в городе, так и в деревне. То, что принято называть «настроением 1914 г.»¹, было в России не столько пробуждением осознанных национально-патриотических чувств, сколько малоизвестным ранее феноменом агрессивной эйфории. Людей охватила вера в чудо преображения войной – разумеется, в соответствии с их собственными – весьма противоречивыми – ожиданиями и планами.

Низы в большинстве своем продолжали жить традиционной, отчужденной от мировых страстей жизнью, надеясь на ее радикальные перемены. Это сразу проявило себя. Когда в июле 1914 г. неожиданно началась мобилизация с еще более неожиданным запретом спиртного, новобранцы, толпами повалившие на призывные пункты, возмутились. Беспорядки захватили 30 губерний Европейской России и 10 – Азиатской.

Направленность бунтарства была узнаваемой. В Бутульме толпа, вооружившись кольями, напала на полицейских стражников. В Ставропольском уезде после разгрома лавок и магазинов мобилизованные попытались захватить казначейство; в столкновениях с полицией погибли двое из них. В Пермской губернии было убито 47 человек, ранено 68. Наиболее масштабный бунт произошел в Барнауле. Мобилизованные разгромили банк, магазины, дома местных купцов. На их усмирение пришлось отправить три роты солдат, две сотни казаков с двумя пушками. Одних убитых было 112 человек². В целом в Алтайской губернии было предано суду около

¹ Санборн Д. Указ. соч. С. 212.

² Жители Барнаула в письмах рисовали куда более страшную картину: «Призванные сожгли целых два квартала у пристани. В пожаре погибло до 400 человек, грабивших вино и товары, немало было убитых выстрелами солдат». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1294.

1 400 человек. В общей сложности с 19 июля по 1 августа 1914 г. в 27 губерниях было убито 12 должностных лиц, ранено и избито 94; среди бунтовщиков насчитали 247 убитых, 258 раненых³. Не похоже, что в тогдашней обстановке эти события произвели впечатление на местное начальство, очевидно, полагавшее, что с важной государственной задачей оно вполне справилось. Из Новониколаевска кадету Н. В. Некрасову писали, что поездки депутатов Думы в провинцию, конечно, необходимы, однако «на барнаульскую историю здесь смотрят как на печальный эпизод»⁴.

В ряде случаев администрация была настроена решительно. Пермский губернатор 22 июля телеграфировал руководителям воинских команд: «Соберите сход, объявите: [при] малейшем беспорядке разгромяю селение артиллерией, церемониться больше не стану. Всякое сборище, не расходящееся при первом требовании, расстрелять беспощадно». В результате в Котельниче было убито 9 и ранено 12 запасных⁵.

Создается впечатление, что запасные, отправлявшиеся на фронт, несли в себе громадный заряд иррациональной ненависти. Очевидец из Одессы описал случай жуткой расправы на станции Знаменка. Несколько запасных дразнили кондуктора киевского поезда, тот ударил одного из них, после чего запасные методично в течение трех часов взламывали ломом дверь багажного вагона, в котором укрылся кондуктор, и, найдя, убили его. Увещевания и угрозы офицеров не подействовали: запасные отвечали, что у них есть винтовки и по 120 патронов⁶. Похоже, эти люди были готовы без приказа броситься в бой. Но против кого?

В других местностях бунтовщики обычно ограничивались погромом винных лавок. Порой требовали бесплатной выдачи табака, отправки на фронт полицейских, начинали громить еврейское население⁷. В Сибири ссыльные отмечали «разгромы казеннок, убийства исправников и воинских начальников» и даже «попытки освобождения тюрем». При этом к ссыльным запасные относились сочувственно⁸. В Могилевской, Минской, Киевской, Волынской и Подольской губерниях пострадало более 50 помещичьих имений⁹.

³ См.: Беркевич А. Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 16, 19–21, 37–38, 40–41.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1449.

⁵ Цит. по: Юдина Л. С. Трудовая этика на заводах Урала в годы Первой мировой войны (1914–1917). // Человек и война. Война как явление культуры. М., 2001. С. 218.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1373 (Б. Минаков из Одессы 29 августа 1914 г. – Е. А. Минаковой в Новомосковск).

⁷ Булдаков В. П. Красная смута. С. 728.

⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 15 (письмо ссыльного из Енисейской губернии, подписавшегося «А» (судя по всему, эсера), от 18 декабря 1914 г. И. Н. Леонтьеву в Петроград).

⁹ Особенности аграрного строя России в период империализма. М., 1962. С. 273.

В Саратовской губернии число убитых рекрутов исчислялось десятками; здесь наблюдалось увеличение случаев хулы в адрес императора. Порой крестьяне заявляли: «Триста лет царствует, ...его мать, помощи никакой не дает, а на войну берет, он называется не Царь, а кровопивец, когда нас возьмут на войну и дадут эту штуку, то мы с ним справимся»¹⁰. Такие заявления вряд ли можно связать с социалистической пропагандой. Есть данные, что антивоенная деятельность социалистов не приносила успеха¹¹.

К концу года от массового «патриотического порыва», похоже, не осталось и следа. Из Калужской губернии Милюкову писали: «Сегодня объявлена 4-я мобилизация. Призываются ратники начиная с 1902 г. Канун Нового года стал днем плача и рыданий. Призываются единственные кормильцы семей, где из 10 человек 8 неработоспособных. Необходимо внести в устав о воинской повинности поправку... Население сильно ропщет и волнуется из-за освобождения от призыва на действительную службу городских и... стражников...». Последних, фактически оставшихся без работы, рекомендовалось отправить на фронт, заменив легкоранеными воинами¹².

Накопленный ранее заряд агрессии, соединившись с потаенными военными страхами, то и дело принимал парадоксальное воплощение. Солдаты распевали: «Уж вы немцы, азиаты, из-за вас идем в солдаты»¹³. Впрочем, этнофобский «патриотизм» наблюдался во всех воюющих странах: в Германии толпы атаковали британское посольство, правительство стало пресекать подобные действия из-за опасений за судьбы своих соотечественников за рубежом¹⁴.

Тем временем российская пресса, взалхлеб сообщая о случаях насилия над русскими туристами в Германии, тем самым подталкивала антинемецкие действия в России. 22 июля в столице произошел разгром немецкого посольства. Толпа сбросила с него герб и закинула его в Мойку. Погромщиков разгоняли с помощью пожарных брандспойтов¹⁵. «Больше нет фигур на крыше посольства»¹⁶, окна

¹⁰ Посадский А. В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 32, 98, 106.

¹¹ Белова И. Б. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Первая мировая война: взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 93–94.

¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 8.

¹³ Асташов А. Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 78.

¹⁴ Verhey J. Op. cit. P. 85.

¹⁵ См.: Спиридович А. И. Великая война и февральская революция 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 1. С. 13–14; Толстой И. И. Указ. соч. С. 526.

¹⁶ Скульптурная группа на крыше немецкого посольства называлась «Диоскуры», хотя обнаженных мужчин, удерживающих коней, именовали то «гладиаторами», то «тевтонами». По-видимому, погромщики взобрались на крышу, разыскивая антенну беспроводного телеграфа – по слухам, такие устройства использовались для передачи секретных сведений в Берлин. См.: Врангель Н. Н., бар. Указ. соч. С. 25.

выбиты и чернеют, мебель, картины, белье выкинуто и сожжено, флаг и герб разодраны, портрет Вильгельма сожжен, хрусталь и посуда побиты – бесконечное варварство», – комментировал случившееся искусствовед Н. Н. Пунин¹⁷. Заодно подверглась нападению редакция газеты «Petersburger Zeitung» и кафе на углу Невского и Садовой, хозяином которого был немецкий подданный Рейтер¹⁸.

Но обнаружился и иной взгляд на событие. После полуночи группа из 200–300 погромщиков, некоторые из которых были «навеселе», смиренно явилась в редакцию самого «антинемецкого» органа, газеты «Новое время», и принесла «трофеи» – портреты царя и царицы, захваченные в посольстве. «Стройно пропели гимн, – комментировал В. В. Розанов. – В редакции ответили, что это дурно пахнет». Сам он, выйдя к погромщикам, рассудил иначе. Ему стало «грустно и прямо страшно» за этих «прекрасных людей», которые ощущали себя «Миниными и Пожарскими», но никак не хулиганами. Розанов вообразил, что погромщики – это и есть «народ», который «не может вести себя как общество; народ чувствует все непосредственное, живее, горячее; он прямее нас и лучше нас». Случившееся показалось ему началом «великой расовой и культурной борьбы» славянства с германизмом¹⁹. А. И. Куприн изливал свои восторги в более простой манере: «Это очень хорошо, что два бронзовых мужика сверзлись на мостовую: что ни говори, ведь в полусотне шагов от посольства стоит собор, – совсем неприлично было. Молодец, русский человек, догадался!»²⁰

В свете последующих событий произошедшее кажется едва ли не символичным. В критические моменты истории в граждански недоразвитых обществах просыпается своего рода коммуникативный инстинкт – племенная бестиаризация «главного» врага, на проиcки которого можно списать все, что угодно. В данном случае традиционное российско-интеллигентское поклонение выдуманному «народу» обернулось восхвалением наиболее темных и агрессивных его элементов. Впрочем, так было не только в России.

Создается впечатление, что «благородное» негодование погромщиков стало одурманивать даже интеллектуалов. Столичный погром был лишь началом антинемецкой истерии. Возможно, помогло в этом секретное предписание столичного градоначальника от 2 августа 1914 г.: «немедленно освободить всех задержанных за бесчинство и озорство в отношении здания Германского посольства»²¹. Потакая дурным эмоциям, воспринимаемым как «патриотические», власть сама нарушала закон.

¹⁷ Пунин Н. Н. Указ. соч. С. 62.

¹⁸ Глезеров С. Е. Указ. соч. С. 611.

¹⁹ См.: Розанов В. В. Война 1914 года и русское возрождение. С. 8, 13, 15, 31–32.

²⁰ Цит. по: Епанчин Ю. Л. Указ. соч. С. 105.

²¹ Цит. по: Антонов Б. И. Указ. соч. С. 332.

В кризисных авторитарно-патерналистских системах массы имплицитно пребывают в ожидании «обмана» и его «разоблачения». Война открыла каналы выплеска «праведного» гнева. В октябре 1914 г. на собрании купеческого общества было решено расследовать деятельность австрийских и германских фирм²². «Патриотическое» общество «За Россию» призвало к бойкоту товаров фирмы «Эйнем» и постаралось вызвать «возможно большее озлобление» против германских подданных²³. Распространялись соответствующие слухи. Было разграблено несколько продовольственных лавок и магазинов, пострадали кондитерские магазины «Эйнем». Нападения на последние спровоцировало заявление одного из владельцев (единственного из четырех братьев российского подданного) о том, что их фирма «русская». Пресса тут же призвала к бойкоту товаров «Эйнем», однако полиция не нашла в подобных публикациях ничего предосудительного. Лишь когда дело дошло до уголовщины, полицейские арестовали 21 погромщика, обнаружив среди них людей, замеченных ранее в попытках грабежа²⁴.

У многих москвичей погром вызвал шок. Так, В. Мошков 14 октября 1914 г. писал в Петроград: «Ужасно обидно, что Москва осрамилась; горсть каких-то мерзавцев разгромила магазины «немецких подданных» — не забыв, конечно, и свои карманы. В число «немецких» магазинов попали и Кутюрье, Сий и Лоок, Кузнецов, Бландов, Сушевский завод и др., не говоря уже о множестве немцев — русскоподданных». Поскольку одновременно с началом погромов происходила студенческая манифестация, распространился слух, что студенты приняли участие в погроме. В случившемся обвиняли полицию, «которая допустила разгореться страстям и не приняла никаких мер к пресечению такого безобразия»²⁵.

Кое-кто, комментируя невнятные высказывания прессы, уверял, что участниками погрома была «зеленая молодежь», которую следует воспитывать, «а не осуждать»²⁶. Другие возмущались демонстрациями «студентов с битьем стекол в немецких и австрийских магазинах», при этом высказывались сомнения «в искренности их порывов»²⁷. Некоторые москвичи отмечали, что «среди интеллигенции [оказалось] немало лиц, которые не возмущались необузданными проявлениями дикой толпы», и что в условиях войны

²² Поткина И. В. Чрезвычайное законодательство и немецкие фирмы в Москве // Немецкие предприниматели в Москве. Сборник статей. М., 1999. С. 236.

²³ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 432.

²⁴ ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59. Л. 331 об.-334, 330.

²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1621.

²⁶ Там же. Л. 1667 (письмо неустановленного автора из Чистополя от 21 октября 1914 г. М. А. Успенскому в Москву, в редакцию «Русского слова»).

²⁷ Там же. Л. 1629 (письмо неустановленного москвича от 15 октября 1914 г. Н. Н. Клитину в Петроград).

даже умные люди «стали звереть»²⁸. Были и такие, кто считал: «у нас пруссаки и австрияки великолепно торговали... а как только разбили у них несколько стекол, так наш подлый градоначальник сейчас же выступил с угрозами против негодующих русских людей»²⁹.

«Буквально вся Москва разгромлена и магазины заколочены досками, – писал неизвестный москвич во Францию. – Хулиганы буйствовали два дня, и жутко было смотреть на попустительство начальства». Этому человеку ситуация напоминала 1905 год³⁰. О пробуждении «простого хулиганства» и «дикости, которая проникает в интеллигенцию», писали и люди со стороны³¹. В любом случае погром казался явлением симптоматичным.

Каждый готов был предложить «единственно верную» версию событий. «Только что узнал подробности о московских безобразиях, творившихся в день опубликования Высочайшего указа об отмене отсрочек, – писал 15 октября 1914 г. некий Сергей (возможно, студент) Д. В. Шапинскому в Москву. – А мы, брат, не лучше, а возможно, и хуже: наши лазали на коленях перед пустым Зимним дворцом.... Разумеется, все “прогрессивные” газеты об этом ни слова. “Новое время” бормотало что-то о патриотизме...». Событие получало гипертрофированные и столь же противоречивые оценки³². «...Слухи, какие у вас гуляют, – невероятная чушь, – сообщал некий «знающий» москвич в Харьков. – А вот что хулиганствующая толпа разнесла и разорвала немецкие магазины – это верно. И что во главе этого стояли некоторые студенты – тоже верно»³³. Каждый пытался вложить в произошедшие безобразия свою «правду». Увы, люди обычно «фильтруют» реалии сквозь стереотипы своего сознания, которые порой не имеют с действительностью точек соприкосновения.

Между тем скоро обнаружились и другие неожиданные явления. Вечером в январе 1915 г. в Москве в университетской столовой с примечательным названием «Трезвая Татьяна» по случаю Татьянинного дня состоялась студенческая вечеринка. Затем толпа в 300–400 человек двинулась по улицам Москвы с пением «русской революционной марсельезы и “Вихри враждебные веют над нами”». У памятника Пушкину студенты пропели «вечную память ему и Толстому, а заодно и градоначальнику Адрианову и с криками «долгой Адрианова» двинулись по Тверскому бульвару». Шествие продолжалось

²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1624 (Н. Высотский 14 октября 1914 г. – А. Н. Высотскому в Пулковскую обсерваторию).

²⁹ Там же. Л. 1631 (Петражицкий 15 октября 1914 г. – В. П. Веселову в Петроград).

³⁰ ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 59. Л. 331 об.–334, 330. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1616 (письмо неустановленного автора из Тулы от 18 октября 1914 г. Е. В. Шик в Москву).

³¹ Там же. Л. 1652.

³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 997. Л. 1630.

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 69 (письмо адресовано М. В. Гливенко).

до 4–5 ночи, встречные присоединялись к нему, «произносились очень и очень горячие революционные речи, покрываемые ураганами аплодисментов». Полиция делала вид, что ничего не видит и не слышит. В газетах на следующий день сообщалось лишь, что русское студенчество умеет веселиться и без спиртных напитков³⁴.

Похоже, что в обществе то ли зародилось непредсказуемое возбуждение, то ли появилась непонятная инфекция, с которой не умели и не хотели бороться. Вопрос был лишь в том, во что это может вылиться. По иронии судьбы погромный настрой невольно стимулировал сам император, как-то заявивший столичному городскому голове: «Отчего много у вас немцев?... Я приказываю всех выслать...»³⁵. Подобные заявления тут же становились известными. Сыграло свою роль и предвоенное недовольство остзейскими баронами. Ситуация накалилась настолько, что Верховный главнокомандующий Николай Николаевич потребовал от газетчиков прекратить нападки на «обладателей нерусских фамилий... честно несущих службу царю и родине»³⁶.

Однако германофобия усиливалась во всех слоях общества. «Слышал, что командовал Х армией Сиверс, балтийский немец, — записывал в дневнике известный правый деятель Л. А. Тихомиров 14 февраля 1915 г. — Раньше командовал Эверт — православный... Что это за манера назначать балтийцев?» Впрочем, слухи о «президентах» Тихомирову тоже не нравились. В марте он порицал «мерзкие рассказы» о немецких шпионах, в числе которых называли великую княгиню Марию Павловну³⁷. Сам он, воспроизводя слухи, уже не мог понять, где правда, а где ложь. Такова была особенность переживаемого времени.

Германофобия то и дело перерастала в юдофобию. После того, как в апреле 1915 г. поступил приказ военных властей о поголовном выселении всех евреев из Курляндской, Ковенской и Гродненской губерний, в Государственную думу сообщали: «...Выселение из Курляндии напоминает избиение младенцев. Из Митавы выселено 8 тыс. евреев, в том числе 18 георгиевских кавалеров. Выселяют людей, у которых сыновья и мужья воюют. Латыши издевались, не давая воды, заколачивая клозеты. Ни проблеска сочувствия!»³⁸.

³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 74 (письмо, подписанное «Владимир Б.» из Москвы от 26 января 1915 г. студенту П. А. Сироткину в Варшаву).

³⁵ Совет министров... С. 85.

³⁶ Цит. по: Андреева Н. С. Прибалтийские немцы и российская правительственная политика в начале XX века. СПб., 2008. С. 224.

³⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 41, 47. После Февральской революции ген. А. Е. Эверт добровольно ушел в отставку из-за «немецкой» фамилии, доказывая при этом, что он православный шведского происхождения (ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 356. Л. 7–8). В советское время Эверт (с подачи Брусилова) превратился в предателя и изменника.

³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042. Л. 95.

Шовинизм пропитал обыденность. Писатель Б. А. Губер, обладатель «немецкой» фамилии, рассказывал, что в провинциальном Вольском кадетском корпусе его «всячески изводили, дразнили “немчурой” и “шпионом”», цукали»³⁹. Всякое неординарное событие еще больше подогревало антинемецкие страсти. «...Говорят, вчера у Преображенской заставы было побоище из-за дороговизны, вмешалась полиция и Модлю (злословили, что этот жандармский полковник сменил фамилию на Марков) проломили голову», – записывал в дневнике историк А. В. Орешников в апреле 1915 г.⁴⁰ Согласно воспоминаниям большевика М. Лациса, Модль пострадал от женщины, ударившей его камнем, причем толпа едва не утопила его⁴¹.

Печально знаменитый московский немецкий погром случился в атмосфере всеобщего разочарования, вызванного отступлением русских армий от Перемышля. Возможно, сказалось и то, что Верховный главнокомандующий не ко времени был награжден бриллиантовой саблей «за освобождение Червонной Руси». Появились характерные наветы: евреи якобы распускают слухи о том, что русские генералы сдали крепость немцам за 14 млн рублей⁴². О готовящемся «погроме немцев» говорили еще 16 мая⁴³. Не исключено, что провокационную роль сыграло особое рвение генерал-губернатора Ф. Ф. Юсупова по части высылки немцев, которое, как ни парадоксально, он объяснял желанием предотвратить «эксцессы»⁴⁴. Московские рабочие действительно все настойчивее требовали «чистки» фабрик и заводов; городская администрация намекала на «подозрительных». Рабочие принялись составлять списки лиц, подлежащих увольнению, естественно, включая в них не только этнических немцев⁴⁵.

Начало погрому положил «бабий бунт» 26 мая. Среди женщин, лишившихся возможности подрабатывать в Комитете великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры императрицы), распространился слух, что заказы переданы австрийской фирме «Мандль»⁴⁶.

³⁹ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. Под ред. В. Л. Лидина. Изд. 2-е, доп. и испр. М., 1928. С. 103.

⁴⁰ Алексей Васильевич Орешников. С. 30.

⁴¹ Лацис М. (Дядя). В последней схватке с царизмом. Воспоминания о работе московских большевиков в годы империалистической войны. М., 1935. С. 41–42.

⁴² Сергійчук В. Погроми в Україні: 1914–1920. Від штучних стереотипів до гіркої правди, приховуваної в радянських архівах. Київ. 1998. С. 78, 107.

⁴³ Алексей Васильевич Орешников. С. 33.

⁴⁴ См.: Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 556–559, 561. Ф. Ф. Юсупов имел репутацию «одного из глупейших людей Российской империи», постоянно прогорававший на всевозможных аферах. См.: Врангель Н. Н., бар. Указ. соч. С. 138.

⁴⁵ Гатагова Л. С. Москва во власти охлоса (о погромах немцев в 1915 г.) // Проблемы этнофобии в контексте исследования массового сознания. М., 2004. С. 112.

⁴⁶ Рябиченко С. Погромы 1915 года. Три дня из жизни неизвестной Москвы. М., 2002. С. 7.

Былая популярность великой княгини сменилась подозрительностью⁴⁷. Начались демонстрации, рабочих поддержали городские низы. Полиция не рискнула разгонять буянов, действующих под прикрытием патриотических плакатов, портретов императора и государственных флагов. К тому же полицейские знали, что их особенно ненавидят за освобождение от мобилизации в армию.

Известный журналист Влас Дорошевич свидетельствовал, что лишь «первый день погрома носил характер своеобразной стыдливости, даже благородства и великодушия»: не громили ни бельгийцев, ни даже евреев – еврею, «доказавшему» по домовую книгу, что он еврей, кричали «Ура!». Ничего не крали, а только разбивали: один рабочий демонстративно рвал «шеншила». Но к вечеру разбили два винных склада (на Ильинке и 1-й Мещанской), и пошло-поехало⁴⁸.

Улицы Москвы оказались во власти толп. При этом пострадало куда больше российских граждан с «немецкими» фамилиями (были жертвы и среди русских), чем германских и австрийских подданных⁴⁹. Беспорядки разрослись под влиянием рабочих фабрики Гюбнера, в ходе которых около 1,5 тысяч рабочих выдвинули требование удалить с предприятий «немцев-эльзасцев». В этот день полиция еще сдерживала демонстрантов. Но после разгрома фабрики Р. Шредера и зверского убийства четырех «немок» вечером 27 мая ситуация вышла из-под контроля.

На следующий день полиция предприняла более чем своеобразные меры по охране немецких граждан – владельцев предприятий свозили в тюрьму, а московский градоначальник А. А. Адрианов предложил рабочим составить перечень всех служащих-немцев⁵⁰. Это подлило масла в огонь. В тот же день была разгромлена аптека Ферейна на Никольской улице, из ее подвалов извлекли 5 пудов спирта и распили его. Затем демонстранты собрались на Красной площади, требуя отречения императора, пострижения императрицы в монахини и передачи престола великому князю Николаю Николаевичу⁵¹. После разгрома водочной фабрики Шустера погромщики разъярились еще больше⁵². На Мясницкой улице толпа совершала

⁴⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 68.

⁴⁸ *Дорошевич В. М.* При особом мнении. Кишинев, 1917. С. 8, 10.

⁴⁹ См.: *Жилкин И.* Московский погром // Вестник Европы. 1915. № 9; *Кузьмин-Караваев В.* Рапорт сенатора Крашенинникова о майских беспорядках в Москве. Бездействие власти или заведомое попустительство // Вестник Европы. 1916. № 2; *Меницкий И.* Рабочее движение и социал-демократическое подполье Москвы в военные годы (1914–1917). М., 1923. С. 119, 124, 128.

⁵⁰ *Дёнингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004. С. 339–340.

⁵¹ *Булдаков В. П.* Хаос и этнос. С. 86.

⁵² *Кирьянов Ю. И.* Социально-политический протест рабочих в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.). М., 2005. С. 55.

обход магазинов, руководствуясь подготовленными списками. Если магазины принадлежали православным или евреям, погромщики не трогали их. Но со временем принцип этнических предпочтений был нарушен. За два часа было разгромлено 8 магазинов и 7 контор. Заодно пострадали русский и французский магазины. Под горячую руку попал внештатный консул колумбийского посольства П. Вортман. Обиженный обратился было к помощнику пристава, но тот «только развел руками». В ходе разгрома одного из складов к нему подъехал наряд конной полиции, но после беседы с находившимся поблизости городовой полицейские удалились под крики «Ура!» со стороны погромщиков⁵³. В России умели улавливать негласные симпатии властей и подлаживаться к ним. Но когда полиция наконец-то стала теснить погромщиков, ненависть толп обернулась против нее⁵⁴.

В литературе до сих пор продолжают споры: был ли погром стихийным или, напротив, он был организован властями. На второй версии настаивали в свое время не только либералы, но и Тихомиров, ставший свидетелем поведения толп. Ничего удивительного: со стороны ситуация казалась предельно простой. «Как я и ожидал, немцы стали наступать, а в ответ в Москве устроили погром»⁵⁵, — писал из Лондона эмигрант доктор Е. Я. Столкин. В советской литературе организованность погромов царскими властями считалась доказанным фактом. Западные исследователи, напротив, склонны считать их скорее стихийными, нежели организованными. У Тихомирова, наблюдавшего 28 мая за событиями на Никольской, не создалось впечатления организованности демонстрантов властями, но, пообщавшись со знакомыми, он изменил мнение⁵⁶. Протоиерей И. И. Восторгов полагал, что «большинство шло на явно заведомый грабеж и только единицы шли “из патриотизма” или как элемент, поддающийся при всяком поводе внушению»⁵⁷.

Впрочем, некоторым нравилось представлять дело иначе. «Все немецкие, австрийские и турецкие магазины были разгромлены и разбиты под благосклонными взорами полиции, которой было приказано не вмешиваться. «Все было сломано, но ни одной вещи не было украдено, — уверял один москвич. — В одном разгромленном немецком магазине они нашли бомбы, револьверы и каски прусские»⁵⁸. Еще более «оригинальное» представление о виновниках случившегося можно найти в письме из армии. «Наверное все это дело рук наших революционеров-жидов, действовавших на немецкие деньги. Безобразие, — возмущался один служащий госпи-

⁵³ Гатагова Л. С. Указ соч. С. 113–114.

⁵⁴ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 564.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 13.

⁵⁶ См.: *Дневник Л. А. Тихомирова*. С. 64–66.

⁵⁷ Восторгов И. И. Воспоминания о Февральской революции в Москве // *Записки отдела рукописей РГБ*. Вып. 51. М., 2000, С. 314.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 45.

тая. – Неужели и теперь, после того, как жида показали себя злейшими врагами нашими, они останутся руководителями и вдохновителями нашей так называемой интеллигенции. Черт знает что!»⁵⁹ Старые предрассудки порождали теперь дикие выверты этнофобского сознания.

В кризисные времена люди становятся не только мнительными, но и внушаемыми. Однако изнутри погром смотрелся совсем не так, как хотелось бы реальным и мнимым «организаторам», а равно и «проницательным» аналитикам. Один из погромщиков писал своему другу в действующую армию: «28 мая здесь был разгром немецких магазинов. Вот когда обогатилась и оделась нищета. Тут тащили все и кто как успел. Многие возили прямо на извозчиках. Мы с Петушком пошли на Ильинку к Вильборну; напились в лоскутики; много принесли домой, а также продали рублей на 25. Мы большей частью пили и тащили коньячок. Пришли с ним в семь часов утра вдрызг; костюмы порвали и оба без шапок. Немного отдохнули, похмелились и пошли к Роберту Кенцу; тут мы натаскали много вещей, но у нас все отобрали, так как после семи часов утра вышел приказ задерживать и арестовывать, кто тащит награбленное. Арестованных очень много, много раненых и мертвых, прямо напивались до смерти, а некоторые просто захлебнулись в бочке, потому что пили прямо из бочек. Вот когда было пьянство, как никогда, была пьяна почти вся Москва»⁶⁰.

Разумеется, в этом свидетельстве не обошлось без типичных в таких ситуациях преувеличений и хулиганской бравлады. Тем не менее «патриотические» эмоции, судя по всему, были характерны лишь для незначительной части погромщиков. Ученый-физик утверждал: «Первоначально антинемецкая демонстрация, несомненно, была организована полицией, но потом толпа так расходилась, что “патриотическая” демонстрация превратилась в дикий грабеж». Как видно, не случайно был разграблен и магазин обувной фирмы «Скороход» – обувь стала дефицитом. В погроме участвовала и молодая прачка Лиза, заявившаяся «только на другое утро с целым запасом “трофейных” вещей и продуктов». Естественно, хозяин-интеллигент ее громко отругал, зачитав приказ градоначальника о прекращении безобразий⁶¹.

Некоторая часть русского населения симпатизировала жертвам погрома. «В результате беспорядков в Москве пострадали русские с немецкими фамилиями. Среди них Елена Ивановна Браун, ее фабрику сожгли, а она присылала нам к празднику массу подарков», –

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 68 (письмо от 9 июня 1915 г. адресовано К. А. Лучинскому в Москву).

⁶⁰ Там же. Л. 100 (письмо не установленного автора от 10 июня 1915 г. Матвею Ерхову в действующую армию).

⁶¹ Зёрнов В. Д. Указ. соч. С. 210–211.

писали из действующей армии редактору «Русского слова» в Москву. – Ее предприятие, без сомнения, приносило пользу»⁶².

Примечательна позиция одного тамбовского жителя. Он полагал, что погром был направлен «против засилья немцев и покровительствующих им правых» и предлагал «закрыть “Колокол” и “Знамя”», а заодно «устранить с государственной службы всех лиц, принадлежащих к преступным правым партиям, которые... защищают свой толстый карман и немецкие порядки». Ему казалось естественным «тряхнуть за неимением немцев» местных толстосумов и спекулянтов, подмявших под себя органы самоуправления⁶³.

«Организовать погром» в Москве было несложно: газеты повсеместно подбрасывали информацию о немецких фирмах. Образ врага гипертрофировался и демонизировался массой лубочных изданий. Появился фильм фирмы Либкена «Борьба народов за свободу славян»: «русская» кинофирма убеждала, что забастовки в России финансируются немцами⁶⁴. Тем временем в народе бытовало убеждение, что погром устроен по приказанию начальства, что, впрочем, не исключало критики в адрес последнего. «Это князь Юсупов нехорошо поступил, – говорила женщина, пострадавшая от пожара, – он должен был закрыть магазины, а немцев выслать. Может, тогда бы и товар не пропал, и никто и не пострадал, а он вместо этого приказал сделать погром». Аналогичным образом высказывался некий извозчик: «Если бы у нас были русские правители, то немцев бы выслали, а товар заарестовали, а вместо этого начальство сделало погром»⁶⁵. Получалось, что «своему» начальству в период лихолетья следовало аккуратно изымать и справедливо распределять «чужое» добро. В сущности, погром был характерным и многозначительным проявлением повсеместно накапливающегося недовольства. В далеком от Москвы Иркутске ходили «темные» слухи о том, что внутренние немцы «пакостят», хотя о московском погроме здесь умалчивали⁶⁶.

До какой степени бунтарские действия были инспирированы революционными экстремистами? Похоже, что к концу войны на свободе их почти не оставалось. Известно, что в августе 1916 г. одновременно в Москве и Орле полиция обнаружила гектографированную прокламацию «Группы анархистов-коммунистов» с призывом к прекращению мировой войны и вооруженному выступлению рабочего класса⁶⁷. Конечно, подобные одиночные призывы вливались

⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 100 об.

⁶³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 23–23 об. (Н. В. Петров 7 июля 1915 г. – А. Я. Тимофееву в Петроград).

⁶⁴ Чернышев А. А. Русская дооктябрьская кино-журналистика. М., 1987. С. 116.

⁶⁵ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 69.

⁶⁶ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 126–127.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1177. Л. 128.

в море агрегированного недовольства, но отнюдь не управляли им. Общественные психозы можно нагнетать, но вряд ли ими можно управлять.

1.5.2. Контуры большой смуты

Некоторое время фронт и тыл существовали относительно изолированно. Этому способствовала цензура, у солдат хватало своих собственных забот. Но ситуация менялась по мере перенасыщения информационного пространства всевозможными слухами. Со временем они составили более «убедительную» альтернативу официальной пропаганде.

Но дух армии также был далек от идеала. Человек традиционного общества, оказавшись в чуждой среде, испытал мощнейший идентификационный «сбой», приводящий к спонтанной агрессивности. Впрочем, существуют свидетельства офицеров, как будто убеждающие в противоположном. Так, в конце марта – начале апреля 1915 г. «дух полка», воевавшего в Карпатах, «был отличный; вид у солдат бодрый, молодцеватый и, даже в условиях окопной жизни, сравнительно опрятный»⁶⁸. Несомненно, то, о чем узнавали на фронте, было лишь бледным отражением тыловых страстей – корреспонденты сдерживали себя. В сентябре 1915 г. А. В. Тыркова записывала в дневнике: «Победы и поражения отодвинулись перед... сумятицей внутреннего поражения или, вернее, разложения»⁶⁹. Вряд ли Тыркова могла объективно оценить ситуацию. В это время общество, едва пережив шок «великого отступления», было ошарашено решением императора не ко времени встать во главе армии.

В армии росло недовольство офицерами. Согласно воспоминаниям солдата-железнодорожника, ставшего со временем большевиком, «на передовой 6 железнодорожников покончили с собой весной 1915 г. – это было воспринято как месть офицерства». Он утверждал, что «сами офицеры пьянствовали, развратничали, а солдат били палками, кормили плохо, а работать заставляли сверх сил..., гнали на верную смерть, чтобы получить награду...». Поведение офицеров казалось более чем неприглядным: «Было место и большому воровству, и обиранию населения в оккупированных местностях со стороны наших командиров. Было место беспшабашному и беспощадному грабежу, когда они безнаказанно грузили в

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5381. Оп. 2. Д. 566. Л. 4 об. (воспоминания полковника А. Л. Писарева, командира горной батареи).

⁶⁹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 156.

свои вагоны рояли, пианино, зеркала, мебель и посуду..., а надо сказать, что германские офицеры при том же оккупационном положении все до последнего оставляли в целости...»⁷⁰. Трудно сказать, до какой степени сказанное соответствовало действительности. Несомненно, однако, что образ «чужого» офицера прочно закрепился в сознании части солдат. Естественно, еще больше ненавидели солдаты интендантов, зауряд-чиновников, которые, по их представлениям, «все сплошь воры, писарье, обозные герои», которых самое время «на площадях повесить»⁷¹.

Стоит заметить, что во всех воюющих армиях взаимоотношения солдат и офицеров составляли известного рода проблему. Так, к началу войны рядовой состав британской армии, которая по традиции строилась на добровольческой основе, на 68 % состоял из низов общества, тогда как офицерский корпус был представлен его верхами. Взаимоотношения между ними сглаживались за счет того, что офицеры вольно или невольно стали использовать патерналистские практики. Идеалом солдата становился храбрый офицер-заступник. Именно за счет неформальной притирки удавалось избежать обычных для воюющей армии мятежей⁷². В русской армии складывалась иная ситуация: прогрессировало взаимоотношение солдат и офицеров.

Даже солдаты русского экспедиционного корпуса во Франции страдали от словно намеренно завезенного с родины офицерского насилия. В октябре 1916 г. они сложили песню: «...Коли немец не колотит / Взводный шкуру мне молотит. / Подо мною ножки гнутся, / Все поджилочки трясутся»⁷³. Не удивительно, что в 1917 г. французам пришлось заглянуть в лицо «русского бунта»⁷⁴. Причины поражения психики солдат носили системный характер.

Фронт начинал подозрительно относиться к тылу. Человека, ощутившего бессилие перед происходящим, начинало раздражать буквально все. Некоторые солдаты подозревали, что их жены предпочли им военнопленных, и требовали от местных священников, чтобы те «усовестили баб»⁷⁵. Впрочем, в тылу солдаты постоянно поддерживали женские «хлебные бунты»⁷⁶. Непохоже, чтобы они были недовольны активным поведением женщин.

⁷⁰ ТЦДНИ. Ф.114. Оп. 2. Д. 140. Л. 24 – 26 (воспоминания Ф. Д. Панфилова, возглавлявшего местный Совет солдатских депутатов).

⁷¹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 640.

⁷² *Sheffield G. Officer-Man Relations, Discipline and Morale in the British Army of the Great War // Facing Armageddon. P. 413, 420–421.*

⁷³ Цит. по: Яковлев В. И. Виват, Франция! Прощай, Париж! Как русские солдаты союзников спасали. Рязань: Русское слово, 2006. С. 65.

⁷⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 236.

⁷⁵ См.: Люкин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 27; Асташов А. Б. Русский фронт... С. 636–637.

⁷⁶ Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 143–145.

Пресса стимулировала рост тотального недовольства. Так, писали об аресте содержателя кинематографа в Ровно Фердинанда Беренда за «демонстрирование на экране объявления, признанного оскорбительным для русской полиции»⁷⁷. Петроградский городской голова отмечал, что «маленькие вечерние листки, попадающие в руки простонародья, ...гораздо опаснее больших газет, имеющих своих постоянных читателей». Не удивительно, что по столице прокатились слухи о повторении здесь московских событий 1 июня⁷⁸. Любые беспорядки становились ожидаемыми. В начале сентября 1915 г. в частной переписке правых московских деятелей можно было встретить упоминания о «неврозе городского населения, основанном на революционизирующем влиянии дороговизны»⁷⁹. Обыватели писали о «криках и песнях новобранцев-ратников 2-го разряда» и недоумевали: «Откуда они берут алкоголь?» Между тем 11 сентября «на Смоленском рынке побили кондуктора трамвая», а «из лагеря некоторые солдаты убежали неизвестно куда»⁸⁰.

14 сентября 1915 г. в Москве произошло по-своему символичное событие. На Страстной площади городской по просьбе кондуктора вывел из трамвая пьяного раненого солдата. Началась драка, в которой городской «оторвал солдату рукав и Георгия», после чего возмущенная толпа принялась избивать городского, а затем еще двоих полицейских, пришедших к нему на помощь. Стражи порядка отступили в трамвайную станцию, толпа осадила ее, требуя выдачи городского. Прибывший отряд конной полиции и жандармов вынужден был отступить под градом камней. После этого началась стрельба, говорили, что «около 16 человек убили, а 40 ранили, в том числе несколько солдат»⁸¹. Была и другая версия: «Солдат, георгиевский кавалер, подошел к городскому и заявил ему: "Что ты тут стоишь, тебя бы на войну послать". Городской якобы сорвал у него крест с груди... Явились наряды жандармов, открыли стрельбу по толпе, стали хлестать нагайками, рубить шашками... Среди гуляющей публики было много офицеров, которым тоже попало. Некоторые из них защищались, а так как у них были шашки и револьверы, то пострадали жандармы. Один военный врач наклонился над дамой, упавшей от испуга в обморок,

⁷⁷ Вестник кинематографии. 1915. № 110 (8). С. 49.

⁷⁸ Толстой И. И. Указ. соч. С. 640.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1410 (Пучков 8 сентября 1915 г. – С. В. Унковскому в Тулу).

⁸⁰ Там же. Л. 1437 (москвич, подписавшийся «Дима», 12 сентября 1915 г. направил письмо И. И. Россовичу в Елизаветполь).

⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 41–41 об. (письмо, подписанное «И. Ф.», из лефортовского госпиталя М. Н. фон-Грейфентурну в Киев).

подъезжает жандарм и зарубает этого врача насмерть»⁸². Сведения о жертвах, скорее всего, преувеличены – по другим данным, был убит лишь один студент.

«Нервное настроение, тревоги, связанные с войной, наускивания либеральной печати, дороговизна, недостаток то того, то другого..., – все это создает такое напряженное состояние, которое ежеминутно готово разразиться вспышкой», – так объяснял произошедшее историк М. М. Богословский⁸³. Говорили, что рабочие и студенты соорудили баррикады, камнями было ранено 25 полицейских⁸⁴. Студенты провели трехдневную забастовку, начались стачки на заводах «Динамо», на Даниловской мануфактуре, фабрике Цинделя, на ряде других предприятий, на две недели прекратил работу трамвай⁸⁵.

Правые были основательно напуганы. «Посмотрите, какие похороны революционная интеллигенция инсценировала студенту, убитому в Москве при рассеивании толпы, побившей полицию за задержание пьяного солдата...», – писал 22 сентября 1915 г. Н. А. Маклаков Н. Ф. Бурдукову в Петроград. Ему казалось, что «все было налажено как на похоронах Баумана в 1905 г.»⁸⁶.

Обвинения в адрес левых вряд ли были оправданными. К этому времени выяснилось, что полицейские власти практикуют необоснованные высылки и аресты рабочих, – должно быть, в «профилактических» целях. Но такие действия, принявшие, как подозревали в верхах, «характер системы», лишь возбуждали рабочие массы. В верхах считали, что это могло привести к результатам, крайне опасным с точки зрения снабжения армии⁸⁷.

⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1444. Похоже, эта версия была более популярной. Иной раз ее пересказывали так: «Шла группа георгиевских кавалеров мимо городского. Один из "кавалеров" отпустил по адресу городского несколько неслетных для полиции замечаний. Городовой бросился на солдата и сорвал с него орден. Поблизости оказался прапорщик, который выступил на защиту чести солдата. Городовой стал стрелять... собравшаяся толпа обезоружила его... Говорят, один из городских был растерзан на куски...» (Там же. Л. 1445). Также опровергали официальное сообщение о том, что солдат был пьян. Якобы городской «разбередил его раненую руку, из раны пошла кровь, публика возмутилась». В результате «было дано много залпов жандармами в публику, офицеров и запасных солдат». См.: Там же. Л. 1457.

⁸³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 78.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 62 об. (В. М. Имшенецкий 23 сентября 1915 г. – В. Г. Шаевичу в Чернигов).

⁸⁵ Сведения о событиях весьма значительно расходятся. Ср.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 308–309; Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 65, 69.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482 об.

⁸⁷ Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 1. С. 286–287.

Сентябрьские события в Москве показали, что массовые выступления могут начаться неожиданно. С. П. Мельгунов отмечал, что толпы стали собираться по любому поводу, всякий раз обнаруживая громадный запас недовольства и агрессивности⁸⁸. «...Мы, как всегда, блуждаем в хаосе, не зная, против кого из двух врагов – внутреннего или внешнего – начать борьбу», – писал в октябре 1915 г. Н. Пунин⁸⁹.

Со временем антинемецкие настроения (не без помощи думских правых) сомкнулись с антисемитизмом⁹⁰. Сказывались и правительственные действия: в начале мая 1915 г. прокатился слух, что власти намерены выслать всех евреев из Петрограда⁹¹. С весны 1915 г. в полицейских кругах стала накапливаться информация о готовности населения «посчитаться» с евреями – «виновниками» дороговизны. В прифронтовой полосе наблюдалось провоцирование неуплаты денег еврейским торговцам, случались погромы солдатами продовольственных лавок⁹². После московских беспорядков в Киеве и других городах распространились слухи о грядущей череде не только антинемецких, но и антиеврейских погромов⁹³.

Примечательно, что проблема дороговизны со временем приобрела социальную коннотацию. Пресса писала о торговцах-«мародерах», а «Газета-копейка» с издевкой перечисляла ненавистных «бедняков»: «Бедняк-лавочник, бедняк оптовый торговец, совсем бедный дровяник и нищий домовладелец»⁹⁴. Степень социальной разобщенности была такова, что срывы массовой психики происходили повсеместно и постоянно.

Из Симбирского ГЖУ в октябре 1915 г. сообщали: «...Во всей стране политическое нервное настроение... Страна ждет чего-то и к чему-то готовится...»⁹⁵. «Настроение в массах нервное, у многих – подавленное... Сейчас... поднят вопрос о создании “психологического тыла”», – писала газета «Сибирская жизнь» 7 ноября 1915 г. Увы, эта проблема не решалась. Социальное недовольство приобрело все более «иррациональный» характер.

Осенью 1915 г. в армии начались бунты против офицеров и командования. Первыми в октябре выступили моряки на Гангуте, затем последовала череда разрозненных выступлений по самым

⁸⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Вып. 1. С. 200.

⁸⁹ Пунин Н. Указ. соч. С. 97.

⁹⁰ Булдаков В. П. «Немецкий вопрос» в IV Государственной думе // Власть и общество в России: опыт истории и современность, 1906–2006 гг. Краснодар, 2006. С. 39–44.

⁹¹ Толстой И. И. Указ. соч. С. 634.

⁹² Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 104

⁹³ Lohr E. Nationalizing the Russian Empire. P. 52.

⁹⁴ Цит. по: Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 106.

⁹⁵ Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан... С. 44.

различным поводам. В 1916 г. отмечались случаи неповиновения начальству с применением оружия, затем последовали отказы идти в атаку. В некоторых случаях это происходило под влиянием рабочих⁹⁶.

Агрессивные эксцессы возникали по любому поводу. 17 августа 1915 г. в Петрограде начались волнения из-за отказа в размене банкнот на мелкую монету. Поползли слухи о виновности евреев⁹⁷ (на деле имело место упущение министерства финансов)⁹⁸. «Вчера вечером... на Хитровом рынке были беспорядки: недовольные ночлежники напали на полицию за преследование продажи «ханжи» и политуры; в результате: 1 хитровец убит, несколько десятков городских ранено камнями», – записывал в дневнике историк Орешников⁹⁹. Продовольственный погром произошел в сентябре 1915 г. в Астрахани. Сообщали, что он был произведен «детьми до 14 лет, женщинами под руководством 8–10 хулиганов, несколько раз в течение дня арестовываемых и немедленно выпускаемых»¹⁰⁰. В мае 1916 г. в Красноярске произошел еврейский погром на почве дороговизны. Было разгромлено 52 лавки, из них более половины – еврейских. Погром связывали с антисемитским настроением властей. Беспорядки также произошли в Иркутске¹⁰¹.

В сентябре 1915 г. в Болхове Орловской губернии по случаю очередного призыва в армию толпа побила стекла и двери в булочной германского подданного Г. Тецлова. На следующий день двухтысячная толпа разнесла булочную, затем магазин Шестакова. Расхищением обуви занялись по преимуществу женщины; мужчины предпочли казенную лавку с денатурированным спиртом. Толпа требовала: «Долой немца!», а на появление вооруженного наряда отреагировала криками: «Долой полицию!». Полицейские начали стрельбу в воздух, шальной пулей был убит местный обыватель. Расследование установило, что среди погромщиков были местные мещане, выздоравливающие солдаты, наконец, мобилизованные. Последние соглашались отправиться на фронт только вслед за пристроившимися на местных заводах купеческими сыновьями. К дознанию было привлечено немало женщин – мещанок разных возрастов, почти поголовно неграмотных. Перед судом предстали 10 мещан, 3 крестьянина, 1 старший унтер-офицер и 1 солдат – все православные. Семеро из них получили от 2 до 8 месяцев тюрьмы.

⁹⁶ См.: Асташов А. Б. Русский фронт... С. 677–680.

⁹⁷ См.: Толстой И. И. Указ. соч. С. 665; Лызлова Т. «Евреи прибрали к рукам Россию». Антисемитские настроения на Смоленщине в первой трети XX века // Родина. 2006. № 2. С. 95; ГА РФ. Ф. 523. Оп. 3. Д. 37. Л. 9 об. – 10.

⁹⁸ Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1917. С. 105.

⁹⁹ Алексей Васильевич Орешников. С. 41.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1424 (письмо неустановленного автора из Астрахани от 10 сентября 1915 г. А. И. Гучкову).

¹⁰¹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 110.

мы¹⁰². Нечто подобное произошло в Мценске. Здесь 11 сентября возникло волнение среди ратников 2-го разряда. После принятия присяги они потребовали отправить полицию на фронт. Городовые и стражники были избиты; был также избит «полицейский надзиратель, перед тем не раз отнимавший гармонию у гулявших по городу ратников»¹⁰³.

В январе 1916 г. полиция сообщала, что в столице «волна погромного настроения достигла своего апогея перед Рождеством», заговорили о «необходимости устроить погром лавок, который обратил бы внимание администрации на различные злоупотребления...». Слухи, по мнению полиции, сложились в голове обывателя в «цельную и стройную теорию»: если продуктов не хватает, цены на них растут, то «это делается немцами, чтобы вызвать беспорядки внутри России – немецкие агенты подкупили русских купцов». Подобные представления варьировались: для правого и консервативного обывателя главные виновники – подкупленные немцами евреи; для либерального – Министерство путей сообщения; для октябристов – «банки с интернациональными акционерами»¹⁰⁴. В начале февраля 1916 г. М. М. Богословский, комментируя слух о том, что приостановка сообщения Москва – Петроград вызвана вовсе не необходимостью экстренной доставки в столицу продуктов, а «вывозом из Петрограда разных ценностей, т. е. эвакуацией Петрограда», задавался вопросом: «Кто фабрикует такие гнойные, гнилые известия? ...Они ползут и все-таки свое дело делают, уныние распространяют»¹⁰⁵. Историк ошибался: слухи были настолько нелепыми, что искусственно сфабриковать их было невозможно.

Социально стрессовые ситуации порождают своего рода эпидемию пессимистических преувеличений. Создается впечатление, что слухи продвигались сверху вниз – от людей более образованных и имеющих больший доступ к информации к людям менее образованным. При этом в традиционалистских низах они принимали гротескную, фантазийную и в конечном счете апокалипсическую форму. Возвращаясь в верхи, они, в свою очередь, создавали представление о «роковой» неотвратимости надвигающейся угрозы.

Слабость патерналистской власти вызывает чувство незащитности. Недостаток гражданской солидарности порождает гипертрофированные представления об особой сплоченности всевозможных меньшинств. Отсюда слухи о том, что даже полицейские

¹⁰² Булдаков В. П. Красная смута. С. 54.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1434 (письмо мценского корреспондента «Русского слова» от 11 сентября 1915 г.).

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1 а. Д. 29. Л. 45–46 об.

¹⁰⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 142.

чины подкупаются евреями¹⁰⁶. Из Казанского ГЖУ сообщали, что в связи с наплывом в университет учащихся из других университетов «произшел раскол: одни студенты за евреев, другие – против». Вдобавок пошли разговоры, что «в случае призыва студентов евреи останутся учиться – они не могут быть офицерами»¹⁰⁷. Напротив, в декабре 1916 г. в Киеве студенты, «готовящиеся в школе прапорщиков, заявили, что не желают посещать школу, если евреям не дадут равноправия»¹⁰⁸. Тем не менее с лета 1916 г. процентная норма приема лиц иудейского происхождения была распространена на частные вузы. Антисемитизм и германофобия подчас оборачивались против правящей династии¹⁰⁹. Примерно в это же время киевские студенты и курсистки готовы были устроить «беспорядки» «по случаю годовщины казни» Е. Созонова¹¹⁰.

Противостояние власти и общественности нарастало. В начале июля 1916 г. начались погромы торговцев (инициированные солдатами) в Таганроге и окрестностях Ростова. По информации высших должностных лиц, здесь отличился генерал-майор Комиссаров, который «сумел предотвратить несчастье и внес полное спокойствие», а также «сорвал несколько забастовок». Но у общественности был свой взгляд на действия властей. Под ее давлением Комиссаров был отправлен в отставку. Однако министр внутренних дел Протопопов в ноябре 1916 г. ходатайствовал, чтобы он помимо пенсии в 3 000 рублей был вознагражден за «отлично-усердную и полезную служебную деятельность» дополнительной выплатой, составлявшей до 10 000 рублей в год¹¹¹. Такие действия еще больше раздражали общественность.

Ноябрь 1916 г. был отмечен целой серией локальных бунтов солдаток. В Канске Енисейской губернии семерых из них отправили в тюрьму на 90 суток¹¹². В Новониколаевске, по информации вице-губернатора, громили городские продовольственные лавки, кооперативы, при этом «много чинов полиции было ранено, были вызваны войска, стреляли, были убитые и раненые»¹¹³.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 270. Оп. 1. Д. 60. Л. 13–13 об., 25.

¹⁰⁷ Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан... С. 47.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1640 (письмо из Киева за подписью «Ирод» от 12 декабря 1916 г. Н. К. Воликовской в Елизаветград).

¹⁰⁹ См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 111, 113, 115, 117–118; *Его же*. Хаос и этнос. С. 116, 152–153; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика». С. 134, 141, 211, 221–222, 231–232, 234–235, 289–313.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1342. Имеется в виду «казнь» эсеровским террористом министра внутренних дел В. К. Плеве.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об.–3 об., 5 об., 7, 12.

¹¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1282 (И. Шеткин 25 ноября 1916 г. – члену Государственной думы С. Т. Востротину).

¹¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1419. Сообщалось, что убитых было двое, арестовано 87 человек. См.: Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 1. С. 379.

В Семипалатинске громили торговцев с 14.00 19 ноября до 23.00 следующего дня. Началось с того, что солдатики потребовали увеличения пособия и 40% скидки с существующих цен на мануфактурные изделия. Власти ответили, что вопрос о пособии рассмотрят, а с торговцами рекомендовали разбираться самим. Последовал погром, в результате которого, как утверждали, «80% местной торговли уничтожено». Отмечалось, что погром «совершался при полном попустительстве властей и нескрываемом содействии войск», а «полиции не было видно». Более того, солдаты «сами приняли деятельное участие в грабеже». Местная общественность была убеждена, что погром «кому-то был нужен для того, чтобы запугать общество, которое начало оживать», а «провокация свила себе гнездо в обществе потребителей и в “Семипалатинском голосе”». Примечательно, что «арестованные погромщики вели себя вызывающе и говорили, что... погром только цветки, а ягодки будут впереди»¹¹⁴. Вице-губернатор видел события несколько иначе: войска действительно отказались от участия в наведении порядка, пришлось их отвести «и перейти к самоохроне при посредстве самих обывателей»¹¹⁵. По другой версии, семипалатинский погром продолжался целых три дня, а организовали его приезжие из Новониколаевска и других городов, которые вовремя скрылись. «Здесь действует какая-то темная сила свыше», – заключал автор письма¹¹⁶. Итак, виновниками погромов считались не то «темные силы», не то сама власть.

Бездействие властей, возможно, было неслучайно. В Павлодаре Семипалатинской области «был погром с убийствами», а затем «пошли погромы по селам». Автор сообщения предупреждал губернатора, «что в деревнях настроение тревожное, озлобление против торговцев настолько велико, что надо ожидать погромов». Тот ответил: «Пускай громят». То ли он действительно полагал, что «торговое дело по природе своей свободное, государство не должно в него вмешиваться», то ли считал, что стоит «выпустить пар», натравив одну часть общества на другую¹¹⁷.

Правительству доносили, что «началось брожение в деревне», его провоцируют побывавшие на фронте солдаты, которые «восхищаются экономической жизнью немецких народов и их государей». В результате этого в 1916 г. «многие из крестьян не

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1928 (письмо не установленного автора от 27 ноября 1916 г. О. Н. Коншиной в Петроград).

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. 1484 (вице-губернатор Семипалатинской области Г. Савримович 5 декабря 1916 г. – В. Г. Конкоиди в Петроград).

¹¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1691 (письмо не установленного автора от 15 декабря 1916 г. Б. С. Макарову в Москву).

¹¹⁷ Там же. Л. 1690 (письмо не установленного автора из Павлодара от 15 декабря 1916 г. А. А. Животовскому в Петроград).

стесняются с искренностью выражать пожелания, чтобы в русских землях скорее водворился немецкий порядок»¹¹⁸. Народ все сильнее отчуждался от власти, не выдерживающей сравнения с неприятелем.

Ситуация усугублялась «возвращением» пьянства. В городе некоторое время самогон варили из сахара, но получалось дорогое, к тому же вскоре сахар превратился в дефицит¹¹⁹. «Пьянство естественно, разорительно, развратительно и навеки губительно...», – убеждал в начале войны священник В. Востоков¹²⁰. Увы, мораль была бессильна против обычая, реанимированного с помощью «денатурки». В Петрограде постоянно задерживали граждан в нетрезвом виде, а в одной из бань был обнаружен труп 39-летнего крестьянина Николая Иванова, отравившегося смесью денатурата, политуры и кваса. 4 октября смертельно отравилось одеколоном 6 человек¹²¹. Кое-где одеколон и прочие спиртосодержащие вещества пытались «облагораживать». В феврале 1915 г. воронежский губернатор вынужден был издать специальное постановление, запрещающее очистку и изменение натурального вкуса и цвета «одеколона, денатурированного спирта, политуры, лаков...». Запрет не помог: появился «экономический одеколон», якобы имеющий пониженное содержание спирта. После того, как одна аптека продала за месяц 42 ведра одеколона, была установлена норма – один флакон в руки¹²².

В хлебопроизводящих губерниях крестьяне умышленно перегоняли зерно в самогон¹²³. Сказывался «хозяйственный интерес»: зачем продавать хлеб по твердым ценам, когда стоимость зерна, превращенного в хмельной суррогат, возрастает в несколько раз? Позднее в газетах писали о караванах подвод с домашним спиртным, направляющихся к линии фронта. Сообщали, что на Украине едва ли не в каждом селе действуют «самодельные водочные заводы»¹²⁴. «Сухой закон» обходили изобретательно. В 1916 г. в Архангельской губернии процветала винная контрабанда, а владельцы пивных заводов выпускали под видом «безалкогольных напитков» бражку¹²⁵. В Вологодской губернии сообщали, что здесь «усиленно варят

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 858. Л. 57 об.

¹¹⁹ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 247.

¹²⁰ Востоков Вл., священник. Стрела в зеленого змия. Сборник статей и рассказов против пьянства. М., 1914. С. 7.

¹²¹ Антонов Б. И. Указ. соч. С. 403, 427.

¹²² Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 67.

¹²³ Магомедов Р. Р., Гришакова Л. В. Война и хлеб: История продовольственной политики государства на Южном Урале в годы Первой мировой войны. Оренбург, 2012. С. 119.

¹²⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 194.

¹²⁵ Трошина Т. И. Великая война... С. 90.

пиво и брагу, пьянствуют, и благодаря этому начались убийства и грабежи». В Котласе дошли до того, что «едят дрожжи и запивают водой»¹²⁶. Из Самары в конце 1915 г. информировали о том, что «усиленно развивается тайное винокурение (кумышка), охватывающее все более значительный район губернии». При этом появились «особые инструктора, обучающие кумышководарению»¹²⁷. В Донской области «по хуторам и станицам научились курить спирт, пьянство развивается удивительно быстро, процветает картежная игра, население развращается»¹²⁸. Из Московской губернии писали, что «среди населения начинается опять пьянство», а призывники «открыто (в чайных) пьют спирт не денатурированный»¹²⁹. «А как пьянствуют в Москве, – возмущались добропорядочные граждане в декабре 1916 г. – Где угодно и сколько угодно»¹³⁰. В начале января 1917 г. в поселке Изобильном (!) Оренбургской губернии поселковый атаман с волостным писарем вместо положенных 1,25 фунта сахара выдавали только по 1 фунту, а остальное «раздали кисловарам в обмен на две четверти кислушки (местной разновидности самогона. – Авт.) с каждого»¹³¹.

Во власти, пытавшейся управлять с помощью раздражающих население запретов, разуверились не только низы. Бывший военный министр А. Ф. Редигер недоумевал: зачем призывали в армию такое количество людей, если не было возможности ни обучить, ни вооружить их? И почему в городах солдат больше, чем на фронте? Ему объяснили: предполагалось, что «человек с ружьем», по крайней мере, бунтовать не будет¹³². О том, что бунт в армии опаснее всякого иного бунта, словно не задумывались.

Недовольство командирами, бездумно посылающими солдат на верную смерть, все более основательно пронизывало армию. Отмечалось отсутствие «духовного единения старших начальников со своими войсками». Летом 1916 г. зазвучали такие солдатские мнения: «Пора кончать, пора вздохнуть свободно и отправиться к вольным жителям... сами не стальные». С октября цензура зафиксировала рост панических высказываний: «...Потеряли веру

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1176 (И. Попов 20 ноября 1916 г. – Б. Н. Левестаму в Петроград).

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 87 (В. Кривоносов из Самары 12 декабря 1915 г. – И. К. Христофорову в Петроград).

¹²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1693 (Х. В. Автономов 15 декабря 1916 г. – члену Государственной думы И. Н. Ефремову).

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1420 (З. Сытина 10 сентября 1915 г. – члену Государственной думы И. С. Клюжеву).

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1703 (Г. Майцель 16 декабря 1916 г. – П. И. Долинскому в Ташкент).

¹³¹ Нарский И. В. Указ. соч. С. 176.

¹³² Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 428–429.

в будущую жизнь», «отсутствует вера в победу», «потеряли веру в окончание этого безобразия, именуемого войной», «Отечество продано, жертвы напрасны». Командование реагировало на солдатские выступления далеко не адекватно, утешая себя тем, что настроения менялись¹³³.

Но дело не только в недовольстве солдат условиями службы. В 1916 г. в штабе Юго-Западного фронта о царской Ставке «почти открыто говорили, что там много такого элемента, который симпатизирует немцам»¹³⁴. Подозрительное отношение к командирам было до некоторой степени оправданным, германофобия была лишь уродливой формой его манифестации. Считалось, что среди генералов встречались молодые и энергичные, но преобладали настоящие старые маразматики. К тому же не была секретом их предрасположенность к пьянству¹³⁵. Летом 1916 г. Леонид Пунин, знаменитый герой-партизан, незадолго до своей гибели с горечью признавал, что в русской армии командуют, а не управляют, а генералы ни на что не способны. «Крутом – подло, подло, подло. В России – 75 % сволочи», – писал он¹³⁶. События все сильнее подталкивались страхом непредсказуемости.

По большому счету все это было запрограммировано тем, что «застойная» власть не умела адаптироваться к экстремальным условиям. Как результат, местные начальники «теряли голову», словно намеренно стимулируя всевозможных коррупционеров и проходимцев.

1.5.3. Социальный протест в городе

Хотя лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» всегда вызывал насмешку «ученой» публики и недоумение традиционалистского большинства, у охранителей самодержавия он вызывал немалую тревогу. Патриотический всплеск августа 1914 г. при всей своей кратковременности мог вызвать лишь вздох облегчения. Дело в том, что догражданский патриотизм, подогреваемый патерналистскими иллюзиями, был смертельно опасен своими непредсказуемыми перверсиями.

Для части рабочих патриотизм символизировал утверждение социальной справедливости в «своей» стране. Сообщали, что в Николаеве рабочий-эсдек Белов заявил градоначальнику о единении

¹³³ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 676–675.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 583. Л. 2.

¹³⁵ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 153–156, 162–164.

¹³⁶ Цит. по: Хорошилова О. А. Всадники особого назначения. М., 2013. С. 108.

и преданности нашему императору¹³⁷. Образы патриотической консолидации «всего народа» бесконечно воспроизводились средствами массовой информации. Но было и нечто противоположное, замалчиваемое прессой. С началом войны некоторые забастовщики даже не думали выходить на работу, несмотря на показной патриотизм хозяина¹³⁸. В Петрограде отмечались слабые попытки устроить демонстрации запасных под лозунгами «Долой войну!». В Пермской губернии 5 тысяч рабочих Лысьвенского завода, бастовавших с весны 1914 г., при известии о мобилизации разъярились. Как сообщала полиция, 20 июля рабочие и запасные нижние чины осадили здание заводской администрации, облили его керосином, подожгли, а «выбегавших оттуда зверски убивали»¹³⁹. Погибло 15 полицейских стражников и служащих. Пятерых бунтовщиков приговорили к смертной казни, 415 рабочих сослали в административном порядке. В меньших масштабах события повторились на Надеждинском заводе¹⁴⁰. В Стерлитамаке в беспорядках участвовало более 10 тысяч запасных, здесь получили ранения надзиратель и его помощник. Бунты отмечались и в других местностях Урала¹⁴¹.

Вопреки официальным уверениям об успешном проведении мобилизации, рабочие реагировали на нее неоднозначно. «В городе тоска, – писали из Москвы, – стыдно смотреть, кругом горе. Всюду идут, идут с узлами, глаза заплаканные, женщины кричат. Где же подъем, о котором пишут газеты? Везде чувствуется, что войны не хотят. Вечером режут – жутко становится...». Из Одессы сообщали, что «все заводы приостановили работу – рабочие разбежались, как только объявили мобилизацию». Нечто подобное наблюдалось везде, но в данном случае рабочие, похоже, ринулись в деревню, полагая, что там их «не призовут в запас». «За все время мобилизации... не видел не только энтузиазма, но даже не встречал просто веселой физиономии», – сообщали из Екатеринослава. Здесь в столкновениях со стражниками были убитые и раненые, запасные избили председателя местного отделения «Союза русского народа» «за патриотические речи». В Баку после объявления мобилизации «запасные с красными флагами пошли освобождать арестованных за забастовку», в результате в полицмейстера попали камнем, а градоначальник «еле убрался». В городе было объявлено военное положение, но газеты об этом промолчали¹⁴². Вряд ли данные свидетельства являются особо тенденциозными. Так, 19 июля в Вольске Саратовской губернии после запрета торговли спиртным начался

¹³⁷ Брояковский С., *свящ.* Указ. соч. С. 30.

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 18 (письмо неустановленного автора И. К. Кобылянскому в Москву).

¹³⁹ Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 43, 116–117.

¹⁴⁰ Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 20–21.

¹⁴¹ Юдина Л. С. Указ. соч. С. 218.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14, 12, 48, 55.

грабеж лавок, полицейские начали стрелять в толпу. 20 июля толпа все же послушалась увещаний А. С. Мещерякова, председателя местного отдела Союза Русского Народа. Тем не менее «за подстрекательство» неожиданно были арестованы бывший редактор местной газеты В. А. Шевелев, административно высланный Д. В. Аношкин, сын местного купца Курц. Всего в Вольске было арестовано 52 человека, в основном крестьяне. Было ранено 7 человек, один или два из них скончались. Об этом 3 августа было сообщено А. Ф. Керенскому как депутату Думы. В перлюстрированном письме уверяли, что в Вольске Аношкин жил, что называется, «тише воды, ниже травы»¹⁴³.

Разумеется, левые социалисты не хотели верить в патриотизм рабочих. Большевик Г. И. Петровский писал из столицы в Москву: «Нельзя верить бульварным газетам о патриотическом настроении среди рабочих». В их среде «отношение к войне самое отрицательное», подчеркивал он¹⁴⁴. Вероятно, события воспринимались сложнее, чем хотелось бы ему. Но отношение к полиции, судя по всему, было более определенным. «Полицию всюду встречают камнями и кошачьими концертами...», – сообщали из Екатеринослава¹⁴⁵. Заметны случаи обостренной реакции на оплошности начальства. «...Недавно бабы, жены запасных, разгромили камнями всю городскую управу... Три недели их водили за нос, приказывая прийти “завтра”, – сообщал 1 сентября 1914 г. из Одессы монархист Н. Н. Родзевич, – вдобавок С. Альбрандт предложил им заработок на Дерибасовской улице (имелось в виду занятие проституцией. – *Авт.*) – это и было искрой. Едва уладили. Потом толпа пошла по городу, врываясь в магазины съестных припасов и требуя хлеба. Только к вечеру все успокоилось. Около 40 баб арестовали, а управская сволочь осталась безнаказанной»¹⁴⁶. Череда продовольственных беспорядков в провинции отмечалась в августе – декабре 1915 г. и в других регионах¹⁴⁷.

Тем не менее в обществе стало складываться мнение, что рабочие «успокоились». Социал-демократы писали о том, что в Петрограде они «работают с остервенением дни и ночи, не интересуются даже войной и газет почти не читают». Это объяснялось тем, что «рабочие считаются мобилизованными и лишь оставленными в распоряжении заводов, это действует на их настроение, заставляя всему подчиняться и со всем мириться»¹⁴⁸. По другим сведени-

¹⁴³ Посадский А. В. Указ. соч. С. 35, 36; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 58.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 2.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48 (письмо не установленного автора из Екатеринослава от 5 августа 1914 г. Л. Н. Дилевской в Москву).

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 994. Л. 1393.

¹⁴⁷ Толстой И. И. Указ. соч. С. 526; Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 115.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 60 (С. О. Цедербаум из Чердыни Пермской губернии 22 января 1915 г. – Е. Д. Кусковой в Москву).

ям, среди столичных рабочих «царила подавленность», они были «очень враждебно настроены к интеллигенции», а тем временем хозяева «сводили с ними счеты»¹⁴⁹. Другие отмечали, что «рабочие зарабатывают 8–10 руб. в день», а потому «работают и ночи, и праздники»¹⁵⁰.

Очевидно, что поведение рабочих было связано с экономической конъюнктурой. На Судженских коях в Томской губернии 2 256 рабочих (из 2 448) в конце октября 1914 г. не без успеха протестовали против увеличения платы за квартиры и отопление. А в декабре около 1 000 горняков потребовали – правда, безуспешно – восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы¹⁵¹. Шахтеры вели себя беспокойно и в армии: в Харькове они учинили большие беспорядки в запасном батальоне¹⁵².

Разумеется, склонностью к бунту отличались не только рабочие. Прежняя «классовая» конфликтность сомкнулась с «обывательским» недовольством. Дороговизна стала особенно ощутимой с начала 1915 г., когда цены на керосин, мыло, дрова, уголь, жилье резко поднялись, а соль стала исчезать из продажи. Столичный городской голова в феврале 1915 г. предупреждал полицмейстера, что «мы, может быть, накануне народных движений, причем не исключена опасность голодного бунта»¹⁵³. Однако рабочие поначалу бастовали вяло, требуя лишь прибавок к жалованию¹⁵⁴. «В Москве становится очень трудно жить, – отмечал Тихомиров 18 марта 1915 г. – Все страшно дорого... У нас создается внутренней блокадой то, что в Германии внешней, и, может быть, мы себя заморим успешнее, чем Германию»¹⁵⁵. «У нас все умы остолебели из-за [нехватки] дров, муки и сахару», – писала А. В. Тыркова из Петрограда в Москву М. О. Гершензону¹⁵⁶. Газетные фельетонисты злословили: «сахарная голова лучше головы талантливой», «Дровяники ужасно люты, / Они свирелее Малюты»¹⁵⁷. Положение в столице усугублялось наплывом беженцев. В заметке с характерным названием «Лишние рты» Петроград сравнивался с Вавилоном, где «скопилась со всей России масса людей, у которых в руках лишние деньги, едущих

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 22 (К. И. Захарова из Чердыни Пермской губернии 1 ноября 1914 г. – Я. Н. Цедербауму в Одессу).

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1003. Л. 84 (К. И. Захарова из Чердыни 20 января 1915 г. – Я. Н. Цедербауму в Одессу).

¹⁵¹ Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 1. С. 357, 361.

¹⁵² Астахов А. Б. Русский фронт... С. 677.

¹⁵³ Толстой И. И. Указ. соч. С. 609.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1005. Л. 14 (Г. Нестеров из Москвы 6 апреля 1915 г. – фельдшеру И. В. Денисову в сводный запасный госпиталь № 2, Броды, Галиция).

¹⁵⁵ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 47.

¹⁵⁶ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 319.

¹⁵⁷ Цит. по: Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 109.

сюда спускать их и тут же наживаться по обстоятельствам военного времени»¹⁵⁸.

С октября 1915 г. значительная часть городов России испытывала нужду в хлебе и других продуктах. В конце 1915 г. в столицах появились пресловутые «хвосты». М. Пришвин так описал впечатление от этого феномена: «Уезжая из Петрограда в Среднюю Россию, я захотел купить в дорогу фунтик сахара и стал в сахарный хвост. Настроение хвоста было скверное, лица зеленые, слова злые»¹⁵⁹. Нехватка продуктов особенно обострилась осенью 1916 г. В октябре в ряде губерний исчезли из свободной продажи ржаная мука, подсолнечное масло, свиное сало, мясо, сахар, мыло, ситец-китайка, кожа. В декабре 1916 г. в ряде мест были перебои с хлебом¹⁶⁰.

В целом цены на предметы первой необходимости выросли за годы войны в 3–7 раз. Особенно страдали слои с фиксированной зарплатой, служащие. Местная администрация пыталась разрешить проблему снабжения. С 1915 г. органы самоуправления начали закупать продовольствие для горожан, используя правительственные субсидии. Однако это лишь расширяло спектр «виновных». Дороговизна стала мощным фактором радикализации антиправительственных настроений, порождая все новые забастовки и продовольственные волнения¹⁶¹. В Москве в конце апреля 1915 г. на рынках и в лавках говорили, что «не хотят идти на войну, не пойдут на призыв, разграбят лавки и устроят забастовку»¹⁶². В сентябре 1915 г. на заводе «Динамо» полиция арестовала и выслала из Москвы 200 забастовщиков, военнообязанные были отправлены на фронт. На заводе «Гном» мобилизовали 34 военнообязанных. Стачки перекинулись в провинцию: в Нижнем Новгороде бастовало 25 тысяч человек, забастовали также в Саратове, Царицыне и более мелких городах. Со временем социалисты прибегли к тактике затягивания забастовок с целью превращения их в экономические выступле-

¹⁵⁸ День. 1915. 13 октября.

¹⁵⁹ Пришвин М. Отзвуки войны // Современное слово. 1915. 15 октября.

¹⁶⁰ См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. С. 61, 67–68, 71, 73, 76; Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года). Орел, 2005. С. 50, 55–57, 82; Энгл Б. Не хлебом единым: женщины и продовольственные беспорядки в Первую мировую войну // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А. С. Пушкина. № 1 (Том 4). История. 2010. С. 151, 173.

¹⁶¹ См.: Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 133–145; Gatrell P. Russia's First World War. A Social and Economic History. Harlow. London, 2005. P. 44; Голубинов Я. А. Продовольственный вопрос в российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник Самарского гос. ун-та. Гуманитарная серия. Самара, 2007. № 5/3 (55). С. 194–201.

¹⁶² Дневник Л. А. Тихомирова. С. 58.

ния¹⁶³. Однако политические выступления рабочих в связи с роспуском Государственной думы оказались слабыми¹⁶⁴.

Эффект «домино» отражался на армии. Солдат особенно беспокоила дороговизна в городах, они узнавали о продовольственных беспорядках, забастовках, погромах, самосудах над торговцами. Утрированная картина происходящего в тылу болезненно накладывалась на тяготы армейского быта. «Больше нас интересует теперь не война, так как она уже надоела, а наша внутренняя жизнь», – писали солдаты. Из этого делался вывод: «Теперь, оказывается, всем солоно живется»¹⁶⁵.

В июле 1915 г. в Москве проходило совещание по борьбе с дороговизной, на которое прибыло свыше 900 делегатов. Присутствовали и представители рабочей группы ВПК. Выступления либеральных ораторов были сугубо патриотичными, их встречали аплодисментами, но без инцидента не обошлось. В ответ на обращенный Ф. И. Родичевым к рабочим призыв «дружно приняться за работу», забыв все распри, выступил рабочий делегат Карасев, с цифрами в руках доказавший, что «жизнь вздорожала на 40–45 %, а заработок рабочих понизился примерно на 10 %». Он задал риторический вопрос: «Что же вы, господин Родичев, хотите у нас отнять и последние 45 копеек?»¹⁶⁶.

После московского погрома требования удалить «немцев» с предприятий усилились. Недовольство стимулировалось страхами перед новыми напастями. В августе 1915 г. из Ярославского ГЖУ сообщали: «Под впечатлением... газетных отчетов и сообщений среди фабричных рабочих возникло... настроение, которое в связи с нескрываемым недовольством по поводу последнего призыва новобранцев и брожением по случаю возрастающей дороговизны на все продукты, предметы и квартиры создает почву для перехода к открытым выступлениям. Не менее серьезной причиной недовольства представляется наплыв беженцев»¹⁶⁷. Мигранты стали серьезной проблемой не только из-за трудностей размещения. Сообщали, что «пленные и беженцы – не работники, первые потому, что сами не хотят, а вторые потому, что им делается все, чтобы они не работали». Так, благотворительные организации «устраивают латышские спектакли, чтобы они не забыли своего языка», а если латышам предлагают работу, «то они запрашивают втридорога»¹⁶⁸. Впрочем,

¹⁶³ Белова И. Б. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны. С. 98–99.

¹⁶⁴ Кириянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 119–120.

¹⁶⁵ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 607.

¹⁶⁶ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 597.

¹⁶⁷ Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан... С. 38.

¹⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1431 (письмо неустановленного автора из Мелекеса Самарской губернии от 11 сентября 1915 г. А. К. Боянусу в Петроград).

как выяснилось, беженцев, независимо от этнической принадлежности, «не ждали» повсеместно¹⁶⁹.

Со временем волнения не могли не приобрести политическую окраску; однако степень влияния левых партий не стоит преувеличивать: представители рабочей группы ЦВПК стремились уладить конфликты¹⁷⁰. Тем не менее некоторые забастовки принимали внушительные размеры – так, например, было на военно-морских верфях в Николаеве в январе и феврале 1916 г. Забастовки множились в провинции. Только из выполнявших оборонные заказы в Калужской губернии в 1916 – феврале 1917 г. 27 раз бастовали 16 заводов, а в Орловской губернии – 17 раз 10 заводов¹⁷¹. В пролетарской среде наметился психологический перелом. Один рабочий признавался: «Заболел угаром патриотизма, но к 1915 г. стал выздоравливать»¹⁷².

Особенное беспокойство властей вызывала растущая активность работавших на оборону. В 1914 г. из 135 000 рабочих, занятых на крупнейших заводах, было призвано в армию почти 60 %; производительность предприятий упала до 7–12 % довоенной¹⁷³. А между тем еще до войны в стране ощущалась нехватка квалифицированных рабочих¹⁷⁴. После того как часть их была отправлена на фронт, это ощутимо сказалось на выполнении оборонных заказов¹⁷⁵. Теперь рабочие вынуждены были соглашаться на сверхурочную занятость, нуждаясь в дополнительном доходе. За 1915–1916 гг. их зарплата в среднем увеличилась с 594 до 912 рублей. Однако на прочих предприятиях зарплата снизилась. При этом доходы всех рабочих поглощались (до 80 % зарплаты) ростом цен¹⁷⁶. В апреле 1915 г. рабочие 16 частных фабрик объявили забастовку, продолжавшуюся 14 дней. Их требования были частично удовлетворены – рабочий день был сокращен с 11,5 часа до 11 и повышена зарплата¹⁷⁷.

В верхах было замечено, что пропаганда «на основе “патриотизма”» среди фабричных не прекращается¹⁷⁸. В Особом совещании по обороне были обеспокоены перспективой исполнения заказов во-

¹⁶⁹ См.: Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 101–105.

¹⁷⁰ Айрапетов О. Г. Указ. соч. С. 166, 174.

¹⁷¹ См.: Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция. С. 173, 175–178, 254–255; Gatrell P. Russia's First World War. P. 70.

¹⁷² Терешина Е. П. Указ. соч. С. 31.

¹⁷³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917 гг.). Т. II. Артиллерийское снабжение. М., 1949. С. 118.

¹⁷⁴ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2. С. 674.

¹⁷⁵ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 115. Впрочем, тот же автор указывает на случай, когда после отправки на фронт 3 600 рабочих завода «Наваль» в Николаеве (из 18 000) производительность предприятия даже несколько возросла. См.: Там же. С. 169.

¹⁷⁶ Gatrell P. Russia's First World War. P. 68–69, 71.

¹⁷⁷ Маевский И. В. Указ. соч. С. 273.

¹⁷⁸ Русское прошлое. Кн. 5. С. 49.

енного ведомства. Начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский 5 октября 1915 г. опасался, что дороговизна послужит источником волнений на Ижевских оборонных заводах¹⁷⁹. Действительно, в декабре 1915 г. здесь возникло недовольство в связи с дефицитом сахара и прочих продуктов; трезвенническое движение сменилось разгулом самогоноварения – более 2 тысяч запротоколированных случаев за 1916 г.¹⁸⁰

Неуклонная деморализация городской среды захватила пролетариат. В 1915 г. в Новониколаевске полицмейстер сообщал, что «дома терпимости превращены в какие-то притоны пьянства и разгула», а надзор за проституцией «находится в самом печальном положении»¹⁸¹. В Москве жаловались на разгул хулиганства, тайной продажи вина, взяточничества полиции, спекуляции¹⁸². Говорили, что раскрыта «целая шайка врачей, организовавших освобождение от войны различных пройдох»¹⁸³. Впрочем, разгул коррупции уже никого не впечатлял.

Из 540 тысяч бастовавших в 1915 г. рабочих 385 тысяч преследовали экономические цели. В 1916 г. по стране бастовало 957 тысяч человек¹⁸⁴. С августа 1914 г. по декабрь 1916 г. на предприятиях, подчиненных надзору фабричной и горной инспекции, было зарегистрировано 473 политических и 2 202 экономических стачки. Большинство стачек и около 80 % их участников приходилось на Петроградскую, Московскую и Владимирскую губернии. Предпринимателям приходилось идти на уступки. В пользу рабочих закончилось в 1914 г. 969 (9,2 %) забастовок, в 1915 – 737 (31,5 %), в 1916 – 1 026 (26,8 %), в 1917 – 190 (20 %) забастовок. В ряде случаев в видах «патриотического единения» рабочие выдвигали качественно новые требования. Так, рабочие завода Международной компании жатвенных машин в Люберцах наряду с прибавкой заработной платы и надбавками на дороговизну требовали вежливого обращения, прекращения увольнений без причин, признания выборов от рабочих посредниками на случай переговоров¹⁸⁵. В ряде случаев рабочие стали острее реагировать на грубость начальства. Так, в Гусь-Хрустальном Владимирской губернии они добились удаления

¹⁷⁹ *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 272–273.

¹⁸⁰ *Шумилов Е. Ф.* Два века Ижмаша. Т. 1. Город оружейников. Ижевск, 2001. С. 452, 453, 456.

¹⁸¹ Цит. по: *Быкова А.* «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX вв.) // *Городская культура Сибири: история и современность.* Омск, 1997. С. 121.

¹⁸² См.: *Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000.* С. 127–129, 131–133.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 92 об. (В. Родзевич из Тифлиса 18 июня 1915 г. – Г. В. Родзевичу в Калужскую губернию).

¹⁸⁴ *Koenker D., Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989. P. 348.

¹⁸⁵ *Маевский И. В.* Указ. соч. С. 273–275.

директора ткацкой фабрики, запрещавшего женщинам делать перерывы для кормления детей грудью¹⁸⁶. По-видимому, значительная часть рабочих сохраняла патерналистские иллюзии. Так, весной 1916 г. рабочие Брянского завода пребывали в убеждении, что, если забастовку затянуть, завод перейдет в казну, и заработки их возрастут. Работу возобновили лишь при угрозе лишения хлебных карточек и квартир¹⁸⁷.

Считалось, что некоторые забастовки инспирировались левыми партиями. В начале сентября 1915 г. в Москве забастовали трамвайщики, не вышли газеты. Говорили, что в знак протеста против роспуска Думы прошли трехдневные забастовки, а 10 сентября «призываемые рабочие били городских, выпороли околоточного и выбили все стекла в казармах»¹⁸⁸.

Причины недовольства называли открыто: роспуск Думы, репрессии против рабочих, ненависть к полицейским – «их надо на фронт»¹⁸⁹. Увы, правые политики словно не видели никого кроме своих противников. «"Товарищи" продолжают глупить всю и показывать полное отсутствие всякого политического смысла», – так комментировал происходящее историк Богословский¹⁹⁰. Были, однако, и другие мнения: «...Вот что натворил полоумный Горемыкин»¹⁹¹. Некоторые мнения о виновниках происходящего звучали парадоксально. «Мародеры... будут в барышах от устроенной нашими сановниками железнодорожной забастовки»¹⁹², – писал кн. Голицыну-Муравлину его брат из Тульской губернии в феврале 1917 г. «Железнодорожной забастовкой» на языке правых называлось очередное сокращение движения поездов из-за снежных заносов¹⁹³.

Далеко не все экономические забастовки заканчивались компромиссом. В начале июня 1915 г. в Костроме при столкновении с полицией погибло 5 рабочих. Здесь толпа пыталась освободить аре-

¹⁸⁶ Белова Т. В. О социально-психологической характеристике стачечного движения в Верхнем Поволжье в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // *Российская провинция и ее роль в истории государства, общества и развитии культуры народа*. Ч. 3. 1994. С. 62, 64.

¹⁸⁷ Белова И. Б. Социалисты в российской провинции в годы Первой мировой войны. С. 99.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 41 (письмо не установленного автора от 15 сентября 1915 г. М. Н. фон-Грейфентурн в Киев).

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1413 (письмо не установленного автора из Москвы от 9 сентября 1915 г. П. Завьялову в Челябинск).

¹⁹⁰ Богословский М. М. Указ. соч. С. 72, 74, 92.

¹⁹¹ Выдержка из перлюстрированного письма Н. Строева. Цит. по: *Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих...* С. 64.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 13.

¹⁹³ *Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России...* С. 164. Тем не менее правые деятели считали, что «по-видимому, наше правительство очень полевело, что устраивает забастовки». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 20.

стованных товарищей¹⁹⁴. 10 августа в Иваново-Вознесенске проходила многотысячная демонстрация под лозунгами «Долой правительство!», «Всеобщая амнистия!». Возле здания городской управы полиция открыла огонь. Было убито 30 человек¹⁹⁵. Вслед за этим в знак протеста в Петрограде забастовало свыше 18 тысяч рабочих на 16 предприятиях. Стачки продолжались 3 дня¹⁹⁶. В это время в столице «был большой переполох из-за мелкой разменной монеты, разгромили везде много лавок», а на Охте «бабы устроили бунт, разбили почти все лавки», затем «были вызваны солдаты и конные городовые, убили одного городского»¹⁹⁷.

Беспорядки вспыхивали по самым различным поводам. В августе 1915 г. в столице «по ошибке» была разгромлена булочная швейцарца. Вслед за тем 1 600 рабочих верфи Путиловского завода потребовали удаления немцев и австрийцев, перешедших в германское подданство¹⁹⁸. В сентябре начались забастовки протеста рабочих Путиловского и Петроградского металлических заводов против ареста 30 служащих больничных касс, находившихся под влиянием большевиков. Одновременно произошел роспуск Государственной думы. Забастовало 36 760 рабочих 34 столичных предприятий. Военные власти угрожали стачечникам преданием военному суду, предприниматели начали рассчитывать рабочих. 5 сентября стачка прекратилась¹⁹⁹.

Продовольственная проблема особенно остро встала в городах «потребляющих» губерний. Из 13 городов Тверской губернии 11 ощущали нехватку хлебных продуктов, а также сена и овса, затем сахара. В июне 1915 г. в Твери ожидали «бунта против дороговизны» и еврейского погрома. В 1916 – начале 1917 г. резко выросли цены на свежие овощи, а их тайный вывоз за пределы губернии поставил на грань срыва заготовку овощей для армии и заводов, работающих на оборону²⁰⁰.

На тульских мнопрокатных и патронных заводах в январе 1916 г. забастовало 12 116 рабочих. Забастовка закончилась их частичной победой. Была повышена зарплата на 40–75 %, уволены некоторые представители администрации, лечение рабочих передано

¹⁹⁴ Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 57–58.

¹⁹⁵ Дороватовский П., Злотин В. Профессиональное движение в годы империалистической войны. Л., 1927. С. 20; Лаврычев В. Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М., 1957. С. 112–117.

¹⁹⁶ Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 90.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 24 (И. Федоров из Петрограда 7 сентября 1915 г. – В. И. Федорову в Москву).

¹⁹⁸ Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 56.

¹⁹⁹ См.: Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914–1917 гг. Сб. мат-в и док-в. Л., 1939. С. 61–72, 240–242; Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода. М.; Л., 1941. С. 434–436.

²⁰⁰ Булдаков В. П. Красная смута. С. 53.

в ведение больничной кассы. Но вскоре по ходатайству губернатора и заводской администрации, объявивших рабочих виновниками срыва выполнения военных заказов, последовало распоряжение военного министра об отправке в трехдневный срок бастовавших военнообязанных в запасные батальоны Московского военного округа (за исключением г. Тулы)²⁰¹. Между тем заменить отправленных в армию рабочих оказывалась нечем. Губернатор А. Н. Тройницкий жаловался, что беженцы, которыми переполнена губерния, не желают работать, довольствуясь получаемым пайком²⁰².

На Грозненских нефтепромыслах 13 мая 1916 г. бастовали 9 тысяч рабочих. Забастовка продолжалась до 10 июня и закончилась успехом рабочих: заработная плата была увеличена на 15 %. Однако многие военнообязанные рабочие получили расчет и были призваны в армию. В марте 1916 г. стачечным движением было охвачено 62 предприятия металлообрабатывающей промышленности, число забастовавших составило 94 278 человек. В апреле того же года бастовало 95 тысяч рабочих 80 предприятий. С 1 января по 1 июля 1916 г. бросили работу рабочие 71 оборонного предприятия. Количество забастовщиков составило 130 579 человек, а число потерянных дней – 939 617²⁰³.

Огромное значение имела забастовка на Путиловском заводе, вспыхнувшая в феврале 1916 г. из-за неудовлетворения требований о повышении заработной платы на 70 %. Возмущенные рабочие вывели одного из управляющих на тачке. Несмотря на вмешательство полиции и военных властей, последовавшие увольнения и закрытия цехов, 10 февраля рабочие потребовали освобождения арестованных и отмены призыва в армию военнообязанных. Не меньшее политическое значение имели и события на Сормовском заводе в июне 1916 г., которые начались с волнений в связи с увольнением с завода неугодных администрации лиц. Рабочие начали забастовку, остановили электростанцию. На работу вышло 4 963 рабочих из 8 тысяч, но и те работали «вяло и неохотно». Несмотря на прибытие на завод двух рот солдат, на работу вышла лишь тысяча человек. Применяя угрозы, аресты, увольнения с работы, отправку на фронт, администрация завода смогла остановить забастовку. Но рабочие согласились возобновить работу лишь при условии возвращения уволенных, увольнения начальника цеха, гарантий неувольнения забастовщиков²⁰⁴. В ноябре 1916 г., по сообщениям сексотов, среди рабочих ижевских заводов ходили слухи о петроградской забастовке, говорили о больших потерях на фронте, о мире, отказывались верить официальным сообщениям²⁰⁵.

²⁰¹ Маевский И. В. Указ. соч. С. 280.

²⁰² Тульские губернаторы. С. 313.

²⁰³ Маевский И. В. Указ. соч. С. 273.

²⁰⁴ Там же. С. 276–277.

²⁰⁵ Шумилов Е. Ф. Указ. соч. С. 453, 456.

В начале августа 1916 г. произошла забастовка на трубочном заводе в Самаре. В ходе нее рабочие потребовали не только обычного для тех дней увеличения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня и отмены штрафов, но и отправки на фронт «рабочих из богачей, которые поступили на завод с целью уклониться от войны». Но это лишь одна сторона медали. На деле нехватка рабочей силы вела к тому, что наряду с «богачами» на военные заводы поступали и беглые революционеры – полиция попросту не успевала проверять их на благонадежность.

Конфликты с участием рабочих множились повсеместно. С начала октября 1916 г. в Петрограде стали распространяться слухи о каких-то чрезвычайных событиях (обрушениях зданий, взрывах, повлекших многочисленные жертвы) в Москве, Харькове и других провинциальных городах, вызвавших восстания рабочих: в Москве говорили о революции в Харькове, в Харькове – о революции в Москве и т.п. Рабочая группа ЦВПК выпустила в связи с этим специальное воззвание, в котором призывала не верить слухам и предупреждала о несвоевременности выступлений рабочих. Тем не менее стихийные забастовки без выдвижения каких-либо требований начались на предприятиях столицы. При этом закончились они столь же неожиданно²⁰⁶. Налицо был эмоциональный «перегрев» пролетарской среды. Судя по письму из Петрограда в Москву, двигателем стачек становилось отчаяние. «Рабочие готовят забастовку не ради бунта, а из-за голода. День-деньской – хвосты... У нас все холодно и голодно...»²⁰⁷, – писал некий А. Бобров 19 октября 1916 г.

Впрочем, некоторые другие забастовки проводились вполне продуманно. 7 февраля 1917 г. рабочие-зуборезы инструментальной мастерской Ижевского оружейного завода подали администрации прошение о повышении расценок. Администрация его отклонила, и 15 февраля все зуборезное отделение встало. 16 февраля рабочие снова вышли на работу на время переговоров. В результате 12 требований было удовлетворено, 8 – отклонено, по трем администрация обещала ходатайствовать в Главном артиллерийском управлении²⁰⁸.

Забастовки на предприятиях, работающих на оборону, возникали повсеместно. Так, в первой половине февраля бастовали рабочие на Ижорском заводе. На Мытищинском вагоностроительном заводе 17 февраля рабочие, заработок которых сократился на 1/4, обвиняли правительство в нераспорядительности по доставке топлива и продовольствия. 21 февраля забастовали рабочие трубочного завода в Самаре²⁰⁹.

²⁰⁶ Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 179–180.

²⁰⁷ Цит. по: Измозик В. С. Указ. соч. С. 162–163.

²⁰⁸ Бехтерев С. Л. Эсеро-максималистское движение в Удмуртии. Ижевск, 1997. С. 41–42.

²⁰⁹ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. С. 408–409.

Было очевидно, что экстремальная интенсификация производства сама по себе была социально взрывоопасна. Учитывая, что предприятия переполнялись людьми, далекими от индустриальной культуры производства, их латентное сопротивление заводским порядкам выливалось в подобие крестьянского бунта против дурной администрации.

Наряду с привычными экономическими забастовками вспыхивали «хлебные бунты» – в 1915 г. их было около двух десятков. В следующем году количество их участников увеличилось в 13 раз²¹⁰. Наиболее активным элементом городских беспорядков стали женщины. Между 1914 и 1917 гг. их удельный вес на промышленных предприятиях возрос с 26,6 до 43,2 %; в Петрограде их число выросло в шесть раз. Женщины-работницы, как правило, солдатки из местных деревень, сталкивались с несправедливостями на работе, чувствовали себя обделенными при получении пособий на мужей, страдали от дороговизны²¹¹. По словам столичного градоначальника, они вели себя «крайне энергично, а иногда и бесстыдно», требуя немедленного удовлетворения своих требований. Впрочем, они же быстро успокаивались, получив казенный паек²¹².

Женские выступления, как правило, протекали по одному сценарию: начиналось с препирательств о поднятых ценах, затем толпа принималась «восстанавливать социальную справедливость», громя магазины и унося с собой товары. Массовые беспорядки работниц случились в мае 1915 г. в Орехово (на границе Московской и Владимирской губерний). В июне «женские бунты» прошли в селах Гордеевка, в городах Канавин и Хохлома Нижегородской губернии, в Моршанске Самарской губернии. В июле взбунтовались женщины-работницы и солдатки в трех городах Нижегородской губернии, на Таганском рынке Москвы. В августе в Колпино на Ижорских заводах жены рабочих и солдатки учинили разгром лавок. В октябре в Богородске (Нижегородской губернии) вспыхнули волнения работниц, закончившиеся погромом магазинов и лавок с последующим усмирением казаками с убитыми и ранеными. В это же время остановили работу рабочие ткацкой фабрики Морозова. Вскоре к ним присоединилось до 80 тысяч рабочих с ближайших фабрик, а также из Павловска, Обухова и Орехова. Беспорядки, охватившие почти 12 тысяч работниц на ткацкой фабрике в Белгородске, продолжались в течение нескольких недель. В декабре продовольственный бунт произошел в городе Камен-

²¹⁰ См.: Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 139.

²¹¹ См.: Энгл Б. Указ. соч. С. 152, 166; Gatrell P. Russia's First World War. P. 67, 72. По свидетельству А. Тырковой, в ноябре 1914 г. всем было известно, что «по всей России жены солдат сидят без казенной выдачи». См.: Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 149.

²¹² Толстой И. И. Указ. соч. С. 539, 541.

ный Завод Пермской губернии. Вся эта информация доходила до армии²¹³.

В начале 1916 г. полицейские подтверждали, что бунты «устроены исключительно женщинами, преимущественно солдатками, и произошли только благодаря неимоверной алчности торговцев, поднявших цены на предметы первой необходимости», в первую очередь на сахар. 10 февраля в «сахарном» бунте в Томске участвовало около 1 000 человек. Из толпы кричали: «Сахару, сахару!», «Кровопийцы!», «...Мужья проливают кровь, а от нас прячут сахар...»²¹⁴. Нечто подобное отмечалось и в таких «благополучных» в продовольственном отношении губерниях, как Воронежская и Оренбургская²¹⁵. На выступления женщин остро реагировали солдаты на фронте. Слух о том, что «городовые побили в Москве 1 000 баб через дороговизну», и что московские улицы завалены трупами женщин, тут же распространились по всему фронту²¹⁶.

Но были и явления иного порядка. Священники сетовали, что «...жены солдат, которые так усердно молятся в храмах... вне храма... держат себя нахально, вызывающе», при этом «работать не желают, без конца требуют даровых пособий», а полученные пайки «тратят безрассудно: на модные кофточки, галоши, духи и помады»²¹⁷. Нечто подобное отмечали и некоторые правые деятели. Так, некий А. Приселков из Петрограда писал 14 сентября 1914 г. архиепископу Назарию в Одессу: «Законные жены в деревне не получают пособия, а городские содержанки имеют паек. Эти развратные дамы бросают работу, довольствуются пайком и другим заработком»²¹⁸. Писали и о «прямом развращении соломенных вдов запасных, которые в столицах... изошряются усиливать свой паек до больших размеров»²¹⁹. Война не только разоряла, но и развращала.

Продовольственные бунты продолжились в 1916 г.: 14 и 16 февраля в Баку, в конце июня – в промышленной Кинешме Костромской губернии и в середине июля – в фабричном поселке Родники Костромской губернии. В июле солдатские жены устраивали самосуды над торговцами в Самаре, Екатеринославе, Нарве, Таганроге. Информация о десятках убитых и раненых растекалась по всей

²¹³ См.: *Энгл Б.* Указ. соч. С. 148, 149, 157, 157, 160, 161.

²¹⁴ Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 1. С. 49, 373.

²¹⁵ См.: ГА РФ. Ф. ДП. 4 Д. 1916. Оп. 125. Д. 70. Ч. 3. Л. 1; *Сафонов Д. А.* Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922 гг. Хроника и историография. Оренбург, 1999. С. 194.

²¹⁶ *Асташов А. Б.* Русский фронт... С. 638.

²¹⁷ *Булдаков В. И.* Первая мировая война и коллизии российских культурных иерархий // *Вестник Тверского государственного университета. Серия история.* 2012. № 5. С. 12.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1457.

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 996. Л. 1561 (письмо, подписанное «Алексей», из Петрограда от 8 октября 1914 г. кн. А. А. Ширинскому-Шихматову в Саратов).

России и действующей армии²²⁰. Беспорядки возникали по самому ничтожному, казалось бы, поводу. В ноябре 1916 г. из Ново-Николаевска сообщали: «...У нас вчера был бабий или, иначе говоря, сахарный бунт. Толпа баб и подростков била стекла в городской управе, громила государственную продовольственную лавку и две потребиловки, а затем, конечно, стала бить и окна других зданий... Такой вакханалии мы никогда не переживали»²²¹. Нечто подобное происходило в Хабаровске. Здесь «солдатки собирались толпами и врываются в магазины, были аресты». Пресса об этом молчала²²².

Следует отметить, что в Германии положение с продовольствием было намного хуже. Так, «брюквенный год» унес несколько сотен тысяч жизней. Дневной пищевой паек рабочего сократился к 1917 г. до 1 000 калорий, то есть в 3,5 раза, потребление жиров в 1918 г. уменьшилось в 8 раз²²³. Однако, вероятно, потому, что это был, по словам В. И. Ленина, «образцово организованный голод», немецкие рабочие терпели гораздо дольше.

Судя по частной переписке, к 1917 г. в России социальное напряжение неуклонно нарастало. Из Н. Новгорода в конце ноября 1916 г. писали, что «рабочие сумрачно замолчали и только злобно смотрят при напоминании о государственной необходимости их работы»²²⁴. «В Москве тревожное, жуткое настроение, как в пятом году; среди студенчества аресты, обыски, сходки и прокламации, – сообщал некий москвич (скорее всего студент) в Киев. – Чего-то ждут, к чему-то готовятся и чувствуется, что идет большая, подпольная партийная работа...»²²⁵. Пермский губернатор отмечал, что в рабочие группы ВПК вошли люди, которые «занились пропагандой политического переворота и прекращения войны»²²⁶.

Трудно сказать, что имелось в виду под политической и партийной работой, но 3 января 1917 г. из Петрограда в Армавир было направлено весьма показательное послание. Незвестный руководитель рабочих оценивал ситуацию как момент «небывало резкого столкновения буржуазно-цензовой России с властью». Он считал, что «система поколеблена, но не сломана», в результате чего соз-

²²⁰ См.: Энгл Б. Указ. соч. С. 148, 149, 157, 157, 160, 161.

²²¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1011 (письмо от 10 ноября 1916 члену Государственной думы С. В. Востротину).

²²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1229 (письмо Арарьева на бланке газеты «Приамурье» от 23 ноября 1916 г. члену Государственной думы А. Н. Ржанову в Петроград).

²²³ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 13.

²²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1422 (письмо не установленного автора от 30 ноября 1916 г. Е. М. Оберучевой).

²²⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1327 (письмо, подписанное «Женя» от 27 ноября 1916 г. В. Г. Новицкой).

²²⁶ Державин В. А. Классовые или национально-патриотические воззрения преобладали на выборах в рабочие группы ВПК на Урале в годы Первой мировой войны? // Первая мировая война и национальный вопрос. С. 134.

дался «роковой тупик», из которого цензовые элементы не смогут вывести страну собственными силами. В этих условиях пролетариат «сможет бросить на чашку весов свое организованное действие». Для этого необходимо начать широкую кампанию по организации рабочего класса, начиная с «позаводских собраний». На них явочным порядком будут избираться заводские комитеты, которые объединятся в общегородской рабочий орган, который выработает «общие требования и предъявит их, при поддержке всей массы (вплоть до самых решительных форм), Государственной думе и режиму». Нечто подобное предполагалось осуществить по всей России, добившись «соглашения между различными течениями в рабочей среде, чтобы обеспечить столь необходимое единство демократии»²²⁷.

Объективно задача казалась вполне реалистичной – положение рабочих ухудшалось повсеместно. С другой стороны, в отличие от других воюющих держав России не удалось осуществить в нужных масштабах возвращение квалифицированных рабочих из армии. Российским предпринимателям удалось добиться отсрочки от призыва только для 400 тысяч квалифицированных рабочих²²⁸. Впрочем, их положение также оставляло желать лучшего. В ряде случаев рабочие оказывали соответствующее влияние на армию. Так, пополнение из известных своей «вольностью» рабочих-сибиряков ускорило «разложение» солдат Одоевского полка, обернувшееся в конечном счете бунтом²²⁹.

6 февраля 1917 г. тульский губернатор А. Н. Тройницкий признавался в письме: «Наступили такие тяжелые времена, что не знаю, как и справиться. С продовольствием очень плохо, ничего не подвозят, всюду хвосты. Кончилось тем, что Оружейный завод 3 февраля забастовал и был закрыт, а рабочих с семьями до 100 000 человек, т.е. половина населения Тулы... Теперь сижу как на вулкане и рассылаю людей по всей губернии за хлебом. Очень опасное положение. 8-го я должен открыть завод, но не знаю, что из этого выйдет»²³⁰. Завод находился в подчинении военного ведомства, это затрудняло работу местной администрации. Ситуация оказывалась довольно типичной. 10 февраля 1917 г. из Макеевки писали члену Государственной думы И. Н. Тулякову: «Мы, рабочие труболитейных заводов общества “Унион”, 5 января прекратили работу, не работали 5 дней. Завод оборонный, к нам приезжал ген. Поляков, который убедился в нашем тяжелом положении, посоветовал начать

²²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 24.

²²⁸ Маевский И. В. Указ. соч. С. 248–249. Во Франции из страха перед нехваткой солдат в 1914 г. также была мобилизована масса квалифицированных рабочих. Однако в 1915 г. часть из них была в той или иной форме возвращена на производство. См.: *Hautcoeur P.-C. Was the Great War a Watershed? The Economics of World War I in France // The Economics of World War. P. 174.*

²²⁹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 707.

²³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 33.

работу и продолжать хлопоты о прибавке жалованья. То же самое говорил начальник Таганрогского горного округа. Мы приступили к работе, выбрали трех уполномоченных, но 27 января их арестовали, арестовали еще двух рабочих и секретаря больничной кассы»²³¹. Рабочие спрашивали, на каком основании они были арестованы. Получалось, что даже «сочувствующее» начальство не могло противостоять репрессиям. Ситуация становилась тупиковой.

Позднее И. И. Восторгов признавался, что война создала такое «глубоко скрытое нарушение внутреннего равновесия», что «не только выстрел из пугача, но даже громкий пердёж может сыграть плохую шутку», и задавался вопросом: «Неужели Гучковы и Милюковы так проникательны?». Он полагал, что сработал иной фактор: «нетерпение шулеров, ловко подготовивших Распутинскую историю и поддавшихся искушению рискнуть»²³². В свое время очень многие ощущали «нарушение внутреннего равновесия», связывая его – в соответствии с логикой патерналистской психоментальности – с теми или иными «врагами». Однако тогдашнего «нарушения равновесия» современные авторы уже не ощущают и тем охотнее бросаются на поиски всевозможных «заговорщиков».

Общественные коллизии переходных эпох в полном смысле слова сводят с ума неподготовленных «историографов». Конспирология остается для них единственным способом «научного» самоутверждения в глазах легковверного обывателя. И потому «дурь прошлого» не уходит. Она не только развращает сознание последующих поколений, но и провоцирует новые «нелепости» истории.

1.5.4. Война и деревня

Привычное социальное недовольство деревни постепенно стало получать новые стимулы. Старые ценности сомкнулись с новыми ожиданиями. Не случайно многие корреспонденты усомнились в энтузиазме призывников²³³. Вспоминали, что когда в подмосковной Дубне несколько человек были призваны в действующую армию, по всей деревне «стоял вой»²³⁴.

Конечно, так было не везде. Кое-где крестьяне добровольцами шли на фронт²³⁵. В некоторых уездах Петроградской губернии они даже отказывались при этом от медицинского освидетельство-

²³¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 35.

²³² Восторгов И. И. Воспоминания о Февральской революции в Москве. С. 313.

²³³ Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 9.

²³⁴ Зёрнов В. Д. Указ. соч. С. 204.

²³⁵ Волков-Муромцев Н. В. Юность: От Вязьмы до Феодосии. (1902–1920). М., 1997. С. 90–91.

вания²³⁶. Но подчас ими двигал вовсе не патриотический порыв: добровольцы могли выбирать род войск. Были и более прозаические причины. «Доброволец Раков пошел на войну, чтобы лошадь выручить: думал, что если сам пойдет, лошадь вернут, – отмечал в дневнике М. Пришвин. – И еще слышал, что добровольцу возле обоза можно пожить, и пошел»²³⁷. В станице Уманской 21 июля 1914 г. толпа иногородних едва не поддавалась на призывы агитаторов отправить на высочайшее имя телеграмму с заявлением о желании «не идти на войну» до тех пор, пока их семьи не будут обеспечены «пособием и землей»²³⁸. Вероятно, подобных «проявлений патриотизма» было немало.

Деревенское бунтарство все заметнее наполняло собой городскую среду. Это обнаружилось уже в ходе мобилизации. В Ишиме 4 тысячи запасных пытались захватить казарму и завладеть оружием. Вызванная рота солдат открыла по собравшимся на площади огонь²³⁹. С 18 июля 1914 г. в Царицыне проходили многотысячные патриотические демонстрации. Но после того, как 22 июля город переполнили призывники-запасные из деревни с родственниками, ситуация изменилась. Многотысячная толпа женщин потребовала немедленной выдачи пособий на мужей, обвинив воинского начальника в их присвоении. Женщины прорвались сквозь цепь солдат, избили капитана и пристава. Вызванная команда дала залпа в толпу. В итоге погибло 20 человек (из них 7 женщин), 25 было ранено²⁴⁰. Из Варшавы в августе 1914 г. сообщали, что к семьям запасных «относятся с возмутительной грубостью и денег не дают». Ежедневно 400–500 женщин приходят за пособием, «им ничего не объясняют и гонят прочь». Установилась дурная практика: в толпу выбрасывали особые «билетики на право получения нескольких рублей», что вызывало свалку, в одной из которых «задавили насмерть ребенка»²⁴¹. Из Меленковского уезда Владимирской губернии летом 1915 г. сообщали, что начальство «заставляет ходить в волость за получением пайка за 10–15 верст больных и беременных

²³⁶ Головин Н. Военные усилия России в мировой войне // Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 87.

²³⁷ Пришвин М. М. Дневники 1914–1917. М., 1991. С. 85.

²³⁸ Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 51–52.

²³⁹ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 гг. Новосибирск, 1987. С. 59.

²⁴⁰ Очевидцы утверждали, что женщины требовали «письменного удостоверения относительно выдачи дальнейших пособий их семьям», но им отказали. Был отдан приказ стрелять, в результате чего было «чуть ли не 80 чел. раненых, 20 убитых» – не только крестьянки, но и студенты и гимназистки. Сообщали о масштабах побоища: «Окна в гимназии наполовину выбиты бабами, а наполовину пулями, стены просверлены, на асфальте следы крови...». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1121.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1225. Выдача пайков задерживалась и в других местностях, например, в Томске. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1449.

солдаток»²⁴². Впрочем, получив немалое пособие, женщины остались довольны²⁴³.

Недовольство не ограничилось «нерасторопными» властями. Некоторые защитники родины готовы были примириться с судьбой при условии пересмотра арендных отношений с помещиками. Общинники, со своей стороны, направляли недовольство против поощряемых властями «выделенцев», причем первых зачастую представляли отцы, вторых – их сыновья²⁴⁴. 12 августа 1914 г. в селе Козловка Воронежской губернии двухтысячная толпа женщин и подростков разгромила дома и хозяйства 23 хуторян²⁴⁵. Впрочем, получив пособие, женщины тут же успокаивались.

Считается, что около 2/3 июльских выступлений крестьян носили антипомещичий характер. «Шесть дней подряд проходили (новобранцы. – Авт.) мимо моей усадьбы и все шесть дней поджигали мое имение в разных местах», – сообщал помещик Чистопольского уезда Казанской губернии, подчеркивая, что «пострадали все по дороге лежащие усадьбы». Он считал, что «идеи 1905 года глубоко пустили корни». А между тем «губернатор у себя в кабинете хорохорился и все уверял, что это глупости в сравнении с тем, что делается в других местах»²⁴⁶. В Чембарском уезде Пензенской губернии крестьяне двух сел попытались сжечь усадьбу местной помещицы. По этому делу было арестовано 60 человек, а в общей сложности в этой губернии арестовали более 130 крестьян. В Новоградволинском и Житомирском уездах Волынской губернии крестьяне начали массовую порубку помещичьих лесов, оказывая сопротивление стражникам. Курский губернатор 13 августа 1914 г. доносил о массовых выступлениях против землеустроителей, грозящих «серьезными осложнениями»²⁴⁷. Массовые порубки казенных и частновладельческих лесов были отмечены в Томской губернии²⁴⁸. По неполным данным с 17 июля по 31 декабря 1914 г. произошло 265 крестьянских выступлений²⁴⁹.

Крестьянское движение никак не было связано с городским недовольством. В сентябре 1915 г. один московский мастеровой, побывав в деревне, проникся ощущением, что «там ничего не понима-

²⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 67 (унтер-офицер 157-го Имеретинского полка Е. Ф. Халтурин от 9 июня 1915 г. – редактору «Русского слова» в Москву).

²⁴³ В конце ноября 1914 г. некоторые чиновники считали, что «казна слишком даже широко поставила дело», в результате чего «баба получает 60–70 руб.». В связи с этим предлагалось «уточнить списки нуждающихся в пособиях». См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1715.

²⁴⁴ Посадский А. В. Указ. соч. С. 38, 41–42, 57, 61, 64, 70, 98.

²⁴⁵ Беркевич А. Б. Указ. соч. С. 29.

²⁴⁶ Там же. С. 6–7; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1101.

²⁴⁷ Минц И. И. Указ. соч. С. 332–333.

²⁴⁸ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 109, 111, 113.

²⁴⁹ Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. Сб. док-в. М.; Л., 1965. С. 514.

ют, думают, что мы только вредим» забастовками²⁵⁰. Тем не менее традиционное крестьянское недовольство порой принимало германофобскую окраску. По части антинемецкой пропаганды особенно старались правые. Одесское отделение Союза русского народа (к которому власти отнюдь не благоволили) в октябре 1914 г. ходатайствовало о наделении крестьян землей в Галиции, а также об изъятии земель у немецких колонистов. В декабре 1914 г. МВД отмечало, что «...злонамеренные лица возобновили среди крестьянства пропаганду о насильственном отобрании земель, принадлежащих удельному ведомству, монастырям, церквям и российским подданным немецкого происхождения, и о безвозмездной передаче их крестьянам, в особенности солдатам и их семьям по окончании войны»²⁵¹. 19 декабря 1914 г. крестьяне Старицкого уезда Тверской губернии доносили о «прогерманских высказываниях» известного философа Е. В. де Роберти, местного земца и члена ЦК кадетской партии. За доносом стоял хозяйственный конфликт, но теперь крестьяне, учитывая «немецкую» фамилию барина, развернули его в «патриотическое» русло²⁵². Сходный случай «патриотической» демагогии был отмечен в Пензенской губернии: крестьяне предъявили претензии владелице имения фон Флотто, русской по происхождению, вышедшей замуж за немецкого посла при австрийском дворе, и ее управляющему Ингерману, обрусевшему финну. При этом они сожгли несколько «немецких» стогов сена, заявляя: «Мы пришли не покупать землю, а забрать ее!». Обвиняли крестьяне и местную полицию, «продавшуюся немцам», а в конечном счете потребовали, чтобы земли фон Флотто были переданы в собственность ее сына от первого брака – русского графа Келлера²⁵³.

В мае 1916 г. в Липецком уезде Тамбовской губернии была популярна такая крестьянская «выдумка»: «Помещики наши желают победы немцам над русскими, за что им немцы помогут взять в рабство крестьян». В доказательство приводилось свидетельство очевидца: «Помещик разорвал в клочки газету, в которой было написано об успехах русских...»²⁵⁴.

Подчас патриотизм понимался своеобразно. В Тамбовской губернии говорили, что «если победит Россия – земля будет от дворян-помещиков отобрана и отдана в надел крестьянам, так как они, главным образом, являются защитниками Родины и победителя-

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1413 (письмо от 9 сентября 1915 г. П. Завьялову в Челябинск).

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 1693. Оп. 1. Д. 72. Л. 19 об.

²⁵² ГА ТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 27898. Л. 3–3 об.

²⁵³ Мур К. М. Земля за службу: Крестьянские представления о справедливости и жертвенности в России в годы Великой войны // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. М., 2011. С. 357.

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 113 (письмо не установленного автора из Липецка от 11 мая 1916 г. А. Н. Волховскому в Одессу).

ми врага». Охотно подхватывались слухи об «измене» помещиков. «Местные землевладельцы – Кожины, Трубецкие, Толстые и другие, собирают между собой деньги и отсылают их в Германию для завоевания России...», – уверяли тамбовские крестьяне²⁵⁵. В прифронтовой полосе крестьяне, сговариваясь с интендантами, принимались слишком усердно вырубать частновладельческий лес якобы «для нужд действующей армии»²⁵⁶.

Впрочем, постепенно недовольство деревни как будто утихло – сказались отток молодежи в армию, «сухой закон», выплаты солдаткам. Некоторые горожане завидовали крестьянам. «От войны большая часть русского народа, как это ни странно, в выгоде, – писал историк М. М. Богословский. – Крестьянство благоденствует от а) притока денег в деревню в виде пайков женам и детям запасных, б) от значительного (вдвое и втрое) возвышения заработной платы, с) уничтожения водки и пьянства»²⁵⁷. В декабре 1916 г. некоторые чиновники из Семипалатинска сообщали, что пособия солдаткам «в девяти десятых случаях действовали развращающим образом», в населении усиливаются «лень и разнузданность», а некоторые даже смеются: «Войну ведут по найму»²⁵⁸. Но «благоденствовали» далеко не все. С. Н. Прокопович пояснял, что, несмотря на получение крестьянами пособий в первый год войны на 340 млн рублей, а во второй – на 585 млн, крестьяне черноземной полосы, продающие хлеб, расширили собственное потребление, сократили продажу хлеба и, в общем, накапливали деньги. Напротив, крестьянам крайних северных и промышленных губерний, вынужденным покрывать свои расходы работой на стороне, приходилось покупать хлеб. Рост цен на сельхозпродукты отрицательно сказывался на их хозяйстве²⁵⁹. Так, в Архангельской губернии из-за недостатка кормов с весны 1915 г. пришлось резать скот²⁶⁰. Скоро сказался и недостаток рабочих рук. Сообщали, что в Поволжье приостановилась уборка, семьи, лишившись работников, не знают, как жить дальше²⁶¹. В 1915 г. в Оренбургской губернии 74 % корреспондентских сообщений указывали на нехватку рабочих рук как главную причину уменьшения площади яровых посевов»²⁶². Но сказывался и другой

²⁵⁵ Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 391.

²⁵⁶ Макаров Ю. В. Указ. соч. С. 56.

²⁵⁷ Богословский М. М. Указ. соч. С. 128.

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 211 (А. М. Первушин из Семипалатинска 29 декабря 1916 г. – В. А. Маклакову в Москву).

²⁵⁹ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 135–136.

²⁶⁰ Трошина Т. И. Великая война... С. 94.

²⁶¹ Терешина Е. П. Указ. соч. С. 21.

²⁶² Гришаква Л. В. Влияние Первой мировой войны на состояние сельского хозяйства Оренбургской губернии // Аграрная модернизация России в XIX–XXI вв.: реформы проблемы, перспективы. Оренбург, 2012. С. 174.

фактор: в той же губернии со временем поставка хлеба по «твердым» ценам стала убыточной – фунт конфет стал стоить дороже, чем пуд хлеба²⁶³. В подобном положении оказывалась значительная часть крестьян.

Агрессивность деревни во все большей степени стимулировалась извне. Так, в мае 1915 г. волна немецких погромов дошла до Подмосковья. Крестьяне тащили из имений все нужное и ненужное, делали это жадно, опасаясь, что кому-то перепадет больше²⁶⁴. Война пробуждала желание запастись впрок. По мнению Л. Тихомирова, в основе погрома была «точка зрения чисто революционная, но ею проникнуто огромное число людей». Ему казалось, что «если война не кончится блистательно, то у нас будет революция без сравнения сильнейшая, чем в 1905 году²⁶⁵».

В 1915 г. бунтарская активность как будто снизилась – зафиксировано всего 117 выступлений, но в следующем году их число выросло до 294. При этом увеличилось число протестов против дороговизны²⁶⁶. Выплаты пособий от нее не спасали. На настроениях крестьян сказался еще один фактор – рост всевозможных злоупотреблений. В феврале 1915 г. отмечалось усиление «взяточничества волостных властей, включая и земских начальников». За взятки освобождали от призыва, оставляли крестьянских лошадей от мобилизации, распределяли вспомоществование²⁶⁷.

5 июня 1915 г. к редактору либерального «Русского слова» обратились крестьяне села Преображенское Владимирской губернии. Они задавались вопросом: не следует ли применить смертную казнь к спекулянтам «с конфискацией продуктов в пользу семей убитых и раненых воинов»? Эти крестьяне, похоже, были далеки от экстремизма. Они предлагали развернуть «борьбу со вздорными слухами, провокацией, воровством и мошенничеством разных чинов» в «общественных комитетах, клубах и т.п., в которых бы читались лекции и давались разъяснения соответствующих ведомств по затрагиваемым вопросам». Им казалось, что это «отдавит надвигающуюся анархию». Вместе с тем они выражали недоумение, почему официальные инстанции «заваливают казенными заказами» такие «немецкие» фирмы, как «Сименс» и «Всеобщая компания электричества», у которых «имеются подробные планы и чертежи казенных и частных учреждений»²⁶⁸. Оставалось только гадать, во что со

²⁶³ Нарский И. В. Указ. соч. С. 177.

²⁶⁴ Добровейн М. На рубеже двух эпох. Автобиографические записки. М., 2001. С. 87–89.

²⁶⁵ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 70.

²⁶⁶ См.: Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. С. 499–511, 514.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1004. Л. 5 (И. Ф. Синицкий из Сморгони 4 февраля 1915 г. – в редакцию «Русских ведомостей»).

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 53.

временем могла вылиться подобная смесь правдоискательства с подозрительностью.

Через год после начала войны в верхах стали задумываться о «возвращении ратников в деревню после войны». В связи с этим А. Д. Протопопов писал А. В. Кривошеину, что крестьяне заглядываются не только на немецкое землевладение, но и на частновладельческие угодья, следовательно, «потенциальная энергия» недовольства «может превратиться в кинетическую»²⁶⁹. Так и было. Из Тамбовской губернии сообщали: «Между крестьянами..., выселившимися из общины на отрубные участки, распространялись слухи, что по окончании войны купленная ими через посредство Крестьянского Банка земля будет у них отобрана и разделена между всеми крестьянами...». Множились слухи об «измене» помещиков, которых власть выселяет в Сибирь, а их землю распределяет – причем только среди общинников²⁷⁰. В мае 1915 г. из Киевской губернии сообщали о нападении в селе Кухарская слобода Радомысльского уезда 150 человек, вооруженных колями, на местного пристава, двух урядников и полицейских стражников за попытку отстоять помещичье имение. Толпа была рассеяна выстрелами, одна крестьянка ранена. Курский губернатор доносил, что в марте он арестовал 41 крестьянина за самовольную запашку в Обоянском уезде, в мае сообщил, что в Фатежском уезде около 800 крестьянок с детьми и подростками потребовали прекратить землеустроительные работы, причем здесь в ответ на предупредительные выстрелы толпа забросала стражу камнями. Из Орла телеграфировали о выступлениях жен запасных, требовавших приостановки землеустроительных работ до возвращения мужей. В апреле – мае 1915 г. произошло 10 крупных выступлений крестьян в Харьковской губернии. В Донской области крестьяне под влиянием писем с фронта распахали 12 тысяч десятин земли, принадлежащих помещику Шабальскому²⁷¹. Элементы дестабилизации ситуации в деревне нарастали и по другим линиям.

В 1915 г. участились выступления общинников против отрубников и хуторян. В селе Нижняя Сыроватка Сумского уезда Харьковской губернии двухтысячная толпа убила двух хуторян, захватила помещение волостного правления, обезоружила отряд полиции, прогнала исправника. Здесь было арестовано 34 человека. В Лукояновском уезде Нижегородской губернии 22 апреля 1915 г. толпа в 300 человек разгромила 14 домов хуторян²⁷². Правительство отказалось на время от землеустроительных работ, опасаясь «обострить взаимные отношения крестьян». Это не помогло. Весной 1915 г.

²⁶⁹ Русское прошлое. Кн. 5. С. 48–49.

²⁷⁰ Вронский О. Г. Указ. соч. С. 391.

²⁷¹ Шестаков А. В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрём 1917 г. Л., 1927. С. 110.

²⁷² Шестаков А. В. Указ. соч. С. 114.

в выступлениях против хуторян и отрубников особо активизировались женщины-солдатки²⁷³.

Правые деятели связывали деревенское бунтарство с земством. В декабре 1915 г. из Тамбовской губернии поступило сообщение: «...Земство пустило глубокие корни в крестьянскую жизнь... Революция при создавшемся положении и подготовке со стороны земства весьма возможна...»²⁷⁴. Взаимная подозрительность усиливалась.

Осенью 1915 г. в деревне острее ощутили нехватку рабочей силы. В верхи поступала масса жалоб на беженцев, заполонивших не только прифронтовые губернии (Витебская, Смоленская, Минская, Псковская), но и промышленный центр. Тульский губернатор даже предлагал лишать беженцев, уклоняющихся от сельхозработ, пайка²⁷⁵. Крестьяне все больше страдали от растущих цен на керосин, соль, сахар. В ряде промышленных губерний стала ощущаться нехватка продовольствия. Недовольство вызывали «бесконечные» мобилизации (в частности, ратников второго разряда), а также призывы белобилетников «без разбора». Раздражали и реквизиции скота, переписи населения, окопные работы. Из Ярославской губернии в сентябре 1915 г. инженер А. Ф. Попов писал А. Ф. Керенскому в Думу о том, что крестьян «хватали без разбора и направляли рыть окопы, заставляя «расписываться, что идут добровольно»²⁷⁶.

Многие крестьяне за нехваткой рабочих рук и реквизицией лошадей оставляли поля необработанными. Трудовые мобилизации сопровождались несправедливыми, как считали крестьяне, действиями полиции, подкупом, злоупотреблениями. Еще больше возмущали задержки выплат пособий семьям солдат или уменьшение их размера, а также невыдача вкладов из сберкасс в полном размере. К привычной нелюбви к помещикам добавлялось раздражение из-за лучшей обеспеченности их хозяйств трудом военнопленных. Накапливались новые сельские проблемы: «разврат» солдаток, усиление молодежного хулиганства. Обнаружилось падение влияния священников и, напротив, усиление влияния учителей, как правило, симпатизировавших левым партиям²⁷⁷.

За годы войны у крестьян было реквизировано 2,6 млн лошадей. Не обошлось без безобразий. «Почему же томское интеллигентное общество не обратит внимание на злоупотребление комиссии, осматривающей лошадей?.. – недоумевали представители интеллигенции в декабре 1914 г. – Ведь это разорение для крестьян. Неужели эта мошенническая шайка окажется ненаказанной?»²⁷⁸ В Эст-

²⁷³ Бронский О. Г. Указ. соч. С. 393–397.

²⁷⁴ Минувшее. 1993. Т. 14. С. 178.

²⁷⁵ Тульские губернаторы. С. 313.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1485.

²⁷⁷ См.: Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны. 44, 45, 53; Gatrell P. *Russia's First World War*. P. 72–77.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 28 (Н. И. Колесник из Харькова 21 декабря 1914 г. – М. Т. Колеснику в Томскую губ.).

ляндской губернии негодовали по поводу немцев, которые якобы «скрыли лошадей от набора»²⁷⁹. Слухи о жульничестве баронов расходились по всей России²⁸⁰. Естественно, обвиняли и евреев. Из Херсонской губернии сообщали, что при реквизиции лошадей комиссия их браковала, а евреи тут же скупали и затем «сдавали их за сумасшедшие деньги в казну»²⁸¹. Положение ухудшалось. «Нынешним летом мобилизовали из нашего уезда скот, который пригнали к Арзамасу, где и морили голодом, подошло 185 штук. Это тыл так работает, – писал один из землевладельцев. – Я уверен, что Россия погибла... Настроение самое скверное у народа, хуже 905 года»²⁸². В январе 1917 г. в Тульской губернии в связи с очередной мобилизацией лошадей недоумевали: что будет с землей, как ее обрабатывать? И поневоле приходили к заключению: «Голод в 1917 г. планомерно подготавливается нашими сановниками»²⁸³.

С другой стороны, у крестьян появились «лишние» деньги, которые, однако, нельзя было в полной мере использовать на расширение производства²⁸⁴. Все это не могло не оказать хозяйственно развращающего действия. Казалось, крестьяне могли пользоваться трудом военнопленных. Увы, поскольку они не могли обеспечить их охрану, власти предпочитали направлять их в помещичьи хозяйства²⁸⁵. Но наибольшее возмущение вызвала введенная в конце 1916 г. продовольственная разверстка, которую, как считали крестьяне, организовали помещики, засевшие в земстве, начальство и ненавистная полиция. И хотя пока власти подвергали насильственным реквизициям хлебных запасов преимущественно помещиков, крестьяне отказывались продавать зерно государству по навязанным им «твердым» ценам. Так, власти приняли решение изъять у сельского населения Оренбургской губернии 12 млн 47 тыс. пудов пшеницы и 6 млн 928 тыс. пудов овса. Однако заготовить удалось всего лишь 3 млн 721 тыс. пудов²⁸⁶. Задания по снабжению гражданского населения были

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1115 (С. А. Бутурлин из Везенберга Эстляндской губернии 31 июля 1914 г. – А. А. Ильину в Петербург).

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1924 (письмо неустановленного автора из Киева от 23 ноября 1914 г. Л. А. Щербине в Москву).

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 92 (И. П. Павленко 22 октября 1915 г. – члену Государственной думы И. Т. Евсееву).

²⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 126 (письмо неустановленного автора из Москвы от 18 января 1917 г. А. Л. Ященко в Петроград).

²⁸³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 20 об. (письмо, подписанное «любящий тебя брат Саша», из Тульской губернии от 2 февраля 1917 г. кн. Д. П. Голицыну-Муравлину в Петроград).

²⁸⁴ Аграрная революция. Т. IV. М., 1928. С. 46.

²⁸⁵ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 452.

²⁸⁶ Сафонов Д. А., Лабузов В. А. Продразверстка 1916–1917 и 1919–1921 годов на Южном Урале: попытка ретроспективного анализа // Труды института крестьяноведения Южного Урала. Вып. 1. Оренбург, 2003. С. 165.

выполнены в январе 1917 г. на 20%, в феврале – на 30%²⁸⁷. Локальное и потому не всегда заметное крестьянское недовольство государством сыграло едва ли не решающую роль в развертывании системного кризиса.

Впрочем, по-крестьянски бунтовали и на предприятиях, расположенных в сельской местности, или в городах, где был наплыв отходников. Особенно отличались солдатки из соседних деревень. В сущности, все «хлебные бунты», «женские волнения» питались здесь недовольством деревни, так или иначе отчуждавшейся от города и его культуры. Весной 1915 г. именно «феминизированный» тип волнений распространился по всей империи. В связи с этим солдаты и казаки (в отличие от полиции) все реже решались применять оружие. Возрастало женское влияние и на сельских сходах. Активно апеллировали женщины-работницы и солдатки к солдатам, рассчитывая на их защиту от властей и особенно от полиции. Деревня вновь обретала «внутреннего врага» – более близкого, чем враг внешний²⁸⁸.

В силу особенностей сельской экономики крестьянину приходилось постоянно думать о будущей хозяйственной ситуации. А она не могла казаться ему благоприятной, несмотря на появление «лишних» денег. В ноябре 1916 г. В. М. Пуришкевичу писали из Иркутска: «Врут те, которые говорят, что благосостояние мужика улучшилось... Деревня беднеет и разоряется. Ведь главное богатство деревни уничтожается: лошади взяты, скот взят; пахать некому и нечем... Мужик продает ныне хлеб в два или три раза дороже, а за гвоздь, за сапоги, за косу должен платить в 10 раз дороже. Помещики, может быть, богатеют, богатеют купцы, разные проходимцы, но народ, народная гуща, несомненно беднеет...»²⁸⁹ В это же время крестьянин М. Новиков из Тульской губернии в письме В. А. Маклакову выражал возмущение в связи со слухами о намерении правительства призвать в армию 52-летних. «В думских кругах царит бодрое настроение..., – отмечал он. – Но в народе нет этого бодрого настроения: ни песни, ни веселого смеха, а уныние, тоска и безысходное горе»²⁹⁰. Конечно, можно допустить, что пером того или иного крестьянина на деле двигала рука какого-нибудь местного левого пропагандиста, однако количество подобных писем, а равно и их географический разброс свидетельствовали о растущем недовольстве деревни.

²⁸⁷ См.: Анфимов А. М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 268; Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 218; Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 288.

²⁸⁸ См.: Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 133; Энгл Б. Указ. соч. С. 162, 165–166, 170; Gatrell P. Russia's First World War. P. 73, 80.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1212.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1134

Из Вологодской губернии сообщали, что, поскольку «твердые» цены на овес для крестьян убыточны, «в будущем году они овса сеять не будут, а запустят поля под траву»²⁹¹. А из Астраханской губернии земский уполномоченный по заготовке хлеба В. Беляев писал «своему» депутату Думы кадету В. А. Виноградову: «Здесь крестьяне начинают тяготиться войной и дороговизной. Очень обижаются на нормальные цены на хлеб, находя их убыточными и несправедливыми... Теперь, благодаря твердым ценам, на рынке пшеницы не стало, и явилась опасность голодовки, если только не прибегнуть к реквизиции»²⁹². Из Киева сообщали: «От того, что творится в деревне, руки опускаются»²⁹³. Даже в относительно благополучной Уфимской губернии опасались сокращения яровых посевов по причине «обезлюдения» деревни²⁹⁴.

В начале 1916 г. в военных кругах уже утвердилось представление, что «после войны возникнет революция или, по меньшей мере, беспорядки»²⁹⁵. Опасения были резонными, факторы, их провоцировавшие, множились. «Здесь в деревнях такую чушь болтают, что стыдно даже писать, – сообщали из Херсонской губернии. – Все слухи рождаются на базарах и с собственными комментариями разносятся по деревням». В частности, осенью 1916 г. муслировался слух, что «будто бы объявлено перемирие на 40 дней»²⁹⁶. Распознать природу этих «вздорных» слухов образованные люди не умели.

В газетах писали: «Война вызвала на сцену и особого рода дельцов, которые, пользуясь легковерием крестьянской массы, открыли поход на ее карманы. Явились ворожеи и предсказатели»²⁹⁷. Но и без них крестьянская нравственность серьезно деформировалась. И. А. Бунин 23 ноября 1916 г. получил из Одессы письмо, в котором говорилось: «Познакомившись с деревней, я пришел в ужас. Наши добрые мужики до такой чудовищной степени испорчены повальным воровством, что не веришь..., до чего можно утратить человеческое достоинство»²⁹⁸. Независимо от степени достоверности подобных свидетельств неуклонное «проседание» культуры деревенской жизни не вызывало сомнений.

На этом фоне развернулось массовое возвращение отрубников в общину. Возвращались даже ее идейные противники из числа пере-

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1176 (И. Попов 20 ноября 1916 г. – Б. Н. Левестаму в Петроград).

²⁹² Там же. Л. 1194.

²⁹³ Там же. Л. 1175 (письмо неустановленного автора на украинском языке от 20 ноября 1916 г. З. Я. Краснукотской).

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1099 (М. Красильников из Уфы 15 ноября 1916 г. – П. П. Румянцеву в Петроград).

²⁹⁵ Толстой И. И. Указ. соч. С. 685.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1174 (ген. И. Г. Эрдели 20 ноября 1916 г. – О. М. Эрдели в Одессу).

²⁹⁷ В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 1. 3 июля. С. 45.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1227.

довых крестьян. Тон задавали женщины. Если накануне революции около трети крестьянских хозяйств были частновладельческими, то через четыре года таковых осталось менее 2 %²⁹⁹. В экстремальной ситуации человек традиционного общества ориентировался на старый коллективный опыт. В таких условиях растущих надежд на помощь «общества» самый факт существования отрубников и хуторян становился мощным раздражающим фактором сельской жизни. Отсюда растущий натиск на этот так и не консолидировавшийся «кулацкий» слой³⁰⁰.

Иной раз крестьянские выступления оказывались довольно масштабными. В мае 1916 г. в ряде сел Енисейской губернии толпы крестьян, доходившие до двух тысяч человек, разгромили лавки торговцев, солдаты, со своей стороны, тоже громили лавки³⁰¹. В селе Нижний Мамон Павловского уезда Воронежской губернии начавшееся 5 мая 1916 г. многотысячное крестьянское выступление продолжалось до 11 мая. Его застрельщиками стали новобранцы, особый гнев вызывали хуторяне, которых после разгрома их хозяйств насильно возвращали в общину. В соседних селах 14–15 мая тоже начались разгромы. Для подавления выступлений прибыл губернатор с двумя эскадронами драгун. В селе Оброчном Краснослободской волости Пензенской губернии толпа из 300 крестьян добивалась отсрочки выдела из общины. Получив отказ, крестьяне разгромили дома выделенцев³⁰².

К этому времени усилился возрастной «раскол» деревни. Начальник Саратовского жандармского управления так характеризовал настроения в крестьянской среде: «Старики, люди спокойные, в большинстве религиозные, по своим убеждениям – монархисты; вторые, люди среднего возраста, участники аграрного движения в 1905 – 1906 гг.; 3-я часть – молодежь, в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов»³⁰³. Из Петроградской губернии в сентябре 1915 г. сообщали: «В нашем уезде деревенская молодежь влагает в свои чапушки такие выражения: “Нам ни Бога, ни царя – никого не надо. Губернаторов убьем и под немца жить пойдем”». Правда, автор письма, адресованного в Думу кадету А. И. Шингареву, надеялся, что «когда... придется защищать свои родные места и жилища, эта

²⁹⁹ *Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution, 1891–1924. London, 1996. P. 363.*

³⁰⁰ *Хитрина Н. Е. Конец столыпинской аграрной реформы (1917 г.) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1999. С. 67–70; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 197, 209, 215.*

³⁰¹ *Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 66, 119.*

³⁰² *Минц И. И. Указ. соч. С. 341.*

³⁰³ *Цит. по: Карнишин В. Ю. Прелюдия Февраля: Влияние Первой мировой войны на массовые настроения провинциального общества // Февральская революция и судьбы демократии в России. Ставрополь, 1997. С. 44–45.*

молодежь заговорит иначе»³⁰⁴. Но далеко не все были настроены столь оптимистично.

Некоторые официальные лица смотрели на ситуацию в деревне с тревогой. В июне 1916 г. тульский губернатор А. Н. Тройницкий обращал внимание МВД на возможность «новой страшной революции», подчеркивая, что крестьянство будет той картой, на которую поставят левые партии. «Я опасаюсь, что возникнет революция, несравненно ужаснее 1905–1906 гг., которую нельзя будет подавить правительству... Если удастся справиться с волнениями среди рабочих, то едва ли это возможно среди сельского населения... Беспорядки коснутся не только помещичьих земель, но и земель крестьянских, купленных ими в собственность, и хуторов... Русский крестьянин жаден до земли, ненасытно жаден и... уже с прошлого года в деревне пошли слухи..., что по окончании войны солдатам будет нарезка земли то в Галиции, то из немецких земель в России, то из казенных земель... Слухи эти шли из армии»³⁰⁵. Возможно, относительно источников слухов губернатор ошибался: солдат определенно не впечатляли закордонные угодья. Но в том, что власть обязана отдать им земли «русских немцев», они не сомневались.

В 1916 г. выявился еще один источник недовольства. Комиссия по военным сухопутным и морским делам исключила из списка лиц, имеющих право на пособия, «внебрачных жен». Как известно, крестьяне-отходники нередко заводили в городе «вторые» семьи. Теперь «незаконные» солдатки с детьми лишались привычных средств к существованию. Последовала эскалация «бабьих бунтов». В начале июня 1916 г. погромами, связанными с дороговизной, был охвачен ряд кубанских станиц, активное участие в беспорядках принимали солдатки – причем вовсе не из бедных. В июле на Дону взбунтовавшиеся жены казаков громили продовольственные лавки и рвали при этом царские портреты³⁰⁶. В 1916 г. только в Сибири было отмечено 14 поджогов богатых односельчан³⁰⁷. В двух случаях погромы были осуществлены солдатками, в одном – под влиянием сельского писаря, выдававшего письма с фронта.

В письмах на фронт женская эмоциональность прорывалась через цензуру. Казачка М. Ф. Дуванова писала находящемуся в германском плену мужу (текст был помещен между двумя склеенными почтовыми карточками): «...Говорят, что после войны, кто сдался без боя, тому полевой суд... Прошу тебя... когда кончится война, так прибери меня туда (в Германию)... У нас Россия почти гола и голодна... хлеба почти нет». К этому было добавлено, что «наш

³⁰⁴ ГА РФ. Оп. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1421 об.

³⁰⁵ Цит. по: Вронский О. Г. Указ. соч. С. 391, 398.

³⁰⁶ Engel B. A. Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia During World War I // *Journal of Modern History*. 1997. Vol. 69. P. 712–716.

³⁰⁷ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 118–121.

Николка» воевать не умеет, «ума нима», из-за него «только люди пропадают»³⁰⁸.

Беды, реальные и мнимые, сливались воедино. Из Тамбова сообщали о бедственном положении солдаток, у которых за уплату недоимок сельские власти изымали самовары. Здесь за них вступились квартирующие по домам нижние чины³⁰⁹. Усиливалось недовольство дороговизной и «домашними мародерами». В конце года возникли волнения, вызванные решением правительства реквизировать хлебные запасы сельских обществ³¹⁰.

Армия по-своему реагировала на события в тылу. В октябре 1916 г. в Гомеле произошло столкновение солдат и матросов с полицией. После его подавления было казнено 11 бунтовщиков³¹¹. В декабре на Северном фронте было расстреляно несколько десятков солдат, отказавшихся идти в наступление³¹². В том и другом случае «нижние чины» вели себя как гражданские лица, выражая недовольство полицией и условиями «труда». В различных регионах обнаруживались свои особые источники недовольства. В северных губерниях прибывавшие на побывку солдаты избивали «учетчиков» – лиц, занимавшихся отбором призывников³¹³.

На протяжении многих лет латентный конфликт между «городской» (чиновничьей, предпринимательской, «барской») и «сельской» (традиционной) культурами так или иначе проявлял себя. В условиях войны социальные стрессы стали придавать ему обращенную – антивоенную и антиправительственную – направленность. Не случайно С. И. Левандовской 24 ноября 1916 г. писали в Киев: «Что теперь творится у престола, чем все это кончится. Настроение в деревне тревожное... жить становится трудно... Все стали революционерами, да иначе и нельзя... Все запрещенное в деревне становится известным»³¹⁴. Никто не сумел бы так настроить народ, кроме самой власти.

Нечто подобное отмечалось и в других воюющих странах. «Крупные города, продовольственное снабжение которых зависело от сельской местности, и сельская местность, сама обеспечивавшая себя продовольствием, относились друг к другу недоверчиво, порой

³⁰⁸ Морозова О. М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2010. С. 139.

³⁰⁹ Шестаков А. В. Указ. соч. С. 107–108.

³¹⁰ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962. С. 354.

³¹¹ Ахун М. И., Петров В. А. Царская армия в годы империалистической войны. М., 1929. С. 100.

³¹² Казаков М. И. Солдатский бунт // Вопросы истории. 1973. № 4. С. 208–209.

³¹³ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере... С. 93, 249–250.

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Д. 1062. Л. 1265.

даже враждебно», – заключает немецкий исследователь³¹⁵. Но стоит отметить существенную разницу: в Германии взаимное недовольство выплеснулось только тогда, когда война была проиграна и, соответственно, разорвались скрепы легитимности, связывавшие различные слои общества. В России «закон» перестал играть сдерживающую роль куда ранее, если только он когда-либо вообще выполнял свою функцию. Ситуация была чревата масштабной смутой.

Возможно, наиболее заметно это сказалось в связи с судьбой «сухого закона». В декабре 1916 г. А. И. Чернецов, участник войны, находившийся на излечении в родовом имении (Орловская губерния), подробно запечатлел в дневнике, как местные крестьяне пытались любым способом добыть водки. 15 декабря они перекололи вилами семью помещиков Шингаревых – по иронии судьбы однофамильцев, а может быть, родственников будущего министра продовольствия Временного правительства. Имение Шингаревых было сожжено пьяными крестьянами, которые впопыхах забыли на пожарище двух своих замерзших товарищей. Репрессии не помогли, поротые крестьяне вновь принялись громить и сжигать усадьбы. 5 января 1917 г. Чернецову пришлось отстреливаться от громил, намеревавшихся «полакомиться» его имением³¹⁶.

В апреле 1916 г. историк М. Богословский записывал в дневнике: «У нас может быть только смена хотя какого-либо теперь существующего порядка – беспорядком, анархией или, лучше сказать, смена меньшего беспорядка большим. Где у нас тот общественный класс, который выносил бы в себе предварительно какой-нибудь новый порядок вроде третьего сословия в 1789 г.? Уж не товарищи ли Иваны?»³¹⁷

Подобными сетованиями общественность словно расписывалась в собственном бессилии. И игнорировать этот феномен историк не вправе.

1.5.5. Пробуждение окраин?

На плакатах начала войны можно увидеть и польского шляхтича, пожимающего руку простому русскому солдату, и стилизованного «хохла», удушающего «немца», и даже российских мусульман и евреев, прогоняющих «турка». Вряд ли это смотрелось убедительно.

Вопреки уверениям о долгожданном единстве народов России, война обострила межэтническую ситуацию. Ее индикатором мож-

³¹⁵ Залевски М. Указ. соч. С. 412.

³¹⁶ Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». М., 2007. С. 134–137.

³¹⁷ Богословский М. М. Указ. соч. С. 176.

но считать повсеместный рост антисемитизма. Новый толчок ему был задан воззванием Верховного главнокомандующего к полякам – их националистичные низы стали готовиться к созданию «своей» этнической государственности. Попытки еврейских общественных деятелей объяснить русским депутатам и общественности клеветнический характер измышлений, возводимых частью польской прессы на евреев, предпринятые уже в августе 1914 г.³¹⁸, не приносили успеха. Общество было настроено поверить в активизацию еще одного «предателя» России. Один солдат 9 августа 1914 г. уверенно сообщал родным в Черниговскую губернию, что «австрийские войска сделали подземный телехвон», а наши «проклятые евреи все передают, как наши войска, где стоят и куда движутся...»³¹⁹. Впрочем, жители Черниговщины из «Нового времени» и местных правых газет могли узнать и о том, что «евреи оказывают много услуг Германии»³²⁰. Очень скоро пронеслись слухи о погромах в Галиции и Царстве Польском³²¹.

По линии «недостатка патриотизма», а то и «предательства» развернулись межэтнические обвинения и в других регионах. Введение 20 июля 1914 г. военного положения в прибалтийских губерниях отнюдь не стабилизировало ситуацию. Имперским властям пришлось сдерживать рост антинемецких настроений среди латышей и эстонцев³²². Но тогда с их стороны последовали огульные обвинения в адрес русских покровителей немцев³²³.

Все «патриоты» требовали ликвидации немецкого землевладения. Однако принятый в феврале 1915 г. закон о его ограничении показался «пронемецким». Думская комиссия по самоуправлению в марте 1916 г. отказалась включить законопроект о земской реформе в Прибалтике в повестку дня, мотивируя это опасением усиления латышского и эстонского влияния и ослаблением в крае «русских государственных начал»³²⁴. Власти терялись, что, соответственно, накаляло обстановку.

В других регионах объектами травли становились немецкие колонисты. Из Саратовской губернии сообщали: «Все крестьяне считают их... (колонистов. – *Авт.*) врагами»³²⁵. Не удивительно, что в

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 1 (письмо неустановленного автора из Петрограда от 26 августа 1914 г. доктору Е. В. Членову в Москву).

³¹⁹ *Сергійчук В.* Погроми в Україні. С. 62.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 91 (письмо Розовскому в Киев).

³²¹ См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 42; Д. 993. Л. 1215; Д. 997. Л. 1617.

³²² См.: *Нелипович С. Г.* Роль военного руководства России в «немецком вопросе» в годы Первой мировой войны // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения. М., 1996. С. 266.

³²³ *Джунковский В. Ф.* Указ. соч. С. 415–416.

³²⁴ См.: Проблемы Великой России. 1916. № 11. С. 8; *Карьяхарм Т.* Совет министров царской России о прибалтийском земстве в 1916 г. // Германия и Прибалтика. Рига, 1988. Вып. 9. С. 50; *Дякин В. С.* Национальный вопрос... С. 327–333.

³²⁵ *Семенова Е. Ю.* Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан... С. 30.

такой атмосфере начинали гулять слухи о том, что в Царстве Польском «у ст. Гродиске колонисты-немцы отвинтили рельсы, желая устроить крушение воинского поезда, вместо которого разбить почтовый (16 жертв)». При этом возмущались, что немцев «не только не вешают, но даже в газетах замалчиваются такие факты»³²⁶. Плоды антинемецкого поветрия сказались и в Закавказье³²⁷, хотя известен случай, когда в Елизаветполе представители азербайджанского населения пытались заступиться за колонистов³²⁸.

Впрочем, в ряде случаев обстановку в прифронтовой полосе накаляли казаки. Так, 8 августа 1914 г. из Здолбуново генерал-губернатору Д. Г. Яновскому сообщали: «В Кременецком уезде... крестьяне громят фольварки. ...Разгромлено уже пять фольварков... Дали начало казаки, забравшие из фольварков Княжин... восемь штук скота и двух кабанов... Крестьяне не только разграбили движимость, но и увезли окна, двери, ворота и пр., чтобы пан не возвратился в фольварк. ...Можно предполагать, что подстрекательство к погромам происходит не без участия наших врагов – австрийцев»³²⁹. В данном случае этнофобия подпитывалась шпиономанией.

Депортации «подозрительного» окраинного населения также усиливали напряженность. Одесский объединенный еврейский комитет выражал недоумение тем, что кадеты в Думе «отнеслись безучастно» к вопросу о незаконных действиях военных властей по выселению еврейского населения из приграничных губерний³³⁰. Во внутренние губернии и в Сибирь отправились также тысячи венгерских, польских, литовских, болгарских семей, проживавших в пограничных областях и в Одесском, Двинском, Минском и Киевском военных округах. поголовно выселялись целые еврейские селения³³¹. Немцев депортировали в Саратовскую, Симбирскую и Уфимскую губернии, а с 16 июля 1915 г. – в Тургайскую область и Енисейскую губернию. Продолжала разрабатываться система мер против германской собственности³³². В оккупированной Турецкой Армении военные власти принялись выселять курдов в пограничную Персию, их имущество расхищалось войсками³³³.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 46 (письмо подполковника Сумарокова из Варшавы от 5 августа 1914 г. Е. С. Сумароковой в Москву).

³²⁷ См.: *Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917). (К 190-летию основания немецких колоний)*. М., 2008. С. 126–127; *Зейналова С. Немецкие колонии в Азербайджане (1819–1941 гг.)*. Баку, 2002. С. 91.

³²⁸ *Дулаева З. О малоизвестном факте из истории Гянджи военных лет // Азербайджан в период Первой мировой войны*. С. 182–184.

³²⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 63.

³³⁰ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2048. Л. 1.

³³¹ *Гольдштейн А. Среди еврейства (1905–1917)*. Пг., 1918. С. 192–193.

³³² См.: *Fleischhauer I. Op. cit.* S. 479–521.

³³³ *Атабекян А. М. Против власти*. М., 2013. С. 16.

На этом фоне старые «сепаратисты» сделались малозаметными. В июле 1915 г. полицейские чины признавали, что «украинское движение не захватывает широких масс и в рабочем классе не отмечается». Тем не менее репрессии против потенциальных «самостийников» не прекращались. Тем временем от крестьян-украинцев последовали доносы на помещиков-поляков и галицийцев, якобы тепло принимавших австрийских солдат и выдававших им русских раненых. Сходная информация стала поступать и от евреев³³⁴. Уже в сентябре 1914 г. евреи стали доносить на «шпионов»-поляков, а поляки на евреев³³⁵. Негативные социальные взаимопредставления поразительно быстро «этнизировались».

Острые этнические проблемы возникли в связи с оккупацией Галиции. В «патриотической» печати писали о задаче «полного национального объединения русского народа»³³⁶. На деле устойчивые симпатии к России сохраняли лишь «москвофильски настроенные» закарпатские русины³³⁷. Что касается поляков, низы которых в массе своей были настроены дружелюбно, то, вероятно, им пришлось пережить разочарование. «Грубость, насилие, выражающееся в рвении плодов с ломанием деревьев, топтании огородов и посевах, и это, заметьте, без всякой нужды, из одного лишь озорства, — так характеризовали поведение солдат одного из далеко не худших полков. — Дисциплины никакой, и, когда мы в походе, нас можно принять за вооруженную банду...»³³⁸. А депортация из Галиции сомнительных в политическом и конфессиональном отношении лиц стала стимулировать невыгодные для империи настроения³³⁹.

На протяжении войны в Финляндии было относительно спокойно: в стране был настоящий экономический бум в связи с увеличением товарооборота с Россией. Правда, «добропорядочные» финны и шведы усердно «стучали» друг на друга (доносы не подтверждались)³⁴⁰, а МВД и контрразведка страшили Петербург сообщениями о немецких шпионах, действующих под прикрытием финляндского гражданства³⁴¹. Со стороны добропорядочных фин-

³³⁴ Булдаков Р. П. Хаос и этнос. С. 41, 105–106.

³³⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 147.

³³⁶ Кораблев В. Червонная Русь // Славянские известия. 1914. № 13. С. 196.

³³⁷ Magocsi P. R. The Shaping of National Identity. Subcarpathian Rus. 1848–1948. Cambridge (Mass.), L., 1978. P. 73, 275.

³³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 57 (письмо неустановленного автора от 2 августа 1914 г. Н. Г. Новожиловой в Москву).

³³⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 46–47.

³⁴⁰ Там же. С. 124. Сообщали о неблагонадежности тех или иных лиц, об уклонениях от тыловых работ, о прогерманских высказываниях, о поставщиках русским солдатам водки и проститутки. См.: НАФ. Venäläisiä sotilasiakirjoja. Korvisto. S. Suomenm. VA: n luettelo 342:2 no 4053, no 13 448; 342:7 no 9119. Л. 4–6, 12, 16, 17, 23, 33, 35.

³⁴¹ См.: НАФ. Venäläisiä sotilasiakirjoja. Korvisto. S. Suomenm. VA: n luettelo 342:7 no 3048. Л. 32, 47, 55, 67–68, 94, 113.

нов и шведов верноподданничество носило как показатель, так и искренний характер, но чаще использовалось для сведения счетов со своими же соплеменниками. Случаи намеренной дезориентации сыска были редкими³⁴². Что касается русских солдат, то они то и дело убегали в самоволку, переодеваясь то в офицерские мундиры, то в гражданское платье. Кроме того, усиливалось дезертирство³⁴³.

В 1916 г. с целью восполнения дефицита рабочей силы российское правительство направило в Финляндию около 3 тысяч голодных полураздетых китайцев. Это, естественно, обернулось ростом преступности. В ноябре 1916 г. была убита вдова с двумя детьми, по приговору российских властей был расстрелян 36-летний китаец. В 1916 г. был убит рабочий, пытавшийся помешать ограблению усадьбы. Подозрение вновь пало на китайца. О порочных склонностях китайцев муслировались самые невероятные слухи. В начале ноября 1917 г. несколько рабочих ворвались в поместье Моммила, ограбили и убили владельца³⁴⁴. Соответственно, усилилось недовольство Россией, поставлявшей в Финляндию «преступников».

При всей умеренности российских мусульман среди них обнаруживались свои радикалы. Так, неизвестный корреспондент 20 июля 1914 г. сообщал из Константинополя М. В. Звереву в Казань об обосновавшемся здесь полулегальном обществе учащих-татар. Некоторые их лидеры (Габдурахман Габдурахимов) задавались вопросом: не следует ли «подражать армянам, которые устраивали бунты, которых правительство резало и жгло, но которые теперь приобрели массу различных льгот и прав?». Похоже, прежняя ситуация казалась до такой степени безнадежной, что теперь возникал и другой вопрос: «не будет ли полезно пропагандировать идею мести к русским среди мусульман подобно тому, как турки теперь стараются разжечь чувство мести к балканцам?»³⁴⁵. На поведении части мусульманских радикальных лидеров могли сказаться и обещания со стороны Турции предоставить им, как и грузинам, статус независимого государства под протекторатом Османской империи³⁴⁶. Возможно, доходили и призывы с турецкой стороны выступить против «врага человечества» – «северного медведя»³⁴⁷.

³⁴² Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 124.

³⁴³ НАФ. Venäläisiä sotilasiikirjoja. Korvisto. S. Suomenm. VA: n luettelo 342:2 no 13 447. Л. 5–7, 18–19, 48–48 об., 624.

³⁴⁴ Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости // Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008. С. 193–195, 212.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 36–36 об.

³⁴⁶ Гасанлы Дж. П. Русская революция и Азербайджан: трудный путь к независимости. 1917–1920. М., 2011. С. 33–34.

³⁴⁷ Расулзаде Мамед Эмин. Сборник произведений и писем. М., 2010. С. 38–39.

Постепенно война привела благонамеренных мусульман к еще большему недоверию к российской власти. 11 февраля 1916 г. К. Б. Тевкелев напомнил депутатам Государственной думы, что в первые месяцы войны в одной из густонаселенных мусульманами губерний был устроен шумный миссионерский съезд, на котором были вынесены резолюции о необходимости борьбы с исламом. Случалось также, что в православной прессе объявляли мусульманскую веру вредной для государства религией, а в госпиталях вместо Корана раздавали Евангелие на татарском языке. В Вятской и Оренбургской губерниях губернаторы воспротивились изданию земствами книг по сельскому хозяйству на татарском языке³⁴⁸. Впрочем, обычно отношение к мусульманам в Центральной России оставалось скорее амбивалентным, нежели однозначно подозрительным.

Светская пропаганда восторгалась «горными орлами» – чеченцами и ингушами, положившими «свой военный инстинкт на службу общей родине – России...»³⁴⁹. Между тем уже в 1914 г. среди христианского населения Кавказа возникли опасения относительно мусульман. Из Бакинской губернии писали: «Здесьнее население находится в страхе от татар, которые грабят его скот, лошадей, хлопков, – словом, все, что можно украсть, а полиция спит»³⁵⁰. Впрочем, в декабре 1914 г. из Тифлиса сообщали, что «мусульманское население лояльно»³⁵¹. Однако в связи с войной с Турцией некоторым казалось, что «муллы и комиссары уже работают»³⁵². Опасались власти и волнений в Чечне³⁵³. Все это сказывалось на межэтнических взаимоотношениях. В январе 1915 г. член Государственной думы М. Ю. Джафаров направил Верховному главнокомандующему записку, в которой сообщал о бесчинствах русских войск в Карской области: мирных мусульман убивали без суда и следствия, женщин и девочек-подростков насиловали. В результате мусульманское население вынуждено было спасаться бегством, а взрослым мужчинам приходилось брать в руки оружие³⁵⁴.

В сентябре 1915 г. новый кавказский наместник великий князь Николай Николаевич обещал проведение в будущем некоторых реформ и позволил издание ряда мусульманских газет. В одной из них

³⁴⁸ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты, Сессия четвертая. Пг., 1916. Ч. 2. Стб. 1407–1408.

³⁴⁹ Аргус. 1914. № 20. С. 27.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1444 (письмо неустановленного автора от 10 сентября 1914 г. Г. С. Данчеву в Херсонскую губ.).

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2011 (письмо неустановленного автора из Тифлиса от 8 декабря 1914 г. В. В. Соколову в Киев).

³⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2169 (письмо из Тифлиса, подписанное «твой Коля» от 29 декабря 1914 г. М. И. Розенбергу в Одессу).

³⁵³ Алиева С. Первая мировая война: Тюрко-исламская общность Кавказа и Кавказский фронт // Труды Института истории НАН Азербайджана. Баку, 2014. № 48, 49, 50. С. 210.

³⁵⁴ Мусульманские депутаты Государственной думы России... С. 253–255.

будущий лидер партии «Мусават» М. Э. Расулзаде выразил надежду, что «обновленная Россия не откажет проживающим под ее милосердным крылышком народам в естественной свободе, обеспечивающей будущую культурную жизнь». Но некоторые радикальные мусульманские лидеры видели будущее своей родины в единении с Турцией. В Нахичевани действовала организация «Муджахид», насчитывающая 60 членов, которые занимались соответствующей пропагандой и сбором средств в пользу Турции³⁵⁵. Точно так же, с оглядкой на зарубежных «доброжелателей», вели себя некоторые лидеры прочих либеральных нерусских партий.

Война требовала новых солдат и рабочей силы. Военное министерство готовилось представить в Думу проект указа о привлечении к воинской повинности «некоторых частей населения», ранее освобожденных от нее. В начале августа 1916 г. из Закавказья уже докладывали, что призыв мусульман для работы на фронте вызвал брожение в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, а также в Эриванской губернии. Мусульмане Елизаветпольской губернии грозили эмигрировать в Персию или скрыться в горы, то есть прекратить в абреков. Отказ от явки на призывные пункты они мотивировали угрозой материального разорения и опасениями, что их женщины подвергнутся насилию армян. Опасались и невозможности отправлять в армии религиозные обряды. Ситуация усложнилась в связи с наплывом беженцев-армян (до 500 тысяч человек) из Турции, спасавшихся от резни³⁵⁶. «Я видел их страдания, я слышал их стоны, а трупы, трупы..., — вспоминал очевидец. — Сотни тысяч армян были разорены, разгромлены, вырезаны. Преступная рука власти вооружила человека-зверя...»³⁵⁷. Не удивительно, что продовольственная ситуация в крае «этнизировалась» и вместе с тем обострилась до предела. Формирование армянских добровольческих отрядов также сказалось на армяно-азербайджанских и армяно-грузинских отношениях³⁵⁸. Вместе с тем армяне с беспокойством отмечали «подозрительные шушуканья» между «вожаками персидских шаек и местными беками». Они считали, что мусульмане, освобожденные от воинской повинности, везде хозяйничают. Им казалось, что администрация их «балует» — то ли из боязни, то ли «будучи подкупленной»³⁵⁹.

Окраинные либералы, как и их коллеги в центре страны, полагали, что ситуацию можно исправить с помощью органов местного са-

³⁵⁵ Цит. по: Багирова И. Пробуждение национально-освободительного движения в Азербайджане в годы Первой мировой войны // Труды Института истории НАН Азербайджана. Баку, 2014. № 48, 49, 50. С. 11.

³⁵⁶ Подробнее см.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 65–67.

³⁵⁷ Атабекян А. М. Указ. соч. С. 146.

³⁵⁸ Новикова И. Н. Указ. соч. С. 66, 105–106.

³⁵⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 3 (письмо на армянском языке Акопянца из Ванка от 18 января 1917 г. Семянцу в Тифлис).

моуправления. В марте 1916 г. на собрании земских деятелей было заявлено: «Правительство больше не в состоянии сдерживать на Кавказе стремление к общественной работе. Знайте, что на Кавказе нет правых, а есть лишь умеренно левые и крайне левые. И весь Кавказ не просит, а требует...»³⁶⁰.

Дальнейший рост нестабильности на Северном Кавказе был спровоцирован сверху: попытка направить горцев на тыловые работы обернулась вооруженными выступлениями в кабардинских, чеченских и ингушских селах. Последовали карательные действия и безуспешные попытки разоружения кавказцев³⁶¹. Летом 1916 г. с оружием в руках выступили 4 тысячи горцев из села Аксай Хасавюртовского округа и от всех аулов Карангайского пристава³⁶². Повсеместно усиливалось абречество.

В феврале 1916 г. в Баку произошли крупные беспорядки, начавшиеся с «бабьего бунта» на базаре. Было разграблено 116 продовольственных лавок и около 70 промтоварных магазинов, лавок и складов. Когда на усмирение разъяренных женщин были вызваны казаки, против них выступили солдаты-новобранцы. Три дня на улицах Баку шли настоящие бои, в результате которых было убито и ранено 64 человека. Городу был нанесен почти трехмиллионный ущерб³⁶³.

Военные бедствия постоянно умножали источники недовольства. Конфликты принимали многомерный характер. Растущее недовольство низов фокусировалось на власти. «Сначала травил евреев, потом стали травить немцев, теперь стали травить купцов...», — так комментировали происходящее в провинции³⁶⁴.

Наиболее трагичным результатом мобилизационной политики стали события в Средней Азии и Казахстане. Здесь уже в начале войны ожидали беспорядков. Из Скобелева в сентябре 1914 г. сообщали: «Почти наверное можно сказать, что в Туркестане ходят немецкие шпионы, возбуждающие мусульман против России». Правда, шпиономания сочеталась с признанием, что «наша администрация беззастенчиво грабит туземное население»³⁶⁵. Впрочем, в декабре 1914 г. отмечалось, что «мусульмане охотно жертвуют на нужды войны России, и здесь, в Азии, собрали между сартами

³⁶⁰ Цит. по: *Судацов Н. Д.* Земское и городское самоуправление России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь, 2001. С. 67.

³⁶¹ История народов Северного Кавказа (конец XVII в. — 1917 г.). М., 1988. С. 560.

³⁶² *Суханова Н. И.* Утверждение большевизма на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны // Гражданская война в России (1917–1922 гг.): Взгляд сквозь десятилетия. Самара, 2009. С. 387.

³⁶³ *Дулаева З., Мамедов М.* Указ. соч. С. 54–55.

³⁶⁴ *Добронравов Л.* Провинциальные очерки // Современный мир. 1916. № 11. С. 68.

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1468 (письмо «Е. К.» из Скобелева от 19 сентября 1914 г. С. Н. Князеву в Петроград).

несколько сот тысяч руб.»³⁶⁶. Но другим европейцам казалось, что «сарты тоже следят за войной и уже в Голодной степи их немного перестреляли (взбунтовались)»³⁶⁷. Местным чиновникам приходилось «ходить с револьверами». Возникла обычная для того времени тревожная неопределенность, которая могла обернуться неожиданной развязкой. Не удивительно, что, когда в начале июля 1916 г., в разгар полевых работ, во время мусульманского поста был обнародован указ о мобилизации туземного населения в возрасте от 19 до 43 лет, «инородцы» взбунтовались. Они решили, что им предстоит заняться рытьем окопов под прицелом неприятеля. Заговорили и о том, что русские намерены таким образом истребить коренное население, а освободившиеся земли отдать переселенцам³⁶⁸. Продовольственная ситуация в крае была такова, что семьи «тыловиков» были обречены на голод уже в текущем году.

В результате начавшихся в Средней Азии и Казахстане бунтов первыми пострадали статистики – их стали убивать. Восстание, начавшееся в Ходженте 4 июля 1916 г., 10 августа перекинулось в Семиреченскую область. Значительная часть киргизов (казахов) Семиречья, узнав о мобилизации, решила откочевать за кордон. На пути их следования в Китай оказались русские селения, которые были разорены³⁶⁹.

После подавления основных очагов восстания мобилизация продолжилась, несмотря на предупреждения об опасности скопления мобилизованных туземцев в городских центрах³⁷⁰ и все уговоры их либеральных представителей. Один из ходатаев сообщал, что соплеменники из Иргиза «сошли с ума», а более благоразумные «актюбинские, кустанайские, уральские, туркестанские... киргизы уже давно покорились и работают в тылу нашей дорогой армии», уверял, что бунтовщиков «расстреляют, разорят, и они навеки запятнают киргизов позором». Сам он, не добившись основательной поддержки ни у Родзянко, ни у кадетов, ни у трудовиков, ни в мусульманской фракции Думы, отправился добровольцем на фронт³⁷¹. После этих событий мусульманская фракция Думы сблизилась с

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2075 (П. Чуркин из Кизил-Тепе 15 декабря 1914 г. – В. В. Чуркину в Копенгаген).

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 74 (письмо неустановленного автора из Ходжента от 8 августа 1914 г. А. Н. Жемчужникову в Петербург).

³⁶⁸ Бахтурина А. Ю. Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 306.

³⁶⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 189–190.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 969 (врачебный инспектор А. И. Родзевич из Семипалатинска 8 ноября 1916 г. – В. Г. Кондоли в Петроград).

³⁷¹ Там же. Л. 907 (письмо за подписью «Жанса Сай» из Москвы от 3 ноября 1916 г. Хан-Назару Бекмураину в Иргиз Тургайской обл.).

трудовиками³⁷². В результате мобилизаций в крае с сентября 1916 г. по март 1917 г. на запад было отправлено лишь 123 305 рабочих-тыловиков. Военные признали, что от них мало проку: многие не умели работать лопатой и топором; для них требовалась особая пища, муллы, переводчики³⁷³.

Между тем уже в начале войны казахи и киргизы Пржевальского и Пишпекского уездов направили добровольцев на фронт. В феврале 1916 г. А. Букейханов, А. Байтурсунов и Н. Бегымбетов добивались в Петрограде, чтобы киргиз направляли на службу в армию «в конном строю»³⁷⁴. Патриотические усилия туземных элит не были востребованы. В результате разразившийся бунт пришлось подавлять А. Н. Куропаткину, некогда участвовавшему в завоевании Средней Азии. Помимо «суровой казни главарей» он предложил отобрать у коренного населения все земли, «где была пролита русская кровь». Впрочем, генерал был против излишних жестокостей, чего нельзя сказать о его подчиненных: согласно предписанию губернатора Семиреченской области, мужское население Атекинской и Сарыбагышской волостей подлежало поголовному уничтожению³⁷⁵. Куропаткиным русские жители были недовольны. «Какая гадость – предать военному суду русских крестьян, поймавших главаря, – такие мнения звучали в частных письмах. – Теперь всем известно, что Куропаткин освободил всех сартов и киргиз, приговоренных судом к смертной казни... Это за тысячи русских, лишившихся родного крова и изувеченных на всю жизнь...». И даже здесь искали «немецкий след». Говорили, что «один только немец приговорен (фамилия его Шмидт) в Скобелеве к бессрочной каторге»³⁷⁶.

Последствия восстания были ужасны: по официальным данным, было убито 2 325, без вести пропало 1 384 европейца (в основном женщины); разоренными оказались почти 10 тысяч хозяйств, из них сожжено 2 315. Случаи обоюдной жестокости поражают. В Пржевальском уезде было убито до 2 000 переселенцев-мужчин, уведено в плен около 1 тысячи человек, преимущественно женщин. Со своей стороны, казачий хорунжий фон Берг уничтожил 900 повстанцев, станичный атаман Бедерев возглавил самосуд над 90 беззащитными узбекскими купцами и членами их семей. У Шамсинского перевала отрядом казаков было расстреляно 1,5 тысячи киргизов, в основном женщин, стариков, детей. Опасаясь репрессий, до 300 тысяч казахов и киргизов бежали в Китай. К октябрю

³⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1069 (депутат Государственной думы И. А. Ахтямов 13 ноября 1916 г. – Гаязу Исакову в Москву).

³⁷³ См.: Ковалев П. А. Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент, 1957.

³⁷⁴ ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1189. Л. 22.

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 764. Л. 13 об.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 903 (А. Нестеров из Самарканда 3 ноября 1916 г. – М. А. Замысловской в Петроград).

1916 г. сопротивление мятежников было сломлено. Потери русских войск составили убитыми 3 офицера и 184 нижних чина³⁷⁷. Некоторые исследователи считают, что погибло свыше 100 тысяч казахов и киргизов³⁷⁸. Говорили, что часть восставших кишлаков сравнивали с землей, поголовно вырезая всех жителей. Впрочем, известны случаи, когда представители европейской администрации заступались за киргизов, пресекая мародерства и бесчинства войск³⁷⁹. Но такие случаи, по-видимому, были редкостью. Сумма убытков от восстания в Джизакском уезде составляла около 2 млн рублей, в Семиречье – 10 млн³⁸⁰. Психологические последствия восстания были куда более весомыми.

Европейское население было озлоблено на мятежников. Так, из Самарканда сообщали о ходе военного суда «над мятежниками-сартами из с. Заамин Джизакского уезда», которыми «были произведены особенные зверства, как-то: сжигание детей живьем, облитых керосином, и пр.». Из 152 обвиняемых 49 бунтовщиков было приговорено к повешению, 41 человек оправдан, двое приговорены к бессрочной, остальные к 12-летней каторге. Защитника, члена Думы «младотатарина» Ахтямова, напомнившего, что действия карательного отряда Иванова были осуждены депутатами, публика прерывала, называя «мерзавцем» и «негодяем», продавшимся за 30 сребреников³⁸¹.

В Сибири реквизированные инородцы (буряты, якуты, хакасы, алтайцы) вели себя относительно лояльно, но постоянно сбегали с предприятий, к которым были приписаны. После Февральской революции среди них также начались беспорядки³⁸².

Война привела к обострению ситуации даже в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве. Распространились слухи, что русские армии терпят поражение, упал авторитет «белого царя». В связи с этим в начале сентября 1916 г., в разгар волнений в Туркестане, царское правительство и либеральная общественность России старательно обхаживали эмира бухарского Саид-Мир Алим-хана, имевшего чин генерал-лейтенанта русской армии. 2 сентября эмир посетил Ставку, где пожертвовал на нужды русской армии 1 млн рублей³⁸³.

³⁷⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос С. 132–134.

³⁷⁸ Каптелер А. Россия – многонациональная империя. М., 1997. С. 260.

³⁷⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 133–134.

³⁸⁰ ЦГА РУ. Ф. И-1. Оп. 31. Д. 1214. Л. 10.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 14 (А. Нестеров из Самарканда 2 февраля 1917 г. – М. А. Замысловской в Петроград).

³⁸² Шилковский М. В. Реквизиции «инородцев» Сибири на тыловые работы в 1916 г. // Первая мировая война и национальный вопрос. С. 119–120.

³⁸³ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 58. До революции эмир бухарский на личные средства оборудовал лазарет в Ялте и пожертвовал 100 тыс. руб. на нужды Красного Креста, 100 тыс. в пользу семей призванных запасных и 1 млн – для распределения на нужды военного времени по высочайшему усмотрению. См.: Арапова Д. Ю. Указ. соч. С. 42.

В Хиве в ходе обострившегося конфликта между оседлыми узбеками и кочевниками-туркменами пострадало русское население. К апрелю 1916 г. особая карательная экспедиция подавила беспорядки; коренному населению предстояло выплачивать контрибуцию и возмещать ущерб жителям³⁸⁴. Но полностью стабилизировать ситуацию так и не удалось. Последствия сказались позднее.

Нестабильность окраин была связана не только с так называемым национальным вопросом. Из Бакинской губернии сообщали, что на Волге существует монополия Нобеля, который работает на Германию, информировали о забастовке на Нобелевских промыслах и в Каспийском товариществе. Здесь рабочие протестовали против увольнений и требовали, чтобы удаляли с производства немцев. Естественно, и Нобеля заподозрили, что он работает на них³⁸⁵. Империя буквально раздиралась взаимной подозрительностью.

Несмотря на многообразие и растущую масштабность социальных конфликтов 1914–1916 гг., в обычных условиях империя вполне могла бы их «переварить». Но теперь это становилось почти невозможным. Отчаянные надежды на войну как на последнее средство «освобождения» уступили место просто отчаянию. В такой ситуации любая резкая подвижка во власти могла быть воспринята как шанс на спасение.

То, что в России называется политикой, в сущности, является сгустком эмоций, которые пребывают в спячке до того момента, пока не зашатается «всевидающая» власть. И вот тогда активизируются «неведомые» силы, готовые опрокинуть все устои прежнего порядка. Увы, образованное общество готово увидеть теперь в них собственное спасение – больше ему надеяться не на что, иного выхода оно вообразить не может.

Другой – историографический – парадокс связан с тем, что со временем высоколобые обществоведы кинутся изыскивать альтернативы неизбежному финалу, поднимая на щит жертв российского хаоса. Эмоции вновь переселят способность к бесстрастному анализу былых событий, начнется очередной поиск «врагов России». Занятие окажется безнадежным, ибо извечный и главный враг всякого людского сообщества один – его собственное недомыслие.

³⁸⁴ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 135–136.

³⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 165 (письмо, подписанное «Васька», из Черного города Бакинской губернии от 23 января 1917 г. В. К. Соколову в Одессу).

Глава 6

ПОЛИТИКА ИЛИ АГОНИЯ ВЛАСТНОГО НАЧАЛА?

1.6.1. Партии, общественность и правительство

О деятельности политических партий написаны горы литературы. Правда, в них трудно отыскать указание на главный фактор военной действительности – растущую несовместимость их с властью, позиционирующей себя в качестве самодержавной. Причем это касается *всех* партий, включая правых. В ходе войны вся российская партийно-политическая система вольно или невольно стала работать против существующего режима. Происходило это вопреки субъективным намерениям большинства партийных лидеров, искренне рассчитывающих на достижение национального единства перед лицом врага. При этом наиболее деструктивную роль сыграли вовсе не левые, а партии центра и отчасти правые. Сама власть провоцировала людей далеких от революции на самоубийственный образ действий.

3 августа 1914 г. известный философ, в прошлом кадет С. Н. Булгаков восторженно писал о настроениях начала войны: «Куда делась вся интеллигентская и партийная мерзость, распря, вражда!» Сам он сначала «метался и искал себя применить к войне». И в этом он был «как все»¹.

Действительно, политики – кто со страхом, кто с надеждой, но все одинаково эгоистично – надеялись, что война приведет к желанным для них изменениям в общественном строе России. На первый план выдвинулся вопрос о власти.

Накануне войны правые выступали с критикой официального внешнеполитического курса, который толкал Россию к опасному конфликту с Германией. В связи с этим правые старались сдерживать активизацию действий на Балканах, опасаясь, что они втянут империю в масштабный конфликт. Позднее лидер Союза русского народа (СРН) Н. Е. Марков (Марков 2-й) так объяснял их позицию: «Бросаться в войну, не подготовившись к победе, лишь для того,

¹ Взыскующие града. С. 585.

чтобы не сомневались в благородстве наших чувств, было прости-тельно Дон-Кихоту, но ведь Дон-Кихоты потому и вывелись, что слишком часто пытались защитить угнетенных, не справляясь со своими действительными возможностями...»². Впрочем, этот пассаж появился скорее в порядке самооправдания. На деле правые пребывали в состоянии неуверенности и страхов.

Соответственно этому развертывалась критика либералов. Правые полагали, что их неославистские установки втянут Россию в войну, результаты которой обернутся против власти. Часть правых осуждала В. М. Пуришкевича «за братание с одесскими жидами»³ и за рукопожатие с Милюковым»⁴. В известном смысле недовольство и опасения правых были резонными. Но и сами они демон-стрировали повышенную «вертлявость».

Известный публицист К. Н. Пасхалов в статье «С Англией или Германией?» предупреждал, что результаты союза с Великобританией ослабят геополитические позиции России, ибо ее политика всегда была нацелена на достижение всемирного владычества за счет использования тех или иных союзников. Что касается французов, то они, по мнению Пасхалова, с помощью России рассчитывали спасти собственную шкуру⁵. С началом войны Пасхалов, похоже, впал в отчаяние. Он писал Д. А. Хомякову 31 октября 1914 г.: «Все эти общеземские и городские организации суть не что иное, как бастионы, воздвигаемые для будущей неизбежной борьбы “общества”, т.е. прохвостов, стремящихся к расхищению власти, с нашим глупым и близоруким правительством...». Он уверял, что «все анти-правительственные волки превратились в патриотических ягнят» лишь для того, чтобы со временем предьявить правительству «аптекарские счета» за свой патриотизм⁶.

Начало войны заставило правых – лояльных по призванию – спешно поменять риторику. Германия превратилась в «исконного» врага. В их высказываниях появились бодряческие ноты. Член Русского собрания писатель кн. Голицын-Муравлин 8 августа 1914 г. писал брату: «Мы скоро двинемся вперед, и тогда через месяц мы в Берлине, и война кончена...»⁷.

Патриотический «оптимизм» не стал, однако, панацеей от застаре-лой паранойи. Пресса, иронизируя, писала, что сам Вильгельм был бы доволен, прочитав любой номер «Русского знамени», ибо смог бы узнать, что «Россия на краю гибели от легиона крамоль-

² Марков Н. Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 171.

³ Стало широко известно, что Пуришкевич, встретив в Одессе патриотическую еврейскую манифестацию, поцеловал Тору. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2217.

⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 993. Л. 1283.

⁵ Пасхалов К. Н. Русский вопрос. М., 2009. С. 589, 591.

⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1744.

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1196.

ников», возглавляемых инородцами: «даже Милюков и Пуришкевич – изменники отечеству!»⁸. 9 августа 1914 г. некий «печальник России» из Москвы писал Пуришкевичу: «Прежде чем воевать идти, надо было сначала... взорвать и расстрелять всю эту сволочь – левую печать». Он утверждал, что «в японскую войну нас победили не японцы, а наши газеты»⁹. «Война никак не подействовала на правых, не вызвала с их стороны никаких жертв, никаких переоценок, никаких усилий мысли»¹⁰, – писал Н. А. Бердяев. Увы, не только правые, но и левые в России руководствовались не столько «усилиями мысли», сколько эмоциями – все более вздорными.

В связи с объявлением войны черносотенцы на местах оживились. В селах Томской губернии открывались отделения СРН, «союзники» собирали патриотическую литературу для солдат. Правда, масштабы их деятельности выглядели скромно на фоне деятельности либералов. В связи с нехваткой средств в январе 1915 г. прекратила существование монархическая газета «Сибирская правда»¹¹.

Некоторые правые принялись «делить шкуру неубитого медведя» – «округлять» границы России. О необходимости усиления коренной Руси в «племенном, экономическом и стратегическом отношении» путем присоединения Галиции, Северной Буковины и Угорской Руси, а также «выпрямлении границы в Восточной Пруссии», освобождении всех славян и объединении всех польских территорий под скипетром России, говорилось и в записке (ноябрь 1914 г.) И. Г. Щегловитова, М. А. Таубе и Н. А. Маклакова¹². Но при этом высказывались опасения, что в войне, ведущейся преимущественно русскими силами, «победа достанется англичанам»¹³. Со своей стороны, А. А. Римский-Корсаков «подсказывал» правительству: «Необходимо использовать все силы союзников, не упуская из виду, что гнет Англии в итоге так же недопустим, как и немецкий»¹⁴. Председатель фракции правых в Думе С. В. Левашев направил в МИД запрос: насколько добросовестно Британия выполняет свой союзнический долг¹⁵.

Более дальновидные представители правых о «коварном Альбионе» умалчивали. Зато В. М. Пуришкевич пророчествовал о том,

⁸ Синий журнал. 1914. № 33. 4 сентября. С. 16.

⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 65–65 об.

¹⁰ Бердяев Н. А. Правые и единство России // Бердяев Н. А. Футуризм на войне. Публицистика времен Первой мировой войны. М., 2004. С. 188.

¹¹ См.: Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 1. С. 353. 355–356, 359–360, 362–363.

¹² Дякин В. С. Национальный вопрос... С. 406.

¹³ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 23.

¹⁴ Программа Союза русского народа перед Февральской революцией // Красный архив. 1927. Т. 1 (20). С. 243.

¹⁵ См.: Арсеньев К. На темы дня // Вестник Европы. 1915. № 2. С. 346.

что грядущий мир будет лишь «коротким перемирием, лихорадочным собиранием новых сил для борьбы за священные заветы тех народов, которые борются сейчас между собой...». В видах грядущего передела мира он учредил Общество русской государственной карты, призванное «нарисовать русскому народу будущую карту России и обосновать исторически, географически и этнографически ее возможные границы...». Привычная умозрительность оборачивалась теперь империалистическими грезами. По мнению Пуришкевича, необходимо было добиться, «чтобы народ был осведомлен об истинных задачах воинствующего империализма тевтонов и об истинных исторических своих задачах, дабы в момент мира он не продешевил, не проиграл, не продал за чечевичную похлебку свои права тем союзникам, которые сейчас с нами в дружбе, а потом будут требовать каждый для себя побольше»¹⁶. Пуришкевич вовсе не был столь одиозен, как могло показаться. Примечательно, что в ходе дискуссий ему пришлось одергивать некоторых профессорско-славянофилов, совершенно не считавшихся с международными реалиями¹⁷. Как и их коллеги на Западе, российские «кабинетные ученые», подключившись к «большой политике», спешили внести свой вклад в коллективное «сумасшествие Европы».

По традиции правые продолжали обличать «прогрессивных “разбойников пера”, мошенников мысли», во главе которых стоит архи-дурак Милюков, открывший “травлю немца”...». Оказывалось, что благодаря им «русская интеллигенция вовлекалась во всякие революционные бессмыслицы, загоняя Русь не в прогресс, а в реакцию». Однако автор надеялся на грядущий переворот: «Близок час, когда русский народ пошлет к черту всю эту прогрессивную гадость»¹⁸.

К 1915 г. во взглядах на войну правые разошлись. Дубровинский союз русского народа склонялся к сепаратному миру с Германией (в связи с этим название его печатного органа – «Русское знамя» некоторые остряки переименовывали в «Прусское знамя»); марковский СРН упорно отстаивал лозунг «войны до победы» (но при этом недоверчиво косился на Антанту); возглавляемый В. М. Пуришкевичем РНСМА занял просоюзническую ориентацию. Несомненно, раскол в стане правых воспринимался общественностью как деградация монархической идеи.

Постепенно правые теряли сторонников. «Когда я пригляделся к русской жизни, к внутренней физиономии “истинно-русских” патриотов, националистов – я перестал быть юдофобом (а был та-

¹⁶ Пуришкевич В. М. Что хочет Вильгельм II от России и Англии в великой битве народов. Пг., 1916. С. 8, 70.

¹⁷ Пуришкевич В. М. Дневник // Последние дни Распутина. М., 2005. С. 51–52.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 41 (письмо, подписанное «Иванов», из Петрограда от 5 января 1915 г. П. П. Дунаеву в Москву).

ковым)», – писал Вячеслав Родзевич из Тифлиса 18 июня 1915 г. Г. В. Родзевичу в Калужскую губернию. Этот «поворот» совершился под впечатлением всевозможных злоупотреблений (творимых отнюдь не немцами и не евреями). Слева на правых реагировали еще более жестко. «Нам, рабочим, да и всем, у кого еще не заглохло сердце к свободе, нужно приготовиться встретить черную сотню достойно ее деяниям», – писал неуставленный автор из Одессы в декабре 1915 г.¹⁹

Правые надеялись, что остроту аграрного вопроса удастся смягчить за счет земель немецких колонистов, а отечественные предприниматели воспрянут, избавившись от конкурентов-немцев. Это, в свою очередь, приведет к подъему патриотических чувств²⁰. По мысли депутата III Думы историка А. С. Вязигина, потерявшие трудоспособность воины должны быть сполна и в первую очередь обеспечены землей, отобранной у немецких колонистов. В противном случае, предупреждал он, «вся ненависть будет направлена на помещиков»²¹.

Хотя правые предлагали вытеснить из общественно-экономической жизни только германских и австро-венгерских *подданных*, в народе их лозунги воспринимались как призыв к борьбе с *русскими немцами*. Предостережения о том, что борьба с немецким землевладением может обернуться борьбой с собственностью как таковой, доходили до немногих. Между тем массы были готовы к тотальному переделу земли под антинемецким флагом. «По всему нашему уезду распространяются самые нелепые слухи относительно всех средних и крупных землевладельцев..., будто они симпатизируют немцам, продали им свой хлеб и иные припасы с тою надеждою, что, когда немцы нас заберут, можно будет восстановить крепостное право», – писал Голицыну-Муравлину его брат из Тульской губернии²².

Тем временем неугомонный Пуришкевич старался воздействовать на местные власти. Ставропольский губернатор Б. Янушкевич в начале января 1915 г. жаловался, что по его наущению на губернию «было сделано в 1914 г. три набега ревизоров», которые предъявили удивительные претензии: почему губернатор «не пропагандирует земство», то есть эту «хулиганскую шайку»²³. В патерналистской системе российского типа всякое «излишнее» усердие порождало недоумение. С такой психологией рассчитывать на тотальную мобилизацию народных сил не приходилось.

Правые поддерживали также борьбу с протестантизмом и различными сектами, считая их проводниками германской идеоло-

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 92; Д. 1009. Л. 92.

²⁰ Соболев И. Г. Борьба с «немецким засильем» в России в году Первой мировой войны. СПб., 2004. С. 7–8.

²¹ Кирьянов Ю. И. Русское собрание 1900–1917. М., 2003. С. 126.

²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2013.

²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 40.

гии. «У всех этих хищных германцев, – резюмировал их позицию Н. Е. Марков на XI съезде Объединенного дворянства (1915 г.), – надо вырвать зубы, надо отнять у них возможность пожирать русское достояние. И не следует заботиться вопросом: справедливо это или не справедливо». При этом он подчеркивал, что война идет не с «Австро-Германией», а с «Иудо-Германией»²⁴. Современники отмечали его стремление придать своим выступлениям «отвратительный характер базарной ругани в третьестепенном кабаке»²⁵. И эта ругань звучала тем громче, чем менее устойчивым было положение власти.

Существующая дороговизна связывалась правыми со злоупотреблениями, спекуляцией и сокрытием товаров, в чем, естественно, обвинялись евреи. Недобрым словом вспоминали также С. Ю. Витте и В. Н. Коковцова, якобы нарушивших финансовую стабильность. Для исправления положения предлагался запрет на выдачу банками ссуд свыше 50 % стоимости товаров (для предотвращения торговли предметами первой необходимости под видом заклада). Следовало также запретить представлять на общих собраниях акционеров какие-либо акции, кроме собственных (чтобы избежать захвата банками промышленных предприятий). Естественно, правые домогались конфискации всех акций, так или иначе контролируемых немцами, и установления Госбанком «благожелательного» кредита для производителей и потребителей предметов жизненной необходимости. Среди прочих популистских мер значились учреждение государством торгово-промышленных и сельскохозяйственных банков, способных конкурировать с коммерческими банками. Помимо этого правые настаивали на упорядочении деятельности Земгора по скупке и поставке предметов жизненной необходимости; установлении правительственных такс на эти предметы; учреждении предельной нормы торгово-промышленной прибыли; установлении уголовной ответственности для лиц, виновных в злонамеренном их сокрытии. В общем, все шло к госмонополии на предметы первой необходимости²⁶. Правым было в пору соперничать с социалистами.

Вместе с тем правых все больше возмущала непоследовательность власти. «Посмотрите, как власть презренно себя держит, – писал Н. А. Маклаков осенью 1915 г. Н. Ф. Бурдукову. – Ни туда, ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум; созывают Думу и распускают; берут на себя устройство судьбы беженцев, учреждая даже новую должность директора департамента, и передают вслед за сим все

²⁴ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2001. Т. 3. С. 528.

²⁵ Шидловский С. И. Воспоминания. Ч. 1. Берлин, 1923. С. 210.

²⁶ См.: Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 492–493.

это дело земскому и городскому союзу; борются против программы “желтого блока” и в то же время разрешают соединенный общеземский и общегородской съезд... Правительство и по сей день стоит в испуге разина рот перед скоморохами новой революции... Бедная Россия, у которой императорское правительство ведет себя как школьники, незнающие букваря и боящиеся строгого учителя. И учитель их – улица... Что за стыд»²⁷. Правительство пыталось, как могло, стабилизировать ситуацию, а правые раскачивали ее, призывая «проявить твердость». Отсюда целая серия «медвежьих услуг» обожаемому самодержавию.

Консервативные силы не сразу сообразили, что истеричная германофобия несет в себе антидинастический компонент. «Помог» Пуришкевич, в своей ноябрьской думской речи ополчившийся на «немецкую партию», обосновавшуюся не только в российских банках, но и возле царского трона²⁸. «Пуришкевич увидел, что петухом нельзя больше кричать, заревел белугой о всеобщем потопе, “гибели старых богов” и о необходимости завести новых», – так комментировал произошедшее некий Соколов из Петрограда в письме «Его превосходительству» С. А. Соколову в Одессу. Пуришкевичу «надо бы пасть в ноги Чхенкели, Некрасову, Милюкову», язвил он²⁹. «Речь Пуришкевича произвела страшный фурор, аплодировали члены Государственного совета»³⁰, – так отзывались некоторые петроградские обыватели. Правым был нанесен удар изнутри. Стерпеть это было трудно. Выступая в Думе 22 ноября 1916 г., Марков 2-й публично обещал «высечь» Пуришкевича, а, сходя с трибуны, пригрозил кулаком Родзянко и произнес: «Болван, негодяй, мерзавец»³¹.

Это походило на агонию всей правой политики. Депутат Думы А. Аносов писал В. И. Аносову в Москву: «Марков желал создать небывалый скандал в Думе, думая, что укрепит тем самым власть, от которой получает, как говорят... 140 000 руб. на издание курской газеты»³². Другой депутат, Н. Рудич (священник, умеренно правый), сообщал в Винницу: «Марков своей руганью нанес удар не Родзянке, а правым...»³³. Так в действительности и было.

Тем не менее в целом правые одобряли скорее Маркова, нежели Пуришкевича. Из Кубанской области 23 ноября 1916 г. последнему писали: «...Вы поддерживаете врагов самодержавия... Почему же вы думаете, что Милюков, Шингарев, Керенский, Аджемов будут

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1482–1482 об.

²⁸ См.: Булдаков В. П. «Немецкий вопрос»... С. 42–44.

²⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 112.

³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1178 (В. П. Носович из Петрограда 20 ноября 1916 г. – П. П. Башилову в Уфу).

³¹ По другой версии он заявил ему: «Вы старый негодяй и мерзавец». См.: Иванов А. И. Первая мировая война в русской литературе 1914–1918 гг. Тамбов, 2005. С. 352.

³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1303.

³³ Там же. Л. 1340.

лучше Протопопова?.. Ваша речь ведет Россию к гибели и русский народ вам этого не забудет»³⁴. Впрочем, некоторые реагировали на речь Пуришкевича здраво: он вовсе не полевел, он остался монархистом, «но не подхалимского, а чистого и честного типа»³⁵. Так или иначе, демарши правых лишь помогали дестабилизировать ситуацию. Как заметил Н. А. Бердяев, они довели «политическую рознь до разъяренности», без конца «проклинали и обличали» и дошли до готовности истребить не только «отступников», но и «большую часть России, русского общества и народа»³⁶.

Характерно, что Пуришкевич не был наказан как участник убийства Распутина. Правительству приходилось считаться не только с правой, но и с «левой» общественностью. Николай II не случайно отказался от предложения Н. Н. Тихановича-Савицкого «уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты – это гнезда революционной пропаганды и объединения...»³⁷. Но балансировать между ненавидевшими друг друга силами власть не могла.

По сути дела, происходило саморазрушение правого лагеря, что казалось симптоматичным. К. Н. Пасхалов 25 ноября 1916 г. писал С. В. Левашеву: «Никогда меня не поражало такое отчаяние, такое тяжелое чувство, что все погибло, какое я испытал, прочтя о прискорбной выходке Н. Е. Маркова... Слово, которым он заклеил Родзянко, послужило к вящей славе этого интригана... Что же нам делать... Ничего не придумаешь, никакого исхода – тревога, ужас, отчаяние. Прощай, русская Россия»³⁸. Однако ощущали свою беспомощность не только лидеры правых.

Тактика либералов в годы войны может показаться верхом политической премудрости, не находящей себе, увы, достойного применения. Их, как и всех политиков, внутренне лихорадило. Громкогласно заявив 26 июля 1914 г. о поддержке правительства, кадеты засомневались уже через месяц: с одной стороны, «нельзя будет уклоняться от вскрытия прорех», с другой – «демонстрация расхождения между властью и народом была бы очень неудобна»³⁹. С начала войны до Февральской революции кадетский официоз опубликовал 671 статью по военной тематике⁴⁰. Однако это была довольно разноречивая и противоречивая продукция.

³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1240.

³⁵ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 513.

³⁶ Бердяев Н. А. Правые и единство России. С. 189.

³⁷ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. 1911–1917 гг. М., 1998. С. 546.

³⁸ Там же. Л. 1275.

³⁹ Цит. по: Белогурова Т. А. Указ. соч. С. 44.

⁴⁰ Чертищев А. В. Политические партии России и массовое политическое сознание действующей русской армии в годы Первой мировой войны (июль 1914 – март 1918 гг.). М., 2006. С. 205.

Война смешала устоявшиеся, казалось бы, партийные установки. Большая часть интеллигенции потеряла ориентацию. Писали, что «поцелуй Пуришкевича и Милюкова» воспринимался как «психоз и хаос», создающий «почву для различных «смятений» духа»⁴¹. Некоторых провинциальных кадетов заносило вправо. В декабре 1914 г. некий П. Безобразов писал из Екатеринослава в Петроград о том, что у них «поднялся самый зверский национализм», а «кадета Александрова по его высказываниям можно принять за сотрудника «Земщины»»⁴². От левых можно было услышать другое. «Когда Пуришкевич и Милюков обменивались рукопожатиями..., я понял, что действительность сильнее нас, что она разумна, что наши настроения, а подчас и филигранные убеждения – лишь флирт с модой», – писал Б. Н. Звонарев из Петрограда 24 сентября 1914 г. известному литератору В. А. Анзиминову в Москву⁴³. Это было похоже на признание в грехе умозрительности и доктринерства.

Порой дело доходило до конфуза. Так, в Москве, в университете Шанявского приват-доцент кадет Б. П. Вышеславцев «разругал в пух и прах немцев и немецкую культуру, экономический материализм и его представителей». Сообщали, что его лекция «состояла из одной сплошной грубой брани, однако «сопровождалась она громовыми аплодисментами». Запротестовала лишь часть слушателей, после чего декан А. А. Кизеветтер (тоже кадет) обещал сделать лектору внушение. Между тем в лекции Вышеславцева «не нашли ничего предосудительного даже некоторые эсеры и эсдеки»⁴⁴.

Не удавалось либералам достигнуть согласия даже по «славянскому вопросу». П. Н. Милюков не терял надежды на выступление Болгарии на стороне Антанты, что вызвало недовольство у большинства кадетов⁴⁵. В то время как кн. Е. Н. Трубецкой уверял, что Россия борется «за освобождение всех народов вообще, ... за права национальностей вообще»⁴⁶, П. Н. Милюков заявлял, что «требование открытого моря – это не... империализм, а завершение старого нашего незавершенного органического процесса»⁴⁷. Война вызвала смятение либеральных умов и на Западе. Но нигде не было такого разброса мнений относительно нравственной оправданности войны и ее целей. Одни либералы считали, что Россия борет-

⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 49 (письмо, подписанное «Борис», из Харькова от 19 октября 1914 г. П. К. Лятковскому в Киев).

⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 1054.

⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 86.

⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 64 (Н. Л. Янчевский из Москвы 26 ноября 1914 г. – А. Я. Янчевской в Иркутск).

⁴⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 20 (Павел Долгоруков из Москвы 31 июля 1914 г. – Петру Долгорукову в Кролевец Черниговской губ.).

⁴⁶ Трубецкой Е. Н., кн. Война и мировая задача России. М., 1915. С. 9–10.

⁴⁷ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1917 гг. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 313.

ся за торжество права против произвола, другие выдвигали гегемонистские цели. Милюков утверждал, что «мы воюем для того, чтобы обеспечить права малых народностей, чтобы покончить с господством сильного над слабым»⁴⁸, однако А. С. Изгоев надеялся, что в результате победоносной войны Россия введет «славянство и все десятки остальных своих народов в основное русло европейской культуры»⁴⁹.

Вместе с тем кадеты сознавали, что война чревата революцией. Еще накануне войны прозвучали опасения, что от военных трудностей в выигрыше окажутся крайние левые, «которые первыми утопят к.-д.-тов, а затем и меньшевиков»⁵⁰. Накал страстей усиливался благодаря всеобщей убежденности в скоротечности войны. В ноябре 1914 г. А. М. Коллюбакин заявил о том, что революционный взрыв реален, и поэтому на «разумные общественные слои» должна лечь обязанность принять меры к его предотвращению. (Сам он вскоре отправился на фронт армейским штабс-капитаном, что, разумеется, было использовано в пропагандистских целях)⁵¹. Однако П. Б. Струве считал возможность революционного взрыва маловероятной⁵². Впрочем, этот «независимый» либеральный деятель превратился в одиозную фигуру. «Настроение Струве – дико, – писал И. Ильин в конце сентября 1914 г. – Какая-то ошалевшая мужчина!» И добавлял, что «неврастенически затрясшиеся руки Струве» следовало бы заменить чем-то «более спокойным и духовно бодрым»⁵³. В обществе иронизировали: если раньше интеллигенты ходили в народ, то теперь Струве предлагает им «хождение в участок»⁵⁴.

Казалось, особенности российской политической культуры одарили либералов даром предчувствия, отняв у них взамен способность к действию. Отсюда привычка «прятать голову в песок», заметив тень угрозы. В целом кадеты опасались, что их «сметет революционная волна»⁵⁵. Однако П. Н. Милюков в возможность повторения ситуации 1905 г. не хотел верить.

В августе 1914 г. в либеральной среде возникла идея издания народной газеты⁵⁶. На средства кн. Шаховского в 1914 г. в Москве не-

⁴⁸ Речь. 1914. 2 декабря.

⁴⁹ Изгоев С. На перевале. Перед спуском // Русская мысль. 1914. № 8–9. С. 161.

⁵⁰ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914 гг. М., 1997. Т. 2. С. 283.

⁵¹ В обществе этот поступок вызвал неоднозначную оценку. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 40; Д. 1004. Л. 71.

⁵² ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32. Л. 62.

⁵³ Ильин И. А. Собрание сочинений. С. 82–83.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 150 (Петрушевский из Петрограда 18 января 1915 г. – Е. С. Петрушевской в Москву).

⁵⁵ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 435.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 87 (Огановский из Москвы 23 августа 1914 г. – Я. Л. Сакнеру в Петроград в редакцию «Северных записок»).

которое время издавалась газета «Защита», имевшая около тысячи подписчиков. Левые кадеты предлагали превратить ее в народное издание. Возражали их правые коллеги: Струве считал, что в существующих условиях такая газета – «химера»⁵⁷. Действительно, денег не хватало. Фактически ЦК отказал газете в материальной поддержке, и вскоре «Защита» прекратила свое существование.

Попытки либералов привлечь рабочих и крестьян не давали результата. Кадетская программа по рабочему вопросу предусматривала организацию примирительных камер, профсоюзов и кооперативов, бирж труда и института фабрично-заводских старост. Важнейшим каналом либерального воздействия должны были стать рабочие группы при ЦВПК и местных военно-промышленных комитетах. По мнению Шаховского, они открыли бы путь к созданию «всероссийского рабочего центра», с которым либералы смогут «войти в отношения и вообще поставить определенные задачи». Но вряд ли это было возможно: кадетское руководство не имело необходимой связи с местными организациями. Позднее, на VI съезде партии в феврале 1916 г., представители регионов обратили внимание на то, что их «недоработки» в организационной сфере во многом обусловлены неопределенностью политической линии кадетского руководства. Взяв курс на «священное единение» с правительством, оно при этом забыло как о постановке насущных программных вопросов (аграрного и рабочего), так и о необходимости упрочения связей партии с массовым демократическим движением. Так, делегат из Саратова А. А. Никонов заявил, что «волею судеб после 1906 г. кадеты оказались оторванными от широких масс, оставаясь “демократами без демократии”», а такое положение «не может не отражаться и на психологии». Киевский делегат Н. П. Василенко подчеркнул, что «наша партия не растет, а уменьшается, хотя и есть элементы, которые могли бы к нам примкнуть». По его мнению, «мы не умеем к ним подойти, и это, по-видимому, даже мало нас озабочивает»⁵⁸. Сам по себе интеллигентский характер партии ограничивал ее организационные возможности в общероссийском масштабе.

В марте 1916 г. часть кадетов левого толка во главе с кн. Д. И. Шаховским и правые социалисты Н. В. Чайковский и С. Н. Прокопович пытались воссоздать Всероссийский крестьянский союз. Но тут же выявились принципиальные различия в подходе к решению этой задачи. Чайковский надеялся на «мелкие кооперативные организации», Прокопович, напротив, рассчитывал на привлечение «третьего» элемента земств и предлагал опереться на деятельность Московского общества сельского хозяйства⁵⁹. Результаты этой иници-

⁵⁷ Чертищев А. В. Указ. соч. С. 204.

⁵⁸ См.: Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 271, 282–283.

⁵⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л. 1927. С. 97, 98.

циативы оказались практически незаметны. Массы по-прежнему отвергали «барские» организации.

Вместе с тем кадетам удалось внедриться в продовольственные и кооперативные организации. В 1915 г. в стране функционировало 35 тысяч кооперативных организаций различного типа, объединивших в своих рядах более 12 млн человек. Один только Московский союз потребительских обществ к июлю 1915 г. объединял 1 390 обществ. Была создана разветвленная сеть потребительских союзов в областных, губернских и уездных городах. В конце 1915 г. в Москве кадеты во главе с Шаховским возглавили потребительское общество «Кооперация»⁶⁰. Под влиянием кадетов находились журналы «Кооперативная жизнь» и «Вестник кооперации». Руководящая роль принадлежала кадетам в Обществе помощи жертвам войны и Обществе помощи полякам – жертвам войны, а также в Самарском обществе «Самопомощь».

Тем не менее подозрительное отношение к либералам усиливалось. Говорили даже, что «Милюков узурпировал дело русской свободы»⁶¹. «В Думе – в этой гробнице кадетско-октябристской подлости – идет гнусное “шушуканье” с правительством», – так со слов социал-демократа Чхенкели характеризовали ситуацию наблюдатели⁶². Тем не менее Милюков упорно твердил, что нельзя как в прошлом идти «за стихийной волной революции», напротив, следует «опровергать поведение с.-д.»⁶³.

На заседаниях кадетского ЦК 31 марта 1916 г. вновь развернулась дискуссия. П. Н. Милюков находил в стране вместо «готовых к революции сил» лишь «протрацию и разочарование в широких слоях населения», А. И. Шингарев расценивал настроение масс как «бессильно революционное», а Н. В. Некрасов – как «пассивно революционное»⁶⁴. Согласия не было. Л. А. Велихов писал 11 мая 1916 г. Б. А. Велихову в Елец: «Здесь, в Петрограде, Бог знает что делается... Во фракции – неразбериха и сумятица ввиду отсутствия Милюкова и Шингарева... Левые кадеты хотят срывать блок (Прогрессивный блок. – Авт.) и объединяться с крайними левыми...»⁶⁵.

Заниматься замером уровня российской революционности (как и оппозиционности) – занятие бесполезное. Он зависит не столько от количества недовольных властью, сколько от внутреннего состояния самой власти. Иного в авторитарной системе ожидать не приходится.

⁶⁰ Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 155.

⁶¹ Кольшко И. И. Указ. соч. С. 194.

⁶² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 96 (С. К. Тарабукин из Тюмени 15 августа 1915 г. – А. И. Аласину в Харьков).

⁶³ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1915 – 1920 гг. М., 1998. Т. 3. С. 43.

⁶⁴ Там же. С. 268, 270, 276.

⁶⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 117.

Кадетами возмущались многие из тех, кому, казалось, надлежало их поддерживать. «Кадетское собрание пользуется нашими поражениями, чтобы добиваться осуществления своей программы – парламентаризма, и это при Думе, где 22 партии и никакого определенного устойчивого большинства! – писал историк М. М. Богословский. – В душе эти господа, вероятно, рады нашим неудачам... Немцы им выходят лучшими союзниками. Лицемеры»⁶⁶.

Но появлялись у кадетов и новые поклонники. 2 сентября 1915 г. к Милюкову обратился Сергей Горностаев из Киева. Этот бедный «дворянин-демократ» в прошлом был членом Союза русского народа, собирався даже убить Милюкова, но, поступив в университет, пришел к выводу, что лидер кадетов «защищает правое дело». Он «понял ничтожество, страшное ничтожество союзников (членов Союза русского народа. – *Авт.*), возненавидел бюрократию и весь наш исторический строй», но не перестал при этом ненавидеть евреев – «оплот существующего строя». «Отрекитесь от них – и вы лишите существующий строй всех его основ», – заклинал он Милюкова. После войны «многие – я первый – бросятся на штурм существующего строя, но это будет борьба против еврейского засилья»⁶⁷. Подобных людей с «кашей в голове» становилось все больше.

Внутри самого кадетского ЦК усиливались трения, из его состава в 1915 г. вышел «поправевший» П. Б. Струве, а «левый» Н. В. Некрасов то и дело устраивал демарши против мильюковской политической линии. В некоторых региональных организациях также нарастали противоречия между правыми и левыми каде́тами. 5 февраля 1916 г. некоторые либералы отмечали, что «склонность кадетства к социал-демократическим стремлениям может даже расколоть партию»⁶⁸. На деле кадетское руководство скорее избегало заигрывания с социалистами. Как бы то ни было, круг либеральных политиков, способных адекватно воспринимать реалии, сужался подобно шагреновой коже.

Тем временем «Союз 17 октября» оказался на грани полной дезорганизации. 1 июля 1915 г. прекратилось издание центрального органа партии – газеты «Голос Москвы». Вскоре заглохла деятельность ЦК и региональных отделов. Оставшиеся в ряде мест небольшие группки октябристов переключились на работу ВЗС, ВСГ и ВПК. Характерно, что руководство ВЗС и ВСГ скептически относилось к излишне торопливым шагам по привлечению рабочих к сотрудничеству с ВПК. 7 сентября 1915 г. Г. Е. Львов и М. В. Челноков категорически отказали группе рабочих (около 70 человек) присутствовать на заседании пленарного съезда ВЗС и ВСГ даже

⁶⁶ Богословский М. М. Указ. соч. С. 68.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 20–20 об.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 20 (И. Каменский из Петрограда 5 февраля 1916 г. – А. Н. Ильину в Пермь).

с правом совещательного голоса. В ответ рабочие осудили поведение руководителей союзов земств и городов и потребовали созыва Учредительного собрания⁶⁹. Получалось, что «барские замашки» правых либералов мешали реализации их собственных политических установок.

Со своей стороны А. И. Гучков предпочитал воздействовать на общественность не по партийным каналам, а добиваться популярности, рекламируя свою собственную работу по помощи фронту. «Роль политического мусорщика сулила Гучкову блага не менее пышные, чем роль политического гастронома Милюкова..., – писал ядовитый журналист Колышко. Именно Гучков взялся наиболее яростно отстаивать идею «национального единства»⁷⁰. Отмечали, однако, что по отношению к несогласным внутри партии он вел себя с «изумительной наглостью». Когда на партийном собрании один из старых октябристов не согласился с предложенной им резолюцией, Гучков «указал на него публице перстом и гаркнул: “Это вы губите нашу армию!” Старика едва не хватил удар. Резолюцию приняли единогласно»⁷¹. Не удивительно, что слева Гучкова именovali «обер-клоуном октябристской партии»⁷².

На фоне развала октябристов партия прогрессистов выглядела организованной и мобильной. Прогрессисты намеренно сконцентрировались на работе в Думе и Государственном совете. Ее представители вошли в состав правительственных совещаний. Кроме того, прогрессисты активно участвовали в работе ВЗС и ВСГ, ВПК, Земгора и других общественных организаций. По мере провалов власти прогрессисты настраивались все более критично по отношению к правительству.

Все либералы тешили себя при этом надеждой, что после окончания войны они смогут мирным путем добиться политических уступок. Но в обществе звучали и иные суждения. В сентябре 1915 г. некий С. Розанов писал из Петрограда С. Д. Левитскому в Москву: «Для России опасность не вне, а внутри: верхи никуда не годятся, сами уступать свое место... не желают; сделать переворот вверху – некому; наша Дума для этого очень слаба, про Государственный совет и говорить нечего... Думаю, что вообще-то переворот обязательно будет, но, как обычно у нас, не тогда, когда нужно... Будет, по-видимому, когда войска вернутся домой»⁷³. Так и случилось, «дар предвидения» – на деле побочный продукт перманентной болязливости – вполне сработал.

⁶⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 52.

⁷⁰ Колышко И. И. Указ. соч. С. 196.

⁷¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1412 (проф. А. Соболевский из Москвы 9 сентября 1915 г. – И. А. Иванову в Тверь).

⁷² Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886–1920. М., 2006. С. 122.

⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032. Л. 1500.

Создание в Думе Прогрессивного блока как будто усилило позиции либералов. Блок, включавший представителей 6 партий (кадеты, октябристы, прогрессисты, центр, земцы-октябристы, прогрессивные националисты), обладал стойким большинством, составляя 2/3 всей Думы. Строго говоря, правительство могло пойти на соглашение с ним без ущерба для монархического принципа. Однако ненависть к либералам делала власть подозрительной и несговорчивой. Тем временем взаимное недоверие среди оппозиционных политиков не ослабевало. Характерно, что лидеры прогрессивного блока упорно игнорировали мусульманскую фракцию Думы. Мусульманских же лидеров раздражало, что в программе блока упоминаются только поляки и евреи⁷⁴.

С другой стороны, массовое сознание оказалось во власти неупорядоченного потока информации. Знаменитая ноябрьская речь Милюкова взвинтила эмоции. Депутат Думы от Владимирской губернии А. А. Эрн писал 18 ноября 1916 г. на родину: «...Октябристы всему делу помеха. И сейчас большая неуверенность, устоят ли они... Кулуары полны слухов, что на Милюкова совершено покушение... Третьего дня мне пришлось быть на одном собрании, где выступали прогрессисты, с.-д. и с.-р. И, Господи, что за грызня – кадеты прямо враги отечества. Милюков, вставший на пьедестал, вскарабкаться на который им не под силу, не дает им спать»⁷⁵. Амбиции партийных лидеров лишь накаляли политическую атмосферу, отнюдь не приводя к конструктивной консолидации общественности. «Читал речи Милюкова и Шульгина, – писал иркутский журналист. – В этих речах как бы воплотился ужас современной русской жизни»⁷⁶. В армии реакция также была характерной. «...Наши монархисты получили из-под полы глупую, мальчишескую речь Милюкова и носятся с нею, как кот с салом! – писал генерал А. Е. Снесарев. – Подумаешь, невидаль какая! Я стал читать, да и дочитать не мог: такая дребедень...»⁷⁷.

Как бы то ни было, разъединяя интеллектуально, кадеты одновременно создавали эмоциональную ауру всеобщего недовольства. В. А. Маклаков, считавшийся правым кадетом, через день после Милюкова заявил с трибуны Думы: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна»⁷⁸. Но решить, кто именно возьмет верх, ни та, ни другая сторона не могли.

Уже в мае 1916 г. со стороны кадетов зазвучали пессимистические прогнозы. «Очень уж тошно становится сейчас... Стоим перед чем-то,

⁷⁴ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сб. док-в. и мат-ов. Уфа, 1998. С. 261.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1138.

⁷⁶ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 282.

⁷⁷ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 517.

⁷⁸ Цит. по: Политическая история России. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1. С. 529.

и сами не знаем перед чем..., – писал депутат Думы от Уфимской губернии Г. В. Гутоп в Москву. 11 ноября 1916 г. он сообщал в Бугульму: «...Как мы правы в своей оценке марионеток, решающих судьбы России, и как страшно их дальнейшее пребывание у власти...»⁷⁹. Перспектива развития страны, по его мнению, лежала в неполитическом измерении: «С одной стороны – бойня, с другой – бюрократическое болото, с третьей – масса бесформенная, инертная, с четвертой – ее будущие вожди – политиканы, знающие только свои личные выгоды... Главное же несчастье не в убожестве руководителей, а в печальных качествах самой массы и тех условиях, в которых она находится, ставших еще невыносимее благодаря войне»⁸⁰.

В сущности, по высказываниям Гутоба, адвоката по профессии, можно составить хронику нарастания упаднических настроений среди либералов. «Мы тут жаримся в собственном соку, лишь изливаясь в бесплодных речах, чувствуя, что стоим перед глухой стеною, пробить которую не могут никакие слова, а тяжелой артиллерии в нашем распоряжении нет», – писал он. Ему казалось, что «до истинной политической жизни мы еще не доразвились»⁸¹. Первого ноября 1916 г. Г. В. Гутоп сообщал, что в Думе «толкут воду в ступе» и «мы напрасно только сотрясаем воздух своими воплями»⁸². Со стороны ситуация казалась и вовсе абсурдной. В начале декабря 1916 г. генерал А. Е. Снесарев, ознакомившись с содержанием газет, «почувствовал, что обалдел». По его мнению, люди, «имеющие несчастье питаться этим бумажным навозом», просто не могли не «одуреть и очуметь» до последней степени⁸³.

Между тем оппозиционное значение либералов определялось не только их политической позицией в Думе. В Государственном совете прогрессивные группы составляли пусть зыбкое, но все же большинство (89 членов против 80 членов правой группы). Конечно, в своей оппозиционности и они не шли дальше разговоров, но и этого было достаточно, чтобы власть все больше ощущала себя в изоляции⁸⁴. Собственно, в этом и состояла основная «заслуга» либералов в деле крушения монархии. Им предстояло сделать свое «критиканское» дело и уйти. 16 февраля 1917 г. Г. Гутоп сообщал в Уфу: «Здесь в общем черт знает что такое... Ничего не делается... Все забились в тупик и ждут, как-то судьба нас развяжет... Эх, пропадем мы все ни за грош, ни за денежку. Нет людей, да и все»⁸⁵.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1025.

⁸⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 170–170 об.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1201; Д. 1065. Л. 1515.

⁸² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1209.

⁸³ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 519.

⁸⁴ Мичурин А. Н. Установление списка активных членов Прогрессивного блока в Государственном совете накануне Февральской революции // Политическая история России первой четверти XX в. СПб., 2006. С. 171–176.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 64.

Однако создавалось впечатление, что для власти все эти политические коллизии уже не имели никакого значения. Правительственные верхи словно замкнулись в себе. Современникам казалось, что все их интересы ограничивались Петроградом и Царским Селом. «Существовали интриги дворцовые, интриги межведомственные, и других интересов не было, — отмечал губернатор В. А. Друцкой-Соколинский в декабре 1916 г. — ...Правительственной власти в строгом смысле слова не существовало. Имелась кучка министров, людей, чувствовавших себя калифами на час...»⁸⁶.

В правых кругах усиливался разброд, нарастало уныние. В январе 1917 г. в их среде говорили, что общество «За Россию» превратилось в общество «За Германию», а в Москве «германофильская агитация соединилась с агитацией против особы Государя, который якобы устал и хочет уступить свою власть супруге»⁸⁷. По давней привычке правые продолжали демонизировать либералов, одновременно признавая в своем бессилии перед ними. 10 февраля 1917 г. П. Веселов из Москвы сообщал В. А. Демидову в Н. Новгород: «Удушливые жидо-немецкие газеты совершенно одурманили русские головы. Ведь дело дошло до того, что московское дворянство, всегда стоявшее на высоте сознания политического момента и патриотического долга, вдруг в своей резолюции присоединилось к желтому блоку. ...Передовое сословие добровольно лезет в жидо-немецкую пасть в лице Милюкова и Гучкова..., представляющих из себя полную копию изменников и предателей Смутного времени...»⁸⁸. Н. Н. Тиханович-Савицкий писал 18 января 1917 г. из Астрахани Г. Г. Замысловскому в Петроград, что «через два месяца, все одно, премьером будет Милюков»⁸⁹. Он почти угадал, но события развивались быстрее. В любом случае тогдашние дурные страхи подталкивали еще более дурные события.

На протяжении десятилетий большевики небезуспешно доказывали, что им удалось перевести «стихийный» революционный процесс в организованную борьбу против «антинародной» власти. На деле перед Февралем их просто не было заметно. Довольно сомнительно выглядели и их социалистические оппоненты. Война обнаружила слабость организационного влияния тех и других на массы, не говоря уже о крайней идейно-политической разобщенности.

Казалось, российские социалисты встретят начало войны единым антивоенным фронтом — для этого имелись теоретические ос-

⁸⁶ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 193–194.

⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 125 (В. Никольский из Москвы 18 января 1917 г. — Н. Н. Беклемишеву в Петроград).

⁸⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 36 (П. Веселов из Москвы 10 февраля 1917 г. — В. А. Демидову в Н. Новгород).

⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 119.

нования. Так, Г. В. Плеханов еще в 1904 г., горячо осуждая русско-японскую войну, утверждал, что поражение царизма в ней было наименьшим злом⁹⁰. В августе 1907 г. Штутгартский конгресс Интернационала постановил, что социалисты обязаны не только добиваться прекращения начавшейся войны, но и использовать вызванный ею кризис для «крушения класса капиталистов». Этот курс был подтвержден на Копенгагском (1910 г.) и Базельском (1912 г.) конгрессах II Интернационала. На деле в 1914 г. Интернационал буквально развалился под напором «патриотических» эмоций.

Уже в августе 1914 г. в Россию сообщали, что «австрийские с. д. потеряли сразу голову», а «влияние старого Адлера ничтожно»⁹¹. Подобные явления не укладывались в сознании российских социалистов. Некий «Е. Б.» из Петрограда 20 октября 1914 г. писал Ульянову в Фонтенэ-о-Роз: «Силуюсь я понять позицию германских с. д., но не удастся. Они говорят, что война против России – война против русской реакции. Ну хорошо, а Франция, а Бельгия – как?»⁹² Утрата авторитета извне была серьезным ударом по российским поклонникам К. Маркса.

В людской психике произошло нечто неожиданное для социалистических теоретиков. Народы связали свои надежды на будущее с победой в войне. В Департаменте полиции считали, что «широкие массы рабочего класса в искреннем и единодушном стремлении дать отпор дерзкому врагу явили собою образцы высокого патриотизма и сознания своих гражданских обязанностей...»⁹³. Социалистические «генералы» остались без армии.

Меньшевистская фракция Думы состояла в 1914 г. из 6 депутатов. Их руководителем был Н. С. Чхеидзе. По своему возрастному и образовательному уровню меньшевистская фракция заметно превосходила большевистскую. К тому же ситуацию во фракции большевиков усугубило то, что в мае 1914 г. неожиданно скрылся за границу ее руководитель и член ЦК партии Р. Малиновский. Пятеро оставшихся депутатов решительно осудили его уход; вслед за тем распространились слухи о его связи с полицией⁹⁴. Но настоящий психологический шок у российских социалистов вызвало сообще-

⁹⁰ Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. М.-Л., 1926. С. 99–100.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 21 (П. А. Бронштейн из Одессы 3 сентября 1914 г. – Л. И. Гамбург в Москву).

⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 43.

⁹³ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. Московского Охранного Отделения. Нью-Йорк, 1990. С. 231.

⁹⁴ Р. Малиновский с 1910 г. был платным агентом полиции. Опасаясь его разоблачения и крупного скандала в Думе, руководство МВД потребовало его немедленного отъезда за границу. Его провокаторство было бесспорно установлено после Февральской революции 1917 г. В конце 1918 г. Малиновский был расстрелян в Москве. См.: Розенталь И. С. Провокатор Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996.

ние о голосовании германских социал-демократов в рейхстаге за военные кредиты.

На 26 июля правительство назначило чрезвычайную сессию IV Государственной думы, на которой лидеры фракций должны были выступить с изложением своих позиций по отношению к войне. Пятеро большевистских депутатов Думы (все рабочие с начальным образованием), возглавляемые Г. И. Петровским, решили выступить совместно с меньшевиками. Ничего иного за слабостью собственных сил им не оставалось⁹⁵.

Декларация РСДРП от 26 июля включала следующие положения: начавшаяся война несет страшные бедствия для народов; рабочие России «по ряду обстоятельств» не смогли поддержать накануне войны антивоенный протест западноевропейских товарищей; ответственность за войну несут правящие круги всех воюющих стран. При этом пролетариат как защитник свободы и интересов трудящихся «будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили»; со временем война раскроет глаза народам Европы на истинный источник насилия над ними; условия будущего мира будут продиктованы не дипломатами, а самими народами⁹⁶. Делался вывод, что не может быть единения с властью народа, который поработен и бесправен, в условиях, когда рабочая и крестьянская печать задушена, рабочие организации разгромлены, а тюрьмы переполнены⁹⁷.

Вопреки этой стандартной риторике российские социалисты в массе своей пребывали в недоумении. «Почему же идет эта толпа, предназначенная для пушечного мяса? Пассивные элементы толпы идут вследствие привычки подчиняться, малосознательности и полной разобщенности этой толпы; активные элементы идут частью от невозможности бороться, частью потому, что империалистические аппетиты германских правящих классов начинают угрожать существованию демократии, как в Германии, так и повсюду. Как относиться к войне? — задавались вопросом в Екатеринославе. — Очень много “марксистов”, преимущественно из “правдивистов” решили бойкотировать войну... Правда, кампания эта им не удалась... Мы стоим перед фактом стихийно развивающихся событий»⁹⁸. В сущности, в рамках этих недоуменных вопросов, обостренных эмоциональным шоком, и разворачивались споры среди российских социал-демократов.

⁹⁵ Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1954. С. 345.

⁹⁶ Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 21–22.

⁹⁷ Полный текст Декларации РСДРП. См.: Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 г. М., 1996. С. 350–351.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 48–49 (письмо неустановленного автора из Екатеринослава от 5 августа 1914 г. Л. Н. Дилевской в Москву).

В целом преобладало «империалистическое» представление о целях войны. «Вы сражаетесь за своих промышленников, боящихся германской промышленности и воображаете, что защищаете славян против германцев, — писал 18 августа 1914 г. бундовец Г. М. Эрлих из Цюриха Л. П. Кочетковой в Москву. — Никогда еще так ясно не вырисовывались экономические причины войны, как ныне»⁹⁹. Но даже такие «догадки» не помогли выбрать адекватную линию поведения.

Большевики привыкли руководствоваться представлениями, которые вкладывал в их умы Ленин. Однако на сей раз лидер партии оперативно донести их до приверженцев не смог. Поэтому написанный им манифест «Война и российская социал-демократия», опубликованный в газете «Социал-демократ», а затем переправленный в Россию, стал известен с запозданием. А 1 сентября Г. И. Петровский рассылал членам партии письма, в которых заявлял, что задачи русских социалистов — «не примыкать к той или иной коалиции буржуазных государств..., а вести политику социалистического патриотизма, придерживаясь основных положений международного социалистического конгресса». В ожидании лучших времен рабочим рекомендовалось укреплять и расширять свои организации, «изыскивая меры к заключению мира»¹⁰⁰. Слова о том, что «пролетарии не имеют отечества», было страшно произнести.

Тем не менее в России высказывались мысли вполне изоморфные ленинским. «В горниле этой войны... отечество, без сомнения, будет решительно сброшено со счетов социализма: чудовищные бедствия, воздвигнутые властным меньшинством во имя этого призрака, отрезвят, наконец, демократию... — писали из Н. Новгорода в ноябре 1914 г. — ...Социализм уже предвидит грядущий конфликт интернационализма с отечеством...»¹⁰¹. Близко к ленинским формулировкам подошел и Е. А. Преображенский, будущий автор «Азбуки коммунизма». В марте 1916 г. в легальной печати (правда, под псевдонимом) этот ссыльный писал, что «единственным виновником современной войны является капиталистический способ производства», поэтому предстоит встать на «путь социализации мирового хозяйства... для спасения человечества и его будущего»¹⁰². Было ясно, что речь идет о насильственном свержении существующего строя и внедрении «рационального» мироустройства. Оставалось добавить основополагающую фразу о «превращении войны империалистической в войну гражданскую».

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 15.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 2–3 а.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1918 (письмо не установленного автора из Нижнего Новгорода (на бланке «Нижегородского листка») от 22 ноября 1914 г. М. М. Блюм в Москву).

¹⁰² Е. А. Преображенский... С. 178, 180.

Но даже радикально настроенные авторы не знали, что конкретно следует делать. Оставалось, как всегда, рассчитывать на «объективный» ход событий. В декабре 1914 г. некий С. Вильчек писал из Петрограда в Варшаву (на польском языке), что представители буржуазии, породив ужасы войны, сами являются «творцами социализма, который безусловно вспыхнет эпидемически по Европе, когда пройдет военное упоение». Этот польский социалист уверял, что «оболочка патриотизма уже начинает трещать..., уже при Царском дворе группа людей, благомыслящая, говорит о мире и конце войны»¹⁰³. Увы, привычка вдохновлять себя, перемешивая желаемое с воображаемым, была свойственна всем российским политикам.

4 ноября 1914 г. в Озерках под Петроградом были арестованы участники конспиративного совещания большевистских представителей Петрограда, Харькова, Иваново-Вознесенска и Риги, а также пятеро депутатов Думы и Л. Б. Каменев. Арестованным грозила смертная казнь за государственную измену. Однако в правительстве решили ограничиться гражданским судом без права вынесения им смертных приговоров. Учитывали, что большинство социалистов осуждало большевиков.

Открывшийся 10 февраля 1915 г. судебный процесс проходил при участии экс-премьера С. Ю. Витте, кадетов П. Н. Милюкова и Ф. И. Родичева и целой группы известных адвокатов, включая А. Ф. Керенского. Подсудимые попытались снять с себя вину за «пораженчество»¹⁰⁴. В результате большевиков судили не за измену, а за принадлежность к РСДРП как «преступному сообществу», приговорив к бессрочной ссылке в Сибирь. У столичных рабочих приговор не вызвал заметного протеста.

Однако в массах позиция большевиков, то есть бывшие установки международного социализма, воспринималась как «измена». Ленину пришлось выкручиваться. В статье «О национальной гордости великороссов» (ноябрь 1914 г.) он попытался разъяснить, что для большевиков любовь к родине и чувство национальной гордости связано с традициями революционной борьбы за свободу трудящихся¹⁰⁵. Похоже, этой статьей он пытался убедить самого себя в реальности интернационалистской миссии российского пролетариата.

В умах социал-демократов сохранялось смятение. Создается впечатление, что созданное осенью 1915 г. так называемое циммервальдское объединение интернационалистов было всего лишь

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1998 (С. Вильчек из Петрограда 6 декабря 1914 г. – Е. И. Квятковской, Варшава).

¹⁰⁴ См.: Шерстяников Н. А. История меньшевистской фракции РСДРП (1903 – февраль 1917 г.). М., 2003. С. 178–179.

¹⁰⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106–107.

кружком упрямых утопистов. Лишь 18 из 38 собравшихся более или менее твердо разделяли взгляды Ленина и Троцкого, причем раскол шел скорее не по партиям, а по «темпераменту» и эмоциям. Так, у эсеров правые во главе с Авксентьевым стояли за войну до победы, левые – «интернационалисты» (Натансон, Камков) – выступали под лозунгом «Долой войну!», а центр во главе с Черновым отстаивал идею «превращения переживаемого цивилизованным миром военного кризиса в кризис революционный». Не удивительно, что риторика благих ожиданий обеспечила Чернову репутацию «циммервальдца».

На этом сумбурном фоне Ленин упорно подбадривал себя заявлениями об особой агрессивности российского империализма. По его логике, самодержавие вознамерилось сначала победить Германию и Австро-Венгрию и закрепить свою гегемонию в Центральной Европе и на Ближнем Востоке, а затем «при помощи Японии и той же Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять всю Персию, довести до конца раздел Китая и т.д.»¹⁰⁶. Создается впечатление, что он, ничуть не считаясь с геополитическими реалиями, попросту распалял себя. Впрочем, в этом он был не одинок. Бундовец Г. М. Эрлих 18 августа 1914 г. писал из Цюриха: «...Предвижу новое соглашение: Франция, Германия, Австрия и Россия против Японии и Англии»¹⁰⁷.

Более реалистичной выглядела позиция, занятая лидером левого крыла меньшевизма Ю. О. Мартовым. Он отбрасывал идею революционного «пораженчества», поддерживал лозунг мира в противовес ленинскому призыву к превращению войны империалистической в войну гражданскую, отказывался от планов создания III Интернационала. В сущности, это был призыв к выжиданию «своего часа». Это соответствовало общему настроению социалистических лидеров.

В целом война вызвала взлет различного рода фантазий и утопий у всех партий. Активно прореагировал на начало войны «патриарх» российской социал-демократии Г. В. Плеханов, органически не принимавший ленинизма. В начале августа 1914 г. в Париже он пережил настоящий приступ германофобии, приветствуя вступление российских революционных эмигрантов во французскую армию. Плеханов исходил из того, что в случае поражения России ее недостаточно развитый пролетариат попал бы в экономическое рабство к германским юнкерам и капиталистам. Продвижение России к ближайшей цели – демократической республике – было бы затруднено. Поэтому Плеханов советовал российским рабочим всемерно способствовать победе России. «Мнение» Плеханова было опубликовано 26 августа 1914 г. в либеральных «Русских ведомо-

¹⁰⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 186.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 15.

стях». Оно произвело соответствующее впечатление. Но в России оставались и такие социалисты, которым трудно было поверить, что «этот человек мог сказать такую глупость»¹⁰⁸. Грехопадение бывших кумиров еще больше смущало социалистические умы.

Не менее активно высказался за необходимость обеспечить победу России в войне «духовный отец» российских анархистов П. А. Кропоткин. Безоговорочно отстаивал патриотические позиции и Б. В. Савинков, пытавшийся стать корреспондентом при французской армии¹⁰⁹. В конце 1914 г. он публично объявил в парижской газете «Мысль», издаваемой В. М. Черновым, что лишь «после войны настанет время социальной и революционной борьбы», теперь же «мы не вправе бороться»¹¹⁰.

В самой России далеко не все социалисты соглашались с заграничными «оборонцами». Некий Владимир писал 21 ноября 1914 г. в Женеву: «Я не согласен ни с Петром Алексеевичем Кропоткиным, ни с марксистами. Я думаю, что если демократия не сумела предотвратить войны, то уж прекратить и подавно не сумеет»¹¹¹. Заграничных «оборонцев» упрекали и в том, что «они больше англичане и французы, чем русские», окажись они в России, для них «вопрос решался бы не так легко». В России накопилось столько внутренних вопросов, что их не решить «многообещающими реляциями»¹¹². Было очевидно, что социалистические теории разошлись с жизнью.

Эсеры оказались не менее разобщены. Их лидер В. М. Чернов театрально вопрошал: «Что же делать русской трудовой демократии, что делать социалистическим партиям? Неужели трусливо упираться, неужели позволять безверию и панике овладеть собой до полного паралича воли?» И отвечал, что нужно «броситься в поток событий с готовностью и решимостью настоящих революционеров и с твердою верою в то, что революционное потрясение такой огромной и великой страны, как Россия, не может остаться без отклика в потрясенной мировой катастрофой Европе...». Не исключено, считал Чернов, что во главе этого процесса станет Россия¹¹³. Удивительно, но при любых обстоятельствах лидер эсеров ухитрялся оставаться велеречивым демагогом.

Однако вопреки подобным идеологам рабочие оставались аполитичными. Более активно вели себя студенты. Так, из Петрограда в октябре 1914 г. сообщали о «прокламации университетской группы эсеров, из которой ясно видно, что вопреки распространено-

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 4 (С. К. Лейбов из Ростова-на-Дону 27 августа 1914 г. – Е. Г. Прокопец в Москву).

¹⁰⁹ Там же. Л. 68; Д. 979. Л. 24; Д. 1009. Л. 26.

¹¹⁰ Мысль. 1914. 8 декабря.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 45.

¹¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 977. Л. 57 (А. Ф. Дедусенко из Москвы 17 сентября 1914 г. – Я. Т. Дедусенко в Харьков).

¹¹³ Чернов В. М. Избранное. М., 2010. С. 623–624.

му мнению далеко не все студенчество охвачено патриотической эпидемией»¹¹⁴.

Судьбы народнических социалистов в России во все большей степени оказывались связаны не столько с идеями Чернова или его оппонентов-«оборонцев», сколько с деятельностью одного из наиболее известных депутатов Думы А. Ф. Керенского. Он заметно полевел и стал одним из представителей «революционного оборончества», соединяя призыв к защите России от врага с идеей демократической революции. Керенский восстановил свои связи с эсерами, обнаружив вместе с тем претензии на руководство всем неонародническим движением в России. 16–17 июля 1915 г. в Петрограде по его инициативе состоялось совещание эсеров, трудовиков и энесов, призванное способствовать их объединению. Было принято решение «стремиться к прекращению войны, признавая вместе с тем... неизбежным участие в обороне страны от внешнего насилия». При этом было отмечено, что русское правительство привело оборону страны «в состояние полного расстройств», а потому «наступил момент для решительной борьбы за власть» и демократизацию государственного строя сверху донизу¹¹⁵.

Поворот от лозунга «защиты страны» к идеям «революционного оборончества» происходил по мере умножения военных поражений России. Наиболее отчетливо этот поворот сформулировал эсер И. И. Бунаков (Фондаминский). 1 октября 1915 г. он писал, что «революцию мы хотим сейчас сделать во имя обороны, во имя победы». Но при этом колебался: «Если бы перед нами стояла дилемма: революция или оборона, мы выбрали бы оборону»¹¹⁶. Это походило на выбор гастрономических блюд, которые должна была непременно преподнести сама история.

Положение сторонников социализма оставалось сложным. Сообщали, однако, что «в массе... студенты хотя и отважно идут в действующую армию, но... остаются эрами, деками (эсерами, эс-деками. – *Авт.*) и т.д. и, свернув шею кайзеру, свернут ее и дяде Коле (Николаю II. – *Авт.*)»¹¹⁷. Но все это не мешало рабочим называть иной раз антивоенных пропагандистов «адвокатами немецких солдат»¹¹⁸. Сказывались особенности тогдашней борьбы за существование: с одной стороны – высокие заработки, с другой – дороговизна и продовольственные трудности. Было заметно, что рабочие

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 37 (В. Я. Пчелкин из Петрограда 15 октября 1914 г. – А. М. Бондаренко в Москву).

¹¹⁵ Цит. по: Тютюкин С. В. Война, мир, революция. Идеинная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг. М., 1972. С. 192.

¹¹⁶ Там же. С. 195.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 34 (письмо за подписью «Геннадий» из Петрограда от 13 октября 1914 г. А. М. Васильеву в Харьков).

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 51 (А. И. Седугина из Костромы (женская учительская семинария) 18 октября 1914 г. – А. Дьяконову в Стокгольм).

«втягиваются в продовольственную кампанию в форме создания заводских продовольственных комитетов, а также подумывают и о городском»¹¹⁹. Но политика в партийном смысле их интересовала незначительно.

Весьма не просто решался вопрос об участии рабочих в военном-промышленных комитетах (ВПК), при которых планировалось создание «рабочих групп», призванных помогать в улаживании трудовых конфликтов на оборонных предприятиях и добиваться повышения их производительности. Кампанию по выборам в ВПК поддерживали некоторые прагматичные представители буржуазии (А. И. Гучков, П. П. Рябушинский, А. И. Коновалов, М. И. Терещенко и др.), ориентированные на «союз капитала и труда».

Большевики, левые меньшевики и эсеры, а также часть радикально настроенных беспартийных выступили за полный бойкот ВПК, рассчитывая, однако, в ходе выборов довести свои взгляды на ситуацию до сознания широких масс. Тактика большевистского ПК РСДРП исходила из предположения о повышенной революционности пролетариев. Действительно, писали, что в столице «бастовали все заводы и фабрики два дня из-за арестов выборных», а на Путиловском «было столкновение с полицией, причем убили городского, а на Сампсониевском пр. убиты двое рабочих»¹²⁰. По слухам, «бастовали все, даже ратники и запасные». Располагая подобной информацией, некоторые большевистские лидеры рекомендовали рабочим действия ультрарадикального характера (всеобщая забастовка, захват фабрик, заводов, госучреждений и железных дорог, создание Советов рабочих депутатов и т.д.). Однако верх одержали сторонники более умеренных действий. Сама же бойкотистская тактика Лениным была поддержана¹²¹.

В меньшевистском лагере мнения разделились, а думская фракция в лице Чхеидзе решила использовать выборы в агитационных целях. На худой конец все социалисты так или иначе надеялись превратить «рабочие группы» в определенное легальное прикрытие своей деятельности. Накануне общегородского собрания 27 сентября 1915 г. меньшевики и эсеры-«оборонцы» выработали декларацию, в которой призывали рабочих спасти Россию от военного разгрома и гибели путем передачи власти самому народу. По-видимому, у такой тактики было немало сторонников. Из Петрограда в Харьков 27 сентября писали, что большевики, выступая за бойкот, «морочат голову честному народу, т.е. рабочим». Победу могут обеспечить только «свобода слова, печати, собраний, союзов,

¹¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 38 (П. И. Баранов из Петрограда 25 ноября 1915 г. – А. Е. Тихомирову в Харьков).

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 24 (И. Федоров из Петрограда 7 сентября 1915 г. – В. И. Федорову в Москву).

¹²¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 48.

стачек», «мир должен заключить... народ, а не правительство». Мы, продолжал автор письма (кличка «Анюта»), «хотим использовать ВПК для этой цели»¹²².

Большевикам и левым эсерам удалось сорвать выборы «рабочих групп» в Харькове, Нижнем Новгороде, Саратове, Баку, Тифлисе, Твери, Екатеринославе. Однако даже в Петрограде, не говоря уже о России в целом, большинство рабочих шло за «оборонцами». Между тем продовольственные затруднения в стране, включая столицу, все больше били по карману рабочих, поскольку рост зарплаты отставал от роста цен. Анонимный автор 18 ноября 1915 г. писал из Петрограда С. И. Цедербауму (брату Ю. Мартова) в Московский союз потребительного общества: «Благодаря выборам в ВПК рабочие наши несколько зашевелились». Теперь рабочие «хотят иметь свое представительство в ЦК Биржи труда», а кооперативное движение «захватило все районы, и у нас налаживается рабочий кооператив "Объединение"»¹²³.

На выборах в ЦВПК в ноябре 1915 г. больше всех голосов получил Гвоздев, а затем шли меньшевики Г. Е. Брейдо, Е. А. Гудков и В. А. Абросимов (оказавшийся провокатором). Всего в «рабочей группе» ЦВПК было 9 меньшевиков и 1 эсер. 17 февраля 1917 г. заместитель председателя ЦВПК прогрессист А. И. Коновалов сообщил в Думе о функционировании 58 «рабочих групп» в 244 ВПК (24%) по стране. Эти данные были неполными, так как существовала масса мелких ВПК. Всего в выборах членов «рабочих групп» участвовало 219 тысяч рабочих 101 предприятия¹²⁴.

«Рабочая группа» ЦВПК действовала весьма активно. Ее члены совершили в 1916 г. 41 поездку в 35 городов России, регулярно выпускали информационные бюллетени, сформировали 10 комиссий, в том числе профсоюзную и кооперативную, занимались продовольственным вопросом и устройством столовых для рабочих. Сам Гвоздев был председателем рабочего кооператива на Выборгской стороне в Петрограде с 11 тысячами членов¹²⁵. Однако идея созыва Всероссийского рабочего съезда, а также планы организации бирж труда и примирительных камер, введения института рабочих старост, установления минимума заработной платы, решения продовольственного вопроса не были реализованы.

Более впечатляюще выглядела агитационно-политическая деятельность «рабочей группы» ЦВПК. Она осуждала войну, поддерживала лозунг мира без аннексий и контрибуций, требование созыва Учредительного собрания и предоставления гражданских свобод.

¹²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 57

¹²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 20.

¹²⁴ См.: Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. IV. С. 290–291.

¹²⁵ Там же. С. 293.

На 2-м Всероссийском съезде ВПК в феврале-марте 1916 г. группа Гвоздева заявила, что выступает за устранение бюрократического режима и «ликвидацию войны на условиях, приемлемых для демократии» под лозунгом организации «самозащиты» России от врага. А в декабре 1916 г. она предложила рабочим требовать создания правительства «спасения страны» и проведения всеобщей политической амнистии. Сам Гвоздев в марте 1916 г. писал А. И. Гучкову: «...Ни мира, ни перемирия с руководителями того устаревшего уклада русской жизни, который был всегда враждебен интересам страны и привел ее в настоящее время к катастрофе, мы не признаем»¹²⁶. События, развернувшиеся год спустя, показали, что едва ли не вся масса рабочих могла легко усвоить подобную мысль.

В 1916 г. активизировалась деятельность меньшевиков в Думе. 10 февраля 1916 г. Чхеидзе заявил, что либо власть под напором общественных сил перейдет в руки народа, либо России предстоит пойти по пути разложения и экономического вырождения. Скобелев, со своей стороны, выразил уверенность, что пробьет час, придет демократия, и тогда будущее России окажется, наконец, в надежных руках¹²⁷. Но это были чисто ритуальные фразы: на деле создавалось впечатление об изолированно действующей горстке растерянных доктринеров и независимо от них беспомощно содрогающихся массах.

На этом фоне наблюдалось некоторое оживление анархистских групп. Был сформирован «Северный союз анархистов», включавший представителей трех основных течений – коммунистов, синдикалистов и индивидуалистов. Считается, что к концу 1916 г. в Москве существовало три группы анархистов. Однако накануне революции их численность составляла всего около 80 человек¹²⁸.

В целом деятельность российских социалистов носила скорее характер нервного выжидания, нежели походила на сколько-нибудь продуманные действия. Их возможности определялись не массами, которые они безнадежно пытались увлечь, а скорее внутренним состоянием ненавидимой ими системы. У либералов были свои проблемы. 13 декабря 1916 г. Ф. Ф. Кокошкин писал П. Н. Милюкову: «Тревога и раздражение в стране усиливаются, и если они не найдут соответствующего выражения через Думу, то волна раздражения направится против Думы, уничтожив моральные результаты, достигнутые блестящими политическими выступлениями...». Кокошкин предлагал отреагировать на предложение американского президента В. Вильсона о посредничестве в достижении мира (на деле это была довольно наивная попытка морально обеспечить

¹²⁶ См.: Меньшевики. С. 408–409, 410–419, 427–457.

¹²⁷ Там же. С. 422, 427.

¹²⁸ Леванов Б. В., Оракова Л. Г. История московского анархизма (1905 – февраль 1917 года). М., 2004. С. 110–111.

вторжение США в европейскую политику). По мнению Кокошкина, войну следовало продолжить, но заявить, что «с этим правительством и этой правительственной системой» рассчитывать на успех не приходится¹²⁹. Либералам приходилось выбирать: либо потерять политическое лицо, либо стать «революционерами поневоле».

Некоторые авторы до сих пор гадают, кто погубил монархию – революционеры или либералы? Увы, ни те, ни другие! Система была *sui generis* несовместима с какой бы то ни было политикой. Она становилась нежизнеспособной, всякая политика военных лет – не столько «революционная», сколько «реформистская» – ускоряла ее разложение. Партийные деятели могли лишь невольно «подыгрывать» стихии, успокаивая себя мыслями о том, что «спасают Отечество» и «освобождают дорогу прогрессу». В общем, вся российская партийно-политическая система работала на самоуничтожение, а не на организацию страны для победы.

Итак, ни правые, ни либералы, ни социалисты не были готовы к развертыванию событий по революционному сценарию. Консервативный лагерь попросту развалился: деятельность правительства перестала его удовлетворять, противостоять оппозиционным силам он был не в состоянии. Либеральный лагерь никак не мог решиться активизировать действия против негодной власти, довольствуясь возможностью набирать «моральный авторитет» на фоне наиболее одиозных ее ставленников. Левые силы были обессилены как внутренним идейным разбродом, так и правительственными репрессиями. И те, и другие, и третьи пребывали в состоянии внутренней неуверенности и смятения. Ни о какой планомерной подготовке переворота не могло быть и речи. И все же антиправительственный лагерь обладал решающим преимуществом перед властью: на его стороне была незримо растущая поддержка измученных войной масс.

Свергать правительство было некому, но некому было его и защищать. Как политики, так и представители власти беспомощно барахтались в паутине взаимных страхов. Ситуацию могла взорвать любая случайность, ибо все определялось психикой людей, неизбежно теряющих запас терпения по отношению к морально дискредитированной власти.

1.6.2. Пир во время чумы?

Принято считать, что «рыба гниет с головы». В патерналистских системах это представление кажется особенно убедительным. Вместе с тем нельзя не учитывать, что война снимает известного рода

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 4654. Л. 44–44 об.

табу мирного времени, а граждански незрелое общество не может выработать противоядия против обострения мирской «греховности».

Оказалось, что кое-кто воспринял войну как возможность морально расслабиться. В то время как официальная пресса не уставала восхвалять общественность за заботу о раненых «солдатиках», кое-где обнаруживалось нечто иное. Так, сообщалось, что в дворянском поезде Красного Креста «санитары кутят: по 25 руб. прокутили в Орле»¹³⁰. Некая «Надя» писала 19 сентября 1914 г. из Винницы «Его превосходительству А. А. Брусилову» в Глебово Московской губернии: «В тылу ужасно много мерзостей – интендантство и дамы страшно развратничают»¹³¹.

Связь войны с деморализацией общества заметили очень скоро. «Нынешняя война низвела человека с пьедестала высшего существа в природе на степень какого-то загадочного сфинкса, черты которого кажутся странными и непонятными, – писал А. И. Мельников из Одессы 16 декабря 1914 г. в Ярославскую губернию. – В психике человечества вскрылось великое множество темных, необъяснимых элементов, присутствия которых мы не подозревали»¹³².

«Война ознаменовалась великим делом – уничтожением пьянства, – считал Н. А. Бердяев в октябре 1915 г. – Но у русского есть темное вино, которого нельзя лишить его никакими внешними мерами и реформами»¹³³. Тяжелый груз людского подсознания невозможно преодолеть запретами. Возрождение пьянства было лишь одним из показателей «выгорания» духовного пространства.

В традиционном обществе возможности перверсии добра и зла поистине невообразимы. Официальная пропаганда всякий раз демонстрировала бессилие перед «блуждающим» массовым сознанием. В начале войны бульварная пресса в назидание отечественной публике сообщала, что в Париже, где недавно был «бал драгоценных камней», модницы «сменили декольте на пелерину сестры милосердия»¹³⁴. Поэты и писатели посвятили немало строк этому «светлому и чистому» образу¹³⁵. Увы, феминизированный «патриотизм» продержался в России недолго. Жертвенный образ сестры милосердия, включая августейших особ, не привился. В частной переписке сообщали, что «многие сестры милосердия не оправдывают возлагаемых на них надежд... от них дышит развратом и нашим

¹³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1459 (письмо, подписанное «Женя» (дворянский отряд Красного Креста), от 15 сентября 1914 г. Е. И. Малиновской в Москву).

¹³¹ Там же. Л. 1472.

¹³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 27 об.

¹³³ Бердяев Н. Судьба России. С. 58.

¹³⁴ Синий журнал. 1914. № 36. 2 октября. С. 10.

¹³⁵ Шепкина-Куперник Т. Отзвуки войны. М., 1915. С. 54–55; Будрик В. Отзвуки войны. Пятигорск, 1915. С. 7–8; Матвеев А. Отзвуки войны. Пг., 1915. С. 10–11; Отзвуки войны. Товарищеское издание. Острогжск, 1915. С. 1.

козлиным офицерством»¹³⁶. Писали и об «офицериках, которые всеми силами стараются удирать от пули и под разными предложениями отлучаются в Варшаву для забавы с сестрами милосердия»¹³⁷. Известную венерическую болезнь стали именовать «сестритом»¹³⁸. Разговоры о последствиях женской сексуальной распрошенности, скорее всего, были преувеличенными. Дело в том, что возник целый промысел – сутенеры предлагали проституток на выбор: «для удовольствия или эвакуации (в госпиталь. – Авт.)»¹³⁹. Отсюда рост венерических заболеваний, которых перестали стыдиться. «Блядовать не перестаю, стараюсь употреблять, не считаясь с половыми болезнями», – признавался один офицер¹⁴⁰.

Казалось бы, в военные годы стоило закрыть глаза на плотский грех. Однако в «развратной» Франции думали иначе. Заболеть венерической болезнью считалось непатриотичным. Работницам внушали: «Спасая от венерических болезней, вы спасаете Францию». Считалось, что перед войной порнография специально печаталась в Германии для разложения Франции. Заражение венерическими болезнями было объявлено частью немецкого плана по разложению Франции¹⁴¹. По той же схеме думали и в России, однако существовало убеждение, что порнографические открытки поступают из Франции¹⁴². Разумеется, превентивные меры не избавили общество от «разврата». Впрочем, по части венерических заболеваний Россия заметно отставала от Англии и Франции¹⁴³. Тем не менее в австрийских листовках для русских солдат подчеркивалось, что преступные генералы «ведут с собой целые табуны блядей и пьянствуют во время боя, отдаваясь любодействию»¹⁴⁴. Людские пороки превращались в оружие тотальной войны.

В силу предвоенной вульгаризации общественной жизни россияне были расположены скорее имитировать патриотизм. «Тот же сдвиг от аристократизма (духа) к хамству произошел и в народе – мужик тоже охамился..., – уверял известный журналист И. Колышко. – Мужик катился в пропасть, обливаясь кровью, пока интеллигенция обливалась словами и слезами». Человеку, который сам поставлял специфический материал, объективно способствующий

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 116 (письмо за подписью «Русский солдат» в редакцию «Русского слова»).

¹³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 980. Л. 46 (письмо не установленного автора из Варшавы от 21 декабря 1914 г. Ф. И. Бартницкому в Московскую губернию).

¹³⁸ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 303.

¹³⁹ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 87.

¹⁴⁰ Астахов А. Б. Русский фронт... С. 628–629.

¹⁴¹ *Le Naour J.-Y.* Op. cit. P. 186–187.

¹⁴² Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 51.

¹⁴³ Астахов А. Б. Русский фронт... С. 630.

¹⁴⁴ Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте... С. 86.

деградации общества (в чем он со временем столь же «искренне» каялся), можно поверить¹⁴⁵. Некоторым казалось, что шовинизм станет причиной «отторжения социалистических рабочих масс от раньше героической, а ныне продажной интеллигенции, для которой равны и социализм, и футбол, и религия, и Макс Линдер, и родина...»¹⁴⁶. Возмущало также приторное отношение образованного общества к «солдатику». «Какое барское презрение к подлинному человеку! Точь-в-точь как обращение барина к “мужичку”, – писал А. И. Мельников из Одессы 25 ноября 1914 г. – Какой напыщенный аристократизм! Где человечность и истинная гуманность?.. Сколько рекламы и барабанного боя вкладывается в святая святых человеческой души!.. Просто оторопь берет... Дико и мрачно кругом, скоро ли дождемся просвета?»¹⁴⁷.

О моральной деградации тыла фронтовики заговорили после неудач лета 1915 г. Некий житель Витебска в декабре 1915 г. писал: «Все с ума посходили в вихре удовольствий, франтовства, безумных трат благодаря неожиданной волне шальных денег. Забыто увлечение лазаретами, койками и пр. “Сестры”, являвшие подвиги в прошлом году, занялись теперь флиртом... очень у них похоже на “пир по время чумы”»¹⁴⁸. К этому времени война превратилась в обыденность, соответственно, внимание стало фокусироваться на сопровождавшем ее аморализме. Последовала перверсия «вдохновляющих» образов.

В патерналистской системе военные неудачи порождают озлобленность против «не оправдавшего надежд» начальства, соответственно этому возникает острая реакция на недостатки его бытового поведения. Теперь младшие офицеры стали подозрительно коситься на старших, «окопники» возненавидели штабных, военные – штатских. Со временем армия возненавидела тыл. «Слышали и о Распутине, но то было в “гнилом тылу”», – вспоминали некоторые генералы¹⁴⁹.

«Погоней за удовольствиями» оказались захвачены не только столицы. Жизнь основательно вздорожала, но роскошь бросалась в гла-

¹⁴⁵ Кольшко И. И. Указ. соч. С. 178.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 64 (Н. Л. Янчевский из Москвы 26 ноября 1914 г. – А. Я. Янчевской в Иркутск). Пресса сообщала, что Макс Линдер поступил добровольцем во французскую армию, якобы погиб, но через некоторое время «воскрес». См.: Синий журнал. 1914. № 34. 11 сентября. С. 12; Ханжонков А. А. Указ. соч. С. 84; Youngblood D. The Magic Mirror: Moviemaking in Russia, 1908–1918. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1999. P. 48.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 65 об.

¹⁴⁸ Цит. по: Колоницкий Б. И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 118.

¹⁴⁹ Петров П. П., Генерального штаба генерал-майор. Роковые годы. Калифорния, 1965. С. 299.

за. Мемуаристы писали о модницах, руки которых «чуть ли не до локтей были в золотых браслетах». Обращали на себя внимание также «огромные кольца серег, золотые цепочки в три-четыре поворота вокруг шеи, перстни с большими камнями всех цветов – все это сверкало на солнце и встречалось на всех центральных улицах, на бульваре, в парке, не говоря уже о театрах»¹⁵⁰. А столицу сравнивали с Вавилоном, где «скопилась... масса людей, у которых в руках лишние деньги, едущих сюда спускать их и тут же наживаться по обстоятельствам военного времени»¹⁵¹. Справедливости ради следует сказать, что на деле основная масса мигрантов бедствовала. Но замечали не это.

Положение с увеселениями стало настолько неуместным, что возмутились министры. А. В. Кривошеин предложил сократить часы представлений в театрах, а затем «закрыть увеселения и рестораны»¹⁵². Вряд ли это спасло бы положение. В Одессе в начале 1917 г. «шла опера, царило веселье, маскарады и балы, шла крупная игра, и, если бы не запущенный вид города, трудно было бы догадаться о близости театра военных действий»¹⁵³. Некая Н. Оржевская писала из Житомира в конце ноября 1916 г. в Петроград: «Меня ужасает наша внутренняя разруха... Наряду с недостатком самого необходимого – швыряние деньгами, материалами и силами без всякого расчета»¹⁵⁴. В Сибири в легальной печати большевик Е. А. Преображенский в марте 1916 г. сообщал о настроении, «напоминающем пир во время чумы: прожигание жизни, безумное мотовство и роскошь, погоня за наслаждениями растут с каждым днем». Он называл происходящее «предвисельным восторгом двуногих», не подозревающих, что они играют роль статистов в трагедии, развернувшейся «на мировой сцене»¹⁵⁵.

В 1916 г. начали говорить, что «сухой закон» придумал пьяница Распутин», императрица спаивает царя, а вместо власти – «выродившаяся среда»¹⁵⁶. Разумеется, многим не хотелось в это верить. «Слышал от княгини... Щербатовой, что власть Распутина огромна: смены министров, митрополита произошли по его настоянию, – записывал в дневник историк А. Орешников. – Неужели все это правда? Финал может быть очень печальный»¹⁵⁷.

Тем временем «распутиниада» нашла свое отражение в художественной литературе. Историк М. Богословский отзывался об этом

¹⁵⁰ Миклашевская Л. Повторение пройденного. Из воспоминаний // Людмила Миклашевская. Нина Катерли. Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век. СПб., 2007. С. 79–80.

¹⁵¹ День. 1915. 13 октября.

¹⁵² Совет министров... С. 227.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 48.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1380 (письмо И. Л. Татищеву).

¹⁵⁵ Е. А. Преображенский... С. 175.

¹⁵⁶ См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 110, 115, 117–118.

¹⁵⁷ Алексей Васильевич Орешников. С. 51.

так: «Прочел книжку Пругавина о Распутине, выведенном под фамилией Путинцева. В книжке описывается, как великосветские дамы ездят к Распутину и веруют в него. ...Не остается сомнения, что это не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на *распутии*»¹⁵⁸. Семантика и семиотика предреволюционного времени, действительно, заставляли задуматься.

Позднее «вхожий в кабинеты» журналист-авантюрист И. Кольшико («Баян»), так описывал атмосферу в столичных верхах: «В особняке Кшесинской, в хорах Магнуса, в укромном кабинете старика Суворина, в берлоге Распутина, в пышных залах у «Митьки» Рубинштейна, – в годы эти творилась не то мистерия, не то фарс императорской России, и было вавилонское смятение сословий, рангов, культур и дарований. Была сплошная авантюра. Не то отчаянием, не то торжеством звучала лебединая песнь режима»¹⁵⁹. В провинции происходило нечто подобное. «О чем думают и что творится в Баку? – задавался вопросом местный журнал и отвечал: – О железнодорожном воровстве, о шампанском, о тюрьме, о шантанах, о плутовской любви, о благотворительных концертах, о газетной утке»¹⁶⁰. «Демократия местная – сама не без греха, – писал иркутский журналист. – Достоверно известно, что часть местных «демократов» (из ссыльных) занялась спекуляцией...»¹⁶¹.

Со временем Н. Бердяев признал, что «личное достоинство, личная честь, личная честность и чистота мало кого у нас пленяют», а «всякий призыв к личной дисциплине раздражает...». После двух лет войны ему пришлось «с грустью сказать, что святая Русь имеет свой коррелятив в Руси мошеннической»¹⁶². Тем временем С. Сокольский рассказывал с эстрады о «брюзге» военных лет: «Вообразите, в среду в ресторане – / Хороших устриц не достали мне... »¹⁶³. Тогдашние прожигатели жизни словно не ощущали порочности своего поведения. И вновь в обществе звучали обвинения в адрес верхов. «Никогда, кажется, не питал такого отвращения ко всем этим “сферам”, – писал депутат Думы В. Марковников 9 ноября 1916 г. Н. А. Марковниковой в Казань. – А они продолжают веселиться и жить, как будто ничего не бывало. Шальные деньги пускаются по ветру как пыль. Глядя на них, заражаются все слои населения, и нажива во что бы то ни стало..., как зараза, захватывает всех. Деморализация простого народа идет гигантскими ша-

¹⁵⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 139.

¹⁵⁹ Кольшико И. И. Указ. соч. С. 296.

¹⁶⁰ Джигит (Баку). 1916. № 3. 24 января. С. 5.

¹⁶¹ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 283.

¹⁶² Бердяев Н. Судьба России. С. 80–81.

¹⁶³ Сокольский С. Указ. соч. С. 55.

гами. Чувствуется, как наша несчастная Россия каким-то демоном влечется к ужасной катастрофе»¹⁶⁴.

Казалось, всех завораживало ощущение приближающейся катастрофы. В октябре 1916 г. Андрей Белый, как всегда склонный к преувеличениям, писал: «...Все грани чувств, все грани правды стерты; / В мирах, в годах, в часах / Одни тела, тела, тела простерты, / И – праздный прах...». Стихотворение называлось «Развалы».

На этом фоне убежденность большевика Преображенского в необходимости «использования банкротства капиталистического общества в решении очередных проблем социального развития для передачи их в руки исторических наследников буржуазной цивилизации»¹⁶⁵ смотрится как нечто закономерное. И по-своему символично, что в особняке царской любовницы М. Кшесинской со временем воцарился штаб большевистской партии.

В патерналистских системах общественная деморализация с естественной легкостью приобретает антидинастическую направленность. Общественность, обнаружив немоту власти перед лицом внешнего врага, устремляется на поиск «врагов», окружающих саму власть.

Порочность камарильи открывает наилучшую возможность к дискредитации власти. «Ненависть к личности, самому имени Распутина была в провинции единодушна и безгранична» настолько, что это чувство переносилось на местную администрацию, свидетельствовал один из губернаторов-монархистов¹⁶⁶. И здесь история сыграла почти символическую шутку. Дело было не столько в Распутине, сколько в потребности увидеть грехопадение существующей власти.

Предвоенная Россия уже была отмечена заметным размягчением сексуальной морали. Это коснулось не только аристократии и образованных классов. Война основательно пошатнула традиционную – и без того достаточно пластичную – мораль. Солдаты выражались просто: «Без бабы и без вина и война не нужна»¹⁶⁷. Это обернулось не только практикой «гуляний» солдат с женщинами, мобилизованными на окопные работы в ближнем тылу¹⁶⁸, но и чередой изнасилований евреек. В последнем особенно заметны были казаки¹⁶⁹ – люди, практикующие половую сдержанность дома, обнаруживали крайнюю несдержанность по отношению к «чужому». В общем, война возвращала очень многих к «этике» первобытных завоевателей. А тем временем кинематограф поставлял ленты о

¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 992.

¹⁶⁵ Е. А. Преображенский... С. 176.

¹⁶⁶ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 186.

¹⁶⁷ Войтоловский Л. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 171.

¹⁶⁸ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 624–625.

¹⁶⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 103.

«неверных женах» или о том, как «в сетях разврата» оказывались девушки-беженки из Прибалтики, угодившие в публичный дом¹⁷⁰. Секс и насилие становились обыденностью.

Предвоенные модернизационные процессы по-своему сказывались на сексуальных представлениях. «Благодаря Вербицкой “женщина предстала развратной”», – отмечал публицист, правда, тут же добавив, что «война показала величие души русской женщины»¹⁷¹. Действительно, на фронте зачитывались не только Вербицкой, но и Куприным («Яма»)¹⁷². И все же ситуация была не столь проста, как это казалось правым, обличавшим «дикую, бешеную свистопляску, вакханалию, разврат и грабеж»¹⁷³. А знаменитый роман А. Вербицкой «Ключи счастья» скорее отражал общественную склонность к «падению нравов», нежели сыграл в сексуальной деморализации главную роль.

Женский журнал уверял, что «до войны женофобство стало определенным общественным течением», а война по-своему исправила положение¹⁷⁴. В популярных брошюрах утверждали, что само Провидение «посылает русскую женщину на величайший подвиг». Писали, что теперь и «баба-солдатка, трогательно пришедшая чуть ли не на передовую к своему мужу – быть при нем сестрой милосердия», и «аристократки крови..., забывшие выезды, туалеты, премьеры, вернисажи и с раннего утра до позднего вечера трудящиеся над изготовлением всего необходимого для русского солдата», выказали «красоту и героическую твердость духа». Не забывали сообщать и о доблестных женщинах-летчицах¹⁷⁵, и о женщинах – георгиевских кавалерах¹⁷⁶. Говорили о больших заслугах женщин на войне¹⁷⁷, о том, что именно Россия выдвинула наибольшее количество «женщин-солдат» – «около 400 женщин, преимущественно в сибирских полках, сражаются рядом с мужьями и братьями»¹⁷⁸.

Увы, феминизация российского героизма не встречала соответствующего отклика. На «женскую доблесть» смотрели подозрительно. Отмечалось, что представительницы низших классов, особенно работницы и беженки, испытывают особую тягу к военным¹⁷⁹. В августе Скобелевский комитет даже выпустил киноленту

¹⁷⁰ Вишневский В. Указ. соч. С. 40, 50.

¹⁷¹ Женское дело. 1914. № 22. 15 ноября. С. 25–26.

¹⁷² Асташов А. Б. Русский фронт... С. 626.

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1065. Л. 1543. Автором письма, относящегося к декабрю 1916 г., был И. И. Дудниченко, один из руководителей Союза Михаила Архангела.

¹⁷⁴ Женское дело. 1914. № 22. 15 ноября. С. 25.

¹⁷⁵ Морозов Н. На войне. Рассказы и размышления. Пг., 1916. С. 7–8.

¹⁷⁶ Ардашов Н. Великая война и женщины русские. М., 1915. С. 6–7.

¹⁷⁷ Новое Звено. 1914. № 44. 25 октября. С. 14.

¹⁷⁸ Гимназист. Еженедельный иллюстрированный журнал. М., 1915. 12 июня. № 11. С. 16.

¹⁷⁹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 623.

«Бабье царство (Страшный сон)» о том, как полковнику приснился страшный сон: у него в полку появились женщины¹⁸⁰. Возможно, условия войны действительно активизируют половое чувство женщин – проявляет себя инстинктивная потребность в дополнительной защищенности. Во всяком случае, общественность, похоже, склонялась именно к такому мнению. Так, когда в 1917 г. на специальном совещании Московской городской думы обсуждался вопрос о борьбе с проституцией, некий присяжный поверенный принялся доказывать, что «половой голод сильнее физического», а потому не следует спешить с закрытием «Эрмитажа», «домов свиданий» и прочих сомнительных заведений¹⁸¹.

Условия войны вольно или невольно расширяли область социализации женщины. Так, пресса сообщала о женщинах – почтальонах, извозчиках, слесарях, швейцарах, дворниках, булочниках¹⁸². Из меняющихся гендерных представлений получалась противоречивая и противоестественная смесь: кинематограф, с одной стороны, все активнее эксплуатировал тему «неверных жен», с другой – прославлял «женщину-птицу» («мертвопетлиску» Е. П. Самсонову) и деревенских баб, захвативших немецкий самолет¹⁸³. В таких условиях секс представал все более обыденным явлением.

Считалось также, что волна проституции хлынула из Галиции¹⁸⁴, причем сей феномен связывался с австро-германским шпионством и стремлением противника разложить русскую армию посредством венерических заболеваний¹⁸⁵. Возможно, с этим же был связан рост проституции в Одессе, где занимающиеся этим делом христианки потеснили профессионалок-евреек¹⁸⁶. Похоже, однако, что дело было не только в этом. Пресса сообщала, что проститутками, в том числе малолетними, были полны гостиницы, чайные, кондитерские, трактиры, кинематографы¹⁸⁷. Промысел был весьма выгоден. Новым явлением стало предложение сексуальных услуг военным со стороны женщин, отнюдь не числящихся в проститутках¹⁸⁸. Один

¹⁸⁰ Вишневский В. Указ. соч. С. 35.

¹⁸¹ Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. М.; Л., 1928. С. 113.

¹⁸² Аргус. 1914. № 21. С. 61–66.

¹⁸³ Вишневский В. Указ. соч. С. 39–41.

¹⁸⁴ Мемуаристы отмечали, что в захваченном Львове жены австрийских чиновников остались без жалования и этим объясняли «почти поголовную проституцию всего женского населения», включая «строгих и печальных на вид дам». См.: Саянский Л. В. Указ. соч. С. 92.

¹⁸⁵ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 48, 80, 123. Во Франции места скопления проституток также считались центрами германского шпионажа, однако в результате рейдов слухи о «розовом» шпионстве не подтвердились. Считалось также, что заражение венерическими болезнями – часть немецкого плана по разложению Франции. См.: Le Naour J.-Y. Op. cit. P. 187.

¹⁸⁶ Российское общество защиты женщин в 1915 г. Пг., 1916. С. 61–62.

¹⁸⁷ Борьба с детской проституцией в Петрограде. Пг., 1916. С. 5.

¹⁸⁸ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 623.

офицер 23 ноября 1915 г. писал из Киева Ф. Г. Ефремову, работнику Окружного суда в Воронеже: «...Сослуживцы, среди которых имеются ребята, не любящие пропускать мимо баб, ввели меня в такие интимные кружки, нравы которых приводят даже меня, сорокалетнего старика, в немалое смущение... Меня познакомили с кружком гимназисток, которые занимаются весьма почтенным делом – миньеткой. Воистину и “невинность соблюдают и капиталец приобретают”. Ведь они при физической девственности, говорят, достигли большого совершенства... В этой же компании мне пришлось встретить весьма близких подруг убитого Демченко. Все они получили весьма солидное образование в известной области. В этом обществе я чувствую себя слишком незрелым, посему счел за лучшее благородно ретироваться, вызвав весьма иронические улыбки некоторых почтенных коллег и не менее почтенных девиц. В общем, разврат в Киеве перешагнул всякие геркулесовы столбы...»¹⁸⁹.

Конечно, следует учитывать и готовность к «разврату» самого общества, испытавшего поветрие предвоенного феминизма¹⁹⁰. «...Со времен Петра и Екатерины русский разврат стал специфичностью, вроде русской закуски... Наша развратная аристократия ждала лишь случая, чтобы обнажиться... – уверял позднее И. Кольшко. – Не Распутин ее, а она его развратила... А любовные похождения отца Восторгова! А скандальная хроника иных наших монастырей!...»¹⁹¹ Разумеется, журналист, по привычке, «сгущал краски». На деле одна часть общества действительно пользовалась случаем, чтобы «раскрепоститься», а другая с ханжеской готовностью «негодующе» указывала на нее перстом. А в целом представления о «разврате» получили иерархизированное измерение: все уверовали, что наиболее активно грешили самые верхи.

В декабре 1916 г. искренние монархисты признавали свое бессилие перед народной молвой. «Распутинщина... как гангрена, разъедала общественное мнение... Весь внутренний развал власти приписывался Распутину и Государыне, – писал один из наиболее преданных престолу губернаторов. – Общество негодовало, кричало и злословило. Мятлев под аккомпанемент рояля и без аккомпанеента пел и говорил свои грязноватые стишки, далее неслись двусмысленные словечки, сплетни и слухи. Растлевающий разврат цвел махровым цветком»¹⁹².

В «разоблачении» правящего режима общественность перешагнула привычные запреты. В Ростове-на-Дону в 1916 г. она занялась дискредитацией градоначальника генерал-майора М. С. Комис-

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 42.

¹⁹⁰ Кинематограф радовал зрителя такими, к примеру, фильмами, как «Женщина завтрашнего дня» или «Женщина захочет – черта обморочит». См.: Вишневский В. Указ. соч. С. 39.

¹⁹¹ Кольшко И. И. Указ. соч. С. 179.

¹⁹² Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 192.

сарова, заподозренного в том, что он – внебрачный сын Александра III. Говорили, что он завел дружбу с «сомнительными людьми» из числа «комиссионеров и аферистов», что он «напивался до бесчувствия... позволял себе мочиться среди улицы, невзирая на присутствие городских и посторонней публики...». Утверждали также, что одному из своих служащих он предлагал полюбоваться пришедшими к нему девицами «и выбрать себе одну, так как они отлично умеют делать “минет”». За Комиссаровым числились контрреволюционные заслуги: срыв продовольственных погромов, инициированных солдатками, и нескольких забастовок. Возможно, его подозревали в организации еврейских погромов в период службы в МВД¹⁹³. Как бы то ни было, под давлением общественности Комиссарова отправили в отставку. Но при этом помимо пенсии в 3000 рублей министр внутренних дел А. Д. Протопопов просил вознаградить его за «отлично-усердную и полезную служебную деятельность» дополнительными выплатами «общей суммой до 10 000 руб. в год»¹⁹⁴. Трудно сказать, насколько обвинения против Комиссарова были справедливыми. Несомненно, однако, что общественность перестала стесняться в выборе средств для дискредитации нелюбимых администраторов. Очередь была за высшей властью.

Тема тотальной извращенности верхов становилась поистине всеобъемлющей. Графине Е. Л. Игнатъевой писали, что в лице обер-прокуроров Раева и Жевахова «получилось что-то такое опереточное», в результате чего «не сохранилось и тени уважения к учреждению, в руках которого сосредоточена духовная власть страны». Говорили, что «Синод для движения бумаги, одобренной царем, требует еще подтверждения Гришки»¹⁹⁵.

Чувствовалось, что терпение общества иссякло. Корреспондент, назвавшийся «Женя» (возможно, это был известный философ Евгений Трубецкой), писал 25 ноября 1916 г. С. А. Петрову-Соловову в Москву: «Петроград дал много жутких впечатлений. Особенно жутки разговоры с бывшими обер-прокурорами... Волжин... утверждает, что до 50 % наших епископов грешат противоестественными пороками (Извольский говорит, что это преувеличение, но не отрицает, что зло распространено)...». Автор письма полагал, что «в Церкви начался тот ад, который одурманил Самого (Николая II. – Авт.) и тем самым отравил и государство»¹⁹⁶. Так думали многие. Один офицер писал из армии в декабре 1916 г. полковнику А. И. Ергольскому в Петроград: «Одно время я до того ударился в пессимизм, что видел у нас чуть не “греческое” настроение позади, с пикантной

¹⁹³ Батюшин Н. С. У истоков русской контрразведки. Сб. док-в и мат-в. М., 2007. С. 276–277.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об.–3 об., 5 об., 7, 12.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1477 (автором письма была О. Воейкова).

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1227.

эротической окраской»¹⁹⁷. Между тем, пока в России шептались о распространенности порока, во Франции считали, что гомосексуализм – символ декадентского вырождения нации, от которого следует избавиться, ибо такой внутренний враг хуже немца¹⁹⁸.

Понятно, что до низов слухи о нетрадиционной ориентации отцов Русской православной церкви не доходили. Но Синод оказался в гуще скандалов, связанных с Г. Распутиным, а вслед за этим некоторые епархиальные архиереи стали уклоняться от контактов с неуважаемым высоким начальством¹⁹⁹. В ноябре 1916 г. один из офицеров, наблюдавший, как императрица прикладывает в церкви к руке Распутина, подошел к священнику со словами: «Батюшка! Что же это такое? У меня было две святыни: Бог и царь. Последней теперь не стало... Пойду пьянствовать!»²⁰⁰

Частью «общественной порнографии» стали рассказы о половых достоинствах и особом «таланте» Г. Распутина. В частной переписке встречались суждения о том, что «старец» управляет Россией «за величину “до локтя”»²⁰¹. Простой народ недоумевал: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?»²⁰². Туманное подозрение, что мужик может «иметь» все царство, довершило дело. «Распутин столь же закономерен, как и Ленин», – уверял И. Колышко²⁰³. Разумеется, Распутин и Ленин – явления разного социально-исторического типа: первый стал воплощением разложения и распада империи, а второй нес в себе надежду на преодоление этого процесса с помощью утопии.

На убийство Распутина поэт В. П. Мятлев сочинил стихи о том, как сыщики отыскивали его труп по «таланту», торчавшему из проруби «как пень»²⁰⁴. Представление о гигантском символе российского непотребства оказалось патологически навязчивым. Согласно одному свидетельству, убийцы Распутина первым делом заглянули ему в штаны и остались разочарованными²⁰⁵. В доисторические времена секс и гениталии относили к области магического. Похоже, психоментальное состояние российского общества спустилось на тот самый примордиалистский уровень.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1663.

¹⁹⁸ *Le Naour J-Y*. Op. cit. P. 185.

¹⁹⁹ Никон [Рклицкий], арх. Указ. соч. С. 401–402.

²⁰⁰ Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М., 1996. С. 280.

²⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1248 (письмо неустановленного автора от 25 ноября 1916 г. О. Д. Страшкевичу в Москву).

²⁰² См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 103–104, 110–111.

²⁰³ Колышко И. И. Указ. соч. С. 178.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 9. Л. 5 об.

²⁰⁵ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 454–455. По-видимому, вера в магическую силу распутинского фаллоса сложилась уже давно. Слухи о том, что его «отрезали», появились в самом начале войны. См.: Пришивин М. М. Дневники. С. 151.

Поразительно, но после Февральской революции убийц Распутина едва не поставили в единый ряд борцов с «тиранами» – начиная с декабристов²⁰⁶. А пока публика ликовала по случаю избавления от «старца». «Я был на концерте Зилоти в Мариинском театре, – записывал в дневнике искусствовед Н. Пунин. – Имя Распутина не сходило с губ. После антракта парой смельчаков был потребован гимн; толпа поддержала тотчас же, театр гремел, настаивая на гимне. Гимн сыгран»²⁰⁷. В провинции на «радостное» известие реагировали не менее показательно: «...Утоплен Распутин! Пришел Гришкиным фаворитам конец»²⁰⁸.

Некоторые убийцы Распутина были наказаны – но отнюдь не в обычном правовом порядке. Люди, преданные режиму, были поражены. По их мнению, «это означало оправдание политического убийства»²⁰⁹. Вопреки надеждам на прекращение разложения власти, после убийства «старца» его поклонники не угомонились. Говорили, что поклонники Распутина берут в склянки воду с того места, где его труп был брошен»²¹⁰. Вряд ли моральная деградация одних и бессилие перед этим процессом других могли быть приостановлены легальным путем.

Феномен «пира во время чумы» известен с незапамятных времен: люди спешат поглотить остаточные ресурсы неожиданно «укоротившейся» жизни. Это оборачивается готовностью отбросить прежние табу. Но нервность способна обернуться социальным безразличием. И вот тогда на опустевшей поверхности массового сознания вырастут новые, точнее, воспрянут старые как мир доктринально-утопические соблазны.

Патерналистская система может предоставить гарантии относительно сносного существования только в «застойных» условиях. Всякое неожиданное потрясение для нее особенно опасно, поскольку за эмоциональным перевозбуждением подданных со временем может последовать «моральное выгорание». И в этом одна из причин того, что мировой катаклизм оказался особенно губительным для России.

Ужасы мировой войны не могли не стимулировать мечтания о справедливом мировом порядке. В сущности, «последняя» война затевалась ради «вечного» мира. Но утопическая идея мировой социальной революции могла основательно смутить умы только там, где старая власть предстала абсолютно аморальной.

²⁰⁶ См.: *Струве А. Ф.* Русское революционное движение // Великая русская революция в очерках и картинах. Вып. 1. М., 1917. С. 6–9.

²⁰⁷ *Пунин Н.* Указ. соч. С. 105.

²⁰⁸ *Жукова Е. Д.* На полках старинного шкафа. Семейная хроника. М., 1990. С. 98.

²⁰⁹ *Друцкой-Соколинский В. А.*, кн. Указ. соч. С. 204.

²¹⁰ Алексей Васильевич Орешников. С. 98.

1.6.3. Призраки измены

Особенностью православной политической культуры является внутренняя убежденность, что единение царя с народом – естественная основа «праведного» существования. Все остальное – «от лукавого». Соответственно, существование оппозиции, тем более легальной – нечто противоестественное, папахивающее злокозненностью и изменой. Именно на этой невидимой архаике политического существования Российской империи и выросли всевозможные вымыслы об интригах и заговорах со стороны «темных сил», которым несть числа.

В «заговорах» поверить тем легче, чем болезненнее ощущение собственной невозможности повлиять на ход событий, не говоря уже о неспособности понять его. Следует также учитывать, что потаенный страх предательства составляет один из наиболее устойчивых элементов человеческой психики. Естественно, этой основной слабостью политического сознания россиян пользовались и пользуются, как сознательно, так и бессознательно. Последнее случается чаще. И тем более сложно понять, что периодические большие и малые «смуты» русской истории связаны с реликтовыми страхами перед неуловимым для «застойных» умов объективным ходом событий. В этом контексте в русской истории то и дело возникали всевозможные разновидности нравственного экстремизма. Именно они питали не только великую русскую литературу, внутренне настроенную на бесконечный диалог между должным и сущим, но и всевозможных нигилистов и революционеров. В основе «культуры взрыва» лежит именно нравственное недовольство слабостью «абсолютной» власти.

В контексте патерналистского сознания всякое новое политическое явление возникало в ореоле подозрительности. Само по себе возникновение Земского и Городского союзов в контексте представлений о «нераздельности» власти могло получить ложное истолкование как в низах, так и в верхах. Более того, подозрительность охватывала и «современных» либеральных политиков. Не случайно скоро возникли трения внутри самих союзов (кадеты с трудом находили общий язык с октябристами), что не могло не раздражать правых и вызывало недоумение у широкой «непартийной» общественности.

В сентябре 1915 г., то есть ко времени появления нового главного командующего в лице Николая II, в Сибири ссыльные пересказывали друг другу такие байки. Встречает Николай Николаевич царя в Ставке и говорит: «Ты иди сюда, ко мне, а ты ма... тв... и пр., – говорит он Фредериксу, – стой здесь», – и приказывает часовому с

винтовкой держать под арестом министра²¹¹. Понятно, что революционеры не могли не распалять себя представлениями о «ничтожности» власти. Но если такие представления подтверждались, то рано или поздно они могли стать всеобщими.

В массах подозрительность распространялась не менее интенсивно. Естественно, первыми кандидатами на роль «изменников» становились всевозможные инородцы – прежде всего немцы. И здесь срабатывал известный механизм, который ни для кого не составлял секрета. «Обывательская душа взволнована..., – писал неизвестный автор в январе 1915 г. – Неожиданно ей начинают из всех углов и щелей нашептывать грязные слухи, подозрения, неуловимые как тень, туманные, но приводящие к одному зловещему слову: измена... Это слово может стать навязчивой идеей, и тогда с ним бессильны будут бороться и разум, и справедливость, и совесть»²¹². Так и происходило.

В сущности, Россию потрясла не война и даже не поражения русских армий, а подозрения относительно того, кто в них виновен. Уже в декабре 1914 г. в частной переписке сообщали, что на фронте «наших там бьют, солдаты плохо обучены, наша артиллерия хуже немецкой», солдатам «не хватает ружей, теплой одежды и обуви». В результате в армии поползли слухи, что «среди генералов много изменников», а люди «вроде Ренненкампа намеренно ведут солдат на убой»²¹³. В июле 1915 г. некий «раненый прапорщик» писал из Киева А. Ф. Керенскому, что «страна и армия полны слухами об измене в Петрограде»²¹⁴. Согласно полицейским донесениям, летом 1915 г. среди солдат муссировался слух о «123 офицерах и 6 генералах» (цифры менялись), которые продали Перемышль». Осенью 1915 г. в народе заговорили, что «нас всех продали немцам, крепости сдают нарочно за золото..., слово “измена” не сходит с уст крестьян». Дело дошло до убежденности не только в «измене» военного министра В. А. Сухомлинова, но и во «вредоносной деятельности» императрицы. Домыслы росли как снежный ком – этому помогала кинематографическая шпиономания²¹⁵.

В патерналистских системах всякое недовольство так или иначе связывается со злокозненностью начальства. «Если нет сахара и керосина – провинция волнуется и хочет видеть здесь умысел, чуть не измену и слабость начальства»²¹⁶, – так характеризовали настроения провинции (Саратовская губерния) представители интелли-

²¹¹ Е. А. Преображенский... С. 173.

²¹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1011. Л. 157.

²¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2104 (Ф. Дьяков из Москвы 20 декабря 1914 г. – Т. В. Носовой в Соликамск Пермской губ.).

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 39.

²¹⁵ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 116, 746.

²¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1081 (инспектор народных училищ (Саратовская губ.) 14 ноября 1916 г. – М. А. Макарову в Петроград).

генции в ноябре 1916 г. Осенью 1916 г. иные крестьяне на распределение портретов императора (приобретаемые, кстати сказать, на мирские деньги) реагировали с обескураживающей прямоотой: «На что ты мне такого говна даешь?»²¹⁷

Патерналистская уверенность во власти должна непременно подкрепляться ее «победами» и народными «подвигами». В настоящее время в «патриотической» литературе принято восхвалять так называемый брусилловский прорыв. Никто не задумывается о том, как смотрели на него его непосредственные участники. В свое время штаб армий Юго-Западного фронта поспешил объявить о захвате 25 тысяч верст вражеской территории, 417 тысяч пленных, 581 орудия, 448 бомбометов и минометов, 1745 пулеметов. Потери врага оценивались в 1,5–2 млн человек. На деле противник потерял с конца мая до конца года в полосе армий русского Юго-Западного фронта около 790 тысяч человек, в том числе не менее 460 тысяч безвозвратно, а русские армии лишились за это же время на том же участке фронта около 1,5 млн человек (по неполным данным), из них около 360 тысяч безвозвратно. Противник объявил о захвате более 90 тысяч пленных, 11 орудий, 29 минометов и 498 пулеметов.

Однако с учетом того, в строй возвращался за это время каждый второй раненый противника и только каждый четвертый раненый у русских, реальный урон русской стороны был выше. Тактические контрудары противника в сентябре – ноябре 1916 г., проводимые при подавляющем господстве артиллерии, авиации, средств химической войны, минимальные его потери при этом – все это негативно влияло на настроения в войсках и в тылу²¹⁸. В армии постоянно говорили об «измене», некоторые солдаты даже рассказывали об этом окрестным крестьянам²¹⁹.

Всего в «успешном» 1916 г. русские армии потеряли 269,6 тысяч убитыми и 987,1 тысячу ранеными в боях, умерли от ран 361,9 тысяч. Еще 28,9 тысячи солдат и офицеров умерли от болезней, 64,2 тысячи погибли в плену. Характерно, что в плену оказалось немногим меньше, чем в 1915 г.: число пленных составляло соответственно 1,780 и 2,004 млн человек.²²⁰ Такова была цена тех самых «побед», о которых горделиво напоминают современные «патриоты».

Простые солдаты реагировали на военные успехи по-своему. К тому же до армии постоянно доходили слухи, что в тылу «не все

²¹⁷ Цит. по: Сухова О. А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 414.

²¹⁸ Нелипович С. Г. Брусилловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. М., 2006. С. 41.

²¹⁹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 693.

²²⁰ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. С. 54, 56, 59, 60, 68.

благополучно». Отпускники уверяли, что на случай волнений полиция вооружается пулеметами. Офицеры, со своей стороны, готовы были поверить, что главной вдохновительницей «темных сил» является императрица. Все это накладывалось на слухи о мирных предложениях со стороны Германии²²¹. «С тяжелым чувством прочитал о предложении мирных условий со стороны Германии, – писал неустановленный автор из Вольска Саратовской губернии 3 декабря 1916 г. депутату Думы А. И. Рыслеву. – Следовательно, Германия в таком положении, что может диктовать условия... До боли обидно и стыдно, что Россия, такая могущественная страна, терпит поражения из-за кучки шантажистов, прикрывающихся неприкосновенностью коронованных особ. Как будут смотреть на нас наши союзники?»²²²

Между тем о сепаратном мире стали задумываться даже некоторые военные. «...Наше орудие плуг, а не меч. Германец искони рыцарь. С плугом против меча не пойдешь. Пора это понять, сознать и покориться, т.е. попросить мира..., – писал 16 мая 1916 г. М. И. Скобелеву в Думу некий «Dixi» из Петрограда. – С каждым месяцем мы беднее на один миллиард... Вот уже скоро год тянется с нашей стороны не война, а борьба за существование (на измор)... В герою наступления мы не годимся... Я сам военный, долго был на позициях и отлично знаю, что и духа у нас нет подходящего... Из трех корифеев один как будто способный, да и тот, точно на смех, “Эверт”... Будущее темно, и про него даже боится говорить нововременский Иудушка. А потому вся надежда на мир... Исконный враг немцев Англия – пусть дерутся они с нею... Если слабоумные и боятся сепаратного мира, то пусть они вспомнят, что у нас есть сепаратный союзник – предатель с Апеннинов...»²²³.

К осени 1916 г. подозрения стали перемешиваться с надеждами, неуверенность с бодречеством. Страхам низов перед новыми наступлениями (нечто подобное было и на Западе) противостояла возросшая уверенность патриотов в том, что теперь «все наладится». П. Б. Струве считал, что «Дума стала на патриотическую позицию и потому непобедима». По свидетельству С. Л. Франка, он при этом ощущал «патриотическую необходимость государственного переворота»²²⁴ (что выглядит сомнительно). Но люди творческие улавливали и растущую разобщенность массового сознания. В обстановке, когда так называемый «брусиловский прорыв» выдохся, 25 сентября 1916 г. Иванов-Разумник в частном письме высказался о собственных ощущениях, порождаемых войной: «Патриоты на службе Союза Городов и социалисты в Земском Союзе, освобожденные от

²²¹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 702.

²²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Д. 1064. Л. 1465.

²²³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 133–133 об.

²²⁴ Франк С. Л. Указ. соч. С. 108.

военщины и тепло пристроившиеся, литераторы – о победе взывающие и дома сидящие – все это омерзело мне с начала войны. В будущее русского народа крепко верю... Но тем менее могу принимать какое бы то ни было участие в этой не народной, а купеческой войне, в одном ряду с обезумевшими социалистами-патриотами»²²⁵.

В сущности, П. Н. Милюков в ноябре 1916 г. в своей знаменитой думской речи лишь агрегировал общественную подозрительность и направил ее на деятельность соответствующих лиц. Еще в конце сентября 1914 г. появился убийственный для династии слух: гроссгерцог Гессенский прислал сестре Александре Федоровне письмо, в котором умолял повлиять на императора, чтобы тот поскорее заключил сепаратный мир, аргументируя это тем, что иначе в Германии произойдет революция, которая повлечет за собой падение самодержавия в России. Николай II запросил мнение великого князя Николая Николаевича, тот ответил, по одной версии, что он согласен на немедленное заключение мира, но этого не допустят войска, по другой – что следует подумать о немедленном даровании реформ, не ожидая, когда их потребуют народ и армия²²⁶. Этот мутный слух с различными вариациями, обрстая различными «подробностями», просуществовал до падения царского режима. «Заслугой» Милюкова было лишь демонстративное озвучивание всеобщих подозрений.

«Предатели» помельче обозначились уже давно. «Слышал разную болтовню на тему об изменниках, – записывал в дневнике Л. А. Тихомиров 25 марта 1915 г. – Говорят, что Витте причастен к этому делу и отравился. Его Матильда будто бы даже привлечена к дознанию»²²⁷. На этом фоне всевозможные «разоблачители» неуклонно набирали общественный вес.

Всякая экстремальная ситуация усиливает общественную подозрительность. «Патриотическая» кампания по борьбе с немецким засильем сыграла с династией злую шутку. Уже в начале ноября 1914 г. в провинции говорили о том, что «при высочайшем дворе образовалась германофильская партия, которая уговаривает императора заключить мир». В связи с этим высказывались опасения, что «влияние Алисы Гессенской... одолеет и Россия покроет себя несмываемым позором перед союзниками и человечеством». Перспектива казалась реальной, поскольку считалось, что Николай II «легко поддается чужому», и вообще история знает немало примеров, когда «безответственные и слабые самодержцы, находящиеся под влиянием придворной партии, действовали против интересов народа»²²⁸. Строго говоря, подобные представления могли исхо-

²²⁵ Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. Тюремны и ссылки. М., 2000. С. 11.

²²⁶ Толстой И. И. Указ. соч. С. 552–553.

²²⁷ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 50.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 95 (письмо неустановленного автора из Харькова от 2 ноября 1914 г. Г. Т. Храпову в Петроград).

дить только из граждански несамостоятельной и бессильной социальной среды. Как бы то ни было, в октябре 1915 г. в провинции вовсю сплетничали, что немцы «всюду вредят» – в министерствах, в армии, на фабриках, – а «крепости сдают нарочно за золото». Говорили также, что «в армии измена»²²⁹.

Общественное возбуждение, так или иначе, должно было вылиться в нечто более конкретное. Не случайно повторяющимся рефреном в характеристике правительства стали слова, произнесенные лидером кадетов П. Н. Милюковым с думской трибуны: «Что это: глупость или измена?». (Милюков, надо сказать, дабы избежать обвинений в диффамации, сделал вид, что всего лишь цитирует иностранные газеты). Подданные императора могли «выбирать»: то ли они оказались жертвой дураков, то ли ими манипулируют изменники. Вскоре о «темных силах» у подножия трона заговорил и В. М. Пуришкевич. Строго говоря, у парламентариев не оставалось выбора: в июне 1916 г. стали говорить, что *все они* подкуплены немцами²³⁰.

Эффект от речи Милюкова был поразительный. Из столицы сообщали: «Здесь все потрясены разоблачениями в Государственной думе. “У нас чудовищная измена” – вот что следует от рассказов... Как же воевать, стараться, проливать кровь, когда все делается “для виду”, “так, чтобы не победить”, “так как сепаратный мир невозможен”... Состояние умов теперь страшное, опасное. Как только эти чувства дойдут до народа, я не знаю, что может быть. Из думских речей выясняется, что такое наша дороговизна, и кто ее виновник. Большого позора, чем то, что теперь у нас представляет тыл, не было во всю русскую историю. Все продано, все предано»²³¹. На некоторое время Милюков превратился в героя, взявшего искоренить измену. Из Одессы 29 ноября 1916 г. в столицу писали, что там вовсю идет спекуляция поддельными речами Милюкова, а заодно и протоколами неких «тайных совещаний»²³². На последних, вероятно, обсуждали планы устранения негодной власти. «Для расползшейся по швам России достаточно было милюковской речи..., чтобы повиснуть над пропастью», – уверял И. И. Колышко²³³. На деле ситуация «над пропастью» сложилась много раньше.

Разумеется, не все восприняли речь Милюкова однозначно. Правых она возмутила. «...Милюков бросил правительству глупейшее и

²²⁹ Семенова Е. Ю. Социально-экономические и общественно-политические условия жизни горожан... С. 42.

²³⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 189 (письмо неустановленного автора из Киева от 21 июня 1916 г. депутату Государственной думы П. Н. Крупенскому).

²³¹ РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 901 (письмо из Петрограда, подписанное «Борис», от 3 ноября 1916 г. К. А. Фармаковской в Киев).

²³² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 110 (неустановленный автор из Одессы 29 ноября 1916 г. – М. Е. Скалзуб в Петроград).

²³³ Колышко И. И. Указ. соч. С. 99.

необоснованное обвинение в измене, – писал П. Мигулин из столицы в Харьков. – Это – когда забастовки и пр. – прямая провокация. Правительство тоже плоховато... Измена, может, и есть, да не там, где ее ищут»²³⁴. Московский историк М. М. Богословский, вопреки утверждениям своего коллеги П. Н. Милюкова, писал в дневнике, что «в измену, взяточничество и т.п. Штюмерера» он «совсем не верит»²³⁵.

Однако в том, что «измена» все же существует, похоже, мало кто сомневался. Еще один историк записывал в дневнике: «Прочел думскую речь (1 ноября) Милюкова, содержание потрясающее, разоблачения сделаны автором превосходно. Штюмерер назван взяточником и изменником. Это сказано при всеобщем одобрении представителей народа (кроме правых). После этого сегодня Штюмерера отставили при все милостивейшем производстве его в оберкамергеры “за отлично-ревностные труды”. Как это бестактно не только перед Думой, но и перед союзниками!»²³⁶

Проблема идентификации «нечистой силы» в наэлектризованной общественной атмосфере решалась легко. Теперь едва ли не все готовы были увидеть в своем политическом противнике «изменника». «Правительство обливают теперь помоями, а заодно Керенский обличает Маркова-2 в сношениях с провокаторами в отместку за то, что Марков назвал изменниками говоривших в пользу прекращения войны Чхеидзе и Керенского...»²³⁷, – писали в ноябре 1916 г. из Петрограда. А один из правых членов Думы в письме в Ростов-на-Дону комментировал политические события так: «Возможно, Думу распускают, потому что она нерусская становится. Желтый блок объявил войну правительству. Ведь это гнусная измена...»²³⁸. Вахханалией слухов пользовались по-разному.

Активизировались левые. В обращении Поволжской организации эсеров «Ко всему русскому народу» говорилось: «...Ради победы над врагом, ради счастья России, ради сохранения жизни миллионам наших братьев и отцов, которые стоят там, на западной границе, безоружные, оборванные, преданные своими вождями, восстанем и сбросим это правительство, где глупость тесно сплелась с изменой»²³⁹. «При виде того, что делается “руководителями” в рядах армии, при виде тех ужасов предательства, шпионажа, обмана темных масс – сердце перестает биться, является неудержимое желание открыто перед народом высказать всю правду, показать обратную сторону медали якобы “священной войны”... и громо-

²³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 963.

²³⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 267.

²³⁶ Алексей Васильевич Орешников. С. 93.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1059. Л. 918.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1139 (письмо от 18 ноября 1916 г. М. Н. Овчинниковой в Ростов-на-Дону).

²³⁹ Цит. по: Тютюкин С. В. Война, мир, революция. С. 192–193.

гласно воскликнуть на омытую кровью Русь: “Долой войну, долой палачей и тиранов”», – писала «Рабочая молодежь г. Солигалича» (Костромская губерния) 10 августа 1915 г. в Государственную думу Н. С. Чхеидзе²⁴⁰. Возможно, это письмо было инициировано местными социал-демократами, стремящимися использовать общественный психоз в собственных политических целях.

Некоторые левые били тревогу. И. Любавин 19 ноября 1916 г. писал Н. Н. Любавину в Москву: «...Против А. Ф. (Керенского. – *Авт.*) идет все большее и большее возбуждение, прямо указывают, как на главный источник измены и по этому поводу уже слышатся голоса из армии»²⁴¹. У людей попроще «изменниками» становились застарелые враги. Некий Иван из Липецка в мае 1916 г. был убежден, что «измена на войне творится помещиками»²⁴². Одна корреспондентка председателя Думы (подписалась: «вся твоя») сообщала в мае 1916 г. из Московской губернии: «Из слов крестьян я усмотрела, что они всем недовольны: и школой, и правительством, и грабежом народных денег, и изменой. Одна надежда на Думу и на вас, Михаил Васильевич»²⁴³. Между прочим, к этому времени для императрицы Родзянко уже превратился едва ли не в главного «изменника».

В глазах правых круг «предателей» и «изменников» неуклонно расширялся. Д. Н. Сухотин писал 26 декабря 1916 г. из Петрограда П. Н. Сухотину в Москву: «Приходится переживать смутное время, сумбурное и кошмарное лихолетье, какую-то оргию состоящих лжецов, беснующихся мародеров, патриотов-искариотов, безвольных манекенов и пустозвонных попугаев, жидовских и немецких наймитов». Он ругал не только «милюковских ослов», но и возмущался дворянством, якобы вставшим «на позицию кадетов и жидо-немцев». Характерна также убежденность в том, что на фронте все обстоит хорошо, но «тыл все портит»²⁴⁴. «По Москве ходят разжиревшие либеральные купцы, которые требуют политической свободы, стремясь принести вред государственным интересам, – утверждал Н. Е. Марков на Особом совещании по обороне 5 февраля 1917 г., – Москва нажила на войне миллиарды...». Указывая на кадета М. В. Челнокова, предпринимателя, побывшего на должности главноуполномоченного ВСГ, Марков заключал, что подобные «герои тыла» заслуживают виселицы²⁴⁵. Такое мнение импонировало многими правым, впадшим к тому времени в истерику бессилия.

Среди людей правых взглядов встречались и вконец запутавшиеся субъекты. Некий «Леня» писал из Петрограда И. А. Литвинову в

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1008. Л. 35.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1163.

²⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 113.

²⁴³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 181.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1067. Л. 1782.

²⁴⁵ Утро России. 1917. 7 февраля.

Москву: «...Члены Думы открыто называли Штюмерера изменником и взяточником – ведь он взял через своего негодяя секретаря Манасевича-Мануйлова 800 000 руб. за пропаганду о сепаратном мире. Понятно, что речи депутатов проникнут в глубь России и армии и тогда получится скверный оборот». По его представлениям, ситуация была такова: «...Германия истощена, а наши министры хотят ее поднять и погубить Россию»²⁴⁶. Другому правому деятелю текущие события виделись так: «Тяжелые времена переживаем. Всюду речь Милюкова, волнения, открыты глаза на настоящее положение вещей. Немцы нас съели и вне, и еще больше внутри. Какой же конец? Остается вешать, казнить изменников, предателей, а тут Сухомлинова выпускают на свободу, Думе не дают говорить, убирают одного мерзавца, а ставят жандарма и Курлова...»²⁴⁷. Но среди правых все более основательно превалировало чувство безнадежности. «Подди докажи, что страхи неосновательны, когда видишь ясно бездеятельность правительства, даже покровительство спекулянтам и разным темным личностям; когда изгоняются честные люди и заменяются прохвостами»²⁴⁸, – писали в феврале 1917 г. К. Н. Пасхалову из Москвы. В декабре 1916 г. распространился слух, что закупленные комитетом помощи военнопленных 800 тысяч пудов хлеба якобы «являются худо замаскированным средством помочь германской армии и питать ее русским хлебом», то есть «изменой» со стороны императрицы²⁴⁹.

Перед революцией императору написал письмо и полковник В. А. Ажинов. Он просил Верховного главнокомандующего не мешать армии воевать, называя его главным поборником сепаратного мира. Также он уверял, что армия доверяет не ему, а Государственной думе и Земгору, а нежелание царя сотрудничать с ними оценивает как лишний аргумент в пользу его враждебности России. По его словам, офицеры, узнав о роспуске Думы, «доходили до иступления... а другие чуть ли не рыдали от огорчения и твердили – это позор... это измена...». Сам он разделял убеждение о том, что «изменник» Николай II действовал по указке немецкой партии, письмо ему он так и не отправил²⁵⁰.

Распутин и немцы становились синонимами правящего режима. Альтернатива виделась не то в Государственной думе, не то в полном низвержении существующего порядка.

Многих охватывало чувство безнадежности. Н. Девель писал 30 ноября 1916 г. из Кисловодска генералу от кавалерии Д. Ф. Девелю

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1060. Л. 1037.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1248 (письмо неустановленного автора из Петрограда от 25 ноября 1916 г. О. Д. Страшкевичу в Москву).

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 54.

²⁴⁹ Оськин М. В. Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М., 2011. С. 226–227.

²⁵⁰ Морозова О. М. Указ. соч. С. 140.

в Петроград: «...Россия победить немцев не в силах, не в состоянии... Разрухой больше всего страдает Россия, в окошко которой начинает поглядывать голод; то же самое в Англии и Франции... Благодаря организации Германия пока что не голодает, но кряхтит. Благодаря силе оружия она запаслась хлебом... Несчастный русский народ, безвольный, темный, весь в лапах бюрократии, кулаков, воров, изменников...». Примечательно, что такого набора эпитетов даже цензор не выдержал и приписал от руки на полях: «Автор – кисляй»²⁵¹.

Характерно, что некоторые представители общественности уже не считали пацифистов «изменниками». От имени 200 граждан Рыбинска и Рыбинского уезда некий «уполномоченный В. Васильев» писал 5 декабря 1916 г. М. В. Родзянко о том, что Дума «не в праве кричать на весь свет, что она не согласна принимать мирные предложения Германии, еще не зная, в какой форме они будут и что Германия будет предлагать». Он полагал, что по этому вопросу надо «выслушать общественность». Он считал, что «при теперешней разрухе, продовольственной неурядице, при теперешнем холоде и голоде – мы не в состоянии вести войну», а «армия устала и угнетена постоянными изменами своих начальников...». Ему казалось, что «скоро настанет тот час, что штыки нашей армии обратятся не против врага внешнего, а против внутреннего». Он уверял председателя Думы, что «народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир», его не смущало даже, что при этом «будут сделаны Германии некоторые уступки»²⁵².

Как водится, конспирологические домыслы строились по прямой причинно-следственной логике: в свое время Бисмарк специально выдал Александру Федоровну за русского наследника, чтобы она могла действовать как германская шпионка²⁵³. В любом случае скорость формирования властного «антимифа» определялась степенью вольного или невольного участия в этом властных и околовластных верхов. «...То, что говорилось в высшем обществе, постепенно передавалось в другие общественные круги обеих столиц, а затем, через лакейские и дворничьи... переходило в народные низы, где производило уже определенно революционную работу», – заверял позднее В. И. Гурко²⁵⁴. В премьерере А. Д. Протопопове видели могильщика власти²⁵⁵; вдовствующая императрица считала

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1410.

²⁵² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1494.

²⁵³ *Figes O., Kolonitskii B.* Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven and London, 1999. P. 18.

²⁵⁴ *Гурко В. И.* Царь и царица. Париж, 1927. С. 70–71.

²⁵⁵ Известный литератор В. А. Амфитеатров попытался легально опубликовать статью, в которой, между прочим, говорилось: «Более усердного холопа реакция еще не создавала, страшно и подумать, куда он ведет страну, его власть – это безумная провокация революционного урагана». См.: ГА РФ. Ф. 97. Оп. 1 а. Д. 37. Л. 66.

его за «низкого человека», способного за глаза называть царскую чету «двумя сумасшедшими»²⁵⁶. Даже образованные люди начинали верить слухам о том, что Щегловитов, Бобринский и Протопопов «умышленно расстраивают – с соизволения или по приказу монарха или монархини – продовольственное дело, чтобы довести Россию до необходимости заключить сепаратный мир и закабалиться немцу»²⁵⁷.

Создается впечатление, что объективная оценка ситуации сделалась невозможной. «Хорошо то, что ты говоришь о разрухе власти, о тенях министров, но мне не нравится та часть речи, в которой ты много говоришь о психологии “обывателей”, о слухах об измене: “плод расстроенного воображения”, – писала В. Трубецкая члену Государственного совета, известному философу Е. Трубецкому. – ... Ты еще говоришь: “Я не верю никаким слухам об измене, пока измена не доказана и не запечатлена судом”». Такое заявление показалось ей наивным: «Это можно сказать в Англии, но не в России...»²⁵⁸. Действительно, существующая правовая система уже не могла ничего оправдать или опровергнуть. Призраки измены витали над общественностью.

Ирония истории состояла, однако, в том, что для правящей четы, убежденной в своего рода божественной незыблемости самодержавного принципа, вся оппозиционная (и даже просто недовольная) общественность превращалась в массу «предателей», наускиваемых инфернальными силами. В действительности система рушилась помимо усилий всевозможных «изменников», «предателей», «заговорщиков», а то и вопреки им. Другое дело, что архаика массового сознания изживается с большим трудом. А потому люди до сих пор склонны верить, что для разрушения великой империи достаточно было горстки либеральных «изменников». И лучше всего объявить их какими-нибудь масонами – членами глубоко законспирированной, а потому заведомо «злонамеренной» организации.

В такой атмосфере легко было поверить в существование всевозможных заговоров. Эта тенденция нашла свое отражение во многих мемуарах, обычно в той их части, которая написана «по слухам» – разумеется, «правдивым». Все это не могло не перекочевать в историографию и литературу соответствующего жанра, которая готова до бесконечности повторять одни и те же небылицы, теша воображение очередного поколения наивных людей. Но достоверно можно установить иное: авторы мемуаров охотно говорили о заговорах

²⁵⁶ Кудрина Ю. В. «...Ужасно думать, что это только начало» (Война глазами вдовствующей императрицы Марии Федоровны) // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 448.

²⁵⁷ Далин В. М. А. Н. Савин: Nil admirari (Дневник историка) // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В. М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М., 1998. С. 61.

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1308.

других лиц, сами же «заговорщики» (если не считать реальных убийц Распутина) о своих деяниях почему-то помалкивали или общались в туманной или уклончивой манере. Между прочим, в германских листовках говорилось, что через месяц после убийства Распутина по наущению вдовствующей императрицы 12 офицеров под руководством князя Долгорукова «сделали заговор против царя» – совершили в него 5 револьверных выстрелов и ранили в руку²⁵⁹.

Впрочем, социальное пространство и без того было перегружено взаимной подозрительностью. «Туман прошлого» каждый историк пытается развеять в меру своей проницательности. А потому не стоит удивляться живучести заявлений о «заговоре Думы и Земгора», «заговоре семьи» (императора), «заговоре Гучкова», опиравшегося на Ставку, наконец, о «заговоре социалистов»²⁶⁰. В свое время писали, что «заговор» подготовила «почти вся дворцовая камарилья»²⁶¹. С другой стороны, британский историк П. Гэтрел, оценивая социальные и экономические предпосылки революции, утверждает, что либеральные самоуправленческие структуры оказались скорее бенефициарами кризиса царской власти, нежели его инициаторами или подстрекателями²⁶². На деле царизм, как и всякую власть в России, «повалило» скорее то, что не улавливается привычными позитивистскими методами – утрата доверия со стороны всех слоев общества.

После убийства Распутина слухи о всевозможных заговорах усилились. В заговорщики кого только не записывали: генералов Алексеева, Брусилова, Рузского, Крымова; поговаривали о сочувствии им британского и французского послов. Позднее писали о том, что в декабре 1916 – январе 1917 г. на Кавказе великого князя Николая Николаевича усердно обхаживали кн. Г. Е. Львов и тифлисский городской голова и председатель кавказского отделения Всероссийского земского союза А. И. Хатисов. Но Николай Николаевич, ознакомившись с проектом передачи ему власти, отказался. Немалая роль в различного рода заговорах и интригах отводилась лидеру октябристов А. И. Гучкову, человеку импульсивному, известному к тому же своими связями с военными кругами. Ясно, что разговорами о заговорах общество по преимуществу взбадривало себя. Мечтали об «избавителе», не смея отважиться на самостоятельное решение. Между тем режим попросту развалился. «Этот переворот, – заявил вскоре после победы Февраля сам Гучков, – был подготовлен не теми, кто его сделал, а теми, против которых он был направлен. Заговорщиками были не мы, русское общество и русский народ,

²⁵⁹ Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте... С. 143.

²⁶⁰ См.: Никонов В. А. Указ. соч. С. 474–550.

²⁶¹ Кольишко И. И. Указ. соч. С. 102.

²⁶² Gatrell P. Russia's First World War: A Social and Economic History. Harlow, 2005. P. 55.

заговорщиками были представители самой власти»²⁶³. Самодежавие довело общество до того состояния, когда людям открытым стало приписываться иезуитство. Увы, такого рода представления о революции и ее творцах сохранили свою силу и сегодня. На деле сама система видимой безнадежностью своего существования словно порождала убежденность, что заговоры против нее неизбежны и оправданны. 10 февраля 1917 г. на аудиенции Родзянко предрекал императору революцию, которая якобы должна произойти через три недели²⁶⁴. Председатель Думы ошибся: она случилась раньше.

Российская политическая культура, не говоря уже об имперско-патерналистском сознании, охотно допускает веру в заговоры и перевороты, осуществляемые некими «неведомыми» силами. Это связано с невозможностью осуществить «настоящую» политическую революцию. И не стоит удивляться, что ход событий во все возрастающей степени определяли «дурные» людские эмоции и фантазии. Власть, которая столетиями отучала своих подданных рассчитывать на собственные силы, должна была пасть жертвой не коварных заговорщиков и не организованных революционеров, а стихийного бунта.

1.6.4. Виноват ли царь?

Российская политическая культура предполагает, что император должен уметь одновременно царствовать и командовать. Николай II не умел ни того, ни другого. М. В. Алексеев считал императора человеком пассивных качеств и потому особенно опасавшимся «чуждых влияний». Царь демонстрировал «вместо упорного характера – самолюбие, вместо воли – упрямство, вместо честолюбия – тщеславие и зависть». При этом он «любил лесть, помнил зло и обиды»²⁶⁵. Это превращало его в вечно колеблющегося фаталиста, в критические моменты уповающего на «волю Божию». Николай II не умел говорить с подданными приличествующим языком и вообще «судить и жаловать». С началом войны это стало особенно заметно. «Сейчас здесь Николай II, – писали в начале августа 1914 г. из Москвы в Саратов. – Ездил по городу. Ждали какой-то особой милости, но на “выходе” ничего не было сказано, кроме избитых слов...»²⁶⁶.

Похоже, многочисленные поездки по империи лишь нервировали местное начальство. «Приготовились мы к встрече царя, что

²⁶³ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 118.

²⁶⁴ Блок А. А. Последние дни императорской власти. М., 2012. С. 30.

²⁶⁵ Цит. по: Айрапетов О. Р. Указ. соч. С. 201–203.

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 55 (неизвестная женщина из Москвы 9 августа 1914 г. – Ф. Ф. Ефимову в Саратов).

было актом большой трудности и материальных затрат, но эта радость отложена»²⁶⁷, – писал из Твери архиепископ Серафим (Чичагов) известному правому деятелю кн. А. А. Ширинскому-Шихматову. Особенности поведения императора «на людях» не понимали, ритуал публичного общения с ним казался неустойчивым. Отсюда стремление «не волновать», не допускать ситуации «живого общения». В Харькове ректор университета, должно быть, «на всякий случай» не пустил профессоров на вокзал на встречу с ним²⁶⁸.

Все более заметной чертой власти при Николае II стала словно разлитая вокруг нее обреченность. Создавалась ситуация «слабый властитель – недовольная масса». Самодержец должен уметь избегать личной ответственности за те или иные неудачи. Но Николай II словно намеренно принимал на себя весь груз провалов власти.

До его воцарения даже рабочие каждый раз прерывали социалистических агитаторов, когда те пытались обличать монарха. Революционеры могли сколько угодно ругать администрацию, полицию, попов, но нельзя было задевать ни царя, ни Бога. Постепенно в восприятии царской особы произошел качественный сдвиг: слишком многие в принципе перестали его бояться и уважать, в их глазах он перестал воплощать идею справедливого властвования.

Стоит указать на еще одну причину падения авторитета власти. В годы тотальной войны неопределенность в вопросе разделения функций военной и гражданской администрации, усилившаяся с появлением межведомственно-общественных Особых совещаний (по обороне, топливу, перевозкам, продовольствию), не говоря уже о деятельности Союза земств и городов, создали подобие *двоевластия*, а затем и *многовластия* в управлении страной. (Послефевральские страхи *двоевластия* в значительной степени были навеяны инерцией этих ощущений). А поскольку все это сопровождалось неперемненными склоками между управленческими кланами, растущим противостоянием «бюрократии» и «общественности», тень гибели Отечества стала падать на фигуру самодержца²⁶⁹. В конечном счете это стало заметно и массам. «Царь дурак, сукин сын», – заявляла в январе 1915 г. орловская крестьянка Е. И. Козелкова, обиженная несправедливым распределением пособий для семей мобилизованных. В июне один солдат писал в Пензенскую губернию: «...А не лучше ли заставить воевать того самого Николашку, чтобы даром наша кровь не пропадала, которую он до сих пор пил...». В июне того же года некий приказчик из лавки заявлял, что царь

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1002. Л. 2113.

²⁶⁸ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1000. Л. 1952 (М. Ломиковский 26 ноября 1914 г. – М. М. Алексеенко в Петроград).

²⁶⁹ См.: Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; Бахтурина А. Ю. Государственное управление окраинами Российской империи в годы Первой мировой войны // Там же.

глуп, «как корова», и этим пользуются евреи и немцы. Сравнивали его и с глупым теленком. Слова о «предательском» и «шпионском» окружении царя повторялись во всех слоях общества – в армии и тылу²⁷⁰. К этому времени монархистов перестали слушать низы не только в столицах, но и в провинции²⁷¹. Появились и суждения о вырождении династии. Впрочем, все это можно отнести к обычным вывертам патерналистского сознания: фигура властителя никогда не остается нейтральной.

Имидж власти в глазах общества мог оставаться терпимым до появления у ступеней трона «святого черта» – самозванного «старца» Григория Распутина. Как ни парадоксально, с помощью этого «человека из низов» самодержавие хотело преодолеть растущее отчуждение от народа. Произошло противоположное. Самое примечательное, что Распутин, как и его предшественники по части облегчения трудностей царствования, был, вопреки приписываемым ему чудесам, существом заурядным, неумело косящим под издавна широко почитаемых на Руси народных целителей, прорицателей, юродивых, старцев – всех сразу. Даже по части секса, вопреки молве, соответственно реагирующей на его распространенную в Сибири фамилию, он был не столь разнуздан: как правило, пользовался услугами случайных дешевых проституток, но никак не великосветских дам.

Впрочем, несмотря ни на что, война все же могла сплотить общество вокруг фигуры самодержца. Следовало любым способом добиться воссоздания морального единства власти и народа. Этот шанс не был использован. И дело теперь было уже вовсе не в устоявшемся дурном имидже «старца». Теперь те же факторы, которые в иных условиях могли поддержать самодержавие, стали работать против него. Император, не обладавший ни волей, ни инстинктом власти, стал казаться «лишней» фигурой для державы. Патерналистская власть перестала привлекать. Известно, что Ф. И. Шаляпин уподоблял совершенство мироздания грандиозному спектаклю, успех которого зависел от самоотдачи всех – от статистов до «короля» – при условии, что первые соглашаются играть роль царственного окружения, если венценосная персона, со своей стороны, не допускает фальши. «Надо уметь играть царя, – писал Шаляпин. – ...Шекспировского размаха его роль... Нужна какая-то особенная наружность... Если же природа сделала меня, царя, человеком маленького роста..., я должен найти тон, создать себе атмосферу – именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое же впечатление, как произвел бы большой и величественный

²⁷⁰ Булдаков В. П. Красная смута. С. 102.

²⁷¹ См.: Сидоренко Н. С. Монархическое движение на Урале накануне Февральской революции 1917 года // К истории русских революций. События, мнения оценки. М., 2007.

царь. Надо, чтобы каждый раз, когда я делаю жест перед моим народом, из его груди вырывался возглас на все мое царство». Если это не удалось – провал: «Горит империя»²⁷².

Действительно, в сфере психоэмоциональной величие империи держится на гипнотизирующей адекватности царственных жестов и поступков каждому мигу народного бытия. Венценосному актеру (а власть – это всегда магия лицедейства), не сумевшему справиться с ролью, лучше вовремя уйти в тень, дабы не провалить все действие. Низкорослый Николай II, напротив, словно намеренно хотел остаться «маленьким» и при этом лез на авансцену, т.е. делал все, чтобы умалить монархию даже в глазах тех, кто принимал ее как безусловный принцип²⁷³. По иронии судьбы (если это не «намок Клио») крушение династии Романовых, как и династии Бурбонов, последовало после празднования ее трехсотлетия в 1913 г.

Вступление империи в большую войну требовало, чтобы фигура Николая II «выросла» в глазах народа и общественности. Между тем в обществе считали, что «ни по своей натуре, ни по характеру, ни по склонностям, ни даже по внешней манере он совершенно не подходил к той диктаторской роли, которую должен был играть Русский Монарх во время войны»²⁷⁴. Возникла ситуация, когда все оборачивалось против императора. «Поощряемая из Ставки так называемая “борьба с немецким засилием” уже через год с небольшим после Романовских торжеств 1913 года обратилась и против самого Дома Романовых», – писал человек из «верхов». Он полагал, что «революционные настроения и начавшаяся уже революционная пропаганда были ясно видны уже в конце 1914 года»²⁷⁵. Конечно, такие строки были написаны под влиянием позднейших событий. На деле воздействия антидинастической пропаганды не было заметно, на ситуацию влияли скорее фантомные страхи «верхов» перед ней. Но недееспособная власть действительно принялась «поедать» самое себя.

Несомненно, война не могла не ускорить десакрализации слабой фигуры монарха. С началом военных действий в обществе принялись обсуждать стратегические просчеты командования. Наряду с этим обыватели заговорили о «полной непригодности к войне нашего младшего офицерского состава, т.е. лиц, которые ближе все-

²⁷² Шаляпин Ф. И. Указ. соч. С. 154.

²⁷³ «Пафос власти был ему чужд», – считал В. И. Гурко, отмечавший, что «обаяния власти» императора никто не ощущал, «властным авторитетом личности» Николай II не обладал. См.: Гурко В. И. Указ. соч. С. 8, 40.

²⁷⁴ Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции; Спроге В. Э. Записки инженера. М., 1999. С. 87.

²⁷⁵ Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917), М., 2007. С. 199.

го стоят к солдатам..., которые должны держать их в руках»²⁷⁶. На деле сказывались причины системного характера. Привычная фетишизация личности самодержца в условиях войны еще более парализовала управленческую инициативу. А потому всякая попытка всерьез разобраться в военных неудачах подталкивала к осознанию порочности всей – не только армейской – системы управления.

Эффективность всякой императорской власти обеспечивается соединением непреклонной верховной воли с самоотверженной готовностью массы следовать ей. Война показала недостижимость этого идеала. Российские «верхи» были слабы. Со временем в Ставке пришли к самоуничижительному заключению: «...Наш хороший полк мог стоять против немецкого среднего полка, но когда дело касалось дивизий, корпусов и в особенности армий, нам нужно было иметь чуть ли не двойное превосходство в силах, чтобы рассчитывать на успех»²⁷⁷. По мере роста неверия в собственные силы в армию стало проникать ощущение превосходства немецкой военной машины. А между тем в начале войны русские войска, получившие опыт ведения боевых действий в Маньчжурии, во многом превосходили немцев²⁷⁸. Другое дело, что последние, благодаря поощрению инициативности командиров, быстро преодолевали свои слабости. Напротив, русские войска, терявшие опытных кадровых офицеров, теряли боеспособность.

Тем не менее в императора многие продолжали верить как в «последнюю надежду». Некий младший унтер-офицер писал из действующей армии Н. С. Чхеидзе о том, что власть имущие – это «заправила внутренней разрухи, неурядицы, воровства, лихоимства, бессовестной, преступной, подлой наживы». Он утверждал, что «солдаты прекрасно знают виновников всего позора, всех бедствий дорогой родины» и призывал политиков «к дружной работе на славу нашему Великому ГОСУДАРЮ и великой матушки России»²⁷⁹. Сказывалось отчаяние людей, разуверившихся в легальной оппозиции, но надеявшихся на патернализм как на принцип.

Тем временем на вершине власти возникло несколько разрастающихся конфликтов: общее недовольство министрами, противостояние промышленников и бюрократии, конфликт между группировками крупной буржуазии, нервозность либеральных сановников в связи с невозможностью влиять на власть. Но куда опаснее ведомственных конфликтов, придворных и политических дразг было растущее разочарование общественности.

²⁷⁶ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 271.

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 531. Л. 65. Скорее всего, такое самоуничижительное мнение возникло в связи с тем, что в начале войны соотношение сил отдельных войсковых подразделений преувеличивалось в пользу русских. См.: McMeekin S. Op. cit. P. 81.

²⁷⁸ Оськин М. В. Крушение германского блицкрига в 1914 году. М., 2007. С. 22, 24, 25–26.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 120.

В апреле 1915 г. император посетил Севастополь, побывав на подводном минном заградителе «Краб». Офицеров поразил его больной вид: «лицо было бледно, под грустными глазами... выделялись большие мешки, придающие выражению его лица оттенок заботы и страдания...». Его вид вызвал «чувство чего-то страшного, неотвратимого... его взгляд говорил, что ему слишком тяжело бремя правления...». После его визита офицеры говорили, что «посещение Государя ни разу не принесло счастья ни одному кораблю, который он посетил...»²⁸⁰. В России эмоции слишком часто бегут впереди событий.

В июле 1915 г. в Москве на съезде Всероссийского союза городов член Петроградской городской управы Новиков заявил, что сотрудничать с настоящей властью – «это значит соединиться с мертвецом», над правительством нет никакого контроля, в результате «все крадут сверху донизу». А рабочий Нещеренко высказался еще определеннее: «Сейчас происходят две войны: одна с врагом внешним, другая с врагом внутренним. В годину тяжелых испытаний Родины правительство не нашло ничего лучшего, как повести безжалостную и упорную борьбу с рабочими». К этому Керенский добавил: «Отечество в опасности. Перед нами стоит картина полного паралича власти, полного бесправия обывателя»²⁸¹.

В следующем году страсти накалились еще сильнее. В марте 1916 г. В. А. Харламов заявил на собрании земских представителей: «Власть не справляется с задачей сломить сопротивление врага. Ее неспособность проявилась во всей полноте... Страна едина в земском и городском союзе; едина в народном представительстве. Но вне страны стоит власть. Если она не в силах достичь победы, она не должна мешать народу в его борьбе за победу... Нам надо добиться власти, опирающейся на страну и работающей совместно с Государственной думой»²⁸². Оппозиция вовсе не намеревалась «свергать царя». Она скорее паниковала от ощущения ничтожности этой фигуры. Даже великие князья именовали царских министров «негодьями», заявляя, что во власти «сплошная ложь». Либеральное общество реагировало на происходящее у трона куда острее. Список уничижительных отзывов об императоре можно продолжать до бесконечности – слабых властителей выщучивают с садистским сладострастием. Но кое-кому было не до шуток. В конце октября 1916 г. М. В. Алексеев заговорил о своем желании уйти со своей должности начальника штаба Верховного главнокомандующего. «Ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребенком! – говорил он об императоре. – Пляшет над про-

²⁸⁰ Монастырев Н. А. Указ. соч. С. 99–100.

²⁸¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 600.

²⁸² Цит. по: Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление России... С. 66.

пастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей»²⁸³.

Еще в ноябре 1915 г. в действующей армии ходил странный слух: после ряда поражений император объявил послам иностранных держав, что «должен заключить сепаратный мир», так как война сложилась не в пользу России – «неприятелю отдана огромная территория, в самой стране растет недовольство всем, особенно дороговизной, начались рабочие волнения, стачки, оружия нет, снарядов тоже...». От послов последовал ответ: если Россия заключит сепаратный мир, «то Япония немедленно высадит десант во Владивостоке, из Индии будут двинуты войска в Россию, и также будет высажен десант в Архангельске»²⁸⁴. После такого демарша Николай II якобы решил продолжать войну. Если верить дневнику русского офицера, то получается, что в перспективе не только сепаратного мира с Германией, но и в интервенции союзников во имя продолжения войны многие не видели тогда ничего необычного. Людские эмоции упорно опережали события.

Вот, собственно, и весь механизм самоуничтожения старой России с помощью таких «неадекватных» реакций на происходящее, которые не могли не реализоваться. К этому стоит добавить, что распутинщина, по существу, парализовала деятельность Синода. Более того, разобщенность иерархов в связи с раскольнической деятельностью митрополитов–«распутинцев» Питирима и Макария торпедировала всякие попытки реформ. Осенью 1916 г. о. Шавельский с горечью записал в своем дневнике: «Реформ не будет! А в таком случае революция церковная – особенно если разразится революция государственная – неминуема»²⁸⁵. Случилось, как известно, нечто гораздо худшее – смута, обусловленная тотальной само/дискредитацией и веры, и власти.

Авторитарно-патерналистская система вступила в стадию саморазрушения. Когда монархически настроенный философ Д. Д. Муретов заявил, что «Империя невозможна без Императора; и потому имя Императора должно уважаться даже в частных беседах», П. Струве согласился и «уточнил»: «...Но только за исключением того случая, когда сам Император изменяет своему долгу быть вождем Империи». (Увы, после февральского переворота Струве стал говорить, что «действительными носителями измены являются революционеры»)²⁸⁶. В отличие от то «левого», то «правого» Струве настоящие правые были более последовательны. К. Н. Пасхалов 21 ноября 1916 г. писал из Тульской губернии Н. А. Маклакову: «Власть, от которой единственно и исключитель-

²⁸³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 109.

²⁸⁴ Из дневников офицера русской армии Бакулина. С. 79.

²⁸⁵ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 174.

²⁸⁶ Франк С. Л. Указ. соч. С. 109, 113.

но зависит спасение, делает все для своей же гибели. Происки господ, прикрывающихся щитом общественности, не встречают ни малейшего отпора, напротив, правительство распластывается перед этими господами...»²⁸⁷ На деле «пространство власти» неуклонно сужалось само – вполне независимо от всяких «происков». Николай II просто не знал, на кого опереться. И потому в Ставке «атмосфера становилась все тяжелее и тяжелее вследствие безнадежности с внутренними делами, – вспоминал адмирал Д. В. Ненюков. – Все начали чувствовать, что дело добром не кончится и говорили об этом сначала шепотом друг другу, а потом все громче и громче»²⁸⁸. 13 сентября 1916 г. некий Н. Расторопов из Рыбинска писал М. В. Родзянко: «Народ открыто говорит, что наших солдат продают за снаряды и пушки тем же нашим союзникам, которые не тратят живой силы, а отдуваются деньгами и техническими приспособлениями...». Автор письма считал, что председатель Думы обязан «доложить это государю» и, соответственно, «пристыдить» союзников²⁸⁹. Вряд ли это принесло бы результат. У Николая II не могло не быть предостаточно подобной информации (даже учитывая нежелание царедворцев «огорчать» его дурными вестями).

Конец 1916 г. породил настроения близящейся катастрофы. «Мы накануне таких событий, которых еще не переживала мать Святая Русь, и нас ведут в такие дебри, из которых нет возврата.... Необходимо принять быстро некоторые меры, чтобы спасти положение», – писал М. В. Родзянко кн. А. Б. Куракину 26 декабря²⁹⁰. Но ситуация была слишком непредсказуемой для принятия каких-либо конкретных «мер». Правый кадет В. А. Маклаков 27 декабря отмечал: «У нас все время говорят о назревающей или, вернее, уже совершенно созревшей революции, но внешних признаков ее пока нет. Это может казаться загадочным, а правым оптимистам внушает даже уверенность, что никакой революции и не будет. Но бесспорно то, что сейчас в умах и душах русского народа происходит самая ужасная революция, какая когда-либо имела место в истории». Маклаков, человек весьма проницательный, хотя и нравственно небезупречный²⁹¹, понимал, что чисто политическая революция в России невозможна. «Это не революция, это – катастрофа: рушится целое вековое мирозерцание, вера народа в Царя, в правду Его

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1204.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 84.

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1046. Л. 94.

²⁹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 210.

²⁹¹ Историк М. Богословский, знавший его в студенческие годы, отмечал, что «в Университете он был коноводом на сходках..., но его родитель, профессор, входящий к тогдашнему генерал-губернатору В. А. Долгорукову, всегда выручал его..., тогда как соблазненных им юношей высылали в Вологду и Вятку». По его мнению, Маклаков слишком любил «показать себя». См.: *Богословский М. М.* Указ. соч. С. 218.

власти, в ее идею как Божественного установления, – писал он. – И эту катастрофическую революцию в самых сокровенных глубинах душ творят не какие-нибудь злонамеренные революционеры, а сама обезумевшая, влекомая каким-то роком власть. Десятилетия напряженнейшей революционной работы не могли бы сделать того, что сделали последние месяцы, последние недели роковых ошибок власти». По мнению Маклакова, правительство лишилось привычных «точек опоры»: «Сейчас это уже не мощная историческая сила, а подточенный мышами, внутри высохший, пустой ствол дуба, который держится только силой инерции до первого страшного толчка. В 1905 г. вопрос шел только об упразднении самодержавия, но престиж династии все еще стоял прочно и довольно высоко. Сейчас рухнуло именно это – престиж, идея, вековое народное мирозерцание, столько же государственное, сколько и религиозное»²⁹². Надвигалось нечто большее, чем революция. Тогда же стало широко известно сравнение Маклаковым положения России с положением пассажира, несущегося на краю пропасти и управляемого пьяным шофером.

Казалось, что важно устранить только одно препятствие – отсюда разлив конспиромании. А. Н. Бенуа считал, что «нельзя рассчитывать, чтобы тот безумец, которого судьба вознесла на самую вершину, внял голосу благоразумия и просто самосохранения – как самого себя, так и всей порученной ему страны»²⁹³. Уже после Февраля профессор духовной академии А. Д. Беляев, известный своими исследованиями «О безбожии и антихристе», записал в свой дневник: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавие, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка со своим гнусным Распутиным, со своим германизмом, со своей сумасшедшей хлыстовщиной, со своей отчужденностью от России и чуть ли не изменами в пользу Германии...»²⁹⁴.

Получалось, что «распутинская аура», окружившая трон, становилась поистине непроницаемой для предостерегающих голосов. Для Д. С. Мережковского, похоже, самодержавие и «внутренний враг» слились в единый образ нечистой силы. «“Антихрист” сейчас большое “засилье” взял – хуже всякого “немца”», – писал он известному издателю И. Д. Сытину в январе 1917 г.²⁹⁵. Понятно, что подсознательное желание избавиться от «дьявола» не могло не стать всеобщим.

Однако в России путь от слов к делу всегда бывает очень далеким и непростым. 14 февраля 1917 г., в день возобновления занятий

²⁹² Донесения Л. К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 28.

²⁹³ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 75, 79, 62, 95, 103.

²⁹⁴ «Печально что-то и страшно». С. 29.

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 76.

Думы всем казалось, что оппозиция скажет, наконец, свое слово. Получилось совсем не так. «Возвращаясь из Думы, я чувствовал стыд. Вся страна чего-то ждала, на что-то надеялась, – писал в тот же день кадет А. А. Эрн, вероятно, подспудно надеявшийся на «чудо» преобразования власти под воздействием людских надежд. Но случилось нечто иное: правительство ухитрилось обойти оппозицию. Многого для этого не потребовалось. «Вся Шпалерная и Таврическая были заполнены сыщиками, во всех дворах были спрятаны конная полиция и жандармы, казармы были наполнены войсками, – свидетельствовал Эрн. Но больше всего «напугал» оппозицию новый министр земледелия А. А. Риттих. «После 2-часовой речи Риттиха настроение пало, и ораторы неспособны были подняться. А, может быть, вообще теперь уж ничего словами не сделаешь, – писал «левый» Эрн, все еще надеявшийся на «предъявление ультиматума» правительству»²⁹⁶. Свергать власть было некому.

Некоторые современники считали, что «воспитанному, деликатному, целомудренному» Николаю II, любившему курить папиросы и играть в теннис, не хватало «главного элемента верховной власти – державности»²⁹⁷. Вряд ли этого объяснения достаточно. Вся история его царствования может быть представлена как хроника утраты веры в представляемую им *форму* властного начала. Похоже, что он сам это сознавал и обреченно наблюдал за развитием событий.

Хронике предреволюционной агонии власти следовало бы вести с убийства Распутина. Обстоятельства его многократно описаны и даже кинематографически воссозданы. Менее известно, что и до этого события, и после него главный заговорщик и убийца В. М. Пуришкевич сотрясал стены зала заседаний Думы гневными филиппиками, направленными против «немецкой партии», стоящей у трона, вызывая бурные рукоплескания – но не справа, а слева. Метания Пуришкевича были замечены.

Как бы то ни было, попытка императора тихо скрыть убийство Распутина дала неожиданный эффект: имена террористов оказались у всех на устах. Даже чины Ставки, узнав о смерти «старца», бросились поздравлять друг друга, «целуясь, как в день Пасхи»²⁹⁸.

Между прочим, убийцы Распутина не походили на обычных политических заговорщиков и тем более тираноборцев: они рассчитывали оказать «услугу» династии. Представления об овладевшем властью «сексуальном гиганте» были весьма распространены. Все это походило на первобытную веру в возможность ритуального избавления от «беса». Тем не менее «услуга», которую убийцы оказали монархии, оказалась поистине медвежьей.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 45.

²⁹⁷ Кольцо И. И. Указ. соч. С. 50.

²⁹⁸ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 249.

Конечно, убийство Распутина образованным обществом было воспринято неоднозначно. Писали, что «исчезновение гадины с лица земли нашей вызывало у всех неописуемую радость и ликование», однако «не следовало увозить эту бешеную собаку и бросать ее в прорубь, надо было покончить с ней демонстративно и гордо. А получилось нечто “фельетонное”»²⁹⁹. Но люди в большинстве своем вздохнули – наконец-то!³⁰⁰. По-своему реагировали церковные иерархи. Архиепископ Серафим (Чичагов) надеялся, что теперь в церкви «хоть сраму будет меньше»³⁰¹.

Примечательно, что тут же возникла весьма показательная легенда. П. Веселов из Москвы 10 февраля 1917 г. писал В. А. Демидову в Н. Новгород: «Последние известия (наиболее достоверные) гласят, что Гришка был агентом Вильгельма при дворе и, окруженный четырьмя жидовскими банкирами, был убит англичанами, и что никакие князья здесь ни при чем. Так 11 марта 1801 г. англичане устранили вредного для них Павла I. Смута в умах, жидовский туман – вот главное зло нашей жизни, и это ведет нас к поражению, столь желанному для Гучкова и Милюкова»³⁰². Поразительно, но некоторые современные «историки», не говоря уже о кинематографистах, всерьез поверили в этот столетней давности вздор, над которым англичане просто хохотали.

Измучает и то, что некоторые правые увидели в убийстве «старца» своего рода ритуально-очистительный акт – «проявление милости Божией», спасающей царя и империю³⁰³. А в провинции убийство Распутина «заслонило даже собою войну». Отмечали, что «обыватель на ухо шёпотом говорит: “Однако, будет революция. Как вы думаете?”»³⁰⁴ Слухи становились настолько плотными, что, казалось, они не могут не материализоваться.

Впрочем, в глазах некоторых представителей столичной публики распутинщина продолжилась без Распутина. Либералы негодовали по поводу запрещения не только съездов, но и заседаний союзов. Возмущало и анекдотичное запрещение петроградским градоначальником всяких разговоров не только о ложных, но и о «неложных слухах и правительственных распоряжениях, общественном бедствии или иных событиях» под угрозой штрафа в 3000 рублей. Временно, очевидно, для сдерживания все тех же слухов была приостановлена отправка телеграмм за границу. А пока «общество» торжествовало: в симфонических концертах требовали гимна «по

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 206 (письмо, подписанное «мама» из Петрограда от 22 декабря 1916 г. Е. А. Петрово-Соловово, Рязань).

³⁰⁰ Тыркова А. Указ. соч. С.326.

³⁰¹

³⁰² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 36.

³⁰³ Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 637.

³⁰⁴ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 293.

случаю победы»³⁰⁵. Создавалось впечатление, что победа над «врагом внутренним» вдохновляла тем сильнее, чем меньше было поводов радоваться победам над «врагом внешним».

Между тем далеко не все «жертвы распутицев» торжествовали. «В Москве нет хлеба, мяса, муки, все необычайно дорого. Надвигается что-то страшное, – писал протоиерей И. Восторгов 9 февраля 1917 г. епископу Ефрему в далекую Читу. – Положительно, живем во мраке без просвета. С таким тяжелым крестоношением подходим мы к исходу жизни, а грядущим за нами поколениям, кажется, будет еще хуже. Радуются только враги Церкви и России, да еще те глупцы, которым эти враги представляются друзьями»³⁰⁶.

С исчезновением Распутина людское недовольство стало еще более основательно замыкаться на власти. Люди благонамеренные писали из глубокой провинции, что им «неприятно, что А. Д. (Протопопов. – Авт.) во всей этой “истории” играет видную роль, возбуждает против себя все больше и больше людей»³⁰⁷. Говорили, что он «три раза сидел в сумасшедшем доме»³⁰⁸. Домыслы о премьерe множились. Вовсе не случайно после Октября иные большевики всерьез выискивали доказательства сумасшествия последнего Романова. «В голове был хаос мыслей, а в сердце – хаос чувств, но и среди этого общего хаоса властно поднималось чувство определенного ужаса, безнадежности и отчаяния», – так описывали свое тогдашнее состояние люди, преданные режиму³⁰⁹.

Императрица регулярно принимала министров. Сам Николай II советовал министрам обращаться к ней³¹⁰. Трудно представить более нелепую систему управления: властное начало стало захлестываться бабьими истериками в самом буквальном смысле слова. Более того, приказания в адрес МВД подчас исходили не только от царицы, но и от А. А. Вырубовой³¹¹. К началу 1917 г. убежденность в том, что страной правит «немка», задумавшая уничтожить своего мужа, стала весьма распространенной³¹². Впрочем, некоторые решения император принимал вопреки ей, поддаваясь давлению других лиц. Такие решения называли «курбетами Николая II»³¹³. Ситуация становилась непредсказуемой.

То, что Александра Федоровна не вписалась в российскую патерналистскую систему, приобретало роковые последствия. Причина

³⁰⁵ Тыркова А. Указ. соч. С. 326–327.

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 30.

³⁰⁷ Там же. Л. 1 (Горинев из Сочи 29 января 1917 г. – С. Д. Протопопову в Петроград).

³⁰⁸ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 25.

³⁰⁹ Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 195.

³¹⁰ Падение царского режима... М.; Л., 1925. Т. 2. С. 298.

³¹¹ Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 24.

³¹² Figes O., Kolonitskii B. Op. cit. P. 15.

³¹³ Клячко Л. М. Повести прошлого. Л., 1929. С. 67.

была столь же банальной, сколь и символичной. Императрицу подвело желание «стать русской». А между тем, «если бы она ничем не занималась и сидела бы у себя в Петербурге во дворце, то никто бы не заметил, что у нее не совсем чистый выговор по-русски и забыли бы думать, что она родилась не в России»³¹⁴. В результате карикатурная ситуация переросла в трагическую. Иногда окружающим казалось, что она не верит в зверства своих соплеменников – немцев³¹⁵. Людей, сохраняющих веру во власть, оставалось все меньше. Система, включая и власть, и оппозицию, была не способна противостоять «роковому» ходу событий.

В ноябре 1916 г. А. Бенуа, удивительно проницательный человек, писал: «Потому мы и обречены, что все части общества, интеллигенция и правительство связаны и спутаны нелепой “национальной гордостью”, что все одинаково виноваты, одинаково ослеплены, одинаково изолгались, одинаково не способны считаться с фактической стороной положения, с реальными условиями. Христолюбивая Россия забыла о Христе, запуталась в суетности каких-то “национальных обид”»³¹⁶. Попросту говоря, культурные верхи не желали считаться с устремлениями и возможностями народа.

В условиях войны патерналистская пропаганда должна была обеспечить себе монополию на «правду», не допуская к этой сфере общественность – особенно либеральную. Но охранительная опасность бюрократизированной цензуры, работу которой подчас считали нелепой³¹⁷, препятствовала созданию эффективного пропагандистского механизма: монополию на патриотизм перехватывали либералы и «социал-шовинисты»; их антигерманизм почти автоматически приобретал антидинастический оттенок. В ноябре 1916 г. охранное отделение отмечало, что «слухи заполнили собой обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые по цензурным условиям не могут открыть всей правды». В условиях размытости устоев гражданственности «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр.», констатировали жандармы³¹⁸. Возрос спрос на литературу об антихристе³¹⁹.

В сущности, самодержавие проиграло в самой важной для себя сфере – сакральной – еще до 1917 г. Церковные иерархи делали устрашающие выводы: «Пьянство, распутство, сквернословие и

³¹⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 33 (Н. С. Мальцов из Петрограда 10 февраля 1917 г. – княгине Е. Д. Шаховской в Пихтицу Эстляндской губ.).

³¹⁵ Беляев И. Т. Указ. соч. С. 233.

³¹⁶ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 53.

³¹⁷ Толстой И. И. Указ. соч. С. 581. Военные цензоры порой не замечали «секретных» сведений (вроде местонахождения Ставки), проскальзывавших в солдатских письмах. См.: Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 249.

³¹⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 125–126.

³¹⁹ «Печально что-то и страшно». С. 9.

хулиганство настолько крепко внедрились в жизнь населения, настолько поколеблены нравственные устои значительной части паствы, что они христиане только по имени»³²⁰. Не удивительно, что один вятский крестьянин сообщал: «У нас Николка сбежал». По его сведениям, российская держава имела «три подземных хода в Германию и один из дворца». Николай II «убежал к родственникам», с которыми он воевал «по согласию» – «чтобы не было восстания против правительства»³²¹. В политических кругах также ходили слухи о том, что власть «пошатнулась». В Думе говорили, как писал ее член А. А. Эрн 1 декабря 1916 г. Ю. М. Эрн во Владимир, что император «намерен отказаться от Верховного командования и передать его Брусилову или Алексееву, так как Николай Николаевич отказался». Это решение якобы было связано с тем, что царь собирается вернуться в столицу, «чтобы исправить неполадки»³²². Однако отношение общества к власти вряд ли можно было исправить.

Примечательна еще одна деталь. Патерналистское информационное пространство должно непременно нести в себе не только моральный, но и эстетический заряд. Здесь история сыграла с царизмом совершенно неожиданную и потому особенно коварную шутку. Фамилии министров Горемыкина³²³ и Хвостова³²⁴ оказались поставлены в один ряд с именем Распутина (который, ко всему, оказался еще и Григорием – имя одиозное со времен Г. Отрепьева). Для российских зубоскалов этого было более чем достаточно – в информационной сфере был создан настоящий стихотворно-памфлетный «таран» против всей системы, представшей немощной в самом вульгарном смысле слова. Получалось, что «горемычная Русь испрохвостилась и распутной стала»³²⁵. Что до паясничавших низов, то, возможно, парадоксальная формула «Сухой закон придунал пьяница Распутин» устраивала их более всего³²⁶.

Хотя внимание общественности фокусировалось на фигуре «старца», на деле положение было еще хуже. Распутин отнюдь не обладал рычагами монопольного влияния на императорскую чету. Существовал кружок шталмейстера Н. Ф. Бурдукова, в который вхо-

³²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2752. Л. 16.

³²¹ Цит. по: Колоницкий Б. Сага о народной любви и ненависти // Новое время. 2007. № 39. 9 ноября. С. 9.

³²² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1430.

³²³ По мнению С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин был «недурным и умным» человеком, обладающим, однако, «спокойствием, присущим всякому бездеятельному организму». Горемыкин любил «покой и отдохновение», а потому отличался откровенно наплевательским отношением к своим обязанностям. См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 540, 621.

³²⁴ С. Ю. Витте называл А. Н. Хвостова «одним из самых больших безобразников», для которого «никаких законов не существует». См.: Витте С. Ю. Указ. соч. С. 647.

³²⁵ Пуришкевич В. Дневник: «Как я убил Распутина». М., 1990. С. 106.

³²⁶ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 115.

дили близкие к царю лица: злоупотреблявший спиртным адмирал К. Д. Ниллов, а также приближенный к императрице флигель-адъютант Н. П. Саблин. Распутин, периодически навещая Бурдукова, получал от него некоторые инструкции. Использовать Распутина пытались и князь М. М. Андроников, и не менее известный авантюрист И. Ф. Манасевич-Мануйлов. Позднее директор Департамента полиции Е. К. Климович утверждал, что не было никакой системы закулисных влияний на императора, это был хаос, в центре которого, по его мнению, совершенно случайно оказалась А. А. Вырубова³²⁷. Как вспоминал Н. Ф. Бурдуков, тогдашние салоны и клубы состязались между собой в качестве центров сплетен, оспаривая в этом друг у друга пальму первенства³²⁸. Действительно, под давлением тех или иных лиц продолжалась «министерская чехарда».

Правитель – акцентировано функциональная величина истории. Николай II сделался величиной чисто отрицательной, с его фигурой стали связываться все возможные беды, включая персональные несчастья. Государственность, выстроенная на рационалистских началах, утверждает общественную стабильность с помощью так называемого дисциплинирующего насилия, которое со временем приобретает своего рода рефлекторно-правовой характер. В патерналистских системах чаще используется политика «кнута и пряника». Хитрость состоит в своевременности и четкой адресности применения того и другого инструментов властвования. И не дай бог перепутать их!

7 января 1917 г. левый кадет Н.В. Некрасов пророчествовал: «Сейчас революционного движения в России нет, единственным революционным деятелем в настоящий момент является само правительство. И успех его революционной пропаганды грандиозен... А гроза не за горами. Дай Бог, чтобы она не разразилась до заключения мира... Правительство загипнотизировано кажущимся затишьем и кажущейся покорностью масс. Тем страшнее будет его пробуждение»³²⁹. Тем временем в столичных кругах говорили о покушении на царя и царицу (называлась дата 26 декабря), рассказывали, что она была даже ранена, а стрелявший в нее гвардейский офицер убит на месте. Рассказывали, что вся дворцовая прислуга ненавидит императрицу. На случай дворцового переворота молва единодушно готовила ей место в монастыре. Говорили, что царь занимается спиритизмом – вызывает дух Распутина.

Разумеется, императрица воспринималась совершенно неадекватно. Позднее некоторые офицеры в самых восторженных тонах

³²⁷ Падение царского режима... Л., 1924. Т. 1. С. 17, 19, 27, 73.

³²⁸ *Студенской-Бурдуков Н.* Отклики пережитого // *Иллюстрированная Россия.* Париж, 1939. № 27. С. 23. О Н. Бурдукове и его мемуарах подробнее см.: *Розенталь И. С.* Заметки об истории и идеологии // *Историк и его время.* М., 2011. С. 423–427.

³²⁹ *Донесения Л. К. Куманина...* // *Вопросы истории.* 2000. № 4–5. С. 6.

отзывались о ее «любезном, открытом характере»³³⁰. Но вряд ли кто в те дни мог похвастаться способностью адекватно воспринимать происходящее.

К началу 1917 г. власть и оппозиция в полном смысле слова занялись взаимными провокациями. Так, в начале декабря 1916 г. начались правительственные проверки фронтовых учреждений Земгора и Главного комитета по снабжению армии на Западном фронте, что, разумеется, подтолкнуло рост антиправительственных настроений³³¹. Словно в отместку, в либеральных кругах заговорили о том, что люди в окружении императрицы прямо или косвенно работают на германскую разведку³³². Государственная дума 22 ноября 1916 г. приняла резолюцию, гласившую, что «влияние темных безответственных сил должно быть устранено». Вскоре сходные резолюции приняли XII съезд объединенного дворянства и Государственный совет³³³. Но вряд ли либералы верили в действенность собственных резолюций. «Настроение здесь отвратительное, царит сознание бессилия вывести из тупика, в котором благодаря темным силам находится Россия», – жаловался депутат Думы от Херсонской губернии октябрист Н. И. Блажков 5 декабря 1916 г. своему земляку П. Д. Сербинову. Он считал, что все пожелания Думы, Госсовета и объединенного дворянства – «глас вопиющего в пустыне», так как «немецкая паутина обвила так все основательно, что эту паутину нельзя разорвать...»³³⁴. Всякая конспирология – индикатор бессилия общества перед лицом кризисных ситуаций.

Однако в более левых образованных слоях сложилось представление, что все беды России связаны не столько с «немцами», сколько с кризисом управления. Великий князь Александр Михайлович 1 февраля 1917 г. писал императору: «Правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ ее не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом успевает. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу»³³⁵. То, что было названо революцией сверху, на деле было зрелищем разложения власти, которое действительно приобретало провоцирующий смуту характер.

³³⁰ См.: Из нашего прошлого. С. 12; Беляев И. Т. Указ соч. С. 228–233.

³³¹ ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 621. Л. 28, 33. Следует заметить, что в Земгоре нашли себе временное пристанище некоторые эсеры и социал-демократы (вплоть до большевиков вроде М. В. Фрунзе) – доходило до того, что под его вывеской левые вели свою партийную работу на фронте. См.: Шевырин В. М. Земский и Городской союзы. 1914–1917. М., 2000. С. 26–29.

³³² Звонарев К. К. Указ. соч. С. 122–123.

³³³ Бибин М. А. Дворянство накануне падения царизма в России. Саранск, 2000. С. 176–204.

³³⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1490.

³³⁵ Николай II и великие князья. Родственные письма к последнему царю. Л.; М., 1925. С. 122.

Трудно представить, насколько омерзительной представляла власть в глазах образованной части общества. «Выродившаяся среда – это только слабый термин для определения того действительно невыразимого смрада, который окутывал монархию последних лет... Ведь это сплошной ужас, какая-то мерзость запустения, в которой пребывали придворная челядь и чиновничьи сферы...»³³⁶, – писал С. П. Мельгунов, ставший известным пылкостью своих последующих обличений большевизма. Так думали очень многие, если не все представители интеллигенции. И этого оказалось достаточно, чтобы беспомощная власть «повисла в воздухе». Но скорее всего дело обстояло еще проще. «Синод врет, и Царь врет, и Россию-то всю продал»³³⁷, – такие крестьянские представления разрушали сакральное тело империи. Самые великие царства в период династической немощи надежнее всего подтачивают нелепые слухи, нежели коварные заговорщики.

Всего болезненнее ситуация воспринималась в низах. Все, как водится, началось со «случайности». Не только либеральная, но и консервативная общественность могла сколько угодно ужасаться неадекватности власти, народ – изумляться рассказам «про Распутина и царицу», а brave солдатики суверенно шарахаться от георгиевских крестов, получаемых из рук царицы – «немки»³³⁸, но монархию «свалили» снежные заносы на железных дорогах, поставившие под угрозу продовольственное снабжение столицы – вопреки тому, что не столь далеко от нее, на станции Бологое, скопилось громадное количество продовольствия³³⁹. В сложившейся ситуации обвиняли руководство железных дорог. Некий «Л.» из Москвы писал 2 февраля «Его Превосходительству В. А. Мясоедову» на станцию Полевую Харьковской железной дороги: «Можно пожелать всей проклятой администрации провалиться в тартарары. Вот так управление!»³⁴⁰

Власть, как не только общепризнанная, но даже эстетизированная монополия на насилие в России всегда подкреплялась иллюзией о том, что она не даст умереть с голоду в экстремальных обстоятельствах – в этом проявлялась ее «божественная» природа. Только те российские правители, которые не допускали хлебного бунта в столице, могли спать спокойно. Самодержец, который предпочел личное счастье «маленького человека» заботам о «большой семье», т. е. империи, был обречен.

³³⁶ Мельгунов С. П. Последний самодержец. М., 1991. С. 6.

³³⁷ Сухова О. А. Указ. соч. С. 519.

³³⁸ Шаляпин Ф. И. Указ. соч. С. 152. По имеющимся данным, солдаты давно раз-
уверились в милосердии власти: пропагандистская кампания по созданию обра-
за императрицы как заботливой сестры милосердия не принесла успеха. См.:
Figes O., Kolonitskii B. Op. cit., P. 24.

³³⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 2.

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 16.

Увы, слишком многие подданные империи к 1917 г. были поражены чем-то вроде агрессивно-депрессивного синдрома – недовольство сочеталось с угнетающим чувством недоумения. Повальная шпиономания соседствовала с усиливающейся этнофобией и антисемитизмом³⁴¹. Фактически российские граждане подозревали друг друга в «измене»³⁴². В критических обстоятельствах из этого мог вырасти чудовищный сплав ненависти и веры.

В январе 1917 г. императрица невольно спровоцировала очередную волну обвинений в «германофильстве» в свой адрес: по ее инициативе был разработан приказ об улучшении содержания немецких военнопленных. Профессор Ю. А. Кулаковский писал из Киева академику А. И. Соболевскому в Петроград: «...Что до вмешательства Царицы в дела о пленных немцах, то приказ Министерства прямо ссылался на императрицу. Но те лица, которые редактировали приказ, не могли же не знать, какие слухи о царице ходят – и уже давно»³⁴³. Даже работа бюрократической машины производила теперь антидинастический эффект.

На волне ненависти к императрице рождались слухи-надежды на то, что ее вот-вот устранят. Муссировались слухи о покушении на нее и Николая II. В начале января 1917 г. 68-летний почетный гражданин сообщал в Москву: «Здесь ходят слухи, что в А. Ф. стрелял в Царскосельском парке офицер кн. Оболенский, но промахнулся, и что его вместе с другими офицерами, замешанными в это дело, повесили. Кроме того, говорят, убит Штюрмер, а граф Фредерикс ранен...». Поражения в нынешней войне он объяснял тем, что теперь, в отличие от войны 1812 г., «измена с самого верха». А Наполеона победили потому, что «не было распутинской эпопеи, да и монарх запоем не пил и жидов, полагаю, было меньше». Добавил он и другой слух: Родзянко занимается сомнительными операциями с дровами. Тем временем интеллигенция продолжала подогревать себя пересудами о безнадежности Николая II. Петроградская студентка записала 19 февраля 1917 г.: «Вчера я слышала забавные шуточки про царя. Пьет он без отдыха, и будто бы спаивает его Александра»³⁴⁴. Крестьяне все чаще называли императора дураком. «Он ничего не понимает, не может править этим делом на войне...», – говорили в деревне. В среде старообрядцев (Саратовская губерния) зазвучали сравнения царя с Антихристом³⁴⁵.

³⁴¹ См.: *Figes O., Kolonitskii B.* Op. cit. P. 159–162; *Булдаков В. П.* «Немецкий вопрос»...

³⁴² *Звоначев К. К.* Указ. соч. С. 83. В шпионаже подозревали даже бывшего председателя Общества борьбы с немецким засильем А. Н. Вознесенского. См.: Там же. С. 140.

³⁴³ *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 286; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 132. На «германофильское» содержание этого приказа обратили внимание и в глубокой провинции. См.: ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 168.

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 88, 101.

³⁴⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 61, 102, 442, 443 об.

Самый центр пространства власти пустел. От него готовы были отшатнуться даже люди ближайшего окружения. Появились симптомы ожидания «генерала на белом коне». «Темные силы» очень сильны у нас, – писал анонимный автор из Николаева 5 декабря 1916 г. Г. И. Романову в Москву. – Дума остается все-таки глуповатой: компромисс и компромисс. Нет людей, которые смело сказали бы кому следует: «Пошли вы к...». Не Милюков же это сделает. Дождемся мы, кажется, того, что какой-нибудь Брусилов повернет свои серые ряды фронтом на восток, перевешает «темные силы» и тогда ударит на швабов. Это был бы самый лучший исход»³⁴⁶. К слову сказать, сервильный А. А. Брусилов на такую роль менее всего походил.

Сложилась ситуация, когда не только сама власть была ни на что не способна, но и свергать ее было некому. В такой обстановке даже *ожидание* переворота могло играть социально релаксирующую роль. Именно сознание собственной беспомощности создает благоприятную среду для склонных к паранойе конспироманов и конспирологов. А таковые в России всегда были в избытке.

Лишь позднее некоторые поумневшие представители российских верхов стали признавать, что «всякая страна выделяет из себя нездоровые соки, но они могут отравить только больной организм». Но дело было даже не в этом, а в том, что «Россия запоздала с преобразованием из государства патриархально-бюрократического... в государство буржуазно-крестьянское». Из этого следовало, что препоны, возводимые одряхлевшим самодержавием на пути общественной самодеятельности, превратились в нелепый затор, который неминуемо должен был быть снесен. И этому больше всего способствовали «царь и правительство», которые «обособились от народа» барьером «столона начальников»³⁴⁷. Уже 19 января 1917 г. Николай II произвел на В. Н. Коковцова впечатление человека, не только сознающего свою обреченность, но и не находящего сил, чтобы скрыть это³⁴⁸. И либеральные, и радикальные политики пришли на готовое.

В общем, российская ситуация накануне 1917 г. была сходна с австро-венгерской в 1918 г. В том и другом случае нехватка продовольствия и физическое истощение как в тылу, так и на фронте создали предпосылки для развала империи. Слабая (или ослабевшая) власть исправить положение была не в состоянии³⁴⁹.

Конечно, немощный правитель – несчастье для любой страны в кризисные времена. Особенно если он пытается действовать как

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1064. Л. 1488.

³⁴⁷ Там же. Л. 89, 91–92.

³⁴⁸ Коковцов В. Н. Указ. соч. С. 463.

³⁴⁹ Schilze M.-S. Austria-Hungary's Economy in World War I // The Economics of World War. P. 107.

сильный. Впрочем, глупый «владыка» в рамках авторитарно-патерналистской системы опасен даже в «спокойное» время, когда едва обозначаются признаки будущих нестроений. И единственной панацеей против безвольных глупцов и льстивых царедворцев остается общественная самодеятельность. Разумеется, если она состоит не из одних упертых доктринеров, которых в изобилии порождает состояние общественной несвободы.

Уже после отречения В. В. Розанов, человек более чем сервильный, выступил со статьей «О чем думает Николай II», в которой попытался решить вопрос о виновности императора. «Царь бывший, может быть, думает с удивлением: “Я был со всеми любезен, чего же от меня хотели?”... Увы, это совсем не то, что нужно. “Любезностей” история не требует. Но она требует хорошо и крепко держать на себе железнодорожный мост». Под «мостом» Розанов, вероятно, имел в виду государственность, удерживающую общество над пропастью. И потому на вопрос о виктимности свергнутого монарха отвечал: «“Потеря царства”... самое есть ужасное преступление». И особенно ужасно, когда оно «крушится по внутренним причинам, от неумения править, от произвола, от безумных допущенных злоупотреблений – и, наконец, по-видимому, от некоторого соучастия в злоупотреблениях...»³⁵⁰. Так могло показаться человеку, настолько привыкшему к несвободе, что он уже не замечает ничего кроме власти. На деле и благие намерения, и дурные наклонности властей предрежащих прорываются в большую историю в той степени, в какой они так или иначе резонируют со встречными эмоциями масс.

Вероятно, позднее Розанов гнал от себя антимонархические мысли: «жалость к падшему» не позволяла, а ужасы революции затмевали «преступления самодержавия». Однако история – в той мере, в какой она претендует на звание науки – не допускает эмоциональной избирательности по отношению к своим «героям и злодеям». Ибо в противном случае историограф превратится из исследователя в плаксивого сострадальца. И тогда он встанет в бесконечный ряд природных холуев, которые из века в век подпирали российскую деспотию.

1.6.5. Накануне переворота: низы и верхи

К 1917 г. эмоции населения сконцентрировались вокруг невеселых перспектив, связанных с продолжением войны. Буквально все мечтали о ее окончании. Низы связывали его с миром, верхи с победой. Точек соприкосновения между этими надеждами оставалось все меньше.

³⁵⁰ Розанов В. В. В чаду войны. Статьи и очерки. 1916–1918 гг. М., 2008. С. 518.

В армии с весны 1916 г. случались нападения солдат на нелюбимых командиров: были зафиксированы не только драки солдат с офицерами, но и убийства последних. Учащались отказы идти в «бесполезные» атаки. Так, в конце октября вспыхнуло восстание 406-го Шигровского полка в связи с нежеланием солдат из-за больших потерь идти в повторную атаку. В том же месяце на Северном фронте артиллеристы и пехотинцы 3-й стрелковой дивизии отказались стрелять при наступлении. При этом зазвучали призывы направить оружие против «поработителей». Здесь распространялась листовка с призывом пойти войной «на купцов и всю шайку кровожадных царских разбойников». На Юго-Западном фронте также наблюдались волнения: солдаты уклонялись от атак, уходили с позиций, убегали в тыл, грозили расстрелять командиров, пытавшихся уговаривать их. 3 декабря 1916 г. по приговору военно-полевого суда, составленного из нижних чинов, трое бунтовщиков были приговорены к смертной казни, 16 – к каторжным работам. Солдат 325-го Царевского полка писал: «Стало всюду плохо, стали появляться разные нехватки и недостатки, а с этим стало иссякать человеческое терпение и изнашиваться наши железные нервы... Все от мала до велика стали сознавать свое бессилие, к которому привели нас те, которые руководят или, вернее, руководили судьбой Великой России». Здесь из-за отказа солдат 7-го стрелкового полка идти в наступление было расстреляно 4 человека. Со своей стороны, солдаты сторожевого охранения 15-го пехотного Шлис-сельбургского полка дружно отправились в плен. Причинами этого поступка называли плохую пищу и то, что «третий год воюем, и все надоело, и что если будут такие же условия дальше, то и остальные уйдут в плен». В частях 2-го Сибирского стрелкового корпуса распространялось письмо «К товарищам и всем солдатам», в котором говорилось, что солдаты «свои позиции держать будут, но в наступление не пойдут, так как не желают зря проливать кровь за продажное начальство»³⁵¹. В 17-м Сибирском стрелковом полку также распространялись подобные письма. В одном из них говорилось: «Дорогие братцы по службе и по крови! Вот уже третий год, как мы льем кровь, проданную немцам»³⁵².

В тылу настроение было соответственным. «Сознание, что причиной всех наших неурядиц является измена и измена свыше, проникло в толщу населения, – писали из Полтавской губернии 11 февраля 1917 г. – Говорят об этом всюду и везде...»³⁵³. Но некоторые остатки надежды все же сохранялись. «Война давно бы закончилась, если бы не измена у нас, кругом предатели, все против прави-

³⁵¹ См.: Астахов А. Б. Русский фронт... С. 680, 682–688.

³⁵² Казаков М. Н. Указ. соч. С. 208.

³⁵³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 48 (письмо неустановленного автора (Ромны, Полтавской губ.) 11 февраля 1917 г. – княгине М. А. Мещерской в Петроград).

тельства, ждем побед, войска много, все подготовлено, а наступление сдерживают, и так без конца, настроение повсюду повышенное, ждем, что должно произойти что-то небывалое, что-то будет»³⁵⁴, — писала в феврале 1917 г. жена своему мужу-военнопленному в Австрию. Общественные настроения становились все более неустойчивыми, ситуация все менее предсказуемой.

Несмотря на дурные предсказания прошлых лет, наступление нового 1917 года российское образованное общество встретило довольно беззаботно. После брусилковского прорыва казалось, что возможен поворот к лучшему³⁵⁵. «Общественные деятели» образовывали свои кружки. Шли совещания кадетов и прогрессистов. В январе 1917 г. на заседании Общества славянского научного единения договорились о том, что после войны Россия непременно получит протекторат над шестью армянскими вилайетами в Турции. На сходках студенты выдвигали лозунги «Война – войне», «Война на руку только буржуазии»³⁵⁶. На 12-м съезде «Объединенного дворянства» в конце 1916 г. прозвучала критика «вековой основы государства» – самодержавия³⁵⁷.

Кое-кто критически оценивал возможности армии. Адмирал Д. В. Ненюков так говорил о результатах брусилковского прорыва: «Цифры наших потерь... были потрясающе велики и не соответствовали достигнутым результатам»³⁵⁸. Генерал Н. Н. Головин полагал, что брусиловское наступление не дало ожидаемых стратегических результатов из-за слабости железных дорог³⁵⁹. Такие мнения все заметнее определяли общественную атмосферу.

Дворянские собрания откровенно дистанцировались от власти. 3 февраля 1917 г. один из правых политиков отмечал: «Наши полтавские дворяне и земцы пропитаны октябристской слякотью, качаются, как маятники, и от них ничего устойчивого и твердого добиться нельзя». 10 февраля нечто подобное было высказано в письме из Москвы: «Московское дворянство, всегда стоявшее на высоте сознания политического момента и патриотического долга, вдруг в своей резолюции присоединилось к Желтому (Прогрессивному. – *Авт.*) блоку и выразило сочувствие предательским членам Гос[ударственного] совета и дворянского съезда в Петрограде...». «Передовое сословие», изумлялся автор, добровольно идет за Ми-

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1178. Л. 45 об. (письмо Ольги Тыртовой (февраль 1917 г.) из Костромы военнопленному Тертову в Австрию).

³⁵⁵ См.: *Нелипович С. Г.* Брусилковский прорыв как объект мифологии // *Первая мировая война. Пролог XX века.* Отв. ред. В. Л. Мальков. М., 1998. С. 632–634.

³⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. 12, 18, 20 (Воспоминания М. П. Чубинского).

³⁵⁷ См.: *Корелин А. П.* Объединенное дворянство как политическая организация (1906–1917) // *Политические партии в российских революциях в начале XX века.* М., 2005.

³⁵⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 533. Л. 50.

³⁵⁹ *Головин Н. Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 278.

люковым, Гучковым и прочими лидерами блока, «представляющих из себя полную копию изменников и предателей смутного времени...»³⁶⁰.

Тем временем в низах все сильнее сказывались страхи перед грозящим голодом. Если в 1915 г. в стране было зарегистрировано 684 «голодных бунта», то с января по май 1916 г. полиция огметила 510 выступлений на этой почве³⁶¹. Во время бунта 2–3 мая 1916 г. в Оренбурге казаки впервые отказались разгонять толпу. До конца года было зафиксировано еще 8 таких случаев³⁶². 17 октября 1916 г. 30 тысяч забастовавших рабочих Выборгского района попытались заручиться поддержкой части солдат столичного гарнизона. Поскольку казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк. Толпы рабочих и солдат удалось разогнать, однако некоторые представители власти прекрасно понимали, что до успокоения далеко. 30 октября директор Департамента полиции представил специальный доклад, в котором признал, что главной причиной «озлобления масс» в целом ряде губерний стала «чудовищно растущая дороговизна». При этом он отмечал, что «оппозиционность настроений» в столицах намного превосходит уровень 1905 г., и здесь «могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера». Особо тревожная ситуация складывалась в Кронштадте, гарнизон которого был весьма «ненадежен»³⁶³.

События развивались в направлении масштабного бунта. К концу 1916 г. кризис снабжения в городах принял всеобщий характер – он охватил даже Черноземье. В Воронеже продавали лишь по 5 фунтов муки в месяц, в Пензе продажу ограничили 10 фунтами, а затем вообще прекратили. В Одессе, Киеве, Чернигове, Подольске громадные толпы людей бесполезно стояли в очередях за хлебом. В декабре 1916 г. карточки на хлеб были введены в Москве, Харькове, Одессе, Воронеже, Иваново-Вознесенске и других городах, но и карточки не всегда гарантировали получение хлеба³⁶⁴. В некоторых городах население просто голодало. Перспектив улучшения ситуации не видели.

Тяготы быта давили на психику. Всех раздражали «хвосты» (очереди) за хлебом и нормированными товарами – в этом обвинялись

³⁶⁰ Исторический архив. М., 1994. № 5. С. 78; Минувшее. 1993. Т. 14. С. 221.

³⁶¹ Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Погромное движение в городах России в 1917–1918 гг. Тамбов, 1995. С. 47.

³⁶² Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

³⁶³ Буржуазия накануне февральской революции. С. 136–138.

³⁶⁴ См.: Погребинский А. П. Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы Первой мировой войны // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 54, 56; Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 59; Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г. Л., 1985. С. 334.

«спекулянты», якобы манипулирующие администрацией. Ждали только худшего: на случай крупных забастовок кое-кто запасался водой и свечками. Среди интеллигенции неуклонно распространялись пораженческие настроения, усиливалась антибуржуазная и социалистическая риторика. Смятение коснулось и верхов: 25 января 1917 года министр финансов П. Барк, выступая на Петроградской конференции стран Антанты, сообщал, что цены в России поднялись в 4–5 раз, намного больше, чем в других воюющих странах, что, если курс рубля не будет поддержан, «возможна катастрофа, как во время французской революции»³⁶⁵.

Власти не могли противостоять слухам о недостатке хлеба. На этой почве 23 февраля в столице вспыхнула забастовка, сопровождающаяся уличными беспорядками³⁶⁶. Одновременно в императорской опере неожиданно забастовал хор³⁶⁷. Социальные страсти тех дней казались иррациональными. Хлебопеки наблюдали, как тот или иной человек, купив в одной лавке хлеб, тут же становился в очередь к другой. Либеральная газета размышляла: «Откуда причина такой паники – сказать трудно, это нечто стихийное... В Петрограде все-таки имеется достаточный запас муки...»³⁶⁸. В верхах списывали все на хулиганство: люди вовсе не испытывали в хлебе острой нужды: они часто разбрасывали его по улице, а в самом магазине били стекла³⁶⁹. Разумеется, было и такое. Ситуацию определял не только перепуганный обыватель, но и «пришлый» хулиганствующий элемент – в том числе солдаты, включая массу дезертиров. Но ни те, ни другие не отважились бы на бунт против достойной власти.

Петроградская городская дума еще 13 февраля высказалась за введение нормированной продажи хлеба. Тут же распространились слухи о введении карточек, а услужливая печать «разъяснила»: ежедневная выдача хлеба на взрослого едока составит не более 1 фунта, детская норма будет вдвое меньше. Началась паника, хлеб стал исчезать из продажи. 14 февраля кадетская «Речь» сообщала: «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб. Во многих мелочных лавках больше 1–2 фунтов на человека в день не продают, обывателям приходится являться в лавки со всеми своими домочадцами...». Пристав 2-го участка Выборгской части 22 февраля докладывал: «Среди... рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба; ...приходится ежедневно слышать жалобы, что не ели хлеба по 2–3 дня и более, и поэ-

³⁶⁵ Булдаков В. П. Красная смута. С. 116–117.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 29.

³⁶⁷ Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 440.

³⁶⁸ Русские Ведомости. 1917. 26 февраля.

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 74. Л. 14 об.

тому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размера, что некоторые, дождавшиеся покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»³⁷⁰.

В Москве положение было немногим лучше. Председатель Общества фабрикантов и заводчиков Московского промышленного района Ю. П. Гужон 23 февраля сообщал, что в 14 хлебопекарнях Москвы приостановлена выдача хлеба для 93 тысяч рабочих. «Фабрики и заводы приостанавливаются, рабочие волнуются, уходя искать хлеб». В Костромской губернии из-за недостатка продовольствия забастовали рабочие льнопрядильной фабрики, на Владимирском пороховом заводе рабочие готовы были уволиться. 20 тысяч рабочих Брянского завода в Бежице, остановившегося из-за недостатка угля, одновременно остались без продовольствия³⁷¹. В Московском районе начали останавливаться фабрики из-за недостатка топлива. Сообщали также, что «нет топлива для паровозов, которые должны везти топливо»³⁷².

Постепенно складывалось убеждение, что бюрократия парализует общественную инициативу. «Несмотря на огромные затраты, несмотря на все меры, принимаемые общественными организациями в деле срочного исполнения заказов военного ведомства – дело это... не встречает поддержки со стороны соответствующих инстанций... Вследствие этого производство многих фабрик и заводов «земгора» далеко не достигло своего развития, и заводы часто вынуждены приостанавливать свою работу, – сообщали генерал-контролеру Департамента гражданской отчетности С. А. Гадзятскому из Москвы в конце января 1917 г. – Так, снарядный завод вынужден прекратить работу по недостатку топлива, а недостаток кожи и железа лишает возможности выполнить заказы на конскую амуницию и обувь... Между министерствами... чувствуется разногласие... тогда министерство финансов старается понизить цены на предметы производства... министерство торговли, наоборот, в повышении цен усматривает путь к поднятию производительных сил страны... Паровозы за недостатком пара останавливаются на постах, товарные вагоны непроизводительно застаиваются на путях...»³⁷³.

Все больше ухудшалось положение с продовольствием. Согласно обследованию 60 городов Европейской России, их потребности удовлетворялись в среднем на 36,8 %. Тем не менее министр земледелия А. А. Риттих был настроен оптимистично в связи с переходом от системы закупок и реквизиций к разверстке потребляемого хле-

³⁷⁰ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Указ. соч. С. 60, 190.

³⁷¹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 497–498.

³⁷² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 17, 19.

³⁷³ Там же. Л. 6. Паровозы останавливались из-за плохого качества поставляемого из Донбасса угля. См.: Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 31–32.

ба. Однако отдельные губернаторы с ним не были согласны. Казанский губернатор П. М. Боярский писал 31 декабря 1916 г. Н. П. Гаринову в Петроград: «Против меня ополчился Риттих, который... решил, что я ему противодействую... Я находил, что в Казанской губернии... без разверстки можно купить больше, и оказался прав, так как вместо 32 миллионов, которые назначил Риттих, разверстка дает 9 1/2 миллионов и вызвала большое волнение, которое сообщается армии, откуда солдаты пишут...»³⁷⁴.

Разверстку, призванную удовлетворить потребности армии, предполагалось закончить до 6 января 1917 г. С этой целью Риттих в январе 1917 г. объездил основные хлебопроизводящие центры Европейской России и транспортные узлы, через которые хлеб следовал в армию. Естественно, создалось впечатление, что хлеба более чем достаточно, и его можно взять одним махом. Однако снежные заносы на три недели фактически прервали сообщение между хлебопроизводящими губерниями и столицами. К тому же, поскольку на местах разверстка встретила сопротивление, пришлось отсрочить ее окончание до 1 марта 1917 г. Тем временем в частной переписке сообщали, что «миллионы пудов говядины в Сибири гниют, в Астрахани рыба тоже, а у нас ничего нет». По мнению корреспондента, «прохвосты-распорядители все имеют, а на нас им наплевать». От деятельности Риттиха здесь осталась «одна только пустота»³⁷⁵. Как показало обследование, «...продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего... продовольственное дело в империи превратилось в общеимперскую продовольственную катастрофу...»³⁷⁶.

3 февраля московский городской голова М. В. Челноков просил премьера принять незамедлительные меры по снабжению Москвы мукой. Ее поступление едва превышало треть суточной нормы, что угрожало «вызвать в ближайшие дни хлебный голод, последствием чего явится острое недовольство и волнения со стороны населения», что соответственно отразится «на работе на оборону страны»³⁷⁷. В Москве ощущался также недостаток предметов первой необходимости³⁷⁸. В провинции положение было не лучше. В конце января из Екатеринбурга Д. И. Шаховскому писали, что «дороговизна про-

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 61. Характерно, что губернатор просил «поговорить с Добровольским» (министром юстиции. – *Авт.*), а также надеялся, что великая княгиня Елизавета Федоровна (сестра императрицы) «напишет Его Величеству». Он опасался, что если теперь не сможет пройти в Сенат, то, его, как правого губернатора, «туда после реформы не пустят» (Там же).

³⁷⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 16 (письмо неустановленного автора из Москвы от 2 февраля 1917 г. В. А. Мясоедову на станцию Полевую Харьковской железной дороги).

³⁷⁶ Сидоров А. Л. Экономическое положение России.... С. 490–491.

³⁷⁷ Там же. С. 497.

³⁷⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 302, 304.

грессирует», мельницы останавливаются из-за нехватки зерна, доставка его из Сибири «идет очень туго», а «про сахар и говорить нечего». В Туле не было муки, в губернии – ни дров, ни керосина, ни муки, ни пшена, ни крупчатой муки. Сообщали, что «бедный люд в страшном положении». Вдова убитого офицера из Полтавы жаловалась М. В. Родзянко (для передачи царю), что «семьи погибших офицеров не в состоянии существовать на получаемую пенсию», а «дети болеют от истощения»³⁷⁹.

Все новые и новые напасти исходили от самих местных властей. 5 января 1917 г. в Петроград сообщали: «Вся Одесса возмущена постановлением местного генерал-губернатора о реквизиции одеял с угрозой 3 000 штрафа или 3-месячного тюремного заключения... За принесенные одеяла выдавались 3 р., а между тем обыватели... покупали самые простые по 30 р. Вот логика, и как тут борется с мародерами тыла наша администрация... Теперь поговаривают о реквизиции кроватей... Вот кто возмущает народ». 4 февраля 1917 г. в Одессе сложилась следующая ситуация: «Говорят, что скоро не будет муки, нет керосина уже более недели. Везде очереди, хвосты... Право, казна сама ведет к бунту на казенные деньги. Вкрадывается подозрение, что нарочно это устраивают, что администрация наша в большинстве продажна и сама спекулирует... или она бездарна, ей нет дела до населения»³⁸⁰.

Изоляция власти усиливалась. Однако революционеров для ее свержения было маловато. 2 января 1917 г. был арестован весь петербургский комитет большевиков; на многих заводах не осталось большевистских организаций³⁸¹. Но теперь самодержавие тревожили не революционеры, не бунтари, а отчаяние простых людей. «Всего недостает, а в череду приходится стоять по целой смене, – писала работница одной из тверских фабрик мужу-военнопленному в январе 1917 г. – А в фабричной лавке дешевле, чем на воле, в городе, благодаря тому, что рабочие работают почти даром. Стали нас ставить на три станка, и скоро мне черед достанется. Очень не желаем этого... У нас иногда читают газеты. Там ничего не пишут. А народ поговаривает, что скоро война должна окончиться, потому что бедные солдатики совсем обессилели, харчи – тоже очень плохие, одежда плохая, обувь – калошки, да обвертят портянками. Даже теперь многие мерзнут»³⁸².

Люди устали от безнадежности. Картину обреченности дополняли пересуды о катастрофах, виной которым была «измена», о

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 2, 13, 14, 20.

³⁸⁰ Цит. по: Охранка предупреждала: «Мы накануне голодного дня, за которым последует голодный бунт». Публ. Ю. И. Кирьянова // Родина. 1999. № 11. С. 21.

³⁸¹ Старцев В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 245.

³⁸² ГА ТО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 28315. Л. 22, 23.

продажности министров³⁸³. Вероятно, доходили слухи и о том, что Б. В. Штюрмер был сторонником сепаратного мира³⁸⁴. Даже обычные газетные сообщения интерпретировались в антиправительственном духе. Охранное ведомство указывало, что слухи создавали «необходимую для революции атмосферу», что «антиправительственную работу осуществляли нелепые и пошлые сплетни»³⁸⁵. Домашние домыслы накладывались на информацию о мирных инициативах Германии.

О надвигающейся катастрофе писали в своих дневниках люди из разных социальных слоев³⁸⁶. Похоже, и сам Б. В. Штюрмер признавал, что «Россией теперь управлять нельзя»³⁸⁷. На деле управлять страной было уже некому. Высшую власть презирали. Всякий новый министр с репутацией царедворца, в глазах общественности автоматически превращался едва ли не в изменника. Готовились к самому худшему. Отмечался рост пораженческих настроений: курсистки на сходках стали говорить, что война выгодна одной лишь «буржуазии»³⁸⁸. В провинции также наблюдался рост забастовочного движения: в январе 1917 г. произошло 389 стачек, охвативших 265 тысяч человек (39 % бастующих приходилось на столицу), причем значительную их часть составляли рабочие оборонных заводов, выдвигавшие политические требования³⁸⁹.

Верховная власть то ли не сознавала остроты ситуации, то ли просто не была способна к активным действиям. Николай II 22 февраля уехал в Ставку. Правительство под председательством Н. Д. Голицына 24 февраля обсуждало весьма необычный вопрос. Присутствовали не только министерские чины, но и председатель Думы М. В. Родзянко, его заместитель Н. В. Некрасов, городской голова П. И. Делянов, председатель губернской земской управы Е. И. Яковлев. Было подтверждено, что в столице имеются достаточные запасы муки. Совещание пришло к беспрецедентному заключению: заведование продовольственным делом следует передать в руки общественности. Власти согласились даже на то, чтобы в обход

³⁸³ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 85–87; «Печально что-то и страшно». С. 8, 13; РГВИА. Ф. 1932. Оп. 15. Д. 269. Л. 12–156.

³⁸⁴ *Шавельский Г. И.* Воспоминания... Т. 2. С. 228–229. Если верить свидетельству И. Колышко, Штюрмер был убежден, что «победить Германию может лишь самодержавная Россия». См.: *Колышко И. И.* Указ соч. С. 102.

³⁸⁵ *Спиридович А. И.* Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 123.

³⁸⁶ *Окунев Н. П.* Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. М., 1990. С. 11; *Сайн-Витгенштейн Е. Н.* Дневник. Париж, 1986. С. 77.

³⁸⁷ *Колышко И. И.* Указ. соч. С. 102.

³⁸⁸ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 19–20; Д. 427. Л. 40–42 (воспоминания Н. Д. Крупенского).

³⁸⁹ См.: Рабочее движение в годы войны. М., 1925. С. 6–7, 192–193.

закона предоставить городскому общественному управлению право введения карточной системы. Был поставлен вопрос о расширении полномочий городских самоуправлений в области снабжения продовольствием³⁹⁰. Понятно, что правительство хотело переложить свои заботы на либеральную оппозицию, дабы та не смогла обвинить ее в провале продовольственного снабжения столицы. Однако события разворачивались вполне независимо от этих замыслов.

Усиление продовольственных неурядиц сопровождалось в низах не ростом хозяйственных инициатив, а напротив – потребительских ожиданий. Так, один из уездных исправников Вятской губернии в январе 1916 г. отмечал, что со стороны солдаток стмечается недовольство правительством в связи «с прогрессивным поднятием цен на предметы потребления и отсутствием сахара»³⁹¹. Между тем провинциальные газеты вплоть до октября 1916 г. были заполнены рассказами о жизни «разбогатевшей деревни». В ноябре 1916 г. графу Ф. А. Келлеру в действующую армию из Харьковской губернии сообщали, что «в деревне много денег, ибо нет расхода на водку, и получают десятки миллионов пособий, а крестьяне не продают ни хлеб, ни живность, поджидая больших цен»³⁹². Но теперь система ничего не могла гарантировать. Она лишь разбудила неоправданные потребности, ухитрившись при этом превратить традиционную «этику выживания» в «этику ожидания».

Неверие во власть распространялось на всех уровнях. Сказывались негативные впечатления от поведения официальных лиц. Одна медсестра (дочь статского советника и родная сестра известного большевика А. А. Жданова) в декабре 1914 г. представила тверского губернатора Н. Г. фон Бюнтинга самодуром с «лицом человека перед припадком эпилепсии» с антисемитскими наклонностями. Между тем Бюнтинг характеризовался его другом Джунковским в качестве «выдающегося администратора», единственным недостатком которого была «нетерпимость»³⁹³. Увы, это в известных обстоятельствах могло сыграть роковую роль.

Однако власть не хотела верить в реальность угрозы ни извне, ни изнутри. «В военном отношении технически мы сильнее, чем когда-либо, – утверждал Николай II в январе 1917 г. – скоро, весною, будет наступление, и я верю, что Бог даст нам победу, а тогда изменятся и настроения в стране»³⁹⁴. Начальник штаба Ставки генерал М. В. Алексеев предсказывал, что в ходе грядущего наступления

³⁹⁰ Г. П. (полк. Г. Г. Перетц). Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля – 23 марта 1917 г. СПб., 1997. С. 12–13.

³⁹¹ Бакулин В. И. Стихийно-анархический компонент событий 1917 г. в Вятской губернии // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 82.

³⁹² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1061. Л. 1130.

³⁹³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 115; Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 548.

³⁹⁴ Рейн Г. Е. Из пережитого. 1907 – 1918. Т. 2. Берлин, [1936]. С. 161.

немцы будут «буквально сметены, засыпаны нашими снарядами» и не смогут выдержать «феноменальной мощи» русского огня³⁹⁵. Великий князь Сергей Михайлович, полевой генерал-инспектор артиллерии, выражал уверенность, что весной 1917 г. хорошо оснащенные русские войска разобьют врага – если, конечно, «тыл не свяжет свободу наших действий» с помощью спровоцированной немцами революцией³⁹⁶.

Последнее опасение было более чем уместно, хотя «вездесущие» немцы были ни при чем. «Праздники я провел ни плохо, ни хорошо. Многократно веселил свое брненное тело “огневой водой”, – писал один будущий командир. – Одного я хотел бы – чтобы принести возможно большую помощь революции, быть ко времени ее возникновения офицером. Ведь только армия может что-либо сделать, а для этого надо, чтобы в революции побольше офицеров было, ибо солдаты в массе пойдут за ними...»³⁹⁷. Должно быть, он воображал себя новым декабристом.

Простые солдаты оценивали ситуацию проще. Из 9 роты 105-го пехотного запасного батальона В. М. Пуришкевичу писали: «На передовых позициях у нас третий год без ремонта винтовки, пулеметы, бомбометы и орудия (пукалки, как мы их называем в сравнении с германскими). Кормят нас чечевицей да просыным супом с сельдями. Лечение правильное отсутствует, так как нет лекарства». В гибели от газов солдат 48-й дивизии они винили «русского немца ген. “Эверта”» и требовали создания «комиссии для расследования положения дел на передовой». «Пора бросить омыwać нашей кровью руки и оставлять нас несчастными, – считали солдаты, особо подчеркивая, что «в армии одни крестьяне». По их мнению, война была «уже проиграна, и в наступление солдат не пойдет без начальства, а начальство прячется»³⁹⁸.

У власти появлялись все более серьезные основания для беспокойства. 1 января столичная профессура (Александровского лицея, Бестужевских курсов), а также Юрьевского университета образовала кружок «прогрессивных деятелей», в котором выступали Милюков, Керенский, М. Горький³⁹⁹. В самой Думе кипели страсти. 7 января М. В. Родзянко, вознамерившийся «спасти положение», приготовился «сказать все» на аудиенции у императора. Однако заговорить об ответственном кабинете он так и не решился: Николай II на встрече

³⁹⁵ Цит. по: Друцкой-Соколинский В. А., кн. Указ. соч. С. 59.

³⁹⁶ Цит. по: Александр Михайлович, вел. кн. Книга воспоминаний. М.; СПб., 2008. С. 304.

³⁹⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 68 (письмо, подписанное «твой Вадим» из Екатеринодара от 31 января 1917 г. В. И. Лебедеву в Москву).

³⁹⁸ Там же. Л. 111. Подписали письмо Тарасов, Фомин, Аркадьев, Родионов.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 3–6 (воспоминания профессора М. П. Чубинского).

«был как никогда смел в своих репликах, с сильным отпечатком не только насмешки, но и пренебрежения»⁴⁰⁰. Многие представители власти не ощущала остроты положения. Орловский губернатор граф П. В. Гендриков благодушно писал в Петроград: «Политика, слава Богу, пока не коснулась рабочих, и если происходят иногда небольшие неприятности, то исключительно на почве экономической. Пускай петроградские сплетники и пессимисты успокоятся. Деревня, несмотря на все, спокойна»⁴⁰¹. Гендриков совсем недавно вступил в управление губернией; трудно сказать, чего в его словах больше – наивности или привычного бюрократического стремления выдать желаемое за действительное. Похоже, власть поразила своего рода «куриная слепота». «Правительственное зрение слабо, тускло, тупо и мелко, не соответствует размерам, силе и духу России, – писал другой граф – С. Д. Шереметев 24 января 1917 г.»⁴⁰². Немногим позже, 11 февраля, он, похоже, впал в отчаяние: «Не думал, что возможно будет дожить до такого унижения, до утраты всяких основ и понятий...»⁴⁰³.

Общественность пребывала в изумлении от «министерской чехарды». Особенно поразило назначение 67-летнего кн. Н. Д. Голицына. Говорили, что тот битый час уверял царя в своей «профнепригодности». Ответ был категоричен: «Справитесь!»⁴⁰⁴. Нового премьера характеризовали так: «Фигура очень неприятная, надменная, ни особого ума, ни талантов». Высказывались и по-другому. «Голицын, дряхлый и неумный, будет ширмой, – писал из Петрограда А. Смирнов 3 января 1917 г. В. А. Смирновой в Одессу. – Про него сам министерский швейцар говорит: “Какой уж он председатель, когда в галоши сам влезть не может”»⁴⁰⁵. Министром юстиции стал Н. А. Добровольский, известный «леностью, гурманством и приспособляемостью». Впрочем, даже в этих назначениях общественность пыталась разглядеть признаки движения к «правительству доверия» – казалось, что выбора уже нет.

Беспомощной власти везде мерещатся заговоры. Между тем ее представителей начинали ненавидеть даже в ближайшем окружении. «...Те люди, которые сейчас призваны управлять страной, не только не пользуются хотя бы каким-нибудь уважением, а некоторым даже в их министерствах не подают руки, – писали из лейб-гвардии 3-го стрелкового полка в знаменательный день 9 января 1917 г. в Царицын. – Таков, например, Добровольский и ваш глава

⁴⁰⁰ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной Думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 174, 176–178.

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 111.

⁴⁰² Там же. Л. 173.

⁴⁰³ Там же. Д. 1071. Л. 40.

⁴⁰⁴ Там же. Л. 137–138.

⁴⁰⁵ Там же. Д. 1068. Л. 16.

Кульчицкий (министр просвещения. – *Авт.*). – Даже мы – гвардия, опора страны, и то возмущены так, что вот-вот и лопнет терпение...»⁴⁰⁶.

Взаимопонимания между «обновленным» правительством и местной администрацией достичь не удалось. 6 января 1917 г. Николай II в рескрипте на имя Голицына подчеркнул, что «в предстоящей деятельности по устройству хозяйственной жизни страны неизменно опорой правительства явятся земства, которые работою своею как в мирное время, так в годину войны доказали, что в них неугасимо сохраняются светлые заветы устроителя земской жизни, незабвенного моего деда императора Александра Второго»⁴⁰⁷. На это сомнительное заявление премьер отреагировал своеобразно: 10 января он доложил о готовности привлекать к ответственности городских голов за антиправительственные речи и действия. Губернаторам, в свою очередь, надлежало наказывать за подобные поступки земских деятелей⁴⁰⁸. Как ни парадоксально, перед этими событиями в армии ходил слух, что 6 января царь «подпишет манифест об ответственном министерстве». Ожидали реформ, а не революции⁴⁰⁹.

Кое-кто в верхах действительно готов был двинуться навстречу либералам. В январе МВД внесло в правительство законопроект об изменении ряда статей старого (1890 г.) положения о земских учреждениях. Предлагалось уменьшить кворум для конституирования земских собраний, увеличить число членов управ, расширить круг лиц, имеющих право быть избранными на земские должности. МВД просило Совет министров утвердить закон, минуя Государственную думу. Однако правительство сочло нежелательным обострение отношений с «главными» законодателями: законопроект отправился в Думу. Но она, будучи распущенной, так и не успела приступить к его обсуждению.

Со времен Великой Французской революции было известно, что самый опасный момент для дурной власти возникает тогда, когда она пытается «исправиться». Так было и на сей раз.

Власть поносили, как могли. Неизвестный корреспондент писал 31 января из столицы в Харьков: «Какие еще потрясения, извержения и т.п. стихийные явления нужны, чтобы избавиться нам от

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 64 (письмо адресовано директору гимназии А. А. Казаринову в Царицын). Про Кульчицкого говорили, что он возглавлял «Союз русского народа» в Харькове (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 116), что он ставленник Распутина и вообще «круглый дурак и ничтожество» (Там же. Л. 186 (Ростиславов из Петрограда 26 января 1917 г. – С. А. Ростиславову в Москву)).

⁴⁰⁷ Земское самоуправление в России. 1864–1918. Кн. 2. 1905–1918. М., 2005. С. 310–311.

⁴⁰⁸ Семенников В. П. Монархия перед крушением. М.; Л., 1927. С. 293.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 220. Л. 2 (воспоминания А. Ф. Аккермана, инспектора артиллерии 34-го армейского корпуса).

таких элементов, как Чаплинские, Марковы, распутинцы и иже с ними мнози, сидящих на вулкане и посыпающих наши головы вместо пепла дурманом настолько обильно, что уже теперь на самом деле никто ничего не понимает и не видит, что вокруг него творится, а только чувствует зловоние и нестерпимый зуд... Поражаться нужно, как люди этого сорта великолепно дурачат и морочат всех и по всем направлениям. И... благоденствуют: крадут, грабят, развратничают, лгут» вышестоящим⁴¹⁰. Впрочем, могли быть и прямо противоположные мнения, также связанные с утратой представлений о реальности.

В сущности, и в хозяйственном отношении положение старой власти было безнадежным. Тем не менее некоторым военным специалистам казалось, что ситуация окончательно выровнялась: «как результат больших усилий, общей напряженной работы, затраты огромных средств всей страны, снабжение армии к 1917 г. было хорошо налажено»⁴¹¹. Действительно, сравнительно с началом войны положение улучшилось – главным образом за счет общественной инициативы и экстремальных усилий отдельных управленцев. А между тем требовалось не просто перенапряжение общественного организма, а тотальное мобилизационное и инновационное обновление всей системы.

Характерно, что некоторые высокие снабженцы заявляли, что «начало революции было концом успешной работы по снабжению армии»⁴¹². Однако адмирал Д. В. Ненюков высказывал прямо противоположное мнение: «...Революция есть болезнь, которая поражает только нездоровые и расслабленные организмы и не может привиться к здоровым и сильным»⁴¹³. Главная причина «нездоровья» российской экономики, сказавшаяся на общественных настроениях, виделась ему в ее внутренней несбалансированности и слабости инфраструктуры. В этих обстоятельствах при существующем уровне управленческой «расслабленности» участие России в мировом конфликте становилось для нее губительным.

Чем больше запутывалась хозяйственная ситуация внутри страны, тем более серьезные надежды возлагались на союзников. Но последние по-своему видели положение дел в России. 20 января глава английской делегации на петроградской межсоюзнической конференции лорд А. Мильнер во время продолжительной беседы с Николаем II намекнул на желательность ответственного министерства, однако получил решительный отказ. Зато царь благожелательно отнесся к предложению о посылке военной миссии для оказания помощи в освоении поступающих из Англии вооруже-

⁴¹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 220. Л. 12.

⁴¹¹ Там же. Д. 110. Л. 125.

⁴¹² Там же. Л. 128.

⁴¹³ Там же. Д. 533. Л. 87.

ний⁴¹⁴. Вскоре поползли слухи, что Бьюкенен предупредил царя о возможности прекращения кредита со стороны Великобритании «в случае продолжения внутреннего гнета»⁴¹⁵. Говорили также, что «иностранцы будут настаивать об открытии Думы»⁴¹⁶. Но становилось известным и другое: «...Слышал я, что в договоре союзников имеется пункт, что Россия может заключить сепаратный мир с Германией, если внутри будет революция, – писал некий «Мишурка» из Киева 1 февраля 1917 г. С. Я. Зеленовой в Петроград. – Вот теперь правительство и провоцирует трудящиеся массы, старательно стараясь вызвать на эксцессы»⁴¹⁷. Фантазиям растерянных обывателей не было предела.

В конце января в Петрограде состоялась очередная конференция союзников, призванная добиться максимальной согласованности действий. Лидеров Антанты беспокоило то, что брусиловский прорыв имел ограниченный успех из-за недостатка тяжелой артиллерии⁴¹⁸. Российская сторона возлагала на конференцию немалые надежды. Прежде всего хотелось убедить союзников в их недостаточной военной активности. Были даже составлены сравнительные диаграммы вклада в общее военное дело⁴¹⁹.

Вместе с союзными послами в России и высокопоставленными делегатами Франции, Великобритании, Италии и Румынии в работе конференции приняли участие семь российских министров и все высшее военное руководство (но без императора). Союзники обещали в ближайшее время новые военные поставки, которые, однако, составляли лишь треть заявленной Петроградом потребности⁴²⁰. Им хотелось подтолкнуть Россию к более активным военным действиям, поскольку за прошедшие три месяца их собственное военное положение ухудшилось. Вряд ли это было реально: производство артиллерийских орудий в России, как и их поставки из-за границы, увеличить было невозможно⁴²¹. Лорд Мильнер в конфиденциальной записке посоветовал императору шире привлекать к организации производства и распределения общественные организации, отдавать предпочтение специалистам при назначе-

⁴¹⁴ *Игнатъев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль–октябрь 1917 г.). М., 1966. С. 113.

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 8 (И. Стаховский из Петрограда 31 января 1917 г. – В. М. Стаховской в Суздаль).

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 121.

⁴¹⁷ Там же. Д. 1071. Л. 93.

⁴¹⁸ *Сидоров А. Л.* Финансовое положение России... С. 416.

⁴¹⁹ *Гурко В. И.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. М., 2007. С. 292.

⁴²⁰ *Шацилло К. Ф.* Петроградская конференция союзников 1917 г. // Советская историческая энциклопедия. М., 1968. Т. 11. Стб. 110.

⁴²¹ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России... С. 237.

нии на ответственные посты, допустить союзников к контролю над использованием военных поставок, поступающих в Россию⁴²². Как признавался потом Мильнер, ему ничего не удалось добиться⁴²³. А в обществе говорили, что конференция «больше обедает и завтракает на банкетах, чем дело делает». Пронесся, однако, «утешительный» слух: союзники якобы заявили, «что они настолько сильны в военном отношении, что, если бы даже Россия заключила сепаратный мир, они все-таки Германию победят»⁴²⁴.

Чем более основательной становилась зависимость России от союзных поставок, тем болезненнее относились российские верхи к попыткам воздействовать на них. По-прежнему крайне острым оставался топливный вопрос. Нефтяные предприниматели были крайне недовольны твердыми ценами на нефть. Хотя Россия располагала огромными запасами горючего, до трети ввозимого из-за границы тоннажа приходилось на уголь. Это оказалось проще, чем доставлять его из Донбасса⁴²⁵. Зависимость России от союзников приобретала системный характер. Соответственно этому росли панические настроения верхов.

Тупиковые ситуации провоцируют авантюризм. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский 21 февраля 1917 г. предложил царю активизировать подготовку десантной операции для захвата Босфора и Константинополя. За этим стояло растущее недоверие к союзникам. Министру казалось, что иного шанса для завладения проливами у России не будет⁴²⁶. Но при тогдашнем состоянии военно-морских сил России решение этой задачи выглядело по меньшей мере проблематично.

Особенно российскую сторону беспокоил финансовый вопрос. Между тем те же трудности нарастали в Англии. Союзников решили «напугать» на конференции. 25 января 1917 г. министр финансов П. Л. Барк объявил, что военные расходы России почти сравнялись с английскими, но при этом цены поднялись в 4–5 раз, то есть намного выше, чем у союзников. Если курс рубля не будет поддержан, «возможна катастрофа, как во время французской революции»⁴²⁷.

Все это не было новостью. Между тем сама Дума была все менее склонна к примирению с министрами. 14 февраля социал-демократ Н. С. Чхеидзе говорил о необходимости добиваться смещения правительства, прогрессист И. Н. Ефремов доказывал, что нынешний

⁴²² См.: Семенников В. П. Монархия перед крушением. 1914–1917 гг. М.; Л., 1927. С. 77–85.

⁴²³ Callwell C. E. Field-Marshal Sir Henry Wilson. His Life and Diaries. Vol. 1. London, 1927. P. 320.

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 23, 43 (Н. Е. Пилипенко из Петрограда 14 февраля 1917 г. – А. А. Оглоблину в Полтаву).

⁴²⁵ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 331, 532, 563.

⁴²⁶ Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 341–342.

⁴²⁷ См.: Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 418, 421, 429–430, 432.

режим должен быть заменен парламентским строем, а В. М. Пуришкевич в очередной раз убеждал, что раскол между «близорукой» властью и обществом связан с «немецкой партией». В Лондоне также выражали опасение в связи с внутренней нестабильностью в России. На конференции не случайно попытались выработать не только план перевооружения русской армии, но и план снабжения городов⁴²⁸. Английский посол Д. Бьюкенен еще до конференции пытался предупредить Николая II и о продовольственном кризисе, и о ненадежности войск. «Революция носилась в воздухе, – писал он, – и единственный спорный вопрос заключался в том, придет она сверху или снизу... Народное восстание, вызванное всеобщим недостатком хлеба, могло вспыхнуть ежеминутно». С доводами Д. Бьюкенена император как будто соглашался⁴²⁹. Французский посол М. Палеолог был давно убежден, что Россия находится накануне революции, причем в случае восстания правительство не сможет рассчитывать на армию⁴³⁰. Со своей стороны, исполняющий обязанности начальника штаба Ставки генерал В. И. Гурко, прибывший в Петроград в начале января, уведомил Родзянко, что «если Думу распустить, то войска перестанут драться»⁴³¹. В сущности, руководители страны только и делали, что пугали друг друга.

Союзники смотрели на ситуацию в России сквозь призму своих интересов. Так, представитель Франции Г. Думерг, поддержанный лордом А. Мильнером, рекомендовал для повышения курса рубля увеличить экспорт российского хлеба и леса⁴³². Предложение было неприемлемо как в силу перегруженности российского транспорта военными перевозками, так и по причине недоступности прежних морских внешнеторговых сообщений.

Решить военно-хозяйственные проблемы самостоятельно Россия уже не могла. Особенно остро встал вопрос о металлах. До войны их выработка в России даже превышала внутренние потребности, теперь же поднять их производство до требуемого уровня было невозможно.

Россия оказалась в зависимости от союзников и в поставках важнейших видов сырья. Это было обусловлено не только недостатком ресурсов и слабостью производственных мощностей. Московские

⁴²⁸ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 322.

⁴²⁹ Бьюкенен Д. Мемуары дипломата: Воспоминания, мемуары. М., 2001. С. 213, 217–220, 224. Впрочем, существует версия, что Николай II якобы знал, что против него готовится заговор, в котором заметную роль играет английский посол. См.: Кольишко И. И. Указ. соч. С. 51.

⁴³⁰ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. С. 196. Будучи человеком эмоциональным, М. Палеолог еще с осени 1916 г. говорил о «грядущей анархии» в России. См.: Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 17, 64.

⁴³¹ Глинка Я. В. Указ. соч. С. 175. Впрочем, в мемуарах В. Гурко об этом разговоре умалчал. См. Гурко В. И. Царь и царца. С. 308–309, 311.

⁴³² Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 432.

банкиры говорили, что на внутрироссийском рынке «производство товаров, никем не контролируемое, вызывалось не спросом, а единственным желанием нажить в короткий срок большие барыши». Все спешили разбогатеть, забывая, что очень скоро они могут стать жертвой ими же спровоцированной дороговизны⁴³³. Характерно, что текстильные фабриканты активно сопротивлялись регламентации цен на свои товары, но настаивали на твердой цене на хлопок и пряжу⁴³⁴. Все это вызывало спекулятивную активность и, соответственно, усиливало экономическую и финансовую нестабильность. «...Живем как в пиру во время чумы. На бирже вакханалия. Бедные люди в 1–2 недели делаются богатыми», – такие характеристики встречались в частной переписке в начале февраля 1917 г.⁴³⁵

Как бы то ни было, вопрос о дальнейшем кредитовании России был как будто решен. В кулуарах Франция и Россия договорились также о взаимной свободе в определении своих послевоенных границ с Германией⁴³⁶. Всем казалось, что общая победа близка. Но стабилизировать русский рубль на иностранных биржах так и не удалось, в марте его падение продолжилось⁴³⁷. Всего этого в России словно не замечали. В связи с расширением союзнических поставок в предпринимательских кругах заговорили о необходимости создания собственного торгового флота. Активно лоббировал этот вопрос сам морской министр И. К. Григорович⁴³⁸. Все большие надежды связывались с американским финансовым капиталом⁴³⁹.

Либералы также настраивались оптимистично. Тон задавал П. Н. Милюков, твердивший о проливах и доказывавший, что немцы «на последнем издыхании»⁴⁴⁰. Его отнюдь не расхолаживали письма от офицеров, убеждавших, что «если мир не будет заключен в ближайшем будущем, ...будут беспорядки»⁴⁴¹. Некоторые студенты были озлоблены. 20 января 1917 г. студент 2 курса Харьковского Технологического института получил письмо из Пензы: «Газеты равнодушно читать не могу. Разные Милюковы и Шидловские бряцают оружием, тогда как Россия трещит по всем швам. Моя будущая Россия представляется в виде раздетой проститутки, выстав-

⁴³³ Раунах Р. Р. фон. *Facies Hippocratica* (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 216.

⁴³⁴ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 392–393.

⁴³⁵ ГА РФ. Ф. 102. Д. 1071. Л. 27 (Автором письма был профессор П. П. Мигулин, специалист по кредитной системе).

⁴³⁶ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 543.

⁴³⁷ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 557.

⁴³⁸ Шацлло К. Ф. Из истории финансового капитала. Влияние Первой мировой войны на развитие судостроительной промышленности юга России // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 205–207.

⁴³⁹ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 447, 451.

⁴⁴⁰ Бенца А. Н. Мой дневник. С. 75, 103, 106.

⁴⁴¹ Раунах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 174.

ленной в витрине мирового магазина. А у продавца на физиономии написано: покупайте, а то все равно %% нечем платить». Он уверял, что на фронт вместо снарядов посылают пустые бутылки от водки, а вместо сапог – лапти, и при этом кричат: «война до победы». А тем временем все солдаты «в один голос заявляют: скорей бы кончилась война», а на «возражения, что тогда Германия завладеет Россией, получался один и тот же ответ: “будет не хуже, а лучше”»⁴⁴². Студенчество, между прочим, издавна считалось своего рода барометром общественных настроений.

Общественные тревоги доходили до верхов. Даже сановники замечали, что «в России творится что-то неладное», жалуясь при этом на либералов, которые якобы ведут народ к революции. Возникало ощущение, что «революция висела в воздухе»⁴⁴³. Впрочем, похоже, лучше всех ощущали драматизм ситуации люди, наиболее отчужденные от политики.

Накануне революции некоторым казалось, что Россией управлять попросту некому. В частной переписке можно было встретить отчаянные суждения. Некий К. М. Петров из Москвы 17 февраля 1917 г. писал М. А. Петрову в Коротояк Воронежской губернии: «Милюков – сволочь, Астров, Челноков, Львов и пр. – прохвосты, у Пуришкевича не хватило характера, Родзянко – красящаяся проститутка, – но все это частности... Ужас в том, что Россия обезлюдела. Нет мысли, нет решений, нет подвига, и неоткуда их ждать. Крестьяне, купцы, дворяне, чиновники, даже духовенство – все иссякло. Где же хранятся наши разум национальный, идея государственная? Где признаки неотъемлемого от живого организма инстинкта самосохранения?... Труп, пока не закоченелый, а дальше – смрад разложения, черви, прах... Так называемые наши общественные крути бездарны и бесплодны, но какая же бездарность и официальные власти...»⁴⁴⁴.

Люди любят сказки о «гениях и злодеях» ушедших эпох. Следовало бы приучить их к беспристрастным рассказам о «дураках истории» – существах, оказывающих несравненно большее влияние на наше общее будущее.

В России власть не свергают. Ее добивают после того, как она уже полуразвалилась от собственной глупости.

⁴⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 73 (письмо неустановленного автора из Пензы от 20 января 1917 г. студенту 2 курса С. Г. Логинову в Харьков).

⁴⁴³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 77.

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 71.

ЧАСТЬ II
РОССИЯ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Глава 7

ФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

2.7.1. Война приходит в столицу империи

Российским верхам казалось, что 1917 г. станет переломным в ходе войны. Войска готовились к активным военным действиям. На деле ситуация становилась угрожающей. Российская армия истощила себя в летне-осеннем «брусиловском» наступлении. Стратегический перелом не был достигнут, а практика постоянных лобовых штурмов без осознания их цели подрывала спайку между личным составом, офицерством и командованием¹. Моральный дух войск падал. Положение в тылу было напряженным.

В обществе получила ложное толкование так называемая Митавская операция 12-й русской армии с 23 декабря 1916 г. по 21 января 1917 г. По Риге, а затем и Петрограду, поползли слухи, что Митава якобы была взята, но императрица приказала прекратить наступление. На деле замысел операции взятия Митавы не предусматривал, рассчитывали на ограниченный тактический успех. Однако и этого результата достичь не удалось, зато было потеряно от 19 до 23 тысяч солдат и офицеров, в значительной степени «героически проявивших себя» латышских стрелков, ставших жертвой «бездарного» русского командования. На деле реальная причина провала операции была все та же: слабая подготовка штабов всех уровней к прорыву позиционной обороны противника, с одной стороны, отсутствие технических средств ближнего боя у солдат – с другой².

Солдаты отказывались вести активные действия, заявляя: «Мы вперед не пойдем, но ни одной пяди не уступим немцам». Говорили и о том, что «Рига уже продана», заявляли, что «терпеть больше нет сил», возмущались тем, что до сих пор «сидят в тылу жандармы, городовые...». Возник острый конфликт между офицерами и коман-

¹ Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. С. 42.

² Гайворонский К. С. Рождественские бои как пример удачной «исторической приватизации» // Россия и Великая война. С. 47–52.

диром 2-го Сибирского стрелкового корпуса генералом И. К. Гандуриным. Некоторые офицеры доходили до истерики, грозясь вызвать генерала на дуэль. В конечном счете отказался идти в наступление 55-й Сибирский стрелковый полк. Следствие проводил начальник 14-й дивизии генерал Довбор-Мусницкий, известный позднее как командир польских легионов, отказавшихся подчиниться советской власти. Он угрозами добился того, что «зачинщики» были расстреляны своими же товарищами³. Однако волнения в армии не прекращались.

Тем временем все шире распространялось представление о том, что высшее командование не считается с потерями живой силы, «генералы не жалеют людей». Строго говоря, тактика изматывания противника, к которой прибег А. А. Брусилов, была характерна для всех воюющих армий. Но в то время, когда творцы «стратегии истощения» на Западе Э. фон Фалькенхайн («герой» Вердена) и Ж. Жоффри (отличившийся по части безрезультатных повторных наступлений⁴) были смещены со своих постов, Брусилов, напротив, стал делать карьеру.

Империя надрывалась в войне на истощение. Несмотря на просьбы предпринимателей, правительство не отказалось от увеличения численности армии за счет призывников из центра России и не согласилось на возвращение на заводы квалифицированных рабочих. В начале февраля генерал В. И. Гурко отмечал: «Могучая артиллерия и технические средства, хотя бы такие же, как у наших противников, весьма понизили бы наши потери, но о подобном уравниении... не приходится и думать»⁵. Вся система армейского управления оставляла желать лучшего. О работе Генерального штаба говорили так: «Беззаветное угождение начальству и столь же беззаветная взаимная вежливость...», зато «организация, программа, цель, логика, чувство долга, знание и сознание ответственности — все это в Главном управлении Генштаба просто отсутствовало», а само управление «было битком набито привилегированными „прикомандированными“». Существовала масса ненужных бумаг с грифом «Секретно», но режим секретности не соблюдался. Сводки для царя составлялись по принципу «не испортить настроение»⁶. Позиция армейских верхов по-своему улавливалась в солдатских низах.

Народное хозяйство приближалось к состоянию ступора. Это порождало общественную панику. 24 ноября 1916 г. В. М. Пуришкевичу писали из Таганрога: «...В то время, когда войска сидели без то-

³ См.: Асташов А. Б. Русский фронт... С. 689–692.

⁴ Игнатьев А. А. Указ. соч. С. 432.

⁵ Цит. по: Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. 1914–1918. М., 1968. С. 154–155.

⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 201. Л. 42–45.

плива, сахарные заводы и мукомольни получали уголь вне очереди, причем наиболее крупные заводы получали антрацит подложными путями, на имя частной ж.д. (Либаво-Ромненской), то есть в привилегированном порядке»⁷. Коррупция превратилась в орудие дестабилизации экономики. 9 февраля 1917 г. «брат Саша» сообщал из Тульской губернии известному правому деятелю кн. Д. П. Голицыну-Муравлину в Петроград: «...В Москве образовалось непролазное скопление порожних вагонов. Это не удивительно, раз подобные вопросы решаются не специалистами, а совещаниями, в которых восседают профаны... Все эти совещания, которым еще стремятся придать объединенность и торжественность, положительно смехотворны, а для дела вредны и губительны... Все ваши совещания не что иное как говорильни, а общественные организации... рассадники революции. В последнем деле первое место принадлежит Москве»⁸. Между прочим, в Особом Совещании по обороне признавали, что рост числа всевозможных уполномоченных и правительственных агентов на предприятиях создает дополнительные сложности на производстве⁹. Однако общественность сомневалась в эффективности работы самих особых совещаний. «Наши “Осопроды”, “Осотопы”, “Осоперы” (имелись в виду особые совещания по продовольствию, топливу, перевозкам. – *Авт.*) продолжают собираться и поставлять материал для своих журналов, которые, в отличие от юмористических, именуются “журналами совещания”», – такое мнение высказывалось в январе 1917 г.¹⁰. Все острее становилась проблема подвижного состава железных дорог. Из Новочеркасска в начале февраля 1917 г. писали о нехватке паровозов, связанной с тем, что использование «угля дурного качества» ведет к быстрому изнашиванию их механизмов. А между тем в свое время «хороший уголь распродавался по грабительским ценам обывателям и вывозился». «Что же будет с Россией, если движение по железным дорогам совсем прекратится?» – беспокоился автор письма¹¹. Сегодняшним «патриотам» трудно вообразить, что судьбу громадной империи мог решить столь прозаический «железнодорожно-паровозный» фактор.

Между тем положение дел в столице в концентрированном виде отражало ситуацию в стране. Все большее значение приобретали слухи о недостатке хлеба в городах. Символично, что в Москве 9 января 1917 г. «разгромили булочную Филиппова на Тверской».

⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1259.

⁸ Там же. Д. 1071. Л. 31.

⁹ Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 2. С. 695.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 175 (В. Нервольфа 24 января 1917 г. – проф. Н. Н. Любавичу в Ростов-на-Дону).

¹¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 17 (О. Чекаловская из Новочеркасска 3 февраля 1917 г. – М. В. Родзянко).

Говорили, что «будто бы 2-е убитых»¹². «Разговоры в Москве двух родов: о дороговизне... и о петроградских слухах... Что будет после войны?.. – писал 2 февраля 1917 г. А. Федотов из Москвы В. И. Штутцеру в Романово-Борисоглебск. – Ничего-то мы сделать не умеем, нам все еще варяги нужны...»¹³. Такие рассуждения о «внешнем управлении» выглядят многозначительно.

На положении с продовольствием сказывались транспортные проблемы. Особенно тяжелое положение сложилось на Московско-Киевской, Рязанско-Уральской, Московско-Киево-Воронежской дорогах. На последней из них 4 февраля движение было прервано из-за снежных заносов¹⁴. За месяц с 15 января до 15 февраля запасы муки в столице уменьшились вдвое. 13 февраля градоначальник А. П. Балк сообщал, что подвоз муки в 12 раз ниже дневной нормы¹⁵. Так было не только в Петрограде. 4 февраля 1917 г. в Одессе говорили, что «скоро не будет муки, нет керосина уже более недели». Политика властей казалась самоубийственной: «Право, казна сама ведет к бунту... Вкрадывается подозрение, что нарочно это устраивают, что администрация наша в большинстве продажна и сама спекулирует..., ей нет дела до населения»¹⁶.

Напряжение нарастало не только в городской среде. В Пермской губернии была отмечена «пропаганда против сдачи хлеба для армии» – ее вели солдаты-отпускники и зажиточные крестьяне. При этом утверждалось, что «земство, отбирая хлеб у крестьян по твердой цене, перепродает его по повышенным ценам»¹⁷. В январе 1917 г. в ряде сел Томской губернии крестьяне воспротивились реквизициям хлеба¹⁸. К концу января армия располагала хлебными запасами на 13–30 дней. Разверстка не выполнялась¹⁹. Угроза голода стала реальностью.

Во фронтовой полосе (особенно на ближайшем к столице Северном фронте) усилились мародерство и грабежи мирного населения. В декабре 1916 г. отказались пойти в наступление солдаты 17-го Сибирского стрелкового полка. Протопресвитер Шавельский связывал произошедшее с деятельностью немецких шпионов, которыми якобы была наводнена Рига. Он уверял, что после его проповеди солдаты «покаялись», а затем «доблестно участвовали в атаке»²⁰. На деле далеко не все солдаты по известной русской привычке готовы были

¹² Алексей Васильевич Орешников. С. 101.

¹³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 17.

¹⁴ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 163–164.

¹⁵ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия... С. 43, 48.

¹⁶ Цит. по: Охранка предупреждала. С. 21.

¹⁷ Цит. по: Поршнева О. С. Социальное поведение российского крестьянства... С. 82.

¹⁸ Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 122.

¹⁹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 492–493.

²⁰ См.: Шавельский Г. И. Воспоминания... С. 272–277.

«покаяться». Да и случай не был единичным. В начале 1917 г. солдатские волнения возникали повсеместно. Солдаты то и дело покушались на жизнь своих командиров. Проходили кровавые разборки даже между офицерами²¹. «Армия заболела, и к 1917 году болезнь эта стала безнадежной», – признавал военный следователь²². В январе отказались идти в наступление солдаты 408-го пехотного Кузнецкого полка, некоторые части 102-й пехотной дивизии. 18 января один из батальонов Одоевского полка 56-й дивизии 34-го корпуса на Юго-Западном фронте отказался выйти на позицию. Ситуация отражала типичные беды всей армии: неправильно выстроенную оборонительную линию пытались исправить за счет плохо подготовленных и потому кровопролитных атак. Чрезмерные потери (до 90 % состава), плохое питание, изматывающие окопные работы, «дурное» пополнение – все это возмущало нижние чины. Людьями, призванными защищать Отечество, теперь двигали отчаяние и ненависть. Поражает поведение пятерых приговоренных к расстрелу солдат: они просили не привязывать их к столбам, заявляя при этом, что умирают «за общее дело»²³. Характерно, что солдаты Одоевского полка категорически не соглашались признавать себя бунтовщиками. «Служить хотим, в бой хоть сейчас, но на позицию не пойдем», – заявляли они. На вопрос, чего они добиваются, солдаты отвечали: «Смена корпуса, долой правительство!» Их не смог уговорить даже георгиевский кавалер, священник 221-го пехотного Рославльского полка о. Пантелеймон, не раз лично водивший солдат в атаку²⁴.

Кое-где солдаты были настроены иначе. Генерал Снесарев на основании цензурных донесений из 8-й армии в середине февраля сообщал, что, в отличие от тыла, действующая армия готова воевать до победы, работой артиллерии, начальством, снаряжением и довольствием солдаты довольны. Отмечались, правда, случаи пьянства, недовольства солдат подразверсткой. Но уже в ближнем тылу настроение было другое: война надоела, но на скорый мир уже не надеялись²⁵. Примечательно, что аналогичные признаки разложения проявили себя летом 1917 г.: солдаты были недовольны «временными» офицерами, с которыми их не связывало боевое содружество. Особенно заметно это сказывалась в учебных центрах²⁶. Армия, как и общество в целом, «расползалась» по нравственно-организующим параметрам, что и было страшнее всего для системы в целом.

²¹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 693.

²² Раупах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 174.

²³ Ахун М. И., Петров В. А. Указ. соч. С. 117.

²⁴ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 706.

²⁵ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 10. С. 51.

²⁶ Strachan H. The Morale of the German Army, 1917–18 // Facing Armageddon . P. 394.

Некоторые впадали в ступор безнадежности. 4 февраля 1917 г. некий автор писал из Петрограда в Москву: «Конца войны не видно. Не видно и конца внутренней неразберихи. Вообще скверно. Сейчас даже сплетни нет. Какая-то тишина, мрачная, зловещая, от которой пахнет могилой, смертью и разложением. Иногда думается, что это перед бурей, какой еще не видела много видевшая Русь, а иногда не верится, что будет и эта буря, которая только одна могла бы освежить затхлую, зловонную атмосферу. А то кажется, что все это сознательная провокация, направленная к срыву всего: войны, общественности, Думы, печати и пр. Будет одна лишь реакция... новый Распутин...»²⁷.

Тем временем правительство наращивало людские резервы, как казалось, для победоносного окончания войны. Резко увеличился состав тыловых гарнизонов за счет призывников. Если на 8 февраля 1917 г. в запасных пехотных полках внутренних округов России насчитывалось 1 855 тысяч человек, из которых могло быть направлено на фронт 878,1 тысячи, то через месяц их численность составила 2 161,6 тысячи, из которых для пополнения фронта предназначалось 1 163,7 тысячи²⁸. При этом в запасных полках петроградского гарнизона не хватало винтовок²⁹. Власти не замечали, что внутри страны скопились громадные массы людей, не понимающих, за что им предстоит умирать. Не учитывалось и то, что войной были особенно недовольны многочисленные ополченцы, которых вместо тыла использовали на передовой³⁰.

Как всегда, вектор российского недоумения устремлялся вверх, а не вниз. В народе принято было считать, что солдаты призваны «защитить царя»³¹. Десакрализация высшей власти превращала участие в войне в бессмысленное и противоестественное занятие. Однако на положение в столице наибольшее влияние поначалу оказали не упорные бунтари, а скопившиеся здесь пронырливые дезертиры.

Все большее число людей начинало улавливать перспективу развития событий, исходя из настроений армейской массы. «Люди, призванные в войска, впадают в отчаяние не из малодушия или трусости, а потому, что никакой пользы от этой войны не видят», — считали некоторые офицеры³². А офицер лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка писал из Петрограда 9 января 1917 г. в Царицын директору гимназии: «Вся эта вакханалия ведется к тому, чтобы окончательно возмутить нас — военных — и всю мыслящую Россию,

²⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1070. Л. 21 (письмо адресовано А. М. Михалкину).

²⁸ Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 155.

²⁹ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 105.

³⁰ Оськин М. В. Государственное ополчение... С. 146, 150–151.

³¹ Асташов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война... С. 405–406.

³² Раупах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 174.

сослаться на революцию и заключить мир, необходимый немцам и столь выгодный немецкой партии, устроившей всю эту свистопляску. Вы превратно думаете о Государственной Думе и о нас, военных, и даже о большинстве чиновников. Именно мы стремимся создать великую и могучую Россию и все же так чужды от того, что делается сейчас в верхах»³³.

В низах действительно происходили системно значимые подвиги. Существенное место в Февральской революции сыграл неприметный, казалось бы, факт: незадолго до нее Петроградский военный округ оказался выделен из состава Северного фронта. Город был переполнен дезертирами, научившимися свое разочарование в «войне до победы» прикрывать «идейным» пацифизмом. Возникла гремучая смесь из них и сочувствовавшего им голодного населения.

По иронии судьбы, во главе Петроградского военного округа оказался вялый и бездарный генерал С. С. Хабалов. В его подчинении оказался громадный гарнизон из новобранцев, излеченных солдат и «раскаявшихся» дезертиров, объединенных в непомерно раздутые запасные батальоны – до 19 тысяч. Офицеры сравнивали «запасников» с «праздной толпой», загнанной в тесные казармы и «не видевшей оправдания своему призыву». Им казалось, что это настоящие дикие «полчища»³⁴. Поразительно, но такое положение возникло еще в самом начале войны³⁵. М. В. Родзянко считал, что запасные батальоны «представляли из себя зачастую просто орды людей недисциплинированных», а в общем, «создавая эти батальоны без надлежащего за ними надзора, правительство создало, в сущности, “вооруженный народ”»³⁶. Всякое случайное сборище людей будет либо жестко организовано сверху, либо превратится в толпу, действующую по своим собственным антисистемным законам. Этот нехитрый принцип, достаточно хорошо в то время известный благодаря Г. Лебону, военная бюрократия игнорировала. «При такой массе людей, набитых “до отказа” в казармах... необходимо было иметь и должное количество опытных и энергичных офицеров и унтер-офицеров для наблюдения за ними, для их обучения и воспитания. Ничего, однако, этого не было, – вспоминал полковник Д. Ходнев. – ...Офицерский состав Гвардии запасных батальонов был очень слаб... Обучение и воспитание призванных в ряды

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 64 об.

³⁴ Ходнев Д. И. Февральская революция и запасной батальон лейб-гвардии Финляндского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция... С. 251–252, 256.

³⁵ Взвод мог насчитывать до 100 человек. «...Нижние чины на ночь уходили из казарм, а ближайшие их начальники не смели об этом докладывать из боязни быть убитыми». См.: Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 379.

³⁶ Родзянко М. В. Государственная дума и февральская 1917 года революция // АРР. Т. 6. С. 39–40.

армии производилось офицерами запаса (прапорщики запаса) и молодыми офицерами ускоренных выпусков. ...Выздоровевшие от ран и контузий офицеры... в большинстве случаев рассуждали... так: “я уже пролил свою кровь, вскоре уеду снова на фронт, а поэтому имею право на отдых и развлечения...”. И в казармах они... “отбывали лишь номер”»³⁷. Естественное чувство долга словно атрофировалось. Не удивительно, что во время последующих столкновений с полицией некоторые молодые офицеры сходили с ума³⁸, а основная их масса охотно перешла «на сторону революции»³⁹.

В ожидании демонстраций рабочих в связи с годовщиной «кровавого воскресения», Хабалов созвал в штабе округа совещание для выяснения благонадежности войск. Начальник запасных частей Петрограда заверил, что за подчиненных он ручается, а бунтовщикам готов противопоставить «все самые отборные, лучшие части – учебные команды»⁴⁰. Заявление было откровенно вздорным. Охранителей империи словно поразил очередной приступ политической «куриной слепоты» от ощущения собственной никчемности перед лицом накатывающихся событий.

9 января 1917 г. в Петрограде, по данным властей, бастовало почти 145 тысяч рабочих на 114 промышленных предприятиях. В Москве стачки охватили более 36 тысяч на 76 предприятиях. При этом в Москве забастовали из-за недостатка хлеба, а затем продолжили стачку, протестуя против отсрочки созыва Думы. После ареста в конце января 11 членов рабочих групп ВПК также последовали политические стачки. С 17 по 30 января в Баку забастовали 12,5 тысячи рабочих 47 предприятий, требуя освобождения своих товарищей. Арестованных все чаще приходилось освобождать. В начале февраля бастовали в Макеевке (Донбасс), в Нижегородской губернии. Рядом с преобладающими лозунгами «Хлеба!» появились требования «Долой войну!» и «Долой правительство!»⁴¹.

В столицу прибыли с фронта два донских казачьих полка. Но казаки, не желая оказаться в роли карателей по образцу 1905–1906 гг., отказались усмирять «бунтовщиков». В состоянии «полного разложения» находился и царскосельский гарнизон. Сообщали, что одни части ушли в столицу, а «оставшиеся вышли из повиновения, громят винные погреба, пьянствуют и спаивают все прибывшие свежие части»⁴².

³⁷ Ходнев Д. И. Февральская революция... С. 257.

³⁸ Гребенкин И. Н. Русский офицер в годы мировой войны и революции. Рязань, 2010. С. 145.

³⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. В 3-х томах. Т. 1. М., 1991. С. 105.

⁴⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 86–87.

⁴¹ Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 78–84, 123–127.

⁴² Ходнев Д. Февральская революция... С. 259; Раунах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 199.

Народ не просто разуверился во власти, его симпатии были на стороне потенциальных бунтарей. К этому времени у военного следователя по Финляндии Р. Р. Раупаха было в производстве 6 дел, «квалифицированных как явное восстание»⁴³.

Верховная власть упорно не замечала опасности, хотя недостатка во всевозможных осведомителях не было.

Февральская революция началась с волнений женщин, увлекших за собой мужчин. Рабочие отмечали международный женский день 23 февраля (по старому стилю), причем большевики призвали их отказаться от «несвоевременных» выступлений. Тем не менее текстильщицы Невской ниточной мануфактуры с криками «Хлеба!» двинулись снимать с работы рабочих соседних заводов. Движение разрасталось; к концу дня бастовало 43 предприятия с 78,4 тысячами человек. Бастующие останавливали движение трамваев. В казармах появились агитаторы – вероятно, те же полустихийные революционеры, что и перед 9 января (тогда эсеры намеревались объединиться с социал-демократами)⁴⁴.

В сущности, сценарий развертывания бунта был известен заранее по опыту 1905 г. Однако теперь не было особой нужды ни в отчаянных террористах, ни в злонамеренных провокаторах, ни даже в соблазнительных социалистических лозунгах. В масштабах имперской столицы все происходило словно само собой. Для раздраженных солдатских толп и полуголодной массы населения поначалу было достаточно лозунгов «Мира и хлеба».

Уже в начале забастовок в толпе зазвучали призывы к восстанию, а солдаты готовились стрелять в воздух. 24 февраля бастовало уже 200 тысяч, повсюду возникали митинги. Генерал Хабалов, однако, не разрешал полицейским применять оружие и не хотел использовать войска. 25 февраля демонстранты осмелели и начали оказывать сопротивление полиции. Сыграло свою роль и то, что казаки были явно не на стороне полицейских. Один из агентов охраны (член Выборгского районного комитета большевиков) сообщал, что демонстранты окончательно уверились в том, что войска скоро перейдут на сторону народа⁴⁵. Вечером 25 февраля на Невском проспекте произошли два крупных столкновения войск с митингующими, в ходе которых офицеры вынуждены были отдавать приказы открывать огонь. В отличие от них растерянные власти лишь позднее поняли, что без применения оружия не обойтись.

«Фабриканты говорят, что забастовка не экономическая, а политическая, – с некоторым недоумением писал в дневнике М. При-

⁴³ Раупах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 174.

⁴⁴ См.: Кирьянов Ю. И. Социально-политический протест рабочих... С. 78, 83–85, 128–130.

⁴⁵ Hasegava T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle and London, 1981. P. 231, 247, 252, 254, 262.

швин 26 февраля. – А рабочие требуют только хлеб. Фабриканты правы. Вся политика и государственность теперь выражается одним словом “хлеб”. Нечто подобное вечером 27 февраля писал А. Бенуа: «...Все дело в хлебе, иначе говоря, в войне, в фактической невозможности ее продолжать уже год назад...». При этом он отказывался верить в «осмысленность всего того, что творится, в какую-то планомерность»⁴⁶.

Проницательность наблюдателя грандиозных событий (как и историка) состоит не в том, чтобы найти «виновника» того, что не укладывается в обыденное сознание, а в том, чтобы за «стихийностью» происходящего признать логику более высокого порядка. Начиналась «красная смута» – грандиозный системный кризис империи подходил к своему апогею.

В результате забастовок людская масса вылилась в открытое пространство столицы. «Праведный» гнев толпы постепенно заставил забыть о присяге не только солдат, но и низших офицеров. Впечатляли лозунги: «Хлеб!», «Мир!», «Свобода!», «Долой войну!», «Долой правительство!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует армия!». Один вид голодных, орущих женщин, сутками простаивающих в очередях за хлебом, делал людей «революционерами». Пришвин запечатлел уличную сценку, почти символичную. «И кого ты тут караулишь!» – упрекает женщина знакомого солдата, который все больше сомневается: стоит ли теперь караулить «внутреннего врага». Массовые переходы солдат на сторону восставших начались вечером 26 февраля⁴⁷.

То «вечно бабье», о котором полуснисходительно рассуждал Н. Бердяев в начале войны, обернулось теперь своей иной – социально истеричной – стороной. Кое-где женщины вступали в настоящие бои с полицией. Наблюдатели отмечали массу «хулиганствующих» подростков. Революционные «водители», партийные функционеры и «сознательные» рабочие были незаметны. Лидером толпы мог стать случайный человек. По некоторым данным, некоторые большевики и анархисты планировали «тыловую революцию» и готовились к «порче водопровода и телефонов»⁴⁸. Но взрыв массового недовольства опередил любых «заговорщиков».

Решимость демонстрантов была столь велика, что они перестали реагировать на предупредительные выстрелы⁴⁹. Революция выглядела не только стихийной, но и беспартийной; «революци-

⁴⁶ Пришвин М. М. Дневники. С. 77; Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 115, 116.

⁴⁷ См.: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 107–108, 125, 127, 144–145, 147, 149–150, 193; Пришвин М. М. Дневники. С. 77.

⁴⁸ Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 222.

⁴⁹ Шляпников А. Семнадцатый год. Кн. 1. М.; Л., 1923. С. 130.

онерами» сделали все. По улицам разъезжали грузовики, полные вооруженных солдат, некоторые солдаты скакали по улицам на офицерских лошадях, повсеместно проходили обыски квартир и чердаков⁵⁰. Наблюдались элементы погрома: обилие случаев хулиганства, грабежа магазинов; в провокациях по отношению к полиции были замечены не только фабричные подростки и «темные элементы», но и гимназисты. Английского журналиста поразило удивительно пестрый – «гротескный» – состав увешанной всевозможным оружием революционной толпы (солдаты, рабочие, студенты, хулиганы, освобожденные уголовники), занятой скорее демонстрацией своей «силы», нежели осмысленными действиями⁵¹.

«Вершители судеб» империи могли лишь отстраненно наблюдать за происходящим. Правый член Государственного совета граф А. А. Бобринский 25 февраля философски вздохнул на Невском проспекте: «Вот как начинается наша революция»⁵².

День 27 февраля стал днем победы революции. Около 2 часов дня восставшими был занят Таврический дворец. Возник своего рода легитимный центр народной власти⁵³. Окончательно капитулировала полиция, гарнизон перешел на сторону восставших. Начался разгром полицейских участков. Вечером состоялось последнее заседание царского правительства, после чего растерянным министрам пришлось тайком через черный ход выбираться из Мариинского дворца⁵⁴.

В Ставке практически ничего не знали о происходящем в Петрограде. Лишь вечером 27 февраля поступила телеграмма с просьбой о присылке с фронта надежных частей. Тут же в столицу был отправлен Георгиевский батальон, часть собственного Его Величества пехотного полка, технические части. Генерал М. В. Алексеев 28 февраля назначил к отправке несколько полков с Северного, Западного и Юго-Западного фронтов. Но они безнадежно запаздывали. Днем 27 февраля в столице уже была создана Военная комиссия Временного комитета Государственной думы, получившая также название «штаба» Керенского. В ночь на 28 февраля начальником петроградского гарнизона и комендантом Петрограда стал подполковник Генерального штаба Б. А. Энгельгардт. Революция теперь опиралась на «свои» войска. Утром 28 февраля, по сообщению Хабалова, в его распоряжении оставалось «4 гвардейских роты, 5 эскадронов и сотен и 2 батареи». Все прочие войска либо перешли на сторону рево-

⁵⁰ «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». С. 86–87.

⁵¹ *Figes O. A People's Tragedy*. P. 320.

⁵² *Савич Н. В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 194.

⁵³ *Старцев В. И.* 27 февраля 1917. М., 1984. С. 152–153.

⁵⁴ *Бурджалов Э. И.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 192–200.

люции, либо заняли нейтральную позицию. «Отдельные солдаты и шайки бродили по городу, стреляя в прохожих и обезоруживая офицеров», — отмечал очевидец⁵⁵.

Весьма туманное представление о событиях в столице имели, однако, в провинции. Я. А. Куломзин, сын бывшего председателя Государственного совета А. Н. Куломзина, 28 февраля 1917 г. в письме спрашивал отца: «Усиление цензуры не дает нам возможности знать, что у вас делается в Петрограде. А между тем по намекам в Рус. Сл. — видно, что что-то было. То паника от голодовки или забастовка, интересно бы знать?» Беспорядков ожидали, к ним, в сущности, привыкли. Но к революции ни правые, ни левые политики не были готовы. Впрочем, в ночь на 28 февраля «левые» сенаторы успели послать императору телеграмму о «народной смуте стихийной силы»⁵⁶.

Нет смысла связывать произошедшее с деятельностью левых партий и тем более «немецких пропагандистов» или сектантов⁵⁷. «Революционные партии не имели возможности наладить систематическую пропаганду в войсках — этому препятствовала текучесть состава запасных частей..., — считал А. А. Керсновский. — За революционеров работал весь уклад жизни отравленного тыла и весь порядок службы и безделья перегруженных «пушечным мясом» запасных полков»⁵⁸. К тому же солдаты руководствовались совершенно иными — весьма противоречивыми, неожиданными, но отнюдь не революционными — устремлениями. Так, выдающуюся роль в революции сыграли солдаты тех запасных батальонов, где было много этнических украинцев. Некоторые из них надеялись на возвращение к ситуации 1654 г., когда, как считалось, Украина вступила в федеративные отношения с Россией. Некоторые солдаты и офицеры украинского происхождения были столь возбуждены переворотом, что намеревались отметить это событие залпами из специально разысканных старинных пушек⁵⁹.

Каждый вкладывал в произошедшее свои собственные надежды — не просто наивные и нелепые, а объективно неосуществимые. Однако всякая победоносная революция заставляет верить в невероятное.

⁵⁵ Алексеева-Борель В. М. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 470–471; Гребенкин И. Н. Указ. соч. С. 148; Раупах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 201.

⁵⁶ Мичурин А. Н. Политическая борьба в Государственном совете. С. 286.

⁵⁷ Позднее И. М. Трегубов, один из лидеров «отказников», утверждал, что именно они распропагандировали гвардейские полки Петроградского гарнизона в антивоенном духе. См.: Асташов А. Б. Русский фронт... С. 590.

⁵⁸ Керсновский А. А. История русской армии. М., 1999. С. 714.

⁵⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 169.

2.7.2. Антиправительственные силы делают выбор

Недовольство властью со стороны профессиональных политиков вовсе не предполагает готовности сбросить ее. В партийных верхах царил растерянность. А. В. Тыркова, женщина, имевшая репутацию «единственного мужчины в кадетском ЦК», описала в дневнике почти символическую сцену. 27 февраля М. В. Родзянко с А. И. Гучковым собирались отправить телеграмму царю, а графиня С. В. Панина – тоже влиятельная и красивая женщина – уговаривала их идти к солдатам. Лидеры октябристов отговаривались: «Пусть они сначала арестуют министров». Положение спас Милюков, который «привел солдат к Думе»⁶⁰. Жена Милюкова была уверена, что Дума, вероятно, уже «объявила себя Учредительным собранием»⁶¹. На деле депутаты Думы колебались, а в результате Петроградский Совет образовался раньше Временного комитета Государственной думы. Действия толп опережали динамику политических решений.

По иронии судьбы образованию Петроградского Совета «помог» известный предприниматель А. И. Коновалов, прогрессист, депутат Государственной думы и будущий министр торговли и промышленности. Именно он предложил инициаторам создания Советов занять комнату бюджетной комиссии Думы. Некоторые мемуаристы даже отмечали, что некоторое время Петроградский Совет был единственной властью в столице и смог закрепить свой авторитет в бунтующих массах. С течением времени это стало казаться символическим⁶².

Бывают исторические моменты, когда «оппозиционерам» приходится выступать в роли революционеров. Российские либералы оказались «революционерами поневоле» – к этому их подтолкнули не столько левые депутаты Думы, сколько события на улице. Состав Временного комитета Государственной думы был избран Советом старейшин. В комитет вошли представители всех фракций Думы (кроме крайне правых) – М. В. Родзянко, В. В. Шульгин, Н. В. Некрасов, В. Н. Львов, П. Н. Милюков, А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе и др.⁶³. Но вызванный народным возмущением переворот не смог ограничиться чисто политической сферой.

Самое поразительное в революции, произошедшей в разгар войны, было то, что за императора, стоявшего во главе отнюдь не сломленной в военном отношении армии, не вступился никто. Даже

⁶⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 176.

⁶¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 784. Л. 2 (воспоминания Л. Оболенского, зав. беженским отделом Союза Городов).

⁶² Там же. Л. 4–6.

⁶³ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 231–232.

члены Св. Синода 26 февраля демонстративно отказались выступить с осуждением революционного насилия, мотивируя это тем, что еще неизвестно, «откуда идет измена»⁶⁴. Между тем в Ставке имели довольно смутное представление о происходящем в столице. Днем 28 февраля, выполняя приказание Николая II, генерал Н. И. Иванов с батальоном георгиевских кавалеров отправился в Петроград, рассчитывая утром 1 марта прибыть в Царское Село⁶⁵. Но скоро выяснилось, что любая часть с фронта, направленная на усмирение восставших, рискует оказаться распропагандированной. К тому же железнодорожные пути, ведущие к столице, уже контролировались Временным комитетом Государственной думы. Вдобавок Иванов оказался дезориентирован телеграммой начальника штаба Ставки М. В. Алексева о том, что «воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о незыблемости монархического начала в России»⁶⁶. В совершившемся перевороте хотели увидеть свой смысл даже люди, приближенные к особе императора.

Узнав о беспорядках, Николай II попытался прорваться в столицу – не столько для того, чтобы восстановить контроль над ситуацией, сколько рассчитывая быть поближе к больным детям. Поезд был остановлен в Пскове. 2 марта вечером туда прибыли А. И. Гучков и В. В. Шульгин. По иронии судьбы просить царя об отречении пришлось монархисту Шульгину. Позднее он вспоминал, что они «ехали как обреченные» с единственной надеждой «спасти Россию», осуществив переход власти от одного царя к другому⁶⁷. К этому времени император уже получил телеграммы М. В. Алексева с просьбами о согласии на образование «ответственного министерства», на что ему пришлось согласиться. Однако командующие фронтами, понимая, что это не спасет положения, умоляли об отречении. Великий князь Николай Николаевич также просил царя спасти Россию, передав власть наследнику⁶⁸. Но гости из столицы имели куда более радикальное предложение. После сбивчивой речи о безнадежности положения Гучков передал императору набросок манифеста об отречении. Царь раздумывал всего 45 минут. Можно было это сделать и быстрее: весь высший генералитет поддерживал отречение⁶⁹. Согласно манифесту, подписанному в 15.30,

⁶⁴ В Синоде // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 1. С. 2–3.

⁶⁵ По другим данным, генерал Н. И. Иванов двинулся из Могилева даже 26 февраля 1917 г. около 17.00. См.: *Сергеевский Б. Н.* Отречение (Пережитое). 1917. Нью-Йорк, 1969. С. 10.

⁶⁶ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 334 – 337.

⁶⁷ *Шульгин В. В.* Дни. Белград, 1925. С. 265.

⁶⁸ Там же. С. 341–345.

⁶⁹ Исключение составили генерал от кавалерии В. И. Ромейко-Гурко, командир гвардейского кавалерийского корпуса хан Гуссейн Нахичеванский и командир 3-го конного корпуса генерал Ф. А. Келлер. См.: *Сенин А. С.* Военное министерство Временного правительства. М., 1995. С. 103.

Николай II передавал престол брату Михаилу⁷⁰. После отречения он сохранял равнодушие человека, убежденного, что его все «предали».

Удивительно не это, удивительно то, как много людей спустя череду многих лет готовы были твердить о «предательстве и измене», словно соревнуясь с последним русским царем в ограниченности исторического воображения. Остается удивляться, насколько стереотипно в патерналистских системах деформируются мозги и у правителей, и у их подданных.

О последних днях, часах, минутах монархии в России существует масса свидетельств. Их можно воспринимать с разной эмоциональной коннотацией: и как хронику «величайшего исторического события», и как формальную процедуру, призванную закрепить неизбежное, и даже как «крушение России». Увы, люди, призванные к расшифровке «архисюжетов» ради познания смыслов «метаистории», оказываются во власти элементарных эмоций. Последние, в свою очередь, зависят от нравов того времени и той среды, в которой пребывает историк. Попросту говоря, всякий «летописец» подвержен набору всевозможных соблазнов. В сущности, в преодолении их и состоит задача историографа.

Однако куда проще «вышибить слезу» у наивного читателя, используя соответствующий набор источников. Так, в изложении В. Никонова, опирающегося на свидетельства царского окружения, судьба империи определилась в «псковской западне»⁷¹. И «распорядилась» ею свора «предателей», среди которых ведущую роль сыграл генерал Н. В. Рузский. Именно этот «согбенный, седой, старый, в резиновых галошах» генерал, на которого надеялись как на спасителя, заявил: «Теперь уже поздно... Теперь надо сдать на милость победителям». Шестидесятилетний генерал-майор Д. Н. Дубенский, специалист по коневодству, почему-то ставший официальным историком двора, уяснил из этих слов, что «не только Дума, Петроград, но и лица высшего командного состава на фронте в полном согласии и решили произвести переворот», намеренно изолировав императора. Строго говоря, ничего иного Дубенский не мог написать уже в силу занимаемой должности. Но что обязан был сделать профессиональный историк?⁷² Неужели довериться людям, взирающим на «крушение империи» с подножия трона?

Строго говоря, «предательскую» версию отречения можно было изложить и более драматично. Но Никонову (тоже по должности) не положено выступать в роли самодеятельного конспиролога,

⁷⁰ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 349–351.

⁷¹ См.: Никонов В. А. Указ. соч. С. 769–781.

⁷² Дубенский Д. Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927. С. 59–60.

коих пруд пруди. Для объективности картины происходящего стоит вставить в трогательное повествование ссылки на работы авторов, рассматривающих революцию в совершенно ином контексте. Между тем российские события февральско-мартовских дней 1917 г. на фоне прочих революций мировой истории могут показаться не трагическими, а банальными.

Увы, слова «измена», «предательство» давно стали ключевыми в вербальном пространстве империи. Патерналистская система, ставшая неуправляемой, выделяет из себя яд взаимного недоверия. Практически вся российская общественность была убеждена в «измене» царской фамилии. И потому «свержение» императора напоминало успешный «бунт на корабле», когда негодного капитана «изолируют» его помощники.

Впрочем, Николаю II позволили вернуться в Ставку. Чисто теоретически это выглядело рискованно: а не направит ли бывший Верховный главнокомандующий войска против смутьянов? Но ничего подобного быть не могло: царь словно заранее был готов смириться со своей участью.

На перроне собрались все высшие чины Ставки. Был сильный ветер, мокрый снег. Встречающие выстроились в две длинные шеренги. Бывший император по своему обыкновению заговорил с великими князьями о погоде, затем стал обходить присутствующих, «здороваясь с каждым и, как всегда, глубоко в каждого вглядываясь». К концу обхода у него «по щекам текли слезы»⁷³. 3 марта в Петрограде Михаил также отрекся от престола. Единственный, кто пытался его отговорить, был П. Н. Милюков, рассчитывавший на «плавную» эволюцию власти, обладавшую «легитимными» подпорками⁷⁴. Большой историк, превратившийся в беспочвенного в силу своей догматичности политика, упорно рассчитывал управлять стихией «из кабинета».

Тем временем в Ставке объявились свои революционеры в лице солдат-электротехников, оказавших соответствующее влияние даже на георгиевских кавалеров. В присутствии отрекшегося императора был устроен «революционный парад» – мимо дворца прошли почти все части с красными бантами. Вскоре стало заметно, что бывшие приближенные сторонятся Николая II⁷⁵. Великий князь Кирилл Владимирович в интервью демократической газете заявил: «Мой дворник и я – одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте. Не видела этого только царствовавшая семья»⁷⁶. Похоже, он считал, что предать «предателя России» – дело святое.

⁷³ Сергеевский Б. Н. Указ. соч. С. 60; Алексеева-Борель В. М. Указ. соч. С. 495.

⁷⁴ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 354–360.

⁷⁵ Там же. С. 106–113.

⁷⁶ Киевская мысль. 1917. 10 марта.

Не по времени появился в Ставке великий князь Николай Николаевич, которого император перед отречением вернул на пост Верховного главнокомандующего. Ему пришлось встретиться с могилевскими рабочими. Они вели себя почтительно, говорили, что только на него и надеются и даже просили разрешения поцеловать руку. Вскоре прибыла телеграмма от кн. Г. Е. Львова, сообщавшая, что Николай Николаевич занять прежний пост не может. Великому князю пришлось подписать присягу о верности Временному правительству – он сделал это так нервно, что на бумаге остались громадные кляксы. Стали наведываться в Ставку и «революционные полковники». Среди них был кн. Г. Н. Туманов, производивший «впечатление какого-то болезненно восторженного всем происходящим» человека. Появился и новый военный министр А. И. Гучков. Его поезд сопровождали матросы гвардейского экипажа. Один из них «буквально впился глазами в Алексеева», в этом взгляде очевидец усмотрел нечто «безумно злобное, кровожадное, можно сказать сатанинское»⁷⁷. Подозрительность к «старому строю» была очень велика. «Дух кровавого царя живет в начальнике штаба Верховного главнокомандующего», – писали петроградские «Известия»⁷⁸, отражая недовольство «реакционными» приказами Алексеева.

Свергнутая власть вызывала весьма широкий спектр эмоций. Солдаты в Ставке при прощании с Николаем II даже рыдали⁷⁹. Тем, кто служил ей с показной преданностью, приходилось непросто. Генерал Снесарев не без иронии записывал в дневнике: «Брусилов утодничает вовсю: то через жену, то сам; “товарищ”, да и только. Жена говорит, что он всегда был “социал-демократом”». Герой названного его именем «прорыва» не знал, как приспособиться к новой власти. А его супруга твердила, что он «уже двенадцать лет, как революционер и социалист»⁸⁰. Поведение Брусилова не было явлением исключительным. О генерале А. А. Цурикове, командующем 6-й армией (Румынский фронт) писали, что он «оказался вдруг величайшим революционером... и не щадил слов в обличении старого режима»⁸¹. А тем временем в Петрограде выстраивались очереди из офицеров и генералов для получения вида на жительство⁸². Все это напоминало бегство крыс с тонущего корабля.

Старые верхи поспешно «перекрашивались». В апартаментах Керенского накопилась масса писем великих князей, клявшихся

⁷⁷ Кондзеровский П. К., *ген.-лейт.* Указ. соч. С. 118–119, 123–124.

⁷⁸ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 8 марта.

⁷⁹ Сергеевский Б. Н. Указ. соч. С. 79.

⁸⁰ Фронтные дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 54–55; Алексева-Борель В. М. Указ. соч. С. 512. Также см.: Гребенкин И. Н. Указ. соч. С. 254.

⁸¹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 52.

⁸² Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 442–443.

в верности министру юстиции и даже обещавших выделить любую сумму на сооружение памятника декабристам. Дело, разумеется, было не в трусости в привычном смысле этого слова. Прежняя власть порождала людей несамостоятельных, теряющихся в неожиданной ситуации. Идея монархии, считал Бенуа, «целиком *выдохлась, опустошилась*». «Приближенные царские давно уже, как карамельку, иссосали царя и оставили народу только бумажку», – считал М. Пришвин⁸³. Отсюда и легкость, с которой народ воспринял исчезновение 300-летней династии.

Состав Временного правительства, в сущности, определился еще в думских кулуарах: его председателем стал кн. Г. Е. Львов, возглавлявший Земский и Городской союзы. В недавнем прошлом правые деятели отзывались о премьере не лучшим образом. Н. А. Хомяков считал главу ВЗС «героем рекламы и совершенным ничтожеством»⁸⁴. Кн. С. С. Волконский еще в 1915 г. утверждал, что он «...и бездарный, и дурной человек, которого “Биржевые ведомости” напрасно прочтат на должность премьер-министра»⁸⁵.

Пост военного министра занял А. И. Гучков – председатель Военно-промышленного комитета. На ключевой должности министра иностранных дел оказался П. Н. Милюков, лидер кадетской партии, разобравшей почти все оставшиеся портфели. Особняком стоял единственный социалист – А. Ф. Керенский, ловко запрыгнувший в кресло министра юстиции, вопреки принципиальным установкам социалистов о неучастии в «буржуазной» власти. Принцип устарел: на местах социалисты работали в «буржуазных» самоуправлениях, а ссыльный большевик Г. И. Петровский (со временем нарком внутренних дел у Ленина) даже ухитрился стать правительственным комиссаром в Якутске.

А тем временем германские листовки уверяли русских солдат в том, что Николай II вынужден был отречься от престола под давлением англичан⁸⁶. Удивительно, но инерция рассчитанной на наивных людей примитивной пропаганды может сказаться на историческом сознании будущих поколений.

Временное правительство оказалось сугубо светским; к числу искренне верующих можно отнести разве что «внепартийного» кн. Г. Е. Львова. Выдвижение его на высший пост было неудачным: он привык действовать в совершенно иных условиях, к тому же был подвержен фаталистическим настроениям. После острого правительственного кризиса 27 апреля он произносил такие речи:

⁸³ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 275–276; Письма – больше, чем воспоминания... Из переписки семьи Семеновых-Тянь-Шанских и сестер А. П. и В. П. Шнейдер. М., 2012. С. 271; Пришвин М. М. Дневники. С. 80.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1028. Л. 1173.

⁸⁵ Там же. Д. 1029. Л. 1286.

⁸⁶ Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте... С. 142.

«Великая русская революция поистине чудесна в своем величавом спокойном шествии... Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера... Душа русского народа оказалась мировой демократической душой... Она готова слиться не только с демократией всего мира, но и встать впереди нее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства, братства». Не удивительно, что эти слова «буржуазного» политика вызвали восторг социалиста-идеалиста Церетели⁸⁷. Новые российские верхи оказались во власти новых (старых по идеократическим параметрам) этатистски-утопических самообольщений.

Гучков был выходцем из предпринимателей-старообрядцев (о чем никак нельзя было догадаться по его поведению). Он казался яркой фигурой, хотя далеко не всем. «Гучков “орлом” не был, – писал о нем Ф. А. Степун. – По своей внешности он был скорее нахохлившимся петухом»⁸⁸. Пост обер-прокурора Св. Синода занял В. Н. Львов, умеренный либерал, но импульсивный человек, склонный к обновленчеству. Позднее едва ли не всех министров некоторые конспирологи запишут в масоны. Ну а пока претензий к составу правительства не было даже у петроградских большевиков.

Правительство считалось «временным» – его была призвана сменить власть, избранная на Всероссийском Учредительном собрании. Однако подготовка к пришествию «Хозяина Земли Русской» (будущую конститутанту именовали также «великий государь»⁸⁹), практически не велась – либералы опасались его излишней левизны. Была известна формула постреволюционной власти, сказанная после 1905 г. Л. Д. Троцким: «Без царя, а правительство рабочее». Такая ситуация социалистам, возглавившим Петроградский Совет и рассчитывавшим на плавный парламентский переход власти от «буржуазии» к «трудящимся», казалась пугающей. Керенский стал министром, уверив лидеров Совета, что освободит политических заключенных и будет контролировать действия правительства изнутри. Он действительно взялся за дело. На свободе оказалось около 90 тысяч человек – не столько политических заключенных, сколько уголовных. С контролем над правящей «буржуазией» дело обстояло сложнее.

Петроградский Совет возглавил Н. С. Чхеидзе, член Государственной думы, меньшевик. Его заместителями стали соответственно меньшевик М. И. Скобелев и эсер А. Ф. Керенский. Совет не намеревался утруждать себя законотворчеством – казалось, что важ-

⁸⁷ Цит. по: Милюков П. Н. Воспоминания. С. 595.

⁸⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 327, 329.

⁸⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 511.

нее избавиться от «наследия царизма». Однако кое-что пришлось сделать.

Левые опасались правых, правые – левых. Так, когда Комитет Государственной думы «позабыл» высказаться о созыве Учредительного собрания, об этом ему напомнили из Петроградского Совета⁹⁰. Но лидеров Совета разделяла с министрами идеология: если «буржуазия» настаивала на войне до победного конца, то социалисты провозгласили возвращение к *status quo ante*. А. Тыркова так видела ситуацию в кадетской партии: «Генералы у нас есть, а армии нет. У левых армия огромная, но нет ума в центре». В революционной суматохе правые поначалу опасались отмежевываться от левых⁹¹. Но поскольку те и другие оставались заложниками собственных доктрин, со временем не могло не возникнуть противостояния взаимоисключающих лозунгов *внутри* власти. А последнюю в России привыкли абсолютизировать.

Нарождающаяся демократия несла в себе вирус саморазрушения. «В Думе, где заседают два... правительства, хаос и бестолковщина, – комментировал происходящее писатель Л. Андреев. – Не то митинг, не то казармы, не то придворный бал... Сверхумных много, а просто умных не видно и не слышно. Все с теориями»⁹². Но что такое «сверхумный» человек в «бестолковой» ситуации?

Тем временем положение дел в стране оставалось далеким от стабильности. В далекой от столиц Уфе 14 марта на заседании Комитета общественных организаций – такие же комитеты возникли повсеместно – отмечалось увеличение числа пьяных; было принято решение об ужесточении контроля за отпуском спирта и спиртосодержащих лекарств, усилении охраны винных складов и уничтожении винных запасов. А 1 апреля Комитет принял специальное постановление о закрытии перед Пасхой всех казенных лавок, торгующих денатурированным спиртом. Сообщения о пьяных бесчинствах поступали из Бессарабской губернии, Ревеля, Владивостока. В селе Сластуха Аткарского уезда Саратовской губернии граждане, довольные переворотом, старались самоутвердиться «или через напивание пьяными и устроение скандалов с недовольными переворотом, или же с насмешками над богачами и пауками деревни». Начали дебоширить и пьянствовать солдаты на фронте. А в Царицыне солдаты 40-тысячного гарнизона учинили на Пасху разгром винных погребов⁹³. Сознание простых людей погружалось в пучину слухов, за которыми таились неосознанные страхи.

⁹⁰ Штейнберг И. З. Нравственный лик революции. Берлин, 1923. С. 10.

⁹¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 178.

⁹² Андреев Л. Н. S.O.S.: Дневник (1914–1919); Письма (1917–1919); Статьи и интервью (1919); Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 30.

⁹³ См.: Булдаков В. П. Красная смута. С. 129; Посадский А. В. Указ. соч. С. 103; Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 100.

Такая ситуация для большинства известных российских политиков, привыкших работать в думских условиях, не сулила ничего хорошего. Тем более, что они торопились к воплощению в жизнь своих отполированных мировой научной мыслью кабинетных проектов.

2.7.3. Восторги, надежды и страхи победителей

Атмосфера первых дней после победы Февральской революции запечатлелась в истории всеобщим ликованием, всепрощенчеством и митинговой стихией. В Петрограде «сжигали “всю птицу” – романовские гербы». Кое-кто возражал: «сжигая всю птицу, мы откаемся от всей России». Но их не слушали⁹⁴. Так было не только в Петрограде. Историк А. В. Орешников 1 марта так описывал настроение в Москве: «Народу всюду масса, настроение как в пасхальную ночь, радостное». А 3 марта он видел на Лубянской площади «процессию мусульман с красным флагом, читавших молитву»⁹⁵. Забастовщики принялись разоружать солдат, но, не встретив сопротивления, великодушно оставили им винтовки. Говорили, что особенно преуспел в этом Н. А. Бердяев⁹⁶. Он «самолично взял» Манеж: «Вошел внутрь и так грозно закричал на солдат: “Чего вы не сдаетесь?”, что те мгновенно положили оружие». Затем толпы стали арестовывать полицейских, не обошлось без издевательств. Некие личности под шумок «реквизировали помещение одного кафешантанчика, слопали весь балык в буфете». В марте на Красной площади при десятиградусном морозе был устроен парад: это «было до крайности эффектно, хотя в задних рядах замечалось безобразие: солдаты в строю курили». Впрочем, другие наблюдатели подмечали, что духовенства было немного, молебен запоздал на 1,5 часа, «было неблагоговеино»⁹⁷. Из Сарапула (Вятская губерния) будущий офицер писал из учебной команды 4 марта 1917 г.: «Поздравляю... с новой жизнью!... То, что мы когда-то носили только в мечтах – теперь действительность... Гордимся тем, что являемся современниками возрождения новой свободной России...»⁹⁸. Некоторые интеллигенты с восторгом писали об организованности

⁹⁴ Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 99.

⁹⁵ Алексей Васильевич Орешников. С. 108.

⁹⁶ См.: Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 262 (Примечания Е. Ю. Рапп); Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. СПб., 1998. С. 114.

⁹⁷ Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Минувшее. Т. 20. С. 440, 442, 446; Окунев Н. П. Указ. соч. С. 21–22.

⁹⁸ Письма вятского обывателя / [автор-составитель Р. Я. Лаптева]. Вятка (Киров), 2009. С. 209.

рабочих демонстраций, сравнивая их с «безобразной, недисциплинированной студенческой толпой» или собственными «бесконечными словопрениями»⁹⁹. «Революционные» восторги подчас оборачивались актами вандализма. В Вятке публичной библиотеке им. Николая I поспешно присвоили имя А. И. Герцена, в Ирбите солдаты свергли памятник Екатерине II, в Екатеринбурге в процессе избавления от «романовского наследия» пострадали гербы Бельгии и Франции, памятные доски, связанные с историей города¹⁰⁰.

Люди словно ослепли от восторга. Все чего-то требовали, а «чего требовали» – неизвестно...», комментировал происходящее наблюдатель в Челябинске¹⁰¹. Лишь немногие писали о «печальной Пасхе» на фоне бесконечных революционных празднеств, о том, что «старая Россия умерла... но новой России еще нет, а будет ли она, кто знает». О насилии, творимом толпами, предпочитали не упоминать – проще было считать, что «революционеры» защищаются от «реакции». «Настроение праздничное, народу много... интеллигенции нет, офицеров разоружают, стрельба реже, но автомобили носятся во всех направлениях. Войско дезорганизовано, ходят толпами, пьяных мало, отдельные воинские патрули без офицеров пытаются поддержать порядок, – так виделось происходящее Н. Н. Пунину. – Неужели действительно творческие силы социализма будут реализованы? Мой народ, сумеешь ли ты стать наконец, величайшим народом?». Начало революции, как и начало войны, сопровождалось величайшими надеждами. Некоторые интеллигенты даже полагали, что «наш переворот даст сигнал к перевороту в Болгарии и к восстанию в немецкой Польше»¹⁰². Казалось, что в благие намерения «свободной России» должен уверовать весь мир.

П. Б. Струве заявил, что «теперь Россия пойдет вперед семимильными шагами». Когда С. Л. Франк припомнил ему эти слова в эмиграции, он ответил лаконично: «Дурак был»¹⁰³. И таких «дураков» было в избытке.

Как и в Петрограде, в Москве появились автомобили с солдатами «с ружьями и саблями наголо»¹⁰⁴. И. И. Восторгов описывал их так: «Офицеры едут на автомобилях, на автомобилях красные флаги. Офицер, стоя на автомобиле, гордо держит красный флаг, офицер не из воюющих, спрятавшихся в тыловых организациях купно с жидами, фармацевтами, фельдшерами, со всей сволочью из интеллигенции, со всеми сынами и племянниками тыловых мародеров...». Другой автомобиль помимо офицеров был «увешан студентами и

⁹⁹ Жукова Е. Д. Указ. соч. С. 106.

¹⁰⁰ Нарский И. В. Указ. соч. С. 180.

¹⁰¹ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 292.

¹⁰² Пунин Н. Указ. соч. С. 110; Письма – больше, чем воспоминания... С. 272, 273–274.

¹⁰³ Франк С. Л. Указ. соч. С. 111–112.

¹⁰⁴ Богословский М. М. Указ. соч. С. 316.

курсучками (курсистками. – *Авт.*)»¹⁰⁵. Каждый видел в происходящем то, что готов был увидеть. «Думают, гадают, пустить или не пустить нос по ветру, и по какому направлению», – так описывала 3 марта состояние обывателей «Оренбургская жизнь»¹⁰⁶.

С автомобилями связаны по-своему символические явления войны и революции. С началом войны частные авто были реквизированы в пользу армии, однако скоро было замечено, что в них разъезжают дамы сомнительной репутации и жены военачальников¹⁰⁷. Теперь ситуация изменилась: авто стали символом устрашения одних, восторгов других. 2 марта газеты сообщали, что «появился в Петербурге некий “черный автомобиль”, ...стрелявший в прохожих чуть ли не из пулемета». На деле все было проще. «Со стороны Владимирской площади, откуда доносятся выстрелы, несутся автомобили-грузовики, наполненные вооруженными рабочими и солдатами; огромные красные флаги, крики “ура” и стрельба в воздух...», – записал в дневнике искусствовед Н. Н. Пуни. – Автомобили непрерывно несутся по Загородному...»¹⁰⁸. «Очень принято – двум солдатам помоложе лежать с ружьями в позе прицела на колесных крыльях... грузовиков, – комментировал А. Бенуа. – Так более картинно, в этом больше показной удали». Действительно, сохранились фотографии, точно иллюстрирующие это свидетельство. У А. Тырковой сложилось впечатление, что солдаты считали автомобили чем-то вроде революционной награды¹⁰⁹. Петроградский Совет с самого начала уделил большое внимание реквизиции автомобилей – с их помощью рассчитывали оперативно подавлять оставшиеся очаги сопротивления. На деле автомобили иной раз захватывала «пьяная молодежь», которую приходилось разоружать¹¹⁰.

«Страшные» автомобили нарисовало взвинченное людское изображение. Сдерживаемое дисциплиной неосознанное солдатское недовольство выплеснулось неуправляемым озорством. Солдатам понравилось кататься. М. Пришвин писал: «...Мчится автомобиль с красным флагом с солдатами, пулеметом, и барышня там зачем-то сидит, и косичка у нее маленькая, маленькая рыженькая. “Ура!” – кричит, а из автомобиля стреляют: салют»¹¹¹. Революционеры само-

¹⁰⁵ *Восторгов И. И.* Воспоминания о Февральской революции в Москве. С. 314, 315.

¹⁰⁶ Цит. по: *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 179.

¹⁰⁷ *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 654.

¹⁰⁸ *Суханов Н. Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 178; *Пуни Н.* Указ. соч. С. 109.

¹⁰⁹ *Бенуа А. Н.* Мой дневник. С. 117; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 178.

¹¹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 26, 29, 31–32, 40. Пятого марта на общем собрании Совета говорили, что «автомобили нужны, чтобы не было контрреволюции». См.: Там же. С. 136.

¹¹¹ *Пришвин М. М.* Дневники. С. 78.

утверждались в соответствии с символикой времени; боязливым обывателям оставалось только демонизировать происходящее. «Революционеры» поступали ровно наоборот. Сохранился рисунок с «революционным» грузовиком: в кузове преобладают солдаты, среди них несколько рабочих и, конечно, медсестра. Образ последней в городском социальном пространстве трансформировался из «военно-блудливого» в «гендерно-революционный».

Революциям, чтобы распалить себя, нужен сильный, коварный и вездесущий враг – его образ создавали слухи. В дни революции среди демонстрантов распространилось поверье, что полиция стреляла по ним из пулеметов, да еще и с крыш домов. Последнее ничем не подтверждается, большинство полицейских чинов пулеметов в глаза не видело, тащить «максимы» и «люйисы» на крыши было проблематично. За этим стояло желание придать свергнутой власти черты дьявольски-изощренной и могущественной репрессивности¹¹².

Были и явления иного порядка. Так, группа «Родина и армия» обратилась ко всем воинским чинам с призывом довести войну до победы и «освободить разрушенные и угнетенные Польшу, Украину, Сербию, Армению, Румынию, Бельгию и Эльзас-Лотарингию», а затем предоставить народам право на полное самоопределение¹¹³. Но толпы думали о другом. В Москве солдаты из крестьян добродушно объясняли «дедушке» И. И. Восторгову, что «на позициях уже решило большинство солдат не воевать дальше, а бросить фронт и идти домой...»¹¹⁴. Столичные рабочие с улюлюканием вывозили на тачках ненавистных мастеров и представителей администрации, требуя «хороших» начальников, в провинции мастеровые расправлялись с «provокаторами», а крестьяне не преминули разгромить ряд помещичьих имений. Впрочем, репрессивность толп казалась преходящей.

Характерно и другое. Известно, что восставшие рабочие и особенно солдаты устремились в Таврический дворец, дабы засвидетельствовать свою поддержку Государственной думе. Держались они поначалу сдержанно и неуверенно. Но после того, как их порадовали не только радужным приемом, но и бесплатным питанием, из буфета дворца исчезли серебряные ложки¹¹⁵. Думские политики пребывали в неловкой растерянности.

Новая власть повсеместно утверждалась по одному сценарию. В Екатеринбурге не только солдаты и офицеры, но и жандармы вы-

¹¹² Булдаков В. П. Красная смута. С. 121.

¹¹³ Авдеев Н. Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. 1. Январь – апрель. М.-Пг., 1923. С. 116.

¹¹⁴ Восторгов И. И. Воспоминания о Февральской революции в Москве. С. 315.

¹¹⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 176; Шульгин В. В. Дни. М., 1989. С. 21.

явили полную готовность признать новую власть. Правда, здесь более основательно проявило себя желание переарестовать «губернатора, полковых командиров, жандармов» и даже архиерея, а также «занять почту, телеграф, телефон и вокзал». В Орле арестовывать губернатора никто не собирался, но 3 марта толпа разгромила один из полицейских участков. Из Сарапула сообщали, что «в ночь на 1-е марта солдат стали вооружать», но уже 3 марта командир заявил в городской думе, что он со всем полком переходит на сторону нового правительства. При этом «его речь дышала любовью к солдату и родине». Затем состоялся парад, подъем был «неописуемый»¹¹⁶. Вскоре группа представителей интеллигенции под руководством А. М. Горького занялась обсуждением с ветеранами революции В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатиным, В. И. Засулич проекта Дома-музея памяти борцов за свободу. Разумеется, революционная общественность очень скоро продемонстрировала свою практическую недееспособность¹¹⁷.

Оказалось, что от самодержавия не менее других «страдали» его защитники. Супруга помощника челябинского полицмейстера 14 марта писала М. В. Родзянко, что она и муж, как и все, «радовались новому строю», но мужу теперь почему-то не выдают жалованья. «Вы освободили Россию, освободите и нас от голода, не давайте повода роптать на новый строй, — чем виноваты мы, что раньше существовало правительство во главе с царем? И почему полицейские должны страдать за старый строй? Дайте нам кусок хлеба, и мы будем честно и преданно служить новому правительству...»¹¹⁸.

Патерналистская система психологически уравнивает раба и надсмотрщика, ибо *структура, направленность и интенсивность* насилия зависят только от высшей власти. А потому и тот, и другой готовы были одинаково радоваться избавлению от «несправедливого» насилия, полагая, что новая власть сделает его «справедливым» для всех.

Революция, отторгая символы старой власти, ставит на их место новые образы, причем куда более архаичные. Падение самодержавия не случайно вызвало прилив «пасхальных» ассоциаций. В газетах появилась масса соответствующих стихотворений. «Сибирская жизнь» так передавала царившее настроение: «...В сердцах зажглись пасхальные огни, / И с новой властью сердцем и мечтами / Сольемся мы в святые эти дни»¹¹⁹. 12 марта в «Оренбургском слове» появились такие строки: «Вечная память погибшим в борьбе... Мы умиравшую Русь воскрешаем». 15 марта там же был опубликован «Гимн празднику свободы» с такими словами: «...Ликуйте... пал

¹¹⁶ Булдаков В. П. Красная смута. С. 122; Письма вятского обывателя. С. 209–210.

¹¹⁷ Жукова Е. Д. Указ. соч. С. 110–111.

¹¹⁸ Нарский И. В. Указ. соч. С. 180.

¹¹⁹ Сибирская жизнь. 1917. 4 марта.

старый строй, / нет ему больше возврата / Нет Каинов прежних, их свергли долой! / Теперь не пойдет брат на брата»¹²⁰.

Сколько-нибудь оригинальной символики не было заметно. Из недр исторической памяти всплывали то христианские, то языческие образы, образуя причудливую цветастую амальгаму.

Звучал и мотив отмщения. Анонимный автор в «Пермской земской неделе» писал: «Колышутся красные волны / И грозный несетя напев!» Автор, выступавший под псевдонимом «Изгнанник», поместил в «Оренбургском слове» «Песнь рабочих», где заявил: «Мы скованный мир ненавидим / И ложным богам не кадим; Грядущую правду мы видим...» и т.д. В той же газете некий гражданин утверждал: «...Солнце горит... / Светильник тиранов навеки разбит / И к прошлому нет возвращения»¹²¹.

Но «оптимистами» обычно оставались только самостоятельные «пролетарские» и «крестьянские» поэты¹²². В отличие от них мэтр В. Брюсов в стихотворении «В Мартовские дни» предупреждал: «Приветствую свободу!.. / Свершился приговор!.. / Но знаю, не окончен веков упорный спор, / И где-то близко рыщет, прикрыв зрачки, Раздор». Историк М. Богословский также испытывал тревогу. «В газетах продолжается вакханалия, напоминающая сцены из реформации XVI в., когда ломали алтари, бросали мощи, чаши, иконы и топтали ногами все святыни, которым вчера поклонялись, – писал он в дневнике. – Прочтешь газету – и равновесие духа нарушается... Переворот наш – не политический только... Он захватит и потрясет все области жизни – и социальный строй, и экономику, и науку, и искусство, и я предвижу даже религиозную реформацию»¹²³.

В знаменитой картине И. Репина поражает восторженная – слишком «розовая» – цветовая гамма. Напротив, на картине А. Лентулова «Мир. Торжество. Освобождение», появившейся сразу после Февраля, бросается в глаза не только непонятная – то ли клоунская, то ли бесовская – фигура, но и сочетание необычных для него резких и тревожных цветов. Революцию можно было увидеть по-разному.

Происходящее было слишком непривычным. «Дни великие и страшные», – записывал 2 марта 1917 г. в дневнике историк А. Н. Савин и задавался вопросом: «Что будет, если подымутся низы?»¹²⁴. А тем временем в психиатрические лечебницы «стало поступать небывалое количество психических больных» – намного больше, чем

¹²⁰ Голдин В. Н. Поэзия Гражданской войны в периодических изданиях Урала: 1917–1919 годы. Кн. 1. Екатеринбург, 2006. С. 4, 10.

¹²¹ Там же. С. 15, 28, 45.

¹²² См.: Булдаков В. П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917–1920 // Историк и Художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского. М., 1913. С. 363–367.

¹²³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 322.

¹²⁴ Цит. по: Далин В. М. Указ. соч. С. 61–62.

в первые дни войны¹²⁵. События стали развиваться по неведомому сценарию. 13 марта в Уфимской губернии на одном из волостных сходов известие об отречении царя было встречено с «великой радостью и неописуемым восторгом»¹²⁶. А в Челябинске от избытка пасхальных радостей рабочие и солдатские депутаты объявили «день открытых дверей» в городской тюрьме. Камеры были открыты, посетители, арестанты и надзиратели принялись коллективно распивать «дышничек» (денатурат)¹²⁷. В России радоваться обяваны «все вместе» в едином порыве. «Масса опьянена, – казалось эсеру-максималисту в мае 1917 г. – ...Бросают какие-то лозунги, сами не понимая их... Не кроется ли в этой безответственности причина нашего общего крушения...»¹²⁸.

Разумеется, образованные люди пытались призвать на помощь опыт прошлого. М. Пришвин отметил, как с прилавков исчезли книги по истории Французской революции, затем по истории Смутного времени¹²⁹. Однако людей эмоциональных – а таковые заполнили собой все информационное пространство – события затягивали целиком, не оставляя времени на рефлексию. Сообщали, что в Одессе на Приморском бульваре перед многотысячной толпой выступал сам Ф. И. Шаляпин «в матросской рубашке и исполнял кроме своей “Блохи” и новую революционную песнь собственного сочинения, в которой лейтмотивом звучал призыв “к оружию”»¹³⁰. Великий певец и актер был искренен: «он совершенно невольно и искренне перерождался и в зависимости от обстоятельств и окружения мог быть кем угодно: с купцами – кутил, со студентами – возмущался начальством и политическими порядками, среди ученых – интересовался наукой»¹³¹. Патерналистская система в экстремальных ситуациях порождает именно такой – эмоционально перенасыщенный – тип социальных реакций. И столь же эмоционально событиям прошлого со временем начинает навязываться совсем иначе морально окрашенная логика.

Однако собственно театр, точнее, его обывденная сторона менялась не столь значительно. По случаю победы революции В. И. Немирович-Данченко отправил военному министру специальную записку. В ней сообщалось, что из 48 артистов Московского Художественного театра возраста до 43 лет уже поступили на военную службу 20 человек, и теперь их нехватка грозит полным прекращением спектаклей. Разумеется, дирекция напоминала о своих патристических деяниях: содержание лазарета на 40 кроватей, выступле-

¹²⁵ Биржевые ведомости (вечерний выпуск). 1917. 18 мая.

¹²⁶ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 53.

¹²⁷ Нарский И. В. Указ. соч. С. 181.

¹²⁸ Союз эсеров-максималистов. Документы, публицистика. М., 2002. С. 85.

¹²⁹ Пришвин М. М. Дневники. С. 80.

¹³⁰ Никулин В. Указ. соч. С. 331.

¹³¹ Зёрнов В. Д. Указ. соч. С. 87.

ния артистов в пользу жертв войны, организация спектаклей для раненых солдат, разнообразные сборы на нужды войны¹³². Люди театральных подмошток реагировали на «театр истории» с некоторой профессиональной отчужденностью, словно взирая на «чужой спектакль».

А пока интеллигенция, оглядываясь в прошлое, предавалась несбыточным надеждам. Под председательством известного востоковеда С. Ф. Ольденбурга в помещении Института истории искусств обсуждался вопрос об учреждении министерства изящных искусств¹³³. Кому-то хотелось увековечить приход долгожданной свободы, кому-то сохранить то, что осталось от старого, а кто-то надеялся на признание своих заслуг и талантов.

Эйфория победителей стала таять к концу марта. Уже 23 марта на грандиозных похоронах жертв революции на Марсовом поле ощущалось что-то «шумное, неблагоговеиное». Либералам казалось, что гибли не столько настоящие революционеры, сколько случайные люди. Организаторы похорон вытребовали к могилам М. Горького и нескольких деятелей искусства. Художница А. П. Остроумова сделала ряд выразительных акварелей похоронной процессии – особенно впечатляли ярко-красные гробы, которые люди несли на руках. Поскольку с опознанием трупов возникли трудности, обыватели злословили, что устроители похорон за недостатком погибших революционеров догрузили могилы убитыми городовыми¹³⁴. «Россия стала дурацкой... Россия сможет вздохнуть только тогда, когда будет уничтожен Петроградский совет...»¹³⁵, – такое мнение высказывали в начале апреля некоторые представители уездной интеллигенции. Но некоторым ситуация казалась серьезней. «Не замечаете ли вы [читатель], как чья-то исполинская тень поднимается от земли к небу и застывает собой алую, словно знамя свободы, зарю?»¹³⁶ – таким вопросом задавалась кадетская газета в начале мая 1917 г.

«Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть даже и раньше его; Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению», – считал Ф. А. Степун¹³⁷. А пока «ангелы» и «демоны» революции смешались в нелепой, как казалось, круговерти, затягивающей все новых «победителей» и «жертв».

¹³² ММХАТ. Оп. 1916–1917. Д. 63. Л. 1–1 об.

¹³³ Речь. 1917. 9 марта.

¹³⁴ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 176; Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 184.

¹³⁵ Письма – больше, чем воспоминания... С. 274–275.

¹³⁶ Речь. 1917. 3 мая.

¹³⁷ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 311.

2.7.4. Крушение империи и власть на местах

Некогда К. Шмитт заметил, что без своего монархического противника демократия становится бессодержательной¹³⁸. Она оказывается просто формой организации – нравственно выхоленной. Вслед за свергнутым монархом демократия рискует оказаться в положении «голого короля». По этой причине революция в империи, выстроенной на архаичных принципах, не может свестись к простой смене политического режима. В закрепленной веками российской системе власти-подчинения слишком многое было связано с эмоциями, порождаемыми сакральностью фигуры царя. Казалось, что перевести систему в режим нормального – бюрократически-функционального – управления будет невероятно сложно. Но все оказалось проще: сработала патерналистская составляющая российского «дарующего» имперства.

Правительство стремилось любым способом стабилизировать ситуацию – особенно там, где она казалась наиболее угрожающей. Прежде всего это касалось «национальных окраин». В принципе, новая власть старалась лишь внешне «демократизировать» существующую здесь систему управления. Сакральность наместничества должна была уступить место фетишизации своего рода этнодемократической коллегиальности. Так, еще 5 марта министр-председатель князь Г. Е. Львов высказался о желательности образования комиссариата из пяти лиц при управлении наместника на Кавказе. Министр юстиции А. Ф. Керенский предложил ввести в его состав представителей кавказских народностей. В результате возник Особый Закавказский комиссариат (ОЗАКОМ), который возглавил кадет В. А. Харламов, председатель Доно-Кубанского комитета Всероссийского земского союза. ОЗАКОМ сформировался на паритетной основе – по два представителя (либерал и социалист) от каждого из трех основных закавказских народов. Первоначально существовало намерение обойтись без социалистов, но это оказалось невозможным – левые лидеры воспротивились¹³⁹. Но эта конструкция была заведомо неустойчивой: за местными социалистами стояли разбуженные мировой войной взаимонеприимимые этнонациональные движения. Теоретически проблему можно было сгладить, обеспечивая нормальное продовольственное снабжение края. Но вряд ли это было возможно в силу громадного наплыва беженцев из Турции, транспортных неурядиц, усугубляемых коррупцией, присутствия большой массы «русских» войск.

¹³⁸ Шмитт К. Политическая теология. М., 2000. С. 168.

¹³⁹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 35–36; С. 35–36; Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 191.

8 марта был опубликован манифест о восстановлении Конституции Финляндии, автором которого был Милоков¹⁴⁰. Этот акт, выдержанный в стиле царских манифестов, создавал некоторую политико-юридическую неопределенность в отношениях между Россией и Финляндией. Если в прошлом государственно-правовая связь между ними была освящена личной унией императора с финским народом, то теперь манифест заранее отдавал прерогативы имперского центра будущему Всероссийскому Учредительному собранию.

В условиях заметного ухудшения продовольственного снабжения Финляндии из России подобная перспектива не могла удовлетворить финляндских политиков, тем более что 13 марта финляндский Сенат стал коалиционным, то есть менее послушным российской власти. Вряд ли улучшило взаимопонимание заявление Керенского на митинге 16 марта в Гельсингфорсе о том, что он приехал «принести финляндскому народу весть о его свободе». Финские социал-демократы уже подготовили для премьера записку о расширении автономии. Вскоре из ссылки вернулся П. Свинхувуд – правый прогермански настроенный социал-демократ, тальман Сейма, сотрудничавший с активистами, высланный в Томскую губернию в конце ноября 1914 г.¹⁴¹ И, тем не менее, Финляндия давно привыкла к «внешнему управлению». Оставалось только не разрушить ее хозяйственно-снабженческие преимущества.

7 марта правительство решило направить особых комиссаров в прибалтийские губернии¹⁴². Было очевидно, что здесь латыши и эстонцы постараются еще более «этнизировать» органы местного самоуправления в своих интересах.

16 марта появилось правительственное обращение «К полякам», весьма напоминавшее бывшие предложения С. Д. Сазонова об объединении Польши под скипетром русского царя. Документ породил массу вопросов. Будущая независимая этнографическая Польша должна была «ограждать права национальных меньшинств» и пребывать в «свободном военном союзе с Россией». Вдобавок документ стимулировал появление внутрirosсийских проблем – многие лидеры национальных движений тут же стали ориентироваться на поляков¹⁴³.

11 марта было подписано правительственное постановление о приостановке действия законов «о землевладении и землепользовании австрийских, венгерских и германских выходцев» – также до созыва Учредительного собрания. Это, вероятно, вызвало недоумение у той части населения, которое уже воспользовалось землей и результатами труда «внутренних врагов».

¹⁴⁰ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 48–49.

¹⁴¹ Новикова И. Н. Указ. соч. С. 191; Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 181.

¹⁴² Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 47.

¹⁴³ Там же. С. 106–107; Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 182–183.

Тем временем на местах сохранялся компромисс различных идейно-политических сил, моментально слившихся в рамках стихийно возникших и беспорядочно пополняемых органов самоуправления. При этом старые власти порой демонстрировали удивительную покладистость. Из Ставрополя губернатор кн. Оболенский докладывал, что возглавил Комитет общественной безопасности вместе с «очень достойными людьми». Временному правительству пришлось дать команду о его устранении. В Орле губернатор гр. П. В. Гендриков предложил образовать для управления особое совещание, куда бы вошли помимо него предводитель дворянства, председатель земской управы, представители комитета общественной безопасности и Совета. Местные либералы и социалисты согласились. Они аплодисментами приветствовали заявление начальника Орловского кадетского корпуса генерал-лейтенанта Р. К. Лютера в верности Временному правительству и заверения жандармского подполковника, обещавшего служить новой власти не менее честно, чем старой.

Наиболее influentialными в КОБах (часто выступавших под другими названиями) оказывались либо известные в прошлом общественные деятели, либо новоявленные демагоги. Первое время они старались действовать согласованно. Если в столице социалисты и либералы никак не могли договориться между собой, то, к примеру, в самарский комитет вошли по пять большевиков и меньшевиков, а также три эсера, которые стали соседствовать с семьей кадетами. В далеком Якутске общественный комитет возглавил ссыльный большевик Г. И. Петровский, вскоре утвержденный правительственным комиссаром¹⁴⁴. Налицо было стремление к формированию внепартийной власти. Вероятно, это с трудом укладывалось в головах политических лидеров, понимавших народовластие как непрременную коалицию или периодическую ротацию различных «правых» и «левых» партий. Многопартийная внешность должна была подменить самую суть демократии. В условиях войны это было особенно абсурдно.

Патерналистская система не терпела безвластия. Была необходима хотя бы символическая власть. В Челябинске «обыватели так желали определенной власти, что Комитет (общественной безопасности. – *Авт.*) сразу приобрел авторитет, хотя лидером его стал «бесцветный» врач П. А. Агапов, сразу же напустивший на себя важный вид¹⁴⁵. Нечто подобное происходило и в других городах. Население привыкло к властной определенности – скорее символической, нежели реальной. Однако беспокоились политико-юридические доктринеры и буквоеды.

Для стабилизации государственно-правового положения В. В. Шульгин предложил создание законосовещательного органа,

¹⁴⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 312.

¹⁴⁵ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 300.

в котором ведущие политики могли бы согласовать и уточнить свои прежние установки¹⁴⁶. В сущности, власть двинулась именно по этому пути, погрязнув, однако, в бесконечных согласованиях, переросших со временем в склоки. Все это вызывало по меньшей мере недоумение снизу. Массы требовали оперативного решения своих проблем и «понятных» действий.

Командующим Петроградским военным округом стал командир 25-го армейского корпуса генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов, рекомендованный Гучковым. В политическом активе Корнилова был побег из плена и арест им 7 марта царской семьи. Но «розовый» генерал уже тогда понимал необходимость «жесткой расчистки Петрограда»¹⁴⁷. 14 марта после совещания с начальниками военных училищ он вывел юнкеров, поддержанных артиллерией, на Дворцовую площадь. «Нас было 14 тыс. лучших в то время войск в России: дисциплинированных, молодых, храбрых и нерассуждающих, – вспоминал один из участников событий. – Мы были настроены решительно... Всем уже осточертели речи»¹⁴⁸. Но дальше демонстрации дело не пошло – воспротивился Керенский, подозрительно относившийся к генералитету. В конце марта генерал А. М. Крымов, посетив столицу, также предлагал «расчистить» ее, полагая, что для этого хватит одной дивизии. На сей раз его не поддержал Корнилов¹⁴⁹.

На местах столичного «двоевластия» не замечали. Провинция словно замерла в ожидании приказов нового правительства. Местные Советы тяготели к примирению с «буржуазной» властью. Гигантская масса телеграмм в адрес Временного правительства содержала призывы к «дружной и плодотворной работе» правительства и Совета.

6 марта правительство издало директиву о вступлении председателей губернских и уездных земских управ (они считались либералами) в должность правительственных комиссаров. Это распоряжение не учитывало существования неземских губерний и областей. На местах приходилось срочно исправлять ситуацию. И хотя из сотни законодательных актов правительства более 40 касались органов местного самоуправления¹⁵⁰, ситуация в стране оставалась юридически запутанной. Позднее, в августе 1917 г. на Государственном совещании от лица московской городской думы В. В. Руднев

¹⁴⁶ См.: Николаев А. Б. «Парламентский» проект В. В. Шульгина // Россия в 1917 году: новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб., 1994.

¹⁴⁷ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: крушение власти и армии. С. 147.

¹⁴⁸ Мамонтов С. И. Походы и кони. Воспоминания о Гражданской войне // Подъем. 1992. № 5–6. С. 12.

¹⁴⁹ Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 44, 119.

¹⁵⁰ Кукушкин Ю. С., Тимофеев Н. С. Самоуправление крестьян России (XIX – начало XXI в.). М., 2004. С. 30.

настаивал, что «нет иного пути к осуществлению истинного народоправства в государственном масштабе, как только через укрепление и расширение базы самоуправления». Государству же следует ограничиться «только надзором за законностью действий органов местного самоуправления»¹⁵¹. Достичь этого, невольно действуя наперекор инерции российских этактистских традиций, было крайне трудно. А традицию российской «соборности» – скорее фантомной, нежели реальной – некоторое время уверенно имитировала утопия многопартийности.

Разумеется, правительство сознавало, что у власти на местах могут оказаться не меньшие реакционеры, чем старые губернаторы. Поэтому премьер заявил, что комиссары не должны рассматриваться в качестве должностных лиц, стоящих над общественными комитетами¹⁵². В результате в общественное сознание проникла мысль, что представителей власти на местах не только допустимо, но и необходимо смещать. Результаты не замедлили сказаться. К концу марта назначенные, точнее, утвержденные правительством комиссары удержались только в 23 губернских центрах из 55, остальные были переизбраны. Что касается комиссаров уездного уровня, то здесь «правительственными» были только 177 из 439¹⁵³. В любом случае губернские комиссары оказывались беспомощными по причине нехватки средств. Собранные налоги тратились на низовом уровне, убедить массы в необходимости содержания столичного «революционного» чиновничества было трудно.

Кое-где самоуправление спускалось на волостной уровень. 11 марта на станции Солнцево Южной железной дороги состоялся трехтысячный митинг крестьян. Из Курска с «Марсельезой» подъехал оркестр рабочих; у волостного правления священниками был отслужен молебен; сущность произошедшего переворота последовательно разъяснили адвокат, солдат и рабочий; с речами выступали и местные крестьяне, единодушно высказывавшиеся за республиканский строй. Тут же было заявлено, что крестьяне выберут в волостной исполком «хороших людей», известных им с 1905 г.¹⁵⁴

Все это сопровождалось ростом партийной демагогии. В Екатеринбурге местный кадет Л. А. Кроль воспользовался практикой кооптации для разжигания в КОБе представителей левых, что обеспечило ему должность председателя. Но полностью нейтрализовать левых все равно не удалось – этот орган просуществовал менее трех месяцев. «Буржуазная» власть лишилась своей естественной

¹⁵¹ Государственное совещание. М.; Л., 1930. С. 139, 140.

¹⁵² Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 203.

¹⁵³ Красный архив. 1926. № 2 (15). С. 40.

¹⁵⁴ Судацов Н. Д. Земское и городское самоуправление России... С. 273–274.

социально-организационной опоры. Заседать оказалось некому, КОБ прекратил свое существование¹⁵⁵.

Некоторые КОБы «левели». Так, в Нахичевани 19 апреля было отказано в представительстве цензовым элементам¹⁵⁶. Но такие крайности были исключением.

Местные власти сразу же столкнулись с неожиданными проблемами. В ходе послефевральских обысков обнаружилось обилие «бесхозных» товаров на складах (на деле припасенных для спекуляции). Было предложено реквизировать их – право собственности было поставлено под сомнение самими властями. Под давлением социалистов КОБы прибегли к реквизициям сахара, табака, спичек¹⁵⁷. Это повлекло за собой не только монополизацию распределения товаров первой необходимости, но и слухи о злоупотреблениях. И такие проблемы множились.

Иные КОБы довольно успешно сопротивлялись «анархии». Так, в Курской губернии (в прошлом поставлявшей в Думу правых) на базе самоуправлений (включая волостные) в ходе бесчисленных коптаций возник «Губернский народный Совет» численностью до четырех тысяч человек. Казанский КОБ включал в себя представителей губернских и уездных органов самоуправления и управления, делегатов от рабочих, солдатских и офицерских Советов, кооперативов, предпринимателей, ВПК, союзов учителей, земских служащих, железнодорожников, почтовиков, сельского духовенства. Также входили в Комитет представители мусульман (социалистов и несоциалистов), других народов губернии и «национальных» беженских организаций. Уфимский губернский комитет общественных организаций включал в себя относительно немного мусульман (7 организаций из 79), а также представителей поляков, евреев, латышей, чувашей. Даже в губерниях с почти однородно русским населением в КОБы входили представители беженских организаций – еврейских, польских, латышских, литовских. В общем, стихийно сложилась по-своему эффективная система, учитывающая и интересы управления, и нужды наименее обеспеченных и забытых слоев населения¹⁵⁸. Но она могла действовать лишь до тех пор, пока люди были настроены на сотрудничество.

Характерно, что в ряде случаев институциональное противостояние «легитимного» Временного правительства и «самодеятельных» КОБов фактически сходило на нет. Механизм притирки оказался элементарен: утверждение наверху кандидатур правительственных комиссаров, предлагаемых самими комитетами. К тому же местные власти не могли чувствовать себя вполне легитимными без законов,

¹⁵⁵ Аничков В. П. Указ. соч. С. 11–12, 16–18, 47–48.

¹⁵⁶ ГА РО. Ф. 91. Оп. 3. Д. 3. Л. 2 об.–3.

¹⁵⁷ Аничков В. П. Указ. соч. С. 44.

¹⁵⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 311.

утвержденных высшей властью. Порой это принимало курьезные формы. В середине лета Донской Войсковой Круг, самостоятельно выработав меры искоренения винокурения и пьянства, настаивал на том, чтобы они были утверждены правительством¹⁵⁹. Похоже, российская «вольница» была основательно этатизирована.

Но возникла новая, более опасная для иерархии властвования зона конфликта: противостояние КОБов губернского и уездного уровня (интеллигентских по составу) и волостных, то есть крестьянских комитетов. Последние, по сути дела, были не комитетами в «городском» понимании этого слова, а ситуационными организациями крестьян, воспользовавшихся революцией для решения своих собственных проблем – будь то возвращение наиболее несговорчивых отрубников в общину или решение тяжб с помещиками в свою пользу. В некоторых местностях остро стоял продовольственный вопрос. На волостном уровне надо было решить проблему отыскания средств – соответственно, менялась система налогообложения¹⁶⁰. С апреля в деревню хлынули солдаты-отпускники, и с их появлением началось вытеснение из волисполкомов представителей сельской интеллигенции – от священников до учителей. В силу революционной моды некоторые волостные комитеты, пополнившись солдатами и рабочими, стали даже именовать себя Советами¹⁶¹. В других случаях крестьяне именовали Советами органы, призванные осуществлять контроль над оставшимися на своих местах сельскими старостами. Воспользовавшись той или иной вывеской, крестьяне восстанавливали свою «справедливость»; интересы тех, кто находился за пределами общины, их не волновали.

Именно из-за этого система КОБов вкупе с институтом правительственных комиссаров не сложилась в эффективную властную иерархию. Революционный корпоративизм формировался как на традиционалистской (сословной), так и частично обновленной (профессиональной) базе, но при этом он нелепо (в смысле управления) политизировался изнутри. Источником его позитивной динамики могло стать не «представительство интересов», а то, что У. Розенберг удачно назвал «демократизацией участия»¹⁶². В противном случае взаимодействие интеллигентских доктрин с растущими ожиданиями населения начинало разрушать систему.

При этом удивительно, насколько долго местные Советы (имевшие свое представительство в КОБах) подпирали «буржуазную» власть. Вместе с тем появление «советских республик» (не только Кронштадтской, но и Херсонской, Ревельской и Красноярской –

¹⁵⁹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 313.

¹⁶⁰ Судацов Н. Д. Земское и городское самоуправление России... С. 281.

¹⁶¹ Там же. С. 302.

¹⁶² Розенберг У. Государственная администрация и проблема управления в Февральской революции // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция... С. 128–129.

уже в мае 1917 г.) подсказывает, что вытеснение «буржуазной» иерархии власти могло идти без большевиков и прочих экстремистов, поскольку Советы представляли собой квазисоборную (на манер сельского схода) структуру. В любом случае баланс внутри формирующейся пирамиды зависел от вопросов о мире и земле. Однако «ученые» политические лидеры никак не могли понять, что невольно реактивированная переворотом традиционная иерархия ценностей может не совпадать с «плоскими» европейскими идеалами представительной демократии и формального права. Теперь в Россию надо было не просто «верить», но и попытаться ее «понять». В противном случае ей грозила очередная смута.

2.7.5. Демократия или армия?

Принято считать, что роковым событием для революции стало появление приказа № 1 Петроградского Совета. Этот документ считали едва ли не продуктом германского Генерального штаба. На деле приказ следует скорее отнести к «самодеятельным» документам солдат столичного гарнизона. Столь же естественно он распространил «завоевания революции» на остальную армию.

Сознание солдат пережило потрясение: они нарушили присягу сакральной фигуре российского бытия – царю. Отсюда «странности» их поведения: некоторые стали носить георгиевские медали оборотной стороной наружу, желая скрыть изображение императора, другие сдавали свои награды «на нужды войны». «Все они сняли с себя не только погоны, – писал человек, наблюдавший за ними в Екатеринбурге. – Почему-то, нося шинели в рукава, солдаты отстегивали на спине хлястик...»¹⁶³. Казалось, им хотелось избавиться от всякого намека на стискивание их свободы. Повсеместно солдаты лузгали семечки, усыпая шелухой мостовые – по тротуарам они ходить перестали. А поволжские города провоняли усердно поедаемой воблой¹⁶⁴. Вторжение перверсивных элементов традиционной культуры в городскую цивилизацию носило намеренно провокационный характер.

Война словно отодвинулась в прошлое. Дезертирство казалось теперь частью «законного» протеста против былых «притеснений». До революции из войск Северного фронта, наиболее близкого к столице, выбыло около 50 тысяч солдат, через два месяца их число увеличилось еще на 25 тысяч¹⁶⁵. В апреле обыватели ужасались:

¹⁶³ Аничков В. П. Екатеринбург–Владивосток. (1917–1922). М., 1998. С. 32.

¹⁶⁴ «Университет жил совершенно нормальной жизнью». Воспоминания Г. Г. Тельберга // Источник. 1998. № 3 (34). С. 73.

¹⁶⁵ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 135.

устремившиеся на «побывку» солдаты высаживали пассажиров, а битком набитые ими вагоны проседали, их крыши ломались¹⁶⁶.

Если ранее война воспринималась большинством солдат как стихийное бедствие, то теперь появилось навязчивое желание отомстить тем, кто ее «затеял». Известный журналист В. Амфитеатров-Кадашев свидетельствовал, что даже доктора оказывались плохи тем, что «слишком много солдат признали годными», а потому их самих следует отправить на фронт¹⁶⁷. Еще сильнее были антиофицерские настроения¹⁶⁸. Вовсе не случайно в ходе восстания развернулась настоящая охота на «предателей-немцев» из офицеров и генералов¹⁶⁹. Часто «немецкий след» был лишь предлогом. Судя по всему, произошедшее 28 февраля убийство командира старшей в последствии знаменитой «Авроры» капитана 1-го ранга Никольского было связано с его нежеланием «приветствовать революцию»¹⁷⁰.

Расправы над флотскими офицерами по-своему символичны: они казались своего рода кастой, едва ли не демонстративно отчужденной от матросов. Среди последних был довольно высок процент мастеровых, способных взбаламутить бывших крестьян, испытывавших стрессовое состояние от непривычного пребывания в замкнутом пространстве. О ненадежности команд говорили уже давно¹⁷¹, но никаких мер не предпринималось. Не случайно и то, что расправы произошли на крупных судах Балтийского флота, в зимних условиях вообще не участвовавшего в военных действиях – сказывался фактор психосоциального разобщения «верхов» и «низов», а не боевой спайки.

Многие расправы попадают в разряд массового иступления, но, похоже, в обществе им сочувствовали¹⁷². Через два месяца после бойни офицеров в Гельсингфорсе попытка политических лидеров добиться назначения пенсий всем семьям лиц, погибших в ходе переворота, была отвергнута. Матросы и солдаты не желали, чтобы вспомоществование получали родственники убитых офицеров¹⁷³. Одновременно возник культ революционной жертвенности: 17 марта торжественно хоронили двух убитых при беспорядках матросов, на месте их погребения решили установить памятник¹⁷⁴.

¹⁶⁶ ЦДНИ РО. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1005. Л. 18.

¹⁶⁷ Февральская революция 1917 года. М., 1996. С. 130.

¹⁶⁸ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 47–49, 51–52.

¹⁶⁹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 124, 226.

¹⁷⁰ Неволин А. С. Авроровцы. М., 1977. С. 39.

¹⁷¹ Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 409.

¹⁷² Так, наборщики типографии наотрез отказались печатать воззвание Совета о недопустимости самосуда над офицерами, а группа левых эсеров и «межрайонцев» в своих воззваниях призывала к продолжению расправ. См.: Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 155–156.

¹⁷³ НАФ. Venalaisia sotilasiakirjoja. VA: n luettelo 342:2, n. 3896. Л. 14.

¹⁷⁴ Авдеев Н. Указ. соч. С. 103.

Некоторые считали, что в Кронштадте имела место «самая чудовищная резня» в силу того, что там квартировались исправительные батальоны армии и флота¹⁷⁵. Между тем замечено, что матросы мстили именно тем командирам, которые своим поведением воплощали неизменность существующего порядка¹⁷⁶. Адмирал Р. Н. Вирен, «воспитывавший» матросов чисто репрессивными мерами, был публично расстрелян, а тело его было сожжено на площади перед Морским собором¹⁷⁷. И хотя больше всех пострадали офицеры из этнических немцев, возникла убежденность, что расправы организовывали агенты немецкой разведки. Неожиданное лицо «своего» бунта не могло не ассоциироваться с устоявшимся образом коварного германоподобного врага.

Озверевшие «защитники отечества» словно искали теперь подходящих кандидатов на заклание. В Пскове их жертвой стал полковник Самсонов, начальник распределительного пункта. Считалось, что он изводил солдат всевозможными придирадками. Ему «повезло»: его застрелили в собственном кабинете несколькими выстрелами в упор¹⁷⁸. В Твери на площади солдаты убили губернатора Н. Г. фон Бюнтинга, потомственного дворянина, гофмейстера, православного. Ему выстрелили в спину, а затем добили штыками¹⁷⁹. Считается, что всего в ходе революции погибло около 300 и ранено 1100 человек¹⁸⁰.

Впрочем, чаще дело ограничивалось устранением неудобных командиров. В Архангельске 2 марта волнений в войсках не было, но с 19 марта началось списание с судов офицеров, подозреваемых в симпатиях к старому строю и к Германии¹⁸¹. 4 марта из Владивостока вице-адмирал Шульц сообщал, что «присоединение флота и порта к новому строю прошло без всяких инцидентов», а 5 марта предписал нижним чинам выбирать представителей в Совет рабочих депутатов и Комитет по охране города. Здесь также начались самочинные «увольнения» офицеров¹⁸². В Сарапуле был смещен

¹⁷⁵ «Русская революция». Донесение начальника бельгийской военной миссии барона Риккеля. 1916–1918 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 178.

¹⁷⁶ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 107, 109, 111; Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 37–41, 46–48.

¹⁷⁷ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв. Омск, 2011. С. 134–135, 143.

¹⁷⁸ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 132.

¹⁷⁹ Тверская губерния в годы Первой мировой войны... С. 393.

¹⁸⁰ Тютюкин С. В. Россия: от Великой войны к Великой революции // Война и общество в XX веке. Кн. 1. М., 2008. С. 147.

¹⁸¹ Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917–1920 гг.). Л., 1982. С. 10–11, 25–28.

¹⁸² Военные моряки в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1917–1922). Владивосток, 1989. С. 33–34, 38–39.

батальонный командир штабс-капитан Гебель, «чистокровный деспот – немец». Но были здесь и другие офицеры. Один из них заявил: «Пока в строю, я – офицер, а вне – ваш товарищ»¹⁸³.

Армия, основывающаяся на прежних принципах субординации, уже не могла существовать – об этом заявляли 1 марта нижние чины на общем собрании Петроградского Совета. Самый текст приказа № 1 был сформулирован Н. Д. Соколовым «без всяких голосований» по требованиям насевших на него солдат. Н. Н. Суханов утверждал, что приказ был «в полном смысле продуктом народного творчества, а ни в коем случае не злонамеренным измышлением отдельного лица или даже руководящей группы»¹⁸⁴. Сам Соколов от авторства приказа отмежевался.

В тексте приказа, появившегося вечером 1 марта, говорилось о необходимости избрания «во всех ротах, батальонах, полках, батареях, эскадронах» особых солдатских комитетов; о командировании представителей в Совет рабочих депутатов; о подчинении политических выступлений в войсках столичному Совету; о переходе всего вооружения в ведение солдатских комитетов; о соблюдении «строжайшей воинской дисциплины» в строю и необязательности отдания чести офицерам вне службы; об отмене прежней системы титулования офицеров и генералов (от «благородия» до «высокопревосходительства») и заменой их общим «господин» (будь то прапорщик или генерал); воспрещение офицерам «тыкать» нижним чинам¹⁸⁵.

Приказ был быстро размножен в тысячах экземпляров. Большинство офицеров испытало от его появления шоковое состояние, несмотря на то, что одновременно появилось обращение Совета к «революционным офицерам, смело выступившим на защиту народа»¹⁸⁶. Приказ способствовал разъединению, а не сплочению товарищей по оружию. Не случайно иные солдаты на фронте просили обращаться к ним по-старому; некоторые офицеры не без оснований полагали, что «выканье» приведет к растущему взаимному отчуждению¹⁸⁷. Генерал Крымов написал страстное письмо военному министру Гучкову, требуя не допускать в армии политической агитации. Прочитав это послание П. Н. Врангелю, он разрыдался¹⁸⁸. Через месяц после переворота генерал Светловский (Румынский фронт) заявлял: «Все пропало, и Россия погибла безвозвратно»¹⁸⁹.

¹⁸³ Письма вятского обывателя. С. 211–212.

¹⁸⁴ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 47–54; Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 144–45.

¹⁸⁵ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 189–190.

¹⁸⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 57.

¹⁸⁷ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 580.

¹⁸⁸ Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Ч. 1. С. 29.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 54.

Впрочем, уже в марте в самом Исполкоме Петроградского Совета стали говорить, что приказ № 1 был «ошибкой»¹⁹⁰.

Самонадеянная наивность социалистических лидеров была поразительной. М. И. Скобелев пребывал в уверенности, что даже Милюков одобрил появление приказа № 1¹⁹¹. Сказывалась умозрительность интеллигентского мировосприятия. В. В. Розанов заметил, что приказ не оказал бы своего разрушительного воздействия, если бы предыдущие ¾ века «к нему не подготовляла вся русская литература»¹⁹² (в этих справедливых словах отсутствовал элемент должной самокритики). Действительно, интеллигенция давно смотрела на офицеров как на дурную опору негодного режима. А между тем 7-й пункт приказа об уравнивании солдат в правах со всеми гражданами вне строя был воспроизведен в Декларации правительства от 3 марта 1917 г.¹⁹³

Приказ № 1 лишь узаконил неизбежное: в Петроградском Совете солдаты продолжали настаивать на переизбрании офицеров¹⁹⁴. Началось спешное формирование солдатских комитетов. Появившийся 5 марта приказ № 2, разъясняющий недопустимость переизбрания офицеров, уже не спасал прежней субординации – по крайней мере в столице. Вместе с тем кое-где солдаты стали выбирать в свои комитеты и даже в Советы «хороших» командиров вместо «дурных». В Московском полку Петроградского гарнизона, где было убито три офицера из общего числа 75, солдаты оставили в полку только семь бывших командиров. Но в целом по столичному гарнизону на своих местах осталось около половины офицеров¹⁹⁵. Солдаты, как видно, испытывали нужду в «своем» начальстве, но готовы были ждать, когда его подберут сверху. Что касается власти за пределами своих подразделений, то она интересовала их главным образом в качестве гаранта учиненной ими внутренней «демократии». Солдаты были озабочены утверждением патриархальных отношений с непосредственным начальством, но никак не судьбой власти в целом.

Фронтовиками приказ № 1 был воспринят далеко не однозначно. 8 марта генерал А. Е. Снесарев сообщал, что в Киеве офицер, которому было поручено доставить на фронт 8 тысяч новобранцев,

¹⁹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 489.

¹⁹¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 179.

¹⁹² Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990. С. 43.

¹⁹³ Гальперина Б. Д. Февральская революция и права солдат: опыт источниковедческого исследования // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 58.

¹⁹⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 107–116.

¹⁹⁵ Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 69; Журавлев В. А. Периодическая печать о российском офицерстве 1917 г.: нерешенные проблемы и трагические последствия // Клио. 1999. № 1 (7). С. 59.

не смог этого сделать: «все разошлись: часть по деревням, часть по Киеву». Были и противоположные крайности: один солдат обиделся, когда полковник Швамберг в соответствии с приказом № 1 обратился к нему на «Вы». Для этого солдата, не отрешившегося от патерналистских представлений, полковник становился чужим. Сказывались и другие последствия пресловутого приказа: «сапер-солдат: руки в штаны, во рту папироса» – так он понял наступившую свободу. Снесарев даже написал Гучкову: «армия не поймет новых идей, начнутся шатания, рознь...»¹⁹⁶. Некоторые солдаты-гвардейцы жаловались политикам: «Вы просили нас свергнуть старую власть. Мы это сделали. Так дайте же нам новую власть и порядок. Разве без дисциплины может быть войско?»¹⁹⁷. В солдате словно проснулся крестьянин, подозрительно относящийся к жизненно необходимому «барину».

Временному правительству в любом случае пришлось бы смириться с существованием приказа № 1. Дело в том, что одним из принципиальных «Оснований» своей деятельности правительственный кабинет сделал «неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении»¹⁹⁸. У новой власти, трепетавшей перед угрозой контрреволюции, не оказалось выбора. Гучков в связи с этим сокрушался: теперь Петроградский гарнизон «будет держать нас в плену»¹⁹⁹. Так и случилось. Ни появление приказа № 114 (по военному ведомству), ни объявление Петроградским Советом «уточняющих» приказов №№ 2 и 3 не добавили ясности в представления солдат о новой гражданско-военной субординации. С другой стороны, «солдатская тема» позволяла Совету постоянно давить на Временное правительство. Гучкову пришлось уволить до 60 % высших офицеров, включая 8 генералов, командовавших фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий²⁰⁰.

Скоро обнаружилось, что число заболеваний среди солдат «неожиданно» увеличилось на 120 %, среднее число зарегистрированных в месяц дезертиров возросло на 400 %. Резко возросло число «самовольщиков»²⁰¹. «Русский солдат – величественен, красив и чуден, когда он держится в узде железной дисциплины..., но выпу-

¹⁹⁶ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 53–54.

¹⁹⁷ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 180.

¹⁹⁸ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993. С. 147.

¹⁹⁹ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 75.

²⁰⁰ Кавтарадзе А. Г. Июльское наступление русской армии в 1917 г. // Военно-исторический журнал. 1967. № 5. С. 113.

²⁰¹ Лыков И. П. 92-й пехотный Печорский полк российской императорской армии и его участие в Первой мировой войне. М., 2011. С. 118.

щенный из рук и занятый делами посторонними он – ужасен», – писал А. Е. Снесарев. И все шло к тому, что «одна крупная неудача на фронте – и из Свободной России моментально получится Разнузданная Россия»²⁰². Многие понимали, что низы искали своих «настоящих» вождей. Но интеллигенция не могла их дать. Не могли дать и офицеры, которые, по словам адмирала Д. В. Ненюкова, страдали ее «прирожденными недостатками», – это были «безвольные неврастеники»²⁰³.

Несостыкованность гражданского и военного управления была признана официально Временным правительством в марте 1917 г. В июне последовало предложение Всероссийского союза военных инженеров о воссоздании Совета государственной обороны. Но возражал А. А. Брусилов, увидевший в этом умаление своих начальных прав. Тогда же появились проекты перенесения Ставки в Петроград, но это вызвало возражения по политическим мотивам: опасались, что военное управление окажется под контролем Совета. 25 июля было решено создать Комитет обороны, но он так и не был учрежден²⁰⁴. Революционная власть не выдвинула настоящих вождей и, соответственно, не смогла справиться с проблемой управления. Дорога охлократии была открыта.

Революционная «зараза» распространялась стремительно, хотя на протяжении марта солдаты Петроградского гарнизона, по сообщениям газет, почти единодушно выступали под лозунгами «Война до победного конца!» или «Война за свободу!». Но 12 марта военный парад на Красной площади в Москве, который прошел вполне организованно, уже сопровождался, судя по кинохронике, лозунгами «Мир без аннексий и контрибуций!». Девиз европейского социалистического движения стал важнейшим инструментом разложения русской армии. Соотношение демократии и социализма в России, как всегда, понималось по-своему. И всякий, кто этого не учитывал, рисковал остаться в дураках.

Миром управляют идеи, Россией – лозунги.

²⁰² Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 580.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 59, 76.

²⁰⁴ Сенин А. С. Попытки централизации управления вооруженными силами России в годы Первой мировой войны // Романовские чтения. 400 лет окончания Смуты и воцарения династии Романовых. Кострома: КГУ, 2013. С. 64.

Глава 8

ВОЙНА И ДЕМОКРАТИЯ

2.8.1. Советы: символы и реалии

В марте 1917 г. Советы рабочих и солдатских депутатов совсем не походили на тот фиговый листок, которым со временем большевики стали прикрывать свое единовластие. Но первые шаги в этом направлении уже были сделаны, причем будущими *противниками* большевизма.

Еще в 1915 г. до охранителей режима доходила информация, что А. Ф. Керенский совершает в качестве депутата Думы поездки в поволжские города для образования там рабочих Советов¹. В свете последующих событий эта информация кажется нелепой. Однако все шло к тому, чтобы Советы, возникшие в 1905 г. по инициативе совсем других лиц, рано или поздно возродились. И через десять лет всякий левый российский парламентский деятель мог этому процессу только содействовать – прямо или косвенно, вольно или невольно.

О роли Советов в Октябрьской революции создано немало легенд – как меньшевиками и эсерами, так и большевиками. Получается, что эти «общенародные» органы сыграли основную роль в противостоянии буржуазии. На деле Советы могли стать интеллигентской ширмой, прикрывающей подлинное лицо народной революции. Однако за Советами начали концентрироваться силы, неподвластные воле какой бы то ни было партии. Они могли вынести на вершину власти ту из них, которая ставила «революционное творчество масс» выше собственных программ. Но такое в марте 1917 г. могло прийти в голову или упертому утописту, или городскому сумасшедшему.

Центральное место в представлениях о послефевральской власти занимает миф о двоевластии – «антагонистичного» сосуществования Временного правительства и Совета(ов). Первому приписывается образ «власти без силы», второму – «силы без власти».

¹ Джунковский В. Ф. Указ. соч. С. 633–634.

Происхождение мифа имеет двойной источник: с одной стороны, о двоевластии заговорили либералы, почему-то решившие, что их властвованию ничто ни должно мешать, с другой – их по-своему поддерживали социалисты, склонные преувеличивать свои заслуги в «борьбе с буржуазией». Но в марте 1917 г. даже в революционной столице никто – ни рабочие, ни солдаты – не противопоставлял Советы Временному правительству. Недовольство Советами шло от политических верхов и партийных доктринеров, имплицитно воспроектировавших неистребимую российскую тягу к единоначалию. Естественно, это подавалось как недовольство «анархией». Так, в Златоусте Уфимской губернии уездный комиссар уже 12 марта жаловался, что «власть делится между двумя организациями, в самом Совете [рабочих] [депутатов] полный хаос», его представители «крайне неинтеллигентны и ненавидят интеллигенцию», а стоящая за ними толпа «абсолютно недисциплинирована». И здесь надежды на «порядок» связывались с умеренными социалистами².

Со временем представления о двоевластии подхватили большевики, нуждавшиеся в «легитимизации» собственного единовластия. Понятно, что устойчивость данного мифа связана с доминированием авторитарной политической культуры, отторгающей диалоговые формы взаимоотношения власти и общества. Сказывались и обычные для победивших революционеров страхи. Так, 24 марта на заседании Исполкома Петроградского Совета из уст Ю. М. Стеклова прозвучала достойная изумления фраза: «Мы имеем уже двух врагов: Николая и Временное правительство»³.

Идея учреждения общегородского столичного Совета возникла в первые дни революции в ходе формирования на заводах стачечных комитетов. Но решающую роль в его создании сыграли меньшевики и эсеры – в основном члены Военно-промышленного комитета, только что освобожденные из тюрьмы, а также кооператоры и представители профсоюзов. Когда 17 февраля Таврический дворец заполнился восставшим народом, они, захватив комнаты 11 и 13 (где ранее размещались финансовая и бюджетная комиссия Думы), провозгласили образование Временного исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих депутатов. В его состав вошли меньшевики К. А. Гвоздев, Б. О. Богданов, Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелев, меньшевик-интернационалист К. С. Гриневич, внефракционный социал-демократ Н. Д. Соколов, бундовец Г. М. Эрлих⁴. Тут же от лица исполкома была составлена и размножена листовка с

² Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 50.

³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 года. Л., 1991. С. 489.

⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 76, 77.

призывом об организации заседания представителей рабочих и солдат. Предлагалось делегировать на него по одному представителю от роты солдат и по одному делегату от тысячи рабочих⁵. Продолжающаяся война словно вытолкнула солдат на совершенно несвойственную им в «нормальной» политической жизни роль. Более того, взвинченная революцией общественность стала ханжески заискивать перед солдатской массой.

27 февраля появилось воззвание Временного исполкома Совета с призывом к гражданам организовать снабжение продовольствием солдат, перешедших на сторону революции. На следующий день исполком призвал к организации районных комитетов и рабочей милиции с указанием мест ее сосредоточения⁶.

Поначалу в Совете собралось всего около 100 человек, из них 40–50 непосредственно избранных от заводов и фабрик. Председателем исполкома стал лидер социал-демократической фракции Государственной думы меньшевик Н. С. Чхендзе, его заместителями – эсер А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев. В исполком из 15 человек вошли также большевики А. Г. Шляпников и П. А. Залуцкий. 1 марта в исполком было выбрано 10 представителей солдат и матросов. Исполком в первую очередь рассмотрел продовольственный вопрос. Было решено образовать совместно с думским Временным комитетом продовольственную комиссию, призванную конфисковать запасы муки для снабжения ею пекарен. Было выбрано 10 эмиссаров для организации районных Советов. Была организована также военная комиссия для руководства действиями солдат. Она сразу же пополнилась офицерами от думского Временного комитета, а затем перешла под его главенство.

Позднее на выборах исполкома наибольшее число голосов получили нефракционные кандидаты. Они как фигуры относительно нейтральные и малоизвестные получили преимущество перед «официальными» представителями партий и выдвинутыми рабочими организациями, за которых голосовали главным образом «свои». По мнению Н. Н. Суханова, большинство исполкома составляли циммервальдцы, то есть сторонники «мира без аннексий и контрибуций»⁷. Впрочем, грань между ними и «оборонцами» на деле была весьма относительной, то и дело смещаясь под влиянием как «праведных» эмоций, так и «научных» доктрин.

Совет сразу же (28 февраля) обрел свой печатный орган – газету «Известия». После этого он стал интенсивно и столь же бессистемно пополняться новыми членами. Чрезвычайно активны были солдаты. Этому способствовала не только соответствующая разъяснительная работа, но и создание для них особых центров отдыха и

⁵ Старцев В. И. 27 февраля 1917. С. 157–158.

⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 21–22.

⁷ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 100, 113.

питания. Примечательно, что солдаты ухитрились избрать в Совет несколько десятков офицеров⁸. После того как стало ясно, что революция победила, началось стихийное пополнение Совета. Приходили «почтово-телеграфные чиновники, учителя, инженеры, земские и городские служащие, представители врачей, адвокатов, «офицеров-социалистов», артистов», убежденные, что «их место в Совете»⁹. На 18 марта Совет включал в себя около 2000 делегатов от солдат и 800 – от рабочих. Такая пропорция отражала реальное соотношение участников революции. Солдатская и рабочая секции с самого начала работали относительно независимо друг от друга, хотя партийные фракции Совета были едиными. 9 марта оформилась большевистская фракция из 40 человек.

Склонность к иерархическому выстраиванию политического пространства брала свое. С самого начала в Петроградском Совете выделились исполнительный комитет, в котором преобладали партийные и беспартийные социалисты, и собственно Совет с его многочисленными общими собраниями. Если в первом случае было заметно влияние тех или иных доктрин, то собрания выливались в своеобразные митинги, где каждый стремился высказать «наболевшее». На общем собрании обсуждались вопросы о взаимоотношении с Временным правительством, об аресте Николая II, о возобновлении работ на предприятиях, о продовольственной ситуации, об организации милиции. Неожиданную дискуссию вызвал вопрос о похоронах жертв революции. Помимо Марсова поля для торжественного захоронения предлагались Дворцовая площадь, Казанский собор, Таврический сад, Знаменская площадь, Летний сад. На окончательное решение повлияло мнение М. Горького, других видных деятелей культуры и архитекторов. Было решено также, что похороны должны быть гражданскими¹⁰.

В обеих секциях с длинными цветистыми приветствиями постоянно выступали представители с мест. В рабочей секции наиболее остро встали вопросы о восьмичасовом рабочем дне, о повышении заработной платы и ее минимуме, о фабрично-заводских комитетах, о примирительных камерах. В солдатской секции дебатировали о взаимоотношениях с офицерством, повышении жалованья, отпусках, денщиках, присяге, солдатских комитетах. Об уровне политической культуры можно судить по выступлениям 8 марта в солдатской секции. Здесь говорили о том, что «нам нужна республика, а не конституция» – эту «истину» следовало проповедовать на местах. При этом «крестьянский депутат Черноморской губернии» утверждал, что «конституция – это только накормление наполовину», а

⁸ Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 64.

⁹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 115.

¹⁰ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 144, 146, 148, 151–152, 158, 180–182, 203, 230, 243, 257.

«республика – это когда человек будет накормлен совсем». Конституцию он сравнивал с «серебряной копеечкой», республику – с «золотой»¹¹. Синкретический тип сознания порождал соответствующие псевдополитические метафоры.

Петроградский Совет легко мог превратиться в бесплодную «говорильню» наподобие крестьянского схода. Если это произошло не сразу, то только в силу того, что его постоянно подталкивали влево рабочие и крестьянские массы, чем в нужные для себя моменты пользовались большевики. Характерно, что исполком сразу же отказался оказывать влияние на состав Временного правительства¹². Социалисты заранее готовились к роли оппозиции при «буржуазной» власти.

Довольно скоро встал вопрос об Учредительном собрании. Его подогрели слухи о том, что правительство намерено созвать его в Москве. Это было воспринято как «желание уйти из-под контроля революционного народа». Исполком Совета заверил, что Г. Е. Львов категорически опроверг эти слухи¹³.

15 марта появилось обращение Совета «К народам всего мира», в котором говорилось, что «наступила пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире». Совет обращался «к братьям-пролетариям австро-германской коалиции, и прежде всего к германскому пролетариату». Если ранее его лидеры убеждали в том, что «защищают культуру Европы от азиатского деспотизма», то теперь, по словам лидеров Совета, «демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации». Большевики сочли резолюцию неудовлетворительной. В. М. Молотов, выступая 22 марта на заседании исполкома Совета, заявил, что «требуется политический акт, а не прокламация». Он предлагал поставить вопрос о мире «перед массой»¹⁴.

Между тем среди громадного потока писем в Петроградский Совет вроде бы выделялось четыре блока целевых приоритетов – борьба против внутреннего врага, требование скорейшего мира, необходимость борьбы с внешним врагом, приверженность христианским ценностям¹⁵. Картина могла показаться противоречивой, хотя на деле она вполне соответствовала *дополнительному* типу общественных представлений. В начале марта встречались неожиданно «благостные» послания с нижайшими просьбами впредь на-

¹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 212.

¹² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 143.

¹³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 273.

¹⁴ Там же. С. 323–324, 471.

¹⁵ См.: Поршнева О. С., Поршнев С. В. К характеристике менталитета народных масс России: Революция 1917 г. в фокусе массового сознания. (Опыт статистического анализа писем рабочих, крестьян и солдат в центральные органы Советов рабочих и солдатских депутатов) // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI в. М.; Чебоксары, 1999. С. 140–141.

казывать розгами только тех, «которые явно наносят вред нашей родине»¹⁶. Сквозь «пролетарские» лозунги постоянно прорывалась традиционная деревенская ментальность.

На местах в течение марта возникло 242 Совета рабочих и 116 Советов солдатских депутатов. Как правило, рабочие Советы создавались представителями ВПК, профсоюзов, кооперативов. Повсеместно преобладали меньшевики и эсеры, а также «беспартийные социалисты», лишь 27 рабочих Советов возглавляли большевики. В некоторые «пролетарские» Советы избирались и служащие, из среды которых и рекрутировались преимущественно «соглашатели с буржуазией». В небольших городах, гарнизон которых подчас превышал местное население, первым делом возникали солдатские Советы. В Курске, где находился большой гарнизон, первым организовали свой Совет офицеры, солдаты к нему присоединились 9 марта; рабочий же Совет возник лишь 9 апреля¹⁷.

В определенной степени Советы, особенно Петроградский, играли политико-просветительскую роль. Но их влияние не стоит преувеличивать. Один солдат 25 апреля сообщал из Пензенской губернии: «Крестьяне ничего не понимают в политике. Хотя здесь уже побывали депутаты [из Совета], крестьяне очень скоро забыли, что они им говорили о свободе, республике, монархии»¹⁸.

Уже в мае произошло снижение интенсивности работы Петроградского Совета. Заседания полного состава исполкома проводились все реже. Определять его решения стало бюро, получившее название «Звездной палаты». Среди ее членов, по характеристике Ф. Степуна, выделялись И. Г. Церетели – «честный, чистый, мужественно-прямой», Н. С. Чхеидзе – «сутулый седеющий грузин, не очень образованный теоретик и малосамостоятельный политик, но всеми уважаемый человек», Ю. М. Стеклов – «наглый бородач», «лютый анархо-марксист» Б. О. Богданов – «очкастый и потный... с шишкой на лбу», Суханов – «скептически-брезгливый», «беспартийный марксистский чистоплюй и никчемный деятель революции». По любому поводу брали слово Ф. И. Дан – «одутловатый хрипун», М. И. Либер – «желтолицый», «щуплый, похожий на гнома» с «ассирийской бородой». «Либерданить» означало «нести ерунду». На их фоне как «наиболее значительный теоретик» выделялся Ю. О. Мартов, который, однако, «не был человеком тех быстрот и упрощенно-определенных решений, без которых нельзя было вести революционную массу»¹⁹. Впрочем, трудно говорить об

¹⁶ Солдатские письма 1917 года. М.; Л., 1927. С. 30–31.

¹⁷ См.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. Свержение самодержавия. М., 1977. С. 682, 686, 687.

¹⁸ Цит. по: Figes O., Kolonitskii B. Op. cit. P. 128.

¹⁹ Гальперина Б. Д. Предисловие // Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 года. М., 2002. С. 7; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 346–247, 381.

адекватности любых оценок тех лет. Суханов, к примеру, считал, что «Дан – одна из наиболее крупных фигур русской революции»²⁰. Увы, ротация революционных лидеров происходила вовсе не по умам и талантам мирного времени.

Конечно, Петроградский Совет, независимо от целей его руководителей, становился генератором протестных настроений. Возможно, сказывалась «подсознательная ненависть Совета к офицерству», которая, по мнению Ф. Степуна, «сыграла в разложении армии более отрицательную роль, чем политически непродуманные меры Временного правительства»²¹. Действительно, в 1917 г. упорные доктринеры стали постепенно переигрывать прагматичных политиков.

Некоторые Советы особенно подозрительно относились к «церковникам». На доклад доцента Московской духовной академии Н. Д. Кузнецова «О задачах церкви в переживаемый момент» в Варнавинском обществе трезвости заявилось несколько вооруженных членов Совета рабочих депутатов и арестовали докладчика за то, что он «занимает народ церковными вопросами, тогда как народ должен заниматься политикой»²². Вероятно, под политикой понималось «углубление революции». Так или иначе, Советы способствовали этому.

2.8.2. Общественные организации: консолидация демократии?

Дореволюционная система «общественных» организаций, под вывеской «гражданственности» демонстрирующая либо верно-подданничество, либо «патриотическую» готовность продолжать войну, не считаясь ни с чем, моментально сошла со сцены. Конечно, многие из них формально продолжили свое существование. Так, Общество 1914 года даже образовало в столице «Первый надпартийный республиканский клуб», объявивший помимо задач «противодействия германскому капиталу» о необходимости защиты «жизненных интересов России» и одновременно борьбы против «аннекционистских стремлений тех или других крутов общества и правительства»²³. Но, несмотря на политическую мимирию, подобные организации делались все менее заметны.

Фактически Россия покрылась сетью «общественных» организаций двух типов: «старых» (разрешенных властью) и «новых» (соз-

²⁰ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 329.

²¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 345.

²² Богословский М. М. Указ. соч. С. 350.

²³ Борьба за массы в трех революциях в России. Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 165.

данных толпой). В сущности, в рамках послефевральской демократии столкнулось два типа «общественности»: поощряемой сверху и подталкиваемой снизу. Вряд ли в тогдашней обстановке патерналистский этатизм и полуанархистская самодеятельность могли сложиться в нечто устойчивое. Для этого требовался мощный идейно-политический духовный центр, способный сыграть конвенциональную и консолидирующую роль в общероссийском масштабе.

Между тем оказалось, что творческие элиты – эта своеобразная лакмусовая бумажка общественных настроений в России – пребывают в состоянии неопределенности. 15 марта в Литературно-художественном кружке, объединявшем одиннадцать литературных обществ Москвы, обсуждался вопрос «о необходимости продолжения войны». Было решено, что острый момент по отношению к вопросу о войне миновал, и в особой резолюции необходимости нет. 16 марта 1917 г. в помещении Художественного театра под председательством В. И. Немировича-Данченко состоялось заседание Комиссии по согласованию резолюций, предложенных ранее группой писателей. В комиссию входили М. А. Волошин, М. О. Гершензон, И. А. Новиков, П. С. Сухотин, гр. А. К. Толстой, Л. И. Шестов и отсутствовавший Н. А. Бердяев. После обмена мнениями выяснилось, что присутствующие как будто разделяют основные положения воззвания Петроградского Совета, поскольку все писательские организации стоят за необходимость активной обороны страны и завоёванной свободы. В обращении Совета собравшиеся увидели «правильный и благородный шаг, снимающий со стороны русского вооруженного народа всякое подозрение в том, что он утверждает войну ради войны и стремится ее продолжать во имя завоевательных целей». Вместе с тем ни одна из предложенных ранее резолюций не удовлетворила присутствовавших, ибо эти документы якобы свидетельствовали о продолжавших существовать в народе коренных разногласиях по вопросу продолжения войны, которых вовсе и не было. Все это было изложено каким-то неуклюжим «революционно-бюрократическим» языком. Люди творчества словно пытались кого-то убедить, что внутри страны царит «взаимное доверие», «полная и высокая дисциплина... духа и всех действенных сил». Утверждалось, что слово «мир» русский народ готов произнести лишь «в полном согласии и вместе с союзниками, но только тогда, когда и враждующие с нами народы получают возможность заговорить с Россией на том же языке свободы, которым говорит ныне она»²⁴.

Оказалось, что «свобода творчества» по-русски не вполне стыкуется с революционными «свободами». 15 апреля 1917 г. Общее собрание Академии наук приняло решение о созыве представителей научных учреждений и ученых обществ России. Планировалось создать Свободную ассоциацию для развития и распространения

²⁴ ММХАТ. Оп. 1916–1917. Д. 69. Л. 1–1 об.

положительных наук. Предполагалось, что ее задачей станет привлечение внимания общественности и правительства к перспективам развития науки. Попросту говоря, ученые нуждались в государственных дотациях. Это было резонно, но для «государственных мужей» непонятно. На состоявшихся в апреле–мае собраниях ассоциации выступали министры, включая А. Ф. Керенского и П. Н. Миллюкова. Вряд ли их оценили так, как им хотелось. С августа 1917 г. многие академики стали презрительно относиться к существующей власти²⁵.

В отличие от столиц, в провинции складывалось совсем иное идейно-политическое соотношение между «буржуазными» органами и Советами. И старые, и новообразованные общественные организации скопом мимикрировали под демократию. Так, 9 марта в Томске Совет офицерских депутатов возник одновременно с промсоюзом официантов, Советом родительских комитетов, Союзом служащих в кредитных учреждениях. А жители села Салаирского Томской губернии сначала приняли манифестантов с Гурьевского завода за погромщиков, но потом, разобравшись, присоединились к ним²⁶. В Уфе было принято решение о создании объединенного комитета солдат и офицеров, 29 марта в его состав были включены 19 солдат-мусульман²⁷. И, как правило, никто не замечал, что эти новообразовавшиеся сообщества скорее пародируют былую российскую сословность, нежели способны стать основанием подлинного гражданского общества.

До поры ситуация на местах сглаживалась тем, что социалисты преобладали не только в Советах, но кое-где и в КОБах. Однако успешно действовать одновременно в интересах всего населения и «классовых» организаций партийные функционеры не могли – на это не хватило бы никакого личного авторитета, не говоря уже о деловых качествах. В подобных обстоятельствах муниципалитеты становились своего рода политической ловушкой для людей, не искушенных в вопросах городского хозяйства. Крут забот такого рода неуклонно расширялся. Так было везде. В Томске в июне 1917 г. Городской комитет по охранению общественного порядка и безопасности совместно с врачебно-санитарным советом приняли постановление о закрытии в городе публичных домов. Московские чиновники в конце сентября никак не могли выработать правила по продаже галош – отказались от особых отметок в паспортах, решили, что домовые комитеты установят среди жильцов очередность на право получения соответствующих ордеров. Обыватели особенно дорожили галошами, которые приходилось приобретать за боль-

²⁵ Колчинский Э. И. Указ. соч. С. 199–201.

²⁶ См.: Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 2. Ч. 1. С. 71, 73–76.

²⁷ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 48–49, 87, 89–90.

шие деньги, выстояв в соответствующем «хвосте». Новочеркасская городская дума (не самая бедная) с начала августа и до конца сентября буквально захлебывалась от следующих проблем: расчет со студентами, выполнявшими обязанности городских милиционеров в апреле и мае; вознаграждение рабочей милиции; удовлетворение ходатайств пожарников, могильщиков, фонарщиков и базарных смотрителей, выплата пособий семьям мобилизованных, отпуск денег гражданам «за кожи павшего от сибирской язвы скота». Но поистине неразрешимой оказалась проблема ассенизации – не было денег на закупку новых бочек для вывоза экскрементов²⁸. Так было не только в провинции. В Петрограде ощущалась острая нехватка ассенизационных бочек. То же самое наблюдалось в Москве, где сложилась угрожающая антисанитарная обстановка²⁹. К августу 1917 г. крупные города оказались банкротами в силу собственной расточительности³⁰.

Вопреки сложившимся представлениям в 1917 г. существовали не только Советы рабочих, солдатских или крестьянских депутатов. Так, в марте в Петрограде сформировался особый офицерский Совет из «офицеров 2 марта», пытавшийся наладить взаимоотношения с солдатами³¹. В Харькове возник Совет студенческих депутатов; в апреле его левые элементы добились обязательного постановления о проведении общестуденческой забастовки³². Советы студенческих депутатов появились также в Москве и Казани. В мае лидерами «буржуазного» студенчества была предпринята попытка созвать Всероссийский студенческий съезд, но левое студенчество фактически сорвало это мероприятие³³.

Примечательной особенностью времени было массовое создание всевозможных «национальных» организаций. Подчас они возникали оперативнее, чем общероссийские: в Томске украинский клуб «Згода» возник 7 марта, опередив проведение общегородского митинга³⁴. Конечно, скорее сказывался земляческий, нежели этнический фактор. Так было во многих местах: спешили консолидироваться наиболее опасливые или считающие себя особенно «обделенными»³⁵. В начале мая воинами-мусульманами Петро-

²⁸ Быкова А. «Древнейшая профессия» в истории сибирских городов (конец XIX – начало XX вв.) // Городская культура Сибири: история и современность. Омск, 1997. С. 120; Булдаков В. П. Красная смута. С. 317.

²⁹ См.: Френкель З. Г. Петроград периода войны и революции. Санитарные условия и коммунальное благоустройство. Пг., 1923. С. 81–82; Ведомости комиссариата московского градоначальства. 1917. 9 июня.

³⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 87.

³¹ Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 214–217.

³² Пушкарев С. Г. Воспоминания историка. 1905–1917. М., 1999. С. 48–49.

³³ Борьба за массы в трех революциях в России. С. 183–184.

³⁴ Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 2. Ч. 1. С. 63, 72.

³⁵ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 173–175, 178, 182.

града был создан Совет солдатских делегатов-мусульман Петроградского гарнизона³⁶. Поначалу подобные организации встречали благожелательную поддержку общественности. Но бывали и характерные исключения. Так, 17 марта исполком Симферопольского Совета отклонил просьбу о представительстве со стороны крымских татар, мотивируя это тем, что «национальные организации представительства в Совете не имеют»³⁷. Ситуация повторилась в июне на I Всероссийском съезде Советов.

В начале мая в Москве уже существовала Лига интеллигентного труда. Считалось, что она объединяет «пролетарски-трудовую интеллигенцию». В ее программе говорилось о необходимости борьбы за раскрепощение личности и «защиту культурных интересов человечества», причем интеллигенции надо спешить, ибо она отстает от развития событий. Имелся в Москве и Совет депутатов трудовой интеллигенции, позднее возникла федерация союзов работников умственного труда. В состав последней наряду с такими организациями, как Всероссийский учительский союз, Русское театральное общество, Союз городов, Всероссийский союз инженеров, Российская лига равноправия женщин, входили и довольно экзотические общества – Союз служащих в нотных и музыкальных магазинах, Русское общество охраны народного здоровья, Зубоврачебный союз и т. п. Дело в том, что, по тогдашним представлениям, интеллигенция включала в себя три слоя – чиновничество, людей науки и искусства и, наконец, «трудовую» интеллигенцию или «интеллигентный пролетариат»³⁸. Люди предпочитали идентификацию по профессиональному, а не по общегражданскому принципу. И пока трудно было разглядеть, что за этим естественным явлением таилась скорее эгоистичная требовательность, нежели готовность к гражданскому самопожертвованию.

На этом фоне именно КОБы, опиравшиеся на общественные организации, могли при желании диктовать свои условия власти столичных доктринеров. Однако сами КОБы были внутренне неустойчивыми. Самыми влиятельными фигурами в них оказывались либо известные общественные деятели, либо новоявленные демагоги, которые не могли не конфликтовать между собой. Центральная власть, как и в былые годы, казалась им недостижимой.

Как и ранее, фронт не находил общего языка с тылом. По-своему пытались добиться единения офицеры, особенно молодые. После Февраля командование попыталось внедрить новшества в офицерскую форму: появился специальный нагрудный знак из окси-

³⁶ Исхаков С. М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.) М., 2003. С. 177.

³⁷ Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг. // Революция в Крыму. 1927. № 1 (7). С. 197.

³⁸ См.: Свобода и жизнь. 1917. 17, 24, 31 июля, 7 августа.

дированного металла, изображавший двуглавого орла (без корон) с горизонтально расположенными крыльями и эмалевой лентой с надписью «Армия свободной России». Но новые символы так и не привились. В начале мая один из офицеров писал, что «защищать [Россию] и проливать кровь за Россию, когда она не хочет воевать, не имеет никакого смысла»³⁹. Но так думали далеко не все представители русского офицерства.

В первой половине мая в Могилеве, где размещалась Ставка, проходил учредительный съезд Союза офицеров армии и флота. Из 300 делегатов 76 % представляли фронт, 17 % – тыловые части, 7 % – тыловые организации⁴⁰. Ставилась задача поднятия дисциплины – причем предполагалось, что это произойдет под лозунгом «Россия в опасности!». Если удастся спаять армию, говорил полковник Новосильцев, то «она вновь будет сильна и пойдет туда, куда позовет главнокомандующий»⁴¹. О нуждах солдат говорилось немного. В целом съезд был относительно аполитичным, но было заявлено, что России необходим военный контроль над проливами. Примечательно, что председатель съезда полковник Гушин формулировал задачи русской революции весьма своеобразно. «...Война необходима нам для того, чтобы идеология, которую нам дала великая русская революция, была принята Германией... с целью заставить немцев отказаться от своей захватнической политики и подчиниться воле российского народа, воле российской демократии». С этих революционно-патриотических позиций офицеры даже призывали Петроградский Совет всецело поддержать Временное правительство⁴².

Активизировались феминистские организации. Так, 9 марта 1917 г. митинг в кинотеатре «Фурор», организованный Томским отделом Лиги равноправия женщин, собрал до 1,5 тысячи представительниц прекрасного пола⁴³. Примечательно, что и в женской среде наметился «классовый» раскол. Так, 4 апреля 1917 г. Комитет общественной охраны Торжка созвал «общественное собрание» для обсуждения программы «Общества женщин». Согласно большевистским воспоминаниям, женщины-большевички «попытались объяснить вред такой организации для дела пролетариата, но поборницы равноправия не давали им говорить». В результате «произошла настоящая потасовка между женщинами на сцене возле президиума», в результате которой большевички с помощью рабочих «погнали с трибуны разбушевавшихся либералок»⁴⁴. Бряд ли такие

³⁹ Письма – больше, чем воспоминания... С. 279.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 3. Д. 2724. Л. 232.

⁴¹ Русские ведомости. 1917. 10 мая.

⁴² Всероссийский съезд офицерских депутатов армии и флота. Петроград, 18–27 мая 1917 г. Стенограмма заседаний. Пг., 1917. С. 88, 125, 293.

⁴³ Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 2. Ч. 1. С. 72.

⁴⁴ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 159. Л. 12–13 (воспоминания А. Г. Соловьевой).

явления были типичны: в это время рабочие, особенно женщины, всей массой шли на поводу у любых сменяющих друг друга прекраснородушных ораторов.

Так называемые национальные организации возникали не только в районах с преобладающим нерусским населением. Так, Екатеринославское уездное земское собрание пополнилось представителями губернской украинской рады; в Екватеринославскую городскую думу вошли представители еврейской организации и совета украинцев⁴⁵. В марте в Нижегородской губернии, в соответствии с левой модой тех дней, был создан мусульманский социалистический комитет⁴⁶, а в апреле в Канавине появился Нижегородский губернский мусульманский комитет. Последний, в отличие от мусульман-социалистов, сосредоточился на проблемах культурно-национальной автономии⁴⁷. 13 марта в Кургане был учрежден мусульманский комитет, призванный контактировать с другими организациями единоверцев и готовиться к выборам в Учредительное собрание⁴⁸. В сентябре губернское мусульманское правление возникло в Пензе⁴⁹.

Как правило, тогдашние общественные организации помогали естественной стабилизации ситуации. В регионах с преобладанием нерусского населения случалось наоборот. В целом количество всевозможных организаций множилось, но их влияние на ход событий отнюдь не усиливалось. Назревал конфликт между «общественностью» и массами, который усугублялся бюрократизацией управления.

Бюрократизация – отнюдь не новое явление ни для России, ни для мира. Однако исследователи отмечают, что, «чтобы избежать ступора, чтобы жизнь не превратилась в бюрократический ад, человек вынужден выходить из легального социума, создавая каналы существования, которые государству не подотчетны»⁵⁰. Но победившие в России либеральные элиты были ориентированы именно на государство, точнее, на те его институты, которые считались «прогрессивными». И в этом они «запоздали», освободив место для всевозможных «нелегалов».

Люди, веками приученные внимать глашатаям власти, не умели вслушиваться в нюансы голоса революции. Политики сколько угодно могли вспоминать о «глазе народа» и витийствовать перед

⁴⁵ *Судацов Н. Д.* Земское и городское самоуправление России... С. 283–284.

⁴⁶ *Хафизов М. З.* Нижегородские татары. Очерки истории. Нижний Новгород, 1998. С. 67.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-3923. Оп. 1. Д. 1. Л. 32, 33.

⁴⁸ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Тобольской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.). Томск, 1992. С. 23.

⁴⁹ *Исхаков С. М.* Указ, соч. С. 237.

⁵⁰ *Столяров А.* Освобожденный Эдем. СПб.; М., 2008. С. 184.

ним, но говорить на едином с ним языке они не умели. И мало кому могло прийти в голову, что эта специфическая «тугоухость» политических лидеров Февраля сыграет с ними роковую роль осенью 1917 года.

2.8.3. Политические партии: доктрины и возможности

В сложившихся условиях, при малочисленности российских образованных классов направляющую роль, казалось, должны были сыграть политические партии. Совокупность их освободительных принципов должна была сложиться в подобие новой народной веры, их организационные потенции – воплотиться в деятельность общественных институтов. Получилось же наоборот. Ни одна из партий в силу своего доктринерского и даже откровенно «классового» характера не смогла сыграть роль идейно конвенционального и общественно консолидирующего центра.

Изнутри революционного хаоса всего этого не было заметно. Политические возможности Петроградского Совета всеми преувеличивались. То же самое можно сказать и о партиях. Психологически все они, кроме крайне левых, были настроены на работу в полулегальных условиях. Инерция взаимного отталкивания преобладала над объективной потребностью государственно стабилизирующего консенсуса. А главное, возникшая при царизме партийно-политическая система не соответствовала все более архаизирующейся и радикализирующейся политической культуре народа. Обнаружилось, что партийные интеллигенты не умеют «говорить с народом», зато могут вольно или невольно забрасывать в его толщу лозунги, приобретающие чисто разрушительное свойство.

Самой «опоздавшей» партией оказались октябристы, чья программа предусматривала сохранение самодержавия. Партия продолжила свое существование в лице отдельных политиков. Особой удачливостью они не отличались. Гучков, став военным министром, не смог ничего противопоставить приказу № 1. Не сумел он 6 марта противостоять и социалистам из исполкома Петроградского Совета по вопросу о правах солдат и введении выборного начала в армии. Большевицкая «Правда», сохранявшая пока весьма умеренные позиции, тем не менее, не преминула указать, что военный министр рекомендует солдатам забыть о завоеваниях революции и подкапывается под политиков из Совета⁵¹. Механизм политического раздора раскручивался.

Кадеты, оказавшись во власти, ощущали себя неуверенно. В начале апреля Милюков пригласил товарищей по партии в свои ми-

⁵¹ Правда. 1917. 11 марта.

нистерские апартаменты. А. В. Тыркова писала, что люди ее окружения чувствовали себя так, словно «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «невольнo спрашивали друг друга – надолго ли это?»⁵² Образованные существа, вышедшие из авторитарной «стабильности», не умели действовать в условиях революции. По словам Ф. Степуна, кадеты были до такой степени западниками-позитивистами, что никак не хотели считаться в своей реальной политике с «таким невесомым фактором, как нравственно-религиозное убеждение простого народа», его «понимание революции как миротворческой силы»⁵³. В провинции в кадетскую партию подчас записывались подряд все служащие учреждений и контор⁵⁴. Партия интеллектуальной элиты страны становилась прибежищем боязливого обывателя.

Переложить политические страсти тех дней на общегражданскую правовую основу, способную стабилизировать ситуацию, было невозможно. Между тем кадетские юристы, руководимые Ф. Ф. Кокошкиным, возглавлявшим Особую комиссию по выработке избирательного закона, занялась именно этим. Исходя из веры в непреложность правовых идеалов, комиссия Кокошкина готова была даровать активные избирательные права даже экс-самодержцу. Понадобилось вмешательство Керенского, чтобы отменить то, чего народ не мог принять⁵⁵. Сторонники юридической буквы демократии провалили робкое предложение о временной отмене принципа несменяемости судей⁵⁶. До Февраля против этого принципа выступали только правые, полагавшие, что он противоречит духу самодержавия. Теперь о том же не к месту заговорили социалисты.

На местах наметились противоречия между кадетами и социалистами. Так, в апреле в Уфе местными большевиками Б. М. Эльциным и М. Плотниковым, а также левым эсером И. З. Штейнбергом был подвергнут критике депутат IV Думы Г. В. Гутоп, заявлявший, что «революция кончилась», и потому не следует «вносить раздор в ряды бойцов»⁵⁷. Столь критичный в старое время адвокат Гутоп на роль защитника нового порядка не пригодился.

Наиболее популярной партией после Февраля неожиданно стали эсеры. По некоторым данным, их численность в 1917 г. достигла 300 тысяч. Популярность эсеров была связана не только с их имиджем «заступников народа» и «крестьянской» партии. А. Белый уверял в наличии глубинной связи между эсерами и сектантами: благодаря общению с ними многие социалисты-революционеры были настро-

⁵² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 181.

⁵³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 378.

⁵⁴ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 294–295.

⁵⁵ Вишняк М. В. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 270–272.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 807. Л. 100–101.

⁵⁷ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 145.

ены «мистически и религиозно»⁵⁸. Действительно, иной раз создавалось впечатление, что ими двигала убежденность, сравнимая с сектантской.

Лидер эсеров В. М. Чернов, бывший противником оборонческого курса как «циммервальдец», полагал, что в России «империализма в строгом научном смысле слова нет», природа ее захватнических устремлений «примитивная», а потому надо стремиться к отказу от гегемонистских притязаний и созданию братского союза народов России на основе свободной федерации⁵⁹. В условиях революции нет ничего более нелепого, чем межеумочная позиция. В начале августа 1917 г. философ И. А. Ильин заявил, что у эсеров «двойная политическая бухгалтерия»: с одной стороны, они считают землю общенародным достоянием, с другой, в лице В. Чернова, уговаривают не разрушать «общеполезные» помещичьи хозяйства⁶⁰. На местах эсеры с самого начала уговаривали крестьян не допускать погромов⁶¹. Подобные установки поддерживали все умеренные социалисты. Большинство из них вдобавок к этому еще и постоянно колебались между поддержкой законности и императивами «восстановления справедливости».

Фланги меньшевистской партии также расползались на оборонцев и циммервальдцев. Эта «городская» партия сохраняла прочные позиции главным образом в профсоюзах, в деревне она была практически неизвестна. С большевиками меньшевики могли успешно конкурировать в относительно стабильной обстановке, но никак не в турбулентной социальной среде. Зато усвоенные догматы марксизма позволяли меньшевикам политически наставлять эсеров – в том числе в исполнении Петроградского Совета.

Постепенно наверху политического Олимпа ситуация стала невыносимой. Внутри кадетской партии мутил воду «левый» Н. В. Некрасов, имевший среди товарищей репутацию «политического мошенника»⁶². На уровне коалиции он же интриговал против Керенского, поддерживая левеющего В. М. Чернова⁶³. Ситуация внутри эсеровской партии казалась члену ее ЦК И. И. Бунакову-Фондаминскому еще более мрачной. Чернова он называл «бесчестным негодяем», которому в эмиграции перестали руку подавать, теперь же «партия ультимативно отстаивает его в Правительстве» только за то, что он «может 13 речей в один день произнести!». Другие, по его мнению, были не лучше. «Громадное большинство в Ц. К. или дрянь или ничтожество, – заявлял он. – Все у нас построено на обмане... Я знаю, что у нас многие просто немецкие агенты, получа-

⁵⁸ Цит. по: Азадовский К. Николай Клюев. Путь поэта. Л., 1990. С. 202.

⁵⁹ Чернов В. М. Интернационал и война. Пг., 1917. С. 54, 63.

⁶⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 26–27.

⁶¹ Мордвицев Г. В. Указ. соч. С. 93.

⁶² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 187, 190.

⁶³ Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 84.

ющие большие деньги. Но я молчу»⁶⁴. О том, что Чернов «с прибаутками и стишками», с особой, порой плотоядной, «ужимочкой» стремится всучить лежалый товар», писали многие⁶⁵. И. А. Ильин заявил, что «первая задача нашей политики сейчас разоблачить Чернова в глазах Керенского, и если Керенский не поймет, то разоблачить Керенского в глазах России»⁶⁶. Впрочем, этих внутрипартийных нелепостей снизу пока не замечали.

У меньшевиков все более основательно расходился с партийным большинством самый известный их теоретик – Ю. Мартов, который, однако, не мог конкурировать с Лениным по причине своей «избыточной» политической чистоплотности. На крайне правом фланге обосновался безоговорочный оборонец Г. В. Плеханов. Похоже, «отец русского марксизма» оказался в числе наименее востребованных политиков.

Со стороны партийно-политическая картина также не внушала доверия. «Министры говорят речи, обращаясь к столичным советам, съездам, к советам съездов, к губернским комитетам, уездным, волостным и сельским, – записывал в дневнике М. Пришвин 21 мая. – А во всех этих съездах, советах и комитетах разные самозванные министры тоже говорят речи, и так вся Россия говорит речи, и никто ничего не делает...». Он все еще оптимистично взирал на происходящее: «Нытиков теперь нет, много испуганных, но нытиков нет...», – отмечал он через день⁶⁷. Косвенно он подтверждал, что ситуация была словно подвешена на людских эмоциях, перед буйством которых, как известно, бессильны любые теории.

Все левые партии демонстрировали ту или иную степень политического бессилия. Не случайно В. И. Ленин был столь нетерпелив в своем желании вернуться в Россию. «Чем позже удастся влезть лично в этот хаос, тем труднее будет внести свое, не действуя по методам Ленина и Троцкого», – такие мысли возникли у Ю. О. Мартова при известии об отъезде Ленина в Россию⁶⁸.

Массы не принимали существующие партии всерьез. Некоторые записывались в две партии сразу. В целом развернулась не борьба партий, а состязание лозунгов и лидеров, в котором все чаще побеждали самые крайние. Тем не менее лидеров-социалистов, возвращавшихся из эмиграции, встречали восторженно. 31 марта в Петроград вернулся Г. В. Плеханов. Его встречали не только лидеры Петроградского Совета и видные меньшевики, но и сотрудники английского и французского посольств. Н. С. Чхеидзе заверил «отца русского марксизма», что его пророчество о том, что революция в

⁶⁴ Гиппиус З. Живые лица. С. 300.

⁶⁵ Цит. по: Менделеев А. Г. «Куда влечет нас рок событий?» Газета эсеров «Революционная Россия»: пропаганда и терроризм. М., 2008. С. 11.

⁶⁶ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 25.

⁶⁷ Пришвин М. М. Дневники. С. 81.

⁶⁸ РГАСПИ. Ф. 362. Оп. 1. Д. 51. Л. 127.

России победит только как революция рабочего класса, подтвердилось. Толпы восторженно приветствовали Плеханова, который говорил о необходимости единения демократических сил ради обороны страны⁶⁹.

Между тем левые силы скорее дробились, нежели консолидировались. Ф. Степун вспоминал рядовых солдат-комитетчиков из рабочих – меньшевика Иванова и большевика-оборонца Макарова, отличавшихся «осмотрительной разумностью». Но такие социал-демократы все чаще оставались в меньшинстве. Тем временем «примитивные организмы размножались делением»⁷⁰. По-своему символично, что в Уфе левый социал-демократический клуб обосновался захватным порядком в «пустующем» в течение двух лет помещении Общества трезвости⁷¹.

Оживились анархисты. 13 марта 1917 г. в Москве появилась «Федерация анархических групп», в которую вошли около 70 человек. Подобные организации – федерации, ассоциации и т. п. – появились в Самаре, Саратове, Брянске, Киеве, Ростове-на-Дону, Одессе, Иркутске и других городах. Между тем вернувшийся в Россию в начале лета 1917 г. П. А. Кропоткин отнюдь не изменил своих оборонческих взглядов. Но большинство его «последователей» мечтали о мировой социальной революции, а для начала предлагали революционизировать германскую армию⁷². В Иркутске анархисты вели себя более сдержанно, но не без успеха агитировали: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!»⁷³ В целом собственно анархистская деятельность вписывалась в контекст набирающего силу «стихийного большевизма».

Интересно, что со стороны, от людей, мало знакомых с российской политической культурой, последовали довольно противоречивые прогнозы о перспективах революции. Так, американцы, первыми признавшие Временное правительство, положительно оценивали возможности разрешения этнических проблем, включая не только еврейский вопрос и независимость Польши, но и автономию Украины, Армении, прибалтийских народов. Подчеркивалось даже духовное родство американской и русской революций. Однако отдельные финансисты прагматично заявляли, что поскольку к власти пришли «социалисты и евреи», то вложенные в эту страну деньги пропали. В первой половине марта звучали заявления о том, что Временное правительство существует лишь по «милости социалистов», а офицеры теряют контроль над солдатской массой, зато в «Нью-Йорк

⁶⁹ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 1997. С. 327–328.

⁷⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 323, 339.

⁷¹ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 164, 181.

⁷² Кривенький В. В. Анархисты // Политические партии и общество в России. 1914–1917 гг. М., 2000. С. 59–60.

⁷³ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 326.

таймс» даже в середине апреля утверждалось, что Петроградский Совет выражает чаяния не более 5 % рабочих России⁷⁴.

Всему этому не следует удивляться. Россия вступила в полосу неопределенностей, вызванных столкновением заимствованных политических доктрин и дремучей отечественной архаики, благих порывов культурных элит и эгоистичных вождельств истстрадавшихся низов, футуристических прожектов и традиционалистских утопий. К этому никто не был готов – ни в России, ни, тем более, за ее пределами.

Политикам казалось, что наступило время реализации их помыслов. На деле их теории ожидало коварное испытание на соответствие противоречивым устремлениям масс. И выдержать проверку на соответствие страстям «красной смуты» удалось немногим.

В сущности, деструктивные процессы разворачивались независимо от политиков. В массовом сознании государство стало ассоциироваться с теми или иными конкретными социальными обещаниями чередующихся правительственных кабинетов, как либеральных, так и либерально-социалистических. И в то же время легитимность государства стала связываться не с теми или иными демократическими процедурами, а с эффективностью разрешения наиболее насущных проблем, как это делалось применительно к царизму⁷⁵. Попросту говоря, революция не ослабила, а усилила патерналистский компонент общественного сознания, ничуть не добавив веры в «правильную», по партийным меркам, демократическую систему.

Со стороны крестьянских низов всякое «запоздалое» и «неловкое» движение политических верхов могло быть воспринято в привычных традициях: «барин чудит». Но эти особенности архаичного восприятия революции политические доктринеры упорно приписывали агитации «темных сил». Нынешние конспирологи вряд ли подозревают, что в гипертрофированной форме воспроизводят «ученые» предрассудки людей, бездарно растерявших свой авторитет и власть.

2.8.4. Революция и вера

Всякая революция опирается на веру. Февраль породил невиданную квазирелигиозную неразбериху. Позиции традиционной веры пошатнулись – по преимуществу из-за недоверия населения высшим иерархам. Началась трагическая полоса в истории Русской православной церкви.

⁷⁴ См.: Листиков С. В. США и революционная Россия в 1917 году. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006. С. 62–65.

⁷⁵ Розенберг У. Указ. соч. С. 129.

27 февраля от революционной толпы пострадала церковь в разгромленном в этот день Доме предварительного заключения на Шпалерной улице. Имущество храма оказалось уничтожено или расхищено, а 3 марта священника обещали «пристукнуть». 28 февраля вооруженные солдаты прибыли в Александро-Невскую лавру, изъяли 26 тыс. руб., из которых 22 тыс. передали во Временный комитет Государственной думы. Солдат возглавлял бывший послушник лавры прапорщик В. Ф. Саута. Заодно был арестован «реакционный» митрополит Петроградский Питирим (Окнов), который в тот же день написал прошение об увольнении. Обычно разгромы храмов были связаны с вздорными слухами об установленных на их крышах пулеметах. Храм Усекновения головы Иоанна Предтечи на Лесном проспекте подвергался неоднократным обстрелам, а также шестикратному обыску. 2 марта неизвестные женщины уверили солдат в существовании между церковью и домом священника подземного хода. Обыски продолжились, наконец, солдаты, которые по привычке тех дней ходили по церкви в шапках, курили папиросы, украли 16 бутылок вина для причастия и серебряные предметы богослужения. 3 марта в церковь Благовещения Пресвятой Богородицы на Васильевском острове ворвалась толпа солдат и нескольких штатских заявивших: «Здесь молебны служат, а с колокольни людей расстреливают». Тут же настоятеля арестовали⁷⁶.

Русская православная церковь и ее служители воспринимались как «опора старого режима». Вряд ли священники этого ожидали. С помощью некоторых иереев панические слухи о «темных силах» и «масонах», учинивших революцию, упрочились. Нынешние конспирологи лишь неловко пародируют их.

1905 год породил у православного епископата надежды на изменение отношения государства к церкви. Власть пресекла их. Поэтому не удивительно, что 26 февраля чины Св. Синода отказались обратиться с воззванием к народу о поддержке монархии. 3 марта иереями было признано необходимым войти в сношение с Временным правительством. Новым обер-прокурором правительство назначило активного борца с распутищиной и давнего сторонника церковной реформы В. Н. Львова, человека, увы, недалекого, но суетного. 4 марта он заявил, что счастлив объявить о высвобождении РПЦ от «цезарепапизма». 6 марта Синод призвал прихожан поддерживать новую власть.

7 марта Временное правительство заслушало сообщение обер-прокурора Св. Синода о мерах «по оздоровлению церкви». А пока было принято решение (8 марта) об освобождении униатского митрополита А. Шептицкого, 14 марта в учебных заведениях Киевского учебного округа разрешено преподавание на украинском языке

⁷⁶ Соколов А. В. Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г. // Вопросы истории. 2014. С. 153–154, 156–157.

(с характерной оговоркой: «при условии принятия мер, обеспечивающих интересы меньшинства учащихся»), а 15 марта был предпринят вопрос о возвращении в Россию из Канады 10 тысяч духовоборов⁷⁷. Вряд ли столь благожелательный поворот к «схимникам» и «раскольникам» способствовал общественному единению.

7 марта в Москве на заседании Совета благочинных (присутствовало 15 из 18 членов) под председательством срочно полеевшего протоиерея И. Восторгова было принято постановление «во имя пастырского и патриотического долга подчиниться Временному правительству» и «выразить пожелание и полную уверенность, что так называемой “реакции” чисто политического свойства... в рядах духовенства не будет», напротив, правительство в лице духовенства «найдет не врагов и тайных противников, а естественных сотрудников и пособников, конечно, не в прямой политической деятельности, а именно в охранении мира, порядка и спокойствия в общественной и государственной жизни». Здесь же содержалось предупреждение об опасности анархии, пастырям предписывалось иметь «особое самообладание» и терпеливо ожидать указаний новой власти⁷⁸.

Революция отеснила «военные» заботы церковного ведомства на второй план. Русская православная церковь оказалась по-своему захвачена революцией. Иные священнослужители с восторгом нацепили на ряссы красные банты (в народе их тут же прозвали «социал-диаконами» и «социал-псаломщиками»)⁷⁹. Со своей стороны, рабочие наперебой заказывали молебны по случаю переворота, а солдаты, не отказываясь от привычных ритуалов, произносили «зажигательные речи»⁸⁰. Впрочем, иные «православные» люди были согласны и на то, чтобы их благословляли старыми иконами новые светские правители.

Временное правительство и здесь действовало по принципу отмены «реакционных» запретов. Так, в конце марта были устранены ограничения в правах белого духовенства и монашествующих, слагающих с себя сан или лишенных его по духовному суду⁸¹ – попросту говоря, расстриги получали права граждан.

События в столице поначалу носили подчеркнуто светский характер: духовенству даже было отказано в участии в похоронах жертв революции⁸². В Москве духовенство, напротив, поспешило поддержать новую власть, что было благосклонно воспринято революционными вождями. Прозвучали заявления о том, что «хри-

⁷⁷ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 43, 55, 96, 101.

⁷⁸ Восторгов И., протоиерей. Пастырский голос во дни смуты. Вып. 1. М., 1917. С. 2–3.

⁷⁹ См.: ГА ТО. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 641; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 263, 264.

⁸⁰ *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 262, 263.

⁸¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. 165–166.

⁸² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 203.

стианская миссия» русской революции предполагает уничтожение всех тюрем, ибо преступников, подлежащих перевоспитанию, теперь не будет⁸³. В далеком Томске собрание духовенства решило заняться разоблачением слухов о припрятанных в церквях «запах», а затем обсудило вопрос о возможности «самоопределяться в политическом отношении»⁸⁴.

Империи с трудом переносят иную веру, кроме веры в самое себя. А потому свержение самодержца неумолимо оборачивается против «официальной» веры. И теперь, чтобы избежать излишнего «смущения умов» верующих, следовало бы внушить им, что революция пришла не только «от Бога», но и «от Царя».

Весьма оригинально реагировал на события в столице епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский). 3 марта в обращении к пастве он заявил, что члены Госдумы сменили обманщиков министров, чтобы дать «хлеб самым бедным жителям Петрограда и в наши войска». Царь об этом не знал, а теперь мы должны быть послушны той власти, «которую *царь нам даст*» (выделено нами. – Авт.). Примечательно, что ранее, 28 февраля, уфимский губернатор П. П. Башилов просил центрального духовного управления мусульман связаться с «муллами из черной сотни в сельских местностях», чтобы принять меры по спасению монархии. А 8 марта в Уфе губернский Комитет общественных организаций назначил комиссаров И. А. Ахтямова, К. С. Султанова, Г. Р. Терегулова «для контроля над действиями магометанского духовного собрания»⁸⁵. Духовным пастырям на местах приходилось учитывать, что прихожане могут неадекватно реагировать на падение монархии.

Тем временем внутри РПЦ происходило нечто невиданное. 4 марта члены Синода приветствовали вынос из зала заседаний царского кресла. Лишь отдельные архиереи рискнули высказаться против бунтарей, которые «осмелились посягнуть на священные права помазанника Божьего»⁸⁶. Среди них был епископ Гермоген, обличавший в свое время и Л. Н. Толстого, и Г. Е. Распутина, и Илиодора (Труфанова), и, соответственно, преследовавшийся при старом режиме. Пермский епископ Андроник продолжал прославлять Николая II, сравнивая его с пострадавшим Христом⁸⁷. Но таких было немного, заметнее были другие. Енисейский епископ Никон забросал членов Временного правительства поздравительными те-

⁸³ *Figes O., Kolonitskii B. Op. cit. P. 55.*

⁸⁴ Общественно-политическая жизнь Томской губернии. Т. 2. Ч. 1. С. 74.

⁸⁵ Цит. по: *Мордвинцев Г. В.* Весна 1917 года в Башкирии (хроника событий). Уфа, 2010. С. 17, 12–13, 32–33.

⁸⁶ Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. (Материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви) / Сост., автор предисловия и комментариев М. А. Бабкин. М., 2006. С. 293.

⁸⁷ Цит. по: *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. С. 79.

леграммами, а 12 марта вступил в кадетскую партию, произнес на собрании ее членов речь, в которой заявил: «В то время, когда наши герои проливали свою драгоценную кровь за Отечество... Ирод упивался вином, а Иродиада бесновалась со своим Распутиным, Протопоповым и другими пресмыкателями и блудниками»⁸⁸. Однако подобная «левизна» не гарантировала сохранения церковной иерархии. В апреле, после того как на съезде духовенства и мирян Никону было выражено недоверие, епископ сложил с себя сан.

В действиях некоторых иереев появились элементы то ли старообрядческого воодушевления, то ли протестантского подвижничества. Епископ Уфимский Андрей в своей проповеди заявил, что «кончилась тяжкая, грешная эпоха в жизни нашего народа», когда «все грешили: лгали, лстили, насиловали народ и в слове, и в деле». Теперь же, по его мнению, «наступили дни чистой народной жизни, свободного народного труда; зажглась яркая звезда русского народного счастья...». Он полагал, что поскольку «самодержец погиб и погиб безвозвратно», то пусть «Царь небесный царствует над нами». В тот же день епископ по просьбе А. И. Гучкова выехал в действующую армию под Ригу⁸⁹.

В ряде городов (Калуге, Орле, Вятке, Ставрополе, Витебске, Красноярске, Чите, Иркутске, Владивостоке, Баку, Новгороде-Северском) в «праздниках освобождения России» участвовали местные иереи⁹⁰. Многие владыки отслужили благодарственные молебны⁹¹. Иные священники высказывались за социальную революцию⁹². Архиепископ Таврический Дмитрий 5 мая провозгласил: «Ныне Сам Царь небесный занял Престол Русского Царства, дабы Он Единый Всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас нашими бывшими руководителями государственной жизни нашей»⁹³. Примечательно, что в прошлом Дмитрий пользовался покровительством царя⁹⁴. Епископ Андрей (Ухтомский) видел задачу православия в том, чтобы научить социалистов истинному социализму духа, ибо в русском народном духе зреют семена врожденного социализма, а Россия уже имеет опыт социалистического устройства – старообрядческую общину: «это социализм, но здоровый, основанный на взаимном доверии...»⁹⁵. Примечательно, что после череды

⁸⁸ Енисейская церковная нива. 1917. 31 марта.

⁸⁹ Цит. по: Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 47.

⁹⁰ Бабкин М. А. Указ. соч. С. 329.

⁹¹ Там же. С. 329–332.

⁹² Freeze G. The Parish Clergy in Nineteenth Century Russia: Reform, Counterreform. Princeton, 1983. P. 469–472.

⁹³ Цит. по: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 17.

⁹⁴ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 170.

⁹⁵ Зеленогорский М. Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М., 2011. С. 89.

скитаний и гонений времен Гражданской войны Андрей (Ухтомский) примкнул к старообрядцам.

Новая модель взаимоотношений светской и духовной властей стала строиться снизу. Кое-кто из «революционных» священников поспешил отслужить молебен в красных одеяниях. (Известен по меньшей мере один случай такого рода – это был священник В. И. Востоков⁹⁶). Активизировались обновленцы. В период с 6 по 20 марта были уволены митрополит Петроградский Питирим, архиепископ Тобольский Варнава, епископ Сарапульский Амвросий и, наконец, митрополит Московский Макарий⁹⁷. Демократизировалась приходская жизнь⁹⁸. В некоторых селах устраивались «церковно-народные торжества» с крестными ходами и молебнами⁹⁹.

Тем временем из обращений Временного правительства, командования, офицеров и отдельных воинов к солдатам имя Бога совершенно исчезло¹⁰⁰. Лишь некий Андрей Порье, поздравляя в стихотворной форме «воинов дорогих» с Пасхой, призывал «уповать на Бога»¹⁰¹. Похоже, что отцам церкви теперь стало не до солдат. Людям свойственно придерживаться каких-то иерархий – духовенство также занялось их воссозданием, причудливо мешая божественное и человеческое.

Либерально настроенные представители петроградского духовенства возбудили вопрос об избрании правящих архиереев клиром и мирянами. Их поддержал обер-прокурор¹⁰². В целом такая система замещения церковных должностей и стала утверждаться. В марте – апреле 1917 г. по стране прокатилась волна чрезвычайных съездов духовенства и мирян. В соответствии с их решениями стали смещаться «реакционные» архиереи, а избранные епархиальные советы начали ограничивать епископскую власть. В результате летом 1917 г. на местах священники стали допускаться к исполнению своих обязанностей лишь с согласия прихода, на их место поступали дьяконы, а сами они уходили на светские должности¹⁰³.

Между тем тверской епископ Серафим (Чичагов), неустанный обличитель «церковной демократизации», считал, что нельзя допускать мирян к управлению церковью. Подобно тому как Христос

⁹⁶ Бабкин М. А. Указ. соч. С. 333.

⁹⁷ Бовкало А. А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения церкви и государства // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традиции. СПб., 1996. С. 63.

⁹⁸ См.: Бакулин Б. С. Несвоевременные воспоминания // Религия и демократия: На пути к свободе совести. Вып. 2. М., 1993. С. 149–150; Левитин А., Шавров В. Указ. соч. С. 37.

⁹⁹ Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. Хроника событий. Смоленск, 2007. С. 90.

¹⁰⁰ См.: Астахов А. Б. Пропаганда на Русском фронте... С. 366–367, 369–383.

¹⁰¹ Там же. С. 367.

¹⁰² Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. № 7. С. 72–73.

¹⁰³ Нарский И. В. Указ. соч. С. 158.

выбирал себе апостолов, церковные иереи должны сами назначать достойных пастырей¹⁰⁴. Поначалу такая позиция встретила неприятие. Все ожидали обновления церкви и веры: сотни телеграмм в адрес правительства свидетельствовали о готовности к «оздоровлению и упорядочению... свободной церковной жизни»¹⁰⁵.

Однако новая светская власть не хотела терять контроль над религиозными организациями. Хотя 4 марта В. Н. Львов объявил о полной свободе церкви в вопросах внутреннего управления (оставив за собой право приостановки политически нежелательных решений Синода), через два дня он же заявил, что считает себя «облаченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах». Современники считали В. Львова человеком, с которым не стоит иметь дела по причине его крайнего простодушия, даже не вполне нормального¹⁰⁶. Свою самую главную, поистине роковую нелепость ему еще предстояло совершить, причем отнюдь не на церковном поприще.

7 марта в Петрограде заявил о себе Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, возглавляемый священником Д. Я. Поповым, членом Государственной думы. Секретарем союза стал лидер обновленчества священник А. Введенский. Союз выступил под лозунгом «Христианство на страже труда, а не на страже насилия и эксплуатации», высказался за демократическую республику, равенство сословий, полов, свободу слова, совести, печати. Выдвинув лозунги борьбы с капитализмом за демократическую экономику и передачу земли крестьянам, члены союза надеялись обрести опору среди прихожан. Они пытались также склонить на свою сторону низовое духовенство, провозгласив отделение церкви от государства, восстановление в ней соборных начал, переход на григорианский календарь, перевод богослужения на современный язык, допущение брачности епископата. Союз отвергал восстановление патриаршества, полагая, что это противоречит соборным началам, допускающим единственную власть в церкви – власть Христа¹⁰⁷. В. Львов покровительствовал данной организации.

Кое-где реформаторские инициативы проявляло местное духовенство. Вернувшись из Петрограда, епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) 26 марта утвердил устав Союза уфимского духовенства, провозгласившего своей целью «служить свободному устрое-

¹⁰⁴ ГА ТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 493. Л. 22–25, 40; Д. 301. Л. 21 об.–23 и др.

¹⁰⁵ См.: Российское духовенство и свержение монархии... С. 263–350.

¹⁰⁶ См.: Шидловский С. И. Указ. соч. С. 64; Лукомский А. С. Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 239; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 433.

¹⁰⁷ См.: Титлинов Б. В. Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 56–57; Поспеловский Д. В. Русская православная церковь XX века. М., 1995. С. 64–66; Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола русской православной церкви. Казань, 1970. С. 121.

нию приходской жизни на основе всеобъемлющей истины Христовой, сообразно началам апостольского и вселенского православного христианства, применительно к требованиям обновленного государственного строя». Церковная жизнь должна была строиться на основах соборности, при этом будущие соборы должны были включать в себя представителей мирян¹⁰⁸.

Петроградский Союз прогрессивного петроградского духовенства пытался развернуть агитацию за церковные реформы среди рабочих. Но подобные начинания не получили распространения даже в столицах. Основная масса духовенства, поглощенная каждодневными проблемами, не смогла взять инициативу церковного обновления в свои руки, ее перехватили прихожане-активисты. Повсеместно епископская власть ограничивалась епархиальными советами или комитетами представителей клира и мирян, без согласия которых архиереи лишались права издания актов административного характера.

Как ни странно, в духовной сфере происходили такие же самоорганизационные процессы, как на производстве (фабзавкомы), в армии (солдатские комитеты), в деревне (сельские комитеты). Однако в РПЦ положение осложнялось тем, что невовведения предстояло совершить на основании канонического права. Была ли возможна в связи с этим какая-либо «церковная революция»? И какую веру жаждал обрести народ?

Обер-прокурор получил от правительства поручение выработать проект церковных преобразований и подготовить созыв Собора. При этом обнаружилось стремление сохранить прежнюю модель взаимоотношений государства с церковью, что не могло не вызвать недоумения у иерархов, настроенных обновленчески. В. Львов заявил, что передаст всю полноту власти Всероссийскому Церковному Собору, но никак не нынешнему Синоду, членов которого он не может признать истинными представителями свободной церкви¹⁰⁹. 14 апреля правительство распустило прежний состав Синода. Были назначены новые его члены, считавшиеся либеральными. Из прежнего состава Синода остался лишь будущий патриарх архиепископ Сергей¹¹⁰. Вслед за этим пришлось выяснять отношения в епархиях. Некоторым иереям в марте – апреле пришлось давать объяснения по поводу своих действий накануне и после Февраля.

На епархиальном уровне последовали протесты против деятельности архиепископов нижегородского, воронежского, курского, харьковского, черниговского, епископов рязанского и екатеринбургского, орловского, полтавского. Критиковали и рядовых свя-

¹⁰⁸ Мордвицев Г. В. Указ. соч. С. 83.

¹⁰⁹ Фруменкова Т. Г. Высшее православное духовенство России в 1917 г. // Из глубины времен. Вып. 5. СПб., 1995. С. 78.

¹¹⁰ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 55.

щенников. С помощью взбунтовавшихся псаломщиков обер-прокурор Синода добился увольнения с тверской кафедры митрополита Серафима, имевшего репутацию крайне правого¹¹¹. Другого Серафима, епископа Екатеринбургского, назвавшего Временный комитет Государственной думы «кучкой окаянных бунтарей», осмелившихся посягнуть на «священные права помазанника Божия», местные власти подвергли домашнему аресту. Ходили слухи, что его отправили в Петроград под конвоем. Такое действительно случилось с воронежским архиепископом Тихоном¹¹². Лишился своего поста и небезывестный архиепископ Евлогий¹¹³. Далеко не все смещения происходили легко. Так, орловский КОБ добивался увольнения епископа Макария, «ревнителя старого режима, сподвижника Восторгова и других темных деятелей». Но в силу необходимости соблюдать процессуальный порядок упрямого епископа пришлось раз за разом отправлять в отставку, перемещая и понижая в должности¹¹⁴.

Коллегиально-представительное начало вводилось епархиальными съездами на всех ступенях управления: по благочиниям учреждались благочиннические советы из выборных представителей клира и мирян, по приходам – приходские советы (также из клира и мирян) и приходские собрания. Выборный порядок замещения духовных должностей распространялся на всех – от архиереев до рядовых священников. Но в деревне ситуация, как правило, была иной. Крестьяне были склонны всего лишь менять «плохих» попов на «хороших»¹¹⁵.

Томский епископ Анатолий был отправлен в отставку по инициативе местного Совета, поддержанной съездом духовенства и мирян за то, что 11 марта он освятил знамя одного из отделов «Союза Михаила Архангела», присланное В. М. Пуришкевичем. Синод 21 июля предложил Анатолию «подать заявление об уходе на покой». Епископ как будто согласился, но позднее стал апеллировать к Поместному собору, требуя назначить следствие по своему делу. После этого развернулась длительная борьба за избавление от епископа, творившего, по мнению его противников, «самоуправство, произвол, пристрастие» и насаждавшего «архиерейское самодержавие». Епископ рязанский Дмитрий, некогда возглавлявший местное отделение «Союза русского народа», имел обыкновение так поносить с кафедры «безбожных» политиков (включая октябристов), что, по словам присутствовавших, «жутко было стоять в

¹¹¹ Русская православная церковь. 1925 – 1938. М., 1999. С. 168.

¹¹² Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 81–82, 90.

¹¹³ Емелях Л. И. Крестьяне и церковь накануне Октября. Л., 1976. С. 74–76.

¹¹⁴ Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 80–81.

¹¹⁵ См.: Емелях Л. И. Указ. соч. С. 78; Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 159, 161.

храме Божиим». В апреле Синод отправил его в двухмесячный «отпуск» в Валдайский Иверский монастырь. В апреле 1917 г. нижегородский губернский Исполнительный комитет посадил под домашний арест архиепископа Иоакима, инкриминируя ему давление на духовенство с целью проведения в IV Думу нужных кандидатов, сотрудничество с жандармским управлением, «уничижительное» отношение к духовным лицам и т. п. Этого архиерея также отправили в отпуск. Сходным образом поступили с владимирским архиепископом Алексием, обвиненным в связях с Распутиным. Большинство архиереев предпочитало тихо удаляться на покой. Но некоторые протестовали. В июне Синод заступился за арестованного местным Советом воронежского архиепископа Тихона. В результате его пришлось оставить управлять епархией. В удалении «реакционных» иереев сыграли свою роль многочисленные доносы. Однако со временем некоторые из них ухитрились возвращаться на прежние места: после пребывания в Валаамском монастыре одержал победу на выборах Антоний (Храповицкий) и был возвращен на прежнее место служения¹¹⁶. Но в целом участие отставных иерархов в выборах не приносило им успеха¹¹⁷.

Скоро выборы превратились в обыденность. В мае историк М. Богословский записывал в дневнике: «...Отправился на собрание выборщиков для избрания делегатов на съезд духовенства и мирян... Надо было избрать 3 священников, 1 диакона, 1 псаломщика и 5 мирян. Было много сумбура и бестолковщины, а также ораторских выступлений, вызываемых исключительно желанием поговорить...»¹¹⁸. В это же время архиепископ Анастасий (Грибановский) писал графу С. Д. Шереметеву: «Всякий перелом – а особенно столь быстрый и решительный как настоящий, сопровождается и душевным "надломом": передо мною проходит целый ряд лиц, потерявших душевное равновесие, близких к отчаянию и умственному расстройству. Общественное сознание заметно помутилось. Настал массовый психоз, который бывает очень заразителен. Церковь или, по крайней мере, ее официальные руководители тоже увлечены этим бурным политическим потоком и те, кто недавно еще служили "за совесть" одному порядку, теперь раболепствуют перед новыми кумирами и заискивают у них, желая упрочить для себя местечко под новым солнцем»¹¹⁹. В действительности основная масса священников готова была искренне служить новой власти.

Первые выборы правящего архиерея состоялись 3 мая в Чернигове, затем в Курске, а 24 мая – в Петрограде. В столице оказался

¹¹⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. Сентябрь – октябрь 1917 года. М., 2004. С. 64.

¹¹⁷ Фруменкова Т. Г. Указ. соч. С. 82–87, 89–90.

¹¹⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 363.

¹¹⁹ ...И даны будут Жене два крыла. С. 627.

избранным первый викарий епископ Гдовский Вениамин (Казанский). Девятнадцатого мая на московскую кафедру был избран архиепископ Тихон (Беллавин) – будущий патриарх. Состоялся также съезд военного и морского духовенства. Протопресвитера Г. Шавельского переизбрали пожизненно. Тогда же Синодом было принято положение об избрании ректоров духовных академий, их помощников и преподавателей¹²⁰. Ректором Петроградской духовной академии стал Б. В. Титлинов – будущий идеолог обновленчества и «Живой церкви». Резолюция июльского съезда ученого монашества об «ограждении чистоты православно-богословской науки»¹²¹ осталась незамеченной.

Оказалось, что духовенство, привыкшее к пастырской деятельности в соответствии с указаниями «сверху», совершенно не готово к работе в новых условиях. Одни священники переориентировались с евангельских заповедей на те или иные партийные программы, другие, напротив, пытались понять происходящее с помощью Библии. «Меня глубоко огорчает стремление некоторых богословов оправдать все крайности настоящего движения с точки зрения Евангелия, которое стоит неизмеримо выше идей нашего времени и проповедует свою “свободу”, а не свободу века сего, – писал архиепископ Анастасий (Грибановский)»¹²². Однако в условиях революции, предлагавшей решить вопрос о войне и мире, активизация обновленцев делалась неизбежной.

Впрочем, были и более радикальные начинания. Священник С. М. Соловьев, внук историка и племянник Владимира Соловьева, предложил организацию общества для исследования вопросов, касающихся соединения православной церкви с католической¹²³. Судя по всему, достаточного количества сторонников он не собрал. Пространство веры обновлялось не по конфессиональным, а скорее по светским законам.

Состоялся также Всероссийский съезд единоверцев. В его постановлениях говорилось о необходимости иметь единоверческих епископов. Первый такой епископ – Симон (Шлеев) был рукоположен через год – 16 июня 1918 г.

К лету 1917 г. Синод утвердил долгожданное Положение о приходе, наделив его статусом основной демократически самоуправляющейся ячейки церкви¹²⁴. Тем самым были закреплены результаты «церковной революции».

В принципе, изменения шли в русле давно ожидаемых реформ, но подчас они приобретали опасное для веры качество. Так, демо-

¹²⁰ Бовкало А. А. Указ. соч. С. 75.

¹²¹ Волков С. Возле монастырских стен. Мемуары. Дневники. Письма. М., 2000. С. 80–81.

¹²² ...И даны будут Жене два крыла. С. 628.

¹²³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 342.

¹²⁴ Церковные ведомости. 1917. № 18–19. С. 111–113.

кратически настроенные священники и семинаристы использовали церкви для того, чтобы рассказать крестьянам о «христианской миссии революции»¹²⁵. Участились случаи неканонического поведения. Иные священники поспешили сбрить бороды, срезать волосы, облачиться в светскую одежду. Возмущение прихожан вызывали настоятели, покидавшие приходы или наспех проводившие службы¹²⁶. В мае 1917 г. один военный протодьякон получил со склада ведро спирта якобы «на чистку церковной утвари». Генерал А. И. Деникин опасался, что служители Господа «сопьются». Протодьякон «повинился»: «Здешний ксендз взял... целых пять ведер...»¹²⁷.

Но такие явления меркли на фоне явлений разгромного характера, оборачивающихся против служителей Господа. Они проявились себя и в глубокой провинции. В марте 1917 г. С. Елховский записал в дневнике: «Сахар пропал. Рабочие взяли за монастыри, где обнаружили много хлебных запасов»¹²⁸. И это было только началом общего «обновления» взаимоотношений церкви и прихожан.

С 1 по 10 июня 1917 г. в Москве проходил Всероссийский съезд духовенства и мирян. По количеству присутствующих (1 268 человек) он мог конкурировать с открывшимся чуть позже 1-м Всероссийским съездом Советов. Декларация съезда приветствовала революцию, поддержала идею передачи земли трудящимся и требования свободы вероисповеданий. Были сформулированы предложения по церковной реформе для будущего Собора. Но идея отделения церкви от государства была отвергнута. Православная церковь по-прежнему видела себя «главенствующей», материально поддерживаемой государством. Изучение Закона Божьего признавалось обязательным, народные школы предлагалось оставить в руках церкви¹²⁹. На том же настаивал Всероссийский съезд церковно-приходского учительства¹³⁰. Низовое духовенство также предпочитало прежнюю систему соподчинения церковных и светских институтов¹³¹. Члены Синода пробовали протестовать, но их голос звучал неубедительно.

В начале июля 1917 г. архиепископ Анастасий (Грибановский) писал: «В. Н. Львов делает все, чтобы подменить подлинную со-

¹²⁵ Figes O., Kolonitskii B. Op. cit. P. 134.

¹²⁶ См.: ГАТО. Ф. Р-598. Оп. 1. Д. 641.

¹²⁷ Шавельский Г. И. Воспоминания... Т. 2. С. 128.

¹²⁸ Переславское Залесье. Фольклорно-этнографическое собрание С. Е. Елховского. Вып. 1 / Отв. ред. С. С. Савоскул. М., 2011. С. 19.

¹²⁹ См.: Карташев А. Революция и собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории русской церкви наших дней) // Богословская мысль. Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. 4. Париж, 1942. С. 83–84.

¹³⁰ Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 56–57; Поспеловский Д. В. Русская православная церковь XX века. С. 64–66; Шишкин А. А. Указ. соч. С. 121.

¹³¹ Церковный Вестник. 1917. № 28. С. 192–193; Российское духовенство и свержение монархии... С. 259.

борность “демократией”. Если прежние обер-прокуроры правили церковью “самодержавно”, то он управляет ею “диктаторски”... и идет иногда далее Петра Великого. В “свободности”, как ее называют теперь, церкви царит такой произвол светской власти, какого еще не видела христианская история»¹³². Ничего иного от неуравновешенного Львова ждать не приходилось. Со своей стороны, РПЦ готовилась к «восстановлению канонического строя». Над этим иронизировали: это возможно либо как реставрация, либо как стилизация¹³³.

Пытаясь установить межконфессиональное равновесие, Временное правительство учитывало и права мусульман. Новый текст присяги для военнослужащих был скорректирован для них так: «Заключаю сию мою клятву целованием преславного Корана...». Но кое-кто из солдат-мусульман понял новую ситуацию по-своему. Один из них сообщил домой: «Эфенди говорит, что мы, мусульмане, теперь должны еще больше бороться за свободу... Не хочется только теперь и воевать... Офицеры... пускай воюют, и мулла пускай воюет»¹³⁴. Однако в целом мусульманство, в отличие от православия, имело более основательное влияние на «своих» политиков. 1 мая в Москве открылся 1-й Всероссийский мусульманский съезд, продолжавшийся до 11 мая. Из 900 делегатов треть составляли муллы. Помимо них присутствовали депутаты-мусульмане всех четырех Государственных дум, было много солдат и даже около 100 женщин (что было беспрецедентным явлением). На альтернативной основе был избран муфтий Галимжан Баруди, видный представитель российского джадидизма, и сформировано Духовное управление мусульман России. Политическим органом руководства мусульманским движением стал Всероссийский мусульманский совет («Милли шуро»)»¹³⁵. Последующие мусульманские съезды обычно начинались с молитвы. Характерно, что со временем мусульманские лидеры заговорили о том, что российская общественность единомышленно замалчивает мусульманский съезд¹³⁶.

Обновленческое движение затронуло и российских буддистов. Его идеологом стал хамбо-лама Агван Доржиев. Вместе со своими последователями, возглавившими движение за возрождение бурятского народа, он выступал за возвращение к философским основам буддизма, очищение его от суеверий и расширение участия в религиозной жизни буддистов-мирян. Был взят курс на реформирование конфессионального устройства буддистов Восточной Си-

¹³² ...И даны будут Жене два крыла. С. 629.

¹³³ Русская свобода. 1917. № 16–17. С. 14.

¹³⁴ Редькина О. Ю. Вероисповедная политика Временного правительства России (февраль – октябрь 1917 года) // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1995. С. 83; Исхаков С. М. Указ. соч. С. 104.

¹³⁵ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 251.

¹³⁶ Речь. 1917. 27 июня.

бири на началах выборности и коллегиальности, началось формирование в дацанах приходских советов с участием мирян¹³⁷.

Правительство объявило амнистию пострадавшим по религиозным мотивам. Ожилились толстовцы, настаивавшие на скорейшем внедрении альтернативной службы. 14 июня был принят долгожданный закон о «Свободе совести». Теперь в армии «отказников» рекомендовалось использовать только на работах, не связанных с ношением оружия, что, впрочем, было встречено в штыки новым главнокомандующим А. А. Брусиловым¹³⁸.

Но провозглашенное «равенство» отнюдь не повлекло за собой сближения с «иноверцами». Некоторые иерархи открыто позволяли себе юдофобские высказывания. Так, епископ Пермский Андроник в письме обер-прокурору Св. Синода утверждал, что Петроградский Совет заправляет всем «по указке немецких и еврейских провокаторов»¹³⁹. Другие епископы воспринимали свободу совести как освобождение от страха Божьего. Епископ Петропавловский Мефодий обвинил в бедах православия «сектантов и евреев»¹⁴⁰. Антисемитские выходки стали столь частыми, что митрополит московский Тихон инициировал обращение к Керенскому, в котором говорилось о «кошунствах и надругательствах», чинимых солдатами на фронте и в тылу над еврейскими храмами и святынями. Правительству предлагалось принять соответствующие меры; духовенство, со своей стороны, обещало проводить «разъяснительную работу»¹⁴¹.

Но в целом ни Временное правительство, ни Синод не были готовы к решительным реформам, хотя в программах всех входящих в правительство партий присутствовало положение об отделении церкви от государства.

Тем временем обозначился еще один источник напряженности. Протоиерей С. Городцов из Тифлиса 18 января 1917 г. писал митрополиту Владимиру в Петроград: «Грузины у нас не унимаются»: выработали петицию наместнику об автокефалии, а «назначение ректором семинарии грузина привело к тому, что русские преподаватели говорят о грузинском засилье и думают бежать из Тифлиса»¹⁴². Строго говоря, беспокоящий его вопрос был предрешен. Уже 12 марта в Мцхете состоялось провозглашение автокефальных прав Грузинской православной церкви. Экзарху Грузии архиепископу Платону (Рождественскому) было заявлено, что он лишается права

¹³⁷ Логинов А. В. Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности. М., 2005. С. 313.

¹³⁸ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 594.

¹³⁹ См.: Из истории российской иерархии. Статьи и документы. М., 2002. С. 108.

¹⁴⁰ Там же. С. 124.

¹⁴¹ Рассвет. 1917. № 13. 4 октября. С. 33; Еврейская неделя. 1917. № 40. 8 октября. С. 21–22.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 120.

распоряжаться грузинскими епархиями и приходами. Во временное управление ими вступил епископ Леонид (Окропиридзе). При этом собор Грузинской церкви отслужил молебен об «укреплении нового русского правительства». Архиепископ Платон был включен в новый состав Св. Синода¹⁴³. Характерно, что решения об автокефалии были поддержаны на собрании грузин-солдат и офицеров, которые также просили Временное правительство об автономии Грузии¹⁴⁴. Правительство ответило в уклончиво благожелательном духе, не желая касаться канонической стороны дела¹⁴⁵.

Со временем стремление к церковной автокефалии заметно проявило себя на Украине. В духовной жизни происходили, в сущности, те же процессы, что и в светской. И это скорее смущало, нежели наставляло и вдохновляло простых людей.

Конечно, Временное правительство не могло ни навязать, ни подарить населению новой, объединяющей религии. Прежние пастыри оказались не готовы к свободной проповеди веры, основывающейся на сознательной гражданственности, а не на архаичной «сборности»; новые светские «идеологи» наивно надеялись заменить религию собственными доктринами. Люди, между тем, требовали *своей* веры, отыскать которую, однако, сами были не в состоянии. Как результат, наступил звездный час всевозможных сектантов, странствующих «пророков», расстриг и обновленцев, готовых использовать любые суеверия.

Удивительно, что ни светская, ни духовная власть не осознавали опасности происходящего. В сущности, пришествие новой – революционно-мессианской – веры могло показаться теперь спасением. И этому способствовали не столько воинствующие атеисты, сколько всевозможные обновленцы и автокефалисты, которые, так или иначе, растаскивали старую церковь.

¹⁴³ *Рогозный П. Г.* Церковная революция 1917 года. (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции). СПб., 2008. С. 97.

¹⁴⁴ *День.* 1917. 16 марта.

¹⁴⁵ *Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг.* М., 1994. С. 72.

Глава 9

ВОЙНА, ЭКОНОМИКА, НАРОД

2.9.1. Новые внешнеполитические проблемы

Русская революция была своеобразной реакцией на мировую войну, причем амбивалентной в своей основе. По существу, усталым народным массам было предложено решить, как добиваться мира: через жертвенное приближение отдаленной победы или более коротким путем сепаратного мира. У политиков, вроде бы, имелись доктринальные аналоги этой дилеммы. И добиться их слияния в рамках идеологии новой России было нелегко, если вообще возможно.

В области внешней политики новая российская власть оказалась в весьма непростом положении. Особая напряженность возникла после опубликования 14 марта исполкомом Петроградского Совета обращения «К народам всего мира». «Наступила пора, – говорилось в этом документе, – начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран. Наступила пора народам взять в свои руки решение вопросов о войне и мире». Разумеется, прежде всего имелись в виду «пролетарии» Германии и Австро-Венгрии, которым следовало «сбросить с себя иго самодержавия и отказаться служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров». Содержался в обращении и революционно-оборонческий компонент: «Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посягательств как изнутри, так и извне. Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой»¹. В общем, документ отнюдь не призывал к скорейшему окончанию войны. Милюков встретил его появление без особой тревоги, ибо полагал, что он исходил от «циммервальдцев по недоразумению» вроде И. Г. Церетели². Социалисты Антанты восприняли «мани-

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 15 марта.

² Милюков П. Н. Воспоминания. С. 595.

фест мира» как естественное стремление защитить свою свободу от внутренних и внешних реакционеров³.

Но лидеры Антанты хотели подстраховаться. 17 марта английское правительство выразило надежду, что принципы, исповедуемые новым российским правительством, окажутся верным залогом конечной победы⁴. В то же время Лондон, усомнившись в финансово-экономической дееспособности новой власти, не торопился выполнять решения союзнической конференции. Милюков, вставший во главе внешнеполитического ведомства, решил успокоить англичан. Для этого следовало договориться с доморощенными социалистами, настаивавшими на формуле «мир без аннексий и контрибуций». Как ни парадоксально, один из влиятельнейших людей в Петроградском Совете, пылкий И. Г. Церетели, считал, что опубликование заявления об этом вызовет небывалый подъем духа в армии, а Временное правительство обретет невиданный авторитет и нравственную силу⁵. Произошло столкновение двух доктринеров: Милюков вообще не считался с новой реальностью, Церетели пребывал в убеждении, что теперь можно перевернуть мир с помощью благих намерений.

22 марта Милюков выступил с пространным заявлением. Положительно оценив вступление в войну США, он подчеркнул, что для России ее цели не изменились: «Освобождение славянских народностей, населяющих Австро-Венгрию, объединение итальянских и румынских земель, образование Чехословацкого и Сербо-Хорватского государства, слияние украинских земель Австро-Венгрии с Россией». Особое внимание Милюков уделил проливам, категорично заявил о стремлении к присоединению их к России – это было, как он признал позднее, «руководящей нитью» его курса. Все это было одобрено заявлением о том, что «ни Россия, ни ее союзники не преследуют никаких захватных тенденций в нынешней мировой войне»⁶.

Конечно, заявление Милюкова нельзя отнести к числу гибких. Даже Гучков упрекнул его в том, что он оказал плохую услугу правительству. «Говорите о чем хотите и как хотите, – наставлял он, – но говорите только так, чтобы это могло содействовать боеспособности армии»⁷. Ф. Степун осуждал «доктринерское упрямство, с которым Милюков проводил свою верную союзническим договорам империалистическую политику»⁸.

Милюковская трактовка «миролюбивых» инициатив России возмутила Керенского. На заседании правительства он заявил, что

³ Васюков В. С. Внешняя политика Временного правительства. М., 1966. С. 84.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Набоков В. Д. Временное правительство // АРР. Т. 1. М., 1991. С. 58.

⁶ Речь. 1917. 11 мая, 23 марта.

⁷ Цит. по: Васюков В. С. Указ. соч. С. 92.

⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 349.

министр не посчитался с мнением кабинета. Но его неожиданно осадил премьер Г. Е. Львов, подчеркнувший, что «Милюков ведет не свою самостоятельную политику, а ту, которая соответствует взгляду и планам Временного правительства»⁹. С этого момента скрытая вражда между Милюковым и Керенским стала ощутимо сказываться на положении страны.

В результате переговоров между Временным правительством и так называемой контактной комиссией Петроградского Совета 27 марта было опубликовано правительственное заявление «О военном положении и целях войны». В нем провозглашалось, что «оборона во что бы то ни стало нашего собственного родного достояния и избавление страны от вторгнувшегося в наши пределы врага – первая насущная и жизненная задача наших воинов». Отмечалось, что цель свободной России – «не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния..., но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов». Но затем следовало заверение о «полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников»¹⁰. Всякий словесный сумбур усиливает недоумение у одних, вызывает недоверие у других. И этот фактор во все большей степени определял ход событий.

Разумеется, декларация была всего лишь ханжеской уступкой социалистам. Однако лидеры Совета склонны были трактовать это как свою победу. Между тем 1 апреля Милюков направил российским представителям в Лондоне, Париже и Риме секретную инструкцию с напоминанием, что «мы отнюдь не отказываемся от обеспечения жизненных интересов России, выговоренных в соответствующих соглашениях...»¹¹.

Для союзников имели, однако, значение не формальные декларации о целях войны, а способность России эффективно продолжать ее. Между тем Бьюкенен сообщал в конце марта, что «потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной»¹². А успех наступления был невозможен без союзнических поставок. Их продолжение, в свою очередь, предполагало, что Россия будет активно воевать.

Прежнее правительство проектировало на 1917 г. огромные заказы, значительно выходявшие за рамки намеченных на Петроградской конференции союзников. Однако из них могли быть получены только те, которые были обеспечены валютой. Таких заказов было на 2 809,6 млн рублей, что составляло в тоннаже 2,4 млн тонн. Основная их часть предназначалась ГАУ и составляла около 2/3 всех заказов по военному ведомству¹³. Но уже в марте англи-

⁹ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 57–58.

¹⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

¹¹ Константинополь и проливы. Т. 1. М., 1925. С. 479.

¹² Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 224.

¹³ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 441.

чане отказались от строительства в России ряда военных предприятий, в том числе шести автомобильных заводов. Тем не менее в начале апреля в России был создан специальный орган по вопросам заграничных поставок, обладающий правом утверждения заказов и выдачи иностранной валюты. Исполнительным органом комитета стало Главное управление по заграничному снабжению (Главзагран). В состав комитета включались и представители союзников¹⁴.

Союзники, однако, охладели к российским планам. Британская сторона 24 апреля уведомила российских представителей, что потеряла веру в способность их армии вести наступательные операции¹⁵. Возможно, англичане пытались тем самым подтолкнуть русское правительство к более активным действиям. Как бы то ни было, план финансового «спасения» России, намеченный на Петроградской конференции, затрещал по швам. Если ранее англичане настаивали на том, чтобы Россия развивала у себя новые производства, то теперь они отказывались поставлять для них оборудование. Снабжать Россию так, как ранее, Великобритания не собиралась. В итоге в марте и апреле было получено менее 2/3 английских кредитов, относительно которых имелась договоренность. Отказались англичане и от поставок тяжелой артиллерии¹⁶. Фактически с 1 апреля Великобритания прекратила финансирование России, ограничившись выплатой остатков по предыдущим кредитам¹⁷. В ответ от российского представителя ген. Э. К. Гермониуса последовало заявление, что Временное правительство вынуждено будет «прибегнуть к грустной необходимости изменения всего плана... военных действий на русском фронте»¹⁸. Но многозначительный намек не был услышан, а потому Временному правительству пришлось искать новых кредиторов и поставщиков.

Уже 4 марта Временное правительство взяло курс на «использование японского и американского денежных рынков»¹⁹. 8 апреля министр финансов М. И. Терещенко сообщил П. Н. Милюкову о предложениях кредитов со стороны США. Однако ситуация была непростой: англичане не торопились пересматривать прежние соглашения до выяснения позиции американской стороны. В апреле 1917 г. Англия постаралась переложить на США финансирование русских заказов за океаном²⁰. Однако российской стороне трудно

¹⁴ Бабичев Д. С. Деятельность Русского Правительственного комитета в Лондоне // Исторические записки. Т. 57. С. 290.

¹⁵ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 451–452, 454–455.

¹⁶ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. М., 1957. С. 493, 499.

¹⁷ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 472.

¹⁸ Исторический архив. 1955. № 3. С. 169–170.

¹⁹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. Март – апрель 1917 года. М., 2001. С. 26.

²⁰ Экономическое положение России... Ч. 2. С. 478–483.

было надеяться, что финансовая переориентация на США даст быстрый эффект уже в 1917 г.

На деле размещение заказов в США было связано с большими рисками. Американская промышленность была приспособлена к работе в мирных условиях, о военном производстве бизнесмены практически не знали, зато по укоренившейся привычке сразу же брались за крупные заказы. Рабочие, узнав об их крупных барышах в будущем, начинали требовать повышения заработной платы. В результате продукция оказывалась сомнительного качества, предприниматели задерживали и срывали заказы²¹.

Сказывалась также неповоротливость российской финансово-бюрократической системы. В Великобритании и США, ставших наиболее крупными поставщиками и кредиторами, в 1915 г. были созданы специальные межправительственные «Русские заготовительные комитеты». При этом годовой бюджет американского комитета превысил средний довоенный бюджет всей Российской империи, а ежемесячное содержание 1 200 его служащих, включая 13 генералов, обходилось в полмиллиона долларов²². Как бы то ни было, за три года Россия разместила в Соединенных Штатах военных заказов на сумму 1,29 миллиардов долларов²³, но эффективность расходования этих средств выглядела сомнительно: одно содержание некомпетентных, неповоротливых и коррумпированных заготовительных комиссий обходилось баснословно дорого²⁴.

Некоторые специалисты предупреждали, что американский капитал будет долго «присматриваться», прежде чем решится вкладывать средства в Россию²⁵. Тем не менее российско-американские контакты активизировались. Американское правительство опередило союзников в признании Временного правительства, последовавшем 9 марта 1917 г.²⁶, а 25 марта предложило кредит в 500 млн долларов. При этом государственный секретарь США Р. Лансинг запрашивал посла в России Д. Френсиса о желательных масштабах и формах финансовой поддержки²⁷. Российская сторона ухватилась за открывшуюся возможность. Ген. А. А. Михельсон, председатель Комиссии по распределению иностранной валюты, видел спасение в получении займа в 1,5 миллиардов долларов. По его мнению, этой суммы хва-

²¹ Гайдук М. И. «Утюг». Материалы и факты о заготовительной деятельности русских военных комиссий в Америке. Нью-Йорк, 1918. С. 50–51.

²² См.: Там же. С. 4, 143; Будницкий О. В. Б. А. Бахметев и «русские деньги» в Америке // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем. Образы, мифы, реальность. М., 2007. С. 188.

²³ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. С. 622.

²⁴ См.: Гайдук М. И. Указ. соч. С. 6, 63–64, 79–83, 87–107.

²⁵ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 168.

²⁶ Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 426, 432.

²⁷ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 458.

тило бы на то, чтобы урегулировать финансовые отношения с Великобританией и оплатить все запланированные военные поставки за рубежом до 1918 г. А пока удалось договориться о займе в 500 млн долларов, которые предполагалось истратить в США «без британского посредничества, как это было до сих пор». Американская сторона считала этот заем чрезвычайно выгодным. Посол Д. Френсис настаивал на срочной отправки в Россию 500 паровозов и 10 тысяч товарных вагонов. Кроме того, американцы рассчитывали на заказ фирме «Ремингтон» 1 млн винтовок²⁸.

Однако этими заказами текущие потребности России не покрывались. М. Терещенко настаивал на получении 1500 паровозов и 30 тысяч вагонов. 1 апреля Временное правительство утвердило представление Министерства путей сообщения о заказе в США 2000 паровозов, несмотря на предупреждения специалистов о том, что американские машины вдвое дороже отечественных и к тому же являются настолько «нежными» в эксплуатации, что впору заказывать впридачу к ним американских машинистов²⁹. Но тут же начались переговоры о поставке уже 3000 паровозов³⁰.

Экспортную ненасытность требовалось подкрепить деньгами – конечно, в той же Америке, других финансовых «союзников» не осталось. В июне начались переговоры о новом кредите. Но только к середине июля 1917 г. федеральное казначейство США открыло союзникам кредиты в 1043 млн долларов. Из них англичане получили 585 млн долларов, французы – 210 млн. России досталось лишь 55 млн долларов, которые предстояло передать Великобритании в обеспечение договоров на железнодорожные материалы, а также потратить на закупку финской валюты для платежей русским войскам в Финляндии. Несмотря на столь скудные финансовые потоки, Особое совещание по обороне приняло целую программу мер к привлечению американского капитала в горную и горнозаводскую промышленность³¹.

Следует заметить, что Терещенко, сменивший Милюкова на посту главы МИДа, демонстрировал большую склонность к компромиссу и внутри страны, и за ее пределами. Со своей стороны, союзники надеялись, что сам ход событий заставит Россию отказаться от прежних амбициозных «миротворческих» планов, и потому старались не вспоминать о «целях войны». В результате Терещенко смог не отступить от былых договоренностей относительно черноморских проливов, не говоря уже о менее значительных приобретениях³².

²⁸ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 459–464.

²⁹ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 172–173.

³⁰ Журналы Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 176.

³¹ Экономическое положение России... Ч. 2. С. 461–465.

³² Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1. М., 1993. С. 450.

Ориентация на США, казалось, усилила внешнеполитические позиции России. Однако последующие события еще больше поколебали веру в устойчивость российской власти. Сказывалась и более чем сдержанная позиция Великобритании. Английская сторона заговорила о «необходимости пересмотра» прежних программ поставок и даже выразила готовность принять часть заказов обратно (затем стала уклоняться от подобных перевозок под благовидными предложениями)³³.

Война создавала абсурдную финансовую ситуацию. Наиболее болезненно это сказывалось на России.

Нужда Временного правительства в американских кредитах возрастала: до 1 января 1918 г. требовалось еще 733 млн долларов, из которых почти пятую часть предполагалось потратить на посредничество и перевозки. Непосредственно в руки правительства поступало лишь 70 млн долларов. Примечательно, что посол Френсис предлагал правительству США соглашаться на эти кредиты, «чтобы у России не было повода не продолжать войну»³⁴. Риск обходился не слишком дорого: на долю России приходилась лишь десятая часть кредитов, отпущенных США союзникам³⁵.

18 августа 1917 г. Терещенко проинформировал российских послов в Париже, Лондоне, Вашингтоне о финансовом положении России. Он сообщил, что правительству предстояло изыскать до конца года 15 миллиардов рублей. Общая сумма государственного долга, составлявшая на 1 января 1917 г. 33,6 млрд рублей, к началу следующего года должна была вырасти до 60 млрд. При этом министр указывал на необходимость получения «нового крупного внешнего займа» как для заграничных расходов, так и для «удовлетворения потребностей внутри страны»³⁶.

К этому времени российские финансисты откровенно заговорили о «финансовом голоде»: денег выпущено чуть ли не в 10 раз больше, чем до войны, 14 млрд рублей находятся в обращении, а денег не хватает. В этих кругах считали, что министры-социалисты нагоняют инфляцию своими речами, и это походило на правду. Не оставалось ничего иного, кроме усиления косвенного налогообложения³⁷. А это еще больше подрывало доверие к власти.

Строго говоря, правительство оказалось в безвыходном положении: без заграничных кредитов оно не могло существовать; кредиты же могли предоставляться только при условии продолжения войны. 1 мая на совещании в Ставке М. В. Алексеев заявил, что союзники «с

³³ См.: Исторический архив. 1955. № 3. С. 168; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 495–498.

³⁴ Исторический архив. 1955. № 3. 171–172; Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 468.

³⁵ Экономическое положение России... Ч. 2. С. 552.

³⁶ Там же. С. 376–378, 412–413.

³⁷ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 86–88.

нами в настоящее время перестали, по-видимому, считаться»³⁸. Союзникам приходилось все же считаться с Россией, но она превращалась для них в обузу. Именно поэтому Временному правительству не удавалось ни получить необходимые кредиты от США, ни заставить Великобританию выполнять финансовые обязательства.

2.9.2. Хозяйственное положение страны и рабочий вопрос

Временное правительство рассчитывало на патриотический союз предпринимателей и общественности. В принципе, в граждански развитом обществе такое было возможно. Но российская социальная среда с ее взвинченными революцией патерналистскими ожиданиями менее всего была к этому готова.

Революция вынудила предпринимателей пойти на невиданные уступки, сомнительные с точки зрения экономической целесообразности. Еще 10–11 марта состоялось соглашение между Обществом заводчиков и фабрикантов и исполкома Петроградского Совета о введении 8-часового рабочего дня³⁹. Для проведения его в жизнь организовывались фабрично-заводские комитеты, а затем учреждалась сеть примирительных камер⁴⁰. 11 марта П. А. Пальчинский, заместитель министра А. И. Коновалова, на заседании Металлургического комитета заявил, что считает необходимым «опираться на все общественные организации, на все промышленные организации», поскольку без их сотрудничества невозможна организация обороны. Соответственно, был взят курс на превращение ВПК и Земгора в правительственные органы по закупке сырья⁴¹. Но организационно-производственные мероприятия натолкнулись на сопротивление социальной среды. Как результат, в феврале – марте из-за остановки предприятий Петроградского региона впервые снизилось производство трехдюймовых снарядов⁴².

Между тем надежды на поставки извне все менее оправдывались. К 1 июля 1917 г. в портах США, Англии, Франции скопилось 400 тысяч тонн уже закупленных Россией грузов, причем английская сторона смогла предоставить для их перевозки чуть более половины необходимого тоннажа. Вместо 1,5 млн тонн угля, обещанных на Петроградской конференции, англичане поставили только

³⁸ Зайончковский А. М. Мировая война 1914–1918 гг. Ч. 7. Кампания 1917 г. Приложение № 6. С. 134.

³⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 225, 236.

⁴⁰ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 248.

⁴¹ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 92–95.

⁴² Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 16.

800 тысяч тонн. Дело было не в их нерасторопности. Британской стороне было известно, что порты России забиты грузами, которые вряд ли будут вывезены в глубь страны и на фронт до конца года. Союзники не без оснований склонялись к тому, что требования Временного правительства по кредитам и поставкам становятся все более безрассудными⁴³.

Действительно, возложив надежды на помощь извне и пообещав в начале марта «соблюдать крайнюю бережливость в расходовании народных денег»⁴⁴, Временное правительство не смогло заручиться поддержкой отечественных финансистов. Последних возмущали многие начинания власти: уголовное преследование за вывоз валюты из России, запрет на ее продажу внутри страны, а также пересылку и ввоз из нейтральных стран русских ценных бумаг⁴⁵. Отыскать оптимальную форму взаимодействия государства и частного капитала не удавалось. С другой стороны, сбалансировать экспортные поставки и нужды отечественных производителей можно было только при условии жесткого регулирования внутреннего производства и потребления, но такая перспектива становилась все более сомнительной.

23 апреля при Министерстве финансов было учреждено Совецание для разработки плана финансовых преобразований, включавшее в свой состав и представителей Советов (7 мест из 35). Однако результатов его деятельности не было заметно. Реформаторские начинания сковывались боязнью финансовой паники. Коалиционное правительство как будто отважилось на более активное обсуждение финансового вопроса. В результате высшая ставка налогообложения была повышена с 12,5 до 30,5%, из обложения были исключены доходы, не превышающие 1 тысячи рублей. Современники считали, что ставки подоходного налога, объявленные Временным правительством в июне, «лягут более справедливо на население». Однако беднейшее население не желало этого замечать, а предприниматели жаловались, что такие налоги грозят гибелью многих производителей⁴⁶.

Но при этом правительство сдерживало попытки местной общественности и самоуправлений контролировать деятельность отделений крупных банков (что удавалось не всегда). МВД дважды (в июне и октябре) напоминало губернским комиссарам об ограждении банков от «самоуправства», попытки нарушить коммерческую тайну

⁴³ См.: Исторический архив. 1955. № 3. С. 169–170; Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 469, 474, 474; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 553–554.

⁴⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 11 марта.

⁴⁵ Ананьич Б. В. Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX – начале XX веков: к истории развития производительных сил // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 22.

⁴⁶ Кравцова Е. С. Указ. соч. С. 93.

рассматривались как покушение на устойчивость денежного хозяйства страны⁴⁷. Но возбужденная общественность все настойчивее требовала контроля над «непомерными доходами капиталистов». В этом был свой резон: банки занимались валютной спекуляцией, капиталисты переводили деньги за границу из предосторожности.

В конце марта на Всероссийском совещании Советов был озвучен альтернативный план «планомерной организации народного хозяйства и труда» В. Г. Громана. Меншевицкий теоретик исходил из подчинения интересов предпринимателей и рабочих «интересам общегосударственным». Предусматривалось установление всестороннего контроля над промышленностью с помощью центрального регулирующего органа. Правительству предлагалось «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав ее производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства»⁴⁸. Но все это было под силу только уверенной в себе власти, а не правительству, беспомощно колеблющемуся под нарастающим давлением противоположных сил – предпринимателей и рабочих. Между тем представители старого поколения снабженцев именовали Громана «демагогом большевистского типа»⁴⁹.

Революция приоткрыла возможности активизации науки, хотя, конечно, кардинально изменить ситуацию в народном хозяйстве это не могло. Были разработаны проекты уставов институтов физико-химического анализа и изучения платины и других благородных металлов. В химической лаборатории Петроградского университета велись работы по усовершенствованию методов выделения платины и платиновых руд. Продолжилась разработка методов получения специальных ферросплавов⁵⁰. В июне 1917 г. В. И. Вернадский писал А. Е. Ферсману о том, что медленно, но продолжается «работа творческая среди разрухи ужасающей»⁵¹. Ситуацию в народном хозяйстве определяли отнюдь не ученые.

При вступлении в коалиционное правительство меньшевики и эсеры, казалось бы, настояли на включении в правительственную декларацию собственных принципов государственного контроля над хозяйственной деятельностью. Однако при редактировании текста декларации 6 мая буржуазные министры, по словам Милюкова, превратили весьма «эластичные советские формулы» в «еще более неопределенные». Так, требование государственного контроля над промышленностью и торговлей было представлено как

⁴⁷ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 89–90, 301; Экономическое положение России... Ч. 1. С. 227–228.

⁴⁸ Всероссийское совещание Советов. М.; Л., 1927. С. 203.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 131.

⁵⁰ Кольцов А. В. Указ. соч. С. 44–45.

⁵¹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 285.

обещание «дальнейшего планомерного проведения» уже применявшихся мер⁵². Предложения о государственном регулировании оказались выхолощены.

В складывающихся условиях предприниматели пытались занять своего рода круговую оборону, сопротивляясь натиску рабочих и увещеваниям власти. Еще в марте Петроградское общество заводчиков и фабрикантов взяло курс на проведение единой линии по всем вопросам рабочей политики. Основой «классового мира» должно было стать установление потолка прибылей и даже демонстративный отказ от них. Эту мысль высказал, выступая 14 апреля на Московской бирже, А. И. Коновалов. Он искренне считал, что «моральное значение проведения декрета о лимитации прибылей» станет «убедительным доказательством готовности торговли и промышленности нести все возможные жертвы для общего блага, доказательство, парализующее появление новых требований». Министр рассчитывал, что этого будет достаточно для «согласования справедливых интересов различных классов и подчинения этих интересов государственному и общественному благу»⁵³.

Заявление это следует отнести к числу утопий того времени. Не только рабочие, но и промышленники были убеждены, что их обирает та сторона, которую ей прочат в социальные партнеры. Сомнительно, что «моральный пример» буржуазии мог вдохновить рабочих: уже в мае обнаружили случаи, когда заводчики отказывались от решений примирительных камер и закрывали предприятия⁵⁴. К тому же сами предприниматели так и не смогли сговориться между собой относительно ограничения прибылей⁵⁵.

Еще в середине марта промышленники заговорили о том, что введение восьмичасового рабочего дня приведет к падению производительности труда на 20%, а между тем рабочие требуют прибавки на 200–400%. Никакие примирительные камеры решить этот вопрос не могли, тем более, что рабочие угрожали предпринимателям самосудом⁵⁶. Проблема могла быть решена только на уровне государственной власти.

В правительственных кругах завязалась дискуссия о формах и пределах государственного вмешательства в экономику⁵⁷. В резуль-

⁵² Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. София, 1921. С. 113.

⁵³ Речь министра торговли и промышленности А. И. Коновалова при посещении Московской биржи 14 апреля 1917 года. Пг., 1917. С. 2.

⁵⁴ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 447–448.

⁵⁵ См.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 316–317, 320.

⁵⁶ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 354, 356, 367, 418, 449.

⁵⁷ См.: Речь. 1917. 13, 19 мая; Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 69.

тате «демократизация» народного хозяйства обернулась созданием «новых комитетов по ряду важнейших товаров» и расширением их компетенции вплоть до права нормирования цен⁵⁸. Между тем в Союзе городов был выработан более радикальный план регулирования экономики с помощью единого руководящего центра⁵⁹. Примечательно, что в мае 1917 г. нечто подобное предлагал прибывший в Петроград британский министр труда лейборист А. Гендерсон⁶⁰. Сходным образом был настроен и исполком Петроградского Совета⁶¹. Однако Коновалов опасался отпугнуть предпринимателей, хотя те заведомо не были согласны с его предложениями⁶².

На состоявшейся в конце апреля – начале мая 1917 г. конференции промышленников юга России было решено категорически отвергнуть требования о повышении заработной платы. Горно-промышленники Урала также заявляли, что требования рабочих превышают «всякий разумный предел». Чтобы заручиться поддержкой власти, Петроградское общество заводчиков и фабрикантов представило в начале мая правительству докладную записку, содержащую обобщенные данные о перерасходе или исчерпании средств на «типичных» предприятиях в результате повышения заработной платы. Предприниматели подумывали также о создании особого фонда для поддержки своих членов в случае затянувшихся конфликтов с рабочими. В результате хозяева предприятий все чаще стали отказываться от договоренности с рабочими до выяснения точки зрения руководителей своих объединений⁶³. Все это негативно сказывалось на промышленном производстве.

Снижение производительности труда продолжилось. В то время как численность рабочих в 1917 г. возросла на 3,6%, общий объем валовой продукции упал на 44,2%, а выработка на одного рабочего сравнительно с предыдущим годом снизилась на 41,5%. В целом валовая продукция сократилась на четверть, а выработка рабочего – на треть от довоенной. Годовое производство вооружений превосходило довоенный уровень лишь на 229,3%. Все это происходило несмотря на то, что предприятия, работавшие на оборону, были теснее всего связаны с банковским капиталом и являлись наиболее организованным сегментом всей промышленности⁶⁴. Заводы по-

⁵⁸ Цит. по: *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. С. 59–60.

⁵⁹ *Кондратьев Н. Д.* Указ. соч. С. 81.

⁶⁰ *Миллюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1. С. 194.

⁶¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Протоколы заседаний исполнительного комитета и бюро ИК. М.; Л., 1925. С. 150.

⁶² Экономическое положение России... Ч. 2. С. 460.

⁶³ См.: *Волобуев П. В.* Пролетариат и буржуазия России... С. 164–165; Экономическое положение России... Ч. 1. С. 166–168; Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. М., 1959. С. 340.

⁶⁴ *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России... С. 353–354, 359.

стоянно не справлялись с оборонными заказами⁶⁵. С середины лета деятельность Особого совещания по обороне свелась к раздаче дополнительных авансов при отсутствии каких-либо гарантий со стороны производителей.

Ни власть, ни предприниматели не знали, как спасти положение. Оставшийся не у дел А. И. Гучков в мае в частных беседах делал безрадостные прогнозы: «...Гибель промышленности, финансовый крах, армия в виде гигантского трупa, сепаратный мир, развал России на отдельные части, возвращение войск при демобилизации – бурное, беспорядочное, стремительное, перед которым побледнеют все ужасы великого переселения народов...»⁶⁶. На заседаниях Главного экономического комитета говорили о «хаотическом состоянии» контроля над производством, о «ненормальности» позиции, занятой Министерством торговли и промышленности, уклоняющимся «от наблюдения за промышленностью». На Всероссийском продовольственном съезде отмечалось, что никто не знает, «сколько есть готового железа» в стране, так как фактический учет его на заводах и особенно на частных складах отсутствует. Правительство теряло представление о ресурсах и возможностях страны. Заказы на металл стали распределяться через сложившиеся монополистические образования⁶⁷, вовсе не заинтересованные в прозрачности своей деятельности. Вряд ли все это создавало новые производственные стимулы.

Угрожающее положение сложилось в топливной области. В России 50,7% всего топлива составлял донецкий уголь, 20% – нефть, 23,4% и 2% – торф и местный уголь. Между тем добыча угля в Донбассе в 1917 г. оказалась ниже намеченного плана вывозки. Вместо 24 млн пудов жидкого и 15 млн пудов твердого топлива, полученного в 1916 г., текстильная промышленность Центрального района вынуждена была довольствоваться 10-ю млн пудов жидкого и 8-ю млн пудов твердого топлива. При этом в Донбассе неуклонно росла численность рабочих. Возникли трудности в снабжении Петрограда и Москвы дровами – их вывозили из Финляндии преимущественно водным путем. А железные дороги, напротив, не желали использовать дрова, предпочитая незаконно реквизировать перевозимое топливо. «Вся эта нехватка топлива должна повести к сокращению фабрично-заводских работ до 2–3 дней в неделю... При таком обороте дел следует предвидеть полное разрушение одной из немногих отраслей промышленности, успешно справлявшихся с удовлетворением громадных потребностей, предъявлен-

⁶⁵ См.: Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 234, 250, 260, 261, 265, 270, 272, 287, 291, 317, 327, 333, 409, 565.

⁶⁶ Богословский М. М. Указ. соч. С. 365.

⁶⁷ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 92; Экономическое положение России... Ч. 1. С. 289.

ных беспримерной войной», — сообщали московские текстильные магнаты⁶⁸. Разумеется, здесь не обошлось без преувеличений, однако угроза массовой безработицы в центре страны становилась реальной.

Неуклонно ухудшалось положение на транспорте. За первую половину 1917 г. было погружено примерно на 70 тысяч вагонов меньше, чем за тот же период прошлого года. Количество «больных» паровозов выросло с 15–16 до 25% — на их ремонт попросту не хватало металла. Уменьшились запасы угля на дорогах. Проблему усугубила частная организация «Централес», которая, используя правительственную ссуду в 15 млн рублей, смогла поставить железным дорогам лишь треть запланированного количества дров. Министр путей сообщения Н. В. Некрасов назвал положение на транспорте «угрожающим». Впрочем, некоторым предпринимателям казалось, что сам Некрасов с его призывами «демократизировать железнодорожное дело» представляет угрозу для транспорта⁶⁹. Так, по некоторым данным, в комитетах железнодорожников состояло 6 000 служащих, их отсутствие на месте работы во время всевозможных съездов обходилось в сумму около 11 млн рублей⁷⁰.

Справедливости ради следует заметить, что в 1917 г. взаимосвязь транспортных и топливных неурядиц не менее остро ощущалась и в Австро-Венгрии. Эта проблема системного уровня также была связана со слабостями управления (несстыковками в действиях австрийских и венгерских властей). Исправить положение в данном случае также вряд ли было возможно⁷¹. Архаичные империи страдали одними и теми же болезнями.

В августе 1917 г. С. Н. Ванков попытался создать Бюро объединения заводов, изготавливающих снаряды по заказам уполномоченного ГАУ, Земгора и Центрального военно-промышленного комитета. Но воспротивился А. И. Гучков, опасавшийся «поглощения ЦВПК новой организацией». Интересы государства и общественности вновь столкнулись, бюро создать не удалось⁷². В условиях фрагментации общественно-организационных структур всякие попытки монополизации снабжения вооружениями делались невозможными.

⁶⁸ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 272; Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 523, 538, 397.

⁶⁹ См.: Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 169–170, 188; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 218, 233.

⁷⁰ Отчет о московском совещании общественных деятелей. С. 106–107. Следует, однако, учитывать, что в комитетах обычно преобладали не железнодорожники, а конторщики, фельдшеры и т.д. (Там же. С. 124). Преобладание служащих правлений железных дорог обнаружилось еще в апреле 1917 г. на Всероссийской конференции по организации железнодорожного союза. См.: Борьба за массы в трех революциях в России. С. 172–173.

⁷¹ Schilze M.-S. Op. cit. P. 88–90.

⁷² Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 16.

Жалобы промышленников на «непомерные» требования рабочих, на падение дисциплины производства не прекращались. Тем не менее прибыли предпринимателей в некоторых отраслях оставались высокими, что становилось известным общественности. Так, по 45 предприятиям текстильной отрасли, располагавшим капиталом в 83,5 млн рублей, чистая прибыль составила 49 миллионов, то есть превысила 50%. Двадцать пять мануфактурных предприятий с капиталом в 94 млн рублей получили 39 млн чистой прибыли. В оборонной промышленности доходы также оставались весьма высокими⁷³. В сущности, при более низком уровне прибыли российские предприниматели не умели работать. Однако менее всего это принимали в расчет рабочие, морально поддерживаемые значительной частью общества.

12 июня, после того, как закончилась выдача дивидендов за очередной финансовый год, был узаконен новый порядок налогообложения цензовых элементов. Дореволюционные ставки подоходного налога выросли в 1,5–2,5 раза. Обложению подлежал и прирост прибыли за 1916 или 1916/17 операционные годы. Был введен и новый – единовременный – налог. Правда, его можно было уплачивать в рассрочку – первая треть должна была быть внесена к 1 декабря 1917 г.⁷⁴ Все это воспринималось бизнесом как покушение на частнопредпринимательскую инициативу.

По мнению деловых людей, шкала прогрессивного налога стала неприемлемой. Последовал отток капиталов за границу. Он стимулировался и тем, что российские частные банки оказались в зависимости от государства: податные инспектора получили право запрашивать их о состоянии счетов клиентов. Как результат, сократилось чековое обращение. Цена золота в слитках, в значительной степени определявшая стоимость кредитного рубля, упала с 10–11 рублей за золотник до 14–15 рублей – предприниматели ожидали введения госмонополии на золото⁷⁵.

Сразу после прихода к власти Временное правительство осуществило крупную эмиссию денег. В апреле эмиссия снизилась до дореволюционного уровня. Затем ее темпы выросли, превзойдя дореволюционные показатели почти в четыре раза. Стали даже задумываться о печатании рублей за границей⁷⁶. Средняя годовая заработная плата рабочих Центрально-Промышленного района возросла с 483 до 1 197 рублей.⁷⁷

⁷³ Арский Р. Военные прибыли // *Летопись*. 1917. № 1. С. 279–280, 282.

⁷⁴ Экономическое положение России... Ч. 2. С. 400–405.

⁷⁵ Аничков В. П. Указ. соч. С. 46.

⁷⁶ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 356–357.

⁷⁷ Федоров А. Н. Социальные аспекты мобилизационной экономики в годы Первой мировой войны (на материалах Центрально-Промышленного района) // *Мобилизационная модель экономики*. С. 309.

Не удивительно, что в связи со всем этим деньги переставали работать. Кредитных билетов не хватало, стремление осуществлять расчеты наличными росло. Если до революции вклады во всех банках росли, то теперь последовал отлив денег как из частных банков, так и из сберегательных касс⁷⁸. Предприниматели занялись припрятыванием крупных купюр, они стали исчезать из обращения⁷⁹. Пришлось выпускать печально знаменитые «керенки» достоинством в 20 и 40 рублей. Но и этого оказалось недостаточно. Появились так называемые «зеленые деньги» – купюры достоинством в 250 и 1000 рублей (дурные по исполнению, называемые иногда «баней» из-за изображения Таврического дворца на месте портрета императора). Крестьяне принимали их неохотно, предпочитая накапливать царские деньги⁸⁰.

Финансовая напряженность по-своему нагнеталась большевиками. 20 июня 1917 г. на заседании столичного комитета РСДРП(б) говорилось, что многие петроградские заводчики, «чувствуя, что переход власти к пролетариату и крестьянству неизбежен, отправляют свои капиталы за границу»⁸¹. Впрочем, это было секретом Полишинеля: о том же иной раз писала буржуазная печать. Запрещение денежных переводов за границу без специального разрешения Министерства финансов, последовавшее в начале июня, уже не спасало положения.

Несомненно, новая власть получила дурное хозяйственное наследство. Однако готовности переломить ситуацию в верхах не наблюдалось. Впрочем, дело было не только в готовности, но и в способности.

Война требовала увеличения выпуска вооружений и соответствующей модернизации производства. На Западе это удавалось благодаря относительно согласованной работе правительства и предпринимателей. В России инновационной активизации отечественной буржуазии не наблюдалось. Приходилось надеяться на патристическую «сознательность» пролетариата. Еще 8 марта 1917 г., выступая в московском Совете, Керенский заговорил о том, что пролетариат должен стать «хозяином страны», заставив призадуматься людей свободных профессий⁸². Керенский говорил по-своему искренне: ранее в Петроградском Совете он заявлял о своем «пролетарском существе»⁸³. В условиях революции, почитаемой «буржуазной», собственно буржуазия чувствовала себя все более неуютно.

⁷⁸ Прокопович С. Н. Указ. соч. С. 112–113.

⁷⁹ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 350–351.

⁸⁰ Аничков В. П. Указ. соч. С. 45, 55

⁸¹ Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г. М.; Л., 1927. С. 190.

⁸² Окунев Н. П. Указ. соч. С. 23.

⁸³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 117.

На январь 1917 г. в фабрично-заводской промышленности Петрограда и его окрестностей было занято более 400 тысяч человек, из них на металлообрабатывающих заводах – 237 тысяч, причем 132 тысячи из них – на 14 заводах-гигантах (на одном Путиловском их было 26 тысяч). Основная масса столичного пролетариата работала на оборону. Продолжалась концентрация рабочей силы: если в 1914 г. в Петрограде было 33 завода с численностью рабочих свыше тысячи, то к 1917 г. таких предприятий насчитывалось уже 72⁸⁴. За годы войны численность металлистов выросла на 400%, рабочих-химиков – на 250%. Наряду с металлистами достаточно многочисленными были текстильщики (44 тысячи), представленные преимущественно женщинами. Впрочем, даже среди металлистов численность последних выросла в 10 раз, составив пятую часть всех занятых на производстве.⁸⁵ Столичный пролетариат не просто «феминизировался», он становился все более нетерпеливым.

Раздраженные требованиями восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы, представители металлургических и военно-промышленных предприятий пытались оказать давление на Временное правительство. 10 мая председатель Совета съездов представителей промышленности и торговли Н. Н. Кутлер сделал министрам заявление о «тяжелом положении, в котором оказались фабрики и заводы вследствие непомерных требований, предъявляемых рабочими». По его словам, в случае их удовлетворения предприниматели юга России потерпят такие убытки, что придется остановить производство. По мнению Кутлера, необходимо «немедленное и самое энергичное вмешательство правительства» в урегулирование вопроса о заработной плате, чтобы остановить ее дальнейший рост. В противном случае поддержание производства сделается невозможным⁸⁶. Эта речь стала неожиданностью не только для министров-социалистов, но и для кадетов.

Но у рабочих был свой взгляд на происходящее. Под давлением Союза рабочих-металлистов петроградскому Обществу заводчиков и фабрикантов пришлось согласиться на заключение общего тарифного договора. Затем последовали бесконечные споры относительно расценок различных категорий рабочих. Лишь после двукратного решения третейского суда (от 14 июня и 10 июля) предприниматели согласились принять тарифный договор в целом. Однако многие из них в знак протеста против этого решения вышли из Общества⁸⁷.

⁸⁴ Материалы по статистике труда Северной области. Вып. 1. Пг., 1919. С. 10.

⁸⁵ См.: Труды ЦСУ. Т. 26. Вып. 1. С. 374–413.

⁸⁶ См.: Экономическое положение России... Ч. 1. С. 166–170.

⁸⁷ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 году. М., 1964. С. 170–171.

По некоторым данным, рост заработной платы столичных рабочих сопровождался падением их реальных доходов⁸⁸. В Петрограде реальная зарплата рабочих была выше общероссийской. Так, номинальный заработок металлистов составлял к октябрю 300 рублей в месяц, причем у квалифицированных рабочих оборонных заводов он доходил до 385 рублей. Но столица отличалась дороговизной, а потому даже номинально высокие доходы не могли вполне удовлетворить рабочих⁸⁹. Металлисты оставались наиболее радикальной частью пролетариата. Рабочие столицы отличались довольно высоким образовательным уровнем: 88% грамотных среди рабочих, 56% – среди работниц. При этом удельный вес неквалифицированной массы (женщины, молодежь, сезонники) доходил до 60%⁹⁰. Оплата труда квалифицированного рабочего могла быть в пять раз выше неквалифицированного. К 1917 г. реальная заработная плата большинства рабочих столицы составляла 70–75% довоенной⁹¹. Но дело было даже не в рублях, а в растущем ощущении обесценивания своего труда.

Революция неминуемо должна была усилить ведомственную неразбериху. Само по себе существование таких ведомств, как Министерство торговли и промышленности (возглавляемое умеренными элементами) и Министерство труда (руководство которого находилось под сильным давлением социалистов), создавало конфликт, способный приобрести общероссийскую масштабность⁹². Особо сложную проблему составляли железнодорожники, требовавшие перехода на почасовую или поденную оплату, что могло полностью парализовать ремонтные работы⁹³. Печальный опыт уже был: на одном из заводов после перехода на поденную оплату производительность труда упала на 36%, а количество брака выросло с 5 до 50%⁹⁴.

При этом российские пролетарии все менее склонны были верить социалистам. «Когда мы совершали революцию, – вспоминал рабочий главных мастерских Северо-Западной железной дороги С. Туманов, – мы мало обращали внимание на партийность... Нам дорог был момент закрепления революционной борьбы за рабочим классом». Позднее столичные рабочие признавались, что не имели представления о партиях, но зато были «настроены против цариз-

⁸⁸ Rosenberg W. G. Russian Labour and Bolshevik Power after October // *Slavic Review*. Vol. 44. no. 2. Summer 1985. P. 216.

⁸⁹ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России. С. 222–223.

⁹⁰ Smith S. A. Red Petrograd: Revolution in the Factories. 1917–1918. Cambridge, 1983. P. 36.

⁹¹ См.: Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987. С. 9–20.

⁹² Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 29, 63.

⁹³ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 171.

⁹⁴ Русская свобода. 1917. № 18–19. С. 20.

ма и войны»⁹⁵. Это и определяло их поведение – порой «излишне» эмоциональное. В Москве жаловались, что рабочие «врываються в типографии, печатают свои листки, портят машины и вообще желают быть также цензорами всего печатающегося в газетах». Представители интеллигенции признавались, что «со страхом смотрят на рабочих (они могут теперь сделать много злого)»⁹⁶.

На заводском уровне периодически воцарялась власть импульсивной пролетарской толпы. К примеру, после июньских событий в Петрограде совет старост металлургического завода в Таганроге постановил «арестовать директора завода и одного акционера» и держать их взаперти до тех пор, пока не будет выплачена зарплата⁹⁷. В столице в связи с перебоями в снабжении представители администрации то и дело подвергались насилию. Уничтожительные для начальства формы «классового протеста», заимствованные из репрессивных практик деревенской жизни, как правило, инициировались женщинами⁹⁸.

Шло интенсивное формирование «антибуржуйского» сознания. Так, 27 марта резолюция московских рабочих фабрики «Бромлей» требовала «не допустить печатания бумажных денег», а для того, чтобы покрыть расходы государства, «отобрать у фабрикантов и заводчиков все их барыши, накопленные во время войны...». 19 апреля рабочие завода «Изолятор» решили потребовать от хозяина в случае, если он не примет их экономических требований, «отказаться от владения заводом»⁹⁹. Рабочие, подобно крестьянам, признавали лишь две формы взаимоотношений с «хозяином»: подчинение и бунт. Строить взаимоотношения на основах партнерства они не умели. Впрочем, «антибуржуйские» настроения захватили даже часть провинциальной кадетской интеллигенции¹⁰⁰.

После Февраля возникло множество карликовых профсоюзов – их образовывал каждый заводской цех. Возможно, здесь сказалось не только ощущение ремесленно-артельной общности, но и земляческий фактор¹⁰¹. В течение двух месяцев было образовано около 2 тысяч союзов, что свидетельствовало о «зауженности» социальных интересов. К июню они объединяли 1,5 млн человек¹⁰².

⁹⁵ Цит. по: Соболев Г. Л. Пролетарский авангард в 1917 году. СПб., 1993. С. 96, 97.

⁹⁶ Андреева-Бальмонт Е. А. Указ. соч. С. 405.

⁹⁷ ГА РО. Ф. 3750. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 23, 24

⁹⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 150, 152.

⁹⁹ Розенталь И. С. Большевики и российское общество // Политические партии и общество в России. С. 17.

¹⁰⁰ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 295.

¹⁰¹ См.: White J. D. The Sormovo-Nikolaev Zemlyachestvo in the February Revolution // Soviet Studies. Vol. 31. No. 4. 1979. P. 479–504; Hickey V. C. Urban Zemliachestva and Rural Revolution: Petrograd and the Smolensk Countryside in 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1996. Vol. 23. No. 2. P. 144–151.

¹⁰² Рабочее движение в 1917 г. М.-Л., 1926. С. 83, 84.

Карликовые союзы оказались под началом фабзавкомов, которые, в свою очередь, вырастали из стачкомов. Фабзавкомы поначалу занялись удалением «контрреволюционной» администрации – под последней понимались слишком требовательные начальники. После этого стачкомы при поддержке цеховых союзов стали выдвигать экономические – порой совершенно фантастичные – требования.

Кое-где рабочие пытались самостоятельно, игнорируя любую политическую поддержку, «договориться» с владельцами. Даже Советы (куда порой скопом вливались представители фабзавкомов) казались им «чужими» организациями,¹⁰³ не говоря уже об отраслевых профсоюзах, где засели интеллигенты-социалисты (чаще меньшевики), подозреваемые в готовности сговориться с хозяевами за спиной рабочих. В пролетарской среде давали о себе знать отголоски крестьянской политической культуры. Все это вряд ли способствовало задачам модернизации производства.

Особо острым становился рабочий вопрос в столице. К лету выяснилось, что петроградской промышленности, почти целиком работавшей на оборону, грозит коллапс, связанный с нехваткой топлива. Правительство настаивало на «разгрузке» Петрограда от «лишнего» населения. Предполагалось отстранить от производства женщин и детей, удалить военнообязанных на фронт, «изъять из обращения 100 000 желтых рабочих, 237 000 жен-солдаток, 72 000 беженцев, 10 000 студентов, 26 000 обитателей богаделен, 25 000 больных из лазаретов», а также «удалить мародеров, спекулянтов, проституток», а заодно очистить 1000 квартир, используемых как дома свиданий. Эта «рациональная» мера могла вызвать взрыв социального недовольства. Не случайно на эту «буржуазную» меру сразу же ополчились представители профсоюзов, заговорившие о том, что вместо «бюрократического решения вопроса» следует добиваться прекращения империалистической войны и установления «регулирования и контроля всего производства государственной властью» в лице Советов¹⁰⁴.

Архаичные формы социального протеста в «социалистической» оболочке поразительно легко захватили сознание «передового» пролетариата. Но проблема состояла даже не в этом. «Классово-антагонистичной» истерии нечего было противопоставить. Идея «справедливости», незримо витавшая над социальными безобразиями 1917 г., казалось, парализовала всякий здравый смысл.

¹⁰³ Кукушкин С. Московский Совет в 1917 г. М., 1957. С. 77.

¹⁰⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 257–264.

2.9.3. Крестьяне и проблема продовольственного снабжения

В патерналистских системах ни одна социальная проблема не может быть решена с абстрактно доктринальных позиций. Любую управленческую идею надо переводить на язык привычных форм власти-подчинения – даже при крайней истощенности народа прежними формами государственного насилия. Казалось, что легче всего это сделать в России с помощью различных форм земского «самообложения». Но мог ли включиться этот механизм в условиях подготовленного психологией войны «грабежа награбленного»?

Временное правительство поддержало прежний курс на усиление вмешательства государства в сельскохозяйственное, особенно зерновое, производство. 25 марта 1917 г. появилось постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства», в мае власть приступила к учету хлебных посевов. Были подтверждены ранее установленные «твердые» закупочные цены, более или менее соответствующие рыночным. Крестьяне поначалу восприняли это со сдержанным оптимизмом. Однако события стали развиваться не в пользу государства. Возникла психологическая ситуация, когда всякий «неверный» шаг власти порождал рост отчуждения от государства.

В верхах это понимали. В апреле 1917 г. министр земледелия А. И. Шингарев, выступая в Ростове-на-Дону на областном продовольственном съезде, заявил: «Обеспечьте страну хлебом, и вы обеспечите свободу... Надвигается голод. Родина на краю гибели... Устройте героические усилия, чтобы спасти страну от надвигающейся катастрофы. Перед нами судьба старого режима. Не повторим его опыт»¹⁰⁵. Но не повторять ошибок старого правительства, следуя его методом, вряд ли было возможно.

Временному правительству пришлось официально признать крестьянские организации, издав 21 апреля постановление «Об учреждении земельных комитетов» для подготовки земельной реформы, причем комитетам волостного уровня отводилась заведомо подчиненная роль¹⁰⁶. Этой акцией правительство рассчитывало поставить под свой контроль организации, созданные по инициативе крестьян. Получалось нечто противоположное. Крестьянские комитеты ополчились против всех «чужих».

Совсем недавно община изгоняла из своей среды лиц, отмеченных «дурным поведением» – число их особенно возросло в годы войны¹⁰⁷. Теперь начался обратный процесс – пришлый элемент во все большей степени стал определять поведение и ценностные

¹⁰⁵ Вестник Временного правительства. 1917. 23 апреля.

¹⁰⁶ См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 327–331.

¹⁰⁷ Бакулин В. И. Указ. соч. С. 83.

ориентации деревни. Уже в марте крестьяне под руководством солдат кое-где пытались разграбить винные склады и имения¹⁰⁸. Смоленский губернский комиссар А. М. Тухачевский сообщал в МВД, что под влиянием солдат «крестьяне захватывают землю, вырубают леса, насильно удаляют из экономий рабочих и прислугу»¹⁰⁹. Врагами крестьян становились все, кто шел по пути утверждения справедливости в их собственном понимании. Прежде всего обнаружилось их нежелание платить за привычную аренду¹¹⁰. Возможно, на политические пристрастия деревни повлияла позиция Петроградского Совета, в заседаниях которого звучали заявления о необходимости посылки в деревню пропагандистов, которые «боролись бы с земством»¹¹¹. «Довольно с нас этих земствов! – заявляли общинники. – ...Мало они нашего брата околпачивали!». Впрочем, получив разъяснения, что чиновников не будет, соглашались: «...Коли так, тогда совсем другое дело!...»¹¹². Подчас уездное земство ассоциировалось с ненавистным чиновничеством – отсюда стремление отдельных волостей к «независимости»¹¹³. Но были и другие настроения: «Временному правительству подчинялись..., что же касается земства, то таковое мы совершенно не желаем»¹¹⁴. Крестьянское недовольство далеко не сразу распространилось на высшую власть. Представители Могилевского крестьянского Совета в мае 1917 г. назвали Керенского «апостолом революции» и «освободителем крестьянства»¹¹⁵.

Крестьяне рассчитывали на «свою» власть, ее институциональная форма была им безразлична, однако они охотно подхватывали подходящие им политические лозунги. Соответственно подстраивались и сакральные установки. Собираясь после Февраля на молебны с красными знаменами, крестьяне требовали от священников провозглашения многолетия Временному правительству, запрещаая называть Христа «царем небесным»¹¹⁶. Бог казался теперь революционером, освободившим бедняков от «поработителей» в

¹⁰⁸ Ямщиков С. В. «Человек с ружьем» и крестьянство Тверской губернии в 1917 году // История крестьянства России. СПб., 2000. С. 95.

¹⁰⁹ Ильухов А. А. Люмпенизация населения в российской провинции в 1917 году (К вопросу об особенностях общественного сознания и классовой борьбы) // Академик П. В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 1999. С. 300, 303.

¹¹⁰ Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 193–197.

¹¹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 212.

¹¹² Наживин И. В. Записки о революции. Вена, 1921. С. 22.

¹¹³ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере... С. 225.

¹¹⁴ Судацов Н. Д. Ставропольское земство в революциях 1917 года. М.; Ставрополь, 1999. С. 129.

¹¹⁵ Булдаков В. П. Красная смута. С. 128, 394.

¹¹⁶ Емелях Л. И. Указ. соч. С. 64, 71.

лице Романовых¹¹⁷. Не случайно иные крестьянские съезды в первой половине апреля 1917 г. призывали «конфисковать имущество и капиталы бывшего царя..., назначить самый строгий суд с высшей мерой наказания»¹¹⁸. Разумеется, все это не затрагивало их авторитаристских представлений и вполне сочеталось с прагматичными прикидками относительно власти, которая позволит хозяйствовать по-своему¹¹⁹.

Крестьянин оценивал перспективы государственности с позиций доступа – общинного или личного – к «общенародным» земле и угодьям. В Таврической губернии у крестьян первым делом появилось желание «убрать немца», т.е. прибрать к рукам добро колонистов¹²⁰. Здесь же среди крестьян распространилось убеждение, что, поскольку старой власти нет, то отпадают все прежние налоги, в частности, государственный подоходный налог. В Курской губернии число заявлений о доходах налогоплательщиков резко снизилось, и в конечном счете удалось собрать лишь 36 % ожидаемых поступлений¹²¹.

Симптоматичны попытки воспрепятствовать заготовке дров для города или завода на казенных дачах; подобная рачительность сочеталась с разгромами винокуренных заводов, продовольственных лавок и убийствами помещиков, не говоря уже о порубках леса¹²². Хозяйственная прижимистость оборачивалась воровской разнузданностью: хватали все, что «плохо лежит». Отбирали земли и у монастырей, и у церковных причтов¹²³. Последовали аресты лиц, признанных «вредными для общества», и даже захваты земель и скота у кулаков и помещиков¹²⁴. Некоторые частновладельческие хозяйства с выгодой для себя использовали созданную войной производственно-торговую конъюнктуру¹²⁵. А некоторые землевладельцы готовы были добровольно и безвозмездно передать землю

¹¹⁷ *Figes O., Kolonitskii B.* Op. cit. P. 134.

¹¹⁸ См.: Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.); Томск, 1991. С. 35.

¹¹⁹ Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 268.

¹²⁰ *Волконский С.* Мои воспоминания. Родина. Ч. III. Берлин, б/г. С. 224.

¹²¹ *Кравцова Е. С.* Указ. соч. С. 92.

¹²² См.: *Луговкин А. А.* Народ и власть в Тверской губернии в марте – апреле 1917 г. // Из архива тверских историков. Вып. 1. Тверь, 1999. С. 105–106, 102; *Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н.* Указ. соч. С. 125–144, 148, 149, 151, 152, 158, 175, 176, 186–188, 202; *Сафонов Д. А.* Указ. соч. С. 193–200.

¹²³ *Шнайдер Д. М.* Крестьянское движение в Башкирии накануне Великой Октябрьской социалистической революции (февраль – октябрь 1917 г.) // Ученые записки Башкирского университета. Вып. 1. Уфа., 1957. С. 47, 50; *Ильюхов А. А.* Революция 1917 года на Смоленщине. С. 98.

¹²⁴ См.: *Ильюхов А. А.* Революция 1917 года на Смоленщине. С. 54, 56, 66, 82, 91.

¹²⁵ *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. С. 183.

Временному правительству¹²⁶. Разумеется, их прибыли раздражали крестьян.

В мартовские дни по некоторым уездам прокатилась волна переизбраний низовой администрации, сопровождавшаяся избиваниями и арестами волостных старшин. Хотя имеются свидетельства, что там, где укоренилось земство, сельские жители вели себя спокойнее¹²⁷, развитие ситуации определяло стремление к избавлению от начальников, не уживавшихся с сельским сходом. Фактически власть переместилась к волостным комитетам. И если поначалу в них избирали представителей сельской интеллигенции, духовенства, кооператоров, помогавших сориентироваться в обстановке, то скоро они превращались в чисто крестьянские организации¹²⁸. Позднее, 15 августа, на Государственном совещании кн. Кропоткин заявил, что переустройство России, совершаемое «без инициативы сверху», породило массу всевозможных организаций, создавших «волостной патриотизм взамен российского патриотизма»¹²⁹. В устах теоретика анархизма такое заявление особенно впечатляло.

В деревнях потребляющей полосы крестьянские комитеты первым делом занялись учетом наличного хлеба. В Сычевском уезде Смоленской губернии с этой целью объединились окружные деревни четырех волостей. Избранный комитет тут же произвел обыски (как водится, под видом поиска оружия) и назначил специальную плату на право владения помещиками земель¹³⁰. Разумеется, такие действия лишь усложняли продовольственную проблему, включая снабжение самих крестьян.

На I Всероссийском крестьянском съезде, открывшемся 4 мая, стали видны «стимуляторы» крестьянской агрессивности. В-первых, делегатов от армии оказалось больше, чем непосредственно от деревни. Во-вторых, поражало безраздельное – численное и доктринальное – преобладание эсеров. Фактически крестьянский съезд опирался на замещенное представительство (многоступенчатая система выборов этому способствовала). В-третьих, крестьяне, внешне соглашаясь с аргументами политиков, в кулуарах высказывались совсем по-другому, по-своему оценивая возможности решения аграрного вопроса и прекращения войны¹³¹. Наконец, крестьяне так и не отождествили себя ни с одной из партий, несмотря на преобладание эсеров в ЦИКе Советов крестьянских депутатов.

¹²⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль – август 1917 года. М., 2004. С. 57.

¹²⁷ См.: ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 505. Л. 17 об.; Оп. 1. Д. 483. Л. 3–4.

¹²⁸ Федотова И. Н. Крестьянские исполнительные комитеты северной части Центрального района в 1917 году // История крестьянства в России. СПб., 2000. С. 92.

¹²⁹ Государственное совещание. С. 244.

¹³⁰ Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 24, 39–40.

¹³¹ Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917 – 1918 годах.) М., 1996. С. 25–122.

Крестьянин по-прежнему ориентировался на старый коллективный опыт, а не на индивидуальное дерзание¹³². В этих условиях само существование отрубников и хуторян, многие из которых даже преуспели в условиях войны¹³³, раздражало общинников. Отсюда – растущий натиск на этот так и не консолидировавшийся социальный слой¹³⁴, поставлявший основную массу товарного зерна. Объективно крестьяне осуществляли архаизацию сельскохозяйственной экономики.

Рецессия затронула не все аграрные регионы России. Так, в Сибири в 1917 г. благодаря погодным условиям и земельным захватам зерновое производство расширилось (к осени образовались значительные излишки хлеба), мясомолочное хозяйство практически не пострадало. Более того, благодаря повышению закупочных цен выросли заготовки масла. Даже слабость инфраструктуры, разрыв хозяйственных связей, изношенность сельхозинвентаря не дестабилизировали ситуацию¹³⁵. Отсюда видно, что война и революция оказали разрушительное воздействие главным образом на те регионы России, которые ранее уже находились в кризисном состоянии.

Все это не могло не сказаться на поведении крестьянства, предпочитавшего придерживаться зерно и накапливать деньги. К концу весны выяснилось, что продовольственная разверстка не дает ожидаемого результата. По данным 2 070 волостей, которыми была принята разверстка на 118,2 млн пудов, сельскими сходами было разверстано по домохозяевам лишь 67,7 млн пудов. Общие же итоги разверстки составили около 100 млн пудов. Заготовительные операции не давали нужного количества хлеба, к тому же его доставка затруднялась из-за плохой работы транспорта¹³⁶. Князь П. А. Кропоткин обвинял в этом государство, которое своей политикой «насадило дух себялюбивого сепаратизма и неуважения к праву и труду человека»¹³⁷.

Уже в апреле-мае из некоторых регионов стали поступать сообщения о противодействии торговцев и промышленников введению твердых цен и хлебной монополии. Такие явления отмечались в Симбирской, Херсонской и Черниговской губерниях. В Таврической губернии многие помещики оставляли поля незасеянными, гноили хлеб, если не удавалось сбыть его по спекулятивным ценам¹³⁸. Все

¹³² Короленко В. Г. Земли. Земли! М., 1991. С. 125.

¹³³ Анфимов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. С. 274–275.

¹³⁴ Хитрина Н. Е. Указ. соч. С. 67–70; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 197, 209, 215.

¹³⁵ Рынков В. М., Ильиных В. А. Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013. С. 102, 162, 224–225.

¹³⁶ Сидоров А. Л. Экономическое положение России... С. 493–494.

¹³⁷ Государственное совещание. С. 248.

¹³⁸ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 408–409.

это вызывало острое недовольство крестьян¹³⁹. Крупные хлебопроизводители отвечали соответственно. Так, Союз землевладельцев Ростовского округа решил поставлять хлеб преимущественно армии и «лишать хлеба города, откуда приезжают агитаторы за 8-часовой рабочий день»¹⁴⁰. Конфликт на почве продовольственной монополии разрастался. Это угрожало городам и прежде всего рабочим.

Обнаружились случаи административной «руруризации» городской среды. Так, 17 апреля 1917 г. население города Дедюхина Пермской губернии возбудило вопрос о перечислении всех горожан в состав сельских обывателей Дедюхинской волости или образования отдельного сельского общества, соответственно наделенного землей¹⁴¹. В условиях обострения продовольственного кризиса горожане готовы были «покрестьянствовать».

На протяжении 1917 г. аграрный вопрос неуклонно перерастал в вопрос продовольственный: в одних регионах у крестьян накапливался «избыток» зерна (которое перегонялось на хозяйственно выгодный самогон), в других – сельские жители все острее ощущали недостаток хлеба насущного. Крестьянские комитеты где-то превращались в земельные, а где-то в продовольственные – за теми и за другими стояли сельские сходы. И чем основательнее становилась их власть, тем больше город отчуждался от деревни. Это означало неуклонное обострение продовольственного вопроса в общенациональном масштабе.

«В селах и деревнях в борьбе с дороговизною жизни становятся на путь анархического разрешения вопроса о продовольственном кризисе. Народ врывается в лавки, производит опись товаров, реквизирует эти товары, – записывал в дневнике иркутский журналист 16 мая 1917 г. – Все это обещает стране товарный голод»¹⁴². Развитие событий шло именно в этом направлении.

В августе 1917 г. крестьяне поясняли «общественным деятелям»: поскольку правительство «оказалось в руках всевозможных комитетов», «крестьяне не вносят своих платежей»; не даст крестьянство и хлеба до отмены твердых цен на хлеб, потому что при дороговизне мануфактуры и железа установленные твердые цены являются сущим разбоем»¹⁴³. Остается только изумляться: революционная общественность и крестьяне, в широком смысле город и деревня, словно подыгрывали друг другу в дурном спектакле, спеша к его трагическому финалу.

¹³⁹ Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. М., 1929. Т. 1. Ч. 1. С. 139.

¹⁴⁰ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 157.

¹⁴¹ Судавцов Н. Д. Земское и городское самоуправление России... С. 299.

¹⁴² Серебренников И. И. Указ. соч. С. 345.

¹⁴³ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 85.

2.9.4. Солдатская масса: война войне?

Затяжная война приводит к тому, что армия начинает жить своей собственной жизнью, не подчиняющейся законам мирного времени. И потому переход от войны к миру в любом случае принимает агрессивные формы. Недовольство бессмысленной и бесперспективной войной легко трансформируется в ненависть к тем, кто на нее послал.

К 1917 г. армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров было 9 620 тысяч (еще 2 715 тысяч составляли лица, работавшие на оборону, от строителей прифронтовой полосы до работников Красного Креста)¹⁴⁴, в запасных частях военных округов числилось от 1,5 до 2,3 млн солдат и офицеров¹⁴⁵. С февраля 1917 г. в гарнизоны внутренних военных округов стали поступать новобранцы 1898 года рождения, которым «по закону» полагалось быть призванными только в октябре этого года¹⁴⁶. В армию хлынули уголовники, амнистированные в связи с желанием «защитить свободную Россию»¹⁴⁷. Сомнительно, чтобы они действительно горели подобными чувствами.

Громадное влияние на городскую политику оказывали солдаты тыловых гарнизонов, численность которых нередко превосходила местное население. В районе Петрограда (от Луги до Новгорода) наблюдалось невиданное скопление войск – до 322 тысяч¹⁴⁸. В сочетании с высочайшей концентрацией промышленных рабочих этот регион был социально взрывоопасен.

Солдаты ощущали трудности гражданской жизни: дороговизну, бытовое неустройство. К ним добавлялись усталость от военной службы, недовольство офицерами, плохое довольствие. «Защитники Отечества», часто оказывавшиеся на одних и тех же предприятиях с рабочими, переживали общие с ними проблемы. Солдаты все чаще уходили в отлучки, занимались спекуляцией, пьянством, ввязывались в городские беспорядки, а часто и сами их вызывали¹⁴⁹. «Оборотная сторона» войны везде схожа; нечто подобное было и в австро-венгерской армии, однако далеко не в таких масштабах¹⁵⁰.

Солдат вряд ли можно было отнести к здоровой части общества. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психоневроз, а также «снарядный шок». Многие были подвержены

¹⁴⁴ Френкин М. Русская армия и революция. 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 6.

¹⁴⁵ Мартынов Г. И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 18.

¹⁴⁶ Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России... С. 15–18.

¹⁴⁷ Аничков В. П. Указ. соч. С. 48–49; Нарский И. В. Указ. соч. С. 181.

¹⁴⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. С. 96–97.

¹⁴⁹ См.: Букалова С. В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны. С. 197–204; Gatrell Peter. Russia's First World War. P. 66.

¹⁵⁰ Миронов В. В. Указ. соч. С. 117, 374.

депрессивному состоянию. «Война машин» стала мощным психо-социальным стрессом. Его последствия проявлялись по-разному, но естественный выход, казалось, был один: прекращение войны, возвращение в нормальную обстановку. Революция обеспечила временную перверсию перманентной угнетенности в социально эйфорическое состояние. Но после этого мог последовать «откат» в агрессию. Последнему способствовало все большее распространение пьянства, связанное как с самогоноварением, так и с братаниями¹⁵¹.

Попытки религиозно-милитаристского обеспечения войны к 1917 г. выявили свою неэффективность. Частично это было связано с тем, что уровень религиозности офицеров был невысок¹⁵². Некоторые солдаты прямо обвиняли «попов» в том, что «непрестанно нам сулят в облаках Орла, а в руки суют бомбы да винтовки, идти смело и геройски погибнуть за Веру, царя и дорогое и обильное наше отечество». Военному духовенству не удалось поддержать морально-боевой дух войск¹⁵³. Призывы к миру солдаты воспринимали буквально. «...Жажда “замирения”, с неудержимой силой вспыхнувшая в солдатских душах, была не трусостью и шкурничеством, но прежде всего народно-творческим порывом к свободе, в смысле оправдания добра в мире», – писал Ф. Степун¹⁵⁴. Однако в известные эпохи благие порывы имеют обыкновение получать низменные воплощения.

Серьезную проблему по-прежнему представляли различные виды симуляции. Говорили, что среди раненых, поступающих с фронта, «половина дезертиров, примазавшихся к больнице»¹⁵⁵. Лозунг мира без аннексий и контрибуций стал не просто стимулятором бегства с фронта, но и фактором тотальной деморализации солдатской массы. Дело доходило то того, что дезертиры в полном смысле слова захватывали поезда, заставляя машинистов «отправлять свои поезда навстречу друг другу, не желая дожидаться прохода встречного поезда и уступить очередь на занятие перегона»¹⁵⁶.

Прежние ценностные ориентации солдат сместились. После того, как Временное правительство отменило обязательность причастия,

¹⁵¹ Асташов А. Б. Русские солдаты и Первая мировая война... С. 416.

¹⁵² Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 78.

¹⁵³ См.: Костриков А. А. Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. 2005. № 2. С. 145–198; Байрау Д. Фантазии и видения в годы Первой мировой войны: православное военное духовенство на службе Вере, Царю и Отечеству // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 752–753, 766–767; Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М., 2010. С. 3–8.

¹⁵⁴ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 312.

¹⁵⁵ Письма – больше, чем воспоминания... С. 284.

¹⁵⁶ Цит. по: Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 178.

удельный вес причастившихся резко упал. Но чаще солдаты требовали от священников изменения текстов молитв, вплоть до включения в них пресловутого мира «без аннексий и контрибуций»; к числу страждущих причислялись и дезертиры. Распространялось либо откровенное богохульство, либо желание помолиться «кабы знать, за кого»¹⁵⁷.

Для солдат тревога за близких и хозяйство стала неотделимой от вопросов экономики и политики. Они все чаще получали просьбы населения защитить их от «христопродавцев» и «мародеров». В сознании «защитников отечества» укреплялась мысль о необходимости избавления от внутренних врагов – «спекулянтов, купцов и прочих, забывших родину и действующих в руку врагов». Прозраверстка воспринималась как прямое посягательство на хозяйство солдат, причем сообщения о ее введении совпали с кризисом снабжения ряда областей, включая столичные регионы.

Армия нуждалась в скорейшем реформировании. Гучков, став военным министром, уволил до 60 % высших офицеров. Среди них было 8 командующих фронтами и армиями, 35 командиров корпусов из 68, 75 начальников дивизий из 240¹⁵⁸. Столь масштабные увольнения не могли не сказаться на качестве командования.

Для реформирования армии была создана комиссия, которую возглавил А. А. Поливанов, бывший военный министр и председатель Особого совещания по обороне. В ее состав входил ген. А. З. Мышлаевский и другие, преимущественно штабные работники, несколько разбавленные выдвиженцами вроде будущего военного министра А. И. Верховского. Но члены комиссии, с одной стороны, начали конфликтовать друг с другом, с другой – погрязли в бюрократических согласованиях¹⁵⁹. Позднее стали говорить, что в комиссии, несмотря на численное преобладание офицеров, «господствовали представители Совета... в лице прапорщика Утгофа, являвшегося в буквальном смысле слова диктатором»¹⁶⁰. Составленную комиссией «Декларацию прав солдата и гражданина» Гучков подписывать отказался и подал в отставку.

Существует точка зрения, что главной причиной развала армии стали инициированные приказом № 1 солдатские комитеты. Ф. Степун свидетельствовал, что, напротив, без них «солдатская масса очень быстро вышла бы из подчинения командному составу и пошла бы за большевиками»¹⁶¹. Дело в том, что в солдатских комитетах преобладали интеллигенты-социалисты, настроенные обо-

¹⁵⁷ См.: Вильямс А. Р. О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960. С. 127–128; Прайс М. Ф. Русская революция. Воспоминания о 1917–1919 годах // Вопросы истории. 1967. № 11. С. 136.

¹⁵⁸ Сенин А. С. Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 120.

¹⁵⁹ Половцев П. А. Дни затмения. М., 1999. С. 39.

¹⁶⁰ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 57.

¹⁶¹ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 353.

рончески, причем в комитетах дивизионного и армейского уровня их удельный вес был выше. Однако низовые солдатские комитеты неуклонно левели, противостоять этому их армейские руководители не могли. Не следует думать, что это было связано с большевистской пропагандой. Рядовые большевики подчас вели себя по партийным понятиям политически неадекватно. Так, 1–14 мая 1917 г. большевик Скульский на 1-м фронтовом съезде железнодорожных войск в Пскове призывал: «Офицеры должны работать бесплатно или же на тех же условиях, что солдаты; Вильгельм, узнав о такой самоотверженности русских войск, поймет, что русская революционная армия непобедима, и прекратит войну...»¹⁶². Подобная пропаганда порождала не столько антивоенный и антиправительственный настрой, сколько «кашу в голове», пробуждающую бунтарские инстинкты.

В любом случае, поскольку само по себе существование солдатских комитетов противоречило принципу единоначалия, мысль о том, что с их помощью можно было добиться эффективности управления, сомнительна. К тому же масса солдат просто отвлекалась от своих прямых обязанностей. Так, считалось, что поскольку на каждый полковой комитет приходится около 150 человек, а в целом в армии насчитывается около тысячи полков, то около 150 тысяч солдат и унтер-офицеров – целая армия – так или иначе заняты ненужной демагогией¹⁶³. С помощью солдатских комитетов армия могла лишь обороняться (что вполне соответствовало тогдашним социалистическим представлениям).

Союз офицеров армии и флота исходил из принципиально иных установок. Его предложения, казалось, были здравыми: «снять солдатские шинели с тех, кто хочет заняться политикой, а не воевать»; распустить дивизии, составленные из ополченцев старших возрастов. Казалось, армия станет более боеспособной, даже численно уменьшившись на две трети¹⁶⁴. Однако за оставшихся вряд ли можно было поручиться: желание мира со временем могло захватить и их. Уже в марте целые дивизии принимали резолюции с требованием отказа от завоевательной политики¹⁶⁵.

Среди политических деятелей 1917 г. широко распространилось убеждение, что армию «разложили» большевики. На деле, как свидетельствовал левый эсер И. Штейнберг, все левые политики «развращали» армию «неуклонно и систематически» путем пропаганды циммервальдской формулы мира. Именно эта формула «привела армию в то состояние мирного человеческого и человеческого гражданства, из которого все труднее было перебросить-

¹⁶² ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 140. Л. 36.

¹⁶³ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 98.

¹⁶⁴ Вестник Союза офицеров армии и флота. № 3. Ставка, 1917. 24 мая.

¹⁶⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 492.

ся опять в море огня и убийства»¹⁶⁶. Благодаря ей рухнула старая дисциплина, а вместе с ней – вся прежняя армейская иерархия. 10 марта солдат Голубев просил в письме: «Товарищи, уберите немцев с фронта, отстраните их от командования, дайте нам русских начальников, русских душой...»¹⁶⁷. Одновременно вызывали неприятие и новоиспеченные офицеры из евреев, как правило, настроенные на продолжение войны. Между тем большинство офицеров после Февраля искренне объявили себя республиканцами и даже социалистами, предпринимались попытки разработки проектов солдатско-офицерских примирительных камер¹⁶⁸. Это не помогло.

После Февраля участились братания, причем откровенно пьяные. На Пасху в начале апреля 1917 г. в них участвовало около 200 частей. Заметно активизировалась в этот период германская разведка и контрразведка, поставлявшая русским солдатам соответствующую литературу. По некоторым подсчетам, только за май 1917 г. разведка двух австро-венгерских армий осуществила с помощью братаний 285 разведывательных контактов¹⁶⁹. По другим данным, в апреле-мае из 220 стоявших на фронте дивизий случаи братания имели место в 165, причем в 38 из них русские солдаты обещали противнику не наступать. Тем не менее в некоторых дивизиях выносились резолюции, сурово осуждавшие дезорганизацию в армии¹⁷⁰.

Солдаты искренне верили, что восстановление справедливости означает, что в окопы отправятся жандармы, полицейские, стражники, нестроевики, тыловики, а им надлежит увеличить довольствие, сменить обмундирование, отдохнуть и съездить домой, чтобы засеять поля. В конце мая солдаты двух полков, не пожелавшие идти в окопы, едва не расправились со вздумавшим их уговаривать протопресвитером¹⁷¹. «Не хочется умирать, хочется посмотреть на новую жизнь», – таков, скорее всего, преобладавший психологический лейтмотив. Отсюда недовольство всеми теми, кто вставал на пути мечты: недовольство городскими рабочими, занятыми теперь всего 8 часов на производстве и сидящими в тепле, а больше всего – непонимание поведения «Львова, Гучкова, Милюкова», которые даже не удосужились «пообещать землю». Именно поэтому нота Милюкова была воспринята как личное его стремление «вместе с Брусиловым завоевать весь земной шар». Последовали требования, чтобы «толстопузые отправились в окопы», иначе солдаты сами

¹⁶⁶ Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 56.

¹⁶⁷ Цит. по: Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 167.

¹⁶⁸ Кожевин В. Л. Указ. соч. С. 205–208; Журавлев В. А. Указ. соч. С. 58, 59, 61.

¹⁶⁹ Френкин М. С. Указ. соч. С. 266.

¹⁷⁰ Лыков И. П. Указ. соч. С. 118–119.

¹⁷¹ Шавельский Г. И. Указ. соч. С. 277–278.

начнут переговоры с немцами и оставят фронт (уже к 15 мая), чтобы справиться с тыловыми «предателями»¹⁷².

Офицеров, способных противостоять солдатскому самоуправству и наивному стремлению к миру, оставалось все меньше – в иных пехотных частях всего 4 %. В военных училищах и школах прапорщиков удельный вес выходцев из крестьян составлял 38 %, мешан – около 25 %¹⁷³. Иные офицеры военного времени из интеллигентов, агитировавшие за «войну до победы», оказывались такими же «чужими», как кадровые военные. Летом 1917 г. прогонять неугодных офицеров-соплеменников стали даже солдаты-мусульмане¹⁷⁴.

1 мая на совещании командующих фронтов в Ставке присутствующие были единодушны в том, что без дисциплины армия не может существовать, а для ее восстановления требуется сильная власть – это, по существу, было требование запрещения солдатских комитетов. Вскоре была предпринята попытка – увы, безуспешная – прекратить братание. Но к тому времени за организацию братания активно взялись большевики. Ленин в конце апреля опубликовал статью «Значение братания», где говорилось, что братание «начинает ломать проклятую дисциплину», и подчеркивалось, что это «наиболее организованный, наиболее близкий путь к прекращению войны и к свержению ига капитала»¹⁷⁵. При этом большевики уверяли, что братание оказывает мощное антивоенное воздействие на немецких солдат¹⁷⁶.

2 мая капитан М. О. Неженцев, служивший в штабе 8-й армии, предложил начать формирование «отрядов добровольцев, готовых на смерть» и «бросать их в самые трудные участки боя». Полагая, что их героический пример вдохновит других, он вызвался создать первый подобный отряд. К середине мая был сформирован первый ударный батальон, над которым принял шефство Л. Г. Корнилов¹⁷⁷. Главнокомандующий А. А. Брусилов поддержал это начинание. В середине июня 1-й ударный отряд под командованием Неженцева прибыл на фронт¹⁷⁸. Агитация за вступление в ударные полки развернулась даже в таких городах, как Калуга¹⁷⁹.

За время войны офицерская форма «демократизировалась». Напротив, ударники с помощью всевозможных эмблем, нашивок и

¹⁷² Булдаков В. П. Красная смута. С. 235.

¹⁷³ Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 353.

¹⁷⁴ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 176–177.

¹⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 459–461.

¹⁷⁶ Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года. М., 1931. С. 26–27.

¹⁷⁷ Критский М. А. Корниловский ударный полк. Париж, 1936. С. 10–14.

¹⁷⁸ См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 29, 50, 66; Абиныкин Р. М. К предистории Белого движения: «Добровольческая революционная армия» 1917 года // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1998. № 5.

¹⁷⁹ Общество и революция. С. 216.

шевронов стремились выделиться среди обычных частей. Особым было и их вооружение: английские винтовки с ножевыми штыками, пулеметы «Кольт» и «Льюис»¹⁸⁰. Понятно, что солдаты ударников невзлюбили. Впрочем, точно так же отнеслась к ним и часть офицерства.

Возникла необходимость в упорядочении добровольчества. В «Наставлении для формирования и обучения ударных частей» говорилось, что основной их задачей является прорыв неприятельских укрепленных позиций на важнейших участках фронта. Была разработана особая присяга «революционера-волонтера». Принимая ее, ударники давали клятву перед «черно-красным знаменем – символом революции и борьбы за свободу», что будут бороться за честь России, возвращение «утерянных земель» и «свободу, равенство и братство»¹⁸¹.

Добровольчество 1917 г. мыслилось как своего рода жертвенный антипод тогдашней солдатской разнузданности. Летом целые полки отказывались от старых знамен и заменяли их на новые революционные штандарты¹⁸². Впрочем, частично в этом была повинна сама власть: она поощряла, в частности, сдачу наград из ценных металлов в «фонд свободы». Принятие присяги приобрело, однако, формальный характер¹⁸³. В противовес этому ударник обязывался беспрекословно подчиняться командирам, «наступать впереди всех, обгоняя передних», «не иметь никаких братаний с врагом», не сдаваться в плен живым, не потреблять спиртного, быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию, защищать их в бою¹⁸⁴. Понятно, что солдатская масса ударников боялась и ненавидела¹⁸⁵.

Большое внимание ударники уделяли символике: черно-красный (символы смерти, крови, революции) шеврон и кокарда с изображением черепа на мечах стали общими для всех их подразделений. Сам Корнилов трактовал символику так: «Победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и бесчестье». Иные ударники явно перебирали по этой части. «У некоторых не только шевроны на рукавах, но еще нашивки и на погонах, и на груди, – изумлялся боевой офицер. – Один с целой красной лентой через плечо с надписью “Драгун смерти” (!), а у одного офицера на рукаве нашита

¹⁸⁰ Ривош Я. Н. Указ. соч. С. 261, 269, 287.

¹⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 27; Д. 347. Л. 3.

¹⁸² Столыпин А. А. Записки драгунского офицера (1917–1920 гг.) // Русское прошлое. 1993. Кн. 3. С. 20.

¹⁸³ Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974. С. 15.

¹⁸⁴ Абинякин Р. М. К вопросу о возникновении добровольчества: корниловский ударный полк в 1917 году // Проблемы современной науки. Исторические науки. Литературоведение. Искусствоведение. Музыкознание. Орел, 1996; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 3.

¹⁸⁵ Будберг А. П. Дневник // АРР. Т. 12. С. 245–246.

анненская лента (плечевая) в ладонь шириной, обшитая по бокам двумя широкими георгиевскими лентами, и все это небрежно завязано “бантиком”»¹⁸⁶.

Несомненно, ударничество могло помочь перестроить армию на принципиально новых основаниях. Но оно запоздало. Пик его пришелся на период июньского наступления; в ряде случаев это усложнило управление войсками. Ударные батальоны включали в себя и части, сформированные на фронте, и тыловые подразделения, усиленные фронтовыми офицерами, и самочинные юнкерские батальоны, и добровольцев из учащейся молодежи, не говоря уже о женских батальонах. Многие военные отмечали, что в условиях полустихийной реорганизации армии все это усилит организационную неразбериху¹⁸⁷. Обнаружилось, что укомплектованность ударных соединений офицерами выходила далеко за рамки обычного штатного расписания¹⁸⁸, – многие попросту укрывались в них от анархии, царящей в обычных полках. В будущем можно было ожидать конфликтов между пылкими ударниками и «обычными» (с солдатскими комитетами) частями.

Ударники отличались высоким боевым духом, граничившим с самопожертвованием. Во время наступления 24 июня 1917 г. отличился Корниловский ударный полк, в состав которого входила чешская инженерная рота¹⁸⁹. В ряде случаев «батальоны смерти», направленные в тыл, помогли остановить бегство, расстреливая на месте дезертиров и бунтарей¹⁹⁰. В Ставке появились сообщения о том, что они увлекли за собой полки «доблестной 7-й армии»¹⁹¹. Иногда попытки остановить отступавших солдат предпринимались и командирами «неразложившихся» частей¹⁹².

Командование попыталось придать ударническому движению организованный характер. Планировалось создание «Добровольческой революционной армии»¹⁹³. 13 июня был создан Всероссийский комитет для вербовки добровольцев, переименованный 5 августа в Центральный комитет по организации Добровольческой революционной армии¹⁹⁴. К середине июля было разрешено формирование

¹⁸⁶ Критский М. А. Указ. соч. С. 18; Столыпин А. А. Указ. соч. С. 22.

¹⁸⁷ Маслаков А. Предшественники Добровольческой армии // Белая гвардия. 1998. № 2. С. 60.

¹⁸⁸ Врангель П. Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.). Кн. 1. М., 1991. С. 32.

¹⁸⁹ Марков О. Д. Армия и флот России 1914–1917 гг. (состав, организация, довольствие). СПб., 2011. С. 222.

¹⁹⁰ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 735, 738.

¹⁹¹ Степун Ф. Указ. соч. С. 386.

¹⁹² Дневник Михаила Устрялова. 1917. Июль // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Выпуск пятый. Калуга, 2011. С. 195.

¹⁹³ Станкевич В. Б. Воспоминания 1914–1919 гг.; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 136; Врангель П. Н. Указ. соч. С. 46.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 351. Л. 18.

ударных батальонов из фронтовых частей. По данным на 17 июля, в ударники записались 4 корпуса, 5 дивизий, 11 бригад, 21 полк и более мелкие подразделения. В начале августа было зарегистрировано более 200 отдельных «частей смерти» общей численностью 600 тысяч человек¹⁹⁵. Но, скорее всего, последняя цифра существовала только на бумаге – столь масштабной перетряски личного состава в столь короткий срок не выдержала бы ни одна армия, даже не воюющая. Тем не менее 7 августа Военная лига предложила приступить в Петрограде, Москве, Киеве, Одессе к формированию «добровольческих дивизий и корпусов»¹⁹⁶. Успехи использования добровольческой армии оказались более скромными. На фронт в период наступления было направлено лишь 16 частей, из них приняло участие в боях только 13¹⁹⁷.

Особые проблемы возникали в связи с формированием женских батальонов. Инициатором их в мае 1917 г. выступила унтер-офицер М. Л. Бочкарева, вскоре произведенная в прапорщики¹⁹⁸. В принципе феномен «кавалерист-девицы» в России был известен. Но до Первой мировой войны факты такого рода не афишировались. Теперь же, после того как было получено соответствующее разрешение от А. А. Брусилова, хлынул поток прошений от женщин, особенно солдаток и казачек Дона, Кавказа и Кубани (а во все не экзальтированных буржуазных дамочек, как стала вскоре уверять левая пропаганда), о записи их в пехотные батальоны¹⁹⁹. Началось формирование 1-й женской команды смерти, Петроградского, Московского и Кубанского батальонов и 11 караульных команд (в Петрограде, Москве, Саратове, Киеве). Среди ударниц была весьма пестрая публика – от институток до неграмотных крестьянок, от монашек до любительниц мата. Часть из них была не вполне психически уравновешена. Обнаружилось значительное число забеременевших²⁰⁰. Оформление ряда частей, возникших явочным порядком в Баку, Вятке, Харькове, Мариуполе, Полтаве, Минске, Симбирске, завершить не удалось – назначенный главкомверхом Л. Г. Корнилов был против того, чтобы женщины участвовали в боях, полагая, что их следует использовать для охранной службы в тылу, а также для укомплектования санитарных организаций. Уз-

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 348. Л. 303–305; Якулов Н. М. Революция и мир (Солдатские массы против империалистической войны. 1917 – март 1918 гг.). М., 1980. С. 108.

¹⁹⁶ Маслаков А. Указ. соч. С. 66.

¹⁹⁷ Иванов Н. Я. Контрреволюция в России в 1917 г. и ее разгром. М., 1977. С. 47.

¹⁹⁸ Бочкарева М. Л. Яшка. Моя жизнь: крестьянка, офицер, ссыльная // Дружба народов. 1993. № 6. С. 19–20.

¹⁹⁹ Сенин А. С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10. С. 178.

²⁰⁰ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917–1918) // Добровольцы. С. 185, 192–193.

нав об этом, многие женщины отказывались от службы. Особенно резко против женских батальонов выступил Всероссийский совет крестьянских депутатов. Носители традиционной культуры увидели в этом начинании стремление «сделать из этого моду, устроить себе развлечение»²⁰¹.

Женские части, отправленные на фронт, сразу столкнулись с неприязненным отношением солдат и недовольством командования²⁰². Только отряд Бочкаревой смог принять участие в боевых действиях. В конечном счете даже Бочкарева как будто разочаровалась в возможностях женских частей²⁰³. В целом женское добровольческое движение отнюдь не помогло оздоровлению армии, напротив, оно усилило в ней административно-управленческую неразбериху.

Несмотря на все нежелательные побочные последствия добровольческого порыва, запись в «части смерти» продолжилась и в последующие месяцы: был сформирован, в частности, 2-й ударный революционный полк, а также Юго-Славянский добровольческий отряд из бывших австро-венгерских пленных. В августе началось создание Георгиевских запасных полков в Киеве, Минске, Одессе и Пскове, призванных сыграть роль «последнего надежного резерва, употребляемого в бою лишь в исключительных случаях»²⁰⁴. Одновременно стали более интенсивно создаваться подразделения увечных воинов, используемых для выполнения военно-полицейских задач в тылу.

В целом армия теряла боеспособность. Тем не менее Керенский, по мнению наблюдателей, был совершенно искренне уверен в своем «магическом влиянии» на войска²⁰⁵. В прошлом такое случалось. Однако с падением популярности Керенского упали и оборонческие настроения основной массы солдат.

Революционно-жертвенный порыв оказался недостаточен для того, чтобы переломить ход событий. К тому же тогдашние патриоты всех — старых и новых, искренних и «квасных» — разнообразней не находили своего единого вождя, несмотря на то, что интеллигентское сознание — эксплицитно и имплицитно, но неустанно — рыскало в поисках русского «генерала на белом коне». Похоже, народ настолько устал не только от старой, но и от новой власти, не менее навязчиво идентифицирующей себя с Отечеством, что нуждался теперь вовсе не в «вожде», не в «Наполеоне», а «вожаке» пугачевского типа. И он не мог его не получить.

²⁰¹ Асташов А. Б. Русский фронт... С. 635.

²⁰² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 349. Л. 21, 36, 54–56.

²⁰³ «Мой батальон не осрамит России...»: Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8–9. С. 79.

²⁰⁴ Маслаков А. Указ. соч. С. 67.

²⁰⁵ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 733.

2.9.5. Революция и народы России

В апреле российскую столицу, уже привыкшую ко всякого рода манифестациям, поразило экзотическое шествие, названное «Интернационалом на Невском». По проспекту двигалась невиданная публика: от среднеазиатов в пестрых халатах до уголовников. Здесь были украинцы, поляки, евреи, литовцы, белорусы и совсем неведомые инородцы. Но больше всего публика умилялась «приобщением “азиятов” к свободе, к России, к революции». Пресса уверяла, что «любимцами улицы были в тот момент мусульмане»²⁰⁶. На деле идея единства всех народов России в борьбе против общего врага была как никогда далека от воплощения. Под ее покровом тлело застарелое недовольство «национальным гнетом».

Победа революции вызвала взрыв неумеренных надежд на смягчение государственной этнополитики. Единственная в Уфимской губернии газета на татарском языке «Тормыш» («Жизнь»), издаваемая купцом Г. Усмановым, в редакционной статье писала: «Мучившая нас в течение веков духовными и нравственными, превышающими и адские страдания, муками злобная сила, слава богу, отправилась в геенну... Бог даст, вместе со всем российским народом и верноподданные России – двадцатипятимиллионное мусульманство одинаково (наравне) будет пользоваться и (воспользуется) этим солнцем свободы...». Бюро по распространению идей гражданственности среди мусульманского населения совместно с представителями местного купечества постановило совершить в пятницу, 10 марта, «во всех мечетях молебствия с пожеланиями процветания и упрочения нового правительства» и «о даровании победы нашим войскам...». 9 марта Оренбургское магометанское Духовное собрание приняло особое обращение ко всем ахунам, хатыбам и имамам, в котором причиной революции называлась «страшно тяжелая Отечественная война». Мусульмане призывались стать «верными слугами» новой власти. Молитвы за здоровье царя следовало «впредь до особого распоряжения» прекратить, а вознести «молитву о спокойствии, благе, счастье родины, благоденствии Временного правительства»²⁰⁷.

От имени 30 мусульманских организаций Баку в адрес Родзянко и мусульманской фракции Думы была направлена телеграмма, в которой выражалась уверенность, что «возвещенные Временным правительством основы гражданской, политической, национальной и религиозной свободы и равенства всех граждан государства Российского будут отныне незыблемы, и мусульмане, освободившись от вековых гонений низвергнутого в прах режима, возродятся

²⁰⁶ Речь. 1917. 20 апреля.

²⁰⁷ Цит. по: Мордвицев Г. В. Указ. соч. С. 21, 39, 33.

к новой светлой сознательной жизни в свободной России»²⁰⁸. Надежды на изменения к лучшему со стороны представителей всех народов были непомерно велики.

Поначалу Временное правительство шло навстречу всем пожеланиям народов. 9 марта было позволено возвратиться на места прежнего проживания болгарским подданным, депортированным из Аккерманского уезда Бессарабской губернии, а также рассмотрело вопрос о возвращении на места проживания сартов, мобилизованных на тыловые работы. В тот же день Керенский предложил подготовить законопроект об отмене всех национальных и религиозных ограничений, на следующий день было решено исключить такие ограничения из уставов акционерных обществ. Наконец, 20 марта был рассмотрен, а 29 марта опубликован указ об отмене вероисповедных и национальных ограничений²⁰⁹. Общественность сразу же обратила внимание на то, что в указе был приведен подробный список подлежащих отмене ограничений, касавшихся прежде всего евреев.

Март ознаменовался целой серией демонстраций и нескончаемых визитов во Временное правительство представителей этнических меньшинств для приветствий и заявлений о своих нуждах. На местах картина была еще более пестрой.

3 марта на собрании представителей украинских (преимущественно интеллигентских) организаций Киева было положено начало формированию Центральной Украинской рады. Украинские деятели вскоре наладили связь с многочисленными «громадами», возникающими по всей России. В Киеве между ними и губернскими, городскими и военными властями сохранялось взаимопонимание. Украинское движение в армии было более радикальным. 4 марта на студенческом «вече» с энтузиазмом было встречено предложение о формировании особого украинского войска. 6 марта его участники просили Временное правительство о восстановлении Переяславского договора 1654 г. (по их понятиям, это стало бы подтверждением автономии Украины). 8 марта состоялось Большое вече, на котором присутствовало 6 генералов и 22 штаб-офицера; председателем его был выбран полковник Глинский, секретарем – поручик Михновский. Эта организация взяла курс на создание украинской государственности, опирающейся на военную силу. Однако поддержкой она не пользовалась ни среди киевских политиков, ни в армии. По замечанию одного офицера-украинца, «управлять стихией на фронте было не под силу революционным гастролерам далекого тыла»²¹⁰.

²⁰⁸ Цит. по: Багирова И. Указ. соч. С. 13.

²⁰⁹ См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. 58–59, 64, 65, 68–69, 142–146.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 583. Л. 46–47, 6.

7 марта в Москве ряд украинских организаций выступил с совместной декларацией. Помимо требования об искоренении национального угнетения в этом документе говорилось о необходимости возвращения на родину украинского населения приграничных районов и освобождения сосланных галицийцев. 9 марта петроградские украинцы выпустили воззвание, призывающее соплеменников к объединению «под знаменем автономии Украины, федерации всех народов России». 12 марта они организовали манифестацию в Таврическом дворце, заявив о необходимости активного ведения войны, а 17 марта нанесли визит премьеру Г. Е. Львову. Их требования касались «украинизации просвещения, администрации, суда, церкви в губерниях с украинским населением». Для содействия этим начинаниям был образован специальный совет, руководящую роль в котором заняли умеренные автономисты. Однако среди украинских деятелей уже тогда стали заметны и убежденные самостийники²¹¹.

5 марта Временное правительство приветствовал Белорусский национальный комитет, возглавляемый Р. Скирмунтом. Вскоре возникли региональные белорусские организации прокадетской ориентации. Они, как правило, состояли из разнородных элементов: полонизированных и русифицированных, католиков и православных. Им противостояла более левая Белорусская социалистическая громада²¹².

6 марта правительство посетили представители Литовского национального совета. Хотя большая часть территории Литвы была к этому времени оккупирована, 13 марта совет принял постановление об образовании Временного комитета по управлению Литвой. 18 марта литовская депутация добивалась у кн. Г. Е. Львова перехода в ведение комитета всех эвакуированных литовских административных учреждений, а также управления не оккупированных германскими войсками уездов Виленской и Ковенской губерний. Позднее, как только стало известно, что Временное правительство готово передать Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского дела, относящиеся к территории, населенной литовцами, члены комитета по примеру поляков заговорили о независимости Литвы²¹³. В мае 1917 г. съезд литовской интеллигенции в Вильне высказался за немедленное прекращение войны, автономию Литвы и вступление ее в федеративный договор «со всеми народами и областями государства Российского»²¹⁴.

Ситуация в среде этнических отношений была противоречивой. В Петроградском Совете латыш – председатель Валкского Совета

²¹¹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 172–173.

²¹² ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 94. Л. 91; Революция и национальный вопрос. Т. 3. М., 1930. С. 269–270.

²¹³ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 175–176.

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1928. Л. 1.

рабочих депутатов в солдатской секции – просил присутствующих, чтобы они «не доверяли немцам Курляндию». Латыш-офицер 12-й армии требовал «отнять» у немцев Польшу, а у турок Армению. Польские и литовские представители заявили о стремлении к самостоятельности. Представитель украинцев, напротив, обещал «войти в состав великой русской республики». «Еврейские делегаты различных течений» называли революцию «праздником освобождения» и заявляли, что «в освобождении от фараонов египетских и российских много общего»²¹⁵. Уроженцы Прибалтики (эстонцы, латыши, шведы, финны) просили разрешить «пользоваться немецким языком (как родным)», а тем временем в Одессе генерал М. И. Эбелов запрещал богослужение на немецком языке. От имени рабочих-латышей социал-демократов М. Линде потребовал от российской социал-демократии «войны за освобождение Курляндии». «Группа эстонцев Юрьева» после демонстрации под лозунгами «Демократическая республика!» и «Автономия Эстонии!» заявила о присоединении к заявлению большевистской «Правды» о том, что «истинное равноправие достижимо лишь при даровании политической автономии областям с компактным составом населения». После этого, убедившись, что «нынешнее буржуазное Временное правительство категорически против автономии», «группа эстонцев-рабочих и крестьян-земледельцев батраков» обратилась в Петроградский Совет. Надеялись на центральную власть и мусульмане. Сотский 5-й сотни Назарий Салимбаев жаловался, что тыловики-сарты, занятые на Юго-Западных железных дорогах, «до сих пор остаются на старом положении», и просил отпустить их домой хотя бы на сельхозработы. А «прогрессивные мусульмане» Бухары в телеграмме от 4 марта доносили, что Российское политическое агентство в эмирате «всем своим составом стремится сохранить прежний режим»²¹⁶. Некоторые армяне-солдаты настаивали на освобождении Турецкой Армении²¹⁷. В общем, неожиданно обретенной свободой каждый старался воспользоваться по-своему. Но пока никто из них не догадывался, какими последствиями это может обернуться в будущем, хотя рост этнофобских настроений в городах и армии уже стал заметен²¹⁸.

Во Владикавказе 5 марта собрание представителей горской интеллигенции решило создать временный орган для подготовки общегорского съезда. 6 марта был создан Временный ЦК объеди-

²¹⁵ См.: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 279, 642, 319–321, 494–495.

²¹⁶ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 174. В этом контексте следует рассматривать и то, что эмир бухарский поспешил внести в «фонд национальной обороны» России 500 тысяч рублей. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 159.

²¹⁷ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 492.

²¹⁸ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 186.

ненных горцев Северного Кавказа, который возглавил балкарский просветитель и юрист Б. Шаханов. При этом выяснилось, что каждый народ стремится образовать свои собственные национальные Советы, отстаивать свои локальные интересы. В тот же день был избран Ингушский исполком, который возглавил генерал Т. Укуров. 14–15 марта в Грозном на 1-м съезде чеченского народа (собралось около 10 тысяч человек) группе интеллигентов противостояли предприниматели, торговцы, часть офицерства. В Азербайджане помимо тюркистской партии «Мусават» возникли партии, намеренные популяризировать исламские ценности²¹⁹.

В конце марта евреи – депутаты Государственной думы М. Х. Бомаш, И. Б. Гуревич и Н. М. Фридман выступили со специальным обращением к еврейскому народу, они призывали подняться на защиту революционной России. Вместе с тем в обращении говорилось о необходимости демократизации еврейской общины²²⁰. Увы, ситуация развивалась в противоположном направлении. Повсюду наметилась тенденция к этническому обособлению.

Ситуацию обострило стремление к созданию так называемых национальных полков – сказался пример формирования чехословацких, латышских, югославянских и польских формирований русской армии²²¹. Характерно, что эту идею поддерживала даже часть русских солдат. Во всяком случае, Петроградский Совет не смог противостоять «национализации» армии²²².

На развитии ситуации сказывались соответствующие слухи. Порой они отражали реальные опасения, но в целом становились все более вздорными. Так, в западных губерниях говорили, что Временное правительство намерено передать православные церкви католикам. На Кавказском фронте распространялись слухи о вооружении мусульман, намеревавшихся выступить против русских. В Уральской области прошел слух, что во время ярмарки киргизы (казахи) устроят бунт и начнут отнимать у русских землю. Напротив, говорили, что в Пржевальском уезде местные начальники самовольно раздавали оружие запасникам, более того, уезд объявил у себя «республику» и запретил вывозить хлеб за ее пределы. Здесь же пронесся слух о том, что готовится «выступление киргиз», следовательно, надо срочно вооружить европейское население²²³. 5 апреля на заседании исполкома Совета Военной организации Уфимского гарнизона было осуждено выступление епископа Уфим-

²¹⁹ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 118–120.

²²⁰ Речь. 1917. 30 марта.

²²¹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 43, 46, 72, 184.

²²² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций. Т. 3. 6 мая – 2 июля 1917 года. М., 2002. С. 30–31.

²²³ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 207, 228, 229, 254, 256.

ского Андрея (Ухтомского), приветствовавшего формирование частей русской армии из военнопленных-славян. Присутствующие сочли, что «подобное братание на почве национализма может ввести в страшное заблуждение» солдат-мусульман, которые, в свою очередь, захотят побрататься с турками. Позднее эту тему подхватили большевики, выступившие против «славянофильских чувств, насквозь пропитанных национализмом»²²⁴.

В революционные времена страхи, перерастающие в слухи, активно формируют информационное пространство, которое, в свою очередь, начинает структурировать социальные интенции. Политики, которые с этим не считаются, проигрывают первыми.

Радикализм национальных движений усиливался по мере радикализации солдатских масс. По некоторым данным, в русскую армию было мобилизовано от 600 до 650 тысяч поляков, 400 тысяч евреев, 350 тысяч грузин, 250 тысяч литовцев, 180 тысяч латышей, 120 тысяч армян, 100 тысяч эстонцев²²⁵. Выделить сколько-нибудь определенное число украинцев, как и православных белорусов, не представляется возможным. В «национальных» революциях происходили те же социально-политические процессы, что и в России в целом. Не случайно после Февраля их либеральные лидеры старого поколения или перекрасились, или были потеснены социалистами.

В Петрограде 26 марта состоялась манифестация эстонцев, включавшая немало солдат. Были заметны лозунги: «Демократическая республика», «Автономная Эстония», «Война до конца», «Земля народу». В Таврическом дворце демонстранты передали представителям Совета декларацию с перечнем «автономии Эстонии и права национального самоопределения»²²⁶.

25 марта в Симферополе на крымско-татарском курултае был избран Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (ВКМИК), главой которого стал Ч. Челебиев, впервые в истории российских мусульман выбранный (а не назначенный) муфтием – главой Таврического магометанского духовного управления²²⁷. На съезде решено было добиваться осуществления национально-культурной автономии. ВКМИК получил признание Временного правительства в качестве единственного, законного и полномочного органа, представляющего всех крымских татар и обладающего правом решать все их проблемы²²⁸. Временное правительство 30 марта разрешило вернуться на родину высланным во время войны турецко-подданным – уроженцам Крыма²²⁹.

²²⁴ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 109, 145.

²²⁵ Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. The Old Army and the Soldiers' Revolt (March – April 1917). Princeton, 1980. P. 103–104.

²²⁶ Авдеев Н. Указ. соч. С. 127.

²²⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 195.

²²⁸ Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 386.

²²⁹ Хроника революционных событий в Крыму за 1917–1918 гг. // Революция в Крыму. 1927. № 1(7). С. 201.

13 марта в Ташкенте на митинге мусульман возле главной мечети был избран Мусульманский совет – Шура-и Исламия. Его возглавили местные джаиды (реформаторы). Шура-и Исламия имела свой устав, печатный орган «Наджат»²³⁰. Но распространение влияния этого органа не везде протекало гладко. Так, в Андижане интересы местных мусульман разделились, и они стали группироваться вокруг двух враждующих организаций, которые возглавлялись двумя баями²³¹. В Старой Бухаре, управляемой бухарскими властями, граждане-мусульмане не были допущены к выборам членов исполкома Новой Бухары, где проживали европейцы. 15 марта Туркестанский генерал-губернатор А. Н. Куропаткин телеграфировал российскому резиденту в Бухаре о желательности исправить положение во избежание трений между двумя этническими группами. К концу месяца по этому вопросу было достигнуто соглашение²³².

22 марта в Баку собрание представителей различных мусульманских организаций под руководством Ф. Х. Хойского создало Национальное бюро Комитета мусульманских общественных организаций, которое возглавил М. Г. Гаджинский. Мусульмане призывались объединиться и высказаться за создание демократической республики. 2 апреля на митинге в Гяндже прозвучало требование федеративной республики. Как результат, на открывшемся 15 апреля в Баку I съезде кавказских мусульман М. Э. Расулзаде выступил с требованием территориальной автономии для мусульман России с согласия будущего Учредительного собрания²³³.

Некоторым российским интеллигентам уже в начале апреля казалось, что «от России почти ничего не осталось» – все окраины говорят о самостоятельности, живут своими «маленькими интересами», а о России «как об объединяющей идее» никто уже не думает. Возникал вопрос: «Соединенные Русские штаты, утопия или реальность?»²³⁴. Страхи сепаратизма – обычный спутник всякой империи.

Однако некоторые этносы вели себя подчеркнуто верноподданнически. Так, состоявшийся 14–16 мая в Киеве двухтысячный съезд «русских немцев», где были представители Поволжья, Сибири, Кавказа, поддержал кадетскую аграрную программу, предложил записываться в республиканско-демократическую партию (состояла по преимуществу из бывших октябристов). Все предложения в национальной сфере свелись к решению об учреждении всероссийского союза немцев-меннонитов, просьб к Временному правительству о

²³⁰ История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент, 1993. С. 202.

²³¹ См.: Туркестанские ведомости. 1917. 27 июля; ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 544. Л. 164–164 об.

²³² РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4654. Л. 1, 4.

²³³ Багирова И. Указ. соч. С. 13–14.

²³⁴ Письма – больше, чем воспоминания... С. 273, 275.

возвращении в Киевскую и Волынскую губернию 400 тысяч депортированных колонистов. Но потенциальным источником конфликта были просьбы об удалении из немецких колоний галицийских русин²³⁵.

Все народы России, включая поляков, которым была обещана независимость (пусть под военно-полицейским патронажем России), и финнов, чья автономия восстанавливалась в полном (достопыпнском) объеме, поначалу готовы были ждать до Всероссийского Учредительного собрания – тем более, что комитеты общественной безопасности на местах охотно включали их представителей в свой состав. Так, в Казани к началу апреля было решено, что в состав КОБа в числе представителей от 28 различных организаций войдут представители от Мусульманского социалистического комитета и Мусульманского комитета, а также от национальных организаций всех прочих народов губернии, не говоря уже о беженских (в том числе латышских и еврейских) организациях²³⁶. Казалось, ситуация находится под контролем центральной власти и местной общественности.

Однако на деле началась эскалация агрессивного национализма. Обычно все начиналось с недоразумений, вызванных какой-либо случайно усвоенной или запущенной с провокационной целью информацией, затем начинали муссироваться всевозможные слухи, которые при многократном обороте перерастали в твердое убеждение. В Петроградский Совет 26 марта адресовалась «группа эстонцев г. Юрьева». Ознакомившись с одним из номеров «Правды», они уверовали, что большевики намерены отстаивать «политическую автономию областей с компактным составом населения». Созрело убеждение, что министр-председатель Г. Е. Львов под влиянием не кого-нибудь, а П. Н. Милюкова, категорически отклонил дарование эстонцам автономии (на деле Временное правительство охотнее всего шло навстречу именно эстонцам). На основании всего этого сложилось убеждение, что «буржуазное» правительство решительно противостоит в национальном вопросе Петроградскому Совету²³⁷. Впрочем, не исключено, что подобные послания инспирировались большевистскими пропагандистами.

В целом местные национальные лидеры старались найти с центральной властью общий язык. Это касалось и процесса создания национальных военных формирований. С 27 по 30 апреля в Москве проходило всероссийское совещание мусульман-воинов, около трети участников которого составляли офицеры. Совещание высказалось за скорейший мир без аннексий и контрибуций и участие мусульманских представителей в будущей мирной конференции.

²³⁵ Киевская мысль. 1917. 17, 20 мая.

²³⁶ НА РТ. Ф. 4650. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 298. Л. 176–177 об.

Для формирования мусульманских частей был создан специальный Всероссийский Временный мусульманский военный совет²³⁸. «Мусульманизация» армии разворачивалась и по другим каналам. 15 мая в Севастополе, во время пребывания там Керенского к нему была направлена крымско-татарская делегация. Была высказана просьба о возвращении в Крым дислоцированного в Херсонской губернии Крымского конного полка и образования татарского полка из его маршевых эскадронов. Керенский высказался за удовлетворение этих просьб и предложений²³⁹.

Среди мусульман Уфимской губернии преобладало спокойствие. Вместе с тем выяснилось, что образовавшийся в Уфе мусульманский комитет рассылает на места агитаторов, настроенных весьма радикально. Некоторые из них убеждали население решить земельный вопрос, не дожидаясь Учредительного собрания – «пока не отобрано у солдат оружие». С 14 по 17 апреля в Уфе проходил 1-й Уфимский губернский мусульманский съезд²⁴⁰. Съезд высказался за культурно-национальную автономию, выдвинув требование признания татарского языка официальным языком в районах с мусульманским населением, избрал губернское мусульманское шуро. Большинство съезда склонно было отказаться от захватного решения аграрного вопроса, однако башкирская фракция потребовала возвращения башкирам-вотчинникам земель, потерянных ими за последние годы. 14 апреля председательствующий на съезде И. А. Ахтямов по поручению Уфимского губернского комитета общественных организаций отбыл в Петроград, чтобы проинформировать премьера Г. Е. Львова о положении дел в губернии²⁴¹. Практически параллельно 15–16 апреля в ауле Тлянчитатак проходил многочисленный (2 500 человек) съезд мусульман Мензелинского уезда Уфимской губернии, высказавшийся за предоставление мусульманам «религиозной, национальной и культурной свободы», за отмену частной собственности на землю, за мусульманизацию армии и т.д.²⁴². Вместе с тем уфимские «мусульмане-приказчики» потребовали выходного дня в пятницу²⁴³.

Но по-настоящему ситуация изменилась в связи с событиями на Украине. В Киеве позиции националистов казались заведомо слабыми. В гарнизоне было 15 тысяч солдат-украинцев, в массе городского населения они составляли всего 12 % (евреев было 18,6 %). Местный пролетариат составлял 8,4 % городского населения, при-

²³⁸ Утро России. 1917. 2 мая; Известия Всероссийского мусульманского военного Шуро. 1917. 24 декабря.

²³⁹ Вестник Временного правительства. 1917. 24 мая.

²⁴⁰ Мусульманские депутаты Государственной думы России... С. 273–274.

²⁴¹ Уфимский вестник. 1917. 15 апреля; Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 161–162.

²⁴² ГА РФ. Ф. Р-3923. Оп. 1. Д. 1. Л. 76.

²⁴³ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 203.

чем украинцев среди него было только 13 %. Украинские политики, как и российские, находились между собой не в лучших отношениях²⁴⁴.

Ситуация стала обостряться вовсе не с образованием Украинской Центральной рады, составленной по привычному для того времени «революционно-соборному» принципу (в нее входили культурно-просветительские, самоуправленческие, профессионально-корпоративные, национальные, политические организации), а с возобладанием в ее руководстве украинских социал-демократов и пополнением ее состава представителями крестьян и особенно солдат. Центральная рада рассчитывала всего лишь на признание Временным правительством права украинского народа на широкую национально-территориальную автономию в рамках федеративной российской республики, гарантируя при этом соблюдение прав этнических меньшинств²⁴⁵. Несколько неловких шагов центральной власти, воспринятых в штыки в Киеве, скоро накалили обстановку²⁴⁶. К этому добавлялся фактор территориально-этнического размещения населения: города на Украине были «русско-еврейскими», в деревне крестьянам противостояли помещики из великороссов (русифицированных украинцев) и поляков. Чрезвычайно мощной оставалась инерция антисемитизма. Еще в январе 1917 г. из Юзовки сообщали, что завод Новороссийского общества «буквально переполнен евреями», которые за взятки устраиваются на завод, чтобы избежать призыва в армию²⁴⁷. Трудно сказать о еврейской составляющей «ухода в пролетарии» самых различных слоев населения. В данном случае «сигнал» адресовался В. М. Пуришкевичу, то есть, как можно предположить, исходил от наиболее «бдительных» его почитателей. Но не приходится сомневаться, что скоро юдофобия вдобавок ко всему приобрела революционную окраску²⁴⁸.

В начале июня лидеры российских мусульман обсуждали вопрос о создании «инородческого политического блока». Это делалось явно в ответ на равнодушие революционной общественности к нуждам малых народов. А между тем некоторые общественные деятели предлагали осуществить социально-политическое переустройство России на основах «христианского социализма». Проект был за-

²⁴⁴ Танин-Львов А. А. Украинская Центральная рада и Февральская революция: блок национальных партий и Временного правительства // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 315–317.

²⁴⁵ Українська Центральна рада. Документи і матеріали. Т.1. Київ, 1996. С. 50.

²⁴⁶ См.: Булдаков В. П. Временное правительство и Центральная рада: пределы психополитической совместимости лидеров // «Украинский вопрос» и революционные события в России 1917 года. СПб., 2006. С. 13–32.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1069. Л. 114.

²⁴⁸ См.: Булдаков В. П. Феномен революционного антисемитизма, 1917–1918 гг. // Постигая историю. Сб. научн. статей. Пенза, 2006. С. 177–189.

думан «не для всех». Автор предложения, известный журналист В. П. Сватковский, сознавал, что еврейский элемент «более или менее исключается» из данного проекта, но это его не смущало. Построенная на этой основе организация не должна была стать «неприменно и всегда антисемитической»²⁴⁹. Налицо была еще одна иллюзия, которая уводила в сторону, противоположную задаче этнического примирения.

Между тем, вопреки обычным имперским страхам, настоящие сепаратисты были по-прежнему почти незаметны. Этнические пасынки империи скорее боязливы, нежели самонадеянны. Их лидеры не привыкли к самостоятельному принятию решений. Конечно, и среди них предостаточно диссипативных элементов. Но они обычно уподобляются сепаратистам, скорее от отчаяния. Со своей стороны, верноподданнические элементы становились все более подозрительными по отношению к «пробудившимся» инородцам. Из этой противоречивой ситуации и вытекали новые взаимные страхи – в сущности те же самые, которые подпитывают последующие поколения столь же «неразумных» историков.

Сегодня нельзя не признать, что больше всего благоглупостей говорится именно в связи с национальным вопросом. Удивляться не приходится: человек склонен «спасаться» в своей – желательно наиболее мощной – социокультурной среде. Но он легко принимает имперскую иерархию – эту земную модель мироздания – если она «разумно» и «справедливо» защищает его социокультурное наследие. Однако империи не вечны – они всего лишь временные носители «порядка» среди глобальных изменений.

Империя – это прежде всего культура, причем не просто культура державного величия, но и «культура» страха потерять его. В любом случае жизнеспособность империи зависит от энергетики его этнического ядра. Однако в России последнее было выхолощено казенно-православным патернализмом. И как только центр начал терять «цивилизаторский» дух и управленческую силу, пробудились «варвары», готовые растащить наследие империи во имя по-своему понимаемой «справедливости».

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 528. Л. 4–5.

Глава 10

ПОЛИТИКА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ: КОНСОЛИДАЦИОННЫЕ И ДЕСТРУКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ

2.10.1. Апрельский кризис и провоцирование экстремизма

К концу марта 1917 г. в России стало ясно, что без растущей помощи союзников не обойтись, а позиция последних зависит от уверенности в прочности новой российской власти и ее готовности продолжать войну. Проблема перспектив войны в значительной степени зависела от «сговорчивости» Петроградского Совета. Но ожидать этого от доктринеров, получивших, как им казалось, наиболее подходящие условия для реализации своих планов, вряд ли приходилось. Выступая на солдатской секции Петроградского Совета 26 марта, Керенский уверял, что на днях появится правительственный документ с отказом России от «всяких завоевательных стремлений». На следующий день Церетели заявил, что в данный момент вопрос о мире не следует делать «предметом конфликта», а Керенский принялся уверять, что правительственная декларация – «колоссальное завоевание»¹. На деле двусмысленный характер декларации открывал возможности для демагогической критики «буржуазии и соглашателей» слева.

По иронии судьбы воинствующий атеист Ленин вернулся в Россию 3 апреля – в первый день пасхальной недели. Узнав о его возвращении, Д. С. Мережковский вскричал: «Ленин! Да ведь это сам черт! Ведь это всему конец!»². И хотя всем было известно, что Ленин вместе с тремя десятками социалистов-эмигрантов возвращался через Германию в знаменитом «пломбированном вагоне», в Петрограде его ждала торжественная встреча, едва не затмившая встречу Плеханова. Лидеры Совета надеялись уговорить его работать над «углублением» демократии, а не революции.

¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 589, 600, 604.

² Бенца А. Н. Мой дневник. С. 181.

В «царском» зале здания вокзала угрюмый Чхеидзе пытался подсказать Ленину правила революционной «политкорректности». Главный большевик отмахнулся от него и вышел на площадь, где его поджидал автомобиль. Потом подоспел пресловутый броневик. Н. Н. Суханов, «полубольшевик», свидетельствовал, что путь ко дворцу Кшесинской – особняку бывшей любовницы свергнутого императора, превращенного в вертеп мировой революции, – освещал прожектор, медленное движение сопровождали толпы рабочих и солдат с оркестром и знаменами. С броневика Ленин «служил литию», писал Суханов, чуть ли не на каждом перекрестке. Он уверял, что триумф вышел «блестящим и даже довольно символическим». Редакторы большевистской «Правды» прокомментировали происходящее более сдержанно: «Стоя на броневом автомобиле, тов. Ленин приветствовал революционный русский пролетариат и революционную русскую армию, сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе». Свои идеи Ленин принялся внушать во дворце Кшесинской собравшимся большевикам. В передаче Суханова это выглядело так: «...Никто не ожидал ничего подобного. Казалось, из всех логовищ поднялись все стихии, и дух всесокрушения, не ведая ни преград, ни сомнений... стал носиться в зале Кшесинской над головами зачарованных учеников»³. Впрочем, говорили, что те же самые матросы, которые выделили на встречу Ленина почетный караул, через три дня поместили в петроградских газетах письмо с протестом против его прибытия в Россию и выражали сожаление в своем участии в почетном карауле»⁴.

Уже на следующий день Ленин набросал свои знаменитые «Апрельские тезисы». Их положения были просты: никаких уступок «революционному оборончеству», то есть тем «дурным» социалистам, которые поддерживают буржуазию и империалистов; соответственно, Временное правительство должно отказаться от завоевательных планов. Ленин был недоволен и лидерами существующих Советов – их следовало заменить «настоящими» революционерами. «Буржуазному» парламентаризму не должно быть места в новой России – его должна сменить «более высокая» форма демократии в лице «Республики Советов, рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов». Ленин предлагал также централизацию банковского дела и постепенный переход к «общественному» контролю над производством и распределением продуктов. Именно так он понимал «шаги к социализму».

Излишне доказывать, что план Ленина был нереалистичен. А между тем бывают времена, когда для взбаламученных масс утопии кажутся единственно возможной реальностью. Британский

³ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. М., 1991. С. 7–8, 11.

⁴ Наживин И. В. Указ. соч. С. 29.

историк Роберт Сервис сравнил значение 10 ленинских тезисов с 95 тезисами Лютера, которые величайший проповедник пришил к дверям Виттенбургского собора ровно 400 лет назад⁵. В обоих случаях делалась ставка на неистовство новой веры, овладевшей массами.

Впрочем, 4 апреля, выступая в Таврическом дворце перед большевиками – участниками Всероссийского совещания Советов, Ленин произнес вполне здравую фразу: «Мы не шарлатаны. Мы должны базироваться только на сознательности масс». Ленин понимал, что в народе нет никакого представления о социализме – нужна просветительская работа. Но возможен был и другой вариант развития событий: переложение доктрины на язык разрушительных инстинктов отчаявшихся толп.

Как бы то ни было, в Таврическом дворце бывшие сподвижники Ленина уверенно заявляли, что его предложения – «бред сумасшедшего». Плеханов выступил с саркастической статьей «О тезисах Ленина и о том, почему бред подчас бывает интересен». 7 апреля ЦК РСДРП(б) также не принял ленинские идеи⁶. 7 апреля «Тезисы» были опубликованы в «Правде», однако на следующий день против их «разлагающего влияния» там же выступил Л. Б. Каменев. Лишь 14 апреля петроградская общегородская конференция большевиков одобрила ленинские тезисы, а 24–29 апреля их поддержала 6-я Всероссийская (Апрельская) конференция большевиков.

На конференции Ленину все еще противостояли многие видные большевики. При этом многие из них (особенно Л. Б. Каменев и А. И. Рыков) недоумевали, какие практические шаги вытекают из установки на социалистическую революцию, чему учить в связи с этим массы. Ленин между тем делал ставку на провоцирование смуты любым путем (разумеется, не заявляя об этом откровенно), набираясь опыта у бунтующей массы. Это по-своему понял Сталин, моментально, как нечто совершенно естественное, сделавший поворот на 180° и даже высмеявший им же самим недавно поддерживаемый лозунг контроля над Временным правительством⁷. Итак, первый же кризис показал, что нестабильность власти вызывает к жизни неведомые политикам силы.

Ленину «помогли» события, которых никто не ожидал.

В известные времена ход событий определяют не инсургенты, а те упрямые политики, которые пытаются удержать безнадежную ситуацию под своим контролем. Опасность догматизма Милюкова

⁵ Service R. Lenin: A Political Life. Vol. 2. Worlds in Collision. Hampshire and London, 1991. P. 156.

⁶ Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. С. 330.

⁷ См.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевики). М., 1958. С. 83, 86, 106, 101.

заметили давно. Даже сотрудники Милюкова по внешнеполитическому ведомству считали тактику взаимоотношений своего шефа с Петроградским Советом с одной стороны, и союзными державами с другой, «слишком прямолинейной»⁸. Влас Дорошевич уверял, что упрямого Милюкова кадеты меж собой прозвали «богом бестактности»⁹. Как бы то ни было, на Милюкова давили англичане, требовавшие ясности относительно внутривнутриполитической обстановки в России¹⁰. 18 апреля Милюков заверил засомневавшихся послов союзных держав, что Временное правительство продолжит войну до победы. И в тот же день рабочие начали праздновать уже привычный Первомай (по новому стилю). О ноте Милюкова они пока не знали, а потому вели себя мирно. Милюков, со своей стороны, постарался сделать все, чтобы ноту не заметили. В тогдашней обстановке надеяться на это было по меньшей мере наивно.

19 апреля Милюков и Керенский выступали на «концерте-митинге» в Михайловском театре. Здесь произошел нелепый и по-своему символический инцидент. После «патриотического» выступления Милюкова и пения Кузнецовой «из бедуара выскочила всклокоченная фигура с криком: “Я хочу говорить за мир, против войны”». Оказалось, что это был каторжник (отнюдь не политический), взявшийся читать письма с фронта: «немцы хотят брататься с русскими товарищами». Публика, однако, слушать его не стала¹¹.

Последующие события представляли собой характерное для революции соединение провокации и анархии, утопии и психоза. В известном смысле наступил «час дурака». Социалисты готовы были проглотить «буржуазную» пилюлю, но кадетский ЦК призвал граждан выйти на улицы 20 апреля для поддержки правительства. Между тем в тот же день солдаты заговорили, что милюковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им дуть на развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир...»¹². Пронесся слух, что идет распродажа «земель, леса и недр иностранным и своим капиталистам». «Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать...», – констатировали интеллигентные наблюдатели¹³. Солдаты требовали отставки Милюкова и Гучкова и обещали прийти на помощь Совету с оружием в руках. Последовало хождение раздраженных толп к Мариинскому дворцу – резиденции правительства. Демонстрации шли вразнобой, агитаторы действовали с переменным успехом. Но

⁸ Михайловский Г. Н. Указ. соч. С. 309.

⁹ Дорошевич В. М. Указ. соч. С. 70.

¹⁰ Бьюкенен Д. Указ. соч. С. 228.

¹¹ Милюков П. Н. Воспоминания. С. 609–610.

¹² Революционное движение в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 728.

¹³ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 35.

страсти накалялись: появлялись плакаты «Долой Временное правительство!».

21 апреля на улицы столицы с требованиями мира вышло до 100 тысяч рабочих и солдат. Большевики утверждали, что около 3 часов дня на углу Невского проспекта и Екатерининского канала по толпе рабочих начали стрельбу гражданские лица, переодетые солдатами. Результат – трое убитых, двое раненых. Около 4 часов на Казанской улице также раздались непонятные выстрелы, были тяжело ранены двое солдат и одна женщина. На углу Итальянской улицы демонстрантов вновь обстреляли, рабочие ответили выстрелами. К вечеру стреляли на углу Садовой и Невского. Кто первым открывал огонь, выяснить не удалось. Не смогли даже точно подсчитать убитых и раненых.

Вечером 21 апреля в Москве также прошли манифестации. Некоторым казалось, что демонстранты оказали поддержку Временному правительству¹⁴. Другие, напротив, сообщали, что «многие заводы прекратили работу», а на «митингах, происходивших к ночи, обнаружилась непримиримость “правительственников” с рабочими»¹⁵. Кадетская «Речь» не преминула нам намекнуть, что американский посол Френсис настаивает на энергичных мерах по наведению порядка¹⁶.

Характерно, что в местах, где не было ничего известно о ноте Миллюкова, первомайские торжества прошли мирно. Так, в Уфе 50-тысячная демонстрация и митинг, на котором присутствовала весьма пестрая публика – от солдат и социалистов до студентов, военнопленных и мусульман, – обошелся без эксцессов. Рядом с лозунгами «Солдаты – в окопы, рабочие – к станку», «Долой постоянную армию» соседствовали призывы к «Миру без аннексий и контрибуций». Были особые партийные, профсоюзные, мусульманские и женские лозунги. Писали, что «порядок был образцовый»¹⁷. Но «смута в умах» рано или поздно должна была прорваться людским раздором.

«Известия Петроградского Совета» утверждали, что на Знаменской площади демонстрантам пытались перегородить дорогу грузовики с юнкерами. У Мойки на женщин-работниц напали студенты Военно-медицинской академии и Института путей сообщения, врезавшиеся в толпу на автомобилях. В других свидетельствах упоминались автомобили с инвалидами, солдатами, офицерами, вольноопределяющимися с плакатами: «Ленина и компанию обратно в Германию»¹⁸. «Мне временами кажется, что Россия обратилась в грандиозный сумасшедший дом, в необъятных размеров Бед-

¹⁴ Алексей Васильевич Орешников. С. 114.

¹⁵ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 36.

¹⁶ Речь. 1917. 21 апреля.

¹⁷ Мордвинцев Г. В. Указ. соч. С. 175–177.

¹⁸ Революционное движение в апреле 1917 г. С. 727–750.

лам, или, может быть, я теряю рассудок», — записывал в дневнике Л. А. Тихомиров¹⁹.

На события апреля 1917 г. повлияли и специфические внешние факторы. Союзники упорно давили на Временное правительство, требуя покончить с «двоевластием». Французы даже предлагали коллективный демарш, угрожая прекращением военных поставок в том случае, если в России не будет покончено с революционной пропагандой²⁰. При этом французы подтверждали свои обещания о проливах и заявляли, что от своих целей в войне они не намерены отказываться²¹. На этом фоне Милюкову хотелось бы выглядеть «достойно». Это походило на «усердие не по разуму», хотя вряд ли кто-либо из тогдашних «вершителей судеб мира» действовал адекватно. Так, среди европейских социалистов в связи с революцией в России возросли надежды на «социалистический» мир без пресловутых «аннексий и контрибуций». Все это привносило дополнительную нервность в поведение и Временного правительства, и руководителей Советов.

Люди, кивавшие на трудности двоевластия, неуклонно провоцировали «безвластие во власти». Для масс, пропитанных духом патерналистского авторитаризма, трудно было придумать что-либо более нелепое.

Впрочем, «пасхальные» события 1917 г. отнюдь не означали, что эскалация вражды приняла необратимый характер. Демонстранты послушно последовали указанию Совета о запрещении на два дня уличных шествий (скорее всего, они прекратились бы сами собой). Ранее непримиримые к «буржуазии» социалисты обнаружили неожиданную сговорчивость, а самый пылкий их лидер И. Г. Церетели скоро стал министром в коалиционном правительстве. Суханов писал, что как политик он был «не только слеп, но и глух»²². И в этом не было ничего удивительного. Даже у самых авторитарных представителей российских элит было притуплено то, что принято называть инстинктом власти. На этом фоне многочисленные ленинские призывы «следовать за массой» смотрятся символично.

К этому времени созрело ощущение, что мировая война обернулась настоящей катастрофой гуманистического сознания. Люди перестали искать иного выхода из кровавого тупика кроме жестокой расправы над его «виновниками». «Нет! Мало свободы и братства, / И тайнства счастья — так зыбки!» — писал в апреле 1917 г. Валерий Брюсов. Всюду «ненависть и вражда», «человеческая глупость»²³, — сообщали из провинции в это же время.

¹⁹ Дневник Л. А. Тихомирова. С. 345.

²⁰ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 193–194.

²¹ Россия и черноморские проливы. С. 348.

²² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. С. 138.

²³ Письма — больше, чем воспоминания... С. 277, 278.

Внутри своей партии Ленин, вроде бы, «победил». Но в целом большевизм опирался пока лишь на ситуационные эмоции, а не на устойчивую ненависть низов к правителям, настаивавшим на продолжении самоистребления людей. Поэтому все более действенными оказывались слухи о нежелании властей думать об обещанном Петроградским Советом мире. Они-то и порождали массовые угрозы покинуть фронт. Были и курьезные слухи, за которыми, однако, могли стоять сознательные пропагандисты. Так, в Архангельске заводские работницы передавали друг другу, что за вступление в партию большевиков «будто бы выдают ситец»²⁴.

Однако большинство телеграмм с мест в адрес Временного правительства содержало выражение поддержки существующей власти и даже войны до победы. К этому добавлялось пожелание дружной работы правительства с Петроградским Советом ради доведения войны до почетного мира, а России – до демократической республики. Формирование коалиционного правительства вызвало немалые восторги. Кое-кто требовал арестовать Ленина²⁵. А между тем «война войне» уже была объявлена.

Нельзя сказать, что в эти дни большевизм «показал себя». Дело было не только в этом. Слабая российская демократия слишком заметно продемонстрировала свою беспомощность. Возможно, именно причины такого порядка и являются основным источником российских смут.

В связи с апрельским кризисом осложнилось внешнеполитическое положение России. 22 апреля в Петроградском Совете поддержали «Заем свободы», призванный укрепить обороноспособность армии. Но на совещании в Ставке с участием французского министра А. Тома, яростно агитировавшего за скорейшее наступление русской армии, М. В. Алексеев заявил, что русская армия сможет атаковать противника в лучшем случае через 2–3 недели²⁶. П. Н. Милюков попытался уговорить его пересмотреть эти планы, но успеха не имел. Более того, в Ставке ему объяснили, что армия не может наступать ранее середины июня. В этих условиях военному министру Гучкову не осталось ничего иного, как демонстративно подать в отставку²⁷. Милюкову пришлось последовать за ним. Центр тяжести в принятии кардинальных для России решений переместился к Керенскому и социалистам. Однако лидеры Петроградского Совета больше рассчитывали не на него, а на перспективу созыва международной социалистической конференции, якобы способной приблизить демократический мир.

5 мая по соглашению с Петроградским Советом было сформировано первое коалиционное правительство. Его возглавил все тот

²⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 158.

²⁵ См.: ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 97, 98, 99, 100, 102.

²⁶ Рабинович С. Е. Борьба за армию в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 22–23.

²⁷ Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 201–203.

же Г. Е. Львов, военным министром стал А. Ф. Керенский, юстиции – П. Н. Переверзев (трудовик), иностранных дел – М. И. Терещенко, путей сообщения – Н. В. Некрасов (кадет), торговли и промышленности – А. И. Коновалов (прогрессист), народного просвещения – А. А. Мануйлов (кадет), финансов – А. И. Шингарев (кадет), земледелия В. М. Чернов (эсер), почт и телеграфа – И. Г. Церетели (меньшевик), труда – М. И. Скобелев (меньшевик), продовольствия – А. В. Пешехонов (народный социалист), государственного призрения – Д. И. Шаховской (кадет), обер-прокурор Синода В. Н. Львов (беспартийный), Государственный контролер И. В. Годнев (октябрист). В сущности, это было очередное правительство партийных доктринеров. Сомнительно, чтобы абсурдное в управленческом смысле соединение профессионально неподготовленных либералов и взвинченных революцией социалистов могло стать работоспособным.

2.10.2. Революционное лидерство и нетерпение масс

Российская политическая культура тяготела к персонализации власти. Новые властные круги пугливо сторонились диктаторства – сказывалось психологическое отторжение от авторитаризма. И либералы, и социалисты были поражены «властебоязнью». Но были и исключения – Керенский.

Сперва людей притягивала и обнадеживала его скромная должность министра юстиции – «защитника обиженных». Затем в лице Керенского стал культивироваться образ «народного трибуна», который перерос в фигуру «первого русского гражданина» и «народного вождя», словно подтверждающего возможность прыжка из «проклятого прошлого» в «светлое будущее». И этому способствовали не только наивные люди. В насаждении подобных иллюзий сыграли свою роль Д. Мережковский и З. Гиппиус. А. Бенуа считал, что их упование на Керенского базировалось на «перепуге»²⁸. Людями попроще двигала надежда. «Группа трудящихся женщин Твери» называла его «Солнцем России»²⁹. В Киеве солдаты предлагали переименовать Столыпинскую улицу в Керенскую³⁰. Все это напоминало театр абсурда.

Поначалу даже склонность Керенского к истерии воспринималась как нечто естественное. В конце марта на заседании исполкома Петроградского Совета И. Г. Церетели предупреждал: «Сейчас будет здесь Керенский. Но, по имеющимся сведениям, он нервно рас-

²⁸ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 169, 188.

²⁹ Колоницкий Б. Сага о народной любви и ненависти.

³⁰ Булдаков В. П. Красная смута. С. 136.

строен. Будет нежелательно [резко говорить с ним]³¹. Но времена менялись. Жесткую характеристику Керенскому дал Н. Н. Суханов. «И на посту министра-президента, – считал он, – Керенскому пришлось остаться тем же, чем он был в роли агитатора, лидера парламентской “безответственной оппозиции”...: беспочвенником, политическим импрессионистом и... интеллигентным обывателем»³². В. Д. Набоков отмечал, что Керенский был «соткан из личных импульсов», «душа его была “ушиблена” той ролью, которая история ему – случайному, маленькому человеку – навязала...»³³. Наиболее язвительно высказывался Л. Д. Троцкий. «...Керенский был и остался случайной фигурой, временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девственных, еще не разборчивые массы, неизбежно поднимает наверх таких героев на час, которые сейчас же слепнут от собственного блеска...»³⁴. Однако интеллигентным дамам в апреле-мае 1917 г. Керенский казался «чуть ли не сошедшим с неба ангелом – и именно ангелом мира»³⁵. Создается впечатление, что появление тех или иных лидеров было «запрограммировано» всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции. До поры до времени такая личность оказывалась востребованной.

Поразительная картина неустойчивости харизмы Керенского прослеживается по дневникам студентки Одесской консерватории. «Я полна радости и счастья... Вчерашний день (15 мая 1917 г.) – один из лучших и радостных дней в моей жизни: приехал Александр Федорович Керенский – и я его видела! – восторженно писала она. – Все были в каком-то религиозном экстазе, и толпа превратилась в дикарей... Многие стояли и плакали от восторга и умиления... Про него никто не может сказать ничего дурного, даже его враги, даже ленинцы... Милый дорогой Керенский, гений и главный двигатель Русской Революции». Ей казалось, что по случаю визита «гения» «все сразу подешевело», и вообще «наша революция справедливая и не похожа на кровавую французскую расправу». Увы, через полмесяца ей пришлось выслушать иное мнение от столичной знакомой: Керенский – «морфинист и дни его сочтены», у него «пять любовниц-евреек». А 25 июля 1917 г. она сама признала, что Керенский «делает ошибку за ошибкой», и она его «больше не любит и не преклоняется»³⁶. К тому времени сам Керенский в одной из своих речей признал: «Мы обнаружили невероятно много в новом государственном строительстве невежества и слишком мало опыта в

³¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. С. 598.

³² Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. С. 40, 72.

³³ Набоков В. Д. Указ. соч. С. 35.

³⁴ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин, 1930. С. 8–9.

³⁵ Бенца А. Н. Мой дневник. С. 188.

³⁶ См.: «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 141–144.

делах государственного управления»³⁷. Строго говоря, признание было запоздалым.

В смутные времена легко стать заложником неумеренных эмоций. Это касается и простых людей, и их «вождей». Более чем своеобразное впечатление от Керенского осталось у В. В. Розанова. «Он очень красив..., много ездит и говорит, но не стреляет», — записывал он летом 1917 г., с некоторым беспокойством добавляя, что «нельзя быть правительством без твердой уверенности в себе»³⁸. Похоже, что пресловутое «вечно бабье» вновь напоминало о себе как у Розанова, так и у его «героя».

В 1917 г. люди не скупились ни на восторги, ни на уничижительные эпитеты. Писатель Л. Андреев, называя Керенского «государственным идиотом», заявлял, что он «в своей слабости преступен перед Россией»³⁹. Но находились люди, которые, в сердцах именую Керенского «канатным плясуном» и «помощником Вильгельма», все же признавали, что, хотя его голова «наполнена исключительно теорией и доктриной», он все же начал поворачивать «на государственно-практический путь»⁴⁰. А в провинции тем временем судачили: на Государственном совещании Керенский проговорил 6 часов, через три часа «один из двоих жандармов, составлявших его почетный караул... упал в обморок»⁴¹.

Стране было недостаточно одного яркого вождя. Требовалась своего рода иерархия харизматичных лидеров. Они, в свою очередь, должны были располагать набором опытных управленцев. Между тем довольно скоро возникла объективно более опасная для власти зона конфликта: противоречие между КОБаи губернского уровня (интеллигентскими по составу) и устремлениями низов, особенно крестьян.

Европеизированным политикам трудно было понять, до какой степени их будущее зависит от традиционалистской крестьянской массы. А в близких для нее вопросах она была крайне нетерпелива. Ей нужны были «свои» политики.

Уже в мае 1917 г. крестьяне Пензенской губернии заявляли, что «кроме волостного комитета они никого не признают», поскольку уездные и городские комитеты «работают на руку земледельцам»⁴². Некоторые крестьяне в середине лета считали, что уездные и губернские земства обходятся слишком дорого,

³⁷ Цит. по: Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 54.

³⁸ Розанов В. В. Последние статьи (1917–1918) // Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 357.

³⁹ Андреев Л. Н. Указ. соч. С. 140, 205.

⁴⁰ Богословский М. М. Указ. соч. С. 307, 388, 447.

⁴¹ Теплоухов К. Н. Указ. соч. С. 303.

⁴² Верменичев И. Крестьянское движение в 1917 г. // Аграрная революция. Т. 2. М., 1928. С. 199.

и предлагали «окружные» земства для четырех-пяти волостей⁴³. В Даниловичской волости Ельнинского уезда Смоленской губернии волисполком действовал «наперекор» губернскому комитету, крестьяне выступали против помещиков в соответствии с его указаниями⁴⁴. И эта тенденция усиливалась в связи с развитием аграрного движения. А в конечном счете вышестоящие органы могли только санкционировать решения низовых крестьянских организаций о распределении захваченных земель⁴⁵.

Все это было не случайно. Волостные комитеты представляли политическую культуру большинства народа. «Городская» политика становилась для крестьян все более чужой. Лидеры типа Керенского производили на них впечатление до тех пор, пока массовые ожидания проводились в жизнь. В августе 1917 г. уже можно было услышать недовольство крестьян «собраниями людей, преступно называющих себя социалистами», и мнимыми «крестьянскими депутатами, т.е. социалистами-революционерами»⁴⁶.

До 1917 г. либералы пребывали в убеждении, что окончательное утверждение демократии связано с укреплением институтов местного самоуправления на низовом уровне. Отсюда убежденность, что следует как можно скорее достроить и демократизировать систему земских учреждений вширь (распространить их на «неземские» регионы) и вглубь, т.е. утвердив их на волостном уровне. Логически это была верная установка. Не учитывалось, однако, другое: само слово «земство» было основательно скомпрометировано в глазах крестьян как «барская» затея; активизация крестьянских масс могла развернуться только в привычных общинно-сословных границах; темп их самоорганизации опережал возможности «правильной» выборной системы. Тем не менее даже в начале августа некоторые кадеты надеялись наладить пропагандистскую работу в волостных земствах и сельских школах⁴⁷. Предложение явно запоздало. Система управления уже была поражена изнутри. «Крестьяне и слышать не хотят о земстве и требуют уничтожения земств уездных и губернских», — такая информация доходила до городских жителей в мае 1917 г.⁴⁸

Первоначально волостные комитеты были всесословными. Но с апреля, когда в деревню хлынули солдаты-отпускники, началось вытеснение из них сельской интеллигенции. Судьба власти во все большей степени становилась зависимой от вопросов о мире и земле. В первом вопросе Керенский выглядел не то обманщиком, не то

⁴³ Богословский М. М. Указ. соч. С. 385.

⁴⁴ Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 80.

⁴⁵ Рынков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 35.

⁴⁶ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 86.

⁴⁷ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 202.

⁴⁸ Богословский М. М. Указ. соч. С. 359.

безнадежно запутавшимся демагогом. По второму вопросу его позиция смотрелась невнятно.

Теоретики аграрного вопроса ощущали его нарастающую актуализацию. Образовавшаяся в апреле Лига аграрных реформ признавала необходимость ликвидации помещичьего землевладения (за исключением рентабельных или «образцовых» хозяйств, на чем издавна настаивали кадеты). Правительство также намеревалось решить земельный вопрос, руководствуясь не столько соображениями государственной целесообразности, сколько представлениями о «справедливости» (в ее народническом толковании). Крестьяне уловили эту готовность власти. Однако она по-прежнему запаздывала. Более того, правительство действовало в направлении, объективно противостоящем общинным интересам.

Только 28 апреля последовало постановление Временного правительства о приостановлении действия старого положения о землеустройстве. Главный земельный комитет начал свою работу лишь в мае 1917 г. Объяснить причины промедления власти в столь болезненном для себя вопросе крестьяне не могли. Еще труднее было им понять, почему правительство не желает пересматривать «несправедливые» решения «царских» землеустроительных комиссий⁴⁹.

Крестьяне демонстрировали крайнее нетерпение. За март-май 1917 г. в европейской части России состоялось 29 губернских и 67 уездных съездов крестьян. Крестьянами было вынесено 229 земельных постановлений. Из них 100 было принято волостными и сельскими сходами, 40 – солдатскими собраниями, 89 – губернскими организациями. Крестьяне единодушно требовали конфискации казенных, удельных, церковных, монастырских и помещичьих земель без выкупа. Относительно купчих земель мнения разошлись: лишь 80 % крестьян настаивали на общинном принципе землепользования и безвозмездного отчуждения всех земель, в том числе и купчих крестьянских⁵⁰. В связи с этим усилилось противостояние низовых крестьянских организаций с органами управления уездного и губернского уровня.

С 4 по 28 мая 1917 г. проходил I Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Из 1 353 его делегатов 672 человека представляли крестьян 70 губерний и областей, а 681 – солдат фронта и тыла. Эсеров было 537, меньшевиков – 103, большевиков – 20. Формально съезд пошел за эсерами, их лидер В. М. Чернов уже ощущал себя вождем сельской России. Однако в президиум поступило 150 записок, в которых крестьяне недоумевали, почему нельзя немедленно объявить землю всенародной собственностью. Чернов настойчиво, но не очень убедительно объяснял, что это может сделать лишь Уч-

⁴⁹ Хитрина Н. Е. Указ. соч. С. 66–67.

⁵⁰ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. М., 2001. С. 19.

редительное собрание, а пока нужно подготовить законы, соглас-но которым произойдет будущий земельный передел. Вместе с тем эсеры согласились, что все земли должны перейти в руки земельных комитетов, получивших право «определения порядка обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов». Состоявшийся вслед за тем III съезд партии эсеров подтвердил это решение. Но полумеры лишь возбуждают нетерпение. Поэтому крестьяне истолковали эти резолюции как санкцию на немедленный захват земли⁵¹. Для этого не нужно было никакого Учредительного собрания.

Аграрный вопрос фактически превратил Партию народной свободы в партию «врагов народа». В начале мая в Москве под ее эгидой состоялся учредительный съезд Союза земельных собственников и сельских хозяев (ВСЗС). На нем были представлены помещики, хуторяне и другие категории земельных собственников от 31 губернии. Целью союза была защита земельной собственности как составной части хозяйственного строя России. Характерно, что делегаты негативно отнеслись к эсеру Чернову, сменившему на посту министра земледелия кадета Шингарева. Прозвучали даже слова о том, что некоторые заявления нового министра «идут вразрез с постановлениями Временного правительства». Сопротивление земельных собственников вызывало также намерение министра запретить земельные сделки⁵². Сомнительно, чтобы ВСЗС мог противостоять крестьянскому самоуправству. Его деятельность лишь усилила озлобленность крестьян-общинников.

21 мая Временное правительство приняло закон о земской реформе, рассчитывая на реализацию старой либеральной идеи о создании представительных учреждений на сельском уровне. Предполагалось избрать земства в 43 губерниях Европейской России, в 456 уездах и 9 305 волостях⁵³. Демократическая власть собиралась продолжить дело Столыпина в совершенно неподходящий момент – почти все отрубники и хуторяне вернулись в общину. Более того, кое-где их стали изгонять из сходов. Однако правительство рассчитывало оттеснить волостные сходы и волостные правления от принятия решений. Эти задачи предстояло решать волостным земским собраниям, гласными которых могли стать местные граждане, достигшие 20 лет. Наряду с общинниками право участия в выборах получали и столыпинские «выделенцы», и помещики, и священники, и представители сельской интеллигенции.

Между тем политическая ситуация в деревне была неустойчивой. С крестьянским сходом, ставшим поистине всемогущим, «официальные» представители власти могли лишь сосуществовать. Уже в мае отдельные уездные комиссары целиком становились на сто-

⁵¹ Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и Гражданской войне. С. 20–21, 23, 25.

⁵² Там же. С. 30, 33.

⁵³ Исторические записки. Т. 65. М., 1959. С. 28.

рону крестьян и фактически помогали осуществлять стихийный земельный передел, игнорируя распоряжения вышестоящей власти. Теперь крестьяне успешно использовали в своих интересах не только старую, но и новую администрацию, а равно и часть сельской интеллигенции, намеренной по-прежнему «служить народу». Новые начальники, внедряемые правительством в деревенские структуры, превращались либо в чисто крестьянских представителей во власти, либо отторгались крестьянской средой⁵⁴.

В либеральных кругах знали о происходящем: подчиненных высшей власти земельных комитетов не было, существовал ряд самочинных, зачастую враждебных друг другу крестьянских организаций. Но выбора не было: говорили, что «России придется номинально пережить эсеровскую эпоху»⁵⁵.

В некоторых губерниях (особенно производящих) крестьяне как будто приветствовали начинания власти. Эсеровская газета так освещала организационное собрание гласных в Беломестно-Двойниковской волости Тамбовской губернии: «Несмотря на то, что день был будничным, посторонней публики было много. Были приглашены певчие... Когда собрались все гласные, то устроена была манифестация с красными флагами и портретами министра-председателя Керенского»⁵⁶. Согласно другим свидетельствам, залы заседаний волостного земства украшали знаменами, убирали цветами, на почетное место ставили портрет Керенского, рядом с ним изображения В. М. Чернова и Е. К. Брешко-Брешковской. Священники служили молебны, провозглашали многолетия Временному правительству. Затем председатель волостной избирательной комиссии (иногда старейший по возрасту гласный) сообщал о результатах выборов, приводил гласных к присяге. После этого направлялись приветственные телеграммы Керенскому. Процедура была стандартной, постепенно она выродилась в пустой ритуал.

Но со временем крестьяне стали отвергать земства. Они открыто противились выборам, кое-где пытались сорвать их⁵⁷. Комиссар Ядринского уезда телеграфировал в Казань: «Просим выслать 50 конных милиционеров... В уезде начинаются беспорядки на почве волостного земства»⁵⁸. Выборы не случайно растянулись с июня 1917 г. по февраль 1918 г. В общей массе избранных гласных крестьян оказалось 78,8 %, рабочих – 6,8 %, ремесленников – 2,7 %. В сентябре оформление волостных земств произошло в 42,8 %, в октябре в 43, 47 % волостей. В августе, ноябре и декабре земства офор-

⁵⁴ Седов А. В. Указ. соч. С. 91–92.

⁵⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 183.

⁵⁶ Дело народа. 1917. 22 сентября.

⁵⁷ Бакулин В. И. Указ. соч.. С. 85; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 195, 209, 212.

⁵⁸ Октябрьская революция и установление Советской власти в Чувашии. Сб. док-в. Чебоксары, 1957. С. 123.

мились в 10 % волостей⁵⁹. Землевладельцы, торговцы, священники, интеллигенция составили около 2 %. Но крестьян раздражали даже эти немногие «представители буржуазии». Один бывший солдат Двинского полка, известного своими пробольшевистскими настроениями, жаловался в Петроградский Совет из родной деревни Псковской губернии на засилье «помещиков и капиталистов», насильно заставивших мужиков голосовать за них на выборах в волостное земство, и выражал опасение, что то же самое повторится на выборах в Учредительное собрание⁶⁰.

Вряд ли можно сказать что-либо определенное о политическом лице волостных земств, хотя формально в них преобладали эсеры. Как бы то ни было, среди существующих низовых крестьянских организаций земство оказалось наиболее правым. Запоздавшее либеральное нововведение оказалось слабым противовесом растущему крестьянскому самоуправству.

В Тамбовской губернии председателем волостной земской управы стал некий Шмаров, бывший рабочий. Управа вынуждена была разрешить местным крестьянам «чистить» лес, что обернулось хищнической его вырубкой. Попытки Шмарова навести порядок ни к чему не привели. Он пришел к выводу, «что с народом ничего не поделаешь», собрался уходить со своего поста, но, вроде бы, передумал, полагая, что «какая-нибудь власть да должна же быть над народом»⁶¹. По сути дела, охлократия превращала «народных избранных» в своих заложников.

Впрочем, крестьяне игнорировали не только выборы в земские учреждения, куда, по их мнению, проходили «помещики и попы», но и в Советы, которые по примеру «пролетарских» городов мечтали насадить в деревне большевики. Те и другие организации казались крестьянам «чужими».

К осени 1917 г. наиболее радикальные из всех сельских организаций земельные комитеты существовали в 8 400 волостях Европейской России (из 9 305)⁶². В Сибири к сентябрю 1917 г. существовало 8 губернских/областных и 29 уездных земельных комитетов. Количество волостных земельных комитетов не поддается учету, зато известно, что они обычно санкционировали стихийный земельный передел⁶³. Рассчитывать на то, что подобные организации помогут правительству в стабилизации хозяйственного положения страны, не приходилось.

⁵⁹ Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990. С. 144–145, 151; Он же. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 г. Саратов, 1974. С. 191.

⁶⁰ Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 14–15.

⁶¹ Письма – больше, чем воспоминания... С. 295.

⁶² Кострикин В. И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 137.

⁶³ Рынков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 31.

2.10.3. Советы и вопрос о власти

После апрельских событий произошел тот внешне малозаметный перелом в общественном настроении, который облегчил деятельность большевиков – интеллигенция стала терять доверие к политике, массы, напротив, потянулись к «понятым» лидерам. Демократическая интеллигенция потеряла эмоциональный контакт с массами, возникший в ходе Февральской революции – единственное, что могло замедлить и смягчить ход событий. Кажется невероятным, но вскоре после кризиса министр просвещения Временного правительства в частном разговоре сделал поразительный прогноз: «...Очень скоро правительством станет кабинет Керенского, а потом может докатиться и до большевиков, если только раньше не произойдет резни между солдатами, стоящими за порядок, и солдатами, упивающимися анархией»⁶⁴. Повсеместно ощущалась потребность в «настоящем» лидере и «твердой» власти. Как ни парадоксально, в конце июня 1917 г. даже В. В. Шульгин «влюбился» в Керенского, не переставая, впрочем, «цепляться за надежду о воскресении монархии», правда, «не Николаевской»⁶⁵.

Социалисты в большинстве своем были уверены, что устойчивость ситуации зависит от внедрения в массы своих лозунгов. 3 июня открылся I Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов (продолжался до 24 июня). На него возлагались большие, но весьма противоречивые надежды.

Формально предстояло всего лишь одобрить политику ВЦИК, в основе которой лежала более чем странная идея: коалиция с той самой «буржуазией», которая и не думала признавать лозунг «мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов». Политический исход съезда был предрешен его составом. В сущности, съезд стал многодневной говорильней на манер возбужденного сельского схода. Некоторые свидетели описывали ситуацию так: «Точно плотину прорвало, и в проем неистово ринулся океан слов. Говорили все, кто хотел, и даже кто не хотел. Все знали все»⁶⁶. Под покровом показного единения шла подготовка наступления на фронте: оно должно было показать, что власть способна отстаивать «завоевания революции».

Состав съезда примечателен: считалось, что присутствуют 1 090 делегатов (в действительности их было больше), из них 822 – с решающим голосом. Из них 777 заявили о своей партийности: 285 эсеров, 248 меньшевиков, 105 большевиков, 73 внефракционных

⁶⁴ Далин В. М. Указ. соч. С. 63.

⁶⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 182.

⁶⁶ Сергей (Савельев), архимандрит. Далекий путь. История одной христианской общины. М., 1998. С. 15.

социалиста, ряд мелких фракций – от трудовиков до анархистов. Согласно подсчетам, за ними стояли 8,15 млн солдат, 5,1 млн рабочих, 4,24 млн крестьян. Преобладали крестьяне, не желавшие воевать, а тем временем большевики, призывавшие объявить войну войне, оставались в меньшинстве.

Ленин пытался убедить участников съезда в том, что «есть такая партия», которая готова взять на себя ответственность за судьбы страны. Его выслушали с отчужденным интересом. По мнению Ф. Степуна, он явно рассчитывал на рабочую аудиторию, при этом, «избегая всякой картинности слова... четко врезал в сознание слушателей схематический чертеж своего понимания событий». Его выступление «напрягло и захватило», вопреки «грандиозной нелепице» произносимого⁶⁷.

Съезд призван был косвенно одобрить готовящееся наступление на фронте и вместе с тем подтвердить неправомочность всяких «самочинных» действий. В связи с этим большевики решили превратить готовящееся 10 июня оборонческое шествие в антивоенную манифестацию. Ядром готовящихся беспорядков считался 1-й пулеметный полк, затронутый влиянием левого большевика прапорщика А. Я. Семашко, считавшегося дезертиром. Опасаясь вооруженного выступления большевиков, ВЦИК отменил демонстрацию, затем она была перенесена на неделю. Большевики использовали эту акцию в своих интересах, используя «демократическую» демагогию. Так, один из них на общем собрании рабочей секции Петроградского Совета заявил, что «он жил в Америке и знает, что такое свобода, что можно ходить с бомбами даже возле дворца президента», поэтому запрет демонстрации съездом Советов – трусость⁶⁸. В те дни многие воспринимали подобный подход к вопросу о свободе буквально. Примечательно, что 13 мая «Маленькая газета» (считавшаяся внепартийной газетой социалистов) призвала к устройству демонстрации для свержения Временного правительства. Временное правительство прореагировало на это весьма раздраженно⁶⁹.

Результаты работы I Всероссийского съезда Советов основательно смутили интеллигентские умы. 16 июня, в разгар его работы, Андрей Белый сообщал Иванову-Разумнику, что в последние недели он «пугается». Чего? Эксцентричный поэт сам не мог понять, чего следует опасаться больше всего: «Буржуазия рукоплещет Скобелеву, Чернову и Керенскому, но эти *«трое»* теряют доверие: Хрусталева, Ленины, Минины *«демократичнее»*, между тем: пропаганда большевиков превращает Москву в... черт знает что: на улицах начинается свинство и ругань...». В сознании этого идеалиста П.

⁶⁷ Степун Ф. Указ. соч. С. 383.

⁶⁸ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 293, 294, 296, 322.

⁶⁹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 250.

А. Хрусталева (он же Г.С. Носарь, председатель Петербургского Совета в 1905 г.), встал в один ряд не только с Лениным, но и Кузьмой Мининым, героем 1612 года, названного почему-то «социал-диачком». Однако его расстраивало, что теперь Россия «рождает не «богатыря», а «неведому зверюшку»» (как в известной сказке А. Пушкина) — отсюда постоянные подозрительные оглядки на октябристов, а также «позитивистов» и «материалистов» в лице кадетов⁷⁰.

Примечательно, что параллельно съезду Советов в Петрограде проходили офицерский и казачий съезды, а большевики провели Всероссийскую военную конференцию. Делегаты последней, собравшиеся 16 июня, сообщали, что «отовсюду слышатся голоса товарищей солдат, что настало время решительной схватки за власть». Представители большевистского руководства, со своей стороны, намекали, что «армии придется сыграть крупную роль в пролетарской революции». Им внушали, что «гегемония революции принадлежит пролетариату, гаубицами революции являются солдаты»⁷¹. Это происходило в условиях, когда правительство восстановило 129-ю статью старого Уголовного кодекса, предусматривающего наказание до трех лет тюрьмы за неподчинение власти и натравливание одной части населения на другую.

В тогдашнем понимании солдат свобода означала прежде всего свободу от продолжения войны. Между тем уже 16 июня на фронте началась артподготовка. В этот же день Терещенко уверил члена французской военной миссии при Ставке, что успех наступления позволит «принять меры против Петроградского гарнизона, который является самым плохим и подает самые отвратительные примеры». Правительство рассчитывало, что если успех наступления станет известен до демонстрации, то последняя превратится в манифестацию в поддержку наступления⁷². Тем не менее 18 июня большевикам удалось взять реванш над социалистическим большинством I Всероссийского съезда Советов: 500-тысячная манифестация прошла под антивоенными и антибуржуазными лозунгами (вплоть до «Долой 10 министров-капиталистов!»). Трудно сказать, насколько активно действовали при этом делегаты большевистской военной конференции, но очевидно, что в вопросе о войне в сознании большинства произошел окончательный перелом. Официальный орган Петроградского Совета признал, что большевистские лозунги абсолютно преобладали, а рабочие и солдаты со «злостью рвали... знамена с лозунгами доверия Временному правительству»⁷³. Разумеется, не все знаменосцы сознательно поддерживали партийные

⁷⁰ Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 119, 97, 112.

⁷¹ Рабинович С. Е. Всероссийская военная конференция большевиков 1917 года. С. 22, 19, 41.

⁷² Васюков В. С. Указ. соч. С. 191.

⁷³ Известия. 1917. 20 июня.

лозунги. Позднее обыватели судачили, что большевики попросту преуспели в раздаче собственных плакатов. Возможно, случалось и такое. Страсти накалялись.

Нечто подобное происходило не только в столице. 18 июня в Ростове-на-Дону проходила пропагандистская акция по случаю сбора средств для «Займа свободы». Но развитие событий предопределил слух (возможно, пущенный большевиками) о том, что собранные драгоценности и деньги «буржуи» собираются умыкнуть. Реакция оказалась характерной: часть солдат ворвалась в банк с тем, чтобы охранять опечатанные пожертвования, а затем проследить, чтобы они были отправлены Временному правительству. Тем временем перед зданием банка толпы солдат под звуки «Марсельезы» учинили настоящий погром. Пронесся слух, что на следующий день произойдет раздел капиталов и имущества «буржуев»⁷⁴. Ростовские события показали, что искра подозрения к «эксплуататорам» способна в любое время зажечь пожар бунта.

Массовые демонстрации в других районах страны также обнаружили рост популярности большевиков. Лозунги «Долой 10 министров-капиталистов!» и «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий и контрибуций!» были заметны в Москве, Киеве, Риге, Харькове, ряде других городов. В Калуге оборонческие и большевистские лозунги мирно соседствовали, помимо этого солдаты-украинцы выступили со своими собственными лозунгами⁷⁵. В Гельсингфорсе солдаты и русские рабочие несли лозунги «Долой представителей буржуазии из министерства!», «Долой сепаратный мир и царские тайные договоры!», «Да здравствует народный контроль над промышленностью!», «Конфискация военной прибыли!»⁷⁶. Похоже, что здесь большевики поработали особенно основательно.

Обозначился еще один индикатор левения страны. Если говорить о наиболее деструктивной институциональной подвижке 1917 г., то она оказалась связана с заменой возникших в марте комитетов общественной безопасности «правильно» избранными муниципалитетами. К этому времени лидеры КОБов изрядно подустали от тяжести свалившихся на них непривычных задач, их деятельность казалась малоэффективной. Но они все же несли в себе идею согласия, тогда как любая политическая кампания ставила ее под сомнение.

В условиях разгула левого популизма успех на муниципальных выборах был гарантирован меньшевикам и эсерам с их принципиальным «антибуржуизмом», практическим соглашательством и

⁷⁴ ГА РО. Ф. 835. Оп. 1. Д. 750. Л. 1–2.

⁷⁵ Общество и революция. Калужская губерния в 1917 году. Калуга, 1999. С. 210–212.

⁷⁶ См.: Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньский кризис. Док-ты и мат-лы. М., 1959. С. 539, 541, 543–548.

«запасной» ориентацией на Советы. Примечательно, что на выборах в провинции часто фигурировали не партийные, не социалистические, а просто «советские» списки. В этой ситуации победителями становились местные популисты, опирающиеся на нетерпеливую массу. Кое-где в результате «свободных» выборов городские думы оказались переполнены «чужаками» – солдатами.

Обывателя шокировало и другое. В Москве на выборах в городскую думу более половины мест получили эсеры. «Пролезло много евреев», – констатировал историк Богословский, изумляясь тому, что не было выбрано ни одного представителя московского духовенства. Раздражало его и то, что новоизбранный председатель городской думы «иудей Минор произнес наглую и пошлую речь оestone и слезах народа, ведущего войну из-за капиталистов и империалистов, о голодании и нищете деревни»⁷⁷.

Итоги муниципальных выборов повсюду оказывались далекими от того, что ожидали либералы и социалисты. По 50 губернским городам за эсеров и меньшевиков высказалось 57,2 % голосовавших, за кадетов – 12,9 %, за большевиков – 13,6 %. По 418 уездным городам цифры соответственно были 34,5, 5,4, 2,2 %. Здесь более половины голосов (50,7 %) было отдано беспартийным (в губернских городах за них проголосовало лишь 13,6 %). Кое-где (в Московской и Владимирской губерниях, Екатеринбурге, Екатеринодаре, Царицыне, Твери, Нарве, Риге, Ревеле) большевики имели определенный успех. А выборы в Петроградскую городскую думу дали им 33,5 % голосов – немногим меньше, чем меньшевистско-эсеровский блок (37,5 %). Конечно, повсюду за большевиков все активнее голосовали солдаты⁷⁸. И это несмотря на то, что август был не лучшим временем для большевистской агитации.

Разумеется, далеко не все голосовавшие за левые партии симпатизировали социалистам. Очевидцы подмечали неожиданную деталь: Москва дала перевес на выборах революционерам, но здесь же «не по дням, а по часам явно усиливалась антисемитская пропаганда, которая находила самый живой отклик в революционно-голодных хвостах перед пустеющими булочными, перед кинематографами, перед «урнами»⁷⁹. Впрочем, кадетская пресса давно уже утверждала, что «хвосты» являются самыми опасными очагами контрреволюции⁸⁰. В любом случае выборы нарушали существующий баланс общественных сил по самым различным линиям. Так, чрезвычайно активно по всей стране голосовали мусульмане, проводившие своих гласных даже в таких городах, как

⁷⁷ Богословский М. М. Указ. соч. С. 377, 384.

⁷⁸ Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. М., 1978. С. 562–564.

⁷⁹ Наживин И. В. Указ. соч. С. 28.

⁸⁰ Речь. 1917. 3 мая.

Царицын и Архангельск⁸¹. Газеты с беспокойством сообщали, что 6 июня на выборах в Баку «мусульманские националисты согнали поголовно всех женщин, заставляя голосовать их за списки мусульман»⁸².

Ситуация усугублялась не только в связи с радикализацией Советов. Муниципалитеты были не самым подходящим местом для активности политиков доктринерского склада, к какой бы партии они ни принадлежали. «Народные избранники» на глазах «теряли лицо», будучи не в состоянии решить самые элементарные и столь же насущные запросы простых людей.

В разных городах социалисты совершали одни и те же ошибки, а муниципальная жизнь кишела одинаковыми пороками. В юмористических журналах высмеивались склонность милиционеров к реквизициям спиртного, выносу продуктов из лавок без очереди, привычке коротать время в чайных⁸³. Оказалось, что старая власть оставила массу «неразрешимых» проблем. Так, в Екатеринбурге запасы волнующего общественность спирта были столь велики, что безопасное его уничтожение делалось невозможным. Сливание его превращало близлежащий пруд в резервуар с 12° настойкой⁸⁴. Ситуация словно символизировала драму революционного народа, беззаботно восседавшего на бочке с горючим на глазах у беспомощной власти. Не случайно летом 1917 г. революционного милиционера постоянно сравнивали с исчезнувшим городовым⁸⁵. В Архангельске население не признавало «чужих» милиционеров⁸⁶. В ноябре в Одессе особенно часто вспоминали городских, при этом некоторые пылкие студентки-эсерки признавались, что готовы «доправеть до монархисток»⁸⁷.

Политикам приходится особенно сложно, когда тяготы быта сопровождаются беспомощностью хозяйственных руководителей. Конечно, островки стабильности сохранялись. Так, Иркутск казался «спокойным и благоразумным революционным оазисом». Но у его жителей вызывала ужас ситуация в Томске: «там давно уже воцарилась какая-то республика». «О, великое революционное Пошехонье!»⁸⁸ – восклицал по этому поводу иркутский эсер.

⁸¹ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 193.

⁸² Речь. 1917. 18 июня.

⁸³ Трепач. 1917. № 8. С. 15; № 23. С. 3; Солнце России. 1917. № 383. С. 16.

⁸⁴ Нарский И. В. Указ. соч. С. 183.

⁸⁵ 1917 год в сатире. М.; Л., С. 144.

⁸⁶ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере... С. 296.

⁸⁷ «Претерпевший до конца спасен будет». С. 146.

⁸⁸ Серебрянников И. И. Указ. соч. С. 352.

2.10.4. Июльский кризис и провал наступления на фронте

Готовясь к наступлению, правительство усиленно перебрасывало на фронт резервы. В период с 8 июня по 15 июля 1917 г. в действующую армию отправилось 807 маршевых рот и 30 запасных полков общей численностью 290,9 тыс. человек⁸⁹. Вряд ли это способствовало поднятию боевого духа в действующей армии: одни солдаты разбегались непосредственно из маршевых рот⁹⁰, другие прибывали на фронт зараженными идеями «мира без аннексий». В таких условиях призывы «миротворца» Керенского к активным военным действиям, конечно, вызывали раздражение. На Юго-Западном фронте, куда отправился премьер, он получил полушутливое, полупрезрительное прозвище «главноуговаривающий»⁹¹. Армия, отзывавшаяся о своем вожде подобным образом, стояла не многого. Впрочем, кое-где Керенский, лично производивший в прапорщики отличившихся солдат, все же имел успех⁹².

В принципе, единственный шанс на успех наступления был связан с выдвижением полководца, в котором бы увидели русского Наполеона. От генералов царской армии такого ожидать не приходилось. Всем известны были враждебные отношения между М. В. Алексеевым и А. А. Брусиловым. Первый приобрел репутацию добросовестного, но излишне осторожного и нерешительного человека⁹³. Второй имел склонность к политиканству и интригам⁹⁴. Алексеев обвинял Брусилова в том, что тот «предоставил Керенскому полную свободу распоряжений и сам даже в оперативном отношении поставил себя в полное ему подчинение»⁹⁵.

Ко времени наступления деморализация солдатских масс возросла. В ряде случаев солдаты соглашались выступать на передовую только при условии, что впереди полка выступают священник, командир полка, командир дивизии и старший врач⁹⁶.

В ходе наступления правительство попыталось инициировать революционно-патриотический порыв: отличившимся частям присваивались почетные звания «полк 18 июня», вручались красные знамена⁹⁷. Особое совещание по обороне 21 июня разослало

⁸⁹ Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 155–156.

⁹⁰ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 287.

⁹¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 733.

⁹² Лыков И. П. Указ. соч. С. 122.

⁹³ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 598, 609.

⁹⁴ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 210, 234, 244, 246–247, 295; Нелипович С. Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916. С. 7.

⁹⁵ Алексеев М. В. Дневник генерала Алексеева // Русский исторический архив. Прага, 1929. Сб. 1. С. 20, 17.

⁹⁶ Астахов А. Б. Русский фронт... С. 586.

⁹⁷ Лыков И. П. Указ. соч. С. 125–126.

приветствие и Керенскому, и Брусилову, и «полкам 18 июня», якобы «воскресившим веру Родины в боевую мощь русской армии»⁹⁸. Но наступление провалилось, несмотря на серьезное превосходство в живой силе и технике. А. И. Деникин приводил данные по 19-верстному участку фронта, где при трехкратном преимуществе в артиллерии 17 немецких батальонов атаковали 138 русских⁹⁹. Солдаты атаковать не хотели — это не согласовалось с удобным для них лозунгом «мир без аннексий и контрибуций». В ряде случаев в атаку шли одни офицеры, сопровождаемые смехом противника. Порой потери среди офицеров составляли 70–78%¹⁰⁰. М. В. Алексеев привел характерный пример: «один из полков пошел в атаку в таком составе: 28 офицеров, 20 унтер-офицеров и 2 солдат». А тем временем 3 000 человек «оставались в окопах, спасая свою драгоценную жизнь, и смотрели, как гибли эти герои»¹⁰¹. Даже там, где атака завершалась относительно успешно, обнаруживалось, что санитары не желают подбирать раненых «чужих полков»¹⁰².

Иной раз после успешной атаки солдаты отступали к прежним окопам, не изъявляя желания заниматься оборудованием новых позиций¹⁰³. Даже в боеспособных полках обнаружились громадные потери, после которых солдаты отказывались идти в наступление¹⁰⁴. Дело в том, что солдаты «всегда протестовали против наступления, которое им казалось нарушением миролюбивой политики»¹⁰⁵. Кое-где солдаты покидали окопы, мотивируя это тем, что их не сменяют, а в окопах оставались одни офицеры, которые о беглецах отзывались так: «Эта сволочь, запрудившая тыловые дороги, будет говорить, что офицеров во время боя не видеть, что они всегда позади...». Отступавшие толпы мародерствовали, «утоняли коров, избивая сопротивлявшихся жителей»¹⁰⁶.

Ситуация была и постыдной, и трагической. Но могло ли быть иначе после того, как власть, пообещав солдатам «мир без аннексий и контрибуций», погнала их в наступление? И стоило ли солдату спасать тех самых офицеров, которых социалистические пропагандисты представили «опорой старого режима»? На крутых поворо-

⁹⁸ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 296.

⁹⁹ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты: крушение власти и армии. С. 434–435.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 220. Л. 12.

¹⁰¹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 45.

¹⁰² Беляев И. Т. Указ. соч. С. 271.

¹⁰³ Алексеева-Борель В. М. Указ. соч. С. 530.

¹⁰⁴ Так, в 92-м пехотном Печорским полку из 1 996 бойцов после двух дней боев в строю оказалось лишь 420. Помимо 249 убитых и 687 раненых, пропало без вести 327 человек. Очевидно, что среди них было много дезертиров. См.: Лыков И. П. Указ. соч. С. 124–127.

¹⁰⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 356.

¹⁰⁶ Дневник Михаила Устрялова. С. 193–195.

тах истории за недомыслие вздорных политических доктринеров и честолюбцев всегда приходится расплачиваться кровью.

Впрочем, позднее Временное правительство попыталось представить совсем иную картину военных событий. Войска, движимые «могучим революционным порывом, перешли в наступление». Было захвачено 90 орудий, более 400 пулеметов, до 36 тысяч пленных, однако, «собравшись с силами, внешний враг... перешел в наступление». А потому требовалось «спасать свободы, спасать Родину»¹⁰⁷.

Тем временем разразился правительственный кризис. 2 июля кадетские министры, не отказавшись от признания соглашений социалистов с Центральной радой (они якобы предreshали волю Учредительного собрания), вышли из коалиционного кабинета. Они рассчитывали на пробуждение недовольства «мазепинцами» и активизацию сторонников «единой и неделимой». Чтобы избежать упреков в великодержавии, кадеты тут же составили резолюцию: «В развитие программы партии принять принцип областной автономии Украины; образовать комиссию при ЦК по выработке для внесения в Учредительное собрание законопроекта об областной автономии Украины с сохранением государственного единства России и при строгом обеспечении общегосударственных интересов»¹⁰⁸.

Уже утром 3 июля слухи о правительственном кризисе поползли по столице. В 1-м пулеметном полку анархисты созвали митинг, на котором призывали к демонстрации против Временного правительства. Вместо полкового комитета, которым руководили большевики, был избран временный революционный комитет, который возглавили анархисты. Пулеметчики реквизируют около трех десятков грузовиков, украсили их красными и черными знаменами, установили на них пулеметы и отправились в город, предварительно направив делегатов на предприятия Выборгской стороны и на Путиловский завод.

Предполагалось, что это будет демонстрация устрашения: на знаменах красовались лозунги «Да погибнет буржуазия от наших пулеметов!», «Берегись, капитал – булат и пулемет сокрушат тебя!». Свергать Временное правительство на самом деле никто не собирался – пулеметчики попросту не желали отправляться на фронт. Со стороны происходящее виделось так: «С раннего утра 3 июля по Фурштадской улице к Таврическому дворцу началось движение большевизированных войсковых частей и толп вооруженных рабочих... Заметно было их сильное волнение, неуверенность и даже трусость...»¹⁰⁹. В общем, солдаты вели себя так, как полагается вести постепенно разбухающей и потому смелеющей толпе.

¹⁰⁷ Журнал заседаний Временного правительства. Т. 3.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1351. Л. 1–2.

¹⁰⁹ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 54.

Во второй половине дня на Выборгской стороне появились первые колонны рабочих, которые прихватили с собой те самые знамена, которыми снабдили их большевики 18 июня. Грузовики с пулеметами появились в центре города, где «чистая публика» пыталась усювестить солдат. Прозвучали револьверные выстрелы в воздух, затем пулеметчики начали палить поперх голов. Поднялась паника, появились случайные жертвы. К центру города тем временем приближалась 30-тысячная колонна рабочих Путиловского завода. На Сенной площади ее обстреляли из пулеметов с колокольни – этот момент запечатлен на известном фотоснимке, который в советское время комментировался как «расстрел Временным правительством мирной демонстрации».

Вопреки представлениям о давно планировавшемся заговоре, июльский кризис застал лидеров большевиков врасплох. Ленин находился на даче В. Д. Бонч-Бруевича в Нейволе. Ход заседаний рабочей секции Петроградского Совета, где тон задавал Г. Е. Зиновьев, убеждал, что большевики вяло отреагировали на кризис правительственного кабинета и не задумывались о его последствиях. Известие о том, что к Таврическому дворцу идут пулеметный и Гренадерский полки, прогремело как гром среди ясного неба: Л. Б. Каменев предлагал срочно выбрать комиссию для того, чтобы придать выступлению мирный характер. Лишь в связи с выступлениями анархиста И. С. Блейхмана и неизвестного представителя меньшевиков-интернационалистов члены рабочей секции приняли резолюцию о желательности перехода власти к съезду Советов¹¹⁰. До вечера 3 июля большевики отнюдь не считали себя руководителями событий на улицах.

Н. Н. Суханов описал следующую картину. По Невскому от Садовой к Литейному шел один из восставших полков – внушительная вооруженная сила, которой «было, пожалуй, достаточно, чтобы держать власть над городом». Но когда со стороны Знаменской площади раздались выстрелы, «командир колонны, ехавший в автомобиле, обернулся и увидел пятки разбегавшихся во все концы солдат». Восставшая армия не знала, куда и зачем ей идти. «У нее не было ничего, кроме “настроения”», – так оценил ситуацию Суханов¹¹¹.

Около 10 часов вечера 3 июля собрание большевистских организаций в Таврическом дворце все же решило присоединиться к движению, чтобы «придать ему организованный характер». Решили вернуть в столицу Ленина. Только на следующий день, 4 июля, большевики решились возглавить демонстрацию под лозунгами передачи власти Советам. Тем временем в Петроград прибыла де-

¹¹⁰ См.: Гальперина Б. Д. Июльский кризис и Петроградский Совет // Историк и революция. СПб., 1999. С. 153–157.

¹¹¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 2. С. 323.

легация из Кронштадта, к центру города стянулись около 100 тысяч солдат и 300 тысяч рабочих. Матросы направились к дворцу Кшесинской, где перед ними с балкона выступил Ленин. Из-за недомогания он говорил кратко, выражая надежду, что лозунг демонстрантов «Вся власть Советам!» победит. Вероятно, в связи с этим возник слух, что Ленин «никуда не уезжал и скрывался среди павловцев (солдат Павловского полка. – *Авт.*), облекшись в мундир этого полка». Люди готовы были поверить, что павловцы «его прикрывали, а он их баламутил»¹¹².

В свое время в советской историографии утвердилось представление, что Временное правительство «расстреляло мирную демонстрацию» рабочих и солдат. На деле даже большевики были не в силах усмирить агрессивную стихию. «От казармы к казарме перебежали какие-то темные подстрекатели, уговаривая солдат примкнуть к вооруженному выступлению заводов», – свидетельствовал Ф. Степун. Но все это, по его мнению, «было скорее какою-то бунтарскою маятой, чем революционным действием»¹¹³.

В разных частях города прозвучали выстрелы. Настоящее сражение произошло около Литейного моста, где солдаты открыли огонь по казакам, ехавшим по вызову ЦИК на охрану Таврического дворца. В перестрелке было убито и скончалось от ран 16 человек, несколько сот получили ранения и травмы. Город фактически был в руках рабочих и солдат. Часть солдат у Таврического дворца почти всю ночь безуспешно уговаривали лидеров Совета взять власть в свои руки¹¹⁴. Свои попытки они возобновили на следующий день. Тогда и произошел примечательный случай: В. М. Чернов, пытавшийся урезонить толпу, услышал в ответ слова рабочего: «Принимай власть, сукин сын, коли дают!». Отказавшийся от такой чести «селянский министр» был тут же арестован возбужденными анархистами, по словам Л. Д. Троцкого, «полууголовного-полупровокаторского типа». Именно Троцкий выручил Чернова. Сообщали, что он поставил перед толпой на голосование вопрос об освобождении Чернова – против никто не возражал. По другой версии, на речь Троцкого анархисты реагировали отрицательно; отпустили Чернова матросы¹¹⁵. В конечном счете лидеры ЦИК обещали митингующим созвать через две недели Второй съезд Советов. Демонстранты стали расходиться.

¹¹² Письма – больше, чем воспоминания... С. 283.

¹¹³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 389.

¹¹⁴ Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992. С. 182–183.

¹¹⁵ См.: Следственное дело большевиков. Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сб. док-тов в 2-х кн. М., 2012. Кн. 1. С. 638, 755–756, 771, 791–793, 798; Кн. 2. Ч. 2. С. 384; Рабинович А. Кровавые дни. С. 203–205.

6 июля Временное правительство приняло постановление о привлечении к судебной ответственности лиц, принявших участие в выступлениях против государственной власти. Виновные в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, неисполнению распоряжений власти наказывались тюремным заключением до 3 лет, а виновные в подстрекательстве воинских частей к неисполнению законов наказывались как за государственную измену¹¹⁶. 7 июля было принято решение о расформировании всех воинских частей, принимавших участие в вооруженном мятеже, 8 июля – об аресте матросов Балтийского флота, прибывших в Петроград на судах «Орфей» и «Грозный», а 9 июля появилось постановление об образовании Особой следственной комиссии для расследования степени участия в восстании 3–5 июля отдельных частей войск и чинов гарнизона Петрограда и его окрестностей.

Одновременно последовала перетасовка состава Временного правительства. Правительство приняло отставку кадетов А. А. Мануйлова, кн. Д. И. Шаховского, Н. В. Некрасова (вскоре вернувшегося в правительство), А. И. Шингарева, П. Н. Переверзева и В. А. Степанова. Ушли также И. Г. Церетели, В. Н. Львов, И. В. Годнев. В окончательный состав правительства вошли министр-председатель и военный и морской министр А. Ф. Керенский, заместитель министра-председателя и министр финансов Н. В. Некрасов, министр внутренних дел Н. Д. Авксентьев, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр юстиции А. С. Зарудный, министр просвещения С. Ф. Ольденбург, министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович, министр земледелия В. М. Чернов, министр почт и телеграфов А. М. Никитин, министр труда М. И. Скобелев, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр государственного призрения И. Н. Ефремов, министр путей сообщения П. П. Юренев, обер-прокурор Св. Синода А. В. Карташев, государственный контролер Ф. Ф. Кокошкин.

Сразу после июльского бунта на большевиков посыпались обвинения в том, что они действуют на «немецкие деньги». Вопрос о деньгах возникал с 1915 г. не только в России в самых различных контекстах. Люди, близкие к верхам, обсуждали возможные условия сепаратного мира; среди немецких промышленников находились люди, готовые лично финансировать соответствующие проекты. В России поисками путей достижения «выгодного» мира с Германией занимались такие авантюристы, как князь Д. И. Бебутов и И. И. Колышко¹¹⁷. Поскольку все это происходило на фоне неутраченной шпиономании, в глазах общественности всякое неожиданное событие тут же представляло в своего рода параноидальной ауре.

¹¹⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. М., 2004. С. 60–61.

¹¹⁷ См.: Колышко И. И. Указ. соч. С. 7–12, 319–322.

О финансировании большевиков немцами первым в марте 1915 г. заговорил во французской прессе журналист Г. А. Алексинский. Его информацию подхватил редактор газеты «Русская воля» А. В. Амфитеатров¹¹⁸. Но тогда эти публикации не вызвали общественного резонанса, они пришлись кстати лишь в 1917 г. Не удивительно, что П. Н. Милюков, по наущению которого союзники задержали Л. Д. Троцкого в Галифаксе (Канада), не постеснялся сделать соответствующие намеки относительно обнаруженных у последнего 10 тысяч американских долларов (около 200 тысяч по современному курсу). (Тот, скорее всего, позаимствовал их у богатых родственников, но как «истинный революционер» постеснялся их «буржуазного» происхождения). Впрочем, поскольку Временное правительство имело обыкновение снимать бывшие обвинения в пособничестве врагу, представления о «немецких деньгах» в массовом сознании притупились.

Между тем Австро-Венгрия тайно финансировала сепаратистский Союз вызволения Украины (СВУ) – немногочисленную группу украинских социалистов-самостийников – с 1915 г. Затем интерес к СВУ появился у немцев, которые оказались более щедрыми. В общей сложности лидеры СВУ получили из Германии в 1915–1918 гг. почти 750 тысяч марок, однако успеха они не имели¹¹⁹. Трудно предположить, что Германия воздержалась бы от финансирования прочих элементов, ослабляющих своего противника.

Новые обвинения в том, что Ленин – «немецкий шпион», строились на показаниях Д. С. Ермоленко, попавшего в плен еще в ноябре 1914 г., завербованного немецкой разведкой, а затем, после переброски в Россию в конце апреля 1917 г., решившего повиниться. Ермоленко подробно рассказал о том, как германское командование сформировало из военнопленных-украинцев 1-й Украинский полк им. Шевченко, а затем, между прочим, сослался на слова немецкого офицера о том, что с ними заодно действует Ленин, находящийся в постоянном контакте с известным самостийником А. Ф. Скоропись-Иолтуховским¹²⁰. Похоже, сначала российские контрразведчики хотели использовать Ермоленко для дискредитации Ленина в связи с апрельскими беспорядками, затем в борьбе против «украинского сепаратизма», однако в связи с наступлением на фронте поспешно вложили в его уста легенду о «предательстве». В суде опровергнуть эту версию не составило бы труда¹²¹. Но бульварные газеты заговорили о связи Ленина и с Гер-

¹¹⁸ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 9.

¹¹⁹ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 31–32.

¹²⁰ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 82, 86, 93, 96, 99.

¹²¹ Как признал начальник контрразведки Петроградского военного округа Б. Никитин, Д. Ермоленко «кроме голословных заявлений не дал ничего». См.: Никитин Б. В. Роковые годы. М., 2000. С. 85.

маний, и с «сепаратистами»¹²². Разумеется, немцы готовы были субсидировать не только последних, но и всех российских «циммервальдцев». Но знакомство с многочисленными протоколами допросов Ермоленко (человека неоднократно контуженного) показывает, что в свое время немцы намеренно дезинформировали его относительно встреч Ленина со Скоропись-Иолтуховским, а российские контрразведчики не только «поверили» в это, но и добавили в эту версию «подробности»¹²³. Дело дошло до того, что сам Скоропись-Иолтуховский в язвительной форме опроверг эти выдумки: Ленин физически не мог встречаться с ним. Из материалов следствия видно, что большевики пользовались сомнительными деньгами от контрабандно-спекулятивных торговых акций. Можно также предположить, что немецкие деньги через Л. Б. Красина, работавшего в Русско-Азиатском банке, действительно поступали большевикам, но не по тем каналам, по которым предполагали сотрудники Чрезвычайной следственной комиссии¹²⁴. Скорее всего, это было известно Ленину¹²⁵, но вряд ли вызвало у него какие-либо моральные угрызения. По представлениям тогдашних левых социал-демократов, согласно «единственно верной» марксистской теории, империалистический мир объективно движется к своей собственной гибели – оставалось только помочь ему в этой «исторически-прогрессивной» задаче за его же деньги.

Провал наступления заставил активизироваться меньшевиков и эсеров. 27 июля под председательством Ф. И. Дана состоялось совместное совещание представителей Бюро ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, Бюро исполкома крестьянских депутатов, Центрального бюро профсоюзов, союза металлистов, представителей социалистических партий. Критика правительства не ослабла: звучали заявления о том, что «ведомство торговли – разбойничье гнездо», меньшевик Н. Череванин вновь обвинял министра Пальчинского в саботировании экономической программы коалиционного правительства¹²⁶. Но радикальных предложений по реорганизации власти не прозвучало. Меньшевик Б. О. Богданов предложил учредить специальный орган – Комитет обороны страны – из представителей «революционных» организаций и созвать съезд демо-

¹²² Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 206, 353.

¹²³ Российские контрразведчики имели настолько смутное представление о заграничных российских революционерах, что готовы были видеть в каждом из них немецкого шпиона. Мемуары их начальника В. Никитина в полной мере это подтверждают: сомнительные сведения казались ему «неопровержимыми доказательствами». См.: Никитин Б. В. Указ. соч. С. 46–48, 92–98.

¹²⁴ См.: Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 80–99, 827; Кн. 2. С. 152–153, 231–232, 269–274, 328–334, 370, 446–469, 666–668, 734.

¹²⁵ Косвенное подтверждение см.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., Т. 49. С. 438–439 (Письмо В. И. Ленина Я. С. Фюрстенбергу (Ганецкому)).

¹²⁶ Штейнберг И. З. Указ. соч. С. 78, 68.

кратических сил. Поначалу решили провести съезд уже на следующей неделе, затем сообразили, что это невозможно по организационным причинам¹²⁷.

Тем временем правительство награждало себя все новыми и новыми полномочиями. 11 июля была восстановлена смертная казнь на фронте. Помимо арестов большевиков, запретов ряда съездов и собраний и спешной отправки на фронт солдат тыловых гарнизонов (особенно Петроградского и Киевского), начались аресты членов земельных комитетов, которые в соответствии с инструкциями министра земледелия Чернова брали на себя заведование земельными запасами. Представители военного отдела при Крестьянском Совете потребовали от Чернова немедленного осуществления объявленного курса, а тот не придумал ничего лучшего, как отправить их к Керенскому. Последний, в свою очередь, вновь направил их к министру земледелия. Создавался заколдованный круг. «Керенский и Чернов становятся палачами, — записывал в дневник 16 июля Пришвин, — и делают они совершенно то же, что и буржуазия... Изменяют слова и формы, сущность остается одна». Он добавлял 22 июля: «В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим... Не хватает какого-то звена»¹²⁸. Людям не хватало способности к гражданской самоорганизации, а ее и быть не могло.

В начале августа один из солдат (которого по ошибке принимали за большевика) поведал своему батальонному командиру следующее: «У нас ни у кого нет совести, ни у меня, который прямо говорит, что не хочет воевать, ни у других, которые по своей подлости и хитрости виляют языками. Конечно, я ушел бы в Петроград, где рабочий зарабатывает 700 руб., а солдат разной продажей и 900 руб. в месяц, да меня останавливает только то, что меня как дезертира расстреляют. Будет над нами палка — будет у нас и совесть...»¹²⁹. Разумеется, «прямодушный» солдат утрировал ситуацию. Но, как бы то ни было, масса никак не обладала той «доведенной до крайнего напряжения волей победить», в которой в 1914 г. российские либералы усматривали «характерную черту нынешнего общественного настроения»¹³⁰.

Демократическим политикам оставалось лишь бессильно сопротивляться ходу событий. В Петрограде 7–9 августа состоялось Совещание демократических организаций по обороне. В речи Ф. И. Дана была поставлена цель: «взять дело обороны страны в свои руки и вырвать влияние у тех, кто ставит свои классовые интересы выше национальных». В принятой резолюции говорилось о необходимости «значительных жертв от всех классов населе-

¹²⁷ См.: Современное слово. 1917. 28 июля, 1 августа.

¹²⁸ Штейнберг И. Указ. соч. С. 80; Пришвин М. М. Дневники. С. 82.

¹²⁹ Снесарев А. Е. Письма с фронта. С. 703–704.

¹³⁰ Трубецкой Е. Н., кн. Указ. соч. С. 4.

ния» в борьбе с разрухой. Представители крестьянской секции, со своей стороны, предложили привести твердые цены на зерно в соответствие с ценами на продукты промышленного производства. Но установить «справедливый» баланс цен было уже невозможно. Состоявшийся 3–5 августа в Москве 2-й торгово-промышленный съезд осудил хлебную монополию как «меру антигосударственную», вызвавшую ухудшение продовольственного положения¹³¹. 20 августа очередное частное совещание членов Государственной думы также подвергло критике хлебную монополию и деятельность местных продовольственных комитетов¹³². Тем временем на местах крестьяне начали захватывать реквизированный у помещиков хлеб. Не прекращалась агитация против твердых цен. На этом фоне предложения совещания выглядели нереалистичными. Политика местных продовольственных комитетов, озабоченных прежде всего сохранением хлебных запасов для нужд местного населения, все менее согласовывалась с общегосударственной продовольственной программой. Но что-либо изменить было уже невозможно.

По финансовому вопросу правительству было предложено реформировать налогообложение (в частности, осуществить единовременный поимущественный налог), установить контроль над частными кредитными учреждениями, активизироваться в деле пропаганды «Займа свободы»¹³³. Между тем к этому времени стало известно, что заем совершенно не поддерживается в низах. Было получено наличными лишь 250 млн рублей вместо ожидаемых 400 млн¹³⁴.

Ясно, что совещание оказалось пустой говорильней, способной лишь вызвать дополнительное раздражение в правых кругах. Образованный на нем Объединенный комитет демократических организаций фактически дублировал работу ВЦИК. Левая общественность не справлялась с ситуацией.

«Как живая клеточка государственного организма России, я чувствую содрогание этого организма, измученного войною, революцией и разрухою, – записывал 9 июля 1917 г. в дневнике иркутский журналист И. И. Серебренников. – Неужели это конвульсии умирающего тела? Кошмарная жизнь. Страшно». На следующий день он подал заявление о выходе из партии социалистов-революционеров, объясняя это тем, что партия все еще не отмежеввалась «от тактики утождения большевистским лозунгам»¹³⁵.

¹³¹ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 411.

¹³² Буржуазия и помещики в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 273.

¹³³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9, 10 августа.

¹³⁴ См.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 342–343, 345–347.

¹³⁵ Серебренников И. И. Указ. соч. С. 361–362.

Положение других партий становилось не менее нелепым. Их «идейные» члены оказывались в положении буриданова осла, впавшего в ступор из-за невозможности сделать выбор между «неоспоримой» демократической доктриной и «неподатливой» революционной действительностью. И это касалось не только противников большевизма. В 1920-е гг. партия победителей российской многопартийности словно взрывается изнутри, ибо пришло время совсем другой доктрины, точнее, очередной утопии.

2.10.5. Кто звал генерала Корнилова?

Московское Государственное совещание было задумано как демонстрация единения всех «живых сил страны», то есть «патриотов», стоящих выше партийных доктрин. Однако в низах оно заранее обрело имидж контрреволюционного сборища. Теряющую авторитет и силы власть приходилось подпирать – теперь не только личным авторитетом, но и своего рода общественными пристройками. А людей, готовых выступать в роли ее «советчика», по-прежнему было предостаточно.

Впервые мысль о создании органа, призванного объединить сторонников «порядка», была высказана на заседании исполнительного комитета московских общественных организаций 24 апреля 1917 г. Но правительство решилось на проведение Государственного совещания лишь в связи с июльскими событиями, о чем и объявило 31 июля. Однако начиная с 6 июля большевики принялись пугать общественность «смертельной опасностью», исходящей от формирующегося «гнезда контрреволюции»¹³⁶. Неудивительно, что непосредственной реакцией на открытие совещания стала односторонняя стачка протеста московских рабочих и служащих. Бастовали железнодорожники, персонал типографий, электростанций, магазинов. Остановился трамвай. Ходили слухи, что буржуазных делегатов отказываются обслуживать в ресторанах половые¹³⁷. Не избежали соблазна побастовать даже служащие той организации, которая должна была служить эталоном патриотизма – Земгора¹³⁸.

Государственному совещанию предшествовало Московское совещание общественных деятелей – не столь многочисленное, но весьма целенаправленное. Все ораторы требовали твердой государ-

¹³⁶ См.: Николаев А. Б. Подготовка и созыв Московского государственного совещания // Рабочий класс, его союзники и политические противники в 1917 году. Л., 1989. С. 271–277; Государственное совещание. С. 330–337.

¹³⁷ См.: Грунт А. Я. Москва, 1917-й: революция и контрреволюция. М., 1976. С. 194–200.

¹³⁸ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 68.

ственной власти, при этом особо напирала на необходимость военизации тыла, прежде всего железных дорог. В первом же докладе Е. Н. Трубецкого было заявлено, что Керенский полон добрых намерений, но ими вымощена дорога в ад. Он же предложил перенести будущее Учредительное собрание в Москву, так как «у Петрограда прочные антинациональные традиции». Впрочем, альтернативы премьеру не выдвигали, хотя Л. Г. Корнилова приветствовали. А. А. Бубликов утверждал, что в результате революции подлинный демократизм оказался заменен своевластием отдельных групп. Ему пытался возражать известный экономист А. В. Чаянов. «Революция всегда есть революция, а не парад революционных масс, — заявил он. — Всякий новый строй всегда рождается в родильной горячке... Собрание должно поставить своей задачей проповедь демократической государственности». Эти слова также были встречены аплодисментами. Было заметно желание перенести будущее Учредительное собрание из Петрограда в Москву¹³⁹.

Основную направленность совещания выразил П. Б. Струве: «Мы живем в эпоху деморализации масс. Явление это психологическое, имеющее в своей основе упадок власти, угрожающий правильным основам хозяйственной жизни, личной и имущественной неприкосновенности в хозяйственной жизни. Поэтому первое и основное средство для борьбы с хозяйственной разрухой — это установление твердой власти, которая утвердила бы в повседневной жизни господство права». Эту мысль поддержали все участники совещания. Комиссар финансовых учреждений М. Н. Соболев в связи с этим заявил: «Власть реально осуществляет свои предназначения, когда она утверждается на психологии народной массы». Соответственно, следовало воссоздать психологическую связь власти и народа¹⁴⁰. Однако рекомендации такого рода выглядели запоздалыми.

Были на совещании и крестьяне (скорее всего, из Союза земельных собственников), также требовавшие избавления от многочисленных комитетов, а один из них даже потребовал осуществления всеобщей трудовой повинности. В унисон с ними философ И. А. Ильин заявил: «У Ленина есть сейчас в России преемник. Этот преемник — Виктор Чернов». П. Б. Струве протестовал против поношения «буржуев» и призывал «бросить эти глупые иностранные клички, которые превратились в пошлую привычку полутрамотных людей и которыми затемняют головы темного русского народа». Н. А. Бердяев, со своей стороны, защищал «истинный социализм» от социализма российского, который есть «окончательное надругательство над идеей социализма»¹⁴¹.

¹³⁹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 10, 14, 18.

¹⁴⁰ Там же. С. 61–62, 78.

¹⁴¹ Там же. С. 110, 116, 21, 61, 67.

Состав участников Государственного совещания был еще более пестрым. Он поражал не только числом (2 414 человек), но и продуманной пестротой. От всех четырех государственных дум было приглашено 488 человек, а от Крестьянского союза и Советов – 329. Торгово-промышленные организации и банки представляли 150 человек, города – 147, земский и городской союзы – 118, в то время как армия и флот лишь 117 делегатов. Кооперативы присылали 313 человек, а профсоюзы только 176. Представительство национальных организаций выглядело вызывающе заниженным – всего 58. Немного было и духовных лиц – 24 человека. Формально характер представительства соответствовал и принципу паритетности, и реальной значимости в жизни страны тех или иных профессий. Но в условиях социального спроса на «простые решения» самый состав совещания скорее раздражал, нежели примирял. Кое-кому появление «группы русской истории», по выражению Керенского, которую составили «бабушка» (Е. К. Брешко-Брешковская) и два «дедушки» (П. А. Кропоткин и Г. В. Плеханов) русской революции, стало напоминать то ли балаган, то ли Вальпургиеву ночь в «Фаусте»¹⁴².

Сомнительно, что намерения большинства участников соответствовали ожиданиям масс. Так, министр финансов Н. В. Некрасов сообщил, что нынешние расходы Временного правительства «нам не по карману», особенно напирая на непомерные требования рабочих. При этом он указал на необходимость ограничения пайков семьям солдат, высказался за увеличение косвенного обложения, а в целом призвал к «порядку» и жертвам ради победы¹⁴³. Между тем уже обозначился провал «Займа свободы», что указывало на равнодушие масс к проблемам, стоящим перед властью.

Ситуация в продовольственной сфере была близка к безвыходной. С. Н. Прокопович отметил, что использование частновладельческого аппарата для хлебных заготовок становится невозможным ввиду «резко недоверчивого и даже прямо враждебного отношения к торговому классу со стороны местного населения». Дело доходило до того, что некоторые продовольственные управы и комитеты «низвергались за попытки и даже только намерение воспользоваться услугами торговцев»¹⁴⁴.

Противоречия накапливались, единого решения комплекса проблем не намечалось. Пылкая речь Керенского, как всегда, прерывалась аплодисментами. Однако прозвучавшая угроза о стремлении «прежде чем погибнуть» прийти на помощь стране «с железом и со всею силою принудительного аппарата государственной власти», звучала беспомощно¹⁴⁵.

¹⁴² Богословский М. М. Указ. соч. С. 406.

¹⁴³ Государственное совещание. С. 37.

¹⁴⁴ Там же. С. 26.

¹⁴⁵ Там же. С. 16, 307.

Впрочем, у совещания была другая, более конкретная задача: приподнять фигуру Корнилова в качестве нового главнокомандующего, призванного навести порядок в терпящей поражение армии и все менее управляемом обществе.

Девятого августа Корнилов прибыл в Петроград в сопровождении военного отряда с пулеметами. На вокзале ему была устроена торжественная встреча, на площадь он был вынесен на руках и затем в сопровождении текинцев отправился к Иверской на молебен. Хорошо зная, что его ожидает Керенский, он, тем не менее, вернулся на вокзал, в свой вагон¹⁴⁶. Это уже походило на демонстрацию, которая продолжилась при появлении его в Большом театре. К этому времени существовала масса прокорниловских организаций: Батальон Свободы, Лига личного примера, Общество 1914 года, Союз воинского долга, Союз спасения Родины, Союз чести Родины, Союз «Вперед, за свободу!» (Ялта), Армия чести, Союз «Единение, честь Родины и порядок»¹⁴⁷. Корнилов получал телеграммы от Военной лиги, Исполнительного комитета союза офицеров, Совета союза казачьих войск, конференции союза георгиевских офицеров, совещания общественных деятелей в Москве и других организаций¹⁴⁸. Впрочем, все они существовали скорее на бумаге, во всяком случае, конкурировать с демократическими организациями не могли.

В своем выступлении на совещании Корнилов напомнил о требовании восстановления смертной казни на фронте «против изменников и предателей». При этом он выразил готовность поднять престиж офицеров и ограничить всевластие солдатских комитетов. Планы Корнилова поддержал М. В. Алексеев; их конкретизировал А. М. Каледин: упразднение в армии всех Советов и комитетов, полное запрещение митингов и собраний, пересмотр декларации солдата, частичная милитаризация тыла. Для воюющей страны в этом не было чего-либо необычного, но реакция зала оказалась характерной: на правых скамьях аплодировали и кричали «браво», на левых усиливались шум и свист¹⁴⁹. Строго говоря, осуществить все это было уже невозможно.

Совещание заседало три дня, было произнесено 90 докладов и речей. Выслушав ряд громких заявлений и требований, правительство оказалось перед дилеммой: либо срочно навести жесткий порядок, либо расписаться в неспособности управлять страной. Привычными средствами достичь этого было невозможно. Оставалось надеяться на «генерала на белом коне».

¹⁴⁶ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 423.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 351. Л. 7; Маслаков А. Указ. соч. С. 65; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Б/м. 1937. Ч. 1. Кн. 2. С. 136.

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 7 Д. 14. Л. 28–32.

¹⁴⁹ Государственное совещание. С. 61, 63, 75.

Генерал Корнилов имел репутацию «розового», но всегда был готов подавить малейшую смуту. Впрочем, 11 июля сам Керенский потребовал у Корнилова «остановить отступление во что бы то ни стало»¹⁵⁰. Идея оздоровления армии и страны витала в воздухе. Столичный инженер И. Д. Кротченко, кадет, 23 июля 1917 г. предлагал Милюкову сформировать новую власть «по соглашению Государственной Думы с генералами Алексеевым, Брусиловым и Корниловым с пребыванием в Ставке». Во главе правительства должен был встать один из генералов в роли военного министра. Остальные посты оставались за кадетами и Гучковым. Керенский и прочие социалисты в расчет не брались¹⁵¹. Идея установления военной диктатуры не была новой. Однако лавры «контрреволюционера», похоже, никого не прельщали.

Характерно, что Корнилова готовы были поддержать крупные финансисты. Созданное по инициативе А. И. Путилова Общество экономического возрождения России, в котором активное участие приняли А. И. Гучков, Н. Н. Кутлер, Б. А. Каменка, А. И. Вышнеградский, готово было финансировать выступление генерала. О предстоящей акции были проинформированы союзники¹⁵². Однако Керенский опасался утверждения военной диктатуры.

После Государственного совещания левая пресса заняла «антидиктаторскую» позицию. В ответ Главный комитет Союза офицеров армии и флота и Союз георгиевских кавалеров выступили в поддержку Корнилова. В адрес Временного правительства поступала масса писем и телеграмм в поддержку Верховного главнокомандующего¹⁵³. Но это только осложнило его взаимоотношения с Керенским¹⁵⁴. Дополнительную нервозность вносили слухи о готовящемся выступлении большевиков. Тем не менее обе стороны договорились о главном – подчинении Петроградского военного округа непосредственно главнокомандующему. Не удавалось лишь согласовать вопрос о том, в чьем непосредственном подчинении окажется столица. Корнилов считал, что только под его руководством в Петрограде может быть наведен порядок; Керенский опасался, что правительство может оказаться заложником крутого генерала.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 75. Л. 120, 122, 121, 128.

¹⁵¹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 392–293.

¹⁵² См.: Ананьич Б. В. Власть, предпринимательство и наука в России. С. 23; Лаврычев В. Я. Русские монополисты и заговор Корнилова // Вопросы истории. 1964. № 4. С. 33–34; Игнатьев А. В. Указ. соч. С. 306.

¹⁵³ Иванцова О. К. Предисловие // Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л. Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. Т. 1. М., 2003. С. 8.

¹⁵⁴ См.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Материалы Чрезвычайной комиссии... Т. 2. М., 2003. С. 487–489.

Задача наведения порядка в столице и в России сорвалась благодаря «случайности». Бывший обер-прокурор Св. Синода В. Н. Львов 26 августа явился к министру-председателю и изложил ему «требование» Корнилова о передаче ему всей полноты власти. Керенский тут же связался по прямому проводу с Корниловым и попросил его подтвердить информацию, полученную от Львова. Простодушный генерал согласился, не удосужившись спросить, что именно поведал премьеру Львов, и попросил Керенского прибыть в Ставку на следующий день¹⁵⁵.

Вольно или невольно, безответственный В. Н. Львов совершил провокацию, оказавшую решающее влияние на развитие событий. Не будь Львова, возможно, не было бы корниловского мятежа. А между тем большевики пришли к власти под флагом борьбы со «второй корниловщиной». В 1921 г. Львов взялся помогать большевикам, но Ленин отказался от его услуг, посчитав «самым глупым из сменеховцев»¹⁵⁶. Однако в августе 1917 г. по иронии истории судьба страны, похоже, действительно оказалась в руках «самого глупого» человека.

В ночь с 26 на 27 августа состоялось экстренное совещание правительства, на котором Керенский объявил о заговоре Корнилова и потребовал для себя исключительных полномочий для ликвидации мятежа. Несмотря на то, что некоторые министры убеждали Керенского уладить конфликт, он не согласился. В результате министры-кадеты подали в отставку, причем Ф. Ф. Кокошкин обвинил Керенского в диктаторстве. Корнилов 27 августа неожиданно получил приказ за подписью Керенского сдать должность генералу А. С. Лукомскому. Корнилов отказался. На следующий день вышел указ Временного правительства о предании его суду как мятежника. После этого со стороны Корнилова последовала череда обращений и воззваний к народу и казакам, а также приказов, в которых он объяснял, почему находит невозможным повиноваться власти, пораженной безволием и нерешительностью. Он повторил при этом слухи о том, что взрыв порохового склада в Казани, в результате которого погибло свыше миллиона снарядов и 12 пулеметов, произошел при участии германских агентов; что Германия потратила миллионы рублей на организацию разрухи в Донбассе; что готовится восстание в Финляндии, взрывы мостов на Днестре и Волге. Движение войск на Петроград он объяснял тем, что ранее согласованный план по подавлению большевистского восстания был сорван в правительственных кругах. Считается, что планы Корнилова

¹⁵⁵ Тютюкин С. В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 242–243.

¹⁵⁶ Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М., 2012. С. 457.

пользовались поддержкой иностранных послов, настаивавших на примирении с ним Керенского¹⁵⁷.

Для Керенского соглашение с Корниловым было чревато оттеснением на второй план. К тому же у него накопилось «очень много личного против Корнилова и Савинкова». Так, во время Государственного совещания ему казалось, что они «подкапывают под него», и он с Некрасовым «ждал в Москве вооруженного восстания с Корниловым во главе»¹⁵⁸. По мнению Ф. Степуна, событиями управляла «муть недоразумений», «туман авантюристически-дилетантских замыслов», «злостная путаница», которые столь часто сопутствуют переломным моментам истории¹⁵⁹.

Страхи в верхах провоцировал хаос в низах. В то время как политики «мобилизовывали массы на борьбу с контрреволюцией», а красногвардейцы готовили ей «вооруженный отпор», ситуация на улицах Москвы была близка к погромной. На этом фоне большевистская пресса твердила, что Государственное совещание, сдача Риги, провокаторские слухи о заговоре с их стороны, наконец, поход Корнилова на Петроград – звенья одной цепи. Вдохновителем контрреволюции объявлялась партия кадетов, постоянно провоцирующая правительственные кризисы¹⁶⁰.

Керенский мог победить Корнилова, только договорившись с представителями Советов и левыми элементами. После того как кадеты вышли из правительства, премьер вместе с министрами-социалистами попытался сформировать «Директорию» (Керенский, Некрасов, Терещенко, Кишкин, Савинков, Церетели или Скобелев). Это не удалось. Не удалось договориться ни с делегацией казаков, требующих недопущения гражданской войны, ни с генералом Алексеевым, отказавшимся заменить Корнилова на посту верховного главнокомандующего, ни с Милуковым, предложившим посредничество в переговорах с «мятежным» генералом. В первой половине дня 28 августа Некрасов объявил журналистам, что Временное правительство находится с Корниловым в положении воюющих сторон. После того как в 12.30 пришло сообщение, что передовые силы Корнилова находятся вблизи Луги, он же заявил, что «кровопролитие неизбежно»¹⁶¹. В тот же день Керенский обратился к железнодорожникам со специальным воззванием, в котором заявил, что «судьба России в значительной степени в их руках». Корнилов

¹⁵⁷ См.: Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 493–498; *Игнатьев А. В.* Указ. соч. С. 311–313.

¹⁵⁸ На этой версии настаивал московский городской голова Н. М. Кишкин, рассказывавший, что они даже расставили пулеметы в доме генерал-губернатора. См.: *Наследие Ариадны Владимировны Тырковой.* С. 208.

¹⁵⁹ См.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. С. 417, 419, 433.

¹⁶⁰ Рабочий. 1917. 28 августа.

¹⁶¹ См.: *Старцев В. И.* Крах керенщины. Л., 1982. С. 26–27, 31–33.

тут же ответил, что «изменники в Петрограде», а за неисполнение своих приказов он «будет карать беспощадно»¹⁶².

Но Корнилов не был готов к настоящему перевороту. По иронии судьбы генерал, выступление которого ассоциировалось с заговором «буржуазии», находился под правозесеровским влиянием в лице Б. В. Савинкова, В. С. Завойко и М. М. Филоненко (что не мешало первому из них глубоко презирать Керенского¹⁶³). Составленная ими программа была перечнем мероприятий по наведению порядка, к которым рано или поздно прибегают все революционеры. Победа Корнилова, в любом случае, задач полномасштабной военной диктатуры освоить не могла. А между тем любые резкие попытки подпереть властную систему со стороны (именно к этому наивно стремился Корнилов) оборачивались падением ее авторитета.

Строго говоря, к Корнилову имплицитно взывала либеральная общественность, не устававшая при этом внутренне содрогаться от призрака «генерала на белом коне». Но в глазах масс Корнилов, претендовавший на роль «спасителя от измены», по жестокой иронии судьбы сам предстал «изменником». «Смерть изменнику, предателю, недаром его немец выпустил»¹⁶⁴, – так высказался в адрес генерала один солдат 28 августа 1917 г. А в провинции от вполне благонамеренных обывателей можно было услышать такие суждения: «Скоро ли Корнилова предадут суду? Не жалко несколько таких изменников. Кажется, своими бы руками его разорвала»¹⁶⁵. Хотя самодержавие ушло в небытие, призраки, сопровождавшие его кончину, продолжали терзать сознание людей. Конспиромания обладает большей живучестью, чем ее собственные персонажи, ибо умеет с легкостью превращать «заговорщиков» из виновника в жертву, и наоборот.

Некоторые люди, симпатизировавшие Корнилову, продолжали на что-то надеяться. П. Б. Струве заявил: «Это была Нарва русской контрреволюции, за которой последует ее Полтава»¹⁶⁶. Но такая бодряческая логика противоречила логике русской смуты.

Корниловское выступление вызвало активизацию большевиков. Утром 27 августа большевистская фракция исполкома Петроградского Совета созвала экстренное совещание членов солдатской секции и военного отдела, а также представителей столичных районных Советов и фабзавкомов. Присутствовали также представители Военной организации ЦК РСДРП (б) и эсеровской

¹⁶² Цит. по: *Сенин А. С. Министерство путей сообщения в 1917 году. М., 2008. Приложения 7 и 8.*

¹⁶³ *Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 415.*

¹⁶⁴ *Пунин Н. Указ. соч. С. 111.*

¹⁶⁵ *Письма вятского обывателя / [автор-составитель Р.Я. Лаптева]. Вятка (Киров), 2009. С. 305.*

¹⁶⁶ *Франк С. Л. Указ. соч. С. 118.*

военной организации. Однако предложение большевиков передать организацию обороны Петрограда в руки Военной организации ЦК РСДРП (б) было отклонено. Возобладала идея своего рода «народного фронта» против «контрреволюции». Со своей стороны, Петербургский комитет большевиков принял решение о вооружении рабочих. В результате районные Советы столицы принялись смещать «соглашательских» комиссаров городской милиции, заменяя их своими выдвиженцами. Разумеется, главное внимание уделялось агитации среди солдат. Шла агитация под знаком отстаивания завоеваний революции: выборности командного состава, отмены смертной казни, освобождения арестованных товарищей¹⁶⁷. Большевики, связав кадетов с Корниловым, без всякого упоминания о «социал-предателях» в лице эсеров, убили сразу двух зайцев: дискредитировали правых и создали видимость существования «народного фронта», в котором им принадлежит ведущая роль. Так создалась легенда о большевиках — «борцах за демократию».

В Петрограде стали создаваться отряды Красной гвардии, по некоторым данным, их численность составила 40–45 тысяч человек¹⁶⁸. В столицу двинулись балтийские матросы. Сам Керенский приказал заменить юнкеров, охранявших Зимний дворец, матросами с «Авроры», не к месту заявив, что отдает себя под охрану «товарищей большевиков». Под Петроградом развернулось строительство оборонительных сооружений, железнодорожники разбирали пути. Считается, что чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией были созданы примерно в 120 городах¹⁶⁹. В конечном счете «контрреволюционные» части (в действительности почти не информированные о целях движения в Петроград) были распропагандированы и отказались подчиняться приказам командиров. Специальную агитацию провела делегация мусульман, сумевшая распропагандировать воинов Туземной дивизии. Оставалось только арестовать руководителей «мятежа».

В верхах мало кто сомневался, что Керенский сам был участником заговора против Совета¹⁷⁰, а затем попросту «подставил» Корнилова, испугавшись, что его политическая карьера закончится. Представители специально созданной Чрезвычайной комиссии для расследования дела о бывшем Верховном главнокомандующем и его соучастниках скоро убедились в том же. Существует версия, что

¹⁶⁷ См.: Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа. Док-ты и мат-лы. М., 1959. С. 385, 474–475, 483–484; Районные Советы Петрограда в 1917 г. Т. 1–3. М.; Л., 1964–1966; Октябрьское вооруженное восстание, Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 2. Л., 1967. С. 154–159.

¹⁶⁸ Дело народа. 1917. 30 августа.

¹⁶⁹ Иванов Н. Я. Корниловщина и ее разгром. Л., 1965. С. 118; Он же. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. С. 193.

¹⁷⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 416.

члены комиссии не только отказались расценивать произошедшее как мятеж, но и предприняли усилия для спасения «мятежников»¹⁷¹.

В связи с выступлением Корнилова особо накалилась ситуация на Дону. В Новочеркасске заговорили о том, что Керенский арестован Корниловым и сформировано правительство во главе с Милюковым. В начале сентября поползли слухи, что утвердилось «чисто еврейское» правительство во главе с Керенским, усилились не только антиеврейские, но и антиармянские настроения. Затрубили тревогу и в связи с перебоями в выплате пособий семьям военнослужащих и «солдаткам». «Всякая задержка... может вызвать нежелательные эксцессы среди многочисленной, неустойчивой, доведенной нуждой и семейными лишениями до полной психической неуравновешенности массы жен мобилизованных», – говорилось на заседании Новочеркасской городской думы 18 сентября 1917 г.¹⁷²

На фоне корниловского выступления военные поражения представляли в ином свете. 3 сентября 1917 г. была сдана Рига. Потери оборонявшейся 12-й армии составили: 25 тысяч человек, 273 орудия, 256 пулеметов, 185 бомбометов и 48 минометов¹⁷³. Теперь многие готовы были поверить в огульные обвинения большевиков в том, что командование намеренно готовит сдачу Риги вопреки героическим действиям большевизированных войск.

Не случайно антикорниловские настроения были особенно заметны на фронте. Председателю Чрезвычайной следственной комиссии стоило большого труда заполучить к себе «сообщников» Корнилова из командования Юго-Западного фронта – солдатские комитеты собирались судить их военно-революционным судом на месте. Налицо было настроение масштабного самосуда. В отдельных частях солдаты пытались воспользоваться ситуацией, чтобы объявить непосредственных начальников «корниловцами» и «заговорщиками»¹⁷⁴.

Поражение Корнилова привело к резкому падению доверия к России со стороны союзников. В сентябре – октябре британское правительство фактически отказало России в поддержке курса рубля. В результате его курс на Лондонской бирже, составивший в начале сентября 1/3 довоенного, упал в конце октября до 1/4. В начале сентября англичане фактически сорвали некоторые военные заказы¹⁷⁵. Россию как участницу войны союзники сбрасывали со счетов. Все это сказывалось на настроениях внутри страны.

¹⁷¹ Раунах Р. Р. фон. Указ. соч. С. 15–20.

¹⁷² ГА РО. Ф. 694. Оп. 1. Д. 12. Л. 15; Оп. 2. Д. 14. Л. 25.

¹⁷³ Сербин А. И. Указ. соч. С. 36.

¹⁷⁴ См.: ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 33. Л. 25–32, 35–37; Д. 48. Л. 2–3, 18–19.

¹⁷⁵ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 348, 351; Игнатъев А. В. Указ. соч. С. 342–344.

В начале сентября обострилось недовольство союзниками в пролетарской среде. В Баку 18 сентября была принята резолюция, требовавшая удаления из пределов России «агентов союзного капитала, вредящих русской революции». Армейские комитеты также требовали «выслать из России агентов иностранного империализма, поддерживающих контрреволюционный заговор»¹⁷⁶.

Корнилов дал дорогу Ленину, что уловили почти все. Министр иностранных дел М. И. Терещенко 26 сентября информировал послов, что «умеренные лидеры социалистов в значительной степени потеряли контроль над массой, увлеченной крайними настроениями и с трудом ее сдерживают». Упомянул министр и о росте влияния большевиков, которые «постепенно овладевают Советами рабочих и солдатских депутатов»¹⁷⁷. Массы все больше погружались в пучину иррациональной ненависти. Сообщали, что в районе Петрограда, напуганного Корниловым, крепнет настроение «резать буржуазию и интеллигенцию». Некоторые солдаты при этом заявляли, что хорошо бы навели порядок в России иностранцы, пусть даже немцы¹⁷⁸. Надежды на свою власть перерастали в отчаяние.

Леонид Андреев, известный своей склонностью «пугать», нарисовал «жуткую» картину ближайшего будущего. 15 сентября в статье с примечательным названием «Veni, Creator!» (Приди, Создатель!) он писал: «...По лужам красной крови выступает завоеватель Ленин, гордый победитель, триумфатор – громче приветствуй его, русский народ! ...Ты почти Бог, Ленин. Что тебе все земное и человеческое? Жалкие людишки трепещут над своей жалкой жизнью, их слабое, непрочное сердце полно терзаний и страха, а ты неподвижен и прям, как гранитная скала... Как некий Бог, ты поднялся над их земным и ничтожным и презрительной ногою встал на их отечество... Разве для Бога существует география, границы, свои и чужие земли?..». Но даже не фигура Ленина, «вырастающая выше старой Александровской колонны», столь впечатляла известного писателя. «Или ты только предтеча? Кто же идет за тобою?»¹⁷⁹ – вопрошал он.

Но для того, чтобы утвердиться Ленину, было необходимо, чтобы массы окончательно разочаровались в кумирах Февраля. После поражения Корнилова Керенского невзлюбили и справа, и слева. По утверждению Троцкого, личная неприязнь к премьеру со стороны членов Петроградского Совета в значительной степени предрепределила его большевизацию. Однако на деле за «большеви-

¹⁷⁶ См.: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общегосударственный кризис. М., 1961. С. 147, 153, 218, 278–280, 315–316.

¹⁷⁷ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 478.

¹⁷⁸ Письма – больше, чем воспоминания... С. 284.

¹⁷⁹ Цит. по: Дудаков С. В. И. Ульянов: знакомый незнакомец // Россия и современный мир. 2008. № 3 (60). С. 119.

зацией» скрывалась скорее растерянность, нежели решительный выбор. «Настоящего большевистского большинства» в столичном Совете еще не было, свидетельствовал Н. Н. Суханов. Тем не менее его меньшевистско-эсеровские руководители решили подать в отставку¹⁸⁰.

Пленум Петроградского Совета 31 августа большинством голосов утвердил резолюцию большевиков, в которой говорилось о необходимости установления в стране новой власти из представителей революционного пролетариата и беднейшего крестьянства. 5 сентября вопрос о власти обсуждался на объединенном пленуме московских Советов. Большинство голосов (355 против 254) была принята большевистская резолюция¹⁸¹.

Ленин учитывал неустойчивость массовых настроений. Узнав о «большевизации» столичных Советов, он тут же заговорил о «компромиссах», как бы по-прежнему нацеленных на мирное вытеснение меньшевиков и эсеров с горизонтов власти. Однако, почувствовав, что «соглашателям» удастся в очередной раз настоять на коалиции с «буржуазией», он вновь заговорил о том, что большевики должны взять государственную власть¹⁸².

В массах распространялись скорее не большевистские, а псевдоанархистские настроения, выливавшиеся в пьяные погромы. Празднование 1 мая в Троицке Оренбургской губернии обернулось диким погромом винного склада: было растащено 40 тысяч ведер спирта, бутылки открывались о головы мертвецки пьяных людей, пьяные казаки рубили друг друга. На следующее утро было обнаружено до 200 трупов спившихся людей¹⁸³. Не менее показательна ситуация в Ржеве – уездном городе Тверской губернии, чье имя прогремело в начале октября на всю Россию. Этот город с большим удельным весом старообрядческого населения считался торгово-промышленным. Но ситуацию определял не местный «пролетариат» (рабочий Совет здесь долго не организовывался), а 40-тысячный гарнизон. В конце сентября – в начале октября солдатами был разграблен винный завод, перепился почти весь гарнизон, семь человек умерло, еще несколько погибло в пьяных драках¹⁸⁴. Погром грозил распространиться на соседние города. Из Ржева дватри десятка пьяных хулиганов прибыли в Торжок. Большевикам предотвратить погром не удалось, их едва не линчевали. 3 октября «пьяные обыватели и солдаты били стекла, выламывали двери ма-

¹⁸⁰ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 149–152.

¹⁸¹ См.: Протоколы Центрального комитета РСДРП (6). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1958. С. 37–38; Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве. Док-ты и мат-лы. М., 1957. С. 302.

¹⁸² См.: Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 204–205.

¹⁸³ Нарский И. В. Указ. соч. С. 186.

¹⁸⁴ Булдаков В. П. Красная смута. С. 249.

газинов и окна». За ночь было «разгромлено шесть лавок». 4 октября толпа разрослась до 25–30 тысяч. Администрация была бессильна: «председатель земской управы и начальник милиции плакали». Положение, видимо, спасли солдаты-железнодорожники и фронтовики: «200 вооруженных солдат организованно прошли по Торжку, предлагая солдатам разойтись». По сути дела, одна часть «сознательных» вооруженных солдат противостояла другой, находящейся под влиянием «темных» элементов. Разумеется, большевики обернули события в свою пользу, вытеснив «беспомощных» эсеров из местных органов власти¹⁸⁵.

Поднять недоумевающие массы на восстание против «непонятной» власти было непросто. Ситуация была чревата погромной смутой, а не революцией. Переворот казался самым большевикам лишь крайним вариантом развития ситуации.

2.10.6. Революция или культура?

События революции были по-своему отрефлексированы на эмоциональном уровне. Естественно, творческие элитыотреагировали на происходящее не так, как доктринеры, социальные верхи видели происходящее иначе, нежели низы. Там, где политики усматривали революцию/контрреволюцию, прогресс/регресс, писатели видели стихию, смуту, хаос, пугачевщину. То, что страшило образованные элиты, воспринималось в народе как возмездие и торжество справедливости.

Так называемое пролетарское сознание вовсе не являлось социал-демократической выдумкой, подхваченной советской историографией. После Февраля едва ли не все люди наемного труда отождествляли себя с пролетариями¹⁸⁶. Из дореволюционных пролетарских текстов видно, что известного рода теории не просто проникли в среду рабочих, но и смыкались там с известным рода иллюзиями, фантазиями, утопиями. Так, в произведениях поэтов-рабочих до революции доминировала лексика духовной обездоленности, преобладали мотивы грусти, печали, скорби, угрызений, муки, жертвенности, страдания, тоски, меланхолии, томления¹⁸⁷. Но не только. За этим следовало то, что можно назвать перверсией традиционалистского сознания. Крестьянскому парню, оторвавшемуся от деревенской «глуши» и сумевшему адаптироваться к грохоту машин, завод и город помогали совершить своего рода иденти-

¹⁸⁵ ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 2. Д. 140. Л. 41–42.

¹⁸⁶ Борьба за массы в трех революциях в России. С. 71–72, 88, 221, 225–226.

¹⁸⁷ Steinberg M. Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca, NY, Cornell University Press. 2002. P. 232.

кационное чудо, по аналогии с которым, казалось, можно свершить и более масштабное социальное чудо. Так, Иван Логинов устремлялся «дальше, дальше от равнин, / В царство фабрик и машин, / В город шумный и суровый, / Где зачатки жизни новой». При этом он заявлял: «Шум заводов – мощь народов / Я давно уж полюбил... / Клич призывный, коллективный / Мне до смерти будет мил»¹⁸⁸. Конечно, его отношение к индустриально-урбанизированной среде оставалось амбивалентным¹⁸⁹. Ему казалось, что преодолеть социокультурный стресс можно через резкий – «революционный» – психосоциальный сдвиг.

Фабричное производство порождало стремление слиться с новым коллективом ради материализации надежд, зародившихся в традиционалистской среде. Перемещение в новое культурное пространство активизирует иллюзорность сознания. В декабре 1916 г. завод представлялся Логинову храмом, в котором можно «в массе раствориться»¹⁹⁰. Элементы своеобразного идолопоклонства Машине заметны и у других авторов¹⁹¹. Отсюда иллюзии преумножения индивидуальных сил и возможностей. «Я могуч, – писал крестьянский поэт Н. Власов-Окский. – Мне мир сей тесен. / Я про новый мир пою»¹⁹². Владимир Кириллов видел в пролетарии «железного мессию», который «к вечному братству народы зовет»¹⁹³. Михаил Герасимов в дореволюционные годы представлял пролетария, сгорающим «на огненном кресте»¹⁹⁴.

Революционная поэзия Власова резко контрастировала с написанными им ранее «унылыми» стихами. Пессимизм «безвременья» сменился на безудержный оптимизм. Возникло ощущение «красного чуда»: «Красные флаги, красные банты, / Красные песни, красные речи... / Красные люди, красное дело / Дружно свершили. Пал Безобразник (Николай II. – Авт.)». Социалистические надежды на мировую революцию легли на благодатную почву. «Красные Зори горели пожарами. / Вот-вот займется весь мир!» – утверждал он в стихотворении «Красный пир»¹⁹⁵. Красный цвет в полном смысле слова неистовствовал в самодеятельной поэзии. Ассоциации были довольно противоречивыми: красный – красивый, красный – кровь,

¹⁸⁸ Логинов Ив. У станка. Стихи. Петербург, 1917. С. 6, 7.

¹⁸⁹ Характерно, что в дореволюционной пролетарской поэзии деревня занимала даже большее место, нежели город. См.: Сборник пролетарских писателей. Под ред. М. Горького, А. Сереброва и А. Чапыгина. Пг., 1917.

¹⁹⁰ Логинов Ив. У станка. С. 13.

¹⁹¹ См.: Дозоров М. Мы посягнули // Сборник пролетарских писателей. С. 111–113.

¹⁹² Власов-Окский Н. Песни свободы. Стихотворения. Тверь, 1917. С. 7.

¹⁹³ Цит. по: Gachon-Bréneau C. La poésie prolétarienne Russie. 1914–1925. Annexe. [2] Paris, 2000. P. 66.

¹⁹⁴ Сборник пролетарских писателей. С. 3.

¹⁹⁵ Власов-Окский Н. Песни безвременья. С. 15; Он же. Песни свободы. С. 9; Он же. Красные зори. Стихотворения. Тверь, 1917. С. 7.

красный – заря, красный – огонь. «Красный цвет, / Алый цвет – / Цвет победы! Крови лик, / Воли крик... / Солнца восход..., – перебирал их А. Кораблев 12 марта в газете «Южный Урал»¹⁹⁶. Сибирский поэт П. Второв восторгался «тысячами красных знамен»¹⁹⁷.

Красные флаги стали настоящей головной болью для железнодорожников: солдаты постоянно укрепляли их на вагонах, что по действовавшим нормативным актам требовало от кондукторов немедленной остановки поезда¹⁹⁸.

Параллельно с образом торжествующего красного цвета нарастала тема насильственной переделки всего мира¹⁹⁹. В. Кириллов писал: «Я узнал, что мудрость мира вся вот в этом молотке, / В этой твердой и упорной и уверенной руке...». По его представлениям, пролетарий – это «спаситель, земли властелин, владыка сил титанических...», который «пришел к нам с фабрик» и теперь «всем несет он радость и свет». Молот, как символ преумноженной мускульной мощи, отмечали и другие авторы²⁰⁰.

«Гегемония пролетариата» носила отнюдь не платонический характер. «Мы обнажили меч кровавый, / Чтоб гнет разрушить вековой... – утверждал Кириллов²⁰¹. Впрочем, его сподвижники были настроены пока более миролюбиво. «Я пою семью народную, / Что зовется демократией, / За ее борьбу природную / С темнотою и апатией...», – надеялся Логинов в 1917 г.²⁰²

Скоро в пролетарской поэзии появились нотки нетерпения. «Образы. Образы. Символы. / Публика / Многих из них не поймет в первый раз. / Крупным на знамени словом / Республика! – / Не приведешь уж в экстаз. / Символы. Образы. Новое в старое / Вмиг превращается...», – такие мысли возникали у Н. Власова-Окского. Параллельно нарастала антивоенная тема. «...К концу идет / кровавый сенокос, / Начинают просыпаться бедняки.../ Только этот вал с лица земли сметет / И войну и ненасытный капитал», – писал И. Логинов²⁰³. Пролетарские поэты так адресовались «зарубежным братьям»: «Смотри, во что превратился мир: / Он весь – израненный труп, / А война касанием страшных губ / Пьет кровь людей, как вампир»²⁰⁴.

Напротив, революционная обыденность вызвала в людях старой культуры настоящий эстетический шок. Наиболее точный образ

¹⁹⁶ Голдин В. Н. Указ. соч. Кн. 2. С. 19.

¹⁹⁷ Сибирская жизнь. 1917. 20 апреля.

¹⁹⁸ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 179.

¹⁹⁹ Подробнее см.: Булдаков В. П. Поэтические завихрения «Красной смуты». С. 367–370.

²⁰⁰ См.: Дозоров М. Мы посягнули // Сборник пролетарских писателей. С. 111.

²⁰¹ Цит. по: Gachon-Bréneau C. Op. cit. P. 62, 68.

²⁰² Логинов Ив. Указ. соч. С. 15.

²⁰³ Власов-Окский Н. Красные зори. С. 8; Логинов Ив. Указ. соч. С. 15.

²⁰⁴ Цит. по: Gachon-Bréneau C. Op. cit. P. 66.

российской вольницы предложила М. Цветаева: «Свобода – гуляющая девка на шалой солдатской груди». «И целый день, своих пугаясь стонов, в тоске смертельной мечется толпа», – так воспринимала происходящее А. Ахматова²⁰⁵. В отличие от Цветаевой и Ахматовой, запечатлевших необратимое, поэтические представители «сильного пола» все еще надеялись остановить стихийный поток. К. Бальмонт в середине июля 1917 г. осуждал «бегство предателей, отступление этих подлых, обезумевших трусов на фронте», и надеялся, что в будущем «это стадо бегущих свиней да будет ...истреблено»²⁰⁶. В России политика постоянно проникает в поэзию и наоборот. А. П. Семенов-Тянь-Шанский (сын известного географа) в июле 1917 г. в стихотворении «Нашим демагогам» требовал суда над «народными трибунами», благодаря которым «огромная страна» была «безвластью вручена»²⁰⁷. Позднее в дальневосточной газете у анонимного автора промелькнул характерный образ – «свобода для сумасброда». А футурист Венедикт Март добавлял: «Темень, невежество наше / Мозг замутили, изъели сердца»²⁰⁸.

Началась настоящая свистопляска революционных символов. Правительство поспешно отменяло празднования тезименитств. Независимо от этого некоторые памятники Александру II уничтожались толпами под пение «Марсельезы»²⁰⁹. Крестьяне Барковской волости (Саратовская губерния) снесли памятник «царю-освободителю» под пение «Дубинушки»²¹⁰. Были и случаи «старонового» ритуального симбиоза. В сентябре в Москве в ходе парада войск некоторые увидели особую символику в торжественном «слиянии звуков революционных песен и колокольного кремлевского звона»²¹¹. В этом же месяце «Вятская речь» сообщала, что «в одном городе собрали деньги на памятник Родзянко, в другом в красном углу ставили портрет Керенского»²¹². Люди все меньше понимали, каким богам молиться, кого славословить, кого проклинать.

Рабоче-крестьянских авторов происходящее не смущало. Даже после июльских событий они не умерили свой пыл. 7 июня 1917 г. некий Ардин в «Уральской правде» клеймил позором буржуазию: «Капитал / Обирал, / И пощады не знал / Человеческой кровью питался. / Воевал, / Убивал, / Беззастенчиво лгал...». Подобным закликаниям сопутствовала растущая жажда мира. 20 августа некий

²⁰⁵ Ахматова А. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. М., 1987. С. 135.

²⁰⁶ Андреева-Бальмонт Е. А. Указ. соч. С. 493, 499.

²⁰⁷ Биржевые ведомости (Вечерний выпуск). 1917. 21 июля.

²⁰⁸ Владивосток. 1919. 12 февраля.

²⁰⁹ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2001. С. 134–135.

²¹⁰ Герасименко Г. А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. С. 51.

²¹¹ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 79, 81.

²¹² Цит. по: Нарский И. В. Указ. соч. С. 196.

Марсий опубликовал в «Пермской жизни» свой «Красный звон». Ему виделся такой исход: «Миллионы, миллионы / Погибают на войне.../ Но наступит единенье / Всех народов, всех племен, / Зазвучит над всей землею / Долгожданный Красный звон!». Крестьянский поэт П. В. Орешин пел такие «Песни свободы»: «Взрывами огненных сил / Сердце поет.../ Развернуты алые стяги...». Насколько позднее он уверял: «Вспыхнул золото-огонь / Лапотного края...»²¹³.

Революция захватила не только «пролетарских» и «крестьянских» авторов. «Тысячи красных знамен / Рдеют в толпе как пионы, / Слиты в биеньи одном / братских сердец миллионы...», утверждал в стихотворении «Праздник победы» сибирский поэт П. Второв. Ему казалось, что «в плоть облеклись наяву юности светлые грезы». Но скоро тональность его стихов изменилась²¹⁴.

Тем временем в антибольшевистской поэзии все более отчетливо звучала тема «перерождения» революции в охлократию. Тенденция к осуждению народной стихии наметилась еще в середине 1917 г. Уральский поэт писал: «Еще сильны / Инстинкты варварства в народе. Подонки общества страшны / Своєю дикостью в свободе...». Разочарование в плодах революции нарастало. И. А. Козловский, подписывавшийся псевдонимом «Батрак», в августе 1917 г. в «Свободном слове солдата» сообщал, что в душе его «воскресла вера», а в апреле следующего года в «Голосе трудового казачества» проклинал «безумный мир, кровавый мир», где «царствует вампир» и «демон тьмы»²¹⁵. Настроения интеллигентов – даже рабоче-крестьянского происхождения – отличались неустойчивостью. Низы воспринимали ситуацию проще, и в этом таилась драма «красной» российской смуты.

В мае 1917 г. К. С. Петров-Водкин признал: «Дрогнуло искусство в своих недрах, но не сумело ни благословить, ни проклясть кровавой бури народов»²¹⁶. А. Т. Аверченко революция предстала сначала как «божественно красивое лицо озаренного гневом Рока», которое затем сменили безразличным «буйный идиотизм» и «сатанинский вихрь разрушения»²¹⁷. Революция, как и породившая ее война, требовали совсем иных – особых – пиндаров. Через много лет Ф. Степун, в свое время крайне скептически относившийся к поэзии футуристов, признал, что сквозь их искусство «пробивалась в жизнь величайшая тема новой истории, страшная тема большевистской революции, с ее разрушением общепринятого русского

²¹³ См.: *Голдин В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 29, 72, 86; Кн. 2. С. 93, 109–110.

²¹⁴ *Сибирская жизнь.* 1917. 20 апреля.

²¹⁵ *Голдин В. Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 31; Кн. 2. С. 8.

²¹⁶ Цит. по: *Водонос Е. И.* Выдающиеся мастера «Саратовской школы» в зеркале художественной критики 1900 – 1933. Саратов, 2003. С. 208.

²¹⁷ *Аверченко А.* Дюжина ножей в спину революции // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 1. М., 1990. С. 206, 207.

языка и заменой его интернационалистическим ревжаргоном, с ее утопическим грюндерством, доверием к хаосу...»²¹⁸. Поэтика революции уступала место поэтике агрессии; параллельно этому шла общая вульгаризация культуры.

П. Б. Струве задумал создать «некий идейный центр для духовно обоснованного патриотизма» – Лигу русской культуры, призванную противостоять интернационалистским идеям. В воззвании Лиги предлагалось «начать работу укрепления русской культуры и государственности в их неподдельной благородно-национальной форме, предуказанной всей нашей историей»²¹⁹. Пригласил Струве в Лигу и А. Блока. Он отказался, выразив удивление, что в Лиге участвует Родзянко, но не участвует М. Горький. Струве ответил, что весь ужас в том, что Горький возглавляет теперь антипатриотическое движение. Сам же он шутя говорил, что «Лига русской культуры есть в иностранных словах выраженное понятие Союза Русского Народа»²²⁰.

Внутри самих организаций культуры назревало подобие «классового» конфликта. Хористы и оркестр МХТа 29 мая 1917 г. просили изменить порядок найма (не сезонный, а годовой) и увеличить вознаграждение. Им было отказано. Вряд ли их это удовлетворило. В то время В. И. Качалов получал 13 500 рублей в год (ранее он получал больше – 18 000), И. М. Москвин – 10 000 (прежде 9 000), О. Л. Книппер – 7 500 руб. (7 200 в начале года) при низшей актерской ставке в 3 000 р. Между тем художники-декораторы имели в год 1 800–1 500, рабочие сцены 1 380–1 200 рублей. Что касается низших служащих, то им полагалось 600 рублей.²²¹ Трудно было ожидать, что в условиях всеобщей уравниловки «пролетариат культуры» этим удовлетворится.

«Святая Русь умерла, – писал 6 августа 1917 г. В. Муравьев в струвистском еженедельнике. – На место ее воцарилась Русь нечестивая, Русь паскудная, Русь разбойная. Чудится, что не Русь это вовсе, а злое и бессмысленное наваждение»²²². Поводов для подобных высказываний было предостаточно.

10 октября М. Пришвин записывал в дневнике: «Простая женщина подошла в трамвае к важной барыне и потрогала ее вуальку на ощупь.

– Вот как они понимают свободу! – сказала барыня»²²³.

Сцена символична: разрушение сословных перегородок смешало культурные пласты в самом буквальном смысле слова. Пред-

²¹⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 400.

²¹⁹ Лига русской культуры. К русским гражданам // Русская свобода. 1917. № 9. С. 24.

²²⁰ Франк С. Л. Указ. соч. С. 117–118.

²²¹ ММХАТ. Оп. 1916–1917. Д. 58. Л. 5–6; Д. 112. Л. 1; Д. 113. Л. 1.

²²² Русская свобода. 1917. № 15–16. С. 9.

²²³ Пришвин М. М. Дневники. С. 85.

ставители интеллигенции сообщали, что «чувствуют себя беспомощными во власти некультурных сил», хотя находятся «гибкие приспособляемые люди – готовые служить и черни, и грубым ее инстинктам»²²⁴. Дело было не просто в «продажности» творческих людей, которым надоело петь оды властям предрежающим. Происходило непредсказуемое по своим повседневному гримасам бурление всего культурного пространства.

Российская культура, включая ее наиболее активную западническую составляющую, привыкла к существованию в лоне православно-патерналистской империи. Поэтому она «по-детски» эмоциональна. В этом ее общечеловеческая сила и в этом же ее интеллигентская немощь. И она не случайно задается неуместными вопросами: «Что делать?» и «Кто виноват?». При этом русский интеллигент даже не понимает вздорности этих вопросов. Ясно, что человек призван создавать ценности и смыслы; очевидно, что он обречен на самостоятельное творчество. И если он вместо того, чтобы что-то делать самому, постоянно ищет виноватых, впору ответить: «Сам дурак!»

В истории не было империй, которыми бы ни восторгались люди культуры. Но императоры – не только знаковые фигуры державной истории, но существа, «безвольно» сопровождающие ее бесславное угасание. И рано или поздно наступит время, когда люди, которые восславляли имперское прошлое, столь же искренне проклянут его. Ибо патерналистские империи порождают особый тип культуры – культуры романтизированного преклонения перед настоящей властью.

Человек жаждет определенности, стабильности и справедливости. Из них складывается своего рода этико-эстетический метронорм истории. А потому неудивительно, что на нарушение гармонии движения в «светлое будущее» острее всего реагируют люди творчества. И они возбуждают растерянных людей.

Однако сами «властители дум» остаются неловкими статистами нескончаемого спектакля истории, обреченными, к тому же, постоянно наткнуться на ими же воздвигнутые декорации возвышенных образов и смыслов. Особенно в России. Об этом стоит помнить тем, кто по собственной немощи возводит мыслителей прошлого во вневременные «пророки».

²²⁴ Письма – больше, чем воспоминания... С. 286, 287.

Глава 11

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ОХЛОКРАТИЯ?

2.11.1. В поисках политической стабильности

Выступление Корнилова, воспринятое социалистами как угроза правой диктатуры, заставила их содрогнуться и шарахнуться влево. Керенский, со своей стороны, взялся реализовывать сомнительную идею «твердой» и при этом коалиционной власти. Над правительственным кабинетом встала Директория. В ее состав вошли: А. Ф. Керенский в качестве министра-председателя и Верховного главнокомандующего, министр внутренних дел меньшевик А. М. Никитин, считавшийся беспартийным глава МИДа М. И. Терещенко, военный министр А. И. Верховский, морской министр Д. П. Вердеревский. Тут же пошли разговоры о «диктатуре», Керенский готов был им соответствовать. Получалось не очень удачно.

Зарубежные представители встретили образование нового правительственного кабинета с некоторой надеждой. Вместе с тем французский, английский и итальянский послы в коллективной ноте заявили, что внутренние события «внушают опасение в силе сопротивления России и в возможности для нее продолжать войну». От обновленного Временного правительства требовали «доказать на деле свою решимость применить все средства в целях восстановления дисциплины и истинного воинского духа в армии, а равно обеспечить правильное функционирование правительственного аппарата как на фронте, так и в тылу». Только при этих условиях российское правительство может рассчитывать на «полную поддержку союзников». По признанию Терещенко, эта коллективная нота произвела на правительство «тяжелое впечатление». Разумеется, Керенский в очередной раз заверил союзников в том, что ни материальные затруднения, «ни внутренняя смута» не смогли сломить решимости правительства в полном единении с союзниками довести войну до победного конца¹.

¹ Экономическое положение России... Ч. 2. С. 514–515; Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 478–479.

Правительство делало вид, что намеревается пересмотреть соглашения с союзниками о целях войны, однако не стало поднимать этот вопрос перед представителями Антанты. Перед армией ставилась задача осуществления «активной обороны». 11 октября на закрытом заседании Временного правительства Терещенко предлагал отбросить лозунг «война до победного конца», поскольку он утратил свою притягательную силу, и заменить его лозунгом «война до боеспособности армии»². Предполагалась коренная реорганизация армии: сокращение ее численности, расформирование ненадежных частей и создание вместо них новых полноценных боевых единиц, уменьшение числа запасных полков, реорганизация тыловых учреждений, сокращение вспомогательных частей. Вместе с тем для пополнения убыли к 1 мая 1918 г. требовалось призвать дополнительно около миллиона человек. Рекомендовались и соответствующие меры в тылу, в частности, более широкое использование женского труда в промышленности и на транспорте, привлечение лучших из увольняемых солдат к работе в милиции³. Вряд ли этот план соответствовал настроениям масс.

Нереалистичными становились и внешнеполитические амбиции. Терещенко продолжал настаивать на минимальных условиях, на которых Россия могла бы в будущем заключить мир: сохранение доступа к Балтийскому морю; обеспечение свободного доступа в Средиземное море и сношений с южными морями; обеспечение экономической независимости России⁴. Зато в отношении соглашений о разделе Азиатской Турции Терещенко, как и Керенский, предпочитал отстаивать принцип «самоопределения наций». В отличие от Милюкова он полагал, что распределение малоазиатских территорий между несколькими державами может в будущем создать для России серьезные трудности. Особенно остро они могут проявиться в случае решения о нейтрализации проливов. По его мнению, наилучшим решением был бы переход проливов в собственность России⁵.

Эти планы все сильнее расходились с реальными возможностями. Последние попытки Временного правительства свелись к тому, чтобы выпросить у американцев 75 млн долларов на покрытие расходов в Финляндии. Но посол Френсис уведомил свое правительство, что Балтийский флот открыто не повинуется правительству, а русские солдаты в Финляндии – под влиянием Совета. Вместе с тем он по-прежнему был уверен, что «Россия со временем уплатит по всем обязательствам»⁶. Западные политики не могли представить,

² Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 12 октября.

³ Исторический архив. 1961. № 4. С. 97–101, 104–107.

⁴ Васюков В. С. Указ. соч. С. 448–449.

⁵ Былое. 1918. № 12. С. 20–21.

⁶ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 481.

что Россию ждет очередной переворот, способный кардинально изменить ее историческую судьбу.

В такой обстановке 8–15 сентября и проходил «Съезд народов», задуманный Центральной радой еще весной. Окраинные политики попытались предложить свои планы переустройства России.

Полнотой представительства съезд не отличался: слишком необычен был его замысел и трудно было совместить его со стремительно меняющимися политическими реалиями. Даже сведения о составе участников не отличались определенностью: действительными были признаны 86 мандатов представителей 13 национальных и национально-конфессиональных объединений – казаков (настаивавших на признании себя особой «нацией»), украинцев, крымских татар, эстонцев, латышей, поляков, молдаван, евреев, белорусов, грузин, азербайджанцев, литовцев, бурят и мусульман. Временное правительство представлял председатель Особого совещания по проведению областной реформы М. А. Славинский (некогда украинский прогрессист). Открывая съезд, М. С. Грушевский, избранный его почетным председателем, настойчиво проводил мысль, что политическая свобода неотделима от федерации, и Временное правительство наконец-то это признало, а потому, ради спасения России от гибели, надо преобразовать ее на федеративных основаниях. М. А. Славинский не только поддержал мысль Грушевского, но даже уверил, что Временное правительство само намеревалось провести подобный съезд в столице. Однако правительство не в праве провозгласить федеративный строй, а потому надо ждать Учредительного собрания, преодолевая недоверие к нынешней власти⁷.

Примечательно, что участники съезда оказались едины (по крайней мере, внешне) в том, что задача сдерживания анархии является первоочередной в сравнении с самоопределением народов⁸. Выступая на закрытии съезда, М. А. Славинский вслед за М. С. Грушевским подтвердил, что все народы продемонстрировали единство с русским народом и Временным правительством, вся демократия России объединилась в вопросе о признании федерации⁹. Налицо была очередная попытка выдать желаемое за действительное.

Общая резолюция съезда на первый план выдвигала идею культурно-национального самоопределения, рекомендовалась немедленная реорганизация армии по национальному принципу и созыв местных учредительных собраний до общероссийского. Фактически это означало, что последнему придется либо санкционировать их решения, либо войти в прямой конфликт с теми или иными народами. Судя по принятым резолюциям, его участники настаивали

⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 408–410.

⁸ Рафес М. Два года революции на Украине. Раскол «Бунда». М., 1920. С. 40.

⁹ Киевская мысль. 1917. 17 сентября.

на «асимметрии» в решении национального вопроса, что формально соответствовало не демократической, а имперской традиции.

Любопытно, что со своими инициативами о федерализации страны практически одновременно выступил 2-й Донской Войсковой Круг. 12 сентября после обсуждения доклада представителя Кубанского войска, поддержанного представителем Терского войска, было принято постановление об участии в созываемой 20 сентября конференции в Екатеринодаре, на которой предполагалось создать «союзный орган» для защиты краевых интересов. Это также рассматривалось как шаг к федерализации России¹⁰.

Нет ничего рискованней административного рвения со стороны слабеющей власти. Масла в огонь последовательно подливали такие правительственные акты, как сентябрьское объявление России «демократической республикой» (многие тут же захотели, чтобы это словосочетание украсило слово «федеративная») или официальный роспуск 6 октября обеих палат давно не существующего российского парламента, да еще накануне созыва непонятно для чего потребовавшегося «Предпарламента».

Именно под давлением, с одной стороны – страстей с улицы, с другой – демонстративной безапелляционности того же Троцкого, безнадежно запутались и делегаты так называемого Демократического совещания, состоявшегося 14–22 сентября в Петрограде. На нем присутствовало непомерное число участников – 1 582 человека от Советов, профсоюзов, армейских организаций, кооперации. Вновь преобладали эсеры – 532 человека; меньшевиков было 172, большевиков – 136, трудовиков – 55. Меньшевикско-эсеровское большинство почему-то посчитало, что судьбы страны зависят от того, как «революционная демократия» договорится с «буржуазией» по вопросу о формировании правительственного кабинета. И тут выяснилось, что резолюция о коалиции с буржуазией собрала только 1 813 голосов, тогда как против оказалось 813. Идея партийного единения провалилась. «Жалкая карикатура на Учредительное собрание – Демократическое совещание – выдыхалось, гасло, обращаясь в водотолчею», – так оценивали его люди более практичные¹¹.

Впрочем, оставались и «оптимисты». «На меня, приехавшего из провинции, сильнейшее впечатление производит выступление Керенского», – признавался М. Пришвин 14 сентября. Однако столичные журналисты встретили его восторги с недоумением. «Мало-помалу, – признавался он, – и мной овладевает то же странное состояние: это не жизнь, это слова в театре, хорошие слова, которые останутся словами театра»¹². Вопреки ожиданиям, Демокра-

¹⁰ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 410–411.

¹¹ Вознесенский А. Н. Указ. соч. С. 116.

¹² Пришвин М. М. Дневники. С. 85.

тическое совещание пошатнуло авторитет министра-председателя. «Если бы страстность, с которой Керенский выступает на трибуне, отвечала его... всегдашней работе, Керенский был бы поистине велик, – писал один из его бывших почитателей. – ...Но, являясь отличным полемистом с трибуны, Керенский иногда не в состоянии справиться со своей спазматической горячностью... И это придает его аффектированному резкому тону характер бессилия»¹³. Таких лидеров обычно добивают люди иного склада.

Демократическое совещание приняло решение о создании еще одного законосовещательного органа – Временного совета Российской республики, тут же названного Предпарламентом. Он составил из 555 человек, вновь преобладали эсеры – 135 делегатов, меньшевиков было 92, народных социалистов 30. Кадеты получили 75 мандатов, большевики – 58. Сомнительно, чтобы это отражало реальный расклад политических сил. Налицо была еще одна псевдопарламентская декорация, неспособная своими словопрениями подпереть падающую власть.

«...Я видел большевика – ехавшего с Демократического совещания солдата, – писал один из патриотичных интеллигентов. – Я никогда не видел такой физиономии. Это ужасное – “лицо без лица”... Я убежден, что он сумасшедший, ходящий между нами... Он – ни минуты не молчит. Он – все говорит... металлическим, никчемным голосом, с митинговыми интонациями... И, как многие ненормальные люди, он логичен и убедителен... Этот человек похвалится тем, что солдаты не будут воевать»¹⁴.

Приход таких людей был подготовлен не только беспомощностью существующей власти и ее политического окружения. Новая власть не могла найти своей естественной духовной опоры.

2.11.2. Церковь, вера, власть

Православная церковь не скрывала, что нуждается во «внешней ограде» в лице государства. Но российским политикам, проникнутым духом западного позитивизма, вряд ли такое соотношение веры и власти было понятно. Не только по разуму, но и по чувству они тяготели к идее отделения церкви от государства. В пользу этого склонял и усвоенный ими принцип свободы совести.

Среди либералов не было единства относительно взаимоотношений государства и церкви. П. И. Новгородцев считал, что «обязанность государства чтить святыню народной души», Е. Н. Трубецкой

¹³ Киевская мысль. 1917. 21 сентября.

¹⁴ Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917–1921) // Минувшее. Т. 19. С. 149.

утверждал, что «религиозное чувство народа крепко связано с государством». Предполагалось, что подобная связь будет противостоять «кощунству большевиков». А в целом либералы опасались, «как бы епископат не утратил значения», и потому уверяли, что никогда не выступали за отделение церкви от государства¹⁵. Социалисты были настроены более решительно, настаивая на чисто светском характере новой российской государственности. В ответ на такие предложения архиепископ Уфимский Андрей (Ухтомский) в открытом письме А. Ф. Керенскому в августе 1917 г. подчеркивал, что «отделение Церкви от государства не страшно для Церкви, но для государства страшно его собственное отделение от Церкви»¹⁶. Смысла подобных предостережений тогда не понимали.

В июне 1917 г. Предсоборный совет собрал обширную (свыше 60 человек) совещательную коллегию из епископов, клириков и мирян (главным образом профессуры, ориентированной на партию кадетов). Здесь же оказались священники, состоявшие в социалистических партиях. Неудивительно, что в определении стратегии и тактики церковной политики собравшиеся разделились.

Радикальное крыло, возглавляемое профессором А. И. Покровским, выступало за полное отделение церкви от государства и принятие синодально-соборной структуры управления, но в итоге возобладали точка зрения «умеренных» депутатов. В принятых Предсоборным советом «Основных положениях о правовом положении Православной церкви в России» говорилось о независимости церкви от государства при сохранении государственных дотаций. В конце июня – начале июля МВД совместно с представителями Предсоборного совета выработало проект урегулирования взаимоотношений власти и религиозных обществ. Церкви предоставлялись полная свобода и самостоятельность, но ее органы действовали под надзором правительства там, где они соприкасались со сферой государственных правоотношений, например, по вопросам метрикации. Предусматривались ассигнования на нужды церкви. Скорее всего, подобный закон устроил бы подавляющую часть священников. Однако проект не был принят¹⁷.

5 августа 1917 г. последовало правительственное решение об упразднении поста обер-прокурора и учреждении Министерства исповедания. Ставший министром А. В. Карташев сохранял оберпрокурорские права до уточнения их предстоящим Собором. Правительство фактически признало Русскую православную церковь «первой среди равных» – министр исповеданий и два его замести-

¹⁵ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 201–202.

¹⁶ Зеленогорский М. Л. Указ. соч. С. 77.

¹⁷ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь XX века. С. 36; Титлинов Б. В. Указ. соч. С. 120–130.

теля должны были принадлежать к православию¹⁸. Тем временем продолжалось снятие ограничений с деятельности инославных церквей. Так, МВД предложило допустить беспрепятственный въезд иезуитов на территорию России¹⁹ – в прошлом такое было немыслимо.

Карташев вспоминал, что министры уверовали в возможность разрушить «стену отчуждения» между церковью и народом²⁰. Однако, следуя традиции атеистического просветительства, они по-своему оценивали религиозность масс. А между тем рост антиклерикальных настроений в армии, захваты крестьянством церковных земель приобретали характер угрозы для системы в целом²¹. Как следствие, в среде духовенства нарастало недовольство правительственной политикой. В начале августа священник В. Востоков заявил, что «так называемый обновленный строй является точным воспроизведением того строя, который последние десять лет, продолжая называться монархическим, в сущности, был анархическим». И если в те годы «страной правил Распутин», то и теперь также правит Распутин, «только собирательный»²².

В такой обстановке проходили выборы на Поместный Собор. Примечательно, что в них впервые участвовали женщины²³. Открывшийся 15 августа, он стал не только самым представительным (было избрано 564 депутата: 80 архиереев, 165 приходских клириков, 20 монашествующих и 299 мирян), но и действительно самым демократичным за все время существования РПЦ. На открытии А. Ф. Керенский поручил Собору «выработать и внести на утверждение Временному правительству законопроект о новом порядке самоуправления Русской Церкви». Собор должен был призвать народ и армию к «благоразумию, порядку и спокойствию»²⁴. Власть не сомневалась в своем праве командовать церковью – хотя бы и «отделенной» от нее.

Общее настроение мирян, а это были в основном избранные крестьянами сельские интеллигенты, характеризовали как «повышенное в нравственном отношении». Но епископат не спешил с

¹⁸ Карташев А. В. Революция и собор 1917–1918 гг. С. 76–77; Одинцов М. И. Государство и церковь (История взаимоотношений. 1917–1938 гг.). М., 1991. С. 4–5; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 342–343, 357–358.

¹⁹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. Июль – август 1917 года. М., 2004. С. 164.

²⁰ Карташев А. В. Временное правительство и русская церковь // Современные записки. Париж. Кн. 2. 1933. С. 369–390.

²¹ См.: Емелях Л. И. Указ. соч.

²² Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 99.

²³ Шульц Г. Поместный Собор 1917–1918 гг. и его место в истории Русской православной церкви // Священный Собор. Первая сессия. С. 9.

²⁴ Священный Собор. Первая сессия. С. 29–30; Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 270; Смолич И. К. Русская церковь во время революции // История русской церкви. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 736.

принятием решений, и это «расхолодило первоначальное рабочее равение». Белое духовенство было расколото: «просвещеннейшую» ее часть, представленную профессурой, обвиняли чуть ли не в пресвитерианстве, лютеранстве и пристрастии к прочим «немецким новшествам». Что касается епископата, то он позаботился о своем праве налагать вето на любое решение Собора²⁵. Тем самым решения Собора были предрешены, что, разумеется, не исключало конфликтов при их утверждении.

24 августа депутаты обратились к народу, а также отдельно к армии и флоту, с призывом отбросить взаимную нетерпимость, забыть внутренние противоречия и исполнить свой гражданский и воинский долг. Тем не менее обращение к Собору за поддержкой от генерала Корнилова осталось без ответа. В постановлении Собора от 1 сентября подчеркивалось, что «власть должна быть не партийной, а всенародной», и потому православная церковь не принимает участия в борьбе политических партий²⁶. Но осуществить и то, и другое было теперь практически невозможно.

Уже в ходе первых заседаний в среде «соборян» обнаружились серьезные разногласия – прежде всего по вопросу о восстановлении патриаршества. Радикальное крыло, куда входили представители белого городского духовенства и профессуры духовных академий, стремясь ослабить позиции монашества и епископата, предлагало учредить демократически-коллегальную систему управления (по сути – усовершенствовать синодальную), где священник получал бы такое же право голоса, как и архиерей. Представители епископата, выражающие преимущественно настроения черного духовенства, склонялись к идее единоначалия²⁷. Но по мере нарастания хаоса в стране участники Собора стали осознать, что против церкви «поднята беспощадная война», и противостоять разгулу антирелигиозных сил можно лишь во главе с патриархом²⁸. Тем временем к Поместному Собору обратились представители Одесского отдела «Всероссийского русского православного Христианского общества по борьбе с ГОРЯЩЕЙ РОССИЕЙ», обвиняя его участников в том, что они не защитили «Помазанника Божия, природного русского царя НИКОЛАЯ II» и «встали на сторону мятежников и бунтовщиков... по приказу иудейскому». «Отцы духовные, – говорилось в их обращении. – Вас обвиняет православный русский народ, вас обвинит русская история в том, что вы играли предательскую роль в Российском позоре в 1917 году... В эти мучительные шесть месяцев сплошной анархии, крови и ужаса, среди православного русского духовенства не раздалось ни одного хотя бы слабого протеста на при-

²⁵ Русская свобода. 1917. № 24–25. С. 15–18.

²⁶ Священный Собор. Первая сессия. С. 54–55.

²⁷ Там же. С. 13, 83–84, 86; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 268.

²⁸ Священный Собор. Первая сессия. С. 54–55, 89–90.

ближающуюся гибель русской национальной самостоятельности... Только некоторые из вас, заметив приближающуюся свою гибель, опомнились и стали вести беседы и проповеди, и то только тогда, когда в некоторых местностях России русский народ под предводительством жидовских наймитов-агитаторов стал физической силой проявлять осуществление «свободы, равенства и братства»...»²⁹.

Часть священников доказывала, что «войну нам навязали французы и англичане при помощи жидов Ротшильдов», которые, «домагаясь своим единоверцам равноправия в России, подстроили убийство в Сараеве наследника престола Австрийского, с целью вовлечь в войну Сербию и Россию и путем спекуляции и шпионства поднять революцию...»³⁰. Политическая паранойя всегда поразительно однообразна, независимо от кого – от светских или духовных лиц – она исходит.

В условиях якобы усиливающейся пропаганды «латинства, протестанства, раскольничества, социализма и безбожия» особую остроту на сессиях Собора приобретал вопрос о миссионерстве. Предлагалось «обеспечить миссионерское влияние на рабочие организации или войти в них в целях религиозного оздоровления» и использовать монашествующих обоего пола³¹. Однако большинство высказывалось против подобного нововведения. Тем временем миссионеры пугали тем, что «баптистский проповедник – пастор Фетлер – подготовил за границей 60 проповедников-пропагандистов... и в недалеком будущем выпшет их в Россию для натиска на Православную Церковь...»³². Из Москвы в декабре 1915 г. предупреждали относительно «пропаганды ксендзов». Отмечали также, что беженцы-сектанты проникают в гимназии, а «книгоноши сектантские настолько обнаглели, что гуляют по квартирам даже миссионеров с предложением платной своей литературы»³³. Православные миссионеры, всегда отличавшиеся особой подозрительностью, похоже, были близки теперь к истерии.

Чрезвычайно заострилась и требовала решения проблема духовных учебных заведений, от эффективности работы которых зависел процесс воспроизводства духовенства. Здесь особо сказались последствия войны: по сути, духовная школа в среднем (и главном) звене разрушалась. Повсеместно здания семинарий переоборудовались под госпитали и лазареты. Денег для выплаты жалованья

²⁹ Цит. по: ...И даны будут Жене два крыла. С. 632.

³⁰ Там же. С. 633.

³¹ *Поглазова Н. Собор Русской Православной церкви 1917–1918 гг. о внешней и внутренней миссии (обзор трудов Собора) // Миссия церкви и современное православное миссионерство. Международная богословская конференция к 600-летию преставления свт. Стефана Пермского. М., 1997. С. 69, 70, 71, 73–74.*

³² *Деяния Пятого Всероссийского Миссионерского Съезда. Под ред. И. Г. Айвазова. М., 1917. С. 35.*

³³ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 72.

преподавателям не стало. За счет епархиальных средств выдавались «военные прибавки», но рассчитывать на стабильность их поступления не приходилось. Нарушая веками сложившийся этикет, отчаявшиеся администраторы напрямую обращались за помощью и в Учебный комитет Синода, и к начальству московского Учебного округа³⁴.

Осенью 1917 г., чтобы хоть как-то поддержать жизнь умирающей школы, в епархиях проводили подписки и сборы средств в пользу нуждающихся воспитанников. В Тверской епархии, где семинария оказалась под угрозой закрытия, администрация обратилась к родителям, чтобы те снаряжали учеников продуктами и одеждой. Но средств по-прежнему не хватало, и с разрешения Синода 1917–1918 учебный год пришлось сократить – он длился с 1 ноября по 1 марта³⁵. В таком же режиме работали и кое-где уцелевшие церковно-приходские школы. В Новгороде и Пскове здания общежитий семинаристов были переоборудованы под госпитали – учащиеся, лишенные возможности платить за квартиру, покидали школу³⁶. Впрочем, семинарии и без того доживали последние дни.

Большевистская революция подтвердила самые мрачные ожидания российских служителей культа, из всего религиозного сообщества ею восторгались разве что скопцы³⁷. В ответ на Декрет о земле, отменявший право собственности на монастырские и церковные земли, «Декларацию прав народов России» (ноябрь 1917 г.), провозглашавшую свободу совести и отмену религиозных привилегий, и обращение В. И. Ленина «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», 2 декабря Собор принял Определение о правовом положении РПЦ – своеобразную программу, нацеленную на урегулирование отношений с новой властью. Главный пункт Определения – требование первенствующего положения православной церкви.

Тем временем на местах отношение к православным священникам ухудшалось³⁸. «К чему она нам, церковь-то, – рассуждают теперь в православной деревне, – только расход один», – комментировали это явление в либеральной прессе. «И сторожа нанимай, и дрова покупай, и починка там разная, – все в копейчку становится. Опять же, поп с дьячком тоже в карман глядят. Ну их, авось и без них обойдемся...»³⁹. Со своей стороны, органы самоуправления, которые все основательней заполняли солдаты, матросы, командированные агитаторы, а нередко и уголовные элементы, развернули борьбу против «контрреволюционного» духовенства. В среде кре-

³⁴ См.: ГА ТО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1553. Л. 9–12, 97; Д. 1552. Л. 149, 174.

³⁵ ГА ТО. Д. 1550. Л. 35; Д. 1552. Л. 6.

³⁶ Там же. Д. 1552. Л. 174.

³⁷ См.: Engelstein L. Op. cit. P. 200–201, 226–227.

³⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 731.

³⁹ Русская свобода. 1917. № 16–17. С. 23.

стьянства прежние установки «решать по совести», «жить миром и ладом» теряли свое дисциплинирующее воздействие. Некоторые местные начальники, особенно из бывших «окопников», занялись «раскулачиванием» попов и монахов – отбирали причтовые земли и скот, вводили «чрезвычайные налоги» и «единовременные взносы», не раздумывая расправлялись с «контрреволюционерами в рясах»⁴⁰. К примеру, в Слуцке местный Совет рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию, осуждавшую деятельность монахов Слуцкого монастыря, якобы ведших погромную агитацию под руководством архимандрита Афанасия⁴¹. Порой крестьяне намеренно обвиняли в «контрреволюционности» рядовых священников, рассчитывая завладеть причтовой землей – по части подобных бесчинств отличилась Тверская губерния⁴².

Озлобленные войной прихожане не упускали случая поиздеваться над ставшим беззащитным попом. Когда в октябре 1917 г. в Уфимской губернии благочинный выступил против брошюры «Новая нагорная проповедь», местный крестьянский Совет решил его арестовать⁴³. В Казанской губернии крестьяне возмутились тем, что в связи с грабежами помещиков местный священник вздумал напомнить им о заповеди «Не укради»⁴⁴. Изгнания священников стали обычными в Смоленской губернии⁴⁵. «Жизнь священника превратилась в мученический подвиг», – скорбно заключал настоятель из Тверской епархии⁴⁶.

Случались и явления вовсе непривычные для православной культуры – иные дезертиры сами превращались в странствующих проповедников, смущающих народ «христианскими» призывами об «отозвании населения с фронта» и дележе запасов продовольствия⁴⁷, а солдаты-отпускники пробирались на амвон для произнесения революционных речей⁴⁸.

⁴⁰ Подробнее см.: *Ианнуарий (Недачин), архим.* Духовенство Смоленской епархии в гонениях конца 1917 – начала 1919 года. Архангельск, 2013. С. 14–20, 25, 30; *Рынков В. М., Ильиных В. А.* Указ. соч. С. 31, 33. По Тверской губернии см.: ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 374. Л. 39.

⁴¹ Рассвет. 1917. № 7. 30 августа. С. 33.

⁴² См.: *Леонтьева Т. Г.* Православное духовенство и революция // К истории русских революций. События. Мнения. Оценки. Памяти И. И. Минца. М., 2007. С. 582–602.

⁴³ Революционная борьба крестьян Казанской губернии и накануне Октября. Казань, 1958. С. 148.

⁴⁴ *Сафонов Д. А.* Указ. соч. С. 225–226.

⁴⁵ Подробнее: *Ианнуарий (Недачин), архим.* Указ. соч. С. 32–33; ГАТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 252. Л. 7.

⁴⁶ ГА ТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 658. Л. 4–5; Д. 649. Л. 1–11; Д. 794. Л. 26 об.; Д. 577. Л. 2. Конфликтовали с настоятелями и псаломщиками. См.: ГА ТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 628.

⁴⁷ Описание одного такого случая, относящегося к середине апреля, см.: *Луговкин А. А.* Указ. соч. С. 108–109.

⁴⁸ *Нарский И. В.* Указ. соч. С. 159.

Приходское духовенство было и само дезориентировано. На этом фоне стремительно развивались процессы, ведущие к саморазрушению православной церкви, что проявилось в откровенных попытках части священников подстроиться под новые политические реалии, а также в участившихся случаях девиантного поведения⁴⁹.

Ни государство, ни церковное ведомство некоторое время просто не замечали проблем низового духовенства и тем более не располагали капиталами для его поддержки. Скудный быт и притеснения подталкивали обиженных и напутанных клириков к расцерковлению. Как и после Февраля, прокатилась целая череда добровольных и вынужденных отставок⁵⁰. Основной мотив снятия сана обывательски умудренно был сформулирован одним из заявителей: «...Уж очень много неприятностей, и в будущем хорошего ничего не предвидится»⁵¹. В таких условиях некая группа духовных лиц обратилась к «гражданину Ленину» с просьбой освободить их забытое «пролетарское сословие» от тиранов-архиереев, «снять с него позорную одежду», а со своей стороны обещало «служить верой и правдой» новой власти⁵².

Все больше расходились интересы священников и паствы. Многочисленные случаи изгнания священников из приходов, склок из-за треб, закрытия церквей и даже актов глумления над иконами⁵³, конечно, не следует рассматривать как начало утверждения атеистического мировоззрения. Крестьяне хотели «хороших» попов – говорящих «мужицкую правду», обучающих «полезному» и не берущих денег. Одним словом, перед духовенством встала элементарная задача выживания.

В такой обстановке сами собой отпали последние сомнения на счет введения патриаршества. 28 октября Собор вынес постановление о восстановлении канонических начал⁵⁴. Так, вместо идеи укрепления института церкви через упрочение прихода возобладало стремление поддержать привычную иерархию через наиболее зримый символ власти. Некоторые пытались увидеть в этом сакральный смысл. Историк М. Богословский так прокомментировал в дневнике известие о выборах патриарха: «...Я действительно почувствовал радость. Будет лицо, вокруг которого может сплотиться православная Россия; будет духовный, по крайней мере, центр, к которому должны будут тяготеть рассыпанные, растерзанные, раз-

⁴⁹ Письма во власть. С. 30; *Евлогий (Георгиевский), митр.* Указ. соч. С. 264–266 и др. Примечателен конфликт в Донском монастыре: монахи, требовавшие смещения настоятеля, организовывали митинги, на которые приглашали рабочих и солдат. См.: *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть. С. 63.

⁵⁰ *Авдеев Н.* Указ. соч. С. 121.

⁵¹ ГАТО. Ф. Р-641. Оп.1. Д. 811. Л. 1.

⁵² Цит. по: *Церковные ведомости. Прибавления.* 1918. № 17–18. С. 574–575.

⁵³ *Емелях Л. И.* Указ. соч. С. 72–91, 149–150.

⁵⁴ Священный Собор. Первая сессия. С. 145.

битые и измученные. Церковь не изведала, таким образом, анархии, чашу которой пришлось испытать государству. Когда во главе государства стали жиды и негодяи, отрадно иметь во главе церкви чистого и святого отца...»⁵⁵. Такое верующий человек мог написать разве что в состоянии политического отчаяния.

Избрание патриархом митрополита московского Тихона состоялось 5 ноября. Вопреки традиции, церемония проходила в храме Христа Спасителя, а не в Кремле, где обосновались большевики. Новое правительство «потеснилось» лишь 21 ноября – в день интронизации. Митрополит Евлогий вспоминал, что толпы москвичей, собравшихся возле Успенского собора, объединяла надежда, что патриарх прекратит «гибельный» революционный процесс – ведь даже иные красноармейцы все еще благоговейно снимали шапки при его появлении⁵⁶. Однако церемония сопровождалась непристойными выходками рабочих и солдат из кремлевского караула, которые поворачивались спиной к крестному ходу, пели – кто «Марсельезу», кто похабные песни⁵⁷. Так завершался двухвековой синодальный период в истории Русской православной церкви.

2.11.3. Ленин и Троцкий: взгляд из толпы

Старые как мир утопии и иллюзии, реактивируемые революцией, способны сыграть дурную шутку с политическими доктринами. Трудно представить почему «красная смута» подняла к власти наиболее «безрассудных» людей. Еще сложнее понять, почему именно тот или иной демагог смог надолго удержаться у власти. Законы революционной синергетики невозможно разглядеть сквозь «политологические» окуляры.

Сложившуюся к осени ситуацию Ленин характеризовал как «общенациональный кризис», связанный с активизацией масс, хозяйственной разрухой и ослаблением властного начала. На деле власть попросту лишилась ближайшей психологической поддержки. «Помните, как погиб старый режим? – вопрошал 16 октября в газете “Утро России” известный публицист Т. Ардов. – Он погиб, когда стал смешным. И вот теперь – оглянитесь вокруг. Где вдохновенный пафос? Умер. Где доверие? Исчезло. Где сила? Ее нет. И вот приходит и оно, самое последнее: глум, неудержимый глум... Психологический круг совершился и “строй” стал смешным».

Большевики постарались представить существующую власть преступной. Это было не столь сложно. Наиболее органично решал эту

⁵⁵ Богословский М. М. Указ. соч. С. 454.

⁵⁶ Евлогий (Георгиевский), митр. Указ. соч. С. 281.

⁵⁷ Священный Собор. Первая сессия. С. 145.

задачу Л. Д. Троцкий. «Вот пришла великая революция и чувствуется, что, как ни умен Ленин, а начинает тускнеть рядом с гением Троцкого», – такую фразу произнес в свое время Луначарский⁵⁸. Троцкий никого не оставлял равнодушным – из-за язвительности по отношению к противникам. «...Вот имя, которое публика повторяет все чаще теперь..., – писала о нем «Киевская мысль». – Имя, собравшее вокруг себя уже огромные каталоги восторгов и брани... Троцкий владеет всеми оттенками сарказма... Троцкий весь свой талант превращает в игру остроумия – остроумия злого, тщеславного и парадоксального... Троцкий никогда не способен превратиться в раба идеи. Но жажда аплодисментов нередко превращает его в раболепного демагога...»⁵⁹. Ф. Степун находил Троцкого «импрессионистически-острым и надменно-умным»⁶⁰. Но есть свидетельства другого рода. «Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит, – свидетельствовал контрразведчик. – Клянется Троцкий, клянется чернь. В революции толпа требует позы, немедленного эффекта»⁶¹.

Механизм взвинчивания революционных страстей едко высмеял известный сатирик А. Аверченко, специально посетивший ряд митингов. Для завоевания публики сперва надо произнести какую-нибудь непреложную банальность: «Волга впадает в Каспийское море»; затем подпустить сомнение: «Справедливо ли это?»; наконец, «прояснить» вопрос: «Пролетарская Волга впадает в буржуазное Каспийское море». После этого можно декларировать: «Довольно многострадальной Волге питать разжиревшее Каспийское море!.. Да здравствует самоопределение Волги, да здравствует Третий Интернационал!»⁶² При всей нелепости подобной демагогии, психологически она безотказна: растерянная людская масса получала «виновника» своих бед.

Конечно, последствия подобных выступлений были далеки от революционных «идеалов». В июне и июле 1917 г. в Петрограде и Москве было уже замечено, что попытки революционизировать солдат сопровождались антисемитской погромной агитацией⁶³. В некоторых полках действующей армии стали выноситься резолюции о недопущении в них евреев-прапорщиков⁶⁴. В июле из Одессы сообщали, что среди отправляемых на фронт солдат ведется

⁵⁸ Луначарский А. В. Великий перелом. Октябрьская революция. СПб., Ч. 1. 1919. С. 78.

⁵⁹ Киевская мысль. 1917. 27 сентября.

⁶⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 345.

⁶¹ Никитин Б. В. Указ. соч. С. 209.

⁶² Аверченко А. Т. Русское лихолетье глазами «короля смеха». М., 2011. С. 52–53.

⁶³ Френкин М. Русская армия и революция, 1917–1918. Мюнхен, 1978. С. 54; Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим, М., 1999. С. 43.

⁶⁴ Рассвет. 1917. № 1. 9 июля. С. 32; № 2. Л. 35.

большевистская агитация и раздаются антисемитские призывы⁶⁵. В то время как большевики призывали к интернациональной мировой революции, толпы перетолковывали их лозунги по-своему. Бывают времена, когда демонстративный филосемитизм провоцирует антисемитские настроения не менее эффективно, чем откровенные погромные призывы.

Правая пресса не уставала твердить о «заговорщиках», намекая на их «немецко-еврейское» происхождение. На деле куда большую роль играла открытая пропаганда перед возбужденными массами. В сознании людей сталкивались различные потоки агрессивной информации. Из этого рождалась дикая смесь, оказывавшая, однако, почти магическое воздействие на психику возбужденной части городского населения.

Ленина считали плохим оратором (в классическом понимании этого слова), но некоторые находили, что он «больше, чем оратор», ибо «умел ощущать аудиторию, умел возвышаться над ней», зная, что «толпа любит поработиться»⁶⁶. Ленин искренне осуждал фразерство и пафосность; выступал против вульгаризации языка ради доступности. Характерно, однако, что он обожал использовать гипертрофирующие приставки: архи-, гипер-, квази-, ультра- и анти-⁶⁷. Слушая Ленина, Ф. А. Степун недоумевал: «...Он говорил изумительно убедительно, но и изумительно бессмысленно». Ему казалось, что Ленин использовал стилистику лубка, и тем самым «переключался не только с подлинной мужицкостью, но и с подлинной народностью»⁶⁸. Вольно или невольно Ленин был нацелен на то, чтобы возбуждать и страшать людей. Некоторых интеллигентов именно это и впечатляло. А. Н. Бенуа писал, что ленинские статьи производили на него «потрясающее впечатление простотой своих безапелляционных и как будто до конца искренних и бесстрашных утверждений»⁶⁹.

Характерны заявления Ленина о том, что надо «следовать за массой», и понимание им «высшей» формы демократии как насилия большинства над меньшинством⁷⁰. На деле масса обывательского населения попросту устала от «демократии» толп и развязала руки агрессивному меньшинству. В. Дорошевич сравнивал Ленина со Стенькой Разиным, призывавшим хватать все, что «плохо лежит». Он признавал, что в 1917 г. «плохо лежало» буквально все, но полагал, что эта «легенда семнадцатого века, капризом взвинченной фантазии перенесенная в двадцатый», в атмосфере нового столетия

⁶⁵ Рассвет. 1917. № 2. 16 июля. С. 35; № 1. 9 июля. С. 33; № 7. 20 августа. С. 32.

⁶⁶ Чернов В. М. Ленин // Воля России. Прага, 1924. № 3. С. 35.

⁶⁷ См.: Lehtikoinen R. Словарь революции – революция в словаре? Helsinki, 1990. С. 219–224.

⁶⁸ Степун Ф. А. Сочинения. М., 2000. С. 341.

⁶⁹ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 185.

⁷⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 34, 35; Т. 37. С. 391.

не выживет⁷¹. В этом последнем он ошибался. Ошибались все те, кто недооценивал живучесть вирусов российской смуты и пребывал в убеждении, что охлос XX века представляет собой некую новую, более высокую цивилизационную ступень.

В отличие от интеллигентных политиков 1917 г., Ленин, лишенный типичных интеллигентских иллюзий, некоторое время ухитрялся «управлять хаосом». Характерно, что на нечто подобное рассчитывал В. Хлебников, считавший своих поэтических соратников, «вставших на глыбу захватного права», «зачинателями охоты за душами людей». Со слов Троцкого, однажды Ленин смущенно признался ему, что именно он призывал с трибуны «грабить награбленное»⁷². Но, похоже, «вождя революции» опередили. Еще до того, как он со страстью незадачливого просветителя взялся переводить учение об «экспроприации экспроприаторов» на понятный народу язык, вирус грабительской растащиловки уже «овладел массами» в России.

Внешне Ленин не производил ни вдохновляющего, ни устрашающего впечатления. По мнению Ф. Степуна, это был «неладно скроенный, но крепко сшитый..., небрежно одетый, приземистый» человек, преподносящий «свою серьезную марксистскую ученость в лубочно упрощенном стиле», но умеющий говорить убедительно «даже при провозглашении явных нелепостей»⁷³. «Это очень невзрачная фигурка, небольшой, хотя и коренастый человечек, лысый, с мелкими чертами лица, маленькими глазками – тип умного интеллигентного ремесленника..., – таким показался он бывшему эсеру-максималисту. – ...Трудно назвать его даже фанатиком. ...Перед нами очень трезвый человек... И в анализе его почти все верно, но до невероятности все упрощено и схематично». Именно последнее требовалось полукрестьянской толпе. По мнению этого очевидца, на поставленные Лениным задачи отвечала сама масса в том «упрощенном виде, который приводит в ужас даже Ленина...»⁷⁴. Только вряд ли Ленин действительно ужасался.

С. Есенин попытался передать эффект ленинских выступлений такими строками: «...Он мощным словом / Повел нас всех к истокам новым... / И мы пошли под визг метели, / Куда глаза его глядели: / Пошли туда, где видел Он / Освобожденье всех племен...». Так могли воспринимать Ленина только люди, ослепленные социалистическими идеями.

Сохранились и не менее характерные свидетельства другого рода. «Ленина я слышал во время одной из знаменитых речей с балкона дворца Кшесинской, – вспоминал гимназист из «буржуев». – ...Речь

⁷¹ Дорошевич В. М. Указ. соч. С. 86.

⁷² Троцкий Л. Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 102.

⁷³ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 383.

⁷⁴ Минувшее. 1996. Т. 20. С. 134.

спокойная, без жестов и крика, внешность совсем не «страшная»... Содержание этой речи я понял... по поведению окружающих... Слушатели... Ленина готовы были... сорвать у прихвостней буржуазии и ее детенышей головы. Надо признать – такого раствора социальной ненависти мы еще не встречали, и мы “сдали”; не только испугались, но психологически были как-то разбиты»⁷⁵. Очень похожую ситуацию описал другой очевидец. Ленин показался ему «сильным оратором», который сопровождал свою речь с балкона дворца Кшесинской «энергичными и резкими жестами, ударяя по балюстраде кулаком». За попытку сорвать его выступление криками «Браво, Кшесинская!» юные гардемарины едва не были избиты⁷⁶. Ф. Степун находил в Ленине нечто «архаически-монументальное» – это был человек, который «жил массовой психологией» и при этом соединял «марксистскую схоластику» с «бакунинской мистикой разрушения»⁷⁷.

Между тем к 1917 г. существующая власть была попросту недостойна серьезного инсургента. К тому же в хаосе тех дней претендовать на эту роль было некому. Протоколы VI съезда большевистской партии (26 июля – 3 августа 1917 г.), на котором, как считалось, и выкристаллизовалась идея антиправительственного заговора, обнаруживают скорее нерешительность и даже недоумение присутствующих. Если Ленин засыпал съезд отчаянными призывами к подготовке восстания⁷⁸, то резолюции съезда лишь заученно повторяли мысль о «полной ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии» и завоевании пролетариатом государственной власти⁷⁹. Правда, из уст Н. И. Подвойского, будущего руководителя восстания, прозвучала многозначительная фраза: «Никогда ещё деревня, распыленная крестьянская масса, не была так доступна пропаганде»⁸⁰. Но в целом создавалось впечатление, что съезд уныло плелся в хвосте ленинских предложений.

По иронии или намеку судьбы руководящая роль на съезде досталась Сталину. Выглядел он неуверенно. Череда высказываний о том, что «война продолжается, экономическая разруха растет, революция продолжается, получая все более социалистический характер», звучали неубедительно. То же самое относится к заявлениям о том, что «именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму»⁸¹. Делегатов, больше надеявшихся на пришествие

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 22–23 (воспоминания студента И. Куторги).

⁷⁶ Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарины. 1914–1919. М., 2006. С. 79–80.

⁷⁷ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 345, 358, 384.

⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 2, 5.

⁷⁹ См.: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1959. С. 142–143, 256–257.

⁸⁰ Там же. С. 61.

⁸¹ Там же. С. 111, 143, 250.

мировой революции, откровенно раздражали попытки выдать все это за «марксизм творческий». Более убедительно на таком фоне выглядела резолюция об экономическом положении, где во главу угла ставилась организация «правильного обмена между городом и деревней, опирающаяся на кооперативы и продовольственные комитеты» и т. д.⁸² Но под этими словами подписался бы любой, обычно сочувствующий правым эсерам, средний кооператор.

Делегаты вели себя на манер сельского схода, бестолково переминающегося с ноги на ногу в ожидании авторитетного начальства. Этот съезд ничего не решал и не мог решить. Тем не менее на протяжении десятков лет историки упрямо (и не без успеха) уверяли, что на этом «съезде» победоносной большевистской партии решалась судьба России. Увы, «нелепости» исторической непредсказуемости порождают еще большие нелепости историографии.

Тем временем настроение недоуменного ожидания усиливалось и в обывательской среде. Ярославская газета «Голос» опубликовала 17 сентября унылое стихотворение одного из читателей. Среди прочих там были и такие строки: «И каждый день несет невзгоды, / Позор и обнищание стране, / Потерю нам доставшейся свободы...»⁸³. Это были слова человека, ощутившего себя пассивной жертвой безнадежно развертывающихся событий. И таких людей становилось все больше. Однако Ленин различал в происходящем только возможность свержения власти с помощью доведенных до отчаяния масс. Причем последние им вовсе не идеализировались. «Лишенные возможности получить ясные руководящие указания, инстинктивно чувствующие фальшь и неудовлетворительность позиции официальных вождей демократии, массы принуждены ощупью сами искать пути... В результате под знамя большевизма идет всякий недовольный – сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо боящийся за свою шкуру человек...»⁸⁴. Пожалуй, самым примечательным в этом пассаже является то, что «сознательный революционер» и шкурник ставились в один ряд. Из такого смешения крайностей и рождалось умение выдавать желаемое за действительное.

В свое время В. Хлебников уверял, что «жирные толпы человечества потянутся по нашим следам» и мы «простим их глупость». Примерно по этой схеме действовали последователи Ленина и Троцкого. Однако они имели в виду не поэтическое «насилие» образного убеждения, а «массовидное» насилие в чисто физическом смысле. Увы, почти весь XX в. прошел под знаком механического избавления от человеческого материала, признаваемого «лишним».

⁸² Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М., 1959. С. 181, 258–259.

⁸³ Цит. по: Ольшева О. В., Федюк В. П. Общественные настроения в российской провинции // Социальная история. Ежегодник 2010. М., 2011. С. 282.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 255–256.

Ленин до сих пор выглядит очень «большой» и столь же расплывчатой фигурой русской истории. Вероятно, в порядке преодоления амбивалентности его образа чисто негативными чертами наделяется Троцкий – это вечный (как Вечный Жид) то ли «козел отпущения», то ли «мальчик для битья» русской революции. На деле Троцкий «талантливо» (в том числе и в организационном смысле) дополнял Ленина, более способного крушить, чем создавать, скорее внушать, нежели убеждать. Затем эстафету «строителя Красной армии» неуклюже перехватил Сталин, попытавшийся по той же схеме построить номенклатурную государственность.

А пока большевики шаг за шагом завоевывали доверие все сильнее возбуждавшихся масс. В октябре «сборища Петроградского Совета были не заседаниями, а столпотворениями, – свидетельствовал Ф. Степун. – Здесь все находилось в движении... это была какая-то адская кузница... Воля, чувство и мысли массовой души находились здесь в раскаленном состоянии... Особенно блестящ, надменен и горяч был в те дни Троцкий...». Степуна «унижало чувство бессильной злобы и черной зависти к тому стихийно-великолепному мужеству, с которым большевики открыто издевались над правительством...». С ними заодно были «все низменные силы революции»⁸⁵. Но сколь долго может удерживаться этот бешеный накал революционной изоморфности лидера и массы? Вероятно, до того самого момента, когда психические силы их обоих синхронно не истощат себя.

Конечно, большевизм был далек не только от идеалов пролетариата и, тем более, утопий общинного крестьянства. Он скорее рассчитывал на бунт отчаявшихся людей. Для осуществления подобной задачи требовалась доходящая до слепоты вера в осуществимость своих идеалов. Но вера вождя легко превращается в ожесточенное суеверие последователей.

2.11.4. Упадок промышленности и активизация пролетариата

В отличие от своих европейских союзников война перевела народное хозяйство России в режим чисто *кризисного*, а не само/модернизирующего управления. Революция усугубила, а не исправила ситуацию.

К осени 1917 г. стало очевидно, что попытки правительственного регулирования народного хозяйства не принесли успеха. Это касалось всех его отраслей, включая относительно успешные. Так, производство химической промышленности, начавшей было бурно развиваться, упало на 40 %. Даже почти целиком работавшая на оборону металлообрабатывающая промышленность, до революции

⁸⁵ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 444–445.

наращивавшая производственные мощности, вступила в полосу упадка. За 1917 г. ее валовая продукция сократилась по сравнению с предыдущим годом на 32 %. Металлургическая промышленность юга России так и не смогла оправиться от постигших ее еще до революции потрясений из-за расстройств транспорта, не обеспечивавшего подвоз добываемого рядом угля и железной руды. Хуже всего обстояло дело в каменноугольной промышленности, где упадок наметился еще в 1916 г. В Донбассе добыча угля в октябре 1917 г. по сравнению с февралем уменьшилась на 23 %. Всего за 1917 г. было добыто угля на 14 % меньше, чем в предыдущем году. В целом производство угля в России было отброшено до уровня 1911 г. По некоторым данным, потребители недополучили 22,4 % жизненно необходимого им топлива. Вывоз донецкого угля снизился во второй половине 1917 г., положение особенно ухудшилось в октябре. В конечном счете, по свидетельству главноуполномоченного по донецкому топливу И. Г. Сергеева, даже «слабый, пришедший в совершенное расстройство транспорт» забирал «все под метелку». Падала и нефтедобыча: в 1917 г. она снизилась почти на 14 % по сравнению с прошлым годом. Из-за нехватки цистерн в Грозном было закрыто несколько десятков скважин⁸⁶.

Упадок коснулся и текстильной промышленности. Из-за расстройств транспорта не удавалось обеспечить вывоз хлопка из Туркестана. Резко сократился выпуск одежды, обуви и других предметов массового потребления. 20 октября военный министр А. И. Верховский докладывал, что правительство не смогло «ни одеть, ни обуть» действующую армию⁸⁷.

Из-за отсутствия топлива стала свертываться работа ткацких предприятий. Первыми пострадали мелкие фабрики. Рабочие в Тверской губернии воспринимали это как организованный ответ фабрикантов на их экономические требования⁸⁸. Теперь любые хозяйственные неурядицы воспринимались в духе «классового противостояния».

К октябрю 1917 г. железнодорожное движение на наиболее важных направлениях оказалось полупарализовано. Руководители железных дорог считали, что полная остановка железнодорожного сообщения – вопрос ближайшего будущего. На заседаниях Предпарламента отмечалась «почти полная закупорка Московского узла и прилегающих к нему направлений», что обернулось «почти полным прекращением подхода продовольственных грузов к Петрограду, Москве и Северному фронту». Для Москвы сокращение под-

⁸⁶ См.: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С.288–293; Экономическое положение России... Ч. 2. С. 86–87, 90–91, 108, 135, 140–142, 242, 254, 258.

⁸⁷ Верховский А. И. Россия на Голгофе. Пг., 1918. С. 135.

⁸⁸ Федоров А. Н. Указ. соч. С. 310.

воза сырья и топлива составило около 40 %, для Петрограда подвоз снизился в 2,8 раза. В связи с этим в столице промышленное производство упало на 35 %, в Москве – на 11 %. Стали закрывать фабрики и заводы. Больше всего пострадала текстильная промышленность Центрально-промышленного района. Более того, хозяйственная разруха породила массовую безработицу – явление совершенно необычное для военного времени⁸⁹. Понять причину создавшегося положения было можно, но как было найти из него разумный – то есть понятный всем – выход?

По подсчетам С. Н. Прокоповича, к 1918 г. промышленное производство составило лишь 50 % довоенного, национальный доход – 80 %, тогда как сельскохозяйственное производство – 93,2 %⁹⁰. Это можно интерпретировать как индикатор неспособности российской промышленности обеспечить потребности войны. Альтернативные подсчеты западных авторов позволяют указать на конкретные слабые места российского народного хозяйства. Так, объемы торговли составили лишь 37 % довоенной, а транспорт – только 29 %⁹¹. При всей относительности данных подсчетов не приходится сомневаться, что российская экономика не справилась со своей задачей в основном из-за слабости инфраструктуры. И, разумеется, в первую очередь пострадали от этого городские низы. Но можно ли было объяснить им, что во всем этом виновата не только существующая власть?

К осени 1917 г. сложившиеся формы рабочего движения стали все чаще захлестываться стихийным бунтарством – сказывалось ухудшение материального положения рабочих. По некоторым подсчетам, уже в мае 1917 г. средний рацион петроградского рабочего составлял 1,5 ккал., в июле – 1,7, в сентябре – 1,6, а в ноябре всего 1,2 ккал.⁹² Но статистика не учитывает в полной мере масштабы «самоснабжения» населения – в том числе с помощью мешочничества. Социальный протест никогда не находится в релевантном соответствии с падением материального достатка.

В значительной степени ситуация определялась «накалом страстей». Налицо был кризис спроса и предложения, который лишь обострялся эмиссией. Находившаяся в обращении денежная масса была излишней для здоровой ситуации, однако денег не хватало. Это было связано как с их обесценением, так и с растущим тезаврированием средств имущими классами и отчасти крестьянством. На русские бумажные деньги, говорил на Государственном совещании

⁸⁹ См.: *Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России...* С. 191, 194; *Экономическое положение России...* Ч. 2. С. 248, 254, 267, 272, 357; *Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства.* С. 294–297.

⁹⁰ *Прокопович С. Н. Указ. соч.* С. 241.

⁹¹ *Gatrell P. Poor Russia, poor show...* P. 241.

⁹² *Бингшток В. И., Каминский Л. С. Народное питание и народное здоровье.* М.; Л., 1929. С. 31.

И. Х. Озеров, «можно приобрести лишь военные займы и больше ничего»⁹³. К тому же Государственный банк отправлял свежотпечатанные деньги в первую очередь на фронт. Складывалась нелепая ситуация. По некоторым данным, из 20 миллиардов рублей, хранившихся «в кубышках», на долю имущих классов приходилось 13–14 миллиардов⁹⁴. Не хватало наличности только пролетариату и служащим. Со своей стороны, финансисты утверждали, что «целый ряд агитаторов в деревнях и на городских митингах проповедовал отрицательное отношение ко всем решительно финансовым мероприятиям революционного правительства»⁹⁵.

В атмосфере повышенных ожиданий и постоянных разочарований рабочие необычайно остро реагировали на любые неурядицы – от бытовых (перебои со снабжением) до политических (кризисы власти). Вероятно, в связи с этим во второй половине сентября в Ярославле произошли «очень сильные волнения рабочих на продовольственной почве», грозящие перерасти в погром⁹⁶. Постоянно возникали затруднения с выплатой заработной платы. Из Перми сообщали о нехватке денег для расплаты с рабочими оборонных заводов, причем ситуация была чревата «повсеместными забастовками, остановкой всех предприятий... и приостановкой железнодорожного сообщения». Совет съездов бакинских нефтепромышленников сообщал 16 августа, что для выдачи аванса рабочим-нефтяникам требуется около 15 млн мелкими купюрами, которых в местном отделении Госбанка нет⁹⁷.

В особо трудном материальном положении оказывались железнодорожные служащие. По мнению специалистов, производительность труда железнодорожных рабочих упала на 30 %, а вознаграждение выросло в 5 раз. Были случаи, когда токарь или слесарь получали 1 170 рублей в месяц, тогда как ставка машиниста первого класса пассажирского поезда составляла от 200 до 260 рублей⁹⁸. Это усиливало взаимное недовольство в среде железнодорожников. Так называемая плехановская комиссия в течение пяти месяцев не смогла выработать рекомендации, которые удовлетворили бы их⁹⁹. Но дело было не только в этом: состояние железных дорог было таково, что к осени их мог ожидать полный коллапс. На Государственном совещании представитель железнодорожников эсер М. Д. Орехов, назвав их «самыми обездоленными из самых обездоленных», пригрозил забастовкой в случае «контрреволюционных

⁹³ Государственное совещание. С. 249.

⁹⁴ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

⁹⁵ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 73.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 972. Л. 137, 139.

⁹⁷ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 364.

⁹⁸ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 108, 127.

⁹⁹ Борьба за массы в трех революциях в России. С. 230–231.

действий». Но, похоже, это не произвело на правых делегатов ожидаемого впечатления¹⁰⁰.

Как результат невозможности решения вопроса «по справедливости», железнодорожная забастовка все-таки разразилась. 21 сентября от лица профсоюзного объединения железнодорожников (Викжель) было заявлено, что «прохождение вопроса о повышении норм оплаты железнодорожного труда по различным инстанциям в течение 5 месяцев создало положение, при котором железнодорожная масса изверилась в возможности благополучного разрешения вопроса». Викжель потребовал издания декрета о нормах заработной платы, смены руководства железных дорог, чистки раздутого центрального аппарата управления ими, наконец, правительственного содействия железнодорожному союзу. Забастовка должна была носить демонстрационный характер. Как бы то ни было, она приобрела громадный размах, в значительной степени парализовав хозяйственную жизнь страны¹⁰¹. Обыватели не без оснований говорили, что забастовка «равносильна... позорному и непоправимому проигрышу войны»¹⁰². Власть вынуждена была пойти на уступки. Тем не менее взаимоотношения Викжеля и руководства МПС в лице Н. В. Некрасова не улучшились. Викжель все более грубо вмешивался в компетенцию должностных лиц¹⁰³. Поразительно, но в поведении Викжеля появились элементы анархо-синдикалистского «шантажа» власти. Наиболее заметно это сказалось уже после прихода к власти большевиков.

В видах упреждения продовольственных трудностей правительство уже давно предлагало осуществить «разгрузку» Петрограда – перевести полностью или частично предприятия на Урал, Поволжье и юг России. Разумеется, при этом учитывалась и перспектива возможных продовольственных бунтов осенью. Условия переезда обговаривались фабзавкомаами с предпринимателями; в отдельных случаях рабочим гарантировались комфортные условия переезда и размещения на новом месте с семьями¹⁰⁴. Однако 25 сентября большевистский «Рабочий путь» объявил меры по разгрузке столицы контрреволюционерами, преследующими цель избавить столицу от пролетариата, разлучить рабочих с семьями, довести их до грани голода. Взамен предлагалось освободить город от «монастырей, приютов, ювелирных магазинов... и многих других бесполезных буржуазных учреждений». Результат не замедлил сказаться. 18 октября питерский «Металлист» связал разгрузку с угрозой безрабо-

¹⁰⁰ См.: Государственное совещание. С. 735, 736; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 206.

¹⁰¹ Борьба за массы в трех революциях в России. С. 230.

¹⁰² Богословский М. М. Указ. соч. С. 247.

¹⁰³ Сенин А. С. Железнодорожный транспорт России... С. 195.

¹⁰⁴ Рабочее движение в 1917 году. М.; Л., 1926. С. 278–280.

тицы и настаивал на создании общегосударственных экономических органов по распределению рабочей силы «из представителей главным образом рабочих организаций и других заинтересованных учреждений». Разумеется, разгрузка так и не была произведена. В результате большевики, придя к власти, столкнулись в столице и с безработицей, и с продовольственными трудностями. Проблема была «решена» за счет дикой продотрядовщины и стихийного бегства рабочих из Петрограда. В 1917 г. безответственные «вожди масс» не задумывались, что их разрушительные призывы вскоре обернутся против них самих.

Характерно, что предстоящая разгрузка возмутила и некоторых представителей интеллигенции. Так, слух о том, что правительство собралось эвакуировать Театральное училище, был расценен как его «закрытие»¹⁰⁵. Действия власти перестали понимать.

Вместе с тем уже в конце сентября заговорили о том, что буржуазия бежит из столицы, дабы «оставить» рабочих немцам. Понятно, что определенная часть населения старалась уже тогда перебраться если не в имения, расположенные в относительно спокойных губерниях, то хотя бы поближе к плодородному югу России. И тут выяснялось, что страховые компании в связи с перспективой захвата столицы немцами оценивают свой риск в полтора раза ниже. Тогда начинал возмущаться средний обыватель. «Вот в чем я согласен с большевиками: бегут из Петрограда, значит – хотят отдать его без сопротивления немцам», писал один москвич¹⁰⁶. Возникал ужасающий призрак «измены».

На радикализацию рабочих масс влиял и другой фактор: представление об усиливающейся репрессивности власти. Карательные действия по отношению к рабочим правительство осенью действительно пыталось предпринимать¹⁰⁷, но они еще больше озлобляли рабочих. Незадачливая и слабая власть казалась теперь не просто неразумной, но и враждебной.

Забастовочное движение стимулировалось продовольственными трудностями. Так, в начале августа в Смоленске даже рабочие хлебопекарен поставили вопрос об ответственности Временного правительства перед ЦИК Советов. И тут же местные металлисты решили присоединиться к «Всероссийской организации металлистов», затем началась всеобщая забастовка, продолжавшаяся более месяца. В дальнейшем смоленские металлисты осуществили весьма жесткий натиск на местных предпринимателей; в начале октября они потребовали создания примирительных камер, угрожая остановить трамвайное сообщение и отключить городское освещение. Сказывалось и влияние солдат. В Вязьме они не только отбивали

¹⁰⁵ Письма – больше, чем воспоминания... С. 283.

¹⁰⁶ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 88, 91.

¹⁰⁷ Волобуев П. В. Пролетариат и буржуазия России. С. 246–282.

у милиции своих арестованных пьяных товарищей, но и организовали агитационно–пропагандистские курсы, включавшие такие циклы лекций, как «политико-социальные науки», политическая экономия и финансы. Подобные действия приносили свои плоды: в Дорогобуже городская дума вынесла постановление о восьмичасовом рабочем дне, после чего городской голова эсер Я. Н. Масютин (избранный совсем недавно) подал в отставку¹⁰⁸.

Конечно, стачечная активность вовсе не означала готовности «свергнуть буржуазию». Тем не менее забастовщики, численность которых в сентябре-октябре 1917 г. доходила, по некоторым подсчетам, до двух миллионов человек¹⁰⁹, представляли важнейший деструктивный фактор общественной жизни. После июльских событий рабочим пришлось по-новому взглянуть на своих умеренных социалистических лидеров¹¹⁰. Сам по себе подъем стачечной волны получал широкий резонанс. Об этом узнавал любой поглощающий газетную информацию крестьянин и солдат, факты обрастали невероятными слухами. В 20-х числах октября в Шуе и Иваново-Вознесенске в связи со стачкой текстильщиков власти собирались ввести военное положение¹¹¹. К октябрю в стачечное движение помимо железнодорожников втянулись госслужащие и работники муниципальных хозяйств – дело доходило до забастовок могильщиков московских кладбищ¹¹². Что касается «мятежного обывателя», то он готов был бунтовать против любых властей под влиянием перебоев в снабжении. Происходила прививка духа социальной агрессии.

К тому времени фабзавкомы, возглавившие своего рода круговую оборону предприятий от предпринимателей и государства, оказались под влиянием большевиков (Ленин даже подумывал об использовании их для захвата власти). Напротив, профсоюзы, направляемые умеренными социалистами, отнюдь не помышляли об утверждении пролетарской государственности. Рабочие хотели быть независимыми в своих решениях, но в целом общий язык легче находили с Советами и особенно с потребительской кооперацией.

В деятельности фабзавкомов наибольшее распространение получил контроль над условиями труда и внутренним распорядком на предприятиях, наименьшее – деятельность по охране предприятий (рабочую милицию могли позволить себе лишь крупные заводы), финансовый контроль, прямое рабочее управление. При этом борьба с хищениями слабее всего велась на предприятиях пищевой

¹⁰⁸ Ильяхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 129–130, 132, 163.

¹⁰⁹ Лисецкий А. М. Большевики во главе массовых стачек. Кишинев, 1974. С. 288.

¹¹⁰ Mandel D. Petrograd Workers and the Soviet Seizure of Power. Vol. 2. L., 1984. P. 43, 180.

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 546. Оп. 1. Д. 1267. Л. 165.

¹¹² См.: Борьба за массы в трех революциях в России. С. 227–233; Рябинский К. Революция 1917 года. Т. V. Октябрь. М.; Л., 1926. С. 115.

промышленности¹¹³. Если добавить к этому известную склонность фабзавкомовских лидеров «распределять» спирт, то станет очевидно, что природа этих органов была двойственной: выступая за сохранение производства в традиционных формах, в определенных условиях они могли предстать бунтарскими организациями. Эти органы не только мобилизовывали рабочих, но и развращали их. Летом 1917 г. среди части представителей фабзавкомов стало распространяться убеждение, что, участвуя в снабженческо-хозяйственной деятельности, рабочие помогают буржуазии эксплуатировать самих себя. Напротив, завком Путиловского завода разъярял: «Приучаясь к самоуправлению на отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда... орудия производства вместе с зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса»¹¹⁴. Призывы такого рода уместнее всего относить к области социальной риторики, подсказанной большевиками. Как бы то ни было, к осени 1917 г. рабочие вышли за пределы социального конфликта обычного типа, характерного для западных стран¹¹⁵.

Наибольшую активность демонстрировала молодежь. Судя по всему, именно «новые» рабочие, включая лиц с уголовным прошлым, добивались переизбрания умеренно настроенных фабзавкомов, обвиняя их в контрреволюционности и проповедуя чисто насильственный образ действий¹¹⁶. Весьма агрессивно вели себя и такие представительницы «пролетариата», как прачки и солдатки. Теперь пролетарием чувствовал себя всякий недовольный. Многочисленные стачки столичных прачек не только основательно нервировали «чистую» публику, но раскачивали психику всего населения Петрограда. Нечто подобное происходило и в ряде других мест. По городам Тверской губернии прокатилась волна бабьих бунтов, связанных с распределением продовольствия. В Уфе в начале мая ожидали «беспорядков на продовольственной почве» в связи с намечаемым митингом солдаток. Большевистские агитаторы не случайно зачастили к солдаткам. Так, в Минске они ухитрились поставить под свой контроль комитет городской думы, занимавшийся выдачей им специальных пайков, а затем организовали специальные справочные столы, которые использовали также в собственных агитационных интересах. Нечто подобное произошло и в Москве¹¹⁷.

¹¹³ См.: Селицкий В. И. Массы в борьбе за рабочий контроль (март-июль 1917 г.). М., 1971. С. 193–195; Иткин М. Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984. С. 114–115.

¹¹⁴ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 году. Л., 1979. С. 439.

¹¹⁵ Rosenberg W., Koenker D. The Limits of Formal Protest: Worker Activism and Social Polarization in Petrograd and Moscow, March to October, 1917 // The American Historical Review. Vol. 92. N. 2. April 1987. P. 326.

¹¹⁶ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Т. 3. С. 511–512, 543–544, 566–567.

¹¹⁷ Булдаков В. П. Красная смута. С. 158.

Фактически через солдаток большевики получали возможность воздействовать и на их мужей на фронте. Самозванные «вожди пролетарских масс» апеллировали к общественной истерии, хотя Ленин не устал утверждать об опоре на «классовую сознательность» самых «передовых» рабочих.

Несмотря на известного рода риторику и даже теоретические разработки, большевики почти не придавали значения задачам сохранения существующих форм производства. Их «Рабочий путь» 12 октября осудил случаи ходатайств фабзавкомов о выдаче государственных субсидий на поддержание производства. Большевики становились лидерами архаичного бунтарства, окончательно вытесняющего трезвый расчет. Это прослеживалось и через взаимоотношения фабзавкомов с рабочей милицией и Красной гвардией.

Есть свидетельства, что именно с помощью рабочей милиции фабзавкомы держали под контролем внутреннюю жизнь предприятий. Последующая трансформация рабочей милиции в Красную гвардию была подхлестнута корниловщиной. Со временем эта часть пролетарской молодежи переключилась на продотрядовскую деятельность. Это укрепило способность большевиков к манипулированию рабочими коллективами. К тому же в результате создания областных центров фабзавкомов осенью 1917 г. грань между фабзавкомом и профсоюзами стала стираться. Ближе к Октябрю рабочие все больше доверялись радикальным демагогам. Проходившая 12–17 октября 2-я конференция фабзавкомов Москвы потребовала национализации ряда отраслей, принудительного синдицирования, контроля государства над промышленностью и банками – всего того, что официально провозгласили большевики. Тем не менее в Петрограде в момент свержения Временного правительства во вторник 24-го и среду 25-го октября на предприятиях работа не прекращалась, хотя вечером накануне «исторического дня» на целом ряде заводов состоялись организованные большевиками митинги¹¹⁸.

Несколько иная картина складывалась в Московском промышленном районе. Здесь переход власти к Советам выглядел естественным продолжением целой полосы массовых стачек, будораживших регион с сентября 1917 г. Но детальный анализ поведения фабзавкомов показывает, что их можно назвать в лучшем случае «интендантскими отрядами» революции¹¹⁹. Масса рабочих скорее соглашалась на проведение революции от их лица, нежели участвовала в ней. В Саратове союзы грузчиков были настроены негативно

¹¹⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 159.

¹¹⁹ Чураков Д. О. Октябрьский переворот и фабзавкомы // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. С. 109–111.

по отношению к крайним революционным партиям¹²⁰. Напротив, в Смоленской губернии 20 октября на расширенном заседании местного Совета рабочих и солдатских депутатов эсеры и меньшевики вынуждены были выйти из его состава, мотивируя это тем, что там «заседают не рабочие, а бандиты и жандармы». Не удивительно, что в ночь с 24 на 25 октября отряд из 100 солдат захватил арсенал и доставил оружие в помещение Совета¹²¹.

В любом случае основная масса рабочих встретила известие о большевистском перевороте сочувственно. Увы, он не решал хозяйственных проблем.

Болезненнее всего ощущались последствия финансовой политики Временного правительства. Уже к августу 1917 г. финансовая система оказалась парализованной прекращением налоговых поступлений. Как признавали специалисты, «население перестало чувствовать свою обязанность нести определенную финансовую обязанность... торгово-промышленный класс тоже не склонен раскрывать свои кошельки»¹²². Соответственно этому усиливалась внешняя финансовая зависимость. Только американская сторона отпустила России 100 млн долларов 16 мая 1917 г., 75 млн – 17 июля, 100 млн – 23 августа, 50 млн – 12 октября 1917 г. Уже после победы большевиков был открыт кредит на 125 млн долларов, но он был аннулирован в декабре 1917 г. С учетом предыдущих операций, а также сделок с частными банками итоговая сумма использованных кредитов составляла 290,7 млн долларов. Из этой суммы правительство в 1917 г. фактически израсходовало 73,4 млн долларов на платежи по старым и новым заказам внутри страны, 50 млн – по «финляндскому кредиту», 68 млн было передано в распоряжение министра финансов. Количество военного имущества, оставшегося невывезенным, Генеральный штаб России определял в 600 тыс. тонн, из них 80% оставалось в США. Английское правительство непосредственно на финансирование Временного правительства не отпустило никаких средств – кредитование шло согласно договорам, заключенным с царским правительством. С марта по ноябрь 1917 г. в России было израсходовано всего по своим заказам 407,2 млн рублей, то есть 19,2% от всего английского кредита¹²³. Внутри страны деньги переставали работать.

И все же в перекошенном революцией сознании порой возникали надежды, что ситуация выровнялась. Некоторые военные специалисты даже писали, что «как результат больших усилий, общей напряженной работы, затраты огромных средств всей страны, снаб-

¹²⁰ «Университет жил совершенно нормальной жизнью». С. 73.

¹²¹ Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 171, 175.

¹²² Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 72–73.

¹²³ Сидоров А. Л. Финансовое положение России... С. 483–484, 488; Исторический архив. 1957. № 4. С. 121.

жение армии к 1917 г. было хорошо налажено»¹²⁴. Отчасти это было действительно так — сказывалась инерция общественной инициативы и подвижнических усилий отдельных энтузиастов. А между тем требовалось тотальное мобилизационное и инновационное обновление системы. 1 мая 1917 г. Временное правительство учредило совещание по вопросам развития производительных сил страны. Знаменитый КЕПС В. И. Вернадского, словно в насмешку, обрел свой бюрократический аналог¹²⁵. Понятно, что это никак не могло переломить ситуацию.

Характерно, что некоторые высокие снабженцы заявляли, что «начало революции было концом успешной работы по снабжению армии»¹²⁶. При ближайшем рассмотрении оказывается, что главная причина «нездоровья» российской экономики заключается в ее внутренней несбалансированности и слабости инфраструктуры. В этих обстоятельствах при существующем уровне управленческой «расслабленности» участие России в мировом конфликте становилось для нее губительным.

На фоне бывшей панической неразберихи производственно-экономическая стабилизация носила временный характер, качественного обновления экономики не происходило. Последнего не замечали. Не замечали и того, что разрыв между индустриальным и аграрным секторами экономики, между городом и деревней в широком смысле слова принял характер социально агрессивного противостояния.

Все это означало, что Временное правительство уже не могло влиять на экономику. Фактически оно лишь добивалось новых внешних займов, чтобы тут же заказать на них вооружения и амунизию за границей. Внутреннее производство объективно отступало на задний план. Рабочие оказались предоставлены самим себе.

Настоящее «кризисное управление» может быть только инновационным во всех смыслах, причем соответственно решению не только текущей задачи, но и перспективе исторического выживания. Его нельзя подменить ни ловким «финансовым регулированием», ни отчаянным экономическим прожектерством, ни «ручным управлением» инерцией ложного хозяйственного развития. В любом случае должный уровень принятия решений — а он должен быть на порядок выше существующего — не обеспечат ни бюрократы, ни утописты. Но поскольку управление должно было казаться социально востребованным, в условиях хозяйственного хаоса 1917 г. дилетантов Временного правительства стали уверенно вытеснять большевистские демагоги.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 125.

¹²⁵ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. Май — июнь 1917 года. М., 2002. С. 17.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 110. Л. 128.

2.11.5. Эскалация традиционалистского бунтарства

Ничто так не возбуждает людей, оказавшихся в критической ситуации, как угроза голода. А она заставляла искать «злоумышленников», у которых следовало отобрать «припрятанное». Естественно, виновниками оказывались всевозможные комиссионеры и спекулянты, расплодившиеся в годы войны. Не удивительно, что в этих условиях крупные города становились центрами юдофобии. Уже в марте 1917 г. в Петрограде отмечался рост погромных призывов¹²⁷, в июле к избиению «жидов» в центре города призывали вполне респектабельные люди¹²⁸, не говоря уже о речах на привокзальных площадях¹²⁹. В августе за призывы к погромам был арестован ряд лиц¹³⁰. С начала апреля 1917 г. такие же призывы зазвучали в Москве¹³¹. В августе в очередях говорили о том, что хлеб в тайных складах «спрятали жида»¹³², антисемитские реплики были замечены даже в Московском Совете¹³³. В июле в Симферополе распространялись листовки с призывами бить евреев, подписанные «Красная перчатка»¹³⁴. В сентябре в Киеве появились прокламации «антиукраинского» и антисемитско-монархического содержания¹³⁵, а в Орле расклеивались погромные листовки «Общества коричневой руки»¹³⁶. Разумеется, подобная информация разносилась по всей России.

С лета 1917 г. городские политики с нарастающим страхом прислушивались к известиям из деревни. Становилось ясно, что деревенский мир живет по своим собственным законам, а «городскую» власть признает лишь в той мере, в какой та санкционирует его «законные» требования. Крестьянство выступало не только и не столько против помещиков и кулаков, сколько против всех тех, кто мешал ему жить привычной жизнью. При этом сельская агрессивность поначалу направлялась против ближнего, «понятного» и поэтому «слабого» окружения.

Одними из первых стали страдать от крестьян священники – в прошлом общинники были обязаны выделять им земли в пользование, теперь их это не устраивало. Формы деревенского насилия

¹²⁷ См.: Районные Советы Петрограда в 1917 году. Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов. Т. 3. М., 1966. С. 270; Известия. 1917. 19 июля.

¹²⁸ Рассвет. 1917. № 2. 16 июля. С. 35.

¹²⁹ Бейзер М. Указ. соч. С. 43.

¹³⁰ Рассвет. 1917. № 7. 30 августа. С. 32.

¹³¹ Русские ведомости. 1917. 9 апреля.

¹³² Утро России. 1917. 23 августа; Русская воля. 1917. 25 августа.

¹³³ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 272. Л. 24; Д. 22. Л. 125; Д. 272. Л. 25.

¹³⁴ Русское слово. 1917. 17 июля.

¹³⁵ Рассвет. 1917. № 9. 6 сентября. С. 24; Русское слово. 16 сентября.

¹³⁶ Рассвет. 1917. № 13. 4 октября. С. 33; Октябрьский переворот. Пг., 1918. С. 74.

над священниками и монахами оказались весьма многообразными. Так, в июне в Киевской губернии Михайловский сельский комитет (Каневский уезд) предложил священнику оставить приход, нарушив при этом «его права как земельного собственника»; Ботвинский сельский комитет (Уманьский уезд) также удалил из прихода священника; то же самое проделал Поправский сельский комитет (Васильковский уезд). Через месяц в селе Городецком Звенигородского уезда Киевской губернии «самозванные казаки и дезертиры» выгнали из дома семейство священника Мизерницкого, а в августе то же самое произошло в Черниговской волости Радомысльского уезда. В сущности, поведение крестьян было однотипно – они восполняли хозяйственный дефицит за счет наименее защищенных соседей. В июне в Казанском уезде крестьяне семи пригородных селений решили разделить землю, принадлежащую не только городу, но и женскому монастырю. Незаконные покосы на монастырских землях происходили в Тверской губернии. В конце июля жители деревень, расположенных в окрестностях озер, принадлежавших Тверскому Архиерейскому дому, никому не позволяли ловить в них рыбу. Одновременно в Московском уезде Островский волостной комитет запретил местному духовному приюту покос травы на принадлежавшей ему земле и намеревался выселить обитателей приюта, а в селе Хальзево Мценского уезда Орловской губернии исполщики захватили урожай с причтового поля. В августе жители двух деревень Смоленской губернии захватили земли и покосы, принадлежащие Владимиро-Екатерининскому женскому монастырю, а крестьяне деревни Крупичина Курской губернии аналогичным образом поступили с сенокосом Знаменского женского монастыря, заодно приступив к вырубке монастырского леса¹³⁷. По сути дела, все «антипоповские» акции того времени и разгромы монастырей¹³⁸ были отмечены однотипным проявлением желания запастись впрок. Отсюда и отмена треб, возвращение поповских земель в общину. Авторитетных прежде священников крестьяне не признавали, подозревая их в лицемерии. Политические обвинения в адрес священников были теперь обычным делом. В начале августа из Елизаветграда сообщали, что избранный в состав гарнизонного духовенства священник Чекан ранее издавал в Кишиневе крайне правую газету, а ныне «произносит большевистские речи». Местный Совет устранил этого священника от общественной деятельности¹³⁹. Крестьяне действовали по тому же сценарию.

¹³⁷ Булдаков В. П. Красная смута. С. 774–775.

¹³⁸ См.: Емелях Л. И. Указ. соч. С. 87–140; Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 205; Крестьянское движение в 1917 году. С. 200, 356; Ефимов О. В. Нижегородская губерния в период двух революций (1917–1920 гг.). (Сборник документов с комментариями). Арзамас, 2008. С. 41, 55, 87, 93.

¹³⁹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 774.

Виновниками аграрных беспорядков с мая 1917 г. называли то большевиков, то заезжих рабочих, солдат, матросов, а то и «сторонников старого строя»¹⁴⁰. На деле агрессия шла изнутри, требовались лишь соответствующие стимуляторы.

Аграрное движение было следствием интенсивной самоорганизации крестьянских миров. В то время как городские политики ломали копы по идеологическим вопросам, крестьяне организовывались (как правило, в меру используя эсеров и кооператоров) в общероссийском масштабе: обилие губернских крестьянских съездов весной 1917 г. – характерный тому показатель. На местах аграрные и продовольственные захваты инициировались не столько полелевшими крестьянскими, продовольственными или земельными комитетами, сколько сельскими сходами, становящимися все более нетерпеливыми. Конечную цель своих действий крестьяне видели в осуществлении вождельного «черного передела» – исходной базы для утверждения естественных, по их пониманию, взаимоотношений с внешним миром. Теоретически всякая экономика должна была строиться с первоочередным учетом именно этого фактора. Но «городская» власть оставалась в плену собственных партийных прожектов и формально-правовых представлений. Такая «демократия» сельскому жителю была чужда.

Кризис инфраструктуры усиливал отчужденность деревни от города. В августе 1917 г. правительство произвело двукратное повышение твердых цен, но они зачастую игнорировались местными продовольственными органами. Связь фиксируемых властью цен с рыночными оказалась разорванной. Это постоянно подогревало недоверие крестьян к государству. В финансовых верхах знали, что «крестьяне прячут деньги», в результате чего «не один миллион кредитных билетов исчез с рынка»¹⁴¹. Деревня все меньше доверяла власти, а заодно и всему «городу».

Несвоевременная демагогия «селянского министра» В. М. Чернова, неопределенность поведения эсеров на местах истолковывались крестьянами в пользу непосредственного захвата земли. Сельские труженики пребывали в уверенности, что «справедливые» постановления их «мирских» съездов обязательно должны обрести силу непреложных государственных законов¹⁴². Этот процесс ускорялся по мере того, как из крестьянских комитетов изгонялись богатые селяне, не говоря уже об отрубниках и хуторянах¹⁴³. С другой стороны, радикализацию крестьянства стимулировало насыщение деревни солдатами – отпусниками и дезертирами. Как результат,

¹⁴⁰ Медведев А. В., Слепченко А. А. Партия социалистов-революционеров в Нижегородском крае. (1895–1923). Нижний Новгород, 2012. С. 152.

¹⁴¹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 92.

¹⁴² Figs O. A People's Tragedy. P. 366.

¹⁴³ Красный архив. 1926. №1 (14). С. 46.

по словам И. А. Ильина, прибывшего на Московское совещание общественных деятелей, «всюду... крестьянин говорит ярко, революционно: всю землю всему народу, без всякого выкупа, немедленно, с захватом»¹⁴⁴. Некоторые интеллигенты наблюдали за происходящим «с большим интересом»: «...Пишут, что помещичья земля просто-напросто и даже без особых эксцессов переходит к крестьянам, они ее вспахивают инвентарем помещика»¹⁴⁵.

Слишком многие политики в полном смысле слова не ведали, что творили. Сельские хозяева были в ужасе от этого. «Как дворяне-помещики, так и крестьяне-отрубники в один голос негодуют на действия крестьян-общинников и сельские комитеты, – заявляли в мае 1917 г. земельные собственники Саратовского уезда. – По словам отрубников, общинники не дают им организовать... Всегда оказываются правыми общинники или... волостные комитеты. А кто в них сидит? Все те же общинники»¹⁴⁶. Состоятельные хуторяне жаловались, что у них отбирают землю, а взамен «советуют идти на царские земли или отправляться на Алтай». С другой стороны, «уравнилельные переделы приводят к тому, что уже нельзя оборонять на лошади: полоски земли становятся настолько узкими, что некоторым крестьянам «с лямкой через плечо» приходится самим тащить бороны. Крестьяне подавлены, стимулы к труду пропадают, и «в конце концов окажется, что продовольственным комитетам, которые должны играть роль насоса, будет нечего выкачивать из деревни»¹⁴⁷. Общинная психология противостояла хозяйственным интересам государства.

Ситуация становилась все более напряженной. «Вчитываясь в циркулярные распоряжения и проекты министра земледелия Чернова, приходится сделать кошмарный вывод, что... анархические явления вытекают непосредственно из его земельной политики, – писали члены Елизаветградского союза земельных собственников 5 августа 1917 г. – Последнее распоряжение министра... вызовет несомненно тяжкие и опасные последствия, отдавая один класс населения на поток и разграбление другому...». Действительно, масштабное самоуправство крестьян принимало разгромные формы. 13 августа сход села Спивцевского Ставропольской губернии заставил отрубников вернуться в общину. При этом, как сообщалось, «часть хлеба в количестве 5 000 пудов» (!!!) была сожжена¹⁴⁸. Герой «московского Февраля» полковник А. Е. Грузинов рассказал, как крестьяне «оставили Москву без молока»: «Крестьяне забирали луга у помещиков целым обществом, а затем делили – это привело

¹⁴⁴ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 25.

¹⁴⁵ Жукова Е. Д. Указ. соч. С. 107.

¹⁴⁶ Герасименко Г. А. Проявление последствий столыпинской аграрной реформы в деревне в марте – октябре 1917 года // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С. 255.

¹⁴⁷ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 101.

¹⁴⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 188.

к ликвидации молочных хозяйств (кооперативов)»¹⁴⁹. Неудивительно, что деятельность Чернова стали именовать «аграрным большевизмом» – последний стал синонимом насилия, а не партийной принадлежности.

Впрочем, крестьяне грабили избирательно, с «хорошими» помещиками обходились мягко. «...В моем саду грабили сливы, ломали сучья, я уходил в сад разгонять воров, возвращаясь в поле, заставлял в просе телят, на клевере лошадей...», – отмечал М. Пришвин 10 августа 1917 г. Другие помещики ему завидовали: в апреле следующего года выяснилось, что у всех помещиков в округе дома разграбили, а его дом не тронули. К барину, понимающему сельское бытие, крестьяне относились снисходительно. Однако в Тамбовской губернии в связи с погромной волной помещики поспешно переселялись в города¹⁵⁰.

Даже эсеры начали ужасаться «достижениям» аграрной революции. Газета «Земля и воля» подробно описала злоключения Р. Д. Семенова-Тян-Шанского, внука знаменитого географа. Этого «почти толстовца», самостоятельно возделывавшего 20 десятин земли, крестьяне на глазах семьи вытащили из дома, «потаскали с шумом, гамом и песнями, избивали, хотели даже убить». От расправы его спас местный священник. Причиной крестьянского неистовства была попытка «помещика» выставить свою кандидатуру на выборах в уездное земство. Инициировал эту расправу его конкурент на выборах – некий В. И. Чванкин, человек с уголовным прошлым, ставший главой уездного Совета в Данкове. Он же засадил Семенова в тюрьму, а тем временем имение его было разграблено. Правда, через несколько дней справедливость как будто восторжествовала – в тюрьме оказался уже Чванкин со своими подручными¹⁵¹. Однако злоключения Семенова на этом не закончились. 19 октября его тяжело ранили выстрелом с улицы в освещенное окно. Возможной причиной покушения было то, что он отправился посмотреть, как крестьяне «трех деревень» дружно рубили его лес. В стихии «черного передела» Р. Д. Семенов-Тян-Шанский выжил – для того, чтобы умереть от голода в Москве в ноябре 1919 г.¹⁵²

Деревня по-своему использовала политические «достижения» городской культуры. Дабы завладеть землей помещиков, их объявляли «монархистами»¹⁵³. Весьма активно в борьбе против землевладельцев использовалась и «антибуржуйская» фразеология¹⁵⁴.

¹⁴⁹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 98.

¹⁵⁰ Пришвин М. М. Дневники. С. 83, 90; Письма – больше, чем воспоминания... С. 288.

¹⁵¹ Земля и воля. 1917. 29 сентября.

¹⁵² Письма – больше, чем воспоминания... С. 293–295, 327, 330, 663.

¹⁵³ Сафонов Д. А. Указ. соч. С. 214.

¹⁵⁴ Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution 1917–1921. Oxford, 1989. P. 54.

Действовали, «не взирая на лица». Когда в октябре в Уфимской губернии благочинный выступил против подстрекательской брошюры «Новая нагорная проповедь», крестьянский Совет решил его арестовать. Охотно внимали демагогам. После того, как в той же губернии в первой половине декабря священник Несчастливцев (очевидно, из «красных попов») произнес в проповеди слова «о допустимости грабежей в настоящее время», крестьяне тут же бросились громить хуторянина¹⁵⁵.

Показателен беспрецедентный рост акций «воровского» характера¹⁵⁶. В сентябре 1917 г. в Муромском уезде крестьяне на сельском сходе приняли (явно не без подсказки агитаторов) характерную резолюцию: «Население наше, переносившее без ропота все тяготы войны, не может хладнокровно смотреть, как будут помирать его дети голодной смертью и принуждено будет голодом или отнимать хлеб у крестьянина, имеющего посевы, или силой снимать хлеб с мимо идущих пароходов и баржей...»¹⁵⁷. Осенью 1917 г. на севере России, где всегда не хватало своего хлеба, происходил настоящий «грабеж на большой дороге» продовольственных грузов. Конвоиры были бессильны против набегов крестьян¹⁵⁸. Хотя в деревню отправлялись также агитаторы внепартийной, общедемократической окраски¹⁵⁹, их влияние на крестьянскую массу не было заметным. Характерно, что кое-где крестьяне не ограничивались захватами земель и смещением местных властей, а начали громить избирательные участки и разгонять комиссии по проведению земских выборов¹⁶⁰.

На Смоленщине в июне крестьяне принялись прибирать к рукам помещичьи угодья, собирались делить их землю и скот; в июле с помощью солдат приступили к грабежу имений и захвату земли, принимая попутно резолюции об отмене частной собственности на землю. Дело дошло до вооруженных столкновений с помещиками. Порой эти действия санкционировались волостными комитетами, но чаще крестьяне обходились без всяких «правовых» санкций. Помещики, со своей стороны, создавали организации для противодействия земельным захватам. Но политическая ситуация в сельских низах оставалась достаточно неопределенной. Некоторые крестьянские Советы протестовали против удаления из правительства Чер-

¹⁵⁵ Булдаков В. П. Красная смута. С. 189.

¹⁵⁶ См.: Крестьянское движение в 1917 году. С. VII–IX.

¹⁵⁷ Шаханов Н. П. 1917 год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир, 1927. С. 91.

¹⁵⁸ Трошина Т. И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере... С. 243–244.

¹⁵⁹ См.: Отчет о деятельности Союза воспитания свободного человека за 1917–1918 (первый) год. Пг., 1918.

¹⁶⁰ См.: Нарысі гісторыі Беларусі. Ч. 2. Минск, 1995. С. 17; Бакулин В. И. Указ. соч. С. 85.

нова, но тут же требовали «положить предел провокации Ленина». В августе помимо прежних захватов крестьяне принялись смещать милицию и назначать своих милиционеров, а помещиков – сажать в тюрьму и убивать. В сентябре губернский комиссар уже требовал «воинской помощи» для предотвращения «самовольного захвата лесных угодий». При этом крестьяне на выборах в волостное земство отдавали голоса «купцам и прасолам, смотря на этих лиц как на благодетелей по разрешению продовольственного вопроса». 9 сентября члены Смоленского землячества в Петрограде призывали своих земляков помочь бедствующим крестьянам губернии. Причиной приближающегося голода они называли недостаточный подвоз хлеба. В городах губернии была установлена норма отпуска хлеба: не более 30 фунтов муки в месяц на мужчину, занятого физическим трудом. В конце сентября крестьянские съезды стали принимать большевистские резолюции и срывать выборы в волостное земство. Губернский комиссар 16 октября сообщал, что дело дошло уже до «поголовного истребления лесов», МВД, в свою очередь, запрашивало военных о возможности присылки в губернию кавалерийских частей¹⁶¹. Неудивительно, что в местных Советах стали преобладать большевики.

В ряде мест центральных губерний продовольственное положение становилось угрожающим. На станции Киржач (Владимирская губерния) положение «обострилось до того, что женщины, чтобы накормить детей, со слезами приходили к фабрикантам и просили хлеба». Население было обозлено на фабрикантов. Голод заставлял рабочих идти в деревню. В Твери некоторые говорили: «Приду к крестьянину, упаду на колени перед ним скажу: “Брат мой – я голоден”. Он мне хлеба даст». Тверские крестьяне заочно отвечали: «Ну и пускай голодают, зачем уехали из деревни?» Нижегородские крестьяне говорили: «Рабочие зарабатывают большие деньги, бастуют, а крестьяне должны отдавать хлеб по твердым ценам»¹⁶². Обратной стороной патерналистской психологии был своего рода групповой эгоизм.

В Сибири продовольственный вопрос не стоял. Здесь крестьяне избавлялись от «плохого» начальства, «несправедливых» судей, «негодных» священников и «бесполезных» монастырей, запрещали вывоз хлеба из своих волостей и уездов, захватывали и делили землю и угодья, не делая разницы между государственными и частными владениями, враждовали между собой и казаками. Соответственно крестьянским нуждам избирались и переизбирались земства, земельные и крестьянские комитеты. Шла борьба за влияние в местных Советах, где эсеры соперничали с набирающими

¹⁶¹ См.: Илюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 108–109, 111–126, 130, 131, 144, 146, 148, 150, 154, 160, 169.

¹⁶² Цит. по: Федоров А. Н. Указ. соч. С. 311–312.

силу большевиками¹⁶³. При этом на уровне волостных комитетов земельными захватами первоначально руководили зажиточные хозяева, а со временем на сельских сходах стали заправлять не менее авторитетные и «бывалые» солдаты¹⁶⁴.

Для сибирской деревни в гораздо большей степени, чем в Европейской России, было характерно безразличие к политическим партиям. Вместе с тем низкий уровень политической культуры провоцировал острые проявления правового нигилизма и экстремизма. Сказывалась и большая, нежели в центре страны, «нерасторопность» властей по части решения насущных вопросов и наведения порядка. С другой стороны, сибирские крестьяне привыкли к более самостоятельному решению мирских проблем. Как и в других регионах, было заметно нарастание большевистского влияния через солдат¹⁶⁵.

Именно солдаты повсеместно провоцировали самоуправство в деревне. Так, 20 июня из Яренска Вологодской губернии сообщали, что возвращающиеся с фронта солдаты считают, что волостные комитеты «избраны неправильно»¹⁶⁶. Использовались и более впечатляющие средства агитации. Некий И. Я. Гарькин, крестьянин села Черенцовки Пензенского уезда, 18 июля публично заявлял: «...Дураки вы, воюете, воткнули бы штык в землю и ушли... может быть, при Вильгельме нам будет жить лучше, Германия давно готова была дать нам мир без аннексий и контрибуций, да буржуазист Керенский этого не хочет». В ходе заседания волостного комитета он утверждал, что «Керенский – буржуй, и Временное правительство состоит из тех же буржуев...», что Керенский «ведет крестьянство к гибели»¹⁶⁷.

Эпизодически крестьянами высказывались радикальные политические требования. 30 августа общее собрание деревни Усть-Погромная выразило недоверие Временному правительству и указало, что власть должна принадлежать Совету солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, 8–12 сентября аналогичное требование прозвучало на II уездном крестьянском съезде в Новониколаевске, 18 сентября подобную резолюцию принял уездный съезд Советов в Бийске¹⁶⁸. По сути дела, крестьяне «перебирали» возможные варианты власти соответственно текущим практическим нуждам. А тем

¹⁶³ См.: Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 173–198.

¹⁶⁴ Рышков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 34.

¹⁶⁵ Дробченко В. А. Радикализация масс в Сибири в период марта 1917 – начала 1918 гг. // Историческая наука на рубеже веков. Томск, 1999. Т. 2. С. 145–156; Дробченко, В. А., Бляхман Б. Я. Правовой нигилизм как показатель кризиса власти в Сибири в 1917 г. // Наука в Кузбассе: актуальные проблемы экономики и гуманитарных исследований. Кемерово, 2003. С. 116–124.

¹⁶⁶ Булдаков В. П. Красная смута. С. 773.

¹⁶⁷ Цит. по: Сухова О. А. Указ. соч. С. 773.

¹⁶⁸ См.: Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Указ. соч. С. 203, 207, 209, 214, 219–220.

временем разрасталась «деревенская бюрократия». Состоятельные крестьяне сообщали: «Чтобы добыть предмет первой необходимости, прежде надо было сунуться в 1–2 места, а теперь... в 7 мест, и в конце концов ничего не добыть»¹⁶⁹.

Политику в деревне понимали по-своему. Некоторые крестьяне Ржевского уезда Тверской губернии в начале сентября «по некоторым вопросам рассуждали как ярые черносотенцы, а по иным вопросам рассуждали как большевики и даже сверхбольшевики». Некоторые из них заявляли: «Мы сами больше большевиков». Сообщали, что «по деревням идет сильная... агитация под специально ржевским большевистским лозунгом “Всех долой, солдат домой, сахару по-старому”». Либеральным публицистам оставалось только сравнивать «черносотенство» и «красносотенство»¹⁷⁰. В связи с нарастанием продовольственных трудностей крестьяне рассуждали просто: «Никого... не признавать, никому ничего не давать, землю и имущество у буржуев отнимать». Под последними крестьяне подразумевали и сельскую интеллигенцию¹⁷¹.

Помимо всего, в сельской местности были зафиксированы отдельные случаи антисемитской агитации: в мае в Ольгопольском уезде Подольской губернии, в июле – в Могилевской губернии¹⁷². В июле из Минской губернии поступила информация о том, что крестьян настраивают против «буржуев и евреев»¹⁷³, а из Слуцка сообщали, что в кладовых Троицкого монастыря найдено 5 140 погромных брошюр¹⁷⁴. В июне в Екатеринославе заявила о себе особая «славянская группа» учащихся, занявшаяся антисемитской пропагандой и рассылающая агитаторов по селам¹⁷⁵. В августе 1917 г. в Можайском уезде Московской губернии появились прокламации с призывами «сбросить иго министров-социалистов, слуг Ротшильда и Вильгельма» и создавать тайные общества для борьбы с «немецко-еврейским засильем»¹⁷⁶.

Конфликты в деревенской среде становились все более многомерными. В Сибири в Степном крае они развивались по линии казаки – киргизы (казахи), на юге Енисейской губернии враждовали между собой крестьяне, казаки, хакасы, в Забайкалье – переселенцы и буряты. Разворачивалось противостояние переселенцев со старожилами, земледельцев со скотоводами, арендаторов с арендодателями, фронтовиков с неслужившими односельчанами¹⁷⁷.

¹⁶⁹ Отчет о Московском совещании общественных деятелей. С. 101.

¹⁷⁰ Русская свобода. 1917. № 16–17. С. 30.

¹⁷¹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 182, 184.

¹⁷² ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 2. Д. 219. Л. 37; Оп. 6. Д. 271. Л. 4

¹⁷³ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 250. Л. 137.

¹⁷⁴ Рассвет. 1917. № 3. 23 июля. С. 34; № 7. 30 августа. С. 30.

¹⁷⁵ Русская воля. 1917. 29 июля; Рассвет. 1917. № 1. 9 июля. С. 33; № 3. С. 34.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 21. Л. 88.

¹⁷⁷ Рынков В. М., Ильиных В. А. Указ. соч. С. 35.

Для массы крестьян синонимом справедливости становилось возмездие. Сельский мир имел давнюю традицию самосудов над ворами. Крестьяне расправлялись с ворами, дезертирами, нерадивыми пастухами. «Недавно в одной из окрестных деревень был самосуд над молодым вором, попавшимся на воровстве не один раз, – писал 8 октября в дневнике А. Н. Куропаткин, бывший землевладельцем Псковской губернии. – Его расстреляли, и первым выстрелил в него родной брат». Известны и другие случаи расправ, когда крестьяне сжигали, закапывали в землю живьем преступников¹⁷⁸. Разумеется, это крайности, но в целом развитие событий шло именно в этом направлении. На их фоне зверские убийства помещиков солдатами на глазах у всей деревни в декабре 1917 г. смотрелись обычным делом¹⁷⁹.

Оборотной стороной аграрного движения становилась угроза голода в городах. Даже в Москве и Московской губернии, куда продовольствие поставлялось более регулярно, чем в другие города центра Европейской России, в середине октября не осталось хлебных запасов. Некоторые города (Коломна, Звенигород, Воскресенск, Можайск и др.) переживали настоящий голод. По некоторым данным, накануне большевистского переворота примерно 20 губерний Европейской России из 43 были охвачены голодом¹⁸⁰. Голод наступил в Дагестане, в Туркестане «мусульманское население было доведено голодом до отчаяния»¹⁸¹.

Неудивительно, что на местах власть оказывалась бессильной перед бунтующим охлосом. Так, в Астрахани во второй половине сентября толпы едва не растерзали губернского комиссара, который вскоре подал в отставку и сдал власть начальнику гарнизона. Фактически это означало переход власти к местному Совету. Нечто подобное произошло несколько ранее в Ташкенте¹⁸². В начале октября в Калуге вооруженные члены местного Совета выпустили из тюрьмы анархистов. Под влиянием их пропаганды солдаты местного гарнизона фактически поставили у власти местный Совет, который пришлось «свергать» вооруженным путем¹⁸³. В целом ряде местностей ситуация была на грани переворота. Ее определяли два фактора: угроза голода и недовольство солдатских масс.

К концу октября численность действующей армии значительно сократилась. Если на 1 марта 1917 г. в ней (по официальным данным) налицо было 7 185,4 тыс. офицеров, чиновников и солдат, то к 25 октября их число снизилось до 5 412,8 тыс. В тыл, главным об-

¹⁷⁸ Булдаков В. П. Красная смута. С. 182.

¹⁷⁹ Письма – больше, чем воспоминания... С. 309–313, 315, 317–318, 322.

¹⁸⁰ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. С. 466–467.

¹⁸¹ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 275.

¹⁸² Булдаков В. П. Красная смута. С. 328–329, 292–293.

¹⁸³ Общество и революция. С. 305, 322.

разом в деревню, так или иначе переместилось около 1,5 млн человек. К этому времени интендантству приходилось кормить еще около 6 млн человек, обосновавшихся в тыловых учреждениях¹⁸⁴. Создались условия, когда поредевшая армия отказывалась воевать на фронте, зато солдатские массы угрожали при случае поднять антивоенный бунт в тылу, особенно в деревне. В Тамбовской губернии пьяные погромы продолжались и в октябре 1918 г. Современники описывали «разливанное море спирта», в котором «товарищи... сгорают и топятя по пятнадцати человек сразу». Здесь были разгромлены все усадьбы, был сожжен дворец в имении Муромцевых, уничтожена школа Иванкевича¹⁸⁵. Руководители Саратовской архивной комиссии 14 октября 1917 г. сообщали: «Волна погромов уже докатилась до Саратовской губернии, и уже немало ценного погибло при этом... В имении Сабуровых Сердобского уезда варварски уничтожена старинная библиотека в 8 000 томов. Та же участь грозит собранию бумаг в библиотеке покойной княгини А. С. Голицыной (Князевка Петровского уезда). В имении гр. Нессельроде (Царевщина Вольского уезда) не ныне – завтра может погибнуть бесценное собрание масонских рукописей и книг до 4 000 номеров... Еще стоит дворец кн. Куракиных в Надеждине Сердобского уезда, и, быть может, еще не окончательно расхищены из него остатки библиотеки, всего 3–4 года тому назад насчитывающей 10 000 томов, главным образом энциклопедистов...»¹⁸⁶.

Казалось, что русский человек в порыве отчаяния вкладывал в погромные действия те же качества – прежде всего упорство и непреклонность, – которые он еще совсем недавно демонстрировал на фронте. Увы, и за военной доблестью, и за погромными действиями, и за революционным порывом подчас стояли одни и те же эмоции. Человек жаждал воздаяния за пережитое не по своей воле. Весь обессилевший старый мир мог предстать теперь в виде «законной добычи».

Своего рода апофеозом азарта «военной добычи» выглядят события 3–5 ноября 1917 г. в «пролетарской» Перми. Солдаты местного гарнизона поначалу инициировали погром лавки городского общества потребителей, затем склад спиртного, после чего толпа ринулась громить все подряд, не исключая книжные и музыкальные магазины. Пьяных солдат поддерживали солдатки, подростки и обыватели. Местная газета так живописала вид «пьяного солдата и бабы» после разграбления ювелирного магазина: «у солдата руки в крови, зато на всех пальцах много золотых колец», у его спутницы «на руках и кольца и браслеты». Другой солдат, добыв пароч-

¹⁸⁴ Гаврилов Л. М., Кутузов В. В. Указ. соч. С. 157.

¹⁸⁵ Письма – больше, чем воспоминания... С. 325–326.

¹⁸⁶ Цит. по: Семенова Е. Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны.... С. 71.

ку икон, «пять будильников-часов», еще один зажав под мышкой, железной палкой бил стекла всех попадавшихся по пути домов. К погрому присоединились «наиболее дисциплинированные» солдаты мусульманского батальона, но положение на время спасли красногвардейцы, давшие залп по громилам. Однако на следующий день толпу привлек «алкогольный фонтан» из лопнувшей трубы, по которой власти пытались избавиться от опасных запасов спирта. После это солдаты взяли штурмом пивоваренный завод, затем дело дошло до частных квартир. Жертвами погрома оказались около 100 человек – офицеры, студенты и, конечно, солдаты-погромщики¹⁸⁷.

Одновременно в Екатеринбурге возникло «веселье» в связи с заведомо неудачной попыткой властей избавиться, наконец, от громадных запасов спирта. Выпущенное в пруд зелье растеклось по поверхности льда, смешиваясь с грязью и навозом. Солдаты бросились на лед, который провалился, но это лишь веселило погромщиков, со смехом выбиравшихся из мелководья и продолжавших возлияния. Но если новая «своя» власть была бессильна перед подобными «эксцессами», то что могли сделать в этих условиях «контрреволюционеры»? Позднее в Оренбурге атаман А. И. Дутов безуспешно пытался предотвратить погром винных складов. Оказалось, что во всем городе осталось лишь 26 трезвых казаков. Им оставалось только наблюдать, как казаки, рабочие, обыватели, включая женщин, поспешно разливали горящий спирт, походя сбивая пламя со вспыхнувшей одежды. В результате пьяных беспорядков в Оренбурге погибло более 200 человек¹⁸⁸. Последствия попытки «отрезвления Руси» ради победоносной войны дали жуткий результат.

В феврале 1917 г. война «пришла» в столицу, вызвав падение монархии; теперь, после большевистского Октября она растеклась по всей России. Межэтническая ситуация также обострялась из-за солдатских масс. Кризисные ситуации сопровождались не только погромными действиями толп, но и попытками людей более благоразумных отыскать «островки спасения». Увы, и такие действия в конечном счете давали обратный эффект. На этом фоне многозначительно выглядят позднейшие заявления большевистских военных руководителей о том, что солдаты Петроградского гарнизона были носителями особой деревенской психологии, которую они привнесли в жизнь революционной столицы¹⁸⁹.

Элементы архаичного бунта неуклонно накапливались во всех крупных городских центрах. Уже 5–11 июня в Киеве на 2-м Всеукраинском войсковом съезде делегаты, раздраженные попыткой

¹⁸⁷ Нарский И. В. Указ. соч. С. 199–200.

¹⁸⁸ Там же. С. 200, 203–204.

¹⁸⁹ См.: Антонов-Овсенко В. А. В семнадцатом году. М., 1933. С. 105–106; Крыленко Н. В. Февральская революция и старая армия // Пролетарская революция. 1927. № 2/3. С. 250.

Керенского сорвать его, потребовали немедленного осуществления автономии Украины. Это предлагалось ради спасения края от «анархии». Центральной раде предлагалось прекратить всякие сношения с Временным правительством и созвать территориальное собрание для согласования с этническими меньшинствами статуса автономии края¹⁹⁰. Неудивительно, что 10 июня был оглашен I Универсал (манифест) Центральной рады, который, провозглашая автономию, подчеркивал готовность сотрудничать с общероссийской властью, а 15 июня был создан Генеральный секретариат Центральной рады, вызвавший переполох в петроградских верхах¹⁹¹.

Радикализм действий Центральной рады не должен обманывать: после этих событий с ее стороны последовали уверения, что она все усилия направляет на сдерживание оголтелых самостийников, намеренных оголеть фронт и начать самоопределять Украину по «польскому образцу»¹⁹². В этом была доля правды: «социалистическая» рада оказалась заложницей революционного нетерпения масс – особенно яростного в силу того, что они увидели в ней обиженную «москалями» свою власть. Показательна и уступчивость рады на переговорах с петроградскими социалистами, в ходе которых было решено, что генеральные секретари утверждаются в российской столице, и из их ведения исключаются военные дела¹⁹³. Но на этом этапе соглашение оказалось сорвано кадетами, демонстративно вышедшими из правительства, дабы взвалить на его социалистическую часть двойную ответственность – за неудачи на фронте и потворство самостийникам. В качестве ответной реакции в начале июля в Киеве, практически одновременно с солдатскими выступлениями в Петрограде и Нижнем Новгороде, произошел бунт солдат-украинцев полка им. Б. Хмельницкого – соединения, созданного вполне официально. Хотя этот конфликт удалось уладить без жертв, в результате него обострились отношения между командованием Киевского военного округа и украинскими деятелями. Когда 26 июля солдат-украинцев отправляли на фронт, они устроили прощальную стрельбу в воздух. Им ответили прицельным огнем кирасиры, в результате 14 «украинизированных» солдат были убиты¹⁹⁴. В основе радикализма «украинской революции» в 1917 г. лежала общероссийская причина – нежелание «непатриотичных» масс участвовать в войне. Вовсе не случайно в общественном сознании 1917 г. «большевизация» и «украинизация» закрепились как однопорядковые явления. Но, поскольку «большевизированные» и «украини-

¹⁹⁰ РГВИА. Ф. 366. Оп. 2. Д. 233. Л. 34–36 об.

¹⁹¹ Вестник Временного правительства. 1917. 17 июня.

¹⁹² Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 293–294.

¹⁹³ Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Т. 2. Париж, 1963. С. 126–128; ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1930. Л. 1.

¹⁹⁴ Власть народа. 1917. 28 июля.

зированные» солдаты выступали под разными знаменами, будущий вооруженный конфликт между ними становился неизбежен. Всякая революция порождает массу «невольных друзей», столь же естественно превращающихся со временем в заклятых врагов.

Ход других этнонациональных революций 1917 г. также в значительной степени зависел от «солдатского фактора». Имеется в виду не только количество штыков, готовых поддержать «национальные» интересы, но и степень осознания непосредственной военной угрозы, а также опасения народа в отношении ближайших вооруженных соседей. Так, в Закавказье обострение ситуации было связано с боязнью того, что солдаты армянских батальонов начнут мстить мусульманам за резню 1915 г. в Турции; на обстановке в Крыму сказалось присутствие даже малочисленных подразделений мусульманской конницы. Такие факторы, как особенности этнопсихологии, политической культуры, идентификационных процессов, часто уродливо проявляли себя через солдатские эмоции. С ходом войны связаны и относительная сдержанность финских политиков, чей народ мог рассчитывать на определенные выгоды от нейтралитета; и сговорчивость с центральной властью мусульманских лидеров, более других уделявших внимание культурно-национальной автономии; и склонность почти всех закавказских партий ориентироваться до поры до времени на Россию как военного гаранта стабильности в регионе; и противоречивая позиция национальных лидеров Прибалтики, легче других добивавшихся признания своих требований Временным правительством – в том числе и за военную лояльность (вскоре оказавшуюся призрачной).

В ряде случаев различного рода националистические акции следовали сразу же за теми или иными событиями общероссийского масштаба. Так, 2 сентября Казанский мусульманский военный комитет постановил, что на месте орла на башне Сююмбеки (Сююмбике) должен быть поставлен полумесяц. Предполагалось осуществить это 16 сентября. Ясно, что мусульманские военные воспользовались поражением Корнилова и рассчитывали на одобрение созывавшегося в Киеве «Съезда народов» и петроградского Демократического совещания. 16 сентября к назначенному времени к башне стали собираться вооруженные солдаты-мусульмане. Губернский комиссар к этому времени уже запретил данную акцию, пригласив мусульманских лидеров к себе на совещание. Тем не менее орел с его согласия был снят и передан в Казанскую ученую архивную комиссию; от установки полумесяца мусульман удалось отговорить. Понятно, что мусульмане не отказались от своей «революционной» идеи. К делу подключились местные историки, доказывавшие, что башня в ее современном виде вовсе не татарского происхождения, что двуглавый орел – символ государства, а вовсе не императорской власти (февральский угар уничтожения «птицы» уже прошел).

Местные православные миряне, объединенные в братство св. Гурия, также выразили протест по поводу предстоящей акции; из канцелярии Временного правительства 9 октября последовало предупреждение о том, что подобные действия могут «озлобить одну часть населения против другой», а 17 октября 1917 г. губернский комиссар уговорил снять с башни леса, оставленные мусульманами на случай разрешения водружения полумесяца¹⁹⁵. В данном случае конфликт удалось перевести в плоскость переговоров, но ясно, что обе стороны остались недовольны друг другом.

Кое-где этнические конфликты разгорались из-за земли. Это происходило и на Северном Кавказе, и в Туркестане, и в других местах этнической чересполосицы. Известно, что маловлиятельные до 1917 г. украинские эсеры выросли в массовую партию, используя простейший демагогический прием: с созданием национального земельного фонда на Украине, уверяли они, не останется помещиков (москалей и поляков), труженики-хлеборобы существенно расширят свои земельные владения. По данной схеме могли рассуждать и русские. В октябре 1917 г. в Оренбургской губернии украинские переселенцы подверглись издевательствам и насилиям со стороны местного великорусского населения¹⁹⁶.

Мусульманское население оставалось относительно спокойным. Идеи автономии и федерации понимались мусульманами в культурно-автономистском духе. Постепенно из этих не совсем обычных для православного политического сознания пертурбаций вырастала тенденция к этноизоляционизму, сочетавшаяся с «подозрительными» в глазах европеизированных политиков попытками объединиться в рамках российской демократии. В любом случае лидеры мусульман даже в сентябре–октябре определенно возражали против попыток явочного проведения в жизнь своих требований¹⁹⁷. С формированием мусульманских частей они также не спешили; правительство и Ставка активно занялись их формированием лишь в последние недели своего существования¹⁹⁸, рассчитывая использовать их для поддержания порядка. Тем не менее мусульманские части, «разлагавшиеся» куда медленнее даже других «национальных» подразделений, также сыграли свою – скорее пассивную, но тоже немалую – роль в большевистском перевороте.

Сдержанность мусульманских политиков и терпеливое ожидание мусульманских низов в Центральной России и Сибири особенно поражает на фоне событий в Туркестане. В прошлом советские историки обращали внимание лишь на солдатский бунт в Ташкенте в конце августа – начале сентября, усмирять который была направлена особая карательная экспедиция. Этот эпизод подавался по-

¹⁹⁵ НА РГ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 1246. Л. 1, 2–4, 5–9, 12–13, 17.

¹⁹⁶ Крестьянское движение в 1917 году. С. 335.

¹⁹⁷ Известия Всероссийского мусульманского совета. 1917. 29 сентября, 6 октября.

¹⁹⁸ Известия Всероссийского мусульманского военного шуро. 1917. 31 декабря.

разному: то как поспешные действия местных большевизированных Советов сравнительно с действиями пролетарского центра, то как часть развертывавшегося национально-освободительного движения. В действительности подоплека событий была банальна, о чем постоянно писали местные газеты. С началом войны стали возникать трудности с подвозом продовольствия в край, а между тем посевы хлебов не только не увеличились, но и, напротив, уменьшились в связи с потребностью оборонной промышленности в хлопке. Цены на хлопок искусственно сдерживались. Привозной хлеб не раздавался (что было бы положительно воспринято местным населением), а продавался частным учреждениям и фирмам, число которых постоянно росло. А поскольку областной продовольственный комитет развернул торговлю хлебом, то продовольственное дело фактически сосредоточилось в руках имущих слоев населения (по преимуществу коренного). Шариат, однако, не допускал никаких «экспроприаций». Последствия закономерны – спекуляция, рост цен на продовольствие, усиление возможностей манипулирования массами. Неурожай, недостаток фуража, нехватка воды, злоупотребления в распределении продовольствия усугубили ситуацию¹⁹⁹. В итоге правительство не смогло обеспечить край продовольствием, местные элиты не смогли добиться межэтнического и политического баланса, а между тем способных на бунт солдат в Ташкенте хватало. Взрыв сделался почти неизбежным, как в дурной песне.

События в Ташкенте не были чем-то уникальным. Отдельные случаи солдатских переворотов уездного уровня случались не только здесь. До поры до времени под ними не было этнической подоплеки. Но скоро разбои стали принимать этническую направленность: в июле в Кокандском уезде от него страдало коренное население, в том же месяце туркмены стали нападать на соляные промыслы и расхищать соль. Привычный этноаграрный баланс стал нарушаться и в связи с тем, что часть русских переселенцев начала распродавать свои земли, рассчитывая на свою долю от раздела помещичьих земель в Центральной России. Напряжение в межнациональных отношениях росло, но общий характер взаимоотношений европейского и мусульманского населения в крае и частично по всей России определился другим. Речь идет о судьбе возвратившихся из Китая участников восстания 1916 г.

В свое время беженцам для того, чтобы не умереть от голода на китайской территории, пришлось распродавать не только скот, но и детей. Информация о том, что обобранные казахи намерены вернуться в Россию, появилась еще в январе 1917 г., но на просьбы их об обустройстве как старые, так и новые власти не реагировали. Правда, Туркестанский комитет Временного правительства попытался временно разместить возвратившихся, предпринял шаги по поиску награбленного китайцами, запросил средства в Петрограде на вспо-

¹⁹⁹ Зная свободы (Скобелев). 1917. 1, 2, 3, 23 июня, 1 июля.

моществование, препятствовал раздаче оружия русским переселенцам, намеревавшимся продолжить мстить туземцам. Все это давало более чем ограниченный эффект: возвращенцы оказались блокированы в Пржевальском уезде, на старые земли крестьяне-европейцы их не пускали²⁰⁰. «Как черные вороны налетают банды и отбирают остатки скота»²⁰¹, — констатировал член Туркестанского комитета О. А. Шкапский. На Государственном совещании А. М. Б. Топчибашев заявил, что «до 83 тыс. вернувшихся из Китая на родину было истреблено или погибло от голода»²⁰². Местные власти были бессильны. Призывы к спасению возвращенцев оставались гласом вопиющего в пустыне. Возможно, это было связано с тем, что в кругах российской демократии укреплялась подспудная убежденность в повальном «сепаратизме» окраин.

Ситуацию в развалившейся империи во все большей степени определяло недоверие мест к центральной власти. Даже «этнические солдаты», вроде Туземной дивизии, которые в прошлом считались опорой «белого царя», стали вести себя непредсказуемо. Так, это определенно случилось в ходе подавления корниловского выступления, когда горцы вступили в контакт с «русскими писарями, обозными и другими нестроевыми»²⁰³. В дальнейшем ситуация могла только ухудшаться.

К осени стало ясно, что страну ожидает межэтнический хаос. Отмечался рост антисемитизма — уже в августе в столице участились погромные призывы²⁰⁴. Корниловское выступление некоторые обыватели расценили как сигнал к расправе над «жидами-министрами» Керенским и Черновым²⁰⁵. Участились этнические конфликты на аграрной почве. В Сибири, где русские крестьяне-переселенцы располагали меньшим количеством земли, нежели коренные жители, начался грабеж пахотных земель бурят. В Калмыкии русские крестьяне потребовали передела земель в качестве компенсации за то, что они, в отличие от калмыков, воюют на фронте²⁰⁶. На Северном Кавказе усилилось абречество. В Хасавюртовском районе вооруженные отряды конных чеченцев нападали на переселенцев, грабили, угоняли скот, порой убивали. К октябрю бандитизм усилился, Хасав-Юрт был сожжен. Округ вынуждены были покинуть до 35 тысяч русских жителей. Нечто подобное происходило южнее,

²⁰⁰ См.: Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 308, 343, 345, 372–373, 380, 385, 390–393, 396, 430, 687. Лишь в отдельных случаях крестьяне относились к возвращенцам дружелюбно. См.: Исхаков С. М. Указ. соч. С. 212.

²⁰¹ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 211.

²⁰² Государственное совещание. С. 186.

²⁰³ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 10. Л. 73.

²⁰⁴ Бейзер М. Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация. Иерусалим-М., 1999. С. 44–45.

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 48. Л. 4.

²⁰⁶ Подпрятков Н. В. Взаимоотношения крестьян в национальных районах России в 1917 году // История крестьянства России. СПб., 2000. С. 101–102.

на участке железной дороги Тифлис–Баку. Русские поселения в полном смысле сравнивали с землей. Общее число русских беженцев из Закавказья оценивали в 100–300 тысяч человек²⁰⁷.

Вдобавок ко всему возник казачий вопрос. Казачество объявило себя «нацией», рассчитывая, в частности, и на закрепление своих привилегий на территориально-автономистском уровне. 9 октября Керенского посетила делегация союза казачьих войск, заявившая, что их представительство в Учредительном собрании ущемляется. Керенский заметил, что избежать этого можно либо соединением фронтового казачества со всем остальным (что технически было неразрешимо), либо выделением казаков-фронтовиков в особый избирательный округ. Но последнее, в свою очередь, потребовало бы выделения в особые избирательные курии мусульман, поляков и т.д. Керенский посоветовал казакам решить этот вопрос через армейские комитеты²⁰⁸. Но это также было чревато новыми конфликтами.

Масштабные этнические конфликты в Закавказье длительное время удавалось сдерживать²⁰⁹. В начале осени 1917 г. реальная власть здесь незаметно переместилась к Советам, умеренные национально-социалистические лидеры которых, ранее занимавшие ведущие позиции и в «буржуазных» органах власти, установили прочные связи с не менее умеренными лидерами солдатского (русского) краевого объединения Советов. Сглаживало обстановку и то, что лидеры наиболее воинственной национально-социалистической партии Дашнакцутюн были частично заняты в оккупированной русскими войсками части Турецкой Армении и в то же время были поглощены проблемой многочисленных беженцев. Большевики имели влияние только в Баку, где использовали в своих интересах противостояние армянской и азербайджанской части населения; в других частях края их влияние было ничтожным, а потому попытки идти против Советов не приносили успеха.

Однако обострился вопрос об автокефалии грузинской церкви. Грузинское духовенство отказалось явиться на Поместный Собор РПЦ и отвергло требование патриарха Тихона подчиниться его канонической власти. При этом утверждалось, что сам Господь создал условия, благодаря которым грузинская церковь, наконец, восстановила свои права²¹⁰.

Казалось, остаться в стороне от всепроникающей «красной смуты» не мог никто. Такова была естественная расплата за дурь ново-рожденной «демократии» и одурь пробудившейся охлократии.

²⁰⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 489.

²⁰⁸ См.: Вольность. 1917. 11 октября.

²⁰⁹ На Государственном совещании член Особого закавказского комитета А. И. Чхенкели заявил, что «до сих пор национальности Закавказья не сделали ни одного сепаратного выступления». См.: Государственное совещание. С. 178.

²¹⁰ Верт П. Православие, инославие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 89.

Глава 12

КРОВАВАЯ ДОРОГА К «МИРУ»

2.12.1. Большевики идут во власть

Слабость существующей власти вовсе не гарантирует победы ее противникам. Символы власти всегда сильнее ее реального силового наполнения.

Обреченность правительства Керенского становилась все более очевидной. Теперь премьер мешал даже сподвижникам. 19 октября Терещенко раскрыл английскому военному атташе А. Ноксу замысел «буржуазных» министров – вытолкнуть Керенского из правительства и «нокаутировать» Советы. «Если бы только они оказались достаточно сильны!» – соглашался Нокс¹.

Но сильнее были большевики, и не случайно. Однако мало кто из образованных людей того времени готов был признаться (хотя бы самому себе), что «большевизм есть общее дитя и народа, и революционной интеллигенции» – так писал М. Пришвин. Куда проще было свалить все на «немецких шпионов»². Отчуждение и уклонение от ответственности за собственную историю – признак архаичности политического сознания.

Невольно ускорило разрушение власти меньшевистско-эсеровское Бюро ЦИК Советов. В конце сентября из опасений созыва общепартийного съезда (в его антивоенной направленности сомневаться не приходилось), под давлением большевиков оно согласилось на проведение II Всероссийского съезда Советов (не позднее 20 октября). Были разосланы извещения на места. При этом лидеры Советов, озабочившись вопросами о норме представительства и даже о питании делегатов, даже не задумались о программе работы съезда³. Им казалось, что после Демократического собрания под-

¹ Кнох А. With the Russian Army, 1914–1917. N.Y., 1921. Vol. 2. P. 702.

² Пришвин М. М. Дневники. С. 86.

³ См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.) Сборник документов и материалов. Сост. А. С. Покровский, Е. Ю. Тихонова. М., 1997. С. 13–19.

нимать политические вопросы до Учредительного собрания неуместно. Это было на руку большевикам, не скрывавшим намерения обсудить вопрос о «немедленном перемирии на фронтах и немедленном предложении мира»⁴. Между тем положение в действующей армии ухудшалось. Норма довольствия мясом уменьшилась до четверти фунта (на Румынском фронте вместо мяса солдатам выдавалась брынза), по-прежнему не хватало обуви. Неудивительно, что отказывались идти в атаку даже самые боеспособные части⁵.

Как ни странно, в обществе царило убеждение, что за большевиками идут лишь разложившиеся толпы солдатни, готовые разбежаться при первом выстреле. Не учитывалось, что «сила» революционеров определяется слабостями их противников. Впрочем, собственных сил и слабостей не сознавал никто. Так, 14 октября на заседании правительства начальник штаба Петроградского военного округа генерал Я. Г. Баградуни сообщил о готовности пресечь большевистское выступление в самом зародыше. Министры сочли, что так и будет⁶. Но события уже давно развивались по иному сценарию.

Военный отдел и президиум солдатской секции Петроградского Совета 9–11 октября подготовили проект образования революционного штаба по обороне столицы. 12 октября его утвердил под именем Военно-революционного комитета (ВРК) исполком Петроградского Совета. 13 октября проект был одобрен солдатской секцией, 16 октября – общим собранием Совета. Шаг за шагом ВРК трансформировался из органа защиты революции от внешнего врага в орган борьбы против внутренней «контрреволюции». В ночь на 19 октября ВРК провел свое первое заседание, 20-го начало работать его бюро, 21 октября его комиссары направились в части Петроградского гарнизона, 22 октября был проведен «День Петроградского Совета» – большевистские вожди выступали на митингах с обличениями существующей власти. Опасаясь конфликтов, правительство отменило казачий крестный ход, назначенный на этот же день. А между тем некоторые делегаты уже съезжались на съезд, будучи уверенными, что он откроется 20 октября.

Сам съезд Советов рассматривался большевиками как своего рода ширма для прикрытия действий совсем иного рода. На заседании большевистского ЦК 21 октября было решено, что тезисы о «земле, о войне, о власти» подготовит Ленин, о рабочем контроле – Милютин, о национальном вопросе – Сталин, о текущем моменте – Троцкий⁷. Все это действительно волновало массы. Боль-

⁴ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.) Сборник документов и материалов. Сост. А. С. Покровский, Е. Ю. Тихонова. М., 1997. С. 21–22.

⁵ Лыков И. П. Указ. соч. 132.

⁶ День. 1917. 15 октября.

⁷ Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М., 1997. С. 22–23.

шевики намеревались устранить Временное правительство, якобы опираясь на их требования. Для этого, как разъяснил Сталин в статье, опубликованной 24 октября в газете «Рабочий путь», осталось только «вырвать власть у корниловцев» и передать ее Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предстояло «исправить ошибку» Февраля и заменить власть «помещиков и капиталистов» правительством «рабочих и крестьян». Противникам существующей власти рекомендовалось активизироваться с тем, чтобы передать свои требования открывающемуся на следующий день съезду Советов. Таким образом, массам внушалось, что возможна и должна произойти своего рода мирная передача власти их представителям.

А между тем в 9 часов утра того же 24 октября ВРК уже начал рассылать большевистским комиссарам воинских частей, солдатским и матросским комитетам так называемое предписание № 1. В нем утверждалось, что большевистские газеты закрыты правительством (к тому времени они были уже освобождены), Петроградскому Совету грозит «прямая опасность» со стороны юнкеров и ударников. Чтобы не допустить «второй корниловщины», следовало привести верные части «в боевую готовность» и направить их представителей в Смольный. Всякое промедление рассматривалось как «измена» делу революции⁸.

То, что принято называть точкой бифуркации в развитии событий, обычно характеризуется состоянием всесторонней психической неопределенности. Это в полном смысле слова звездный час «дурака».

В большевистском руководстве царили нервозность и неразбериха. Считалось, что «Керенский выступил», а потому с утра 24 октября все руководящие большевики вызывались в Смольный, где воцарилась обстановка осажденной крепости. После сообщения представителей ВРК о происходящем ЦК большевиков дал своим представителям конкретные задания: Я. М. Свердлов должен был наблюдать за действиями правительства, А. С. Бубнов – осуществлять контроль за железными дорогами, Ф. Э. Дзержинский – за почтой и телеграфом. В. П. Милютину было поручено организовать продовольственное снабжение, А. Ломову и В. П. Ногину – держать связь с Москвой. Поскольку исход событий был далеко не ясен, предусматривалось создание дополнительного штаба в Петропавловской крепости, гарнизон которой как будто перешел на сторону большевиков⁹.

Среди противников большевиков царила апатия. В 11 часов утра 24 октября Керенский отправился в Предпарламент, где, процитировав предписание № 1 ВРК, потребовал, чтобы депутаты одобрили

⁸ Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. М., 1966. С. 86.

⁹ Протоколы Центрального комитета РСДРП (б). Август 1917 – февраль 1918 г. М., 1929. С. 280.

правительственные меры по ликвидации восстания. Он утверждал, что налицо попытка «поднять чернь», сорвать Учредительное собрание и открыть фронт неприятелю¹⁰. В сущности, и Керенский, и его противники пользовались одними и теми же надуманными аргументами. Но если Ленин, полагая, что «все висит на волоске», требовал «арестовать правительство»¹¹, то Керенский вечером того же 24 октября ждал санкции Предпарламента.

На заседании Предпарламента между тем продолжались дискуссии. Наконец, большинством голосов (123 против 102, 26 воздержались) была принята меньшевистско-эсеровская резолюция, предлагавшая начать переговоры о мире, окончательно передать земли в руки крестьянских земельных комитетов, создать из представителей городских самоуправлений и Советов специальный Комитет общественного спасения для борьбы с анархией и беспорядками¹². Фактически это был акт недоверия Временному правительству. На это Керенский раздраженно ответил, что в наставлениях не нуждается. Возможно, он рассчитывал на казаков, которые как будто были направлены с фронта в Петроград. Вслед за тем представители Предпарламента отправились во ВЦИК и ЦИК Советов крестьянских депутатов, где принялись пугать грядущей контрреволюцией, которая сметет и большевиков, и социалистов. «Выход» из ситуации виделся в создании «однородного» правительства из представителей всех социалистических партий¹³. Подобные прекраснодушные пожелания объективно лишь помогли большевикам.

Всякая критическая ситуация требует концентрации власти. Те российские политики, которых выдвинула Февральская революция, словно намеренно распыляли ее. Трудно вообразить более нелепый сценарий развития событий. Во всяком случае, российская патерналистская психоментальность изначально не могла его принять.

Ночь с 24 на 25 октября Керенский вместе с Коноваловым провел в Штабе Петроградского военного округа в безрезультатных телефонных переговорах с «верными» воинскими частями. Затем принял спонтанное решение лично выехать навстречу войскам Северного фронта, вызванным на защиту Петрограда и находившимся, как ему ошибочно думалось, в пути. На глазах у многочисленных «осаждающих» Зимний он отправился с Дворцовой площади в сторону Гатчины в собственном автомобиле, сопровождаемый машиной американского посольства, в которой разместилось пять человек, включая двоих его адъютантов. Эта поездка была безнадёжной¹⁴.

¹⁰ Керенский А. Ф. Указ. соч. С. 307.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 435–436.

¹² Известия. 1917. 25 октября.

¹³ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Летопись революции. Т. 1. Берлин, 1923. С. 165, 172–173.

¹⁴ Тютюкин С. В. Александр Керенский. С. 278–279.

Поздно вечером 24 октября П. А. Пальчинский (почти два месяца пребывавший в должности помощника по гражданской части военного генерал-губернатора Петрограда), по его признанию, вел «теоретический спор» с С. Н. Третьяковым, А. М. Никитиным и А. И. Коноваловым по вопросу о том, «кто губит революцию». Днем позже Пальчинский, став начальником обороны Зимнего дворца, констатировал «беспомощность» и «безнадежность настроений» у военных руководителей (особенно Баградуни), отсутствие планов обороны, общий «кавардак», «растерянность и вялость офицеров и отсутствие настроения у юнкеров»¹⁵.

Тем временем В. И. Ленин отправился с конспиративной квартиры в Смольный. Его неожиданное появление там в некоторой степени предопределило исход событий. Он потребовал от представителей ВРК скорейшего захвата телеграфа, телефона, мостов и вокзалов. Эти призывы носили скорее символический характер, но все же к Зимнему дворцу стягивались вооруженные войска. Стоит заметить, что многочисленные солдатские казармы в целом были расположены намного ближе к Зимнему дворцу, чем военные училища. Наконец, в 10 часов утра 25 октября ВРК выпустил знаменитое обращение «К гражданам России». В нем утверждалось, что «Временное правительство низложено», а государственная власть «перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона»¹⁶. Мнения самих рабочих и солдат, впрочем, никто не спрашивал.

Казалось, противники большевиков уподобились зрителям, не знающим, как оценить развертывающуюся перед ними непривычную пьесу. Командующий Петроградским военным округом Г. П. Полковников через четверть часа после появления обращения ВРК сообщал командующему Северным фронтом Черемисову, что «положение в столице угрожающее», однако «уличных выступлений, беспорядков нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты». Он пояснил, что «юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из казарм не выступили». Ему казалось, что правительство лишь «подвергается опасности полностью потерять власть». Примерно в это же время генерал для поручений при Керенском Б. А. Левицкий докладывал, что «части, находящиеся в Зимнем дворце, только формально охраняют его, так как активно решили не выступать»¹⁷. Правый профессор Б. В. Никольский 25 октября 1917 г. записывал: «Завтра у нас будет новое правительство, причем переворот совершается еще спокойнее и легче, нежели в феврале. Петроградский

¹⁵ ГА РФ. Ф. 3348. Оп. 1. Д. 149. Л. 1.

¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 1.

¹⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1967. С. 402, 340.

гарнизон снимает Временное правительство как горничная тряпкою пыльную паутину. Чем этот паралич народной воли кончится – мудрено и гадать, но хорошего конца никто не ждет...»¹⁸. Так и случилось.

Среди защитников Зимнего дворца можно выделить несколько численно неравноценных групп: ударники, казаки, женщины-ударницы, юнкера. Однако никто не хотел воевать, стрелять пришлось лишь тем, кому не удалось вовремя выбраться из дворца. Из орудий на Дворцовой площади велась только одиночная холостая стрельба – этого хватало на то, чтобы временно рассеять, но тем самым и основательно раздражить толпы «восставших»¹⁹. В сущности, защищать Временное правительство оказалось некому – недоучившиеся военные инженеры и врачи, а также оставшиеся без орудий артиллеристы могли оказать сопротивление только от отчаяния безвыходности. Им оставалось надеяться на прибытие войск с фронта. Между тем военные власти бессистемно и с запозданием реагировали на просьбы о присылке войск в центр страны. Находящийся неподалеку штаб Петроградского военного округа был переполнен празднующими, включая всевозможных «авантюристов, ораторов, агитаторов» и напоминал «митинговый клуб»²⁰.

Впрочем, в чисто военном отношении «штурмующие» были подготовлены не лучше оборонявшихся. Многими двигало желание расправиться с «жидом» Керенским и заодно прихватить что-нибудь для себя в царских покоях. К тому же пребывание внутри помещения казалось им более привлекательным, нежели сидение у костров или непонятные перемещения по улицам на холодном петроградском ветру.

Создается впечатление, что руководители противостоящих лагерей действовали почти вслепую, но при этом за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция слепой репрессивной машины, а за их противниками – энергия растущего хаоса. Руководство железными дорогами фактически перешло к Викжелю, который полагал, что, препятствуя продвижению войск в столицу, он спасает страну от гражданской войны. Это была еще одна из иллюзий, порожденных «красной смутой».

Масса делегатов II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (1 140 человек, включая «гостей») представляла собой нечто более чем странное. На нем были делегаты лишь *от трети* существовавших Советов. Представительство оказалось более чем произвольным: активно прибывали солдаты-большевики, рабочих оказалось вдвое меньше. Именно за счет делегатов от ар-

¹⁸ Молитвы русских поэтов. XX–XXI. Антология. М., 2011. С. 89.

¹⁹ Булдаков В. П. Красная смута. С. 357–364.

²⁰ Глобачев К. И. Правда о русской революции // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 56.

мии и флота большевистская фракция смогла увеличить свое общее представительство²¹. «Инородцев» было не менее 280, преобладали евреи и латыши. Но при этом большинство из них упорно пыталось противостоять большевикам²². Впрочем, соотношение видимых «друзей» и «врагов», «революционеров» и «контрреволюционеров» давно смешалось. Невозможно было понять, кто подталкивает, а кто сдерживает процесс «углубления» революции, который теперь каждый понимал по-своему.

Вряд ли когда-либо удастся точно определить состав участников съезда. «Рабочая газета» указала, что к моменту его открытия явилось 562 делегата. Среди них было 252 большевика, «15 объединенных интернационалистов, 65 меньшевиков из них 30 интернационалистов и 21 оборонец, 7 национальных социал-демократов, 155 эсеров, из них 16 правых, 36 центровиков, 70 левых, 3 национальных социалиста-революционера, 31 представитель беспартийных, сочувствующих большевикам-интернационалистам, 5 анархистов различного толка». «Новое время» отметило, что на предыдущем съезде было 1 180 делегатов²³. 29 октября «Правда» опубликовала «предварительные данные» анкетной комиссии, где уже давалась несколько иная картина представительства: зарегистрировано 670 делегатов, большевиков было 300 человек, меньшевиков – 68, эсеров – 193. Ясно, что в кулуарах большевики приложили немалые старания, чтобы, во-первых, перетянуть на свою сторону беспартийных представителей и обеспечить полновесными мандатами своих сторонников с правом совещательного голоса, с другой – подтолкнуть влево часть эсеров и меньшевиков. Впрочем, создается впечатление, что вопрос о кворуме, а следовательно, о легитимности съезда противников большевиков не особенно волновал.

Усилиями большевистской пропаганды II съезд Советов предстал поистине судьбоносным. На деле психологическая атмосфера съезда стороннему человеку могла показаться странноватой: «...Никакого подлинного энтузиазма и глубокой серьезности – так, обыкновенный митинг...»²⁴. Н. Суханов свидетельствовал, что настроение поднялось при известии об аресте Временного правительства: «Масса чуть-чуть начинает входить во вкус переворота, а не только поддакивать вождям...»²⁵. Конечно, люди неуверенные всегда склонны доверяться людям действия. Но понимают ли они, куда

²¹ См.: Покровский А. С. К вопросу о представительстве Советских организаций на II Всероссийском съезде Советов Р. и С. Д. (25–26 октября 1917 г.) // Источниковедение XX столетия. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 28–30 января 1993 г. М., 1993. С. 115–116.

²² См.: Второй Всероссийский съезд Советов рабочих... Сост. А. С. Покровский, Е. Ю. Тихонова. С. 153–205, 26–33.

²³ Там же. С. 34, 36, 67, 134.

²⁴ Минувшее. 1996. Т. 20. С. 148.

²⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 342.

ведут поддержанные ими действия?

На этом съезде, с которого большевики взялись отсчитывать «эру социализма» в России, не было принято никаких социалистических решений. Съезд просто позволил крестьянам доделить землю, а солдатам дал понять, что зимовать в окопах необязательно. Более того, все граждане получили гарантию, что выборы в Учредительное собрание пройдут в срок. На этом фоне известие о появлении чисто большевистского правительства – Совета народных комиссаров – не особенно впечатляло.

Историческая символика не всегда совпадает с реалиями прошлого. Из двух знаменитых декретов съезда, вроде бы самолично написанных Лениным, один был воспроизведением собранных эсерами крестьянских наказов о земле, где говорилось о ее «социализации», т. е. о переходе под контроль крестьянских общин (которым вместе с тем предлагалось как-то ужиться с подворным землевладением). Декрет о земле Ленин зачитал «спотыкаясь и путаясь» в силу неразборчивости текста. «Эпохальный» документ не вызвал никаких прений, лишь один делегат был против (при 8 воздержавшихся), «масса рукоплескала, вставала с мест и бросала вверх шапки»²⁶. Во времена смуты решающее значение приобретает любое кардинальное деяние, о последствиях которого мало кто задумывается. Другой большевистский декрет был не законодательным актом, а то ли призывом, то ли пожеланием превращения «войны империалистической в войну гражданскую» (мировую). То и другое могло быть истолковано массами по-своему, причем в разное время возникали особые инверсии.

Возможно, самое поразительное, что на второй день работы съезда, когда Временное правительство частично оказалось в Петропавловской крепости, частично «в изгнании», оставшиеся делегаты практически единогласно простым поднятием рук, как на митинге, проголосовали за все подряд. Д. Рид писал, что когда один из делегатов робко попытался поднять руку против декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку...»²⁷. Действовала магия коллективного мнения, включалась психология толпы. Голосовали «скопом», а вовсе не в соответствии с наказами избирателей. Как ни парадоксально, лишь 75 % формальных сторонников Ленина поддерживали лозунг «Вся власть Советам!», 13 % большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9 %, даже считали, что власть должна быть коалиционной²⁸. Парадоксально, но эти странности «общенародной поддержки» большевизма не замечались десятилетиями.

²⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 356, 358, 359.

²⁷ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. Кн. 1. М., 1987. С. 152.

²⁸ Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М., Л., 1928. С. 107.

Впрочем, не замечали российских революционно-электоральных особенностей и на улицах. Падение Временного правительства никем не воспринималось всерьез. Правда, некоторые солдаты заявляли, что старого правительства, «слава Богу», уже нет. Один армейский капитан, меньшевик-оборонец, на вопрос Д. Рида о том, правда ли, что большевики пришли к власти ответил более чем своеобразно: «Черт его знает!!!... Что ж, может быть, большевики и могут захватить власть, но больше трех дней им не удержать ее. У них нет таких людей, которые могли бы управлять страной. Может быть, лучше дать им попробовать: на этом они сорвутся...»²⁹. Особенно распространенными подобные настроения были в провинциальных центрах. В Екатеринодаре рассуждали так: «...Нарыв прорвался, ход событий приведет к благополучному разрешению кризиса. Большевиков прогонят, придут более энергичные, чем были до сих пор, люди и направят государственный корабль на надлежащий путь»³⁰. В Москве после недели ожесточенных боев противники согласились разойтись, испытывая некоторое облегчение от того, что кровопролитие прекращено³¹. Лишь некоторые обыватели склонны были считать, что возглавлявший белогвардейцев полковник К. И. Рябцев совершил предательство³². Рабочие изумлялись: «Ай да свобода!» Обыватели вздыхали: «И скоро ли эта свобода кончится?» Современникам казалось, что «в народе не было победителей», «ни одного возгласа ликования, ни малейшей радости...»³³.

Однако некоторые представители культурной элиты ухитрялись видеть в происходящем своего рода эстетизированную символику. Через неделю после переворота А. Бенуа радовался, что «из-за выпавшего снега сразу все стихло», а у Зимней канавки можно было наблюдать «романтическую картину»: «блеск пылающих костров за черным силуэтом парапета моста», в которую органически вписывались «греющиеся у костров солдаты»³⁴. Исторический нарратив дробится на события, которые каждый очевидец воспринимает по-своему. Лишь со временем они приобретают вид судьбоносных «архисюжетов», никак не поддающийся объективному истолкованию.

Парадоксально, но у власти оказались те, кому нужна была не власть, а мировая революция. «Либо русская революция приведет

²⁹ Рид Д. Указ. соч. С. 95.

³⁰ Екатеринодар–Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. Материалы и летописи. Краснодар, 1993. С. 397.

³¹ Пятницкий О. А. Московские большевики в октябрьские дни 1917 г. // Московские большевики в огне революционных боев. М., 1976, С. 105; Эфрон С. Я. Записки добровольца. М., 1998. С. 100–104.

³² Вознесенский А. Н. Указ. соч. С. 158.

³³ См.: Атабекян А. М. Указ. соч. С. 22–23.

³⁴ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 220.

к движению в Европе, либо уцелевшие могущественные страны Запада раздавят нас», — заявил на съезде Троцкий³⁵. Ленин всерьез рассчитывал, что свержение старой власти послужит толчком к революционным взрывам в Европе. Позднее он искренне удивлялся, что большевикам удастся «продержаться» у власти столь долго, ибо они всего лишь начали и ведут «войну против эксплуататоров»³⁶. Впрочем, в действительности и Ленин, и Троцкий рассчитывали на нечто большее. А. Бенуа заметил в Троцком «дух разрушения» и готовности принести себя в жертву, чтобы «зажечь такой пожар, который... вынудил бы весь мир переустроиться по-новому»³⁷. Так искренне думали многие левые. 2 ноября 1917 г. на заседании Петроградского комитета большевиков было произнесено буквально следующее: «Мы никогда не считались с тем, будем ли мы победителями или нас победят»³⁸. Получалось, что у власти оказались люди, менее всего склонные строить новую государственность.

После переворота в течение 10 дней заседало «Временное правительство в изгнании» (6 членов последнего кабинета и 21 заместитель министров). Государственный банк выдавал деньги только по подписи его главы Никитина. Заседания обесмыслились после того, как 16 ноября большевики овладели Государственным банком. На следующий день было подписано — в том числе и В. И. Вернадским — обращение к русским гражданам о созыве Учредительного собрания 28 ноября 1917 г. После этого Вернадский выехал в Москву — «доехал прекрасно — ночью вагон наполнился демобилизованными солдатами, были интересные разговоры»³⁹.

В Петроградской городской думе 28 ноября противники большевиков строили планы к открытию Учредительного собрания. Рассчитывали, что на демонстрацию в поддержку российской конституанты выйдут рабочие. Надеялись, что к демонстрантам присоединятся солдаты-семеновцы, которые в случае сопротивления большевиков силой проложат депутатам путь в Таврический дворец. В день демонстрации на улицах было «полупразднично», большие магазины были закрыты. На улицах возникали митинги, ораторы, как всегда, «несли вздор». Затем где-то раздались выстрелы, «толпа шарахнулась, но не очень». А в трамваях солдаты «скалили зубы над демонстрантами», им, как видно, дали команду «не путаться по улицам и не скандалить», а потому они только хихикали: «Берегите Учредительное собрание... Разгонять не надо, разве дать кулаком в ухо... Ишь ты, несут плакаты. Кажись, все жиды несут...». А. В. Тыр-

³⁵ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 3. С. 360.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 268.

³⁷ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 223, 226.

³⁸ Цит. по: Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология, 1917–1922 гг. М., 1997. С. 118.

³⁹ Владимир Вернадский. Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. М., 1993. С. 117.

кова, член кадетского ЦК, в Учредительное собрание уже не верила: «Никакие парламентские пути не выведут теперь Россию на дорогу. Слишком все спугано, слишком темно. И силы темные лезут... душат». Как признался накануне М. И. Скобелев, «стихиями мы все равно управлять не умеем»⁴⁰.

Переворот отнюдь не консолидировал противников большевиков. 9 ноября 1917 г. Р. В. Иванов-Разумник констатировал: «Партии омерзительны; фракционные раздоры и диктатура одного человека, искреннего, но недалекого, – погубили революцию»⁴¹. В Петрограде городская дума не пожелала выслушать представителей Временного правительства; Комитет общественной безопасности 26 октября был создан без их участия⁴². Но не только это помогло большевикам: в малых городах для их прихода к власти оказывалось достаточно нескольких десятков солдат⁴³. В ряде случаев, как это было 10 декабря в Калуге, они без колебаний расправлялись с манифестациями в поддержку Учредительного собрания⁴⁴. Но это была лишь одна из крайностей утверждения их господства.

В России всякая новая власть имеет обыкновение моментально обрастать клерками и даже почитателями. Большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров. И хотя большая часть служащих столиц забастовала, вызывало удивление, что в Москве у большевиков оказалось «столько исполнителей и столько перешло к ним»⁴⁵. Между тем на службу к ним шли разные люди – кто из корысти, кто по нужде⁴⁶. Писали, что «образовалась целая очередь из штрейкбрехеров», среди которых было много евреев. «Политикой они не интересовались, – констатировала антибольшевистская еврейская газета, – а просто рассчитывали получить тепленькое местечко»⁴⁷. По этой же причине к большевикам шли и обойденные старой властью офицеры. А Бенуа, оправдывая свои контакты с Луначарским, писал, что большевики вовсе не представляются ему «менее приемлемыми и бездарными», нежели лидеры Февраля. Ему казалось, что «эти новые люди легкомысленны и нелепы во всю русскую ширь». В Смольном солдаты, стерегущие арестованного великого князя Павла Александровича, уговорили его почитать им «Правду» и, он, обкуриваемый со всех сторон махор-

⁴⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 209–210.

⁴¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 137.

⁴² Вознесенский А. Н. Указ. соч. С. 159.

⁴³ Булдаков В. П. Красная смута. С. 335.

⁴⁴ В Калуге были убиты женщина-врач и сестра милосердия. Это вызвало конфликт между большевиками и левыми эсерами; представитель последних был удален из ВРК за «злоупотребления». См.: Общество и революция. С. 414–418.

⁴⁵ Долгоруков П. Д. Великая разруха. Мадрид, 1964. С. 54.

⁴⁶ См.: Аничков В. П. Указ. соч. С. 81–83.

⁴⁷ Еврейская неделя. 1917. № 45–46, 12 декабря. С. 17.

кой (они вежливо просили у него разрешения покурить), прочел газету от доски до доски⁴⁸.

Люди не замечали абсурда ситуации. А потому большевики, готовые на все ради мировой революции, легко перехватили власть у тех, кто продолжал строить теории, перебирать доктрины, играть в политику. Сопротивляться им в это время было почти некому.

Труднее всего пришлось людям долга. Оказавшись во главе Ставки, Н. Н. Духонин терзался мрачными предчувствиями. Он был добросовестным службистом, отдававшим четкие распоряжения, направленные на сдерживание смуты и сохранение фронта⁴⁹. Его гибель от рук людей, намеренных навсегда покончить с войной, по-своему символична.

Население городов в полном смысле слова теряло голову. Происходящее представлялось еще одним актом нескончаемой неразберихи. «Вот иллюстрация существующего в Москве внешнего порядка: в центре города, на Большой Лубянке, лежит уже пять дней дохлая лошадь...», — записывал наблюдатель 28 ноября 1917 г. Позднее он заметил в других местах еще несколько лошадиных трупов, окруженных стаями бродячих собак⁵⁰.

Политические идеалисты оказывались наиболее беспомощными. Большевики ухитрились нейтрализовать знаменитый Викжель⁵¹, который мог парализовать любую власть в стране. Викжель признал 20 ноября новый ВЦИК⁵². Лидеры железнодорожников колебались перед соблазном превращения в коллективного министра. В конечном счете, Викжель помог большевикам; его действия Керенский оценил как «предательство»⁵³. Ленин, однако, доказывал, что Викжель «стоит на стороне Калединых и Корниловых»⁵⁴. Ситуацию определяла не столько сила большевиков, сколько слабость их противников. В январе 1918 г. на I Всероссийском съезде профсоюзов среди делегатов было 273 большевика, 66 меньшевиков и 33 представителя других партий⁵⁵.

Наивных делегатов съездов Советов крестьянских депутатов большевики также одурачили. Позднее М. А. Спиридонова признавалась: «Нашей преступной ошибкой явилось то, что мы распустили слюни,

⁴⁸ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 222, 225.

⁴⁹ См.: Поликарпов В. Д. Военная контрреволюция в России. 1905–1917. М., 1990. С. 314–320.

⁵⁰ Окунев Н. П. Указ. соч. С. 116, 118.

⁵¹ См.: Разгон А. И. ВЦИК Советов в первые месяцы диктатуры пролетариата. М., 1977. С. 114–167.

⁵² Сенин А. С. Министерство путей сообщения. С. 186.

⁵³ Вомпе П. Дни октябрьской революции и железнодорожники (материалы к изучению истории революционного движения на железных дорогах). М., 1924. С. 42.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 43.

⁵⁵ Панкратова А. М. Политическая борьба в российском профдвижении. 1917–1921. Л., 1927. С. 146.

поверили большевикам и согласились обезглавить крестьянство, распустили отдельный Исп[олнительный] Ком[итет] Сов[етов] Крестьян[ских] Депутатов»⁵⁶. Один из левых эсеров, член ВЦИК С. Зак вскоре после победы большевиков заявил: «Дело в том, что насколько большевики сильны своим революционным расшатыванием устоев старого порядка, настолько они беспомощны, жалки, бессильны как творцы новых форм жизни... Контроль над производством, национализация банков и синдикатов, борьба с тем, что называют коммерческой тайной и т. д. – все эти мероприятия... попали в большевистскую программу только благодаря... поразительной вере в силу “декрета”, введившего якобы новый порядок существования... Можно сказать, она – эта вера – образует вообще основу большевизма толка Ленина и Троцкого»⁵⁷. Зак не учитывал только одного: страна настолько зажалась «спасительных» декретов, что готова была поверить в реальность их скорейшего осуществления. А пока немногие догадывались, что действия «петроградских факиров» приведут «через анархию и поножовщину к самодержавию»⁵⁸.

Тем временем провинция недоумевала. В Воронеже после перестрелки в конце октября все попрятались, магазины закрылись, «город совершенно вымер», жители «боялись погромов» и не могли понять: «Во имя чего переживает народ этот страх?». В Калуге в первой половине ноября циркулировали какие-то невероятные слухи: «об ожидаемом нашествии большевиков, о разобранных рельсах и якобы даже выставленных у Муратовки против Калуги пушках...». В Тамбове орган местного (пока еще меньшевистско-эсеровского) Совета сообщал 19 ноября: «Когда известие о нападении на московские банки “Совета народных комиссаров” стало известно... возникла настоящая паника: вкладчики тотчас же потянулись за своими вкладами... в банках образовались настоящие “хвосты”... Однако банк производил выдачи не свыше 100 руб.»⁵⁹. Помимо большевиков обывателям пришлось изрядно пострадать от уголовных элементов. В декабре в Одессе «воры грабили сколько хотели и где хотели безнаказанно». Им пытались противостоять «жалкие фиктивные милиционеры». И это при том, что в городе находилось 11 тысяч безработных офицеров⁶⁰. Кое-где новая власть дозволила самооборону в «буржуазных» кварталах. Так было, в частности, в Саратове и Харькове⁶¹. В ряде городов большевистская власть

⁵⁶ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 230.

⁵⁷ Знамя труда. 1917. 11 ноября.

⁵⁸ Свобода и жизнь. 1917. 20 ноября.

⁵⁹ 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. С. 453, 461–462.

⁶⁰ «Претерпевший до конца спасен будет». С. 148.

⁶¹ См.: A Russian Civil War Diary: Alexis Babine in Saratov, 1917–1922. Ed. by D. J. Raleigh. Durham and London. 1988. P. 37–39; Строев В. Э. Записки инженера // Кригер-Войновский Э. Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции. С. 233.

несколько месяцев сосуществовала с беспомощными «буржуазными» самоуправлениями⁶². Мусульманские политики восприняли приход большевиков к власти по-разному: одни задумывались о сотрудничестве с ними, другие намерены были бороться, третьи надеялись, что «русская» революция их не коснется⁶³.

Сами большевики вряд ли ожидали того эффекта, который произвел Декрет о земле. В Гжатском уезде Смоленской губернии даже на выборах в уездное земство побеждали большевики. В Духовщинском уезде той же губернии к началу декабря декрет был осуществлен в 25 имениях. Но, как сообщил большевик К. И. Радивилин, он был проведен «неправильно, неорганизованно и нередко случаи убийств, диких насилий над личностью, даже над ничем не повинной интеллигенцией»⁶⁴.

Опасаясь контрреволюции, большевики объявили кадетов «врагами народа», затем пригрозили карательными мерами «пособникам буржуазии». 4 ноября после выступления В. И. Ленина на заседании ВЦИК по вопросу о политике правительства, представители меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров и умеренных большевиков задали ряд вопросов в связи с практикой издания СНК декретов без согласования с ВЦИК Советов. По информации эсеровской газеты, Ленин ответил, что «теперь не время отчитываться перед Советами, но время действовать». Более того, добавил, что «если Петроградский Совет начнет мутить массу, он, Ленин, не остановится даже перед тем, чтобы расстрелять Совет»⁶⁵. Естественно, большевики изложили выступление Ленина в ином виде⁶⁶. Как бы то ни было, большевики нуждались в «своих» Советах. А потому на местах они с легкостью заменяли «соглашательские» Советы собственными ревкомami⁶⁷.

Победу большевиков воспринимали по-разному. Писатель С. А. Семенов, выходец из семьи потомственного питерского пролетария, утверждал, что лично для него Октябрь 1917 г. «был безудержным прыжком в ослепительную грохочущую жизнь». Для него «как будто раздвинулись пространства, и в пространствах мелькали города, люди, дела, чудовищные годы». И с этим настроением он несколько лет «лил свою и чужую кровь» (хотя его отец не принял Октября и в 1919 г. умер от голода, «не бросая станка»)⁶⁸. Такие, как он, не оглядывались назад. Напротив, поборники демократии все еще пребывали в надежде на «чудо» демократического выбора.

⁶² Соколов К. И. Тверская быль революции. Очерки революционной эпохи в Тверской губернии (1917–1922 гг.). Тверь, 2013. С. 13–20.

⁶³ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 284–285.

⁶⁴ Ильюхов А. А. Революция 1917 года на Смоленщине. С. 198–199, 227.

⁶⁵ Власть народа. 1917. 7 ноября.

⁶⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 56–57, 454.

⁶⁷ Общество и революция. С. 412.

⁶⁸ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. С. 295.

«Мы до конца не понимали, что всякое небольшевистское Учредительное собрание абсолютно обречено, у нас еще оставался “предрассудок”, что вот это “мистическое” Учредительное собрание соберется и что-то такое делает властное и решительное, – признавал гимназист-кадет. – Нам совсем не было известно тогда, что на верхах партии (кадетской. – *Авт.*) смотрели на всю эту трагикомедию совершенно безнадежно»⁶⁹.

В конце года в Москве, где, несмотря на недавние бои, большевики вели себя «мягче», на одном из собраний либералы «поставили вопрос о мире с немцами». «К счастью, среди присутствующих все признали, что никакие самые осторожные переговоры с немцами недопустимы, – отмечала Тыркова. – Но и союзников экономически побаиваются, особенно американцев. Хотят выяснить кое-что вместе с торг[ово]-пром[ышленными] кругами». Былые «властители дум» чувствовали себя не у дел. Известный «веховец» М. О. Гершензон заговорил о том, что «большевизм есть выпрямление народной души». А Д. И. Шаховской в начале февраля 1918 г. успокаивал себя тем, что «большевики полезны, потому что борются с казенщиной, с мечтательностью, с барством». Он предлагал сначала «усвоить правду большевиков», а потом «активно бороться с ними»⁷⁰.

2.12.2. Учредительное собрание: надежды и разочарования

Развязку политической борьбы за российскую конституанту косвенно подтолкнула контрреволюция, начавшая концентрироваться на юге России. Декларация Штаба Добровольческой армии, где как будто поддерживалась идея Учредительного собрания, появилась 27 декабря 1917 г. На деле для лидеров Добровольческой армии была в принципе неприемлема конституанта, «с ходу запевшая Интернационал»⁷¹. Как бы то ни было, большевики получили некоторое основание утверждать, что вокруг Учредительного собрания группируется «вся контрреволюция». Крайние силы одинаково не верили в Учредительное собрание, но срединная масса была довольно решительно настроена на его поддержку.

В выборах в Учредительное собрание участвовало около 50 партий, всего же фигурировало около 220 избирательных списков. Поражало обилие «обывательских» списков губернского уровня (конечно, не имевших шансов на успех). Бульварная пресса потешалась

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 68–69.

⁷⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 211, 217.

⁷¹ См.: Лукомский А. С. Указ. соч. С. 286; Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 2. С. 199.

над всеми партиями. «Нет партий, не замаранных кровью, – писала московская газета «Сигнал» 18 ноября. – Нет партий, не замаранных грязью». В последнем почему-то больше всех подозревались эсеры, хотя газета имела обыкновение чаще поносить «сумасшедшего Ленина» и пестуемых им «молодцев Вильгельма». Тем не менее, голосовать на участки пришло около 60% избирателей⁷².

Партии основательно готовились к выборам. По 74 гражданским избирательным округам (без фронтов и флотов) было заявлено 4 753 претендента (одно имя могло фигурировать не более чем в пяти списках). Из них было 642 кадета, 427 народных социалистов, 596 меньшевиков, 225 эсеров, 513 эсеров совместно с представителями крестьянских Советов, 238 «национальных» социалистов, 589 большевиков. Социалисты составляли 60% всех кандидатов, правые – 11,7%. Результаты выборов явно не соответствовали списочным притязаниям: на 765 мест было избрано 15 кадетов, 2 народных социалиста, 15 меньшевиков, 342 эсера (45%), 78 украинских эсеров (10,2%), 12 украинских социал-демократов, 94 автономиста (от различных «национальных» списков) (12,3%), 181 большевик (23,7%). Кроме того, было выбрано 17 казаков, 8 представителей крестьянских Советов, 1 человек от христиан⁷³.

Вопреки ожиданиям, главную конкуренцию большевикам в крупных городах составили либералы. В Петрограде они получили 26,2% всех поданных голосов (большевики 45%), в Москве – 34,2% (большевики – 48,1%). В целом эсеры и большевики выигрывали, с одной стороны, за счет крестьянства, с другой – за счет городских рабочих, солдат тыловых гарнизонов и армии. При этом средний возраст членов эсеровской фракции составлял 37,5 лет, большевистской – 34 года, кадетов – 51 год⁷⁴.

Часть граждан предпочла выступить под флагом «религиозно-обновленческих» или консервативно-приходских объединений. При этом «православные» списки по числу собранных голосов уступили старообрядцам, не говоря уже о многочисленных «мусульманских» списках⁷⁵. Налицо был парадоксальный результат: православная часть российских граждан оказалась наиболее «политизированным» и «секуляризированным» сегментом российского общества. Характерно также, что «партии пролетариата» неожиданно отдали голоса многие крестьяне Витебской, Владимирской, Калужской, Костромской, Новгородской, Псковской, Рязанской, Смоленской,

⁷² См.: *Спирин Л. М.* Россия, 1917 год: из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 238, 273–328, 238.

⁷³ *Протасов Л. Г.* «Кто был кто» во Всероссийском Учредительном собрании // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 80–81, 85.

⁷⁴ *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. Табл. 1, 2; С. 87–91.

⁷⁵ См.: *Спирин Л. М.* Указ. соч. С. 273–328.

Тверской, Тульской губерний⁷⁶. Очевидно, что сказалось влияние солдат: случаи «политической левизны» были отголоском инерции бунтарства. Те же люди, которые голосовали за большевиков, требовавших закрепления «завоеваний революции» – мира, земли, федеративного устройства страны – могли на следующий день выступить против них. Именно поэтому большевики, договорившись с левыми эсерами, начали планомерно и небезуспешно вести кампанию по дискредитации Учредительного собрания.

Ситуацию накануне открытия конститутанты можно охарактеризовать как сплетение взаимных страхов и отчаянных надежд. У Публичной библиотеки на Невском висели гигантские «хоругви»: «слева рабочий, справа солдат трубит в трубу, посредине витязь... кладет обеими руками что-то в подобие урны». Петроградские обыватели между тем сплетничали о грядущей оккупации столицы немцами. «И часто те же люди, которые возлагают последние надежды на Учредительное собрание, возлагают теперь самые розовые надежды на эту оккупацию...», – писал по этому поводу А. Бенуа⁷⁷.

Протокол единственного заседания Учредительного собрания производит впечатление сцены в бедламе. Такого заряда взаимной ненависти, выливавшейся в площадное переругивание большевиков с эсерами, хамского свиста и животного гогота Таврический дворец не видел никогда. Невероятно, что в таких условиях В. М. Чернов, избранный председателем и, похоже, ощущавший себя премьером, в длиннейшей речи ухитрился произнести такие слова: «Эта наглядно проявившаяся “воля к социализму”, тяга к социализму широких масс России есть также событие небывалое в истории, и позвольте мне надеяться, что Учредительное собрание не замедлит в ближайших своих заседаниях рассмотреть вопрос о том, чтобы совещания великого социалистического “предконгресса мира” начались по инициативе государственного органа единственной верховной власти российского государства – Учредительного собрания»⁷⁸. Знаменитый разоблачитель провокаторов В. Л. Бурцев считал, что летом 1917 г. Чернов играл «показную роль», т.е. провоцировал «из лучших побуждений»⁷⁹. После прихода большевиков к власти он стал никому не нужен.

Ф. Степун отмечал в Чернове «дар оппортунистически-артистического приспособленчества», который «не стеснялся никакими приемами, способными развлечь и подкупить аудиторию»⁸⁰. Увы,

⁷⁶ См.: Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание. С. 363–365; Спирин Л. М. Указ. соч. С. 276–317.

⁷⁷ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 294, 301, 318.

⁷⁸ См.: Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991.

⁷⁹ Бурцев В. Л. Борьба за свободную Россию. М., 2012. С. 285.

⁸⁰ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 347.

теперь это не срабатывало. Умеренные социалисты до такой степени были заморожены собственными доктринами (в которых не находилось место объяснению устойчивости власти большевиков), что трибуна Учредительного собрания представлялась им местом, где произносится магическое заклинание, разгоняющее их как навязание. Сами эсеры признавали, что «речь Чернова была отвратительна». Она была произнесена за несколько часов до тихого разгона конституанты, которая торопливо приняла то ли законы, то ли резолюции, фактически продублировавшие большевистские акты о земле, федерализации страны и даже мире. А. В. Тыркова отмечала, что к началу открытия Учредительного собрания эсеры «раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют слова большевиков». «Кому из них хотеть победы?» – задавалась она риторическим вопросом⁸¹.

Заседание закрылось в 4.40 утра 6 января 1918 г., делегаты успели переутвердить время начала следующего заседания – не в 12.00, а 5 часов пополудни, дабы отоспаться. Прошло уже более 12 часов с начала заседания, которое большевики позволили открыть только после того, как улицы столицы были очищены от демонстраций в поддержку Учредительного собрания, под заранее объявленным предлогом, что на них объединятся все силы контрреволюции.

Противоречивые газетные сведения о расстреле манифестантов суммируют в своих книгах Г. З. Иоффе и Р. Пайпс. Получается, что жертв было до 30 человек из примерно 50 тысяч демонстрантов⁸². Как обычно, ходили преувеличенные слухи о количестве погибших, о чудовищности расправ. По мнению Р. Пайпса, «организаторы демонстраций рассчитывали, что случившиеся убийства зажгут пламя народного гнева», но этого не случилось⁸³. Вряд ли ожидаемое могло случиться, ибо известный писатель М. П. Арцыбашев к тому времени уже успел публично, в газете, именовавшей себя органом «индивидуалистов-революционеров», обозвать интеллигенцию «крысиным племенем» за то, что началось тихое бегство ее представителей из России⁸⁴. Массы попросту некому было возглавить.

Поскольку Учредительное собрание представлялось «эсеровским», представители почти всех других партий реагировали на его разгон своеобразно. Кадеты едва ли не злорадствовали, отмечая, что оно было не в состоянии выполнить задачу восстановления в стране порядка⁸⁵. Одна из интеллигентских газет выражалась еще хлеще: Учредительное собрание не только не поднялось до консти-

⁸¹ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. С. 212.

⁸² См.: *Иоффе Г. З.* Указ. соч. С. 213; *Пайпс Р.* Указ. соч. Ч. 2. С. 224–225.

⁸³ *Пайпс Р.* Указ. соч. Ч. 2. С. 225, 230.

⁸⁴ Свобода (Москва). 1918. 1 января.

⁸⁵ *Поликарпов В. Д.* Пролог Гражданской войны в России. Октябрь 1917 – февраль 1918 г. М., 1976. С. 383.

туанты, но и не поднялось выше обычного митинга – в силу своего партийного состава оно показалось народу пустой «заграничной игрушкой»⁸⁶. Увы, торжество права в социальной среде, разгоряченной насилием, было невозможно.

Казалось, Русская православная церковь могла, воспользовавшись своим авторитетом, организовать серьезную оппозицию большевистской власти. Ничего подобного, однако, не произошло.

4 декабря СНК издал декрет «О земельных комитетах», что, по существу, означало национализацию всех церковных земель. 11 (24) декабря 1917 г. появилось постановление Наркомпроса о передаче «дела образования и воспитания» всех церковных школ, включая семинарии и академии, в ведение Народного комиссариата просвещения, об упразднении в учебных заведениях должностей законоучителей всех исповеданий. Религиозному образованию, а равно и духовному сословию, наносился сокрушительный удар. Декрет 18 декабря о гражданском браке вводил вместо церковных браков гражданскую регистрацию, венчание сохранялось как частная практика. В начале января были ликвидированы ведомства придворного и военного духовенства. Церковные службы и требы разрешалось проводить только по запросам «коллективов верующих» с обязательствами содержания храмов и причтов⁸⁷. Между тем «собирающие» предвещали близкий и неизбежный «крах социализма»⁸⁸. Но большевики были настроены решительно. Новоиспеченные периферийные управленцы получали уникальную возможность проявить себя в борьбе с религиозными пережитками. Начались аресты «церковников», включая неправославных и сектантов⁸⁹.

Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви последовал 23 января 1918 г. – то, что Временное правительство собиралось проводить в жизнь постепенно, было осуществлено резко и безапелляционно. Возможно, декрет был поспешным ответом на анафему патриарха от 19 января в адрес «безумцев», «извергов рода человеческого», повинных в «ужасных и зверских избиениях» невинных людей. Формально в этом тексте не говорилось о большевиках, но никто не сомневался в том, о ком идет речь⁹⁰.

Декрет лишал церковь прав юридического лица, запрещал владение любым имуществом и денежными средствами, ставил вне закона открытие каких-либо учебных заведений, кроме предназначенных для подготовки священнослужителей, а также преподавание Закона Божьего во всех школах, включая воскресные. Все

⁸⁶ Свободное слово. 1918. 15, 21 января.

⁸⁷ Куроедов В. А. Религия и церковь в советском государстве. М., 1981. С. 47–48.

⁸⁸ Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 573.

⁸⁹ Клементьев В. Ф. В большевизмской Москве. М., 1998. С. 380; ГА ТО. Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 252.

⁹⁰ Акты святейшего патриарха Тихона... С. 82–85.

имущество, включая храмы, отбиралось у церкви и передавалось в безвозмездное арендное пользование мирянам. Прекратили деятельность синодальные типографии⁹¹. Одним словом, церковь как институт «сужалась» до масштабов общины.

Поместный Собор оценил декрет отрицательно – его называли даже «бредом сумасшедшего». Получила хождение листовка, в которой говорилось, что провозглашенная большевиками свобода совести – это свобода «для Сатаны и его служителей»⁹². Так действительно выглядели акции, вроде той, что состоялась в Ново-Николаевске: большевики явились в церковь, намереваясь арестовать священника, сжечь иконы и конфисковать имущество⁹³. Депутаты Собора, возвратившиеся ко времени выхода декрета с рождественских каникул, с ужасом говорили о всеобщей ненависти и злобе «простецов», убежденных, что «кто уничтожает попов и буржуев, тот делает доброе дело для родины». Особенно усердствовали в «революционной проповеди» солдаты и матросы. Реформаторы добились иных перемен, теперь же им приходилось констатировать, что «церковь не только приравнивается к обыкновенному мирскому обществу (торгово-промышленному товариществу, кооперативному союзу...), но даже не имеет прав подобного общества, ...приравнивается к каторжнику»⁹⁴.

Декреты, действительно, вытесняли церковь из привычной социокультурной ниши, превращали ее (с правовой точки зрения) в совокупность общин, хотя некоторые уступки принципу коллегиальности не разрушали пока привычную систему взаимоотношений в епархиях⁹⁵. Приходские общины-двадцатки (узаконены декретом от 24 августа 1918 г.), региональные объединения прихожан, союзы верующих и лиц духовного звания создавались даже в маленьких городках. Только в Тверской губернии их было несколько (Новоторжский центральный комитет советов общин верующих, Союз приходских советов в Твери, Ржевский пастырско-приходской союз)⁹⁶. В Смоленске открылось «Братство Пресвятой Богородицы Одигитрии при Смоленском кафедральном соборе из постоянных богомольцев собора и ревнителей святой православной веры Хри-

⁹¹ Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 17–18. С. 579–580.

⁹² На это обратили внимание по преимуществу зарубежные исследователи. См.: *Peris D. Commissars in Red Cassocks: Former Priests in the League of the Militant Godless // Slavic Review. Vol. 54. no. 2. Summer 1995; Roslof E. The Heresy of "Bolshevik" Christianity: Orthodox Rejection of Religious Reform during NEP // Slavic Review. Vol. 55. No. 3. 1996.*

⁹³ Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 11–12. С. 420.

⁹⁴ Голубцов С. Московское духовенство в преддверии и начале гонений 1917–1922. М., 1999. С. 43–45, 49.

⁹⁵ См.: Собрание определений и постановлений Собора Российской Православной церкви 1917–1918 гг. Вып. 1. М., 1994. С. 31–33.

⁹⁶ См.: ГА ТО. Ф. Р-641. Оп. 1. Д. 1588. Л. 94; Ф. Р-1698. Оп. 2. Д. 1. Л. 22; Д. 96. Л. 6, 46; Ф. Р-1998. Оп.1. Д. 1. Л. 39–39 об., 42 об.

стовой», в Вязьме более тысячи человек образовали «Христорожественское братство»⁹⁷. Братства, союзы, общества возникали и в других епархиях⁹⁸. Но даже такая «демократизация» управления встречала сопротивление. Власти, санкционировавшие «свободу», запрещали подобные объединения под предлогом, что они превращаются в политические организации. По этой же причине подавлялись любые антидекретные выступления⁹⁹.

Насильственный роспуск Учредительного собрания, декреты советской власти, осуждение «соборьянами» условий Брестского мира («позорный договор»), первые жертвы и узники, закрытые монастыри¹⁰⁰ показали, что возможности диалога церкви и государства исчерпаны¹⁰¹. 8 сентября 1918 г. Поместный Собор прекратил свою работу. Конституция 1918 г. лишила приходское и монашеское духовенство избирательных прав¹⁰².

Слабость позиций православия в России в критический момент обернулась такой ситуацией, в которой ее избранники принимали на Соборе мудрые и возвышенные решения, выношенные со времен Великих реформ, а тем временем простые его служители оставались один на один с народом, который руководствовался совершенно иными представлениями о справедливости. Казавшиеся незыблемыми основания православной церкви начали расшатываться задолго до Октября и помимо большевистского давления, но Св. Синод, по выражению протопресвитера Шавельского, «спал довольни»¹⁰³. Тем временем внутри «церковной огады» уже формировалась духовная оппозиция, не принимавшая официальную церковь и поддержанная безбожной властью.

Многომесечный кризис власти, казалось, закончился на III Всероссийском съезде Советов, открывшемся на следующий день после намеренно приуроченных к 13-й годовщине «кровавого воскресения» похорон жертв большевиков. Съезд Советов на сей раз подключил к себе и крестьянских депутатов. Любопытно, что из его делегатов полностью одобрили все декреты Советской власти 83,7 %, к Учредительному собранию отнеслись отрицательно 54,9 %, причем даже не все большевики одобрили его разгон¹⁰⁴. По партийному составу на объединенном съезде оказалось до 60 % большевиков с сочувствующими, 25 % – левых эсеров. III Всероссийский съезд

⁹⁷ *Ианнуарий (Недачин)*, архим. Указ. соч. С. 43.

⁹⁸ Церковные ведомости. Прибавления. 1918. № 1. С. 47; № 2. С. 105; № 11–12. С. 419; № 15–16. С. 530.

⁹⁹ *Ианнуарий (Недачин)*, архим. Указ. соч. С. 20, 30, 46–48.

¹⁰⁰ См.: Священный Собор. Вторая сессия. С. 103–113; *Емелях Л. И.* Указ. соч. С. 133–140.

¹⁰¹ *Смолич И. К.* Указ. соч. С. 742.

¹⁰² Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

¹⁰³ Подробнее см.: *Шавельский Г. И.* Воспоминания... С. 135–175.

¹⁰⁴ *Лавров В. М.* Указ. соч. С. 227.

Советов оказался многочисленным – едва ли не 2 тысячи участников (с учетом приехавших стихийно) на момент закрытия 18 января. Именно здесь новая государственность обрела подобие своего лица – РСФСР, которая откровенно рассматривалась как центр добровольного присоединения новых советских республик вплоть до создания «всемирной» федерации Советов.

2.12.3. Большевики и культура

Российскую высокую культуру начало лихорадить еще в середине 1917 г. А. Белый позднее так описал свои умонастроения июня 1917 г.: «...Месяц смятений, споров, растерянности, досады на Врем<енное> правительство... мне уже ясен социальный переворот, и весь жест – “скорее бы”!»¹⁰⁵. П. Б. Струве заявлял, что происходящее – «смесь русской сивухи с пойлом из Карла Маркса»¹⁰⁶. Однако некоторые представители «серебряного века» подстраивались под политические реалии. М. Кузмин в стихотворении «Русская революция» сравнил ее с «ангелом в рабочей блузе», Ф. Сологуб призывал «высоко держать знамя пролетариата». Ходила шутка, что С. Городецкий, поместивший в изданном в 1915 г. сборнике «Четырнадцатый год» стихотворение «Сретение царя», собирается переделать его в «Сретение Церетели»¹⁰⁷.

В. Хлебников был теперь одержим идеей создания общества Председателей Земного Шара, задуманного им еще в конце 1915 г. Оно должно было состоять из 317 членов. Ему казалось, что все ритмы времени – от биения сердец до динамики войн, революций, переселений народов – кратны числу 317. Председатель, считал он, должен ощущать свое единство с человечеством и сознавать личную ответственность за его судьбу¹⁰⁸. Хлебников 22 октября 1917 г. от лица «председателей» из левацких литераторов и художников объявил Временное правительство «несуществующим», а «главнонасекомствующего» Керенского посаженным под арест¹⁰⁹. Мысленно он опередил большевиков. Возможно, он действительно уловил подлинный ритм эпохи.

Людам, уставшим от хаоса, казалось, что «лучше ужасный конец, чем ужас без конца». Впрочем, некоторые готовы были делать из нужды добродетель. 2 мая 1917 г. А. Белый жаловался Иванову-Раз-

¹⁰⁵ Цит. по: Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 12.

¹⁰⁶ Цит. по: *Полторацкий Н. П.* П. Б. Струве как политический мыслитель. London, Ontario, 1981. С. 21.

¹⁰⁷ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // Мандельштам О. Камень. Л., 1990. С. 257.

¹⁰⁸ *Дуганов Р. В.* Указ. соч. С. 30.

¹⁰⁹ *Хлебников В.* Стихотворения, поэмы, драмы, проза. М., 1986. С. 300–301.

умнику, что Н. Бердяев упрекает его за «большевизм». «...Я стараюсь вдалбливать, – писал он, – что... мы переживаем начало мирового переворота, ...что “двоевластие” есть начало совершенно нового, небывалого строительства, ...что Россия инсценирует мистерию, где Советы – участники священного действия, ...что нам надо рассыпаться на маленькие единицы (федеративная республика – лишь начало этого движения), ...что рассыпаться страшно, но если мы не обрушимся..., то не обрушим “старый мир” Европы, ...что я радуюсь воистину новой мировой эпохе...»¹¹⁰. Иванов-Разумник, со своей стороны, жаловался М. Горькому, что когда революция показала свое лицо, то «литераторы уползли с шипением и злобою в разные щели»¹¹¹. «Крики поменять местами Керенского и Корнилова раздаются все чаще», – констатировала 16 октября 1917 г. газета «Свобода и жизнь». Примечательно, что накануне К. Бальмонт опубликовал в октябристской газете два стихотворения – одно было посвящено Корнилову, другое – «Говорителю» – Керенскому. Первому он обещал «венец лавровый», второму пояснял, что «на карте времен» он «всего лишь пятно»¹¹².

Октябрьско-ноябрьские бои в Москве вызвали сильнейшую тревогу среди художественной интеллигенции. Муслировались слухи о страшных разрушениях в Кремле. В знак протеста 2 ноября подал в отставку нарком просвещения А. В. Луначарский, но СНК с этим не согласился. На следующий день нарком выпустил обращение «Берегите народное достояние». Но 4 ноября Московский ВРК заверил, что в результате боев «ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью»¹¹³. Тем не менее члены Союза деятелей искусств выразили протест против случившегося.

А. Блок со своей поэмой «Двенадцать» отнюдь не стал выразителем позиций интеллигентского большинства. «Христос в “Двенадцати” не к месту... неловко, когда читаешь», – считал А. Ремизов¹¹⁴. Сам он в 1918 г. в «Заповедном слове русскому народу» твердил: «Горе тебе, русский народ! ...Необузданный в жадном стяжании, обокравший самого себя расточитель наследия отцов, ты все промотал, русский народ, сам заложился и душу продал. ...Будешь скитаться ты из рода в род со скорбью своей безысходной... духу не хватит тебе разорвать цепи». Напротив, А. Белый весной 1918 г. сочинил поэму «Христос воскрес» – все зависело от угла зрения на

¹¹⁰ Андрей Белый и Иванов-Разумник. С. 107.

¹¹¹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. М., 1988. С. 724.

¹¹² Утро России. 1917. 15 октября. Ранее в сбивчивом «Воззвании Председателей Земного Шара» Хлебников обещал Керенскому пропуск в «правительство звезд» наряду с «Сун-ят-сеном, Рабиндранатом Тагором и Вильсоном».

¹¹³ Цит. по: Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 415.

¹¹⁴ Ремизов А. М. Царевна Мымра. Тула, 1992. С. 371.

происходящее. Творческие люди пытались уловить в происходящем некий высокий смысл. «...Смертелен закон революции, но эта смерть – для зачатия новой жизни...», – писал, к примеру, Е. Замятин¹¹⁵.

Луначарский приложил немало сил для привлечения представителей старой культуры, планировал создать «Государственную Комиссию по народному просвещению», «Государственный Театральный Совет» и «Комиссию Искусства и Национальных Дворцов». Но, похоже, рвались сотрудничать с наркомом только В. Э. Мейерхольд, В. В. Маяковский и О. М. Брик, причем последний вел себя непоследовательно, иной раз публично «отрекаясь от социализма». Позднее С. Маковский предложил Луначарскому стать посредником между ним и «всеми художниками»¹¹⁶.

Научная общественность поначалу реагировала на переворот однозначно – по словам В. И. Вернадского, как на «небывалую в истории катастрофу»¹¹⁷. Общее собрание Академии наук 21 ноября 1917 г. утвердило текст обращения, подготовленного комиссией в составе А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Платонова, М. И. Ростовцева, А. А. Шахматова. В нем говорилось: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности, своего достоинства; он продает свою душу и ценою постыдного и неравного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов... Россия не заслужила такого позора: всенародная воля вручает ответственное решение ее судьбы Учредительному собранию»¹¹⁸. Однако некоторые академики склонялись к сотрудничеству с большевиками. Так, бывший министр просвещения Временного правительства известный востоковед С. Ф. Ольденбург неожиданно уверовал в искренность Ленина (хотя решительно отказывался верить Троцкому и Луначарскому)¹¹⁹.

«Само положение вещей подготовляло из русского прогрессиста революционера», – писал еще до большевистского переворота либеральный журнал. Впрочем, этого мало «для объяснения нашей податливости к радикализированию концепций лучшего будущего». «...Наша идеология такова, что она рассыпается перед реальностью...». Собственно, идеологии и не было. Были эмоции. Поэтому «идеал превращает нас в идола»¹²⁰.

¹¹⁵ Замятин Е. Мы. Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания. Кишинев, 1989. С. 511.

¹¹⁶ См.: Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 212–213, 217–218, 279, 281, 292, 312, 315, 250.

¹¹⁷ Вернадский В. И. Дневники 1917–1922. Октябрь 1917 – январь 1920. Киев, 1994. С. 28.

¹¹⁸ Цит. по: Памяти Ю. Д. Марголиса. Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 521.

¹¹⁹ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 229.

¹²⁰ Русская свобода. 1917. № 24–25. С. 21.

Университетская профессура поначалу горячо протестовала против большевистского переворота в соответствующих резолюциях¹²¹. Ученый совет Казанского университета 9 декабря присоединился к своим коллегам из Харькова, заклеившим «группу фанатиков и темных дельцов», которые захватили власть накануне Учредительного собрания «с помощью обманутой ею вооруженной толпы». Профессора выступали за продолжение войны, опасаясь, что заключение сепаратного мира с Германией «исторгнет Россию не только из ряда великих держав, но и из семьи народов, создающих общим трудом науки, искусства и промышленность...»¹²². Но не все столь резко реагировали. В январе 1918 г. созданное по инициативе президиума Академии наук совещание представителей высших учебных заведений и научных учреждений постановило учредить особый Российский совет ученых для защиты автономии научных учреждений. При этом деловое сотрудничество с властью не исключалось. Вскоре совет Политехнического института постановил войти в деловые отношения с СНК. В феврале 1918 г. совещание представителей Академии наук и ректоров высших учебных заведений, обсудив вопрос о «вступлении в деловые отношения с властью, распоряжающейся финансами государства», признало невозможным избегать «таковых сношений»¹²³. Пытались сотрудничать с большевиками и такие видные ученые и предприниматели, как Н. Н. Кутлер, И. Х. Озеров, М. И. Боголепов, А. И. Буковецкий¹²⁴. Зоолог Д. Ф. Синицын смог убедить руководителей нижегородского Совета в необходимости открытия в университете новых технических факультетов¹²⁵. Постепенно оставшиеся в советской России академики начали выстраивать свои приоритеты соответственно интересам властей¹²⁶.

Представители «буржуазной» культуры оказались не столь сговорчивы. В ответ на большевистский декрет о печати, предусматривающий закрытие «буржуазных» газет, 26 ноября 1917 г. Союз русских писателей выпустил однодневную «Газету-протест». В числе ее авторов были представители самых различных литературно-творческих и общественно-политических групп – В. Короленко, З. Гиппиус, Д. Мережковский, Е. Замятин, Ф. Сологуб, В. Засулич, А. Потресов, П. А. Сорокин, М. Неведомский и другие. Названия

¹²¹ McClelland J. C. The Professoriate in the Russian Civil War // Party, State, and Society in the Russian Civil War. Exploration in Social History. Bloomington, Indianapolis, 1989. P. 244.

¹²² Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов // Власть и наука, ученые и власть. С. 124–125.

¹²³ Купайгородская А. П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть. С. 187–188.

¹²⁴ Ананьич Б. В. Власть, предпринимательство и наука в России. С. 23.

¹²⁵ McClelland J. C. Op. cit. P. 250.

¹²⁶ См.: Наука и кризисы. СПб., 2003. С. 357–549.

статей говорили сами за себя: «Слова не убить», «Осквернение идеала», «Красная стена», «Слухи дьявола», «Насильникам», «Протест против насилий над печатью» и т.п. Но это походило скорее на чисто ритуальную акцию, нежели на готовность противостоять «узурпаторам».

«Гиппиус и Мережковский просили “свести с Луначарским”, – писал К. Чуковский. – Вот люди! Ругали меня на всех перекрестках за мой якобы большевизм, а сами только и ждут, как к большевизму примазаться». Эта литературно-супружеская пара хотела не только избежать «уплотнения», но и всерьез надеялась на кинопостановку «Павла» и «Александра» Мережковского. «Уверен, что чуть только дело большевиков прогорит – Мережк<овские> первые будут клеветать на меня», – вздыхал Чуковский¹²⁷. Между прочим, Луначарский сразу же оброс своего рода свитой, среди которой особенно заметна была Л. М. Рейснер, которая видела свою миссию в том, чтобы не допускать до наркома «всех, кто влезет из жадных до пирога»¹²⁸. Граф В. П. Зубов стал вхож к нему в связи со своей деятельностью по сохранению от разгрома Гатчинского дворца¹²⁹. Благодаря этим контактам граф приобрел репутацию «коммуниста»¹³⁰.

Возможно, сближению части старой интеллигенции с новыми правителями способствовало то, что «театры и театральные люди были у новой власти в некотором фаворе». Ф. И. Шаляпин считал, что большевики надеялись использовать людей творчества в целях собственной пропаганды. Вероятно, сказывалось и желание большевиков предстать «цивилизованной» властью. «...С такими революционерами как-то и жить приятнее: если он и засадит тебя в тюрьму, то, по крайней мере, у решетки весело пожмет руку...», – считал Шаляпин¹³¹.

Иные деятели культуры и науки «оправдывали» большевиков, заявляя, что вся старая Россия своими грехами заслужила «здоровую встряску», что их диктатура лучше буржуазной диктатуры «аршинников». В таком духе высказывались, к примеру, и поэт В. Ф. Ходасевич, и черносотенец профессор Б. В. Никольский¹³². Другие считали, что в любом случае обязаны оставаться в распоряжении новой власти ради спасения ценностей высшего порядка¹³³. В конце января 1918 г. А. Бенуа признавался, что, сотрудничая с новой властью, он надеялся не только предотвратить разграбление куль-

¹²⁷ Чуковский К. Указ. соч. С. 93.

¹²⁸ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 378.

¹²⁹ Зубов В. П. Страдные годы России. М., 2004. С. 61.

¹³⁰ Миклашевская Л., Катерли Н. Чему свидетели мы были. СПб., 2007. С. 150.

¹³¹ Шаляпин Ф. И. Указ. соч. С. 181, 212.

¹³² Розенталь И. С. Большевики и российское общество. С. 31.

¹³³ Зубов В. П. Указ. соч. С. 61.

турного наследия, но и отвести угрозу квартирного «уплотнения». Несмотря «на все ужасы, связанные с “большевистским опытом”», его симпатии оставались на стороне людей, пришедших к власти. Он объяснял это тем, что «старый строй действительно обречен на полное исчезновение»; и потому теперь воспоминания о «всей “упадочнической душе” этого отжившего мира» вызывают такую тошноту, что он «готов принести какие угодно жертвы, только бы не возвращаться в это болото». Последние «вспышки его монархизма» гасли, несмотря на «весь нелепый деспотизм большевизма, всю безнадёжную бестолковость его представителей»¹³⁴.

Возможно, людьми интеллигентных профессий двигал обыкновенный страх перед охлосом, от которого могла избавить только власть – неважно какая. Показательно, что первое заседание народно-революционного суда рассматривало дело солдата-милиционера Беляева. Согласно обвинению, он «в нетрезвом виде стрелял из винтовки». Действительно, представителям культуры было чего опасаться: солдаты и матросы готовы были разнести Зимний дворец, чтобы с помощью «царских» вин отметить торжество «мира и свободы»¹³⁵.

Порой обращение интеллигенции в «сторонников» Советской власти происходило словно само собой. После Октября «лозунг “грабь награбленное”... продолжал действовать, к большому смущению правительства»¹³⁶. Всевозможные «общественные организации» торопились «обобществить» собственность «помещиков и буржуазии». Так, в январе 1918 г. окрестные крестьяне решили отобрать землю и инвентарь у Воронежского сельскохозяйственного института. Хотя его сотрудники были настроены отнюдь не большевистски, они все же обратились с жалобой в местный ВРК. Результат превзошел все ожидания: власти не только решили этот спор в пользу аграрников, но и погасили задолженность по зарплате и предложили ученым избрать своих представителей в губернский отдел народного образования. Ученые, среди которых был и широко известный позднее историк-аграрник П. Н. Першин, поспешили признать Советскую власть¹³⁷.

Для многих представителей культуры решающую роль сыграло то, что большевики представляли хоть какую-то, но власть. Даже великие князья ходатайствовали перед Луначарским о сохранении художественных ценностей, находящихся в их дворцах¹³⁸. Академики А. П. Карпинский, В. А. Стеклов и С.Ф. Ольденбург, судя по

¹³⁴ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 427.

¹³⁵ Веселие Руси. С. 182–188.

¹³⁶ Зубов В. П. Указ. соч. С. 107.

¹³⁷ См.: Ульяновская В. А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937 гг. М., 1966. С. 74–77.

¹³⁸ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 447–448.

всему, поддались на уговоры Луначарского, обещавшего сохранение университетской автономии¹³⁹.

Известный химик ген. В. Н. Ипатьев был убежденным монархистом, а потому не поддержал даже Временное правительство. Но он призывал своих коллег в Химическом комитете не прерывать своей деятельности после Октября, полагая, что военный не может останавливать своей деятельности во время войны. Подобную точку зрения он отстаивал и на заседании Физико-математического отделения Академии наук. По его мнению, интеллигенция не имела права вступать в оппозицию к правительству, стремящемуся восстановить сильную государственность¹⁴⁰. Большевики, со своей стороны, оказали ученому-монархисту экстраординарное доверие. Академик-лингвист Н. Я. Марр, подписавший в свое время протест против большевиков, со временем не только начал сотрудничать с ними, но и вступил в их партию¹⁴¹.

Со многими научными учреждениями было и того проще. Весной 1918 г. большевики начали субсидировать КЕПС. В ее рамках было решено воссоздать Государственный оптический институт. ГАУ, во главе которого уже стояло большевистское руководство, 18 октября 1918 г. запросило кредиты у СНК на восстановление оптической промышленности. Возглавлявший ГОИ Д. С. Рождественский 15 ноября получил запрос от ВСНХ о возможностях производства биноклей для Красной армии. Рождественский, социалист по убеждениям, не только ответил положительно, но и нарисовал радужные перспективы развития всей оптической промышленности, управляемой научным коллегиальным органом. Первое штатное расписание института, составленное в голодном обезлюдевшем Петрограде весной 1919 г., включало в себя 35 специалистов¹⁴².

Интеллигенция продолжала жить иллюзиями, так или иначе связанными с возрождением традиционной государственности. Московская лига федералистов, к которой имел отношение П. А. Кропоткин, теоретизировала над «задачей воссоединения в том или ином виде разорванного тела России». Ее члены критически относились к старому «неудачному» административному делению империи и, соответственно, склонны были оправдывать существующую ситуацию «первоначального распада»¹⁴³. Большевистским «федералистам» подобные взгляды были только на руку.

¹³⁹ Bailes K. E. Natural Scientists and the Soviet System // Party, State, and Society in the Russian Civil War. P. 271, 273.

¹⁴⁰ Ipatjef V. N. Op. cit. C. 246, 259–260, 263, 285–330.

¹⁴¹ McClelland J. C. Op. cit. P. 255.

¹⁴² Гуло Д. Д., Осинковский А. Н. Дмитрий Сергеевич Рождественский. М., 1980. С. 69–70, 76–77; Труды Государственного оптического института им. С. И. Вавилова. 1993. Т. 83. Вып. 217. Приложение. С. 19–24.

¹⁴³ Письма – больше, чем воспоминания... С. 340.

Многие интеллигенты по привычке держались веры в «спасительную» – неважно какую – власть. «Пусть Ленин все равно какой, мне нужен в Ленине человек убежденный, честный, сильный», – признавался М. Пришвин¹⁴⁴. Именно вера и решительность большевиков обезоруживала тех, кто, казалось бы, должен был восстать против них. Характерно, что наиболее дезориентированными и беспомощными в ноябре 1917 г. смотрелись те, кого совсем недавно принято было считать «опорой старого режима» – высшие сановники, аристократия, великие князья. Некоторые из последних «целыми днями играли в клубе», «сами выстаивали в хвостах за хлебом, наслаждаясь разговорами “улицы”»¹⁴⁵. Старая Россия уходила в прошлое. Людям творчества, особенно из числа преуспевших, оставалось лишь, подобно Шаляпину, утешать себя тем, что «в том соединении глупости и жестокости, Содомы и Навуходоносора, каким является советский режим», есть нечто «подлинно российское» – «наше родное уродство»¹⁴⁶.

Как бы то ни было, на протяжении четырех лет войны и революции массовая «пропагандистская» культура и культура самих масс так и не смогли ни сомкнуться, ни породить подобия консолидирующего симбиоза. А большевикам, в отличие от Временного правительства, удалось лишь временно склотить подобие «единого военного лагеря» в годы Гражданской войны¹⁴⁷. И эта перманентная гетерогенность идейных доктрин и жизненных практик оставалась заметной не только в области культуры.

Поначалу предприниматели – та самая буржуазия, которую большевики намеревались уничтожить как класс – отнеслась к октябрьскому перевороту как к очередной досадной неприятности. К тому же, как вспоминал крупный предприниматель В. А. Ауэрбах, первоначально «в общих чертах порядка оставались теми же, как и при Временном правительстве, и казалось, что произошел не переворот, а смена кабинета»¹⁴⁸. Вплоть до осени 1918 г. предприниматели за редким исключением вели, насколько это было возможно, привычный образ жизни.

9 ноября Всероссийский союз торговли и промышленности («Протосоюз»), представлявший интересы преимущественно московской буржуазии и предпринимателей Центральной России, постановил выработать циркулярное воззвание, определяющее «общую линию поведения торгово-промышленного класса при создавшихся условиях». В утвержденном 13 ноября тексте обра-

¹⁴⁴ Пришвин М. М. Дневники. С. 91.

¹⁴⁵ Бенца А. Н. Мой дневник. С. 218–220.

¹⁴⁶ Шаляпин Ф. И. Указ. соч. С. 222.

¹⁴⁷ См.: Buldakov V. Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914–22 // Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions. Bloomington (IN), 2014. P. 25–52.

¹⁴⁸ Ауэрбах В. А. Революционное общество // АРР. Т. 16. С. 53.

щения предприниматели призывались «всемерно укреплять свои организации» и «самым энергичным образом выступить в защиту погранных прав народа». Со временем оказалось, что, несмотря на акции бойкота и участие в подпольных антисоветских организациях, предприниматели до известных пределов готовы были идти на сотрудничество с новой властью. В частности, 10–11 апреля 1918 г. в совещании по банковскому делу, созванному главным комиссаром Госбанка, приняли участие 18 чиновников дореволюционных министерств и 33 бывших банковских сотрудников. В результате был образован Совет экспертов. Уже в декабре 1917 г. члены «Протосоюза» продемонстрировали готовность считаться с теми шагами новой власти, которые «могут принести известную пользу при решении рабочего вопроса на местах и помочь найти выход из возможных в этой области затруднений». 13/26 февраля «Протосоюз» согласился с новой системой налогообложения, а 11 апреля 1918 г. установил «деловые отношения» с большевиками «по вопросам о налагаемых на торгово-промышленный класс контрибуциях»¹⁴⁹.

В ноябре 1917 г. кадетская газета писала о «внезапных большевиках», которых теперь много в Смольном. По мнению газеты, среди них есть немало таких, «которые год назад были гораздо ближе к Пуришкевичу и Союзу русского народа, чем к Ленину...»¹⁵⁰. Вероятно, так и было. «Буржуазная» масса старалась притереться к новой власти, невзирая на ее «пролетарский» характер. И это происходило вопреки тому, что и Учительский союз, и Союз инженеров принимали постановления об исключении из своих рядов лиц, переходящих на службу к большевикам¹⁵¹.

До лета 1918 г. карательная политика по отношению к «классовым врагам пролетариата» проводилась скорее эпизодически. Даже предприниматели, проявлявшие нелояльность к новой власти, не подвергались жестокому преследованию. Когда 29 ноября на основании Декрета СНК «Об аресте вождей гражданской войны против революции» был заключен под стражу председатель Совета съездов промышленности и торговли Н. Н. Кутлер, предпринимательские организации вступили в переписку с ВЧК о необходимости его освобождения. Через три недели он вышел на свободу¹⁵². Однако вскоре его имя вновь попало в поле зрения ВЧК. В конце декабря 1917 г. при личном участии Ф. Э. Дзержинского началось расследование деятельности центрального стачечного комитета Союза союзов государственных служащих. Как выяснилось, Кутлер

¹⁴⁹ Шацлло М. К. Предприниматели Москвы и Петрограда в первый год Советской власти // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». Вып. 3. 2011. № 19. С. 82–83.

¹⁵⁰ Новая речь. 1917. 28 ноября.

¹⁵¹ День. 1917. 6 декабря.

¹⁵² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 9–12.

передал бастующим сотрудникам 9 столичных банков свыше миллиона рублей, полученных от нескольких московских предприятий. Руководители стачки были арестованы, однако после получения подписки об отказе от саботажа были освобождены. До окончания следствия под арестом находился лишь председатель Союза союзов Кондратьев, но затем был освобожден и он¹⁵³. Что касается Кутлера, то снисходительное отношение к нему вполне оправдало себя: менее чем через год он начал сотрудничать с большевиками, стал членом правления Государственного банка РСФСР, участвовал в подготовке и реализации денежной реформы 1922–1924 гг.¹⁵⁴

Даже такие радикальные акции большевиков, как захват Государственного банка (ноябрь 1917 г.) и начало национализации частных банков (декабрь 1917 г.), оставляли свободу маневра для предпринимателей. Частные банки продолжали функционировать, их клиенты могли распоряжаться своими средствами. В конце 1917 г. были национализированы только крупные предприятия, весной 1918 г. последовала национализация лишь некоторых отраслей тяжелой индустрии. Однако и после этого собственники не были отлучены от своих предприятий. Согласно декрету от 28 июня 1918 г. о национализации крупной промышленности, предприятия, объявленные государственной собственностью, признавались находящимися в безвозмездном арендном пользовании прежних владельцев вплоть до особого распоряжения ВСНХ. Бывшие собственники обязывались финансировать эти предприятия на прежних основаниях¹⁵⁵. Все это не гарантировало защиты от произвола. Местные «совнархозы», «исполкомы», «военревкомы» и чрезвычайки то и дело прибегали к «национализациям» и «конфискациям»¹⁵⁶. Однако ненационализированные предприятия могли пользоваться относительной свободой. На практике даже рабочий контроль над производством не означал прямого вмешательства в производственный процесс, руководителями которого в качестве «буржуазных специалистов» зачастую оставались прежние владельцы. При этом сохранялась прежняя система управления предприятиями, в силе оставалось право владения акциями и получение дивидендов, старой администрации выплачивалось жалованье¹⁵⁷.

Вопреки идеологическим установкам, большевики вынуждены были терпеть своих «классовых врагов» в силу ряда обстоятельств: опасений останки производства и окончательного паралича народного хозяйства со всеми вытекающими отсюда социальными

¹⁵³ Голиков Д. Л. Первое дело ВЧК // История СССР. 1965. № 4. С. 120–123.

¹⁵⁴ Шацлло М. К. Указ. соч. С. 81–82.

¹⁵⁵ Механик С. Финансово-кредитные проблемы в период национализации промышленности в СССР. М., 1957. С. 17–18.

¹⁵⁶ Гурович А. Высший Совет Народного Хозяйства. Из впечатлений года службы // АРР. Т. 6. С. 311.

¹⁵⁷ Шацлло М. К. Указ. соч. С. 80.

последствиями; элементарной нехватки руководящих сил для организации «социалистической» экономики. В связи с этим задача тотального искоренения буржуазии отступала на задний план. Партия революционного разрушения капиталистического наследия превращалась в инструмент поддержания своей власти любой ценой.

2.12.4. Бегство сепаратистов?

Имперское сознание особенно чувствительно к угрозе сепаратизма – как реальной, так и мнимой. Люди, бегущие от постимперского хаоса, легко предстают злостными разрушителями империи. Между тем одни последствия развала существовавшей инфраструктуры уже поставили российские окраины в наиболее сложное хозяйственное положение. И теперь эта ситуация усугублялась не только войной, но и бегством от войны.

Победа большевиков в столице ускорила разложение армии. В Бессарабской губернии солдатами 16-го и 17-го корпусов были «разрушены и сожжены крупнейшие экономии, ...совершен ряд бессмысленных убийств, грабежей и насилий». В Полоцке были «разгромлены лавки и похищены продукты». В Кутаиси солдаты разгромили магазины, велась беспорядочная стрельба, были убитые и раненые. В Екатеринодаре солдатами был убит казачий офицер, стрелявший в них за оскорбления в свой адрес. На Западном фронте в запасном батальоне 132-й дивизии солдатами был избит до смерти полковник Макаревич; в 41-м Сибирском полку был убит даже член полкового комитета¹⁵⁸. В начале октября в Петропавловске Акмолинской области толпа солдат разгромила магазин и винный склад; в результате последовавших за этим насилий было убито несколько человек¹⁵⁹. На Юго-Западном и Румынском фронтах развернулась «украинизация» армии, причем «кацапам» было объявлено, что в случае ее непризнания они лишатся довольствия¹⁶⁰.

Вопреки ожиданиям, провозглашенное 2 ноября 1917 г. СНК в «Декларации прав народов России» право на самоопределение было воспринято мусульманами весьма критично¹⁶¹. На отдаленных окраинах ситуация стала угрожающей. Так, в Ташкенте участники краевого съезда городских самоуправлений пытались найти форму сосуществования с Советами, с одной стороны, с мусульманами – с другой. Было предложено учредить в Ташкенте «правительственный кабинет» из трех представителей от съездов Советов,

¹⁵⁸ См.: Разложение армии в 1917 году. М.; Л., 1925. С. 148–149.

¹⁵⁹ Курганское свободное слово. 1917. 6 октября.

¹⁶⁰ Лыков И. П. Указ. соч. С. 134.

¹⁶¹ Исхаков С. М. Указ. соч. С. 284–285.

трех – от съезда городских самоуправлений, шести – от краевого съезда мусульман¹⁶². Но это не смогло спасти от эскалации насилия с преобладанием этноконфессионального компонента. После четырехдневных боев большевики пришли к власти в Ташкенте. Делиться властью с мусульманами они не собирались, о чем объявили публично, сославшись на то, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций. Напротив, представители городских самоуправлений 13 ноября заявили о том, что мусульмане способны создать власть, соответствующую специфике края¹⁶³. Местное казачество также объединилось с мусульманами, составив совместный список на выборах в Учредительное собрание¹⁶⁴.

Впрочем, в центре большевики, не теряя надежд на мировую революцию, спешили с изоляцией «буржуазных» национальных движений. Именно с этой целью они пытались привлечь на свою сторону левых его лидеров. Первое время подобные маневры приносили большевикам некоторый успех, национальные лидеры терялись в политической обстановке.

Особое внимание В. И. Ленин уделял Украине: не столько из страха перед «буржуазными националистами», сколько из-за боязни прекращения поставок хлеба. 4 декабря СНК в манифесте к украинскому народу заявил о признании Народной Украинской республики, о ее праве отделиться от России или вступить с ней в переговоры об установлении федеративных или иных взаимоотношений. Большевики не особенно лукавили: они искренне приветствовали все то, что помогало им удержаться у власти в видах мировой революции.

Положение Центральной рады становилось все более угрожающим: возбужденные солдаты готовы были объявить ее «контрреволюционной» только за то, что она пропускает на Дон казачьи части. 5 декабря на заседании большевистского СНК было решено «считать Раду в состоянии войны с нами». Война началась с разоружений враждебно настроенных солдат – как «большевиков», так и «украинцев». Центральная рада попыталась создать свой центр власти, не отказываясь от сохранения федеративных отношений с Россией. Однако большевиков больше беспокоило другое. В связи с возвращением на Дон казачьих частей им казалось, что там формируется мощный очаг контрреволюции. Большевики 13 декабря в «Правде» заявили о принципиальном признании федеративного устройства страны в соответствии с волей трудового населения, выраженной через Советы. Несомненно, это дезориентировало многих национальных политиков, решивших, что теперь можно без помех заняться реализацией автономистских проектов.

¹⁶² ЦГА РУ. Ф. И-1044. Оп.1. Д. 12. Л. 2.

¹⁶³ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 514.

¹⁶⁴ Ярков А. И. Казаки в Кыргызстане. Бишкек, 2002. С. 49.

В целях изоляции от большевизма на других окраинах стали возникать всевозможные «правительства». В начале декабря появилась декларация о создании объединенного Терско-Дагестанского правительства, подписанная, с одной стороны, атаманом Войска Терского М. А. Карауловым, с другой – председателем Союза объединенных горцев Р. Каплановым¹⁶⁵. Верховным главнокомандующим был назначен командир Туземной дивизии П. А. Половцев. Некоторое время на окраинную контрреволюцию возлагались непомерные надежды – даже со стороны столичных российских социалистов.

Одновременно большевики стали создавать островки «социалистической» федерации, призванной служить делу мировой революции. Второй съезд Советов Латвии в Валке 16–18 декабря заявил об объединении Латвийской социалистической советской республики с Советской Россией. В сущности, большевикам пришлось проделывать то же самое, что уже практиковали «германские империалисты». По ту сторону линии фронта под патронажем германских властей Литовская тарига, организованная еще в сентябре 1917 г., приняла декларацию «О вечных союзных связях Литовского государства с Германией»¹⁶⁶.

Противоборство большевистских и антибольшевистских сил во все большей степени стало приобретать этническую окраску. В Минске 15 декабря 1917 г. Белорусской радой был созван довольно многочисленный Всебелорусский съезд¹⁶⁷. И хотя съезд высказался за автономию в составе демократической России (сторонников независимости было немного), в ночь на 18 декабря СНК Западной области и фронта распустил его – скорее по недоразумению.

Новые национально-государственные образования до поры до времени действительно оказывались островками относительно порядка. Послеоктябрьский сецессионизм носил характер бегства от большевистской смуты. Но вскоре местные националисты столкнулись с собственными «национальными» большевиками. В конечном счете победителями в этом многостороннем противоборстве оказались большевики исторического центра России. Творцы мировой революции, заигрывающие с колеблющимися левыми представителями нерусских народов, были всегда готовы для ее блага снести границы любых самоопределений.

Принято считать, что принцип так называемого советского федерализма окончательно утвердился в январе 1918 г., когда III Всерос-

¹⁶⁵ Магомедов Ш. М. Октябрь на Тереке и в Дагестане. Махачкала, 1965. С. 120–122; Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1977. С. 220–221; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана. С. 94.

¹⁶⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 317, 333, 577.

¹⁶⁷ Сташкевич Н. С. Революция 1917 года и два пути национально-государственного строительства в Белоруссии // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 354.

сийский съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В ней было заявлено, что «Советская российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик». Считается также, что «в общих чертах» структура государственной власти в части взаимоотношений между центральными и местными органами была определена в постановлении съезда «О федеральных учреждениях Российской республики»¹⁶⁸. На деле декларация преследовала по преимуществу пропагандистские цели: привлечь внимание к идее создания всемирной республики Советов; создать соответствующие иллюзии у местных националистов (озабоченных главным образом проблемой изоляции от «русского» хаоса). Что касается «федеральных учреждений», то петроградские большевики попросту пытались наклеить благопристойный правовой ярлык на процесс стихийной децентрализации страны. Они по-прежнему «висели в воздухе», но все же не теряли надежды, что «нелегкая вывезет»¹⁶⁹.

Большевикам все еще приходилось имитировать власть, создавая видимость решения накопившихся до революции проблем, включая международные. 2 января в Брест-Литовске, где продолжались переговоры с представителями Четверного союза, Советское правительство заявило о недопустимости сепаратных соглашений с Украинской Центральной радой. В тот же день Генеральный секретариат (Совет министров) Рады заявил о применении самых решительных мер против большевистской опасности: вводились военно-революционные суды и цензура. В ответ большевики поспешили сформировать «Советское» Украинское правительство в Харькове, якобы стоящее на «интернационалистических» позициях. Тем временем на съезде Советов делегаты «от Украины, Румынского и Юго-Западного фронтов» выступили с заявлением: «все задачи в интересах трудящихся могут разрешить только сами трудящиеся через свои органы Советов»; поэтому они признают единственной властью на Украине «Всеукраинский ЦИК», а любые «попытки организовать новый Генеральный секретариат из членов и групп Центральной рады» объявляют контрреволюционными¹⁷⁰. Заявление подписали представители от 20 организаций, преимущественно местных Советов. Скорее всего, этот документ был инициирован большевиками непосредственно на съезде для того, чтобы лишний раз подтвердить «буржуазность» и «контрреволюционность» Центральной рады. Особенно жестко по отношению к Центральной раде были настроены некоторые солдаты. В наказе III Всероссийскому съезду солдаты

¹⁶⁸ Городецкий Е. Н. Рождение советского государства. 1917–1918. М., 1965. С. 308.

¹⁶⁹ Бенуа А. Н. Мой дневник. С. 227.

¹⁷⁰ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 29. Л. 15–16.

23-й пехотной дивизии сообщали о том, что она действует «в контакте с Румынией», а ее распоряжения вызывают голод и необходимость ухода с фронта¹⁷¹. 6 января в резолюции «6-го армейского корпусного съезда» осуждалась «контрреволюционная политика буржуазной Центральной рады..., направленная к удушению рабоче-крестьянской революции... путем разоружения Советских войск и беспрепятственного пропуска банд и бегущих с позиций офицеров на Дон...»¹⁷². В общем, с той и другой стороны развернулась пропагандистская война. Ее вдохновители отнюдь не располагали государственным аппаратом, позволявшим осуществлять управление теми или иными территориями, но зато ситуация позволяла им натравить все более ожесточавшихся вооруженных людей друг на друга, используя те или иные идеологические символы.

Харьковское большевистское правительство еще 4 января официально объявило войну Центральной раде и тут же неожиданно захватило Сумы. В ответ в ночь с 4 на 5 января киевскими властями было произведено разоружение красногвардейцев завода «Арсенал» и ряда других предприятий. В 28 различных пунктах города были изъяты тысячи винтовок, десятки пулеметов, захвачена типография газеты «Пролетарская мысль», арестовано более 200 активных организаторов готовящегося большевиками восстания. Это вызвало всеобщее недовольство рабочих. Тем временем разворачивалась «эшелонная война» московских большевиков: их главный двухтысячный отряд под руководством М. А. Муравьева захватил Полтаву и разоружил украинизированных солдат местного гарнизона¹⁷³, 30 января здесь состоялся парад «червонного казачества». При этом левый эсер подполковник Муравьев произнес в восстановленном местном Совете пылкую речь, в которой пригрозил пройти «через Дунай на Вену, Берлин, Париж и Лондон, всюду устанавливая Советскую власть». Выступление этого «кондотьера-фанфарона»¹⁷⁴ страшно напугало обывателей и вызвало протест со стороны ЦИК Советов Украины¹⁷⁵. Из Харькова большевики рапортовали, что «ежедневно прибывают выражения симпатии со всех сторон»¹⁷⁶.

После того, как большевики предупредили представителей Четверного союза, что делегация Центральной рады «не выражает воли украинского народа», а мирный договор, подписанный с нею, не может считаться миром с Украинской республикой, последовали

¹⁷¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 23. Л. 3.

¹⁷² Там же. Л. 4.

¹⁷³ Савченко В. А. Симон Петлюра. Харьков, 2004. С. 132.

¹⁷⁴ Бенца А. Н. Мой дневник. С. 227.

¹⁷⁵ Михутина И. Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством Украинской Центральной рады. М., 2007. С. 194.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 2. Д. 28. Л. 20.

контрдействия украинской стороны. Повсеместно распубликовывалась нота Генерального секретариата Центральной рады большевистскому СНК, в которой говорилось, что украинская сторона готова прислать в Петроград своих представителей. Согласно ноте, переговоры между ними возможны на следующих условиях: беспрепятственный вывод советских (точнее, большевизированных русских) войск с территории Украины; официальное признание российской стороной Украинской народной республики и заявление о невмешательстве в ее внутренние дела; подготовка федеративного объединения России с Украиной и другими республиками; совместная борьба республик с контрреволюцией, угрожающей какой-либо из них; запрет объявления какой-либо из республик контрреволюционной в одностороннем порядке другой республикой¹⁷⁷.

Лидеры Рады пытались заслониться ставшим общепризнанным принципом федерации для изоляции от «русского» большевизма; их противники под видом реализации того же принципа надеялись сковать территории и народы своей диктатурой, а затем распространить свое влияние на внешний мир. Лукавили те и другие. На деле происходило нечто иное: ускоренный войной процесс разложения Российской империи подошел к своей критической черте; вооруженные столкновения между большевиками и украинскими социалистами делали этот процесс необратимым. Однако лидеры противоборствующих сторон все еще надеялись, что происходит реализация их идейных доктрин и политических программ.

2.12.5. Дорога к Бресту

Поведение большевиков в Бресте диктовалось ожиданием мировой революции. Соответственно этому Троцкий получил от Ленина указания всемерно затягивать переговоры. Поскольку в это время в Германии и Австро-Венгрии прошли массовые забастовки, что соответственно отразила пресса, возникало представление, что немецкое наступление вызовет негодование во всей Европе. Если же немцы все же решатся наступать, полагал Троцкий, «мы всегда успеем капитулировать».

По вопросу о заключении мира внутри большевистской партии не было единства – поначалу преобладали сторонники «революционной войны», поддерживаемые левыми эсерами. Из 160 партийных организаций промышленных районов лишь четыре поддерживали идею сепаратного мира. С точки зрения здравого смысла ситуация кажется невероятной. Что двигало людьми, уже лишившимися поддержки «своих» впадающих в социальную депрессию

¹⁷⁷ Булдаков В. П. Хаос и этнос. С. 574.

масс? Возможно, действительно сказывался «гипноз авантюрной игры» и вера в «звезду» своих лидеров¹⁷⁸. Ленинская точка зрения победила не сразу, и только 11 января на заседании ЦК советской делегации в Брест-Литовске было дано указание подписать мир в случае ультиматума со стороны Германии.

Вернувшись в середине января в Брест-Литовск, Троцкий пытался затянуть переговоры. С его стороны последовал ряд демагогических заявлений, которые, однако, только вызвали раздражение немецкой стороны. Немецкая делегация 28 января потребовала обсуждать только те пункты проекта соглашения, которые позволили бы прийти к конкретным результатам. В ответ на это Троцкий заявил о прекращении войны со стороны России, о полной демобилизации по всему фронту и одновременно объявил об отказе подписать мир. Возникла ситуация «ни мира, ни войны». Вечером 28 января Троцкий телеграфировал Ленину о том, что переговоры завершены. Петроградский Совет большинством голосов поддержал решение советской делегации в Бресте. Позиция Троцкого была поддержана левыми эсерами. На другой день Троцкий дал телеграмму Крыленко с предписанием издать приказ о прекращении войны; 29 января (11 февраля) Крыленко разослал по всем фронтам телеграмму о прекращении войны и «увводе войск с передовой линии». Вскоре этот приказ был отменен по распоряжению Ленина.

Тем временем представители Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции заключили мирный договор с Украиной. Последняя обязалась поставлять Германии и Австро-Венгрии сырье и продовольствие в размерах, которые определяют ее новые союзники. В сущности, германская сторона рассчитывала изменить баланс сил, решив для себя продовольственный вопрос. Позднее Троцкий так отозвался о поведении украинских «предателей» в Бресте: «Нужно было видеть, как они... подобострастно и любовно заглядывали в глаза своим новым господам и с каким высокомерным торжеством глядели на нас, изолированных представителей пролетариата...»¹⁷⁹.

Немецкая сторона расценила действия Троцкого как разрыв перемирия, и 16 февраля немцы объявили, что с 12 часов 18 февраля они возобновят военные действия. Большевики не поверили в это. Тем не менее немецкое наступление началось по всему фронту. Противостоять им было некому, за исключением немногочисленных отрядов «завесы». Люди устали от войны и стремились домой. Красногвардейцы, на которых рассчитывали левые большевики и эсеры, могли решать только задачи поддержания порядка и снабжения. Так, в Одессе, где обстановка была весьма напряженная, они имели «забавный» вид: «или мальчишки, или сгорблен-

¹⁷⁸ Бенца А. Н. Мой дневник. С. 227.

¹⁷⁹ Троцкий Л. Д. Между империализмом и революцией. Основные вопросы на частном примере Грузии. М., 1923. С. 35.

ные рабочие, усаые, бородатые, мало воинственные». Их боязнь своего оружия бросалась в глаза даже студенткам¹⁸⁰.

Когда стало известно, что немецкие войска заняли Двинск, Ленин настоял на возобновлении переговоров. Его предложение приняли в большевистском ЦК с перевесом всего в два голоса; 19 февраля об этом было сообщено германской стороне. Вслед за тем 22 февраля появилось воззвание СНК, в котором говорилось, что «социалистическая республика Советов находится в величайшей опасности», и потому «священным долгом рабочих и крестьян» является беззаветная защита родины от «полчищ буржуазно-империалистической Германии».

В новом немецком ультиматуме от 21 февраля (полученном в Петрограде 23 февраля) содержались еще более тяжелые условия, на которых может быть подписан мир. Помимо утраты оккупированных территорий, Россия обязывалась вывести войска с Украины (которая объявила себя независимой) и заключить с Центральной радой сепаратный мир. Российские войска выводились также с территории Финляндии и Прибалтики. Помимо этого Турции передавались территории Карса, Арагдана и Батума, вопреки тому, что на них находились русские войска. Было выдвинуто требование контрибуции в 6 миллиардов марок.

Обстановка внутри страны оставалась угрожающей в связи с надвигавшимся голодом¹⁸¹. В городах продолжались забастовки и голодные бунты; крестные ходы в городах принимали антибольшевистский характер¹⁸². И. Бунин 19 февраля 1918 г. записывал в дневнике: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: “Ах, если бы”... Какая-то намазанная сучка стала говорить, что вот-вот немцы придут, и всем придется расплачиваться за то, что натворили». Находившийся поблизости рабочий пообещал раньше «перерезать» всех тех, кто на это надеется; солдаты подтвердили¹⁸³. Большевики пытались прощупать настроение «передовых» рабочих: картина получалась неопределенная¹⁸⁴. Повсеместно шли перевыборы Советов, меньшевики и эсеры усиливали свое влияние¹⁸⁵.

Угрожая отставкой, Ленин добился согласия ЦК большевиков на принятие германского ультиматума. «За» голосовали 7 человек,

¹⁸⁰ «Претерпевший до конца спасен будет». С. 150.

¹⁸¹ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 22–24.

¹⁸² См.: Аксютин Ю. В. Послеоктябрьское похмелье гегемона: Рабочий класс и политические партии России в первый год Советской власти (ноябрь 1917 — конец 1918 гг.). М., 2013. С. 86–95.

¹⁸³ Бунин И. А. Окаянные дни. М., 2004. С. 51–52.

¹⁸⁴ См.: Аксютин Ю. В. Указ. соч. С. 101–104, 108–109.

¹⁸⁵ См.: Собрание уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. М., 2006. С. 43–49.

«против» — 4, воздержались 4 человека; 24 февраля ВЦИК решил принять германские условия. На новые переговоры решено было послать делегацию в составе Г. Сокольникова, Л. Карахана, Г. Петровского, Г. Чичерина. 3 марта 1918 г. в 5.30 вечера российская делегация подписала договор на германских условиях. Согласно договору от России отторгалась Польша, часть Белоруссии, Прибалтика. Турция передавалась округа Ардагана, Карса и Батума. Советское правительство должно было признать договор между Германией и украинской Центральной радой и определить границу между Россией и Украиной. Для окончательного решения вопроса о мире 6–8 марта 1918 г. был созван VII съезд партии. Вопреки сопротивлению левых коммунистов и левых эсеров он одобрил подписание Брестского мира. Считается, что проходивший 14–15 марта Чрезвычайный IV съезд Советов также одобрил договор. На деле большинство участников протестовало против «капитуляции перед германским империализмом». Так, лидировало число высказываний с призывами к революционной войне (16,2 %), такой же процент делегатов высказывался против заключения мира без указания на мотивацию. Многие (11,2 %) говорили, что условия Брестского мира неприемлемы (11,3) и губительны для мировой революции (7,7), другие требовали революционной мобилизации и создания Красной армии (10,8 %), некоторые предпочитали организацию партизанской войны (7,2 %) ¹⁸⁶. Особенно резко высказывались максималисты, заявляя, что нынешняя власть — «советская по наименованию, но партийная по существу» — не в состоянии «творить новую жизнь на трудовых началах» ¹⁸⁷. Впрочем, это была лишь риторика наиболее эмоциональных участников съезда, за которыми стояли отчаявшиеся «революционные» психопаты на местах, пребывавшие в примордиалистской уверенности, что власть «все может». Большевики фактически предрешили вопрос, прагматично рассчитывая на нереальность сопротивления германскому нашествию.

С «высоты» сегодняшнего дня новому поколению доморожденных «империалистов» легко объявить Брестский мир «предательством интересов России». Однако нельзя забывать, что большевики, с трудом согласившись на его подписание, с легкостью перечеркнули его при известии о революции в Германии. И этот «похабный» мир принес куда меньше жертв, чем революционная «доблесть» последующих лет. А тот «не помнящий родства» историк, который ныне делает карьеру на обличении большевизма, ничем не лучше своего коллеги, некогда воспевавшего этот жутковатый, но вполне автохтонный и эндогенный феномен русской истории, реанимированный мировой войной. Впрочем, часто это одно и то же лицо. Ибо кровавые «нелепости» прошлого вызывают повышенную блудли-

¹⁸⁶ Чертищев А. В. Указ. соч. С. 848.

¹⁸⁷ Цит. по: Союз эсеров-максималистов. С. 123.

вость разума последующих поколений. А беззаботный интеллектуальный консьюмеризм отнюдь не так безопасен, как может показаться.

Подписание Брестского мира вовсе не означало, что для России и, тем более для Европы, война закончилась. Она перешла в иное измерение, но вовсе не в то, на которое рассчитывали большевики. Война могла начаться со случайности, но закончить ее символическим жестом, как мечтали утописты мировой революции, оказалось невозможно. Переломить ход мировой истории они не могли.

Но вслед за тем не удалось это и «победителям» в лице Антанты. Так и не поняв ни причин, ни истоков мировой катастрофы, они не смогли устранить причин будущей войны; более того, сделали все, чтобы она стала неизбежной. Впрочем, и историки ничем не смогли им помочь. И такая ситуация кажется нескончаемой.

Историю способны изменить только те, кто в состоянии постичь ее человеческое измерение. Правитель, подобно императорам и вождям прошлого, рассчитывающий то на бюрократическое, то на «ручное управление», непременно окажется в дураках. Проиграет и тот, кто делает ставку на общественную паранойю. Столь же безнадежны попытки подстегнуть историю с помощью утопии. История антропологична, а не политична. Российская – в особенности. А потому надо научиться воспринимать прошлую и нынешнюю эпоху через ее людей, сколь бы наивными и нелепыми ни казались их устремления и поступки.

Россия вышла из войны. Но это не принесло спокойствия стране. С накопившимися в ней проблемами нельзя было поступить как с гордиевым узлом, ибо они пропитали души людей.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Первая мировая война была порождена коллективным безумием, которое и по сей день пытается спрятаться за благообразным фасадом. При этом активно используется беспамятство современности.

Если сравнить те надежды, с которыми Россия вступала в мировую войну, с ее последствиями, то, кажется, более жестокой насмешки Клио невозможно придумать. Неудивительны на этом фоне непрекращающиеся попытки «подправить» историю с помощью «патриотизма» – этого испытанного средства поддержания изживших себя форм господства. Патриотизм как естественное чувство не нуждается в обосновании, однако авторитарная система имеет обыкновение низводить его до синонима безоговорочного верноподданничества *существующей* власти. Вот за это история и наказывает как недалеких правителей и бюрократию, способных умертвить социальное пространство, так и сервильных подданных, чье долготерпение не имеет иной альтернативы, кроме очередного отчаянного бунта.

Авторитаризм, покоящийся скорее на вере, нежели на разуме и расчете, порождает не только социальную разобщенность и историческую беззаботность, но и повышенную эмоциональность. Так называемый коммуникативный разум редуцируется до своего рода коммуникативного инстинкта – примитивного, как дубина троглодита. Эмоциональная контагиозность особенно остро напоминает о себе в кризисных ситуациях. Беда социологизирующих авторов в том, что они всякий раз пытаются хаос эмоций перевести на язык удобной для них «логики».

Неиссякаемая готовность спрямить историю ради психологического комфорта сегодняшнего дня порождает ответную реакцию. Эмоции прошлого «выпрыгивают» в современность подобно черту из табакерки. И оказывается, что так называемая историческая наука в очередной раз не может ничего противопоставить разгулу «дурных» страстей по войне и миру, войне и революции. И потому всю онтологическую проблематику истории и историографии мож-

но свести к способности людского сообщества выйти из круговерти взаимного обмана и самообмана.

Похоже, мир к этому еще не готов. Единственный урок, который извлекло человечество из опыта Первой, а затем Второй мировых войн, состоит в признании опасности силовых столкновений в Европе. Соответственно, историография войн XX в. по-прежнему концентрируется вокруг поиска главного «виновника» – человека, несущего основную ответственность за то или иное «роковое» решение. На деле Первая мировая война показала, что история деиндивидуализируется: главным «виновным» оказывается само несовершенство человеческой природы, беспомощное перед всяким очередным «соблазном прогресса». «Дураками истории» во все большей степени оказываемся мы сами в силу преступной готовности следовать за теми, кто не стесняется в обещаниях.

Что же определяло спектр противоречивых настроений периода войны и революции в России? Можно сказать просто: «глупость правителей», на которую некогда надеялся революционер К. Маркс, сомкнулась с эмоциями того «дурака-зверя», который, по словам П. Сорокина, просыпается во всякой революции. Соединение неуверенности и страхов за собственные судьбы вылилось в агрегированное состояние ужаса неизвестности и обернулось поиском «точки опоры» в лице ближайшего источника силы. Пробудилось глубоко архаичное начало, скрашенное «оптимистическим» эсхатологизмом. Сегодня может показаться, что все это могло бы увенчаться ростом чувства гражданственности на патриотической основе. Однако в расколотом социально-патерналистском пространстве оно воплотилось в нечто противоположное – веру в разрушение всего того, что не оправдало доверия.

В свое время Ф. Степун заметил: «В том-то... и коренится трагедия истории, главная причина ее величественного самоистязания и ее метафизического безобразия, что образ будущего, иногда чаемый пророками и художниками, долгие годы остается сокрытым от его фактических творцов. Оптика революционной воли почти всегда мечтательна и одновременно рационалистична, то есть утопична. Строя планы своих действий, набрасывая и вычерчивая в сознании карты будущего, революционеры-утописты невольно принимают картографические фантазии за живую картину будущего... Молодость особенно утопична потому, что она живет с закрытыми на смерть глазами»¹.

Уже в советское время писатель В. Зазубрин устами своего «антигероя» – старорежимного профессора – так интерпретировал соотношение войны и революции: «Война разнуздала зверя в человеке... Отсюда – неудержимое влечение современных народов к большевизму... Большевизм не есть что-то случайное и внешнее,

¹ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 291–292.

это какая-то роковая болезнь, которая таится в крови народов... В большевизме стал явным тот «образ звериный», который уже задолго до войны жил в душе народов, вынашивался всею жизнью современного государства. Тут перед нами обнажается провал мировой культуры... Большевизм – Немезида современной культуры, обнажение таившейся в ней темной силы зла»². Следы «роковой болезни» были заметны уже в августе 1914 г. Но даже те, кто их уловил, предпочли их интерпретировать в совсем ином – национально-оптимистическом – духе. Некоторые современные историки готовы бездумно следовать их примеру.

По большому счету «война империй» была призвана консолидировать нации на новой – общегражданской – основе, парализовав дезинтеграционные тенденции. В полной мере добиться этого ни одной из европейских стран не удалось. Что касается России, то здесь бывшие либеральные и социалистические ожидания провалились полностью. Символом краха надежд стала революция, также «провалившаяся» в своих интернационалистских основаниях.

Во всяком граждански недоразвитом обществе «коммуникативный разум» подавляется своего рода «коммуникативным инстинктом» – пугливым, подозрительным и истеричным, до поры, до времени притаившемся в подсознании народов. Если вспомнить Н. Бердяева, в людях просыпается «вечно бабье». Но из поклонения перед идолом «отеческой» государственности мог родиться скорее «бабий бунт», масштабным подобием которого и стала революция. Не случайно она началась на истерической ноте в Феврале и закончилось после Октября чисто женским смирением перед нерассуждающей силой большевизированных толп. И тот же самый синдром сказывается на нашем нервном восприятии военно-революционного прошлого. Ибо бессилие перед нынешней властью неизбежно оборачивается неспособностью понять свою собственную историю.

XX век показал, что «прогресс демократии» не дает гарантий от появления «дурака на троне». Скорее наоборот. «Дарованная» демократия – та самая, которой пытался облагодетельствовать народы этос Просвещения, – провоцирует «бегство от свободы» к «своему» диктатору. Выяснилось также, что «сытые» нации предпочитают легитимных гарантов стабильности, а «обделенные» народы – агрессивного, своевольного и злопамятного «вождя».

Людям хочется верить, что их ведут по жизни умные и сильные – от Бога и Истории – правители, а потому разочарование во власти оказывается столь сильным именно в патерналистски-бюрократических системах, вынужденных думать о домашней «стабильности», а не о «духе времени». Обыденное сознание, особенно если оно теряет свою религиозную составляющую, не способно поверить, что человечество швыряют по жизни силы иного логического поряд-

² Зазубрин В. Я. Два мира. СПб., 2012. С. 46.

ка. «Злая» синергетика истории складывается из обычных людских пороков и страстей, помноженных на неверие в собственные силы и способность творить будущее соответственно старым как мир нравственным заповедям. А потому Клио по-прежнему готова наказывать людей войнами и революциями.

Конспириология – это не просто индикатор общественной дезориентированности. Это своеобразный памятник коллективной глупости эпохи, которая начинает внимать заведомым шарлатанам. И вместе с тем это намек на необходимость тотальной перестройки наших миропредставлений. Ибо замечено, что «простота – хуже воровства».

Российское массовое сознание то ли охотно, то ли равнодушно проглотило «историографическую подсказку» об «украденной победе» в войне, названной Второй Отечественной. Оказывается, у великой державы, два года назад отметившей свое 1150-летие, можно запросто умыкнуть что угодно. Получается, что задним числом можно назначить не только виновника за развязывание войны, но и ответственного за поражение в ней. И если такие вороватые манипуляции с прошлым принимаются обществом, значит, мы вновь рискуем быть наказанными Клио.

История соткана из заблуждений. В той мере, в какой мы неспособны выбраться из их паутины, мы беспомощны перед собственным будущим. А оно живет в нас так же, как живет история.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АРР – Архив русской революции: в 22 т. Берлин, 1921–1927 (М., 1991–1993).

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

ГА РО – Государственный архив Ростовской области

ГА ТО – Государственный архив Тверской области

ДВИАБ – Държавен военноисторически архив Болгарии в Велико Търново

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГИА ДВ – Российский государственный архив Дальнего Востока

ММХАТ – Музей Московского художественного академического театра

НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан

НАФ – Национальный архив Финляндии

ТЦДНИ – Тверской центр документации новейшей истории

ЦГА РУ – Центральный государственный архив Республики Узбекистан

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абросимов В. А. 370
 Аверченко А. Т. 116, 606, 622
 Авксентьев Н. А. 585
 Агапит, епископ 238
 Аджемов М. С. 351
 Адрианов А. А. 285, 288
 Ажинов В. А. 393
 Акимов (Махновец) В. П. 41
 Александр I, российский император 204
 Александр II, российский император 428, 605
 Александр III, российский император 382
 Александр Михайлович, великий князь 12, 144, 412
 Александра Федоровна, российская императрица 72, 389, 394, 408
 Алексеев (Чарноцкий) Г. В. 146
 Алексеев М. В. 45, 193, 396, 397, 402, 410, 427, 450, 453, 518, 565, 580, 581, 593
 Алексинский Д. А. 586
 Алфераки М. 54
 Альбицкий А. Г. 254
 Альтман Н. И. 97
 Амвросий (Гудко В. И.), епископ Сарапульский 268, 502
 Амфитеатров А. В. 91, 586
 Анастасий, епископ 231
 Анастасий (Грибановский А. А.), архиепископ Кишиневский и Хотинский 258, 276, 506-508
 Анастасия Николаевна, великая княжна 72
 Андерсен Х. 74
 Андреев Л. Н. 41, 73, 80, 107, 115, 120, 137, 156, 159, 456, 568, 600
 Андреева М. Ф. 82, 120
 Андрей (Ухтомский А. А.), епископ Уфимский и Мензелинский 272, 275, 500-503, 553, 614
 Андроник (Никольский В. А.), епископ Пермский и Кунгурский 270, 274, 500, 510
 Андроников М. М. 411
 Анзимилов В. А. 111, 353
 Аничков Е. В. 92
 Анненков Ю. П. 97
 Антоний (Храповицкий А. П.), архиепископ Харьковский 98, 148, 230, 246, 247, 249, 250, 252, 267, 269, 506
 Антонин (Грановский А. А.), епископ Владикавказский и Моздокский 268
 Ардов Т. 621
 Арманд И. Ф. 18
 Арсений (Стадницкий А. Г.), архиепископ Новгородский и Старорусский 137
 Арсярилов 109
 Арцыбашев М. П. 673
 Ауэрбах В. А. 684
 Ахматова А. А. 83, 102, 605
 Ахтямов А. 500, 556

Б

- Багратуни Я. Г. 657
 Балк А. П. 440
 Бальмонт К. А. 84, 93, 95, 101, 104, 605
 Барк П. Л. 198, 207, 420, 431
 Бауман Н. Э. 295
 Бауэр Е. Ф. 91
 Баязитов М. С. А. 236, 251, 253

- Бейлис М. М. 81, 149, 150
Белинский В. Г. 81
Белоцерковский И. К. 41
Белый А. (Бугаев Б. Н.) 348, 493, 575, 677, 678
Бельский А. Г. 272
Беляев А. Д. 405
Беляев В. А. 130, 329
Бенуа А. Н. 95, 96, 105, 405, 409, 446, 454, 459, 623, 664-666, 672, 681
Бердяев Н. А. 59, 62, 68, 93, 109, 128, 130, 277, 347, 352, 373, 377, 446, 457, 486, 591, 678, 699
Бернгарди Ф. 29
Берхман Г. Э. 169
Бетман-Гольвег Т. 130
Бехтерев В. М. 104
Билибин И. Я. 72
Бисмарк О. 28, 79, 110, 394
Блажков Н. И. 412
Блейхман И. С. (Солнцев Н.) 583
Блиох И. С. 56, 58
Блок А. А. 19, 83, 92, 103, 607, 678
Бобринский А. А. 71, 250, 395, 447
Богданов А. А. 214
Богданов Б. О. 480, 484, 587
Боголепов М. И. 680
Богословский М. М. 164, 224, 258, 270, 274, 295, 298, 311, 323, 333, 357, 376, 391, 462, 506, 578, 620
Бодрийар А. 227
Божич П. К. 143
Болдырев Д. В. 110
Бонч-Бруевич В. Д. 583
Бочкарева М. Л. 546, 547
Боярский П. М. 422
Брандес Г. 121
Брейдо Г. Е. 370
Брешко-Брешковская Е. К. 572, 592
Брик О. М. 679
Бронзов А. А. 254
Брусилов А. А. 51, 53, 123, 217, 373, 396, 410, 415, 438, 453, 478, 510, 542, 543, 546, 580, 581
Брюсов В. Я. 84, 86-88, 122, 148, 462, 564
Брянский В. Д. 129
Брянчанинов А. Н. 135, 137, 166
Бубнов А. С. 658
Будилович А. 248
Буковецкий А. И. 680
Булгаков В. Ф. 81, 255
Булгаков С. Н. 108, 141, 345
Бунаков (Фондаминский) И. И. 368, 494
Бунин И. А. 86, 329, 694
Бурдуков Н. Ф. 295, 350, 410, 411
Бурлюк Д. Д. 92, 93, 97, 102, 104
Бурцев В. Л. 71, 147, 149, 150, 672
Бухгейм Э. О. 178, 179
Бьюкенен Дж. У. 69, 124, 127, 430, 432, 514
Бюнтинг Н. Г. 222, 245, 425, 474
- ## В
- Ванков С. В. 187, 188, 525
Варнава (Накропин В. А.), архиепископ Тобольский и Сибирский 268, 502
Варнек Т. А. 242
Василенко Н. П. 355
Васнецов А. М. 72, 86, 114
Васнецов В. М. 72, 86, 88, 114, 278
Введенский А. И. 221, 233, 503
Вебер М. 23
Велихов Л. А. 356
Вербицкая А. А. 91, 379
Вердеревский Д. П. 609
Вернадский В. И. 19, 61, 94, 138, 178, 180, 181, 521, 637, 665, 679
Вертинский А. Н. 102, 103
Верховский А. И. 540, 609, 628
Веселовский М. М. 180
Веселовский С. Б. 102, 103
Виламовиц-Мёллендорф У. 34
Вильгельм II, кайзер Германской империи 89, 100, 110, 113, 115, 132, 156, 164, 211, 253, 256, 283, 346, 407, 541
Вильсон В. 25, 371
Виноградов В. А. 329
Виноградов П. Г. 25
Вирен Р. Н. 474
Витте (Лисаневич) М. И. 88
Витте С. Ю. 350, 365, 389
Владимир (Путята В. В.), архиепископ Пензенский 272
Владимир I Святославич (Святой) 132
Власов-Окский Н. С. 603, 604
Воейков В. Н. 74
Волконская О. П. 88
Волконский С. С. 454
Волошин М. А. 37, 40, 104, 126, 162, 174, 486

Волошина Е. О. 126, 162
Востоков В. И. 243, 269, 274, 301, 502, 615
Восторгов И. И. 168, 173, 229, 231, 246, 266, 269, 275, 276, 289, 319, 381, 408, 458, 460, 499
Врангель Н. Н. 89, 95, 96, 167
Врангель П. Н. 95, 475
Второв П. 604
Вырубова А. А. 408, 411
Высоцкий Н. Г. 274
Вышеславцев Б. П. 353
Вышнеградский А. И. 594
Вязигин А. С. 379

Г

Гавриил Константинович, великий князь 71
Гаджинский М. Г. 564
Гадзятский С. А. 421
Гандурин И. Г. 438
Гардин В. Р. 77
Гауптман Г. 40
Гвоздев К. А. 370, 371, 480
Гендерсен А. 523
Гендриков П. В. 427, 467
Георг V, король Великобритании 103, 306
Гермоген, епископ 500
Гермониус Э. К. 515
Гершензон М. О. 81, 486, 670
Гинденбург П. 100
Гиппиус З. Н. 80, 81, 101, 114, 122, 566, 680
Гнедов В. И. 92
Гобсон Дж. 24, 80
Годнев И. В. 566, 585
Голицын (Муравлин) Д. П. 214, 311, 346, 349, 439
Голицын Н. Д. 424, 427, 428
Головин Н. Н. 418
Голубев И. Я. 170
Голубкина А. С. 88
Гольденвейзер А. Б. 88
Гончарова Н. С. 87
Горемыкин И. Л. 197, 410
Горемыкина А. И. 260
Городецкий С. М. 72, 231, 677
Горчаков А. 136
Горький М. (Пешков А. М.) 18, 73, 86, 102-104, 114, 120, 143, 156, 426, 461, 464, 482, 607, 678

Грейм А. А. 170
Гречанинов А. Т. 88
Григорович И. К. 44, 45, 433
Григорьев Д. Д. 73
Гриневич К. С. 480
Гром К. 37
Громан В. Г. 521
Грузинов А. Е. 128, 641
Грушевский М. С. 138-140, 611
Губер Б. А. 287
Гудков Е. А. 370
Гужон Ю. П. 421
Гулевич А. А. 56
Гумилев Н. С. 84-86, 93
Гурко В. И. 394, 432, 438
Гус Я. 249
Гутоп Г. В. 219, 360, 493
Гучков А. И. 105, 155, 175, 184, 187, 358, 361, 369, 371, 396, 407, 419, 449, 450, 453-455, 468, 475, 477, 492, 513, 524, 525, 540, 542, 562, 565, 594
Гэтрел П. 396

Д

Дальский М. В. 91
Дан Ф. И. 484, 485, 587, 588
Данилов Ю. Н. 45, 157
Даттан А. В. 119, 120
Дейо Л. 87
Делянов П. И. 424
Деникин А. И. 246, 508, 581
Джафаров М. Ю. 338
Джунковский В. Ф. 140, 153, 425
Дзержинский Ф. Э. 658, 687
Диковский Н. Р. 270, 273
Димитрий (Абашидзе Д. И.), епископ Таврический и Симферопольский 254, 501
Дмитрий I Иванович (Донской) 132
Добровольский Н. А. 427
Добровольский С. К. 45
Довбор-Мусницкий И. Р. 438
Доржиев А. 509
Дорошевич В. М. 288, 562, 623
Достоевский Ф. М. 115
Дробыш Т. М. 139
Друцкой-Соколинский В. А. 361
Дубенский Д. Н. 451
Думерг Г. 432
Дурново П. Н. 28, 132
Дусинский И. И. 54, 129, 137

Духонин Н. Н. 667
Дюркгейм Э. 23
Дюшен С. П. 177

Е

Евлогий (Георгиевский В. С.), митрополит 223, 227, 249, 250, 262, 271, 505, 621
Евсевский А. А. 256
Евсеев И. Т. 271
Едрихин (Вандам) А. Е. 53
Екатерина II, российская императрица 381, 458
Елизавета I, российская императрица 29
Елизавета Федоровна, великая княгиня 287
Елховский С. Е. 508
Ермоленко Д. С. 586, 587
Ермолова М. Н. 88
Ермольев И. Н. 165
Есенин С. А. 72, 624
Ефремов И. Н. 431, 585
Ефремов Ф. Г. 381

Ж

Жанна д'Арк 122
Жданов А. А. 425
Жебровский В. А. 60
Жевахов 382
Жилинский Я. Г. 66, 168, 169
Жилкин И. В. 66
Житловский С. В. 117
Жиффар П. 30
Жоффри Ж. 123, 438
Жуковский В. В. 180

З

Завойко В. С. 597
Зак С. С. 668
Залевски М. 31, 34
Залуцкий П. А. 481
Замысловский Г. Г. 361
Замятин Е. И. 679, 680
Зарудный А. С. 120, 585
Засулич В. И. 461, 680
Зверев Н. А. 63
Зверев П. М. 272
Звонарев Б. Н. 353
Здеховский М. 134

Зилоти А. И. 104
Зиновьев Г. Е. 583
Зомбарт В. 35, 36
Зубов В. П. 681

И

Иван I Данилович (Калита) 132
Иван IV Васильевич (Грозный), русский царь 94
Иванов Н. И. 450
Иванов-Разумник Р. В. 388, 575, 666, 677, 678
Игорь Константинович, великий князь 71
Изгоев А. С. 354
Ильин И. А. 64, 81, 109, 116, 160, 354, 494, 495, 591, 641
Иннокентий (Левизор И.), иеромонах 257
Иннокентий, епископ Херсонский 222
Ипатьев В. Н. 191, 683

К

Каледин А. М. 593
Калмаков Н. К. 87-105
Каменев Л. Б. 365, 561
Каменка Б. А. 594
Каменский В. В. 102
Каминский С. В. 145
Камков Б. Д. 366
Кандинский В. В. 97
Кант И. 36, 105, 107-110
Караулов М. А. 71, 689
Карахан Л. М. 695
Карпинский А. П. 682
Карпинский И. К. 272
Карташев А. В. 80, 585, 614, 615
Кауфман А. А. 110
Кафка Ф. 116
Качалов В. И. 607
Келлер Ф. А. 425
Керенский А. Ф. 149, 150, 271, 305, 326, 357, 365, 368, 386, 391, 392, 402, 426, 447, 449, 453-455, 464-466, 468, 479, 481, 487, 493, 495, 510, 513, 514, 527, 533, 547, 549, 556, 559, 562, 565-569, 572, 574, 580, 581, 585, 588, 591-600, 609, 610, 615, 645, 650, 654-656, 658-661, 667, 678

- Керсновский А. А. 448
Киппер А. А. 112
Кирилл (Смирнов К. И.), архиепископ Тамбовский и Шацкий 264
Кирилл Владимирович, великий князь 452
Кириллов В. Т. 603, 604
Китченер Г. 603
Кишкин 596
Климович Е. К. 411
Клюев Н. А. 72
Клюпфель Е. В. 237
Ключевский В. О. 66
Книппер О. Е. 607
Кованько А. М. 58
Козловский И. А. 606
Коковцов В. Н. 350, 415
Кокошкин Ф. Ф. 371, 372, 493, 585, 595
Кольшко И. И. 358, 374, 377, 381, 383, 390, 585
Колюбакин А. М. 354
Комиссаров М. С. 299, 391, 392
Коновалов А. И. 369, 370, 449, 519, 522, 523, 566, 659, 660
Константин Константинович, великий князь 71
Коншин А. В. 185
Кораблев А. 604
Коренева Л. М. 91
Корнилов Л. Г. 468, 543, 544, 546, 591, 593-600, 609, 616, 651, 678
Коровин К. А. 86, 114
Короленко В. Г. 680
Корш Ф. А. 97, 123
Котляревская Е. Н. 56
Котляревский С. А. 56
Кочеткова Л. П. 61, 364
Крамарж К. 37
Красин Л. Б. 587
Кривошеин А. В. 63, 71, 175, 184, 187, 197, 198, 215, 217, 218, 325, 376
Крижанич Ю. 128
Кричинский С. С. 72
Кроль Л. А. 469
Кромвель О. 39
Кропоткин П. А. 114, 163, 367, 496, 535, 536, 592, 683
Кротченко И. Д. 594
Крупенский В. Н. 127
Крупенский Н. Д. 218
Крупн Г. 14, 36, 105-110, 118
Крученых А. Е. 93
Крымов А. М. 468, 475
Крымов Н. П. 88, 396
Крючков К. Ф. 77, 78, 115
Ксюнин А. И. 241
Кудрявский Э. 133
Кузмин М. А. 115, 677
Кузнецов Н. Д. 485
Кузнецов П. В. 87
Кулаковский Ю. А. 131, 414
Куприн А. И. 80, 111, 283, 379
Куракин А. Б. 404
Куракин Б. А. 54
Куропаткин А. Н. 45, 67, 219, 342, 554, 647
Кутлер Н. Н. 529, 594, 680, 685, 686
Кутузов М. И. 76
Кшесинская М. Ф. 88, 377, 378, 560, 624, 625
- Л**
Лаврентьев И. 66
Лавриновский Н. Н. 254
Лансинг Р. 516
Лаппо-Данилевский А. С. 679
Ларионов М. Ф. 155
Лацис М. И. 287
Лебон Г. 443
Левашев С. В. 347, 352
Левицкий Б. А. 660
Ленин (Ульянов) В. И. 18, 66, 141, 266, 317, 364-366, 369, 383, 464, 495, 543, 559-561, 565, 575, 576, 583, 584, 586, 587, 595, 600, 601, 618, 620-627, 633, 635, 644, 657, 659, 660, 663, 665, 667, 669, 679, 688, 692-694
Лентовский В. И. 272
Лентулов А. В. 89, 97, 462
Леонид (Окропиридзе Л. С.), католикос-патриарх Грузии 511
Леонтьев М. Н. 135
Либер (Гольдман) М. И. 484
Лилиенфельд-Тоаль А. П. 76
Линниченко И. А. 137
Ллойд Джордж Д. 198
Логинов И. С. 603, 604
Ломов А. (Оппоков Г. И.) 658
Лопатин Г. А. 71, 461
Лукомский А. С. 595
Луначарский А. В. 622, 666, 678, 679, 681-683
Львов В. Н. 449, 455, 498, 503, 504, 509, 542, 566, 585, 595

Львов Г. Е. 55, 357, 396, 453, 454, 465, 483, 514, 550, 555, 556, 566
Любавин Н. Н. 392
Любарский А. 248
Лютер М. 110, 561
Лютер Р. К. 467

М

Мазе Я. И. 235
Мазепа И. С. 249
Макарий (Гневушев М. В.), епископ Балахнинский, викарий Нижегородской епархии 229, 505
Макарий (Парвицкий-Невский М. А.), митрополит Московский и Коломенский 273, 275, 403, 502
Маклаков В. А. 213, 328, 359, 404, 405
Маклаков Н. А. 72, 197, 295, 347, 350, 403
Маковский А. В. 115
Маковский С. К. 96, 679
Максакова М. Е. 88
Малевич К. С. 89
Малиновский Р. В. 362
Манасевич-Мануйлов И. Ф. 393, 411
Маниковский А. А. 178, 192, 310
Манн Т. 36
Мансырев С. П. 71
Мануйлов А. А. 566, 585
Маринетти Ф. Т. 93
Мария Николаевна, великая княжна 72
Мария Павловна, великая княгиня 286
Марков Н. Е. 127, 345, 350-352, 391, 392
Маркс К. 11, 362, 698
Марр Н. Я. 683
Мартов (Цедербаум) Ю. О. 366, 484, 495
Матвеев А. 78
Матвеев В. Н. (Март В.) 605
Машков И. И. 89
Маяковский В. В. 85, 89, 92-94, 102, 103, 679
Мейерхольд В. Э. 679
Мельгунов С. П. 163, 296, 413
Мельников А. И. 89, 123, 373, 375
Меньшиков М. О. 237, 238
Мережковский Д. С. 102, 115, 166, 266, 405, 559, 566, 680
Меркуров С. Д. 86, 114

Мефодий (Красноперов М. П.), епископ Петропавловский 510
Мигулин П. П. 391
Мильтнер А. 429-432
Милоуков П. Н. 18, 131, 136, 139, 144, 148, 157, 177, 219, 253, 271, 277, 282, 346-348, 351, 353, 354, 356-359, 361, 365, 371, 389-391, 393, 407, 415, 419, 426, 433, 449, 452, 454, 466, 476, 487, 492, 512-515, 517, 521, 542, 555, 561-565, 586, 594, 596, 599, 610, 657
Милютин В. П. 658
Минин К. 576
Митрофан (Симашкевич М. В.), архиепископ Пензенский и Саранский 264
Михаил Александрович, великий князь 451, 452
Михайловский Н. Г. 86
Михельсон А. А. 516
Мольтке Х. Младший 29
Моор Д. (Орлов Д. С.) 89
Морозова М. К. 110
Москвин И. М. 607
Мосолов А. И. 231
Мошков В. А. 284
Мрозовский И. И. 212
Муравьев М. А. 691
Муретов Д. Д. 403
Мчедлов В. Л. 82
Мышлаевский А. З. 193, 540
Мятлев В. П. 127, 381, 383

Н

Набоков В. Д. 103, 567
Назарий (Кириллов Н. Я.), архиепископ Херсонский и Одесский 168, 316
Наполеон Бонапарт 24, 414, 580
Натансон М. А. 366
Неведомский М. (Миклашевский М. П.) 680
Нежданова А. В. 88
Неженцев М. О. 543
Незлобин К. Н. 104
Некрасов Н. В. 281, 351, 356, 357, 411, 424, 449, 494, 525, 566, 585, 592, 596, 631
Немерцалов В. И. 278
Немирович-Данченко В. И. 90, 103, 463, 486

Ненюков Д. В. 418, 429, 478
Нератов А. А. 167
Нестеров М. В. 86, 88, 104
Нестеров Н. М. 72
Никитин А. М. 585, 609
Никитин В. Н. 123, 660, 665
Никола I Петрович, король Черно-
гории 123
Николай I, российский император
204, 458
Николай II, российский император
17, 75, 82, 104, 129, 142, 149, 204,
236, 238, 352, 368, 382, 385, 389,
393, 397, 398, 400, 403, 404, 406,
408, 410, 411, 414, 415, 424-426,
428, 429, 432, 450-454, 482, 500
Николай Николаевич, великий
князь 45, 51, 75, 115, 123, 130, 132,
135, 204, 286, 288, 338, 385, 389,
396, 410, 450, 453
Николай П. Н. 256
Никольский Б. В. 473, 660, 681
Никольский О. М. 239
Никон (Бессонов Н. Н.), епископ
Енисейский и Красноярский 148,
500, 501
Никон (Рождественский Н. И.), ар-
хиепископ Вологодский и Тотем-
ский 228, 243, 257, 262
Никонов А. А. 355
Нилов К. Д. 411
Ницше Ф. 25, 26, 36, 16
Новгородцев П. И. 613
Новиков И. А. 402, 486
Новицкий Ф. Ф. 240
Ногин В. П. 658
Нокс А. 656

О

Оберучева А. Д. 240, 248
Оболенский Д. А. 255, 467
Озеров И. Х. 57, 59, 60, 68, 175-178,
206, 630, 680
Околович К. М. 272
Окунев 160
Ольга Константиновна, великая
княжна 72
Ольга Николаевна, великая княжна
95
Ольденбург С. Ф. 90, 218, 219, 464,
585, 679, 682
Орехов М. Д. 630

Орешин П. В. 606
Орешников А. В. 87, 205, 287, 297,
376, 457
Остроумов С. И. 265
Остроумова А. П. 464

П

Павел I, российский император 407,
666
Палеолог М. 432
Пальчинский П. И. 519, 660
Панина С. В. 449
Панчулидзе С. А. 154
Пасхалов К. Н. 207, 213, 346, 352,
393, 403
Пеги Ш. 87
Переверзев П. Н. 566, 565
Перетц В. Н. 138
Першин П. Н. 682
Петлюра С. В. 138, 139
Петр I Карагеоргиевич, король Сер-
бии 123
Петр I, российский император 226,
381
Петров П. П. 67
Петров-Водкин К. С. 72, 606
Петровский Г. И. 305, 363, 364, 454,
467, 695
Петрункевич И. И. 132
Пешехонов А. В. 566, 585
Пилсудский Ю. 133
Питирим (Окнов П. В.), митрополит
Петроградский и Ладужский 267,
274, 276, 278, 403, 498, 502
Платон (Рождественский П. М.), эк-
зарх кавказский 510, 511
Платонов С. Ф. 679
Плеханов Г. В. 362, 366, 495, 496,
559, 561, 592
Плотников М. 493
Погодин А. Л. 84
Подвойский Н. И. 625
Познанский М. И. 74
Покровский А. И. 614
Покровский Н. Н. 133, 431
Поливанов А. А. 185, 205, 540
Поливанов В. Н. 72
Полковников Г. П. 660
Полонский В. А. 91
Португалов Н. 124
Потресов А. 680
Преображенский Е. А. 364, 376, 378

Принцип Г. 13
 Пришвин М. М. 160, 307, 320, 445,
 454, 459, 463, 495, 607, 612, 642,
 656
 Прозоров А. 78, 99
 Прокопович С. Н. 323, 355, 585, 592,
 629
 Протопопов А. Д. 128, 135, 215, 218,
 299, 325, 352, 382, 394-395
 Проханов И. С. 237
 Пугачев А. А. 151
 Пунин Л. Н. 303
 Пунин Н. Н. 144, 180, 258, 283, 296,
 384, 458, 459
 Пуришкевич В. М. 149, 173, 328,
 346-349, 351-354, 390, 406, 426,
 432, 438, 505, 557
 Пухальский Э. 111
 Пядт Н. 238
 Пяст В. А. 92

Р

Радлов Э. Л. 138
 Раев Н. П. 234, 382
 Разин Степан 94, 623
 Распутин Г. Е. 72, 105, 128, 132, 149,
 222, 227, 244, 258, 268, 269, 274-
 276, 352, 375-378, 381, 383, 384,
 393, 396, 399, 405-408, 410, 411,
 413, 500, 506, 615
 Распутин Д. Г. 72
 Расулзаде М. Э. 554
 Ратенау В. 215
 Раупах Р. Р. 445
 Рахманинов С. В. 115
 Рахманова О. В. 91
 Редигер А. Ф. 302
 Рейснер Л. М. 93, 681
 Ремизов А. М. 72, 678
 Ренненкамф П. К. 66, 123, 161, 386
 Репин И. Е. 101, 462
 Репин Ю. И. 86
 Рерих Н. К. 72, 115
 Рид Д. 663, 664
 Римский-Корсаков А. А. 127, 347
 Риттих А. А. 214, 217, 406, 421, 422
 Родзевич Н. Н. 305
 Родзянко М. В. 55, 169, 203, 253,
 267, 341, 351, 352, 394, 397, 404,
 423, 424, 426, 432, 443, 449, 461,
 548, 607
 Родичев Ф. И. 308, 365

Родэ А. 98
 Рождественский Д. С. 673
 Розанов В. В. 62, 87, 103, 130, 166,
 283, 416, 476, 568
 Розанов Н. П. 56
 Роллан Р. 39-41
 Ронжин С. А. 218
 Ростовцев М. И. 679
 Ротфельдс Х. 31
 Рудич К. Н. 271, 351
 Руднев В. В. 468
 Рузский Н. В. 396, 451
 Русанов А. Н. 217
 Руставели Ш. 95
 Рухлов С. В. 72, 197-199, 204, 211
 Рыков А. И. 561
 Рыслев А. И. 388
 Рябушинский П. П. 180, 203, 369
 Рябцев К. И. 664

С

Сабашников М. В. 122
 Саблер В. К. 72, 197, 227, 230, 234,
 254, 266
 Саблин Н. П. 411
 Савин А. Н. 462
 Савинков Б. В. 122, 124, 367, 596, 597
 Сазонов П. П. 95
 Сазонов С. Д. 44, 69, 71, 126, 466
 Самсонов А. В. 66, 77, 169, 477
 Самсонова Е. П. 380
 Сватковский В. П. 558
 Свердлов Я. М. 658
 Свинхувуд П. Э. 466
 Святополк-Мирский Д. Н. 213
 Северянин И. (Лотарев И. В.) 102,
 103
 Семенов С. А. 669
 Семенов-Тянь-Шанский А. П. 114,
 505
 Семенов-Тянь-Шанский Р. Д. 672
 Серафим (Александров Д. А.), епи-
 скоп Челябинский 168
 Серафим (Чичагов Л. М.), архиепи-
 скоп Тверской и Кашинский 222,
 230, 233, 262, 267, 270, 276, 277,
 398, 502, 505
 Серафимович А. С. 86, 114
 Сербинов П. Д. 412
 Сергей Михайлович, великий князь
 426
 Серебренников И. И. 589

Синицын Д. Ф. 680
Ситроен А. 206
Сиротин Н. 274
Скирмунт Р. А. 550
Скиталец С. Г. 86, 104, 114
Скобелев М. И. 371, 388, 455, 476, 480, 481, 566, 585, 596, 666
Скоропись-Иолтуховский А. Ф. 586, 587
Скрябин А. Н. 96
Скуридина Н. В. 89
Славинский М. А. 611
Слонимская Ю. Л. 95
Снесарев А. Е. 243, 359, 360, 411, 453, 476-478
Собинов Л. В. 171
Соболев М. Н. 591
Соболевский А. И. 84, 414
Соколов Н. Д. 475, 480
Сокольников Г. Я. 695
Сокольский (Ершов) С. А. 82, 131, 166, 377
Соловьев С. М. 507
Сологуб Ф. К. 73, 80, 84, 92, 677, 680
Сомов К. А. 87
Сорокин П. А. 680, 698
Сосунцов Н. 251
Спасский С. Д. 93, 272
Спойлакович М. И. 129
Сталин (Джугашвили) И. В. 561, 625, 627, 657, 658
Станиславский А. М. 272
Стахович М. А. 127
Стеклов В. А. 682
Стеклов Ю. М. (Нахамкис О. М.) 480, 484
Степанов В. А. 585
Степун Ф. А. 105, 173, 245, 455, 484, 485, 496, 513, 540, 575, 584, 596, 606, 622-625, 627, 672, 698
Струве П. Б. 57, 86, 110, 130, 140, 142, 165, 177, 212, 214, 354, 355, 357, 388, 403, 458, 591, 597, 607, 677
Суворин А. С. 172
Суворин Б. А. 254, 377
Суворов А. В. 76
Султанов К. С. 500
Султанов М. Я. 236, 251
Суриков В. И. 88
Сусанин Иван 132
Суханов Н. Н. 475, 481, 484, 485, 560, 564, 567, 583, 601, 662
Сухомлинов В. А. 27, 44, 46, 185, 197,

199, 386, 393
Сухомлинова Е. В. 260
Сухотин П. С. 90, 151, 486
Сытин И. Д. 405

Т

Тальберг Н. Д. 134
Танеев С. И. 96
Таубе М. А. 347
Терегулов Г. Р. 500
Терещенко М. И. 369, 515, 517, 518, 556, 576, 585, 596, 600, 609, 610, 656
Тирпиц А. 14
Титлинов Б. В. 507
Тито И. Б. 13
Тиханович-Савицкий Н. Н. 352, 361
Тихомиров Л. А. 86, 126, 212, 218, 268, 286, 289, 306, 324, 389, 564
Тихон (Беллавин В. И.), митрополит Московский 507, 621, 655
Тищенко В. Е. 191
Толстой А. К. 486
Толстой А. Н. 39, 42, 88, 103
Толстой И. И. 79, 153
Толстой Л. Н. 115, 266, 500
Томас Э. 87
Топчибашев А. М. Б. 654
Травин П. А. 100
Трегубов В. А. 240
Третьяков С. Н. 660
Тройницкий А. Н. 255, 313, 318, 331
Троцкий Л. Д. 366, 455, 495, 567, 584, 586, 600, 612, 622, 624, 626, 627, 657, 665, 679, 692, 693
Трубецкой Г. Н. 129
Трубецкой Е. Н. 116, 141, 156, 214, 353, 382, 395, 591, 613
Трубецкой С. Е. 148
Труфанов С. М. (в монашестве Илиодор) 500
Туляков И. Н. 318
Туманов Г. Н. 453
Туманов С. 529
Тухачевский А. М. 533
Тыркова А. В. 292, 306, 449, 456, 459, 493, 665, 670, 673

У

Укуров Т. Н. 552
Ульянов Г. К. 142, 362

Ухтомский А. А. 63
Уэллс Г. 103

Ф

Фаворский А. Е. 191
Фальк Р. Р. 97
Фалькенхайн Э. 438
Фаминцын А. С. 62, 175
Фатеев А. Н. 147
Федоров В. Г. 51
Федоров Е. С. 62
Федоров М. М. 180
Фельдт В. К. 199
Ферсман А. Е. 521
Фибих Д. В. 114
Фигнер В. Н. 461
Филоненко М. М. 597
Филонов П. Н. 86
Флоренский П. А. 94
Франк С. Л. 109, 388, 458
Франц-Иосиф I, император Австрии, король Венгрии и Чехии 14, 37, 82, 100, 125, 249
Фредерикс В. Б. 385, 414
Френсис Д. Р. 516-518, 563, 610
Френч Д. 123
Фробениус Г. 29

Х

Хабалов С. С. 443-445, 447
Хабельмас Ю. 31
Хабер Ф. 181
Хальбвакс М. 19
Харитонов П. А. 197, 204
Харламов В. А. 402, 465
Хатисов А. И. 396
Хвостов А. Н. 110
Хлебников В. В. 85, 93, 94, 624, 626, 677
Ходасевич В. Ф. 85, 681
Ходнев Д. 443
Хойский Ф. X 554
Холодная В. В. 91
Хомяков Д. А. 346
Хомяков Н. А. 454
Хрусталеv П. А. (Носарь Г. С.) 575, 576

Ц

Цвейг С. 38
Цветаева М. И. 605

Цедербаум С. И. 370
Церетели И. Г. 455, 484, 512, 513, 559, 564, 566, 585, 586
Цехановский Ф. 199
Цуриков А. А. 453

Ч

Чайковский Н. В. 355
Чарская Л. А. 91
Чаянов А. В. 591
Челноков М. В. 149, 357, 392
Челмазов М., протоиерей 230
Череванин Н. (Липкин Ф. А.) 587
Черепанов А. И. 171
Чернов В. М. 366-368, 494, 495, 566, 570-572, 584, 585, 588, 640-642, 644, 654, 672
Чехов А. П. 115
Чижевский А. Л. 94
Чириков Е. Н. 143, 246
Чичерин Г. В. 695
Чичибабин А. Е. 191
Чубринович В. 13
Чуковский К. И. 103, 681
Чулков Г. И. 85
Чупров А. И. 73
Чупурин Н. 231
Чхеидзе Н. С. 265, 362, 369, 371, 391, 392, 401, 431, 449, 455, 480, 481, 484, 495, 560
Чхенкели А. И. 351, 356

Ш

Шавельский Г. И. 224-227, 232, 245, 250, 276, 278, 440, 507, 676
Шагал М. 3. 97
Шаляпин Ф. И. 86, 103, 114, 171, 399, 463, 606, 681, 684
Шаханов Б. А. 552
Шахматов А. А. 679
Шаховской В. Н. 204
Шаховской Д. И. 354-356, 422, 566, 585, 670
Шевелев В. А. 305
Шелер М. 25, 26, 35
Шептицкий А. 249, 498
Шереметев С. Д. 258, 427, 506
Шестов Л. И. 486
Шиллер Ф. 90
Шингарев А. И. 157, 188, 206, 330, 351, 356, 562, 566, 571, 585

- Ширинский-Шихматов А. А. 71, 72, 230, 398
Шкапский О. А. 654
Шкловский В. Б. 92
Шляпников А. Г. 481
Шмелев И. С. 120, 156, 159
Шмитт К. 495
Шницлер А. 111
Штадлер Э. 87
Штейнберг И. З. 493, 541
Штюмер Б. В. 128, 391, 393, 414, 424
Шульгин В. В. 42, 169, 359, 449, 450, 467, 574
Шюсслер В. 30
Ярослав Владимирович (Осмомысл) 132
Ярошинский К. И. 205
Ярушевич Н. 233

Щ

- Щегловитов И. Г. 347, 395
Щербатов Н. Б. 217
Щусев А. В. 72, 88

Э

- Эбелов М. И. 551
Эверт А. Е. 286
Эльцин Б. М. 493
Энгельгардт Б. А. 447
Эренбург И. Г. 85
Эрлих Г. М. 364, 366, 480
Эрн А. А. 81, 359, 406, 410
Эрн В. Ф. 36, 107-110, 129, 141, 217
Эрн Ю. М. 410

Ю

- Южин (Сумбатов) А. И. 125
Юнгер Э. 34, 114
Юон К. Ф. 87
Юренин П. П. 585
Юрьев Ю. М. 104
Юсупов Ф. Ф. 287, 291

Я

- Яковлев Е. И. 424
Якубович В. А. 272
Яновский Д. Г. 335
Янушкевич Н. Н. 44, 215
Ярослав Владимирович (Мудрый) 132

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
Предисловие	
От мифов войны к эмоциям современности	8
Часть I. Война или Россия?	21
Глава 1. Эйфория 1914 года?	23
1.1.1. Европа сошла с ума?	23
1.1.2. Военные «гарантии» победы?	42
1.1.3. В ожидании большой войны	55
1.1.4. Мобилизация общества?	68
1.1.5. Насилие и культура: метания людей творчества	83
Глава 2. Враги и друзья	107
1.2.1. Германия и «немцы»: образ главного врага	107
1.2.2. Антанта: дружественные демократии?	120
1.2.3. «Время славянофильствует»?	128
1.2.4. Патриотизм по-русски	141
1.2.5. Истоки деморализации общества	154
Глава 3. Возможности российской экономики	175
1.3.1. Народное хозяйство в свете тотальной войны	175
1.3.2. Госсектор, частное производство и нужды фронта	182
1.3.3. Финансы, военные расходы и частные доходы	196
1.3.4. Парадоксы продовольственной проблемы	209
Глава 4. Война и коллизии веры	221
1.4.1. Вера и война	221
1.4.2. Патриотическая деятельность духовенства	234
1.4.3. Межконфессиональные взаимопредставления	247

1.4.4. Религиозные настроения на фронте и в тылу	259
1.4.5. Упадок веры?	266
Глава 5. Динамика и очаги социального бунта	280
1.5.1. В поисках виновника	280
1.5.2. Контуры большой смуты	292
1.5.3. Социальный протест в городе	303
1.5.4. Война и деревня	319
1.5.5. Пробуждение окраин?	333
Глава 6. Политика или агония властного начала?	345
1.6.1. Партии, общественность и правительство	345
1.6.2. Пир во время чумы?	372
1.6.3. Призраки измены	385
1.6.4. Винават ли царь?	397
1.6.5. Накануне переворота: низы и верхи	416
 Часть II. Россия или революция?	 435
Глава 7. Февральский переворот	437
2.7.1. Война приходит в столицу империи	437
2.7.2. Антиправительственные силы делают выбор	449
2.7.3. Восторги, надежды и страхи победителей	457
2.7.4. Крушение империи и власть на местах	465
2.7.5. Демократия или армия?	472
Глава 8. Война и демократия	479
2.8.1. Советы: символы и реалии	479
2.8.2. Общественные организации: консолидация демократии?	485
2.8.3. Политические партии: доктрины и возможности	492
2.8.4. Революция и вера	497
Глава 9. Война, экономика, народ	512
2.9.1. Новые внешнеполитические проблемы	512
2.9.2. Хозяйственное положение страны и рабочий вопрос	519
2.9.3. Крестьяне и проблема продовольственного снабжения	532
2.9.4. Солдатская масса: война войне?	538
2.9.5. Революция и народы России	548

Глава 10. Политика и общественность:	
консолидационные и деструктивные процессы	559
2.10.1. Апрельский кризис и провоцирование экстремизма	559
2.10.2. Революционное лидерство и нетерпение масс	566
2.10.3. Советы и вопрос о власти	574
2.10.4. Июльский кризис и провал наступления на фронте	580
2.10.5. Кто звал генерала Корнилова?	590
2.10.6. Революция или культура?	602
Глава 11. Демократия или охлократия?	609
2.11.1. В поисках политической стабильности	609
2.11.2. Церковь, вера, власть	613
2.11.3. Ленин и Троцкий: взгляд из толпы	621
2.11.4. Упадок промышленности и активизация пролетариата	627
2.11.5. Эскалация традиционалистского бунтарства	638
Глава 12. Кровавая дорога к «миру»	656
2.12.1. Большевики идут во власть	656
2.12.2. Учредительное собрание: надежды и разочарования	670
2.12.3. Большевики и культура	677
2.12.4. Бегство сепаратистов?	687
2.12.5. Дорога к Бресту	692
Вместо заключения	697
Список сокращений	701
Указатель имен	702

Научное издание

Булдаков Владимир Прохорович
Леонтьева Татьяна Геннадьевна

ВОЙНА, ПОРОДИВШАЯ РЕВОЛЮЦИЮ

Издатель *Леонид Янович*

Редактор *Ирина Галкова*
Корректор *Ирина Баилай*
Верстка и оригинал-макет *Евгений Янович*
Технический редактор *Евгений Янович*
Обложка *Антонина Байдина*

Налоговая льгота -
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

НП Издательство «Новый хронограф»
Контактный телефон в Москве +7-916-651-3094
по вопросам реализации +7-985-427-9193
E-mail: nkhronograf@mail.ru
Информация об издательстве в Интернете:
<http://www.novhron.info>

Подписано к печати 24. 08. 2015
Формат 70х100/16. Бумага офсетная №1
Печать офсетная. Усл.-печ. л. – 45
Тираж 1500 экз. Заказ № К-4441.

Отпечатано в АО «ИПК "Чувашия",
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

НОВЫЙ ХРОНОГРАФ

9 785948 812922

В 2015 году вышли в свет

**Первая мировая война
и военно-мобилизационные мероприятия
в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье**

Настоящая монография является результатом исследовательской работы авторского коллектива, связанной с влиянием Первой мировой войны на различные сферы жизнедеятельности российского общества. Вскрываются проблемы аграрного плана, возникшие в российской провинции, показывается роль военно-мобилизационных кампаний в трансформациях российских города и деревни, определяются условия возникновения революционного фактора, анализируются изменения в модернизационных процессах под воздействием Великой войны 1914-1918 гг.

Предназначена для преподавателей высших учебных заведений, студентов-историков и всех, кто интересуется историей России.

Давид Мандель

Петроградские рабочие в революциях 1917 года

Пер. с англ.

Редкие исторические события вызывают столько политических страстей, как революции, и никакое суждение о событиях 1917 года в России не провоцирует более сильных возражений, чем утверждение, что это была пролетарская революция. Но настоящее исследование об участии петроградских рабочих в революционном движении в Петрограде, сердце революции, приводит именно к такому выводу, что Русская революция была пролетарской революцией.

В 2015 году вышли в свет

Т. Ю. Красовицкая

**Этнокультурный дискурс в революционном контексте
февраля - октября 1917 года
Стратегии. Структуры. Персонажи**

Автор исследует один из самых сложных периодов революционной истории России, когда на протяжении менее чем одного года в условиях фактического многовластия рождались и апробировались различные формы и структуры власти. Крайне важную роль в этих процессах играли не только центр (Временное правительство, ведущие общероссийские партии и форумы), региональные политические образования, но и самые разнообразные этнополитические организации и их лидеры. Анализируя взаимопересечение этих сил, Т.Ю. Красовицкая обращает внимание не только на обязательные для учета вопросы, которые традиционно присутствуют в работах по истории Февральской революции – партийные программы, тактики и их соперничество, разбуженная самодеятельность регионов, становление структур нового правительства и всеобщий углубляющийся кризис. Она выводит на одно из центральных мест горизонтальные социальные связи и нарождавшиеся институты этнокультурного характера. Их персонификация и историко-психологический ракурс также создают новые исследовательские возможности и позволяют на междисциплинарном уровне рассмотреть, как стремительно менялся революционный дизайн под влиянием новых смыслов, символов и практик, за которыми далеко не всегда поспевали организаторы перестройки общегосударственной системы.

В. Д. Медем

Из моей жизни : воспоминания

Имя автора этой книги незаслуженно забыто. Больше того, в нашей стране и он сам, и плоды его деятельности с момента захвата власти большевиками осознанно преданы забвению и стёрты из памяти людей. Между тем, личность В.Д. Медема, лидера и идеолога Еврейской социал-демократической рабочей партии Бунд, его поступки и вся его жизнь являют собою пример беззаветного служения благородным идеалам человечества в самом высоком смысле этих слов.

Издание этой книги восстанавливает доброе имя В.Д. Медема.